
AD-3
d by inspection, they
tool is a Drill
I.D. of the
engages
2373

ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО ФИЛОЛОГІИ И ЛИНГВИСТИКѢ

ВЪ ЧЕСТЬ

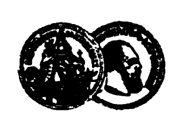
ѲЕОДОРА ЕВГЕНІЕВИЧА КОРША,

ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

МОСКВА.

1896.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
91	12 сн.	*Κάλαμος*	*κάλαμος*
92	13 св.	*Κάλαμος*	*κάλαμος*
95	6 „	видно	вездѣ
99	4 „	ограниченныя	ограничительныя
132	9 сн.	i̯-ă^{0}-	-i̯ă^{0}-
—	5 „	nauvedýs	nauvedỹs
—	3 „	żmogudża, brożludỹs	żmogżudża, brolżudỹs
133	14 св. въ прим.	gosáni-	gos̩án̩i-
—	2 сн. въ прим.	-ă^{0}-: ii̯-	-i̯ă^{0}-: i-
135	20 св.	*-τα-*	*-τα-*
—	13 „	130	128
137	въ прим. 7 прибавить:	См. J. Schmidt, Kritik der Sonantentheorie, 81.	
141	17 св.	-a^{0}nt-	-ă^{0}nt-
144	10 „	къ *α*	къ *ᾱ*
—	21 „	-a^{a}-	-ā^{a}-
146	15 сн.	-a-	-ā-
353	17 св.	virga	virgo

ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ

72654089

СОДЕРЖАНІЕ.

VIRO · INGENII · DOCTRINAEQVE · LAVDE · FLORENTISSIMO

THEODORO KORSCH

PVBLICUM · DOCENDI · MVNVS

PER · XXX · ANNOS

FELICITER · ATQVE · GLORIOSE · CONTINVATVM

GRATVLANTVR

AMICI · COLLEGAE · DISCIPVLI

MDCCCLXVI — MDCCCXCVI

A · D · XI · KAL · SEPT.

КЪ МОРФОЛОГІИ
и
СЕМАСІОЛОГІИ ЛАТИНСКИХЪ ИНФИНИТИВОВЪ.

И. В. Нетушила.

Морфологія флексивныхъ языковъ, представляя собою пеструю смѣсь разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, и много первоначальныхъ синтактическихъ сочетаній, частью уже окаменѣлыхъ, частью еще только окаменѣвающихъ. Эта способность образовать **новые морфологическіе типы путемъ синтактическимъ** обнаруживается въ той или другой мѣрѣ во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, какъ новыхъ, такъ и древнихъ. Переходъ синтактическихъ сочетаній въ область морфологіи особенно нагляденъ въ категоріи глаголовъ. Такъ напр., польское „działałem“ явственно произошло изъ działał jeśm; сербское будущее „убиħу“ = русск. убить + хочу; итал. canterò и франц. chanterai восходятъ къ лат. cantare + habeo; санскр. будущее dātásmi распадается на dātā́ + asmi (Brugmann, Grundriss II, 2, стр. 1263). Этимъ же путемъ возникли, повидимому, и латинскія формы ferē-bam, turbā-bam и слав. несѣ-ахъ, дѣла-ахъ (ib. 1265). Различіе между ferē-bam и пр. съ одной стороны и działałem и пр. — съ другой состоитъ только въ томъ, что для извлеченія составныхъ частей въ послѣднемъ случаѣ въ распоряженіи изслѣдователя имѣется достаточное количество вполнѣ прозрачнаго матеріала, въ то время какъ въ первомъ случаѣ приходится еще отыскивать этотъ матеріалъ и, отыскавъ его, опредѣлять его значеніе, морфологическое и семасіологическое.

Въ объясненіи латинскаго имперфекта сравнительно легко доступенъ самый **суффиксъ-bam**, который является очевидно такимъ же претеритомъ отъ слабой степени корня bhu̯ (такъ что -bam = *bhu̯ām, **Brugmann** l. c. 1267), какъ eram отъ корня es или какъ inquam = *in-squ-a-m отъ корня sequ (= *ἑπ* изъ *σεπ*) въ in-sec-e (= *ἕν-τεπ-ε* изъ **ἕν-σεπ-ε*). Бругманнъ (l. c. 956) причисляетъ эти претериты на -am къ такъ наз. **инъюнктивамъ**, т.-е. такимъ формамъ, которыя встрѣчаются не только въ значеніи изъявительнаго наклоненія прошедшаго времени, но кромѣ того, съ тѣми же окончаніями, и въ смыслѣ повелительнаго, а равно и сослагательнаго наклоненій. И дѣйствительно, то же самое окончаніе -am повторяется и по-латыни въ сослагательномъ наклоненіи: eam, doceam, regam. При этомъ сослагательное e-a-m съ морфологической точки зрѣнія относится къ изъявительному i-t совершенно такъ, какъ имперфектъ er-a-m (= *es-a-m) къ настоящему es-t; подобнымъ образомъ суффиксъ -bam (= *bhu̯-ā-m) отличается отъ сослагательнаго fuam

1*

(= *bhu-ā-m) только степенью корня: bhu̯ и bhu. Бругманновъ инъюнктивъ подтверждаетъ правильность мысли, легшей въ основаніе нашей статьи „Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1891, іюнь, стр. 82), о томъ, что теперешней системѣ индо-европейскаго глагола должно было предшествовать такое состояніе языка, когда не было еще особой категоріи временъ, а были только наклоненія и виды дѣйствія. Морфологія „временъ“ обнаруживаетъ отчасти еще явственные остатки этого доисторическаго состоянія, и къ такимъ остаткамъ и принадлежитъ Бругманновъ инъюнктивъ. Позднѣе всего сложилась морфологія будущаго времени. Послѣднее вырабатывается уже въ историческій періодъ индо-европейскихъ языковъ, и притомъ въ древнѣйшее время главнымъ образомъ на почвѣ сослагательнаго наклоненія („Объ основн. знач.“ стр. 104 сл.; „Аористы“ 198, 203). Сюда же принадлежитъ и латинское будущее на -bo, суффиксъ котораго представляетъ собою такую же формацію рядомъ съ -bam, какъ его рядомъ съ eram; а форма его, по своимъ составнымъ частямъ, вполнѣ аналогична гомерическому сослагательному ἔω изъ *ἔσω. Морфологію суффиксовъ -bam и -bo можно считать такимъ образомъ достаточно ясною.

Труднѣе опредѣлить первую составную часть въ имперф. ferē-bam turbā-bam и буд. turbā-bo. Бругманнъ (Grundr. II, 1265) принимаетъ заключающіяся въ этихъ формахъ основы на -ē и -ā за инструменталы, при чемъ окончаніе -ē онъ производитъ частью отъ именныхъ основъ на -o (ib. 627), частью (напр. въ -plē-bam) отъ основъ на -ē (въ родѣ quiē-s). Предположеніе Бругманна повторяетъ, конечно, и Штольцъ (Hist. Gramm. I, 1, стр. 108). Подобно латинскимъ имперфектамъ на -ēbam и -ābam, Бругманнъ толкуетъ также и слав. имперф. **несѣ-ахъ дѣла-ахъ**, какъ сложеніе формъ творительнаго падежа съ вспомогательнымъ глаголомъ *ēsom. Тотъ же пріемъ примѣненъ Лоренцомъ и къ объясненію германскаго слабаго претерита, въ родѣ salbō-da (Ueber das schwache Praeteritum des Germanischen. 1894). Вмѣстѣ съ тѣмъ Лоренцъ опредѣляетъ и исходную точку всей этой формаціи, находя ее въ области отъименныхъ глаголовъ (стр. 59), и это даетъ на видъ вполнѣ удовлетворительный результатъ, по крайней мѣрѣ, при формахъ, заключающихъ въ себѣ основу на -ā (стр. 23 сл.), такъ какъ, напр., изъ лат. turbā-bam, forā-bam легко извлечь инструменталъ turbā *forā (по 1 склон.). Однако легкость объясненія оказывается чисто морфологическаго характера, въ то время какъ въ семасіологическомъ отношеніи приходилось бы принимать корень bhu (= лат. fu въ fui futurus fuam) въ необычномъ значеніи „дѣлать“ (т.-е. посредствомъ turbā = „смѣшеніемъ“, *forā = „сверленіемъ“). При формахъ на -ēbam присоединяется къ этому также и морфологическое затрудненіе, касающееся объясненія инструментальной формы на -ē отъ основъ на -o. Поэтому Bezzenberger (B. B. XV, 244)

предпочитаетъ видѣть въ этомъ случаѣ дательный падежъ отъ основъ на -ēį; однако семасіологія отъ этого нисколько не выигрываетъ (ср. также Hirt, Ind. Forsch. I, 222 сл.). Въ послѣднемъ отношеніи несравненно лучше толкованіе Штрейтберга (Ind. Forsch. Anz. II, 196 сл.), принимающаго основы на -ē въ лат. legē-bam и слав. несѣ-ахъ за локативы; въ такомъ случаѣ legē-bam = in legendo eram, несѣ-ахъ = in ferendo eram. Однако тогда оказалась бы опять затруднительной морфологія основъ на -ā.

При такихъ условіяхъ возможенъ троякій выходъ: или 1) допустить разныя толкованія для основъ на -ā и для основъ на -ē, или 2) отказаться отъ предвзятой мысли, что въ этихъ формахъ непремѣнно долженъ заключаться какой-либо **определенный** падежъ изъ числа тѣхъ, которые имѣются въ частныхъ индо-европейскихъ языкахъ, или же, наконецъ, 3) оставить совершенно въ сторонѣ предполагаемое **падежное** значеніе этихъ формъ **вообще**. А что по крайней мѣрѣ въ синтактическомъ отношеніи эти формы не могли имѣть значенія какого-либо опредѣленнаго падежа, это видно изъ различія вспомогательныхъ глаголовъ, послужившихъ для образованія соотвѣтствующихъ суффиксовъ въ латинскомъ, славянскомъ и германскомъ претеритѣ: герм. salbō-da заключаетъ въ себѣ тотъ же корень, который имѣется въ греч. *τίθημι* и лат. (ab)-dere со значеніемъ „дѣлать", въ то время какъ лат. amā-bam восходитъ къ корню fu со значеніемъ „дѣлаться", равно какъ и слав. несѣ-ахъ къ корню es „быть". Вмѣстѣ съ тѣмъ это различіе показываетъ, что въ индо-евр. праязыкѣ сочетанія этого рода были въ большомъ ходу. А то обстоятельство, что такія сочетанія не были стѣснены насчетъ выбора того или другого вспомогательнаго глагола, въ свою очередь позволяетъ думать, что основы на -ē и -ā, не имѣя опредѣленнаго падежнаго значенія, составляютъ остатки того состоянія индо-евр. праязыка, когда въ немъ не имѣлось еще позднѣйшихъ категорій падежей. Другими словами: разсматриваемыя здѣсь **основы могутъ быть признаны старинными безпадежными (не склоняемыми) именами или именными инфинитивами** въ смыслѣ теоріи **Людвига** (Der Infinitiv in Veda. 1871), причемъ частное значеніе ихъ можетъ быть даже и неодинаково въ различныхъ языкахъ.

Подъ „инфинитивами" въ этомъ смыслѣ разумѣются не просто формы неопредѣленнаго наклоненія, а общія именныя формы, могшія пріобрѣтать то значеніе падежа, то функцію глагольной формы, въ томъ числѣ и функцію обыкновеннаго неопредѣленнаго наклоненія *). Существованіе такихъ „инфинитивовъ", являющихся параллелью къ Бругмановымъ „инъ-

*) Съ этой точки зрѣнія неопредѣленныя наклоненія, называемыя обыкновенно „**отглагольными** существительными", оказываются скорѣе „**оглаголенными** существительными" (по терминологіи проф. Овсянико-Куликовскаго). Говоримъ объ **именныхъ** инфинитивахъ потому, что глагольная категорія вообще является моложе именной категоріи.

юнктивамъ", необходимо предположить для періода, предшествовавшаго развитію глагольной флексіи. Характеръ такого инфинитива еще въ исторической латыни и сохранили тѣ формы на -ā и -ē, которыя легли въ основаніе имперфекта amā-bam, sedē-bam и буд. amā-bo sedē-bo. Это подтверждается прежде всего употребленіемъ подобныхъ формъ въ соединеніи съ facio и fio (Deecke, Facere und fieri in ihren Compositis mit andern Verba. 1893), каковая формація явственно чувствовалась какъ сочетаніе двухъ словъ, что̀ видно, напр., изъ Лукреціева (6,952) facit ārē вмѣсто are-facit, а также изъ предписанія Присціана (Gramm. lat. II, 402, 10 сл.) объ удареніи; cale fácio, cale fácis, cale fít.

Что же касается спора о томъ, слѣдуетъ ли въ оборотахъ sci-licet и vide-licet принимать формы sci и vide за обычное повелительное или, напротивъ, за инфинитивы, подобные основѣ are въ are facio, то этотъ споръ окажется собственно безпредметнымъ, по крайней мѣрѣ съ морфологической точки зрѣнія, если допустимъ, что и формы повелительнаго наклоненія: amā, mone, audī не что иное, какъ именно тѣ же самые инфинитивы, которые заключаются и въ имперфектѣ: amā-bam, monē-bam, ī-bam. Такое предположеніе освобождаетъ исторію латинскаго языка отъ одного, на первый взглядъ, весьма страннаго явленія. Дѣло въ томъ, что неопредѣленное наклоненіе употребляется также и въ значеніи повелительнаго въ разныхъ индо-евр. языкахъ, какъ древнихъ (въ томъ числѣ въ ведахъ, авестѣ, въ готскомъ и греческомъ, ср. Wagner, Der Gebrauch des imperat. Infinitivs im Griech. 1891), такъ и новыхъ (не исключая даже романскихъ, см. Iolly, Geschichte des Infinitivs im Indogerm. 1873). Въ сравненіи съ этимъ дѣйствительно удивительно, что во всей исторической латыни имѣется всего одинъ только примѣръ *) употребленія обыкновенной формы неопредѣленнаго наклоненія въ значеніи повелительнаго (Val. Flacc. 3, 142: tu socios adhibere sacris). Разгадка этого явленія и будетъ заключаться въ томъ, что и общепринятыя формы латинскаго повелительнаго на -ā, -ē, -ī, (amā, monē, audī), а также на -re (pass. amare) не что иное, какъ инфинитивы, употребляемые въ значеніи повелительнаго наклоненія. Подобно тому, какъ повел. страд. залога 2 мн. на -mini отожествляется съ греческимъ неопредѣленнымъ на *-μεναι* (напр. Stolz, Hist. Gramm. I, 1, 134), также и повелительное страд. залога 2 ед. на -re тожественно съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ дѣйствительнаго залога, въ то время какъ формы: amā! monē! audī! представляютъ собою тѣ же инфинитивы, которые заключаются въ imperf. amā-bam, monē-bam, ī-bam.

*) Не считая, впрочемъ, такихъ мѣстъ, въ которыхъ нѣкоторые комментаторы неправильно принимали форму неопредѣленнаго въ смыслѣ повелительнаго, напр. у Виргилія *Aen.* 2, 349; 707; 3, 405; 7, 126 (см. Maixner de infinitivi usu Vergiliano, Listy filol. IV стр. 179 сл.).

Если это такъ и если формы **повелительнаго**: amā! mone! audī! дѣйствительно формы древняго инфинитива, то изъ этого слѣдуетъ, что не **зачѣмъ** принимать здѣсь **сліяніе гласныхъ**, подобное сліянію въ изъявит. наклоненіи. А такъ какъ прочія формы повелительнаго съ суффиксами -to, -te, -tote, -nto являются лишь результатомъ стремленія къ дифференцированію лицъ первоначально безразличной въ этомъ отношеніи основной формы повелительнаго (см. нашу статью „Нѣсколько вопросовъ изъ морфологіи латинскаго глагола": Ж. М. Н. пр. 1883, ноябрь, стр. 175 сл.), то существованіе предполагаемыхъ неслитныхъ формъ сомнительно вообще для всѣхъ лицъ латинскаго повелительнаго: amā-to произошло не изъ *amaje-to, а непосредственно изъ amā+to. Мало того, даже для греческаго слитнаго спряженія умѣстно будетъ считать искони „слитными" такія формы повелительнаго, какъ: *τίμᾱ, τιμά-τω*, которыя напрасно производятся изъ **τιμαε, *τιμαετω*. Въ моемъ распоряженіи не имѣется въ настоящую минуту соотвѣтствующаго статистическаго матеріала. Однако кажется, что, по крайней мѣрѣ, для глаголовъ на *-άω* и *-όω* врядъ ли найдется много неслитныхъ формъ повелительнаго, въ то время какъ подобныя имъ формы имперфекта несомнѣнно имѣются; примѣры неслитныхъ формъ повелительнаго отъ глаголовъ на *-εω* указаны мнѣ любезно моимъ уважаемымъ коллегою Г. Θ. Шульцемъ (ср. Ф 288). Если же **въ повелительномъ наклоненіи имѣлись искони „слитныя"** формы, то онѣ и могли послужить исходной точкой для установленія категоріи слитныхъ глаголовъ вообще и въ данномъ видѣ въ частности*). Наоборотъ, если въ греч. повелительномъ встрѣчаются также и неслитныя формы, то это въ свою очередь обратное приноровленіе формъ повелительнаго къ неслитному спряженію изъявительнаго наклоненія.

Въ 3 спряженіи имѣется старинная форма собственнаго повелительнаго (однородная по своей формаціи съ звательнымъ падежомъ 2-го склоненія): legĕ! Вслѣдствіе этого форма инфинитива того же 3 спряженія, соотвѣтствующая инфинитивамъ amā, mone, audī, оказалась излишней для категоріи повелительнаго. Эта форма, аналогичная санскр. dṛš-ē, idh-ē, должна была оканчиваться на -ei (ср. **Solmsen**, Der inf. praes. act. Ind. Forsch. IV, 240 сл.), изъ чего и произошло классическое окончаніе неопредѣленнаго страд. залога: legī (ср. **Brugmann**, Grundriss II, 459). Эта же форма заключается и въ архаическомъ inf. pass. на -ier, напр. dicie-r, въ которомъ звукъ e передъ r соотвѣтствуетъ окончанію -ei или ī (подробное объясненіе суффикса -ier см. въ „Залогахъ" стр. 97 сл.; толкованіе Бругманна Grundr. II, 460 болѣе, чѣмъ странно). Сами по

*) Вокализмъ въ лат. amant, docent объясняется удовлетворительно изъ толкованія формы 3 мн. („Нѣсколько вопросовъ" l. c. стр. 202), по которому форма этого лица находится въ морфологической связи съ формой причастія.

себѣ инфинитивы были безразличны въ залоговомъ отношеніи, и еще въ Ригъ-Ведѣ неопредѣленныя типа dṛš-ē имѣютъ безразлично то страдательное, но дѣйствительное значеніе. Въ латинскомъ же языкѣ формы этого типа, оказавшись излишними для категоріи певелительнаго, послужили для залоговой дифференціаціи неопредѣленнаго наклоненія, при чемъ на нихъ сосредоточилось значеніе страд. залога въ отличіе отъ неопредѣленнаго на -re, сохранившаго съ тѣхъ поръ только значеніе дѣйствительнаго залога. Активное значеніе инфинитива legei обнаруживается еще въ основѣ имперфекта 3-го спряженія legē-bam = *legei + bam.

Подобно нашему толкованію формъ повелительнаго 1, 2 и 4 спряженій, Bartholomae (Ind. Forsch. II, 271 сл.) объясняетъ также и санскр. 2 ед. съ суффиксомъ -si въ значеніи сослагательнаго и повелительнаго (напр. jē-ši, dar-ši, mak-si), какъ первоначальную форму неопредѣленнаго наклоненія, тожественную по своей формаціи съ лат. ferre, velle, dare изъ *fer-si, *vel-si, da-si. Рядомъ съ суфиксомъ -rĕ = -sĭ существовали нѣкогда еще формы на -rē (-rei) = -sē, -σαι (Brugmann, Grundr. II, 459). Существованіемъ такихъ параллельныхъ формъ языкъ воспользовался для установленія залоговаго различія между amarĕ и amarī (при чемъ -rī = rei = rē, см. „Залоги", стр. 96) въ 1, 2 и 4 спряженіяхъ, въ то время какъ въ 3 спряженіи, въ которомъ залоговое различіе было обставлено иначе (legere: legī), суфиксы -sĭ и -sē могли употребляться параллельно въ дѣйств. залогѣ; отсюда рядомъ съ -rĕ встрѣчается иногда еще rē, т.-е. -rei, при чемъ vīverē=санскр. gīvá-sē (Bücheler, Grundriss, 2 изд., стр. 120; Solmsen l. c. 250).

Итакъ, формы инфинитива еще на почвѣ латинскаго языка могли нѣкогда употребляться безразлично въ значеніи какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, и притомъ то какъ неопредѣленное наклоненіе, то какъ повелительное. Къ этому присоединяется еще такъ наз. infinitivus historicus, встрѣчающійся, кромѣ латыни, еще только въ литовскомъ языкѣ (Iolly l. c. 178), а по Людвигу и въ Ригъ-Ведѣ (Inf. im Veda § 47; съ нимъ согласенъ Neisser въ Bezz. Beitr. 1894, стр. 75).

Для объясненія конструкціи съ inf. hist. въ прежнія времена пускалось въ ходъ излюбленное тогда средство, эллипсисъ. Такъ, впрочемъ, объяснялъ это дѣло уже Квинтиліанъ (9, 3, 58: cum subtractum verbum aliquod satis ex ceteris intellegitur, ut Caelius in Antonium: „stupere gaudio Graecus"; simul enim auditur „coepit"). На эллипсисѣ глагола coepit настаивалъ еще недавно нѣкто Jaenicke (въ Neue Jahrb. f. Phil. 1895, 2, 134 сл.), пытаясь подкрѣпить это толкованіе ссылкой на такія мѣста у римскихъ авторовъ, гдѣ глаголъ coepit предшествуетъ неопредѣленному или слѣдуетъ за нимъ въ одномъ изъ смежныхъ предложеній (напр. Cic. *Verr.* IV § 33; 66; 75; Sall. *Cat.* 12, 1; 23, 3; 31, 7). Однако подобные примѣры подтверждаютъ лишь ниже изложенное значеніе исто-

рическаго инфинитива въ смыслѣ imperfectum inchoativum. Когда объясненіе посредствомъ эллипсиса было оставлено, то въ этой конструкціи стали усматривать нѣчто въ родѣ небрежности въ рѣчи, объясняя употребленіе inf. hist. поспѣшностью говорящаго въ возбужденномъ состояніи мысли, не позволяющемъ долго думать о выборѣ надлежащей формы сказуемаго (ср. Holtze II, 30; Draeger I, 304; Mohl, De inf. hist. 1878). Но такъ какъ inf. hist. встрѣчается и тогда, когда не имѣется никакихъ признаковъ какого бы то ни было возбужденія, то Reisig (Vorlesungen въ изданіи Шмальца и Ландграфа II, 802) предпочелъ искать источникъ такой поспѣшной небрежности въ рапортахъ римскихъ военачальниковъ, отъ которыхъ употребленіе этой конструкціи проникло де потомъ и въ литературу. Однако Iolly (Geschichte des Inf., стр. 181) опровергаетъ это предположеніе указаніемъ на то, что такое же употребленіе неопредѣленнаго наклоненія существуетъ и въ литовскомъ языкѣ, чтò, по его мнѣнію, доказываетъ, что эта конструкція древнѣе римскихъ военныхъ рапортовъ. При этомъ самъ Iolly придерживается взгляда на inf. hist., какъ на конструкцію, употреблявшуюся въ поспѣшномъ, быстро подвигающемся впередъ разсказѣ; но только причину этого онъ приписываетъ „устремляющемуся впередъ“ дативному значенію неопредѣленнаго наклоненія. Взамѣнъ этого толкованія, яснаго только на словахъ, Шмальцъ въ 1 изд. своего синтаксиса (Handbuch Ивана Мюллера, стр. 254, § 21 пр. 2) производилъ конструкцію inf. hist. отъ финальнаго значенія формы неопредѣленнаго, видя въ ней обозначеніе дѣйствія, къ которому „подлежащее обращается“. Совсѣмъ иначе посмотрѣлъ на это дѣло Wackernagel (Geschichte des inf. hist. въ отчетѣ о засѣданіи 39 съѣзда нѣм. филологовъ, Neue Jahrb. f. Phil. 1888, стр. 148). Примыкая къ сопоставленію у Iolly историческаго неопредѣленнаго съ неопредѣленнымъ въ значеніи повелительнаго, Ваккернагель производитъ inf. hist. отъ императивнаго неопредѣленнаго, при чемъ ссылается на подобное употребленіе повелительнаго наклоненія въ славянскихъ языкахъ. Слѣдуя Ваккернагелю, Шмальцъ во 2 изд. синтаксиса (стр. 403 пр. 1) замѣнилъ прежнее объясненіе производствомъ употребленія inf. hist. отъ повелительнаго значенія неопредѣленнаго наклоненія (чтò, будучи сказано слишкомъ глухо, сильно смутило выше упомянутаго Iaenicke въ Neue Jahrb.). Опять иначе объяснена конструкція съ inf. hist. у Deecke (Erläuterungen, стр. 314): примѣняясь къ принятому теперь объясненію конструкціи acc. c. inf., по которому video eum currere = ich sehe ihn im Laufen (ср. „Падежи“, стр. 95), Deecke принимаетъ то же самое локативное значеніе также и въ inf. hist., однако такъ, что приходится здѣсь предполагать пропускъ вспомогательнаго глагола (erat, erant); такимъ образомъ, напр., фраза: at Romani festinare, parare, obviam ire = aber die Römer [waren] im Eilen, im Rüsten, im Entgegenkommen.

Изъ всѣхъ этихъ толкованій наиболѣе гладкое рѣшеніе даетъ теорія Deecke. Однако, онъ упустилъ изъ виду, что конструкція acc. c. inf. существенно отличается отъ оборота съ inf. hist., тѣмъ что въ послѣднемъ случаѣ формѣ неопредѣленнаго присуща функція полнаго глагольнаго сказуемаго. Кромѣ того, употребленіе этой формы въ значеніи именно прошедшаго времени такъ и остается безъ объясненія. Съ другой стороны, функція историческаго неопредѣленнаго въ качествѣ полнаго сказуемаго несомнѣнно аналогична императивной функціи неопредѣленнаго. Но если Ваккернагель считаетъ послѣднюю функцію древнѣе первой, то для этого не имѣется ровно никакихъ основаній. Напротивъ, принимая во вниманіе архаичное богатство и разнообразіе инфинитивныхъ формъ латинскаго языка, позволяющее сопоставлять его въ этомъ случаѣ даже съ языкомъ Ведъ (Iolly l. c. 179), а также и въ виду того, что исторія языка обнаруживаетъ скорѣе сокращеніе синтактическихъ функцій древнихъ инфинитивовъ, слѣдуетъ признать конструкцію съ inf. hist. столь же древнимъ наслѣдіемъ индо-евр. праязыка, какъ и употребленіе неопредѣленнаго въ смыслѣ повелительнаго. Согласно съ этимъ нужно думать, что inf. hist. есть остатокъ того доисторическаго состоянія языка, когда инфинитивы могли употребляться въ функціи сказуемаго вообще, при чемъ смыслъ прошедшаго времени усматривался изъ контекста, а значеніе повелительнаго изъ восклицательной интонаціи предложенія.

При этомъ, однако, можетъ показаться страннымъ, что въ значеніи inf. hist. употребляется неопредѣленное настоящаго времени, въ то время какъ въ распоряженіи языка имѣется еще и inf. perf. на -sse. Причина этого заключается не въ большей молодости послѣдней формаціи („Aop.", стр. 188 и др.), а въ ея видовомъ значеніи. Дѣло въ томъ, что inf. hist. примѣнимъ только по отношенію къ дѣйствіямъ несовершеннаго вида и притóмъ чаще всего тогда, когда вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣняется и моментъ наступленія такого дѣйствія несовершеннаго вида; это тотъ случай, который по-русски выражается оборотомъ „сталъ" въ соединеніи съ неопредѣленнымъ несов. вида и который можетъ быть обозначаемъ терминомъ: imperfectum inchoativum (для примѣра ср. Verg. *Aen.* 2, 169). Этотъ случай отличается отъ аористическаго perf. inchoativum тѣмъ, что послѣдняя форма отмѣчаетъ только наступленіе дѣйствія („полюбилъ"), въ то время какъ при imperf. inch., кромѣ наступленія дѣйствія, указывается также и на дальнѣйшее развитіе его („сталъ любить"). Такимъ образомъ inf. hist. соотвѣтствуетъ прежде всего имперфекту. Но такъ какъ отъ усмотрѣнія говорящаго зависитъ, желаетъ ли онъ отмѣтить тотъ и другой моментъ, или только одинъ изъ нихъ, то inf. hist. можетъ чередоваться не только съ imperf., но также съ perf. hist. и замѣняющимъ его praes. hist. (см. Maixner. l. c. 171). Къ основному

значенію inf. hist. непосредственно примыкаетъ и употребленіе его для обозначенія повторяющихся дѣйствій (напр. Pl. *Merc.* 46) или дѣйствій, начавшихъ повторяться съ извѣстнаго момента (напр. Verg. *Georg.* 4, 134 сл., см. Maixner 173).

Выше было замѣчено, что Ваккернагель, производя inf. hist. отъ употребленія неопредѣленнаго въ значеніи повелительнаго, ссылается на аналогичное примѣненіе повелительнаго наклоненія въ славянскихъ языкахъ. Тутъ разумѣются обороты въ родѣ слѣдующихъ: „а онъ возьми, да ляпни“; „случись тутъ мухѣ быть“ и т. п. (ср. Буслаевъ, Ист. грамм., 3 изд. стр. 141 пр. 4). Примѣры этого рода, однако, не доказываютъ положенія Ваккернагеля, а свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что и славянское повелительное, по крайней мѣрѣ отчасти, произошло отъ такихъ же инфинитивовъ, какъ и латинское и греческое. Значеніе историческаго претерита не выработалось изъ функціи повелительнаго наклоненія, а напротивъ, сохранилось рядомъ съ нею отъ тѣхъ временъ, когда такія формы не были еще повелительнымъ наклоненіемъ, а только инфинитивами, употреблявшимися, между прочимъ, и въ значеніи повелительнаго. Русскій языкъ въ этомъ случаѣ отличается отъ латинскаго лишь тѣмъ, что по-русски одна и та же форма продолжаетъ примѣняться въ обоихъ значеніяхъ, въ то время какъ по-латыни произошла дифференціація: такъ какъ сфера повелительнаго ограничена была инфинитивами на -ā, -ē, -ī, то значеніе историческаго претерита осталось за тѣми лишь формами, которыя продолжали употребляться въ значеніи неопредѣленнаго, т.-е. за формами на -re.

Въ пользу нашего взгляда на происхожденіе inf. hist. говорятъ нѣкоторые факты, указывающіе на то, что инфинитивы нѣкогда могли употребляться въ функціи глагольнаго сказуемаго еще и въ другихъ случаяхъ, сверхъ повелительнаго и историческаго претерита. Сюда принадлежитъ также употребленіе acc. c. inf. въ восклицаніяхъ, напр. Verg. *Aen.* 1, 27: mene incepto desistere victam nec posse Italia Teucrorum avertere regem? Въ этомъ случаѣ инфинитивъ явственно имѣетъ значеніе футуральнаго сослагательнаго. Винительный въ восклицательномъ acc. c. inf., повидимому, однороденъ съ простымъ винительнымъ восклицанія: heu me miserum (Kühner, Ausf. Gramm. der lat., II, 532). Силлептическое объясненіе, по которому при восклицательномъ acc. c. inf. подразумѣвается какое-либо verbum sentiendi или declarandi, столь же неправдоподобно, какъ и въ соотвѣтствующей этому русской конструкціи съ дат. падежомъ: „мнѣ-ли отказаться отъ моего намѣренія?“ или въ нѣмецкой конструкціи съ именительнымъ: „ich von meinem Vorhaben abstehen?“ Предположеніе Iolly (l. c. 182), что латинскій вин. представляетъ собою позднѣйшую замѣну первоначальнаго именительнаго, сохранившагося будто бы въ нѣмецкой конструкціи, зависитъ отъ пред-

взятой мысли, что подлежащее всегда, спокон вѣковъ, могло выражаться только формою именительнаго падежа. А между тѣмъ есть языки, въ которыхъ подлежащее выражается далеко не всегда такъ, какъ въ индо-европ. синтаксисѣ (ср. напр. языки баскій, тибетскій, гренландскій). Притомъ даже и въ индо-европ. языкахъ именительный падежъ вовсе не составляетъ безусловно необходимаго условія для составленія полнаго предложенія, какъ видно изъ безличныхъ оборотовъ, напр. mihi licet = я смѣю *). Поэтому позволительно считать форму неопредѣленнаго въ восклицательномъ acc. c. inf. за эквивалентъ безличнаго оборота, при которомъ подлежащее стоитъ не въ именит. падежѣ. Предпочтеніе того или другого падежа зависитъ отъ обобщенія одной изъ многихъ возможныхъ конструкцій. Что же касается въ частности нѣмецкаго именительнаго („ich absteheu?"), то на нашъ взглядъ онъ является здѣсь не остаткомъ старины, а напротивъ, позднѣйшимъ нововведеніемъ по типу обыкновеннаго подлежащаго.

Между тѣмъ какъ восклицательныя предложенія съ инфинитивомъ представляютъ собою, повидимому, собственно безличную конструкцію, въ прочихъ предложеніяхъ съ инфинитивомъ, какъ сказуемымъ, подлежащее выражалось обыкновеннымъ способомъ, посредствомъ именительнаго. Таково, напр., предложеніе, указанное изъ Авесты у Іолли (стр. 181), въ которомъ инфинитивное сказуемое имѣетъ тотъ же смыслъ футуральнаго сослагательнаго. Такого же рода и русское повелительное, напр., во фразѣ: „хоть шаромъ покати". Однако въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ условномъ значеніи повелительнаго (напр. „какъ мѣсяцъ ни свѣти" Буслаевъ l. c. 140), конструкція соприкасается съ функціями желательнаго наклоненія, имѣвшаго немаловажное значеніе въ выработкѣ морфологіи славянскаго повелительнаго. Ср. также Od. 7, 311.

Такимъ образомъ мы получаемъ возможность расширить наше положеніе о синтактической роли инфинитивовъ въ слѣдующемъ видѣ: инфинитивы нѣкогда могли употребляться въ значеніи сказуемаго вообще.

Въ нашихъ „Падежахъ" мы пришли къ заключенію, что въ періодъ индо-европ. праязыка было время, когда винит. падежъ представлялъ собою общій косвенный падежъ для дополненія и опредѣленія глагола рядомъ съ именительнымъ, въ то время какъ родительный служилъ для опредѣленія именъ. Когда же рядомъ съ винительнымъ начали вырабатываться частные косвенные падежи, то соотвѣтствующая часть функ-

*) Центромъ всякаго предложенія является сказуемое (все равно глагольное или именное). Напротивъ, подлежащее въ сущности только одно изъ дополненій сказуемаго. Логическая система, орудующая формулой S — P, приноровлена лишь къ одному, хотя, правда, наиболѣе распространенному типу индо-европейскаго предложенія, съ перемѣщеніемъ центра тяжести на подлежащее.

цій винит. падежа равномѣрно сократилась. Тѣмъ не менѣе еще и историческіе представители индо-европ. языка удерживали въ области винит. падежа многія такія конструкціи, въ которыхъ онъ выступаетъ въ роли конкурента частныхъ падежей. Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ области глагола. Также и здѣсь нѣкогда категорія инфинитивовъ служила общей формой для выраженія сказуемаго независимо отъ различія лицъ, наклоненій и временъ. Когда же сложились категоріи этихъ частныхъ отношеній, то соотвѣтствующія части функцій стариннаго инфинитива перешли къ новымъ типамъ глагольнаго сказуемаго. Вслѣдствіе этого старый инфинитивъ постепенно сокращался до размѣровъ позднѣйшаго неопредѣленнаго наклоненія, однако такъ, что, по крайней мѣрѣ отчасти, за послѣднимъ сохранялись еще нѣкоторыя изъ прежнихъ функцій, въ которыхъ инфинитивъ и является конкурентомъ другихъ глагольныхъ формъ. Остаткомъ этого положенія дѣла оказывается, между прочимъ, и латинскій inf. historicus.

Значеніе такого общаго инфинитива можно было бы предполагать и для основъ на ā, -ē, -ī, заключающихся въ латинскомъ imperf. на -bam и будущемъ на -bo, т.-е. суффиксы -bam и -bo, въ качествѣ частныхъ типовъ глагольнаго сказуемаго, можно было бы признать вспомогательными глаголами, лишь поясняющими смыслъ общаго инфинитива (amā, monē, audī), который и самъ по себѣ, безъ -bam, могъ имѣть нѣкогда значеніе претерита, подобно классическому неопредѣленному наклоненію въ значеніи inf. hist. Суффиксъ -bam игралъ бы въ такомъ случаѣ подобную роль, какъ греческое приращеніе, посредствомъ котораго такъ наз. инъюнктиву присвоивается спеціально значеніе претерита. Инъюнктивъ и самъ по себѣ, т.-е. безъ приращенія, могъ служить для обозначенія того же претерита; но между тѣмъ какъ въ этомъ видѣ онъ имѣлъ еще другія значенія (сослаг., повел.), въ соединеніи съ приращеніемъ онъ означаетъ уже только претеритъ. Приращеніе, такимъ образомъ, не причина претеритной функціи данной формы, а напротивъ, только ея экспонентъ. Этимъ и объясняется, почему еще въ историческомъ фазисѣ греческаго языка инъюнктивъ (т.-е. форма безъ приращенія) могъ употребляться въ значеніи претерита наравнѣ съ формами, снабженными приращеніемъ; этимъ объясняется и то, что въ другихъ языкахъ приращеніе могло выйти совсѣмъ изъ употребленія. Подобную роль можно бы приписывать и суффиксу bam. Однако между обоими типами замѣчается существенное различіе: въ то время какъ приращеніе не что иное, какъ просто нарѣчіе, суффиксъ -bam, напротивъ, представляетъ собою формально полное глагольное сказуемое. Если принимать суффиксъ -bam за простое поясненіе смысла общаго инфинитива, то amā-bam разлагалось бы на ama = amare въ значеніи inf. hist. и -bam = „былъ“, а все вмѣстѣ = „лю-

билъ + былъ". Однако, принимая во вниманіе, что -bam = *fu̯-ā-m, будучи образовано отъ слабой степени корня fu, оказывается, повидимому, формой совершеннаго вида и, слѣдовательно, обозначаетъ не „былъ", а „сталъ", нужно думать, что -bam не есть простое объясненіе претеритнаго смысла инфинитива amā. Такимъ образомъ остается только предполагать въ формѣ amā значеніе обыкновеннаго неопредѣленнаго наклоненія, такъ что amā-bam = „любить сталъ я" въ смыслѣ объясненнаго выше imperf. inchoativum. Отсюда это именно значеніе сказывается обратно и въ конструкціи съ inf. hist. Такъ же точно amābo = „любить стану" съ тѣмъ же двойственнымъ оттѣнкомъ видового значенія, вслѣдствіе чего лат. будущее, смотря по обстоятельствамъ, можетъ употребляться въ смыслѣ то одного, то другого вида, въ отличіе отъ fut. II, составляющаго исключительно только форму совершеннаго вида.

Кстати можно замѣтить, что, хотя глагольныя формы, сложныя съ суффиксами, образованными отъ корня fu, встрѣчаются и въ другихъ италійскихъ языкахъ, а также и въ кельтскомъ, однако это обстоятельство не можетъ служить опорой для установленія итало-кельтскаго періода. Сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ между языками кельтской и италійской отраслей, отмѣченное еще Ѳ. Е. Коршемъ въ Ж. М. Н. Пр. въ 70-хъ годахъ, можетъ зависѣть отъ сходства той подпочвы, на которой развивались эти языки; другими словами, это могло зависѣть отъ этнографическаго родства тѣхъ туземныхъ элментовъ, съ которыми индоевропейцы встрѣтились при своемъ епоявленіи въ Галліи и Италіи. Возможность вліянія неарійскихъ автохтоновъ на языки кельтовъ и италиковъ указана была мнѣ тѣмъ же Ѳ. Е. Коршемъ въ 1893 году въ частной бесѣдѣ. Та же мысль лежитъ въ основаніи теоріи о происхожденіи плебеевъ, изложенной въ „Очеркѣ римскихъ госуд. древностей" (I, 5). Въ настоящее время Гиртомъ (въ Indog. Forsch. IV, 36: Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanen) поставленъ на очередь этотъ же вопросъ по отношенію ко всѣмъ индо-европейцамъ.

Весьма затруднительна форма сослагательнаго наклоненія имперфекта: amarem. Одно только очевидно: спеціальное синтактическое значеніе въ качествѣ conj. imperf. обнаруживаетъ явственное позднѣйшее происхожденіе. Поэтому для объясненія этой формы представляется двоякая возможность: или это былъ съ самаго же начала conjunctivus (т.-е. первоначальное сослаг. или желат.), такъ что позднѣйшее нововведеніе состояло только въ пріуроченіи этого сослагательнаго спеціально къ сферѣ имперфекта; или же, напротивъ, это былъ съ самаго же начала имперфектъ, пріобрѣвшій значеніе сослагательнаго только съ теченіемъ времени. А такъ какъ первая возможность мало правдоподобна, какъ по синтактическимъ, такъ въ особенности морфологическимъ соображе-

ніямъ, то приходится предположить, что amarem и amabam были нѣкогда параллельныя формы для обозначенія одного и того же имперфекта; въ такомъ случаѣ распредѣленіе этихъ двухъ формъ по разнымъ наклоненіямъ составляетъ результатъ позднѣйшей дифференціаціи. Первоначальную сферу примѣненія формы amarem въ значеніи позднѣйшаго conj. imperf. можно искать въ ирреальныхъ условныхъ періодахъ, въ которыхъ conj. imperf. всегда составлялъ главную конструкцію, въ то время какъ conj. plusq. является только чѣмъ-то въ родѣ вспомогательнаго дополненія (ср. нашу замѣтку „Ueber die Bedingungssätze" въ Neue Jahrb. f. Phil. 1891, стр. 851 сл.). Изъ значенія кондиціонала развилось потомъ значеніе сослагательнаго вообще. Возможность выработки такого сослагательнаго изъ формъ претерита удостовѣрена аналогичнымъ явленіемъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ сочетаніе „бы... былъ" не что иное, какъ именно претеритъ, получившій значеніе кондиціонала въ соединеніи съ союзомъ „если" (если + бы... былъ) и значеніе сослагательнаго въ соединеніи съ союзомъ „что" („что + бы") и съ относительными словами („кто бы ни"...). Подобнымъ образомъ и въ греч. языкѣ кондиціоналъ состоитъ изъ формы претерита въ соединеніи съ частицей ἄν. Происхожденіе латинскаго conj. imperf. изъ изъявит. наклоненія претерита проводилъ еще Stolz (Zur lat. Verbalflexion, 1882, стр. 37). Однако, если онъ искалъ тамъ связь латинской формы съ сигматическимъ аористомъ (starem = stasm̥ = ἔ-στησα, starent = stasn̥t = ἔ-στησαν), то этому мѣшаютъ не только морфологическія данныя, но еще болѣе семасіологія, такъ какъ пришлось бы допустить смѣшеніе глагольныхъ видовъ, различіе которыхъ является вполнѣ сознательнымъ еще въ исторической латыни (о видовомъ различіи индо-европ. глагола ср. Herbig, Aktionsart und Zeitstufe въ Ind. Forsch. VI и нашу статью „Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ", стр. 84 сл.). Въ виду того, что conj. imperf. есть форма несовершеннаго вида, а также принимая во вниманіе поразительно близкую связь его морфологіи съ неопредѣленнымъ на -re, мы въ правѣ предположить, что amarem не что иное, какъ спрягаемый inf. historicus. Производство conj. imperf. отъ формы неопредѣленнаго предлагалъ еще Fick (см. Stolz у Ивана Мюллера, 2 изд., стр. 375). Если это такъ, то этимъ реабилитируется подвергшееся столь тяжкой опалѣ правило элементарной грамматики, что „conj. imperf. образуется изъ inf. praes. посредствомъ присоединенія личныхъ окончаній (-m, -s, -t и пр)". Превращеніе неспрягаемаго amare въ спрягаемое amarem, amares и пр. не можетъ казаться неправдоподобнымъ, если только будемъ исходить не просто отъ формы неопредѣленнаго наклоненія, а изъ ея синтактическаго употребленія въ значеніи inf. historicus. Въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть здѣсь явленіе, аналогичное съ превращеніемъ не-

склоняемаго obviam въ obvius или несклоняемаго facturum (изъ *factu erom см. Brugmann, Grundriss II, 164, при чемъ форма *erom = esse съ тѣмъ же суффиксомъ, какъ въ осскомъ неопредѣленномъ) въ склоняемое facturum, am, um, т.-е. превращеніе старинной конструкціи: credo ego inimicos meos hoc dicturum (Kühner, Ausf. Gramm., II, 39 сл.) въ классическое: inimicos meos hoc dicturos (съ подразумѣваемымъ esse). Что же касается гласнаго ē, то онъ объясняется тѣмъ же способомъ, какъ и въ dicēbam. Впрочемъ, a priori можно было бы предполагать, что кондиціоналъ amarem произошелъ изъ сочетанія инфинитива съ какой-либо частицей, аналогичной греческому ἄν (напр. amare + em); однако для такого предположенія не имѣется достаточныхъ основаній.

Подобнаго происхожденія также и форма перфекта amā-vi. Какъ imperf. amare-m возникло отъ того, что къ неопредѣленному amare въ значеніи претерита начали присоединяться тѣ же личныя окончанія, которыя имѣлись въ претеритахъ типа eram, такъ и перфектъ amā-vi возникъ, повидимому, изъ перенесенія на инфинитивъ amā перфектнаго суффикса -vi, возникшаго генетическимъ путемъ при корняхъ, оканчивающихся на v (Stolz, Lat. Gramm. у Ив. Мюллера, 2 изд., стр. 371). Возможность примѣненія инфинитива amā, какъ формы несовершеннаго вида, обусловливается близостью категоріи собственнаго перфекта къ настоящему времени (см. „Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ", стр. 103). Инфинитивъ ama такимъ образомъ представляетъ собою ту „основу", самостоятельное существованіе которой предполагалось нами въ „Аористахъ" (стр. 228), гдѣ, хотя и нерѣшительно, намѣчено нами принятое теперь объясненіе суффикса -vi (рядомъ съ несостоятельнымъ производствомъ отъ fui). Умѣстно будетъ упомянуть по этому поводу, что также и нынѣшнее толкованіе суффикса -ui (изъ -ĕui, ŏui) предположено было еще Ѳ. Е. Коршемъ на диспутѣ въ 1883 г. (см. нашу статью „Нѣсколько вопросовъ изъ морфологіи", стр. 211, пр. 2) въ видѣ поправки нашего толкованія, представленнаго въ „Аористахъ" (стр. 236).

„Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно перестраивается заново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ" (Потебня въ началѣ 2 части „Записокъ"). Эти слова знаменитаго языковѣда въ высокой степени приложимы къ морфологіи латинскаго глагола, обнаруживающаго въ составѣ своихъ формъ наслоенія различныхъ эпохъ своего развитія.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

къ

ВАЛЕРІЮ ФЛАККУ И СТАЦІЮ

Г. Э. Зенгера.

2

I.

Val. Fl. 4, 177-80:

> Litore in extremo spelunca apparuit ingens,
> arboribus super et dorso contecta minanti[1]),
> non quae dona deum, non quae trahat aetheris ignem:
> infelix domus et sonitu fremibunda[2]) profundi.

Описывается Нептунова пещера на побережьѣ бебриковъ. Какіе же это дары боговъ, помимо солнечнаго свѣта, поражали въ ней своимъ отсутствіемъ? Воздухъ бывалъ тутъ, конечно, дурной, такъ какъ при входѣ валялись *bracchia — ossaque taetra situ et capitum maestissimus ordo*[3]). Но едва ли неопредѣленное *dona deum* можетъ спеціально указывать на чистый воздухъ. Да и эти разбросанныя части тѣлъ не характеризовали строенія самой *spelunca*: онѣ являлись случайностью, воздухъ же проникалъ *(trahebatur)* въ гротъ, разъ послѣдній находился *litore in extremo* и оглашался бушеваніемъ волнъ.

Peerlkamp[4]) предложилъ читать „dona *die*" (ср. Stat. *Th.* 4, 792), что̀ и принялъ Baehrens. Сомнительно, однако, чтобы употребленіе подобной формы[5]) раціонально приписывалось писателю временъ Флавіевъ, когда поэтическій языкъ допускалъ весьма ограниченное число архаизмовъ[6]). Мы думали о такой редакціи стиха:

> non *Phaethonteum,* non quae trahat aetheris ignem.

---

[1]) Гейнзій: «opinor, *comanti*». Это опровергнулъ Бурманъ, coll. Verg. *A.* 1, 162 sq. Sil. 4, 2. Stat. *Th.* 6, 777 sq. Claud. *Paneg. Pr. et Ol.* 228 sq. Рискованно было бы и «*marmoribus* super et dorso contecta minanti» (о каменныхъ глыбахъ *marmora* Ov. *M.* 6, 812. 7, 790 и т. д.). Aesch. *Pr.* 300, но за *arboribus* говоритъ Verg. *A.* 1,311.

[2]) V(atic. 3277): «remibunda»; исправилъ Гейнзій. Въ P (Vatic. 1613): «tremebunda», что̀ было долго вульгатой.

[3]) v. 182 sq.

[4]) ad Verg. *A.* 1, 636.

[5]) Ср. Georges, *Lex. d. lat. Wortformen* s. l. dies.

[6]) Напр., *faxo, ausim*, рѣдко т. н. парагогическ. инфинитивы (*aliungier* и т. п.). Невозможно у Валерія Флакка *necessum*, что̀ Baehrens вставлялъ 1, 671 въ текстъ: см. ниже.

Ибо основная мысль Перлькамповой догадки вполнѣ правдоподобна [7]). Съ другой стороны, „Phaethon“ въ значеніи „солнца“ встрѣчается и у главныхъ прообразовъ Валерія Флакка [8]), и у него самого [9]), и у его современниковъ [10]). Наконецъ, искаженіе именъ собственныхъ принадлежитъ вѣдь къ наиболѣе обычнымъ особенностямъ рукописнаго преданія [11]). Огромное количество ошибокъ этого рода устранено еще въ эпоху гуманистовъ, но и потомъ издателямъ приходилось не разъ констатировать необходимость аналогичныхъ эмендацій. Остались, естественно, лишь тѣ случаи незамѣченными, когда порча т. ск. замазана, т.-е. текстъ представляетъ внѣшнее подобіе осмысленности, разрушающейся только при внимательномъ анализѣ.

II.

Къ одной категоріи съ разобраннымъ мѣстомъ Валерія Флакка мы бы, напр., причислили еще Stat. *Th.* 5, 17 sqq.:

Hic rursus simili procerum vallante corona
dux Talaionides, antiqua ut forte sub orno

[7]) Сл. 3, 399 sqq.: «tellus *(киммерійцевъ)* Caeruleo tenebrosa situ, quo flammea numquam Sol iuga, sidereos nec mittit Iuppiter (= *aether*) annos» (по Hom. λ 15 sqq.: *οὐδέ ποτ' αὐτοὺς 'Ηέλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν, οὔθ' ὁπότ' ἂν στείχῃσι πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα κτλ.*). Stat. *Th.* 1, 50: «inaspectos caelo radiisque penates». У Вергилія *A.* 8, 195 sq. просто сказано: «(*speluncam Caci*) solis inaccessam radiis; semperque recenti Caede tepebat humus» eqs.

[8]) Apoll. Rh. 3, 245 sq.: *καί μιν* (Абсирта, сына Эета) *Κόλχων υἷες ἐπωνυμίην Φαέθοντα ἔκλεον, οὕνεκα πᾶσι μετέπρεπεν ἠϊθέοισιν,* т.-е. потому, разумѣется, что они его уподобляли солнцу, эпитетомъ котораго это слово и является у Гомера (*Il.* 11, 735. *Od.* 5, 479. 11, 6 приведено выше), Гесіода (*Theog.* 760), Софокла (*El.* 824) и т. д. — Verg. *A.* 5, 105: «Auroram Phaethontis equi — vehebant».

[9]) 3, 213.

[10]) Sil. 10, 110 (ср. 6, 3. 7, 206. 10,540. 11, 369). Stat. *Th.* 4, 716: «Una tamen *(не взирая на засуху)* tacitas, sed iussu numinis, undas (*Pertulerant* Phaethontis equos magnumque laborem!) Haec quoque secreta nutrit Langia sub umbra» (сохраненъ стихъ однимъ Puteaneus, въ которомъ: «Raptarunt»; ожидается именно: «воды этого источника выдержали зной, не изсякли»).

[11]) Въ рук. *Argonaut.* постоянно *Graius* переходитъ въ *gratus*, *Argus* въ *arcus*, *Argis* въ *agris*, *Minyas* въ *mensas*, *Argo* въ *ergo* и т. д. 4,280, вмѣсто «Lapithas aut Paeonas», въ P: «lapis has», а въ V: «poenas»; v. 246, вмѣсто: «visu Minyae», въ VP: «visum in se» и т. п. Но въ V преимущественно спутаны t и th съ *d*, напр. 1, 107: tiryndius. 166: candidus (= Canthus). 167: tynthareusque. 2, 566: donantis (= Tonantis). 573: turica (= Dorica). 4, 187: tymantis (= Dymantis). Встрѣчаются тутъ формы capud, dedissed, tenuissed, inquid, idque (= itque), pondus (= pontus), denditque, cadendum (= cadentum), quod (= quot), ducem (= trucem) и т. д., но также incenthia, tantem (= tandem), atmittere, retdunt и др. Еще отмѣтимъ, что писецъ V прибавляетъ и въ другихъ случаяхъ *a* отъ себя: 1, 735 ascrouibus (= scrobibus). 2, 431 trans itaque (= transitque), 444 sola (= sol) и пр.

stabat, et admoti nixus Polynicis in hastam:
„At tamen, o quaecumque es“ ait, „cui, gloria tanta,
venimus[12]) innumerae fatum debere cohortes
(quem non ipse deum sator aspernetur honorem):
dic age“ eqs.

Намъ кажется, что Стацій написалъ:

Hic *rursum Hypsipylen* procerum vallante[13]) corona,

за что говоритъ весь контекстъ. Когда погибавшее отъ жажды ополченіе семи вождей встрѣтило Θоантиду, то она повела умолявшихъ о помощи къ роднику, при чемъ (4, 797 sq.):

pars cingunt, pars arta plebe[14]) secuntur
praecelerantque *ducem*. *Medium subit illa per agmen* eqs.

Затѣмъ, увидавъ ручей, они бросаются на него безпорядочной толпой. Теперь же, освѣжившись, простые воины построились „in turmas rursus legemque severi Ordinis“ (5, 7 sq.) и продолжаютъ свой маршъ, а предводители остаются пока назади и окружаютъ снова лемнійку, которая, по просьбѣ Адраста, разсказываетъ имъ свои похожденія. Она — естественный центръ образовавшейся группы, тогда какъ союзные полководцы стоятъ, какъ попало, что̀ прямо вытекаетъ изъ словъ: „antiqua ut forte sub orno Stabat (*Адрастъ*) et admoti nixus Polynicis in hastam“. Но далѣе, обращеніе: „o quaecumque es, ait“, очевидно, предполагаетъ, что была названа та, съ которой царь заговорилъ; между тѣмъ въ 16 первыхъ стихахъ 5-ой кн. Hypsipyle ни единымъ намекомъ не упомянута. И развѣ *simili* не совершенно безсодержательный эпитетъ, коль скоро тутъ же сказано особо о *proceres?* Мы, впрочемъ, имѣемъ возможность объяснить себѣ, по какимъ побужденіямъ корректоръ, наткнувшійся на какую-нибудь параграмму, до неузнаваемости калѣчившую подлинное „Hypsipylen“[15]), счелъ наиболѣе вѣроятнымъ измѣненіе ея въ *simili*. Дѣло въ томъ, что

---

12) O. Mueller: «Vovimus — fanum». Послѣднее вѣрно, но такъ какъ въ *vovimus* лежитъ уже понятіе обязательства (debendi), то предпочтительно, пожалуй: *Cedimus* (=concedimus, fatemur. Ср. Bentl. ad Hor. *Epist.* 2,1,67. Съ неопред. накл. *Th.* 1,704 sq.) или *Cernimus (cui* зависѣло бы отъ *debere*).

13) Ср. 6, 132 sq.: «nec Hypsipyle raro subit agmine: vallant Inachidae memores».

14) Стало-быть, непосредственно обступавшіе ее (ducem) не принадлежали къ *plebs*.

15) Имя это подвергается въ рукописяхъ разнообразнѣйшимъ искаженіямъ: въ нѣкоторыхъ спискахъ Овидія и Стація систематически повторяется форма *ysiphile*; у Val. Fl. 2, 352 въ cod. V: *hypsile* со второй надстрочной «y»; затѣмъ попадаются *hisiphile*, *isiphile* и т. п. Ср., м. пр., аппаратъ Беренса къ Prop. 1, 15, 18 sq.—Относительно предположенной элизіи на данномъ мѣстѣ стиха сл. St. *Th.* 4,721: «Cum tristem Hypsipylen». 5, 39. 694. Val. Fl. 2, 400.

4, 808 sqq., рисуя жадность, съ какой изнемогавшіе отъ зноя устремились къ водѣ, Стацій сказалъ:

Incubuere vadis passim discrimine nullo
turba simul primique, nequit secernere mixtos
aequa sitis...
...nec implicitos fluvio reverentia reges
proterere.

Это мѣсто (и, пожалуй, 4, 663) вспомнилъ рецензировавшій текстъ, и конъектуру его („окруженный своими перами") никто не назоветъ вздорной: она только не методична и, къ сожалѣнію, своей призрачной цѣлесообразностью способствовала тому, что исчезли слѣды первоначальнаго чтенія.

III.

Нерѣдко имя собственное менѣе извѣстное передѣлывается при переписываніи въ болѣе популярное, напоминающее лишь нѣсколько по созвучію то названіе, которое слѣдовало воспроизвести[16]). Изъ Валерія Флакка можно, если не ошибаемся, предложить слѣдующій образчикъ (1, 22—5):

Haemoniam primis Pelias frenabat ab annis,
iam gravis et longus populis metus: illius amnes[17])
Ionium quicumque petunt, ille Othryn et Haemum
atque imum felix versabat vomere Olympum.

G. Thilo[18]) замѣчаетъ по поводу настоящихъ стиховъ: „cum... Peliae regnum usque ad Ionium mare et ad Haemi radices pertinuisse dixit, in

---

16) Примѣровъ нечего цитовать въ виду безспорности факта. Никто не сомнѣвается, что у Овидія *am.* 3, 6, 31 Гейнзій возстановилъ подлинное *Xutho* (рукоп. *xantho*, подъ вліяніемъ v. 28), что у Тибулла 2,5,68 sq. преданіе напрасно гласитъ: «*Phoebo grata* quod admonuit, Quasque *Albana* sacras *Tiberis* per flumina sortes Portarit», и что итальянцы (v. 69) и Гушке (v. 68) справедливо тутъ эмендировали: *Phyto Graia* — *Aniena* — *Tiburs*. Есть, конечно, и въ этомъ разрядѣ случаевъ такіе, гдѣ поврежденіе очевидно, а исправленіе не достигнуто. Такъ, множество конъектуръ вызвалъ стихъ Проперція 2, 13, 1: «Non tot Achaemeniis armatur *etrusca* sagittis». Сравнительно недурна прежняя вульгата: «armantur — *Susa*» (ср. Lucan. 2, 49: «Achaemeniis decurrant Medica Susis Agmina»). По формѣ затрудняетъ *Itura* (Pontanus, coll. Verg. *G*. 2, 448) и то, что Housman недавно придумалъ: «*Eruthrā*» (о царѣ Erythras, или Eruthrus, упоминаетъ Curt. 8, 9, 14). Да и къ «Achaemeniis» ни то, ни другое не подходитъ. Мы предпочли бы *Edessa:* имѣлась бы въ виду ея близость къ Каррамъ, а также измѣнническая роль Абгара въ парѳ. походѣ Красса. Въ значеніи «парѳянскій» употреблено «Achaemenius», помимо Лукана l. l., и у Овидія *a. a.* 1, 226.

17) Рукоп.: omnes; исправилъ Sabellicus (Coccio).

18) *Proleg.*, p. XXVIII.

magnitudine eius describenda Valerius ita modum excessit, ut in geographico genere parum curiosus iure meritoque habeatur".

Но, во-первыхъ, что касается Гема, то не одинъ Валерій Флаккъ считаетъ южнымъ продолженіемъ этой цѣпи всю линію горъ, отдѣляющихъ Иллирію и Эпиръ отъ Македоніи и Өессаліи, со включеніемъ, стало, быть, и Пинда. Луканъ, напр., говоритъ, съ одной стороны, о „Haemus *Thracius*" (3, 197 sq.), противополагая даже его обитателей өессалійцамъ (vv. 191 sqq.)[19]), съ другой же, намекая (10, 449) на фарсальскую битву, признаетъ, что Цезарь „*Thessalici* — rupe sub Haemi" не убоялся Помпея[20]). Такимъ же образомъ Сервій, по поводу словъ Вергилія *G.* 2, 488 sq.: „o qui me gelidis convallibus Haemi Sistat!" поясняетъ: „Haemi montis Thessaliae, in qua sunt Tempe".

Во-вторыхъ же, трудно воздержаться отъ подозрѣнія, что за *Ionium* отвѣчаетъ не поэтъ, а невѣрно исправившій поврежденное такъ или иначе выраженіе: illius amnes
Sithonium quicumque petunt, ille Othryn et Haemum
atque imum felix versabat vomere Olympum.

Сиөоніей собственно называлась средняя коса өракійской Халкидики[21]), также болѣе западная *Παλλήνη*[22]), а въ обширномъ смыслѣ у римскихъ поэтовъ — Өракія вообще[23]). Въ обоихъ значеніяхъ упоминаніе ея здѣсь вполнѣ умѣстно. Рѣка *Πηνειός*, напр., какъ бы стремится именно къ Халкидикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Өермейскій заливъ и примыкающія къ нему воды составляютъ часть Өракійскаго моря.

Получается, слѣдовательно, довольно правильное описаніе границъ Өессаліи: Othrys обозначаетъ югъ, Haemus (=Pindus) — западъ, Olympus — сѣверъ, а „Sithonis unda"[24]) — востокъ.

---

19) Cf. 1, 679 sq.: «video Pangaea nivosis Cana iugis latosque Haemi sub rupe Philippos» (Verg. *G.* 1, 490 — 2).

20) Cf. 6, 576: «qua iuga devexus Pharsalica porrigit Haemus». Совершенно умышленный «поэтическій безпорядокъ» имѣется у Лукана 7, 173 sqq. и 478 sqq. Сл. Stat. *Th.* 4, 652 — 5. Sil. 3, 494 sq.

21) Herodot. 7, 122.

22) Дочерью Сиөона именуется *Παλλήνη* у Nonn. *Dionys.* 48, 113 (*Σιθονίς*): cf. 185. 209. 218. 229.

23) Но у римлянъ первоначальная долгота второго слога (Herodot.: *Σιθωνίη*) всюду игнорируется. Ср. Verg. *E.* 10, 66. Hor. *c.* 1, 18, 9. 3, 26, 10. Ov. *Her.* 11, 13. *amor.* 3, 7, 8. *a. a.* 2, 137. *rem.* 605. *met.* 6, 588. 7, 466 (?). 13, 571. *F.* 3, 7, 19. *ex.* P. 4, 7, 25. Stat. *Th.* 3, 287. Nemes. *E.* 4, 51. Впрочемъ, у грековъ, кромѣ указанныхъ текстовъ Нонна, ср. Euphorion. fr. 55, p. 97: *ἀλλὰ ἐ Σιθονίῃ τε καὶ ἐν κνημοῖσιν Ὀλύνθου ἀγρώσσοντα.*

24) Ov. *Her.* 2, 6. Cf. v. 90: «Biştonia — aqua». Но у Валерія пришлось бы отклонить конъектуры: «*Bistonium* quicumque petunt» или «*Mygdoniam*» (Herodot. 7, 123) либо, наконецъ, «*Paeoniam*» (Herodot. 7, 124, Thucyd. 2, 99, 4 coll. Hom. *Il.* 2, 848).

IV.

Бываетъ и такъ, впрочемъ, что, хотя авторъ вообще имени собственнаго не называлъ, таковое все же красуется въ спискахъ, причиняя не мало хлопотъ комментаторамъ. И понятно, что въ этихъ случаяхъ толчокъ къ подобному превращенію исказившагося реченія давало сосѣдство дѣйствительно стоявшаго въ текстѣ nomen proprium, а иногда и многихъ.

У Стація *Th.* 4, 223—8 читается, напр., при перечисленіи мѣстъ, доставившихъ воиновъ для дружины Амфіарая:

Huius Apollineae currum comitantur Amyclae,
Quos Pylos [25]) et dubiis Maleä vitata carinis
Plaudentique habiles Caryae resonare Dianae,
Quos Pharis volucrumque parens Cythereïa Messe,
Taygetique phalanx et oloriferi Eurotae
Dura manus.

Отъ чего зависитъ *quos* въ 224-омъ и 226-омъ стихахъ? Такъ какъ недостаетъ, очевидно, сказуемаго, то Лахманъ предположилъ выпаденіе стиха послѣ „Messe". Но если вспомнить, что „Pylos" тутъ совершенно неумѣстно (ибо находился этотъ городъ не въ Лаконикѣ), да и то, что „Pylii supra v. 125 duce Hippomedonte arma cepisse dicebantur" [26]), то цѣлесообразнѣе, быть можетъ, читать: „Quos *misit* d. Malea v. c." (*Th.* 12, 628. Verg. *A.* 7, 715. 727. 744. Val. Fl. 4, 312. *Sil.* 4, 227. 8, 359. 377 и т.п.) или, напр.:

Quos *tulerat* dubiis Malea vitata carinis.

Ср. Verg. *A.* 3, 42 sq.: „Non me tibi Troia Externum tulit". 11, 285 sq.: „Si duo praeterea talis Idaea tulisset Terra viros". Hor. *S.* 1, 5, 41 sq.: „quales neque candidiores Terra tulit". 2, 2, 92 sq.: „Hos utinam inter Heroas natum tellus me prima tulisset". Ov. *Her.* 1, 87: „Dulichii Samiique et quos tulit alta Zacynthos" и т. п. Относительно plusquamperfectum сл. у Стація немного раньше (v. 215): „quam — Cyllarus — generarat — prolem".

---

[25]) Та́къ Puteaneus (s. X), Bamberg. (s. XI) и часть группы M, изъ которой, однако, Cassellanus (1010 года) и Roffensis (рукоп. брит. музея, X в.) даютъ *piles*.

[26]) Kohlmann, который, принявъ догадку Лахмана о пробѣлѣ, конъицируетъ вдобавокъ: «Quos *Helos* et». Но v. 181 читалось уже: «Quos Helos et» объ элидскомъ *"Ελος*, и едва ли Стацій не дифференцировалъ бы какъ-нибудь лаконское отъ него.

V.

Сюда же должно отнести повидимому Val. Fl. 2, 620 sq.:

stupuitque fragore
Ianus et occiduis regnator montibus Atlans.

Защищаютъ это въ такомъ родѣ: „Ianus“ стоитъ, молъ, въ смыслѣ „Ianiculum“, но и въ значеніи царя Яна, а потому „ad amussim respondet voci *Atlas*, quae pariter nomen est et montis Africae, et principis, quem ferunt in illa regione regnavisse“. Трудно отрицать, однако, что „Ianus“ Яникула никогда не обозначаетъ, и что на римлянъ подобное сопоставленіе послѣдняго съ Атлантомъ произвело бы по существу такое же впечатлѣніе, какъ, положимъ, на москвича фраза: „поразились Воробьевы горы и далекій Казбекъ“.

Гейнзій предложилъ *canus*, что̀ Бентли[27]) оспаривалъ такъ: „ut *canus* sit Atlas, perpetua scilicet nive obsitus..., illa tamen quo pacto coniungi possunt *canus et regnator? Quis* tulerit sic loquentem: *Horatius canus et princeps lyricorum?...* Saltem et illud addidisse oportuit, *in* reponendum esse pro *et*: „Canus in occiduis r. m. A.“... Sed cur sodes unus Atlas fragorem audiebat, ceteri montes Hellesponto propiores surdi erant?“ Бентли рекомендуетъ *Haemus*, но затѣмъ допускаетъ также *Indus*[28]). То-то и есть, что, сдѣлавъ правильное стилистическое возраженіе Гейнзію, онъ далѣе впалъ въ софизмъ, спрашивая, почему одинъ Атлантъ услышалъ шумъ, а болѣе близкія къ катастрофѣ горы были поражены глухотой. Ясно, что авторъ называлъ *крайній* пунктъ, до котораго донесся звукъ: „изумился *даже* Атлантъ“. Есть ли въ такой связи надобность въ поименованіи другихъ, менѣе отдаленныхъ мѣстъ?

Намъ думается, что поэтъ написалъ:

flammifer occiduis regnator montibus Atlans.

Синонимно съ *astrifer*[29]) тотъ же эпитетъ употребленъ 1, 4: „flammifero — Olympo“. Онъ и потому еще подходящъ, что, намекая на многочисленные обороты, въ родѣ *ἀϋτὴ δ'οὐρανὸν ἷκεν, fertur ad astra sonus, fragor astra subit* и т. п., усиливаетъ требуемое представленіе: „и далеко услышали грохотъ, и высоко“.

Измѣненіе не въ такой степени насильственно, какъ можно подумать

[27]) ad Hor. *Epist.* 1, 3, 4. Cf. Haupt, *Opusc.* 3, 94.

[28]) Такъ ужъ Is. Voss. — Withof предпочиталъ *Taurus*.

[29]) «Flammae» о звѣздахъ, напр., Ov. *F.* 5, 165 (о Гіадахъ): «ora micant Tauri *septem* radiantia *flammis*». *T.* 4, 3, 15: «polo fixae — *flammae*» (о Медвѣдицахъ) и т. п.

на первый взглядъ. Исходить должно изъ написанія „flamifer“ [30]). Какъ только *er* перешло въ *et*, дальнѣйшая порча была неизбѣжна: стали въ *amif* искать латинскаго суффикса и окончанія. Добравшись до „*anus*“, получили, однако, „flanus“, что снова поставило въ тупикъ: „lanus“ сохранилось въ P, а V даетъ „осмысленное“ *Ianus*.

VI.

Stat. *Th.* 4, 781—5:

...amico murmure dulces
solatur lacrimas: qualis Berecyntia mater,
dum parvum circa iubet exsultare Tonantem
Curetas trepidos; illi certantia plaudunt
orgia, sed magnis resonat vagitibus Ide.

Hypsipyle старается унять плачъ своего питомца Opheltes, и ея заботливость напоминаетъ поэту разсказъ о младенцѣ Зевсѣ, котораго Рея (тутъ въ обычной миѳокрасіи съ Кибелой) сумѣла уберечь отъ Крона, велѣвъ куретамъ плясать вокругъ ея сына и сопровождать танецъ шумными ударами своихъ мечей по щитамъ [31]), чтобы заглушить дѣтскій крикъ.

Спрашивается, однако, не разрушается ли вся суть сказанія тою редакціей его, которую мы тутъ находимъ у Стація: „illi — plaudunt, sed magnis resonat vagitibus Ide“? Оказывается вѣдь, что куреты своей цѣли не достигли: но въ такомъ случаѣ Кронъ услышалъ бы эти „magni vagitus“ и преспокойно пожралъ бы Зевса.

На этотъ основной недугъ вульгаты обратилъ вниманіе Baehrens, измѣнявшій *sed* на *nec*. Подобный пріемъ эмендаціи, впрочемъ, не удовлетворяетъ, а кромѣ того нельзя, кажется, упускать изъ виду искусственности оборота: „certantia plaudunt orgia“, представляющаго извращеніе Вергиліева: „pedibus plaudunt choreas“ [32]) и далеко превосходящаго тѣ фразеологическія вычуры, которыя себѣ иногда позволяетъ Стацій. При такихъ условіяхъ, возникаетъ предположеніе, не читать ли:

illi *crepitantia* plaudunt
tergora, *sedandis* resonat vagitibus Ide.

Касательно „sedandis“ достаточно привести аналогичныя выраженія Лукреція и Овидія. У перваго сказано 2, 633 sqq.: „Curetas qui Iovis

[30]) Ср. Stat. *S.* 1, 2, 119: «si *flamigeras* (такъ древнѣйшій списокъ съ Sangallensis) fas esset scandere sedes».

[31]) Lucian. *de salt.* 8: *τὰ ξίφη μεταξὺ κροτούντων πρὸς τὰς ἀσπίδας.*

[32]) *A.* 6, 644 (=«отбиваютъ пляску ногами»), что въ свою очередь взято изъ Гомера *ϑ* 264: *πέπληγον δὲ χορὸν ϑεῖον ποσίν.*

illum *Vagitum* in Creta quondam *occultasse* feruntur, Cum pueri circum puerum pernice[33]) chorea Armatei in numerum pulsarent aeribus aera, Ne Saturnus eum malis mandaret adeptus". У второго же читается *F.* 4, 207 sqq.:

Ardua iam dudum resonat tinnitibus Ide,
tutus ut infanti *vagiat* ore puer.
Pars *clupeos* rudibus, galeas pars *tundit* inanes:
hoc Curetes habent, hoc Corybantes opus.
Res latuit patrem, priscique imitamina facti
aera deae comites *raucaque terga* movent.
Cymbala pro galeis, pro scutis tympana pulsant:
tibia dat Phrygios, ut dedit ante, modos.

У Овидія нашлось, слѣдовательно, въ словахъ „raucaque terga" подтвержденіе и для „crepitantia[34]) — tergora". Въ самомъ дѣлѣ, понятно, что разъ „tergora"[35]) перешло въ „terga", а сверху приписали опущенное „or", то „terga" (надъ которымъ — or) легко могли принять за приглашеніе писать „orgia"[36]). Между тѣмъ Стаціемъ, какъ и Овидіемъ, которому онъ здѣсь подражаетъ, изображается не установившійся уже „священный обрядъ" (orgia), а этіологическій миѳъ о его происхожденіи.

VII.

Val. Fl. 4, 85—9:

Thracius at summa sociis e puppe sacerdos
fata deum et miserae solans incommoda vitae
securum numeris agit et medicabile carmen,
quod simul *ac* sumpta[37]) pulsum fide, luctus et irae
et labor et dulces cedunt e pectore nati.

Послѣдній стихъ при непредубѣжденномъ чтеніи производитъ чуть не комическое впечатлѣніе: неужели аргонавты были всѣ такъ обременены дѣтьми (притомъ, надо полагать, несносными, несмотря на *dulces*),

[33]) Этому соотвѣтствуетъ у Стація *trepidos*.

[34]) Verg. *G.* 4, 151: «Curetum sonitus *crepitantiaque* aera». Martial. 9, 20, 7: «Curetes texere Iovem *crepitantibus* armis». Prop. 3, 11, 43: «crepitanti — sistro». Stat. *Th.* 5, 730: «*Tergaque* et aera dei (Діониса) motas *crepuere* per auras» (ср. 8, 221: «Idaeaque terga». *Ach.* 2, 41. 154 sq.). Ov. *M.* 1, 143: «crepitantia concutit arma», Verg. *A.* 12, 332: «Mavors clupeo increpat» (Sil. 12, 684 sq). и т. п. Ужъ не говоримъ о такихъ выраженіяхъ, какъ Sil. 9, 423: «ingentis clipei tonitru».

[35]) О щитѣ, обтянутомъ кожей, напр., Ov. *M.* 13, 347. Martial. 7, 2, 2.

[36]) Неубѣдительно было бы «organa».

[37]) Въ рукоп.: «adsumpta».

что „цѣлительное“ дѣйствіе Орфеевой пѣсни ощущали на себѣ надлежащимъ образомъ, лишь *забывая* съ ея помощью о своемъ злосчастномъ потомствѣ? Комментаторы, поставленные въ необходимость объяснить координацію этихъ „nati“ съ „luctus et irae et labor“, а также примирить „dulces“ съ „cedunt“, придумали, сколько намъ извѣстно, только слѣдующее: „Nil — aliud voluisse videtur poeta, quam tantam fuisse cantus Orphici dulcedinem, ut, qui eum audiret, cuiuscumque doloris, adeoque *desiderii* dulcissimorum liberorum oblitus fuisset“ [38]). Итальянцы же просто интерполировали „dulces — *curae*“. Оба рѣшенія вопроса особенно удачными считаться не могутъ. А потому должно искать чего-либо иного. Намъ приходило на умъ:

luctus et irae
et labor *atq(ue) uices* cedunt e pectore na*u*ti*s*.

Въ соединеніи съ „labor“ слово „vices“ означаетъ, разумѣется, опасности, тяжкія превратности судьбы, рискованныя стороны затѣяннаго похода. Verg. *A.* 2, 432 sqq.: „Testor, in occasu vestro nec *tela* nec ullas Vitavisse *vices,* Danaum et si fata fuissent, Ut caderem meruisse manu“. *Octav.* 479 sq.: „Illum tamen Fortuna iactavit diu Terra marique per *graves belli vices*“.

VIII.

Не менѣе странное сопоставленіе, чѣмъ только что разсмотрѣнное, представляютъ стихи Стація *Th.* 4, 661 sq.

Діонисъ возвращается изъ Θракіи, гдѣ воевалъ два года, водворяя оргіастическій культъ и винодѣліе. Онъ уже приближается къ Θивамъ на своей колесницѣ, притомъ отягченный виномъ. Обстановка его обычная:

...uda mero lambunt retinacula tigres.
Post exsultantes spolia armentalia portant
seminecesque lupos scissasque Mimallones ursas.
Nec [39]) comitatus iners: sunt illic Ira Furorque
et Metus et Virtus et numquam sobrius Ardor [40]):
succiduique gradus et castra simillima regi [41]).

Въ какомъ бы мы смыслѣ ни понимали здѣсь „Virtus“, ея присутствіе шокируетъ въ такой пьяной компаніи. Настоящую „доблесть“ нельзя же

[38]) Wagner.

[39]) «Nunc»?

[40]) Вѣроятно, «похоть».

[41]) Дальше о Діонисѣ сказано, что у него ужъ «ни языкъ, ни мысли не поворачивались» (v. 666).

лишать сознательности въ дѣйствіяхъ, нельзя выводить ее шествующей „съ подкашивающимися ногами[42])". Старинные толкователи это чувствовали, только безъ нужды скрашивали негодность преданія. Подходило бы, кажется:

sunt illic Ira Furorque
et Metus *auertens*[43]) et numquam sobrius Ardor.

Вакхическій страхъ обращаетъ въ такое же безумное бѣгство, какъ паническій. Діонисъ вселяетъ ужасъ, который заставляетъ прятаться въ потемкахъ, бросаться въ море и т. п. Это испытали Миніады, узрѣвшія вдругъ передъ собой быка, льва и пантеру, это же постигло тирренскихъ разбойниковъ, на глазахъ которыхъ юный богъ превратился во льва и *ἄρκτον ἐποίησεν λασιαύχενα, σήματα φαίνων.*

IX.

Прощаясь у Валерія Флакка 2, 409 sqq. съ Іасономъ, Hypsipyle даритъ витязю „chlamydem textosque labores", т.-е. хламиду, на которой она вышила изображеніе того, какъ спасла отца, сцену похищенія Ганимеда и пр.:

Tunc ensem notumque ferens insigne Thoantis: 418
„Accipe" ait „bellis mediaeque ut pulvere pugnae
sim[44]) comes, Aetnaei genitor quae flammea gessit
dona dei, nunc digna tuis adiungier armis.

Мечъ Θоанта выковалъ ему Вулканъ и украсилъ свое произведеніе „извѣстнымъ гербомъ" царя[45]). Такъ ли ужъ извѣстенъ былъ этотъ гербъ римской читавшей и посѣщавшей рецитаціи публикѣ, что достаточно было намекнуть ей на него въ единственномъ мѣстѣ поэмы, гдѣ

---

[42]) Попала она сюда, должно быть, благодаря 7, 51, гдѣ аналогичный энумеративный контекстъ. Ка́къ у Стація олицетворяется Virtus, видно изъ эпизода въ X-ой кн., v. 632 sqq.: «Diva, Iovis solio iuxta comes» eqs. (когда она принимаетъ видъ смертной дѣвушки, о ней сказано 641 sqq.: «Abiit horrorque vigorque Ex oculis, *paulum* decoris permansit honosque Mollior». Вѣроятно же: «*blandum* decoris». Cp. Verg. *g.* 1, 478: «obscurum noctis» и т. п.).

[43]) Cic. *p. Caecina* 12, 33: «terrore — averterit» и т. п. Вспомнимъ прозвища Юпитера: Stator, versor, depulsor, propugnator, сочетанія, въ родѣ deus averruncus, и т. п.

[44]) Heinsius: «sint», но это жестко при «comes». Первое лицо насъ не смущаетъ: это все же *ея* подарокъ Іасону.

[45]) Ибо «ensem notumque — insigne» сказано, какъ выше: «chlamydem textosque labores». Эти *insignia* изображались на рукояткѣ: Бурманъ сличаетъ Val. Max. 1, 8 ext. 9 и отсылаетъ къ Gronov. ad Sen. *Hipp.* 899 sq.

о немъ идетъ рѣчь? И въ манерѣ ли автора выражаться подобными загадками[46])? Не онъ ли только что по поводу Ганимеда, лишь предпославъ слова: „frondosae raptus expresserat Idae“ [47]), рѣшился прибавить „illustremque fugam pueri“, но и тѣмъ не удовольствовавшись, посвятилъ еще три стиха „Phrygio — ministro“? И не это ли *illustremque* породило „notum“? Быть можетъ, мы не въ правѣ заподозрѣвать по такимъ соображеніямъ рукописный текстъ (нелѣпостей или формальныхъ недостатковъ въ немъ тутъ нѣтъ), но простая ли случайность, что столь удобно подставить ожидаемое:

Tunc ensem *uitemque*[48]) ferens, insigne Thoantis.

Изъ леммы къ Anth. Pal. 3, 10 узнается[49]), что въ кизическомъ храмѣ пергамской царицы Аполлониды находился, въ числѣ другихъ *στυλοπινάκια*, анаглифъ, на которомъ были изображены сыновья Гипсипилы, *ἀναγνωριζόμενοι τῇ μητρὶ καὶ τὴν χρυσῆν δεικνύντες ἄμπελον, ὅπερ ἦν αὐτοῖς τοῦ γένους σύμβολον*[50]). Начало разъяснявшей этотъ рельефъ эпиграммы гласитъ:

Φαῖνε, Θόαν[51]), *Βάκχοιο φυτὸν τόδε· ματέρα γάρ σου*
ῥύσῃ τοῦ θανάτου, οἰκέτιν Ὑψιπύλαν.

Комментаторы Валерія Флакка хранятъ глубокое молчаніе насчетъ того, что̀ собственно понимать у него подъ *notum insigne* Θоанта: и однако, если даже не вставлять *vitem* въ текстъ, то разумѣть въ немъ, безъ сомнѣнія, приходится именно ее.

---

[46]) Въ перечнѣ аргонавтовъ онъ не опускаетъ анекдотовъ, относящихся къ изображеніямъ на оружіи: ср. напр., 1, 89 sqq. Правда, тамъ же прибавлено о слѣдующемъ героѣ (v. 402) проблематичное: «Tum caelata *metus alios* gerit arma Eribotes», но здѣсь неопредѣленность допущена потому, что этихъ «metus» самъ авторъ не могъ описать; даже имя даннаго лица было спорно, а о томъ, съ кѣмъ его отожествляли (schol. Apoll. Rh. 1, 78), и Павсанія (5, 17, 10) ничего не зналъ.

[47]) Неосновательно измѣняли *raptus* на *saltus* и *tractus*, принимая «Idae» за родит. падежъ, когда это dativus (= *in* c. abl.), зависящій отъ «expresserat» (ср. Sil. 6, 645: «lateri pendet» и т. п.).

[48]) Burmann; «*Votumque* codex, quem vidi» (но какой это?).

[49]) Ср. C. I. Gr. 8432.

[50]) Объясняется оно, разумѣется, тѣмъ, что отецъ Гипсипилы былъ сыномъ Діониса (послѣдній и помогъ вѣдь внучкѣ спасти царя).

[51]) Это — Θоантъ внукъ.

X.

Зато у Стація *Th.* 5, 725, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ просто возстановить упоминаніе той же лозы. Рисуется намъ самая встрѣча сыновей съ Гипсипилой:

Lemnos ad aures
ut primum dictusque Thoas, per tela manusque
inruerant matremque avidis complexibus ambo
diripiunt flentes alternaque pectora mutant.
Illa velut rupes immoto saxea visu
haeret et expertis non audet credere divis.
Ut vero et[52]) vultus et signa Argoa relictis
ensibus atque umeris amborum intextus Iason,
cesserunt luctus, turbataque munere tanto
corruit, atque alio maduerunt lumina fletu.
Addita signa polo eqs.

Хотя они были похожи на отца, но она ихъ сразу не признала, такъ какъ такое сходство не считала еще непреложнымъ доказательствомъ ихъ личности. Она боится повѣрить своему счастью и требуетъ предъявленія тѣхъ вещественныхъ *signa*, которыя должны формально удостовѣрить ихъ тожество. А могутъ ли тогда *vultus* упоминаться въ ряду подобныхъ „знаковъ"? Можетъ ли, съ другой стороны, при перечисленіи послѣднихъ, быть опущено ея родовое *σύμβολον*, которому въ миѳѣ отводилось тутъ главное мѣсто, и лишь *послѣ* котораго Стацій (или его источникъ) рѣшился бы назвать „signa *Argoa*"? Что авторъ предполагалъ держаться традиціи, видно также изъ слѣдующаго: разсказывая „семи" вождямъ о томъ, что у нея родились отъ Іасона близнецы, Hypsipyle категорически отмѣчаетъ, что одному изъ нихъ дала имя своего отца[53]). Зачѣмъ бы Стацій умолчалъ тутъ объ имени *другого*, если бъ онъ хотѣлъ, чтобы читатель уже въ V-ой кн. считалъ ихъ преимущественно „Іасонидами" [54])? Зачѣмъ поэтъ, если онъ не желалъ напомнить далѣе о легендарной лозѣ, обратился бы (непосредственно

---

[52]) Sandstroem; «ad», но тогда нужно ставить запятую послѣ *fletu,* и *cesserunt corruit maduerunt* стоятъ въ придат. предл. Мы поэтому предположили бы здѣсь скорѣе пробѣлъ (послѣ 726 стиха); см. ниже.

[53]) *Th.* 5, 465: «nomen avi renovo».

[54]) Второй сынъ названъ впервые 6, 343 при описаніи немейскихъ игрищъ: «Ecce et Iasonidae iuvenes, nova gloria matris Hypsipyles, subiere iugo, quo vectus uterque, *Nomen avo gentile Thoas atque omine dictus Euneos Argoo*».

передъ занимающей насъ сценой встрѣчи) къ Діонису съ торжественными словами:

Quis superum tanto solatus funera[55]) voto
pensavit lacrimas inopinaque gaudia maestae
rettulit Hypsipylae? Tu, *gentis conditor* Euhan,
qui geminos iuvenes Lemni de litore vectos
intuleras Nemeae *mirandaque fata parabas*.

Не нужно, наконецъ, забывать сильной зависимости Стація отъ Валерія Флакка во всемъ, что̀ касается лемносскаго эпизода: между тѣмъ въ „Argonautica", по меньшей мѣрѣ, какъ мы видѣли, намекалось на „insigne" Θоанта.

Въ результатѣ полагаемъ, что у Стація нѣкогда читалось:

Ut vero et *vites* et signa Argoa relictis
ensibus atque umeris amborum intextus Iason
‹*firmavere fidem, nec erat dubitabile certum*,›
cesserunt luctus turbataque munere tanto
corruit.

Восполненіе предположеннаго пробѣла, конечно, приблизительное. Множественное число *vites* оправдывается контекстомъ.

XI.

Val. Fl. 1, 134 sqq.:

Hanc[56]) Panope Dotoque soror laetataque fluctu
prosequitur *nudis* pariter Galatea lacertis,
alta[57]) petens: Siculo revocat de litore Cyclops.

Ужъ, конечно, *рукавовъ* Галатея въ этихъ случаяхъ не надѣвала! Но составляло ли это ея особенность? А если нѣтъ, то къ чему „nudis"? Hemsterhuys: „niueis", Baehrens: „nitidis". Но „pariter" не на то наводитъ. Говорилось скорѣе, что на украшавшихъ ладью Argo рисункахъ было, между прочимъ, изображено, какъ Галатея въ свитѣ Θетиды выплываетъ въ открытое море, погружая равномѣрно свои руки въ воду, т.-е.:

prosequitur *tinctis* pariter Galatea lacertis.

---

[55]) Смерть Офельта.
[56]) Θетиду.
[57]) antra libri, *corr. Loehbach*.

XII.

Val. Fl. 1, 147 sq :

nigro Nessus equo fugit acclinisque tapetis
in mediis vacuo condit caput Hippasus auro.

Рѣчь идетъ объ изображенномъ тамъ же побоищѣ на свадьбѣ Пириѳоя: полетѣли уже кратиры и столы; Пилей свирѣпствуетъ копьемъ, Эсонъ мечомъ; Несторъ вскочилъ на кентавра Мониха и сидитъ верхомъ на немъ, Clanis гонится съ факеломъ въ рукѣ за лапиѳомъ Акторомъ, Несъ обращается своимъ воронымъ туловищемъ въ бѣгство, а, „прислонившись къ увѣшанной коврами стѣнѣ, Гиппасъ *посреди прочихъ прячетъ голову въ опорожненномъ золотомъ кубкѣ*". Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? напившись? или со страха? и можетъ ли онъ стоять *in mediis*, если онъ одновременно *acclinis tapetis*[58])? да и мыслимо ли, чтобы кто въ такой суматохѣ оставался никѣмъ не задѣтый, пребывая „in mediis" въ описанной позѣ?

Eyssenhardt: „in *medio fatuum* condit caput H. *antro*". Baehrens: „*intensus vacua* c. c. H. *aura*". Лучше, кажется:

inmani vacuans condit caput Hippasus auro,

что подтверждаетъ стихъ Stat. *Th.* 5,187 sq.: „vacuantque profundo Aurum immane mero"[59]). Cf. Val. Fl. 1, 338. 661.

XIII.

Val. Fl. 1, 170 sqq.: „Nunc forsan grave reris opus; sed laeta recurret Cum ratis et caram cum iam mihi reddet Iolcon, Quis pudor heu nostros tibi tunc audire labores! *Quam* referam visas tua per suspiria gentes!"

Въ P варіантъ „quas". Требуется: „*quae* — tua per suspiria". „Какъ стыдно будетъ тебѣ слушать разсказъ о нашихъ подвигахъ! при какихъ вздохахъ твоихъ я буду повѣствовать о посѣщенныхъ нами народахъ!"

XIV.

Val. Fl. 1, 196 sqq : „Scio me cunctis e gentibus unum Inlicitas temptare vias hiememque mereri: Sed non sponte feror, nec nunc mihi iungere montes Mens *tamen* aut summo deposcere fulmen Olympo".

58) Прежде соединяли *in mediis tapetis:* «лежитъ, погрузившись въ ковры и засунувъ голову въ чашу». Это толкованіе теперь оставлено. Ср. однако 4, 487 и St. *Th.* 5, 208.

59) Verg. *A.* 1, 738 sq.: ille inpiger hausit Spumantem pateram et pleno se proluit auro.

Cod. Harles.: „mens *auet*". Pius: „mens *tumet*". Но не считать ли и это мѣсто однимъ изъ тѣхъ, гдѣ словомъ „tamen" вытѣснено первоначальное *temere*[60])? По поводу гигантовъ и Горацій говоритъ вѣдь: *Vis consili expers mole ruit sua*. Самъ Валерій Флаккъ называетъ Салмонея безумнымъ („furens" 1, 662).

Вотъ у Стація *Th.* 4, 719 sqq. было бы кстати:

Nondum illi[61]) raptus dederat lacrimabile nomen
Archemorus, nec fama deae *tumet*: avia servat
et nemus et fluvium; manet ingens gloria nympham.

Въ кодексахъ: „nec fama deae; tamen avia servat" eqs.

Такимъ же образомъ мы предпочли бы у Стація *Th* 5, 463: „Nec non ipsa *tumens* thalami monumenta coacti Enitor geminos" рукописному чтенію *tamen*. О беременныхъ *tumere* обычное выраженіе.

XV.

Val. Fl. 1, 227 sq.: „Iamdudum Minyas ambage ducemque Terrificat".

Въ V: „minsas (P: mensas) ambige ducumque". Исправлено это (отчасти второю рукой) въ MP. При „Minyas" на поляхъ M(onac.) прибавлено второй рукой для пополненія стиха: „*uates* aut *Mopsus*". Въ кодексѣ Карріона была другая интерполяція: „*longa* Minyas", которая задумана методичнѣе[62]) и побудила Беренса издать: „*inuisa* Minyas". Мы бы не прочь читать:

Iamdudum ‹*insana*› Minyas ambage ducemque
terrificat.

Ср. Verg. *A.* 3, 443: „insanam vatem aspicies". Stat. *Th.* 10, 725 sq: „non si ipse reclusis Comminus ex adytis in me insaniret Apollo" и т. п.

XVI.

Val. Fl. 1, 231 sqq.:

cui genitor[63]) tribuit monitu praenoscere divum
omina[64]), seu flammas seu lubrica comminus exta
seu plenum certis interroget aëra pinnis.

---

[60]) Соединять это ближайшимъ обр. слѣдовало бы тогда съ *deposcere*.

[61]) Нимфѣ источника Langia.

[62]) Но создаетъ тавтологію съ *iamdudum*. Скорѣе ужъ «*flexa* M. ambage» (Stat. *Th.* 4, 645. Pacuv. ap. Non. p. 237).

[63]) Идмону Фебъ.

[64]) Въ P первою рукой «omnia». Мыслимо: «numina» (Verg. *A.* 8, 512. *G.* 4, 7 и т. п.).

Baehrens: „augures non aëra, sed caelum interrogant. itaque .. scribendum est... *interroget aethera*". При болѣе правильной постановкѣ вопроса критикъ оставилъ бы „aëra" въ покоѣ и указалъ бы на подозрительность слова „plenum". Различаются гаданія по пламени жертвеннаго костра, по внутренностямъ закланныхъ животныхъ и по птичьему полету. Но птицы летаютъ не на небѣ, а по воздуху. Во-вторыхъ же, ихъ не такъ много, чтобы можно было говорить о „plenum — aëra pinnis". Удовлетворительный смыслъ представляетъ редакція:

seu *pulsum* certis interroget aëra pinnis.

XVII.

Val. Fl. 1, 561—7: Tunc oculos Aegaea refert *(Зевсъ)* ad caerula, robur Herculeum Ledaeque tuens genus, atque ita fatur: „Tendite in astra, viri: me primum *regia* mundo Iapeti post bella trucis Phlegraeque labores Imposuit: durum vobis iter et grave caeli Institui. Sic ecce meus, sic orbe peracto Liber et expertus terras remeavit Apollo".

Онъ себя самого приводитъ въ примѣръ того, что *подвигами* можно себѣ снискать даже міровое владычество. Приходится, слѣдовательно, понимать „regia" въ смыслѣ „обладанія Олимпомъ"[65]), притомъ, „отвоеваннаго" благодаря побѣдѣ надъ супостатами. Это несомнѣнно жестко. И вдобавокъ остается сомнительнымъ, какъ толковать *primum*[66]). Устранились бы затрудненія, еслибъ читать: Tendite in astra, viri: me primum ‹*lau*›rea mundo Iapeti post bella trucis Phlegraeque labores Imposuit.

XVIII.

Val. Fl. 2, 34 sqq.: „Iamque Hyperionius metas maris urget Hiberi Currus et *euectae* prono laxantur habenae Aethere". Peerlkamp: „emeritae", что безусловно остроумно, а все же какъ-то не убѣждаетъ. Безхитростно и, однако, сносно было бы, кажется: „*auratae*".

XIX.

Val. Fl. 2, 642 sqq.:

non tamen haec adeo semota neque ardua tellus
longaque iam populis impervia lucis Eoae,
cum tales intrasse duces, tot robora cerno.

---

[65]) 1, 668 *regia* сказано о *жилищѣ*, 5, 67 о *власти*.

[66]) Burmann: *frenum*, Köstlin: *privum*. Spitzer (Z. f. d. öst. Gymn. 1895, p. 299) предлагаетъ: „*mea* primum" eqs.

Гейнзій, м. пр., предлагалъ: „non ea tam". Thilo вслѣдъ за другими отвергнулъ это, „quia *lucis eoae* cum *populis* non potest iungi; nam gentibus in oriente habitantibus Cyzici regnum non erat impervium"[67]). Замѣчаніе само по себѣ вѣрно, а тѣмъ не менѣе Гейнзій былъ очень близокъ къ требуемому:

non tamen haec adeo semota neque ardua tellus,
*n*on *(pla)*ga[68]) *t*am populis impervia lucis Eoae,
cum tales eqs.

„Plaga lucis Eoae", какъ Sen. *Oed.* 426: „omnis Eoae plaga vasta terrae".

XX.

Val. Fl. 3, 5 sqq.:

Dant Cererem lectumque pecus nec palmite Bacchum
Bithyno Phrygiove satum, sed quem s u a noto
colle per angustae Lesbos freta suggerit Helles.

Кизичане снабжаютъ аргонавтовъ не плохимъ мѣстнымъ виномъ, а привознымъ, доставляемымъ изъ Лесбоса. Но развѣ Меѳимна платила дань Кизику, была подчинена ему? Самое противопоставленіе азіатскому материку показываетъ, что *sua* невѣрно. Thilo: „*cava*", „quo adposito Lesbi insulae figura non inepte significatur". Естественнѣе было бы:

sed quem *sibi* noto
colle per angustae Lesbos freta suggerit Helles.

Индикативное „suggerit" не служитъ, разумѣется, препятствіемъ.

XXI.

Stat. *Th.* 5, 147 sq.:

Nec varius fremor aut studia in contraria rapti
dissensus ut plebe solet: furor omnibus idem.

Baehrens: „rapta", что̀ Кольманъ принялъ даже въ текстъ. Мы бы читали:

aut studia in contraria rapti
*h*is sensus, ut plebe solet: furor omnibus idem.

---

[67]) Burmann: «Nec loca iam». Thilo: «Regnaque iam».

[68]) Пропускъ слоговъ — обычное явленіе въ V: особенно часто опускается *que*. Но послѣднее, а равно и другіе слоги *вставляются* тоже ошибочно, напр. 1, 342: «ut deque» (= uideo), 669: «tu quoque» (= tuque); 3, 58: «exilit ab altis» (= exilit altis) и т. п.

XXII.

Stat. *Th.* 5, 209: „efflantem somno crescentia vina“...

Количество выпитаго вина во снѣ вѣдь не увеличивается, а заснувшій въ хмелю издаетъ *развивающіеся* въ немъ винные пары: ожидается „*gliscentia* vina“, что̀ указывало бы на интенсивность и распространеніе дѣйствія вина въ организмѣ.

XXIII.

Val. Fl. 1, 669 sqq.:

> tuque, fretum divosque pater sortite biformes,
> seu casus nox ista fuit, seu volvitur axis,
> ut superum sic staret opus, tollique vicissim
> pontus habet, seu te subitae nova puppis imago,
> armorumque hominumque truces consurgere in iras
> impulit, haec luerim satis et tua numina, rector,
> iam fuerint meliora mihi.

Такъ молится Іасонъ Нептуну послѣ бури („nox ista“), но выражается при этомъ въ ст. 671 и сл. до того страннымъ латинскимъ языкомъ, что заслуживалъ бы новыхъ ураганов, если бъ нельзя было доказать, что ничего подобнаго онъ въ дѣйствительности не говорилъ у Валерія Флакка.

Прежде всего поражаетъ имперфектъ *staret*, отнюдь не извиняемый мнимой аналогіей того, что̀ читается 2, 142—6[69]). Во-вторыхъ, недопустима у нашего поэта конструкція „pontus habet tolli“ въ смыслѣ: „морю обязательно волноваться“.

Правда, Ph. Thielmann[70]) отстаиваетъ подлинность этого оборота въ „Argonautica“, но его же собственное изложеніе является наилучшимъ ея опроверженіемъ. Тильманъ сперва разсматриваетъ сочетаніе глагола *habere* съ инфинитивомъ для обозначенія способности и возможности (классическое „*quid habes de causa dicere?*“), а потомъ обращается къ „habere mit Inf. zur Bezeichnung der Notwendigkeit“. Справедливо устранивъ „древнѣйшій“ случай, приводившійся еще у Дрегера[71]), а именно

---

[69]) «utinam non hic tibi nuntius *essem*, o soror, aut nostros, inquit, prius unda dolores *obruat*», т.-е.: «о если бъ я не приносила тебѣ именно эту вѣсть [«что мужъ твой полюбилъ другую»: это, молъ, фактъ, котораго измѣнить нельзя] или же пускай раньше [«до его ожидаемаго пріѣзда съ ней»] волны поглотятъ виновниковъ нашей обиды» [на это еще можно-де надѣяться].

[70]) Wölfflin's *Archiv* 2, 70 f.

[71]) *Hist. Synt.* II², 305.

Varr. *de re rust.* 1, 1, 2: „meque, ut id mihi habeam curare, roges“ (гдѣ единственно вѣрно „ut id mihi habeam *curae*“), авторъ признаетъ первымъ несомнѣннымъ примѣромъ текстъ у Сенеки ритора *controv.* 1, 1, 19: „Venit ad me pater: quid habui facere? perducere illum ad patrem?“ Затѣмъ онъ констатируетъ, что распространяется постепенно синонимная формула по схемѣ: „quid habui *faciendum*?“, такъ что *вторымъ* случаемъ для выражающаго необходимость „habeo“ съ *инфинитивомъ* оказывается занимающій насъ стихъ Валерія Флакка: „Nach diesem Beispiel aber, das man nicht anfechten sollte *(почему?)*, haben wir eine Lücke von mehr als hundert Jahren zu verzeichnen“. Итакъ, единственнымъ аргументомъ въ пользу подлинности оборота въ поэмѣ объ аргонавтахъ служитъ его спорадичность во всей древней, золотой и серебряной латыни. Достаточно ли этого, чтобы считать Валерія Флакка вдохновителемъ Минуція Феликса и Тертулліана?

Но, въ-третьихъ, можетъ ли *vicissim* быть удовлетворительно объяснено при чтеніи рукописей? Въ-четвертыхъ, сострить, что ли, хотѣлъ Іасонъ, говоря: „Была ли эта буря дѣломъ случая, или же небо *вращается,* чтобы твореніе всевышнихъ благодаря тому отличалось *устойчивостью,* и море въ свою очередь (?) въ силу закона вздымается“? А вѣдь переводъ далеко не передаетъ рѣзкости изящной антитезы: „volvitur, ut staret“. Наконецъ, откуда этотъ философскій тонъ у Іасона? Можно ли отрицать, что разбираемыя слова выдѣляются и своей идейной прозаичностью изъ всего контекста?

Изъ предложенныхъ догадокъ можетъ пригодиться самому Валерію Флакку только одна: „seu uoluitur axis u*i* superum“. Зато же она такъ хороша, что удивляешься, какъ не всѣ съ ней согласились. По нашему мнѣнію, ею вообще исчерпывается эмендація основного текста, ибо прочее хоть и тоже исправлено отчасти[72]), но и въ первоначальномъ видѣ своемъ чуждо поэту. Мы бы читали:

---

[72]) Burmann: «seu uoluitur axis u*i* superum, *seu stare salum*» eqs., но нельзя противополагать другъ другу *salum* и *pontus*, нельзя тѣмъ болѣе увѣрять, что *salum* есть *покоющееся* море.— Oudendorp: «ui superum, *seu sidere* opus» eqs., но такъ какъ *habere opus* здѣсь не могло бы быть употреблено въ томъ же значеніи, какъ напр. Ov. *F.*4, 210: «hoc Curetes opus, hoc Corybantes habent» (не *задача* моря волноваться), то *pontus habet opus sidere tollique vicissim*, независимо отъ варварской конструкціи [правильно Lucan. 10, 238 sq.: «Sic iussit natura parens discurrere Nilum, Sic opus est mundo», «такъ оно нужно космосу»], въ лучшемъ случаѣ значило бы: «морская вода не можетъ не опускаться и не подниматься поочередно», т.-е. утверждалась бы законность волнообразнаго движенія, присущаго морю, а не законность бури на̀ морѣ. — Caussin: «seu, volvitur axis ut superum, sic stare *et* opus tollique vicissim pontus habet», но тутъ и *habet opus* и ненужное *que* одинаково шокируютъ. — Peerlkamp: «et superum *testatur* opus», но остается *pontus habet tolli,* что̀ критикъ напрасно сопоставлялъ съ Hor. *S.* 1, 3, 8 sq. — Baehrens: «ut sup. sic *constet* opus, tollique *necessum* p. h.», но

seu casus nox ista fuit, seu uoluitur axis
ui superum [*seu stare polus tollique uicissim*
pontus habet], seu te subitae eqs.

Іасонъ допускаетъ три возможности: или страшная *nox*, наступившая внезапно и сопровождавшаяся грозой[73]) и бурей нà морѣ, была дѣломъ случая, или смѣна небесныхъ и вообще метеорологическихъ явленій зависитъ отъ воли горнихъ божествъ, или Нептунъ разсердился. Интерполятору показалось, что тутъ существенный пробѣлъ въ перечисленіи: случаю[74]) и гипотезѣ о вращеніи небеснаго свода[75]) нужно было, по его соображеніямъ, противопоставить не сразу капризъ Нептуна, а сперва теорію неподвижности небесъ[76]) и затѣмъ предположеніе о закономѣрности морского волненія. Что оба ученія упоминались бы здѣсь некстати, этого онъ не досмотрѣлъ. Поводомъ къ его вставкѣ послужило то, что онъ слишкомъ узко понялъ слова „volvitur axis". Дѣло въ томъ, что *axis* не только міровая ось, а потому полюсъ (преимущественно полярная звѣзда)[77]), далѣе небо, наконецъ, мірозданіе вообще, но и (въ качествѣ синонима къ *caelum*) состояніе неба и воздушнаго пространства, климатъ, совокупность атмосферическихъ условій и т. п. Въ данномъ контекстѣ „volvitur axis" означаетъ попросту зависящую отъ вращенія неба *смѣну погоды*. Іасонъ выражается „поэтично": въ прозѣ онъ сказалъ бы *caeli status mutatur*. Но читатель, приписавшій ему слишкомъ глубокій интересъ къ вопросамъ, которыхъ онъ касается мимоходомъ, не могъ устоять противъ искушенія пополнить

архаическое *necessum est* входитъ снова въ употребленіе не ранѣе Геллія, а *necessum habeo* совсѣмъ не встрѣчается (*necesse habeo* значитъ собственно: «признаю необходимымъ»). — Еще упомянемъ, что Schott читалъ: «pontus *auet*».

[73]) v. 616 sq.: «ruit igneus aether cum tonitru piceoque premit nox omnia caelo».

[74]) Heinsius: «casu nox illa ruit». Можно бы: «seu casus Nox ipsa tulit» [Verg. *G*. 2, 68: «casus abies visura marinos»; тогда Nox была бы жившей въ странѣ ураrановъ (Alcman. fr. 58) дочерью Хаоса и матерью бурныхъ зевсовыхъ Dirae: Verg. *A*. 12, 849—60] или: «seu casu nox incubuit», но, хотя Валерій Флаккъ и не любитъ *verb. substantivum,* никто тутъ не рѣшится отступить отъ преданія. Ср. 4, 488 sq.: «nec casus — sed vos deus appulit oris. Cic. *de nat. deor*. I, 32, 90: «illud quaero, quae fuerit tanta fortuna — nihil enim ratione in rerum natura factum esse voltis, — sed tamen quis iste tantus casus? unde tam felix concursus atomorum?»

[75]) Изъ множества мѣстъ ср. хотя бы Lucan. 6, 643 sqq.: «Torpuit et praeceps audito carmine mundus, Axibus et rapidis inpulsos Iuppiter urgens Miratur non ire polos» (v. 447: «cura poli caelique volubilis»). У Стація *Th*. 5, 178 sq. Юпитеръ самъ задерживаетъ вращеніе неба, дабы ночь наступила позднѣе («versum — aethera — Sustinuit»).

[76]) Burmann: «vocem *opus* suspectam facit etiam codex noster, in quo erat a prima manu *staret axis*, sed correctum *opus*». Это «axis» — поясненіе къ первоначальному *polus*, перешедшему въ *opus*, какъ у Валерія неоднократно *penates* въ *nepotes*.

[77]) Lucan. 8, 174 sqq.: «qui non mergitur undis Axis inocciduus gemina clarissimus arcto, Ille regit puppes».

перебираемые имъ факторы[78]). И такимъ образомъ получилось то *pontus habet tolli,* которое теперь фигурируетъ въ ряду родоначальниковъ формъ будущаго времени въ романскихъ языкахъ и, конечно, фигурируетъ тамъ основательно, но только напрасно подъ фирмой Валерія Флакка[79]).

XXIV.

Val. Fl. 2, 385—9:

> Haud secus Aesonides monitis accensus amaris,
> quam bellator equus, longa quem frigida pace
> terra iuvat, brevis in laevos piger angitur orbes, 387
> frena tamen dominumque velit, si Martius aures
> clamor et obliti rursus fragor impleat aëris.

Aldina: „quem frigida pace *Cru*ra iuva*nt*, *quique* in laevos p. a. o.“ Gronov.: „quem — *Cru*ra *liga*nt“ [т.-е.: „котораго приковываютъ къ мѣсту (coll. 1, 48: „sopor alligat artus“) его ноги, охладѣвшія отъ продолжительнаго мира“]. Heins.: „*cui* — Ter*g*a va*cant*“ и: „quem — Ter*g*a iuva*nt*“[80]). Burmann: „*nec* in *exiguos* piger a. o.“. Withof: „brevis in *flexus* p. a. o.“. Thilo: „*vix* in laevos p. a. o.“. Köstlin: „brevis in laevos *vix frangitur* o.“. Карріонъ и Heyne соединяли *brevis* съ *terra* (= iuvant exigui campi pascua). Вагнеръ разумѣлъ *brevis* о конѣ, который стоитъ „palis alligatus, ne latius in aliena pascua exspatiari possit“, но самъ этимъ не удовлетворялся.

Мы не видимъ причинъ измѣнять что̀ бы то ни было въ словахъ *brevis in laevos piger angitur orbes*. Смущало, что при этомъ чтеніи слово *equus* имѣетъ два не связанные между собой эпитета. Но *piger* нужно

---

78) Между тѣмъ въ схемѣ Валерія конкуренція «небесныхъ» силъ съ гнѣвомъ «водяного царя» соотвѣтствуетъ традиціоннымъ представленіямъ. У Гомера *Od.* 9, 67 sqq. бурю производитъ *νεφεληγερέτα Ζεύς,* который *σὺν δὲ νεφέεσσι κάλυψεν γαῖαν ὁμοῦ καὶ πόντον· ὀρώρει δ'οὐρανόθεν νύξ,* тогда какъ *Od.* 5, 291 sqq. то же самое продѣлываетъ недовольный *'Ενοσίχθων* (293 sq. дословно совпадаютъ съ приведеннымъ изъ 9-ой рапсодіи).

79) Прежде чѣмъ прійти къ убѣжденію въ необходимости аѳетесы, мы безуспѣшно испробовали различныя словесныя комбинаціи. Не годилось бы, напр.: «seu volvitur axis ut superum, sic Tartareus, tollique vicissim pontost lex» или: «sic stare Thetis tollique vicissim mota solet». Вообще, въ одинаковой степени нераціонально вытравлять *tolli habet* и приписывать это Валерію Флакку.

80) Но это локализованное охлажденіе вызываетъ не особенно изящную картину мѣстнаго же нагрѣванія. Ужъ скорѣе поэтъ написалъ бы: «frigida — *Colla* iuva*nt*» (Verg. *G.* 2, 542: «et iam tempus equum fumantia solvere colla», гдѣ, впрочемъ, разумѣются упряжныя лошади).

понимать адвербіально, а за пролептическое[81]) *brevis* говоритъ *Paneg. Messallae* 91—4:

> et quis equum celerem ar*tato*[82]) compescere freno
> possit et effusas tardo permittere habenas
> inque vicem modo directo contendere passu,
> seu libeat, curvo brevius con*stringere*[83]) gyro.

Ср. Varius ap. Macrob. 6, 2, 19: „Quem non ille sinit lentae moderator habenae Qua velit ire, sed *angusto prius orbe coercens Insultare docet campis* fingitque morando“[84]). Ov. *Her.* 4, 79 sq.: „Sive ferocis equi luctantia colla recurvas, *Exiguo flexos* miror *in orbe pedes*“ и Markl. in Stat. *Silv.* 5, 2, 121, а также комментаторовъ къ Sil. Ital. 7, 645.

Что же касается „in *laevos* — orbes“, то необходимо, конечно, отвлечься отъ толкованія, введеннаго Бурманомъ ради опроверженія этого эпитета:

---

81) «Ita angitur, ut brevis (*ἀϑρόος*) in laevos gyros flectatur». У Манилія 5, 636: «Hic *glomerabit* equo *gyros* dorsoque superbus Ardua bella geret» сказано по Verg. *G.* 3, 115 sqq.: «Frena Pelethronii Lapithae gyrosque dedere Impositi dorso atque equitem docuere sub armis *Insultare solo* et *gressus glomerare* superbos». Ср. v. 191 sqq.: «Carpere mox gyrum incipiat *gradibusque* sonare *Compositis* sinuetque alterna volumina crurum Sitque laboranti similis». Плиній *n. h.* 8, 42 (67), 166 упоминаетъ испанскія породы лошадей, «quibus non vulgaris in cursu («рысью») gradus, sed *mollis alterno crurum explicatu glomeratio* («иноходь»), unde equis tolutim («на манеръ галопа»: см. ниже) capere incursum (*τῆς ἐπισκελίσεως ἄρχεσϑαι*) traditur arte». Ясно, что у Вергилія «sinuetque alterna volumina crurum» («попеременно обѣ ноги каждой стороны») вполнѣ соотвѣтствуетъ подчеркнутымъ словамъ Плинія: да и что такое галопъ для ненавострившагося аналитически глаза, какъ не видъ иноходи? G. Hermann (*Opusc.* 1, 67) говоритъ, что конь, при галопѣ съ правой ноги, «primum sinistrum pedem posteriorem [вѣрнѣе: «упирается» на нее], inde dextrum simul posteriorem atque sinistrum anteriorem, postremo dextrum anteriorem tollit». Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе быстроты аллюра, впечатлѣніе получается такое, будто обѣ выставленныя впередъ правыя ноги приподнимаются одновременно. Это до такой степени вѣрно, что напр. § 94 *Воинскаго устава о строевой кавалер. службѣ*, ч. I, стр. 58 сл. (С.-Пб. 1886) гласитъ: «*Неправильный галопъ* бываетъ тогда, когда лошадь не выставляетъ впередъ обѣихъ правыхъ или обѣихъ лѣвыхъ ногъ, но выставляетъ ихъ накрестъ, т.-е. идя съ правой передней, подставляетъ подъ себя лѣвую заднюю, или наоборотъ — выступая съ лѣвой передней, подставляетъ подъ себя правую заднюю ногу». Напоминаемъ еще Sil. 4, 317—320: (въ сраженіи: о той и другой сторонѣ) «Aut illi dextros lunatis flexibus orbes, Aut illi laevos Sinuant in cornua gyros; *Texunt alterno glomerata volumina cursu Atque eadem refuga cedentes arte resolvunt*» («пускаются галопомъ въ атаку, но переходятъ въ карьеръ при отступленіи»).

82) Такъ итальянцы: въ рукоп. «celeremve arto», но «celerem*ve*» не вяжется съ *et* (v. 92) и, какъ указалъ Lachmann, попало сюда изъ v. 89.

83) Въ рукоп. «contendere» (подъ вліяніемъ предыдущаго стиха). Ср. Manil. 5, 74 sq.: «flectere equorum Praevalidas vires ac *torto stringere gyro*» (гдѣ, положимъ, говорится о квадригѣ, но дополнять *metam* невозможно). Sil. 4, 451 sq.: «gyroque — Artato». Stat. *S.* 4, 7, 3 sq.: «ingens opus *in minores Contrahe gyros*».

84) Xenoph. *de re equestri* 7, 14 sq.: *καὶ τό τε ὀρϑοδρομεῖν καὶ τὸ ἀποκάμπτειν*

„*laevos* — subsistere non potest: nam naturalis ille equi flexus est in laevum (ut et bobus esse ad Arati *Prognos.* 85 Theon notat), ut norunt equitandi periti, qui semper operam dant, ut in dextram partem equum flectant, ut in gyrum ire discat... Pius[85]) *laevos* difficiles interpretatur, cum contra, ut naturales, sint faciles“. На этомъ-то основаніи Thilo измѣнялъ „brevis“ на „vix“ („даже налѣво конь, излѣнившись, еле-еле дѣлаетъ вынужденный вольтъ“)[86]). Между тѣмъ вопросъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, представляется въ иномъ свѣтѣ.

Правда, Готфридъ Германъ[87]), анализуя слова Ксенофонта[88]): *ἀπὸ τῶν ἀριστερῶν ἄρχεσθαι*[89]) *εὐδοκιμώτερον*, замѣчаетъ тоже: „Recte vero Camerarius... vidit, laudatissimum perhiberi a X., si initium fiat equo *in laevam circumagendo*[90])... Apud nos enim, quorum omnis ars equestris a bellico usu originem et leges accepit, nihil mirum est, si magis in dextram quam in laevam circumagi equos docemus, quia dextri gyri frequentior et magis necessarius usus erat in dimicationibus, quae hasta et gladio committebantur. Eandem rationem Graeci quoque tenuissent, nisi apud hos prior fuisset curulis exercitatio. Nam in curulibus certaminibus laevo gyro solebant metam ambire[91])... Itaque curari solebat, ut ad dextram equus qui fortior esset iungeretur: omninoque, si trinis equis certaretur, funalis dextrum latus tenebat... Non est autem consuetudo illa equos in curulibus certaminibus in laevam flectendi temere orta. Nam equi nulla arte et disciplina eruditi natura fere solent tolutim[92]) sinistra ire, quia sic in utero gestantur, ut dextro armo magis coarctato liberior sit sinister. Quare in sinistrum magis incumbunt. Id igitur cum animadvertissent Graeci, cursum videntur sic instituisse, ut equos id, quod natura monstraret, sequi paterentur“.

Но такъ ли ужъ доказано, что искусство верховой ѣзды лишь унаслѣдовало у древнихъ правила, выработанныя на колесничныхъ состя-

---

ἅμα μελετῴη ἄν. Δεῖ δὲ καὶ ὑπολαμβάνειν ἐν ταῖς στροφαῖς· οὐ γὰρ ῥᾴδιον τῷ ἵππῳ οὐδ' ἀσφαλὲς ἐν τῷ τάχει ὄντα κάμπτειν ἐν μικρῷ.

85) Giambattista Pio (+ 1540).

86) Мы бы по этой схемѣ скорѣе допустили: «*bisque* in laevos piger angitur orbes» («и даже два вольта влѣво дѣлаетъ неохотно и по принужденію»).

87) *l. l.* p. 68 sq.

88) *de re eq.* 7.

89) Безъ сомнѣнія, при переходѣ изъ рыси къ галопу: прочія толкованія противорѣчатъ контексту.

90) Другіе понимаютъ Ксенофонта такъ: лучше всего пускать лошадь съ лѣвой ноги въ галопъ.

91) Coll. Hom. *Il.* 23, 336 sqq. Soph. *El.* 720 sqq.

92) Онъ хочетъ сказать «галопомъ». Ср. p. 67: «gradus tolutilis, quem nostri dicunt *galop*». «Бѣжать рысью» онъ называетъ: «decussatim currere». Послѣднее весьма мѣтко, но не антично. Зато есть ли текстъ, въ самомъ дѣлѣ доказывающій, что *tolutim* значитъ «рысью»?

заніяхъ? И справедливо ли, что для военныхъ цѣлей *gyri* влѣво не имѣли бы значенія? Вспомнимъ у Вергилія *A.* 10, 882 sqq. сцену поединка коннаго Мезенція съ пѣшимъ Энеемъ:

Dixit *(Mesentius)* telumque intorsit in hostem,
inde aliud super atque aliud; figitque volatque
ingenti gyro: sed sustinet aureus umbo.
Ter circum astantem *laevos equitavit in orbes*
tela manu iaciens, ter secum Troïus heros
inmanem aerato circumfert tegmine silvam.
Inde ubi tot traxisse moras, tot spicula taedet
vellere et *urgetur pugna congressus iniqua,*
multa movens animo iam tandem erumpit et inter
bellatoris equi cava tempora conicit hastam.

Heyne къ 885-му стиху даетъ комментарій: „Laevam in partem ideo maxime equitabat, ut, ipse laeva clipeo tectus et dextra expedita, Aeneae, qui ei semper a laeva in interiore gyri orbe stabat, dextrum latus peteret, quod a clipeo tectum non erat. Sed Aeneas clipeum circumfert". Эней сознаетъ, однако, преимущество тактики, которой держится его противникъ: Эней „urgetur pugna congressus iniqua"; онъ перебираетъ разные способы выйти изъ затрудненія („multa movens animo") и, наконецъ, убѣдившись, что самого Мезенція не удастся ранить, пока тотъ верхомъ, рѣшается убить его коня, чтобы затѣмъ напасть на свалившагося ѣздока. И замѣтить нужно, что Вергилій подготовилъ описаніе, указавъ, какія надежды Мезенцій возлагалъ теперь именно на своего коня: „hoc decus illi, Hoc solamen erat[93]), *bellis hoc victor abibat Omnibus*" (858 sqq.). Къ коню онъ и обращается съ цѣлою рѣчью (861—6). Ясно, что поэтъ имѣлъ въ виду изобразить какъ бы типическій случай: если же такъ, то онъ не зря сказалъ *laevos equitavit in orbes*. А можно ли предположить, что Валерій Флаккъ, систематическій подражатель Вергилія, употребилъ о своемъ „bellator equus" видимо навѣянное Энеидой выраженіе „in laevos — angitur orbes" въ другомъ кавалерійскомъ смыслѣ, нежели его образецъ[94])? Иное дѣло — поединокъ между двумя всадниками: тутъ, естественно, пріемы болѣе сложные (Sil. 7, 644 sq.: nunc laevus in orbem, Nunc dexter eqs).

---

[93]) На этотъ разъ — по смерти сына.

[94]) Еще приведемъ, пожалуй, изъ Вегеція, 3, 18 слѣдующія слова: «Dux, qui praecipuam sustinet potestatem, inter equites et pedites in parte dextra stare consuevit. Hic enim locus est,— ex quo rectus est liberque procursus... Hic de [*«Hinc idem?»*] equitibus supernumerariis mixtis peditibus expeditis adversariorum sinistrum cornum... circumire debet et a tergo semper urgere... In sinistra parte exercitus tertius esse dux debet, satis bellicosus et providus, quia sinistra pars difficilior est et velut manca in acie consistit. Hic circa se bonos equites supernumerarios et velocissimos pedites habere

Мы, конечно, не беремся судить объ основательности наблюденія, по которому не дресированныя еще лошади „in sinistrum magis incumbunt“. Нельзя, однако, умолчать, что оно допускаетъ серіозныя исключенія. Не совпадаетъ оно, между прочимъ, съ тѣмъ, что̀ свидѣтельствуетъ Тацитъ *Germ.* 6: „Equi non forma, non velocitate conspicui. Sed nec *variare* gyros in morem nostrum docentur: in rectum aut uno flexu *dextros* agunt, ita coniuncto orbe, ut nemo posterior sit. In universum aestimanti plus penes peditem roboris“. Если лошади у германцевъ *не обучались* „variare gyros“, а потому всадники тамъ, когда приходилось сдѣлать поворотъ фронта въ обратную сторону, направляли ихъ разомъ всею линіей *dextros* (дѣлали заѣздъ лѣвымъ флангомъ направо кругомъ, равненіе налѣво), то, значитъ, не непремѣнно лошадь, не прошедшая школы, норовитъ поворачивать *влѣво*. Во-вторыхъ же, Тацитъ подъ „variare gyros“ разумѣетъ даже какъ будто преимущественное упражненіе въ *gyri* налѣво, ибо заѣздъ направо дается, по его словамъ, и плохенькимъ лошадямъ безъ обученія.

Но, будучи убѣждены, что текстъ преданія во второй части разбираемаго стиха Валерія Флакка долженъ быть сохраненъ цѣликомъ, мы признаемся, что начало стиха представляется намъ испорченнымъ. Аналогіи, приводимыя въ защиту оборота „frigida pace terra“, совершенно призрачны[95]). IV, 214 sq. свирѣпый Amycus говоритъ: „Iam pridem caestus resides et frigida raris Dentibus aret humus“. Это понятно: „Уже давно мои накулачники бездѣйствуютъ, и почва, охладѣвшая, такъ какъ на нее рѣдко попадаютъ зубы, жаждетъ влаги“, т.-е. не орошается и не согрѣвается кровью, которая льется, когда выбиваются царемъ зубы пришельцевъ. (Verg. *A.* 5, 470). Вергилій *G.* 4, 104 называетъ поки-

---

debet, de quibus sinistrum cornum semper extendat, ne circumveniatur ab hostibus». [Источниками своими онъ называетъ Катона, Цельва, Фронтива и Патерна.] Итакъ, теорія гласила, что заходить въ тылъ противнику конница должна справа налѣво. Главная ошибка Помпея въ Фарсальскомъ сраженіи состояла въ томъ, что онъ почти всю кавалерію свою поставилъ на лѣвый флангъ, намѣреваясь обойти Цезаря слѣва направо. Стацій въ описаніи *funeris* Офельта говоритъ (*Theb.* 6, 118 sq.), что возвели два костра, одинъ въ честь умершаго («tristibus umbris» Архемора*), тѣло котораго тутъ и сожгли, а другой въ честь Зевса Инахійскаго («Superis»), чтобы умилостивить бога, священный змѣй котораго былъ убитъ. При воинской *decursio* вокругъ Археморова костра, турмы «lustrant-ex more *Sinistro orbe* rogum... Terc urvos egere sinus, inlisaque telis Tela sonant» (v. 215 sqq.), затѣмъ тѣ-же всадники «*dextri gyro* et vibrantibus hastis» (v. 223) направляются къ другому костру и бросаютъ въ него каждый какую нибудь часть своего вооруженія: итакъ, въ качествѣ воиновъ они скачутъ *sinistro orbe;* симулируя же отреченіе отъ боевыхъ аттрибутовъ, они парадируютъ *dextri gyro*.

95) Никакого отношенія къ нашему мѣсту не имѣетъ цитуемое изъ Вергилія *G.* 3, 324 sq.: «Luciferi primo cum sidere frigida rura Carpamus, dum mane novum, dum gramina canent». Ср. подражаніе Сенеки *H. f.* 139 sq.: «Pastor gelida cana pruina Grege dimisso pabula carpit».

даемый пчелами улей „frigida tecta“, потому что противополагаетъ ему обитаемое жилище (v. 43: „fovere larem“). Бурманъ усматриваетъ тутъ у Вергилія контрастъ съ *fervet opus* (v. 169): пусть будетъ и такъ, но въ пользу „frigida *pace* terra“ этимъ все-таки ничего не выигрывается, ибо въ мирное время земля отнюдь не запущена: напротивъ, тогда-то ее и воздѣлываютъ. Tib. 1, 10, 45 sqq.: „Interea pax arva colat: pax candida primum Duxit araturos sub iuga curva boves; Pax aluit vites“ eqs. Поэтому не убѣждаетъ и сравненіе съ выраженіями *iudicia frigent, studia frigent,* даже съ Val. Fl. 3, 367 sq.: „acerque laborum Pulsus amor segnique iuvat frigescere luctu“ и съ Rutil. Nam. 1, 389: „cui frigida sabbata cordi“. Вообще, миръ не есть же прекращеніе всякой дѣятельности, а только опредѣленныхъ занятій: на послѣднія и указывалось какъ-нибудь въ нашемъ стихѣ, притомъ, такъ сказать, съ конской точки зрѣнія.

Спрашивается, могло ли стоять: „longa quem frigida pace *Dextra* iuvat“[96]). Дѣло идетъ о военныхъ упражненіяхъ. Между тѣмъ, когда *ἀφ' ἵππου ἀκοντίζοντι*[97]), то повода держатъ лѣвой рукой, а дротикъ мечутъ правой. Не лучше ли, стало-быть, слѣдующее:

longa quem frigida pace
frena iuva*nt* — brevis in laevos piger angitur orbes, —
frena tamen dominumque velit, si Martius aures
clamor et obliti rursus fragor impleat aeris.

„Frena“ — первое, что̀ приходитъ тутъ въ голову, взамѣнъ *terra*[98]). Сторонятся отъ этой догадки потому только, что тѣмъ же словомъ начинается слѣдующій стихъ. Но развѣ не элементарное стилистическое правило латинской стихотворной рѣчи, что въ извѣстныхъ случаяхъ, во избѣжаніе указательнаго мѣстоименія, повторяется соотвѣтственное существительное? „Стаду и его пастуху“ будетъ: „pecori pecorisque magistro“[99]). „Насыпьте могильный курганъ и снабдите его надписью“ будетъ: „tumulum facite et tumulo superaddite carmen“[100]). „Такъ сказала Венера, сынъ же ея началъ такъ въ отвѣтъ“ будетъ: „Sic Venus;

---

96) Ср. Verg. *A.* 11, 338 sq.: «Frigida bello (для войны) Dextera». О ѣздокѣ ср., напр. Stat. *S.* 5, 2, 113 sqq.: «Ipse ego te nuper Tiberino in litore vidi... *Flec*tentem (преданіе «Tendentem») cursus vexantemque ilia nuda Calce Ferocis equi, vultu *dextraque minacem*».

97) *CIA.* II, 444—6.

98) Помимо цитованныхъ выше текстовъ, ср. еще Lucan. 1, 425: «optima gens flexis in gyrum Sequana frenis».

99) Verg. *E.* 3, 101.

100) Verg. *E.* 5, 42. Ср. *A.* 6, 380.

at Veneris contra sic filius orsus“[101]) и т. д.[102]). По этой основной схемѣ, которая встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ модификаціяхъ[103]), построены и фразы, прерываемыя отступленіемъ либо короткой *παρένθεσις*[104]), напр. Ov. *A.* 1, 5, 13 sq.:

Deripui tunicam — nec multum rara nocebat, —
pugnabat tunica sed tamen illa tegi.

Съ другой же стороны, хотя, при двучленности перваго *κῶλον*, повтореніе *обоихъ* существительныхъ весьма изящно[105]), но такая строгая симметричность отнюдь не требуется: и подобно тому, какъ у Вергилія *A.* 2, 632 sq. читается:

Descendo ac ducente deo *flammam* inter et *hostis*
expedior: dant *tela* locum *flammaeque* recedunt,

точно такъ Валерій Флаккъ могъ повторить одно *frena*[106]), а на понятіе *angendi* (т.-е. cogendi, cohibendi) такъ сказать сослаться словомъ *dominum*. Если же, допустивъ скобки либо тире, считать у него первое *κῶλον* одночленнымъ, то и тогда *frena tamen dominumque,* будучи своего рода *ἓν διὰ δυοῖν*, не предосудительно въ риторическомъ отношеніи. Ср. Verg. *A.* 1, 553 sq.:

si datur *Italiam* sociis et rege recepto
Tendere, ut *Italiam* laeti *Latiumque* petamus.

---

101) Verg. *A.* 1, 325.

102) Verg. *E.* 10, 69. *A.* 10, 149. 11, 140. Prop. 4, 6, 1: «Sacra facit vates, sint ora faventia sacris» (Ov. *a. a.* 2, 509). Sil. 7, 478.

103) Verg. *E.* 2, 56 sq.: «nec munera curat Alexis, Nec, si muneribus certes, concedat Iollas». *A.* 3, 258 sq. и т. п. Множество разновидностей у Овидія, который даже злоупотребляетъ этой фигурой. Часто, конечно, и онъ ее примѣняетъ при *tamen*. Приведемъ хоть *Tr.* 2, 413 sq.: «Iunxit Aristides Milesia crimina secum, Pulsus Aristides nec tamen urbe suast». *Her.* 3, 2 sq.: «lacrimae fecere lituras, Sed tamen et lacrimae pondera vocis habent» и т. п.

104) Предположеніе таковой у Валерія оправдывается тѣмъ, что опущено *quique*. Повторяемое слово стоитъ одинаково часто либо въ парентезѣ, либо послѣ нея: Ov. *Her.* 5, 127 sq. *a. a.* 2, 573. 3, 53. Stat. *Th.* 5, 152 и пр.

105) Prop. 2, 18, 33: «Cum tibi nec frater nec sit tibi filius ullus, Frater ego et tibi sim filius unus ego».

106) Понятно, что «frena tamen» имѣетъ оттѣнокъ: «и однако, *именно* узды онъ требуетъ».

XXV.

Stat. *Th.* 5, 224 sq.: inter serta torosque Barbara ludentem fodiebat Epopea mater.

Воины Лемноса вернулись изъ Ѳракіи; какъ только наступилъ вечеръ, они стали пировать, „domibus fusi et nemorum per opaca sacrorum" (v. 186). Тутъ же „serta inter festasque dapes" (191) расположились въ лучшихъ нарядахъ своихъ ихъ жены, рѣшившіяся, однако, истребить все мужское населеніе города, хотя „Афродита въ эту послѣднюю ночь настроила имъ нѣжно мужей" и „вдохнула въ несчастныхъ недолговѣчный пламень" (192—4). Вотъ, наконецъ, „conticuere chori[107]), dapibus ludoque licenti Fit modus" (195 sq.), „morituram amplectitur urbem Somnus et implacido fundit gravia otia cornu Secernitque viros. Vigilant nuptaeque nurusque In scelus" (198—201). Начинается рѣзня. Elymus, увѣнчанный зеленью, лежалъ на коврахъ; Gorge нагнулась надъ нимъ, она раздвигаетъ его одежду и подыскиваетъ мѣсто для удара. Но сонъ покидаетъ Елима на порогѣ смерти: не очнувшись вполнѣ, онъ обнимаетъ убійцу. И все-таки рука ея не дрогнула: она вонзаетъ ему сзади ножъ въ ребра и останавливается, лишь когда клинокъ касается ея собственной груди; а умирающій глядитъ все еще ласково на нее, шепчетъ ея имя „et indigno non solvit bracchia collo" (215—7).

Слѣдуетъ черезъ нѣсколько стиховъ упоминаніе того, что Epopeus былъ убитъ матерью. Изъ всего предшествующаго вытекаетъ ужъ, что *ludentem* тутъ неумѣстно. Не только было сказано: „ludo — fit modus" (понятно, что это имѣло другой смыслъ), но мы вѣдь знаемъ, что бодрствуютъ однѣ женщины, такъ какъ сонъ „излилъ тяжкій покой" спеціально на мужчинъ. Объ Elymus поэтому авторъ счелъ нужнымъ отмѣтить, что его „sopor admota sub morte refugit", и того требовало все описаніе его смерти. Добравшись до собственнаго отца въ своемъ разсказѣ, Hypsipyle указываетъ то же: „Ille quidem dudum (quis magna tuenti Somnus?) agit versans secum, etsi lata recessit Urbe domus, quinam strepitus" eqs. (241—3), т.-е. читателю объясняется исключеніе: безсонница Ѳоанта зависѣла отъ того, что у него заботы, что дворецъ его за городомъ (а сонъ сковалъ лишь мужчинъ въ городѣ), что самого царя рокъ не приговорилъ, стало-быть, къ смерти. Но почему бы *Epopeus* не ощутилъ на себѣ дѣйствія „непріязненнаго рога", которымъ „rore madens Stygio — Somnus" окроплялъ жертвъ Афродиты? И неужели

---

[107]) Кембриджскій кодексъ *δ*: «thori», чему по существу сочувствовалъ Бентли; но ср. Val. Fl. 2, 188.

„мальчикъ“ игралъ одинъ ночью въ той непроницаемой темнотѣ, которая упомянута раньше? Неужели онъ продолжалъ играть, когда его мать вошла со свѣтильникомъ и мечомъ, мало того, — когда она стала наносить ему раны?

Намъ кажется, что, помимо всего сказаннаго, контрастъ, ожидаемый послѣ сцены убіенія довѣрчиваго до конца Elymus, требуетъ здѣсь *luctantem*. Epopeus проснулся, но не какъ Elymus, когда къ нему подошли, а отъ перваго удара, поразившаго его, и, въ отличіе отъ Elymus, началъ метаться, конвульсивно реагировать, такъ какъ заснулъ не въ объятіяхъ той, которая стояла передъ нимъ, и, главное, не сразу получилъ смертельную рану. Поводъ къ искаженію подалъ варіантъ „inter serta *chorosque*“, сохранившійся въ многихъ спискахъ и причиненный въ свою очередь ошибочнымъ написаніемъ „thorosque“; повліяло тоже произвольно выведенное изъ *mater* предположеніе, что Epopeus — ребенокъ: мальчикъ не находился бы „inter serta torosque“. За „luctantem“ говоритъ и Валерій Флаккъ 2, 234 (въ соотвѣтственномъ эпизодѣ): „seque toris misero luctamine trunci devolvunt“.

Мы, впрочемъ, обязаны предвидѣть одно серіозное возраженіе. Разумно ли, спросятъ насъ, устранять противорѣчія у писателя, одной изъ главныхъ чертъ котораго можетъ считаться легкомысленная компоновка, влекущая за собой рядъ непослѣдовательностей? На этотъ вопросъ должно отвѣтить, что для распознанія подлинныхъ противорѣчій Стація существуетъ весьма простой критерій.

Такъ, напримѣръ, Hypsipyle представлена въ „Ѳиваидѣ“ *кормилицей* Офельта, когда ея собственнымъ сыновьямъ 20 лѣтъ (5, 466), а другихъ дѣтей у нея нѣтъ, и хотя характеристика ея въ поэмѣ направлена всецѣло къ тому, чтобы исключить самую мысль о связи ея съ кѣмъ-либо помимо Іасона. Получается, стало-быть, несообразность, но она допущена авторомъ, потому что онъ выигрывалъ нѣсколько риторическихъ флоскулъ, обративъ Офельта въ питомца Гипсипилы: она кормитъ младенца, но это не ея ребенокъ; у нея царскій сынъ на груди, но она раба, neglecta comam nec dives amictu, и однакожъ она сама царской крови, и наружность ея дышитъ царственнымъ величіемъ (4, 741 sqq.). И далѣе (770 sqq.):

altricem mandati cernitis orbam
pignoris, at nostris an quis sinus uberaque ulla,
scit deus.

Очевидно, авторъ при *ubera* подразумѣваетъ *sint*, а не *fuerint*, ибо такъ естественнѣе и патетичнѣе, а затѣмъ ему рѣшительно все равно, что черезъ какихъ-нибудь 525 стиховъ читатель узнаетъ о двадцати-

лѣтнемъ возрастѣ этихъ *pignora* Гипсипилы. Стацій такъ далеко впередъ не заглядываетъ, когда у него нѣтъ къ тому особыхъ побужденій: онъ обрабатывалъ по одной пѣсни своего произведенія, издавалъ оконченную, а о соотвѣтствіи ея во всѣхъ подробностяхъ тому, что̀ будетъ стоять въ дальнѣйшихъ книгахъ поэмы, не особенно заботился[108]).

Правда, и въ предѣлахъ одной и той же пѣсни поражаетъ иногда отсутствіе выдержки[109]). Дается, напр. пространное описаніе страшнѣйшей засухи, погубившей, молъ, всякую зелень[110]), а между тѣмъ Гипсипила опускаетъ Офельта „vicino caespite — Floribus adgestis"[111]).

Но дѣло въ томъ, что Стацій задумалъ теперь очень миленькую жанровую картинку, для которой ему нужны дернъ и цвѣты (786 sqq.):

At puer in gremio vernae[112]) telluris et alto
gramine nunc faciles sternit procursibus herbas
in vultum nitens, caram modo lactis egeno
nutricem plangore ciens iterumque renidens
et teneris meditans verba inluctantia labris
miratur nemorum strepitus aut obvia carpit eqs.[113]).

И онъ прекрасно знаетъ, что изъ-за этихъ стиховъ читатель ему проститъ страшную нелогичность разсказа. Все войско умираетъ отъ жажды; когда Адрастъ говоритъ съ Гипсипилой, то „пылающее удушье прерываетъ недосказанную рѣчь умоляющаго, и засохшій языкъ его сбивается отъ ускореннаго дыханія. Та же блѣдность у всѣхъ воиновъ на челѣ, та же осиплость у всѣхъ при разинутыхъ ртахъ"[114]). А тѣмъ временемъ ребенокъ рѣзвится, не подозрѣвая вовсе, что жарко!

Потомъ это самое войско слѣдуетъ за Гипсипилой „per dumos et

---

108) Сознавалъ ли Стацій, когда онъ 2, 367 писалъ: «fit mora consilio», что подъ этой «mora» читателю придется потомъ разумѣть приблизительно 10 мѣсяцевъ? Вѣдь прошло немного болѣе двѣнадцати дней (2, 307) со свадьбы, а 3, 683 у Argia грудной ребенокъ.

109) Ужъ того не касаемся, что послѣ 5, 466: «iam plena quater quinquennia pergunt» (о сыновьяхъ Гипсипилы) слѣдуетъ 5, 617 sq.: «ubera parvo *(Офельту)* iam materna dabam». Тутъ тяготѣло предыдущее изложеніе.

110) Хотя 4, 702 sq. слова: «tenerique in origine culmi Inclinata seges» и отсутствуютъ въ лучшихъ рукописяхъ, но и остальнаго достаточно: «haurit sitis ignea campos, Diffugere undae,... Aegra solo macies» (699—702).

111) v. 779 sqq.

112) Авторъ забылъ, что солнце уже въ созвѣздіи Пса: «aestifer Erigones spumat canis» (v. 692). [Можетъ и не имѣть отношенія къ данной минутѣ v. 776: «rabidi sub limite Cancri»].

113) Ср. 5, 502 sqq.

114) v. 765 sqq.

opaca virentibus umbris Devia"[115]), хотя раньше сообщено, что „omnes admittunt aethera luci"[116]). Маршъ въ густой тѣни показался просто Стацію вносящимъ разнообразіе послѣ всего сказаннаго имъ въ обратномъ направленіи („ceu flavam Libyen desertaque pulveris Afri Conlustrent nullaque umbratam nube Syenen")[117]).

Такъ вотъ, мотивы той или другой перемѣны декорацій у Стація всегда самые прозрачные: авторская безцеремонность его и позволяетъ намъ разобраться въ нихъ. Можно ли, однако, въ вызвавшихъ наше отступленіе словахъ „barbara ludentem fodiebat Eropea mater" найти хоть что-нибудь такое, изъ-за чего бы писатель пренебрегъ изображенной имъ же обстановкой? Особенность этихъ словъ именно въ томъ, что они не только не вяжутся съ прочимъ, но и внутренно противорѣчивы, ибо имперфектъ „fodiebat" самъ по себѣ исключаетъ „ludentem". Между тѣмъ стихи Стація, взятые порознь, отличаются именно законченностью изобразительности, цѣлостностью порождаемаго впечатлѣнія. Стацій силенъ отчасти въ характеристикахъ, отчасти же въ мелочахъ: тутъ талантъ его сказывается подчасъ блистательно, и во всякомъ случаѣ нелѣпостей мы у него въ этой сферѣ не встрѣтимъ.

Суровый отзывъ Мадвига[118]) о нашемъ поэтѣ не смутитъ безпристрастнаго читателя. Не говоримъ уже о „Сильвахъ" и „Ахиллеидѣ", изобилующихъ остроуміемъ, но даже въ скучноватой „Өиваидѣ" даровитость Стація проявляется неоднократно, притомъ преимущественно въ отдѣльныхъ сценахъ. Особенно удаются ему, такъ сказать, картинныя,

---

115) v. 796 sq.

116) v. 682.

117) v. 738 sq. Въ пятой книгѣ ср. еще стихи 526—8: змѣй, страдающій тоже отъ жажды, «pronus adhaeret humo, si quid viridantia sudent Gramina: percussae calidis adflatibus herbae, Qua tulit ora, cadunt, moriturque ad sibila campus». Иными словами, солнце измучило змѣя, но не справилось съ растительностью; а змѣя нужно представить по возможности страшнымъ, и его «calidis adflatibus» приписывается дѣйствіе зноя. На противорѣчіе между изсушившей рѣки засухой и присутствіемъ зелени въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Өиваиды указалъ уже Markland при разборѣ стиховъ *Silv.* 2, 1, 181 sq.: «Sic et in anguiferae ludentem gramine Lernae Rescissum squamis avidus bibit anguis Opheltem». Тутъ, впрочемъ, Markland напрасно нападаетъ на «Lernae» (вмѣсто чего требуется, молъ, Nemeae): ср. Silv. 5, 3, 142 (по поводу немейскихъ игрищъ), а также нерѣдкое употребленіе названія Лерны въ смыслѣ Арголиды вообще. Кромѣ того «anguiferae» нужно измѣнить не на «umbriferae», какъ хотѣлъ Марклендъ, а на *igniferae* (= aestiferae). Зато «avidus bibit» должно быть сохранено: змѣй въ Өиваидѣ убиваетъ мальчика безсознательно, но въ Сильвахъ имѣется, очевидно, другой варіантъ миөа въ виду: мучимый жаждою змѣй утоляетъ ее кровью Офельта. Наконецъ, въ непосредственно предшествующихъ стихахъ *Silv.* 2, 1, 179 sq., взамѣнъ: «Talis in Isthmiacos *prolatus* ab aequore portus Naufragus inposita iacuit sub matre Palaemon», читать слѣдуетъ не *delatus* (ed. Parm.) и не *proiectus* (Baehrens), а: *perlatus*, coll. Ov. *Fast.* 6, 500 и St. *Th.* 6, 12: *amica ad litora.*

118) *Adv. cr.* 2, 152.

живописующія мѣста. Иной стихъ сверкнетъ у него, какъ молнія, среди однообразной эпической дребедени и озаритъ цѣлую страницу.

Вспомнимъ, напр. 5, 75—80. Лемносцы живутъ въ разладѣ со своими женами, они проводятъ все время во Ѳракіи на войнѣ, и хотя на противоположномъ берегу стоятъ ихъ дома, и тамъ же ихъ родныя дѣти, „они предпочитаютъ подвергать себя эдонійскимъ бурямъ и лютымъ морозамъ или, наконецъ, *въ тихую ночь прислушиваться послѣ битвы къ паденію потоковъ съ отвѣсныхъ обрывовъ*“:

tacita post proelia nocte
fractorum subitas torrentum audire ruinas.

Развѣ такой *vers image* не выкупаетъ длиннаго ряда пошлостей? Такъ и видишь воинскій станъ. Буря затихла. Ясная зимняя ночь. Лемносцы лежатъ подъ открытымъ небомъ и съ неподвижностью утомленія внемлютъ грохоту разомъ обрывающихся и разбивающихся о скалы потоковъ. Что Стацій придумалъ эту подробность, свидѣтельствуетъ, безспорно, о томъ, какъ фантазія у него подчасъ поэтична, а словесная форма и фактура стиха доказываютъ его способность мастерски воплощать созерцаемое воображеніемъ.

Или, напр., возьмемъ 1, 147 sqq. Сыновья Эдипа близки къ разладу. И, однако, изъ-за чего было вступать въ братоубійственную войну? Не было еще роскошныхъ чертоговъ, не было дворцовой стражи, стоящей на часахъ въ ночное время (когда... мучимые тревогой потентаты тоже не спятъ) и съ нетерпѣніемъ выжидающей, чтобъ ее смѣнили:

non impacatis regum advigilantia somnis
pila nec alterna ferri statione gementes
excubiae...

Можно ли отрицать въ подчеркнутыхъ словахъ своеобразный не то лукановскій, не то тацитовскій букетъ, тѣмъ болѣе изумляющій въ произведеніи жалкаго паразита домиціановской челяди, что онъ только что разсыпался въ вынужденныхъ комлиментахъ тому, котораго, молъ, „aeternum sibi Roma cupit“ [119]). Значитъ, прорвалось-таки, и прорвалось художественно, т.-е. и образно, и пронзительно, и съ ляпидарною сжатостью, подстрекавшей читателя начертать мысленно слова „pila impacatis regum advigilantia somnis“ на гауптвахтѣ преторіанской когорты Палація. И любопытно, что внѣшнимъ образомъ приведенные два слишкомъ стиха неумѣстны по своему тону: авторъ началъ перечислять то,

119) Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что стихи 1, 17—33 («Quando Itala — nunc tento chelyn») вставлены авторомъ при окончательномъ изданіи всей поэмы.

чѣмъ въ его время дорожили властители; онъ и продолжаетъ дальше: „nec cura mero committere gemmas Atque aurum violare cibis“; но по дорогѣ, упомянувъ тѣлохранителей, онъ изъ декламаторства перешелъ въ искреннее негодованіе, что̀ и придало неудержимую энергію его ироніи[120]).

Наконецъ, безъ исключенія хороши въ произведеніяхъ Стація всѣ мѣста, гдѣ говорится о дѣтяхъ: этого, кажется, никто не отвергаетъ. Стало-быть, если бы Eropeus представлялся ему мальчикомъ, онъ бы подавно не обмолвился страннымъ „ludentem fodiebat“.

XXVI.

Stat. *Th.* 4, 664 sq.:

Isque ubi pulverea Nemeen effervere nube
conspicit et solem radiis ignescere ferri...

Смотритъ Діонисъ на войско союзниковъ Полиника, идущее походомъ на Θивы. Мадвигъ говоритъ: „si Statius sanae rationi aliquid tribueret, necessario scribendum dicerem: *et solis radiis ignescere ferrum*. Nunc ferri radios et in iis, dum eliciuntur, ignescentem solem fero conorque utcumque animo concipere“. Несправедливое отношеніе къ писателю тутъ вполнѣ обнаруживается. При нормальной дозѣ объективности, критикъ спросилъ бы себя, ка̀къ поэтъ рисуетъ въ другихъ

---

120) Декламація на ту же тему, напр. у Плинія Младшаго *Paneg.* 49. Не скроемъ, что, по нашему мнѣнію, въ одномъ мѣстѣ Θиваиды Стацій выключилъ изъ контекста по цензурнымъ соображеніямъ стихъ, первоначально поставленный имъ, должно быть, безо всякой задней мысли, но показавшійся затѣмъ кому-либо неудобнымъ. Къ концу 5-й книги описывается, какъ Ликургъ, узнавъ о гибели сына своего Офельта, хочетъ убить Гипсипилу: ее защищаютъ, однако, вожди союзнаго ополченія, и тогда Ликургъ восклицаетъ: «Pergite in excidium socii (si tanta voluptas) Sanguinis, imbuite arma domi, atque haec — Templa Iovis (quid enim haud licitum?) ferat impius ignis, Si vilem, tanti premerent cum pectora luctus, In famulam ius esse ratus dominoque ducique (v. 683—687). Тутъ въ послѣднемъ стихѣ причастіе *ratus* виситъ на воздухѣ, ибо нѣтъ глагола при *si*. Между тѣмъ смыслъ требуетъ: «Рѣжьте, жгите, если я въ самомъ дѣлѣ поступилъ какъ извергъ, полагая (да еще подъ вліяніемъ страшнаго горя), что мнѣ, царю и господину своей рабы, предоставлено нѣкоторое право надъ ней». Могло стоять, напр.:

Si, vilem (tanti premerent cum pectora luctus!)
In famulam ius esse ratus dominoque ducique,
<Peccavi meruique novus tormenta tyrannus> .

Внѣ связи рѣчи этотъ стихъ звучалъ, конечно, своеобразно для подозрительныхъ клевретовъ Домиціана, и автора могли побудить друзья его вычеркнуть всю строку: но, поступивъ согласно тому, Стацій отложилъ, вѣроятно, на другое время необходимое восполненіе образовавшагося пробѣла, а затѣмъ просто забылъ сдѣлать вставку новаго стиха. Такъ и получилась, повидимому, наша вульгата всего мѣста.

случаяхъ аналогичные свѣтовые эффекты, и убѣдился бы, что Стацій „здраваго смысла" тутъ нигдѣ не оскорбляетъ. Ср., напр., *Th.* 2, 530—2:

> Scuta virum cristasque videt rutilare comantes...
> flammeus aeratis lunae tremor errat in armis.

Развѣ это не въ высокой степени изящно сказано? Или, напр., сл. *Th.* 6, 578 sqq.:

> Sic ubi tranquillo perlucent sidera ponto
> vibraturque fretis caeli stellantis imago...

Повторяемъ, именно среди стиховъ описательнаго содержанія нѣкоторые у Стація въ самомъ дѣлѣ прекрасны. Зачѣмъ же обижать автора?

Защищающіе преданіе, толкуя его въ смыслѣ: „die Sonne erglüht *in* den *strahlenden* Waffen", напрасно ссылаются, однако, на вышецитованные два текста. Если бъ въ IV книгѣ было сказано: „et solem aeratis ignescere in armis", то никто бы не протестовалъ. И наоборотъ, если бы въ VI книгѣ стояло: „ignescuntque freti radiis caelestia signa", то каждый бы запнулся. Читатель, котораго не предварили, пойметъ *radiis* инструментально въ выраженіи: „solem radiis ignescere ferri", т.-е. вынесетъ впечатлѣніе вздора; но даже подготовленный и склонный къ уступкамъ читатель удивится, почему, по крайней мѣрѣ, не сказано: „et solem radiante ignescere in aere". Ибо „солнце пламенѣетъ *въ лучахъ* оружія" — рѣшительно дико. Не то, чтобы сочетаніе „ferri radii" было неправильно: нисколько[121]). Но не „въ лучахъ" пламенѣетъ отражаемый предметъ, а на отражающей поверхности[122]).

Беренсъ предлагалъ: „et solem radiis *vanescere* ferri", что̀ создавало бы, однако, не оправдываемое тономъ разсказа преувеличеніе. Гораздо лучше Köstlin: „et *silvam* radiis ignescere ferri[123])", хотя тоже гиперболически; кромѣ того *silvam* здѣсь бы не исказилось. Поэтому не ограничиться ли измѣненіемъ одной буквы, возстановивъ слово, которое могли счесть искаженнымъ „solem", т.-е. не предположить ли:

---

[121]) Ср. 5, 556 sqq.: «Tum squamea demum Torvus ad *armorum radios* fremitumque virorum Colla movet» (змѣй). *Ach.* 2, 187.

[122]) Ov. *Her.* 17 (18), 77: «unda repercussae radiabat imagine lunae». *M.* 4, 349: «opposita speculi referitur imagine Phoebus». Val. Fl. 1, 495 sq.: «Claraque vela oculis percussaque sole sequuntur Scuta virum» и т. п.

[123]) Coll. 5, 10: «armorum transmittunt fulgura silvae». 9, 591 sq.: «Vix ramis locus, agrestes adeo omnia cingunt Exuviae, et viridem ferri nitor impedit umbram». Но въ первомъ примѣрѣ *silvae* значитъ деревья, а во второмъ идетъ рѣчь объ одномъ только дубѣ.

Isque ubi pulverea Nemeen effervere nube
conspicit et *molem* radiis ignescere ferri.

„Какъ только онъ замѣтилъ, что надъ Немеей клубится облако пыли, и что отъ блеска своего оружія горятъ цѣлыя полчища“ (ихъ вѣдь „innumerae — cohortes“ 5, 21). Ср. Verg. *A.* 12, 575: „densaque ad muros mole feruntur“. Val. Fl. 1, 757 sq.: „in arta Mole virum“ [124]). Sil. 15, 187 sqq.: „qui[125]) sua nunc trinis diducunt agmina castris. Si conferre manum libeat, coeantque vocatae Hinc atque hinc acies, valeat quis ferre ruentes Tergemina cum mole viros?“ [126]) 17, 649: „confecta mole Gigantum“ [127]). 11, 27 (предальпійскіе кельты пунійцамъ): „Tota se socios properarunt iungere mole“ [128]). 9, 299 sqq. (рядъ боговъ): „Multaque praeterea divorum turba minorum. Quorum ubi mole simul venientum et gressibus alma Intremuit tellus“ eqs., гдѣ ясно виденъ переходъ значенія. Въ прозѣ ср., напр., Curt. 3, 2, 12: „Hic tanti apparatus exercitus, haec tot gentium et totius Orientis excita sedibus suis moles finitimis potest esse terribilis: nitet purpura auroque, fulget armis et opulentia“ eqs.

XXVII.

Stat. *Th.* 2, 251 sqq.: adibant Pallada, Munychiis cui non Argiva per urbes Posthabita est Larisa iugis.

Паллада не предпочитаетъ даже Аѳинъ своему аргосскому святилищу „среди городовъ“, „въ ряду городовъ“. Но ни „Munychia iuga“, ни гора Лариса не гармонируютъ съ *urbes*, да и вообще слова „per urbes“ съ успѣхомъ бы отсутствовали: они только затрудняютъ конструкцію.

Lachmann: „Phoronei“, Madvig: „per orbem“ [129]), Köstlin: „audita per orbem[130])“. Намъ не удалось подыскать ничего лучшаго, какъ:

Pallada, Munychiis cui non Argiva *parumper*
posthabita est Larisa iugis.

---

124) Изъ Аполлонія Родосскаго, у котораго 2, 27: *ὁ δ' ἰλλόμενός περ ὁμίλῳ*.

125) Гасдрубалъ Гисгоновъ, Гасдрубалъ Гамилькаровъ и Магонъ.

126) Гдѣ *viros* имѣетъ въ виду трехъ названныхъ вождей, а *mole* поставлено синонимно съ предшествующимъ *agmina* и *acies*.

127) Hor. *c.* 2, 19, 22: «cohors Gigantum».

128) Ср. 12, 38 sq. Сюда же, быть можетъ, относится 9, 416 sqq.: «his fulta viris acies repararat ademptam Mole nova campum, subito ni turbine Poenus Agmina frenasset», если допустить, что трое выше (413—415) названные *viri* пришли не одни, а со своими отрядами.

129) «ut significaretur, Palladem per grata sibi templa orbe quodam et ordine migrare atque ea invisere». Но можно ли вообще сказать: «Argiva Larisa *non est posthabita per orbem* Athenis?»

130) «о которой молва гремитъ по всему свѣту».

Паллада „и на короткій даже срокъ“ не ставитъ Аѳинъ выше Аргоса. Не годилось бы ни „per aras“, ни „per arces“ (v. 256 слѣдуетъ: „celsam subeuntibus arcem“), ни „Argiva per arva“.

XXVIII.

Stat. *Th.* 2, 430 sqq. (Этеоклъ велитъ передать брату): „Te penes Inachiae dotalis regia dono Coniugis, et Danaae (quid enim maioribus actis Invideam?) cumulentur opes“.

Мадвигъ: „maioribus *aulis*“. Но искомое слово должно относиться не къ *regia,* а къ *Danaae — opes.* Стацій написалъ, кажется:

quid enim maioribus *arcis*
invideam?

Умышленно оскорбительный оттѣнокъ того, что говорится по адресу Полиника, оттого значительно выигрываетъ. Ср. *Silv.* 2, 2, 150 sqq: „Non tibi sepositas infelix (безплодная) strangulat arca Divitias“ eqs.

XXIX.

Stat. *Th.* 2, 473 sqq.: (калидонскій вепрь) „Iam Telamona solo, iam stratum Ixiona linquens Te, Meleagre, subit: tibi demum cuspide lata Haesit et obnixo ferrum laxavit in armo“.

Мадвигъ: „lassavit“, справедливо отклонивъ сопоставленіе рукописной редакціи съ *Silv.* 5, 1, 199 и *Th.* 7, 353. Но мы бы рѣшительно предпочли: „et obnixo ferrum *satiavit* in armo“. Ср. *Th.* 9, 13 sqq.: „iam morsibus uncis (Pro furor! usque adeo tela exsatiavimus!) artus Dilacerant“, т.-е. „мы (ѳивейцы) до того пресытили оружіе осаждающихъ, что они ужъ зубами терзаютъ наши тѣла“[131]). Sil. 7, 534 sq.: „multoque cruore Exsatiata, viri, plenos rubiginis enses“. 4, 435: „satiatam sanguinis hastam“[132]). Въ основѣ гомеровское: *δοῦρα — λιλαιόμενα χροὸς ἆσαι*[133]).

За вепремъ давно гнались (v. 471: „cum premeret Pelopea phalanx“), но неудачно: наконецъ (demum) Мелеагръ таки всадилъ въ него свою рогатину, жаждавшую его крови. „Lassavit“ идетъ противъ смысла.

[131]) 12, 595: «sitit — hasta cruores». 750: «hasta — sitiebat vulnera». 8, 527: «libare». 6, 102 sq.: «infandos belli potura cruores Fraxinus».

[132]) 6, 293: «(hasta) — bibit e serpente cruorem». 15, 629 (Verg. *A.* 11, 804). 12, 264: «sitit hasta cruorem». 5, 274: «degustat cuspis — cruorem» (Hom. *Il.* 20, 258: *γευσόμεθ' ἀλλήλων χαλκήρεσιν ἐγχείῃσιν).*

[133]) *Il.* 11, 574. 15, 317; cf. 21, 70.

XXX.

Stat. *Th.* 2, 289—97:

Prima fides operi, Cadmum comitata iacentem
Harmonia versis in sibila dira querellis
Illyricos longo sulcavit pectore campos.
Improba mox Semele vix dona nocentia collo
induit, et fallax intravit limina Iuno.
Teque etiam, infelix, perhibent, Iocasta, decorum
possedisse nefas: vultus hac laude[134]) colebas,
heu quibus, heu placitura toris! Post longior ordo.
Tunc donis Argia nitet eqs.

Подарокъ Гефеста Афродита вручила Гармоніи, и та превратилась затѣмъ въ змѣю. Ожерелье перешло къ Семелѣ, и она была сожжена молніей. Оно досталось Іокастѣ, и ее постигло неслыханное проклятіе. Далѣе гибельнымъ украшеніемъ владѣлъ *длинный рядъ* личностей, а потомъ только его надѣла невѣста Полиника.

Уже Бартъ спрашивалъ, что̀ это за „longior ordo", когда выше сказано, что Argia получила подарокъ отъ сына Іокасты[135]). Замѣтятъ, пожалуй, что у Еврипида, напр., Семела поражена перуномъ гораздо раньше, нежели Гармонія подвергается метаморфозѣ. Если Стацій въ этомъ пунктѣ слѣдовалъ менѣе популярной версіи миѳа, то почему, молъ, не допустить, что и „longior ordo" между Іокастой и Аргіей намекаетъ на несохранившійся варіантъ сказанія. Но разница существенная. Утратила ли Гармонія свой человѣческій видъ до или послѣ катастрофы съ Семелей, все-таки Гармонія носила первою ожерелье, а Семела послѣ нея. Создавать же длинный рядъ звеньевъ между Іокастой и женой ея сына, значитъ опровергать всю генеалогію, которой самъ Стацій придерживается въ „Ѳиваидѣ". Кромѣ того, въ 267-омъ стихѣ авторъ заявилъ: „Longa est series et *nota* malorum, Persequar" и пр. Онъ, стало-быть, обязался не говорить глухо о какомъ-то „longior ordo". Да и стилистически мыслима ли такая сухая замѣтка послѣ патетическаго обращенія къ Іокастѣ?

Потребность въ эмендаціи очевидна. Нижеслѣдующая попытка наведетъ, быть можетъ, другихъ на вполнѣ убѣдительное чтеніе:

---

134) Barth: «hac clade».
135) Ст. 265 sq.: «infaustos *donante marito* Ornatus, Argia, geris» eqs.

Teque etiam, infelix, perhibent, Iocasta, decorum
possedisse nefas: vultus hac fraude[136]) colebas,
heu quibus, heu placitura toris, *praestantior orba!*
Tunc donis Argia nitet eqs.

„Лучше бы ты осталась вдовой!“ Поврежденіе могло бы быть обусловлено написаніемъ: „p̃stancior“[137]).

---

[136]) «Этимъ произведеніемъ коварства» — въ точномъ соотвѣтствіи предыдущему «decorum — nefas». Относительно метонимін ср. Verg. *A.* 2, 264: «doli fabricator Epeos» 10, 392. 2, 48 и т. п.

[137]) Дабы не увеличивать размѣровъ и безъ того слишкомъ, быть можетъ, растянутой статьи, приписываемъ въ настоящемъ примѣчаніи нѣсколько конъектурныхъ чтеній, опуская мотивировку и ограничиваясь упоминаніемъ рукописнаго текста въ скобкахъ. Val. Fl. 4, 259: plagae (pugnae); 291: crepat (rapit. cf. St. *Th.* 6, 687); 298: caestu hunc elatus (tunc caestu uelatus; *elatus* угадалъ Гейнзій); 308: ceciditque umeris (c. malis; «голова свалилась на плечи»); 439: scrutabar (sic rebar). St. *Th.* 5, 600: niger (piger); 609: regni (rerum); 6, 183: causa (et ipsa); 190: dumeta (armenta). Зато у Валерія Флакка 4, 273 мы бы не отступали отъ преданія (nubibus): cp. Sil. Ital. 17, 556 sq.

СОЛОНЪ

и

ДѢЛЕНІЕ АТТИЧЕСКАГО ГРАЖДАНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ НА ИМУЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ.

Э. Р. фонъ-Штерна.

Мы всѣ когда-то учились тому, что Солонъ для болѣе точнаго опредѣленія правъ и обязанностей аттическаго гражданскаго населенія раздѣлилъ его на имущественные классы независимо отъ существовавшаго дѣленія на филы и фратріи. Въ основу этой реформы положенъ былъ имъ т. н. тимократическій принципъ: принадлежность къ отдѣльнымъ классамъ опредѣлялась, безъ различія знатности или незнатности происхожденія, исключительно ежегоднымъ доходомъ каждаго гражданина. Всего установлено было четыре класса.

Къ первому принадлежали тѣ лица, которыя получали ежегодно дохода съ своихъ земель не менѣе пятисотъ мѣръ *(μέτρα)* сыпучихъ тѣлъ или жидкихъ продуктовъ. Называются они *πενταкοσιομέδιμνοι*. Ко второму классу — получавшіе не менѣе трехсотъ мѣръ; это количество считалось достаточнымъ для содержанія боевого коня, и въ виду этого члены этого класса назывались *ἱππεῖς*. Чтобы быть причисленнымъ къ третьему классу, требовалось ежегоднаго дохода не менѣе двухсотъ мѣръ хлѣба или жидкихъ продуктовъ. Члены этого класса носили имя *ζευγῖται*. Наконецъ, четвертый классъ, обозначенный названіемъ *θῆτες*, состоялъ изъ гражданъ, имущественное положеніе которыхъ не соотвѣтствовало вышеизложеннымъ требованіямъ; они имѣли право участія въ народномъ собраніи и въ судѣ присяжныхъ, но не могли занимать какихъ бы то ни было должностей.

Вотъ въ главныхъ чертахъ существенное содержаніе восемнадцатой главы плутархова жизнеописанія Солона. Это изложеніе Плутарха всѣми новѣйшими изслѣдователями до послѣдняго времени положено было въ основу ихъ сужденія о реформахъ Солона; съ рѣдкимъ въ нашей наукѣ единодушіемъ перифразировали и дополняли прибавленіемъ разныхъ детальныхъ чертъ изъ другихъ источниковъ эту главу Плутарха, и даже въ общемъ скептическіе умы между новыми историками Греціи въ родѣ

---

1) Niese, Zur Geschichte Solons und seiner Zeit. Festschrift für A. Schäfer. 1882, S 4. Niese, Histor. Zeitschrift 69 (1892) S. 61 видоизмѣнилъ свой взглядъ, хотя онъ и теперь выражается довольно неопредѣленно, говоря, что объ установленіи четырехъ классовъ не существовало точныхъ свѣдѣній.

Niese[1]) и Beloch'a[2]) не рѣшались высказывать противъ вѣрности этого изложенія Плутарха какія-нибудь сомнѣнія, такъ какъ уже лѣтъ тридцать тому назадъ Prinz[3]) и Begemann[4]) въ превосходныхъ изслѣдованіяхъ доказали, что Плутархъ основывается въ біографіи Солона главнымъ образомъ на сочиненіи извѣстнаго ученаго александрійскаго времени — Гермиппа, который, въ свою очередь, по новѣйшему изслѣдованію[5]), черпалъ изъ аттиды Андротіона. Соглашаясь во всѣхъ основныхъ пунктахъ съ древнею традиціею, новые ученые расходились только въ опредѣленіи установленной Солономъ при дѣленіи народа на классы податной системы и въ разъясненіи нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ вопросовъ.

Извѣстно, что Boeckh[6]) на основаніи переданныхъ у Полидевка[7]) цифровыхъ данныхъ относительно капитала, подлежавшаго въ каждомъ классѣ взиманію подати, построилъ весьма остроумную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма невѣроятную теорію объ установленіи будто бы Солономъ прогрессивной подоходной подати, и также извѣстно, что эта теорія вызвала цѣлую ученую литературу. Теорія Boeckh'a впрочемъ, несмотря на блестящую критику Beloch'a[8]), предложившаго впервые вѣрное толкованіе темно формулированнаго замѣчанія Полидевка, еще до сихъ поръ имѣетъ горячихъ защитниковъ[9]).

Далѣе извѣстно, что не существуетъ согласія между новыми учеными относительно нѣсколькихъ болѣе спеціальныхъ вопросовъ. Такъ напр., является спорнымъ, были ли дѣйствительно всѣ мелкіе землевладѣльцы, имѣвшіе доходъ ниже ценза третьяго класса, причислены къ „наемнымъ работникамъ", *θῆτες*, и распространялось ли классовое дѣленіе и на купцовъ, банкировъ, фабрикантовъ и т. д., владѣвшихъ не поземельной собственностью, но довольно значительнымъ иногда движимымъ имуществомъ. Особенно этотъ послѣдній вопросъ неоднократно обсуждался въ литературѣ. Одни ученые[10]) рѣшительно утверждаютъ, что купцы, фабриканты и т. д. причислялись къ отдѣльнымъ классамъ соотвѣтственно

---

[2]) Beloch, Griech. Geschichte I, 1893, S. 311.

[3]) Prinz, De Solon. Plut. fontibus. Bonn. 1867.

[4]) Begemann, Quaestiones Soloneae I. Goett. 1875.

[5]) B. Keil, Die Solon. Verfassung, 1892, S. 40 слѣд.

[6]) Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener[3], S. 581.

[7]) Pollux VIII, 130.

[8]) Beloch. Das Volksvermögen von Attika. Hermes, XX. S. 246. Das attische Timema. Hermes XXII, S. 371.

[9]) Boeckh-Fränkel, Staatshaush[3]. Anhang, S. 121. Busolt, Griech. Staatsalterthümer[2], S. 200, Anm. 9 (I. Müllers Handbuch VI). Herman-Thumser, Lehrbuch der griech. Antiquit. I, S. 387, Anm. 1 и другіе.

[10]) Срв. напр. Grote, Geschichte Griechenl. II[2]. S. 93. Landwehr, Phil. Supplemb. V, S. 137. Poehlmann, Gesch. Griech. въ Müllers Handbuch. III, S. 388. E. Meyer, Gesch. des Alterthums II, S. 655 и т. д.

ихъ доходу на основаніи вычисленія, по которому стоимость медимна хлѣба по тогдашней рыночной цѣнѣ[11]) приноравливалась къ одной драхмѣ; доказательство вѣрности такого мнѣнія эти ученые усматриваютъ въ томъ, что въ 581 году два мѣста въ коллегіи архонтовъ были замѣщены лицами изъ сословія фабрикантовъ. Другіе ученые[12]) напротивъ такъ же рѣшительно утвéрждаютъ, что необходимымъ условіемъ принадлежности къ солоновскимъ классамъ была поземельная собственность. Въ объясненіе такого предпочтенія, оказаннаго Солономъ поземельной собственности, ссылаются или на то, что торговля и промышленность въ Аттикѣ тогда еще только начинали развиваться, или на то, что, еслибы Солонъ призналъ за движимою собственностью равное значеніе съ недвижимою, то онъ предоставилъ бы преобладающее вліяніе въ государствѣ купцамъ, фабрикантамъ, ростовщикамъ, тогда какъ онъ хотѣлъ и долженъ былъ сохранить его за тѣмъ классомъ населенія, которому оно принадлежало и раньше; или, наконецъ, считаютъ даже возможнымъ[13]) соединить эти два исключающіе другъ друга мотива и полагать, что и тотъ, и другой обусловливали мѣропріятія Солона.

Но, если оставить въ сторонѣ указанное разногласіе въ опредѣленіи податной системы и въ разъясненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, то можно все-таки сказать, что въ общемъ наше древнее преданіе, будто дѣленіе аттическаго населенія на классы принадлежитъ Солону, не подвергалось никакому сомнѣнію, и утвержденіе, что Солонъ этимъ дѣленіемъ ввелъ существенное измѣненіе въ аттическое государственное устройство, признавалось, и отчасти, какъ показываютъ капитальные труды A. Holm'a, E. Meyer'a и Beloch'a, работа, г. Бузескула и статьи Headlam'a, Reinach'a, Goldstaub'a, Macan'a, Herzog'a, Cauer'a, Rühl'я и т. д.[14]), и до сихъ поръ признается непоколебимой аксіомой, хотя, правда, нѣкоторыя изъ новѣйшихъ теорій о цѣли этой реформы Солона въ томъ или другомъ пунктѣ различаются отъ прежде господствующихъ воззрѣній.

Сознаюсь, что уже давно у меня являлись сомнѣнія относительно вѣр-

---

11) Plut. *Sol.* c. 23.

12) Срав. напр. Cauer, Parteien und Politiker in Megara und Athen. 1892. S. 58. Herrmann-Thumser, Lehrbuch der griech Antiq. I⁶. S. 386. Gilbert, Griech. Staatsalterthümer I². S. 144. Beloch, Griech. Geschichte I. S. 324. Busolt, Beiträge zur attischen Geschichte въ Festschrift für L. Friedländer 1895. S. 527. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древ. I², стр. 152.

13) Срв. Латышевъ, Очеркъ греч. древностей I², стр. 152.

14) Останавливаться на подробномъ анализѣ мнѣній и теорій только что перечисленныхъ ученыхъ было бы здѣсь слишкомъ долго; отсылаю къ весьма полезной книгѣ почтеннаго профессора Бузескула, Аѳинская политія Аристотеля, Харьковъ, 1895, въ которой представленъ точный обзоръ литературы по этому вопросу, съ полнымъ указаніемъ мѣста и времени ея появленія.

ности этого общепризнаннаго основного положенія. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось читать курсъ греческихъ государственныхъ древностей, эти сомнѣнія въ дѣйствительности названнаго факта усиливались, но я тогда еще не рѣшался формулировать ихъ и не умѣлъ ихъ надлежащимъ образомъ обосновать. Изученіе вновь открытой политіи Аристотеля заставило меня между прочими явленіями аѳинской государственной жизни изслѣдовать снова и классовое дѣленіе Солона. Сжатое изложеніе Аристотеля о древнѣйшей конституціи Аѳинъ дало моимъ сомнѣніямъ новый толчокъ и показало мнѣ, въ какомъ направленіи я долженъ былъ искать рѣшенія занимающаго меня вопроса.

Но, къ сожалѣнію, эта ссылка на трактатъ Аристотеля въ данномъ случаѣ не только не можетъ способствовать рѣшенію вопроса о возникновеніи имущественныхъ классовъ въ Аттикѣ, а скорѣе можетъ возбудить предубѣжденіе противъ правильности высказываемыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи взглядовъ. Дѣло въ томъ, что какъ разъ та глава аристотелева трактата, на которую я могъ бы опираться, — его изложеніе конституціи Драконта,— весьма большимъ числомъ новѣйшихъ ученыхъ признается или позднѣйшей интерполяціей[15]), или крупнымъ заблужденіемъ знаменитаго автора[16]), черпавшаго здѣсь изъ мутнаго тенденціознаго источника, лишеннаго всякой исторической достовѣрности. Я лично держусь другого мнѣнія и могъ бы указать цѣлый рядъ извѣстныхъ ученыхъ, которые, подобно мнѣ, убѣждены, что различные пункты изложенной у Аристотеля драконтовой политіи дѣйствительно въ ней существовали. Но, такъ какъ вопросъ о ней одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ новой литературѣ о трактатѣ Аристотеля, и мнѣнія до того расходятся, что названная четвертая глава „въ глазахъ однихъ является своего рода перломъ среди свидѣтельствъ нашего новаго источника, а въ глазахъ другихъ нелѣпостью“[17]), то я долженъ былъ бы, желая воспользоваться ея показаніями, подробнѣе остановиться на ея анализѣ. Это требовало бы больше мѣста, чѣмъ я здѣсь

---

15) Срав. напр., Headlam, The constit. of Draco въ Class. Rey. 1891. № 4, p. 166—168. Reinach, La constitution de Dracon et la constitution de l'an 411, въ Revue des études grecques. 1891, IV, p. 82—85. Шульцъ, „Филолог. Обозр.“ II, 1, 33—34 и въ Neue Jahrb. f. Ph. 1894, S. 815—818. Бузескулъ, Аѳинская политія Арист. 1895, стр. 321 и мн. др.

16) Herzog, Zur Litteratur über den Staat der Athener. Tübing. index lectionum 1892, II. Ueber Arist. Ἀθην. πολ. c. 4. E. Meyer, Gesch. des Alterth. II, S. 641 и его же, Forschungen zur alten Gesch. I, S. 236 folg. Beloch, Griech. Gesch. I, S. 311, Anm. 1. Goldstaub, Woch. f. klass. Phil. 1893. S. 97. Rühl, Die Schrift vom Staat der Ath. und kein Ende, Rhein. Mus. XLVI S. 689. П. Виноградовъ, Первая глава Аѳинской Политіи Аристот. въ „Фил. Об.“ III, стр. 106 сл. и мн. др.

17) Бузескулъ, Аѳинская Политія Аристотеля, стр. 311.

располагаю, и завело бы меня слишкомъ въ сторону. Да и притомъ такой трудъ можетъ при теперешнемъ положеніи дѣла казаться лишнимъ. Если я и думаю, что могу придать тому или другому пункту въ этомъ ученомъ спорѣ новое освѣщеніе и разбить цѣлый рядъ доводовъ изслѣдователей, вполнѣ отрицательно относящихся къ извѣстіямъ этой главы аристотелевскаго трактата, то я все-таки далекъ отъ самоувѣренной надежды, что мнѣ удастся то, что не удалось Wilamowitz'у[18]) въ его блестящемъ изслѣдованіи о драконтовой конституціи, — именно, всецѣло убѣдить противниковъ и заставить ихъ отказаться отъ защищаемыхъ ими взглядовъ. А разъ не предвидится пока общаго согласія въ этомъ вопросѣ, то ясно, что конституція Драконта не можетъ служить исходнымъ пунктомъ для нашего изслѣдованія. Нельзя воздвигать зданія на фундаментѣ, который одними считается гранитомъ, а другими пескомъ.

Можно мнѣ, правда, возразить, что нечего обращать вниманіе на лицъ, придерживающихся повидимому невѣрнаго взгляда; но я не хочу имъ облегчить onus refutandi тѣмъ, что въ цѣпь своихъ разсужденій ввожу не признанный ими моментъ; опираясь на такой моментъ, я освободилъ бы ихъ отъ обязанности считаться съ дальнѣйшими доводами, которые построены на немъ. Оставляя такимъ образомъ разсказъ Аристотеля о досолоновскомъ государствѣ въ сторонѣ, я однако первоначально считалъ возможнымъ пользоваться его изложеніемъ для полученія отрицательнаго доказательства въ пользу моихъ вглядовъ и думалъ, что можно было бы разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Если олигархическій авторъ политическаго памфлета, написаннаго въ концѣ V столѣтія, считалъ возможнымъ отнести существованіе имущественныхъ классовъ въ досолоновскій періодъ, то отсюда вытекаетъ, что не было документальныхъ доказательствъ, не допускающихъ сомнѣнія относительно принадлежности классоваго дѣленія къ солоновской конституціи. Въ противоположномъ случаѣ являлось бы совершенно непонятнымъ, какъ авторъ памфлета могъ рѣшиться въ вопросѣ, имѣющемъ для его цѣлей только второстепенное значеніе, отрицать незыблемый фактъ и этимъ отрицаніемъ лишить себя въ глазахъ своихъ читателей всякой возможности претендовать на серіозное вниманіе къ проводимымъ имъ политическимъ идеямъ. Но въ виду категорическаго заявленія почтеннаго профессора Бузескула[19]), что дѣленіе гражданъ на имущественные классы до Солона не могло имѣть „никакого смысла, никакой raison d'être“, я и на это отрицательное доказательство не налегаю и

18) U. von Wilamowitz Moellendorf. Aristoteles und Athen. I, S. 76—99.
19) Бузескулъ, Аѳинская Политія Аристотеля, стр. 315.

постараюсь другимъ путемъ доказать мое положенiе, что учрежденiе имущественныхъ классовъ не есть результатъ законодательной дѣятельности Солона, не есть нововведенiе, принадлежащее этому знаменитому реформатору.

I.

Начну съ названiй учрежденныхъ будто бы Солономъ классовъ.

Къ первому классу, какъ извѣстно, по Плутарху принадлежали лица, получавшiе дохода съ своихъ земель пятьсотъ мѣръ (*μέτρα*) какъ хлѣба, такъ и жидкихъ продуктовъ. Плутархъ выражается вполнѣ правильно: *μέτρον* — мѣра, которая одинаковымъ образомъ служила для опредѣленiя сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ. А между тѣмъ члены этого класса назывались *πενταχοσιομέδιμνοι* — по мѣрѣ, которая примѣнялась для измѣренiя хлѣба и другихъ сухихъ продуктовъ.

Уже Busolt[20]) обратилъ вниманiе на странность этого обозначенiя. Дѣйствительно, еслибы самому Солону пришлось установить имя для учрежденнаго имъ класса, то нельзя придумать удовлетворительной причины, отчего онъ не назвалъ членовъ этого класса пентакосiометрами. Надѣюсь, мнѣ не возразятъ, что производство хлѣба значительно преобладало тогда еще въ Аттикѣ и что члены перваго класса въ виду этого получили свое названiе отъ главнаго продукта ихъ хозяйства. Ибо, во-первыхъ, по тексту Плутарха въ законѣ Солона жидкимъ продуктамъ (вину и маслу) отведено совершенно равнозначащее мѣсто рядомъ съ хлѣбомъ, и, во-вторыхъ, никто, кто знакомъ съ хозяйственнымъ развитiемъ Аттики въ этотъ перiодъ, не можемъ сомнѣваться, какое видное мѣсто въ системѣ земледѣлiя тогда уже занимала культура оливковаго дерева, виноградной лозы и садоводство. Что Аттика уже въ досолоновскiй перiодъ отъ времени до времени нуждалась въ понтiйскомъ хлѣбѣ, справедливо замѣтилъ E. Meyer[21]); съ другой стороны солоново запрещенiе вывоза хлѣба въ интересахъ мѣстныхъ потребителей, урегулированiе права проводить воду, попеченiе и надзоръ ареопага надъ культурой оливки, встрѣчающiяся уже тогда премiи за уничтоженiе хищныхъ звѣрей и т. д. указываютъ на интенсивность экономической эксплоатацiи земли, на значенiе садоводства, скотоводства и другихъ земледѣльческихъ промысловъ, съ которыми не вяжется представленiе о преобладающей роли посѣва хлѣба. Совершенно вѣрно Wilamowitz[22]) говоритъ, „что въ дѣлѣ правильнаго улучшенiя хозяйства съ цѣлью увеличенiя доходности имѣнiй досолоновская аристократiя имѣла больше заслугъ, чѣмъ весь перiодъ

---

[20]) Busolt, Philol. L. (1891) S. 396 и Busolt, Beiträge sur attischen Geschichte въ Festschrift für L. Friedlander S. 529 Anmerk. 4. B. Keil, Die Solonische Verfassung. S. 611.

[21]) E. Meyer, Gesch. des Alterth. II, S. 644.

[22]) v. Wilamovitz, Aristot. und Athen. II, S. 57.

демократіи". При такомъ положеніи дѣла, думаю, не будетъ придиркой, если мы остановимся уже на самомъ имени *πενταχοσιομέδιμνοι*. Это названіе вполнѣ понятно только при предположеніи, что оно ведетъ свое начало изъ болѣе древняго періода.

Ко второму классу принадлежали лица, получавшія ежегоднаго дохода съ своихъ земель minimum триста мѣръ хлѣба и жидкихъ продуктовъ; однако члены этого класса не называются тріакосіометрами или тріакосіомедимнами, а *ἱππεῖς*. Если предполагать, что Солонъ былъ здравомыслящимъ человѣкомъ, — а я не вижу причины въ этомъ сомнѣваться, — то надо думать, что этотъ второй классъ названъ *ἱππεῖς*, потому что члены его въ дѣйствительности были, или должны, или могли быть *ἱππεῖς*, и что доходъ въ триста мѣръ является при этомъ уже второстепеннымъ обстоятельствомъ, хотя и необходимымъ условіемъ для причисленія къ названному сословію; другими словами: не на томъ лежитъ удареніе, что тотъ или другой человѣкъ имѣетъ триста мѣръ дохода, а на томъ, что онъ при такомъ доходѣ можетъ содержать лошадь, боевого коня. И дѣйствительно, краткія слова Плутарха[23]) *„δευτέρους δὲ τοὺς ἵππον τρέφειν δυναμένους ἢ μέτρα ποιεῖν τριακόσια"* перифразируются обыкновенно такъ, что „такой доходъ признавался достаточнымъ для того, чтобы содержать лошадь и служить въ конницѣ"[24]). Сознаюсь, что это объясненіе для меня мало понятно и что оно по крайней мѣрѣ не даетъ отвѣта на цѣлый рядъ поневолѣ возникающихъ вопросовъ.

Если доходъ въ триста мѣръ признавался достаточнымъ для того, чтобы содержать лошадь и служить въ конницѣ, то тѣмъ болѣе доходъ въ пятьсотъ мѣръ долженъ былъ быть для этой цѣли достаточнымъ. Развѣ пентакосіомедимны не могли содержать лошадь и служить въ конницѣ? Понятно, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать утвердительный отвѣтъ. Мало того, существуетъ рядъ доводовъ, ясно показывающихъ, что члены перваго класса составляли только особую группу сословія *ἱππεῖς*[25]). Если это такъ, то совершенно непонятно, отчего Солонъ обозначилъ учрежденный имъ второй классъ именемъ, которое не указываетъ характернаго признака исключительно этого класса. Но посмотримъ дальше. При вышеприведенномъ объясненіи возникаетъ, помимо указаннаго, еще цѣлый рядъ затрудненій. Спрашивается, во-первыхъ, были ли всѣ лица, получавшія триста мѣръ ежегоднаго дохода, обязаны содержать лошадь и служить въ конницѣ, несмотря на то, что ихъ возрастъ и, можетъ быть, физическіе недостатки препятствовали имъ нести эту службу? Или, если не всѣ обязаны были къ такой службѣ, продолжали ли, напр., болѣе стар-

---

23) Plutarch. *Sol.* 18.
24) В. Латышевъ, Очеркъ греч. древ. I², стр. 151.
25) Knoke. Grenzboten 1891, S. 43—44.

шіе причисляться ко второму классу и называться ἱππεῖς? Дальше, если, какъ Плутархъ выражается, *οἱ δυνάμενοι ἵππον τρέφειν* были членами второго класса, то куда причисляли тѣхъ лицъ, которыя, хотя и имѣли дохода немного меньше трехсотъ мѣръ, все-таки по другимъ обстоятельствамъ, напр., въ виду отсутствія семейныхъ заботъ, содержали лошадь? Если вся сила въ этой *ἱπποτροφία*, то логически слѣдовало бы ожидать, то такія лица принадлежали къ *ἱππεῖς*, а между тѣмъ намъ передается, что minimum дохода для члена второго класса опредѣленъ былъ въ триста мѣръ. Потомъ, какую цѣль имѣетъ въ будто бы тимократической системѣ Солона, „желавшаго въ зависимости отъ ценза опредѣлить права и обязанности аттическихъ гражданъ", это выдвиганіе на первый планъ момента, относящагося, какъ показываетъ названіе *ἱππεῖς*, къ военному устройству или къ сословному быту? И наконецъ, какой смыслъ имѣетъ для Солона учрежденіе такого будто бы предназначеннаго для конной службы класса, когда, по свидѣтельству Полидевка[26]), каждая изъ 48 навкрарій поставляла для аттическаго войска только по два всадника, и, по извѣстному показанію Геродота[27]), еще въ мараѳонской битвѣ объ аттической конницѣ рѣчи нѣтъ? На всѣ эти вопросы ни наше древнее преданіе, ни наши новые ученые отвѣта не даютъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что Аристотель, повидимому, глубже задумывался надъ этими проблемами, чѣмъ это до послѣдняго времени было въ обыкновеніи у археологовъ и историковъ. Онъ въ седьмой главѣ Аѳинской Политіи отвергаетъ — что̀ по крайней мѣрѣ для солоновскаго времени совершенно справедливо — связь между *ἱπποτροφία* и принадлежностью ко второму классу, которая, по его мнѣнію, опредѣлялась исключительно цензомъ въ триста мѣръ. Но удовлетворительнаго объясненія, почему тѣмъ не менѣе этотъ второй классъ носилъ названіе *ἱππεῖς*, и Аристотель не даетъ и дать не могъ по той простой причинѣ, что нельзя логически соединять несоизмѣримыя величины,— тимократическое дѣленіе и терминъ военно-бытовой. Какъ просто весь этотъ вопросъ рѣшается, если разсматривать аѳинскую государственную жизнь въ ея генетическомъ развитіи,— это будетъ ниже показано. Пока удовлетворимся отрицательнымъ результатомъ, именно, что Солонъ не могъ при своей государственной реформѣ придумать для вновь имъ учреждаемаго второго класса населенія названіе *ἱππεῖς*, которое такъ мало согласуется съ сущностью и цѣлью его дѣленія. Если это названіе тѣмъ не менѣе было имъ примѣнено или удержано, то этимъ уже доказывается, что имя *ἱππεῖς* и обозначенный этимъ именемъ классъ населенія ведутъ свое начало изъ такого періода времени, когда въ госу-

---

26) Pollux VIII, 108. Срв. Fedor v. Stojentin, De I. Pollucis auctoritate, p. 43.
27) Herodot. IX, 25—32.

дарственномъ устройствѣ сословію всадниковъ-рыцарей могла принадлежать и дѣйствительно принадлежала видная роль.

Къ третьему классу причислялись лица, полевой сборъ которыхъ равнялся двумстамъ мѣрамъ; члены этого класса однако опять-таки называются не *διακοσιόμετροι* или *διακοσιομέδιμνοι*, а *ζευγῖται*. По принятому объясненію, это слово обозначаетъ лицъ, имѣющихъ пару полевыхъ воловъ[28]) или упряжь и составляющихъ классъ самостоятельныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ крестьянъ. Если согласиться съ этимъ объясненіемъ, то опять слѣдуетъ замѣтить, что названіе *ζευγῖται*[29]) является весьма неудачнымъ и мало характернымъ обозначеніемъ для спеціальнаго класса лицъ, имѣвшихъ ежегоднаго дохода съ своихъ земель minimum двѣсти или, по другимъ источникамъ, сто пятьдесятъ мѣръ сухихъ и жидкихъ продуктовъ. Не говоря уже о томъ, что выраженіе „владѣлецъ парной упряжи" не вызываетъ представленія объ опредѣленномъ имущественномъ положеніи, такъ какъ эта упряжь могла состоять изъ цѣнныхъ воловъ, изъ лошадей или гораздо болѣе дешевыхъ муловъ, — во всякомъ случаѣ нельзя понять, почему обладаніе упряжью считалось такимъ характернымъ признакомъ именно членовъ третьяго имущественнаго класса, что они отсюда получили свое обозначеніе. Вѣдь и *πενταχοσιομέδιμνοι*, и *ἱππεῖς* не могли воздѣлывать своихъ полей безъ *ζεῦγος*; они въ этомъ отношеніи такіе же *ζευγῖται*, „владѣльцы упряжи", какъ и члены третьяго класса. Разница только въ томъ, что первые нуждались въ большемъ количествѣ полевыхъ воловъ, лошадей или муловъ, чѣмъ послѣдніе. Но указаніе на это численное различіе не заключается само по себѣ въ словѣ „*ζευγῖται*"; это слово не обозначаетъ ясно и опредѣленно, какъ нужно было бы ожидать, что зевгитъ имѣетъ непремѣнно только одну пару полевыхъ воловъ, рабочихъ лошадей или муловъ. Но даже если допустить, что *ζευγίτης* въ прегнантномъ смыслѣ слова обозначаетъ владѣльца одной пары, одной упряжи, то все-таки этимъ затрудненія, заключающіяся помимо того въ названіи этого класса гражданскаго населенія, далеко не устраняются.

Зевгиты, получавшіе болѣе двухсотъ пятидесяти мѣръ дохода, имѣли

---

28) Это объясненіе, предложенное въ цѣломъ рядѣ словарей (напр., у Бензелера) и руководствъ по греческимъ древностямъ (напр., у Gilbert'a Handbuch I^2 S. 128, Anm. 1), во всякомъ случаѣ слишкомъ узко: съ древнѣйшихъ временъ рядомъ съ *ζεῦγος* воловъ мы встрѣчаемъ и *ζεῦγος* лошадей и муловъ. Въ русскомъ переводѣ словаря Любкера (изд. Общ. Класс. Филолог.) II, стр. 1043, примѣч. по поводу зевгитовъ читаемъ: „Зевгиты, имѣвшіе пару рабочихъ воловъ или упряжь, должны были платить всадническую дань. ‹*ἱππάδα, ζευγίσιον, θητικὸν (τέλος) τελεῖν!*›" Слѣдуетъ ли еще подчеркнуть, что эта крупная новость есть сплошное непониманіе сжатаго нѣмецкаго текста?

29) Нѣмецкій переводъ: „Gespann- oder Jochbauer" неудаченъ и можетъ легко ввести въ заблужденіе; онъ поневолѣ связывается съ представленіемъ о барщинѣ съ подводою.

по приблизительному исчисленію г. Латышева[30]) двѣнадцать десятинъ пахатной земли; едва ли для обрабатыванія ея достаточно было одной пары воловъ; съ другой стороны, весьма многіе члены третьяго класса занимались садоводствомъ, посадкой смоковницы, культурой маслинъ и винодѣліемъ,— при такомъ способѣ хозяйства было бы лишнею роскошью содержать „парную упряжь", а одинъ мулъ могъ удовлетворять всѣмъ хозяйственнымъ потребностямъ[31]). И наконецъ, къ третьему классу принадлежало довольно большое число лицъ, нѣкогда видѣвшихъ лучшіе дни. Во время долгаго и остраго кризиса, который начался въ Аттикѣ съ перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству и продолжался до крутой „сисахѳіи" Солона, не одна сотня помѣщиковъ настолько обѣднѣла[32]), что въ концѣ концовъ могла только *ζευγίσιον (τέλος) τελεῖν*. Но развѣ эти лица подходятъ подъ категорію *ζευγῖται* въ общепринятомъ значеніи этого слова? Итакъ, мы опять приходимъ къ выводу, что терминъ *ζευγῖται* не соотвѣтствуетъ приписанному Солону тимократическому дѣленію на классы: онъ беретъ свое начало изъ болѣе отдаленнаго періода и въ немъ находитъ, какъ мы увидимъ, свое полное объясненіе.

Не лучше обстоитъ дѣло съ названіемъ четвертаго класса. Всѣ граждане Аттики, не удовлетворявшіе цензовымъ требованіямъ первыхъ трехъ классовъ, причислялись къ нему и назывались *θῆτες* — „по большинству", какъ прибавляютъ новые ученые, дальше развивая разсказъ Плутарха. Но, во-первыхъ, еще вопросъ, составляли ли „наемные рабочіе" въ самомъ дѣлѣ замѣтное большинство въ этомъ классѣ, къ которому вѣдь принадлежали всѣ мелкіе землевладѣльцы, получавшіе меньше двухсотъ или ста пятидесяти мѣръ ежегоднаго дохода съ полевого сбора, всѣ ремесленники и наконецъ всѣ тѣ купцы, торговцы и т. д., которые не владѣли недвижимымъ имуществомъ. Количество мелкихъ собственниковъ, по всѣмъ даннымъ хозяйственнаго развитія въ древности, должно было быть довольно значительно; и достаточно вспомнить о размѣрахъ и о развитіи фабрикаціи вазъ въ VI столѣтіи въ Аттикѣ, чтобы съ достовѣрностью сказать, что и число ремесленниковъ не могло быть малымъ. Но если даже, во-вторыхъ, противъ всякаго вѣроятія допустить, что *θῆτες*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ четвертомъ классѣ составляли большинство, то не странно ли по крайней мѣрѣ, что Солонъ не могъ придумать для обозначенія всего этого класса названіе, которое, подобно римскому „capite censi" или „proletarii", выражало бы отношеніе этого класса къ государству и его управленію. Развѣ предположить,

---

30) Латышевъ, Очеркъ греч. древностей I², стр. 151, примѣч.

31) Zichorius, „Zu den Namen der attischen Steuerklassen" въ Griech. Studien, H. Lipsius dargebracht. 1892, S. 136—137.

32) Срв. краснорѣчивое свидѣтельство въ элегіяхъ Солона.

что творческая сила Солона и его кружка такъ далеко уступала уму римскихъ законодателей?

Итакъ, изъ до сихъ поръ изложеннаго получается несомнѣнный выводъ, что названія *πενταχοσιομέδιμνοι, ἱππεῖς, ζευγῖται, ϑῆτες* не установлены самимъ Солономъ, что они не могутъ служить точнымъ обозначеніемъ имущественныхъ классовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и наконецъ, что они ведутъ свое начало изъ болѣе глубокой старины.

Этотъ послѣдній, до очевидности ясный фактъ заставляетъ и защитниковъ нынѣ господствующаго ученія о классовомъ дѣленіи Солона дѣлать нѣкоторыя уступки. „Названія ѳетъ, зевгитъ, всадникъ могли конечно" — говоритъ, напр., почтенный профессоръ Бузескулъ[33]), въ данномъ случаѣ соглашаясь съ Gomperz'омъ[34]) — „уже давно бытовать въ обществѣ и употребляться въ смыслѣ приблизительнаго опредѣленія имущественнаго положенія того или другого лица". Важно для меня здѣсь констатировать, что профессоръ Бузескулъ признаетъ такимъ образомъ досолоновское существованіе этихъ терминовъ въ смыслѣ опредѣленія имущественнаго положенія отдѣльныхъ лицъ; какъ онъ однако можетъ согласовать это признаніе съ убѣжденіемъ, что до Солона дѣленія гражданъ на имущественные классы не было и оно не имѣло никакого смысла, я все-таки не понимаю.

Названія „всадникъ", „владѣлецъ упряжи", „наемный работникъ" сами по себѣ, конечно, не характеризуютъ и не опредѣляютъ имущественное положеніе отдѣльнаго лица, если не предполагать, что съ этими названіями связывалось представленіе объ извѣстномъ имущественномъ положеніи всадниковъ, зевгитовъ, ѳетовъ вообще, если не предполагать, что эти названія употреблялись для обозначенія извѣстныхъ классовъ населенія. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить, что для хотя бы „приблизительнаго опредѣленія имущественнаго положенія того или другого лица" прибѣгали къ терминамъ, которые, по мнѣнію проф. Бузескула, въ офиціальномъ языкѣ точнаго, опредѣленнаго смысла не имѣли, и которые, прибавляю я, сами по себѣ, какъ нашъ „дворянинъ", „земледѣлецъ", „чернорабочій", указываютъ скорѣе на сословное, чѣмъ на имущественное различіе? И съ другой стороны, если въ обществѣ чувствовалась потребность „въ приблизительномъ опредѣленіи имущественнаго положенія того или другого лица", то откуда получается увѣренность для утвержденія, „что въ досолоновскомъ государствѣ дѣленіе гражданъ на имущественные классы не имѣло raison d'être, что помимо дѣленія на филы въ родовомъ отношеніи, и въ соціальномъ — на эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, третье дѣленіе было немыслимо"? Чтобы это утвержде-

33) **Бузескулъ**, Аѳинская политія Аристотеля, стр. 315.
34) **Gomperz**, Die Schrift vom Staatswesen der Athener, S. 43 u. 44.

ніе не являлось голословной защитой древняго преданія, возводившаго, какъ извѣстно, къ Солону самыя различныя государственныя учрежденія, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ показать, почему введеніе такого новаго дѣленія, помимо продолжавшихъ существовать прежнихъ дѣленій, можно приписать именно Солону, слѣдовало бы показать, что такое введеніе составляло необходимое звено въ системѣ его государственной реформы, слѣдовало бы, наконецъ, выяснить, какую цѣль и какое значеніе должно было въ періодъ Солона имѣть это дѣленіе на имущественные классы.

Попробуемъ и съ этой точки зрѣнія освѣтить занимающій насъ здѣсь вопросъ. Для возможно полнаго отвѣта на него будетъ умѣстнымъ предварительно разсмотрѣть значеніе классоваго дѣленія въ государственной жизни Аѳинъ въ хорошо намъ извѣстные историческіе періоды и, начавъ оттуда, постепенно приближаться въ нашемъ изслѣдованіи ко времени Солона.

II.

Во всѣ періоды самостоятельной государственной жизни Аттики до реформы Деметрія имущественные классы продолжаютъ существовать.

Аристотель[35]), несомнѣнно классическій свидѣтель для вопросовъ о государственномъ устройствѣ современной ему эпохи, намъ передаетъ, что „казначеи Аѳины избирались изъ пентакосіомедимновъ по солоновскому закону, который еще въ силѣ“ [36]). Этотъ законъ въ своемъ примѣненіи до позднѣйшаго времени служилъ для Аристотеля въ другомъ мѣстѣ[37]) вообще доказательствомъ того, что Солонъ ставилъ право быть избраннымъ на государственныя должности въ зависимость отъ ценза — *ἐκ τῶν τιμημάτων*, — ясное свидѣтельство, кстати замѣтить, что документальныхъ свѣдѣній объ этомъ вопросѣ въ аттической хроникѣ не заключалось. Какое впрочемъ несущественное значеніе имѣли имущественные классы въ дѣлѣ замѣщенія государственныхъ должностей во время Аристотеля, явствуетъ изъ его язвительно-ироническаго замѣчанія, которымъ онъ заканчиваетъ 7-ую главу Аѳинской Политіи. Сообщивъ, что члены класса ѳетовъ не имѣли по конституціи Солона права участія въ государственномъ управленіи, онъ прибавляетъ, „что по этой причинѣ и теперь ни одинъ человѣкъ, выставившій свою кандидатуру на любую должность,

---

35) Arist., Ἀϑ. π. c. 47.

36) Что законы Солона были сгруппированы по отдѣльнымъ должностямъ, которыхъ они касались и которымъ вмѣнено было въ обязанность слѣдить за ихъ исполненіемъ, показалъ R. Schoell, Berichte der Bay. Akad. Hist.-Philol. Klasse 1886, S. 88. Слишкомъ далеко заходитъ Niese въ Hist. Zeitschrift 69, 1892, S. 58 слѣд., утверждая на основаніи результатовъ изслѣдованія Schoell'а, что Солонъ вообще не издавалъ конституціи, а только отдѣльные „νόμοι“.

37) Arist., Ἀϑ. π. c. 8.

на вопросъ, къ какому онъ принадлежитъ классу, не сознается, что онъ ѳетъ“. Конечно, это замѣчаніе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто во времена Аристотеля любой чернорабочій изъ Пирея или Фалерона могъ выступать соискателемъ архонтата; оно только показываетъ, что традиціонный вопросъ о цензѣ при избраніи на должности считался пустой формальностью, и что человѣку, происходившему изъ хорошей семьи и получившему тщательное воспитаніе, даже сильная запутанность финансоваго положенія или окончательное разореніе не служили препятствіемъ искать себѣ средствъ для жизни и лавровъ на государственномъ поприщѣ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ для отправленія весьма многихъ должностей въ развитой демократіи V и IV вѣковъ полагалось приличное вознагражденіе, соблюденіе прежнихъ цензовыхъ рамокъ являлось анахронизмомъ.

Тѣмъ не менѣе классы въ IV вѣкѣ, какъ уже сказано, въ числѣ другихъ „survivals“ продолжали существовать; кромѣ Аристотеля, это засвидѣтельствовано напр. и надписью[38]) 386-го года, въ которой мы — если не ошибаюсь, въ послѣдній разъ въ нашемъ эпиграфическомъ матеріалѣ — находимъ упоминаніе о нихъ. Но какъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ de facto не обусловливался больше принадлежностью соискателя къ тому или другому имущественному классу, такъ и въ податной системѣ IV вѣка классы уже лишены всякаго значенія. Прежнимъ имущественнымъ классамъ не было больше мѣста въ хозяйственной жизни государства съ реформы финансоваго управленія въ архонтство Навсиника 378 года, когда, съ первымъ установленіемъ кадастра земли и составленіемъ описи и оцѣнки народнаго состоянія, введена была раскладка прямой подати съ движимаго имущества по симморіямъ, между тѣмъ какъ подать съ поземельной собственности собиралась по демамъ[39]).

Посмотримъ, какъ дѣло обстоитъ въ V вѣкѣ. О тенденціяхъ и планахъ олигархическаго переворота 411 года мы имѣемъ теперь, благодаря открытію Аѳинской Политіи Аристотеля, который обстоятельно останавливается на этомъ вопросѣ, документальныя, еще болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ прежде; но и въ сообщенномъ у Аристотеля подлинномъ проектѣ конституціи, въ которомъ проявляется такъ ясно стремленіе возвращенія къ „государственному строю отцовъ“,— къ *πάτριος*

---

[38]) C. I. A. I, 31.

[39]) Срв. Beloch, Das Volksvermögen von Attika, Hermes XX, S. 247, 248. Рѣчь противъ Polykl. 8, p. 1209. Beloch, Das attische Timema, Hermes XXII, S. 375. C. I. A. II, 1055, 1059. Во многихъ существенныхъ вопросахъ расходятся съ Beloch'омъ Lipsius, Jahrb. für Philol. 1878, S. 289 и Boeckh-Fränkel, Staatshaush. II[3], Anm. 838. Здѣсь не мѣсто подробнѣе выяснять, почему я въ общемъ, какъ показываетъ мое изложеніе въ текстѣ, согласенъ съ Beloch'омъ.

πολιτεία, какъ гласитъ ихъ лозунгъ, — старые имущественные классы не упоминаются. Имъ въ этомъ проектѣ не отведено даже скромнаго мѣста. Распредѣленіе правъ и обязанностей гражданъ построено на совершенно другихъ началахъ. Значитъ, и въ глазахъ этихъ почитателей старины имущественные классы отжили окончательно свой вѣкъ[40]).

Если такимъ образомъ олигархи конца V вѣка не сочли возможнымъ удержать въ своей конституціи учрежденіе, которое, по словамъ Платона[41]), является характернымъ признакомъ олигархическаго государственнаго устройства, то мы едва ли можемъ ожидать, чтобы это дѣленіе на имущественные классы во время господства чистой демократіи имѣло рѣшающее значеніе въ дѣлѣ государственнаго управленія. Развитіе политической жизни Аттики въ предначертанномъ реформами Клисѳена направленіи шло безъ остановки и послѣдовательно. Благодаря учрежденію аѳинскаго флота, основанію морского союза и преобладающей роли въ немъ Аѳинъ, не только торговля и промышленность идутъ впередъ гигантскими шагами въ столицѣ этого новаго государства, но и аѳинское народное собраніе и народный судъ, призванные рѣшать самыя сложныя дѣла, пріобрѣтаютъ неслыханную власть. На долю участвующихъ въ народномъ собраніи и судѣ низшихъ слоевъ населенія выпадаетъ такимъ образомъ важная политическая роль; въ силу закона гравитаціи, немыслимо было ихъ дольше устранять отъ участія въ государственномъ управленіи. Несомнѣнно, что, при значеніи торговли и промышленности для Аѳинъ, всѣ граждане, не имѣвшіе поземельной собственности, но составившіе себѣ положеніе черезъ эти новые источники дохода, именно въ этотъ періодъ[42]) получили одинаковыя права съ землевладѣльцами; можно полагать, что они были зачислены въ прежніе имущественные классы на основаніи неизвѣстнаго[43]) намъ, впрочемъ, уравненія полевого сбора съ доходомъ отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

---

[40]) Wilamowitz, Arist. und Athen I, S. 22, A. 14 мѣтко замѣчаетъ, что при такомъ положеніи дѣла нельзя приписать олигархическому автору, изъ котораго Аристотель заимствуетъ свое описаніе драконтовской конституціи, изобрѣтеніе имущественныхъ классовъ при Драконтѣ, притомъ въ двоякой формѣ ихъ обозначенія. Противорѣчіе Busolt'a (Gesch. Griech. II², S. 227, Anm. 3), который въ этомъ трудѣ по-моему напрасно перемѣнилъ свой прежній взглядъ на драконтовскую конституцію (Philol. L, S 393 folg.), мнѣ кажется мало убѣдительнымъ.

[41]) Plato, *Pol.* VIII, 7, p. 553ᵃ: *ἡ πολιτεία, ἣν ὀλιγαρχίαν καλοῦσιν, ἐκ τιμημάτων τοὺς ἄρχοντας* и т. д. Срв. и *Pol.* V, 6, p. 1306ᵇ.

[42]) Несостоятельность мнѣнія B. Keil'я, Die Solonische Verfassung, S. 68, будто Солонъ уже переложилъ на деньги прежній цензъ, выражавшійся въ мѣрахъ полевого сбора, не нуждается въ подробномъ разъясненіи. Въ нашей традиціи о реформѣ Солона нѣтъ опоры для такой догадки.

[43]) Мы ниже увидимъ, что обычное уравненіе: 1 медимнъ=1 драхмѣ совершенно произвольно.

Такимъ образомъ нанесенъ былъ смертельный ударъ старинному принципу, по которому поземельная собственность являлась условіемъ для права быть избраннымъ на высшія государственныя должности.

Притомъ при вліяніи и значеніи, которыя пріобрѣло въ силу соціальнаго и хозяйственнаго развитія Аѳинъ послѣ — персидскихъ войнъ гражданское населеніе въ теперешнемъ смыслѣ слова, нельзя было для него закрыть больше доступъ къ тѣмъ высшимъ должностямъ, къ которымъ оно прежде не допускалось. Въ 457 году, по сухому, заимствованному изъ хроники, замѣчанію Аристотеля [44]), рѣшено было избрать кандидатовъ для поста девяти архонтовъ также изъ числа зевгитовъ. Такимъ образомъ разграниченіе гражданскихъ правъ по имущественному цензу было, за исключеніемъ весьма немногихъ должностей, уничтожено. Общеизвѣстно дальше, какія мѣры были приняты, чтобы болѣе бѣднымъ гражданамъ въ Аѳинахъ сдѣлать возможнымъ фактическое пользованіе ихъ политическими правами [45]); назначеніе вознагражденія за участіе въ засѣданіяхъ совѣта и народнаго суда, впослѣдствіи и за посѣщеніе народнаго собранія и отправленіе большой части всѣхъ многочисленныхъ должностей объясняется желаніемъ привлечь народъ въ широкой мѣрѣ къ активной государственной дѣятельности. Какъ обширна, какъ разнообразна могла быть эта дѣятельность, показываетъ заимствованное Аристотелемъ [46]) изъ олигархическаго памфлета замѣчаніе, что 20 тысячъ аѳинянъ могло жить на счетъ государственной казны. Какое практическое значеніе при такомъ развитіи крайней демократіи могли имѣть прежніе имущественные классы?

Полнѣйшую аналогію къ этому политическому развитію Аттики представляетъ ходъ хозяйственной жизни [47]). Правда, сравнительно большой территоріальный объемъ Аттики и особенно культура маслины, представлявшей важный земледѣльческій предметъ вывоза, служили препятствіемъ къ тому, чтобы деревенское населеніе было, подобно какъ въ Ми-

---

44) Arist., *'Αθ. π.*, c. 26.

45) Срв. блестящую картину, которую Ѳукидидъ въ извѣстной рѣчи Перикла II, 40 и 87 рисуетъ объ идеалахъ, лежащихъ въ основѣ неограниченной демократіи: *μέτεστι δὲ κατὰ μὲν τοὺς νόμους πρὸς τὰ ἴδια διάφορα πᾶσι τὸ ἴσον, κατὰ δὲ τὴν ἀξίωσιν, ὡς ἕκαστος ἔν τῳ εὐδοκιμεῖ, οὐκ ἀπὸ μέρους τὸ πλεῖον ἐς τὰ κοινὰ ἢ ἀπ' ἀρετῆς προτιμᾶται, οὐδ' αὖ κατὰ πενίαν, ἔχων δέ τι ἀγαθὸν δρᾶσαι τὴν πόλιν, ἀξιώματος ἀφανείᾳ κεκώλυται.*

46) Arist., *'Αθ. π.*, c. 24. Что эта цифра — разумѣется для болѣе поздняго періода, чѣмъ тотъ, о которомъ говоритъ Аристотель, — а именно для времени высшаго процвѣтанія морского союза, не такъ сильно преувеличена, какъ обыкновенно полагаютъ, показалъ Wilamowitz, Aristot. und Athen II, S. 201 слѣд.

47) Весьма подробно этотъ вопросъ выясненъ у Beloch'a: Griech. Gesch. I. Хорошій обзоръ даетъ E. Meyer, Die wirthschaftliche Entwickelung im Altertum, 1895; срв. особенно S. 28 слѣд.

летѣ и Коринѳѣ, вполнѣ отодвинуто на задній планъ; но тѣмъ не менѣе и здѣсь, со времени греко-персидскихъ войнъ и достиженія морской гегемоніи, коммерческіе интересы городского населенія все болѣе и болѣе преобладаютъ. Съ установленія господства надъ берегами и островами Эгейскаго моря политика Аѳинъ всецѣло опредѣляется и направляется интересами торговли, стремящейся охватить весь древній міръ, уничтожить конкурентовъ, все болѣе и болѣе расширять сферу своего вліянія. Извѣстно, что изъ-за этого стремленія удержать и упрочить морское господство аѳиняне въ концѣ концовъ не задумались начать тяжелую войну и предоставить аттическія поля беззащитно вторженію и опустошенію безжалостнаго врага. Всѣ попытки помѣщиковъ и деревенскаго населенія отстоять свои діаметрально противоположные интерэсы въ V вѣкѣ имѣли и могли имѣть только кратковременный успѣхъ. Какую роль при такомъ хозяйственномъ развитіи могли играть имущественные классы, основанные первоначально на полевомъ сборѣ отъ собственной земли?

Но если и хозяйственное положеніе Аттики въ V вѣкѣ столь кореннымъ образомъ измѣнилось, если и разграниченіе правъ гражданъ при развитіи демократіи не зависѣло больше отъ имущественнаго ценза, то тѣмъ не менѣе этотъ цензъ могъ оставаться основаніемъ для разграниченія и распредѣленія финансовыхъ обязанностей и повинностей гражданъ по отношенію къ государству. И дѣйствительно, мы знаемъ, что болѣе богатые граждане, не пользовавшіеся тогда уже почти никакими преимуществами, привлекались въ весьма сильной мѣрѣ для удовлетворенія финансовыхъ и военныхъ потребностей государства. Но, однако, также общеизвѣстно, что постояннаго подоходнаго налога въ Аѳинахъ не существовало и что принципы податной системы построены были въ общемъ на совершенно иномъ основаніи, чѣмъ представляло дѣленіе народа на классы по ежегодному доходу.

Кромѣ главныхъ статей дохода въ V вѣкѣ — дани союзниковъ, эксплоатаціи серебряныхъ рудниковъ, разныхъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, — въ Аѳинахъ существовали издревле[48]), какъ показываетъ самое названіе ихъ, общественныя службы или повинности, *λητουργίαι*, доставлявшія государству вмѣсто денегъ непосредственно то, въ чемъ оно имѣло надобность. Государство свалило на частныхъ лицъ, напр., снаряженіе кораблей, покрытіе издержекъ на музыкальныя и орхестрическія состязанія, постановку хоровъ для драматическихъ представленій во время общественныхъ празднествъ, устройство гимнастическихъ игръ

---

[48]) Pseudo-Demosth, *Contra Phanippum*, начало рѣчи. Сомнѣнія Fränkel'я (въ Boeckh-Fränkel, Staatshaushaltung II[4], Anm. 752) неосновательны. Изъ того обстоятельства, что извѣстная намъ система литургій основана на началѣ 10 филъ, нельзя вывести заключеніе противъ древняго происхожденія „этихъ общественныхъ службъ“.

и т. д. „Эти литургіи лежали тяжелымъ гнетомъ на зажиточныхъ гражданахъ и отчасти метэкахъ и въ древнѣйшія времена были естественнымъ послѣдствіемъ бо́льшихъ политическихъ правъ богатыхъ людей, въ болѣе же позднія — слѣдствіемъ принципа облегченія матеріальнаго положенія людей недостаточныхъ въ демократической республикѣ“ [49]).

Но о распредѣленіи этихъ литургій согласно принадлежности къ извѣстнымъ имущественнымъ классамъ и рѣчи нѣтъ; не говоря уже о томъ, что литургіи были обязательны отчасти даже для метэковъ, на которыхъ классовое дѣленіе понятнымъ образомъ не распространялось, слѣдуетъ вообще вспомнить, что только имущество въ три таланта подвергало владѣльца литургіямъ. Притомъ протесты противъ будто бы неправильно наложенной литургіи, требованія ея передачи другому лицу, и являвшіеся ихъ слѣдствіемъ судебные процессы съ осмотромъ имущества, наложеніемъ запрещенія, представленіемъ засвидѣтельствованной клятвою описи и т. д. ясно показываютъ, что въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ не производилось правильно повторявшейся черезъ извѣстные промежутки времени оцѣнки имущества; иначе, вмѣсто всѣхъ названныхъ необходимыхъ для судебнаго рѣшенія мѣръ достаточно было бы простой справки въ цензовыхъ спискахъ. Но въ томъ то и дѣло, что такихъ списковъ не существовало. Нужно ли еще болѣе наглядное доказательство того, что имущественные классы уже V вѣкѣ являются какимъ-то пережиткомъ, лишеннымъ всякаго реальнаго значенія [50])?

Если доходы изъ названныхъ до сихъ поръ источниковъ не оказывались достаточными для покрытія потребностей государства, то прибѣгали къ такъ называемой *εἰσφορά*. Толкованіе значенія этой *εἰσφορά* въ аѳинской хозяйственной жизни вызвало весьма оживленный споръ въ наукѣ, и донынѣ еще мнѣнія ученыхъ относительно ея значенія расходятся. Правда, взглядъ Rodbertus'a [51]), который усматривалъ въ *εἰσφορά* правильный прогрессивный подоходный налогъ, теперь, послѣ работъ Lipsius'a [52]), Thumser'a [53]) и Fraenkel'я [54]) никѣмъ больше не раздѣляется;

---

[49]) В. Латышевъ, Очеркъ греч. древ. I², стр. 281.

[50]) Надѣюсь, что мнѣ въ опроверженіе только что изложеннаго не укажутъ на Thucyd. III, 16: *ἐπλήρωσαν ναῦς ἑκατὸν ἐσβάντες αὐτοί τε πλὴν ἱππέων καὶ πεντακοσιομεδίμνων*. Ибо какъ извѣстно, высшія сословія, — а таками конечно и въ V вѣкѣ *ἱππεῖς* и *πεντακοσιομέδιμνοι* въ силу всей традиціи продолжали считаться — не обязаны были къ службѣ во флотѣ, такъ какъ они несли другую, болѣе для нихъ въ матеріальномъ отношеніи тяжелую воинскую повинность. Но изъ этого факта еще далеко не слѣдуетъ, чтобы имущественные классы какъ таковые играли въ политической и хозяйственной жизни Аттики V вѣка какую-нибудь видную роль.

[51]) Rodbertus, Jahrb. für Nationalökonomie und Statistik VIII, 1867, S. 453 слѣд.

[52]) Lipsius, Neue Jahrb. für Philol. 117, 1878, S. 289 слѣд.

[53]) Thumser, De civium Attic. muneribus 1880, p. 31 слѣд.

[54]) Fränkel, Hermes XVIII, S. 314 слѣд.

но зато теорія Boeckh'a[55]), по которой слѣдуетъ различать между основнымъ капиталомъ и податнымъ для *εἰσφορά*, несмотря на весьма толковую критику Beloch'a[56]), находитъ все еще защитниковъ[57]). Подробнѣе останавливаться на разъясненіи этого вопроса я здѣсь не могу, и для моей настоящей задачи такое разъясненіе едва ли и нужно, такъ какъ меня здѣсь только занимаетъ *εἰσφορά* V вѣка, являющаяся экстраординарнымъ военнымъ налогомъ, собираемымъ въ критическія минуты государственной жизни[58]). Слова Θукидида[59]): *προσδεόμενοι δ' οἱ Ἀθηναῖοι χρημάτων ἐς τὴν πολιορκίαν καὶ αὐτοὶ ἐσενεγκότες τότε πρῶτον εἰσφορὰν διακόσια τάλαντα* — все равно, понимать ли *πρῶτον* въ смыслѣ абсолютномъ, или относить его къ Пелопоннесской войнѣ[60]) — не оставляютъ сомнѣнія въ значеніи этого налога въ V столѣтіи.

Но гораздо важнѣе, чѣмъ установленіе значенія этой *εἰσφορά* въ V вѣкѣ, для меня вопросъ о способѣ ея раскладки. Съ рѣдкимъ единогласіемъ утверждается въ нашихъ учебникахъ по греческимъ древностямъ, что раскладка *εἰσφορά* производилась „несомнѣнно" на основаніи солоновскихъ имущественныхъ классовъ. Если это такъ, то надо было бы сознаться, что солоновскіе классы имѣли въ государственномъ устройствѣ V вѣка по крайней мѣрѣ для одного, хотя экстреннаго случая еще реальное значеніе и что моя попытка показать противное не вполнѣ удалась. Но я не вижу причины сдѣлать Gilbert'y[61]), Busolt'y[62]) и т. д. даже и эту уступку. Они едва ли могутъ въ потвержденіе того, будто солоновскіе классы служили основаніемъ для раскладки *εἰσφορά* ссылаться на извѣстное мѣсто Полидевка[63]), въ которомъ сообщается, что податной капиталъ перваго класса равнялся одному таланту, второго класса 3000 и третьяго класса 1000 драхмамъ. Во-первыхъ, смыслъ этого мѣста подвергается спорамъ, во-вторыхъ, мы не знаемъ какъ того, откуда Полидевкъ почерпнулъ

---

55) Boeckh-Fränkel, Staatshaushal. I^{3}, S. 573 слѣд.

56) Beloch, Hermes XX, S. 237 слѣд. XXII, S. 371 слѣд.

57) Boeckh-Fränkel, Staatshaushal. II^{3}, Anm. S. 121*, Anm. 823. Gilbert, Handbuch I^{2}, S. 146, Anm. 1. Busolt, Griech. Staatsalt. ^{2}, S. 300 (въ Müller Handbuch IV^{2}). Hermann-Thumser, Lehrbuch der griech. Antiq. I^{6}, S. 387, Anm. 1 и S. 751 слѣд.

58) Lys., *Δήμου καταλύσεως ἀπολογία* (XXV), c. 12.

59) Thucyd. III, c. 19.

60) Такъ это слово толкуютъ Kirchhoff, Zur Gesch. des Staatsschatzes, S. 27, Boeckh-Fränkel, Staatshaushal. II^{3}, S. 114, Anm. 780. Gilbert, Handbuch I^{2}, S. 408 Anm. 3. E. Meyer, Gechichte des Alterth. II, S. 656. Правда въ доказательство того, что *εἰσφορά* была введена раньше 428 года, едва ли можно съ названными учеными сослаться на C. I. A. I, 25 (IV, p. 9) — надпись слишкомъ фрагментарна; однако Arist. *Ἀθ. π.*, c. 8 ясно показываетъ, что только это толкованіе словъ Θукидида освобождаетъ его отъ упрека въ исторической ошибкѣ.

61) Gilbert, Handbuch I^{2}, S. 408.

62) Busolt, Griech. Staatsalt.^{2}, S. 300.

сообщенныя имъ свѣдѣнія[64]), такъ и того, къ какому времени они относятся; въ-третьихъ, Полидевкъ въ данномъ мѣстѣ объ *εἰσφορά* ни словомъ не упоминаетъ. Такимъ образомъ будто бы „несомнѣнный“ фактъ раскладки *εἰσφορά* по солоновскимъ классамъ превращается въ догадку, въ подтвержденіе которой Gilbert и Busolt ссылаются на двѣ надписи[65]) и два мѣста[66]) изъ исторіи Θукидида. Но замѣчательнымъ образомъ здѣсь объ *εἰσφορά* нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Во всѣхъ названныхъ четырехъ случаяхъ (впрочемъ единственныхъ изъ V вѣка) приводятся только то въ той, то въ другой связи названія солоновскихъ классовъ, — а что эти классы номинально продолжали существовать, мы и безъ того знали. Если, съ другой стороны, вспомнить, что по свидѣтельству Полидевка[67]), цитующаго въ свою очередь Антифонта, всякій въ Аѳинахъ самъ оцѣнивалъ свое имущество для *εἰσφορά*, если дальше вспомнить, что Исократъ[68]) въ „*Τραπεζιτικός*“, произнесенномъ не позже 392 года, подтверждаетъ это извѣстіе Полидевка и притомъ еще сообщаетъ, что и метэки привлекались къ *εἰσφορά* и что, при оцѣнкѣ имущества для этой цѣли принимался въ соображеніе и капиталъ, заключающійся въ рабахъ, то едва ли смѣло будетъ утверждать, что *εἰσφορά* въ V вѣкѣ не раскладывалась по имущественнымъ классамъ Солона.

Если мы теперь обратимся дальше къ періоду, предшествовавшему персидскимъ войнамъ, то сталкиваемся съ замѣчательнымъ фактомъ, что и Писистратъ, который, какъ извѣстно, не измѣнялъ солоновской конституціи въ ея существенныхъ чертахъ, не пользовался однако имущественными классами для раскладки налога въ свою пользу: „*ἐπράττετο γὰρ ἀπὸ τῶν γιγνομένων δεκάτην*“, читаемъ мы у Аристотеля[69]).

---

[63]) Pollux, VIII, 130.

[64]) Приписывали прежде этому мѣсту въ сочиненіи Полидевка большое значеніе, потому что считали его заимствованнымъ цѣликомъ изъ Аристотеля. Теперь послѣ открытія трактата Аристотеля мы видимъ, что Полидевкъ взялъ эти цифры изъ другого источника и вставлялъ ихъ въ почерпнутый имъ изъ *Ἀθ. π.* Аристотеля разсказъ. Въ виду этого пригодность этихъ цифръ для дальнѣйшихъ заключеній значительно уменьшается. По-моему, E. Meyer, Gesch. des Altert. II, S. 655 правъ, перефразируя мѣсто Полидевка слѣдующими словами: „Später scheinen die Einkommensätze der einzelnen Klassen capitalisiert und dabei herabgesetzt zu sein“.

[65]) C. I. A. I, 31: въ качествѣ участниковъ колонизація Бреи въ 444 году называются *θῆτες* и *ζευγῖται*. C. I. A. II, 14: въ фрагментарной надписи 387 года, трактующей о продажѣ поземельныхъ участковъ клеруховъ на островѣ Лемносѣ, упоминаются въ неустановляемой связи *πεντακοσιομέδιμνοι*.

[66]) Thucyd. III, 16: о значенія этого мѣста мы уже говорили. Срв. выше прим. 50. Thucyd. VI, 43: упоминается о наборѣ *θῆτες* въ экипажъ флота.

[67]) Pollux, VIII, 103.

[68]) Isocr. *Trap.* 41 и 49.

[69]) Arist., *Ἀθ. π*, c. 16, 4. Срв. Thucyd. VI, 54: *ἐπετήδευσαν ἐπὶ πλεῖστον δὴ τύραννοι οὗτοι ἀρετὴν καὶ ξύνεσιν καὶ Ἀθηναίους εἰκοστὴν μόνον πρασσόμενοι...*

Подводя итоги до сихъ поръ изложенному, мы можемъ сказать, что имущественные классы въ IV, V и VI вѣкахъ до времени тираннiи включительно были лишены, если оставить въ сторонѣ номинальную ихъ роль при замѣщенiи нѣсколькихъ магистратуръ, почти всякаго реальнаго значенiя и что они являются въ эту пору какимъ-то переживанiемъ. Но мы можемъ пойти и дальше и сказать, что они такимъ же переживанiемъ являются уже во времена Солона.

Общеизвѣстно и общепризнанно, что Аттика въ VII столѣтiи до Р. Х. пережила весьма тяжелый хозяйственный кризисъ, вызванный, какъ въ XIV и XV столѣтiяхъ по Р. Х. въ Западной Европѣ, распространенiемъ благородныхъ металловъ въ качествѣ единственнаго мѣрила всякихъ товаровъ и продуктовъ работы и замѣною прежней мѣновой торговли сдѣлками на звонкую монету. Этотъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному былъ во времена Солона уже почти совершившимся фактомъ. Солонъ старался своей „σεισαχθία“ смягчить роковыя послѣдствiя этого факта, но устранить его или задержать ходъ разъ начавшагося развитiя онъ не могъ. Напротивъ, онъ вездѣ считается съ этимъ фактомъ. Всѣ назначенныя имъ награды, всѣ установленные имъ штрафы выражаются въ деньгахъ; мало того, онъ замѣнилъ въ видахъ торговыхъ удобствъ принятую въ Аттикѣ до сихъ поръ монетную систему другой. Мыслимо-ли, спрашиваю, при такомъ положенiи дѣлъ, что Солонъ „для болѣе точнаго и справедливаго разграниченiя правъ и обязанностей гражданъ“, какъ выражаются наши новые ученые, дѣлилъ народъ на четыре имущественные класса, принадлежность къ которымъ опредѣляется самымъ грубымъ мѣриломъ — количествомъ полеваго сбора? Развѣ здѣсь при довольно сложныхъ уже условiяхъ хозяйства во время Солона о „точности“ и „справедливости“ можетъ быть рѣчь? Мы уже выше указали, что въ концѣ VII вѣка садоводство и особенно культура оливковаго дерева были въ Аттикѣ въ значительной мѣрѣ распространены. Какое значенiе Солонъ приписывалъ этой культурѣ, явствуетъ уже изъ того, что онъ, запрещая вывозъ продуктовъ земледѣленiя, сдѣлалъ исключенiе относительно оливковаго масла.

Выяснимъ себѣ хоть на одномъ примѣрѣ, къ какимъ результатамъ при такомъ положенiи земледѣльческаго производства дѣленiе гражданъ на классы по простому количеству полеваго сбора могло и должно было вести. Аѳинянинъ А., положимъ, получаетъ съ своихъ земель ровно 200 мѣръ сыпучихъ и жидкихъ продуктовъ. Онъ вслѣдствiе этого причисляется къ классу зевгитовъ, первоначально не имѣетъ права быть избраннымъ на высшiя государственныя должности и привлекается, по господствующему ученiю, въ весьма скромной мѣрѣ къ общественнымъ повинностямъ. А между тѣмъ его поземельный участокъ расположенъ въ плодороной долинѣ Илисса; онъ сѣетъ отчасти пщеницу, а больше еще

занимается садоводствомъ, производитъ кунжутъ, имѣетъ виноградникъ и оливковую плантацію. Аѳинянинъ Б. получаетъ ровно 500 мѣръ ежегоднаго полевого сбора; онъ на основаніи этого пользуется всѣми преимуществами членовъ перваго класса, но и несетъ все бремя этого положенія. А между тѣмъ его имѣніе находится въ горной части Аттики, гдѣ, кромѣ ячменя, ничего не растетъ. Какъ можно заключить изъ офиціальной надписи[70]) времени Перикла, еще около 440 года рыночная цѣна пшеницы была вдвое выше, чѣмъ ячменя; о винѣ, маслѣ и т. д. и говорить нечего, ихъ можно смѣло оцѣнить втрое или вчетверо выше. Выходитъ такимъ образомъ, что зевгитъ въ нашемъ примѣрѣ имѣетъ гораздо больше дѣйствительнаго дохода, чѣмъ пентакосіомедимнъ! Сознаюсь, что придуманный мною для иллюстраціи примѣръ довольно рѣзокъ; но надѣюсь, всѣ согласятся, принимая въ соображеніе тогдашнее положеніе земледѣльческаго производства въ Аттикѣ, что въ матеріальномъ положеніи членовъ сосѣднихъ классовъ — пентаксіомедимновъ и всадниковъ, или всадниковъ и зевгитовъ — могло и должно было очень часто повторяться только что описанное отношеніе.

Наши новые ученые, правда, надъ этимъ вопросомъ не задумывались: на основаніи совершенно произвольнаго уравненія, по которому будто бы во время Солона одинъ медимнъ хлѣба стоилъ одну драхму[71]), они представляютъ остроумныя и сложныя вычисленія основного капитала членовъ отдѣльныхъ классовъ; но долженъ былъ задуматься надъ

---

[70]) Dittenberger, Sylloge I, 13, v. 16.

[71]) Это общераспространенное и общепринятое новыми учеными мнѣніе опирается на слова Плутарха въ біографіи Солона, г. 23: *εἰς μέν γε τὰ τιμήματα τῶν θυσιῶν λογίζεται πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀνὶ' μεδίμνου*. Насколько я знаю, Wilamowitz'y, Arist. u. Athen I, S. 81, принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на полную непригодность этого уравненія для дальнѣйшихъ вычисленій. Дѣло въ томъ, что мы здѣсь имѣемъ тарифъ для жертвоприношеній, въ которомъ опредѣляется, что вмѣсто медимна хлѣба, должно-быть искони обычнаго взноса, принимается драхма денегъ. Утверждать на этомъ основаніи, что медимнъ хлѣба во время Солона стоилъ дѣйствительно одну драхму, значило бы и допустить, что напр. въ третьемъ вѣкѣ быкъ стоилъ 2 драхмы. Такъ, у Полидевка (IX, 61) мы читаемъ, что аттическій герольдъ въ делійскій праздникъ провозглашалъ преміи, которыя по старинному обычаю опредѣлялись количествомъ головъ рогатаго скота, но уплачивались наличными деньгами, при чемъ вмѣсто быка выдавали 2 драхмы. Во сколько тогда дѣйствительно быкъ обходился, мы навѣрное не знаемъ; однако на основаніи счетовъ о покупкѣ правда всегда болѣе дорогихъ быковъ для жертвоприношеній (быкъ въ счетѣ изъ 410 года (C. I. A. I, 188) стóитъ выше 51 драхмы, изъ $37^4/_3$ года (C. I. A. II, 814) — выше 77 драхмъ, въ 329 году (*Ἐφ. ἀρχ.* 1883. p. ($12^5/_6$ *β*. 77) въ счетѣ фигурируетъ даже сумма въ 400 драхмъ за быка) мы можемъ получить по крайней мѣрѣ приблизительное представленіе о настоящей цѣнѣ быка въ это время и убѣдиться въ томъ, что уравненіе въ наградахъ делійскаго праздника имѣетъ только значеніе „eines formelhaften Ausdruckes". Не иначе дѣло обстоитъ съ Солоновскимъ тарифомъ для жертвоприношеній. Въ защиту опредѣленной въ немъ цѣны медимна можно было бы указать, что въ 329 году медимнъ пшеницы въ счетахъ елевсин-

этимъ вопросомъ Солонъ, если онъ, какъ полагаютъ, дѣйствительно имѣлъ въ виду поставить въ зависимость права и обязанности гражданъ отъ фактическаго ихъ дохода. Преслѣдуя эту цѣль, онъ, при начавшемся денежномъ хозяйствѣ его времени и современномъ ему положеніи аттическаго земледѣлія, не могъ остановиться на мысли принять за

скаго храма оцѣненъ только въ 6 драхмъ (Ath. Mitth. VIII, S. 213) и что при постепенномъ пониженіи стоимости звонкой монеты цѣна медимна, на основаніи показанія изъ 329 года, могла опредѣлиться во время Солона не выше драхмы. Но нельзя здѣсь забыть, что усиленный ввозъ дешевой понтійской пшеницы въ IV столѣтіи несомнѣнно долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ сильное пониженіе ея цѣны. Въ Аттикѣ тогда имѣло мѣсто то же самое явленіе, которое теперь наблюдается на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ вслѣдствіе импорта изъ Америки и Индіи. Такимъ образомъ по-моему опираться на счетъ елевсинскаго храма изъ 329 года нельзя при опредѣленіи стоимости хлѣба въ солоновскую эпоху. Что въ этой эпохѣ медимнъ хлѣба долженъ былъ быть во всякомъ случаѣ дороже драхмы, мнѣ кажется ясно изъ другихъ цифръ, относящихся къ этому періоду. Такъ, Солонъ опредѣлилъ награду за умерщвленіе волченка въ одну драхму, за умерщвленіе волка въ 5 драхмъ, за побѣду на истмическомъ состязаніи въ 100 драхмъ, за побѣду на олимпійскихъ играхъ въ 500 драхмъ. Эти цифры показываютъ, что стоимость звонкой монеты въ то время была ниже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Busolt, Gesch. Griechenl. II² S. 244 A. 1 возражаетъ противъ вѣрности этого вывода, сдѣланнаго уже Wilamowitz'емъ. Онъ думаетъ, что цѣна денегъ была въ это время очень высока и что хлѣбъ въ Аттикѣ былъ дѣйствительно очень дешевъ. Доказательство для перваго положенія онъ усматриваетъ въ низкомъ размѣрѣ опредѣленныхъ Солономъ штрафовъ. Такъ, за нарушеніе закона о запрещеніи вывоза хлѣба на первомъ аксонѣ (Plut. *Sol.*, c. 24) опредѣляется штрафъ въ 100 драхмъ; по словамъ Busolt'а этотъ штрафъ уже въ V вѣкѣ состоялъ бы изъ 1000 или даже 10.000 драхмъ. Откуда Busolt черпалъ эти свѣдѣнія, не знаю; но штрафъ въ сто драхмъ за нарушеніе названнаго закона во всякомъ случаѣ нельзя назвать ничтожнымъ. Притомъ надо имѣть въ виду, что кромѣ общей стоимости денегъ при опредѣленіи этого штрафа, могли имѣть еще другіе факторы рѣшающее значеніе. Можетъ-быть Солонъ предвидѣлъ возможное нарушеніе этого закона какъ разъ со стороны болѣе бѣднаго класса производителей и вслѣдствіе этого не могъ опредѣлить высшій штрафъ, чѣмъ лица этого класса населенія въ состояніи были платить. Дальше въ доказательство положенія, что въ Аттикѣ хлѣбъ былъ дешевымъ товаромъ, Busolt указываетъ на запрещеніе его вывоза. По его мнѣнію, изъ этого запрещенія слѣдуетъ, что хлѣбъ въ сосѣднихъ городахъ выше цѣнился, чѣмъ въ самой Аттикѣ. Но это опять утвержденіе, которое показываетъ недостаточное знакомство съ дѣйствительными условіями хозяйственной жизни. Аттика тогда еще въ хорошіе годы могла обходиться безъ импорта хлѣба. Мегара и Коринѳъ, какъ нынѣ Англія, жили почти исключительно привознымъ хлѣбомъ. Слѣдовательно, тамъ могъ образоваться, какъ теперь въ Лондонѣ, постоянный рынокъ, тамъ было надежное мѣсто для скораго сбыта хлѣба. Аттическій землевладѣлецъ, который, при трудности кредита въ то время и суровости долговыхъ обязательствъ, еще меньше могъ ждать съ продажей жатвы, чѣмъ теперешній производитель, пользовался случаемъ сбыть туда свой хлѣбъ. Этотъ фактъ еще вовсе не доказываетъ, что онъ не могъ разсчитывать получить въ самой Аттикѣ въ теченіе года ту же самую цѣну. Вѣдь у насъ, напр., въ началѣ августа 1892 года былъ усиленный экспортъ хлѣба изъ русскихъ гаваней, хотя возможно было съ увѣренностью вслѣдствіе неурожая во многихъ изъ нашихъ губерній предвидѣть къ зимѣ возвышеніе цѣны въ самой Россіи; но дѣло въ томъ, что условія хозяйства

мѣрило фактическаго дохода простое количество полевого сбора. Или же, если онъ это дѣйствительно сдѣлалъ, то напрасно всѣ древніе и новые ученые хвалятъ его умъ и разсудокъ. Каждый селянинъ могъ бы до очевидности ему доказать несообразность этой мѣры. Но намъ нечего ставить эту альтернативу, рѣшеніе которой и безъ того не можетъ быть сомнительнымъ. Ибо мы вдобавокъ въ состояніи хоть въ главныхъ чертахъ показать, какъ Солонъ урегулировалъ вопросъ о государственныхъ повинностяхъ и опредѣлилъ способъ сбора могущихъ понадобиться налоговъ. Въ осьмой главѣ *Ἀθ. πολ.* Аристотеля мы читаемъ: *„ἐπὶ δὲ τῶν ναυκραριῶν ἀρχὴ καθεστηκυῖα ναυκράροι, τεταγμένη πρὸς δὲ τὰς εἰσφορὰς καὶ τὰς δαπάνας τὰς γιγνομένας· διὸ καὶ ἐν τοῖς νόμοις τοῖς Σόλωνος, οἷς οὐκέτι χρῶνται, πολλαχοῦ γέγραπται τοὺς ναυκράρους εἰσπράττειν καὶ ἀναλίσκειν ἐκ...“* Если съ этими словами Аристотеля сопоставить извѣстіе Гесихія s. v. *ναύκλαροι* (sic): *„τινὲς δὲ ἀφ' ἑκάστης φυλῆς δώδεκα, οἵτινες ἀφ' ἑκάστης χώρας τὰς εἰσφορὰς ἐξέλεγον...“* то, несмотря на полное отсутствіе детальныхъ свѣдѣній, ясно, по крайней мѣрѣ, что будто бы учрежденные Солономъ классы имъ самимъ не положены въ основаніе для распредѣленія государственныхъ повинностей.

Въ итогѣ до сихъ поръ изложеннаго утверждаю безъ колебанія, что имущественные классы не учреждены Солономъ.

Но установленіемъ этого отрицательнаго вывода моя настоящая задача не закончена. „Die Aufdeckung des Irrtums“ — говоритъ Niebuhr[71]) — „mag dem Kritiker genügen, der Historiker aber bedarf Positives“. Согласно этому требованію знаменитаго основателя науки о древностяхъ, постараюсь изложить и объяснить возникновеніе и значеніе такъ называемыхъ имущественныхъ классовъ въ аттическомъ государственномъ устройствѣ.

III.

Какъ вездѣ, такъ и въ Греціи переходъ отъ общиннаго къ частному землевладѣнію и возникновеніе и упроченіе личной собственности ведутъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ матеріальному неравенству членовъ

въ большинствѣ случаевъ не позволяютъ производителямъ ждать со сбытомъ продуктовъ. Вотъ почему въ подобныхъ моментахъ законодатели прибѣгаютъ къ запрещенію вывоза, чтобы обезпечить потребности собственной страны. И если и при теперешнихъ путяхъ сообщенія можно сомнѣваться въ необходимости и цѣлесообразности такого запрещенія, то для временъ Солона, при постоянно враждебныхъ отношеніяхъ Аѳинъ съ Эгиною и трудности мореплаванія вообще, вопросъ рѣшался иначе. Но, повторяю, это рѣшеніе не можетъ служить свидѣтельствомъ о необыкновенной дешевизнѣ хлѣба въ самой Аттикѣ.

[71]) Niebuhr, Röm. Gesch. I. Aufl. Vorrede, S. X.

одного государства. Это матеріальное неравенство съ своей стороны обусловливаетъ соціальное различіе. Скорость и интенсивность этого развитія зависитъ, конечно, отъ разныхъ благопріятствующихъ или препятствующихъ ему обстоятельствъ. Въ восточной Греціи уже съ момента ея вступленія въ историческій міръ это развитіе является законченнымъ. Памятники микенскаго періода[73]) уже отчасти служатъ нѣмыми, но краснорѣчивыми свидѣтелями великолѣпія могущественнаго дворянства, которое въ культурѣ гомеровской эпохи достигаетъ апогея своего значенія. Гомеровскія эпопеи повѣствуютъ намъ о полномъ развитіи поземельной собственности[74]), о строгомъ разграниченіи сословій и первенствующей роли доблестной знати. Помимо другихъ причинъ, способствовавшихъ такому развитію, однимъ изъ главныхъ факторовъ для выдѣленія замкнутой аристократіи слѣдуетъ несомнѣнно признать тогдашнюю организацію военнаго дѣла.

Въ прямой зависимости отъ Востока водворяется обычай сражаться съ боевой колесницы[75]). Употребленіе первобытныхъ оружій — лука, палицы и каменной или бронзовой сѣкиры, которыя, судя по результатамъ раскопокъ, играли еще главную роль въ „періодъ троянской культуры", все болѣе и болѣе вытѣсняется новымъ оружіемъ, копьемъ, обусловливающемъ значительное измѣненіе военной тактики. Съ одной стороны, копье ведетъ къ изобрѣтенію разныхъ средствъ для защиты тѣла, съ другой — оно является причиной построенія войска замкнутыми рядами, глубокой фалангою. Такъ, въ соединеніи съ боевыми колесницами, были организованы египетскіе легіоны фараоновъ новаго царства, завоевавшіе Сирію, такъ устроена была пѣхота хетовъ, и этотъ пріемъ сражаться становится господствующимъ и въ Микенахъ[76]). А между тѣмъ какъ восточные народы употребляли для рукопашнаго сраженія съ боевой колесницы серпообразный ножъ, кинжалъ или сѣкиру, греки создали себѣ болѣе дѣйствительное оружіе — обоюдоострый, длинный мечъ. Въ рукопашной борьбѣ другое оружіе съ мечомъ конкурировать не могло, съ другой стороны, управленіе мечомъ требовало и бóльшаго упражненія,

---

73) Срв., кромѣ спеціальныхъ трудовъ о микенской культурѣ, сжатыя, но весьма мѣткія характеристики у E. Meyer'a, Gesch. des Altert. II, S. 166—173 и Beloch'a, Griech. Gesch. I, S. 91 слѣд.

74) Попытка Ridgeway'a, The Homeric Landsystem, въ Journal of Hell. Studies VI (1885) p. 319 слѣд., показать на основаніи *Iliad.* M, 421, что въ гомеровскую эпоху господствовало еще общинное землевладѣніе, должна быть признанной несостоятельной. Срв. Beloch, Griech. Gesch. I, S. 87 Anm. 6 и Pöhlmann, Aus Altertum u. Gegenwart, 1895: Die Feldgenossenschaft bei Homer, S. 105—148.

75) Изображенія ихъ мы часто имѣемъ на росписныхъ вазахъ; срв. для примѣра кипрскую вазу, изображенную у Brunn'a: Griech. Kunstgesch. I, S. 128, Abbild. 96.

76) Срв. микенскую вазу съ изображеніемъ семи копьеносцевъ: Furtwängler-Loeschcke, Myk. Vasen, Taf. 42, 43. Brunn, Griech. Kunstg. I, S. 45. Abb. 48.

и бо́льшей храбрости, чѣмъ управленіе копьемъ или лукомъ. Въ тѣсной связи съ введеніемъ этого новаго оружія находится также изобрѣтеніе болѣе надежныхъ средствъ для защиты тѣла: металлическаго шлема, круглаго легкаго щита, панцыря, набедренниковъ, поручней и т. д. Понятно, что противъ натиска воина, такимъ образомъ вооруженнаго, сражающагося съ боевой колесницы, толпа копьеносцевъ и стрѣлковъ устоять не могла, но такъ же понятно, что при цѣнности такой колесницы, при первоначальной дороговизнѣ металловъ и техническихъ трудностяхъ ихъ обработки, только крупные землевладѣльцы въ состояніи были обзавестись этой „паноплiею". Центръ тяжести въ битвѣ[77]), рѣшающее въ немъ значеніе заключается теперь въ поединкѣ этихъ тяжеловооруженныхъ воиновъ, сражающихся съ боевой колесницы[78]). Само собою разумѣется, что эти доблестные воины стали занимать и въ мирное время, на вѣчѣ, въ совѣтѣ царя, самое видное мѣсто[79]).

Въ культурной эпохѣ, представляемой гомеровскими эпопеями, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же рыцарствомъ микенскаго времени — только въ его дальнѣйшемъ развитіи. Какъ прежде, такъ и теперь въ военномъ дѣлѣ рѣшающее значеніе имѣетъ поединокъ отдѣльныхъ вождей-рыцарей. Правда, борьба съ колесницы является у гомеровскихъ поэтовъ уже отголоскомъ эпическаго стиля; несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ въ позднѣе редактированныхъ частяхъ Иліады и Одиссеи „*ἱππῆες*" въ дѣйствительности представляютъ собою то же самое, что и въ историческое время, а именно — всадниковъ. Но это не особенно рѣзкое измѣненіе въ способѣ сражаться — вмѣсто боевой колесницы съ боевого коня — ничуть не повліяло на соціальное и политическое положеніе

---

77) Срв. Bauer, Griech. Kriegsalterthümer въ J. Müllers Handbuch IV[2], S. 291 слѣд. 298.

78) О важной роли послѣднихъ въ микенскомъ государствѣ свидѣтельствуетъ цѣлая сѣть искусственно построенныхъ дорогъ, соединяющихъ столицу съ Клеонами, Тенеей, Коринѳомъ и т. д. Срв. Steffen, Karten von Mykenai, 1884, Text. S. 8 слѣд. Schliemann, Mykenae, S. 58, 91, 97, 259. *Ἐφ. ἐπιγ.* 1883, *πιν.* 10, 1. Schliemann, Tyrins, Taf. 14 и 15.

79) Памятники микенской культуры вообще подтверждаютъ то, что наше изложеніе развитія военнаго устройства соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На найденномъ въ древнѣйшемъ слоѣ микенскаго некрополя — „im 4. Schachtgrab" — обломкѣ серебраннаго сосуда, на которомъ въ зависимости отъ ассирійскихъ образцовъ (Brunn, Griech. Kunstgeschichte I, S. 80, Abbil. 60) изображена сцена осады, воины еще не имѣютъ ни меча ни шлема. Потомъ на памятникахъ изъ болѣе поздняго періода той же культуры мы находимъ рядъ изображеній воиновъ въ шлемѣ и полномъ вооруженіи. (Ср. напр. *Ἐφ. ἐπιγ.* 1888, *πιν.* 8, 12. Furtwängler-Loeschke, Myken. Vasen, Taf. 42 und 43. Schuchardt, Schliemanns-Ausgrabungen[2] S. 237). Кромѣ того, изъ названнаго періода найдена цѣлая коллекція мечей весьма различныхъ формъ и одинъ плетеный панцырь. (Schliemann, Tyrins, Taf. 17[b]).

рыцарей-дворянъ. Напротивъ, съ теченіемъ времени неравенство имущества становилось все замѣтнее, значеніе богатыхъ и знатныхъ родовъ все сильнѣе. „Grossgrundbesitz, Ritterkampf und Adelsherrschaft bedingen und fördern sich gegenseitig“, мѣтко замѣчаетъ Е. Meyer[80]).

Богатства и знатное положеніе переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, и этимъ сословіе всадниковъ получаетъ все болѣе и болѣе замкнутый характеръ; оно все сильнѣе развивается, и притомъ въ двухъ направленіяхъ. На мелкомъ, но свободномъ землевладѣльцѣ, вслѣдствіе постоянныхъ стычекъ съ сосѣдними государствами[81]), военная служба лежитъ тяжелымъ бременемъ; его поле остается невоздѣланнымъ во время его пребыванія въ походѣ; а если болѣе сильный авладѣетъ его имуществомъ, то ему трудно добиться защиты и возстановленія своихъ правъ. Процессы затягиваются долго, и противъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ ихъ выиграть мудрено. Участвовать въ народномъ собраніи, пользоваться политическими правами ему, въ силу его положенія, почти невозможно.

Такимъ образомъ удалось греческой знати, какъ германскимъ рыцарямъ въ средніе вѣка, часть свободнаго населенія привести въ почти полную зависимость отъ себя и прямо закабалить другую часть, которая добровольно готова была отказаться отъ свободы, подъ условіемъ защиты со стороны вліятельныхъ лицъ. Возрастаетъ и численно умножается классъ ѳетовъ[82]), наемныхъ работниковъ или мелкихъ „половниковъ“, не пользующихся политическими правами. Все ихъ существованіе основано на милости барина-всадника. Съ другой стороны, это потомственное всадничество-дворянство стремилось къ ограниченію царской власти; мы уже у гомеровскихъ поэтовъ, которые сами горячо защищаютъ эту власть[83]), имѣемъ любопытныя указанія на эти тенденціи[84]). Результатъ, къ которому эти стремленія вели, общеизвѣстенъ[85]). Между тѣмъ какъ въ Спартѣ и на островѣ Критѣ въ силу исключительныхъ условій развивалось изъ болѣе примитивныхъ формъ жизни государство равноправныхъ воиновъ, въ которомъ всадничество и аристократія не могли играть особенно выдающейся роли, между тѣмъ какъ на сѣверо-западѣ Греціи,

---

80) E. Meyer, Geschichte des Altertums II, S. 304.

81) Срв. Thucyd. I, Prooemium.

82) Il. *Φ*. v. 443:

..... *θητεύσαμεν εἰς ἐνιαυτόν,*
μισθῷ ἐπὶ ῥητῷ.....

83) Срв. Beloch, Griech. Gesch. I, S. 298.

84) Il. A. v. 225—232.

85) Pöhlmann, Aus Altertum und Gegenwart: Die wirthschaftlichen Verhältnisse des hell. Mittelalters S. 149—194.

у локрійцевъ, „не знавшихъ копья и панцыря[86])“, а также можетъ быть въ Аркадіи и Элидѣ, культура и государственная жизнь остались еще надолго на первобытной ступени, — на всемъ Востокѣ Греціи и въ ея колоніяхъ царская власть отмѣняется, и съ развитіемъ всадническаго сословія утверждается господство „наилучшихъ“. Эта форма правленія постепенно распространяется потомъ съ Востока на Западъ. Вѣрность описаннаго здѣсь въ самыхъ крупныхъ штрихахъ государственнаго развитія восточной Греціи и указанной тѣсной связи между военнымъ и политическимъ устройствомъ подтверждается первокласснымъ свидѣтельствомъ Аристотеля: *„ἡ πρώτη δὲ πολιτεία ἐν τοῖς Ἕλλησιν* — говоритъ онъ[87]) — *ἐγένετο μετὰ τὰς βασιλείας ἐκ τῶν πολεμούντων, ἡ μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐκ τῶν ἱππέων (τὴν γὰρ ἰσχὺν καὶ τὴν ὑπεροχὴν ἐν τοῖς ἱππεῦσιν ὁ πόλεμος εἶχεν)“*.

Что это господство *ἱππεῖς* имѣло мѣсто не только въ Халкидѣ и Эретріи, въ Кимѣ, Колофонѣ, Магнезіи, Беотіи, Θессаліи и т. д., но и въ Аттикѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это вѣрно уже отмѣчено было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ въ диссертаціи K. F. Hermann'a[88]). Если Martin[89]), хотя въ условной формѣ, и многіе до него и послѣ него рѣшительно этотъ фактъ отрицаютъ, то въ такомъ отрицаніи прогресса науки усматривать нельзя. Эти ученые, начиная съ Larcher'a[90]), указываютъ на засвидѣтельствованную Геродотомъ[91]) непригодность Аттики для коннозаводства, на будто бы установленный фактъ, что конница впервые учреждена Солономъ, и, въ явномъ противорѣчіи съ этимъ, на другой фактъ, что даже въ битвѣ при Мараθонѣ объ участіи конницы у Геродота[92]) не упоминается, что далѣе по словамъ (впрочемъ, невѣрно понятымъ) того же историка до Мараθонской битвы немногія только семейства держали лошадей и т. д., и т. д.

Пускаться въ полемику съ учеными, не умѣющими или не желающими установить коренное различіе между организаціею конной службы въ войскѣ историческаго времени и потомственнымъ всадническимъ дворянствомъ, развивавшимся, между прочимъ, на основаніи первенствующей роли рыцарскаго поединка въ военномъ устройствѣ предыдущаго періода, считаю совершенно лишнимъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока

86) Il. N. v. 714.

87) Arist. *Pol.* VI, 10, 9 = IV, 1297b.

88) K. F. Hermann, De equitibus atticis, p. 11. Съ остальными выводами и взглядами Hermann'a въ данной книгѣ однако согласиться нельзя.

89) Martin, Les cavaliers Atheniens, 1886, p. 75. На стр. 15 этого капитальнаго изслѣдованія авторъ допускаетъ возможность, „что въ доисторическое время господствовала въ Аттикѣ аристократія, главная сила которой заключалась въ конницѣ“.

90) Larcher, Mem. de l'Acad. des Inscrip. XLVIII, p. 84.

91) Herod. IX, 13.

92) Herod. VI, 102 слѣд.

эти ученые, отрицающіе установленное нами значеніе термина ἱππεῖς, не представятъ удовлетворительнаго объясненія, хотя бы, напр., того факта, что даже въ Спартѣ, гдѣ рыцарство и всадничество играли наименьшую роль, пѣшій отрядъ изъ трехсотъ отборныхъ юношей, служившій въ качествѣ тѣлохранителей царя, назывался ἱππεῖς[93]).

Что же касается аргумента этихъ ученыхъ, будто бы Аттика до Мараѳонской битвы лошадей и слѣдовательно и всадническаго сословія не знала, то, не говоря уже о роли коня въ чисто аттическихъ миѳахъ[94]) и въ древнѣйшемъ составѣ панаѳинейскихъ празднествъ[95]), хоть бѣглое посѣщеніе Акропольскаго музея и знакомство съ вазовой живописью должны насъ убѣдить въ несостоятельности этого взгляда. На Акрополѣ въ „Perserschutt" найдено много фрагментовъ статуй лошадей, въ большинствѣ случаевъ со всадниками[96]). Съ раннихъ временъ лошадь является любимымъ предметомъ изображенія на аттическихъ вазахъ[97]). На надгробныхъ памятникахъ VII и VI вѣковъ умершій часто изображается въ видѣ юноши верхомъ на конѣ; по вѣрному толкованію Konze[98]) и А. Павловскаго[99]), въ этомъ нужно видѣть указаніе на состояніе и богатство покойнаго, на его принадлежность къ всадническому сословію. Итакъ, памятники искусства древнѣйшаго періода, изъ котораго литературнаго преданія еще не существуетъ, наглядным образомъ свидѣтельствуютъ о выдающемся значеніи удалого всадническаго рыцарства въ Аттикѣ.

Въ итогѣ до сихъ поръ изложеннаго, мы такимъ образомъ дошли до того результата, что имена двухъ „солоновскихъ" классовъ, ἱππεῖς и ϑῆτες, находятъ свое естественное объясненіе въ военно-политическомъ развитіи древнѣйшаго греческаго государства. Ἱππεῖς — это господствующее сословіе всадниковъ-дворянъ, ϑῆτες — зависящее отъ нихъ въ матеріальномъ и политическомъ отношеніяхъ крестьянское населеніе.

Но въ Аттикѣ такое господство доблестныхъ рыцарей надъ остальнымъ населеніемъ представляетъ собою только переходную ступень въ развитіи государственной жизни. Что тамъ всадническому дворянству

---

93) Срв. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древностей I², стр. 122.

94) Martin, Caval. Ath. p. 15.

95) Martin, Caval. Ath. p. 226.

96) Winter, Archaische Reiterbilder von der Akropolis. Jahrb. des archäol. Instit. VIII, (1893) S. 135—156. А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ (1896) стр. 250 слѣд.

97) Collignon, Cavalier athénien et scènes de la vie guerrière въ Mon. Grecs. № 14—16, 8. Loeschke, Archaische Niobidenvase въ Jahrb. des archeol. Institutes 1887, S. 275.

98) Konze, Attische Grabreliefs I, 4. № 1, IX, 2.

99) А. Павловскій, Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ, стр. 276, гдѣ и указана вся литература по данному вопросу.

не удалось, какъ напр. въ Ѳессаліи, вполнѣ закабалить и подчинить своей власти классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, причины тому мы должны усматривать, съ одной стороны, въ прогрессѣ промышленности и торговли въ государствахъ, лежащихъ въ бассейнѣ Эгейскаго моря и находящихся въ близкихъ связяхъ съ мало-азіатскими городами, съ другой стороны — въ условіяхъ политическихъ отношеній Аттики къ сосѣднимъ государствамъ, заставившихъ аѳинянъ обратить серіозное вниманіе на возможное усовершенствованіе военнаго дѣла. На тѣсное взаимодѣйствіе матеріальнаго развитія страны и политическаго движенія среднихъ классовъ уже Ѳукидидъ мѣтко указалъ[100]). И болѣе мелкій землевладѣлецъ могъ при развитіи торговли и промышленности, кромѣ сбыта своихъ продуктовъ, найти еще другіе источники дохода; далѣе, вслѣдствіе прогресса металлургіи[101]) пріобрѣтеніе полнаго вооруженія являлось дѣломъ осуществимымъ и для гражданъ средняго состоянія. Такимъ образомъ подготовляется переворотъ въ военной тактикѣ. Не состязаніе дворянъ-предводителей съ колесницы или боевого коня рѣшаетъ больше судьбу сраженія; съ тѣхъ поръ, какъ средне-греческія государства могли выставлять сотни и тысячи тяжеловооруженныхъ воиновъ, поединокъ отдѣльныхъ *ἱππεῖς* лишается значенія, — главная сила въ правильномъ движеніи тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, сплоченныхъ въ замкнутый строй. Уже когда-то успѣхи дорянъ и покореніе ими микенскаго государства въ значительной степени обусловливались[102]) замкнутой военной тактикой ихъ копьеносцевъ. Примѣръ спартанцевъ и указанныя только что измѣненныя условія вооруженія должны были и въ Аттикѣ вызвать образованіе тяжеловооруженной пѣхоты, тѣмъ болѣе, что Аттикѣ съ VII—VI столѣтія приходилось почти безпрерывно вести борьбу съ сосѣдями на разныхъ фронтахъ. Мегара и Эгина съ одной стороны, Халкида — съ другой являются опасными, почти равносильными противниками[103]). Но разъ средніе классы населенія составляли важный факторъ въ дѣлѣ защиты отечества, они естественно должны были претендовать на участіе въ государственномъ управленіи, и въ той или другой формѣ ихъ притязанія и удовлетворялись.

Дѣйствительность только-что намѣченнаго процесса въ государственной жизни Греціи подтверждается наблюденіемъ Аристотеля: „*αὐξανομένων δὲ τῶν πόλεων*“ — говоритъ онъ дальше въ вышеприведенномъ мѣстѣ

---

[100]) Thucyd. I, 13.

[101]) Beloch, Griech. Gesch. I, S. 304.

[102]) Meyer, Gesch. des Altert. II, S. 265.

[103]) О политической группировкѣ греческихъ государствъ и ихъ стремленіяхъ въ данный періодъ срв. цѣнную статью Holm'a: Lange Fehde въ Hist. und Philol. Aufsätze für E. Curtius, 1884.

Политики[104]) — *„καὶ τῶν ἐν τοῖς ὅπλοις ἰσχυσάντων μᾶλλον πλείους μετεῖχον τῆς πολιτείας“*.

Кого въ Аттикѣ разумѣть подъ *„οἱ ἐν τοῖς ὅπλοις“* Аристотеля[105])? Такъ извѣстно, что въ Аттикѣ во всѣ времена существованія гражданскаго войска, службу въ тяжеловооруженной пѣхотѣ отправляли по преимуществу зевгиты[106]), то безъ колебанія возможно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ, еслибъ само названіе „зевгиты“ на первый взглядъ не представляло нѣкоторыхъ затрудненій. Дѣйствительно, если, какъ до сихъ поръ изложено, средній классъ въ Аттикѣ допущенъ былъ къ участію въ государственномъ управленіи именно на основаніи его видной роли въ новомъ военномъ устройствѣ, то слѣдовало бы ожидать, что это его отношеніе къ военному дѣлу найдетъ для себя выраженіе и въ его названіи. А между тѣмъ, по общепринятому толкованію, слово зевгитъ обозначаетъ „владѣльца парной упряжи“. Полная основательность подобнаго возможнаго возраженія противъ вѣрности приведеннаго здѣсь взгляда, на развитіе и ходъ аттической государственной жизни, — вѣрности, за которую впрочемъ говорятъ всѣ рѣшительно данныя, — по необходимости заставляетъ меня не отступить передъ этимъ камнемъ преткновенія и подвергнуть общепринятое мнѣніе о значеніи слова *ζευγίτης* краткому пересмотру.

Въ нашихъ настольныхъ словаряхъ (напр., въ лексиконѣ Бензелера) мы правда находимъ слѣдующее объясненіе: *„ζευγίτης* — имѣющій пару воловъ, зевгитъ“. Потомъ указывается на солоновское классовое дѣленіе и, наконецъ, упоминается въ скобкахъ, что „позднѣе слово *ζευγίτης* обозначаетъ также с о с ѣ д а, т о в а р и щ а в ъ с т р о ю“. Такое объясненіе находится подъ явнымъ вліяніемъ общепринятой теоріи о значеніи солоновской реформы. Уже справка въ „Thesaurus“ Stephanus'а или въ словарѣ Passow'а, въ которомъ вся мудрость относительно солоновскаго дѣленія преподносится только подъ № II къ формѣ *ζευγῖται*, могла бы легко убѣдить нашихъ историковъ и филологовъ, что слово *ζευγίτης* не обо-

---

104) Arist. *Pol.* VI, 10, 9 = IV, 1297^b.

105) Надѣюсь, что не встрѣчу противорѣчія, если оставлю филу *ὅπλητες* въ данномъ вопросѣ совсѣмъ въ сторонѣ. На мой взглядъ, достаточно уже выяснено, что имена филъ на аттической почвѣ не имѣютъ кастоваго или сословнаго значенія, и что филы вообще являются въ Аттикѣ извнѣ принесеннымъ, искусственнымъ дѣленіемъ, установленнымъ для удобства государственнаго управленія. Срв. В. Шефферъ, Аѳинское гражданство I, стр. 219 слѣд.

106) Военный характеръ т. н. солоновскихъ классовъ выдвигаетъ и E. M e y e r, Gesch. des Altert. II, S. 653; но придерживаясь при этомъ мнѣнія, что названія ихъ находятся въ тѣсной связи съ цензомъ, что они даже отъ него произведены, онъ лишаетъ себя возможности вывести необходимыя заключенія изъ несомнѣнно вѣрнаго своего положенія и такимъ образомъ останавливается такъ сказать на полдорогѣ.

значаетъ первоначально „владѣльца парной упряжи". Дѣйствительно, не нужно особенно глубокаго знанія законовъ греческаго словообразованія, чтобы a priori установить, что слово *ζευγίτης*, производимое отъ *ζεῦγος*, какъ *πολίτης* отъ *πόλις*, *δημότης* отъ *δῆμος*, *κωμήτης* отъ *κώμη*, *οἰκέτης* отъ *οἶκος*, первоначально служитъ для обозначенія принадлежности даннаго предмета къ *ζεῦγος*, равно какъ *πολίτης*, *δημότης*, *κωμήτης*, *οἰκέτης* обозначаютъ принадлежность даннаго гражданина или лица къ городу-общинѣ, къ дему, комѣ и дому, а не ихъ обладаніе ими[107]). Итакъ, уже Stephanus и особенно Passow совершенно вѣрно замѣтили, что первое значеніе слова *ζευγίτης* — „вмѣстѣ запряженный въ ярмо", „парно соединенный въ бракѣ, въ боевомъ строю" и т. д. Такое объясненіе вполнѣ подтверждается анализомъ тѣхъ немногихъ мѣстъ изъ древнихъ авторовъ, въ которыхъ слово *ζευγίτης* употребляется безъ отношенія къ аттическому классовому дѣленію. Такъ напр., у Діодора[108]) сообщается, что Александръ Македонскій велѣлъ, съ цѣлью увезти богатую добычу изъ Персеполиса, собрать *ἡμιόνων πλῆθος, τῶν μὲν ἀχθοφόρων, τῶν δὲ ζευγιτῶν πρὸς δὲ τούτοις καμήλους ἀχθοφόρους τρισχιλίας*... Выходитъ такимъ образомъ, что здѣсь дѣлается различіе между мулами, запряженными въ ярмо (*ἡμίονες ζευγῖται*), въ повозку, и мулами, носящими бремя на спинѣ, — вьючными. Точно также у Каллимаха[109]) словами „*ζευγίτιδας ἔτρεφεν ἵππους*" противопоставляются каретныя лошади верховымъ. Но не останавливаясь на этихъ цитатахъ и также на мѣстѣ Θеофраста[110]), гдѣ рѣчь идетъ о „*Κάλαμος ζευγίτης*" при составленіи греческой сиринги, и отмѣчая только, что приведенныя сочетанія слова *ζευγίτης* ясно иллюстрируютъ выше установленное его значеніе, перейду къ 23-й главѣ Плутархова жизнеописанія Пелопида, въ которой по-моему заключается весьма существенное свидѣтельство для установленія вѣрнаго пониманія названія „солоновскаго" класса зевгитовъ, которое, какъ мы уже выше видѣли, при нынѣ общепринятомъ объясненіи, представляетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ реальныхъ затрудненій.

Описывая роль Пелопида въ битвѣ при Левктрахъ, Плутархъ въ названной главѣ ставитъ своему герою въ особенную заслугу то, что онъ успѣлъ разстроить правое крыло спартанцевъ и заставилъ ихъ врозь сражаться, хотя послѣдніе своей военной дисциплиной пріучены

107) Срв. Kühner-Blass, Ausführliche Grammatik der griech. Sprache II, S. 284. Bühler, Das Secundursuffix *ΤΗΣ*. Gött. 1858. На первый взглядъ слово *ὁπλίτης* не подходитъ подъ установленное здѣсь значеніе словъ, производимыхъ посредствомъ суффикса *ΤΗΣ* отъ именъ существительныхъ. Но уже Θукидидъ VI, 58 вѣрно объясняетъ *ὁπλίτης* черезъ *ὁ ἐν τοῖς ὅπλοις*. По этой аналогіи *ξευγίτης* обозначаетъ: *ὁ ἐν τῷ ξεύγει*.

108) Diod. XVII, 71, 2.

109) Callim., *Hym. in Apoll.* 48.

110) Theophr., *Hist. plant.* V, II, 3—6.

были каждый разъ въ случаѣ разстройства боевого порядка, не теряя времени на отысканіе первоначальнаго мѣста, образовывать новый порядокъ, примыкая къ рядамъ и позади стоящему товарищу. Эту мысль Плутархъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *„Καίτοι πάντων ἄκροι τεχνῖται καὶ σοφισταὶ τῶν πολεμικῶν ὄντες οἱ Σπαρτιᾶται πρὸς οὐδὲν οὕτως ἐπαίδευον αὑτοὺς καὶ συνείθιζον, ὡς τὸ μὴ πλανᾶσθαι μηδὲ ταράττεσθαι τάξεως διαλυθείσης, ἀλλὰ χρώμενοι πᾶσι πάντες ἐπιστάταις καὶ ζευγίταις, ὅποι ποτὲ καὶ συνίστησεν ὁ κίνδυνος καταλαμβάνειν καὶ συναρμόττειν καὶ μάχεσθαι παραπλησίως*. Эпистатъ обозначаетъ позади стоящаго во взводѣ фаланги; *ζευγίτης* такимъ образомъ по контексту должно имѣть значеніе: рядомъ стоящій, направо и налѣво отъ даннаго солдата, въ одной и той же ротѣ воинъ. Если вспомнить вышеприведенныя аналогіи, особенно *Κάλαμος ζευγίτης*, то требуемое контекстомъ Плутарха значеніе слова *ζευγίτης* ничего страннаго не представляетъ. Но установленный нами только что смыслъ этого слова по необходимости заставляетъ предполагать, что слово *ζεῦγος* когда-то употреблялось въ смыслѣ техническаго термина въ военномъ языкѣ для обозначенія извѣстной единицы боевого строя. Въ современной Плутарху военной тактикѣ слова *ζεῦγος* и *ζευγίτης* не встрѣчаются; ясно отсюда, какъ мало основательно замѣчаніе Benseler'a, что зевгитъ только въ болѣе позднюю эпоху означаетъ товарища въ строю. Главнымъ источникомъ Плутарха при составленіи біографіи Пелопида служилъ, какъ я въ другомъ мѣстѣ [111]) старался доказать, Каллисѳенъ. Изъ семнадцатой главы того же жизнеописанія Пелопида видно, что Каллисѳенъ интересовался вопросами военнаго быта; очень можетъ быть, что Плутархъ ему обязанъ и въ данномъ мѣстѣ своими свѣдѣніями о спартанской тактикѣ и формировкѣ новыхъ взводовъ изъ эпистатовъ и зевгитовъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что главное преимущество Плутарха — его громадная начитанность [112]) въ антикварной литературѣ, и что вслѣдствіе этого его показаніе о зевгитахъ заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія.

Правда, слово *ζεῦγος* въ требуемомъ нами значеніи въ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятникахъ, насколько я знаю, не встрѣчается; зато синонимное, образованное изъ того же корня *ζυγ-* слово *ζυγόν, ζυγός* [113]), которое въ значеніи „ярмо" чередуется съ *ζεῦγος*, весьма часто [114]) употребляется для обозначенія извѣстнаго военнаго дѣленія, — роты, дѣ-

[111]) E. v. Stern, Xenophons Hellenika und die böotische Geschichtsüberlieferung. 1888. S. 45—62.

[112]) Wilamowitz, Hermes XII, S. 361 folg.

[113]) G. Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie^4 S. 181.

[114]) Срв. напр., Thucyd. V, 68 и Bauer, Griech. Kriegsaltertümer въ J. Müllers Handbuch IV^2, Taf. III, Fig. 18, 25. S. 329 и 450. Anm. 2.

ленія, которое у писателей-тактиковъ впослѣдствіи обозначается именемъ *λόχος*. Изъ сопоставленія Плутархова извѣстія съ только что приведеннымъ фактомъ, можно вывести заключеніе, что „*ζευγίτης*“ — древній военно-техническій терминъ для обозначенія отдѣльныхъ гоплитовъ въ ихъ взаимномъ отношеніи къ извѣстному подраздѣленію всего войска. Такое заключеніе возводится во вполнѣ достовѣрный фактъ, если вспомнить, что въ Аттикѣ ядро тяжеловооруженныхъ воиновъ набиралось изъ класса „зевгитовъ“, и что и предшествующій ему классъ *ἱππεῖς* ведетъ свое названіе и свое начало изъ военнаго быта глубокой старины.

Зевгиты такимъ образомъ являются тяжеловооруженными воинами и ихъ названіе — „рядомъ стоящіе, рядовые“, — объясняется тѣмъ, что они, въ противоположность всадникамъ и легковооруженнымъ, сражались, какъ выше изложено, въ замкнутыхъ, строго сформированныхъ рядахъ[115]).

Итакъ, въ развитіи древне-аттическаго государственнаго строя мы могли констатировать возникновеніе и существованіе трехъ военно-политическихъ сословій. На первомъ мѣстѣ стоитъ потомственное дворянство всадниковъ-рыцарей; съ развитіемъ культурной жизни и обусловленнымъ имъ измѣненіемъ военной тактики выдвигается сословіе „гражданъ-рядовыхъ“[116]), которые, въ виду ихъ важнаго значенія въ дѣлѣ защиты

---

115) Conrad'y Cichorius'y принадлежитъ та заслуга, что онъ въ маленькой статейкѣ: «Zu den Namen der attischen Steuerklassen» (Griechische Studien, Hermann Lipsius dargebracht) 1894, S. 135—140,в первые вкратцѣ указалъ на это значеніе названія класса зевгитовъ. Сохраняя за нимъ право литературнаго первенства, я однако считаю не безинтереснымъ отмѣтить, что я самостоятельно дошелъ до того же самаго результата. Ранней осенью 1894 года, въ рефератѣ, читанномъ въ засѣданіи Одесскаго Историко-филологическаго Общества я изложилъ тѣ-же самые взгляды, въ то время, когда о существованіи статьи Cichorius'a ничего еще не зналъ. «Griechische Studien» получены были въ Одессу приблизительно мѣсяцемъ позже. Упоминаю объ этомъ не изъ чуждаго мнѣ чувства авторскаго самолюбія, а потому, что всякое научное положеніе, установленное двумя изслѣдователями независимо другъ отъ друга, этимъ самымъ получаетъ бóльшій вѣсъ.

116) Меня нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что общая традиція древности термина „зевгитъ“ не ставитъ въ связь съ военнымъ бытомъ. Разъ *ξεῦγος* въ смыслѣ единицы въ военномъ строѣ было замѣнено другимъ названіемъ, эта связь уже стала непонятной. Однако, что нельзя было найти какого-нибудь удовлетворительнаго объясненія для имени этого аттическаго „имущественнаго класса“ помимо этой связи, показываетъ замѣтка Полидевка. Онъ (VIII, 132) пишетъ: „*ζευγήσιόν τε τέλος οἱ ζευγοτροφοῦντες ἐτέλουν*“. Ясно до очевидности, что источникъ Полидевка толковалъ непонятное для него имя по аналогіи съ *ἱπποτροφεῖν* и *ἱππεῖς* — и на этомъ натянутомъ объясненіи, которое, кстати замѣтить, встрѣчается только у одного Полидевка, основано все отождествленіе членовъ третьяго такъ называемаго имущественнаго класса съ земледѣльцами, владѣющими парной упряжью. Новые ученые принимали это толкованіе, потому что имъ казалось необходимымъ найти въ названіи зевгитовъ отношеніе къ какому-нибудь имущественному положенію, а между тѣмъ имъ не удалось и въ силу вещей не могло удаться найти

отечества, съ успѣхомъ претендуетъ на извѣстное участіе въ государственномъ управленіи; и въ противоположность этимъ двумъ сословіямъ мы имѣемъ третье, не несущее бремени военной службы, но зато устраненное отъ всякой политической роли, — сословіе ѳетовъ.

Къ этимъ тремъ основнымъ сословіямъ древней Аттики съ теченіемъ времени прибавляется четвертое, или, правильнѣе сказать, изъ сословія *ἱππεῖς* самые богатые и знатные его члены выдѣляются въ особую группу, въ особый классъ пентакосіомедимновъ. Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Knoke[117]), одобреннымъ и Cichorius'омъ[118]), что пентакосіомедимны представляютъ собою только подраздѣленіе *ἱππεῖς* и первоначально вѣроятно назывались *ἱππεῖς πενταχοσιομέδιμνοι*. Крупныепомѣщики естественнымъ образомъ играютъ въ государственной жизни особую роль. Согласно законамъ всякаго государственнаго развитія, они обособляются въ отдѣльное сословіе, претендующее на разныя преимущества въ государствѣ, и въ силу этихъ увѣнчанныхъ успѣхомъ стремленій возникаетъ описанное Аристотелемъ [119]) аристократически-плутократическое государственное устройство *(ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην)*, въ существованіе котораго въ Аѳинахъ не вѣрить нѣтъ рѣшительно никакой причины.

Названіе этого сословія крупныхъ помѣщиковъ ясно указываетъ на какое-то имущественное ихъ отношеніе къ государству. Предположеніе Gomperz'а[120]), что слово *πενταχοσιομέδιμνος* не выражало опредѣленнаго имущественнаго ценза, а употреблялось въ смыслѣ нашего милліонера, для общаго обозначенія[121]) самыхъ богатыхъ гражданъ, весьма остроумно, но не вполнѣ убѣдительно въ виду того, что и для другихъ сословій въ государствѣ имѣется извѣстное имущественное опредѣленіе, выражаемое въ количествѣ ежегоднаго полевого сбора. Вслѣдствіе этого мы должны предполагать, что въ извѣстный моментъ государственнаго развитія постановлено было доходы ежегоднаго полевого сбора крупныхъ помѣщиковъ приравнять къ пятистамъ медимнамъ, остальныхъ *ἱππεῖς*—къ тремъ стамъ, а зевгитовъ—къ двумъ стамъ или ста пятидесяти, и на основаніи этого приравниванія отчислить въ случаѣ надобности извѣстный процентъ въ пользу казны, какъ экстраординарный военный налогъ. Въ виду какихъ соображеній пришли къ установленію именно

болѣе правдоподобное объясненіе этого названія на почвѣ имущественныхъ отношеній. Что *ζεῦγος* въ византійскій періодъ обозначаетъ опредѣленный крестьянскій надѣлъ, конечно не можетъ служить аналогіей для нашего случая, и по справедливости новые ученые не привлекали этого обстоятельства къ выясненію „солоновскаго дѣленія“.

117) Knoke, Grenzboten, 1891, S. 43—44.

118) Cichorius, Zu den Namen der attischen Steuerklassen, S. 140.

119) Arist., *Ἀθ. π.* c. 3, 1; 3, 6.

120) Gomperz, Die Schrift vom Staatswesen der Athener, 1891, S. 40.

121) Срв. напр., Aristoph., *Ekkl.* 1007.

этого аппроксимативнаго уравненія, конечно, съ точностью опредѣлить нельзя; можно только догадываться, что эти цифры, конечно не по какому-нибудь строго произведенному цензу, а по „vox populi", такъ сказать, въ общемъ соотвѣтствовали дѣйствительнымъ доходамъ членовъ этихъ исконныхъ сословій. Мы впрочемъ знаемъ, что еще впослѣдствіи въ аттическомъ семейномъ правѣ, отличавшемся, какъ видно, большою консервативностью въ своихъ постановленіяхъ, то же самое уравненіе играетъ извѣстную роль. Въ рѣчи противъ Макартата[122]) встрѣчается несомнѣнно подлинный законъ[123]) о выдачѣ приданаго со стороны ближайшихъ родственниковъ въ случаѣ выхода замужъ дочери-наслѣдницы изъ сословія ѳетовъ: и по этому закону пентакосіомедимнъ обязывается платить 500, всадникъ — 300 и зевгитъ — 150 драхмъ.

Съ большей рѣшительностью мы можемъ отвѣтить на вопросъ, въ какое время для всѣхъ названныхъ сословій аттическаго населенія установленъ былъ этотъ аппроксимативный доходъ, подлежащій податному сбору. Что этотъ доходъ выражается не въ деньгахъ, а въ количествѣ ежегодно получаемыхъ полевыхъ продуктовъ, это ясно указываетъ на то, что моментъ его опредѣленія предшествуетъ введенію монетной системы, и названіе перваго класса *πενταχοσιομέδιμνοι* свидѣтельствуетъ дальше о томъ, что этотъ моментъ относится къ періоду времени, когда хозяйственное развитіе въ Аттикѣ стояло еще на довольно низкой ступени и когда винодѣліе, садоводство и культура оливковаго дерева занимали еще весьма скромное мѣсто въ сравненіи съ хлѣбопашествомъ[124]). Итакъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что во всякомъ случаѣ не позже начала или средины VII вѣка[125]) опредѣленъ былъ этотъ выраженный въ количествѣ ежегоднаго хлѣбнаго сбора доходъ каждаго изъ существующихъ сословій. Первоначально, конечно, такое опредѣленіе имѣло только своей цѣлью установить, что напр., каждый всадникъ-рыцарь, получая минимальный доходъ въ триста медимновъ, долженъ извѣстные проценты этой суммы вносить на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Но въ силу логическаго закона, что если $a = b$, то $b = a$, каждый и не всадникъ, могущій при раскладкѣ податей показать, что его ежегодный полевой сборъ равняется descriptionремъ стамъ медимнамъ, наравнѣ съ всадниками участвуетъ въ государственныхъ повинностяхъ и слѣдовательно естественнымъ образомъ и пользуется преимущественнымъ

---

[122]) Pseud-Demosth. XLIII, 54.

[123]) Wachholz, De litis instrum. in Demosthenis quae fertur oratione in Macart., Kiel, 1878. (Diss.).

[124]) Срв. Busolt, Philol. L. 1891, S. 396. B. Keil, Die solonische Verfassung, S. 69.

[125]) Срв. Wilamowitz, Aristoteles und Athen I, S. 82. Busolt, Geschichte Griechenl. II², S. 227, Anmerk.

положеніемъ этого сословія. Онъ, правда, на основаніи своего ежегоднаго дохода не становится прямо *ἱππεύς* въ строгомъ смыслѣ этого слова, и потомственные всадники-рыцари, по всей вѣроятности съ извѣстнымъ презрѣніемъ смотрѣли на подобнаго рода „parvenu"; но онъ *„τὴν ἱππάδα τελεῖ"*, какъ гласитъ техническое выраженіе, онъ платитъ всадническую подать и въ силу этого причисляется къ классу всадниковъ[126]). Какъ лица, достигшія своимъ трудомъ или стеченіемъ счастливыхъ обстоятельствъ этого положенія, гордились такимъ переходомъ во всадническій классъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ *„τὰ ἀναθήματα τῶν ἀρχαίων"*[127]), посвященія изображеній коней или конныхъ статуй на Акрополѣ. На одной изъ нихъ причина посвященія ясно указана въ слѣдующихъ двухъ пентаметрахъ, приводимыхъ Аристотелемъ[128]) и Полидевкомъ[129]):

Διφίλου Ἀνθεμίων τόνδ' ἀνέθηκε θεοῖς
Θητικοῦ ἀντὶ τέλους ἱππάδ' ἀμειψάμενος.

Такимъ образомъ установленіе податнаго дохода и пріуроченіе его къ существующимъ сословіямъ, образовавшимся на военно-политическихъ началахъ, ведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ; оно прокладываетъ брешъ въ замкнутости и обособленности этихъ сословій, открываетъ доступъ къ нимъ новымъ элементамъ на основаніи чисто аграрно-тимократическаго принципа и создаетъ почву для этой своеобразной комбинаціи военно-сословныхъ и имущественно-политическихъ началъ въ аттическомъ государственномъ устройствѣ времени Драконта и Солона, комбинаціи, заключающей въ себѣ уже всѣ зачатки для дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ постепенной демократизаціи.

Введеніе монетной системы, обусловленное сильно развившеюся торговлею, и вызванный этимъ введеніемъ переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству влекутъ въ Аттикѣ за собою весьма тяжелый кризисъ. Останавливаться на подробномъ анализѣ его возникновенія и на выясненіи его дальнѣйшаго развитія завело бы меня здѣсь слишкомъ въ сторону; едва ли притомъ послѣ новѣйшихъ работъ въ этой области является нужнымъ еще распространяться объ этомъ хозяйственномъ кризисѣ.

Отсылая къ соотвѣтствующимъ главамъ и страницамъ изслѣдованій

---

126) Позволю себѣ особенно подчеркнуть, что въ древней традиціи при разсказѣ о переходѣ того или другаго лица изъ одного класса въ другой, никогда, насколько я знаю, не встрѣчается выраженіе, что давное лицо стало всадникомъ, зевгитомъ или ѳетомъ; а говорится, что оно вмѣсто одной подати платитъ другую: *ἱππάδα, ζευγίσιον, θητικὸν [τέλος] τελεῖ.*

127) Arist., Ἀθ. π. c. 7.

128) Arist., Ἀθ. π. c. 7.

129) Pollux VIII, 131.

Giraud[130]), Beloch'a[131]) и Meyer'a[132]), считаю достаточнымъ для моихъ цѣлей подчеркнуть, что полный экономическій переворотъ въ Аттикѣ конца VII вѣка долженъ былъ и вести къ важнымъ соціальнымъ измѣненіямъ. Правда, хозяйственный кризисъ на первомъ планѣ отражался пагубнымъ образомъ на классѣ мелкихъ землевладѣльцевъ; но и значительная часть аттическаго дворянства вовлечена была въ него въ силу измѣненныхъ условій жизни. „Ипотечные столбы" воздвигались не только на поляхъ ѳетовъ и зевгитовъ, они являлись и на имѣніяхъ многихъ всадниковъ и пентакосіомедимновъ. При такомъ положеніи дѣлъ долженъ былъ назрѣть вопросъ о государственныхъ реформахъ. Дѣйствительно, при сохраненіи и на будущее время господствовавшаго донынѣ принципа замѣщать государственныя должности *ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην*, нельзя было уже предоставлять право участія въ государственномъ управленіи лицамъ, фактическій доходъ которыхъ вслѣдствіе ихъ долговыхъ обязательствъ являлся весьма незначительнымъ. При общемъ тогда въ Греціи девизѣ: *„χρήματ' ἀνήρ"* оставить названный принципъ было вполнѣ немыслимо; съ нарушеніемъ частныхъ правъ владѣнія урегулировать временно хозяйственный кризисъ казалось Дракону невозможнымъ или нецѣлесообразнымъ; въ виду этого ему оставалось только вывести изъ тогдашняго экономическаго развитія необходимыя заключенія: а именно, безпощадно устранить отъ участія въ государственной дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя по своему матеріальному положенію являлись къ тому неспособны. Такимъ образомъ логика фактовъ, логика исторической послѣдовательности вполнѣ подтверждаетъ вѣрность изложенія Аристотеля[133]), по которому Драконтъ поставилъ доступъ къ высшимъ должностямъ въ зависимость отъ обладанія извѣстнымъ, свободнымъ отъ долговъ состояніемъ[134]). Онъ, конечно,

---

[130]) Paul Giraud, La propriété foncière en Grèce 1893.

[131]) Beloch, Griech. Gesch. I. Abschnitt VIII. „Die Umwälzung im Wirthschaftsleben" S. 194—225.

[132]) Meyer, Geschichte des Altertums II, S. 583 слѣд. и Meyer, Die wirthschaftliche Entwickelung im Altertum S. 22 слѣд.

[133]) Arist., *'Αθ. π.* c. 4.

[134]) Busolt (Philol. L, S. 394) прежде усматривалъ въ этой *„οὐσία ἐλευθέρα"* весьма вѣское доказательство въ пользу подлинности описанной у Аристотеля драконтовой конституціи; въ своей Gesch. Griech. II², S. 227 Anm. онъ измѣнилъ свой взглядъ и говоритъ, что понятіе объ *οὐσία ἐλευθέρα* въ драконтовское время еще не существовало и что соотвѣтствующій этому періоду терминъ былъ-бы *„γῆ ἐλευθέρα"*. Совершенно вѣрно, но что изъ этого слѣдуетъ? Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что источникъ Аристотеля, олигархъ конца V вѣка, примѣнилъ при описаніи конституціи Драконта, какъ и показываетъ выраженіе *οἱ ὅπλα παρεχόμενοι*, терминологію своего времени. Развѣ на томъ основаніи, что наши источники передаютъ цензовыя цифры римскихъ классовъ въ ассахъ, а не jugera'хъ, слѣдуетъ отрицать, что классовое дѣленіе въ Римѣ принадлежитъ царскому періоду? — Чтобы здѣсь покончить съ преслo-

и не думалъ уничтожать[135]) исторически сложившіеся классы и ихъ права и прерогативы въ общемъ; мы видимъ, что онъ этимъ классовымъ дѣленіемъ пользуется какъ основаніемъ для прогрессивнаго распредѣленія штрафовъ; онъ только, при тогдашнемъ положеніи хозяйственной жизни, долженъ былъ обставить занятіе болѣе важныхъ должностей прочными гарантіями. Недостаточно было, что то или другое лицо принадлежало къ классу пентакосіомедимновъ или всадниковъ; было необходимо, чтобы оно въ дѣйствительности владѣло такимъ имуществомъ, которое могло служить въ извѣстной степени залогомъ правильности и законности его отправленія отвѣтственныхъ магистратуръ.

Въ промежутокъ времени между законодательствомъ Драконта и Солона хозяйственный кризисъ еще болѣе обострился, какъ и по необходимости слѣдовало ожидать, такъ какъ Драконтъ при своей реформѣ экономическихъ вопросовъ вовсе не касался.

Положеніе особенно мелкихъ землевладѣльцевъ вслѣдствіе начавшагося тогда уже импорта изъ Понта стало все хуже и хуже, и многіе изъ нихъ въ силу тягостныхъ долговыхъ законовъ продавались въ рабство внѣ предѣловъ Аттики[136]). Потребность въ серіозной помощи государства стала очевидной, и Солонъ рѣшился провести законодательную мѣру, которая по крупности нарушенія правъ личной собственности едва ли имѣетъ себѣ аналогію. Его „сисахѳія" (оттрясеніе бремени) однимъ почеркомъ пера уничтожила всѣ долговыя обязательства, освободила, какъ онъ краснорѣчиво поетъ, „черноглыбую матушку-землю

вутой четвертой главой аристотеловской политіи, — вотъ вкратцѣ мое сужденіе о ней. Аристотель черпалъ свои извѣстія изъ брошюры аѳинскаго олигарха конца V вѣка. Послѣдній не могъ основываться на цѣльномъ, оффиціальномъ изложеніи этой конституціи, не могъ по той простой причинѣ, что такого изложенія не существовало. Онъ добылъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ пунктахъ изъ спеціальныхъ законовъ объ отдѣльныхъ магистратахъ и учрежденіяхъ, и старался объединить эти отрывочныя свѣдѣнія въ цѣльную систему. При этомъ допущены имъ разныя погрѣшности, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что онъ въ общемъ довольно хорошо справился съ своей задачей. Мы во всякомъ случаѣ должны быть благодарны Аристотелю, что онъ обратилъ надлежащее вниманіе на этотъ въ другихъ отношеніяхъ весьма тенденціозный источникъ и на заключающіяся въ немъ справки изъ забытыхъ законовъ. Мы совершенно другимъ путемъ дошли въ вопросѣ объ *οὐσία* или вѣрнѣе *γῆ ἐλευθέρα* до того-же результата, что и писатель изъ кружка Ѳерамена. Къ сожалѣнію, текстъ этой интересной главы трактата Аристотеля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно испорченъ.

[135]) Откуда Hermann-Thumser, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten I[6], S. 351 знаетъ, что дѣленіе гражданъ на имущественные классы принадлежитъ Драконту, мнѣ непостижимо.

[136]) Срв. объ экономическомъ положеніи мелкихъ хозяевъ, особенно „гектеморіевъ", капитальное изслѣдованіе Paul Giraud, La propriété foncière en Grèce. 1893, p. 421 слѣд.

отъ ипотечныхъ столбовъ"[137]) и возвратила на родину гражданъ, „скитавшихся на чужбинѣ и чуть не позабывшихъ уже родного языка"[138]). При такомъ радикальномъ возстановленіи прежняго положенія дѣлъ, конечно, созданныя Дракontомъ ограниченныя гарантіи для занятія высшихъ должностей являлись лишними; разъ условія, вызвавшія ихъ введеніе, не существовали въ данный моментъ, то эти гарантіи должны были быть отмѣнены. Солонъ, который въ государственной сферѣ по возможности старался удержать вошедшее уже давно въ жизнь, возвратился въ вопросѣ объ участіи въ государственномъ управленіи къ прежней практикѣ. Такимъ образомъ Аристотель[139]) имѣлъ полное право сказать: *‹τὸ πᾶν πλῆθος ἐκ› τιμημάτων διεῖλεν εἰς τέτταρα τέλη, καθάπερ διῄρητο καὶ πρότερον*[140]).

Но актуальнаго значенія эти сословно-имущественные классы не имѣли больше при измѣненныхъ экономическихъ условіяхъ и измѣненной системѣ хозяйства, которая и мощной рукой Солона не могла быть втиснута въ отжившія уже формы. Какъ мало эти классы соотвѣтствовали уже тогда настоящимъ потребностямъ жизни, какъ мало на нихъ обратили вниманіе, наилучшимъ образомъ иллюстрируется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни самъ Солонъ, ни кто-либо другой изъ древнихъ писателей не указываютъ на громадное значеніе, которое проведенная Солономъ реформа мѣръ и вѣсовъ должна была имѣть для измѣненія состава отдѣльныхъ классовъ въ смыслѣ перехода членовъ низшихъ *τέλη* въ высшіе.

Своей сисахѳіей, какъ и слѣдовало ожидать, Солонъ никого не удовлетворилъ; его попытка примиренія противоположныхъ аграрныхъ и торгово-промышленныхъ интересовъ аттическаго населенія не увѣнчалась успѣхомъ; его конституціонныя мѣры смыты были волной естественнаго для Аттики, при характерѣ страны и ея географическомъ положеніи, развитія демократическихъ началъ: только сословно-имуще-

---

137) Aristot.: Ἀθ. π. c. 12, 32:

.... Γῆ μέλαινα, τῆς ἐγώ ποτε
ὅρους ἀνεῖλον πολλαχῇ πεπηγότας.

138) Aristot.: Ἀθ. π. c. 12, 35:

πολλοὺς δ' Ἀθήνας, πατρίδ' εἰς θεόκτιτον
ἀνήγαγον πραθέντας....
.... γλῶσσαν οὐκέτ' Ἀττικὴν
ἱέντας, ὡς ἂν πολλαχῇ πλανωμένους,
....
ἐλευθέρους ἔθηκα.

139) Arist., Ἀθ. π. c. 7, 3.

140) По моему, эти слова не позднѣйшая глосса (В. Бузескулъ, Аѳинская политія Аристотеля, 1895, стр. 319) и напрасно Herzog, Lektionskatalog der Tübinger Universität 1892, S. 30, называетъ ихъ: „einen nothdürftigen Compromiss".

ственные классы, лишенные уже при Солонѣ настоящаго значенія, продолжаютъ существовать вплоть до конца самостоятельной политической жизни Аѳинъ, — вѣскій знакъ того, что всякіе естественно образовавшіеся, органически выросшіе изъ историческихъ условій институты превосходятъ своей жизненной силою всѣ даже наилучшія творенія человѣческихъ умовъ.

ЗАКОНЪ
ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСОВМѢСТИМОСТИ
и
КОМПОЗИЦІЯ ИЛІАДЫ.

Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

Гомеровскій вопросъ былъ поднятъ въ такое время, когда лучшіе представители умственной культуры Европы сходились въ поклоненіи общечеловѣческому, при чемъ многіе изъ нихъ, сознавая тѣ характерныя различія между людьми, которыя обусловливаются ихъ принадлежностью къ той или другой національности, полагали однако, что эти различія явились лишь послѣдствіями вѣковой культурной жизни, исказившей первоначальныя свойства человѣческой природы. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ мѣрило національности не могло быть прилагаемо къ критикѣ Гомера, который вѣдь считался представителемъ именно природной поэзіи; а это обстоятельство имѣло роковое значеніе для всего дальнѣйшаго развитія гомеровскаго вопроса. Если Гомеръ есть воплощеніе общечеловѣческаго, то и критика его должна быть общечеловѣческой, т.-е. мы, люди XVIII или XIX вѣка, имѣемъ полное право примѣнять къ критикѣ Гомера тотъ складъ мыслей (я не говорю, тѣ умственныя или нравственныя представленія — до этой нелѣпости разумные люди никогда не доходили), съ которымъ выросли сами. Когда затѣмъ подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ развился и окрѣпъ, въ противоположность къ общечеловѣческому тезису минувшаго столѣтія, національный антитезисъ, гомеровскій вопросъ не сразу испыталъ его вліяніе; правда, благодаря зародившемуся націонализму нѣмецкіе ученые обратили усиленное вниманіе на свой національный эпосъ, но Лахманъ отъ изученія Нибелунговъ прямо переходитъ къ изученію Иліады, ничуть не подозрѣвая, что одни и тѣ же критическіе пріемы могутъ оказаться непримѣнимыми къ критикѣ обѣихъ поэмъ, или другими словами, что поэтика Гомера, именно въ силу его національнаго характера, можетъ существенно отличаться отъ поэтики Нибелунговъ. И столь живуче было старинное заблужденіе, что даже послѣ 1852 г., когда появилась книга Гр. В. Нича о былевой поэзіи грековъ (die Sagenpoesie der Griechen) съ ясно оформленнымъ требованіемъ „національнаго взгляда“ (nationale Betrachtungsweise) на Гомера, правда не могла пробиться наружу; критика замѣтила только результаты трудовъ Нича, имя котораго съ тѣхъ поръ стало символомъ унитаризма; почти всѣ изслѣдователи гомеровскаго вопроса, къ какой бы партіи они ни

принадлежали, становились по отношенію къ своему предмету на общечеловѣческую точку зрѣнія; даже тѣ, которые прикрывали себя именемъ Нича, не переставали пускать въ ходъ такіе критическіе пріемы, которые были принципіально несовмѣстимы съ его теоріею.

А между тѣмъ требованіе „національнаго взгляда" было поставлено Ничемъ не случайно, не мимоходомъ — оно проходитъ черезъ всю его книгу; онъ самъ далъ своей теоріи высшей критики Гомера наименованіе „національной теоріи", которое его послѣдователи самовольно промѣняли на менѣе плодотворное, но болѣе удобопонятное наименованіе „унитаризмъ". Онъ сознавалъ, далѣе, что его требованіе національнаго взгляда на Гомера ведетъ къ требованію гомеровской поэтики; этотъ терминъ, имъ впервые введенный въ гомеровскую литературу, стоитъ на стр. 106 его замѣчательнаго труда въ заголовкѣ довольно пространнаго и подробнаго разсужденія. Очень вѣроятно, что если бы позднѣйшіе изслѣдователи взялись развивать прекрасныя и плодотворныя мысли этого разсужденія, вмѣсто того, чтобы на всякіе лады дополнять или опровергать лахмановскую теорію противорѣчій, то гомеровскій вопросъ былъ бы гораздо ближе къ своему рѣшенію, чѣмъ нынѣ.

Изъ трехъ законовъ, развитыхъ Ничемъ въ своей гомеровской поэтикѣ, насъ здѣсь интересуетъ одинъ, именно второй, который гласитъ такъ: дѣйствія параллельныя по времени разсказываются у Гомера какъ послѣдовательныя. Примѣръ: когда усыпленный Герою Зевсъ просыпается и видитъ, что̀ случилось на полѣ сраженія, онъ даетъ Герѣ три порученія, изъ которыхъ одно касается ея самой, другое Ириды, третье Аполлона; мы имѣемъ три параллельныхъ по времени дѣйствія, которыя однако разсказываются одно за другимъ. Другой примѣръ: въ „Одиссеѣ" Аѳина, показавъ герою его родную землю рано утромъ, прощается съ нимъ, объявляя, что идетъ въ Спарту къ Телемаху; это стоитъ въ 13 пѣсни. Затѣмъ разсказываются событія дня, проведеннаго Одиссеемъ у Евмея (14 п.), а затѣмъ въ 15 п. Аѳина въ то же утро, когда она говорила съ отцомъ, приходитъ къ сыну въ Спарту. — Открытія Нича встрѣтили полное пренебреженіе со стороны гомеровской критики. По отношенію къ первому примѣру она устами Курціуса (Andeutungen über den gegenwärtigen Stand der homerischen Frage = Ausgew. Abhandlungen 151) спросила, откуда Ничъ знаетъ, что дѣйствія, которыя Гомеръ разсказываетъ одно за другимъ, должны быть представляемы какъ дѣйствія параллельныя; что же касается второго примѣра, то здѣсь не трудно было доказать, что Ничъ ошибся: Аѳина утромъ прощается съ Одиссеемъ, а къ Телемаху является ночью — очевидно, ночью слѣдующаго дня; другими словами — такъ какъ трудно допустить, чтобы богинѣ понадобилось 18 часовъ на путешествіе изъ Итаки въ Спарту — мы имѣемъ здѣсь не законъ, а путаницу, и если такъ, то 13 и 15 пѣсни

имѣютъ авторами различныхъ поэтовъ, quod erat demonstrandum (ср. напр. Bergk, Gr. Literaturgesch. I, 703), Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ неудобныхъ требованій Ница, гомеровская критика пошла дальше по старой колеѣ; со временемъ они, какъ и вся книга Ница, были забыты.

Между тѣмъ черезъ годъ послѣ появленія книги Ница и извѣстный Имм. Беккеръ сдѣлалъ приблизительно то же открытіе, какъ и онъ; благодаря тому тонкому чутью, которое онъ пріобрѣлъ путемъ старательнаго изученія эпосовъ новѣйшихъ, гл. обр. романскихъ народовъ, онъ замѣтилъ, что „гомерическому пѣвцу никакая задача не дается такъ трудно, какъ задача, столь легкая для поэта романтической эпохи, вести рядомъ одновременныя дѣйствія (gleichzeitiges neben einander fortzuführen. Ueber das zwanzigste Buch der Odyssee = Homerische Blätter I, 130). Не будучи подкрѣплено никакими доказательствами, замѣчаніе Беккера пропало даромъ.

Подобно гомеровской поэтикѣ вообще, вопросъ о параллельныхъ дѣйствіяхъ у Гомера не сдѣлалъ успѣховъ до самаго послѣдняго времени; неважной брошюрки Hüttig'a (Zur homerischen Composition. 1885) прогрессомъ считать нельзя. Но въ 1887 г. появилась во многихъ отношеніяхъ замѣчательная книга Seeck'a: Die Quellen der Odyssee. Возвращаясь къ примѣру Ница (изъ Одиссеи), котораго онъ однако не называетъ, Зекъ замѣчаетъ, что путаницы тутъ никакой нѣтъ. Собственно Аѳина должна была явиться Телемаху тотчасъ послѣ своего разговора съ Одиссеемъ; но поэтъ, послѣ свиданія Аѳины съ Одиссеемъ, занялся этимъ послѣднимъ; мы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ хижину Евмея, присутствовали при его разговорахъ, которые заняли весь день и часть ночи, затѣмъ уже вспомнили объ Аѳинѣ. Собственно намъ слѣдовало бы тутъ вернуться къ утру предыдущаго дня; но такъ какъ ein Zurückgreifen auf Vorhergegangenes у Гомера возможно только въ формѣ субъективнаго разсказа (стр. 214), то и здѣсь разсказъ не возвращается къ точкѣ своего отправленія, а продолжается, хотя и съ нарушеніемъ хронологіи: свиданіе Телемаха съ Аѳиной происходитъ непосредственно послѣ того момента, когда мы покинули Одиссея, а не когда она его покинула. Такимъ же точно образомъ Зекъ объясняетъ еще одно хронологическое затрудненіе Одиссеи (долгое пребываніе Телемаха у Менелая), а также — что особенно интересно — всю ея композицію. Почему Одиссея начинается не съ отплытія Одиссея изъ-подъ Трои, а болѣе чѣмъ девять лѣтъ спустя, съ его отплытія отъ острова Калипсо? Потому, что она примыкала непосредственно къ убіенію Эгисѳа Орестомъ, о которомъ боги бесѣдуютъ въ 1 пѣсни, т.-е. къ *νόστος*'у Менелая; разсказъ не возвращается къ точкѣ своего отправленія, а продолжается; предыдущія же событія сообщаются позже въ формѣ разсказа самого Одиссея.

Вотъ и все, что сдѣлано до сихъ поръ въ области нашего закона.

Какъ видно изъ собранныхъ мною матеріаловъ, онъ только Зекомъ былъ правильно понятъ; но и Зекъ ограничился приведеніемъ двухъ-трехъ особенно разительныхъ его примѣненій; систематической разработки его до сихъ поръ не имѣется. Въ настоящемъ очеркѣ я намѣренъ дать таковую для Иліады.

Начну съ его формулировки. Я называю его закономъ хронологической несовмѣстимости; это наименованіе я далъ ему еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда я, до Зека и ничего не зная о Ничѣ, открылъ его все на томъ же примѣрѣ изъ 13—15 книгъ Одиссеи; я удерживаю его, такъ какъ другого до сихъ поръ не предложено. Законъ этотъ въ самой общей своей формѣ гласитъ такъ: у Гомера никогда разсказъ не возвращается къ точкѣ своего отправленія. Отсюда слѣдуетъ, что параллельныя дѣйствія у Гомера изображаемы быть не могутъ; подобно рельефу древнѣйшему въ противоположность къ александрійскому, подобно рельефу готическому въ противоположность къ рельефу Гиберти и его послѣдователей, поэтическая техника Гомера знаетъ только простое, линейное, а не двойное, квадратное измѣреніе.

Спѣшу оговориться, что сказанное относится только къ настоящимъ дѣйствіямъ, требующимъ болѣе или менѣе обстоятельнаго разсказа, а не къ такимъ, для которыхъ достаточно одного намека. Пока происходитъ описанное въ 14 пѣсни Иліады, Зевсъ спитъ на Идѣ, его сонъ параллеленъ съ оттѣсненіемъ троянцевъ отъ ахейскаго стана; этотъ параллелизмъ вполнѣ допустимъ, такъ какъ разсказу послѣ конца 14 п. не приходится возвращаться къ тому моменту, когда Зевсъ заснулъ, и описывать его сонъ — мы представляемъ себѣ его и такъ. Другое дѣло — его усыпленіе и пробужденіе: эти дѣйствія требуютъ обстоятельнаго описанія; поэтому то, что одновременно съ ними могло случиться на землѣ, поэтомъ уже не описывается. Въ противоположность къ настоящимъ дѣйствіямъ я эти дѣйствія второй категоріи буду называть „пребываніями"; характерной примѣтой пребыванія будетъ то, что оно можетъ быть описано однимъ словомъ: Зевсъ спитъ; гонецъ ѣдетъ; ахейцы сражаются. Законъ же хронологической несовмѣстимости относится къ однимъ только дѣйствіямъ въ тѣсномъ смыслѣ, параллелизація пребываній между собою и съ дѣйствіемъ дозволяется: пока Зевсъ смотритъ съ Иды на поле битвы, пока Ахиллъ дожидается Патрокла, пока Патроклъ лѣчитъ Еврипила, троянцы берутъ приступомъ ахейскую стѣну — здѣсь одно дѣйствіе параллельно тремъ пребываніямъ.

Если бы законъ хронологической несовмѣстимости имѣлъ только одинъ свой отрицательный характеръ — невозможность вмѣщенія болѣе чѣмъ одного дѣйствія въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, — я могъ бы закончить свой очеркъ тутъ же. Но въ томъ-то и дѣло, что

въ Иліадѣ законъ хронологической несовмѣстимости сталкивался съ необходимостью для пѣвца вести дѣйствія на различныхъ театрахъ — на Олимпѣ, на Идѣ, въ Троѣ, на полѣ битвы, въ палаткѣ Ахилла, въ глубинѣ моря и т. д.; это столкновеніе не могло не ставить пѣвца по временамъ въ очень затруднительное положеніе; какими же средствами обладалъ пѣвецъ для того, чтобы выйти изъ него? Такимъ-то образомъ нашъ законъ, будучи самъ отрицательнымъ, имѣетъ однакоже послѣдствіемъ цѣлый рядъ техническихъ пріемовъ положительнаго характера; изученіе этихъ пріемовъ необходимо для того, чтобы понять самый законъ.

1) Самый простой и естественный пріемъ состоитъ въ слѣдующемъ. Такъ какъ параллелизація дѣйствія съ пребываніемъ дозволяется, то поэтъ доводитъ дѣйствіе на одномъ театрѣ до тѣхъ поръ, пока оно изъ дѣйствія не превратится въ пребываніе, затѣмъ переходитъ къ дѣйствію на другомъ театрѣ, и его доводитъ до пункта превращенія въ пребываніе, а затѣмъ или возвращается къ первому театру, или переходитъ къ третьему и т. д. Какъ и слѣдовало ожидать, это въ Иліадѣ самый обыкновенный пріемъ. Въ третьей пѣсни дѣйствіе начинается на полѣ битвы: происходитъ столкновеніе войска, Менелай бросается на Париса, тотъ отступаетъ, Гекторъ его пристыжаетъ, Парисъ соглашается вызвать Менелая на поединокъ, Гекторъ отъ его имени передаетъ ахейцамъ вызовъ, Менелай и ахейцы соглашаются, но для заключенія условія представляется желательнымъ присутствіе Пріама, вслѣдствіе чего троянцы и посылаютъ за нимъ. На этомъ пунктѣ дѣйствіе превращается въ два пребыванія: посланные глашатаи ѣдутъ въ Трою, войска ждутъ; пока посланные доѣдутъ, требуется нѣкоторое время, и вотъ на это время дѣйствіе переносится въ Трою: Пріамова дочь Лаодика (или, какъ говоритъ поэтъ, Ирида въ образѣ Лаодики) зоветъ Елену къ Пріаму на городскую стѣну. Спѣшу прибавить, чте дѣйствіе это отнюдь не параллельно только что описаннымъ на полѣ сраженія: Лаодика, вызывая Елену, говоритъ ей, что битва прекращена, что народы сидя молчатъ, а Парисъ и Менелай намѣреваются вступить другъ съ другомъ въ бой – стало-быть, дѣйствіе въ Троѣ начинается какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно прерывается на полѣ битвы. Елена идетъ къ Пріаму, тотъ ее разспрашиваетъ о нѣкоторыхъ ахейскихъ вождяхъ *(τειχοσκοπία)*, Агамемнонѣ, Одиссеѣ, Эантѣ, та ему отвѣчаетъ; и вотъ, послѣ ея послѣдняго отвѣта, посланные Гекторомъ глашатаи приходятъ къ Пріаму и вмѣстѣ съ нимъ уѣзжаютъ изъ Трои обратно на поле битвы. Съ Пріамомъ и мы переносимся изъ Трои обратно на первый театръ дѣйствій.

Этотъ пріемъ, повторяю, самый законный, самый простой и самый обыкновенный; приведу еще нѣсколько примѣровъ. Послѣ чудеснаго исчезновенія Париса дѣйствіе на полѣ битвы опять превращается въ пре-

быванiе: троянцы разыскиваютъ его, Менелай и ахейцы дожидаются результатовъ ихъ розысковъ; во время этихъ пребыванiй Афродита отправляется за Еленой и приводитъ ее къ Парису; дѣйствiе доводится до того пункта, когда Елена уступаетъ требованiямъ Париса, затѣмъ оно переходитъ въ пребыванiе; пока Парисъ наслаждается своимъ счастьемъ, боги вступаютъ въ переговоры между собою (начало 4 пѣсни): дѣло кончается рѣшенiемъ, чтобы Аѳина склонила троянцевъ къ нарушенiю перемирiя. Аѳина спускается въ троянскую стоянку — такимъ образомъ дѣйствiе прекращается на Олимпѣ, гдѣ оно смѣняется пребыванiемъ: „боги слѣдятъ за происходящимъ на землѣ", и возобновляется въ стоянкѣ троянцевъ: происходитъ покушенiе Пандара и выстрѣлъ Пандара въ Менелая, который до тѣхъ поръ все ходилъ взадъ и впередъ по мѣсту поединка, дожидаясь отвѣта съ троянской стороны. Вмѣстѣ со стрѣлою Пандара и дѣйствiе переносится въ ахейскую стоянку, въ которой и остается до конца пѣсни. Такимъ же точно образомъ сцена Афродиты съ Дiоной и Зевсомъ (дѣйствiе) въ 5 пѣсни параллелизуется со сраженiемъ изъ-за лежащаго Энея (пребыванiемъ); сцена Геры съ Зевсомъ тамъ же съ боемъ Ареса; сцена побратимства Главка съ Дiомедомъ въ 6 пѣсни съ отправленiемъ Гектора въ Трою; молитва Гекубы тамъ же съ отправленiемъ Гектора къ Парису; бой Эанта и Еврипила съ троянцами и (дальше) разговоръ Ахилла съ Патрокломъ въ 11 пѣсни съ увезенiемъ Махаона Несторомъ въ ахейскую стоянку; разговоръ Нестора съ Махаономъ тамъ же съ отправленiемъ Патрокла къ Нестору и т. д.

Понятый такъ, законъ хронологической несовмѣстимости идетъ навстрѣчу другой склонности поэта, которую я называю именно только склонностью, а не закономъ, такъ какъ она допускаетъ и исключенiя; эту склонность можно назвать коротко и ясно horror vacui. Поэтъ не любитъ, чтобы промежутокъ между двумя дѣйствiями заполнялся однимъ только пребыванiемъ, т.-е. съ точки зрѣнiя дѣйствiя оставался пустымъ; поэтому онъ всячески старается заполнить его, иногда даже дѣйствiями чисто эпизодическаго характера. Такъ, въ упомянутомъ уже примѣрѣ изъ третьей пѣсни Гекторъ посылаетъ глашатаевъ въ Трою къ Прiаму; пока они не дойдутъ до Прiама, дѣйствiе прiостанавливается; желая заполнить эту пустоту, поэтъ вставляетъ сцену на троянской стѣнѣ (*τειχοσκοπία*). То же явленiе имѣемъ мы въ 6 пѣсни, гдѣ Гекторъ съ поля сраженiя отправляется въ Трою; здѣсь промежутокъ заполняется сценой побратимства Главка съ Дiомедомъ, которая для дальнѣйшихъ дѣйствiй рѣшительно не нужна. Этому же самому horror vacui обязаны мы и ночными эпизодами — Долонiей между первымъ и вторымъ днями битвы и посѣщенiемъ Гефеста Ѳетидой (*ὁπλοποιία*) между вторымъ и третьимъ.

Но съ другой стороны, понятый такъ, законъ хронологической несовмѣстимости ставилъ поэту очень строгія требованія въ отношеніи техники; только тотъ, кто внимательно слѣдилъ за извилистой линіей дѣйствія въ Иліадѣ отъ ея начала до конца, только тотъ можетъ имѣть правильное представленіе о трудностяхъ, которыя поэтъ встрѣчалъ на каждомъ шагу при проведеніи своего закона. При такомъ положеніи дѣлъ было бы неудивительно, если бы изрѣдка встрѣчались исключенія, если бы мѣстами дѣйствіе не возвращалось къ точкѣ своего исхода; тѣмъ болѣе замѣчательно, что такихъ исключеній нѣтъ: гдѣ законъ хронологической несовмѣстимости сталкивается съ требованіями правдоподобія, поэтической красоты, даже понятности и простого здраваго смысла — тамъ побѣждаютъ не эти требованія, а законъ хронологической несовмѣстимости. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромной важности самаго закона для гомеровской поэтики, мы должны изучить остальные техническіе пріемы, къ которымъ поэтъ прибѣгаетъ при его проведеніи. Это изученіе будетъ имѣть интересъ еще и съ другой точки зрѣнія: мы увидимъ, что цѣлый рядъ кажущихся противорѣчій, которыми лахманіанцы пользовались какъ доказательствами своей теоріи происхожденія Иліады изъ мелкихъ пѣсней, объясняются просто примѣненіемъ закона хронологической несовмѣстимости.

2) Первый пріемъ, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что дѣйствіе на одномъ театрѣ разсказывалось параллельно съ пребываніемъ на другомъ. Ближе всего къ пребываніямъ стоятъ, съ технической точки зрѣнія, такія дѣйствія, о которыхъ мы легко догадываемся по тому, что уже знаемъ изъ предыдущаго, и которыя поэтъ поэтому предоставляетъ нашей фантазіи. Такую параллелизацію мы имѣемъ въ 6 пѣсни. Пока Гекторъ бесѣдуетъ съ Андромахой, Парисъ надѣваетъ оружіе и отправляется встрѣчать своего брата у Скейскихъ воротъ. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, два дѣйствія; разсказать оба поэтъ въ силу нашего закона не можетъ; поэтому онъ разсказываетъ лишь первое обстоятельство, а второе подготовляетъ настолько, что мы получаемъ возможность о немъ догадаться. Въ предыдущей сценѣ онъ изобразилъ бесѣду Гектора съ Парисомъ и Еленой; Гекторъ застаетъ брата (*Z* 321) *περικαλλέα τεύχε' ἕποντα, ἀσπίδα καὶ θώρηκα, καὶ ἀγκύλα τόξ' ἁφόωντα;* самъ Парисъ разсказываетъ ему, что его *παρειποῦσ' ἄλοχος μαλακοῖς ἐπέεσσιν ὥρμησ' ἐς πόλεμον;* если послѣ этого Гекторъ, прощаясь съ Еленой, говоритъ ей (363) *ἀλλὰ σύ γ' ὄρνυθι τοῦτον, ἐπειγέσθω δὲ καὶ αὐτός, ὥς κεν ἔμ' ἔντοσθεν πόλιος καταμάρψῃ ἐόντα,* то мы легко представляемъ себѣ дальнѣйшее и нисколько не удивляемся, когда въ ст. 514 Парисъ встрѣчается съ Гекторомъ у воротъ.

3) Такимъ образомъ этотъ второй пріемъ ничего необычайнаго въ себѣ

не содержитъ; нельзя сказать того же о третьемъ Этотъ третій пріемъ состоитъ вотъ въ чемъ: будучи принужденъ параллелизировать два дѣйствія въ строгомъ смыслѣ слова, происходящія на разныхъ театрахъ, поэтъ изображаетъ только одно, другое же, въ угоду закону хронологической несовмѣстимости, пропускаетъ безо всякой оговорки, такъ что на этомъ второмъ театрѣ въ развитіи дѣйствія получается очень чувствительный пробѣлъ. Меня тутъ могутъ остановить возраженіемъ: „Какимъ это образомъ: будучи принужденъ? Кто его принуждалъ? Развѣ онъ не распоряжался своимъ сюжетомъ по своему усмотрѣнію и не могъ вездѣ устроить дѣло такъ, чтобы дѣйствіе здѣсь шло параллельно съ пребываніемъ тамъ, или по крайней мѣрѣ подготовить то другое дѣйствіе такъ, чтобы мы могли себѣ его представить сами?“ Къ этому возраженію я намѣренъ еще вернуться впослѣдствіи; теперь же ограничусь удостовѣреніемъ факта, о которомъ идетъ рѣчь. Вернемся къ четвертой пѣсни, о которой была рѣчь выше. Въ началѣ четвертой пѣсни дѣйствіе ведется на Олимпѣ, на полѣ же битвы происходятъ два пребыванія: троянцы ищутъ Париса, ахейцы дожидаются результатовъ ихъ поисковъ. Является Аѳина и искушаетъ Пандара; Пандаръ стрѣляетъ въ Менелая, вслѣдствіе чего дѣйствіе возобновляется въ ахейской стоянкѣ. Агамемнонъ громко жалуется на предательство троянцевъ, затѣмъ посылаетъ за врачомъ Махаономъ, который осматриваетъ рану; далѣе (стр. 220) поэтъ продолжаетъ такъ: *ὄφρα τοὶ ἀμφεπένοντο βοὴν ἀγαθὸν Μενέλαον, τόφρα δ' ἐπὶ Τρώων στίχες ἤλυθον ἀσπιστάων.* Какимъ образомъ? зачѣмъ? Очевидно, въ дѣйствіи здѣсь пробѣлъ: не сказано, что случилось въ троянской стоянкѣ послѣ вѣроломнаго выстрѣла Пандара. Троянцы не могли не замѣтить, что стрѣла была пущена изъ ихъ стоянки; но кто ее пустилъ? Вполнѣ вѣроятно, что благородному Гектору такое нарушеніе перемирія должно было показаться возмутительнымъ; но что было дѣлать? Онъ не зналъ, что виновникомъ былъ Пандаръ; да и если бы зналъ, то не могъ же онъ выдать головою врагамъ человѣка, который былъ не его подданнымъ, а самостоятельнымъ вождемъ союзнаго племени? Итакъ, искупить совершенное было невозможно; оставалось одно — продолжать войну, что и было сдѣлано. Вотъ приблизительно то, что могло произойти у троянцевъ въ то время, какъ Агамемнонъ жаловался, а врачъ лѣчилъ рану Менелая; но поэтъ все это пропустилъ: оставивъ троянцевъ въ то время, какъ они искали Париса, мы встрѣчаемъ ихъ опять надвигающимися на ахейскую рать, при чемъ причины, которыя заставили ихъ перейти къ наступленію, намъ остаются неизвѣстными. А между тѣмъ нечего, кажется, настаивать на томъ, что это пробѣлъ очень чувствительный; мотивы, заставившіе троянцевъ взять на себя послѣдствія клятвопреступленія Пандара, имѣли бы рѣшающее значеніе

для оцѣнки ихъ самихъ и главнымъ образомъ Гектора. Но переговоры объ этомъ вопросѣ въ троянской стоянкѣ происходили одновременно съ попеченіями ахейцевъ о ранѣ Менелая; изъ этихъ двухъ параллельныхъ дѣйствій поэтъ, въ силу закона хронологической несовмѣстимости, могъ описать только одно: онъ выбралъ то, которое происходило въ ахейской стоянкѣ, а на мѣстѣ другого оставилъ большой пробѣлъ.

Такимъ же образомъ объясняется — замѣчу это мимоходомъ — и исчезновеніе Агамемнона послѣ *ἐπιπώλησις* въ концѣ четвертой пѣсни; переходя къ восьмой, мы встрѣчаемъ два еще болѣе поразительныхъ примѣра. Дѣйствіе происходитъ между Скамандромъ и ахейскимъ рвомъ. Пѣвецъ оставляетъ Діомеда, который съ Несторомъ на колесницѣ мчится ко рву, и переходитъ къ Гектору. Тотъ сначала рѣчью воодушевляетъ своихъ соратниковъ: „Ровъ и стѣна не задержатъ насъ; а когда будемъ у кораблей, то не забудемъ объ огнѣ“, затѣмъ къ своей четверкѣ: „Теперь отплатите мнѣ за заботы о васъ Андромахи“ и мечтаетъ о томъ, какъ онъ убьетъ Нестора и Діомеда и ахейцы въ ту же ночь уплывутъ на своихъ корабляхъ (197). Затѣмъ мы внезапно оставляемъ поле битвы и переносимся на Олимпъ: Гера, возмущенная похвальбой Гектора, уговариваетъ Посидона прійти на помощь ахейцамъ, но Посидонъ отказывается (211). Затѣмъ мы возвращаемся на землю и находимъ сражающихся — между рвомъ и стѣною. Стало-быть, пока боги бесѣдовали, и ахейцы, и преслѣдовавшіе ихъ троянцы перешли черезъ ровъ и очутились между рвомъ и стѣной; но поэтъ этого дѣйствія, параллельнаго съ разговоромъ боговъ, не описалъ, такъ какъ законъ хронологической несовмѣстимости ему этого не дозволялъ. Столь же ясенъ и второй примѣръ. Послѣ кратковременнаго облегченія ахейцы опять терпятъ пораженіе; Гекторъ гонитъ ихъ вторично черезъ ровъ, они бѣгутъ къ кораблямъ, своей послѣдней фортификаціонной линіи, Гекторъ ихъ преслѣдуетъ „съ взоромъ Горгоны или кроваваго Ареса“ (349). Опять дѣйствіе переносится на Олимпъ; опять Герѣ жаль ахейцевъ; вопреки приказанію Зевса она вмѣстѣ съ Аѳиной на колесницѣ отправилась къ сражающимся, чтобы помочь своимъ. Но ее во-время завидѣлъ Зевсъ съ Иды и черезъ Ириду отозвалъ обратно на Олимпъ, куда онъ затѣмъ и самъ отправился. Гера жалуется: „Мнѣ жаль смотрѣть на гибель ахейцевъ“. „Завтра“, отвѣчаетъ ей Зевсъ, „ты еще болѣе будешь сожалѣть о нихъ“. Затѣмъ слѣдуютъ ст. 484 сл.: *ὣς φάτο, τὸν δ' οὔτι προςέφη λευκώλενος Ἥρη. ἐν δ' ἔπεσ' Ὠκεανῷ λαμπρὸν φάος ἠελίοιο*... А гдѣ же продолженіе битвы? Что сдѣлалъ Гекторъ, котораго мы оставили въ ст. 348 съ пылающимъ взоромъ Горгоны или Ареса, объѣзжающимъ задніе ряды бѣгущихъ? Уже древніе замѣтили отсутствіе конца сраженія и поэтому прозвали всю восьмую пѣснь *κόλος μάχη* или *κολοβομαχία*, т.-е. „искалѣченнымъ сраженіемъ“.

По мнѣнію схоліаста поэтъ изъ жалости къ ахейцамъ не хочетъ разсказывать ихъ пораженіе; новѣйшіе ученые отвергли это нелѣпое объясненіе (не помѣшала же поэту эта жалость разсказать въ пѣсняхъ 11—15 очень подробно пораженіе ахейцевъ) и въ свою очередь воспользовались указаннымъ недостаткомъ, какъ рычагомъ для расчлененія Иліады. Мы за ними въ этомъ не послѣдуемъ; мы признаемъ здѣсь такое же точно примѣненіе закона хронологической несовмѣстимости, какъ и въ ст. 172—214, когда мы оставили сражающихся между Скамандромъ и рвомъ и нашли ихъ между рвомъ и стѣной. Сцены на Олимпѣ занимаютъ весь вечеръ — изъ возвращенія Зевса и его словъ: „Завтра, Гера и т. д.“ ясно, что день считается конченнымъ; разсказавъ ихъ, поэтъ уже не могъ вернуться къ тому моменту, когда онъ оставилъ сражающихся, а долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что далъ описаніе того положенія дѣлъ, при которомъ ихъ застигла ночь. И это описаніе онъ даетъ въ ст. 489 сл.; Гекторъ уводитъ своихъ *νόσφι νεῶν* — значитъ, они проникли уже къ кораблямъ, между тѣмъ какъ выше они только преслѣдовали ахейцевъ, гнавшихся къ кораблямъ. Итакъ, недостающая часть дѣйствія на полѣ обнимаетъ послѣдній фазисъ сраженія — занятіе троянцами всего пространства между рвомъ и кораблями, взятіе послѣдней фортификаціонной линіи ахейцевъ.

Другой примѣръ даетъ намъ шестнадцатая пѣснь. Мы видимъ Гектора у корабля Протесилая, который защищаетъ Эантъ. Ударомъ меча Гекторъ отрубаетъ остріе копья Эанта; тотъ отступаетъ, и троянцы зажигаютъ корабль (ст. 122). Затѣмъ дѣйствіе переносится въ палатку Ахилла; Патроклъ надѣваетъ оружіе, прощается съ Ахилломъ и идетъ спасать пылающій корабль. Съ Патрокломъ и мы возвращаемся къ этому кораблю (285) и находимъ обстановку измѣнившеюся: Гектора съ троянцами уже нѣтъ, корабль охраняютъ пэонійцы, вождя которыхъ Патроклъ и убиваетъ. А гдѣ же Гекторъ? Онъ какъ бы исчезъ; мы встрѣчаемъ его вновь лишь 358, гдѣ сказано, что онъ, имѣя противъ себя Эанта, прикрывалъ отступленіе товарищей. Конечно, мы легко вѣримъ, что Гекторъ, когда ему удалось зажечь корабль Протесилая, поручилъ его охрану пэонійцамъ, а самъ отправился въ другое мѣсто; но этого нигдѣ не сказано, и не сказано потому, что разсказъ объ этомъ былъ бы параллеленъ разсказу о вооруженіи и отправленіи Патрокла, и поэтъ скорѣй рѣшился оставить чувствительный пробѣлъ въ исторіи подвиговъ Гектора, нежели нарушить законъ хронологической несовмѣстимости.

Закончу развитіе этого пріема примѣромъ изъ семнадцатой и восемнадцатой пѣсенъ. Отправивъ Антилоха къ Ахиллу съ извѣстіемъ о смерти Патрокла, Менелай вмѣстѣ съ Меріономъ поднимаютъ его тѣло и уносятъ изъ сраженія, между тѣмъ какъ оба Эанта прикрываютъ ихъ отступленіе. Троянцы ихъ преслѣдуютъ; среди большихъ опасностей

доносятъ они свою ношу до рва. Здѣсь поэтъ ихъ оставляетъ и переноситъ насъ въ палатку Ахилла. Ахиллъ слышитъ вѣсть о смерти друга; мы присутствуемъ при его отчаяніи, при его разговорѣ съ матерью; затѣмъ, когда Θетида удалилась, мы возвращаемся къ сражающимся изъ-за трупа Патрокла и находимъ ихъ (148) въ совершенно измѣнившейся обстановкѣ. Мы оставили ихъ у рва и находимъ у кораблей, куда Гекторъ загналъ ахейцевъ; когда мы ихъ оставили, Менелай съ Меріономъ уносили Патрокла изъ сраженія — теперь же Патроклъ лежитъ на землѣ среди сражающихся, и Гекторъ трижды пытается, взявъ его за ноги, унести его къ своимъ. Очевидно, пока Ахиллъ говорилъ съ Антилохомъ, Гекторъ загналъ ахейцевъ отъ рва до кораблей и заставилъ ихъ бросить тѣло Патрокла; но очевидно также, что разсказъ объ этомъ былъ пропущенъ пѣвцомъ въ угоду закону хронологической несовмѣстимости.

Какъ я уже сказалъ выше, всѣ перечисленные здѣсь случаи примѣненія нашего закона послужили лахманіанцамъ точками опоры при ихъ попыткахъ разбить Иліаду на мелкія пѣсни; не признавая самобытности гомеровской поэтики, они не могли замѣтить однородности этихъ случаевъ и закона, послѣдствіями котораго они были.

4) Таковъ третій пріемъ, къ которому прибѣгалъ поэтъ въ случаѣ столкновенія нашего закона съ условіями дѣйствія въ Иліадѣ; четвертый пріемъ менѣе насильственъ, но не менѣе оригиналенъ. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: если поэтъ дорожитъ обоими дѣйствіями, которыя мы по естественной логикѣ вещей должны представлять себѣ параллельными и которыя всякій другой поэтъ изобразилъ бы параллельными — то онъ разсказывалъ ихъ одно за другимъ, но не какъ параллельныя, а какъ послѣдовательныя. Это и есть тотъ пріемъ, который примѣтилъ Ничъ; но онъ, во-первыхъ, неправильно формулировалъ свою мысль, чѣмъ и вызвалъ побѣдоносную критику лахманіанцевъ, а во-вторыхъ, онъ не понялъ, что замѣченный имъ пріемъ есть лишь проявленіе другого, болѣе обширнаго, фундаментальнаго закона. Вотъ примѣры. Послѣ неблагополучнаго для ахейцевъ окончанія перваго сраженія (въ восьмой пѣсни), какъ троянскіе, такъ и ахейскіе воины созываются въ собраніе. Эти два собранія мы естественно представляемъ себѣ происходящими одновременно; но поэтъ, для того, чтобы получить возможность описать и то и другое, долженъ былъ изобразить ихъ послѣдовательными, что онъ и сдѣлалъ, не оставляя ни малѣйшихъ сомнѣній въ своихъ намѣреніяхъ. Въ послѣдней картинѣ восьмой пѣсни описано собраніе троянцевъ: Гекторъ предлагаетъ не возвращаться въ Трою, а ночевать на полѣ битвы, разставивъ караулы и разжегши костры; его предложеніе одобряется и исполняется, и вся пѣснь кончается красивымъ описаніемъ троянскихъ костровъ. Въ началѣ слѣдую-

щей пѣсни описано собраніе ахейцевъ; а чтобы никто не думалъ, что это собраніе происходитъ одновременно съ только что описаннымъ, Несторъ въ своей рѣчи (ст. 76) указываетъ на троянскіе костры, горящіе недалеко отъ кораблей — итакъ, предложеніе Гектора, сдѣланное въ троянскомъ собраніи, было уже исполнено, когда началось собраніе ахейцевъ. Въ виду этого яснаго примѣра мы не будемъ сомнѣваться въ томъ, что совѣты ахейцевъ (323—344) и троянцевъ (345—380) въ седьмой пѣсни по мысли поэта происходили не параллельно, а послѣдовательно, хотя здѣсь никакихъ указаній на время не имѣется.

Второй примѣръ — тотъ, который привелъ и Ничъ, неправильно его, однако, объясняя. Проснувшись отъ чудеснаго сна, навѣяннаго на него Герой, Зевсъ замѣчаетъ, что благодаря вмѣшательству Посидона битва приняла не тотъ оборотъ, который хотѣлъ дать ей онъ; онъ велитъ Герѣ призвать къ нему Ириду и Аполлона (XV, ст. 56)

ὄφρ' ἡ μὲν μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων
ἔλθῃ καὶ εἴπῃσι Ποσειδάωνι ἄνακτι
παυσάμενον πολέμοιο τὰ ἃ πρὸς δώμαθ' ἱκέσθαι,
Ἕκτορα δ' ὀτρύνῃσι μάχην ἐς Φοῖβος Ἀπόλλων,
αὖτις δ' ἐμπνεύσῃσι μένος, λελάθῃ δ' ὀδυνάων.

По этимъ словамъ мы ожидаемъ, что данныя Иридѣ и Аполлону порученія будутъ исполнены одновременно — какъ оно и естественно. На дѣлѣ же выходитъ не такъ. Правда, Ирида и Аполлонъ являются къ Зевсу вмѣстѣ и стало-быть одновременно (150—156); но Зевсъ сначала Ириду отправляетъ на землю къ Посидону. Нехотя Посидонъ уступаетъ старшему брату (220).

καὶ τότ' Ἀπόλλωνα προςέφη νεφεληγερέτα Ζεύς·
ἔρχεο νῦν, φίλε Φοῖβε, μεθ' Ἕκτορα χαλκοκορυστὴν
ἤδη μὲν γάρ τοι γαιήοχος Ἐννοσίγαιος
οἴχεται εἰς ἅλα δῖαν.

Какъ и въ первомъ примѣрѣ, поэтъ принялъ свои мѣры для того, чтобы въ задуманной имъ послѣдовательности обоихъ дѣйствій не оставалось никакого сомнѣнія: результатъ перваго дѣйствія налицо, когда начинается второе. А между тѣмъ ясно, что по своему смыслу оба дѣйствія не только могли, но и должны были быть параллельными, и что всякій не связанный закономъ хронологической несовмѣстимости поэтъ изобразилъ бы ихъ именно таковыми.

Два другихъ примѣра, приводимыхъ Ничемъ, сюда не относятся: въ нихъ дѣйствіе параллелизуется не съ дѣйствіемъ, а съ пребываніемъ (это — похищеніе Афродитой Париса параллельно съ розысками Менелая и троянцевъ въ третьей пѣсни и исчезновеніе Афродиты параллельно

съ боемъ изъ-за Энея въ пятой). Вообще другихъ примѣровъ нашего пріема я въ Иліадѣ не нашелъ: въ Одиссеѣ примѣромъ будетъ появленіе Аѳины Телемаху въ Спартѣ, о которомъ рѣчь была въ началѣ. Но прямымъ развитіемъ нашего, т.-е. четвертаго, пріема мы должны признать пятый, самый замѣчательный изъ всѣхъ; прежде чѣмъ привести ему примѣры, я хотѣлъ бы апріорнымъ путемъ выяснить его сущность.

5) Четвертый пріемъ, о которомъ рѣчь была до сихъ поръ, состоялъ въ томъ, что дѣйствія, по своему значенію и по естественной логикѣ событій параллельныя, разсказываются, какъ происходившія одно послѣ другого. Пріемъ этотъ не представлялъ никакихъ неудобствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оба дѣйствія были кратковременны; но дѣло принимало другой оборотъ, когда они были продолжительны, когда, скажемъ, начавшееся вечеромъ дѣйствіе захватывало и ночь. Что было дѣлать тогда? Изобразить второе параллельное дѣйствіе начавшимся вечеромъ слѣдующаго дня? Но чѣмъ же тогда заполнить промежутокъ между утромъ и вечеромъ? Нѣтъ, лучше было въ этихъ случаяхъ совсѣмъ разорвать хронологическую нить, и переходя ко второму дѣйствію, сказать просто „спустя нѣсколько дней", или, угождая эпическому пристрастью къ опредѣленнымъ цифрамъ, — „спустя три" или „пять" или „двѣнадцать дней"...

Послѣ этого апріорнаго соображенія перейду къ примѣрамъ.

Первый примѣръ мы находимъ въ первой пѣсни. Ссора царей состоялась, противники разошлись; Агамемнонъ отправляетъ Одиссея въ Хрису. Плаваніе Одиссея образуетъ такое „пребываніе" въ установленномъ выше значеніи, параллельно съ которымъ можетъ итти другое дѣйствіе; пока онъ плыветъ, отправленные Агамемномъ глашатаи отнимаютъ Брисеиду у Ахилла; къ Ахиллу является мать, которую онъ проситъ вступиться за него предъ Зевсомъ. Ѳетида обѣщаетъ исполнить его просьбу, но только не сейчасъ — теперь, говоритъ она, боги отправились къ эѳіопамъ; вернутся они только черезъ двѣнадцать дней, тогда я и упрошу Зевса. Затѣмъ она уходитъ, и пѣвецъ отъ нея переходитъ къ Одиссею и его путешествію въ Хрису. Онъ приплываетъ къ этому острову, приноситъ жертвоприношеніе; наступаетъ ночь, которую онъ съ товарищами проводитъ на берегу моря; а на слѣдующее утро всѣ возвращаются обратно подъ Трою. *Ἀλλ' ὅτε δή ῥ' ἐκ τοῖο δυωδεκάτη γένετ' ἠώς* (493) — боги вернулись на Олимпъ, и Ѳетида исполнила просьбу сына.

Извѣстна роль, которую путешествіе боговъ къ эѳіопамъ сыграло въ развитіи гомеровскаго вопроса; для Лахмана оно послужило главной уликой противъ единства Иліады. Со вчерашняго дня, говоритъ Ѳетида, всѣ боги отправились къ эѳіопамъ — и тѣмъ не менѣе вплоть до сегодняшняго дня Аполлонъ своими стрѣлами морилъ ахейцевъ! Всѣ боги

отправились къ эѳіопамъ — и тѣмъ не менѣе Аѳина только что, по приказанію Геры, спустилась на землю, чтобы унять разгнѣваннаго Ахилла, а затѣмъ вернулась на Олимпъ! Несообразность тутъ очевидная; она тѣмъ болѣе бросается въ глаза, если спросить себя, что заставило поэта впасть въ такое противорѣчіе съ самимъ собою. Къ чему все это путешествіе боговъ къ эѳіопамъ? Зачѣмъ Ѳетида не исполняетъ въ тотъ же вечеръ просьбы своего сына? На этотъ вопросъ критика Лахмана никакого отвѣта не даетъ. А между тѣмъ ясно, что если бы дѣйствіе развивалось такъ:

„τοῦτο δὲ τοι ἐρέουσα ἔπος Διὶ τερπικεραύνῳ 419
εἶμ' αὐτὴ πρὸς Ὄλυμπον ἀγάννιφον, αἴκε πίθηται“. 420
ὣς ἄρα φωνήσασ' ἀπεβήσετο, τὸν δ' ἔλιπ' αὐτοῦ 428
χωόμενον κατὰ θυμὸν ἐυζώνοιο γυναικός, 429
εὗρεν δ' εὐρύοπα Κρονίδην ἄτερ ἥμενον ἄλλων... 498

то это было бы столь же естественно, сколько поэтично; почему же оно развивается не такъ? Путешествіе боговъ къ эѳіопамъ само по себѣ никакого значенія не имѣетъ; послѣдствіе его заключается въ томъ, что просьба Ахилла исполняется не въ тотъ же день, а лишь черезъ двѣнадцать сутокъ; итакъ, мы должны допустить, что именно въ видахъ этой отсрочки поэтъ и придумалъ его. Но на что же понадобилась поэту эта отсрочка? На этотъ вопросъ мы теперь можемъ дать самый положительный отвѣтъ.

Все дѣло въ томъ, что въ нашей Иліадѣ поэтъ оставляетъ Ѳетиду послѣ ея разговора съ сыномъ и занимается Одиссеемъ, его поѣздкой въ Хрису, ночевкой тамъ и возвращеніемъ обратно. Если бы Ѳетида исполнила просьбу сына въ тотъ же день, то поэтъ, переходя отъ Одиссея къ ней, долженъ былъ бы продолжить такъ: „но еще днемъ раньше Ѳетида, простившись съ Ахилломъ, отправилась на Олимпъ“ и т. д. — а такого разсказа законъ хронологической несовмѣстимости не допускаетъ, нить изложенія не можетъ возвращаться къ точкѣ своего отправленія. Итакъ, оставалось одно: отсрочить заблаговременно посѣщеніе Ѳетидой Зевса; и вотъ, въ видахъ этой отсрочки и была создана фикція объ отсутствіи боговъ, — число дней тутъ, разумѣется, безразлично.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь два по первоначальной концепціи параллельныхъ дѣйствія, одно въ Хрисѣ, другое на Олимпѣ, изъ которыхъ каждое занимало вечеръ и слѣдующую ночь; описать эти дѣйствія какъ параллельныя не дозволялъ законъ хронологической несовмѣстимости, пропустить одно изъ нихъ (третій пріемъ) поэтъ не хотѣлъ, описать одно непосредственно за другимъ (четвертый пріемъ) не дозволялъ здравый смыслъ; оставалось одно — разорвать хронологическую нить, что поэтъ и сдѣлалъ, вставивъ свое *ἀλλ' ὅτε δή ῥ' ἐκ τοῖο*

δυωδεκάτη γένετ᾽ ἠώς. Въ этомъ, какъ я уже замѣтилъ, и заключается пятый пріемъ.

Такое же разрыванiе хронологической нити мы встрѣчаемъ еще разъ въ Иліадѣ, при чемъ повторяется та же формула *ἀλλ᾽ ὅτε δή ῥ᾽ ἐκ τοῖο δυωδεκάτη γένετ᾽ ἠώς;* одинаковость явленія заставляетъ насъ предполагать одинаковость причинъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ здѣсь второй, еще болѣе замѣчательный примѣръ нашего пятаго пріема. Чтобы показать это, разскажу въ нѣсколькихъ словахъ дѣйствіе двадцать четвертой пѣсни, возстановляя разорванную поэтомъ хронологическую нить.

Тризна кончена, гости разбрелись по палаткамъ, настала ночь; всѣ спятъ, одному только Ахиллу не спится. Въ теченіе дня его развлекали заботы по погребенію и чествованію покойнаго; теперь все это прошло, осталась одна неутѣшная скорбь. Она-то и не даетъ ему спать; напрасно мѣняетъ онъ свое положеніе, ложась то на бокъ, то на спину, то ницъ — сна нѣтъ. Подъ вліяніемъ печали и безсонницы прежняя бѣшеная жажда мести въ немъ разгорается вновь: онъ выходитъ изъ палатки, запрягаетъ лошадей и, привязавъ къ колесницѣ трупъ Гектора, гонитъ ихъ къ могилѣ Патрокла; трижды объѣхавъ курганъ, онъ возвращается въ стоянку; оставивъ трупъ въ пыли, онъ опять входитъ въ палатку. Но жестокость и злоба не утѣшили его, въ грустномъ раздумьи садится онъ на стулъ. Кругомъ глубокая тишина; передъ нимъ на столѣ остатки едва початаго ужина; онъ одинъ — ближайшіе товарищи спятъ сладкимъ сномъ въ другомъ отдѣленіи палатки; одинокій и грустный, онъ сидитъ, вперивъ взоръ въ ночной мракъ, едва освѣщаемый свѣтомъ лампады.

Вдругъ дверь палатки отворяется: онъ видитъ передъ собой старца въ глубокомъ траурѣ и узнаетъ въ немъ отца того человѣка, мертвое тѣло котораго онъ только что безчестилъ. Старецъ припадаетъ къ его ногамъ: „Вспомни отца своего, Ахиллесъ..." Сначала жажда мести и состраданіе борются въ его груди; мало-по-малу первая уступаетъ, онъ возвращаетъ отцу трупъ его сына, собственными руками поднимаетъ его къ нему на колесницу; и вотъ, когда доброе дѣло сдѣлано, онъ даетъ старцу переночевать у себя, ложится спать и самъ — ему легко на душѣ, онъ засыпаетъ. Его сномъ кончается Иліада.

Такъ, повторяю, представляется намъ дѣйствіе въ двадцать четвертой пѣсни, если возстановить порванную хронологическую связь; порвана же она послѣ того мѣста, гдѣ описывается, какъ Ахиллъ безчестилъ трупъ Гектора. Здѣсь мы читаемъ знакомый намъ уже стихъ *ἀλλ᾽ ὅτε δή ῥ᾽ ἐκ τοῖο δυωδεκάτη γένετ᾽ ἠώς;* выкупъ Гектора состоялся двѣнадцатью днями позже той первой безсонной ночи Ахилла. Нечего настаивать на томъ, какъ испорчено все дѣйствіе двадцать четвертой пѣсни этой ненужной и непонятной отсрочкой. Испорчена, прежде всего, прекрасная

антитеза, безсонница Ахилла до выкупа Гектора и его сладкій сонъ послѣ него — не могъ же онъ проводить безъ сна всѣ двѣнадцать ночей. Непонятно бездѣйствіе обѣихъ сторонъ въ этотъ столь долгій промежутокъ; пускай бы еще троянцы изъ страха передъ Ахилломъ сидѣли смирно, но что мѣшало Агамемнону, пользуясь этимъ страхомъ и понесенной врагами потерей, возобновить нападеніе? Вотъ вопросы, которые приходятъ намъ въ голову при чтеніи злополучнаго стиха 31; главное же то, что эта отсрочка съ поэтической точки зрѣнія столь же безсмысленна, какъ и отсрочка въ первой пѣсни.

Дѣйствительно, ея мотивировка чисто техническия, и нашъ законъ хронологической несовмѣстимости благополучно разрѣшаетъ намъ и указанное только что затрудненіе. Дѣло въ томъ, что поэтъ хотѣлъ представить намъ также возникновеніе у Пріама мысли выкупить своего сына, и ея исполненіе; такимъ образомъ у него получились два параллельныхъ дѣйствія, изъ которыхъ каждое обнимало кромѣ вечера еще и часть ночи. Начинаетъ поэтъ съ Ахилла; мы присутствуемъ при справляемой имъ тризнѣ по Патроклѣ, видимъ затѣмъ, какъ онъ удаляется въ свою палатку, хочетъ заснуть, не можетъ, встаетъ, волочитъ трупъ Гектора, возращается. Затѣмъ поэтъ хочетъ перенесть насъ въ Трою; но законъ хронологической несовмѣстимости не дозволяетъ ему сказать: „Но еще до наступленія вечера того дня, когда Ахиллъ справлялъ тризну по Патроклѣ, Ирида внушила Пріаму мысль“ и т. д., такъ какъ дѣйствіе не можетъ возвращаться къ точкѣ своего отправленія; поэтому поэтъ, какъ мы видѣли, порвалъ совсѣмъ хронологическую связь, вставивъ ту же формулу, которая и въ первой пѣсни дала ему возможность разсказать два собственно параллельныхъ дѣйствія, не нарушая закона хронологической несовмѣстимости.

* * *

Законъ, изученію котораго были посвящены предыдущія страницы, имѣетъ для насъ двойной интересъ. Одной своей стороной онъ примыкаетъ къ теоріи поэзіи; было бы очень желательно, чтобы знатоки эпическаго творчества другихъ народовъ изслѣдовали этотъ законъ въ спеціально извѣстной имъ литературѣ — что же касается меня, то я не считаю себя въ правѣ распространяться здѣсь объ этой сторонѣ. Другой стороной онъ примыкаетъ къ гомеровскому вопросу; и вотъ объ этой сторонѣ мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ.

Дѣйствительно, мнѣ думается, что изслѣдованному нами закону предстоитъ сказать очень вѣское слово при рѣшеніи этого столѣтняго вопроса. Изучая отдѣльные пріемы, мы видѣли, къ какимъ изворотамъ долженъ былъ прибѣгать поэтъ для того, чтобы не нарушать нашего закона; мы видѣли также, что старанія поэта увѣнчались успѣхомъ —

несмотря на всѣ трудности, съ которыми было сопряжено соблюденіе нашего закона, онъ нигдѣ не нарушенъ. Отсюда ясно одно: о механическомъ происхожденіи Иліады не можетъ быть рѣчи; законъ хронологической несовмѣстимости былъ сознательно проведенъ тѣмъ человѣкомъ, который создалъ Иліаду въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранена намъ. Но кто же онъ, этотъ человѣкъ? Творецъ Иліады, или только ея редакторъ?

Если творецъ Иліады, то это значитъ, что Иліада вся, безъ исключенія, была создана однимъ поэтомъ; это привело бы насъ къ такому крайнему унитаризму, котораго не считалъ возможнымъ даже самъ Ничъ. Дѣйствительно, мы должны помнить, что нашъ законъ проходитъ красною нитью черезъ всю нашу Иліаду, стало-быть даже черезъ тѣ ея части, которыя Ничемъ признавались позднѣйшими вставками — черезъ Долонію, черезъ битву боговъ; могли ли такія крупныя части быть внесены въ готовую уже Иліаду, не нарушая ея столь хитрой и тонкой хронологической пондераціи? А между тѣмъ эта пондерація не нарушена; напротивъ, она оказалась бы нарушенной, если бы пропустить означенныя сцены. Мало того, — законъ хронологической несовмѣстимости мы находимъ соблюденнымъ и въ Одиссеѣ. Разумѣется, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы творецъ Иліады былъ въ то же время и творцомъ Одиссеи; но если мы изъ соблюденія нашего закона въ Иліадѣ заключаемъ, что она создана единымъ поэтомъ, то мы должны допустить то же заключеніе и для Одиссеи, въ которой этотъ законъ тоже соблюденъ. Это однако не все: по остроумному открытію Зека, оригинальная экономія Одиссеи (согласно которой приключенія героя отъ конца войны до прибытія къ Калипсо разсказываются не поэтомъ, а самимъ героемъ) имѣла причиной желаніе, чтобы Одиссея примыкала непосредственно къ Ностамъ, безъ нарушенія закона хронологическойне совмѣстимости; итакъ, пришлось бы допустить, или что Носты и Одиссея сочинены тѣмъ же поэтомъ, или что поэтъ Одиссеи имѣлъ передъ собой Носты и смотрѣлъ на свою поэму, какъ на ихъ продолженіе. Вѣроятно ли это?

Но мы можемъ оставить эти догадки въ сторонѣ; наше изслѣдованіе закона хронологической несовмѣстимости дало намъ въ руки гораздо болѣе вѣскія данныя для рѣшенія поставленнаго вопроса. Позволю себѣ тутъ напомнить тѣ пять пріемовъ, посредствомъ которыхъ составитель нашей Иліады привелъ нашъ законъ въ исполненіе:

1) При изображеніи дѣйствій на различныхъ театрахъ дѣйствіе на театрѣ А доводится до того пункта, гдѣ оно обращается въ „пребываніе", послѣ чего поэтъ переходитъ къ театру В и т. д.

2) Изъ двухъ параллельныхъ дѣйствій одно заблаговременно намѣмѣчается, такъ чтобы мы могли догадаться о немъ сами, безъ обстоятельнаго описанія.

3) Изъ двухъ параллельныхъ дѣйствій одно совершенно пропускается, вслѣдствіе чего на томъ театрѣ, гдѣ оно происходило, получается чувствительный пробѣлъ.

4) Параллельныя дѣйствія разсказываются какъ послѣдовательныя, т.-е. какъ происходившія одно за другимъ.

5) Параллельныя дѣйствія отдѣляются одно отъ другого произвольной вставкой нѣскольких дней.

Несомнѣнно, что властвующій надъ своимъ матеріаломъ поэтъ ограничился бы первымъ и вторымъ, да пожалуй еще четвертымъ пріемомъ; къ третьему и пятому могъ прибѣгнуть только такой поэтъ, который былъ связанъ своимъ матеріаломъ. Это особенно ясно въ случаяхъ, относящихся къ послѣдней категоріи (пятому пріему). Свободно распоряжающійся своимъ сюжетомъ поэтъ никогда не поставилъ бы себя въ такое положеніе, въ которомъ бы ему пришлось, ради соблюденія закона, разорвать хронологическую связь, такъ какъ онъ могъ сколько угодно разъ обратить дѣйствіе на одномъ театрѣ въ пребываніе, чтобы тѣмъ временемъ двинуть впередъ дѣйствіе на другомъ театрѣ. Другое дѣло — редакторъ: разъ обѣ сцены были передъ нимъ уже въ готовомъ видѣ, облеченныя въ стихотворную форму, онъ не могъ, не производя крупныхъ измѣненій, привести ихъ въ такое состояніе, въ которомъ бы ихъ можно было соединить въ одно дѣйствіе съ чередующимися театрами. Но и третій пріемъ долженъ навести насъ на ту же мысль; позволю себѣ тутъ сослаться на мое объясненіе этого пріема и на то возраженіе, которое я долженъ былъ, объясняя его, сдѣлать самъ себѣ. „Будучи принужденъ параллелизировать два дѣйствія въ строгомъ смыслѣ слова, происходящія на разныхъ театрахъ, поэтъ изображаетъ только одно, другое же пропускаетъ безо всякой оговорки, такъ что на второмъ театрѣ въ развитіи дѣйствія получается чувствительный пробѣлъ". Какимъ же образомъ: „былъ принужденъ?" Очевидно, что для свободно распоряжающагося своимъ матеріаломъ поэта такого принужденія быть не могло; оно могло быть только для связаннаго своимъ матеріаломъ редактора.

Итакъ, изученіе хронологическаго закона Иліады привело насъ къ тому же предположенію, которое можно считать господствующимъ въ современномъ намъ фазисѣ гомеровскаго вопроса: что Иліада въ томъ видѣ, въ какомъ ее читаемъ мы, есть дѣло рукъ редактора, приведшаго въ одно цѣлое относящіяся къ гнѣву Ахилла части греческаго былевого эпоса; прогрессъ, достигнутый нами въ нашемъ разсужденіи, заключается въ томъ, что намъ удалось открыть принципъ, которымъ руководился составитель нашей Иліады при своей редакціи. Примѣненіе же имъ этого принципа дозволяетъ намъ сдѣлать заключеніе и о характерѣ матеріаловъ, которые у него были подъ рукой; изложеніемъ этого послѣдняго пункта я и предполагаю закончить настоящій очеркъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Само собою разумѣется, что если законъ хронологической несовмѣстимости былъ обязателенъ для редактора Иліады, то онъ былъ обязателенъ и для всѣхъ пѣвцовъ, творенія которыхъ вошли въ ея составъ; это — прямое послѣдствіе закона эволюціи, столь же несомнѣнное, какъ несомнѣнно и то, что рельефная техника Гиберти позднѣе готической, александрійская позднѣе аттической. А если такъ, то откуда же взялись тѣ параллельныя дѣйствія, между которыми приходилось выбирать редактору? Очевидно, они могли явиться только результатомъ работы нѣсколькихъ пѣвцовъ. Я представляю себѣ дѣло приблизительно такъ. Возьмемъ для примѣра восьмую пѣснь, „искалѣченное сраженіе“, и спеціально тотъ ея эпизодъ, изъ котораго мы заимствовали первый примѣръ третьяго пріема. Первоначальный пѣвецъ изображалъ событія въ слѣдующемъ порядкѣ: Гекторъ на своей четверкѣ гонится за Несторомъ и Діомедомъ; они мчатся ко рву; они перескакиваютъ черезъ ровъ, Гекторъ за ними; они останавливаются, наконецъ, у кораблей, и здѣсь только ахейцамъ удается отразить натискъ троянцевъ. Для позднѣйшаго пѣвца могла явиться надобность кончить свою пѣснь раньше; чтобы не обрывать ея, онъ прибавилъ разговоръ боговъ, — вообще разговоры боговъ въ Иліадѣ часто производятъ впечатлѣніе торжественныхъ заключительныхъ аккордовъ. Такимъ образомъ у него получилась такая связь событій: „Гекторъ гонится за Діомедомъ; они мчатся ко рву; Гера жалуется Посидону на гордость Гектора; заключеніе“. Редакторъ имѣлъ передъ собою и ту и другую *οἴμη;* онъ замѣтилъ, что разговору боговъ въ одной соотвѣтствовалъ по времени переходъ сражающихся черезъ ровъ въ другой; ему пришлось выбирать между ними, и онъ отдалъ предпочтеніе разговору боговъ, какъ вносящему пріятное оживленіе въ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ; такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ получился пробѣлъ.

Если мы теперь спросимъ себя, съ которой изъ существующихъ уже теорій происхожденія гомеровскихъ поэмъ лучше всего вяжется предполагаемый процессъ, то придется отвѣтить: съ теоріей Штейнталя, развитой имъ въ статьѣ das Epos (Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. V). Теорія Штейнталя грѣшила только исключительностью, которая завлекла автора въ безплодную полемику съ Кирхгофомъ (т. VII того же журнала); на мой взглядъ правильнымъ рѣшеніемъ гомеровскаго вопроса будетъ соединеніе теоріи Штейнталя съ той, которую впервые выставилъ Гротъ, а затѣмъ развилъ Кирхгофъ путемъ пріобщенія къ ней эволюціоннаго начала.

ГРЕЧЕСКІЕ ИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНСТВЕННАГО Ч. НА -Ă ВЪ СЛОВАХЪ МУЖЕСКАГО РОДА.

Г. К. Ульянова.

Формы именит. ед. ч. на -ᾰ въ словахъ муж. рода мы находимъ почти исключительно отъ основъ на -τη-: гомер. *αἰχμητά, ἀκακῆτα, ἠπύτα, ἱππηλάτα, ἱππότα, κυανοχαῖτα, μητιέτα, νεφεληγερέτα, στεροπηγερέτα, Θυέστα,* гесіод. *ἠχέτα,* феокр. *ἰυκτά;* основу на -η- можетъ представлять только гомер. *εὐρύοπα* (G. Meyer, Gr. Gr.[2] § 327).

По Бругману эти образованія на -ᾰ представляютъ собой, собственно, звательныя формы (M. U. II, 199 слѣд.; Gr. Gr.[2], §§ 75, 76; Grdr. II, § 202). Объясненіе довольно простое и поэтому болѣе вѣроятное, сравнительно съ другими (ср. A. Fick въ B. B. III, 159, Bezzenberger, ib. 174 и Johansson, K. Z. XXX, 426 слѣд.)[1]). Однако можно сдѣлать и возраженія противъ него. Joh. Schmidt (Pluralbild. 401 слѣд.) справедливо замѣчаетъ, что объясненіе Бругмана возможно только при томъ предположеніи, что въ числѣ указанныхъ основъ существовала, по крайней мѣрѣ, одна такая, въ которой -α съ самаго начала являлось какъ въ звательной формѣ, такъ и въ именительномъ падежѣ. Такую основу Шмидтъ находитъ въ *εὐρύοπα.* Объясненіе *εὐρύοπα* какъ первоначальной формы N., Ac., V. ср. рода само по себѣ весьма вѣроятно; но, съ другой стороны, трудно допустить, чтобы такое особое образованіе, какъ *εὐρύοπα,* уже давно, очевидно, непонятное, и употреблявшееся въ качествѣ несклоняемаго слова, могло вызвать въ цѣломъ рядѣ словъ замѣну именительнаго падежа звательной формой, и притомъ — въ такихъ словахъ, въ которыхъ и форма основъ, и словообразовательное значеніе ихъ были вполнѣ ясны. Ср. возраженіе Бругмана въ Grdr. II, § 202, Anm. 2. Тѣмъ не менѣе замѣчаніе Шмидта о томъ, что имен. на -ᾰ въ основахъ на -ᾱ- объяснимы только при предположеніи какихъ-нибудь первоначальныхъ формъ именительнаго падежа ед. ч. на -ᾰ, совпадавшихъ фонетически съ звательными формами на -ᾰ, вполнѣ сохраняетъ свое значеніе: если еще можно объяснять какъ звательныя формы *μητιέτα, νεφεληγερέτα, στεροπηγερέτα,* которыя являются только въ сочетаніи съ *Ζεύς* и образуютъ собой поэтому первыя части извѣстнаго рода сложныхъ словъ (какъ, напр., приведенное русск. *Боже-Спасъ,* лат. *Iupiter*), то это объясненіе не легко примѣнить и ко всѣмъ другимъ образованіямъ,

---

[1]) Въ подтвержденіе того факта, что звательныя формы извѣстныхъ словъ могутъ употребляться въ качествѣ именит. падежа, можно бы было привести еще изъ русск. народнаго языка: *Боже-Спасъ* оборонитъ насъ (Кирша Д.[2] 168); а то коли тебѣ *Господи* сына дастъ (ib. 172); ср. также *отче, батюшко* у Гильф. 81.

которыя являются въ свободномъ сочетанiи съ различными словами, какъ съ собственными именами, такъ и съ нарицательными (*ἠπύτα κῆρυξ, ἠχέτα τέττιξ*), и притомъ какъ передъ другими словами, такъ и послѣ нихъ (*Ἑρμείας ἀκακῆτα*). Одиноко стоящая форма собственнаго имени *Θυέστα*, конечно, не можетъ говорить ни за, ни противъ даннаго объясненiя. Съ другой стороны, если настаивать на томъ, что разсматриваемыя образованiя на *-ᾰ* по происхожденiю звательныя формы, то надо признать, что и сами звательныя формы на *-ᾰ* отъ основъ на *-ᾱ-* требуютъ нѣкотораго объясненiя. Въ самомъ дѣлѣ, почему это у Гомера звательную форму на *-ᾰ* сохранили почти только основы на *-η-* муж. рода и притомъ не всѣ изъ нихъ, а преимущественно лишь основы на *-τη-*? И далѣе, почему и въ аттическомъ форму на *-ᾰ* сохраняютъ эти же самыя основы на *-τη-*, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ основъ? Ср. G. Meyer, Gr. Gr. § 338. Такъ какъ вообще основы на *-ᾱ-* (безъ отношенiя къ различiю по родамъ) въ греческомъ замѣняютъ звательную форму именительной, и только основы на *-τᾱ-* по преимуществу составляютъ въ этомъ отношенiи постоянное исключенiе, то естественно можетъ явиться мысль, что въ этихъ послѣднихъ основахъ нѣкогда и въ именительномъ ед. числа существовало образованiе на *-ᾰ*, и что благодаря этому въ нихъ не исчезла звательная форма на *-ᾰ*. Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ о томъ, что̀ такое греч. основы на *-τᾱ-*, и въ какомъ отношенiи находятся онѣ къ основамъ на *-ᾱ-*?

По общепринятому теперь мнѣнiю, слова мужескаго рода съ основами на -$\bar{a}^a$- появились лишь въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ: многiя индо-европ. основы на -$\bar{a}^a$- въ отдѣльныхъ языкахъ измѣнили свое первоначальное отвлеченное значенiе въ конкретное, и, вслѣдствiе этого измѣненiя въ значенiи, въ словахъ съ основами на -$\bar{a}^a$- произошло и измѣненiе рода женскаго въ родъ мужескiй; такъ объясняются слова муж. рода какъ вообще съ основами на -$\bar{a}^a$-, такъ, спецiально, и съ основами на -t$\bar{a}^a$-. Ср., напр., Joh. Schmidt, Pluralbild. 19, примѣч.; 86, примѣч.; Brugmann, Grdr. II, стр. 103 слѣд.; § 80; Delbrück, S. F. IV, 7 слѣд.; Vgl. Synt. I, § 11 и слѣд.

Однако не лишнимъ будетъ провѣрить это положенiе. Прежде всего, нельзя объяснить всѣхъ греческихъ именъ муж. р. на *-της* изъ первоначальныхъ именъ съ отвлеченнымъ значенiемъ. Въ числѣ этихъ словъ есть, именно, много такихъ, въ которыхъ основы на *-τη-* производятся отъ основъ глагольныхъ и имѣютъ значенiе основъ именъ дѣйствующихъ лицъ, какъ напр., слова *ἀκοντιστής, δέκτης* и т. п. Очевидно, только съ крайней натяжкой можно объяснять происхожденiе изъ именъ отвлеченныхъ этихъ именъ дѣйствующихъ лицъ, для которыхъ въ греч. языкѣ существуютъ очень употребительныя основы на *-τερ-*, *-τορ-*. Поэтому Delbrück уже въ S. F. IV, 7 слѣд. совершенно основательно выдѣляетъ

nomina agentis на *-της* и не пытается объяснять ихъ конкретное значеніе изъ первоначальнаго отвлеченнаго; и впослѣдствіи, въ Vgl. Synt. I, стр. 111, для него остается, очевидно, сомнительнымъ такое объясненіе. Если же объясненіе конкретнаго значенія изъ отвлеченнаго слишкомъ искусственно вообще въ отглагольныхъ основахъ на *-τη-*, то оно становится уже совершенно невозможнымъ въ отношеніи тѣхъ отглагольныхъ основъ на *-τη-*, которыя являются во вторыхъ частяхъ сложныхъ словъ, какъ напр., *ἱππηλάτα, νεφεληγερέτα, στεροπηγερέτα, συβώτης, ὠμηστής*. Какъ въ греческомъ, такъ и въ другихъ индо-европ. языкахъ мы находимъ цѣлый рядъ сложныхъ словъ, въ которыхъ вторыми частями являются глагольныя основы, непроизводныя и производныя, и въ которыхъ никому и въ голову не придетъ искать первоначальныхъ отвлеченныхъ значеній; таковы, напр., греч. *αἰγίλιπ-*[1]), *δίζυγ-, νήιδ-, χέρνιβ-, ἀγνῶτ-, προβλῆτ-, ἀεθλοφόρο-, αἰγίοχο-, διιπετές-, εὐρυφυές-* и др.; во всѣхъ такого рода сложныхъ словахъ глагольная основа, производная и непроизводная, во второй части всегда имѣла то значеніе, которое мы можемъ передавать причастіемъ или дѣйствительнымъ, или страдательнымъ, и это значеніе, только видоизмѣненное извѣстнымъ образомъ вслѣдствіе сочетанія съ значеніемъ основы въ первой части, являлось значеніемъ цѣлаго сложнаго слова. Такимъ образомъ, если нелѣпо было бы объяснять значенія, напр., *βαθύρροος* „глубоко текущій“, *εὔρροος, ἐυρρεής* „красиво текущій“, *ἑκατηβόλος* „далеко бросающій“, *εὐμενής* „благожелательный“ изъ отвлеченныхъ значеній „глубоко-теченіе“, „далеко-бросаніе“, „благо-желаніе“, то, очевидно, такъ же нелѣпо находить первоначальныя отвлеченныя значенія и въ параллельныхъ образованіяхъ *βαθυρρείτης, ἐυρρείτης, ἀκαλαρρείτης, ἑκατηβελέτης, εὐμενέτης;* или, напр., какой смыслъ имѣло бы отвлеченное значеніе въ *ἐμπυριβήτης (τρίποδ' ἐμπυριβήτην Ψ* 702), *αἰειγενέτης (θεῶν αἰειγενετάων)?* Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что въ индо-европ. праязыкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ въ дѣйствительности мы находимъ, во всякомъ случаѣ, очень немного несомнѣнныхъ отглагольныхъ основъ на -tāᵃ- съ отвлеченнымъ значеніемъ; многія изъ тѣхъ основъ этого рода, которыя приводитъ Бругманъ (Grdr. II, стр. 216, 218—9, 224), находятся въ чередованіи съ основами на -tŏ°- [какъ, напр., *βλάστη: βλαστός, κοίτη: κοῖτος, σπάρτη: σπάρτον;* авест. cistā-: др.-инд. cittá- (ср. р.), авест. dītā-: др.-инд. dhītá- (ср. р.); литовск. gũsztà: gũsztas]; а это чередованіе указываетъ, что многія основы на -tāᵃ- частью, можетъ быть, уже въ индо-европ. языкѣ,

[1]) Въ этомъ словѣ *λιπ-* я отождествляю съ литовск. lip- въ lìpti „взбираться, взлѣзать“; по отношенію къ *πέτρῃ* первоначальное значеніе сложнаго слова было: „на которую (только) козы взбираются“; отсюда — „крутой, высокій“. По значенію ср. *ἠλίβατος* (особенно въ О 273; по обычному объясненію = *ὑψηλή*), вмѣсто котораго слѣдуетъ читать *ἐλλίβατος: ἐλλι-* (при *ἐλλο-*) = литовск. elni- въ élnis.

частью же въ отдѣльныхъ языкахъ возникли какъ особыя формы родовой моціи при основахъ на -tă°-; но формы родовой моціи предполагаютъ въ словахъ именно первоначальное конкретное значеніе, а не отвлеченное; такимъ образомъ многія слова на -tā^a- должны быть разсматриваемы какъ субстантивированныя глагольныя прилагательныя такого же рода, какъ, напр., латинск. exuviae, литовск. pradžià, žinià (žinė), ст.-слав. **лъжа, жажда** и т. п. (отъ основъ на -iā^a-: -iă°, -iā^a-: -iă°-). Если же мы не имѣемъ основанія допускать, по крайней мѣрѣ, большого числа первоначальныхъ основъ на -tā^a- съ отвлеченнымъ значеніемъ, то и выводить конкретное значеніе многочисленныхъ греческихъ основъ на *-τη-* (въ простыхъ отглагольныхъ словахъ и въ сложныхъ) изъ отвлеченнаго нѣтъ никакого основанія. Такимъ образомъ, для греческаго необходимо допустить особаго рода основы на *-τη-* въ отглагольныхъ именахъ, какъ *κριτής* и т. п., и въ сложныхъ словахъ, какъ *ἱππηλάτα, ὠμηστής* и т. п.; эти основы имѣли искони конкретное значеніе и ни въ какомъ отношеніи къ основамъ съ отвлеченнымъ значеніемъ не стоятъ.

Въ латинскомъ, который имѣетъ вообще слова съ основами на -ā^a- муж. р., словъ муж. р. съ основами на -tā^a- мы не находимъ; но несомнѣнно, что греч. сложнымъ словамъ съ основами на *-τη-* соотвѣтствуютъ такія латинскія основы на -t-, какъ comit-, antistet-, sacerdōt- и нѣкоторыя другія (ср. Brugm., Grdr. II, 368; Johans., K. Z. XXX, 427; Fröhde, B. B. VII, 99). Въ балтійскихъ языкахъ, повидимому, слѣдуетъ признать очень небольшое число основъ, соотвѣтствующихъ греч. *κριτη-*; напр., латышск. pl'upata, slapata, elgeta (Delbr., Vgl. Synt. I, 105—6). Относительно славянскихъ соотвѣтствующихъ основъ (Mikl. II, 162) можно сомнѣваться вмѣстѣ съ Delbrück'омъ (l. c.). Если нѣкоторое число отглагольныхъ основъ на -tā^a- существовало въ литовско-славянскомъ языкѣ, то и въ нихъ конкретное значеніе (nomina agentis) должно было быть такое же первоначальное, какъ и въ соотвѣтствующихъ греческихъ основахъ.

На ряду съ разсмотрѣнными двумя классами основъ на *-τη-* въ словахъ муж. рода (простыхъ и сложныхъ) въ греческомъ существуетъ еще третій классъ такихъ же основъ, въ словахъ какъ, напр., *αἰχμητής, -τά, ἱππότα, ἀγρόται* и др. (см. Delbr. S. F. IV, 8). Что касается этихъ словъ муж. рода, то изъ нихъ нѣкоторыя, несомнѣнно, стоятъ въ связи по происхожденію съ основами на -tā^a- въ словахъ съ первоначальнымъ отвлеченнымъ, или, точнѣе, съ собирательнымъ значеніемъ[3]); такимъ

[3]) Значеніе собирательное можно разсматривать какъ производное отъ собственно отвлеченнаго; но, во всякомъ случаѣ, уже въ индо-европ. языкѣ эти двѣ категоріи значеній различались между собой, и нѣтъ никакого основанія разсматриваемыя здѣсь конкретныя имена отдѣльныхъ языковъ производить отъ именъ собирательныхъ и отвлеченныхъ безразлично; понятенъ только переходъ собирательнаго значенія въ конкретное.

образомъ, напр., *ἱππότα* въ значеніи „конникъ“ безъ труда можетъ быть объясняемо изъ **ἱππότᾱ* въ значеніи „конница“ (см. подробныя объясненія у Delbr., S. F. IV, 10 слѣд. и Vgl. Synt. I, 111 слѣд.). Но при этомъ слѣдуетъ также замѣтить, что образованіе подобныхъ словъ муж. рода на *-της* въ греческомъ очень обобщилось: *αἰχμητής, θωρηκτής, ἀγρόται*, напр., въ данныхъ значеніяхъ не могутъ быть производимы непосредственно отъ соотвѣтствующихъ словъ съ собирательнымъ значеніемъ; они возникли прямо съ данными значеніями уже по аналогіи такихъ словъ, какъ *ἱππότης* (ср. Delbr., Vgl. Synt., l. c.); на образованіе этихъ словъ, несомнѣнно, оказывали при этомъ вліяніе также и разсмотрѣнныя выше слова на *-της*, какъ *κριτής, δέκτης* и т. п., и въ особенности слова какъ *ἀγορητής, ἀλήτης*, въ которыхъ основы на *-τη-* могли быть и отъименными, и отглагольными.

Аналогичныя по образованію и по значенію основы на -tāª- представляютъ славянскіе языки, хотя и здѣсь не всѣ такія основы древни; къ древнимъ принадлежатъ, напр., ст.-слав. **юнота**, русск. сирота (при ст.-слав. **сирота** женск. р.), староста; другіе примѣры приводитъ Дельбрюкъ, Vgl. Synt. I, 106. Др.-инд. языкъ представляетъ примѣръ сочетанія коллективнаго и конкретнаго значеній въ основѣ devátā-. Насколько измѣненіе собирательнаго значенія въ конкретное можно допускать для индо-европ. языка, остается неизвѣстнымъ; но такъ какъ собирательное значеніе отъименныхъ основъ на -tāª- (при значеніи собственно отвлеченномъ) въ индо-европейскомъ вполнѣ засвидѣтельствовано отдѣльными языками, то происхожденіе извѣстныхъ словъ муж. рода съ основами на -tāª- въ отдѣльныхъ языкахъ изъ соотвѣтствующихъ индо-европ. словъ женскаго рода можно считать несомнѣннымъ.

Теперь обратимся къ основамъ на *-ᾱª-*. Въ греческомъ слова муж. рода съ основами на *-ᾱ-* являются обыкновенно сложными, причемъ въ нихъ основа на *-ᾱ-* во второй части есть отглагольная основа. Таковы у Гомера слова: *Ἀίδης, -αο* (при *Ἄϊδος, -δι*), *παρθενοπῖπα* (V.), *ὑψιπέτης, ὠκυπέτα* (N. d.); въ аттическомъ сюда принадлежатъ всѣ сложныя съ *-τρίβης*. Таковы же сложныя слова гомер. *λαβραγόρην, ὑψαγόρην* и гесіод. *ἀερσιπόται*, однако, съ тѣмъ отличіемъ, что въ нихъ глагольныя производныя основы на *-ᾱ-* являются не только какъ части сложныхъ словъ, но также и какъ самостоятельныя основы спряженія; въ аттическихъ сложныхъ словахъ на *-μέτρης* и *-πώλης* находимъ такія производныя основы на *-ᾱ-*, которыя въ спряженіи соотвѣтствующихъ глаголовъ замѣняются другими производными основами. Въ *Οἰδιπόδαο* (*Ψ* 679, *λ* 271) мы находимъ такое сложное слово, въ которомъ основа на *-η-* во 2-й части не есть отглагольная; такова же можетъ быть и основа въ *κυνῶπα* (*A* 159), хотя *-ᾰ* въ этомъ словѣ можетъ быть

того же происхожденія, какъ въ *εὐρύοπα* (J. Schmidt, Pluralb. 403)[4]). Простыя слова муж. рода какъ *βόης* и *κόρσης* (Delbr., Vgl. Synt. I, 110), во всякомъ случаѣ, очень рѣдки. Patronymica на *-δης* не ясны по происхожденію (ср. замѣчаніе о нихъ у Delbr., S. F. IV, 12). Имена народовъ какъ *Πέρσης*, *Σκύθης* стоятъ совершенно особо среди словъ муж. рода, въ качествѣ словъ негреческихъ.

Въ латинскомъ слова муж. рода съ основами на -ā- яснаго происхожденія также представляютъ собой обыкновенно сложныя слова, въ которыхъ вторыми частями являются отглагольныя основы на -ā-; таковы, напр., *advena*, *auriga*, *collega*, *conviva*, *indigena*, *parricida*, *perfuga* и др. (Schröder, Ueber die form. Untersch. der Redeth. 289; Delbr., Vgl. Synt. I, 108). Исключая неясныя по происхожденію слова какъ *popa*, *scurra*, *lixa* и нѣкоторыя другія, мы находимъ простое слово *scriba* также съ отглагольной основой на -ā-.

Въ балтійскихъ языкахъ слова муж. рода съ основами на -ā^{a}- всѣ представляютъ собой сложныя и простыя слова съ отглагольными основами на -ā^{a}-; напр., сложныя: литовск. *maitveda*, *peczlinda*, *żemżiūra*, *żmogėdà*, *ùżmarka*, *ùżmarsza*, *pasaubà*, *pasmirda*, *nèpena*, *nenůpena* и др.; простыя: *gvéra*, *pirdà*, *rìnga*, *rěka*, латышск. *blinda*, *bruka*, *driska* и др. (Delbr., Vgl. Synt. I, 104). Въ простыхъ словахъ этого рода въ балтійскихъ языкахъ нерѣдко наблюдается сочетаніе значеній конкретнаго и отвлеченнаго; напр., литовск. *tylà* — „молчаливый человѣкъ“ и „молчаніе“; *gyrà* — „хвастунъ“ и „хвала“ (ib. 103). Но при этомъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ простое слово сохраняетъ отвлеченное значеніе, между тѣмъ какъ сложное съ нимъ пріобрѣтаетъ конкретное значеніе; напр., латышск. *jēga* „разумѣніе“, а *nejēga* „блажной, дуракъ“; литовск. *użauga* „ростъ“: *n'úżauga* „не растущій человѣкъ, карликъ“; *nůvoka* „пониманіе“: *nenůvoka* „непонятливый человѣкъ“ (хотя при этомъ есть, можетъ быть, и отвлеченное значеніе „непониманіе“) (ib. 103).

Въ славянскихъ языкахъ мы находимъ тоже, что̀ и въ балтійскихъ; ср., напр., русск. сложныя: пролаза, повѣса, прогула, разстрига, пустожира, жидомора, непосѣда, недотрога и др. (много примѣровъ у Вольтера, Розысканія о грам. родѣ, 35 слѣд.); простыя: брода, лаза, стрига и др. (ibid.). Такого рода слова довольно распространены въ различныхъ славянскихъ языкахъ; но несомнѣнно, что большинство ихъ новаго происхожденія; только немногія сложныя и простыя слова, какъ напр., ст.-слав. **воѥвода** и **слоуга**, могутъ быть отнесены къ общеславянскому языку. Но, во всякомъ случаѣ, образованіе подобныхъ словъ

[4]) Какого происхожденія основа *-ποτη-* въ *δεσπότης*, именная или глагольная, не ясно; ср. объ этомъ словѣ Fröhde, B. B. VII, 99; Johansson, K. Z. XXX, 427.

въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ могло получить обширное распространеніе лишь при томъ условіи, если типъ его былъ полученъ уже изъ обще-слав. языка. Факты балтійскихъ языковъ говорятъ за то, что разсматриваемое образованіе сложныхъ и простыхъ словъ существовало въ извѣстныхъ предѣлахъ въ языкѣ литовско-славянскомъ.

Итакъ, въ числѣ словъ муж. рода съ основами на -$\bar{a}^{a}$- мы должны выдѣлить прежде всего особый классъ словъ, въ которыхъ основы на -$\bar{a}^{a}$- являются отглагольными и притомъ, по крайней мѣрѣ въ греческомъ и латинскомъ, преимущественно въ качествѣ вторыхъ частей сложныхъ словъ. Это послѣднее обстоятельство рѣшительно говоритъ опять противъ того объясненія, что разсматриваемыя слова произошли изъ словъ женск. рода, бывшихъ по значенію именами дѣйствій. Если бы даже допускать, что разсматриваемыя основы на -$\bar{a}^{a}$- нѣкогда были одинаково употребительны какъ въ сложныхъ, такъ и въ простыхъ словахъ, то все-таки превращеніе именъ дѣйствій въ имена дѣйствующихъ лицъ оставалось бы фактомъ мало вѣроятнымъ. Въ какую эпоху могло не существовать строгаго различія между этими двумя категоріями значеній словъ (Delbr., Vgl. Synt. 110)? Въ эпоху распаденія праязыка оба эти значенія строго различались, о чемъ свидѣтельствуютъ различныя словообразовательныя формы для словъ той и другой категоріи; это различіе не было утрачено и отдѣльными языками. Но тотъ фактъ, что мы находимъ отглагольныя основы на -$\bar{a}^{a}$- преимущественно въ словахъ сложныхъ (свидѣтельство греч. и латинск. языковъ здѣсь очень важно), заставляетъ насъ смотрѣть и на нихъ, очевидно, точно такъ же, какъ на разобранныя выше отглагольныя основы на -$t\bar{a}^{a}$- въ сложныхъ словахъ муж. рода: какъ эти послѣднія, такъ и основы на -$\bar{a}^{a}$- въ сложныхъ словахъ муж. рода имѣли съ самаго начала значеніе конкретное и ни въ какомъ отношеніи къ основамъ съ отвлеченнымъ значеніемъ не стоятъ. Ясно, напр., что основа *Ἀίδη-* всегда должна была имѣть то же значеніе, чтò и параллельная основа *Ἄϊδ-; ὑψιπέτη-, ὠκυπέτη-*, очевидно, по значенію всегда были однородны съ *διιπετές-, παλιμπετές-* и т. п.

Слова муж. рода съ основами неотглагольными на -$\bar{\alpha}$- въ греческомъ не многочисленны. Изъ нихъ *Οἰδιπόδης* и, можетъ быть, также **κυνώπης* образованы, очевидно, только по аналогіи съ *Ἀίδης* (при *Ἄϊδ-*) и т. п. Основы на -$\bar{\alpha}$-, въ которыхъ это $\bar{\alpha}$ есть только составная часть суффикса -$\delta\bar{\alpha}$-, не ясны по происхожденію, но можетъ быть, что первоначальное значеніе ихъ было собирательное. Такое же значеніе, быть можетъ, надо предполагать и въ нѣкоторыхъ другихъ основахъ на -$\bar{a}^{a}$-, которыя находятся въ словахъ муж. р. въ разныхъ языкахъ, и въ которыхъ $\bar{a}^{a}$ является аффиксомъ основы не само по себѣ, а въ сочетаніи съ различными другими звуками; напр., таковы могутъ быть основы словъ: латинск. *verna*, ст.-слав. **старѣишина**, русск. *старина*, ст.-слав.

близнька, жжнка, пиюнпца. Вѣроятно также, что нѣкоторыя основы на -iā^a^- (частью -i̯ā^a^-) въ словахъ муж. рода происходятъ отъ соотвѣтствующихъ основъ съ собирательнымъ значеніемъ; напр., греч. *νεανίας, ἀγγελίης* (Delbr., l. c. 111 и 368; о *ταμίας* см. S. F. IV, 11). Но этого нельзя утверждать обо многихъ балтійскихъ и славянскихъ основахъ на -i̯ā^a^. Такія сложныя слова муж. рода, какъ литовск. *nevedža* („холостякъ"), *nežadža* („нѣмой"), латышск. *nejauša* („дурень"), *nepraša* (id.), ст.-слав. **дрѣводѣлю, прѣдътеча, вельможа, невѣжда** заключаютъ въ своихъ вторыхъ частяхъ отглагольныя основы на -i̯ā^a^-, очевидно, съ тѣмъ же первоначальнымъ конкретнымъ значеніемъ, какое мы должны предполагать и для основъ на -ā^a^- во вторыхъ частяхъ сложныхъ словъ. И по своему происхожденію основы на -i̯ā^a^- въ указанныхъ сложныхъ словахъ отличаются отъ такихъ же основъ въ простыхъ словахъ со значеніемъ nomina actionis; напр., основа -**вѣжда**- въ **невѣжда** не тождественна по происхожденію съ такой же основой въ простомъ словѣ — польск. *wiedza* „знаніе". Вообще отглагольныя слова съ основами на -iā^a^-, -i̯ā^a^- и со значеніемъ nomina actionis въ индо-европ. языкахъ представляютъ собой субстантивированныя отглагольныя прилагательныя съ основами на -iă^o^-, -i̯ă^o^-, съ обобщеніемъ флексіи женскаго рода (ср., напр., ст.-слав. **лъжа** „ложь" при **лъжь** „лживый"; **жжда** „ѣда" при др.-инд. *ādya-* „съѣдобный" и др.). Но сложныхъ словъ, въ которыхъ вторыми частями являлись бы отглагольныя прилагательныя съ основами на -iă^o^-, i̯ă^o^, въ индо-европ. языкѣ не существовало, какъ показываютъ языки др.-индійскій, греческій и латинскій, — за исключеніемъ лишь такихъ сложныхъ словъ, въ которыхъ первыми частями были слова-частицы (обыкнов. отрицаніе и, можетъ быть, нѣкоторые предлоги). Такимъ образомъ для сложныхъ словъ какъ ст.-слав. **дрѣводѣлю, прѣдътеча** и т. п. нѣтъ основанія предполагать и первоначальныхъ основъ на -i̯ā^a^- съ отвлеченнымъ или собирательнымъ значеніемъ. Ясно, что основы этого рода сложныхъ словъ возникли въ литовско-славянскомъ языкѣ какъ результатъ смѣшенія двухъ образованій: древнихъ основъ на -ā^a^- и литовско-славянскихъ основъ на i̯-ă^o^-, также въ сложныхъ словахъ съ конкретнымъ значеніемъ (какъ, напр., въ литовск. żmogėdỹs, żemgulỹs, szënpiõvis, tyczópirdis и т. п.; перечислены у Александрова, Lit. Studien I, 47 слѣд.). Напр., литовск. *nauvedża* (у Нессельмана) возникло изъ смѣшенія образованій *nauvedà* и *nauvedýs;* а подобно *nauvedża* образовано и *nevedża;* далѣе ср., напр., чередованіе: *żmogudża: brolãżudis, broźludýs; pelëda, żmogėdà: żmogėdỹs; paleida* „scortator" (Sz. d.; Вольт., Розыск., 69): *krauleidỹs;* р. *непосѣда:* лит. *sùlsėdis* и др.[5]). При этомъ, на основаніи показаній другихъ индо-европ.

[5]) Основы на -i̯ă^o^-:-iă^o^- въ такого рода сложныхъ словахъ существовали именно

языковъ, мы должны принять, что въ сложныхъ словахъ, въ которыхъ вторыми частями являлись глагольныя слова, первоначальныя корневыя основы этихъ вторыхъ частей уже въ самомъ литовско-славянскомъ были замѣнены производными основами на -ĭă°-: -i̯ă°-, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ, сложныхъ словъ mutata, въ которыхъ такія производныя основы существовали еще въ индо-европ. языкѣ (см. примѣч.). — Если же, такимъ образомъ, сложныя литовско-славянскія слова съ осно-

---

въ литовско-славянскомъ языкѣ, а не возникли въ обще-балтійскомъ. На это указываютъ славянскія основы на -ь- въ такихъ словахъ, какъ напр., ст.-слав. **медвѣдь, оушидь** (и, вѣроятно, еще нѣкоторыя изъ словъ, приводимыхъ у Leskien'а, Handb.[2], стр. 54, 94). Эти славянскія основы на ь вообще считаютъ первоначальными основами на -ī- (напр., Mahlow, Die langen Voc. 121 слѣд.; Brugm., Grdr. II, 267). Но по этому поводу можно замѣтить слѣдующее. Въ др.-инд. языкѣ мы находимъ, правда, такія сложныя слова, какъ ведійск. *sahabhári-, vastramáthi-, paçurákṣi-*, vasuváni-, goṣáṇi- (Lindner, Nominalb. 57; Whitney, Ind. Gr. § 1276); но изъ нихъ часто употребляются только сложныя съ -sáni- и -váni-; можно поэтому думать, что другія рѣдкія сложныя слова этого типа образованы только по аналогіи съ этими послѣдними (т.-е. основа, напр., havirmáthi- возникла по этой аналогіи вмѣсто *havirmath-). Что же касается словъ съ -sani- и -vani-, то въ нихъ .-i- въ окончаніи основы, вѣроятно, такого же происхожденія, какъ -i- и -ī- въ производныхъ sáni-ti-, sani-tár-, vánī-van-, т.-е. изъ индоевроп. α; *goṣáni-*, напр., есть только фонетическое видоизмѣненіе сильной основы *goṣán-* (ср. goṣáṇas) съ n̄ (ср. при этомъ слабую основу goṣā́-, гдѣ ā изъ α̥n̄). Въ другихъ языкахъ подобныхъ сложныхъ словъ съ основами на -ī- мы не находимъ. Такимъ образомъ въ **медвѣдь** основа на первонач. -ī- не можетъ быть доказана. Съ другой стороны, основа на -ь- въ этомъ словѣ, очевидно, тождественна съ основами на -ь- въ словахъ какъ **вьсесрьдь, ищдрадь, стрьмоглавь**, которыя Mahlow (l. c.) основательно сопоставляетъ по образованію основы съ латинск. *inermis, imbellis, exanimis, bilinguis* и т. п. Но, по моему, нельзя и въ этихъ словахъ видѣть первоначальныхъ основъ на -ī-; сложныя слова, называемыя mutata, въ индо-европ. языкѣ допускали лишь два образованія основы: или въ нихъ сохранялась основа 2-й части (др.-инд. suhásta-), или же они получали аффиксъ -ĭă°- (suhástia-). Основы на -ī- въ такихъ словахъ являются лишь въ латинскомъ, славянскомъ и германскихъ языкахъ (въ послѣднихъ смѣшиваясь вообще съ основами на -ĭă°-); для греч. и др.-инд. языковъ факты, приводимые у Mahlow'а (стр. 122), такихъ основъ совсѣмъ не доказываютъ. Чередованіе основъ на -ī- съ основами на -ĭă°- въ германскихъ языкахъ, показываетъ, что оба рода этихъ основъ родственны между собой; формы какъ латинск. *alis, Cornēlis, Cornēlim*, умбр. *Fisim, tertim*, оск. *medicim* показываютъ, что въ латинскомъ основы на -ī- въ сложныхъ mutata находятся въ фонетическомъ родствѣ съ основами на -ĭă°- (изъ этихъ прилагательныхъ аффиксъ -ī- распространился въ латинскомъ и въ другія прилагательныя, несложныя); нѣтъ основанія объяснять иначе основы на -ь- и въ слав. **вьсесрьдь** и т. п.; если же эти слав. основы въ отношеніи аффикса соотвѣтствуютъ такимъ, какъ литовск. *baltplaũkis, ilglėżùvis, jů̊dakỹs* и т. п. (съ афф. -ĭă°-), то и слав. **медвѣдь** и т. п. соотвѣтствуютъ литовскимъ *brolãżudis, brolżudỹs* и т. п. — Весьма важно было бы точнѣе опредѣлить условія чередованія аффикса -ĭă°- (а также -i̯ĭă°-): -ă°-: -i̯i-; но въ виду сложности этого вопроса я позволю себѣ теперь не останавливаться на немъ.

вами на -i̯ā̊- не предполагаютъ первоначальныхъ основъ того же рода съ отвлеченнымъ значеніемъ, то и простыя слова такого типа, какъ литовск. *mižia* (и mìžė), *skundžà*, *plūdžà*, латыш. *mīža, dirša, glemža* и т. п., не должны предполагать соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ отвлеченнымъ значеніемъ: эти простыя основы на -i̯ā̊- возникли изъ первоначальныхъ на -ā̊- съ конкретнымъ значеніемъ просто подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ основъ на -i̯ā̊- во вторыхъ частяхъ сложныхъ словъ. На такое происхожденіе образованій *mižia* и т. п. указываетъ то обстоятельство, что только въ латышскомъ они получаютъ значительное распространеніе (ср. Leskien, Die Bildung der Nom., 313). Точно также и въ славянскихъ языкахъ образованія, какъ русск. *соня, меля, вѣжа*, сербск. *лàжа* (Вольтеръ, Розыск., 87 слѣд.) носятъ явные слѣды позднѣйшаго происхожденія. — О первоначальномъ значеніи образованій какъ ст.-слав. **бални, ќѣтни, сѫдни, кръмьчни** и др. трудно сказать что нибудь положительно, въ виду неясности ихъ происхожденія; быть можетъ, что конкретное значеніе ихъ развилось изъ собирательнаго. Такое же предположеніе можно сдѣлать и о происхожденіи значенія др.-инд. вед. rā́ṣṭrī „владыка“ (Delbr., Vgl. Synt. § 22; Lanman, On noun-inflection, 367 кон.).

Итакъ, изложенные выше факты показываютъ, что въ греческомъ, латинскомъ, балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, рядомъ съ нѣкоторыми словами муж. р. съ основами на -ā̊-, въ которыхъ конкретное значеніе можетъ быть объясняемо изъ собирательнаго, существуетъ цѣлый рядъ словъ съ такими же основами на -ā̊-, въ которыхъ конкретное значеніе должно быть считаемо первоначальнымъ. Все это слова съ отглагольными основами, и притомъ — въ греческомъ и латинскомъ почти исключительно слова сложныя. Что касается греческихъ словъ муж. рода съ основами на -*τᾱ*-, то и въ нихъ также лишь отчасти надо признать слова съ первоначальнымъ собирательнымъ значеніемъ; въ словахъ съ отглагольными основами на -*τᾱ*- конкретное значеніе должно быть признано исконнымъ. Кромѣ того, основательно можно предполагать, что эти греческія слова съ отглагольными основами на -*τᾱ*- большею частью возникли въ самомъ греческомъ языкѣ. Это можно утверждать, во-первыхъ, о простыхъ словахъ, какъ *κριτής* и т. п. Дельбрюкъ, принимая во вниманіе чередованія *αἰσυμνῆται: αἰσυμνητῆρι, ὀρχηστής: ὀρχηστῆρες, ἐρέτης:* др.-инд. aritár-, *(ὠμ)ηστής:* др.-инд. attár- и др. (S. F. IV, 7), склоняется къ убѣжденію, что отглагольныя слова на -*της* произошли отъ словъ на -*τηρ;* Бругманъ (Studien IX, 404) пытался дать фонетическое объясненіе для перехода основъ на -*τηρ*- въ основы на -*τη*-. Связь между тѣми и другими основами существуетъ несомнѣнно; однако, не фонетическая, конечно. По моему, дѣло объясняется такъ: простыя отглагольныя слова со значеніемъ nomina agentis въ греческомъ нѣкогда образовались исключительно

съ помощью суффикса *-τερ- (-τηρ-)* или *-τορ- (-τωρ-)*, который уже въ индо-европ. языкѣ образовалъ такія слова; впослѣдствіи въ греческомъ въ значеніи nomina agentis стали употребляться также слова съ основами на *-τᾱ-*, извлеченныя изъ словъ сложныхъ съ этими основами и имѣвшихъ нерѣдко также значеніе nomina agentis; *γενέτης*, напр., было извлечено изъ такихъ сложныхъ какъ *αἰειγενέτης* и стало употребляться параллельно съ *γενετήρ, γενέτωρ* (ср. упомянутыя выше балтійскія простыя основы на -i̯ā̊-, извлеченныя изъ словъ сложныхъ и замѣнившія собой основы на -ā̊-); съ теченіемъ времени основы на *-τη-* во многихъ nomina agentis получили даже преобладаніе надъ основами на *-τερ-, -τορ-*. Такимъ образомъ можно думать, что нѣкогда въ греческомъ образованія какъ *κριτής* были, во всякомъ случаѣ, довольно рѣдки. Ср. то же въ литовско-славянскомъ (выше, стр. 130). Основы на *-τᾱ-* нѣкогда употреблялись преимущественно, слѣдовательно, только въ словахъ сложныхъ. Но, во-вторыхъ, и въ сложныхъ словахъ основы на *-τᾱ-* не могутъ быть считаемы древними: во всякомъ случаѣ, большинство этихъ основъ возникли въ самомъ греческомъ языкѣ изъ основъ на *-τ-*, къ которымъ присоединенъ былъ аффиксъ *-ᾱ-*, заимствованный изъ сложныхъ основъ на *-ᾱ-*. Указаніе относительно такого именно происхожденія основъ на *-τα-* даетъ отчасти самъ греческій языкъ: въ гомер. формѣ *ἀπτῆσι* (*νεοσσοῖσι I* 323; также у Платона — *πεζοῖς καὶ ἀπτῆσι* въ Polit. 276, a) естественнѣе видѣть основу *ἀπτητ-*, а не *ἀπτην-*, какъ обыкновенно предполагаютъ въ виду *πτητός* (впрочемъ, въ слов. Ebeling'а указывается, что Goebel принимаетъ *ἀπτής, -ῆτος);* такимъ образомъ *ἀπτητ-* можетъ быть основой, образованной съ однимъ *-τ-* (безъ распространенія черезъ *-ᾱ-*) отъ производной глагольной основы *πτᾱ-* (дор. *ἔπτᾱν* и проч.); что же касается основы *ἀερσιποτητ-*, которую находитъ Clemm (De compos. graec. 151 слѣд.) у Гесіода (въ Op. 777; Scut. 316), то она сомнительна, въ виду неясности цитированныхъ мѣстъ; можетъ быть, согласно съ обычнымъ толкованіемъ, слѣдуетъ принимать просто *ἀερσιπότητο-ς*. Производныя основы на *-ι-*, *-ιδ-* при основахъ на *-τᾱ-* предполагаютъ первоначальныя основы на *-τ-;* напр., *δασπλῆτις* при *τειχεσιπλῆτα* (при чемъ основа **πλητ-*, очевидно, однородна съ *βλητ-, δμητ-, γνωτ-* и др.), *χερ-νῆτις* при *χερνήτης* (ср. Fröhde, B. B. VII, 100). Но еще болѣе положительныя указанія по этому поводу даетъ сопоставленіе греческихъ образованій на *-τᾱ-* съ образованіями на -t- другихъ языковъ: гомеровскому *περικτίται* соотвѣтствуетъ др.-инд. parikṣít-; основѣ *ῥειτη-* (въ *ἀκαλαρρείταο, ἐϋρρείταο, -την)* соотвѣтствуетъ др.-инд основа sravát- (субстантивированная основа, со значеніемъ „рѣка"); основѣ *ἀντιστάτη-* соотвѣтствуетъ латинская основа antistet- (Fick, B. B. III, 159; Fröhde ib. VII, 99; Iohansson, K. Z. XXX, 427)[6]). Такимъ образомъ мы имѣемъ

[6]) Распространеніе основъ на -t- аффиксомъ -ā̊- должно было существовать нѣкогда

достаточныя основанія, чтобы принять, что вообще греческія основы какъ *νεφεληγερέτη-* по своему происхожденію представляютъ сочетаніе двухъ первоначальныхъ образованій: **περιϰτιτ-* и *ὑψιπέτᾱ-*,—сочетаніе, аналогичное съ тѣмъ, которое мы находимъ въ *Ἄϊδ-* и *Ἀΐδᾱ-*.

Если и для литовско-слав. языка мы должны допустить нѣкоторое число сложныхъ основъ на -tā^a- (см. выше, стр. 128), то и здѣсь эти основы должны имѣть такое же происхожденіе, какъ въ греческомъ. Основы простыя (какъ, напр., латышск. *pl'upata*) возникли здѣсь или самостоятельно вслѣдствіе сочетанія простыхъ основъ на -t- съ аффиксомъ -ā̆^{a}-, или же подъ вліяніемъ сложныхъ основъ на -tā^a-, подобно греческимъ основамъ *ϰριτή-* и т. п.

Итакъ, мы приходимъ къ тому выводу, что въ греческомъ, латинскомъ, балтійскихъ и славянскихъ языкахъ въ образованіи отглагольныхъ основъ сложныхъ словъ большое значеніе имѣетъ аффиксъ -ā̆^{a}-, и что основы этого образованія не могутъ быть отождествляемы съ тѣми основами на -ā̆^{a}-, которыя являются въ словахъ съ отвлеченнымъ или собирательнымъ значеніемъ. Очевидно, что аффиксъ -ā̆^{a}- въ этихъ сложныхъ основахъ имѣетъ такое же значеніе, какъ, напр., и аффиксы -t-, -ă^{e}s-, которые уже въ индо-европ. языкѣ были аффиксами производныхъ отглагольныхъ основъ, употреблявшихся или въ качествѣ отдѣльныхъ словъ (др.-инд. rít-, hrút-, sravát-, греч. *ϑητ-*, *ἀργέτ-*, др.-инд. mahás-, yaçás-, греч. *ψευδέσ-*, *σαφέσ-*, *φραδέσ-*), или же, чаще, въ качествѣ вторыхъ частей сложныхъ словъ. Но въ этомъ случаѣ необходимо допускать, что аффиксъ -ā̆^{a}- въ такомъ употребленіи былъ извѣстенъ точно такъ же уже въ индо-европ. языкѣ, такъ какъ возникновеніе его въ отдѣльныхъ европейскихъ языкахъ нельзя никакъ объяснить. Совпаденіе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ по отношенію къ разсматриваемому образованію само по себѣ есть все-таки фактъ, говорящій въ пользу того, что это образованіе получено было ими изъ индо-европ. языка; отсутствіе его въ др.-индійскомъ и иранскихъ языкахъ можетъ указывать только на то, что въ индо-европ. языкѣ образованіе на -ā̆^{a}- было менѣе употребительно сравнительно, напр., съ образованіями на -t- и -ă^{e}s-, и поэтому въ индоиранскомъ оно было вытѣснено изъ употребленія, между тѣмъ какъ въ языкахъ европейскихъ оно получило большее распространеніе. Однако это предположеніе получило бы еще болѣе вѣроятности, если бы можно

въ извѣстномъ количествѣ случаевъ и въ латинскомъ; только впослѣдствіи образованія съ -*t*- получили здѣсь рѣшительное преобладаніе надъ образованіями съ *-tā-. Мнѣ кажется, что только этимъ предположеніемъ и можно объяснить, почему въ латинскомъ возникли основы какъ *equit-* (= *ἱππότη-*), въ которыхъ первоначальный аффиксъ былъ -tā^a-; одно *comit-* безъ посредства **comitā-* не могло бы измѣнить **equitā-* въ *equit-* (см. Brugm., Grdr. II, 368, Anm. 1).

было показать, что и индо-иранскій сохранилъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые слѣды образованія на -ā^a-.

Я думаю, что отглагольныя производныя основы на -ā^a- во 2-й части сложныхъ словъ слѣдуетъ искать среди такихъ др.-инд. образованій, какъ *ákrā* „недѣятельный", *dadhi-*, *rudhi-krā́-*, *éta-gvā-* (-gvă-) и др. (см. перечисленіе у Lanman'a, 438 слѣд.). Среди этихъ основъ мы находимъ частью такія, въ которыхъ -ā- принадлежитъ глагольной основѣ не только въ образованіи сложныхъ словъ, но также и въ образованіяхъ формъ спряженія; таковы, напр., основы *jñā-*, *trā-*, *prā-*, *snā-;* здѣсь частью являются особые аффиксы глагольныхъ основъ спряженія (индоевроп. ā^a, ā^e, ā^o; ср. Brugm., Grdr. II, 953 слѣд.), частью же ā^x возникло здѣсь вслѣдствіе перестановки группъ ă^x + плавный или носовой. Но, напр., въ *ákrā-* мы находимъ такую основу на ā, которая является лишь во второй части сложнаго слова и никогда не бываетъ основой формъ спряженія; тоже самое находимъ и по отношенію къ основамъ: *-krā-* (въ dadhi-, rudhi-krā́-; ср. 2 *kir* „высыпать, выливать"), *-gvā-* (въ éta·gvā-), *mnā-*[7]) (въ carma-mnā́- „кожемяка"), *-grā-* (изъ *-grā-*, въ tuvi-gr̥ā́-; ср. 2 *gir* „глотать"), *-ghnā-* (изъ *ghnā-*, въ go-, pūruṣa·ghnā́-; иначе объясняютъ *-ghnă-* и *-gră-* Lanman 479 и Brugmann, Grdr. I, 198, 235)[8]). Др.-индійской основѣ -gvā- вполнѣ соотвѣтствующую мы находимъ въ греческомъ гомеровск. πρέσβᾰ изъ *πρεσγu̯α. Bezzenberger (въ B. B. IV, 345) сопоставляетъ πρέσβυς, дор. πρέσγυς съ др.-инд. purogā́-, purogavā́-; я думаю что -βυ-, -γυ- соотвѣтствуетъ именно др.-индійскому *-gŭ-, которое предполагается основой -gvā-, а -βᾰ- въ πρέσβᾰ соотвѣтствуетъ прямо др.-индійскому -gvā-. Такимъ образомъ я предполагаю, что πρέσβυς и πρέσβᾰ первоначально не относились между собой какъ двѣ формы родовой моціи, но были двумя образованіями сложнаго слова съ глагольнымъ словомъ во 2-й части: въ одномъ случаѣ глагольное слово было взято съ корневой основой, въ другомъ — съ производной на -ā^a-; ср. также muhur-gir-: *tuvi-grā́-. При этихъ двухъ образованіяхъ сложнаго слова было еще и третье, въ которомъ глагольное слово во 2-й части получало производную основу со афф. -t-: на это образованіе указываетъ πρεσβύτης, въ которомъ основа на -τ- распространена аффиксомъ -ᾱ- (см. выше, стр. 135); съ чередованіемъ πρεσβυ-: *πρεσβῦτ- ср. muhur-gir-: ὠμο-βρωτ-. Образованія πρέσβυς и πρέσβᾰ въ греческомъ получили значеніе двухъ формъ родовой мо-

---

7) Это *mnā-*, очевидно, нельзя отождествлять съ *mlā-*, такъ какъ cármāṇi mlātā́ni нисколько къ этому не обязываетъ; его надо сопоставлять съ литовск. minù, mìnti, ст.-слав. **мьнѫ, мѧти** и т. д.

8) Чередованіе *-gvā-*:*-gvă-*, *-mnā-*:*-mnă-* и др. того же рода, какъ и чередованіе, напр., *-sthā-*:*-sthă-*, *-dhā-*:*-dhă-* и др.; т.-е. основы съ ă представляютъ собой обобщеніе слабаго вида основъ на *-ā-* (при индо-европ. чередованіи ā^x: ă^x: α).

ціи[9]). — Итакъ, образованія какъ *ákrā-* мы имѣемъ основаніе считать однородными съ греч. *'Αίδᾱ-, ὑψιπέτᾱ-* и т. п., такъ какъ въ нихъ мы находимъ такія отглагольныя основы на -ā-, которыя внѣ словосложенія не извѣстны.

Слѣдъ разсматриваемыхъ здѣсь индо-европ. образованій на -āª- мы находимъ, далѣе, въ индо-иранскомъ, въ образованіи причастій съ суф. -nt-. Въ Авестѣ, какъ извѣстно, есть рядъ падежныхъ формъ, въ которыхъ основы причастій оканчиваются на -āt-; напр., ср. hāta, hātā, hātąm, h̯ēnu̯ātā, ravascarātąm и др. (Spiegel, Vgl. Gr. 260 слѣд.; Bartholomae Handb., 78; K. Z. XXIX, 488 слѣд., 543, 554 слѣд.). Въ др.-индійскомъ окончаніе основы -āt- мы находимъ только въ ведійской формѣ *kiyā́ti*, отъ основы kíyant-, склоняющейся одинаково съ причастіями на -ant-. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ въ индо-иранскомъ въ окончаніи основы причастія вмѣсто -ant- являлось -ānt-; отсюда въ Авестѣ mazą̊ntem (Barth. l. c.), ведійск. mahā́ntam, mahā́ntā, -āu (N. Ac. V. du.), mahā́ntas (N. V. pl.), mahā́nti. íyānti, sā́nti (N. Ac. pl. ср. р.). Эти образованія съ -āt- и -ānt- до сихъ поръ представляютъ трудности для объясненія. Видѣть здѣсь въ ā только метрическое удлиненіе нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Предположеніе Bartholomae (K. Z. XXIX 545, 554) о томъ, что -ānt- получилось изъ индо-европ. -ń̥t-, а -āt- изъ -n̥t-, не имѣетъ никакого основанія уже потому, что въ суффиксѣ причастія звукъ *n* нигдѣ болѣе не имѣетъ длительности. Объясненіе Шмидта, что -ānt- первоначально въ формѣ N. Ac. pl. ср. р. (Pluralb. 170 слѣд.) и повліяло на возникновеніе -āt- вмѣсто -ăt-, стоитъ въ связи съ его общей теоріей объ образованіи N. Ac. pl. въ словахъ средняго рода; а такъ какъ эта теорія обоснована далеко не достаточно, то и объясненіе касательно -ānt- и -āt- не можетъ считаться вѣроятнымъ. Болѣе вѣроятно, по моему, предположить первоначальный суффиксъ *-āt-*. Я думаю, что то же самое

---

[9]) J. Schmidt (Pluralb., 57 слѣд.), Bezzenberger (B. B. VII, 73) и Johansson (K. Z. XXX, 403 слѣд.) полагаютъ, что -u̯ă въ *πρέσβᾰ* аналогично по происхожденію съ -i̯ă въ *φέρουσα* и т. п.; но отсутствіе въ др.-индійскомъ N-v'a sg. на -ū́ при N-v'ѣ на -ū́s (подобно devī́: nadī́s) и позднее появленіе Ac-v'a sg. на -ū́m (только въ AV; см. факты у Lanman'a 400 слѣд.) заставляютъ предполагать, что въ индо-европейскомъ не было особыхъ производныхъ основъ на -uāª-, -u̯āª-, аналогичныхъ съ основами на -iāª-, -i̯āª-: основы на -uāª-, -u̯āª- при основахъ на -ū- возникали только въ единичныхъ случаяхъ въ склоненіи словъ съ основами на -ū- (такъ же какъ иногда и въ склоненіи словъ женск. рода съ основами на -ū-) подъ вліяніемъ аналогіи основъ на -iāª-, -i̯āª- при основахъ на -ī-; притомъ, какъ показываетъ совпаденіе, напр., др.-инд. вед. çvaçrúam съ ст.-слав. **свекръвамъ, -ми** и т. п., единичныя основы на -uāª-, -u̯āª- являлись уже въ самомъ индо-европ. языкѣ. Однако отсюда все-таки нисколько не слѣдуетъ, что именно N. sg. *πρέσβᾰ* могъ бы быть образованъ отъ основы на -u̯āª-; а это *πρέσβᾰ*, между тѣмъ, и есть единственная старая форма съ *-ᾰ*, въ которой Schmidt и Johansson находятъ подтвержденіе своимъ гипотезамъ объ основахъ на -uāª-:-uăª- (и -uα-).

-ăt-, индо-европ. -ā^a^t-, является и въ греч. *ἔκητι* (дор. *ἕκᾱτι)* и *ἀέκητι*, которыя представляютъ собой обратившійся въ нарѣчіе L. sg. отъ основъ *ἑκᾱτ-*, *ἀεκᾱτ-*, параллельныхъ съ основами *ἑκοντ-*, *ἀεκοντ-*. И точно такъ же и индо-иранск. -ānt-, я думаю, восходитъ къ индо-европ.-ā^a^nt- и является въ греческомъ въ видѣ -*ᾰντ*- (вслѣдствіе обще-греч. сокращенія долгихъ гласныхъ передъ nt); я отношу сюда именно такія основы, какъ *ὑπερ-κῡδαντ-* (гомер. *ὑπερκῡδαντας*, гесіод. *ὑπερκύδαντα)*, *Φειδαντ-*, *Ἀφειδαντ-*, *Μειδαντ-* и, можетъ быть, также *ἀκαμαντ-*, *Πουλυδαμαντ-* (ср. La Roche къ *Δ* 66). Но въ такомъ случаѣ какъ же объяснять индоевроп. -ā^a^nt- и -ā^a^t- въ причастіи?

Ключъ къ объясненію, по моему, даютъ др.-инд. формы отъ основы mahánt-: mahát-. Несомнѣнно, что въ этой основѣ мы находимъ причастное образованіе отъ индо-европ. глагольной основы mă^e^g'h-, утратившее еще въ индо-европейскомъ значеніе причастія. Ac. sg. м. р. отъ этой основы — mahántam; но при этой формѣ находимъ также mahā́m — отъ основы mahā- (которая извѣстна кромѣ этого и въ сложныхъ словахъ, какъ mahā-kulá-, mahā-gayá- и др.). Съ др.-инд. же формой mahā́m ничто не препятствуетъ сопоставлять непосредственно греч. *μέγαν*, которое иначе не поддается никакому объясненію[10]); и N. *μέγας* предполагаетъ ту же самую основу; что касается формы *μέγα*, то она допускаетъ двоякое объясненіе: или она образована отъ той же основы (на индо-европ. -ā^a^-), или же отъ основы на индо-европ. -ạ̑nt- и соотвѣтствуетъ др.-инд. формѣ mahát. Если мы допустимъ тождественность основъ въ mahā́m и *μέγαν*, *μέγας*, то должны принять только, что въ *μέγας* суффиксъ падежа *ς* приставленъ въ греческомъ позже къ формѣ **μέγα*, для отличія формы N. sg. м. р. отъ формы N. Ac. sg. ср. р.; далѣе мы должны принять также, что въ склоненіи разсматриваемаго прилагательнаго уже въ индо-европ. языкѣ рядомъ съ основой на -ă^o^nt-:-ạ̑nt- одинаково употреблялась и основа на -ā^a^-. Др.-инд. языкъ, во всякомъ случаѣ, даетъ указаніе на то, что основа mahā- и въ немъ имѣла нѣкогда бо́льшее распространеніе въ склоненіи этого слова; именно, ведійск. основу mahá-, которая преимущественно употребляется въ формахъ mahás и mahā́ni, скорѣе всего слѣдуетъ объяснять какъ видоизмѣненіе основы mahā-,— видоизмѣненіе того же рода, какъ -gvă- (при -gvā-), -mnă- (при -mnā-) и, далѣе, -sthă- (при -sthā-) и др. (ср. выше, стр. 137, примѣч.)[11]). Если же, такимъ образомъ, возможно допускать въ разсматриваемомъ причастномъ образованіи уже для индо-европ. языка параллельность основъ на -ă^o^nt-: -ạ̑nt- и -ā^a^-, то естественно ожидать такого же параллелизма и въ

[10]) Чтобы *μέγαν* и *μέγας* были только новообразованіями къ *μέγα*, какъ предполагаетъ Brugm., (Grdr. II, 328, 726), совершенно невѣроятно.

[11]) Непервоначальность основы mahá- склоненъ признать и Lanman (498); но съ его объясненіемъ происхожденія этой основы трудно согласиться.

другихъ причастныхъ образованіяхъ. И дѣйствительно, въ греческомъ въ соотвѣтствіе съ формами *μέγα, μέγας* мы находимъ еще *ἀτρέμᾰ* и, передъ гласными, *ἀτρέμας*, — формы, отчасти получившія значеніе нарѣчій („неподвижно, спокойно“), но отчасти сохраняющія значеніе N-v'a sg. м. р. (напр., ср. *ἀτρέμας ἧσο καὶ ἄλλων μῦθον ἄκουε* B 200; *ὣς ὁ μὲν ἀτρέμας εὗδε* Ξ 352; *ν* 92; *αἰγίδα χερσὶν ἔχ' ἀτρέμα Φοῖβος Ἀ*. O 318)[12]). Такого же происхожденія, вѣроятно, и гомер. *ἑτυπάς*, не совсѣмъ ясное по своему значенію (въ Ω 163; не слѣдуетъ ли отождествлять здѣсь *τυπ*- съ литовск. tŭ̃p- въ tũ̃pti и tŭ̃pëti? приблизительное значеніе было бы: „сидя на землѣ“; ср. у Passow'a и Pape — „hingestreckt, zu Boden geworfen“, что, впрочемъ, оба считаютъ не совсѣмъ подходящимъ къ значенію *τύπτειν); можетъ* быть, сюда же слѣдуетъ относить и такія нарѣчія, какъ *πύκᾰ, σάφᾰ* (ср. *σαφής), λίπᾰ, κρύφᾰ*, въ которыхъ корневыми частями являются непроизводныя глагольныя основы; для образованія этихъ нарѣчій ср. *ὑπόδρα*, гдѣ глагольная основа является безъ суффикса -ā^{a}-. Славянскія (русск. и чешск.) формы причастія на *-а* (какъ р. *ида, возма* и т. п.) я также считалъ бы возможнымъ ставить въ связь скорѣе всего именно съ этими греч. и др.-инд. образованіями отъ основъ на -ā^{a}- (какъ причастія perfect'a эти формы объясняетъ Pastrnek въ Arch. f. sl. Ph. XIII, 110 слѣд.; но связь этихъ образованій съ основами praesens'a заставляетъ отвергнуть такое объясненіе). — Итакъ, если мы допустимъ, что въ индо-европейскомъ въ образованіи причастій рядомъ съ основами на -ă^{e}nt-, -ă^{o}nt-, -α̯n̥t- употреблялись также основы на -ā^{a}-, то указанныя выше индо-иранск. и греч. основы на -ā^{a}t- мы можемъ объяснять какъ результатъ сочетанія образованій на -ā^{a}- и образованій на -ă^{e}t- такого типа, какъ др.-инд. sravát-, греч. *ἀργέτ*- и т. п. А что образованія на -ă^{e}t- употреблялись въ индо-европейскомъ въ качествѣ причастій, показываютъ, кромѣ ведійск. vāghát (N. sg. m.), -átas (N. pl. m.), также dā́çatas (N. pl. m.), çā́sat (N. sg. m.), çā́satā (N. d. m.), dā́satas (G. sg. m.) (Lanman 505); по ударенію ср. *κέλης, ἔχης, λέβης*[13]). Что же касается основъ на -ā^{a}nt-, то онѣ должны представлять собой сочетаніе образованій на -ă^{e}nt-, -ă^{o}nt- и на -ā^{a}t-.

По поводу высказаннаго здѣсь предположенія объ индо-европ. основахъ причастій на -ā^{a}nt- и -ā^{a}t- можетъ представиться вопросъ: почему аффиксъ -ā^{a}-, который, какъ мы указывали выше, употреблялся въ индоевропейскомъ для образованія отглагольныхъ основъ во вторыхъ частяхъ

---

[12]) Иначе объясняетъ эти формы Schmidt, Pluralb. 339, 349.

[13]) Въ греческомъ образованія на -ā^{a}t- (*ἑκᾱτ-)* оказали, въ свою очередь, вліяніе на образованія съ -ă^{e}t- въ томъ отношеніи, что въ послѣднихъ при *-ετ-* явилось и *-ητ-*; отсюда *ἀργῆτ-*, при *ἀργέτ-, κέλητ-, λέβητ-*. Объяснять *-ητ-* переносомъ изъ N. sg. (Brugm., Grdr. II, 368) невозможно, такъ какъ самый N. sg. на -ā^{e}t не можетъ быть доказанъ.

сложныхъ словъ, появлялся также въ образованіи собственныхъ причастій, когда для этихъ послѣднихъ существовалъ особый аффиксъ -nt-? Рѣшеніе этого вопроса, по моему, стоитъ въ прямой зависимости отъ того, какъ смотрѣть на самый аффиксъ -nt-. Дѣйствительно ли это первичный аффиксъ, не разлагающійся на составные элементы, или онъ, наоборотъ, представляетъ собой аффиксъ слитный? По моему мнѣнію, факты говорятъ убѣдительно за второе предположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, приведенныя выше др.-инд. основы vāghát-, dáçat-, çásat-, dásat- указываютъ на то, что самъ по себѣ элементъ -t- могъ служить для образованія причастій, присоединяясь къ глагольнымъ основамъ на -ă^e^-. Съ другой стороны, и элементъ -n- также самъ по себѣ могъ служить для образованія причастій, присоединяясь къ глагольнымъ основамъ на -ă°- (и, вѣроятно, также и къ основамъ на -ă^e^-); на это указываетъ тотъ фактъ, что въ индо-европейскомъ, даже послѣ того какъ окончательно сложился аффиксъ -nt-, въ образованіи N. sg. m. въ причастіяхъ рядомъ съ основой на -ă°nt- сохранилась и основа на *-ă°n-;* въ др.-инд. языкѣ получили преобладаніе формы отъ основы на -a°nt-; но въ *mahā́n* (а также ср. формы на *-mān* и *-vān)* сохранилось образованіе отъ основы на -ă°n- (или также -ă^e^n-). Въ Авестѣ, кажется, нѣтъ формъ N. sg. причастій отъ основъ на -ă°n- (ср. Barthol., K. Z. XXIX, 560); но на такое образованіе въ причастіяхъ указываютъ, съ одной стороны, *maʒa*, съ другой — однородныя по склоненію основы на -mant-, -vant- формами, напр., gaoma, гаеца и др. (Barthol., Hndb. 78; Ar. F. I, 54 слѣд.); эти же основы и въ другихъ падежныхъ формахъ, и не только въ Авестѣ, но и въ др.-индійскомъ, представляютъ нерѣдко чередованіе -nt- съ -n-; напр., zarenumantem: zarenumanem; árvant-: árvan-, maghávant-: maghávan- и др. (Ar. F., l. c.; K. Z. XXIX, 541; Lanman 523). Въ греческомъ въ N. sg. m. причастій получили преобладаніе формы отъ основъ на -ă°n- (но ср. *ὀδούς);* при этомъ образованія *περικτιόνων* (при *περικτίται), κατηφόνες („κατηφείας ἄξια πράττοντες“)* (при *κατηφέες), ἰθυπτίωνα* показываютъ, что основы на -n- нѣкогда и въ греческомъ въ склоненіи причастій употреблялись не въ одной только формѣ N. sg. m., и что онѣ могли являться также во вторыхъ частяхъ сложныхъ словъ, подобно основамъ на -t-, *-τᾱ-* и *-εσ-*. Въ литовско-славянскомъ сохранялись оба образованія: литовск. sukąs, ст.-слав. **беры** (основы на -ă°nt-) и ст.-слав. **сѫи, живѫи, сыи, живыи,** ст.-польск. przeydǫ, rzkǫ и др. (основы на -ă°n- и -ă^e^n-)[14]). Если же въ образованіи основъ причастій praesens'а, какъ

[14]) Объ образованіи формы N. sg. m. отъ основъ на -ă°n- въ причастіяхъ можно замѣтить, что между тѣмъ какъ языкъ Авесты формами на *-a,* греческій формами на *-ων* и славянскій формами на -ǫ указываютъ на индо-европ. -ā°n, др.-индійскій своими формами на -ān, ведійск. -ā̃ передъ гласными и -ā̃ç передъ c (Lanm. 506, 517) указываетъ на первоначальное -āns (ср. соотвѣтственныя измѣненія -ān въ Ac. pl. основъ

показываютъ отдѣльные языки, въ индо-европ. языкѣ, несомнѣнно участвовали отдѣльные аффиксы -t- и -n-, то ясно, что основы съ -nt- надо объяснять какъ результатъ сочетанія въ одномъ образованіи двухъ образованій съ -t- и -n-, и аффиксъ -nt- слѣдуетъ признать слитнымъ изъ двухъ первичныхъ аффиксовъ. А отсюда дальнѣйшій выводъ долженъ быть тотъ, что въ древнѣйшую эпоху праязыка причастія не отличались, вообще, по аффиксамъ основъ отъ всякихъ другихъ глагольныхъ прилагательныхъ, являвшихся какъ самостоятельными словами, такъ и въ качествѣ вторыхъ частей сложныхъ словъ. Различіе между причастіями и другими глагольными прилагательными заключалось лишь въ томъ, что въ послѣднихъ сама глагольная основа не получала никакихъ различій по видовымъ значеніямъ, въ первыхъ она получала эти различія; поэтому, напр., -bhr̥-t- заключаетъ въ себѣ глагольную непроизводную основу, не имѣющую никакого видового значенія, а *bhara-t- — основу производную bhara-, которая въ данной формѣ имѣетъ значеніе основы длительнаго вида. Отсюда становится понятнымъ тотъ фактъ, что въ образованіи собственнаго причастія въ индо-европ. языкѣ, кромѣ аффиксовъ -n- и -t- (давшихъ впослѣдствіи слитный аффиксъ -nt-), могъ употребляться также и аффиксъ -s-, являвшійся притомъ и въ другихъ глагольныхъ прилагательныхъ (обыкновенно во вторыхъ частяхъ сложныхъ словъ). Указаніе относительно этого факта даютъ, съ одной стороны, др.-инд. основа mahás-, при mahánt-: mahát-, съ другой — основы на -mas- и -vas-, которыя являются въ N. V. sg. въ склоненіи основъ -mant-, -vant- въ др.-индійскомъ и въ языкѣ Авесты, и основы на -as-, являющіяся, въ очень рѣдкихъ правда случаяхъ, въ N.sg. причастій praesens'авъ Авестѣ (см. Barthol. K. Z. XXIX, 560 слѣд.); ср. также греч. *τῆος* при др.-инд. távant- (Brugm., Grdr. II, 379); обыченъ аффиксъ -s-, въ сочетаніи съ другимъ аффиксомъ -u̯ă°-:-u̯ă^e, въ образованіи основы причастія perfecti[15]). Итакъ, если для образованія основы причастія praesens'а

на -ă-; Lanm. 346). Такъ какъ индо-европ. -ā^xn уже въ индо-иранскомъ измѣнялось въ -ā, то надо заключать, что -āns въ N. sg. возникло не въ самомъ др.-индійскомъ, но восходитъ къ индо-европейскому -ā°ns. Чередованіе -ā°n: -ā°ns въ N. sg. существовало въ индо-европ. не только въ причастіяхъ, но также и въ другихъ именахъ съ основами на -n-; ср. rā́jā, *λειμών* (-ā°n), но ст.-слав. **камы** (-ā°ns; ср. **рабы**). Это чередованіе въ N. sg. слѣдуетъ объяснять вліяніемъ „внѣшняго sandhi"; но остается не совсѣмъ яснымъ, почему въ Ac. pl. основъ на -ă°-. при -ā°ns въ индо-европейскомъ не являлось также -ā°n; быть можетъ, форма на -ā°ns вытѣснила здѣсь форму на -ā°n подъ вліяніемъ того, что во всѣхъ другихъ основахъ въ Ac. pl. всегда было *s* въ окончаніи (такъ какъ, повидимому, и основы на -i- и -ŭ- фонетически допускали только формы на -īns, -ūns).

15) При этомъ и въ причастіи perfecti рядомъ съ аффиксомъ -*s*- употребляются аффиксы -t- и -n- (также въ сочетаніи съ -u̯ă°-:-u̯ă^e-); отсюда и здѣсь сочетанія двухъ образованій въ одно; ср. др.-инд. -vā̃s- и, можетъ быть, также -vant-; на послѣднее могутъ указывать образованія, какъ др.-инд. sutávant-, авест. vīu̯arezdau̯ant- и др. (Barthol.

въ индо-европ. языкѣ могли употребляться аффиксы -t-, -s-, -n-, которые въ то же время образовали непричастныя глагольныя основы, то нельзя не признать возможнымъ и того, чтобы аффиксъ -ā^a-, однородный по употребленію съ -t-, -s-, -n-, являлся также въ образованіи причастія praesens'a; и если аффиксы -n- и -t- могли образовать слитный аффиксъ -nt-, то точно такъ же и аффиксы -ā^a- и -t- могли образовать слитный аффиксъ -ā^{a}t-.

Такимъ образомъ, индо-иранскій языкъ представляетъ ясные слѣды аффикса -ā- въ тѣхъ же образованіяхъ, въ какихъ мы находимъ въ европейскихъ языкахъ аффиксъ -ā^a-. Поэтому мы можемъ съ увѣренностью заключать, что уже въ индо-европ. языкѣ существовали особаго рода отглагольныя основы съ аффиксомъ -ā^a-, являвшіяся частью въ простыхъ словахъ, частью въ сложныхъ, — въ послѣднихъ преимущественно. Эти простыя и сложныя слова съ аффиксомъ основы -ā^a- не были именами существительными и потому не принадлежали ни къ какой категоріи грамматическаго рода; въ томъ случаѣ, когда нѣкоторыя изъ этихъ словъ становились существительными, они входили въ разрядъ словъ мужескаго грамматич. рода, а не женскаго. Судьба этихъ образованій съ афф. -ā^a- въ отдѣльныхъ языкахъ была различна. Въ индо-иранскомъ языкѣ всѣ они почти вышли изъ употребленія, какъ самостоятельныя образованія; въ извѣстныхъ же европейскихъ языкахъ нѣкоторыя изъ нихъ получили, наоборотъ, значительно бо́льшее распространеніе, сравнительно съ индо-европейскимъ; такъ, въ греческомъ мы находимъ большое число отглагольныхъ основъ на -τᾱ- вторичнаго образованія (въ простыхъ и сложныхъ словахъ); въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ (русскомъ и чешскомъ) значительно распространяется образованіе причастія на -ā^a-, которое въ индо-европейскомъ, какъ показываютъ приведенные выше факты др.-инд., авест. и греч. языковъ, не было очень распространеннымъ (поэтому оно не могло быть таковымъ ни въ литовско-славянскомъ, ни въ обще-славянскомъ)[16]; болѣе или менѣе одинаково

K. Z XXIX, 527) и греч. *κεκλήγοντες, ἐρρίγοντι* и др. (G. Meyer, Gr. Gr.[2] § 564). Аффиксы -s- и -n- чередуются кромѣ того въ образованіи основы сравнит. степени; и здѣсь въ др.-индійскомъ мы находимъ сочетаніе двухъ образованій въ одномъ съ основой на -yąs- (что̀ признаетъ и Бругманъ, Grdr. II, 403). По моему, тѣ непреодолимыя фонетическія затрудненія, на которыя приходится наталкиваться при объясненіи разныхъ формъ отъ основъ, имѣющихъ въ аффиксахъ -nt- или -ns-, могутъ быть устранены только при допущеніи уже для индо-европ. праязыка факта сочетанія разныхъ образованій основы въ какомъ нибудь одномъ.

16) **Pastrnek**, считающій ошибочно русск. и чешск. причаст. на *-a* по происхожденію причастіемъ **perfekt'a**, сопоставляетъ (Arch. f. sl. Phil. XIII, 113), по моему, совершенно правильно съ этимъ образованіемъ обще-слав. образованія какъ **vojevoda, sluga** и заключаетъ, что нѣкогда причастія на *-a* въ слав. языкахъ были болѣе употребительны. По моему, болѣе основательно заключать обратно: причастія на *-a* въ нѣко-

употребительными остаются въ разныхъ европейскихъ языкахъ только тѣ отглагольныя основы на -$\bar{a}^a$-, которыя являются вторыми частями сложныхъ словъ.

Теперь можетъ естественно возникнуть вопросъ: въ какомъ отношенiи находится аффиксъ -$\bar{a}^a$- въ разсмотрѣнныхъ образованiяхъ къ аффиксу -$\bar{a}^a$- въ словахъ женскаго рода? тожественны оба эти аффикса, или нѣтъ? Факты греческаго языка говорятъ за нетожественность аффиксовъ. Какъ мы указывали выше, др.-инд. формѣ mahā́m соотвѣтствуетъ *μέγᾰν;* именительный п. *μέγᾰς* по основѣ долженъ соотвѣтствовать формѣ *μέγᾰν;* слѣдовательно, и въ именительномъ *ᾰ* должно восходить къ *α;* образованiя *ἀτρέμᾰ, -ᾰς, ἐντυπάς* и, можетъ быть, *λίπᾰ* и т. п. (см. выше стр. 140) также предполагаютъ первоначальное *ᾱ*, въ виду такихъ образованiй, какъ *ἕκᾱτι* и *ὑπερκύδαντας* и т. п. (стр. 139). Если съ этими фактами мы сопоставимъ гомеровск. N-v'ы на *-ᾰ* въ образованiяхъ *ἱππηλάτᾰ, νεφεληγερέτᾰ, στεροπηγερέτᾰ* и *πρέσβᾰ,* въ которыхъ мы находимъ основы, тожественныя по отношенiю къ гласной аффикса съ основами формъ *μέγαν, μέγας* и *ἀτρέμα, -ας,* то самъ собою является выводъ, что во всѣхъ разсматриваемыхъ образованiяхъ мы находимъ такой аффиксъ -$\bar{a}^a$-, который въ греческомъ въ окончанiяхъ словъ подвергается сокращенiю, оставаясь несокращеннымъ внутри словъ *(ἕκᾱτι)*. Другой аффиксъ -a^a-, въ основахъ словъ женскаго рода, въ греческомъ ни при какомъ положенiи въ словѣ не сокращается. Въ виду этихъ фактовъ греческаго языка мы должны заключать, что и въ индо-европ. языкѣ аффиксъ -$\bar{a}^a$- въ извѣстныхъ отглагольныхъ основахъ отличался отъ аффикса -$\bar{a}^a$- въ основахъ словъ женскаго рода. Различiе между двумя этими аффиксами, очевидно, должно было заключаться въ качествѣ долготы: одинъ имѣлъ такую долготу, которая въ греческомъ при извѣстныхъ условiяхъ переходила въ краткость, а другой имѣлъ долготу, которая въ греческомъ при всякихъ условiяхъ сохранялась какъ долгота. Что касается другихъ индо-европ. языковъ, кромѣ греческаго, то въ нихъ, повидимому, оба суффикса совпали по своимъ фонетическимъ измѣненiямъ. Сокращенiе индо-европ. $\bar{a}^a$ при извѣстномъ качествѣ долготы и при извѣстномъ положенiи въ словѣ, принимаемое мною въ аффиксѣ разсмотрѣнныхъ здѣсь отглагольныхъ основъ, не есть фактъ единичный въ греческомъ языкѣ; въ немъ извѣстны случаи сокращенiя и другихъ индо-европ. долгихъ гласныхъ. Но я не буду здѣсь приводить ихъ: Ф. Θ. Фортунатовъ уже давно указалъ эти случаи (въ своихъ лекцiяхъ), и можно надѣяться, что при удобномъ случаѣ онъ опубликуетъ въ

торыхъ отдѣльныхъ слав. языкахъ сдѣлались болѣе употребительными подъ влiянiемъ особенно сложныхъ словъ, какъ vojevoda и т. п.

подробностяхъ свое ученіе объ этомъ важномъ явленіи греческой фонетики[17]).

Остается здѣсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу формъ склоненія разсмотрѣнныхъ отглагольныхъ основъ на -ā°-. Въ др.-инд. языкѣ основы какъ ākrā-, étagvā-, carmamnā- совпали въ склоненіи съ тѣми основами сложныхъ словъ, въ которыхъ вторыми частями являлись корневыя слова на ā; отъ основы mahā́- сохранилась только форма Ac. sg. mahā́m; такимъ образомъ др.-инд. языкъ, собственно, не даетъ никакихъ указаній относительно первоначальнаго склоненія разсматриваемыхъ основъ на -ā°-. Въ языкахъ европейскихъ эти основы обыкновенно вполнѣ совпадаютъ въ склоненіи съ основами на -ā- въ словахъ женскаго рода; такъ мы находимъ въ латинскомъ, балтійскихъ и славянскихъ языкахъ. Въ греческомъ сохранились слѣды первоначальнаго различія въ тѣхъ и другихъ основахъ вслѣдствіе того, что здѣсь аффиксъ -ā°- въ окончаніяхъ формъ измѣнялся различно въ тѣхъ и другихъ основахъ: какъ показываетъ N. sg. *νεφεληγερέτᾰ*, *ἠπύτᾰ*, Ac. sg. *μέγᾰν*, нѣкогда всѣ отглагольныя основы образовали N. sg. на -ᾰ и Ac. sg. на -ᾰν, между тѣмъ какъ основы словъ женскаго рода имѣли въ этихъ формахъ окончанія -ᾱ и -ᾱν. Но вмѣстѣ съ тѣмъ N—v'ы на -ᾰ показываютъ, что, помимо этого фонетическаго различія въ данныхъ формахъ отъ тѣхъ и другихъ основъ, между ними не существовало никакого различія въ морфологическомъ отношеніи: тѣ и другія основы образовали N. sg. безъ падежнаго суффикса -s; если же они совпадали въ образованіи этой главной формы склоненія, то они должны были совпадать въ образованіи и всѣхъ остальныхъ падежныхъ формъ. Такимъ образомъ на основаніи фактовъ европейскихъ языковъ мы можемъ принять, что и въ индо-европ. языкѣ тѣ и другія основы въ образованіи формъ склоненія вообще не различались между собой; особое же склоненіе отглагольныхъ основъ на -ā- въ др.-инд. языкѣ можетъ быть считаемо поэтому позднѣйшимъ явленіемъ этого языка, или даже индо-иранскаго языка; такое предположеніе весьма вѣроятно особенно въ виду того, что уже въ индо-иранскомъ языкѣ отглагольныя основы на -ā- почти утратили значеніе самостоятельныхъ образованій. Что касается греч. формъ *μέγας*, *ἀτρέμας* (при *ἀτρέμα)*, *ἐντυπάς*, то появленіе въ нихъ падежнаго суффикса -ς легко объяснимо: **μέγᾰ* какъ форма N—v'a sg. муж. р. прилагательнаго должна была получить отличіе отъ формы *μέγα* — N. Ac. sg. ср. р.; то же самое надо полагать и относительно *ἀτρέμας: ἀτρέμα*, такъ какъ и это слово, въ качествѣ причастія, должно было различать N. sg. муж. р. отъ N. Ac. sg. ср. р. Слово, которому принадлежали формы *μέγας* и *μέγα*, и впослѣд-

[17]) Мысль о сокращеніи ᾰ въ N-v'ахъ sg. на -τᾰ и въ N. Ac. pl. сред. рода на -ᾰ высказалъ также Delbrück (S. F. IV, 9); но онъ не указалъ никакихъ основаній для этого сокращенія.

ствіи сохранилось въ качествѣ прилагательнаго; поэтому и обѣ эти формы его сохранили свое первоначальное значеніе; причастныя образованія съ аффиксомъ *-ᾱ-* (т.-е. основы, чередовавшія по разнымъ падежамъ *-ᾱ-:-ᾱτ-:-ἄντ-)* вышли изъ употребленія, и поэтому сохранившіяся формы ихъ, какъ *ἀτρέμας* и *ἀτρέμα*, не могли удержать своего первоначальнаго значенія падежныхъ формъ муж. и средн. р., и обѣ стали употребляться безразлично въ значеніи формы несклоняемаго причастія (дѣепричастіе). Образованія какъ *λίπᾰ, κρύφᾰ* и т. п., можетъ быть, слѣдуетъ считать первоначальными формами N. Ac. sg. ср. р., образованными отъ основъ на *-ᾰ-*, которыя уже давно получили значеніе формъ несклоняемаго причастія.

Если не существовало различія въ образованіи формъ склоненія между отглагольными основами и основами словъ женскаго рода съ аффиксами -ā^a-, то мы должны предполагать для словъ какъ *νεφεληγερέτα* и т. п. слѣдующее первоначальное склоненіе: N. sg. *νεφεληγερέτᾰ*, Ac. sg. **νεφεληγερέτᾰν*, G. sg. **νεφεληγερέτᾱς* и т. д. (ср. *μυῖα, μυῖαν, μυίης* и т. п.); звательная форма ед. ч. въ этихъ словахъ всегда должна была оканчиваться на *-ᾰ*, такъ какъ и N. sg., который могъ замѣнять древнюю форму V—v'a на индо-европ. -ă^a, оканчивался въ нихъ на *-ᾰ*. Впослѣдствіи этотъ типъ склоненія основъ на *-ᾱ-* не сохранился въ греческомъ: подъ вліяніемъ тѣхъ падежей, гдѣ фонетически сохранялось *-ᾱ-* въ окончаніи основы (какъ въ G. sg.), это *-ᾱ-* было переносимо и въ формы N. Ac. sg. (ср. аттич. *ἐλαίᾱ*, іон. *ἐλαίη*, др.-атт. *ἀληθείᾱ, ἀναιδείᾱ*, іон. *ἀληθείη, ἀναιδείη* при обычныхъ аттич. *ἀλήθειᾰ, ἀναίδειᾰ* и др.; G. Meyer, Gr.[2] § 48; Johans. K. Z. XXX, 407). Вслѣдствіе этого видоизмѣненія въ склоненіи въ греческомъ явилось смѣшеніе въ склоненіи словъ муж. рода первоначальныхъ (съ производными отглагольными основами на *-α-*) съ словами муж. рода, возникшими изъ словъ женск. рода съ основами на *-ᾱ-*: эти послѣднія, очевидно, очень рано въ греч. языкѣ всѣ получили суф. *-ς* въ N. sg. и суф. *-ο* (изъ *-ι̯ο*) въ G. sg., что̀ вызывалось именно принадлежностью ихъ къ категоріи словъ мужеск. рода; но подъ вліяніемъ формъ N—v'a на *-ᾱ* (вмѣсто фонетич. *-ᾰ*) въ словахъ 1-го рода и слова 2-го рода стали допускать N—v'ы на *-ᾱ;* отсюда объясняются діалектич. формы N—v'a sg. какъ *Καλλίᾱ, ὀλυμπιονίκᾱ, Φιλοκλείδᾱ*, а также *Ἑρμείᾱ, ἀναιρέτη*, употреблявшіяся въ качествѣ звательныхъ формъ (ср Joh. Schmidt, Pluralb. 354; Brugmann, Grdr. II, 525). Но такъ какъ при этомъ въ словахъ 1-го рода при новыхъ формахъ N—v'a на *-ᾱ* продолжали сохраняться и старыя формы на *-ᾰ*, то и въ словахъ 2-го рода стали появляться также N—v'ы на *-ᾰ;* отсюда объясняются гомеровск. N—v'ы какъ *αἰχμητά, ἱππότα, κυανοχαῖτα*. Однако бо́льшее вліяніе въ склоненіи испытали слова 1-го рода со стороны словъ 2-го рода: слова 1-го рода окончательно утра-

тили G. и Ac. sg. на *-ᾱς, -ᾰν, замѣнивъ ихъ формами на -ᾱο, и -ᾱν, и въ N. sg. они стали употреблять преимущественно форму на -ᾱς (-τᾱς), которая еще позже окончательно вытѣснила форму на -ᾰ. Но зато звательная форма на -ᾰ, поддерживаемая въ словахъ 1-го рода N—v'омъ на -ᾰ, пріобрѣла здѣсь рѣшительное господство и не утратилась даже тогда, когда въ N. sg. въ этихъ словахъ уже упрочилось -ᾱ; она проникла даже въ слова 2-го рода и вообще въ слова мужеск. рода съ основами на -ᾱ- какого бы то ни было происхожденія; отсюда уже у Гомера и, далѣе, въ аттическомъ исключительное употребленіе V—v'a на -τᾰ (какого бы ни было происхожденія -τᾱ- въ окончаніи основы; у Гомера одно исключеніе — *ἀναιρέτη*); отсюда же въ аттическомъ — не только *παιδοτρίβα*, но также *γεωμέτρᾰ*, *μυροπῶλα*, *Πέρσα* и т. п.

ОБЪ ОБЩИХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ
ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ И СЛАВЯНСКОМЪ УДАРЕНІЯХЪ.

А. А. Шахматова.

Въ греческомъ языкѣ, какъ впервые было указано Курціусомъ (Fleckeis. Jahrb. XXV, стр 352), а затѣмъ развито B. Wheeler'омъ (Der griechische Nominalaccent, Strassburg 1885), удареніе въ словахъ съ дактилическимъ окончаніемъ (—⏑⏑) переходило съ конечнаго краткаго слога на предшествующій слогъ, т.-е. —⏑⏑́ измѣнялось въ —⏑́⏑. Ср. появленіе *ποικίλος* вм. **ποικιλός* (др.-инд. peçalá-); *ἡδύλος, αἱμύλος, ἀγκύλος* (др.-инд. añkurá-) при *παχυλός, ὁμαλός, σιγηλός* и т. д.; *λελειμμένος, δεδαρμένος* вм. -**μενός* (др.-инд. riricāná-, dadrāná-), ср. -*μενός* въ *Σωζομενός, Φαμενός* и слова какъ *δεξαμενή, εἰαμενή*. Существованіе указаннаго передвиженія ударенія признается доказаннымъ всѣми новѣйшими изслѣдователями греческаго ударенія.

Со сходнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся въ общеславянскомъ языкѣ. Въ извѣстную эпоху жизни этого языка, послѣ цѣлаго ряда сложныхъ явленій, первоначальныя музыкально-экспираторныя ударенія этого языка сохранялись только на односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ словъ двусложныхъ. На начальныхъ слогахъ другихъ словъ, равно какъ въ серединѣ и въ концѣ словъ, удареніе (частью новаго происхожденія) имѣло вполнѣ экспираторный характеръ, т.-е. состояло не въ повышеніи, а въ усиленіи гласной.

Ни въ одномъ изъ описанныхъ и изученныхъ славянскихъ нарѣчій не сохранился первоначальный характеръ общеславянскаго ударенія, но къ нему весьма близко подходитъ тотъ типъ праштокавскихъ удареній, который можетъ быть выведенъ изъ сопоставленія штокавскихъ и чакавскихъ говоровъ сербскаго языка: главное отличіе штокавскихъ удареній отъ праштокавскихъ состоитъ въ переходѣ экспираторныхъ удареній на краткомъ (⏑̍) и долгомъ (–́) слогахъ въ музыкально-экспираторныя и притомъ нисходящія (̏ на краткомъ, ̑ на долгомъ), которыя въ неначальномъ слогѣ слова переносили свой экспираторный элементъ на предшествующій слогъ, подобно какъ еще въ общеславянскомъ языкѣ ̏ и ̑ теряли экспираторный элементъ при встрѣчѣ съ предшествующимъ слогомъ. Ср. штокав. žȁba, krȃlj вм. праштoк. žàba, králj, kòžuh, mòlitva вм. kožȕh, molȉtva, которыя изъ kožùh, molìtva (подобно

какъ общеслав. nà gorą вм. na g̈orą). Въ виду указанной близости общеславянскихъ удареній къ удареніямъ праштокавской эпохи, можетъ быть сохранившимся кое-гдѣ и въ современной Хорватіи или Славоніи, мы можемъ съ извѣстной вѣроятностью говорить о связанныхъ съ удареніемъ общеславянскихъ явленіяхъ, приводя въ связь явленія современныхъ сербскихъ говоровъ и не упуская, конечно, изъ виду явленій другихъ славянскихъ языковъ. Ближайшее изученіе подобныхъ явленій даетъ основаніе предполагать, что передъ экспираторнымъ удареніемъ ⏑̍ въ общеславянскомъ языкѣ долгая гласная сохранялась только въ сосѣднемъ слогѣ. Въ третьемъ и дальнѣйшемъ отъ конца слогахъ первоначально долгая гласная (напр. a, i или также дифтонг. сочетаніе какъ er) сокращалась: ср. отсутствіе долгой гласной въ совр. чакавскихъ говорахъ передъ удареніемъ въ слогахъ, не предшествующихъ ему, а также отсутствіе долгой гласной въ совр. штокавскихъ говорахъ передъ удареніями ̍ и ́ (ударенія перенесенныя съ слѣдующихъ слоговъ, какъ указано выше). Но если, подъ вліяніемъ какой-нибудь звуковой ассоціаціи, какой-нибудь грамматической аналогіи, долгота въ общеславянскомъ языкѣ проникала на мѣсто краткости, эта долгота притягивала къ себѣ удареніе, которое падало на слогъ непосредственно за нею слѣдующій. Т.-е., если въ типѣ ⏑⏑⏓⏑̍ краткость третьяго или четвертаго отъ ударенія слога замѣнялось долготой (–⏑⏓⏑̍ или ⏑–⏓⏑̍), удареніе переносилось на одинъ или на два слога къ началу слова: вм. –⏑⏓⏑̍ являлось –⏑̍⏓⏑, вм. ⏑–⏓⏑̍ — ⏑–⏑̍⏑ (при чемъ долгота слога, на который переносилось экспираторное удареніе, сокращалась). Примѣровъ указаннаго переноса ударенія можно привести весьма много. Особенное вниманіе обращаютъ на себя слова, сложныя съ предлогами. Имена сложныя съ предлогами въ общеслав. языкѣ имѣли повидимому то же удареніе, что слова простыя: ср. рус. похвалá при хвалá. Поэтому zăslūgà (вм. zāslūgā), ср. slūgà, pozoltà ср. zoltà (рус. золотá ж. р. прилаг.), porodà (ср. roditi) и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что не только предлоги za, iz, u, na, pri и др. съ первоначально долгими гласными сохраняли долготу, но также предлоги съ первоначально краткой гласной o удлинили ее: pō, prō, dō. Ср. серб. prō въ прóрок, чеш. pů въ půboj, spůsob, půtah, dů въ důchod, důkaz и т. д. Всѣ эти предлоги не охотно разставались съ долготой своихъ гласныхъ: изъ zāgònъ, дōhòдъ и т. п. долгота переносилась и въ dōsādà, zāslūgà, несмотря на дѣйствіе закона о сокращеніи долготъ передъ удареніемъ въ слогахъ не сосѣднихъ съ нимъ. Явившіяся такимъ образомъ dōsādà, zāslūgà переходили вслѣдствіе указаннаго выше закона въ dōsàda, zāslùga. Таково удареніе общеслав. словъ, являющееся въ совр. штокавскихъ: нáука, зáлога, зáбава, зáдруга, нáрука, а съ позднѣйшимъ сокращеніемъ

гласной предлога: за̀клада, су̀пруга; въ совр. русскихъ: пору́ка, замѣ́на, доса́да, приро́да, позоло́та, пого́да, поволо́ка[1]).

Глаголы сложные съ предлогами сохраняли удареніе глаголовъ несложныхъ: naučītè ср. učītè, zalomītè ср. lomītè. Но въ нѣкоторыхъ изъ рядовъ глаголовъ сложныхъ съ предлогами долгія гласныя вытѣсняли въ предлогахъ краткія: вм. naučītè являлось nāučītè, которое согласно предыдущему переходило въ nāȕčīte. Такимъ образомъ глаголы сложные съ предлогами получили другое удареніе, чѣмъ глаголы простые: ср. совр. серб. учи́те, ломи̏мо̀, лови́мо, роби́те въ 1 и 2 лл. мн. ч., но на̀учӣте, за̀ломӣмо, у̀ловӣмо, по̀робӣте (ср. Rad VI, 98—101). Для большаго освѣщенія разсматриваемаго явленія слѣдуетъ еще замѣтить, что удареніе ⏑́ (которому въ общеслав. языкѣ не могла предшествовать долгая гласная) въ типахъ –⏑⏑́ или ⏑–⏑́, гдѣ – въ четвертомъ или третьемъ отъ ударенія слогахъ обязано появленіемъ дѣйствію аналогіи, также исчезало, и экспираторное усиленіе (удареніе) являлось на краткомъ слогѣ, слѣдовавшемъ за новою долготой. Такъ, въ общеслав. или уже въ отдѣлившихся отъ него сербскихъ нарѣ̑чіяхъ — nāučím 1 л. ед., zālomíš, pōrobé 3 л. мн., переходили въ nāȕčīm, zālòmīš, pōròbē, ср. совр. штокавскія (предлоги въ сложеніяхъ съ глаголами имѣютъ теперь правильно краткія гласныя) на̀учим, за̀ломӣш, по̀робē при у̏чӣм, ло̀мӣш, ро̀бē.

Нельзя не указать на возможность проникновенія долготы вм. краткости въ слогъ, получившій новое удареніе въ типѣ –⏑̀⏑ вм. –⏑⏑̀ или ⏑–́, которыя вмѣсто ⏑⏑⏑̀ или ⏑⏑–́. Рядомъ съ lomītè, močītè, topītè и т. п. въ общеслав. языкѣ въ глаголахъ съ коренной долгой гласной вм. slědítè, trąbítè и т. п. являлись подъ вліяніемъ хотя бы формъ неопр. наклоненія (slēditi, trąbiti), формы slēdītè, trąbītè, измѣнявшіяся въ силу вышесказаннаго въ slēdìte, trąbite. Но краткое і въ наст. времени вытѣснялось вліяніемъ глаголовъ какъ lomītè или slàvīte: отсюда slēdīte, trąbīte, которыя стремились всякій разъ измѣняться (въ силу необычности типа – ⏑́), но опять возникали вслѣдствіе указанныхъ выше грамматическихъ аналогій, ср. совр. серб. слијѐдӣте, тру́бӣте. Сопоставляя славянское явленіе переноса ударенія въ типахъ –⏑⏑̀ и –⏑–́ на слогъ, слѣдующій за долгимъ слогомъ, явившимся передъ удареніемъ, съ греческимъ явленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ закона Wheeler'a, нельзя не отмѣтить общей черты, сближающей оба явленія: долгая гласная передъ удареніемъ притягиваетъ на слѣдующій за ней краткій слогъ

[1]) Что до ударе́ній какъ рус. на́волока, серб. по̏рука, при̏года, по̏хвала, по̏кора, то оно въ общеслав. яз. заимствовано изъ косвенныхъ падежей: porąką существовало при porąká, какъ rąką при rąká; porąką измѣнилось въ pȍrąką такъ же, какъ na rąką въ nà rąką: отсюда и въ имен. pòrąka.

удареніе. Греческое явленіе сходно, но не тождественно съ славянскимъ (ср. сохраненіе ударенія въ типѣ –◡–́ : ἡδονή, ἡγεμών): но самое сходство заставляетъ предполагать общія черты въ характерѣ греческаго и славянскаго удареній.

Законъ Wheeler'а нельзя разсматривать отдѣльно отъ другихъ явленій, представляемыхъ греческимъ удареніемъ. Измѣненіе –◡◡́ въ –◡́◡ прежде всего можетъ быть сопоставлено съ обязательнымъ переходомъ ◡́◡– въ ◡◡–́: какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ долгота притягиваетъ удареніе на сосѣдній съ нею слогъ. Правда, вліяніе долготы слога за удареніемъ сильнѣе вліянія долготы въ слогѣ передъ удареніемъ (ср. общій переходъ ◡́◡– въ ◡◡́–), все же аналогія обоихъ явленій переноса ударенія несомнѣнна.

И въ общеслав. языкѣ мы, рядомъ съ явленіемъ выше разсмотрѣннымъ, находимъ измѣненіе ◡́◡– въ ◡◡́–. Оно имѣло мѣсто также при появленіи долготы вм. краткости, обусловленной дѣйствіемъ закона, по которому всякая долгая гласная въ положеніи въ конечномъ слогѣ сокращалась. Вслѣдствіе указаннаго закона ā въ окончаніи им. вин. мн. словъ средняго рода измѣнилось въ ă, напр. въ имен. мн. jèzeră вм. jèzerā. Но долгое a являлось напр. въ словахъ sèlā, vînā, гдѣ ā было нѣкогда само подъ удареніемъ; отсюда ā переносилось и въ другія образованія: появленіе jèzerā вызывало дальнѣйшее измѣненіе его въ jezèrā, ср. рус. озёра; точно также явились ударенія nebèsā (чакав. nebèsa), slovèsā (у Крижанича словêса съ ê, заимствованнымъ повидимому изъ род. мн.).

Сопоставляя измѣненіе jèzerā въ jezèrā, prīrodà въ prīròda въ общеславянскомъ языкѣ съ измѣненіями *μέγιστη* въ *μεγίστη*, *ποικιλός* въ *ποικίλος* въ греческомъ языкѣ, мы заключаемъ объ общей причинѣ, вызывавшей такія измѣненія и объ общей природѣ греческихъ и славянскихъ удареній.

Остановлюсь сначала на причинахъ, вызывавшихъ передвиженіе удареній въ указанныхъ выше и другихъ имъ подобныхъ словахъ въ общеславянскомъ языкѣ.

Новѣйшія изслѣдованія, примыкающія въ этомъ случаѣ къ знаменитому сочиненію Л. Мазинга (Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents), приводятъ къ убѣжденію, что въ праштокавскую эпоху въ сербскихъ говорахъ, а также еще въ общеславянскомъ языкѣ экспираторнымъ удареніямъ, указаннымъ выше, стр. 151, ˋ (на краткомъ слогѣ) и ˊ (на долгомъ) предшествовали второстепенныя въ акустическомъ отношеніи чисто музыкальныя ударенія съ восходящимъ характеромъ. Наибольшую высоту имѣлъ слогъ, непосредственно предшествовавшій ударяемому слогу: высота третьяго и дальнѣйшаго отъ ударенія слоговъ была относительно

ниже. Вотъ почему въ этихъ слогахъ не могли сохраняться долгія гласныя: потеря высоты сопровождалась сокращеніемъ долготы: krāsȍtà, hą̄dȍbà измѣнились въ krăsȍtà, hą̄dȍbà. Появленіе же передъ слогомъ съ удареніями ̑ или ̄ долгой гласной вм. краткой вызывало настолько значительное повышеніе на этомъ слогѣ, что онъ получалъ восходящее музыкальное удареніе, въ связи съ чѣмъ являлась полная потеря высоты слѣдующимъ за нимъ слогомъ и даже его сокращеніе: prirȍdà, измѣнившись въ prīrȍdà, переходило въ prîròda.

Рядъ явленій въ области сербско-хорватскихъ удареній указываетъ, что второстепенныя музыкальныя ударенія являлись въ общеславянскомъ языкѣ и въ положеніи за экспираторными удареніями. Разсмотрѣніе условій, при которыхъ въ общеславянскомъ языкѣ сохранялись долгія гласныя въ положеніи за удареніемъ, приводитъ къ убѣжденію, что долгота сохранялась въ предпослѣднемъ слогѣ слова, сокращаясь во всякомъ другомъ положеніи, послѣ удареній экспираторныхъ. Объясненіе такому явленію естественно искать въ предположеніи, что предпослѣдній слогъ слова, слѣдующій за экспираторнымъ удареніемъ, имѣлъ въ общеславянскомъ языкѣ музыкальное удареніе и при этомъ нисходящаго характера, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ явленій словинскаго языка. Конечный слогъ не имѣлъ на себѣ ударенія и потому сокращалъ долготу гласной. Но если, вслѣдствіе вліянія аналогіи, конечный слогъ получалъ долготу, — это вызывало настолько сильное повышеніе слога, что онъ получалъ на себя нисходящее удареніе, при чемъ предшествующій слогъ терялъ всякую высоту и на мѣсто нисходящаго музыкальнаго ударенія получалъ на себя удареніе экспираторное: вмѣсто утраченнаго повышенія являлось усиленіе звука. Такимъ образомъ jèzèra, перейдя въ jèzèrā, должно было измѣниться въ jezȅrâ.

Итакъ, разсмотрѣнные случаи передвиженія ударенія въ общеславянскомъ языкѣ вызывались появленіемъ въ словѣ при экспираторномъ удареніи другихъ второстепенныхъ удареній съ музыкальнымъ характеромъ. Не объясняются ли передвиженія ударенія въ греческомъ языкѣ вліяніемъ такихъ же второстепенныхъ удареній?

Въ настоящее время большинство изслѣдователей греческаго ударенія исходитъ изъ предположенія о томъ, что появленіе второстепенныхъ удареній на слогахъ, слѣдовавшихъ за первоначальнымъ удареніемъ имѣло въ результатѣ слѣдствіемъ вытѣсненіе главнаго ударенія такимъ второстепеннымъ. Второстепенныя же ударенія появлялись на третьей отъ конца морѣ, а въ словахъ съ трохаическимъ окончаніемъ на четвертой морѣ отъ конца (ср. Brugmann, Grundriss I, 544, Hirt, Der indogermaniche Aczent, Strassburg, 1895, Wheeler). Мнѣ кажется, что та-

кое предположеніе, представляющееся въ своемъ основаніи довольно вѣроятнымъ, встрѣчаетъ однако серіозныя возраженія.

Во-первыхъ, не ясно отношеніе главнаго ударенія къ второстепеннымъ: были ли оба они удареніями музыкальными, или же экспираторными, или наконецъ экспираторно-музыкальными; не были ли главное и второстепенныя ударенія разнородными?

Во-вторыхъ, — и это въ особенности при предположеніи однороднаго характера главнаго и второстепенныхъ удареній, — не ясно, почему второстепенное удареніе падало непремѣнно на третью и четвертую (при трохаическомъ окончаніи) моры отъ конца независимо при этомъ отъ того, гдѣ находилось самое удареніе; не ясно также, почему такое удареніе могло вытѣснить главное только изъ предшествующихъ ему, но не послѣдующихъ слоговъ.

Въ-третьихъ, не ясно, почему второстепенное удареніе въ словахъ съ трохаическими окончаніями ложилось на четвертую мору: *ἄμὰ̊χητος* (отсюда *ἀμάχητος),* между тѣмъ какъ въ другихъ словахъ оно падало на третью мору: *ἄμβρὸ̊σιος* (отсюда *ἀμβρόσιος), ἄμβροσὶ̊ᾱ* (отсюда *ἀμβροσίᾱ)* и т. д. Предположеніе, что *η* въ *ἀμαχητος* было короче (не равнялось двумъ морамъ), чѣмъ *ᾱ* въ *ἀμβροσιᾱ* представляется невѣроятнымъ.

Въ-четвертыхъ, еще болѣе возбуждаетъ сомнѣній то обстоятельство, что и въ конечномъ слогѣ нѣкоторые дифтонги *(οι, αι)* оказываются короче другихъ, не равняясь двумъ морамъ: ср. *ἄνθρωποι* вм. ожидаемаго на основаніи *ἀνθρώποις — ἀνθρώποι.* Указаніе на то, что различіе *οι* напр. *οἶκοι* и *οἴκοι* находитъ соотвѣтствіе въ удареніи *καλοί* при *'Ισθμοῖ,* ничего не выясняетъ, такъ какъ въ метрическомъ отношеніи *οι* въ им. мн. равняется *οι* въ мѣст. ед.

Наконецъ, въ-пятыхъ, невыясненнымъ остается взаимное отношеніе удареній ʹ и ˜ на долгихъ слогахъ.

Въ виду добытыхъ выше данныхъ для сравненія удареній греческихъ и общеславянскихъ, я рѣшаюсь высказать здѣсь нѣсколько предположеній о характерѣ второстепенныхъ удареній въ греческомъ языкѣ и о вліяніи ихъ на передвиженіе главныхъ удареній.

Первоначальныя ударенія греческаго языка, такъ же какъ извѣстныя намъ въ историческую эпоху ударенія ʹ и ˜, представляются мнѣ удареніями музыкально-экспираторными, т.-е. рядомъ съ повышеніемъ слога, носителя ударенія, замѣчалось и усиленіе его. Въ извѣстную эпоху жизни греческаго языка на сосѣднихъ неударяемымъ слогахъ, какъ предшествующихъ ударенію, такъ и слѣдующихъ за нимъ, возникали второстепенныя ударенія вполнѣ музыкальнаго характера. При этомъ ударенія эти передъ экспираторно-музыкальными удареніями имѣли восходящій характеръ, а послѣ нихъ — нисходящій характеръ (ср. то же въ общеславянскомъ языкѣ). Чѣмъ ближе къ экспираторно-музыкальному ударе-

нію, тѣмъ выше былъ тонъ второстепенныхъ музыкальныхъ удареній: приближаясь къ главному ударенію (сопровождаемому и усиленіемъ), голосъ постепенно повышался (ср. то же въ общеславянскомъ языкѣ); отдаляясь отъ главнаго ударенія, голосъ постепенно понижался. Но если въ музыкальныхъ удареніяхъ восходящихъ греческій языкъ различалъ цѣлый рядъ тоновъ, постепенно повышавшихся въ направленіи къ главному ударенію, то въ нисходящихъ музыкальныхъ удареніяхъ онъ зналъ только два тона: одинъ болѣе высокій, другой болѣе низкій (ср. въ общеслав. языкѣ при нѣсколькихъ музыкальныхъ восходящихъ удареніяхъ только одинъ видъ нисходящаго музыкальнаго ударенія, см. выше). Подобно какъ за высшимъ музыкальнымъ восходящимъ удареніемъ всегда слѣдовало главное удареніе, такъ точно высшему музыкальному нисходящему ударенію всегда предшествовало это главное удареніе. Общимъ при этомъ закономъ является: появленіе высшаго восходящаго ударенія на слогѣ, за которымъ слѣдовало главное удареніе, вызывало переносъ ударенія на слѣдующій за нимъ слогъ (⏑ ⏑ ⏑̓ ⏑ ⏑ необходимо переходило въ ⏑ ⏑ ⏑̓ ⏑́ ⏑); появленіе высшаго нисходящаго ударенія на слогѣ, которому не предшествовало главное удареніе, имѣло слѣдствіемъ возникновеніе главнаго ударенія на предшествующемъ ему слогѣ (⏑ ⏑ ⏑ ⏑̔ ⏑ необходимо переходило въ ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑̔ ⏑).

Случаи примѣненія указаннаго закона.

1. Нисходящія ударенія, какъ указано, ложились на слогахъ, слѣдовавшихъ за главнымъ удареніемъ. Когда на конечномъ краткомъ слогѣ ложился второй видъ музык. нисх. ударенія (болѣе низкій), на предшествующемъ долгомъ или краткомъ слогѣ долженъ былъ появиться первый видъ такого ударенія (болѣе высокій): *ἄμαχῆτὸς*, *ἄμβροσὶὸς*, которыя вслѣдствіе указаннаго закона переходили въ *ἀμάχῆτὸς*, *ἀμβρόσὶὸς*. На долгую гласную могъ лечь только первый видъ музыкальнаго нисходящаго ударенія потому, что появленіе второго вида его на второй морѣ долгаго слога вызывало на первой морѣ его — первый видъ такого же ударенія (⏑̲ – то же что ⏑̲⏑⏑); главное удареніе должно было поэтому пасть на предшествующій слогъ: *κρόκαλῆ* (ср. др.-инд. çárkarā-) переходило въ *κροκάλη*, *γέτετειρᾶς* въ *γετετείρᾶς*. Въ дифтонгахъ *αι* и *οι* различались *αι* и *οι* съ краткими i̯ и *αι* и *οι* съ долгими i̯: первые восходили къ индоевропейскимъ ai̯ и oi̯ съ долготой, не сокращавшейся въ литовскомъ языкѣ въ конечномъ слогѣ, вторые — къ такимъ же дифтонгамъ, но съ долготой, сокращавшейся въ немъ при указанномъ положеніи (Фортунатовъ). На дифтонгахъ второго рода видимъ появленіе ударенія 2-го вида на второмъ элементѣ, вслѣдствіе чего первый элементъ, а затѣмъ и весь дифтонгъ получалъ удареніе 1-го вида, такъ же какъ всякая долгая гласная: главное удареніе переносилось на предпослѣдній слогъ: *ἄνθρωποῖς*, откуда

ἀνθρώποις. На дифтонгахъ перваго рода повышеніе не могло коснуться краткой неслоговой части дифтонга. Вслѣдствіе этого нисходящее музыкальное удареніе легло на краткую же слоговую его часть въ видѣ ударенія 2-го вида: и поэтому предшествующій неударяемый слогъ получалъ удареніе 1-го вида, а главное удареніе переносилось или сохранялось на третьемъ слогѣ отъ конца: *φερομένοι, ἄμαχῆτοι*, откуда *φερόμενοι, ἀμάχητοι*.

Отсюда ясно, почему въ историческую эпоху мы находимъ въ греческомъ языкѣ удареніе только на трехъ послѣднихъ слогахъ слова, при чемъ, при долготѣ конечнаго слога, оно обязательно ложилось на предпослѣдній слогъ; ясно также различіе между *γενόμενοι* и *γενομένοις*.

2. Восходящее удареніе, какъ указано, ложилось на слогахъ, предшествующихъ главному ударенію. Различіе въ высотѣ такихъ музыкальныхъ удареній обусловливалось близостью къ главному ударенію: но при этомъ изъ двухъ восходящихъ удареній, между которыми первое лежало на краткомъ, а второе на долгомъ слогѣ, бóльшую высоту имѣло удареніе долгаго слога, независимо отъ близости къ главному ударенію. Вслѣдствіе этого и въ силу указаннаго выше закона главное удареніе переносилось на краткій слогъ, если ему предшествовалъ долгій: такимъ образомъ *ποικἴλός* должно было измѣниться въ *ποικίλὅς*. Понятно, почему мы видимъ переносъ ударенія только въ – ⏑ ⏑́ и почему – – ⏑́, а также – ⏑ –́ сохраняютъ мѣсто ударенія: въ – – ⏑́ восходящее музыкальное удареніе второго слога выше такого же ударенія предшествующаго слога, а въ – ⏑ –́, если оно равно – ⏑ ⏑ ⏑́, восходящее музыкальное удареніе передъ удареніемъ ложилось на двухъ морахъ и было выше такого же ударенія на предшествующемъ долгомъ слогѣ. Если же – ⏑ –́ равно – ⏑ ⏑́ ⏑ (т.-е. если конечный слогъ имѣетъ облеченное удареніе), то переходу главнаго ударенія на слогъ, слѣдующій за восходящимъ удареніемъ на долгомъ слогѣ, препятствовало, такъ же какъ въ типѣ – ⏑ ⏑́ ⏑ (*μητροκτόνος, θηροβόρος*) нисходящее музыкальное удареніе конечнаго слога — конечной моры. Отсюда необходимо заключить, что въ типѣ – ⏑ ⏑́ ⏑ восходящее музыкальное удареніе на краткомъ слогѣ передъ главнымъ удареніемъ было выше предшествующаго ему музыкальнаго ударенія на долгомъ слогѣ.

Цѣлью настоящей замѣтки не можетъ быть установленіе какой-нибудь теоріи о греческомъ удареніи. Но коснувшись греческихъ удареній, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о тѣхъ видахъ главнаго ударенія, которые извѣстны подъ названіемъ остраго, тяжелаго и облеченнаго удареній.

Острое удареніе на долгомъ слогѣ было удареніемъ восходящимъ, т.-е. усиленію подвергалась вторая мора долгой гласной. Облеченное

удареніе было нисходящимъ удареніемъ, при чемъ на первой морѣ было усиленіе, а на второй повышеніе (музыкальное нисходящее удареніе) голоса: –́ было равно ⏑̓⏑́, а ⏓ было равно ⏑́⏑̔. Такимъ образомъ, разсматривая тѣ различныя отношенія, въ которыя вступали ударенія ʹ и ͡ на долгихъ гласныхъ съ другими удареніями надо исходить изъ положеній, что –́ равносильно ⏑⏑́ и –̑ равносильно ⏑́⏑̇. Различіе удареній ʹ и ͡ на дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ въ концѣ слова зависѣло повидимому отъ первоначальнаго различія въ качествѣ долготы этихъ звуковъ: ср. им. мн. *καλοί* при мѣст. ед. *Ἰσθμοῖ*. Что же касается долгихъ гласныхъ, то онѣ, кажется, правильно получали въ концѣ слова острое удареніе, облеченное же удареніе являлось только на стяженныхъ гласныхъ. Удареніе не измѣняло своего мѣста въ типѣ ⏑ –́, ср. сохраненіе ударенія въ ⏑⏑⏑́; но въ типѣ – –́ слѣдуетъ ожидать измѣненія ʹ въ ͡, при чемъ переходъ – –́ въ – –̑ вполнѣ аналогиченъ измѣненію – ⏑⏑́ въ –⏑́⏑, о которомъ см. выше. На слогахъ неконечныхъ первоначальное различіе въ долготѣ гласныхъ, дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній исчезло еще до дѣйствія новыхъ законовъ объ удареніи. Вотъ почему предпослѣдній слогъ слова, за которымъ слѣдовалъ конечный слогъ съ краткой гласной, всегда получалъ облеченное удареніе: музыкальное нисходящее удареніе второго вида на этомъ краткомъ слогѣ вызывало повышеніе на предшествующемъ слогѣ, вслѣдствіе чего экспираторное усиленіе должно было отодвигаться на первую мору долгой гласной или дифтонга. Понятно, почему облеченное удареніе являлось только на конечномъ и предпослѣднемъ слогахъ слова, между тѣмъ какъ острое удареніе могло стоять и на третьемъ слогѣ отъ конца.

Въ разговорной рѣчи, не передъ паузой, удареніе ʹ на долгомъ и краткомъ слогахъ измѣнялось въ греческомъ языкѣ въ такъ называемое тяжелое удареніе ʹ. Мы видѣли, въ какой тѣсной зависимости главныя ударенія — экспираторно-музыкальныя — находились въ греческомъ языкѣ отъ второстепенныхъ — музыкальныхъ; мы видѣли, что предшествующіе главнымъ удареніямъ слоги имѣли на себѣ восходящія музыкальныя ударенія, а слѣдующіе—такія же ударенія нисходящія. Въ разговорной рѣчи первое сопутствующее главныя ударенія условіе — присутствіе въ слогахъ предшествующихъ имъ музыкальныхъ восходящихъ удареній — не нарушалось: *βἀσἴλεὺς*, но второе условіе нарушалось по отношенію къ главному ударенію конечнаго слога постоянно. За главнымъ удареніемъ или не слѣдовало ничего (*βασιλεύς* въ паузѣ), или, какъ указано выше, могли слѣдовать слоги съ нисходящимъ удареніемъ (*ἐλέγἑτο*). Но въ разговорной рѣчи за главнымъ удареніемъ конечнаго слога постоянно являлись или главныя ударенія на начальномъ слогѣ другихъ слѣдующихъ словъ,

или второстепенныя восходящія ударенія передъ главнымъ удареніемъ слѣдующихъ словъ (*βασιλεύς φέρει, βασιλεύς ἐποίησε*). Въ такомъ положеніи острое удареніе должно было измѣниться: я думаю, измѣненіе состояло не въ потерѣ удареніемъ восходящаго характера, а въ утратѣ имъ музыкальнаго элемента; вм. экспираторно-музыкальнаго ударенія ′ являлось чисто экспираторное удареніе '. Любопытно, что вопросительныя *τίς, τί* не измѣняли и въ такомъ положеніи своего ударенія. Сохраненіе музыкальнаго характера ударенія въ вопросѣ находитъ аналогію въ славянскихъ языкахъ. Въ языкѣ Юрія Крижанича мы видимъ обратное, чѣмъ въ греческомъ, отношеніе между экспираторнымъ и экспираторно-музыкальнымъ удареніемъ. Экспираторное удареніе извѣстно здѣсь на краткомъ слогѣ въ концѣ слова — только въ паузѣ (ногὰ), между тѣмъ какъ въ фразѣ является экспириторно-музыкальное удареніе (нога́ моjа̀). Но когда словомъ заключается вопросъ, на конечномъ слогѣ его сохраняется экспираторно-музыкальное удареніе ′: А про прево́д свêтих бôжьӥх и циркôвних кньӥг, ко́jе нам преведо́ше Гре́ки, что́ рече́м? Каду́? За что́ си ты̂ су́мо попа́л?

Я не рѣшился бы обнародовать настоящихъ замѣтокъ, недостаточно мною обоснованныхъ и врядъ ли убѣдительныхъ по выставленнымъ въ нихъ предположеніямъ; но я надѣюсь на снисходительный судъ почтеннаго юбиляра, которому такъ часто приходилось руководить меня какъ въ этой, такъ и въ другихъ областяхъ славяновѣдѣнія.

GRIECHISCH *ΛΙΝΩ* UND SEINE VERWANTEN.

Von Felix Solmsen.

Nachdem Cobet schon im Jahre 1861 in der Mnemosyne X 60 f. die Belege für griech. *αἴνω* zusammengestellt hatte, ist das Verbum neuerdings ausführlich von Meister in seiner Ausgabe der Mimiamben des Herodas (Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XIII) S. 709 ff. und kürzer von Brugmann, Indogerm. Forsch. III 259 f. behandelt worden. Da ich von diesen beiden Gelehrten sowohl in der Beurteilung der einzelnen Formen als auch in der Etymologie des Wortes abweiche, so sei es gestattet die einschlägigen Fragen hier noch einmal zu erörtern.

Die wichtigsten Zeugnisse über Form und Bedeutung des Verbums verdanken wir Herodian und Eustathios. Herodian *περὶ μον. λεξ.* 24, 16 (II 930, 28 ff. Ltz.) lehrt: *Αἰνῶ· τὰ διὰ τοῦ αινω δισύλλαβα βαρύτονά ἐστι, βαίνω δραίνω... χραίνω αἴνω τὸ δασυνόμενον καὶ βαρυνόμενον τὸ παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς· Φερεκράτης αἴνειν πτίσσειν (πτήσσειν* Cod.). *σεσημείωται τὸ αἰνῶ περισπώμενον. οὐκ ἀγνοῶ δὲ ὅτι καὶ ὄνομα αὐτοῦ προκατῆρξε· διὸ περιεσπάσθη.* Bei Eustathios z. Il. 801, 57 ff. lesen wir: *τὸ αἰνεῖν ὁμώνυμός ἐστι λέξις. ἐν γοῦν τῷ Αἰλίου Διονυσίου λεξικῷ γράφεται οὕτως· αἰνεῖν τὸ ἀναδεύειν καὶ ἀνακινεῖν κριθὰς ὕδατι φύροντα. Φερεκράτης* (II 345 No. 18 Mein. = I 199 No. 183 Kock)· *„νῦν ἐπιχεῖσθαι τὰς κριθὰς δεῖ, πτίττειν, φρύγειν, ἀναβράττειν, αἰνεῖν“. Παυσανίας δὲ ἐν τῷ κατ' αὐτὸν ῥητορικῷ λεξικῷ οὐ διὰ διφθόγγου γράφων αἰνεῖν, ἀλλὰ διὰ μόνου τοῦ α διχρόνου φησίν· ἀνεῖν ἐν ἐκτάσει ἔχει τὸ α. δηλοῖ δὲ τὸ πτίσσειν, ὡς Ἀριστοφάνης ἐν Εἰρήνῃ δηλοῖ. καὶ Φερεκράτης δ' ἔτι φησίν· 'νῦν δ' ἐπιχεῖσθαι τὰς κριθὰς δεῖ, πτίσσειν, φρύγειν, ἀποβράττειν (ἀναβράττειν* Meineke und Kock), *ἀνεῖν, ἀλέξαι (ἀλέσαι* M. und K.), *μᾶξαι „πέψαι* ergänzen M. und K. nach Bergks Vorgange), *τὸ τελευταῖον παραθεῖναι“. λέγει δὲ καὶ ὅτι διαφέρει τὸ πτίσσειν τοῦ ἀνεῖν. τὸ μὲν γὰρ πτίσσειν γίνεται, ἵνα τὸ πτισσόμενον ἀπολίποι τὸ πιτυρῶδες ἄχυρον, τὸ δὲ ἀνεῖν ἐπὶ ξηρῶν ὥσπερ καρύων, ἵνα τὸ ἀχυρῶδες αὐτῶν περικαὲν ἀφαιρεθείη. ὅτι δὲ ἐκ τοῦ πτίσσειν καὶ ἀνεῖν τῶν εἰρημένων ἡ πτισσάνη σύγκειται, ἐν τῇ δ' ῥαψῳδίᾳ προγέγραπται. ἐν ἄλλοις δὲ φέρεται καὶ ταῦτα· αἰνεῖν τὸ ἀνα-*

βράττειν ἀληλεσμένον σῖτον. καὶ πτισσάνη παρὰ τὸ πτίσσειν καὶ αἰνεῖν. οἱ δὲ τὸ ἀναποιεῖν ταῖς χερσὶ τὸν σῖτον ὕδατι ῥάναντας.

Die hier verzeichneten drei verschiedenen Praesensbildungen kehren in der lexikographischen Litteratur wider:

1) *αἴνω* ist direkt bezeugt durch Hesychs *αἴνων· πτίσσων* und indirekt durch Participial- und Aoristformen, die es als Praesens voraussetzen: *ἄναντα· [ἀνωφερῆ. ὑψηλά.] τινὲς δὲ τὰ μὴ βεβρεγμένα. Σοφοκλῆς δὲ Ἰνάχῳ* (fr. 272 N.[2]) *τὰ μὴ κεκομμένα* (so Salmasius, Cod. *κεκωλυμένα), παρὰ τὸ αἴνειν* (so Ellendt und Nauck, Cod. *αἰνεῖν), ὅ ἐστι κατακόπτοντα πτίσσειν* (so Salmasius, Cod. *πῆσιν)* und *ἀφῆνα* (so Meister, Cod. *ἄφηνα)· ἔκοψα* Hes.; *ἀφῆναι· τὸ τὰς ἐπτισμένας κριθὰς ταῖς χερσὶ τρῖψαι* Hes. und Et. Magn. 176, 43 (nur heisst es hier *τρίβειν* für *τρῖψαι); ἦναι· κόψαι. καὶ ἡμμένων τῶν κεκομμένων* Galen Lex. Hippocr. XIX 103 Kühn (überliefert ist *ἡνίων, ἡμένων* verbesserte Meister, *μμ* ist zu schreiben, wie mir auch Professor I. Wackernagel brieflich bemerkt, nach dem Muster von *ᾐσχυμμένος* zu *αἰσχύνω); ἦνας· κόψας* Hes. und Phot. (überliefert ist bei Hes. *ἦνας;* M, Schmidt schrieb *ἦνας· (ἔ)κοψας).* Meister zieht auch die Hesychglosse *προσήναντες· βλάψαντες* hierher, die zweimal vorkommt, einmal am richtigen Platz, das andere Mal an einer Stelle, wo die alphabetische Reihenfolge gestört ist (es folgen auf einander *προσρυέντων προσήσει πρόσημον προσήναντες πρόσ(σ)ω προσταθείη);* er beruft sich darauf, dass im Et. Magn. *αἰνεῖν* unter anderem auch durch *βλάπτειν* erklärt wird (s. u.). Da jedoch die Glosse noch ein drittes Mal an richtiger Stelle in der Gestalt *προσίναντες· βλάψαντες* erscheint und einerseits *προσίνομαι* bei Aretaios 123, 49 (= 254, 4 Erm.) belegt, andrerseits das Activum *σίνω* bei Galen XV 662, 5 K. und bei Zonaras 1648, bei ersterem als ionisch, bezeugt ist, so ist es möglich, dass die Schreibung mit *ι* die richtige und *προσήναντες* corrupt ist. Auch das an falschem Orte stehende *προσήναντες* käme wenigstens seinerseits an den richtigen Fleck, wenn man *προσσίναντες* lesen dürfte.

2) *αἰνεῖν* bietet das Etym. Magn. 36, 19: *αἰνεῖν· τὸ ἀναβράττειν τὸν ἀληλεσμένον σῖτον, τουτέστιν ἀναδεύειν καὶ ἀνακινεῖν τὰς κριθὰς ὕδατι φυρῶντα. οἱ δὲ βλάπτειν ἢ τὸ ταῖς χερσὶν ἀνατρίβειν τὰς ἐπτισμένας κάγχρυς.* Dieselbe Glosse bis *φυρῶντα* auch bei Zonaras 92.

3) *ἀνεῖν* ist überliefert bei Hesych: *ἀνεῖν· ἀνακαθαίρειν. [ἀνακαύειν.] οἱ δὲ ἀναποιεῖν* (so H. Stephanus im Thes. II 733 zweifelnd und Meister statt des handschriftlichen *ἀναπλεῖν) κριθὰς βεβρεγμένας* und bei Athen. X 455 E *πεποίηται δὲ τῆς πτισάνης τοὔνομα ἀπὸ τοῦ πτίσσειν καὶ ἀνεῖν.* Es ist evidentermassen einzusetzen an den beiden anderen Stellen, wo diese Etymologie von *πτισάνη* erwähnt wird: Eustathios z. Il. 437, 10 *ἐκ τοῦ πτίσσειν καὶ αἰνεῖν ταὐτοδυνάμων λέξεων, ὥς φησι Παυσανίας ἐν τῷ αὐτοῦ λεξικῷ, ἡ πτισσάνη,* wo *α* schon durch die an der anderen Eustathiosstelle (o. S. 163) mitgeteilte Lehre des Pausanias erfordert wird — Schwabe Aelii

Dionysii et Pausaniae Atticistarum fragm. 203, 6 hat nicht wohl getan *αἰνεῖν* dem Pausanias selbst zu belassen —, und Pollux VII 24 *καὶ ἀνεῖν δὲ τὸ πτίσσειν ἐλέγετο, ἀφ' οὗ καὶ ἡ πτισάνη;* hier geben die Handschriften *ἀλεῖν*, und zwar nicht nur der von Bekker allein collationierte A (Parisinus), sondern, wie mir Herr Professor E. Bethe in Rostock gütigst mitteilt, auch die von ihm wideraufgefundenen Falckenburgianus (F) und Salmanticensis (S), die nach der von Bethe Göttinger Gelehrte Nachrichten Phil.-hist. Klasse 1895, 322 ff. gegebenen Darlegung der Handschriftenverhältnisse eine besondere, wichtige Klasse der Überlieferung neben A bilden; *ἀνεῖν* forderte hier schon Kühn, während Bekker *αἴνειν* schrieb.

Können nun diese Praesensformen wirklich alle drei als sicher beglaubigt gelten? Betreffs *αἴνειν* kann kein Zweifel bestehen. Aber *αἰνεῖν* wird als falsch erwiesen durch Herodian (o. S. 163), der ausdrücklich nur das denominative, also von *αἶνος* abgeleitete, *αἰνῶ* als Perispomenon gelten lässt und es dem barytonierten und mit Asper versehenen *αἴνω* gegenüberstellt, von einem mit diesem gleichbedeutenden *αἰνῶ* oder *αἰνῶ* aber nichts weiss. Es ist leicht begreiflich, dass in späterer Zeit das verschollene und unbekannte *αἴνειν* in der Pherekratesstelle und sonst in das allgeläufige *αἰνεῖν* entstellt worden ist; die Mittelstufe der Verderbnis zeigt uns die Glosse *αἴνειν· τὸ ἀναδεύειν καὶ ἀνακινεῖν τὰς κριθὰς ὕδατι φυρῶντα* in Bekkers Anecd. I 360, 32, die noch den richtigen Accent, aber schon den falschen Spiritus hat. Gewiss mit Recht hat deshalb Schwabe a. a. O. 94, 3 in dem Text des Aelius Dionysius *αἴνειν* geschrieben. Meister freilich sucht *αἰνεῖν* in der Geltung «aufrütteln» auch in der Litteratur nachzuweisen, in zwei Versen des Herodas und einem Fragment des Aristophanes. Aber in dem sicher lesbaren Herodasvers IV 46 f.:

λαίμαστρον, οὐδ' ὀργή σ[ε κρ]ηγύην οὔτε
βέβηλος αἰν[ε]ῖ, πανταχῆι δ'[ἴση] κ[ε]ῖσαι[1])

ist Meisters Übersetzung: «Unverschämte, weder geweihter noch ungeweihter Ort rüttelt dich zur Tätigkeit auf» wenig wahrscheinlich und kein Anlass von der üblichen Bedeutung des Verbums abzugehen; Bücheler und Crusius (Untersuchungen z. d. Mim. d. Her. 86) übersetzen vollkommen befriedigend: «o vorago, nec sacrificula te probam nec profana laudat» bezw. «Du Fresssack, weder Geweihte noch Ungeweihte werden von dir was Gutes sagen». Der andere Vers, VII 54, ist in dem Papyrus nicht mit Sicherheit zu entziffern, und Meisters Lesung *[α]ἰνηθεἰσας* steht nichts weniger als fest; es scheint vielmehr zwischen *η* und *ϑ* über der Zeile

---

[1]) So Meister mit Headlam und Palmer, Kenyon und Bücheler *δ' [ἴσ' ἔγ]κεισαι*, Crusius[2] *λί[θος] κεῖσαι*.

ein σ nachgetragen, und Crusius[2] schreibt deshalb *ἠσθείσας*, woran auch Bücheler schon gedacht hatte. Das Aristophanesfragment (II 1066 No. 4 Mein. = I 561 No. 694 Kock) hat uns Pollux X 187 aufbewahrt in einer Auseinandersetzung über *μολγός*, das bei den Tarentinern soviel wie *βόειος ἀσκός* bedeute: *καὶ Ἀριστοφάνης δὲ χρησμόν τινα παίζει: «μή μοι Ἀθηναίους αἰνεῖτ' εἰ μολγοὶ ἔσονται» τὸ ἄπληστον αὐτῶν ὑπαινιττόμενος*. So schreibt Meister den Vers, sieht in ihm mit Bergk (in Meinekes Comici a. a. O.) die Stelle aus Aristophanes' (zweitem) Frieden, auf die sich Pausanias in dem o. S. 163 ausgehobenen Passus des Eustathios bezieht, und übersetzt ihn: «nicht rüttelt mir die Athener auf, wenn sie volle Schläuche sein werden (d. h. wenn sie sich werden vollgetrunken haben)», indem er auf das Sprichwort (Paroem. Gr. II 629) verweist: *πτίσσε, πτίσσε τὸν Ἀναξάρχου θύλακον* (al. *ἀσκόν*)· *οὐ γὰρ πτίσσεις Ἀνάξαρχον* «stosse, stosse nur den Sack (d. i. Körper), in dem Anaxarchos steckt, denn den Anaxarchos stösst du nicht». Bekker und Bergk hatten *αἰνεῖτ' ἤ*, Kock *αἰνεῖθ' οἳ* geschrieben, der erstere und letztere, ohne sich über ihre Auffassung des Verbums zu äussern. Dank der grossen Freundlichkeit der Herren Prof. Maass und Bethe bin ich in der Lage das bisher über die Überlieferung dieses Verses Bekannte zu ergänzen. Die Handschriften zerfallen hier in zwei Klassen, die Parisini A und B, den Palatinus C und den Laurentianus L einerseits, F und S andrerseits (vgl. Bethe Gött. Nachr. a. a. O. 328). Der Vers lautet nun in ihnen so:

μή μοι Ἀθηναίους { *ἀνεῖται οἱ μολγοί* F S / *ἀνεῖται μόλγοι* C L / *αἰνεῖτε οἱ μολγοί* A / *αἰνεῖτε ἀμολγοί* B } *ἔσονται*[2]).

Die eine Klasse also hat *ἀνεῖται*, die andere teils *ἀνεῖται*, teils *αἰνεῖτε*. Nun besitzen aber A und B in den Büchern VIII bis X nicht den Wert gesonderter Überlieferungen, sondern sind aus einer und derselben näheren Vorlage abgeschrieben (Bethe S. 325), dagegen C und L stellen innerhalb ihrer Klasse selbständige Überlieferungen dar (Bethe S. 329). Unter diesen Umständen hat es die höchste Wahrscheinlichkeit für sich, dass uns in *ἀνειτ-* das Echte erhalten und *αἰνεῖτε* erst in dem Vater von A und B an dessen Stelle gesetzt ist, um der dem Schreiber unverständlichen Form einen Sinn zu geben. Demnach trifft Bergks und Meisters Auffassung des Verses das Richtige, und wir haben in ihm vielleicht wirklich die Stelle vor uns, auf der Pausanias mit seiner Lehre fusste. Die Corruptel wird wohl am besten in der von Meister empfohlenen Weise geheilt: *ἀνεῖτ' εἰ*.

[2]) Herrn Professor Maass bin ich für die Mitteilung der Lesart in L, Herrn Professor Bethe für die der Lesarten der anderen Codices verpflichtet. Beiden Herrn sei auch an dieser Stelle verbindlichster Dank ausgesprochen.

Damit wird dem von Brugmann a. a. O. geäusserten Zweifel an der wirklichen Existenz dieser dritten Praesensform *ἀνεῖν* der Boden entzogen, einem Zweifel übrigens, der im Grunde nur der Unmöglichkeit entsprungen ist sie mit der vorgeschlagenen Etymologie in Einklang zu bringen. Der von Brugmann vermisste litterarische Beleg für sie ist nunmehr gefunden, und vielleicht haben wir dem einen gleich noch einen zweiten anzufügen, an dem man bis jetzt achtlos vorübergegangen ist. Ich meine die Verse Aristophanes Equites 391 ff. Der Wursthändler sagt mit Bezug auf Kleon:

ἀλλ' ὅμως οὗτος τοιοῦτος ὢν ἅπαντα τὸν βίον
κᾆτ' ἀνὴρ ἔδοξεν εἶναι τἀλλότριον ἀμῶν θέρος.
νῦν δὲ τοὺς στάχυς ἐκείνους, οὓς ἐκεῖθεν ἤγαγεν,
ἐν ξύλῳ δήσας ἀφαύει κἀποδόσθαι βούλεται.

So, *ἀφαύει*, schreiben die Herausgeber sämtlich bis auf eine alsbald nz erwähnende Ausnahme auf grund der Mehrzahl der Handschriften (V A *Γ Θ Δ* [von zweiter Hand] P M) und erklären das — unter den Ähren sind die Spartiaten gemeint, die Kleon auf Sphakteria gefangen genommen hat und jetzt im Kerker hält —: exsiccat, h. e. excruciat fame et miseriis (Bothe, Blaydes), er lässt sie schmachten (Kock). Aber die wichtigste Handschrift, der Ravennas, giebt *ἀφανει* (so, ohne Accent) — dass auch *Δ* von erster Hand *ἀφύνει* hat, fällt bei dem minderwertigen Charakter dieses dem 15. oder 16. Jahrhundert angehörigen Codex weniger ins Gewicht[*]) — und dies *ἀφανει* ist mehr als etwa bloss eine späte Verschreibung für *ἀφαύει*, wie daraus hervorgeht, dass auch der Scholiast etwas anderes als *ἀφαύει* vor sich gehabt haben muss. Er bemerkt unter dem Lemma *νῦν δὲ τοὺς στάχυς*, nachdem er erklärt hat, wer mit den *στάχυες* gemeint sei: *φησὶν οὖν τοὺς ἄνδρας ἐκείνους, οὓς δήσας ἤγαγεν, ἀφεῖναι νῦν καὶ ἀπολῦσαι διανοεῖται.* Es verschlägt demgegenüber nicht viel, dass das Scholion zu Eccl. 146, wo *ἀφαυανθήσομαι* durch *ξηρανθήσομαι* glossiert wird, unseren Vers mit *ἀφαύει* anführt, und noch weniger, dass ihn auch Suidas s. v. *ἀμώμενοι* und *ἀφαυανθήσομαι* so gelesen hat. Denn gegen *ἀφαύει* erheben sich schwere Bedenken.

Ein sachliches hat schon W. Ribbeck in seiner Ausgabe der Equites (Berlin 1867) S. 254 geltend gemacht: *ἀφαύει* ergiebt keinen rechten Sinn, da man Ähren nicht an Stöcke bindet, um sie zu trocknen, und ihr Trocknen sich von selbst vollzieht. Dazu tritt entscheidend ein sprachliches: *αὔω* als transitives Verbum zu *αὖος* ist in der eigentlichen Litteratur-

*) Ich verdanke die Kenntnis bezw. Bestätigung der hier angeführten Lesarten der Aristophaneshandschriften der grossen Güte des Herrn Prof. K. Zacher in Breslau, in dessen Händen sich behufs Fortführung der Velsenschen Ausgabe die Collationen v. Velsens und Rudolf Schölls befinden.

tur sonst nirgends nachzuweisen. *αὔω ἐναύω* «zünde Feuer an» hat mit *αὖος* nichts zu schaffen, sondern hat sich aus einer davon grundverschiedenen Wurzel *aus* «entnehmen, schöpfen», die in lat. *haurio,* an. *ausa* vertreten ist, entwickelt, wie Osthoff Perfekt 484 ff. gezeigt hat. Ihnen schliesst sich *ἐξαύσατο* in dem beim Schol. zu Dionysius Thrax in Bekkers Anecd. 655, 3 auf uns gekommenen Eratosthenesfragment *μέσον δ᾽ ἐξαύσατο βαυνόν* an, wenn die übliche Übersetzung «er machte sich ein Feuer im Ofen an» zutrifft; doch ist sie zweifelhaft, da wir den Zusammenhang nicht kennen und die vom Scholiasten gegebene Erklärung *ὑφῆψε* verderbt ist (Osthoff a. a. O. 490). *καταύσεις* ferner in Alkmans (fgm. 95 B.[4]) *τὰν Μῶσαν καταύσεις* = *ἀφανίσεις* Eustathios z. Od. 1547, 60 und *προσαύσῃ* in Sophokles' (Antig. 619) *πρὶν πυρὶ θερμῷ πόδα τις προσαύσῃ* werden irrig mit «verbrennen, versengen» widergegeben; schon Lobeck zum Aias[2] 357 f. Rhem. 11 f. hat gesehen, dass in Wahrheit auch sie zur Wurzel *aus* «entnehmen» zu ziehen sind. Endlich *ἀφαύω* hat sich so ziemlich überall, wo es überliefert ist, als Verderbnis für *ἀφεύω* entpuppt: Arist. Eccl. 13 *ἀφαύων* Schol., aber *ἀφεύων* die Handschriften. Thesmoph. 216 *ἀφαύειν* Suidas s. v. *ἀφαυανθήσομαι,* aber *ἀφεύειν* die Hss. Pax 1144 nach gütiger Mitteilung von Professor Zacher R *ἀλλ᾽ ἀφευε* (nach v. Velsen und Schöll), V *ἀλλ᾽ ἄφ*~~…~~ (darüber *αυε*), d. h. *τῶν* steht auf Rasur, wie es scheint von zweiter Hand (die von der ersten im Frieden sehr schwer zu unterscheiden ist), dieselbe Hand hat darüber *αυε* und auf den Rand *γρ. ἄφευε* geschrieben; unter der Rasur stand nach v. Velsen *ευεῖ;* das Schol. hat nach Zachers Collation im Lemma *ἄφαυε* und dann *τι δε γρ. ἀφαυσε;* Pal. 67 *ἀλλ᾽ ἄφαὐ ὑετῶν;* in *Γ* fehlt die Stelle ganz. Danach kann es keinem Zweifel unterliegen, dass auch hier *ἄφευε* das richtige und der Vers, wie die meisten Herausgeber auch tun,

ἀλλ᾽ ἄφευε τῶν φασήλων, ὦ γύναι, τρεῖς χοίνικας

zu schreiben ist. Es bleibt unsere Stelle Equ. 394 als einziger Beleg für *(ἀφ-)αὔω* in der Bedeutung «trockne, dörre». Nun kommt das transitive Verbum zu *αὖος* in unseren Texten Dutzende von Malen vor, aber überall, in jeder Gattung der Litteratur von Homer an, heisst es *αὐαίνω.* Hätte die Sprache neben diesem wirklich ein gleichbedeutendes *αὔω* besessen, wie wären die Schriftsteller dazu gekommen, sich immer nur der längeren, nie der kürzeren und bequemeren Form zu bedienen? Gegen dieses argumentum ex silentio kann auch die Tatsache nicht aufkommen, dass in der Scholien- und lexikographischen Litteratur *αὔω αὔω* nicht selten durch *ξηραίνω* glossiert wird (Schol. A zu Il. *Λ* 461 *αὖε ψιλῶς· τέτακται γὰρ ἐπὶ τοῦ φωνεῖν. ὅταν δὲ ἐπὶ τοῦ ξηραίνειν ἢ ἅπτειν, τότε δασύνεται. ἔστι γὰρ σύνθετον [τὸ ἀφαύω* ergänzt ansprechend Lehrs Herod. scripta tria 267, *παρὰ*

τὸ α στερητικὸν καὶ τὸ ὕω τὸ βρέχω minder einleuchtend Lobeck Rhemat. 11 Anm. 17]. Schol. E zu Od. *α* 272 *ψιλοῦται... αὕω τὸ φλογίζω [φωνῶ* Lentz], *αὕω δὲ τὸ ξηραίνω δασύνεται*. Epim. Hom. in Cramers Anecd. Ox. I 88, 23 ff. *αὕω· εἰ μὲν τὸ ξηραίνω δηλοῖ, γέγονε παρὰ τὸ ὕω τὸ βρέχω καὶ τὸ στερητικὸν α ἄυω αὕω. εἰ δὲ τὸ φωνῶ* [Cod. *φαιτῶ], Ὅμηρος αὖε δ' Ἄρης ἑτέρωθεν* [parva lacuna], *τὸ πνέω, ὥς φησιν Ἡρωδιανός, ἔνθεν καὶ αὐλός κτλ.* Et. Magn. 174, 26. Suidas s. v. *αὖος)*. Sie beweist nicht, dass es das Verbum wirklich einmal gegeben hat: es kann aus verderbten Lesarten in der Art der oben angeführten zu Unrecht abstrahiert sein. Haben doch antike Grammatiker es noch in einer vierten Bedeutung, der von *λάμπω*, fälschlich angenommen, um *αὔριον* etymologisieren zu können (Et. Magn. a. a. O.). Wenn Lehrs und Lentz (I 453, 15. 546, 1. II 132, 24. 272, 18) die Vorschrift, dass *αὕω· ξηραίνω* zu aspirieren sei, mit Recht auf Herodian zurückführen, so hat sich schon dieser im Irrtum befunden. Wie Nonnos Dion. 42, 290 f.

αὔλακες ὠδίνουσιν, ὅτε δρόσος εἰς χθόνα πίπτει
αὐομένην Φαέθοντι

αὐομένην verstanden wissen wollte, ob im Sinne von «anzünden» oder von «austrocknen, ausdörren», steht dahin; in jedem Falle hat er das Verbum nicht aus der lebendigen Sprache seiner Zeit geschöpft, sondern es durch gelehrte Tradition überkommen.

So drängt alles zu dem Schlusse, dass *ἀφαύει* Equ. 394 verdorben und das Echte in dem *ἀφανει* des Ravennas zu suchen ist. Schon Ribbeck a. a. O. hat das Richtige oder zum wenigsten beinahe das Richtige getroffen mit der Besserung *ἀφαίνει*. Nur braucht es jetzt einer Conjektur vielleicht überhaupt nicht mehr: in *ἀφανει* = *ἀφᾶνεῖ* kann die eigenste Hand des Dichters bewahrt sein, der diese Form des Praesens ja auch sonst verwendet hat. Freilich führen die anderen Zeugnisse auf *ἀνεῖν* mit Spiritus lenis, aber auch bei *αἴνειν* überwiegt dieser in unserer Überlieferung bei weitem, und doch ist hier der Asper allein nach Herodians Zeugnis berechtigt[4]). Immerhin mahnt diese Differenz zur Vorsicht, und so will ich *ἀφαίνει* nicht ganz verreden, zumal da auch des Scholiasten *ἀφεῖναι* sich am einfachsten erklärt, wenn wir annehmen, dass ihm ein aus *ἀφαινει* entstelltes *ἀφειναι* wirklich vorgelegen hat.

Als Bedeutung der Sippe von *αἵνειν* ergeben die Eingangs zusammengestellten Zeugnisse, wie schon Meister ausgesprochen hat, «Gerstengrau-

[4]) Es sei in diesem Zusammenhange wenigstens erwähnt, dass an der o. S. 165 besprochenen Stelle des Pollux VII 24 die Editio princeps, die Aldina vom Jahre 1502, für die neben einer aus A und B contaminierten Handschrift auch eine mit F S nahe verwante benutzt ist, die nicht mehr zu existieren scheint (Bethe Gött. Nachr. a. a. O. 839 f.), *ἀλεῖν* giebt.

pen durch Aufrütteln von den Hülsen reinigen», übertragen «rütteln, schütteln, schlagen» überhaupt. Die Etymologie, die im folgenden begründet werden wird, zeigt, dass die Einschränkung auf geröstete Gerstenkörner etwas Sekundäres ist und dass das Verbum ursprünglich allgemein «durch Schwingen, Werfen von den Hülsen, der Spreu befreien» bedeutet hat. Demgemäss sind die Worte des Aristophanes zu übersetzen: «jetzt enthülst er jene Ähren, die von dort er hergebracht». Der Dichter setzt das mit *τἀλλότριον ἀμῶν θέρος* begonnene Bild fort, deutet aber zugleich wohl auch auf Martern hin, denen Kleon die Gefangenen unterwirft, um ihre Angehörigen zu möglichst schnellem Loskauf zu veranlassen.

Die vorstehenden Erörterungen haben gelehrt, dass wir für die Etymologie sowohl mit *αἴνω* als auch mit *ἀνῶ* oder, wenn des Ravennas *ἀφᾶνεῖ* das Echte erhalten hat, *ἀνῶ* zu rechnen haben. Dann ist keine der beiden Herleitungen Brugmanns haltbar, weder die bei Meister noch die in den Idg. Forsch. aufgestellte; denn keine von beiden ist im stande das *ᾱ* zu erklären. Laut der ersten soll *αἴνω* auf **σᾰ-ν-ιω* zurückgehen und zu Wurzel *sē* «werfen, schleudern» in *ἵημι*, lat. *sēro sătus* gehören. *ἁνεῖν* soll nach Meister auf älterem **ᾰ-νϝ-ω *ᾱνω* beruhen, ebenso wie *θῡνεῖν* auf **θύνϝω θύνω*. Aber **ἄνϝω* konnte im Attischen nur **ἄνω* mit kurzem *α* ergeben; vgl. att. *ἀνομένων* Aesch. Choeph. 779 K. *ἄνοις* id. fragm. 161, 2 N.[2] gegenüber hom. *ἄνεται* *Κ* 251 aus **ἄνϝ-* und die anderen von Wackernagel KZ. XXV 260 ff. in das rechte Licht gestellten Fälle mit anfänglichem *ϝ* hinter Nasal oder Liquida. *θῡνέω* und *θύνω*, die sich übrigens beide nur im Epos finden, sind allerdings aller Wahrscheinlichkeit nach aus **θυνέϝω* und **θύνϝω* zu verstehen, d. h. stellen ein in zwei verschiedene Flexionsreihen auseinandergefallenes ursprüngliches Paradigma der altind. 5. Klasse dar wie *ἱκνέομαι* und hom. *ἱκάνω* aus **ἱκάνϝω*, aber ihr *υ* ist von allem Anfang an lang gewesen nach Ausweis des ai. ved. *dhūnōmi* «schüttele», neben das erst in den Brāhmaṇas *dhŭnōmi* mit *ŭ* tritt (vgl. dazu Wackernagel altind. Gramm. I 97). Die zweite Etymologie, derzufolge *αἴνω* gleich ursprünglichstem **σαί-νω* sein und mit ai. *sē-nā* «Wurfgeschoss, Wurfspiess; Schlachtreihe, Heerschar», *sā́y-aka-* «zum Schleudern bestimmt», Subst. Neutr. «Wurfgeschoss, Pfeil», Masc. «Schwert», *sāy-ikī* «Dolch», *prá-si-ta-* «dahinschiessend» (von Vögeln), *prá-si-ti-* «Anlauf, Andrang; Schuss, Wurf, Geschoss» zusammengehören soll, verzichtet von vornherein darauf, *ἀνεῖν ἁνεῖν* zu verstehen[5]).

[5]) Übrigens stellen *sē- să-* und *sai-* nicht, wie Brugmann annimmt, verschiedene Wurzeln, sondern nur verschiedene Ablautsstufen derselben Wurzel dar, die in ursprünglichster Gestalt *sēi̯-* lautete, vor Consonanten den zweiten Bestandteil ihres Langdiphthongs einbüsste und infolgedessen neben den ältesten Tiefstufenformen mit *ə̆i̯ ī ĭ*, jedenfalls schon in der Ursprache, neue Tiefstufenformen nach dem Muster der reinen *ē-* Wurzeln hervorbrachte. Belege für die verschiedenen Wurzelstufen sind: 1) Hoch-

Vereinigen lassen sich beide Formen, soviel ich sehe, nur wenn wir von einer Wurzel mit anlautendem *ϝ* ausgehen und *αἴνω* gleich ursprünglichem **ϝᾰνι̯ω*, *ἀνέω* *ᾱ̔νέω* gleich **ἀ-ϝᾰνέι̯ω* setzen. Dann ergiebt sich auch eine einleuchtende Etymologie: die Wörter reihen sich den in den europäi-

---

stufe: a) *sēi̯-:* altbulg. *sěj-ą*, lit. *sė́j-u*, wahrscheinlich auch got. *saia* aus **sēi̯-ō*, ai. *sāy-aka- sāy-ikā;* b) *sē-:* gr. *ἵ-η-μι* aus **si-sē-mi*, gr. *ἧ-μα* lat. *sē-men* altbulg. *sě-mę* etc., air. *sí-l*, lit. *sė-klà* «Saat» u. a. 2) Tiefstufe: a) *săi-:* ai. *sḗ-nā*, lat. *sae-c(u)lum*, urkelt. *sai-tlo-* in cymr. *hoedl* «aetas, vita, aevum» nach Stokes in Ficks Wtb. II[4] 294, vielleicht auch lit. *sė́-tas* «Sieb»; b) *sī-:* ai. *sī́-tā* «Furche, Acker», an. *sí-dhr* «herabhängend, lang» (Persson Wurzelerweiterung 111), vielleicht auch altbulg. *si-to* «Sieb», lit. *sij-óti* «sieben»; c) *sĭ-* als weitere Schwächung bei Vortritt eines betonten Compositionsgliedes nach Joh. Schmidts Regel: ai. *prá-si-ta- prá-si-ti-* (Persson Bezz. Beitr. XIX 277 Anm. 2); d) *să-* mit Übertritt in die reine *ē-* Reihe: lat. *să-tus*, gr. *ἑ-τός* für **ἅ-τός*. Den entscheidenden Beweis für diese schon von Gustav Meyer Alban. Stud. III 42 angedeutete Theorie bildet lat. *saec(u)lum*, das niemand von lit. *sėklà*, got. *mana-sēdhs* wird trennen wollen, dessen *ae* aber auf keine andere Weise mit dem *ē* dieser Wörter vermittelt werden kann. Denn die Annahme, *ae* habe sich hier frühzeitig für etymologisch berechtigtes *ē* festgesetzt, weil in dem Diphthong *ae* «der diphthongische Laut nicht allzu scharf hervortrat» (Stolz hist. Gramm. d. lat. Spr. I 209; ähnlich schon Brugmann Morph. Unt. I 33), steht im Widerspruch mit allen Tatsachen der lateinischen Lautgeschichte. Das *ae* in *raeda* (Fleckeisen fünfzig Artikel 26) gegenüber dem *ē* in gall. *Epo-rēdia* (*eporedias* Galli bonos equorum domitores vocant Plin. N. H. III 17, 21), *Rēdones* (Caes. B. G. II 34. VII 75; vgl. Glück Kelt. Namen 148) erklärt sich wohl daher, dass die Römer das Wort von den Galliern übernahmen, als es bei diesen den für das Urkeltische vorauszusetzenden Diphthong *ei* noch aufwies (urkelt. **reidā*, vgl. air. *dé-riad* «bigae», gegenüber urgerm. **raidhō*, vgl. an. *reidh*, ags. *rád*, ahd. *reita*, Stokes in Ficks Wtb. II[4] 228). *ai* mag für *ei* substituiert worden sein, sei es weil der erste Bestandteil der Diphthongs bei den Kelten sehr offen gesprochen wurde oder, was wahrscheinlicher, weil die Römer zur Zeit der Entlehnung kein diphthongisches *ei* mehr besassen, sondern dies schon in geschlossenes *ē* hatten übergehen lassen. In der zweiten Hälfte des 3. Jahrhunderts v. Chr. war dieser Wandel ohne Zweifel schon vollzogen, es steht sonach nichts der Annahme im Wege, dass die Römer Sache und Wort bei Gelegenheit der Unterwerfung von Gallia cisalpina kennen lernten. Ob Brugmanns Satz (Grundriss I 56): «*ē* = idg. *ei* hat als urkeltisch zu gelten» berechtigt ist, scheint mir danach sehr fraglich, zumal da auch germ. *Rīn* neben gallisch *Rēnos* am leichtesten unter der Voraussetzung begreiflich ist, dass der Name des Flusses den Germanen noch in der ursprünglichsten Form **Reinos* bekannt wurde und bei ihnen den gemeingermanischen Übergang von *ei* in *ī* mitmachte; die Chronologie der ältesten germanischen Geschichte, wie sie gegenwärtig bestimmt wird, stellt dem keinen Widerspruch entgegen: nach Kossinna Paul und Braunes Beitr. XX 297 fällt die Besetzung des rechtsrheinischen Gebietes durch die Germanen etwa ins 3. Jahrhundert v. Chr., nach R. Much ib. XVII 62 sogar schon ins 5., doch ist dieser Ansatz wohl zu hoch gegriffen. — In *scaena* wird das *ae* durch *scaina* CIL. I 1280 als wirklicher Diphthong erwiesen; gr. *σκᾱνά σκηνή* muss also auf dem Wege zu den Römern, dessen Verlauf un unbekannt ist, diese Umgestaltung erlitten haben.— Auf *Saeturnus* CIL. I 48 (*Sateurnus* Paul. Fest. 477, 1 Th. d. P. wohl daraus verschrieben) will ich mich nicht berufen, da sein Verhältnis zu *Sāturnus* auch nach Brugmann Morph. Unt. I 38 und Maurenbrecher Archiv f. latein. Lexikogr. VIII 292 f. dunkel bleibt.

schen Sprachen weitverbreiteten Ableitungen von der Wurzel *u̯ē* «wellen» an, die das Reinigen des Getreides von der Spreu, das durch Werfen der Körner gegen den Wind vollzogen wird, das «Windigen» bezeichnen. Solche sind:

in den slavischen Sprachen die modernen Nachkommen von urslav. *vějati (vi̯jati)* «wehen», die auch «worfeln» bedeuten: serb. *vijati,* neuslov. *vêjati,* russ. *vějati,* poln. *wiać,* čech. *váti víti* nebst den Nomina instrumenti wie neuslov. *vêvnica,* russ. *vejalo,* poln. *wiejaczka wiejadło,* čech. *vějice* «Worfschaufel, Kornschwinge»;

im Litauischen *vėtau vė̃tyti* «worfeln» nebst *vėtỹklė* «Worfschaufel», die von der Weiterbildung der Wurzel mit *t* abgeleitet sind, die in ai. *vā́tas,* gr. *ἀήτη ἀήτης* aus **ἀϝητ-* und in lit. *vė́tra* altbulg. *větrŭ* erscheint;

im Germanischen got. **vinthjan* in *disvinthjan* «auseinanderwerfen» *vinthi-skaúro* «Worfschaufel», ags. *windwian* «schwingen, wannen», ahd. *wintôn* «worfeln» *winta* «Worfel»;

im Lateinischen *vannus* «Getreide-, Futterschwinge», *vannō* «worfele», deren *nn* allerdings der Erklärung nicht geringe Schwierigkeiten bereitet. W. Meyer (KZ. XXVIII 165) geht von *ndn,* Froehde (Bezz. Beitr. XVI 197 f.) von *ntn* aus, beide unter Bezugnahme auf Kluges Deutung von ahd. *wanna* aus **wanthna.* Da aber die eben genannten germanischen Ausdrücke klärlich alle Ableitungen von dem Substantivum urgerm. **windhaz* «Wind» sind und wir kaum das Recht haben bei diesem eine Nebenform mit *a* vorauszusetzen, so empfiehlt es sich mehr *wanna* als Lehnwort aus lat. *vannus* aufzufassen (vgl. Kluge selbst Pauls Grundriss der german. Phil. I 312. Etym. Wtb.[5] 396). Für *vannus vannō* sind mir als Grundformen die schon von Vaniček griech.-lat. etym. Wtb. 854 vermuteten **vă̄t-nos *vă̄t-nō* am wahrscheinlichsten; ihr **u̯ăt-* verhält sich zu *u̯ēt-* wie *u̯ăd-* in gr. *ἀάζω* „hauche" aus **ἀϝᾰδ-i̯ω* zu *u̯ēd-* in ahd. *wāsan* „blasen, wehen". Wozu ererbtes *tn* im Lateinischen lautgesetzlich umgestaltet worden ist, ist eine noch strittige Frage; nach Johannes Schmidt (Pluralbild. d. Neutr. 174 f.) und Froehde (Bezz. Beitr. XVI 196 f.) zu *nn (penna* aus **pet-nā*=cymr. *etn, annus* aus **at-nos* = got. *athn),* nach Thurneysen (KZ. XXVI 301 f.) zu *nd (tendo* aus **te-tn-ō, pandō* aus **pat-nō).* Trifft die erstere Annahme zu, so sind *vannus vannō* ohne weiteres verständlich, ist die letztere richtig, so wären sie zu beurteilen wie *grunnire* neben *grundire, tennitur* (Terenz) für *tend-, dispennite* (Plautus) für *pand-* u. a., d. h. ihr *nn* für *nd* stünde im Zusammenhang mit dem gleichartigen oskisch-umbrischen Lautwandel, sie hätten also ihre Heimat auf dem Lande und wären erst von da in die Stadt gewandert; das würde gut zu ihrem Charakter als landwirtschaftliche Wörter passen, und der Fall wäre derselbe wie bei *bōs lupus* u. a. — Sodann *vē-lō* «worfle», bezeugt durch Paul. Fest. 54, 29 Th. d. P. *evelatum* eventilatum, unde *velabra,* quibus frumenta ventilantur. Endlich *ventilo* «schwinge Getreide, schwinge (allgemein)», *ventilābrum* «Worfschaufel».

Gegen *ϝ* als ursprünglichen Anlaut von *αἴνω* wird man schwerlich *ἄναντα* mit seinem *ἀν-* ins Feld führen wollen; es findet Parallelen in *ἀνέλπιστος ἀνᾰ́λωτος*, die ebenfalls schon dem 5. Jahrhundert angehören, und ist wie diese offenbar erst nach Verstummen des *ϝ* gebildet. Spiritus asper als Vertreter des Digamma ist aus zahlreichen Beispielen bekannt: *ἧλος ἑκών ἕργω ἕρση ἕννυμι εἷμα ἕσπερος ἑστία ἵστωρ ὁρᾶν* u. s. w. Das anlautende *ἀ-* in der vorausgesetzten Grundform **ἀ-ϝᾰν-έω* steht auf einer Stufe mit dem in **ἄϝημι* = ai. *vā́mi;* dabei mag hier unerörtert bleiben, ob es erst im Sonderleben des Griechischen dem *ϝ* vorgeschlagen ist oder auf einer ältesten Wurzelform *ău̯* (in *αὔρα* und sonst) beruht, zu der sich *u̯ēi̯-* (s. u.) verhält wie *sēi̯-* zu *a^x s-* in ai. *ásyati* «wirft». Haben wir auf grund des *ἀφανει* im Ravennas *ἅ̧νεῖν* anzusetzen, so lässt sich der Spiritus asper als übertragen von *αἴνω* rechtfertigen; man vergleiche *εἵργω εἵργνυμι* aus **ἐ-ϝεργ-*, die den rauhen Hauch von *ἕργω* übernommen haben müssen.

Was die Stammbildung angeht, so erscheint ein mit Nasal gebildetes Praesens auch in den westslavischen Sprachen: poln. *wionąć*, čech. *vanouti* «in der Luft verfliegen, zerstieben, verschwinden». Doch haben wir bei der Beschränkung dieser Form auf zwei Sprachzweige und bei der starken Produktivität, die der Praesenstypus in den slavischen Sprachen entwickelt hat, schwerlich das Recht sie als Erbgut aus voreinzelsprachlicher Zeit in Anspruch zu nehmen; auch der Vocalismus der Wurzelsilbe weist wohl darauf hin, dass sie erst in einer verhältnismässig jungen Epoche zu kürzeren Formen hinzugebildet sind: *wionąć* aus **wěn-* zu *wiać* aus **wěti, vanouti* aus **vjan-* zu *váti* aus **vjáti*. Indess steht *αἴνω* aus **ϝάνι̯ω* darum nicht beispiellos da: es verhält sich zu slav. *věją* genau wie *χαίνω* aus **χάνι̯ω* zu slav. *zěją*. Es ist mir wahrscheinlich, dass sowohl **χάνι̯ω* als auch **ϝάνι̯ω* im letzten Grunde Bildungen nach Art der altindischen 7. Klasse und des griech. *κυνέω* aus **κυ-νέ-σ-ω* (vgl. *κύσσων ἔκυσσε;* Johansson de deriv. verb. contr. 109. W. Schulze quaest. ep. 79 Anm. 1. Kretschmer KZ. XXXI 470), d. h. durch Infigierung von *ne* in die Wurzeln *ghēi̯* und *u̯ēi̯* entstanden sind. Wurzel *ghēi̯* hat bereits W. Schulze KZ. XXVII 425 aus ai. *vi-hāy-as* «Luftraum», altbulg. *zěj-ą* und lat. *hi-sco hi-ō*, lit. *żi-óju*, altbulg. *zij-ają*, ahd. *gī-ēm* erschlossen[6]). *u̯ēi̯* wird durch ai. *vay-ús*, lit. *vě́j-as*, altbulg. *věj-ą* und wahrscheinlich auch got. *vaia* aus **vēi̯-ō* einerseits, durch die in den slavischen Sprachen erscheinenden Bildungen mit Tiefstufe *vĭj-* (und daraus entstandenem *vij-*): altbulg. *vij-alĭ vij-alica* «tempestas», russ. *vĭj-álica* «Schneegestöber», *vĭj-úga* «Schneesturm», *za-vĭj-átĭ* «verschneien», čech. *váti* aus **vĭj-ati* u.

[6]) Meillets neueste Behandlung von altbulg. *zěją* Mém. de la soc. de lingu. IX 137 f. überzeugt mich nicht.

s. w. andererseits nahegelegt. Durch die Einfügung von *ne* ergaben sich, wenn wir die Wirkungen des Accents zunächst nicht in Ansatz bringen, **ghē-ne-i̯-mi *ghē-ne-i̯-mes* bezw. **u̯ē-ne-i̯-mi *u̯e-ne-i̯-mes,* durch den Accent wurden sie zu **ghănéi̯mi *ghănīmés* bezw. **u̯ănéi̯mi *u̯ănīmés* umgestaltet. Die speciell griechische Überleitung in die thematische Flexionsweise führte zu **χăνει̯ω *χăνι̯ομεν, *(ἀ-)ϝăνει̯ω *ϝăνι̯ομεν.* Beide Stammgestalten konnten durch das ganze Praesens verallgemeinert werden (vgl. *ἱκνέομαι* und *ἱκάνω, ϑῡνέω* und *ϑύνω);* daher einesteils **χάνι̯ω *ϝάνι̯ω,* anderenteils **ἀϝανέι̯ω; *χανέι̯ω* ist untergegangen. Der von rechtswegen nur dem Praesens zukommende Nasal wurde schliesslich ebenso wie in **φά-νι̯ω *πλύ-νι̯ω *κλί-νι̯ω* u. a. nach dem Vorbilde von **κάν-ι̯ω *μάν-ι̯ω *τέν-ι̯ω *κτέν-ι̯ω* u. a. als zur Wurzel gehörig aufgefasst und in die ausserpraesentischen Tempora übertragen.

Praesentia wie **χάνι̯ω *ϝάνι̯ω* sind von besonderer Wichtigkeit, weil sie zeigen, wie auch in dem Formensystem von *ēi̯-* Wurzeln sich rein lautgesetzlich Bildungen mit *ă* als Tiefstufenform einstellen konnten. Zweifellos haben sie das ihrige beigetragen zu dem Übertritt ursprünglicher *ā̆i-* Wurzeln in die Bahnen reiner *ā̆-* Wurzeln, für den wir in historischer Zeit so viele Beispiele antreffen. *χάσκω* z. B. ist für älteres **χίσκω* = lat. *hīsco* gewiss nach **χάνι̯ω* eingetreten auf grund von Musterfällen wie *βάσκω* neben **βάνι̯ω.* Auch an der in viel ältere Zeit zurückreichenden Schöpfung von *u̯ăt- u̯ăd-* neben *u̯ēt- u̯ēd-* (s. o.) und von **u̯ă-tlóm* (in ahd. *wadal wedil)* mag **u̯ănéi̯mi* nicht ohne Anteil sein. Es liesse sich über diesen Punkt und über die Rolle, die Bildungen wie **χάνι̯ω *ϝάνι̯ω* aller Wahrscheinlichkeit nach bei der Umformung der idg. Nasalpraesentia im Griechischen gespielt haben, noch manches sagen, doch würde das die Grenzen, die diesem Aufsatz gesteckt sind, weit überschreiten. So sei zum Schluss nur noch eines bemerkt. Aus den vorstehenden Auseinandersetzungen geht hervor, dass die Wurzel *u̯ē(i̯)* keineswegs mit Hübschmann idg. Vocalsystem 43 f. 84 ff. zu den «starren» zu rechnen ist, sondern im Gegenteil reich entfalteten Ablaut aufweist. Es befremdet deshalb im ersten Augenblick, dass sowohl im Altindischen wie im Griechischen die starke Wurzelgestalt in allen Formen des Praesens der 2. Klasse durchgedrungen ist *(vātas* 3. Du. *vanti vāhi; ἄητον ἄεισι* aus **ἄϝηντι ἄηται ἄητο).* Bedenkt man aber, dass in der Sprache des Lebens bei diesem Verbum die 3. Sg. als Praedicat zu dem Subjekt «Wind» an Häufigkeit sicherlich alle anderen Formen zusammengenommen bei weitem übertroffen hat, so versteht man es, dass sie auch ihre Wurzelform den anderen mitgeteilt hat.

OBSERVATIONES CRITICAE IN HYMNOS ORPHICOS.

Scripsit N. Novossadsky.

Cum codices, quibus hymni Orphici continentur, plurimis mendis scateant, nondum omnia in eis sanata sunt multaque supersunt, quae correctione egeant. Qua re ductus nonnullos versus corrigendos hic propono, qui non recte intellecti esse mihi videntur.

Hymni II versus 4[1]) in libris manu scriptis ita traditus est:

ὠκυλόχεια, παροῦσα νέαις θνητῶν, Προθυραία,

quae verba Ruhnkenius hoc modo correxit:

ὠκυλόχεια, παροῦσ' ἀνίαις θνητῶν, Προθυραία.

Sed ne ipse Ruhnkenius quidem coniectura sua contentus fuit et in secunda «Epistolarum» editione defendere eam noluit. Et re vera quae Ruhnkenius legenda esse censuit nec sensui nec metro apta sunt, quamobrem miror, quod Hermannus, Abelius, alii Orphicorum editores in textum eam inferre non dubitaverunt. Quid enim illud *παρεῖναι ἀνίαις θνητῶν* sibi vult, nisi doloribus hominum adesse, cum hoc loco de puerperarum, non universe de humanis doloribus agatur? Praeterea admisso vocabulo *ἀνίαις* tertius pes creticus, non dactylus efficitur, nam in voce *ἀνία* penultimam syllabam in hymnis Orphicis longam esse satis constat[2]). Itaque coniectura Ruhnkenii, cum his mendis laboret, reicienda est.

Neque efficacius in hac re G. Hermannus versatus esse mihi videtur, qui versum, de quo tractamus, ita legendum proposuit:

ὠκυλόχει', ἐπαρώγ' ἀνίαις θνητῶν, Προθυραία.

Qua de coniectura textui satis audacter inserta haec in adnotatione scribit: «sed *παροῦσα*, quod *παρέουσα* esse debebat, movit me, ut levissima mutatione *ἐπαρώγ' ἀνίαις* scriberem. Hymn. XVIII 9 (sic pro XXVIII 9) *ἐργασίαις ἐπαρωγέ*. XLVIII 6 *εὐμενέων ἐπάρωγος ἐπέλθοις μυστιπόλοισιν*». At non animadvertit vir doctissimus formas *ἐών* et *ὤν*, *ἐοῦσα* et *οὖσα* promiscue in hymnis Orphicis occurrere. Neque absunt ab eis versus, ubi

[1]) Hymnorum et versuum numeros ubique secundum E. Abelii editionem adfero (Orphica, Lipsiae-Pragae 1885).

[2]) Orph. Hymn. II, 11: *ἐν γάρ σοι τοκετῶν λαθικηδέες εἰσὶν ἀνῖαι.*
Hymn. XLI, 3: *ἥ ποτε μαστεύουσα πολυπλάγκτῳ ἐν ἀνίῃ.*

formae ὤν, οὖσα, non ἐών, ἐοῦσα metro postulentur[1]). Quod cum ita sit, nullam habuit causam, cur παρεοῦσα forma «motus» eam corrigeret.

Tum mutationem ἐπαρωγ' ἀνίαις pro παροῦσα νέαις non esse «levissimam», ut Hermanno placet, sed audacissimam nemo est quin videat. Exemplis autem ab eo adlatis ἐπαρωγ' ἀνίαις hoc loco dictum esse minime convincitur. Denique fugit Hermannum ἐπαρωγ' ἀνίαις θνητῶν non solum in metrum non cadere, sed etiam cum sententia huius loci non convenire; nam, ut supra dixi, non de humanis in universum, sed de puerperarum tantum doloribus hic agitur, quam rem et totius hymni sensu et versu eius undecimo (ἐν γάρ σοι τοκετῶν λαθικηδέες εἰσὶν ἀνῖαι) praecipue edocemur. Quae cum ita sint, ne in Hermanni quidem coniectura acquiescendum esse apparet.

Neque codicum scripturam integram esse credimus, etsi Jo. M. Gesnerus defendere eam voluit, cum haec scriberet: «sed νέαις proprie adest Prothyraea, Nymphis, nuribus, mulierculis ad pariendum aptis et in eo occupatis, quibus se praestat ὠκυλόχειαν, accelerantem partus»[2]). Num νέαι tantum ad pariendum aptae sunt? Num νέαις tantum adsit Prothyraea necesse est? Nonne denique parum apte dictum est νέαι θνητῶν?

Codicum lectio παρουσανεαις ex παρουσαγοναις exorta esse mihi videtur et hoc quidem modo: cum scriba syllabam γο forte omisisset, — quod haud raro fit, — παρουσαναις extitit, quem errorem posterior scriba facillima emendatione, quae ei aptissima visa est, in παρουσανεαις mutavit. Ex hac fonte ea quam nunc habeamus lectio fluxisse mihi videtur. Itaque totum versum hoc modo legendum esse censeo:

ὠκυλόχεια, παροῦσα γοναῖς θνητῶν, Προθυραία.

Hymn. IX, 12 legitur:

λαμπομένη, σώζουσα νέους ἱκέτας σέο κούρη.

Hic versus item correctus est coniectura Ruhnkenii, quem plerique Orphicorum editores secuti sunt. Libri autem manu scripti, quotquot Orphicorum editoribus innotuerunt, lectionem τεοὺς ἱκέτας ἐσλοκούρη praebent[3]). Unde haec vitiosa lectio, quam tamen Lobeckius defendere conatus est[4]), orta sit, divinare non possum. Notandum tamen est et hunc versum et alios quosdam huius hymni versus in codice bibliothecae Parisinae Natio-

---

1) Orph. Hymn. VII, 6: μοιρίδιοι, πάσης μοίρης σημάντορες ὄντες.
Hymn. LXXVIII, 8: ὅς φεύγει τὴν σὴν ὄψιν καθυπέρτερον οὖσαν.

2) Orphei Argonautica, Hymni etc., rec. Jo. M. Gesnerus, curante Ge. Christo Hambergero, Lips. 1764.

3) V. E. Abel, Orphica, adnot. ad v. c. Cf. G. Hermannus, Orphica, adnot. ad v. c.

4) Lobeck, Ch. A. De Tritopatoribus, Regim. 1821, p. 11. Gesnerus illud ἐς λοχούρη in editione sua retinuit.

nalis, manuscr. du fond grec, n° 1739, aliter legi. Cum hic codex nondum ab ullo, quantum scio, Orphicorum editore consultus sit[1]), totum hymnum IX, ut in eo exaratus est, adferre non esse inutile arbitror.

Κλῦθι, θεὰ βασίλεια, φαεσφόρε, δῖα Σελήνη,
ἐννυχίη[2]), *δᾳδοῦχε, κόρη εὐάστερε, Μήνη,*
αὐξομένη καὶ λειπομένη, μῆτέρ τε χρόνοιο,
λαμπετίη, χαριδῶτι[3]), *τελεσφόρε*[4]), *νυκτὸς ἄγαλμα,*
ἀστράρχη[5]), *τανύπεπλ', ἑλικοδρόμε, πάνσοφε κούρη,*
ἐλθέ, μάκαιρ', εὔφρων, εὐάστερε, φέγγεϊ τῷ σῷ
λαμπομένη, σώζουσα τεοὺς ἱκέτας φερέκαρπε.

Hunc hymnum si quis cum eodem hymno ab Abelio et omnibus qui eum praecesserunt Orphicorum editoribus typis tradito contulerit, utrumquè inter se haud parum differre videbit: absunt enim in codice, cuius mentionem feci versus 2, 5, 6, 7, 8; praeterea posteriore parte v. 3 (4 Abel) et v. 7 (12 Abel) alia verba continentur. Etsi de origine illius *ἑσλοκούρη* hoc codice non edocemur, tamen hymnum IX ea forma, qua in eo invenimus, ut breviorem et simpliciorem, ita minus interpolatum esse putamus[6]).

Hymn. X, 10: *αὐτοπάτωρ, ἀπάτωρ, ἀργής, πολύγηθε, μεγίστη.*

Ita hunc versum Abelius in Orphicis suis edidit[7]), codices vero, quos inspexit, ut ipse in adnotatione testatur, *ἀρετῇ* praebent. Sed cum iota subscripti et accentus, quae in codicibus plerumque perverse ponuntur, nullam rationem habere debeamus, optimo iure *αρετη* legere possumus, qua in voce epitheton *ἐρατή*, quod saepe in hymnis Orphicis numinibus adponitur[8]), latere suspicor.

Neque *πολύγηθε* vox sana esse mihi videtur, nam in his hymnis ubique forma *πολυγηθής*, nusquam *πολύγηθος* occurrit[9]). G. Hermannus *πολύμητι* scribendum esse coniecit, qua in re ei adsentior, cum *πολύμητι* lit-

---

1) In codice n° 1789, p. 260 V—263 V hi et hoc ordine disposita continentur Orphei carmina: *Εὐχή*, Hymn. XV, XVI, XVII (eadem forma, quam hic hymnus in codice Thryllitiano habet), XXXVI, XXXIV, LXVI, XLVI, XXXII, XXXVII, VIII, IX.

2) *ἐννυχία* cod.

3) *χαριδῶπι* cod., *χαριτῶπι* Abel, sed cf. Hymn. LV, 9.

4) *κερασφόρε* Abel.

5) *ἀστάρχη* cod.

6) Non fugit nos hunc hymnum cum eodem hymno codicis Thryllitiani summam similitudinem referre.

7) G. Hermannus: *αὐτοπάτωρ, ἀπάτωρ, ἄρσην, πολύμητι, μεγίστη.* Jo. M. Gesnerus: *αὐτοπάτωρ, ἀπάτωρ, ἀρετὴ πολύγηθε μεγίστη.*

8) E. 17; Hymn. XL 7; LXVIII 1; LXX 3.

9) XXVI 10; XLIV 3; L 4; LI 3; LXVIII 4; LXXV 1.

terarum formis multum ad πολύγηθε accedat, totumque versum ita legendum esse propono:

αὐτοπάτωρ, ἀπάτωρ, ἐρατή, πολύμητι, μεγίστη.

Hymn. X, 26 legitur:

ἄτρομε, πανδαμάτειρα, πεπρωμένη αἶσα, πυρίπνους.

Mirum videtur illud ἄτρομε cum sequentibus verbis coniunctum, ubi Naturae,— in eius enim honorem hymnus compositus est,— vis inexpugnabilis praedicatur. Quid enim notioni, quae ἄτρομε adiectivo exprimitur, cum proximis epithetis est commune? Quis sententiarum ordo aut nexus? Omnia plana erunt, si una littera mutata ἄτροπε pro ἄτρομε legeris:

ἄτροπε, πανδαμάτειρα, πεπρωμένη αἶσα, πυρίπνους.

Hymn. XXVI, 4: ἕδρανον ἀθανάτου κόσμου, πολοποίκιλε κούρη.

Hoc hymno Terra omnium mater et nutrix celebratur, quam auctor etiam immortalis Mundi sedem nuncupat. Hunc autem Mundum omnes Orphicorum editores appellativa notione acceperunt, repugnante, ut puto, sensu: nam quomodo terra, cum ipsa mundi pars sit, totius mundi sedes et receptaculum appellari potest? Hac ratione ductus Κόσμον non esse l. c. appellativum, sed proprium dei Κόσμου nomen arbitror[1]), quod et voce ἀθάνατος, proprio deorum epitheto, monstratur et ex hymn. XVIII 7, XIX 3, ubi terra ἕδρανον ἀθανάτων, παμμακάρων ἕδρανον dicitur, et ex Theogoniae Hesiodeae vers. 117 sqq. cum hoc versu collatis[2]) aperte elucet. Unde hunc versum scribas:

ἕδρανον ἀθανάτου Κόσμου, πολυποίκιλε κούρη.

Hymn. XXX, 8: κλῦθι, μάκαρ, φωνῆς, ἡδὺς δ' ἐπίπνευσον ἀμεμφής.

Non solum ἐπίπνευσον, sed etiam ἐπίνευσον in libris manu scriptis legitur. Hoc etiam H. Stephano notum erat, qui primus, quantum scio, pravam lectionem ἐπίπνευσον meliorem esse iudicavit, Stephanum autem alii posteriores secuti sunt. Quin etiam G. Hermannus, vir doctrina et ingenio insignis, ἐπίπνευσον legendum esse contendit: «veram lectionem ἐπίπνευσον esse ex H. LXXI 5 et LXXXIV 8 intelligitur». Sed hymno LXXXI in Zephyri honorem composito preces ad auras continentur, quas

1) Cf. E. Petersen, Ueber den Ursprung d. unter Orpheus Namen vorhandenen Hymnen, Philologus, XXVII (1868), 402.

2) Γαῖ' εὐρύστερνος, πάντων ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ ἀθανάτων etc.

ἐπιπνεῖν haud dubie magis par est, quam Dionysum, hymno XXX celebratum; in hymno autem LXXXIV versus 8[1]), mea quidem opinione, non est integer; non enim *πνεῖν*, sed *πέμπειν ὄλβον* in hymnis Orphicis dicitur[2]). Nulla igitur ratio est, dubia similitudine in his hymnis cum hymno XXX, 8 admissa, *ἐπίπνευσον* hoc in loco legendi, quod naturae Dionysi non convenit, nam Bacchus ab Orphicis ventorum deus nusquam habetur. Haec obstant, ne cum Stephano, Hermanno, Abelio, aliis consentiam.

Ad genuinam autem lectionem *Χρησμοὶ τῶν ἑλληνικῶν θεῶν* a K. Buresch editi[3]) nos perducunt, ubi hos versus legimus:

εἴ γέ τις ἱλάσσαιτο θεὸν μέγαν ἠδὲ παράσχοι,
σῶμ' ἀγαθόν, τοῦδ' ἔκλυε καί οἱ κάρτ' ἐπένευσεν.

Similes locos, ubi homines orant, ut deus supplicibus adnuat, quod *νεύειν* sive *ἐπινεύειν* graece dicebatur, apud multos auctores a Pindaro ad ignotos usque carminum magicorum poetas uberrima manu dissipatos invenimus[4]). Forma autem *ἐπίνευσον* restituta, pro *ἀμεμφής*, quod Abelius in editionem suam ex Lobeckii coniectura recepit, *ἐνηής*, quod in nonnullis libris et manu scriptis et prelo traditis occurrit, ipso metro postulatur. Quae cum ita sint, versus de quo tractamus hoc modo legendus est:

κλῦθι, μάκαρ, φωνῆς, ἡδὺς δ' ἐπίνευσον ἐνηής,

qua in re ad Juntae, Eschenbachii, Gesneri editiones recedimus.

Hymni XXXII versum 3 Abelius sic edidit:

ἀρρήτη, ῥητή, μεγαλώνυμος, ἀντροδίαιτε.

In codicibus autem, ut ipse testatur, *ἀρρητερρητή* scriptum est, unde apparet esse legendum:

ἄρρητε, ῥητή, μεγαλώνυμος, ἀντροδίαιτε,

quod metro non repugnat, nam breves vocales ante liquidas consonantes etiam apud Homerum et Hesiodum in arsi productas videmus. Potuit quoque auctor hymni *ἄρρητος, ῥητή* dicere, saepe enim nominativi formis pro vocativo utitur.

---

1) *Ὄλβον ἐπιπνείουσα ⟨Ἑστίη⟩ καὶ ἠπιόχειρ' ὑγίειαν.*

2) Orph. Hymn. XXII 7 sq.:

ἀλλά, μάκαρ, σεισμοὺς μὲν ἀπότρεπε, πέμπε δὲ μύσταις
ὄλβον τ' εἰρήνην τε καὶ ἠπιόχειρ' ὑγίειαν. Cf. Hymn. XXIV 9.

3) K. Buresch, Klaros, Leipz. 1889, p. 102 § 26.

4) Pind. Pyth. I 136 (71): *λίσσομαι νεῦσον, Κρονίων.* Anthol. Palat. IX, 437 v. 18 (Theocriti): *νεύοι δ' εὐμενέως ὁ θεός.* Procli hymn. IV 5 sq. Abel:

κλῦτε, σαωτῆρες μεγάλοι, ζαθέων δ' ἀπὸ βίβλων
νεύσατ' ἐμοὶ φάος ἁγνὸν ἀποσκεδάσαντες ὁμίχλην.

C. Wessely, Griech. Zauberpapyrus, l. 945: *νεῦσον ἐμοί, λίτομαι.*

Hymn. XLIII, 6 vulgo legitur:

πέπλους ἐννύμεναι δροσεροὺς ἀνθῶν πολυθρέπτων.

In codice bibliothecae Parisinae Nationalis, suppl. grec, n° 132, qui Angeli Vergetii manu conscriptus est, pro πολυθρέπτων inest πολυτερπτῶν, quam genuinam lectionem esse puto.

Hymn. LV, 20 sq.

ἢ καὶ κυκνείοισιν ὄχοις ἔπι πόντιον οἶδμα
ἐρχομένη χαίρεις κητῶν κυκλίῃσι χορείαις,
ἢ νύμφαις τέρπῃ χαλυκώπισιν ἐν χθονὶ Δίῃ etc.

His in verbis Abelius, ut ex ipso scribendi modo apparet, Δῖαν pro nomine proprio cuiusdam regionis, in qua cultus Veneris praecipue insignis fuit, accepit. Eodem modo hunc locum et Hermannus intellexit (ἐν χθονὶ Δίᾳ) et Gesnerus, qui etsi ἐν χθονὶ δίᾳ scripsit, in adnotationibus tamen haec addidit: «Δία hic proprium antiquum Naxi insulae esse non dubito. in qua cum Baccho oblectari hic dicatur Venerem (!). Vid. Apoll. 4, 425 ubi Charites, Veneris comites, peplum texuere Baccho. Servavit ibi (?) scholiasta, Fragm. Callim. n. 163 Bentl». Sed frustra Gesnerus tantum acuminis in re tam ingrata posuit, cum vocem δῖαν non ullius regionis nomen, sed epitheton terrae hoc loco esse non sit dubium. Quid? Nonne haec fere verba hymnus <Homericus> in Terrae honorem compositus nobis refert?

ἠμὲν ὅσα χθόνα δῖαν ἐπέρχεται ἠδ' ὅσα πόντον[1]).

Hymn. LXII, 10 sq.:

ἀλλά, θεά, μόλ' ἔπι γνώμαις ἐσθλῇσι δικαίη,
ὡς ἂν ἀεὶ βιοτῆς τὸ πεπρωμένον ἦμαρ ἐπέλθῃ.

W. Kroll pro ὡς ἂν — φῶτ' ἂν legendum esse censuit, quod hisce rationibus fulcit: «non adeo advenit dea, ut vitae hominis terminum ponat, sed ut mortuis ius dicat: pro ὡς ἂν malim φῶτ' ἂν»[2]). Etsi rationibus a Krollio adlatis adsentior, propius tamen ad textum libris manu scriptis traditum accedere οἷς ἂν mihi videtur.

Hymn. LXV, 1:

Ἄρρηκτ', ὀβριμόθυμε, μεγασθενές, ὄβριμε δαῖμον.

Ita perperam edidit Abelius, cum nescio quo in codice, — hoc enim

[1]) Hymni Homerici, XXX, 3 Baumeist.
[2]) Philologus, LIII (1894), 421.

celare nos voluit, — ὄμβριμε invenisset. Sed in editionibus Juntae, Eschenbachii, Gesneri, Hermanni ἄλκιμε δαῖμον impressum est, quae lectio haud dubie codicibus, qui eis innotuerunt, nititur[1]). Ad hanc igitur lectionem recedendum esse puto, cum eandem deos advocandi formulam in aliis hymnis Orphicis inveniamus[2]). Notum enim est scriptorem carminum Orphicorum eisdem verborum copulationibus, eisdem precandi formulis uti solitum esse. Praeterea restituta voce ἄλκιμε pro ὄβριμε ingrata auribus concursio sonorum ὀβριμόθυμε — ὄβριμε, quam alias in his hymnis non videmus, prospere tollitur.

Hymn. LXXII, 1: *Δεῦρο, Τύχη· καλέω σ', ἀγαθὴν κράντειραν ἐπ' εὐχαῖς.*

Hermannus et Abelius frustra ἐπ' εὐχαῖς a verbo καλεῖν per comma disiunxerunt, nec recte hunc versum intellexit A. Dieterich, vir doctissimus, qui nescio qua auctoritate aut ratione nisus *Δεῦρο, Τύχη, καλέω σ' ἀγαθήν, κράντειραν ἐπ' ἔργοις* scribit[3]). Sed illud ἐπ' εὐχαῖς, quod nullo modo est mutandum, cum verbo καλέω arctissime est coniunctum[4]) nec separari ab eo potest. Itaque totum versum hoc modo scribendum propono:

Δεῦρο, Τύχη· καλέω σ', ἀγαθὴν κράντειραν, ἐπ' εὐχαῖς.

---

[1]) In codice bibliothecae Parisinae Nationalis, suppl. grec n⁰ 132, quem contuli, ἄλκιμε δαῖμον scriptum est.

[2]) Orph. Hymn. XII 1: *Ἥρακλες ὀβριμόθυμε, μεγασθενές, ἄλκιμε Τιτάν.* Cf. XIII 2: *μεγασθενές, ἄλκιμε Τιτάν.*

[3]) A. Dieterich, De hymnis Orphicis, Marp. Gatt. 1891, p. 29.

[4]) Cf. Hymn. XXVI 1: *ἐπ' εὐχαῖς ταῖσδε κικλήσκω.* Cf. Wessely, Griech. Zauberpap. l. 2752: *καλῶ σε ἐπ' ἐμαῖς ἐπαοιδαῖς.*

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИМЕНИ ГОРОДА КЕРЧИ.

Ю. А. Кулаковскаго.

I.

Столица древняго боспорскаго царства, нынѣшняя Керчь, начала свою исторію подъ именемъ *Παντικάπαιον*, Пантикапеи, какъ принято у насъ передавать это имя. Названіе пролива, на берегу котораго расположенъ этотъ городъ, *Βόσπορος*, Боспоръ, перенесено было на политическое цѣлое, имѣвшее здѣсь свой центръ. Его властители изъ династіи Спартокидовъ назывались архонтами Боспора, а позднѣйшіе — царями его, какъ засвидѣтельствовано то и другое въ современныхъ записяхъ на камнѣ[1]). Аѳиняне, поддерживавшіе живыя сношенія съ этой отдаленной страной въ IV вѣкѣ до Р. Х., смѣшивали имена царства и его столицы и примѣняли наименованіе Боспоръ къ городу. Такое утвержденіе можно сдѣлать на основаніи двухъ мѣстъ въ рѣчи Демосѳена *adv. Lept.* § 33: *ἐμπόριον Θεοδοσίαν ὅ φασιν οἱ πλέοντες οὐδ᾽ ὁτιοῦν χεῖρον εἶναι τοῦ Βοσπόρου* (cf. 32). Но позднѣе въ географическихъ произведеніяхъ греческихъ авторовъ появляется настоящее имя города. Древнѣйшее для насъ упоминаніе о Пантикапеѣ принадлежитъ Скимну Хіосскому, который опредѣленно различаетъ имя царства и столицы[2]). Въ одномъ эпиграфическомъ памятникѣ, современномъ Митридату Великому, -- декретѣ херсонесцевъ въ честь Діофанта, городъ носитъ свое подлинное имя[3]). Этимъ именемъ зовутъ его Страбонъ[4]), Діодоръ[5]) и всѣ послѣдующіе географы и историки: Плутархъ[6]), Арріанъ[7]), Аппіанъ[8]),

---

[1]) Латышевъ, I. R. B., н. 6. *ἄρχοντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης* (Левконъ, сынъ Сатира, 387—347 до Р. Х.), н. 1 *ἐν παντὶ Βοσπόρῳ* (въ декретѣ Пэрисада I, 347—309 до Р. Х.); ср. 10, 11, 12, 15, 36,42 — Рископоридъ II, надпись 221 года по Р. Х. — *βασιλέα Βοσπόρου καὶ τῶν πέριξ ἐθνῶν*, 355 — Рископоридъ I, надпись 71 года по Р. Х. — *κ[ύρι]ον τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου*

[2]) v. 835. *Ἔπειτ᾽ ἐπ᾽ αὐτοῦ στόματος Μαιώτιδος*
Λίμνης τὸ Παντικάπαιόν ἐστιν ἔσχατον,
Τοῦ Βοσπόρου βασίλειον ωνομασμένον.

[3]) Латышевъ, I. P. E., I н. 185, v. 41.

[4]) *Geogr.* VII 4, 4.

[5]) XX 23, 8; 24, 2.

[6]) Plut. *de repugn. stoic.*, c. 20 (Латышевъ, Scythica et Caucasica, I, p. 498).

[7]) *Peripl. Ponti Eux.* § 29.

[8]) *Bell. Mithr.*, c. 107 (В. Латышевъ, Sc. et Cauc., I, p. 531).

Птолемей[9]), Кассій Діонъ[10]). Точно такъ же и писатель много болѣе поздній, Амміанъ Марцеллинъ, приводя историческую справку о возникновеніи этого города (XXII 8, 26), знаетъ его только подъ исконнымъ его именемъ: Quorum (Cercetarum) post terga Cimmerici agitant incolae Bospori, ubi Milesiae sunt civitates, harumque velut mater omnium Panticapaeum.

Но то перенесеніе имени царства на столицу, которое существовало въ вѣкъ Демосѳена, появилось опять у римлянъ въ ту пору, когда Боспоръ вошелъ въ кругозоръ римской политики, т.-е. во время второй войны съ Митридатомъ Великимъ. Цицеронъ въ своей рѣчи *pro Murena*, произнесенной въ годъ смерти Митридата (63 до Р. X.), въ случайномъ упоминаніи о великомъ врагѣ Рима выражается такъ (§ 34): qua ex pugna cum se ille eripuisset et Bosporum confugisset, разумѣя подъ именемъ Боспора, очевидно, городъ. Подъ тѣмъ же именемъ знаетъ его и Проперцій, III, 11, 68: At modo Pompeia, Bosphore capta, manu. Поэта не заботитъ, конечно, то обстоятельство, что Помпей не доходилъ самъ до этихъ предѣловъ, и подчиненіе Боспора Риму обошлось безъ появленія въ немъ римскаго войска[11]). Поминаетъ имя Боспора и Овидій, но неизвѣстно, разумѣлъ ли онъ подъ нимъ городъ или страну, *Trist.* III 4, 49:

......Bosporos et Tanais Scythicaeque paludes,
Vix satis et noti nomina pauca loci.

Примѣненіе имени Боспора для обозначенія города Пантикапеи удерживалось и въ послѣдующее время, какъ ясно то изъ свидѣтельства Плинія. Подлинное имя города извѣстно Плинію (Circa Bosporum Cimmerium in Panticapaeo urbe, *h. n.* XVI 137), но въ своемъ очеркѣ географіи онъ даетъ свѣдѣніе о существованіи въ литературномъ обиходѣ и другого имени: Panticapaeum, quod aliqui Bosporum vocant, IV 78. Свидѣтельство одной ольвійской надписи конца II или начала III вѣка по Р. X., а именно: декрета въ честь Ѳеокла, сына Сатирова[12]), позволяетъ заключить, что и въ живой рѣчи того времени имя Боспоръ примѣнялось къ городу. Въ числѣ 19 городовъ, удостоившихъ Ѳеокла почетныхъ золотыхъ вѣнцовъ за его заслуги, названъ и *Βόσπορος*[13]). Существованіе двухъ именъ для обозначенія столицы Боспора продолжалось и въ IV вѣкѣ, какъ засвидѣтельствовано это одной ошибкой, которую допустилъ въ свое изложеніе современникъ Амміана Марцеллина, историкъ Евтропій.

---

[9]) Птолемей даетъ имя въ женскомъ родѣ: *Παντικαπαία*, *Geogr.* VII 1, 3.

[10]) Cass. Dio 37, 12, 3.

[11]) Appian., *b. M.*, c. 107 и сл.

[12]) Латышевъ I. P. E. I, н. 22, v. 2.

[13]) О хронологіи надписи см. Boeckh, C. I. G. II, н. 2059 и Латышевъ, I. P. E. I p. 60.

Въ изложеніи о побѣдахъ Августа Евтропій сообщаетъ о покореніи имъ всѣхъ приморскихъ городовъ Понта и называетъ самыми значительными изъ нихъ два: Пантикапей и Боспоръ (in his nobilissimas Bosporum et Panticapaeum, VII 9). Такъ какъ Боспорское царство перестало существовать въ первой половинѣ IV вѣка[14]), а его столица продолжала существовать какъ самостоятельный городъ, то продолжавшее жить имя Боспора само собой сходило на обозначеніе города. Въ произведеніи географической литературы, относимомъ къ V вѣку, Периплѣ Понта Евксинскаго, приписываемомъ Арріану, въ который включены, на ряду съ данными, почерпнутыми изъ литературныхъ источниковъ, свѣдѣнія, современныя составителю, помянуто сначала имя Пантикапеи какъ города, но затѣмъ (§ 56) приведены оба имени въ такой послѣдовательности: *ἀπὸ Βοσπόρου ἤτοι Παντικαπαίου*[15]). Существовавшая съ IV вѣка въ Пантикапеѣ епископская каѳедра носила вѣроятно съ самаго начала названіе боспорской[16]). Въ вѣкъ Юстиніана имя Пантикапея исчезло изъ живого оборота. Прокопій, какъ и всѣ послѣдующіе византійскіе писатели, знаетъ лишь одно имя: Боспоръ, или Воспоръ, по тогдашнему произношенію. Только это имя знаютъ и памятники агіографической литературы[17]). Послѣднее по времени упоминаніе имени Пантикапеи принадлежитъ Стефану Византійскому; но этотъ ученый авторъ, составившій свой географическій словарь изъ разныхъ литературныхъ источниковъ, быть можетъ и самъ не чувствовалъ географическаго тожества обоихъ именъ[18]). Итакъ, обозначеніе Боспоръ возобладало и совершенно вытѣснило исконное имя древней колоніи Милета[19]).

---

14) Латышевъ, I. R. B., praef., p. LII.

15) О хронологіи памятника см. Müller., Geogr. gr. min., I, p. CXVIII. Proleg. § 199.

16) Sozom. IV 16; для болѣе поздняго времени — Georgii Cyprii *orbis descriptio*, ed. Geltzer, pp. 4; 60.

17) Vita S. Theodori Studitae, Migne, Patr. gr. XCIX p. 252; Хожденіе ап. Андрея въ страну мирмидонянъ (Васильевскій, Русско-византійскія изслѣдованія, II, стр. CCLXXXV); Theodori episcopi Alaniae Sermo Alanicus, c. 9 (Mai, Nova Bibl. Patr, t. VI, p. 385).

18) Согласно алфавитному распорядку, Боспоръ и Пантикапея помянуты въ разныхъ мѣстахъ текста. Первая цитата начинается словами: *Βόσπορος πόλις Πόντου κατὰ τὸν Κιμμερικὸν κόλπον*; здѣсь Стефанъ цитируетъ Страбона и между прочимъ слѣдующія его слова: *καὶ ἔστι τῶν μὲν Εὐρωπαίων* (т.-е. европейской части Боспорскаго царства) *μητρόπολις τὸ Παντικάπαιον*. Но во второмъ упоминаніи о томъ же городѣ, подъ словомъ *Παντικάπαιον*, авторъ не дѣлаетъ ссылки на предшествующее сообщеніе и ограничивается тѣмъ, что приводитъ нѣсколько миѳологическихъ и этимологическихъ замѣчаній изъ запаса своей учености.—Странно, что Бёкъ не замѣтилъ у Стефана второго упоминанія о Боспорѣ и въ своемъ введеніи къ надписямъ Скиѳіи,— C. I. G. II p. 98,— утверждаетъ слѣдующее: Solum Bospori nomen memorat Stephanus Byzantius.

19) Не можемъ не отмѣтить въ этой связи заблужденія, въ которое ввелъ Бёка ка-

Прежде чѣмъ итти дальше, позволимъ себѣ отмѣтить одно заблужденіе, въ которомъ оказался никто иной, какъ авторитетный изслѣдователь древнихъ судебъ Крыма, Брунъ. Въ одной изъ спеціальныхъ своихъ работъ: „О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ“ (Черноморье, II, стр. 299 и сл.), Брунъ, на основаніи словъ Евтропія, предлагалъ раздвоить Пантикапею, „Въ началѣ тутъ (т.-е. въ мѣстности нынѣшней Керчи) — говоритъ онъ было два города въ близкомъ одинъ отъ другого разстояніи... въ теченіе времени они слились въ одинъ и тотъ же городъ, который затѣмъ носилъ уже два названія... древнѣйшій Боспоръ находился, вѣроятно, къ югу отъ Керчи, окого мыса Акбуруна“ (нынѣ Павловская батарея, или керченская крѣпость).

Предположеніе Бруна лишено всякаго серіознаго основанія, такъ какъ Страбонъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлилъ мѣсто и размѣры города какъ разъ въ то время, о которомъ думалъ Евтропій въ своемъ ошибочномъ сообщеніи. Городъ, по словамъ Страбона, охватывалъ со всѣхъ сторонъ холмъ (т.-е. приморскую часть „горы Митридата“), имѣлъ акрополь (очевидно на вершинѣ горы вокругъ т. наз. „кресла Митридата“), и линія окружности города была равна 20 стадіямъ, т.-е. около $3^1/_2$ верстъ[20]).

II.

Если византійцы знали Керчь подъ именемъ Воспора, то иначе однако звучало имя этого города въ устахъ русскихъ людей, которые жили въ XI, а быть можетъ уже и X вѣкѣ по близости отъ него, имѣли съ нимъ сношенія, а быть можетъ даже и владѣли имъ. Знаменитая надпись тмутараканскаго князя Глѣба отъ 1068 года называетъ, какъ извѣстно, древнюю столицу боспорскаго царства именемъ *Кърчевъ*[21]). Новое обозначеніе не имѣетъ въ звуковомъ отношеніи ничего общаго съ обоими древними именами. Такъ какъ оно не поддается объясненію изъ русскаго языка, то вполнѣ естественно предположить, что русскіе

кой-нибудь нашъ соотечественникъ. Въ помянутомъ предисловіи къ надписямъ Скиѳіи Бёкъ утверждаетъ слѣдующее: Denique a Procopio Panticapaeum Bospori nomine vocatur et a Russis quoque subinde id quod nunc est oppidum appellatur Wospor.

[20]) Str. *Geogr.* VII 4, 4: *τὸ δὲ Παντικάπαιον λόφος ἐστὶ πάντῃ περιοικούμενος ἐν κύκλῳ σταδίων εἴκοσι· πρὸς ἕω δ' ἔχει λιμένα καὶ νεώρια ὅσον τριάκοντα νεῶν, ἔχει δὲ καὶ ἀκρόπολιν.* — Слѣдъ древняго мола видѣнъ и теперь на протяженіи саженъ 10 отъ берега.

[21]) Надпись издана много разъ. Сошлемся на изданіе Срезневскаго „Древніе памятники русскаго письма и языка“. 2 изд. 1882, стр. 24.

заимствовали его отъ туземцевъ, которыхъ они застали на Боспорѣ, или отъ властителей этого города въ ту пору, когда они впервые появились по сосѣдству отъ него. Въ поискахъ за тѣмъ народомъ, при посредствѣ котораго русскіе познакомились съ Керчью и отъ котораго они услышали имя, переданное ими на своемъ языкѣ въ формѣ *Кърчевъ*, естественнѣе всего остановиться на хазарахъ. Такъ именно и поступилъ Брунъ, коснувшійся этого вопроса въ названномъ выше спеціальномъ изслѣдованіи. „Древній Пантикапей, — говоритъ онъ (стр. 320) — обязанъ хазарамъ своимъ явно тюркскимъ названіемъ“. Такъ какъ Брунъ ограничился лишь этимъ краткимъ замѣчаніемъ, то остается совершенно неизвѣстнымъ, съ какимъ словомъ или корнемъ тюркскихъ языковъ сближалъ онъ имя *Кърчевъ*. Нельзя не прибавить по этому поводу, что хазарское происхожденіе имени, если принять его a priori, нисколько не обязываетъ искать объясненія слова *Кърчевъ* непремѣнно въ тюркскихъ языкахъ. Хазары не были чистыми тюрками, какими явились позднѣйшіе насельники нашихъ степей, печенѣги и гузы, а представляли смѣсь финской и тюркской расы[22]). Что же до предположенія, что имъ принадлежитъ переименованіе города на Боспорѣ, то оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ они владѣли крымскимъ полуостровомъ (за исключеніемъ Херсонеса и его территоріи) въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ[23]). Въ одномъ свидѣтельствѣ арабскаго писателя X вѣка, Ибнъ-Дасты, можно видѣть прямое указаніе на то, что въ пору хазарскаго владычества городъ этотъ носилъ то самое имя, которымъ стали называть его и русскіе, когда они появились въ этихъ предѣлахъ.

Въ сообщеніи о мадьярахъ Ибнъ-Даста упоминаетъ между прочимъ о томъ, что они вели торговлю славянскими невольниками, сбывая ихъ „въ одной изъ пристаней Румской земли, которая зовется *Кархъ*“. Такъ транскрибируетъ это имя проф. Хвольсонъ въ своемъ изданіи сочиненія этого арабскаго писателя и въ примѣчаніи къ этому мѣсту отожествляетъ имя *Кархъ* съ древнимъ *Каркинитомъ*[24]). Какъ извѣстно,

---

[22]) Таково положеніе Френа (Mém. de l'Acad. de S.-P., VI sér., t. I. p. 548). Единственное несомнѣнно хазарское слово, имя крѣпости *Саркелъ*, находитъ себѣ объясненіе въ языкѣ чувашей: *Schore-kil*, т.-е. бѣлый домъ, „Бѣлая Вѣжа“ русскихъ лѣтописей.

[23]) Началомъ ихъ владычества въ Крыму мы считаемъ 575 годъ, т.-е. дату взятія Боспора Турксанѳомъ, Menandri fg. cc. 43 и 45. Въ первые годы VIII в. въ Боспорѣ сидѣлъ хазарскій тудунъ по имени *Βαλγίτζις* (Theoph. Chr. p. 373 de Boor); въ половинѣ VIII в. поминается въ житіи св. Стефана Сурожскаго „князь Юрій тарханъ“, котораго проф. Васильевскій пріурочиваетъ къ Боспору (Русско-Византійскія изслѣдованія, II. 1893, стр. CCLXXXV). За дату прекращенія хазарской власти въ Крыму принимается обыкновенно 1016 годъ, хотя этому противорѣчитъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго.

[24]) Хвольсонъ, Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ etc. С.-Пб. 1869, стр. 26 и примѣч. 56, стр. 121.

мѣстоположеніе Каркинита является и доселѣ предметомъ спора между спеціалистами по топографіи Крыма, а что до тожества этого города съ „Кархомъ“ Ибнъ-Дасты, то объ этомъ не можетъ быть рѣчи уже и потому, что наши свѣдѣнія о существованіи этого города не идутъ дальше первыхъ вѣковъ нашей эры[25]). Какъ указалъ на то уже Брунъ, подъ „Кархомъ“ можно разумѣть только *Кърчевъ* тмутараканскихъ русскихъ[26]). Мы можемъ пойти дальше, а именно: усомниться въ правильности дешифровки имени города, которую далъ проф. Хвольсонъ. Въ текстѣ Ибнъ-Дасты имя города передано тремя буквами *к р х* (كرخ), что можетъ быть прочтено съ равнымъ правомъ: Кархъ, Корхъ и Курхъ. Написанія буквъ *х* и *ч* отличаются только точками (ج = *ч*, خ = *х*), и буквы эти очень часто смѣшиваются въ рукописяхъ, въ особенности, конечно, въ именахъ чужихъ народовъ и малоизвѣстныхъ мѣстностей. Весьма возможно, поэтому, что и въ текстѣ Ибнъ-Дасты дано было не *Кархъ*, какъ транскрибируетъ по своей рукописи проф. Хвольсонъ, а стояло написаніе رج, какъ оно дано у Рункеддина-Бейбарса и Ибнъ-Батуты, которое мы имѣли полное право прочесть: *Керчь* или *Корчь (-Кърчь)*[27]), такъ какъ сообщаемыя при этомъ подробности не оставляютъ никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что разумѣется этотъ именно городъ.

Подтвержденіе тому, что подъ „пристанью Румской земли „*Кархъ*“ какъ читаетъ проф. Хвольсонъ, слѣдуетъ разумѣть именно *Керчь*, можно видѣть въ томъ, что этотъ городъ служилъ невольничьимъ рынкомъ въ позднѣйшее время, какъ о томъ есть прямыя свидѣтельства. Если же Ибнъ-Даста называетъ этотъ городъ „пристанью Румской земли“, хотя онъ былъ въ ту пору, по всему вѣроятію, во власти хазаръ, то это находитъ свое объясненіе въ томъ, что здѣсь уцѣлѣло греческое христіанское населеніе, находившееся въ общеніи съ Византіей и въ іерархической отъ нея зависимости. Есть даже основанія предполагать, что и представитель власти хазарскаго кагана какъ въ VIII, такъ и въ IX вѣкѣ исповѣдывалъ самъ христіанскую вѣру[28]). Къ тому же хазары мореплаваніемъ не занимались и у арабовъ IX и X вѣка Черное море слыло „Румскимъ“[29])

---

[25]) Послѣднее по времени обозрѣніе этого вопроса принадлежитъ акад. Латышеву, см. Матеріалы, издаваемые Имп. Арх. комиссіею, вып. 9, стр. 6 и сл., гдѣ приведена и литература предмета.

[26]) Брунъ, Черноморье, II, стр. 320.

[27]) За указанія насчетъ арабскихъ письменъ приносимъ признательность В. Ѳ. Миллеру и В. В. Вельяминову-Зернову, съ которыми мы имѣли случай сноситься по данному частному вопросу. - Свидѣтельства Бейбарса и Ибнъ-Батуты будутъ приведены ниже.

[28]) Соображеніе проф. Васильевскаго, см. Русско-Византійскія изслѣдованія, II, стр. CLXXXV.

[29]) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, С.-Пб. 1870, стр. 25 (Мухамедъ Ибнъ-Кетиръ, первая половина IX в.), стр. 49 (Ибнъ-Хордадбе, вторая половина IX в.), стр. 192 (Аль-Истархи, первая половина X в.).

Кромѣ Ибнъ-Дасты, есть еще одно свидѣтельство относительно имени города Керчи въ X вѣкѣ, но оно, къ сожалѣнію, весьма не надежно. Разумѣемъ письмо кагана Іосифа къ испанскому еврею Ибнъ-Хиздаи[30]). Оставляя поэтому въ сторонѣ это свидѣтельство и ограничиваясь показаніемъ Ибнъ-Дасты[31]), мы считаемъ возможнымъ допустить, что хазары знали древній Боспоръ подъ именемъ близкимъ къ тому, какое носилъ онъ у русскихъ въ XI вѣкѣ. Но если это и такъ, то тѣмъ не менѣе остается вопросомъ, хазарамъ ли принадлежитъ переименованіе города, или же они застали новое имя и усвоили его изъ языка другого варварскаго народа, появившагося въ этихъ предѣлахъ раньше ихъ. Узнали же хазары Боспоръ и овладѣли имъ при помощи и при посредствѣ другого кочевого народа, а именно: утургуровъ. Въ половинѣ VI вѣка утургуры занимали восточный берегъ пролива и степныя пространства по побережью Азовскаго моря. Эти земли они разсматривали какъ свою родину. Они покинули ее во время великаго движенія на западъ, вызваннаго Аттилой, и вернулись туда позднѣе обратно, совершивъ свой путь

30) Въ той редакціи этого письма, которая дана въ рукописи изъ собранія знаменитаго фальсификатора Фирковича есть вставка съ перечисленіемъ поселеній въ Крыму, принадлежащихъ хазарамъ. Своей детальностью она не соотвѣтствуетъ общему тону остального содержанія текста. Изслѣдователи, признававшіе подлинность этого письма, какъ Брунъ (Черноморье, II, стр. 314 пр. 25) и Кассель (Cassel, Der chazarische Brief aus dem X Jahrhundert, Berlin 1877), не признаютъ подлинной эту вставку. Иначе смотритъ на это г. Гаркави (Ein Briefwechsel zwischen Cordowa und Astrachan, Russische Revue, VI, 1875), который отстаиваетъ подлинность рукописи Фирковича во всемъ ея составѣ, съ поименованіемъ и города *Kertz* включительно (стр. 87). За подлинность письма въ его цѣломъ по рукописи Фирковича стоитъ и проф. Хвольсонъ (Сборникъ еврейскихъ надписей etc, С.-Пб. 1884, стр. 489), который полагаетъ, что позднѣйшій переписчикъ не могъ вставить именъ крымскихъ городовъ, такъ какъ „ни у одного средневѣковаго еврея нельзя предполагать такого спеціальнаго знакомства съ тѣми отдаленными сѣверными странами“. Съ большимъ сомнѣніемъ къ подлинности письма относится академикъ Куникъ („Тохтамышъ и Фирковичъ“. Приложеніе къ XXVII т. Зап. Акад. Наукъ, 1876, стр. 42). Рѣзкую критику аргументовъ, выставленныхъ Касселемъ, далъ г. Гаркави въ статьѣ: Mittheilungen über Chazaren V—VI, см. Russische Revue, XI (1877), стр. 143 и сл.

31) Свидѣтельство Ибнъ-Дасты вызываетъ вопросъ другого рода. Твореніе этого писателя относится къ первой половинѣ X вѣка. По надежному показанію Константина Багрянороднаго, мадьяры были вытѣснены изъ южно-русскихъ степей печенѣгами въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка (*de admin. imp.*, с. 37—38); между тѣмъ Ибнъ-Даста помѣщаетъ ихъ въ южно-русскихъ степяхъ. Это противорѣчіе естественнѣе всего объяснить тѣмъ, что источникъ свидѣтельства Ибнъ-Дасты принадлежитъ болѣе раннему времени, когда мадьяры жили еще въ своихъ старыхъ кочевьяхъ. Брунъ (Черноморье, II, стр. 320), ссылаясь на акад. Куника, высказываетъ предположеніе, что показаніе Ибнъ-Дасты относится къ „остатку“ мадьярской орды, который удержался въ старыхъ предѣлахъ и смѣшался съ обитавшими тамъ гузами. Мы не знаемъ, гдѣ было высказано Куникомъ такое предположеніе, такъ какъ въ цитованномъ по

черезъ Крымъ мимо города Боспора[32]). Царь утургуровъ, Анагей, участвовалъ со своими соплеменниками во взятіи Боспора Турксанѳомъ, что и было началомъ хазарскаго владычества въ Крыму[33]). Мы готовы допустить, что городъ Боспоръ уже имѣлъ новое имя, и былъ имъ обязанъ самимъ ли утургурамъ, или готамъ тетракситамъ, или, быть можетъ, близкимъ къ нимъ аланамъ. Основаніемъ для такого предположенія служитъ свидѣтельство Іордана.

III.

Среди многихъ географическихъ сообщеній Іордана въ его „Исторіи готовъ", *Getica,* есть, какъ извѣстно, обзоръ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Страны къ сѣверу отъ Понта носятъ у него традиціонное имя *Scythia.* Опредѣляя южную границу Скиѳіи, Іорданъ (V § 32) выражается такъ: In eo vero latere, qua Ponticum latus attingit (sc. Scythia), oppidis haud obscuris involvitur Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapezunta, quas indomiti Scytharum nationes Graecis permiserunt condere, sibimet commercia praestaturos. — Такое чтеніе именъ устанавливаетъ Моммзенъ въ своемъ изданіи Іордана (Berolini 1882). Въ рукописяхъ имена эти переданы съ нѣкоторыми искаженіями, довольно впрочемъ незначительными. Конъектурой Моммзена является только чтеніе *Callipolida* вмѣсто рукописнаго *Callipoda* и *Calipida*[34]). Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ только имя шестого по счету города — *Careon.* Это чтеніе сохранено во всѣхъ рукописяхъ за исключеніемъ одной (исчезнувшій нынѣ cod. Atrebatensis), гдѣ было дано написаніе *Gareon,* которое не можетъ поколебать авторитетность чтенія *Careon.*

этому поводу у Бруна мѣстѣ — Дорнъ, Каспій, прим. на стр. 386 — нѣтъ ничего по данному вопросу, а рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ, а именно, что тюркскій элементъ входилъ въ составъ народности хазаръ, такъ же какъ и болгаръ и мадьяръ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ трудовъ акад. Куника — Извѣстія Аль-Бекри, прилож. къ XXXII т. Зап. Акад. Наукъ, 1878, стр. 66 — высказано мнѣніе съ указаннымъ выше толкованіемъ противорѣчія между показаніемъ Ибнъ-Дасты и свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго. Утверждая компилятивный характеръ труда Ибнъ-Дасты, Куникъ указываетъ на близость сообщаемыхъ имъ свѣдѣній съ имѣющимися у другого автора, персидскаго географа Кардизи, и пріурочиваетъ ихъ общій источникъ къ концу IX вѣка.

32) Procop., *bel. Gotth.* IV, 4—5.

33) Menandri fg. c. 45 (Hist. gr. min. ed. Dindorff, II, p. 85).—Мы имѣли случай сопоставить относящіяся сюда свидѣтельства въ статьѣ: „Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка" (Визант. Врем., III 1, стр. 1—17).

34) Не можемъ обойти молчаніемъ этой поправки Моммзена. Въ ея оправданіе онъ сообщаетъ слѣдующее: *scripsi ex Revennate collato Scylace c. 93: Ὀλβία καὶ λιμήν. Καλλίπολις καὶ λιμήν,* callipoda (Calipoda *O B) libri: diversi sunt Callipidae (cf. Strabo*

Іорданъ перечисляетъ города черноморскаго побережья въ направленіи съ запада на востокъ, и та послѣдовательность, въ какой онъ это дѣлаетъ, принуждаетъ насъ принять имя *Careon* за обозначеніе Пантикапеи. Моммзенъ въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ слѣдующее: Careon cum collocetur inter Theodosiam et Myrmecion (cf. Str. 7, 4, 5 p. 310), patet intellegi Panticapaeum, quod non potuit omittere qui recensebat graeca oppida in litore Scythiae condita. Что же

12, 3. 21, p. 550) infra c. 5, 45 nominati.—Первая ссылка имѣетъ основаніе, такъ какъ *Geographus Ravennas* называетъ нѣсколько разъ Іордана въ числѣ своихъ источниковъ. Что же касается до Скилакса, автора IV вѣка до Р. Х., то позволяемъ себѣ думать, что его нельзя было никоимъ образомъ привлекать въ свидѣтели. Если Скилаксъ § 93 въ числѣ городовъ „страны Мизіи“ называетъ Ольбію и Каллиполь, то слѣдуетъ замѣтить, что второго имени не называетъ намъ ни одинъ географическій источникъ послѣдующаго времени. Въ виду этого и самое существованіе имени города *Καλλίπολις* должно быть подвергнуто сомнѣнію. Всѣ позднѣйшіе источники называютъ намъ городъ *Καλὸς λιμήν*, помѣщая его въ Крыму. (У Птолемея, если нарисовать карту тѣхъ мѣстъ по его даннымъ долготъ и широтъ, этотъ городъ, равно какъ и Каркинитъ, выйдутъ за предѣлы Крыма. Но то и другое—несомнѣнная ошибка). Что касается до Равенскаго географа, то онъ два раза даетъ перечисленіе городовъ сѣвернаго побережья Чернаго моря: IV 3 и V 11. Оба раза представляетъ онъ длинные списки (33 города отъ Эрмонассы до Трапезунта и 36—отъ **Panthuas** (?) до Месемвріи), включая имена совершенно неизвѣстныя, нигдѣ не засвидѣтельствованныя, или до неузнаваемости искаженныя, съ повтореніемъ притомъ однихъ и тѣхъ же именъ. Въ первомъ спискѣ, IV 3, начавъ съ Эрмонассы и ведя, повидимому, перечисленіе на западъ (**Acra... Cita, Nimfa**), онъ доходитъ до **Chimerion** и далѣе даетъ имена въ такой послѣдовательности: **Panthuas, Ratyra, Murmicion, Cabalo, Saloníme, Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, Trapezus**. Въ другомъ мѣстѣ, V 11, начавъ съ города **Panthuas**, и обращаясь тоже на западъ (**Nymfe... Acra, Salonime**), онъ называетъ: **Olivapolis, Poristenida, Calipolis, Cersona, Theodosia, Doriopolis, Careon, Trapezus....** — Представлять анализъ этихъ данныхъ завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предлежащаго вопроса. Ограничимся замѣчаніемъ, что обиліе именъ и помѣщеніе именъ совершенно неизвѣстныхъ на ряду съ тѣми, какія есть у Іордана, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія вопросъ, что Равенскій географъ заимствовалъ ихъ не изъ Іордана, котораго онъ называетъ въ числѣ своихъ источниковъ, вмѣстѣ съ выдуманными иногда именами разныхъ „философовъ“. Сходство или сродство его главнаго источника съ картой Певтингера засвидѣтельствовано въ данномъ случаѣ именами: *Cabalo* и *Salonime*. Такимъ образомъ, хотя у Равенскаго географа встрѣчаются имена: *Capolis* и *Calipolis*, но поправлять текстъ Іордана на этомъ основаніи является весьма рискованнымъ. Гораздо безопаснѣе сохранить здѣсь рукописное чтеніе *Calipoda* и признать, что Іорданъ, или его источникъ, Кассіодорій, неудачно воспользовался здѣсь свидѣтельствомъ *карты* (о чемъ см. ниже), на которой значилось имя племени **Callipidae**, сохраненное по старой памяти, какъ традиція давняго времени. Но мѣсто, на которое ссылается самъ Моммзенъ, и даетъ основаніе для такого именно заключенія. Характеризуя бассейнъ Днѣпра, Іорданъ, въ концѣ V главы, выражается между прочимъ такъ: **infectusque ac dissimilis sui inter** *Graeca oppida Callipidas* **et Hypanis in mare defluat. Ad cuius ostia insula est in fronte, Achillis nomine.** — Очевидно, имя *Callipidae* стояло на картѣ, но что оно значило, этого не зналъ Іорданъ-Кассіодорій.

касается до измѣненія имени, то онъ объясняетъ его такъ: Sed erravit non librarius, at Iordanes auctorve eius Cassiodorius Graeco auctore usus imperite. Итакъ, по мнѣнію Моммзена, обозначеніе Пантикапеи другимъ именемъ есть не что иное, какъ ошибка Іордана, или его источника Кассіодорія. Одинъ изъ нихъ и повиненъ въ томъ, что плохо воспользовался греческимъ источникомъ, въ которомъ не было такого переименованія города.

При всемъ уваженіи къ авторитету Моммзена, нельзя не замѣтить, что такое объясненіе ничего въ сущности не объясняетъ и вводитъ къ тому же ни на чемъ не основанное предположеніе о томъ, что источникъ этого географическаго экскурса былъ греческій. Формы именъ съ ихъ искаженіями дѣлаютъ напротивъ гораздо болѣе вѣроятнымъ заключеніе, что этотъ источникъ былъ латинскій. Греческое имя *Χερσῶν*, сокращеніе изъ *Χερσόνησος*, является въ формѣ винительнаго падежа, который сошелъ за латинское имя существительное перваго склоненія. Точно такимъ же образомъ искажено имя города *Τραπεζοῦς*, передѣланное въ *Trapezunta*; на латинскій ладъ передѣлано также имя *Callipolida*, если принять поправку Моммзена; имя *Βορυσθένης* получило полугреческую-полулатинскую форму — *Boristhenide*. Всѣ эти имена носятъ на себѣ слѣды живого простонароднаго произношенія словъ чужого языка, которыя поэтому и потеряли свой исконный видъ и форму, какую они имѣли въ географической литературѣ. Очевидно, что источникомъ Іордана въ этомъ мѣстѣ, или, что вѣроятнѣе, Кассіодорія, не могъ быть какой-либо авторъ и менѣе всего — греческій. Греческая ученая традиція хранила свѣдѣнія объ именахъ странъ и народовъ, собранныя въ литературѣ предшествующихъ вѣковъ. Непреложное свидѣтельство въ этомъ смыслѣ даютъ намъ произведенія географической литературы, принадлежащія V—VI вѣкамъ. Таковы Периплъ Понта Евксинскаго Анонима, Стефанъ Византійскій, Синекдемъ Гіерокла. Достаточно одного взгляда въ текстъ этихъ авторовъ, чтобы признать, что греческая ученая традиція никоимъ образомъ не служила источникомъ, изъ котораго могли бы быть заимствованы искаженныя на простонародный ладъ имена, какими наполнено твореніе Іордана и какія онъ даетъ въ приведенномъ мѣстѣ.

Если же отъ грековъ обратиться къ римлянамъ, то среди произведеній географической литературы, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, есть одно, въ которомъ чуть ли большинство именъ дано въ искаженной на народный ладъ формѣ. Разумѣемъ такъ наз. *Geographus Ravennas*, первая редакція котораго принадлежитъ впрочемъ уже VII вѣку. Авторъ этого свода географическихъ свѣдѣній о всей тогда извѣстной вселенной зналъ Іордана и назвалъ его въ числѣ своихъ источниковъ. Но Іорданъ былъ ему и не нуженъ, такъ какъ онъ самъ черпалъ изъ очень пол-

наго источника, который заключалъ въ себѣ между прочимъ и тотъ матеріалъ, какой онъ могъ найти у Іордана. Источникъ этотъ была географическая карта древняго „круга земель". По составу своихъ данныхъ, карта эта находилась въ ближайшемъ сродствѣ съ той, которая сохранилась до насъ и извѣстна подъ именемъ *Tabula Peutingeriana*[35]).

Къ такому же источнику, т.-е. географической картѣ, восходятъ и географическіе экскурсы Іордана-Кассіодорія. Карта эта имѣла, по всей вѣроятности, также округлую форму, какъ и карта, которая лежала предъ составителемъ „Равенскаго географа" [36]), или во всякомъ случаѣ не была такъ непомѣрно вытянута въ длину, какъ *Tabula Peutingeriana*. Взаимоотношеніе отдѣльныхъ странъ представало на ней поэтому въ гораздо болѣе правильныхъ чертахъ. Ограничимся указаніемъ на слѣдующее, неуклюжее въ смыслѣ выраженія, но въ высшей степени важное и интересное описаніе общаго вида Скиѳіи у Іордана (V § 30): Scythia si quidem Germaniae terrae confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis... tendens usque ad flumina Tyram, Danastrum et Vagosolam, magnumque illu Danaprum Taurumque montem... per omnem Meotidis aditum ultraque Meotida per angustias Bosfori usque ad Caucasum montem amnemque Araxem ac deinde in sinistram partem reflexa post mare Caspium, quae in extremis Asiae finibus ab Oceano euroboro in modum fungi primum tenuis, post haec latissima et rotunda forma exoritur, vergens ad Hunnos, Albanos et Seres usque digreditur. — На Певтингеровой картѣ сѣверъ Европы вытянутъ въ очень узкую полосу и „Скиѳія" не имѣетъ ни малѣйшаго подобія съ грибомъ, о чемъ говоритъ Іорданъ, а сведена почти на линію. Если мы имѣемъ, такимъ образомъ, право утверждать, что карта Іордана-Кассіодорія была гораздо лучше, чѣмъ дошедшая до насъ Певтингерова, то тѣмъ не менѣе и на ней была допущена одна погрѣшность, въ которой сходится сообщеніе Іордана съ показаніемъ Певтингеровой карты. Въ этой послѣдней, на сегментѣ X, показанъ городъ *Trapezunta*, какъ лежащій на сѣверномъ берегу Чернаго моря, которое, въ соотвѣтствіи съ общимъ видомъ карты, вытянуто въ длинную полоску. У Іордана городъ Трапезунтъ носитъ то же самое искаженное имя и помянутъ (въ приведенномъ выше мѣстѣ) непосредственно

---

[35]) Konrad Miller, новѣйшій издатель Певтингеровой карты (Die Weltkarte des Castorius, Ravensburg 1888) отожествлялъ Касторія, котораго Равенскій географъ называетъ своимъ главнымъ источникомъ, съ той самой картой, которая носитъ у насъ имя Певтингера (стр. 40 и сл.). Но это можетъ простираться лишь на составъ данныхъ, ибо карта Равенскаго географа имѣла иной видъ.

[36]) О картѣ Равенскаго географа см. Mommsen, Berichte der Sächsischen Gesellschaft, 1851, стр. 100 и сл.; Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, III, стр. 212 и сл.; Schweder, Ueber die Weltkarte und Chorographie des Kaisers Augustus (Philologus, 1895, H. 2, стр. 319 и сл.).

вслѣдъ за Мирмекіемъ, какъ крайній пунктъ юга Скиѳіи, съ полнымъ забвеніемъ той границы, которую представляютъ Кавказскія горы.

Если, такимъ образомъ, въ основѣ географическихъ сообщеній Іордана лежитъ карта[37]), на которой уже были допущены искаженія именъ городовъ, и эти искаженія никоимъ образомъ не суть ошибки, а живыя формы простонародной рѣчи, то врядъ ли возможно считать за ошибку написаніе *Careon*. Если же мы по необходимости должны понимать подъ этимъ обозначеніемъ Пантикапею, то, значитъ, въ ту пору существовало уже то новое имя города, которому русскіе въ X или XI вѣкѣ дали форму *Кърчевъ*.

Предшественникъ Моммзена по изданію Іордана, Клоссъ (Stuttgart, 1866), отмѣтилъ близость именъ *Careon* и *Керчь*. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Клоссъ сообщаетъ, что сначала готовъ былъ исправить чтеніе *Careon* въ *Carcine*, основываясь на существованіи города этого имени въ Крыму (Mela, II 1), но затѣмъ предпочелъ сохранить чтеніе *Careon* по слѣдующимъ мотивамъ: „intellegit enim Iordanis eam urbem, quae *Καρέα* sive *Καρέων πόλις* dicta Graecis, inde a seculo VI nonnunquam memoratur, cuiusque nomen in totam peninsulam, Krimm hodie vocatam, transiisse videtur. Apponam de ea qui nunc unus succurrit, locum Laonici Chalc. l. III, p. 136, ed. Bonn. (слѣдуетъ цитата). Ceterum cave, Careone ponas; est enim *Careon* genetivus pluralis, aptus ex oppido, quod ex *oppidis* repetendum“.

Итакъ Клосса побудило сохранить чтеніе *Careon* то обстоятельство, что этотъ городъ носитъ у византійцевъ имя *Καρέα* или *Καρέων πόλις*, съ каковымъ словомъ онъ сближаетъ имя *Крымъ*. Послѣднее есть, несомнѣнно, ошибка[38]); что же до перваго, то нельзя не замѣтить, что

---

[37]) Положеніе, что въ основѣ сообщеній Іордана лежитъ географическая карта, принимаетъ Müllenhoff, D. A.-K. V, стр. 257—266. Допускаетъ его, какъ возможность, и Моммзенъ, въ предисловіи къ изданію Іордана, стр. XXXI; но онъ готовъ предположить, что Кассіодорій пользовался не непосредственно картой, а выписками изъ нея, въ родѣ космографіи Юлія Гонорія.—Въ недавнее время предпринято изданіе, которое обѣщаетъ значительно расширить и углубить наши свѣдѣнія о римской картѣ міра. Разумѣемъ Die ältesten Weltkarten, v. Konrad Miller. Stuttgart 1895 (три выпуска).

[38]) Полуостровъ Крымъ обязанъ своимъ теперешнимъ именемъ татарской столицѣ *Солхату*=Эски Киримъ (Старый Крымъ), какъ назывался онъ позднѣе, вѣроятно послѣ перенесенія резиденціи хановъ въ Бахчесарай. Въ XV вѣкѣ онъ назывался еще *Киримъ*, какъ можно заключить изъ сообщенія Іосафата Барбаро, с. XI: Hanno (Tartari) due luoghi murati, ma non forti, uno detto Solgathi, il qual'essi chiamano Chirmia, che vuol dire fortezza, l'altro Cherchiarde (-Киркіеръ, Киркоръ, н. Чуфутъ Кале).—Г. Гаркави въ статьѣ: „О происхожденіи нѣкоторыхъ географическихъ названій мѣстностей на Таврическомъ полуостровѣ“ — Изв. Имп. Геогр. Общ., т. XII, 1876, стр. 51—54,— объясняетъ имя Крымъ какъ сокращеніе татарскаго *Киримъ*, что значитъ окопъ, яма, ровъ. — Прибавимъ, что Ибнъ-Батута, имѣвшій случай побывать въ этомъ городѣ, писалъ

кромѣ Лаоника Халкондила, писателя XV вѣка, нельзя указать ни одного византійца, который бы зналъ это имя. А что Лаоникъ разумѣлъ подъ *Καρέα πόλις* нашу Керчь, это не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ это мѣсто: *Οἱ μὲν οὖν ἐς τὸν Βόσπορον τὴν ταύτῃ χώραν ἐπινεμόμενοι καὶ τὴν ὅμορον λεηλατοῦντες τήν τε Τζαρκάσων καὶ Μιγκρελίων καὶ Σαρματῶν καὶ ἀνδράποδα ὡς πλεῖστα ἀγόμενοι ἐπὶ τὸν Βόσπορον, ἐπὶ Καρέαν πόλιν καὶ εἰς Μαιώτιδα καλουμένην λίμνην ἀπάγοντες, ὀλίγου τε αὐτὰ ἀποδιδόμενοι τοῖς τε Ἐνετῶν καὶ Ἰανύων ἐμπόροις οὕτω δὴ βιοτεύουσι.* — Лаоникъ даетъ свидѣтельство о грабежѣ людей и торговлѣ плѣнными, какъ о постоянномъ промыслѣ крымскихъ и пріазовскихъ татаръ. Одинъ рынокъ онъ опредѣленно указываетъ на Боспорѣ, т.-е. проливѣ, *Καρέα πόλις*, а другой — неопредѣленно, въ Мэотидѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь разумѣется Керчь и Тана, гдѣ имѣли свои торговыя конторы генуэзцы и венеціанцы[39]). Что касается до обозначенія древней Пантикапеи именемъ *Καρέων πόλις*, о чемъ свидѣтельствуетъ Клоссъ, то это утвержденіе остается на его отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ онъ правъ въ томъ отношеніи, что признавалъ *Careon* въ текстѣ Іордана за живую форму имени, а не за ошибку, какъ сдѣлалъ то послѣ него Моммзенъ.

Итакъ, мы считаемъ правильнымъ признать до-хазарское происхожденіе имени *Керчь*, такъ какъ оно въ формѣ *Careon*, а быть можетъ *Carcon*, стояло уже на той картѣ, которой пользовался Іорданъ-Кассіодорій. Но это имя не вошло въ литературный оборотъ.

IV.

Византійцы удержали обозначеніе древней Пантикапеи именемъ *Воспоръ*. Непрерывность традиціи этого имени засвидѣтельствована тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ называли этотъ городъ итальянцы, которые появились, съ разрѣшенія византійскаго императора, въ портахъ Чернаго моря въ XII вѣкѣ[40]). Свидѣтельство объ этомъ даютъ итальянскія морскія карты XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Такъ у Петра Весконте (1318 г.) значится имя *Vospro*, на картѣ братьевъ Пицигани (1367 г.) — *Vospero*, и это имя въ той или другой формѣ удерживается на послѣдующихъ картахъ Pasqualini, Benincasa и др., исказившись у Марти-

---

имя „Кирамъ“, пояснивъ при этомъ: „пишется черезъ *ки* и *ра*“. — Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся до исторіи Золотой орды, I, стр. 284.

[39]) Heyd, Geschichte des Levanthandels, II, стр. 543 сл.

[40]) По договору съ имп. Мануиломъ, заключенному въ 1169 году. См. Acta et diplomata graeca, Miklosich et Müller, III, pp. 25—37, документъ 1192 года съ подтвержденіемъ имп. Исаакомъ Ангеломъ правъ и привилегій генуэзцевъ.

неса (1570 г.) въ *Vespro* и у Франциска Оливы (1614 г.) — въ *Vaspro*[41]). Но та живая форма имени города, которую тмутараканскіе русскіе писали въ XI вѣкѣ,—*Кърчевъ*, оставалась въ обиходѣ туземцевъ. Отъ нихъ слышали ее арабскіе купцы и путешественники. Такъ, въ путешествіи Ибнъ-Батуты помянутъ посѣщенный имъ городъ на Боспорѣ, имя котораго онъ написалъ въ формѣ كرچ т.-е. *к р ч*. Точно такъ же въ лѣтописи Рухнеддина Бейбарса († 1325) упомянутъ городъ съ тѣмъ же именемъ въ числѣ другихъ, подвергшихся ограбленію со стороны Ногая въ 1298—99 году[42]). Отъ XV вѣка есть свидѣтельство Іосафата Барбаро. Въ IX гл. своего „Путешествія въ Тану" онъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: In quest' luogo detto Chers, il quale da noi si chiama Bosporo cimerio[43]). Подъ именемъ Керчи знали этотъ городъ послы московскихъ царей къ крымскому хану въ XVI вѣкѣ[44]). Оно засвидѣтельствовано въ русскихъ рукописяхъ XVI вѣка[45]). Подъ нимъ застали русскіе этотъ городъ, когда вновь явились, какъ властители, на Боспоръ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать оговорку относительно этимологіи имени *Кърчевъ*, *Керчь*. Спеціалисты по татарскимъ нарѣчіямъ, къ которымъ мы имѣли случай обращаться за помощью, допускали

---

[41]) Tafel, Constantinus Porphyrogenitus etc., Tubingae 1857, стр. 39; Брунъ, Черноморье, II, топографическая таблица въ концѣ тома.

Не можемъ пройти молчаніемъ одной детали по поводу помянутыхъ картъ. Къ востоку отъ Керчи (Vosprо) является на нихъ еще одно имя — *Pondico*. Его нѣтъ на картѣ Весконте, но оно уже встрѣчается въ атласѣ *Luxoro* (начала XIV вѣка) и повторено на послѣдующихъ. Брунъ считалъ возможнымъ (Черноморье, II, стр. 306) пріурочить имя *Pondico* къ „развалинамъ древняго Мирмекіона" (т.-е. мѣстность „Новый Карантинъ" въ 3 верстахъ отъ Керчи къ востоку), ссылаясь при этомъ на находки Дюбрукса. Но такъ какъ въ литературныхъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что именно нашелъ тамъ Дюбруксъ, то вопросъ о локализаціи *Pondico* остается открытымъ. Что же до предположенія Бруна, будто въ имени *Pondico* ожило древнее имя *Panticapaeum*, то мы считаемъ это вполнѣ невѣроятнымъ. Имя это умерло и исчезло за много вѣковъ до возникновенія поселенія съ именемъ *Pondico*.

[42]) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды, I, С.-Пб. 1884, стр. 279. — Ибнъ-Батута заходилъ въ церковь близъ берега. Это и есть существующій и понынѣ храмъ Іоанна Предтечи (съ извѣстной датой въ погребальной надписи на одной изъ колоннъ: 6260 = 752 г.). Церковь эта къ сожалѣнію подверглась перестройкѣ въ сравнительно недавнее время. — ib. стр. 86 и 112 — Бейбарсъ о походѣ Ногая.

[43]) Цитуемъ по изданію Семенова, Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. I, С.-Пб. 1836.

[44]) Донесеніе изъ Крыма посла Благова отъ 1585 года. См. выдержку у Карамзина, т. X, прим. 113.

[45]) Такъ, въ рукописи житія св. Стефана Сурожскаго, изданной акад. Васильевскимъ — Русско-Византійскія изслѣдованія, II, — читается *Корчь* и *Керчь* (гл. 31 и 32) откуда прилагательное — Керческій (гл. 28).

возможность тюркскаго происхожденія этого слова, но не рѣшались однако дать опредѣленную его этимологію. Одна попытка объяснить имя *Кърчевъ* была публикована. Она принадлежитъ г. Щеглову и дана имъ въ статьѣ: „Первыя страницы русской исторіи“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1867, ч. CLXXXV). Г. Щегловъ считаетъ вѣроятнымъ финское происхожденіе этого имени. Онъ сближаетъ слово *Кърчевъ* съ именемъ города Тверской губ., Корчева, и производитъ это слово отъ мордовскаго *корже*, что значитъ „лѣвый“, откуда также происходитъ, по его мнѣнію, названіе рѣки *Керженца* (стр. 170, прим. 2).—Не считая себя компетентными разбирать это словопроизводство по существу, замѣтимъ, что этимологія этого имени изъ финскихъ языковъ не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго историческимъ даннымъ. Въ той массѣ племенъ, которыя обнималъ терминъ *Οὐννικὰ ἔθνη*, финскій элементъ имѣлъ, повидимому, преобладающее въ численномъ отношеніи значеніе сравнительно съ тюркскимъ. Но мы думаемъ, что объяснять слѣдуетъ не форму *Кърчевъ*, а краткую форму *Керчь* или *Корчь*. Слово *Кърчевъ* есть по своей формѣ имя прилагательное (Кърчевъ градъ), образованное отъ существительнаго *Кърчь*[16]). Эта краткая, возобладавшая позднѣе и въ русскомъ языкѣ, форма и есть подлинное имя города, которое услышали русскіе отъ туземцевъ еще въ X вѣкѣ, быть можетъ въ формѣ *Carcon*, каковую мы въ правѣ предположить на картѣ Іордана-Кассіодорія.

Представляя на ваше сужденіе, мой дорогой учитель, эти свои странствія по историческому прошлому одного изъ древнѣйшихъ городовъ на нашей русской территоріи, позволю себѣ заключить выраженіемъ надежды, что Ваше живое знаніе цѣлаго ряда восточныхъ языковъ и Ваше чутье лингвиста разгадаютъ намъ загадку, откуда пошло имя *Керчь* и что можетъ значить это слово.

---

[16]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить по этому поводу, что имя *Керчь* не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ одного монастыря въ Крыму — *Κυρίζου μονή*. Это послѣднее имя помянуто въ одномъ документѣ 1395 года (Miklosich et Müller, Acta patr. Const. II, p. 249). Монастырь этотъ, если онъ и былъ въ Крыму, находился гдѣ-нибудь въ Готской или Херсонской епархіи, т.-е. далеко на западъ отъ Керчи. Сближеніе же этихъ именъ сдѣлано было акад. Васильевскимъ и повторено затѣмъ г. Гаркави въ его рефератѣ на Второмъ Археологическомъ съѣздѣ. См. Труды Казанскаго Археологическаго съѣзда, т. II, отд. VII, стр. 241.

ИЗЪ СИНТАКСИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ИНДИКАТИВА ВЪ ВЕДІЙСКОМЪ САНСКРИТѢ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

Нижеслѣдующія страницы представляютъ извлеченіе изъ собираемаго мною матеріала для изслѣдованія объ основномъ (архаическомъ) значеніи индикатива.

Задуманное изслѣдованіе должно дать посильные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Всегда ли индикативъ былъ наклоненіемъ, такъ сказать, „отрицательнымъ“ или объективнымъ, въ противоположность конъюнктиву, оптативу и императиву, — формамъ, присоединяющимъ къ глагольному представленію указаніе на волю, желаніе, намѣреніе, требованіе и другія субъективныя движенія лица дѣйствующаго или говорящаго, — или же первоначально въ составъ формальныхъ значеній индикатива входила также нѣкоторая окраска этого рода?

2) Если подобная окраска была присуща архаическому индикативу, то каковы могли быть въ ту эпоху семасіологическія отношенія индикатива къ другимъ наклоненіямъ?

3) Принимая, что индикативъ нѣкогда, въ эпоху проэтническую, выражалъ извѣстные модальные оттѣнки (напр. близкіе къ древнѣйшимъ конъюнктивнымъ), не слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что въ ту эпоху конъюнктивъ и оптативъ (ежели послѣдній уже существовалъ тогда), по своему семасіологическому характеру и по своей роли въ общей экономіи грамматической мысли, должны были значительно отличаться отъ конъюнктива и оптатива въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ по памятникамъ — въ эпоху, когда индикативъ уже утратилъ (цѣликомъ или почти цѣликомъ) свою модальную окраску и сталъ наклоненіемъ объективнымъ, а они, напротивъ, спеціализировались въ выраженіи модальныхъ значеній, которыя поэтому и представлены въ нихъ въ усиленномъ видѣ?

4) Если такая гипотеза будетъ оправдана, то какія заключенія сдѣлаемъ мы изъ нея по вопросу о происхожденіи и развитіи модальности въ языкѣ?

5) Какое примѣненіе можно будетъ сдѣлать изо всего этого для характеристики архаическаго языка и мышленія?

Въ ряду этихъ вопросовъ только первый нуждается въ указаніяхъ

на самую возможность его постановки: если эта возможность будетъ показана, eo ipso будутъ оправданы и всѣ остальные вопросы, изъ него вытекающіе. Показать же возможность и даже законность перваго вопроса не трудно. Она обосновывается

1) отсутствіемъ такихъ морфологическихъ признаковъ, которые являлись бы исконной и исключительной принадлежностью конъюнктива — въ отличіе отъ индикатива и принуждали бы думать, что, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, это были искони двѣ различныя морфологическія категоріи: какъ извѣстно, суффиксы конъюнктива ĕ, ŏ, ā свойственны также и индикативу, на что̀ недавно указалъ Herbig (Aktionsart und Zeitstufe, Indogerm. Forsch., VI, стр. 169)[1];

2) фактомъ существованія и глубокой древности такъ наз. инъюнктива, т.-е. настоящихъ индикативныхъ формъ, безъ какихъ-либо конъюнктивныхъ морфологическихъ признаковъ, но употребляемыхъ въ чисто-конъюнктивномъ значеніи, на ряду съ ихъ употребленіемъ и въ качествѣ индикативовъ.

Изъ этихъ двухъ явленій позволительно сдѣлать выводъ (хотя бы и въ видѣ гипотезы), что первоначально не было семасіологической разницы между конъюнктивомъ и индикативомъ, что не только морфологически, но и по значенію оба наклоненія составляли одно, и это основное „пра-наклоненіе“ выражало извѣстные субъективные оттѣнки, а не было объективнымъ. Вообще объективность мысли есть явленіе далеко не первичное. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что способность отражать въ мысли получаемыя впечатлѣнія, не окрашивая ихъ оттѣнками, извлеченными изъ субъективной сферы говорящаго, была пріобрѣтена человѣчествомъ послѣ долгихъ вѣковъ развитія. Субъективизмъ архаическаго мышленія могъ быть весьма разнообразенъ и разносторонен, но въ немъ яснѣе всего распознается (и, очевидно, дольше сохранялась) та сторона, которую мы опредѣлимъ такъ: перенесеніе на объекты (внѣшнія „вмѣстилища“ впечатлѣній) признаковъ одушевленности, воли и хотѣній, т.-е. данныхъ внутренняго опыта самого субъекта. Въ этомъ процессѣ и коренятся устои архаическаго глагола: „камень лежитъ“ значило: „камень одушевленъ и имѣетъ волю и хотѣніе лежать“. Всѣ глагольныя формы были — въ этомъ смыслѣ — модальными; индикатива какъ наклоненія объективнаго, „отрицательнаго“, никакихъ оттѣнковъ не выражающаго, не было.

Такой типъ глагола мы можемъ предполагать, конечно, только въ глубочайшей древности, задолго до раздѣленія индо-европ. языковъ. Ибо

[1]) Konjunktiv und Indikativ fliessen morphologisch zu einer Kategorie zusammen, denn die sog. Bildungselemente des Konjunktivs (einerseits -e, -o, der sog. thematische Vokal, andrerseits -ā, -ē (ō) kehren in allen Sprachen auch in indikativischer Funktion wieder. Ссылка на Brugmann, Grundriss, II, § 489.

въ концѣ эпохи проэтнической, „наканунѣ“ раздѣленія, индикативъ уже существовалъ — какъ таковой, какъ наклоненіе объективное. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы не могло сохраниться какихъ-либо слѣдовъ архаическаго индикатива, выражавшаго извѣстные субъективные оттѣнки. Такіе слѣды дѣйствительно существуютъ: это, во-1-хъ, инъюнктивъ, а во-2-хъ, спорадическіе случаи употребленія индикатива вмѣсто конъюнктива или оптатива. Такъ напр., Delbrück (Altindische Syntax, 278—9) указываетъ на употребленіе индикатива наст. вр. въ смыслѣ будущаго, что̀, думаю, предполагаетъ его конъюнктивное значеніе, и — вмѣсто оптатива. Случаевъ этого рода можно было бы найти не мало[1]). Но ихъ нужно систематизировать и изслѣдовать.

Занимаясь такой систематизаціей, я прежде всего остановился на нѣкоторыхъ типахъ зависимыхъ предложеній, гдѣ конъюнктивъ чередуется съ индикативомъ. Въ ряду этихъ типовъ видное мѣсто занимаютъ обороты съ относ. мѣст. yas, yā, yad въ значеніи „кто бы ни“, „какой бы ни“, „ежели кто“, а также конструкція съ союзомъ yad, по своему происхожденію непосредственно примыкающая къ мѣстоименной. Вотъ именно обозрѣніе этой рубрики я и позволю себѣ предложить вниманію читателей въ настоящей статьѣ.

I. Послѣ относ. мѣст. yas, yā, yad въ значеніи „тотъ, кто“, „кто бы ни“, „какой бы ни“, „ежели кто“ находимъ конъюнктивъ, при чемъ въ главномъ предложеніи стоитъ большею частью (не всегда) либо императивъ, либо конъюнктивъ, либо инъюнктивъ, наконецъ оптативъ. (У Дельбрюка этотъ оборотъ разсмотрѣнъ на стр. 319—321 Altind. Syntax.).

1) Ṛgveda, V, 3, 5... viçáçca yásya átithir bháavsi sá yajñéna vanavad deva mártān — ...„и какой бы веси (общины) ты ни сталъ гостемъ, — та (община) жертвою побѣдитъ, о Боже, смертныхъ“[2]).

Это — вторая половина стиха. Принимая во вниманіе и первую, мы передадимъ (перифразируемъ) смыслъ всего стиха такъ: „нѣтъ жреца (hotar) священнѣе и мудрѣе тебя, о Агни, — и вотъ если ты соблаговолишь стать гостемъ какой-либо общины, то эта община непремѣнно побѣдитъ (превзойдетъ) силою своего культа прочихъ смертныхъ“. По моему мнѣнію, первый конъюнктивъ (bhavāsi), находящійся въ придаточномъ предложеніи, еще сохраняетъ свое основное значеніе („воля“),

---

[1]) Вотъ одинъ примѣръ. Индик. вм. конъюнктива: Aitar.-Brāhm. III, 33: te tam aichan ya enam āriṣyati — „они (боги) искали того, который могъ бы его (Праджапати) покарать“.

[2]) Этотъ стихъ былъ цитированъ мною, для другихъ цѣлей, въ книжкѣ „Къ исторіи культа огня“, стр. 33. Изъ сдѣланныхъ тамъ сопоставленій видно, что viçaçca yasyāḥ здѣсь должно было имѣть значеніе: „какой бы ни была общины“, „ежели (ты станешь гостемъ) какой-нибудь общины“. Sa муж. р. отнесено къ жен. viç, ибо послѣднее употреблялось и въ муж. р.

второй же (vanavat), находящійся въ главномъ предложеніи, уже имѣетъ значеніе вторичное („долженствованіе" или что-нибудь въ этомъ родѣ), близкое къ значенію будущаго. Для передачи этой разницы я и взялъ выраженія „соблаговолишь стать" для перваго конъюнктива и „непремѣнно побѣдитъ" — для второго.

2) Ṛgveda, I, 27, 7: yám agne pṛtsú mártyam ávā vā́jeṣu yám junā́ḥ | sá yántā çáçvatīr íṣaḥ || „какому смертному ты ни помогъ бы въ битвахъ, кого бы ни поощрилъ въ бранныхъ подвигахъ, — онъ стяжаетъ всѣ (постоянныя) блага".

Перифразъ: „какому смертному ты соблаговолишь помогать въ сраженіяхъ; кого соблаговолишь поощрять...". Опять въ зависимомъ предложеніи конъюнктивы (avās и junās) удерживаютъ основное значеніе; въ главномъ уже не конъюнктивъ съ вторичнымъ значеніемъ, близкимъ къ будущему, а просто будущее (перифрастическое — yantā).

3) Ṛgveda, X, 12, 6: ...yamásya yó manávate sumántv (т.-е. nāma — въ первомъ полустишьи, гдѣ къ нему отнесено durmántu) ágne tám ṛṣva pāhy áprayuchan || „кто бы ни поминалъ легко-постижимое (или благое, счастливое — при упоминаніи, если durmantu — nefandum) имя Ямы, того охраняй, высокій Агни, неукоснительно".

Думаю, что и здѣсь конъюнктивъ придаточнаго предложенія (manavate) сохраняетъ основное значеніе, указывая на волевой актъ: „тотъ, чья воля — помянуть..." Въ главномъ предложеніи — императивъ.

4) Ṛgveda, V, 4, 11: yásmai tvám sukṛ́te jātaveda ulokám agne kṛṇávaḥ syonám | açvínam sá putríṇam vīrávantam gómantam rayím naçate svastí || „кому хорошо-дѣйствующему (-жертвующему) ты, о Джâтавêдасъ, ни сдѣлалъ (даровалъ) бы отрадный просторъ, — онъ стяжаетъ во благо богатство, обильное конями, сынами, героями, коровами". (Приведено у Дельбрюка, Altind. Synt., 319).

Здѣсь опять конъюнктивъ зависимаго предложенія сохраняетъ свое основное значеніе и можетъ быть переданъ черезъ „соблаговолишь" или „соизволишь" сдѣлать (дать). Въ главномъ предл. — индикативъ.

5) Ṛgveda, IV, 12, 1: yás tvā́m agna inádhate yatásruk trís te ánnam k. ávat sásminn áhan | sá sú dyumnaír abhy àstu prasákṣat táva krátvā jātavedaç cikitvā́n || „(всякій) кто (только) съ подъятой ложицею[1]) возжигаетъ тебя (и) приготовляетъ тебѣ пищу три раза въ тотъ же день, — тотъ да превосходитъ (да отличается) славою (блескомъ), побѣждая, твоимъ разумомъ мудрый, о Джâтавêдасъ!"[2]).

---

[1]) Жертвенная ложица для возліянія растопленнаго масла (ghṛtam) на свящ. огонь.

[2]) Здѣсь неясно причастіе средн. рода prasákṣat: слѣдуетъ ожидать муж. р. prasákṣan. Но, быть можетъ, это не прич., а инъюнктивъ аориста, — въ такомъ случаѣ нужно устранить удареніе и перевести: „Онъ долженъ побѣдить — мудрый твоею мудростью, о Дж.".

Конъюнктивы придат. предл. (inadhate и kṛṇavat) здѣсь также удерживаютъ основное — волевое — значеніе: „тотъ, чья воля — возжигать и приготовлять". Въ главн. предл. — императивъ.

6) Ṛgveda, X, 97, 17... yám jīvám açnávāmahai ná sá riṣyāti pūruṣaḥ ‖ „(всякій) человѣкъ, кого (только) мы настигаемъ живымъ (при его жизни), не потерпитъ ущерба (не пострадаетъ)". [Это говорятъ священныя — цѣлебныя — растенія (oṣadhayas) съ Сомою во главѣ.]

Конъюнктивъ зависимаго предложенія сохраняетъ основное значеніе: „кого мы соблаговолимъ (соизволимъ) настичь (или посѣтить)"... Конъюнктивъ глав. предл. (riṣyāti) — уже въ значеніи переходномъ къ будущему: „тотъ не долженъ терпѣть ущерба, не долженъ (не будетъ) страдать".

7) Ṛgveda, I, 94, 15: yásmai tvám sudraviṇo dádāço 'nāgāstvám adite sarvátātā | yám bhadréna çávasā codayāsi prajávatā rádhasā té syāma ‖ „(кто бы ни былъ тотъ), кому ты, о богатый, соизволяешь даровать непорочность всецѣло (или во благо) о непорочный (кто бы ни былъ тотъ), кого благою мощью ты соизволяешь поощрять даромъ, состоящимъ изъ потомства, — мы хотимъ быть таковыми", т.-е. мы хотимъ быть тѣми, кому ты даруешь непорочность, кого ты поощряешь и т. д.

Здѣсь форма dadāças въ первомъ зависимомъ предложеніи есть, думаю, не Conj. praes. (какъ Грассманнъ, Wörterb. zum Ṛgv., s. v. dāç), а Conj. perf.; во второмъ — codayāsi — Conj. praes. Оба сохраняютъ основное конъюнктивное значеніе, которое я и перифразировалъ въ своемъ переводѣ. Въ глав. предл. — оптативъ.

8) Atharvaveda, XII, 1, 14: yó no dvéṣat pṛthivi yáḥ pṛtanyád yó 'bhidásān mánasā yó vadhéna | tám no bhūme randhaya pūrvakṛtvari ‖ „(всякого) кто (только) ни враждуетъ съ нами, о Земля, кто (только) ни воюетъ, кто (только) ни вредитъ (намъ) мыслью, кто — оружіемъ, того ниспровергни, о Земля, о предупреждающая!".

Здѣсь конъюнктивы зависимаго предложенія (dveṣat, pṛtanyāt, abhidāsāt) имѣютъ очевидное значеніе „имѣть (злую) волю — вредить, воевать" и т. д. Въ главномъ — императивъ.

Просматривая соотвѣтственные примѣры у Дельбрюка (Altind. Synt., 319 сл.), замѣчаемъ слѣдующее: a) конъюнктивы зависимыхъ предложеній въ примѣрахъ изъ гимновъ сохраняютъ основное конъюнктивное значеніе; напротивъ, b) конъюнктивы зависимыхъ предложеній въ примѣрахъ прозаическихъ (изъ Брâхманъ) имѣютъ уже вторичныя значенія — въ родѣ тѣхъ, какія выше мы отмѣтили въ конъюнктивахъ главныхъ предложеній. Напр.:

a) Ṛgv. I, 132, 6: ...yó naḥ pṛtanyád ápa tám-tam íd dhatam — wer uns bekämpft (wenn uns einer bekämpfen wird), den schlagt, wer es auch

sei. Перифразъ: „ежели кто имѣетъ (злую) волю ополчаться на насъ, — побивайте (двойств. Indrāparvatā) его...". Въ стихѣ Ṛgv. X, 87, 17 это основное значеніе (волевое) конъюнктива, такъ сказать, еще подчеркнуто или какъ бы утрировано тѣмъ, что глаголъ взятъ въ формѣ дезидератива: „...pīyūṣam agne yatamás títṛpsāt tám pratyáñcam arcíṣā vidhya mármān. || Перифразъ: „какой бы (колдунъ или злой геній — yātudhānas) ни восхотѣлъ (въ силу своей злой воли) насыщаться молокомъ, пронзи его (своимъ) пламенемъ прямо (спереди) въ уязвимомъ мѣстѣ".

b) Въ слѣдующемъ прозаическомъ примѣрѣ, приведенномъ Дельбрюкомъ, конъюнктивы зависимыхъ предложеній, по самому смыслу глаголовъ, не могутъ имѣть того основного значенія (волевого), на которое рое мы указывали выше: yó 'to jáyātā asmákaṃ sà éko 'sad, yò 'sya prajáymā ṛ́dhyātā asmákaṃ bhógāya bhavād íti (Taitt.-Saṃh. 6, 5, 6, 2)— wer (aus dieser Paarung) hervorgehen wird, der soll einer von uns sein, und wer in seiner Nachkommenschaft gedeihen wird, der soll uns zum Vortheil dienen. Равнымъ образомъ и въ другихъ примѣрахъ Дельбрюка изъ древнѣйшей санскр. прозы конъюнктивы зависимыхъ предложеній, въ большинствѣ случаевъ, уже удалились отъ своего основного значенія и выражаютъ различные оттѣнки, приближающіеся къ значенію будущаго. (См. Alt. Syn., стр. 320).

II. Въ такихъ же самыхъ оборотахъ и въ такомъ же точно значеніи, въ какомъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ гимновъ употребленъ конъюнктивъ, находимъ мы и индикативъ.

Это явленіе было замѣчено и Дельбрюкомъ, но онъ упоминаетъ объ этомъ лишь мимоходомъ (dabei kann der Indicativ mit dem Conjunctiv parallel stehen, стр. 319), цитируя только два мѣста (Ṛgv. VI, 52, 2 и I, 71, 6).

Вотъ соотвѣтственные примѣры, собранные мною:

1) Atharvaveda, I, 19, 3—4: yó naḥ svó yó áraṇaḥ sajātá utá níṣṭyo yó asmā̃n abhidásati | rudráḥ çarávyayaitā́n mamā́mitrān ví vidhyatu || 3 || yáḥ sapátno yó 'sàpatno yáçca dviṣáñ chápāti naḥ | devā́s tám sárve dhūrvantu... || 4 || „кто (только), свой или чужой, сородичъ или иноземецъ, сталъ бы намъ вредить, — этихъ недруговъ моихъ Рудра да пронзитъ стрѣлами. Какой (только) соперникъ, какой несоперникъ, какой враждующій ни проклиналъ бы насъ, — всѣ боги да ниспровергнутъ его!"

Здѣсь индикативъ (abhidāsati) въ зависимомъ предложеніи стиха 3-го стоитъ совершенно параллельно конъюнктиву (çapāti) въ зависимомъ предложеніи стиха 4-го, и, очевидно, оба выступаютъ въ основномъ конъюнктивномъ значеніи — „имѣть (злую) волю къ тому, что̀ обозначено лексическимъ значеніемъ глагола". Въ главныхъ предложеніяхъ — императивы.

2) Ṛgveda, I, 79, 11: yó no agne 'bhidásaty ánti dūré padīṣṭá sáḥ | „(всякій) кто (только) стремится вредить намъ, о Агни, вблизи (или) издали, да падетъ онъ"...

Здѣсь индикативъ завис. предложенія (тотъ же глаголъ abhidāsati) стоитъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, въ конъюнктивномъ, волевомъ значеніи. Въ главн. предложеніи — прекативъ.

3) Ṛgveda, VII, 104, 7: ...índrāsomā duṣkṛ́te mā́ sugám bhūd yó naḥ kadā́ cid abhidā́sati druhā́ || „о Индра и Сома! да не будетъ спасенія (счастья) злодѣю, который захотѣлъ вредить намъ обманомъ".

Перифразомъ „захотѣлъ вредить" я только подчеркиваю тотъ волевой оттѣнокъ, который скрывается въ abhidāsati, несмотря на то, что это — индикативъ. Въ главн. предл. — инъюнктивъ (bhūd).

4) Ṛgveda, X, 133, 5: yó na indrā bhidā́sati sā́nābhir yáça niṣṭyaḥ | áva tárya bálam tira... „кто (только), о Индра, захочетъ вредить намъ, родственникъ ли, кто — иноземецъ, — сокруши его силу"...

Тотъ же глаголъ завис. предл. въ индикативѣ, съ тѣмъ же волевымъ оттѣнкомъ; въ главн. предл. — императивъ.

5) Ṛgveda, X, 97, 23: ...úpastir ástu sò 'smā́kam yó asmā́ṅ abhidā́sati — „да будетъ покоренъ намъ тотъ, кто (только) захочетъ вредить намъ".

То же самое, что и выше.

6) Ṛgveda, X, 152, 4: ...yó asmā́ṅ abhidā́saty ádharam gamayā támaḥ — „кто (только) захочетъ вредить намъ, отправь его въ нижнюю тьму".

То же.

7) Ṛgveda, VI, 5, 4: yó naḥ sánutyo abhidā́sad agne yó ántaro mitramaho vanuṣyāt | tám... tápa... „кто (только), далекій, захочетъ вредить намъ, о Агни, кто (только), близкій, захочетъ враждовать, о равносильный Митрѣ, — того... сожги"...

Этотъ примѣръ отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, во-первыхъ, что данный глаголъ стоитъ здѣсь въ инъюнктивѣ (abhidāsat), и во-вторыхъ — тѣмъ, что тутъ же находимъ и конъюнктивъ (vanuṣyāt). И то и другое, думаю, еще болѣе оттѣняетъ конъюнктивно-волевой характеръ индикативовъ предыдущихъ примѣровъ.

8) Непосредственно слѣдующіе за вышеприведеннымъ подъ № 3 примѣромъ стихи Ṛgveda, VII, 104, 8—11 могутъ бытъ цитированы, какъ обороты, въ которыхъ послѣ мѣстоим. yas, yā, yad стоитъ индикативъ въ конъюнктивно-волевомъ значеніи, при императивѣ въ глав. предл. Приведу для примѣра стихъ 8-й: yó mā, pā́kena mánasā cárantam abhicáṣṭe ánṛtebhir vácobhiḥ | ...astv ā́sata indra vaktā || „кто (только) ко мнѣ, живущему въ простотѣ душевной (букв.: ходящему съ простодушнымъ сердцемъ или мыслью, чувствомъ), обращается съ нечестивыми

(или лживыми) словами, ...да будетъ онъ, о Индра, вѣщателемъ неправды (собств. того, чего нѣтъ)!“

Здѣсь индик. abhicaṣṭe, какъ видно изъ контекста, значитъ: „имѣетъ (злую) волю (стремится) обращаться (съ нечестивыми словами)“. Лексическія значенія остальныхъ индикативовъ этихъ стиховъ суть слѣд.: vihárante — (стремятся, имѣютъ злую волю) тормошить, dūṣáyanti (норовятъ) портить (или совращать)[1], dipsati — желаетъ вредить (дезидеративъ, что̀ какъ бы подчеркиваетъ, преувеличиваетъ конъюнктивно-волевой оттѣнокъ индикатива).

9) Ṛgveda, V, 20, 1: yám agne tvám cin mányase rayím tám á bhara... „какое, о Агни, ты (самъ) желаешь богатство, то (и) принеси“... Подобное же примѣненіе того же глагола man — въ ст. V, 39, 2. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, совмѣщаются и какъ бы другъ другу помогаютъ конъюнктивно-волевое значеніе индикатива и само лексическое содержаніе глагола (думать, считать, полагать, признавать за и т. п.). Приведу здѣсь и примѣръ Дельбрюка (стр. 319) — съ тѣмъ же глаголомъ man, но въ другомъ лексическомъ значеніи, обусловленномъ приставкою ati: áti vā yó maruto mányate no bráhma vā yáḥ kriyámāṇam ninitsāt tápūṃṣi tásmai vṛjináni santu — wer uns, o Maruts, verachtet, oder wer die Andacht, welche sich vollzieht, zu schmähen suchen wird, dem sollen die Ränke zu Qual werden. Я перевелъ бы: кто насъ норовитъ (имѣетъ злую волю) презирать, кто желаетъ (стремится) поносить совершаемый культъ (или молитву)... Здѣсь любопытно то, что индикативъ atimanyate стоитъ параллельно съ конъюнктивомъ дезидератива ninitsāt и, очевидно, его уравновѣшиваетъ, т.-е. выражаетъ тѣ же оттѣнки.

10) Другой примѣръ Дельбрюка (стр. 319) — Ṛgveda, I, 71, 6: svá á yás túbhyam dáma á vibháti námo vā dáçād uçató ánu dyún | várdho agne váyo asya dvibárhāḥ[2])... „кто (только) въ своемъ домѣ даетъ тебѣ блескъ или воздаетъ ежедневно поклоненіе (тебѣ) вожделѣющему (этого), — возвеличь (укрѣпи) его жизненную силу, о Агни — сугубо-мощный“...

---

[1]) Ст. 9-й: yé pākaçaṃsáṃ viháranta évair yé vā bhadráṃ dūṣáyanti svadhā́bhiḥ ....„которые, по (своему) обыкновенію, норовятъ безпокоить (тормошить) простодушно говорящаго (ср. pākena manasā carantam предыдущаго стиха 8-го), или которые стремятся испортить (совратить) добраго, по (своему) обычаю (или, пожалуй, лучше: по самой своей натурѣ)....“ Здѣсь весь контекстъ (по обычаю, по натурѣ) заставляетъ насъ соединять съ индикативами viharante и dūsayanti оттѣнокъ (злой) воли и преднамѣренности.

[2]) Оборотъ vardho.... vayo.... dvibarhāḥ — любопытенъ по своей архаичности: вм. „увеличь силу вдвойнѣ (сугубо)“, „сдѣлай ее сугубою“ и т. п. сказано: ты (самъ) сугубо-мощный, увеличь его силу“.... Толкуя оборотъ такимъ образомъ, я eo ipso не считаю нужнымъ принимать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые (см. петерб. слов. s. v. dvibarhas), что, по исключенію, форма dvibarhās (муж. р.) употребляется и для средн. рода (и также какъ нарѣчіе).

Здѣсь въ зависимомъ предложеніи индикативъ vibhāti стоитъ параллельно конъюнктиву dāçāt, и оба, очевидно, выражали не просто фактъ, но фактъ, осложненный волевымъ движеніемъ: „кто имѣетъ благое стремленіе сообщать блескъ огню (поддерживать священный огонь), кто стремится поклоняться ему"... Въ главн. предл. — инъюнктивъ.

11) Ṛgveda, IX, 67, 21: yád ánti yácca dūraké bhayám vindáti mā́m ihá | pávamāna ví tā́j jahi || „какой бы вблизи и какой бы вдали страхъ (опасность) ни норовилъ бы настигать меня здѣсь, — о Павамана (Сома), срази (убей) его!".

Перифразомъ „норовилъ настигать" передаю тотъ волевой оттѣнокъ, который, по-моему, скрывается въ индикативѣ vindati. Субъектомъ здѣсь является олицетворенный „страхъ", какъ нѣчто отдѣльное отъ человѣка, какъ (внѣшняя) опасность, ему угрожающая и одаренная волею (да еще — злою), — архаическая концепція, совершенно параллельная архаичности „волевого" индикатива. Въ главномъ предложеніи — императивъ.

Ограничиваясь на сей разъ этими примѣрами, позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній, которыя представляются мнѣ необходимыми для правильнаго пониманія разсматриваемаго оборота.

1) Наблюдая употребленіе наклоненій въ предложеніяхъ зависимыхъ, прежде всего нужно различать синтаксическія явленія болѣе или менѣе архаическія отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ языку, пережившему вѣка прогрессивнаго развитія и получившему изысканную литературную обработку. Было бы большой ошибкой судить, напр., о конъюнктивахъ въ зависимыхъ предложеніяхъ эпохи Ведъ съ точки зрѣнія соотвѣтственныхъ оборотовъ у классическихъ писателей Греціи и Рима. Подобные обороты могутъ иногда совпадать, но это совпаденіе, — чисто внѣшнее, — самый же смыслъ и духъ данныхъ формъ совпадать не могутъ. Какъ извѣстно, въ литературномъ лат. конъюнктивъ, въ греч. конъюнктивъ и оптативъ зависимыхъ предложеній перестаютъ быть наклоненіями субъективными въ собств. смыслѣ и становятся въ свою очередь объективными, приспособляясь къ выраженію различныхъ оттѣнковъ мысли, въ родѣ возможности, предположительности, неувѣренности и т. п. Въ этой роли они ужъ очень далеко отстоятъ отъ своего первоначальнаго значенія. Это послѣднее скорѣе чувствуется въ главныхъ предложеніяхъ.

2) Другое дѣло — языкъ Гомера, въ которомъ вообще сохранилось много архаизмовъ. Гомеровскіе обороты, отвѣчающіе вышеприведеннымъ ведійскимъ, въ общемъ запечатлѣны тѣмъ же архаическимъ характеромъ, какъ и послѣдніе. Примѣры собраны Дельбрюкомъ въ Syntaktische Forschungen, I, стр. 135 и сл. Конъюнктивы этихъ оборотовъ должны быть понимаемы приблизительно такъ же, какъ и ведійскіе конъюнктивы

и чередующіеся съ ними индикативы въ вышеприведенныхъ образцахъ, — они выражаютъ волю и другіе субъективные моменты, къ ней примыкающіе. Такъ толкуетъ ихъ и Дельбрюкъ.

3) Семасіологическая архаичность конъюнктива (и, по-моему, также индикатива — въ Ведахъ) въ разсматриваемомъ оборотѣ находится, полагаю, въ самой тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ оборотъ самъ по себѣ въ высокой степени архаиченъ. А эта его архаичность явствуетъ изъ слѣд.:

а) Во-первыхъ, въ немъ мѣстоим. относ. скр. yas, yā, yad, греч. *ὅς, ἥ, ὅ* не далеко отошли еще отъ своего первоначальнаго указательнаго и анафорическаго значенія. Скр. yas, yā, yad обыкновенно считаютъ уже перешедшимъ отъ анафоричности къ полной относительности, между тѣмъ какъ греч. *ὅς, ἥ, ὅ* еще сохраняетъ явные слѣды своего анафорическаго значенія. (См. Ѳ. Коршъ, „Способы относительнаго подчиненія", стр. 20; Delbrück, Syntactische Forschungen, I, 32). „Относительное" значеніе этого мѣстоименія должно было возникнуть изъ анафорическаго и дейктическаго еще до раздѣленія индо-европ. языковъ (вопреки мнѣнію Дельбрюка, ib.)[1]), но въ разныхъ языкахъ долго еще сохранялись остатки этого послѣдняго, — и санскритъ, именно ведійскій, въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Какъ на признакъ анафоричности или, можетъ быть, указательности вообще мѣст. yas, yā, yad, я укажу на тѣ самыя явленія, которыя Дельбрюкъ (стр. 33) ошибочно считаетъ болѣе поздними и несовмѣстимыми съ анафоричностью: это именно — постановка придаточнаго предложенія передъ главнымъ и повтореніе въ придаточномъ того слова главнаго предл., къ которому относится мѣстоименіе (или же его синонима). Должно различать слѣдующіе случаи: 1) viçâçca yásyā átithir bhávāsi sá yajñéna vanavad deva mártan (Ṛgv. V, 3, 5) — собств. и первоначально: „вотъ этой веси (общины) соблаговоляешь ты стать гостемъ, — она должна побѣдить смертныхъ силою культа!" Придаточное предложеніе предшествуетъ главному; слово, къ которому относится мѣстоименіе, находится въ придат. предл. и стоитъ передъ мѣстоименіемъ. 2) yám agne pṛtsú mártyam ávāḥ... „вотъ этому смертному, о Агни, ты помогаешь въ битвахъ, ... — и онъ..." и т. д. Придаточное предшествуетъ главному, и слово, къ которому отнесено мѣстоименіе, находясь въ придаточномъ, слѣдуетъ за мѣстоименіемъ. 3) yásmai tvám sukṛ́te ....ulokám agne kṛṇávah... „вотъ этому, хорошо — жертвующему, ты благоволишь,

---

[1]) По Дельбрюку, передъ раздѣленіемъ языковъ это мѣстоименіе было еще анафорическимъ, „относительное" же значеніе развилось изъ анафорическаго въ санскритѣ, зендѣ (т.-е. языкѣ Авесты) и греческомъ отдѣльно.

о Агни, даровать просторъ..." Придаточное предшествуетъ главному, мѣстоименіе имѣетъ самостоятельное положеніе во фразѣ, не относясь къ другому слову: оно — не прилагательное, какъ въ двухъ предыдущихъ случаяхъ, а существительное (не который, а кто, тотъ — кто); въ приведенномъ стихѣ не yásmai относится къ sukṛ́te, а наоборотъ, sukṛ́te — къ yasmai, какъ приложеніе. Или: yás tvā́m agna inádhate.... (Ṛgv. IV, 12, 1) — „вотъ тотъ тебя, о Агни, возжигаетъ, — да превосходитъ же онъ..." и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ придат. предложеніе поставлено передъ главнымъ именно потому, что мѣст. yas, yā, yad еще не выступаетъ здѣсь во всей полнотѣ своего относительнаго значенія и еще не отвлеклось отъ той анафоричности или той указательности, при которой такія предложенія были самостоятельными, а не придаточными. За этими оборотами все еще чувствуется прежняя паратактичность, и слово, къ которому мѣстоименіе отнесено, не было перенесено въ „придаточное" предл. изъ „главнаго", а и раньше тамъ находилось. — Напротивъ, когда такое придаточное слѣдуетъ за главнымъ, то это служитъ, на мой взглядъ, указаніемъ на нѣкоторый прогрессъ въ развитіи относительности мѣстоименія.

b) Во-вторыхъ, это мѣстоименіе въ разсматриваемомъ оборотѣ сбивается (какъ мы и переводили) на мѣстоим. неопредѣленное, т.-е. употреблено въ смыслѣ „который (какой) бы ни", „кто бы ни", „всякій кто" и т. п. Иначе говоря, оно исполняетъ не одну, а двѣ функціи: 1) относительнаго (resp. анафорическаго, дейктическаго) мѣстоименія и 2) неопредѣленнаго. Это несомнѣнный признакъ архаичности. Съ развитіемъ языка и мысли для различныхъ функцій приспособляются спеціальныя формы. Чѣмъ глубже будемъ опускаться въ древность, тѣмъ больше будемъ встрѣчать случаевъ грамматическаго „совмѣщенія должностей".

III. Къ разсмотрѣнному обороту непосредственно примыкаетъ, очевидно, изъ него же развившійся оборотъ съ союзомъ yad — въ значеніи „если, ежели". Союзъ yad возникъ изъ мѣстоим. относит. (анафор. или дейктич.) ср. р. yad. Замѣною этого союза служитъ другой — yadi. Тѣ же союзы употребляются и въ другомъ значеніи — когда; а yad также въ знач. чтобы и что. Но это уже другіе обороты, требующіе особаго разсмотрѣнія. Здѣсь я ограничиваюсь тѣмъ, въ которомъ эти союзы имѣютъ значеніе если, ежели.

Послѣ союзовъ yad, yadi въ значеніи если, ежели, по общему правилу, ставится конъюнктивъ.

1) Ṛgveda, IV, 16, 17: tigmā́ yád antár açánih pátāti kásmiñ cic chūra muhuké jánānām | ghorā́ yád arya sámṛtir bhávāty ádha smā nas tanvò bodhi gopā́ḥ | „Ежели (вдругъ) острое оружіе будетъ падать въ какое-либо столпленіе людей, о герой (Индра), если (вдругъ) страшная

битва возникаетъ, о благородный, — то будь хранителемъ нашего тѣла!" [1]) (Приведено у Дельбрюка, Altind. S., 322).

То обстоятельство, что дѣло идетъ объ оружіи (можетъ быть — молніи, см. примѣч.) и о битвѣ, ничуть не мѣшаетъ усматривать въ относящихся къ нимъ конъюнктивахъ волевой оттѣнокъ, при чемъ безразлично, въ самомъ ли дѣлѣ авторъ стиха вѣрилъ въ одушевленность этихъ вещей, или только по традиціи приписывалъ имъ волевые признаки: такое приписываніе во всякомъ случаѣ въ духѣ всего міросозерцанія эпохи. Я бы перифразировалъ такъ: ежели вдругъ оружіе (или молнія) норовитъ летѣть.... ежели битва хочетъ (готова) возникнуть и т. д. — Вся конструкція фразы такая же, какъ въ выше разсмотрѣнномъ оборотѣ. Въ придат. предл. — конъюнктивы, въ главномъ — императивъ.

2) Ṛgveda, X, 11, 8: yád agna eṣā́ sámitir bhávāti devī́ devéṣu yajatā́ yajatra | rátnāca yád vibhájāsi svadhāvo bhāgám no átra vásumantam vītāt || „ежели, о Агни, соизволитъ быть это божественное, священное собраніе у боговъ, о священный, и ты соблаговолишь распредѣлять блага, о божественный (? перевожу такъ условно трудный терминъ svadhāvant-), — то восприми (вкуси) тамъ нашу благую долю" [2]).

Перифразъ (черезъ „соизволитъ" и „соблаговолишь"), долженствующій намекнуть на волевое значеніе конъюнктивовъ, внесенъ мною въ переводъ. Въ главн. предл. — императивъ.

3) Ṛgveda, X, 87, 13: yád agne adyá mithunā́ çapāto yád vācás tṛṣṭám janáyanta rebhāḥ | manyór mánasaḥ çaravyā̀ jāyate yā táyā vidhya hṛ́daye yātudhānān || „ежели (вдругъ) сегодня двое (пара людей, м. б. чета, мужъ и жена) будутъ проклинать другъ друга, о Агни, ежели пѣвцы рождаютъ хрипоту рѣчи (пѣсни), то тѣми стрѣлами (можно перевести „градомъ стрѣлъ"), которыя рождаются (возникаютъ) изъ гнѣва души, порази въ сердце колдуновъ!"

---

[1]) Первую половину стиха можно понимать и такъ: „если (вдругъ) острый перунъ (молнія) станетъ падать въ какую-либо толпу людей...." **Muhuka** едва ли можетъ имѣть здѣсь значеніе **Augenblick**, какъ хотятъ Ротъ (въ петерб. сл., s. v.) и Грассманъ (**Wörterb. z. Ṛgv.**, s. v.); **muhukais** въ стихѣ **Ṛgv.** IV, 17, 12 Людвигъ переводитъ „**durch die Schlachtgetümmel**", что для контекста лучше, чѣмъ толкованіе Грассмана „**im Augenblick, plötzlich**". — Въ нашемъ стихѣ, при переводѣ **kasmin cid muhuke** черезъ „въ какое-либо мгновеніе", остается не пріуроченнымъ род. п. **janānām**. **Muhuka** легко могло значить сумятица, толпа, свалка. Людвигъ: **Kampfgetümmel**.

[2]) И этотъ стихъ цитируетъ Дельбрюкъ (Alt. Synt. 322), переводя послѣднюю фразу такъ: „**dann sollst du uns reiche Gaben bringen**". Людвигъ переводитъ: „**so nimm in Empfang dort unsern Anteil an Gutem**". Въ пониманіи глагола vī я стою ближе къ Людвигу. Смыслъ стиха: въ собраніи боговъ (въ жертвенномъ пиршествѣ) Агни распредѣляетъ богамъ дары, преподнесенные людьми, приносящими жертву, — такъ вотъ тѣ, отъ имени коихъ говоритъ авторъ, просятъ Агни, чтобы онъ ихъ долю, ихъ вкладъ, скушалъ самъ, — взялъ себѣ. Людвигъ понимаетъ vī въ переносномъ значеніи, я — въ прямомъ (вкушать).

Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ любопытное воззрѣніе на гнѣвъ, какъ на нѣчто объективное; два человѣка ссорятся и обмѣниваются проклятіями, пѣвцы поютъ съ хрипотою или грубымъ голосомъ (признакъ злобнаго настроенія или вообще чего-то нехорошаго, внѣдрившагося въ человѣка), — и вотъ Агни соберетъ этотъ гнѣвъ, эти проклятія, эту „хрипоту“, какъ бы выйметъ ихъ изъ гнѣвающихся и сдѣлаетъ изо всего этого оружіе („стрѣлы“), чтобы имъ сразить колдуновъ. Волевое начало ясно изъ самаго лексическаго значенія глаголовъ и изо всего контекста. Можно перифразировать такъ: „ежели два человѣка, движимые злой волей, проклинаютъ другъ друга, если пѣвцы, подъ давленіемъ дурного настроенія, порождаютъ хрипоту голоса“ и т. д. Въ зависимомъ предл. стоятъ: въ первомъ — конъюнктивъ (çapātas), въ второмъ — инъюнктивъ (janayanta). Въ главномъ — императивъ.

4) Ṛgveda, VIII, 24, 30: yát tvā pṛcchā́d ījānáḥ …„ежели принесшій жертву (совершившій жертвоприношеніе) тебя спроситъ“… Дальнѣйшее опускаю, въ виду темнотъ; думаю, вслѣдъ за Людвигомъ (переводъ, № 597), что въ главномъ предложеніи нужно подразумѣвать императивъ: „то скажи (отвѣчай)“. Полагаю, въ конъюнктивѣ pṛcchād волевой оттѣнокъ чувствовался: если захочетъ, пожелаетъ спросить (соб. спрашивать).

5) Ṛgveda, VIII, 32, 6: yádi me rāráṇaḥ sutá ukthé vā dádhase cánaḥ | ārā́d úpa svadhā́ gahi || „ежели (только, въ случаѣ ежели) ты находишь большое наслажденіе въ моемъ напиткѣ Сомы или же можешь получить удовольствіе отъ гимна, то приди издалека по своей волѣ (добровольно)“.

Здѣсь rāráṇas — конъюнктивъ интензива, dádhase — конъюнктивъ наст. врем. Въ глав. предл. — императивъ. Волевое начало въ конъюнктивахъ очевидно и къ тому же на него прямо указываетъ слово svadhā въ главн. предл. Дѣло въ томъ, что культъ вообще, а въ частности гимны (молитвы и пр.) и — спеціально для бога Индры, къ которому и обращенъ стихъ, — напитокъ Сомы, представлялись какъ родъ волшебной, магической силы, дѣйствующей на волю боговъ. Въ данномъ же случаѣ авторъ стиха не подчеркиваетъ этой точки зрѣнія, не хочетъ выставлять на видъ силы своего культа и предоставляетъ Индрѣ прійти издалека по доброй волѣ (svadhā — по своей волѣ), которая, однакоже, находится въ явной зависимости отъ удовольствія или наслажденія, доставляемаго Индрѣ напиткомъ Сомы и гимнами.

Подъ соотвѣтственной рубрикой (yád in der Bedeutung „wenn“) Дельбрюкъ (Altind. Synt., 322), кромѣ двухъ приведенныхъ и мною мѣстъ, цитируетъ еще Rgv. I, 48, 15; VI, 25, 7; VII, 93, 5, и всѣ эти стихи легко объясняются съ той же точки зрѣнія, съ какой объяснены вышеприведенные.

IV. Въ этомъ же оборотѣ и въ томъ же самомъ значеніи, какъ и конъюнктивъ, находимъ и индикативъ, иногда вмѣстѣ съ конъюнктивомъ.

1) Ṛgveda, VII, 89, 5: yát kíṃ cedáṃ varuṇa daívye jáne 'bhidrohám manusyā́ç cárāmasi | ácittī yát táva dhármā yuyopimá mā́ nas tásmād énaso deva rīriṣaḥ || „ежели какъ-нибудь (случится, что) мы, люди, совершимъ, о Варуна, обманъ (фальшь) по отношенію къ божественному сонму, если (вдругъ), по неразумію, мы нарушили твои законы, не нанеси намъ вреда, о боже, за этотъ грѣхъ!"

Въ первомъ зависимомъ предл. форма carāmasi есть обыкновенная индикативная форма, но можетъ сойти и за конъюнктивъ; во второмъ — индикативъ перфекта (yuyopima). Обѣ формы заключаютъ въ себѣ ясный намекъ на волевое движеніе, и я перифразировалъ бы: „ежели вдругъ мы обнаружимъ поползновеніе къ обману, ежели мы, по своей грѣховной природѣ, по неразумію, покусились нарушить твои законы" и т. д. Въ главн. предл. инъюнктивъ.

2) Ṛgveda, X, 2, 5: yát pākatrā́ mánasā dīnádakṣā ná yajñásya manvate mártyāsaḥ | agníṣ ṭád dhótā kratuvíd vijānán yájiṣṭho devā́n̐ ṛtuçó yajāti || „ежели (случится, что) слабосильные разумомъ смертные, въ (своемъ) невѣжествѣ, не помышляютъ о жертвоприношеніи, то Агни, жрецъ, знатокъ культа, мудрый, священнѣйшій да соизволитъ совершить жертву богамъ сообразно обряду (или своевременно)".

Въ зависим. предл. индикативъ съ волевымъ оттѣнкомъ въ томъ же смыслѣ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ. Въ главн. предл. — конъюнктивъ въ значеніи императива или въ переходномъ къ послѣднему значеніи долженствованія.

3) Ṛgveda, VIII, 102, 20: yád agne kā́ni kā́ni cidā te dā́rūni dadhmási | tā́ juṣasva yaviṣṭhya || „ежели мы, о Агни, кладемъ (даемъ) тебѣ какія бы то ни было дрова, вкушай ихъ, о юнѣйшій!" (Первая половина стиха — въ Atharvaveda, XIX, 64, 3).

Здѣсь въ зависимомъ предложеніи стоитъ индикативъ (dadhmasi) наст. вр. вм. конъюнктива, и, согласно предыдущимъ образцамъ, я приписываю ему волевой оттѣнокъ: „какія бы дрова мы ни вздумали тебѣ давать, — вкушай ихъ!" Въ глав. предл. — императивъ.

4) Ṛgveda, III, 40, 8, 9: arvāváto na ā́ gahi parāvátaç ca vṛtrahan | imā́ juṣasva no gíraḥ || 8 || yád antarā parāvátam arvāvátaṃ ca hūyáse | índrehá táta ā́ gahi || 9 || „издалека къ намъ приди, и — изблизи, о убійца Вртры! Вкушай эти наши гимны! — Если же (случится такъ, что ты будешь) между далью и близью (и) ты будешь призываемъ, — приди сюда, о Индра, (и) оттуда!"

Этотъ примѣръ любопытенъ въ томъ отношеніи, что глаголъ зависимаго предложенія стоитъ въ пассивѣ. Если въ этой формѣ (инди-

кативъ пассива — ḣūyáse) усматривать, согласно нашей точкѣ зрѣнія, присутствіе волевого оттѣнка, то спрашивается: кому припишемъ мы его, субъекту (Индрѣ), или подразумѣваемому дополненію („нами")? Отвѣтъ будетъ въ зависимости отъ нашего взгляда на степень пассивности данной формы. Извѣстно, что пассивъ возникъ изъ актива (въ обширномъ смыслѣ, т.-е. въ противоположность пассиву), и до сихъ поръ еще, съ точки зрѣнія чисто-грамматической, страдательные обороты должны быть понимаемы такъ, что дѣйствующее лицо или подлежащее этихъ оборотовъ есть то самое, которое выражено именительнымъ падежомъ: „NN. всѣми любимъ", „Индра призывается нами" — здѣсь подлежащія NN. и Индра, — это они дѣйствуютъ и дѣлаютъ — одинъ такъ, что его любятъ, а другой — такъ, что его призываютъ. Это одна изъ грамматическихъ фикцій (какихъ много въ языкѣ, въ грамматическомъ мышленіи); возникла же она въ силу того, что произошло — въ сознаніи говорящихъ — перемѣщеніе волевого представленія, связаннаго съ глаголомъ: пока это представленіе пріурочивалось къ подлежащему (именит. пад.), до тѣхъ поръ пассивности не было, но когда, въ силу какихъ-то, пока еще темныхъ, импульсовъ мысли, заключенной въ языкѣ, перестали пріурочивать это волевое глагольное представленіе къ подлежащему (имен. пад.) и стали относить его къ дополненію (косвенному пад.), то подлежащее перестало быть лицомъ фактически дѣйствующимъ, потеряло волевую силу, но осталось въ предложеніи — какъ фиктивно дѣйствующее, какъ грамматическая субъектная фикція. Если примемъ, что ведійскій пассивъ, въ данномъ случаѣ ḣūyáse, хотя уже и отдѣлился отъ глаголовъ IV класса (dīv), все-таки еще не отражался въ мысли, какъ настоящій пассивъ со всею присущей ему фиктивностью. субъекта, то нашу фразу мы передадимъ примѣрно такъ: „если, находясь между далью и близью, ты стремишься на нашъ призывъ", или: „ты готовъ (хочешь, воленъ, изволишь) внять зову" и т. п. Если же примемъ, что это уже пассивъ осуществленный, въ нашемъ смыслѣ, то намъ придется только перенести волевой признакъ отъ субъекта къ объекту: „ты призываешься нами", при чемъ „ты" остается субъектомъ, но безъ волевого признака, а „нами" надѣлено этимъ послѣднимъ[1]).

Въ глав. предл. — императивъ.

5) Ṛgveda, VIII, 1, 3: yác cid dhí tvā́ jánā imé nā́nā ḣávanta ūtáye | asmā́kam bráhmedám indra bhūtu té 'hā́ víçvā́ca várdhanam || „если и призываютъ тебя тѣ люди различными способами (или въ раз-

---

[1]) Есть какая-то связь между пассивностью и безсубъективностью. Пассивность представляется какъ-бы переходной ступенью отъ субъективныхъ оборотовъ къ безсубъективнымъ. Этому вопросу я предполагаю посвятить особый этюдъ, для котораго собираю матеріалъ (преимущ. изъ Ведъ, Бра́хманъ и изъ древне-еврейскаго).

ныхъ мѣстахъ) на помощь, но эта наша (а не другихъ) молитва да будетъ тебѣ, о Индра, во всѣ дни подкрѣпленіемъ!“

Въ зависимомъ предложеніи индикативъ (havante) съ волевымъ оттѣнкомъ — „стремятся призывать“. Въ глав. — императивъ.

6) Ṛgveda, VIII, 15, 12: yád indra manmaçás tvā́ nā́nā hávanta ūtáye | asmā́kebhir nṛ́bhir átrā svàr jaya || „ежели и призываютъ тебя на разные лады (или въ разныхъ мѣстахъ) гимнами (каждый своимъ гимномъ), (но) ты съ нашими мужами (а не другими) завоюй здѣсь свѣтъ!“

Стихъ—аналогичный предыдущему. Въ завис. пред. havante—индик. съ волев. оттѣнкомъ, въ глав. — императивъ.

7) Ṛgveda X, 164, 3, 4: yád āçásā niḥçásābhiçásopārimá jā́grato yā́t svapántaḥ | agnír víçvāny ápa duṣkṛtāny ájuṣṭāny āré asmád dadhātu || 3 || yád indra brahmaṇaspate 'bhidroham cárāmasi | prácetā na āṅgirasó dviṣatā́m pātv áṃhasaḥ || 4 || „ежели (случится, что) мы, бодрствуя или во снѣ, прегрѣшили желаніемъ, порицаніемъ, проклятіемъ[1]) (?), Агни всѣ прискорбныя (?) прегрѣшенія (м. б.: всѣ дурныя дѣянія (duṣkṛtāni) [ему] неугодныя (ajuṣṭāni) да удалитъ отъ насъ. — Ежели мы, о Индра, Брахманаспати, совершаемъ обманъ (фальшь), то (все-таки) мудрый Ангираса (Агни) да охранитъ насъ отъ утѣсненія (со стороны) враговъ!“

Въ зависим. предл. перваго изъ этихъ стиховъ — индикативъ перфекта (upārimá), въ зависим. предл. второго — индик. настоящаго врем. (cárāmasi), могущій сойти и за конъюнктивъ (ср. выше стихъ VII, 89, 5), и оба, по-моему, выражаютъ волевые оттѣнки: „норовить сдѣлать что-нибудь дурное“, „имѣть поползновеніе“ и т. п. Въ главныхъ предложеніяхъ — императивы.

8) Atharvaveda, VII, 106, 1: yád ásmṛti cakṛmá kím cid agne upārimá cárane jātavedaḥ | tátaḥ pāhi tvám naḥ... „ежели (случилось, что) по безпамятству мы сдѣлали что-либо, о Агни, прегрѣшили въ поведеніи, о Джâтавêдасъ, то спаси (охрани) насъ отъ этого (т.-е. вѣроятно, отъ послѣдствій этого)“.

Въ завис. предлож. два индикатива перфекта (cakṛmá и upārimá,— тѣ же глаголы, что̀ и въ предыдущемъ примѣрѣ), и мы видимъ въ нихъ тотъ же самый волевой оттѣнокъ. — Настоящій примѣръ любопытенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ yad можетъ быть понимаемо и какъ мѣстоименіе, или лучше какъ форма переходная отъ мѣстоименія къ союзу: yat kiṃ cid — то нѣчто, что (мы совершили, прегрѣшили), tatah pāhi — отъ того спаси...

Объ употребленіи индикатива въ этомъ оборотѣ упоминаетъ и Дель-

[1]) Не совсѣмъ ясны оттѣнки въ значеніяхъ терминовъ āças, niḥças и abhiças. Людвигъ переводитъ: Besprechung, Wegsprechung и Zusprechung (переводъ № 927). —

брюкъ (Altind. Synt., 323: Auch wechselt in solchem Falle der Conj. mit dem Indicativ) цитируя Ṛgveda, VIII, 66, 1, 2: yád indra prāg ápāg údāṅ nyàg vā hūyáse nṛ́bhiḥ | á yāhi tū́yam āçúbhiḥ ‖ 1 ‖ yád vā prasrávaṇe divó mādáyāse svàrṇare | yád vā samudré ándhasaḥ ‖ 2 ‖ „Magst du, o Indra, vorn, hinten, oben, unten gerufen werden von Männern, so komm schnell mit den schnellen herbei, oder magst an dem Quell des Himmels dich erlaben im Aether“[1]). Я бы перевелъ фразу нѣсколько иначе (и ближе къ переводу Людвига): „Ежели, Индра, (случится, что) тебя будутъ призывать люди на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, на югѣ, ты (все-таки) явись (къ намъ, а не къ нимъ) быстро, на быстрыхъ (коняхъ), — или если (случится, что) ты будешь наслаждаться въ свѣтоносномъ потокѣ, или же въ океанѣ цвѣтка (Сомы)“.

Здѣсь индикативъ перваго стиха (hūyáse) стоитъ параллельно конъюнктиву второго (mādáyāse). Въ глав. предл. — императивъ. Волевой оттѣнокъ обѣихъ формъ могъ бы быть перифразированъ такъ: „если ты изволишь быть призываемымъ людьми..., если ты изволишь наслаждаться...“

V. Всѣ приведенные здѣсь факты чередованія индикатива съ конъюнктивомъ и другіе, какіе могутъ быть собраны, должны представить нѣкоторый интересъ для синтаксическаго изслѣдованія о наклоненіяхъ въ томъ только случаѣ, если мы согласимся стать на слѣдующую точку зрѣнія:

1) Въ древнѣйшихъ памятникахъ наклоненія не могли быть выразителями тѣхъ значеній и оттѣнковъ мысли, выразителями которыхъ явились они въ памятникахъ болѣе позднихъ, въ особенности — въ языкахъ литературныхъ.

2) Въ языкѣ все — соотносительно, и если, напр., конъюнктивъ и оптативъ на раннихъ ступеняхъ развитія не были еще тѣмъ, чѣмъ стали они позже, то и индикативъ въ ту эпоху не могъ быть по всѣмъ пунктамъ тѣмъ индикативомъ, который предполагаетъ существованіе позднѣйшаго конъюнктива и оптатива[2]).

3) Съ семасіологической стороны слѣдуетъ различать: а) тѣ значенія, которыя даннымъ формамъ присущи, и б) тѣ, къ которымъ онѣ только способны. Напр., было время, когда значеніе, присущее конъюнктиву, было „воля“; но уже тогда конъюнктивъ былъ способенъ выражать и другія значенія, напр. „долженствованіе“; эти послѣднія сперва про-

[1]) Тутъ же Дельбрюкъ дѣлаетъ ссылку (vgl) на Ṛgv. VI, 46, 13, гдѣ однако стоитъ одинъ только конъюнктивъ (codáyāse), индикатива же нѣтъ.

[2]) Очевидно, именно такую соотносительность явленій языка и имѣлъ въ виду Потебня, когда писалъ: „Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно перестраивается заново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго“ (Изъ зап. по русской грам., 125).

являлись въ немъ лишь спорадически, потомъ развились, закрѣпились и даже стали вытѣснять его основное значеніе. Но едва ли могли бы въ немъ развиться такія значенія, къ которымъ онъ никогда не былъ способенъ. — Но способность формы къ извѣстнымъ значеніямъ можетъ не только расти, развиваться, а и умаляться, итти на убыль. Такъ напр., въ древне-русскомъ нѣкоторыя причастія еще сохраняли способность быть предикатомъ и замѣняли verb. fin.; сюда между прочимъ относятся многочисленные случаи употребленія союза *и* между причастіемъ и глаголомъ, указывающіе на ихъ равноправность, какъ предикатовъ, напр. Ипат. лѣт. 175: гражане же слышавше се *и* созвониша вѣче; любопытный случай этого рода въ церк.-слав. — Зограф. ев., стр. 1: **крьшть сѧ ӥс і въꙁиде отъ воды** — *καὶ βαπτισθεὶς ὁ Ἰησοῦς ἀνέβη εὐθὺς ἀπὸ τοῦ ὕδατος*, гдѣ славянскій переводчикъ вставилъ, повинуясь духу своего языка, союзъ *и*. (Вопросъ о предикативности причастій въ цер.-слав., др.-русск., другихъ слав. языкахъ и литов.-лот., какъ извѣстно, блистательно изслѣдованъ Потебнею въ его классическомъ трудѣ „Изъ записокъ по русской грамм.“). Такъ вотъ эта-то способность причастій съ теченіемъ времени умалялась и наконецъ исчезла.

Въ очень отдаленное время, когда существительное и прилагательное составляли ещо одну категорію, а не двѣ, и позже, когда существительныя уже обособились, но еще сохраняли живые слѣды своей былой близости къ прилагательнымъ, они, подобно послѣднимъ, измѣнялись по степенямъ сравненія. Эта способность долго еще сохранялась въ санскритѣ; въ греческомъ и другихъ языкахъ о ней свидѣтельствуютъ только болѣе или менѣе рѣдкіе остатки, какъ *βασιλεύτερος*, *βασιλεύτατος*, сл. **мѫжаи** — отъ **мѫжь**, **скотѣи** — отъ **скотъ** и т. п. Наконецъ она была утрачена.

Такъ вотъ я и думаю, что и въ семасіологическомъ обиходѣ глагола, и между прочимъ въ наклоненіяхъ, можно найти слѣды или признаки нѣкоторыхъ исчезнувшихъ способностей къ выраженію извѣстныхъ значеній. Я предполагаю, что индикативъ когда-то выражалъ субъективные оттѣнки, близкіе къ конъюнктивнымъ и, можетъ быть, еще и какіе-нибудь другіе; потомъ онъ пересталъ ихъ выражать по общему правилу, превратился въ глагольную форму, которая только указываетъ на фактъ, не оттѣняя его въ мысли представленіемъ волевого акта; но онъ все еще въ теченіе нѣкотораго времени сохранялъ способность — при случаѣ освѣжать въ мысли это волевое представленіе и, можетъ быть, и другіе конъюнктивные оттѣнки. Потомъ эта способность угасла.

Мнѣ казалось бы, что изъ приведенныхъ въ этой статьѣ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, гласящее такъ: въ ведійскомъ санскритѣ индикативъ еще сохранялъ нѣкоторую способность выражать конъюнктивные (волевые) оттѣнки, но эта способность находилась уже на пути къ исчезновенію.

ЧИСЛО АѲИНСКИХЪ БУЛЕВТОВЪ ПО ПРОЕКТУ 411 ГОДА.

(Arist. Ἀθην. πολ. 29—30.)

С. С. Слуцкаго.

Въ 29 и 30 главахъ *Ἀθ. πολ.*, излагая съ такимъ внимательнымъ сочувствіемъ, съ такой исключительной документальностью[1]) и исторію конституціоннаго проекта 411 г., и содержаніе самаго проекта, Аристотель, какъ думаютъ, не называетъ предполагавшагося числа членовъ *βουλῆς*. Между тѣмъ, съ одной стороны въ *βουλή* лежитъ центръ тяжести проекта; съ другой — умолчаніе цифры даетъ волю очень разнообразнымъ предположеніямъ. Такъ Вилламовицъ-Меллендорфъ и г. Бузескулъ принимаютъ, что въ *βουλή* входила ежегодно четверть „пяти тысячъ" (слѣдовательно около 1200—1300 чел., или, какъ полагаетъ г. Бузескулъ, за вычетомъ молодыхъ, около 1000 человѣкъ) — и, по нашему мнѣнію, это прямо вытекаетъ изъ нынѣшняго текста; но Кеніонъ (1-е и 2-е изд.; 3-го мы не видѣли) тоже „прямо изъ текста" выводитъ число 100 для членовъ *βουλῆς;* а Сандисъ, по аналогіямъ, считаетъ 400.

Возможность, при данныхъ условіяхъ, столь значительнаго разногласія указываетъ, какъ страненъ здѣсь пропускъ цифры[2]), какъ несогласенъ съ обычной въ *Ἀθ. πολ.*[3]) вѣрностью различенія между существенными или заслуживающими сохраненія чертами и ненужнымъ балластомъ.

Глава 30 съ § 2-го посвящена *βουλῇ* и говоритъ сначала о составѣ *βουλῆς*, затѣмъ о распорядкахъ въ ней. Здѣсь только одна фраза нарушаетъ Аристотелеву[4]) стройность плана: въ середину предложеній, гово-

---

[1]) *Ἀθ. πολ.* 28, 5; 32, 2 и 3; 33, 2; и др. — Sandys, Aristotle's Constitution of Athens, LVII съ примѣч. — Willamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen I, 100—108; 161—169; II, 113—125. — Бузескулъ, Аристотелева политія, Харьковъ 1895, 235 и со стр. 448.

[2]) См. наоборотъ постоянныя указанія въ главахъ: 4, 8, 21 — конституціи Драконта, Солона, Клисеена: *βουλεύειν δὲ τετρακοσίους καὶ ἕνα, βουλὴν δ' ἐποίησε τετρακοσίους, ἔπειτα τὴν βουλὴν πεντακοσίους ἀντὶ τετρακοσίων κατέστησεν.*

[3]) Покровскій, „Ж. М. Н. Пр." 1892, окт. — ноябрь; „Филолог.` Обозр.", т. VII и VIII. — Ср. Бузескула, гл. III.

[4]) Аристотель въ гл. 29—31 приводитъ подлинные акты, но пользуется ими такъ же, какъ историками, гдѣ онъ (Покровскій, „Ж. М. Н. Пр." 1892, окт.—ноябрь; „Филол.

рящихъ о составѣ *βουλῆς*, тотчасъ послѣ фразъ, совершенно, кажется, уже близко подошедшихъ къ названію цифры, введена фраза о занятіяхъ булевтовъ: *<βουλεύεσθαι> δὲ ᾗ ἂν δοκῇ αὐτοῖς ἄριστα ἕξειν περί τε τῶν χρημάτων, ὅπως ἂν σῶα ᾖ καὶ εἰς τὸ δέον ἀναλίσκηται, καὶ περὶ τῶν ἄλλων ὡς ἂν δύνωνται ἄριστα*,— и затѣмъ опять идетъ рѣчь о составѣ и притомъ какъ будто вслѣдъ за названной уже цифрой: *ἐὰν δέ τι θέλωσιν βουλεύσασθαι μετὰ πλειόνων*... Слѣдя за художественно-выдержанной нитью Аристотелева повѣствованія[5]), мы сразу почувствуемъ этотъ перерывъ и плохо помиримся съ нимъ.

Но эта некстати стоящая фраза сложилась въ полную и самостоятельную фразу лишь при помощи вставки, которую дѣлаютъ, на разные лады, всѣ издатели и къ которой они считаютъ себя вынужденными потому, что въ рукописи это мѣсто начинается просто словомъ *δέ*[6]).

А обратившись къ фотографическому (автотипному) изданію рукописи, мы увидимъ, что сама эта смущающая частица *δέ* начертана здѣсь способомъ необычнымъ для нашего писца: не сокращенно — *δ'*, а сполна — *δε*. Этой рукой писаны первые 12 столбцовъ рукописи (главы 1—30), и въ нихъ частица *δὲ* 183 ясныхъ раза написана *δ'* и лишь 11 разъ *δε*[7]).

Об.“, т. VII и VIII; Бузескулъ, гл. III) процѣживаетъ источникъ по словамъ, и съ одной стороны, тщательно сберегаетъ все пригодное, съ другой — все время имѣетъ въ виду свою цѣль и вводитъ, по мѣрѣ надобности, свою уясняющую и стройную редакцію. Кромѣ того, что это вообще и чувствуется, и выясняется составомъ цитатъ, см. въ концѣ гл. 29 аристотелевское *ὅπως* c. conj. безъ *ἄν* и далѣе замѣчаніе на мысль Клейтофонта.

[5]) Покровскій l. cit., особ. „Фил. Об.“ VIII.

[6]) Въ рукописи стоитъ: *και εις ενιαυτον βουλευειν δε ηι αν δοκηι* .. Издатели поправляютъ: *Кеніонъ: βουλεύειν· <βουλεύειν> δε...*; *Кайбель и Виламовицъ: βουλεύειν <τοὺς λαχοντας· πράττειν> δὲ...*; *Герверденъ и Лееувенъ* (по Сандису; такъ же *Ричардсъ* — ibid.): *βουλεύεσθαι ᾗ ἄν δοκῇ...*; *Blass: βουλεύειν <τοὺς λαχόντας· βουλεύεσθαι > δὲ...*; *Сандисъ: βουλεύειν· <βουλεύεσθαι> δὲ...*

[7]) *δ'* такъ распредѣляется по столбцамъ 1—12: 13, 13, 12, 7, 17, 10, 10, 16, 21, 10, 37 и 17 = 183 случая.

δε стоитъ въ столбцахъ: 1, 1, 2, 31, 41; 2, 36, 39; 5, 1, 7; 10, 7; 12, 32, 35 (главы: 1, 1, ib ; 3, 5; 4, 1 a; 6, 3; 7, 1 b; 12, 5; 13, 2; 24, 2 a; 30, 3 b; 30, 4 a).

Кромѣ перечисленныхъ 194 ясныхъ случаевъ, въ 19 чтеніе рукописи неясно: 1, 3, 21, 29 (если вообще тутъ есть *δὲ*), 43; 2, 1, 5, 9, ib.; 3, 21, 22; 4, 4, 24, 27, 28; 5, 21, 44; 6, 3; 9, 4; 11, 14 (главы: 2, 1; 3, 3, 5 b; 4, 2 b, ib. c., 3 a, ib. e., ib. f; 8, 3 a, ib. c; 11, 1 b; 12, 3, 4 a, ib. b; 14, 1; 15, 2 b, 4 a; 21, 4 b; 26, 2). Правда, въ 11, 14 (26, 2) на первый взглядъ стоитъ *δε*; но 1) здѣсь изъянъ въ рукописи; 2) сначала несомнѣнно стояло *δ'*, въ коемъ нижняя часть черты ' прикрылась затѣмъ кусочкомъ папирусной пленки — или въ древности, и въ такомъ случаѣ самъ писецъ тогда же надписалъ именно *ε*, или — при новой несовсѣмъ удачной реставраціи (м. б. слѣдовало перевернуть и положить лѣвѣе, гдѣ вышла бы часть *ω* для *ὥστε* въ строкѣ 13 и ' для *τ'* = *τῆς* въ стр. 14).

Но и изъ этихъ 11 разъ шесть приходятся на два первые столбца, гдѣ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, писецъ еще колебался (два случая въ первыхъ двухъ строкахъ, гдѣ вообще еще нѣтъ сокращеній — см. тамъ *μέν* и *τῶν*); два раза въ столбцѣ 5-мъ: *ἐγὼ δὲ τούτων* въ стихахъ, въ началѣ страницы и стиха и *τρεῖς δὲ ἀγροίκων*, гдѣ должна быть элизія, между тѣмъ какъ знакъ *δ'* усвоенъ у нашего писца неэлидируемому *δέ* (другой случай *δὲ* передъ гласной безъ элизіи — только въ 1, 31 (гл. 30, 5) *ἐπεὶ δὲ Ἐπίλυκος*, гдѣ также выписано сполна *δε*, и гдѣ прямо можно предположить, что это начертаніе указываетъ на элизію, которую нельзя было провести въ письмѣ, написавъ *δεπιλυκος*, чтобъ не вызвать недоразумѣнія относительно имени, для *Ἀθ. π. ἅπαξ εἰρημένον*); а затѣмъ, на столбцахъ 6—12 ($^{2}/_{3}$ всей работы этого писца) лишь три раза стоитъ *δε*, при чемъ разъ, 12, 32 (гл. 30, 3 в.) очевидно ради калиграфіи: красиво, съ росчеркомъ заполняя конецъ строки.

Нельзя ли думать, что писецъ намѣренно не поставилъ здѣсь знака частицы *δέ*, и именно потому, что самъ сомнѣвался въ вѣрности такого нескладнаго чтенія, хотя и видѣлъ въ своемъ подлинникѣ что-то больше всего похожее, по его мнѣнію, на *δε*? И въ такомъ случаѣ не было ли это „что-то“ той цифрой, которой требуетъ контекстъ?

Въ большей части нашей рукописи (руки 1, 2 и 4-я) *ε* весьма сходно съ *σ* и рѣже съ *τ*, съ тѣмъ и съ другимъ порой до тожества (изъ массы примѣровъ см. окончаніе *τες*, напр. въ *ὀμόσαντες* 12, 3); далѣе не только въ нашемъ памятникѣ, но и въ Эпимаховомъ счетѣ того же папируса, написанномъ очень четкой и красивой рукой, мы встрѣчаемъ такое начертаніе *α*, что приставивъ къ нему слѣва знакъ тысячи (черту), получимъ нѣчто весьма близкое ко многимъ *δ* нашей рукописи (между прочимъ и къ *δ* въ данномъ *δε* 12, 35) — см., напр., Эпим. счетъ, табл. XXII, строка 2 автотипнаго изд. *Ἀθ. πολ.*

Вмѣсто того, чтобъ вставлять цѣлое слово или, еще хуже, нѣсколько словъ, или выпускать *δε*, пріемлемѣе — объяснить это неумѣстно стоящее и необычно для нашего писца начертанное „*δὲ*“ цифрою *͵ασ* или *͵ατ*

Далѣе 11, 41 (28, 5) какъ поправка стоитъ *ε* надъ строкой, надъ буквами *οι* въ *δοι* (такъ что *δ'οί* исправлено въ *δέ*, — способъ поправки обычный въ рукописи), а въ началѣ 12, 1 (29, 2), послѣ ряда поправокъ, надъ строкой вышло приблизительно *ηνδε* т.-е. *ἦν δὲ*, но въ замаранномъ или замаравшемся текстѣ есть и *ηνδ'*. — Наконецъ 7, 12 и 10, 21 (18, 1 и 25, 1) Кеніонъ и Сандисъ лишь ошибкой пишутъ *δε*, Бласъ же правильно, по рукописи: *οδιππαρχος, ετηδεπτα*, т.-е. *ὁ δ' Ἵππαρχος, ἔτη δ' ἑπτά*, и очевидно сюда же надо отнести *οδε* въ 6, 8 (15, 5), т.-е. *ὁ δ' ἐ[πεὶ]*, а не по Сандису *ὁ δὲ [ἐπεὶ]*.

Нашимъ писцомъ *δ'ἐ* и *δ'ὲ* пишутся сполна — *δε* (мы лишь разъ замѣтили ошибку *δ'κ*, т.-е. *δ'ἐκ*, въ 12, 19 (29, 3), какъ одинъ же разъ отмѣтили *δ'ον* = *δέον* въ 12, 35 (30, 4). Вообще же *δ'* примѣняется: для неэлидируемаго *δὲ*, порой для *δε* въ *δέκα* и производныхъ и порой же для *δε* въ *μηδέ*, *τόδε* и т. п.

оригинала,— и ,ασ, болѣе правдоподобное по смыслу, правдоподобнѣе и графически.

Такимъ образомъ и получается число булевтовъ: 1200 (конечно, приблизительное, какъ и цифра 5000), т.-е. четверть полноправныхъ гражданъ, и все мѣсто 30, 3—4 *βουλὰς δὲ ποιῆσαι... ἡλικίας* становится цѣльнымъ, ибо мысль: *ᾗ ἂν δοκῇ...* лишившись самостоятельной формы, не прерываетъ нити рѣчи[8]).

Не противорѣчатъ ли реальныя данныя принятію цифры 1200?

Какъ умѣстно представленіе этой цифры въ проектѣ 411 г., какую осмысленную стройность получаетъ при ней весь проектъ — см. Willamowitz-Moellendorff, II, 116 - 120.

Что же касается даннаго мѣста, то наиболѣе прямой смыслъ его — тотъ, что жребій мечется между *βουλαί*, а не между отдѣльными гражданами, что какъ всѣ (*τοὺς ἄλλους*) должны быть раздѣлены, такъ всѣ же должны и *κατ' ἐνιαυτὸν βουλεύειν;* что булевтами, повидимому, исчерпывается вся *λῆξις* даннаго года, ибо когда хотятъ усилить составъ *βουλῆς*, то приглашаютъ *ἐκ τῆς αὐτῆς* не *λήξεως*, а *ἡλικίας* — изъ всего состава полноправныхъ гражданъ. Притомъ раздѣленіе гражданъ заранѣе (*εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον*), впередъ на четыре года, на такихъ, которые будутъ булевтами, и такихъ, которые ими не будутъ, было бы и не похоже на Аѳины, и неполитично; а раздѣленіе по четыремъ *λήξεις* тѣхъ, которые не попали въ *βουλαί* было бы совершенно безцѣльнымъ.

Предположеніе Кеніона о ста булевтахъ разбивается словами 30, 2 о должностныхъ лицахъ: *αἱρεῖσθαι δὲ πάντας* (а ихъ было свыше 92, см. Сандиса) *ἐκ προκρίτων, ἐκ τῶν ἀεὶ βουλευόντων πλείους προκρίνοντες.* Аналогія же солоновыхъ 400 и драконтовыхъ 401 устраняется мѣстомъ 31, 1, гдѣ говорится объ учрежденіи временнаго правленія: *βουλεύειν μὲν τετρακοσίους*, не *τοὺς τετρακοσίους* (ср. и тексты въ прим. 3). И именно конституціей Драконта (гл. 4)[9]), съ которой, несомнѣнно, въ тѣсной связи стоитъ проектъ 411 года (Will.-Moell. II, 114), дается совершенно обратное такой аналогіи и весьма существенное указаніе. Тамъ установлялась идея очереди, съ цѣлью преемственнаго участія всѣхъ гоплитовъ во власти[10]). Но тамъ не было опредѣлено число гоплитовъ,

---

[8]) Во второй части этой главы, въ 28, 4, — мы, опять по требованію стройности плана, признаемъ, изъ двухъ спорныхъ чтеній, *πληροῦν*. См. Кайбеля, Stil und Text der *Πολ. Ἀθ.* des Ar., 1893, стр. 189, Сандиса и Бузескула. Благодаря такому чтенію устраняются и значительныя затрудненія въ толкованіи мѣста (см. Сандиса).

[9]) Мы полагаемъ, что близко время, когда прочно подтвердится подлинность 4-й главы. Ср. Бласса въ Neue Jahrb. d. klass. Philol., 1895—6, и важное для 1—4 главы замѣчаніе Ловягина въ его изд. *Ἀθ. π.*, стр. XIX.

[10]) Представляя въ этомъ отношеніи какъ одно цѣлое *βουλὴν* и *τὰς ἄλλας ἀρχὰς* — зерно объединенія ихъ въ проектѣ 411 г.

поэтому не опредѣлялось заранѣе и число очередей: просто постановили, что разъ отбывшій должность, не получаетъ вновь должности, пока всѣ гоплиты не пройдутъ черезъ власть. Въ 411 г. возстановляется принципъ участія всѣхъ по очереди въ *βουλή* (въ которой объединены уже всѣ власти), и дѣлается шагъ впередъ: послѣднія очереди не рискуютъ оказаться слабыми, ибо жеребьевка производится между опредѣленными въ своемъ составѣ *βουλαί*, на которыя сто законодателей уже заранѣе раздѣлили *ὡς ἰσαίτατα* все „5000"-ное гражданство.

NB. Настоящая статья представляетъ собою извлеченіе изъ доклада, читаннаго въ Историческомъ Обществѣ при Московскомъ университетѣ. Изслѣдованіе сдѣлано вмѣстѣ съ кн. П. П. Волконскимъ, когда онъ занимался выясненіемъ содержанія и источниковъ главъ 28—34. Вслѣдствіе заграничной поѣздки кн. Волконскаго, я одинъ, по памяти, изложилъ добытое вмѣстѣ, и это особенно должно было отразиться на реальной части — области мнѣ чуждой.

ТРАДИЦІЯ ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ.

М. И. Мандеса.

Исторія такъ называемой Лелантской войны подала поводъ многочисленнымъ, часто въ высшей степени остроумнымъ комбинаціямъ. Укажу только на гипотезы К. О. Миллера[1]), К. Ф. Германа[2]), Курціуса[3]), Гальма[4]). Я не намѣренъ ни входить въ критическій разборъ этихъ гипотезъ, ни пытаться увеличивать ихъ и безъ того значительное число — моя цѣль гораздо скромнѣе и уже: я намѣренъ дать анализъ тѣхъ разрозненныхъ свидѣтельствъ древности, на которыхъ опираются наши свѣдѣнія о занимающемъ насъ фактѣ, и попытаться установить ихъ взаимоотношеніе. Если при этомъ и получится извѣстный историческій результатъ — къ сожалѣнію отрицательный — то не къ нему я непосредственно стремлюсь. Въ вопросахъ, касающихся древнѣйшей греческой исторіи, установленіе происхожденія исторической традиціи часто единственное, на что мы можемъ разсчитывать.

Древнѣйшее датируемое свидѣтельство принадлежитъ Геродоту[5]). На помощь Милету, возставшему противъ персидскаго владычества, пришли аѳиняне, *ἅμα ἀγόμενοι Ἐρετριέων πέντε τριήρεις, οἳ οὐ τὴν Ἀθηναίων χάριν ἐστρατεύοντο, ἀλλὰ τὴν αὐτῶν Μιλησίων, ὀφειλόμενά σφι ἀποδιδόντες· οἱ γὰρ δὴ Μιλήσιοι πρότερον τοῖσι Ἐρετριεῦσι τὸν πρὸς Χαλκιδέας πόλεμον συνδιηνείκεσαν, ὅτεπερ καὶ Χαλκιδεῦσι ἀντία Ἐρετριέων καὶ Μιλησίων Σάμιοι ἐβοήθεον.*

Само собой понятно, что мы не можемъ на основаніи этихъ словъ пытаться установить хронологическое опредѣленіе факта; мы одинаково не знаемъ, когда помогалъ Милетъ Эретріи, и когда Самосъ стоялъ на сторонѣ Халкиды. Но и Геродотъ не желалъ дать точной даты. *Ὅτεπερ καί* не даетъ опредѣленія времени, а только устанавливаетъ полную одновременность двухъ событій[6]). Геродоту и незачѣмъ было

---

1) Aeginetica 114.
2) Gesammelte Abhandlungen, стр. 187 слл.
3) Hermes, X, 218 слл.
4) Festschrift, E. Curtius gewidmet, 21 слл.
5) V, 99.
6) Ср. Herod. I, 73; VI, 106.

давать даты, такъ какъ событія разсказываются имъ не ради ихъ самихъ, а для объясненія позднѣйшаго факта. Зналъ ли онъ время его — мы рѣшить не можемъ, во всякомъ случаѣ онъ могъ его знать; намъ его свидѣтельства въ этомъ отношеніи не помогутъ.

Геродотъ видитъ причину помощи, оказанной Эретріей Милету въ чувствѣ благодарности первой къ послѣднему. Новѣйшіе историки удовлетворяются этимъ объясненіемъ[1]). На самомъ дѣлѣ едва ли это такъ. Политическія событія чаще всего объясняются игрой политическихъ интересовъ, а не туманными воспоминаніями о давно прошедшемъ. Причина, выставленная Геродотомъ, кажется тѣмъ, что грамматики называютъ субъективной причиной, тѣмъ мотивомъ, который кто-нибудь выставилъ, какъ побудительную причину дѣйствій.

У Геродота фактъ обосновывается съ двухъ сторонъ: положительно и отрицательно. Эретрійцы пошли ради самихъ милетянъ, а не въ угоду аѳинянамъ. Здѣсь, очевидно, полемика противъ извѣстнаго въ извѣстныхъ кругахъ принятаго мнѣнія, которое, пожалуй, и есть единственно справедливое. Если бы мы предположили, что въ Эретрію пришли послы изъ Милета, то имъ всего естественнѣй было бы мотивировать свою просьбу о помощи тѣми соображеніями, которыя и выставляетъ Геродотъ. Но просилъ ли Милетъ помощи у Эретріи? По Геродоту — нѣтъ. Посломъ отправляется одинъ Аристагоръ, сначала въ Спарту — *ἔδεε γὰρ συμμαχίης τινός οἱ μεγάλης ἐξευρεθῆναι*[2]), оттуда въ Аѳины — *αὕτη γὰρ ἡ πόλις τῶν λοιπέων ἐδυνάστευε μέγιστον*[3]) — и никуда больше онъ не приходилъ, а прямехонько отплылъ въ Милетъ[4]). Обращеніе ко всей Элладѣ выдумано историками и патетическіе возгласы, напримѣръ, Дункера[5]) — одна изъ тѣхъ красивыхъ фразъ, которыми онъ такъ охотно расцвѣчивалъ свой разсказъ. Дѣло было спѣшное: іоняне не могли странствовать по всей Элладѣ; они, какъ это настоятельно повторяетъ Геродотъ, могли обратиться только къ наиболѣе крупнымъ государствамъ того времени. Аѳины въ то время еще не развили своихъ силъ, но даже тогда онѣ для Милета были наиболѣе крупной изъ тѣхъ силъ, на помощь которыхъ онъ могъ разсчитывать. Эретрія къ тому времени была слишкомъ ничтожна. А между тѣмъ, именно въ связи съ аѳинской политикой всего понятнѣй и дѣйствія Эретріи, всецѣло находившейся въ сферѣ вліянія Аѳинъ, занявшихъ послѣ покоренія Халкиды господствующее положеніе на Эвбеѣ[6]). Во время персидскихъ войнъ эретрійцы нахо-

---

[1]) Dunker VII, 42. Beloch 350. Busolt II², 548.
[2]) V, 88.
[3]) V, 97.
[4]) V, 98.
[5]) l. l.
[6]) Dunker VI, 574.

дятся въ тѣснѣйшей связи съ аѳинянами. Только при существованіи такой связи имѣетъ смыслъ просьба эретрійцевъ о помощи во время нашествія Мардонія, равно какъ и просьба переселить ихъ на земли аѳинскихъ клеруховъ[1]).

Но какова бы ни была истинная причина помощи, оказанной Милету Эретріей, отрицать въ данномъ случаѣ иниціативу аѳинянъ могъ только не аѳинскій источникъ. Этотъ выводъ я считаю несомнѣннымъ; къ сожалѣнію, онъ отрицательный. Относительно самаго происхожденія извѣстія можно позволить себѣ только гипотезу. Цѣль источника, лежащаго въ основаніи Геродотовскаго разсказа, очевидно въ томъ, чтобы указать на самостоятельность Эретріи, чтобы придать вмѣшательству эретрійцевъ въ іонійское возстаніе наиболѣе самостоятельный характеръ; эту цѣль могъ ставить себѣ только, съ одной стороны, мѣстно-эретрійскій, съ другой — нерасположенный къ Аѳинамъ источникъ. Изъ бесѣдъ съ эретрійцами Эвбеи или — что не лишено вѣроятія — съ тѣми, которыхъ Геродотъ встрѣтилъ въ Персіи[2]), онъ могъ почерпать свои свѣдѣнія. Конечно, это не исключаетъ письменнаго источника. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Геродота — тенденціознаго характера. Самый фактъ не долженъ быть подвергаемъ сомнѣнію, но характеръ его не могъ быть яснымъ и для самого писателя. Для насъ остается только зарегистрировать его.

Слѣдующее по времени свидѣтельство принадлежитъ Ѳукидиду[3]). Указавъ на то, что въ древности большая часть войнъ имѣла крайне незначительные размѣры, что вели ихъ обыкновенно близкіе сосѣди, общихъ же предпріятій не было, — онъ ограничиваетъ, но, конечно, и поясняетъ свою мысль слѣдующими словами: *μάλιστα δὲ ἐς τὸν πάλαι ποτὲ γενόμενον πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριέων καὶ τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν ἐς ξυμμαχίαν ἑκατέρων διέστη.*

И здѣсь, какъ мы видимъ, нѣтъ никакой даты, но, кажется, есть и нѣчто большее: Ѳукидидъ не только не даетъ никакого хронологическаго опредѣленія сообщаемаго имъ факта, но прямо отказывается его дать — *ποτὲ*, очевидно, доказываетъ, что Ѳукидидъ не зналъ, когда произошла война. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается, если мы сравнимъ тѣ точныя даты, которыя онъ даетъ въ предшествующей главѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что руководствомъ намъ можетъ служить слово *πάλαι*, котораго смыслъ мы можемъ въ данномъ случаѣ опредѣлить съ достаточной точностью. Въ началѣ 15-й главы Ѳукидидъ отличаетъ *τὰ παλαιὰ ναυτικὰ* отъ *τὰ ὕστερον γενόμενα*. Разсказавши о коринѳянахъ, которые первые завели флотъ — *παλαιὸν*, — и Аминоклѣ,

---

[1]) Herod. VI, 100.
[2]) VI, 119.
[3]) I, 15.

который выстроилъ самосцамъ корабли за 300 лѣтъ до конца Пелопоннесской войны, о древнѣйшей морской битвѣ, имѣвшей мѣсто за 260 лѣтъ до конца той же войны, и т. д., онъ говоритъ, что и у іонянъ много позже, *ὕστερον πολύ*, оказался флотъ, и разсказываетъ дальше о фокейцахъ, объ улучшеніяхъ въ морскомъ дѣлѣ, о сицилійскихъ тиранахъ и т. д. Очевидно, *τὰ ὕστερον γενόμενα* слѣдуетъ считать съ войны іонянъ съ Киромъ, приблизительно съ 557 года. Но, во-первыхъ, едва ли мы въ правѣ предполагать у Өукидида столь точное употребленіе терминовъ *πάλαι* и *ὕστερον*, самихъ по себѣ очень неопредѣленныхъ. Во-вторыхъ, допуская даже и это, мы должны будемъ признать въ этомъ случаѣ пріуроченіе Өукидида за комбинацію, для насъ необязательную. Не зная даты войны, онъ могъ бы только по догадкамъ отнести ее къ опредѣленной эпохѣ.

Точный смыслъ словъ Өукидида говоритъ противъ того крупнаго значенія, которое нашей войнѣ придаютъ Курціусъ и Гальмъ. *Μάλιστα* противополагаетъ ее остальнымъ войнамъ, мелкимъ столкновеніямъ сосѣдей. Цѣль Өукидида въ томъ, чтобы показать, что въ древней Греціи крупныхъ предпріятій не было; самое крупное, о которомъ онъ знаетъ, — это война халкидянъ и эретрійцевъ, но она не мѣшаетъ ему сдѣлать свое общее заключеніе: ясно, что онъ ее считаетъ событіемъ далеко не важнымъ. При тѣхъ размѣрахъ, которые ему придаютъ названные ученые, все разсужденіе Өукидида не имѣло бы смысла; онъ самъ подорвалъ бы его своей оговоркой.

Итакъ, ни Геродотъ, ни Өукидидъ не даютъ намъ никакой даты. Смыслъ сообщаемаго для насъ одинъ и тотъ же, только у Өукидида то же выражено болѣе общимъ и неопредѣленнымъ способомъ. Өукидидъ очень хорошо могъ построить свое замѣчаніе на основаніи словъ Геродота; сдѣлалъ ли онъ это,

οὐκ οἶδ᾽· ἐφ᾽ οἷς γὰρ οὐ φρονῶ σιγᾶν φιλῶ.

Есть у насъ и еще одно свидѣтельство, дошедшее къ намъ подъ именемъ Өеогнида. Съ него бы намъ и начать слѣдовало, если бы оно не вызывало самыхъ основательныхъ сомнѣній, лишающихъ насъ всякой возможности его датировать.

Въ сборникѣ стихотвореній Өеогнида[1]) мы читаемъ:

Οἴμοι ἀναλκίης· ἀπὸ μὲν Κήρινθος ὄλωλεν,
Ληλάντου δ᾽ ἀγαθὸν κείρεται οἰνόπεδον,
οἱ δ᾽ ἀγαθοὶ φεύγουσι, πόλιν δὲ κακοὶ διέπουσιν.
ὡς δὲ Κυψελιδέων[2]) *Ζεὺς ὀλέσειε γένος.*

[1]) 891—4.

[2]) Ркп. *κυψελίζων* или *κυψελλίζον*; несомнѣнное исправленіе принадлежитъ Г. Герману.

Здѣсь ни слова не говорится о Лелантской войнѣ; была война, но кто съ кѣмъ дрался, — не вѣдомо. Толкованія расходятся. Герцбергъ[1]) впервые предложилъ относить стихи къ завоеванію Халкиды аѳинянами въ 506 году. Дункеръ[2]) развилъ эту гипотезу въ цѣлый романъ. Не стану доказывать всей несостоятельности и невозможности этого предположенія, довольствуясь тѣмъ, что отошлю читателя къ статьѣ В. Фишера[3]), несомнѣнно рѣшающей вопросъ.

Приходится относить стихотвореніе къ борьбѣ Халкиды съ Эретріей. Но къ какому періоду? Мы съ извѣстной точностью знаемъ время жизни Ѳеогнида, но принадлежитъ ли стихотвореніе ему? Рѣшить вопросъ такъ легко, какъ это дѣлаетъ Бергкъ[4]), нельзя. Стихотвореніе можетъ заключать въ себѣ намекъ на надпись статуи, поставленной въ Олимпіи Кипселомъ[5]), и все-таки быть подлиннымъ. Главный аргументъ противъ подлинности стиховъ, уже не разъ выставляемый, напр. Фишеромъ[6]), заключается въ томъ, что *πάλιν* прямо, безъ всякаго ближайшаго указанія, у Ѳеогнида можетъ означать только Мегару; въ нашемъ стихотвореніи оно ея означать не можетъ.

Но можно ли говорить о всемъ стихотвореніи, представляетъ ли оно нѣчто въ себѣ цѣлое? Мнѣ кажется, нѣтъ – какъ бы мы его себѣ ни объясняли. Если поэтъ оплакиваетъ бѣдствія халкидянъ, какъ предполагаетъ, напр., Фишеръ, то непонятны проклятія, посылаемыя имъ Коринѳу. Послѣ уже цитованной статьи Курціуса не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Коринѳъ стоялъ на сторонѣ Халкиды. Если же поэтъ стоитъ на сторонѣ Эретріи, какъ предполагаетъ между прочимъ Гартунгъ[7]), то рѣшительно непонятны его сѣтованія по поводу паденія аристократіи. Насколько мы знаемъ, оба государства имѣли аристократическое управленіе[8]); если оно гдѣ-нибудь уступило мѣсто демократіи, то только въ Эретріи. Побѣда Халкиды должна бы была поддержать „лучшихъ" въ Эретріи.

Послѣдніе два стиха — обычная у Ѳеогнида пѣсня; они подходятъ какъ нельзя лучше къ положенію Мегары, тирановъ которой, несо-

---

1) Prutz, Litterarisch-historisches Taschenbuch 1845, p. 354.

2) VI, 575.

3) Götting. gelehrte Anzeigen 1864, № 35, рецензія Baumeister, Topographische Skizzen der Insel Euboea. Возраженія Унгера — Abhandl. d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, Phil.-Hist. Cl. XVII (1886) 522, — не ослабляютъ доводовъ Фишера. Догадка Гутшмида (Flach, Gesch. d. griech. Lyrik, 410) не обоснована авторомъ, да и не поддается обоснованію.

4) P. L. G. a. 2.

5) Свидѣтельства см. у Busolt, Gr. G., I², 641, пр. 3.

6) l. l.

7) Griechische Elegiker, I, 23.

8) Свидѣт. собраны у Busolt I², 455, пр. 1.

мнѣнно, поддерживали Кипселиды. Мы имѣемъ дѣло съ вольной или невольной контаминаціей двухъ отрывковъ Θеогнида — осторожнѣй будетъ сказать Θеогнидовскаго сборника — явленіемъ, какъ мнѣ кажется, гораздо болѣе въ этомъ сборникѣ распространеннымъ, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ.

Если намъ, такимъ образомъ, приходится считаться только съ первыми стихами нашего четверостишія, то придется только зарегистрировать тотъ фактъ, что когда-то палъ Керинѳъ и опустошались лелантскіе виноградники. Но когда, какъ, въ какой связи произошелъ этотъ фактъ, — мы не знаемъ: объясненіе Герцберга-Дункера и въ этомъ случаѣ не становится основательнымъ.

Свидѣтельства Геродота и Θукидида говорятъ объ одномъ опредѣленномъ фактѣ. Относить остальныя показанія о столкновеніяхъ между Халкидой и Эретріей именно къ этому факту уже a priori не научно. Со времени К. Ф. Германа всякій долженъ былъ бы дѣлать различіе между эпизодомъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, и тѣмъ длиннымъ рядомъ порубежныхъ войнъ, который соединенъ подъ общимъ названіемъ „Лелантской“ войны. Разбирая остальныя свидѣтельства, я и буду придерживаться этого различенія, не позволяя себѣ произвольной ихъ комбинаціи съ показаніемъ Геродота и Θукидида.

Рядъ свидѣтельствъ основанъ на надписяхъ, хранившихся при храмѣ Амаринѳійской Артемиды, что̀ уже одно заставляетъ предполагать ихъ общее происхожденіе.

У Страбона[1]) мы читаемъ *τὴν δύναμιν τὴν Ἐρετριέων, ἣν ἔσχον ποτὲ, μαρτυρεῖ ἡ στήλη, ἥν ἀνέστησάν ποτε ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἀμαρυνθίας Ἀρτέμιδος· γέγραπται δ' ἐν αὐτῇ τρισχιλίοις μὲν ὁπλίταις ἑξακοσίοις δ' ἱππεῦσι ἑξήκοντα δ' ἅρμασι ποιεῖν τὴν πομπὴν... τὸ μὲν οὖν πλέον ὡμολόγουν ἀλλήλαις αἱ πόλεις αὗται, περὶ δὲ Ληλάντου διενεχθεῖσαι... οὐχ οὕτω τελέως ἐπαύσαντο* (лакуна, смыслъ которой однако ясенъ: пропущено что-нибудь, означавшее „дружескія отношенія“) *ὥστε ἐν τῷ πολέμῳ κατὰ αὐθάδειαν δρᾶν ἕκαστα, ἀλλὰ συνέθεντο, ἐφ' οἷς συστήσονται τὸν ἀγῶνα. δηλοῖ δὲ καὶ τοῦτο ἐν τῷ Ἀμαρυνθίῳ στήλη τις φράζουσα μὴ χρῆσθαι τηλεβόλοις.*

Слѣдуетъ рядъ мѣстъ изъ каталога кораблей, имѣющихъ цѣлью доказать, что эвбейцы дерутся *ὀρεκτῇσι μελίῃσι*[2]). Эти ссылки основаны, какъ давно доказано Низе, на Аполлодорѣ. Такъ какъ для Аполлодора каталогъ несомнѣнно былъ такою же древнею составной частью Иліады, какъ и вся Иліада, и такъ какъ онъ не могъ не считать Лелантской войны болѣе поздней, чѣмъ Гомеръ и, во всякомъ случаѣ, чѣмъ Троянская война, то ясно, что онъ не могъ объяснять обычая, существовавшаго

[1]) X, 448.
[2]) Hom. Il. II, 526 сл.

до Лелантской войны, событіями этой войны. Мѣсто Страбона не можетъ быть взято изъ Аполлодора.

Страбонъ говоритъ о двухъ стелахъ. Тѣсная связь обѣихъ ссылокъ и общій характеръ цитуемыхъ надписей говорятъ объ общемъ источникѣ. Такимъ первоисточникомъ, имѣвшимъ возможность справляться съ мѣстными документами, могъ быть только мѣстный писатель — по меньшей мѣрѣ писатель, изслѣдовавшій древнюю исторію страны въ самой странѣ. Такого мѣстнаго писателя, писавшаго о древностяхъ Эвбеи и о самой Лелантской войнѣ, цитуетъ тотъ же Страбонъ [1]). Это Археmахъ Эвбейскій. Мы смѣло можемъ возвести къ нему же рядомъ съ тѣмъ свидѣтельствомъ, которое у Страбона приводится подъ его именемъ, и свидѣтельство о интересующихъ насъ двухъ стелахъ; въ дальнѣйшемъ мы будемъ въ состояніи сдѣлать то же и еще въ одномъ случаѣ.

Итакъ, мы имѣемъ автентичныя показанія камней, переданныхъ намъ мѣстнымъ изслѣдователемъ. Посмотримъ, какова ихъ цѣнность.

Обѣ стелы, само собой понятно, не датированы: Археmахъ и не говоритъ, что знаетъ ихъ эпоху — 1-я стела поставлена когда-то. Ихъ пріуроченіе къ Лелантской войнѣ является комбинаціей. Обѣ онѣ сами по себѣ не могутъ имѣть строго опредѣленнаго временнаго характера. Первая — самаго несомнѣннаго сакральнаго характера: она опредѣляетъ составъ *πομπή* — очевидно той процессіи, которую городъ отправлялъ въ храмъ богини въ день какого-нибудь ея праздника. Сравнительно позднее ея происхожденіе ясно уже изъ той выдающейся роли, которую въ ней играютъ гоплиты — мы знаемъ, что въ древнѣйшее время, къ которому относили Лелантскую войну, рѣшающее значеніе имѣли не гоплиты, а всадники [2]).

Вторая стела, какъ, кажется, ясно изъ контекста, заключала въ себѣ только слова *μὴ χρῆσθαι τηλεβόλοις*. Все остальное — слова Археmаха. Если онъ и основывался на какихъ-нибудь источникахъ, то, во всякомъ случаѣ, не на камнѣ, и если бы древность камня и была несомнѣнна, то объясненіе не было бы для насъ обязательно. А камень долженъ былъ бы быть очень древнимъ: онъ долженъ былъ бы предшествовать Архилоху [3]), изъ котораго мы узнаемъ объ обычаѣ эвбейцевъ драться въ рукопашномъ бою:

οὔτοι πόλλ' ἐπὶ τόξα τανύσσεται, οὐδὲ θαμειαὶ
σφενδόναι, εὖτ' ἂν μῶλον Ἄρης συνάγῃ
ἐν πεδίῳ, ξιφέων δὲ πολύστονον ἔσσεται ἔργον.
ταύτης γὰρ κεῖνοι δαίμονές εἰσι μάχης
δεσπόται Εὐβοίας δουρικλυτοί.

---

1) X, 465.
2) Aristot., *Polit.*, 1289 b. 2.
3) Plut., *Thes.*, 5. Bergk., P. L. G., fgm. 4, II, 586.

Изъ такой древней эпохи надпись не могла сохраниться. Она, очевидно, не служитъ основаніемъ обычаю, а только констатируетъ его, ставитъ его подъ защиту наиболѣе чтимой богини. Ея характеръ отчасти религіозный, отчасти протрептическій — въ родѣ знаменитыхъ надписей дельфійскаго храма. Вся разсказанная Архемахомъ исторія есть не что иное, какъ объясненіе обычая, этіологическая сага, которая, конечно, вовсе не должна была быть имъ придумана. Вѣроятно, сага именно на обычаѣ и основана, а не на надписи, которою писатель воспользовался только для подтвержденія своего разсказа. Въ храмѣ Амариноійской Артемиды документы государственнаго характера выставлялись: одинъ такой мы имѣемъ[1]), правда довольно поздней эпохи (410—390 года); Архемахъ могъ легко принять и нашу надпись за государственный договоръ, который онъ на основаніи саги и отнесъ ко времени Лелантской войны.

Перехожу къ слѣдующему показанію Архемаха, подъ его именемъ, какъ я уже указывалъ, цитованному у Страбона[2]). По его словамъ, въ Халкидѣ жили вмѣстѣ съ халкидянами и куреты. Такъ какъ во время постоянныхъ войнъ за Лелантскую равнину враги хватали ихъ за чубы, то они стали отпускать волосы только на задней части головы, спереди же ихъ стригли. Отъ этого-то обычая стричь волосы *(ἀπὸ τῆς κουρᾶς)* они стали называться куретами, а потомъ, когда переселились въ Этолію, то стали своихъ сосѣдей, которые не стриглись, называть акарнанами.

Говорить объ исторической цѣнѣ этого свидѣтельства, конечно, не имѣетъ цѣли. Интересно только его происхожденіе. Это въ данномъ примѣненіи даже и не сага. Разсказъ о воинахъ, стригущихъ чубы, существуетъ независимо отъ куретовъ. Мы имѣемъ его въ примѣненіи къ абантамъ у Плутарха[3]), съ которымъ въ связи и нужно разсматривать наше свидѣтельство.

Плутархъ разсказываетъ: абанты первые начали стричься такимъ образомъ не по образцу арабовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и не въ подражаніе мизянамъ, но потому, что они были народъ воинственный и сражались вблизи *(ἀγχέμαχοι)* и болѣе всѣхъ другихъ *εἰς χεῖρας ὠθεῖσθαι τοῖς ἐναντίοις μεμαθηκότες... ὅπως οὖν μὴ παρέχοιεν ἐκ τῶν τριχῶν ἀντίληψιν τοῖς πολεμίοις, ἀπεκείραντο.*

Вопросъ, почему абанты стриглись, разбирался древними учеными, и для рѣшенія его прибѣгли къ тому объясненію, которое мы имѣемъ

[1]) Bechtel, Die Inschriften des ionischen Dialects. Abhand. der Königl. Gesellschaft der Wissensch. zu Göttingen, XXXIV (1882), pg. 9, № 15.

[2]) l. l.

[3]) *Thes.* V.

у Архемаха. Имѣлъ ли онъ для куретовъ какія-нибудь особыя указанія, для насъ не важно. Пріурочить разсказъ къ Эвбеѣ онъ могъ очевидно только на основаніи сравненія ихъ съ абантами. Для послѣднихъ всѣ данныя находятся у Гомера: и ихъ способъ сражаться въ рукопашную, какъ это выводилъ Аполлодоръ[1]), и ихъ обычай стричь волосы спереди — *ὄπιθεν κομόωντες Ἄβαντες* называются они въ каталогѣ[2]).

Перенесеніе объясненія, а можетъ быть и самаго обычая на куретовъ — явленіе вторичное. Поводомъ для него служила этимологія; Архемахъ, если и самъ не изобрѣлъ этого сближенія, то долженъ былъ съ особымъ удовольствіемъ имъ воспользоваться: это онъ производилъ названіе пенестовъ отъ *μετεσταί* — такъ назывались беотяне, которые остались на своей родинѣ, когда она была завоевана ѳессалійцами[3]). Поселить куретовъ въ Халкидѣ онъ или его источникъ могли на томъ основаніи, что и въ Этоліи, гдѣ локализировали куретовъ, былъ городъ Халкида[4]).

Остается вопросъ о томъ, какимъ образомъ пріурочено было возникновеніе обычая у куретовъ къ Лелантской войнѣ. Возможны два отвѣта: либо Архемахъ произвольно отнесъ его къ этой эпохѣ — тогда въ его показаніи нѣтъ ничего, коренящагося въ древнемъ преданіи, — либо онъ нашелъ то же указаніе относительно абантовъ. Но и въ этомъ случаѣ историческаго зерна нѣтъ. Абантами называются жители Эвбеи у Гомера; уже Архилохъ называетъ ихъ „славными владѣтелями Эвбеи". Абанты въ глазахъ грека — представители героическаго періода исторіи Эвбеи. Правда, упоминаніе абантовъ встрѣчается въ позднемъ мѣстѣ Иліады, но это имя стало правиломъ эпическаго стиля, правиломъ, которому слѣдуетъ еще Каллимахъ[5]). Замѣчательно, что въ Иліадѣ ни разу не называются эвбейцы, хотя Эвбея упоминается. На это было обращено вниманіе еще въ древности[6]).

Такимъ образомъ преданіе, говорившее объ участіи абантовъ въ Лелантской войнѣ, тѣмъ самымъ отодвигаетъ ее въ темную доисторическую эпоху, тѣмъ самымъ указываетъ на то, что составителямъ его ея эпоха неизвѣстна.

Объ интересномъ эпизодѣ войны разсказываетъ Плутархъ въ „Любовныхъ разговорахъ"[7]).

Въ самый разгаръ войны эретрійцевъ съ халкидянами на помощь

---

1) Ap. Strab. l. l.
2) *Il.* II, 529.
3) Athen. VI, 264, A. Müller, F. H. G. IV, 314, frg. 1.
4) Strabo. X, 447.
5) *In Del.* 20, 288.
6) Strabo. X, 445.
7) XVII.

послѣднимъ пришелъ съ ѳессалійскимъ войскомъ Клеомахъ Фарсалійскій (*ἧκεν ἐπίκουρος... τοῦ Θεσσαλικοῦ;* текстъ испорченъ и до сихъ поръ не найдено несомнѣннаго исправленія, но порча текста не существенна для его пониманія, поскольку это для насъ важно). Пѣшее войско у халкидянъ было достаточно сильно; трудность была въ томъ, чтобы побѣдить вражескихъ всадниковъ. Союзники просили Клеомаха первымъ напасть на нихъ. Тотъ спросилъ своего возлюбленнаго, будетъ ли онъ смотрѣть на битву. Когда же юноша отвѣтилъ ему утвердительно и самъ возложилъ шлемъ на его голову, Клеомахъ со своими ѳессалійцами кинулся на вражескую конницу и смялъ ее. Бѣгство всадниковъ увлекло за собой и гоплитовъ. Халкидяне побѣдили, но Клеомахъ палъ — *τάφον δ' αὐτοῦ δεικνύουσιν ἐν ἀγορᾷ Χαλκιδεῖς, ἐφ' οὗ μέχρι νῦν ὁ μέγας ἐφέστηκε κίων· καὶ τὸ παιδεραστεῖν πρότερον ἐν ψόγῳ τιθέμενοι τότε μᾶλλον ἑτέρων ἠγάπησαν καὶ ἐτίμησαν. Ἀριστοτέλης δὲ τὸν μὲν Κλεόμαχον ἄλλως ἀποθανεῖν φησι, κρατήσαντα τῶν Ἐρετριέων τῇ μάχῃ, τὸν δ' ὑπὸ τοῦ ἐρωμένου φιληθέντα τῶν ἀπὸ Θρᾴκης Χαλκιδέων γενέσθαι, πεμφθέντα τοῖς ἐν Χαλκιδεῦσιν ἐπίκουρον· ὅθεν ᾄδεσθαι τοῖς Χαλκιδεῦσιν*

ὦ παῖδες, οἱ χαρίτων τε καὶ πατέρων λάχετ' ἐσθλῶν,
μὴ φθονεῖθ' ὥρας ἀγαθοῖσιν ὁμιλίαν·
σὺν γὰρ ἀνδρείᾳ καὶ ὁ λυσιμελὴς ἔρως
ἐνὶ Χαλκιδέων θάλλει πόλεσιν.

Ἄντων δ' ἦν ὄνομα τῷ ἐραστῇ, τῷ δ' ἐρωμένῳ Φίλιστος, ὡς ἐν τοῖς Αἰτίοις Διονύσιος ὁ ποιητὴς ἱστόρησεν.

Въ данномъ разсказѣ мы имѣемъ прежде всего дѣло съ двумя до извѣстной степени автентичными — автентичными, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія древнихъ — свидѣтельствами: колонной на площади Халкиды и народной пѣсней халкидянъ. Что касается колонны, то трудно, конечно, установить время, къ которому она относится. Пѣсня по формѣ своей очень нова, въ ней нѣтъ и слѣда іонизма, поскольку онъ не составляетъ характерной особенности поэтическаго стиля. Конечно, эту форму она могла принять только благодаря позднѣйшей передачѣ, но у насъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ ней вмѣстѣ съ Виламовицемъ[1]) остатокъ древней халкидской народной поэзіи. Аристотель только то и говоритъ, что она пѣлась и въ его время, но съ какого времени, онъ не говоритъ, да и знать этого не можетъ. Содержаніе пѣсни не фактическое, а совершенно общее. Принадлежность свидѣтельства Стагириту не можетъ подлежать сомнѣнію; я рѣшительно не знаю, почему Бузольтъ въ первомъ изданіи своей „Греческой исторіи“[2]) думалъ объ Аристотелѣ

[1]) Aristoteles und Athen, II, 21.
[2]) I, 314, прим. 1.

Евбейскомъ (во второмъ изданіи Бузольтъ это примѣчаніе выпустилъ). За авторство Стагирита говоритъ и то обстоятельство, что ему всего естественнѣй было связать халкидянъ союзомъ съ ѳракійцами, такъ какъ онъ и самое населеніе Эвбеи — абантовъ — изъ Ѳракіи и выводилъ[1]). Труднѣй установить источникъ, которымъ пользовался Плутархъ въ изложеніи исторіи Клеомаха Фарсалійскаго. Нѣкоторое указаніе на этотъ источникъ (едва ли непосредственный) можетъ намъ дать членъ при словѣ *κίων*. Въ предшествовавшемъ нѣтъ никакого указанія на колонну, котораго мы имѣли бы право ожидать на основаніи этого члена. Весьма вѣроятно, что Плутархъ, или его источникъ, списали его съ такого мѣста, гдѣ онъ имѣлъ свое резонное основаніе. Остается предположить, что въ этомъ первоисточникѣ раньше уже было говорено о колоннѣ; вѣроятнѣй всего въ ней именно вся суть и была. Говорилось: „тамъ-то была колонна, а дѣло вотъ въ чемъ: тогда-то, по тому-то случаю погибъ тотъ-то; его схоронили тамъ-то, и на его могилѣ поставленъ *ὁ μέγας κίων*". Членъ будетъ „періэгетическимъ", какъ выражается Курціусъ[2]).

Но это только возможность. Ясно однако одно: источникъ былъ мѣстнаго происхожденія. Въ основаніи его лежитъ знакомство съ мѣстными памятниками. Такое знакомство мы уже констатировали у Архемаха Эвбейскаго; мы уже видѣли, что онъ касался событій Лелантской войны, и нѣтъ ничего ближе и естественнѣй предположенія о томъ, что и это извѣстіе должно быть возведено къ нему.

Наконецъ, третій источникъ — это поэма Діонисія (Коринѳскаго) *Αἴτια*[3]), сообщающая намъ отличныя отъ Архемаховскихъ имена любящей пары — *Ἄντων* и *Φίλιστος*, имена очень подозрительныя: они собственно любящихъ и означаютъ.

Въ извѣстіи нашемъ есть два элемента: 1) смерть Клеомаха, 2) любовная исторія. Оба эти элемента первоначально не стоятъ между собой ни въ какой связи. Любовная исторія существуетъ совершенно независимо отъ разсказа о смерти Клеомаха. Это распространенный мотивъ легенды или, лучше, новеллы, дѣйствующія лица которой такъ же несущественны, какъ названія мудреца въ разсказѣ о трехъ кольцахъ. Остается разсмотрѣть каждый изъ двухъ отличаемыхъ нами элементовъ отдѣльно.

Что Клеомахъ умеръ, это лежитъ въ основаніи обоихъ источниковъ, но исторія его смерти разсказывается отлично. Ясно, что стела для этого матеріала не давала. Это ясно и изъ другихъ соображеній.

1) Strabo, X, 445.
2) Archaeol. Zeitung, XXIII, 179; ср. Pausanias V, 26.
3) Suid. s. v.

Уже изъ того обстоятельства, что не говорится, что̀ было написано на стелѣ, становится вѣроятнымъ, что на ней ничего не было написано. Но и предполагая существованіе надписи, мы либо должны считать ее сравнительно новой, либо, дѣйствуя методично, должны предположить, что она заключала въ себѣ возможно мало. Если допустить, что на ней стояли только имя Клеомаха и указаніе его происхожденія, то и тогда возможно было древнему ученому вывести изъ надписи всю исторію. Если чужой человѣкъ погребенъ на халкидской площади, то очевидно, что онъ въ неизвѣстную эпоху оказалъ ей большія услуги. Единственное свѣтлое мѣсто въ глубокомъ мракѣ, окружавшемъ древнюю исторію Халкиды, была война съ Эретріей. Клеомахъ — ѳессаліецъ. Если ѳессаліецъ участвовалъ въ битвѣ халкидянъ, то онъ, очевидно, былъ начальникомъ вспомогательнаго ѳессалійскаго отряда. Ѳессалійцы всегда были знамениты какъ всадники: очевидно, что дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ, было кавалерійскимъ сраженіемъ, тѣмъ болѣе, что рѣшающее значеніе въ Лелантской войнѣ имѣла конница. Но правильно ли самое основаніе, на которомъ покоится извѣстіе? Греки мертвыхъ на площадяхъ не хоронили; могила Клеомаха едва ли не имѣетъ такое же историческое значеніе, какъ могила Ѳемистокла и Солона[1]). Далеко не лишено вѣроятія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ объясненіями какого-нибудь халкидскаго чичероне, который не постѣснился бы показать любопытному иностранцу и гробницу Абанта, эпонима острова.

Если таковъ матеріалъ, на которомъ построено извѣстіе, то методическая критика должна будетъ отказаться отъ всякой надежды строить на его основаніи всякія хронологическія комбинаціи въ родѣ тѣхъ, которыя предложилъ К. Ф. Германъ и которыя, пожалуй, готовы получить чуть ли не каноническое значеніе.

Исторія двухъ любящихъ, какъ я только что указывалъ, не связана ни съ какимъ именемъ: она есть общая новелла. Этимъ самымъ она лишается всякаго историческаго значенія. Исторія эта связана непремѣнно съ войной, съ какой войной ее связываетъ Аристотель, мы не знаемъ. Единственное, что въ ней можетъ имѣть значеніе съ исторической точки зрѣнія, это упоминаніе о ѳракійскихъ вспомогательныхъ войскахъ: убитый былъ *τῶν ἀπὸ Θρᾴκης ἐπικούρων*. Но что онъ былъ иностранцемъ, — это составляетъ существенный элементъ преданія; любовь къ мальчикамъ предполагается уже впередъ для того, чтобы исторія была возможна, а въ Эвбеѣ, по сути его, педеразма нѣтъ; участіе ѳракійцевъ предполагается по теоріи Аристотеля о ѳракійскомъ происхожденіи абантовъ. Объясненіе преданія понятно. Діонисій зналъ, что̀ дѣлаетъ, когда воспользовался имъ для своихъ „*Αἴτια*“. Преданіе и есть *αἴτιον*.

[1]) Wilamowitz, l. l. I, 147; II, 268.

Въ Эвбеѣ особенно процвѣталъ педеразмъ[1]). Требовалось объяснить это явленіе, и вотъ изобрѣтается или усвоивается исторія, которая бы его санкціонировала. Пѣсня приводится какъ подтвержденіе факта, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, пѣсня, наоборотъ, до извѣстной степени послужила отправной точкой самого преданія.

Въ Гесіодовыхъ „Трудахъ и дняхъ" [2]) разсказывается о томъ, какъ поэтъ отправился въ Эвбею:

ἔνθα δ' ἐγὼν ἐπ' ἄεθλα δαΐφρονος Ἀμφιδάμαντος
Χαλκίδα τ' εἰςεπέρησα· τὰ δὲ προπεφραδμένα πολλὰ
ἄθλ' ἔθεσαν παῖδες μεγαλήτορες· ἔνθα μέ φημι
ὕμνῳ νικήσαντα φέρειν τρίποδ' ὠτώεντα.

Этотъ треножникъ онъ посвятилъ Геликонскимъ музамъ.

Стихи эти были заподозрѣны уже въ древности по причинамъ, которыя, насколько намъ онѣ извѣстны, мы не можемъ считать основательными. И въ новое время ихъ со времени Брунка аѳетируютъ, но мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе правильности этой аѳетезы. Для насъ она не имѣетъ значенія, тѣмъ болѣе что, какъ показалъ Роде[3]), во всякомъ случаѣ упоминаніе Амфидаманта во всемъ подозрительномъ мѣстѣ самое старое.

У Гесіода не сказано, кто такой Амфидамантъ, по какому поводу устроенъ былъ *ἀγών*, и съ кѣмъ онъ состязался. Позднѣйшіе греческіе изслѣдователи все это знали. Такое построеніе было извѣстно Плутарху[4]). *Ταῦτα πάντα περὶ τῆς Χαλκίδος, τοῦ Ἀμφιδάμαντος, καὶ τοῦ ἄθλου, καὶ τοῦ τρίποδος ἐμβεβλῆσθαί φησιν ὁ Πλούταρχος, οὐδὲν ἔχοντα χρηστόν. Τὸν μὲν οὖν Ἀμφιδάμαντα ναυμαχοῦντα πρὸς Ἐρετριέας ὑπὲρ τοῦ Ληλάντου ἀποθανεῖν, ἆθλα δὲ ἐπ' αὐτῷ καὶ ἀγῶνες ἐγένοντο τελευτήσαντος παρὰ τῶν ἑαυτοῦ παίδων· νικῆσαι δὲ ἀγωνιζόμενον τὸν Ἡσίοδον καὶ ἆθλον μουσικὸν τρίποδα λαβεῖν, καὶ ἀναθεῖναι τοῦτον ἐν τῷ Ἑλικῶνι, ὅπου καὶ κάτοχος ἐγεγόνει ταῖς Μούσαις, καὶ ἐπίγραμμα ἐπὶ τούτῳ θρυλλοῦσι — πάντα οὖν ταῦτα ληρώδη λέγων ἐκεῖνος κτλ.* Я измѣнилъ только интерпункцію нашихъ изданій, поставивъ слова *τὸν μὲν οὖν Ἀμφιδάμαντα... θρυλλοῦσι* въ зависимости отъ слѣдующаго *πάντα οὖν ταῦτα ληρώδη λέγων*. Только въ такомъ случаѣ слова получаютъ смыслъ.

Плутархъ отвергаетъ стихи 650—662 на томъ основаніи, что сообщаемые въ нихъ факты невѣрны: невѣрно то-то и то-то. Но среди этихъ невѣрныхъ фактовъ есть и такіе, которыхъ нѣтъ въ самихъ стихахъ. Очевидно, Плутархъ имѣетъ въ виду не самые стихи, а по-

1) Athen. XIII 601, e.
2) 650—662.
3) Rhein. Mus. XXXVI, pg. 421, пр.; ср. G. Hermann opuscula VI, 246.
4) ap. Proclum ad Op. et Dies. a. 1.

лучившее извѣстное распространеніе ихъ толкованіе, противъ котораго онъ и полемизируетъ. Въ текстѣ у Плутарха указывается, сверхъ того, что есть у Гесіода, на то, какъ и гдѣ умеръ Амфидамантъ, указывается на общеизвѣстную эпиграмму. У Гесіода не только эпиграмма не приведена, но и нѣтъ намека на то, что какая-нибудь эпиграмма есть. Эта эпиграмма должна была быть въ опровергаемомъ авторѣ, — и намъ она извѣстна.

Она гласитъ:

Ἡσίοδος Μούσαις Ἑλικωνίσι τόνδ' ἀνέθηκεν,
ὕμνῳ νικήσας ἐν Χαλκίδι δῖον Ὅμηρον [1]).

Ясно, что Плутархъ возражалъ противъ версіи, построенной на преданіи о состязаніи Гесіода и Гомера. Если мы въ его возраженіи не читаемъ имени Гомера, то это можетъ зависѣть отъ двоякаго рода причинъ: либо онъ самъ его не упомянулъ, найдя это въ своихъ цѣляхъ несущественнымъ, либо вина лежитъ на Проклѣ, не признававшемъ одновременности Гесіода и Гомера и высказавшемся объ этомъ въ предшествовавшемъ комментарію трактатѣ *περὶ Ὁμήρου* [2]).

То же преданіе мы имѣемъ и еще разъ у Плутарха [3]) въ небрежномъ пересказѣ, явно носящемъ на себѣ слѣды поздняго происхожденія и не имѣющемъ для насъ значенія.

Но важенъ для насъ, хоть еще болѣе поздній, пересказъ, заключающійся въ извѣстномъ флорентійскомъ трактатѣ о состязаніи Гесіода съ Гомеромъ [4]). Здѣсь уже извѣстно, что Амфидамантъ — царь Халкиды; извѣстно также имя его сына — Ганикторъ и брата Панида, являющагося его преемникомъ. Эта послѣдняя черта указываетъ на то, что имена взяты изъ генеалогіи: всякій, кто свободно придумывалъ бы имена, сдѣлалъ бы царемъ сына покойнаго царя. Генеалогія связана опредѣленнымъ временемъ и образцомъ, по которому она составлена; въ нашемъ случаѣ, если допустить предположеніе Роде [5]), такимъ образцомъ послужилъ мѣстному эвбейскому историку (не Архемаху, какъ предполагаетъ Роде; Архемахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, значительно позже) списокъ аттическихъ царей.

Эта генеалогія, такимъ образомъ, предшествуетъ источнику флорентійскаго трактата.

Ницше [6]) показалъ, что въ основѣ трактата лежитъ *Μουσεῖον* Алки-

[1]) *Certam.* 205 Rzach.
[2]) 26, 48 слл. W.
[3]) *Sept. sapient. conv.*, 10.
[4]) 59 слл. Rzach.
[5]) l. l. 428.
[6]) Rhein. Mus., XXV, 528 слл.; XXVIII, 211 слл.

даманта. Открытый знаменитымъ изслѣдователемъ Египта Flinders Petrie папирусъ съ небольшимъ отрывкомъ греческаго текста, пріуроченный Магаффи[1]) къ Мусею Алкидаманта, показываетъ, что преданіе вмѣстѣ съ именами Ганиктора и Панида[2]), вмѣстѣ съ приведенными образцами стиховъ восходитъ къ этому современнику Исократа. Этимъ мы выигрываемъ терминъ ante quem для его возникновенія. Такъ какъ генеалогія предшествуетъ, то она отодвигается еще глубже въ даль. Терминъ post quem — стихи Гесіода.

Итакъ, основа нашего преданія, составленнаго въ сравнительно очень древнее время, отодвигаетъ Амфидаманта во время Гомера, — время, такъ же мало извѣстное древности, какъ и намъ. Единственное, что знали объ этомъ царѣ, есть свидѣтельство Гесіода; древніе вмѣстѣ съ временемъ Гесіода свободно передвигали и время Амфидаманта.

Амфидамантъ можетъ быть историческимъ лицомъ, если признавать подлинность стиховъ Гесіода; можетъ быть также героемъ преданія. Древніе не знали объ немъ ничего, для составителя Мусея онъ былъ лицомъ, относящимся къ глубочайшей древности, лицомъ того же историческаго значенія, какъ безчисленные герои послѣтроянской эпохи.

Вмѣстѣ съ Амфидамантомъ въ миѳическую глубь вѣковъ отодвигается и Лелантская война. Кто бы ни былъ тотъ, кто, желая опредѣлить, какъ умеръ Амфидамантъ, заставилъ его погибнуть *ναυμαχοῦντα* въ Лелантской войнѣ[3]), — у Алкидаманта этого факта, насколько намъ извѣстно, не было — онъ, во всякомъ случаѣ, не зналъ, когда она произошла, но зналъ или полагалъ, что произошла она въ эпоху, предшествовавшую всѣмъ извѣстнымъ ему историческимъ фактамъ,— въ древнѣйшую эпоху, извѣстную ему по поэмамъ Гомера, или непосредственно за ней слѣдующую. Этимъ самымъ свидѣтельство теряетъ всякую историческую почву.

Мы исчерпали все, что знала и передала намъ древность объ интересовавшемъ насъ вопросѣ, и установили два элемента.

1) Древніе знали о томъ, что въ какое-то, точнѣе не опредѣлимое, или, по крайней мѣрѣ, неопредѣленное время между Халкидой и Эретріей вспыхнула война, въ которой приняли участіе и другія греческія госу-

1) Въ мемуарахъ ирландской академіи наукъ. VIII 1891 The Flinders Petrie papyri, tab. XXVI. Текстъ 70 сл. Ср. Rzach. Wien. Studien XIV 139. Bethe у Pauly-Wissowa I, 868.

2) стр. 4 папируса [*Π*]*ανήδου προεστηκότος*?

3) Я оставляю чтеніе *ναυμαχοῦντα* вопреки общепринятой конъектурѣ Германа *μονομαχοῦντα*. Мы не знаемъ времени источника; почему онъ не могъ себѣ составить и ложнаго представленія о характерѣ войны? Преданіе о состязаніи — древняго происхожденія; но связано ли съ нимъ органически преданіе о Лелантской войнѣ, очень сомнительно.

дарства. Эту войну они относили къ историческому времени и разсматривали ее какъ опредѣленный, разъ случившійся фактъ (Геродотъ, Θукидидъ).

2) Существуетъ рядъ преданій объ отдѣльныхъ эпизодахъ продолжительной борьбы двухъ эвбейскихъ государствъ, — извѣстій, построенныхъ на народныхъ преданіяхъ, на мѣстныхъ памятникахъ, на этіологіи мѣстныхъ обычаевъ; разсказы относятся къ эпохѣ, отъ которой историческихъ извѣстій быть не можетъ; они либо передаются въ народной памяти внѣ рамокъ опредѣленнаго времени, либо, представляя собой результатъ ученой комбинаціи, могутъ быть отнесены къ какому угодно времени. Всѣ эти разсказы совершенно неисторичны. Но этимъ самымъ доказывается историчность самой Лелантской войны. Для того, чтобы все, чего нельзя пріурочить къ опредѣленному времени, пріурочивать къ извѣстному событію, необходимо, чтобы это самое событіе прочно и нерушимо господствовало въ народной памяти. Все, что ни случилось, случилось во время Лелантской войны. Эта война — antecedens всей литературы мѣстно-эвбейскихъ преданій. Она должна была дѣйствительно быть историческимъ событіемъ. Что она была, — это осталось въ памяти; какова она была, — объ этомъ народъ забылъ.

Это случай, имѣющій массу аналогій въ древне-греческой исторіи. Между сосѣдями ведется постоянно рядъ упорныхъ распрь, пограничныхъ схватокъ, въ совокупности своей составляющихъ событія первостепенной важности, но отдѣльно столь незначительныхъ, что память объ нихъ не можетъ сохраниться. Ихъ время неопредѣлимо именно потому, что они охватываютъ собой цѣлыя эпохи.

Намъ приходится констатировать ихъ существованіе, но отъ всякихъ комбинацій и болѣе или менѣе остроумныхъ построеній всего методичнѣй и осторожнѣй разъ навсегда отказаться.

КРИТИЧЕСКІЯ И ЭКСЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ VI КНИГѢ ѲУКИДИДА.

С. И. Соболевскаго.

2, 1 *ᾠκίσθη δὲ ὧδε τὸ ἀρχαῖον*. Таково чтеніе вульгаты, принятое и большинствомъ современныхъ издателей. Въ рукописяхъ читается *ἧδε;* правда, въ B *ἧιδε*, а въ CFGM *ἥδε*, но оба эти чтенія представляютъ только неправильное начертаніе *ἧδε:* насколько можно судить по изданіямъ Schoene и Hude, дающимъ въ точности чтенія рукописей, въ B и C *ἧδε* постоянно пишется въ видѣ *ἥδε:* II, 12, 3; 64, 1. VI, 9, 1; 40, 2; 59, 3. VIII, 17, 4, а *ἧιδε* вмѣсто *ἧδε* имѣетъ *E* въ II, 64, 1. Чтеніе рукописей *ἧδε* изъ извѣстныхъ мнѣ новыхъ издателей удерживаетъ только Крюгеръ. Недавно H. Mueller въ Jahresbericht Бурсіана высказалъ мнѣніе, что *ἧδε* есть не болѣе, какъ диттографія 3 предшествующихъ буквъ *(ΩΙΚΙΣΘΗΔΕ)* и что поэтому *ἧδε* слѣдуетъ совсѣмъ удалить изъ текста. Эта конъектура, какъ ни заманчива она на первый взглядъ, по моему мнѣнію не выдерживаетъ критики: присутствіе нарѣчія *ὧδε* или чего-нибудь подобнаго ему необходимо. Еще Поппо указалъ, что vulgatum et concinnitate, quum sequatur *τοσάδε*, et extremis huius cap. verbis defenditur, гдѣ читается *βάρβαροι μὲν οὖν τοσοίδε Σικελίαν καὶ οὕτως ᾤκησαν*. Противъ послѣдняго аргумента впрочемъ Классенъ дѣлаетъ возраженіе, находя, что ни *βάρβαροι τοσοίδε* не соотвѣтствуетъ словамъ *τοσάδε ἔθνη*, ни *ᾤκησαν* слову *ᾠκίσθη*. Въ виду этого возраженія приходится защищать чтеніе вульгаты другимъ путемъ. Если выкинуть *ὧδε*, поставивъ ли *ἧδε*, какъ Крюгеръ, или выбросивъ также и его, какъ Миллеръ, то во всякомъ случаѣ слова *ᾠκίσθη δὲ τὸ ἀρχαῖον* придется перевести: „(Сицилія) была заселена въ глубокой древности"; а этого значенія *τὸ ἀρχαῖον*, употребляемое въ видѣ нарѣчія, судя по найденнымъ мною примѣрамъ, нигдѣ не имѣетъ. Я нашелъ слѣд. мѣста для этого выраженія: Thuc. II, 99, 2. IV, 3, 2. V, 80, 2. VI, 4, 6. Plat. *Protag.* 316 E. *Cratyl.* 411 E. Xenoph. *Hell.* V, 1, 31; 2, 7. *Anab.* I, 1, 6. Herod. I, 56; 173. IV, 108. VII, 154. IX, 45. Aeschyl. *Suppl.* 325. Ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ нѣтъ надобности придавать выраженію *τὸ ἀρχαῖον* значеніе „въ древности", а во многихъ изъ нихъ это прямо не допустимо; вездѣ оно значитъ „первоначально" или „прежде", указывая на прежнее положеніе предмета въ противоположность послѣдующему.

Разсмотримъ нѣкоторые изъ приведенныхъ мною примѣровъ. Thuc. II, 99, 3 *τὴν — Μακεδονίαν Ἀλέξανδρος — καὶ οἱ πρόγονοι αὐτοῦ, Τημενίδαι τὸ ἀρχαῖον ὄντες ἐξ Ἄργους, πρῶτον ἐκτήσαντο* „Македоніей овладѣлъ прежде всего Ал. и предки его, которые первоначально были теменидами изъ Аргоса“: авторъ хочетъ указать не на то, что предки Александра когда-то въ глубокой древности жили въ Аргосѣ, а на то, что они жили тамъ прежде — до переселенія въ Македонію. Еще яснѣе примѣръ Plat. *Protag.* 316 *E ὁ νῦν ἔτι ὢν οὐδενὸς ἥττων σοφιστὴς Ἡρόδικος ὁ Σηλυμβριανός, τὸ δὲ ἀρχαῖον Μεγαρεύς* „софистъ Геродикъ селимбріецъ, бывшій прежде мегарцемъ“: Геродикъ, современникъ Платона, никакъ не могъ быть мегарцемъ въ глубокой древности; авторъ указываетъ только на два положенія этого софиста — прежнее (или первоначальное), когда онъ былъ гражданиномъ Мегары (очевидно, родившись тамъ), и теперешнее, когда онъ гражданинъ Селимбріи. Наконецъ, въ Xen. *Anab.* I, 1, 6 *ἦσαν αἱ Ἰωνικαὶ πόλεις Τισσαφέρνους τὸ ἀρχαῖον, ἐκ βασιλέως δεδομέναι, τότε δ' ἀφειστήκεσαν πρὸς Κῦρον* „іонійскіе города прежде были подвластны Тиссаферну, будучи даны ему царемъ, а тогда они были на сторонѣ Кира“ противоположеніе между прежнимъ положеніемъ городовъ и послѣдующимъ выражено прямо словами *τὸ ἀρχαῖον* и *τότε;* о глубокой древности не можетъ быть и рѣчи.

При такомъ значеніи *τὸ ἀρχαῖον* въ нашемъ мѣстѣ слова *ᾠκίσθη δὲ τὸ ἀρχαῖον* „была заселена прежде“ не имѣли бы никакого смысла безъ нарѣчія *ὧδε* или подобнаго ему выраженія; напротивъ, при немъ фраза получаетъ вполнѣ ясный смыслъ: „Сицилія такъ была заселена первоначально“, т.-е. въ ту эпоху, когда въ ней не было еще никакого населенія; эта первоначальная эпоха, когда въ Сициліи стали селиться варвары, противополагается послѣдующей, когда островъ сталъ покрываться греческими колоніями. Изъ этого видно, что событія, описываемыя во 2-й главѣ (поселенія варваровъ), противополагаются событіямъ, описываемымъ въ 3—5 главахъ (поселенія грековъ), а потому и начальнымъ словамъ 2-й главы *ᾠκίσθη ὧδε τὸ ἀρχαῖον καὶ τοσάδε ἔθνη ἔσχε τὰ ξύμπαντα* прямо соотвѣтствуютъ заключительныя слова этой же главы *βάρβαροι μὲν οὖν τοσοίδε Σικελίαν καὶ οὕτως ᾤκησαν,* а не слова 6-й главы (какъ думаетъ Классенъ) *τοσαῦτα ἔθνη Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων Σικελίαν ᾤκει,* которыя служатъ заключеніемъ всего разсказа. Остается рѣшить вопросъ, что предпочесть въ нашемъ мѣстѣ: *ὧδε,* или *τῇδε,* какъ предлагаетъ Классенъ. Я предпочелъ бы *ὧδε,* потому что нарѣчіе *τῇδε* у Ѳукидида встрѣчается лишь однажды — въ VI, 21, 2.

2, 1 *τοσάδε ἔθνη ἔσχε τὰ ξύμπαντα.* Для этого мѣста есть два объясненія. По одному изъ нихъ, подлежащее при *ἔσχε* то же, что при предыдущемъ *ᾠκίσθη,* т.-е. *Σικελία,* а *τοσάδε ἔθνη τὰ ξύμπ.* дополненіе: „Сицилія получила вотъ сколько племенъ всего на все“. По другому

объясненію, котораго изъ современныхъ издателей держится Классенъ, подлежащее при *ἔσχε* есть *ἔθνη*, а объектъ *αὐτήν* подразумѣвается изъ предыдущаго: „вотъ сколько племенъ всего на все заняли ее" [1]). Классенъ указываетъ на то, что у Ѳукидида *ἔχειν* или *σχεῖν* никогда не употребляется о странѣ по отношенію къ ея обитателямъ; напротивъ, его постоянное употребленіе таково, какъ въ I, 12, 3 *Δωριῆς Πελοπόννησον ἔσχον*. Однако самъ онъ указываетъ на одно отступленіе отъ этого: II, 68, 4 *ἦν ἡ πόλις αὕτη (="Αργος) μεγίστη τῆς Ἀμφιλοχίας καὶ τοὺς δυνατωτάτους εἶχεν οἰκήτορας*. Необычную конструкцію здѣсь онъ объясняетъ тѣмъ, что въ объектѣ превосходная степень. Для меня совершенно непонятно, какимъ образомъ превосходная степень могла повліять на выборъ конструкціи: развѣ не могъ Ѳукидидъ сказать: *καὶ οἱ δυνατώτατοι εἶχον οἰκήτορες*? Причина выбора менѣе обычной конструкціи [2]) въ этомъ мѣстѣ, мнѣ кажется, очевидна: во второмъ членѣ этого слитнаго предложенія Ѳукидидъ не хотѣлъ мѣнять подлежащаго, поставленнаго въ первомъ. Наше мѣсто построено точь въ точь такъ же, какъ это (всѣ остальныя мѣста съ *ἔχειν*, приводимыя Классеномъ, построены иначе), и всего естественнѣе думать, что та же самая причина дѣйствовала и здѣсь, именно что и здѣсь во второмъ членѣ при *ἔσχε* подлежащее то же, что и въ первомъ при *ᾠκίσθη*.

4, 3 *τὸ δὲ χωρίον — Λίνδιοι καλοῦνται*. Такъ читается въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр. Беккера, Шталя и Фр. Миллера), въ другихъ *καλεῖται*. Беккеръ говоритъ, что *καλοῦνται* было написано въ B первой рукой, а въ остальныхъ кодексахъ *καλεῖται*. Судя по болѣе точному показанію Гуде, дѣло въ рукописяхъ обстоитъ иначе. Гуде говоритъ, что въ B буквы *εῖται* написаны рукой самого переписчика по подчищенному; а что̀ первоначально было написано, повидимому, неизвѣстно. Такимъ образомъ, чтеніе *καλοῦνται* совершенно лишено рукописнаго авторитета. Но, быть можетъ, предпочесть *καλοῦνται* побудили издателей грамматическія соображенія: Шталь по крайней мѣрѣ ссылается на грамматику Крюгера § 63, 6 и Thuc. IV, 102, 3 *(τὸ χωρίον τοῦτο, ὅπερ πρότερον Ἐννέα ὁδοὶ ἐκαλοῦντο)*. Если такъ, то въ противовѣсъ этому можно сослаться на другое мѣсто того же Ѳукидида, оставленное безъ вниманія издателями: III, 105, 2 *τούτῳ τῷ χωρίῳ, ὃ Κρῆναι καλεῖται*. Поэтому и въ нашемъ мѣстѣ нѣтъ причинъ отступать отъ согласнаго чтенія рукописей.

4, 6 *Ἀναξίλας — τὴν πόλιν αὐτὸς ξυμμίκτων ἀνθρώπων*

---

[1]) Это объясненіе, должно быть, тоже старинное: по крайней мѣрѣ, еще Aem. Portus переводитъ: tot gentes in universum eam tenuerunt. (Переводъ Portus'а я привожу по editio Bipontina Ѳукидида).

[2]) Что вообще она возможна, это показываетъ уже мѣсто изъ Софокла *Phil.* 1147, приводимое Шталемъ.

οἰκίσας Μεσσήνην — αὐτὸ ὠνόμασε. Таково чтеніе 5 рукописей (въ томъ числѣ и В), принятое Шталемъ; остальныя двѣ рукописи С и G даютъ *ἀντωνόμασε*, находящееся и въ большинствѣ изданій. Шталь возражаетъ противъ чтенія вульгаты, говоря, что „переименовать" по-гречески не *ἀντονομάζειν*, а *μετονομάζειν*, какъ въ I, 122, 4. Но Классенъ указываетъ одно мѣсто изъ Кассія Діона, часто подражающаго Θукидиду, гдѣ *ἀντονομάζειν* употреблено въ значеніи „переименовать". А между тѣмъ чтеніе Шталя представляетъ, мнѣ кажется, значительное неудобство. Дѣйствительно, при немъ *αὐτό* должно указывать на *τὸ χωρίον* въ § 5: это довольно затруднительно въ виду того, что *χωρίον* слишкомъ далеко отстоитъ отъ *αὐτό* и гораздо ближе находится *τὴν πόλιν*, такъ что естественнѣе было бы поставить *αὐτήν* (какъ и предлагаетъ Герверденъ) и даже правильнѣе, такъ какъ, строго говоря, Анаксилай далъ другое названіе не мѣстности, гдѣ находился городъ Занкла, а самому городу. Но въ виду того, что *ἀντωνόμασε* имѣетъ за собой авторитетъ такой хорошей рукописи какъ С, я думаю, нѣтъ надобности прибѣгать къ конъектурамъ.

5, 1 *ξυνῴκισαν δὲ αὐτοῖς καὶ ἐκ Συρακουσῶν φυγάδες στάσει νικηθέντες.* Послѣднія слова Крюгеръ и Поппо-Шталь переводятъ: „побѣжденные (противной) партіей" (такъ же и Aem. Portus: „a contraria factione superati"); слѣд., *στάσει* они понимаютъ въ смыслѣ *ὑπὸ στάσεως* и придаютъ этому слову конкретное значеніе — „люди, принадлежащіе къ партіи", какъ оно и употребляется нерѣдко, напр. Thuc. II, 22, 3. IV, 71, 1. VII, 50, 1. Мнѣ кажется, такое объясненіе невѣрно. Прежде всего, разумѣть подъ *στάσει* именно противную партію едва ли мы имѣемъ право: вѣроятно, и по-гречески въ этомъ случаѣ было бы прибавлено какое-нибудь опредѣленіе въ родѣ *ἐναντίᾳ* и ужъ непремѣнно членъ *τῇ*. Кромѣ того, при глаголахъ съ значеніемъ „быть побѣжденнымъ" (*νικᾶσθαι, ἡσσᾶσθαι, κρατεῖσθαι*) Θукидидъ никогда не ставитъ дательнаго падежа, но всегда *ὑπό* съ родительнымъ[3]): I, 62. 76. 89. II, 39. 79. (47. 51). III, 115. IV, 15. 25. 96. VII, 6. 23. 30. VIII, 25. Вслѣдствіе этого наше мѣсто должно объяснять иначе. Я полагаю, что *στάσις* здѣсь имѣетъ свое обычное значеніе „междоусобная война", а дательный падежъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ говорится у Крюгера въ грамм. § 48, 2, 9. Къ числу этихъ дательныхъ, имѣющихъ у аттиковъ какое-то неопредѣленное значеніе, приближаю-

---

[3]) Думаю, что и другіе писатели также; у ораторовъ по крайней мѣрѣ дательный пад. при этихъ глаголахъ тоже не встрѣчается, какъ говоритъ Карлова въ своихъ Bemerkungen zum Sprachgebrauch des Demosthenes mit Berücksichtigung anderer Attischer Redner. Здѣсь, разсуждая объ употребленіи дательнаго пад. при passiva, онъ замѣчаетъ: „Es wird demnach nicht gesagt: *οἱ πολέμιοι ἡμῖν νενικημένοι εἰσίν,* denn die besiegten Feinde können uns nicht gegenständlich werden".

щееся то къ причинному, то къ инструментальному, то къ временному, относятся напр. слѣд. мѣста у Ѳукидида: I, 2, 6 *πολέμῳ ἢ στάσει ἐκπεπτωκότες*. VII, 33, 5 *στάσει τοὺς τῶν Ἀθηναίων ἐναντίους ἐκπεπτωκότας*. I, 101, 1. II, 69, 2. III, 115, 6. IV, 101, 5. VI, 91, 2. 96, 1. 97, 4 *μάχῃ νικᾶσθαι, μ. κρατεῖσθαι, μ. ἡσσᾶσθαι*. I, 55, 2. II, 65, 13. II, 13, 9 *περιγίγνεσθαι, περιεῖναι τῷ πολέμῳ*. I, 115, 2 *ἐλασσοῦσθαι τῷ πολέμῳ*. Итакъ, въ нашемъ мѣстѣ *στάσει νικηθέντες* значитъ: „побѣжденные въ междоусобной войнѣ" („противной партіей" подразумѣвается само собою).

6, 3 *ὧν ἀκούοντες οἱ Ἀθηναῖοι ἐν ταῖς ἐκκλησίαις τῶν τε Ἐγεσταίων πολλάκις λεγόντων καὶ τῶν ξυναγορευόντων αὐτοῖς*. Комментаторы, кажется, согласно объясняютъ *ὧν* какъ genetivus rei; Классенъ замѣчаетъ, что *ὧν* равно *τούτων τῶν λόγων*, и приводитъ для сравненія IV, 37, 1 *τοῦ κηρύγματος ἀκούσαντες*. V, 44, 1 *τῆς ἀγγελίας*. VII, 16, 1 *αὐτῆς (= τῆς ἐπιστολῆς)*. Не знаю, откуда извлекаетъ онъ слово *λόγων*; въ предыдущемъ оно не упоминается. Я думаю, *ὧν* было бы возможно понимать только какъ средній родъ, но тогда былъ бы нѣсколько страненъ родительный падежъ при *ἀκούω*: у Ѳукидида по крайней мѣрѣ мѣстоименіе или прилагательное средняго рода ставится всегда въ винительномъ: *ταῦτα* II, 72, 2. IV, 78, 5. VIII, 82, 1. *ἅπερ* VIII, 6, 4. *τῶν Ἀθηναίων ἃ ἔλεξαν* I, 79, 1. *τὶ* II, 35, 2. *τὸ ἀληθές* III, 61, 1. *τὰ ἥδιστα* VII, 14, 4. *τὰ ἄλλα ἐπαγωγὰ καὶ οὐκ ἀληθῆ* VI, 8, 2. *τὸ περὶ ὀλιγαρχίας* VIII, 54, 1 [1]). Мнѣ кажется, нѣтъ никакого препятствія считать *ὧν* за мужескій родъ: „слыша (слушая) ихъ"; слѣдующія слова *τῶν Ἐγεσταίων* и *τῶν ξυναγορευόντων* точнѣе опредѣляютъ это *ὧν*.

8, 3 *ἐκκλησία — ἐγίγνετο, καθ' ὅ τι χρὴ τὴν παρασκευὴν ταῖς ναυσὶ τάχιστα γίγνεσθαι καὶ τοῖς στρατηγοῖς, εἴ του προσδέοιντο, ψηφισθῆναι ἐς τὸν ἔκπλουν*. Оба инфинитива зависятъ отъ *χρή*. Hude въ своихъ Commentarii critici ad Thucydidem pertinentes, стр. 54, указываетъ на странность соединенія *γίγνεσθαι* и *ψηφισθῆναι*: „neque enim ideo illa contio habita est, ut *qua ratione (καθ' ὅ τι)* cetera quae opus essent decernerentur deliberarent, sed ob id ipsum, ut decernerentur". Поэтому онъ въ своемъ изданіи между *καὶ* и *τοῖς* вставляетъ *τοῦ*, чтобы получился финальный родительный падежъ инфинитива съ членомъ. Мнѣ кажется, въ этой конъектурѣ, несмотря на ея легкость, нѣтъ надобности: можетъ быть, это просто неловкій оборотъ, и Ѳукидидъ дозволилъ себѣ такое нелогическое соединеніе двухъ инфинитивовъ потому, что *ψηφισθῆναι* стоитъ уже довольно далеко отъ *καθ' ὅ τι*, такъ что буквальное значеніе этихъ вопросительныхъ словъ нѣсколько позабы-

[1]) Что касается родит. ср. р. *ὧν* въ I, 22, 1 и II, 35, 2, то онъ стоитъ по ассимиляціи вмѣсто винит.

лось и въ мысляхъ автора осталось лишь одно понятіе о цѣли (и первая часть этого слитнаго предложенія — *καθ' ὅ τι χρὴ γίγνεσθαι* — заключаетъ въ себѣ, въ сущности говоря, въ видѣ вопроса предложеніе цѣли: „какимъ образомъ должно“ = „для того чтобы“). Слѣд., мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ же зевгматическимъ явленіемъ, какъ въ гл. 12, 1, гдѣ изъ *χρήσιμον*, служащаго грамматическимъ предикатомъ къ инфинитивамъ *τὸ ψεύσασθαι, εἰδέναι, ξυναπολέσαι*, для двухъ послѣднихъ извлекается понятіе въ родѣ *οὐδὲν διαφέρει* или *ἔξεστι*.

8, 4 *τῆς Σικελίας ἁπάσης, μεγάλου ἔργου, ἐφίεσθαι.* Комментаторы видятъ тутъ неправильность въ томъ, что *μεγ. ἔργου* поставлено въ видѣ приложенія къ *Σικελίας*, тогда какъ по смыслу оно относится къ *τῆς Σικελίας ἐφίεσθαι*. Мнѣ кажется, это не вполнѣ вѣрно: не стремленіе къ Сициліи было труднымъ дѣломъ[5]), но завоеваніе ея. Такимъ образомъ, *μεγ. ἔργου* и не должно было быть поставлено въ видѣ приложенія къ *ἐφίεσθαι;* но *τῆς Σικελίας* сказано кратко вмѣсто *ἄρξαι, κρατῆσαι τῆς Σικελίας* или *καταστρέψασθαι τὴν Σικελίαν* и т. п. (ср. VI, 6, 1 *ἐφιέμενοι — τῆς πάσης ἄρξαι*); къ этому подразумѣваемому инфинитиву и относится по смыслу *μεγ. ἔργου* „желая труднаго дѣла, — завоеванія Сициліи“.

9, 2 *οὔτε ἐν τῷ πρότερον χρόνῳ διὰ τὸ προτιμᾶσθαι εἶπον παρὰ γνώμην οὔτε νῦν, ἀλλὰ ᾗ ἂν γιγνώσκω βέλτιστα, ἐρῶ.* Шталь и Гуде въ своихъ изданіяхъ по конъектурѣ Рейске, одобренной Мадвигомъ, пишутъ *οὔτε νῦν ἄλλα ἢ ἃ ἂν γιγνώσκω βέλτιστα ἐρῶ.* Въ примѣчаніи Шталь указываетъ, что тутъ должно сказать не quomodo optime или optima existamabo (dicam), но quae optima existimabo (dicam). Онъ прибавляетъ, что въ гл. 8, 2 *ὅπῃ ἂν γιγνώσκωσιν ἄριστα* необходимый объектъ подразумѣвается изъ предыдущаго *τἆλλα*. Аргументація Шталя, повидимому, имѣетъ цѣлью доказать, что въ такихъ формулахъ при *γιγνώσκειν* необходимъ прямой объектъ, къ которому бы относилась въ видѣ предиката находящаяся въ нихъ превосходная степень, долженствующая быть, слѣд., превосходною степенью прилагательнаго, а не нарѣчія. Я не могу согласиться съ этимъ разсужденіемъ. Начнемъ съ приведеннаго Шталемъ мѣста 8, 2. Руководясь его объясненіемъ, это мѣсто придется перевести такъ: *τἆλλα τὰ ἐν τῇ Σικελίᾳ πρᾶξαι ὅπῃ ἂν γιγνώσκωσιν ἄριστα Ἀθηναίοις* „исполнить остальныя дѣла сицилійскія такъ, какъ они будутъ считать ихъ наилучшими для аѳинянъ“. Мнѣ кажется, что въ такомъ переводѣ очень мало смысла: полководцы должны не положеніе дѣлъ въ Сициліи считать наилучшимъ, а свой образъ дѣйствій. Далѣе, Шталь не обратилъ вниманія на одно мѣсто,

[5]) Таковъ смыслъ выраженія *μέγα ἔργον*, какъ иногда и простого *ἔργον;* см. лексиконъ Пассова подъ этимъ словомъ, т. I, стр. 1158, 2 внизу.

изъ котораго видно, что *ἄριστα* или *βέλτιστα* въ подобныхъ формулахъ есть нарѣчіе, а не прилагательное, и что объектъ при *γιγνώσκειν* вовсе не требуется: VIII, 67, 3 *ἄρχειν ὅπῃ ἂν ἄριστα γιγνώσκωσι;* тутъ никакого объекта нѣтъ, и подразумѣвать его нельзя. Несомнѣнно, что въ такихъ формулахъ *ἄριστα* или *βέλτιστα* есть нарѣчіе, служащее опредѣленіемъ инфинитива и перенесенное изъ главнаго предложенія въ придаточное, какъ это часто бываетъ съ превосходной степенью прилагательнаго или нарѣчія, по крайней мѣрѣ когда сказуемымъ придаточнаго предложенія служитъ *δύνασθαι* или его синонимъ (Krüg. § 49, 9, 3 и 4)[6], напр. Thuc. V, 47, 4 *βοηθεῖν — τρόπῳ ὁποίῳ ἂν δύνωνται ἰσχυροτάτῳ κατὰ τὸ δυνατόν* „помогать самымъ сильнымъ образомъ, какимъ только они будутъ въ состояніи". Dem. 43, 2 *πειράσομαι διδάσκειν ὑμᾶς ὡς ἂν οἷός τε ὦ σαφέστατα περὶ τῶν πεπραγμένων*. То же самое происходитъ и въ разсматриваемыхъ нами формулахъ. Это будетъ для насъ яснѣе, если нарѣчіе въ нихъ описать словомъ *τρόπος*: такъ, *ἄρχειν ὅπῃ ἂν ἄριστα γιγνώσκωσι* = *ἄρχειν τρόπῳ ὁποῖον ἂν ἄριστον* (или *ὁποίῳ — ἀρίστῳ* по ассимиляціи) *γιγνώσκωσι* „управлять самымъ лучшимъ образомъ, какой только они будутъ знать" или, если оставить превосходную степень въ прид. предл.: „управлять такимъ образомъ, какой они признаютъ наилучшимъ". Переводъ нашего мѣста будетъ слѣд.: „я скажу самымъ лучшимъ образомъ, какой только буду знать" или „я скажу такимъ образомъ, какой признаю наилучшимъ". На основаніи выше изложенныхъ соображеній я полагаю, что рукописное чтеніе въ нашемъ мѣстѣ совершенно правильно, и потому въ конъектурѣ, принятой Шталемъ и Гуде, нѣтъ надобности [7]. — Кстати сдѣлаю еще одно замѣчаніе. При *οὔτε νῦν* Классенъ подразумѣваетъ *λέγω;* Шталь справедливо указываетъ, что въ виду слѣдующаго *ἐρῶ* это было бы неудобно. Я думаю, что здѣсь надо дополнять именно *ἐρῶ* изъ слѣдующаго *ἐρῶ:* вполнѣ естественно, что авторъ не желалъ дважды ставить одну и ту же форму.

10, 1 *φημὶ γὰρ ὑμᾶς... ἐπιθυμεῖν κτλ.* Шталь, указывая на стеченіе различныхъ винительныхъ въ этомъ параграфѣ, добавляетъ: Perspicuitati consuli poterat hac orationis conformatione: *φημὶ γὰρ ὅτι ὑμεῖς... ἐπιθυμεῖτε κτλ.* Напрасно такъ думаетъ Шталь: нельзя заботиться о ясности, нарушая законы языка, а конструкція съ *ὅτι* при

[6]) О перенесеніи прилагательнаго изъ главнаго предложенія въ придаточное при другихъ глаголахъ см. синт. Кюнера § 556, 3. Мнѣ не удалось найти у грамматиковъ какихъ-либо указаній о подобномъ же перенесеніи нарѣчія, но въ возможности этого, думаю, сомнѣваться нельзя. — Въ латинскомъ яз. такое перенесеніе прилагательнаго въ превосходной степени, какъ извѣстно, составляетъ правило, но о нарѣчіи грамматики опять-таки молчатъ.

[7]) Классенъ дѣлаетъ одно возраженіе противъ грамматической правильности самой этой конъектуры: онъ находитъ, что coni. долженъ бы былъ перейти въ opt. (*ἂν γιγνώσκοιμι?).* Это едва ли вѣрно.

φημί была бы именно такимъ нарушеніемъ: у Θукидида она совсѣмъ не встрѣчается, у другихъ — въ видѣ очень рѣдкаго исключенія, да и то при извѣстныхъ условіяхъ.

10, 2 *οἷς — διὰ ξυμφορῶν ἡ ξύμβασις καὶ ἐκ τοῦ αἰσχίονος ἢ ἡμῖν κατ' ἀνάγκην ἐγένετο.* Классенъ замѣчаетъ, что *ἐγένετο* здѣсь не есть passivum къ *ποιεῖσθαι*, но значитъ „widerfahren, zustossen, über den Kopf kommen", при чемъ фраза *οἷς ἡ ξύμβασις ἐγένετο,* какъ и выраженіе *κατ' ἀνάγκην,* указываетъ на то, что договоръ состоялся противъ желанія лакедемонянъ. Фр. Миллеръ, повидимому, держащійся подобнаго же мнѣнія, прибавляетъ, что *ἐγένετο* съ дательнымъ напоминаетъ такія соединенія, какъ II, 47, 3 *ἡ νόσος πρῶτον ἤρξατο γενέσθαι τοῖς Ἀθηναίοις*; при этомъ онъ ссылается на свое примѣчаніе къ гл. 70, 1, гдѣ сказано, что *γίγνεσθαι* употребляется о такихъ событіяхъ, которыя nicht in der Hand des Menschen liegen. Это объясненіе Классена и Миллера мнѣ кажется слишкомъ искусственнымъ. Конечно, грамматически можно придавать такой смыслъ этой фразѣ; но если подумать о ея реальномъ значеніи, то врядъ ли кто согласится съ такимъ толкованіемъ: какъ бы то ни было, но миръ не былъ никѣмъ навязанъ лакедемонянамъ, а они, хотя и вынужденные обстоятельствами, сами заключили его; слѣд., онъ не „обрушился имъ на голову", какъ хотятъ понимать тѣ комментаторы, а „былъ заключенъ ими". Кромѣ того, если дательный *οἷς* при *ἐγένετο* и допускаетъ это объясненіе, то оно уже совсѣмъ не годится для дательнаго *ἡμῖν*, стоящаго при томъ же *ἐγένετο,* такъ какъ аѳиняне во всякомъ случаѣ заключили миръ добровольно. Наконецъ, вообще дательный при *γίγνεσθαι* не долженъ непремѣнно имѣть такого оттѣнка, какой придаетъ ему Миллеръ: въ этомъ же самомъ § находится фраза *τὰς γενομένας ὑμῖν σπονδάς,* гдѣ этого оттѣнка не можетъ быть. Въ виду выше изложеннаго я думаю, что выраженіе *ἡ ξύμβασις ἐγένετο* надо понимать въ самомъ простомъ значеніи „договоръ состоялся" (у нихъ); можно это перевести также „договоръ былъ заключенъ" (ими), хотя я не рѣшаюсь утверждать, что *ἡ ξύμβασις ἐγένετο* есть полный пассивъ къ *ξύμβασιν ποιεῖσθαι:* думаю, что вообще выраженія съ *γίγνεσθαι* не были въ мысли грека полными пассивами къ выраженіямъ съ *ποιεῖσθαι* [8]).

10, 4 *τάχα δ' ἄν.* Такъ читается въ большинствѣ изданій — Классена, Шталя, Гуде и др.; только Бёме и Крюгеръ читаютъ *τάχα ἂν δ'.* Рукописи колеблются: по словамъ Гуде, Vaticanus и AEFM даютъ

[8]) О выраженіи *ἡ ξύμβασις ἐγένετο* Миллеръ говоритъ: „sonst wohl als Umschreibung des Passivums zu dem Aktivum *ξύμβασιν ποιεῖσθαι* zu fassen". Не знаю, что онъ разумѣетъ подъ „sonst"; если Θукидида, то у него оборотъ *ἡ ξύμβασις γίγνεται,* кромѣ нашего мѣста, встрѣчается только однажды — III, 28, 2, да и тутъ пассивное значеніе не сильно выражено.

ἂν δ', Laurentianus и G — *δ' ἄν*. Рѣшить вопросъ на основаніи другихъ мѣстъ также невозможно, потому что соединеніе этихъ трехъ частицъ встрѣчается у Ѳукидида еще лишь въ 2 мѣстахъ, при чемъ въ VI, 2, 4 всѣ рукописи согласно даютъ *τάχα ἂν δέ*, а въ VII, 77, 3 всѣ *τάχα δὲ ἄν*. Замѣчу кстати, что Классенъ и Шталь приняли въ свои изданія чтеніе *τάχα δ' ἄν*, вѣроятно, по невѣдѣнію: Гуде принялъ это чтеніе вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ онъ вообще чтенія C ставитъ выше чтеній B; но Классенъ и Шталь, кладущіе въ основаніе своего текста преимущественно чтенія B, безъ сомнѣнія, приняли бы чтеніе *ἂν δέ*, если бы знали, что оно находится въ B; не приняли они его навѣрно только потому, что Беккеръ въ своемъ критическомъ аппаратѣ по недосмотру даетъ *δ' ἄν* какъ чтеніе B.

10, 4 *πρὸ πολλῶν ἂν ἐτιμήσαντο.* Изъ комментаторовъ только Шталь обратилъ вниманіе на необычное множ. ч. *πολλῶν*, такъ какъ въ этой формулѣ употребляется *πρὸ πολλοῦ* или *πρὸ πολλῶν χρημάτων*. По этой причинѣ онъ полагаетъ, что при *πολλῶν* здѣсь надо подразумѣвать *ἀνθρώπων*. Это едва ли необходимо: смысломъ мѣста *ἀνθρώπων* вовсе не требуется, а подразумѣвать при *πολλῶν* такъ же легко *χρημάτων*, какъ и *ἀνθρώπων*. А между тѣмъ сомнительно, существуютъ ли даже параллельныя мѣста, гдѣ бы въ подобныхъ формулахъ слово *ἀνθρώπων* или прямо было поставлено, или подразумѣвалось непремѣнно; Шталь по крайней мѣрѣ такихъ мѣстъ не указываетъ. Напротивъ, въ пользу того, что *πολλῶν* здѣсь средній родъ, я могу привести Isocr. XV, 176 *πρὸ πολλῶν δ' ἂν ἐποιησάμην:* что тутъ стоитъ *ποιεῖσθαι*, а не *τιμᾶσθαι*, это не имѣетъ значенія въ данномъ случаѣ.

10, 5 *ἀφεστῶτες ἀφ' ἡμῶν.* Въ рукописяхъ ABEF читается родительный съ предлогомъ, въ CGM — родительный безъ предлога. Издатели всѣ приняли первое чтеніе, кромѣ Гуде, который по обыкновенію отдалъ преимущество чтенію C. Чтобы рѣшить вопросъ, надо разсмотрѣть конструкціи при гл. *ἀφίστημι* у Ѳукидида. Мы находимъ у него обѣ конструкціи при этомъ глаголѣ, а именно: 1) ***Родит. пад. безъ предлога*** въ 40 мѣстахъ, и притомъ a) при ***активныхъ*** формахъ глагола въ 8 мѣстахъ съ слѣдующими родительными: *Ἀθηναίων* II, 80, 1. III, 70, 1. 101, 1. VIII, 6, 1. 99, 1. *Λακεδαιμονίων* V, 32, 3. *Νικίου* V, 45, 3. *ἑαυτῶν* I, 66; — b) при ***медіальныхъ*** формахъ (включая сюда *ἀφέστηκα* и *ἀπέστην*) въ 32 мѣстахъ съ слѣдующими родительными aa) ***лицъ α) именъ существительныхъ:*** *Ἀθηναίων* I, 62, 1. II, 3, 2. III, 55, 3. IV, 1, 1. 79, 2. 88, 1. 103, 4. V, 80, 2. 82, 1. VIII, 14, 2. 44, 2. *Λακεδαιμονίων* I, 103, 4. *βασιλέως* I, 18, 2. [VIII, 28, 3]. *ξυμμάχων* V, 48, 3. — ***β) мѣстоименій:*** *ἡμῶν* III, 39, 3. *αὐτῶν* I, 100, 2. IV, 123, 1. V, 64, 1. VIII, 2, 2. *αὐτῶν* VIII, 76, 3. *σφῶν* IV, 122, 5. V, 30, 1. 31, 5. VIII, 4. 90, 1. *ἐκείνων* V, 38, 3. *ἑτέρων*

I, 40, 4. — bb) *отвлеченныхъ понятій: πολέμου* VII, 7, 2. VIII, 2, 1. *οὐδετός* (ср. р.) IV, 118, 9. *αὐτῶν* (ср. р.) II, 47, 4. — 2) *Родит. пад. съ предлогомъ ἀπό* въ 10 мѣстахъ, и притомъ а) при *активныхъ* формахъ въ 2 мѣстахъ съ слѣдующими родительными: *Συρακοσίων* VI, 48, 1. *βασιλέως* I, 104, 1; — b) при *медіальныхъ* формахъ въ 8 мѣстахъ съ слѣдующими родительными: *Ἀθηναίων* I, 114, 1. III, 2, 1. IV, 120, 1. *Ἑλλήνων... Ἀθηναίων* III, 13, 1. *Λακεδαιμονίων* VIII, 18, 3. *Συρακοσίων* III, 103, 1. *βασιλέως* I, 89, 2. VIII, 18, 3. — Какъ видно изъ этого перечня, конструкція безъ предлога въ 4 раза употребительнѣе, чѣмъ съ предлогомъ, и уже по этой причинѣ въ нашемъ мѣстѣ, считая авторитетъ рукописей B и C равнымъ, надо отдать преимущество чтенію C. Но тутъ надо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: мы не находимъ въ приведенномъ спискѣ ни одного мѣста, гдѣ бы предлогъ стоялъ при родит. п. мѣстоименія; напротивъ, безъ предлога родительный падежъ мѣстоименій попадается при *ἀφίστασθαι* 14 разъ. Если это не простая игра случая (что по моему мнѣнію вполнѣ вѣроятно), то въ нашемъ мѣстѣ почти необходимо признать истиннымъ чтеніемъ *ἀφεστῶτες ἡμῶν*, сохранившееся въ C.

11, 7 *οὐ περὶ τῶν ἐν Σικελίᾳ Ἐγεσταίων ἡμῖν — ὁ ἀγών, — ἀλλ' ὅπως πόλιν δι' ὀλιγαρχίας ἐπιβουλεύουσαν ὀξέως φυλαξώμεθα*. Въ ABFGM находится чтеніе *φυλαξώμεθα*, въ CE *φυλαξόμεθα*, при чемъ въ C второй рукой *ο* поправлено на *ω*. Большинство издателей приняло *φυλαξώμεθα*, какъ напр. Бёме, Крюгеръ, Классенъ, Шталь, Миллеръ; лишь немногіе предпочли *φυλαξόμεθα*, какъ Беккеръ, Гуде. Подобное колебаніе между coni. aor. и fut. ind. (разумѣю, конечно, сигматическія формы) въ предложеніяхъ съ *ὅπως* происходитъ въ рукописяхъ очень часто; поэтому представляется общій вопросъ, какъ поступать въ такихъ случаяхъ. Вопросъ этотъ много разъ подвергался обсужденію; много было писано за и противъ знаменитаго canon Davesianus; но такъ какъ еще adhuc sub iudice lis est, то и я постараюсь внести свою лепту для рѣшенія этого вопроса, по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ Ѳукидиду. Что касается предложеній собственно финальныхъ, то кажется, можно считать уже доказаннымъ, что въ нихъ при *ὅπως* fut. ind. есть рѣдкая конструкція, попадающаяся лишь въ видѣ исключенія (см. Goodwin, Syntax of the Moods and Tenses of the Greek Verb § 324), и что употребленіе coni. aor. въ нихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Весь вопросъ, слѣд., сосредоточивается на предложеніяхъ дополнительныхъ съ *ὅπως*. Шталь въ своихъ Quaestiones grammaticae ad Thuc. pertinentes (стр. 26), показавши, что въ предложеніяхъ собственно финальныхъ Ѳукидидъ никогда не употреблялъ fut. ind., высказываетъ мнѣніе, что въ дополнительныхъ предл. съ *ὅπως* надо слѣдовать авторитету лучшихъ рукописей (in his igitur enuntiatis

finalibus cum coniunctivus ubique rescribendus sit, in reliquis optimorum sequenda est librorum auctoritas). Съ нимъ соглашается и Классенъ, говоря въ примѣчаніи къ нашему мѣсту: „wo nicht die Form des Verbums jeden Zweifel ausschliesst (wie in *ἀποστήσονται* 1, 57, 6. *ἀντίσχῃ* 1, 65, 1. *εὕρωσι* 3, 49, 2. *ὀφθῶσι* 3, 81, 1), kann in den meisten Fällen nur handschriftliche Autorität zwischen Indic. fut. und Conj. aor. entscheiden". Для Шталя и Классена, основывающихъ свой текстъ главнымъ образомъ на чтеніяхъ Ватиканской рукописи, выборъ между ind. fut. и coni. aor. въ такихъ случаяхъ, конечно, не представляетъ большого затрудненія; но для тѣхъ, которые высоко цѣнятъ чтенія Лаврентьевской рукописи, наставленіе Шталя и Классена теряетъ всякое практическое значеніе: въ самомъ дѣлѣ, какое чтеніе должно предпочесть, если однѣ рукописи съ B даютъ coni. aor., а другія съ C — ind. fut., что̀ случилось и въ нашемъ мѣстѣ? Очевидно, надо постараться отыскать какое-нибудь основаніе для рѣшенія вопроса въ такихъ спорныхъ случаяхъ. Для этого разсмотримъ всѣ дополнительныя предложенія съ *ὅπως* у Ѳукидида.

Веберъ въ своей Entwickelungsgeschichte der Absichtssätze II, стр. 13—14 даетъ полную статистику употребленія наклоненій у Ѳукидида въ дополнительныхъ предложеніяхъ съ *ὅπως* (по его терминологіи unvollständige Finalsätze). Изъ 35 примѣровъ съ *ὅπως*, по его счету, въ 22 ind. fut.[9]), въ 2 coni. praes., въ 11 coni. aor. Въ числѣ послѣд-

[9]) Надо замѣтить впрочемъ, что 1 мѣсто напрасно, какъ мнѣ кажется, отнесено Веберомъ къ дополнительнымъ предложеніямъ съ *ὅπως*: VI, 72, 4 *ἢν δὲ ὀλίγοι τε στρατηγοὶ γένωνται ἔμπειροι καὶ ἐν τῷ χειμῶνι τούτῳ παρασκευάσωσι τὸ ὁπλιτικόν, οἷς τε ὅπλα μὴ ἔστιν ἐκπορίζοντες, ὅπως ὡς πλεῖστοι ἔσονται, καὶ τῇ ἄλλῃ μελέτῃ προσαναγκάζοντες* „....доставляя вооруженіе тѣмъ, у кого его нѣтъ, для того чтобы число гоплитовъ было какъ можно больше"...: я не могу даже представить себѣ, какъ понять это предложеніе въ смыслѣ дополнительнаго; по-моему оно просто финальное. Такимъ образомъ, это мѣсто опровергаетъ выше указанное положеніе Шталя и Вебера (II, 12) о томъ, что у Ѳукидида нѣтъ ни одного примѣра чисто финальнаго предложенія съ *ὅπως*, гдѣ бы futurum было защищено формой, и что, вѣроятно, онъ совсѣмъ не допускалъ futurum въ такихъ предложеніяхъ. На основаніи этого, я бы отнесъ, пожалуй, къ этой же категоріи и еще одно мѣсто, причисляемое Веберомъ къ дополнительнымъ предложеніямъ: IV, 107, 1 *ὁ μὲν τὰ ἐν τῇ Ἠιόνι καθίστατο, ὅπως καὶ τὸ αὐτίκα, ἢν ἐπίῃ ὁ Βρασίδας, καὶ τὸ ἔπειτα ἀσφαλῶς ἕξει, δεξάμενος τοὺς ἐθελήσαντας ἐπιχωρῆσαι ἄνωθεν κατὰ τὰς σπονδάς* „Ѳукидидъ сталъ устраивать дѣла въ Эіонѣ, для того чтобы городъ былъ въ безопасности, принявъ тѣхъ, которые пожелали прійти согласно договору изъ верхняго города": устройство дѣлъ въ Эіонѣ и заключалось именно въ принятіи людей изъ верхняго города, а безопасность Эіона есть не столько объектъ глагола *καθίστατο*, сколько цѣль дѣятельности Ѳукидида; впрочемъ, возможно предложеніе *ὅπως — ἕξει* понимать и какъ дополнительное.

Замѣчу еще, что Веберъ не включилъ въ свой списокъ еще нѣсколько мѣстъ, которыя могли бы быть отнесены сюда: III, 44, 4 *βουλευόμεθα περὶ αὐτῶν, ὅπως χρησίμως ἕξουσιν*. VI, 18, 2 *μὴ ὅπως ἔπεισι προκαταλαμβάνει* (см. объ этомъ мѣстѣ

нихъ только 1 аористъ сильный (*γένηται* I, 57, 4); всѣ остальные 10 аористовъ сигматическіе, имѣющіе такую форму, что при измѣненіи одной или двухъ буквъ въ окончаніи aor. coni. можетъ быть передѣланъ въ fut. ind. Формы эти слѣд.: I, 19 *πολιτεύσωσι*, 56, 2 *τιμωρήσωνται*, 82, 5 *πράξωμεν*, III, 57, 1 *ἀποδέξωνται*, 70, 1 *ἀποστήσωσι*, VI, 11, 7 *φυλαξώμεθα*, 13, 1 *δόξῃ*, VII, 56, 2 *κωλύσωσι*, VIII, 48, 4 *στασιάσωσι*, 54, 4 *καταλύσωσι*. Интересно просмотрѣть эти мѣста по критическому аппарату у Шёне и Гуде. Оказывается, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Laurentianus C (одинъ или вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими) даетъ futurum, за исключеніемъ VIII, 48, гдѣ всѣ рукописи имѣютъ aor. coni. (а также обоихъ мѣстъ изъ III книги, для которой мы не имѣемъ точныхъ указаній относительно чтенія C). Такъ, futurum находится: I, 19 CF, 56 CB, 82 C, VI, 11 CE, 13 C, VII, 56 C, VIII, 54 CEFG. Какъ видимъ, почти во всѣхъ этихъ мѣстахъ coni. aor. является чтеніемъ далеко не вполнѣ надежнымъ[10]). Вслѣдствіе этого представляется вопросъ, какія рукописи заслуживаютъ болѣе довѣрія — тѣ ли, которыя даютъ aor. coni., или тѣ, которыя даютъ fut. ind. Рѣшить этотъ вопросъ съ полной достовѣрностью нѣтъ возможности; но для болѣе или менѣе вѣроятнаго рѣшенія его могутъ служить слѣд. соображенія.

ниже). III, 80, 1 *ᾖσαν ἐς λόγους, — ὅπως σωθήσεται ἡ πόλις*. VIII, 24, 6 *ἐσκόπουν, ὅπως μετριώτατα — καταπαύσουσι τὴν ἐπιβουλήν*. (VI, 12, 2 *εἴ τέ τις — παραινεῖ ὑμῖν ἐκπλεῖν, τὸ ἑαυτοῦ μόνον σκοπῶν, ἄλλως τε καὶ νεώτερος ἔτι ὢν ἐς τὸ ἄρχειν, ὅπως θαυμασθῇ μὲν ἀπὸ τῆς ἱπποτροφίας, διὰ δὲ πολυτέλειαν καὶ ὠφεληθῇ τι ἐκ τῆς ἀρχῆς* Классенъ и другіе относятъ предложеніе съ *ὅπως* къ *σκοπῶν*, но это едва ли вѣрно: будетъ ли это предложеніе объективное, или косвенно-вопросительное, — во всякомъ случаѣ надо бы было ожидать здѣсь fut. ind.; ср. кромѣ приведенныхъ выше VIII, 4 и VIII, 24, 6 еще I, 52 *τοῦ πλοῦ διεσκόπουν, ὅπῃ κομισθήσονται*. I, 69 *σκοπεῖν, — καθ' ὅ τι ἀμυνούμεθα*. I, 107 *σκέψασθαι, ὅτῳ τρόπῳ ἀσφαλέστατα διαπορεύσονται*. VI, 11 *σκ., ὅτῳ τρόπῳ εὖ θήσονται*. VI, 44 *ἐσκ., ὅτῳ τρόπῳ ἄριστα προσοίσονται*. VI, 82 *ἐσκεψάμεθα, ὅτῳ τρόπῳ ἥκιστα ὑπακουσόμεθα*. VII, 71 *ὅπῃ σωθήσονται, διεσκόπουν*. VIII, 48 *σκοπεῖσθαι,— ὅτῳ τρόπῳ κάτεισι*. Скорѣе надо считать это предложеніе въ VI, 12 за простое финальное, относя его къ *παραινεῖ ἐκπλεῖν*). Не думаю, чтобы Веберъ пропустилъ эти мѣста по недосмотру; скорѣе онъ намѣренно не включилъ ихъ, считая ихъ косвенными вопросами, что, конечно, вполнѣ возможно; но въ такомъ случаѣ онъ поступилъ непослѣдовательно, такъ какъ, напр., пропустивъ III, 44, 4 и VIII, 24, 6, онъ тѣмъ не менѣе принялъ въ расчетъ какъ VIII, 4, гдѣ предл. съ *ὅπως* относится также къ гл. *διασκοπεῖν*, такъ и нѣсколько мѣстъ (III, 46. V, 27. VI, 41. I, 82. III, 57), гдѣ предл. съ *ὅπως* зависитъ отъ вполнѣ сходнаго по значенію гл. *ὁρᾶν*, при которомъ, какъ и въ приведенныхъ выше мѣстахъ при *σκοπεῖν*, встрѣчается и несомнѣнный косвенный вопросъ: VI, 33 *ὁρᾶτε, ὅτῳ τρόπῳ κάλλιστα ἀμυνεῖσθε — καὶ μήτε ληφθήσεσθε — μήτε ἀμελήσετε*. VIII, 63 *ὁρᾶν, ὅτῳ τρόπῳ μὴ ἀνεθήσεται τὰ πράγματα*.

[10]) Равнымъ образомъ, и въ двухъ мѣстахъ, приводимыхъ Веберомъ въ пользу будущаго, VI, 41, 2 и VIII, 6, 2, по рукописямъ есть также колебаніе: въ первомъ *παρασκευασώμεθα* GMc_2f_2, во второмъ *πείσωσι* BG_1.

Во-первыхъ, fut. ind. при дополнительномъ ὅπως у Ѳукидида въ большинствѣ мѣстъ является конструкціей несомнѣнной, какъ это можно заключить на основаніи самой формы его, не допускающей смѣшенія съ aor. coni. (въ родѣ ἕξει): такихъ мѣстъ 18 изъ 22, такъ что только въ 4 мѣстахъ чтеніе съ futurum нуждается въ авторитетѣ рукописей; между тѣмъ aor. coni., какъ выше сказано, въ 10 мѣстахъ изъ 11 основывается на шаткомъ чтеніи рукописей. Уже одно это обстоятельство должно располагать насъ къ тому, чтобы присоединить сомнительные случаи къ тѣмъ несомнѣннымъ, которыхъ больше, т.-е. къ мѣстамъ съ fut. ind. Во-вторыхъ, если мы разсмотримъ предложенія чисто финальныя съ ὅπως, въ которыхъ встрѣчаются сигматическія формы, то найдемъ, что въ нихъ рукопись C всегда, а другія по большей части даютъ aor. coni., а не fut. ind. Такихъ мѣстъ изъ I, II, VI, VII, VIII книгъ я нашелъ 11: I, 73, 1 βουλεύσησθε всѣ. II, 60, 1 μέμψωμαι BCAEG. II, 67, 2 βλάψωσι всѣ. VI, 71, 2 ξυλλέξωνται BCAFGM. VII, 17, 4 ἀποπειράσωσι всѣ. VII, 32, 1 διαφήσωσι CM. Ibid. κωλύσωσι BCAFGM. VII, 39, 2 ἀριστοποιήσωνται BCEG. VIII, 7 κελεύσωσι всѣ. VIII, 87, 4 ποιήσῃ всѣ. VIII, 109 μέμψηται, ἀπολογήσηται всѣ[11]). Фактъ въ высшей степени любопытный для характеристики рукописи C, что она съ такой удивительной послѣдовательностью въ предложеніяхъ съ ὅπως финальнымъ даетъ аористъ, а въ предложеніяхъ съ ὅπως объективнымъ — будущее, тогда какъ другія рукописи и въ томъ и въ другомъ случаѣ представляютъ нерѣдко колебаніе. Для объясненія этого факта надо предположить одно изъ двухъ: или рукопись эта съ очень большой точностью сохранила намъ преданіе (и въ такомъ случаѣ она должна быть признана лучшей рукописью), или же она (вѣрнѣе, та рукопись, съ которой непосредственно или посредственно она списана) подверглась сильному исправленію какого-то корректора (и тогда, конечно, значеніе ея сводится къ нулю). Послѣднее предположеніе мнѣ кажется очень мало вѣроятнымъ: думать о такой тонкой грамматической наблюдательности со стороны какого-нибудь византійскаго ученаго было бы трудно. Такая послѣдовательность, по крайней мѣрѣ по отношенію къ futurum при ὅπως объективномъ, представляется тѣмъ болѣе странной, что, какъ извѣстно, византійцы имѣли сильное стремленіе ставить при всякомъ ὅπως сослагательное накл., такъ что въ рукописяхъ нерѣдко попадаются формы сослагательнаго прямо невозможныя, передѣланныя изъ будущаго. Таковы формы въ рукописяхъ

---

[11]) Приведу для полноты мѣста изъ III, IV, V книгъ, гдѣ при ὅπως финальномъ стоитъ сослагательное аориста сигматическаго (по Беккеру въ нихъ разночтеній нѣтъ): III, 8 βουλεύσωνται. III, 31 ἀποστήσωσι. IV, 66 ἐπιβοηθήσωσι. IV, 76 ξυμβοηθήσωσι. V, 45 ποιήσῃ. Но въ III, 26, 1 Беккеръ читаетъ ἐπιβοηθήσουσι, не указывая рукописныхъ варіантовъ, а Шталь и Бёме ἐπιβοηθήσωσι, также не приводя варіантовъ.

Өукидида: I, 57, 6 *ἀποστήσωνται* ABEFGc_2, VIII, 4 *ἀποστήσωνται* всѣ, V, 36, 2 *παραδώσωσι* F, VI, 78, 4 *ἐνδώσωμεν* AB, VI, 88, 3 *προσχωρήσωνται* ABf_2, VIII, 10 *λύσωσι* ABGMc_2 [12]). Ind. fut. при *ὅπως* казалось читателямъ того времени до того страннымъ и необыкновеннымъ, что уцѣлѣвшія въ рукописяхъ формы будущаго нерѣдко поправлялись позднѣйшей рукой на формы сослагательнаго аориста, напр. I, 56, 2 *τιμωρίσονται* (= *τιμωρήσονται*) C, *τιμωρήσωνται* c_2, I, 82, 5 *πράξομεν* C, *πράξωμεν* c_2, VI, 11, 7 *φυλαξόμεθα* C, *φυλαξώμεθα* c_2, VI, 41, 2 *παρασκευασόμεθα* CF, *παρασκευασώμεθα* c_2f_2, VIII, 54, 4 *καταλύσουσι* E, *καταλύσωσι* c_2. Всѣ указанныя соображенія склоняютъ меня къ тому, что къ формамъ сослагательнаго аориста сигматическаго при *ὅπως* объективномъ у Өукидида мы должны относиться съ крайнею осторожностью и, слѣдуя правилу критики о lectio difficilior, должны отдавать предпочтеніе формамъ будущаго. Такимъ образомъ, во всѣхъ мѣстахъ, перечисленныхъ выше (стр. 262), я поставилъ бы, слѣдуя C, при *ὅπως* объективномъ fut. ind. (кромѣ развѣ VIII, 48 и обоихъ мѣстъ изъ III книги), и тогда употребленіе наклоненій въ дополнительныхъ предл. съ *ὅπως* представилось бы намъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ изображаетъ его Веберъ, а именно мы получили 28 fut. ind. [13]), 2 coni. praes , 1 coni. aor. II, 1 coni. aor. I (и 2 мѣста изъ III книги неопредѣленныхъ). — Въ виду всего выше изложеннаго полагаю, что и въ нашемъ мѣстѣ VI, 11, 7 надо читать *φυλαξόμεθα*.

13, 1 *οὓς ἐγὼ ὁρῶν νῦν ἐνθάδε τῷ αὐτῷ ἀνδρὶ παρακελευστοὺς καθημένους*. Изъ этихъ словъ Классенъ, а за нимъ Шталь и др. заключаютъ, что въ аѳинскомъ народномъ собраніи такъ же, какъ въ теперешнихъ политическихъ собраніяхъ, члены одной партіи садились вмѣстѣ. Мнѣ кажется, эти слова не даютъ намъ никакого права на такое заключеніе. Они давали бы намъ право предполагать это лишь въ томъ случаѣ, если бы *καθημένους* можно было понимать въ смыслѣ *παρακαθημένους* и относить къ этому дательный *τῷ αὐτῷ ἀνδρί*: „они сидятъ рядомъ съ этимъ же человѣкомъ"; но такъ понимать это мѣсто, конечно, невозможно; дательный *τῷ αὐτῷ ἀνδρί* можетъ зависѣть только отъ *παρακελευστούς*, какъ бы мы ни понимали это слово — вмѣстѣ ли

---

[12]) Въ codd. dett. такихъ примѣровъ еще больше найдется. Такъ, I, 65, 1 *ἔξῃ*, IV, 118, 3 *ἐξευρήσωμεν*, V, 26, 5 *εἴσωμαι*, VI, 72, 4 *ἔσωνται*. Заимствую это сообщеніе изъ брошюры Jacobson'a De usu sententiarum finalium Thucydideo — То же замѣчается и въ рукописяхъ другихъ писателей, напр. Lys. I, 21 *πεύσηται*. Особенно интересенъ одинъ фрагментъ Менандра (IV, 139 Mein.) *φιλοσοφεῖ δὲ τοῦθ', ὅπως | καταπράξεται τὸν γάμον*, гдѣ вмѣсто fut. ind., требуемаго метромъ, рукописные источники даютъ coni. aor. *καταπράξηται*.

[13]) Считаю 21 мѣсто изъ числа приведенныхъ у Вебера для fut. ind. (VI, 72, 4 исключаю) и 7 мѣстъ изъ числа приведенныхъ имъ для coni. aor.

съ схоліастомъ въ значеніи *παρακεκλημένος* „приглашенные этимъ же человѣкомъ (на помощь)“, или вмѣстѣ съ Фотіемъ въ значеніи *σπουδαστής, αὐστηρὸς καὶ σπουδαῖος οἰκεῖος* (на этомъ объясненіи, вѣроятно, Классенъ основываетъ свое толкованіе „bereit, seiner Anweisung Folge zu leisten“) „готовые слѣдовать указаніямъ того же самаго человѣка“ [14]). Такимъ образомъ, о сидѣньѣ рядомъ членовъ партіи Алкивіада тутъ нѣтъ и помину; напротивъ, слѣдующія слова *τοῖς πρεσβυτέροις ἀντιπαρακελεύομαι μὴ καταισχυνθῆναι, εἴ τῳ τις παρακάθηται τῶνδε* „убѣждаю старшихъ не стыдиться, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ сидитъ рядомъ кто-нибудь изъ этихъ (= молодыхъ)“ — эти слова, мнѣ кажется, ясно показываютъ, что партія Алкивіада сидѣла не отдѣльно, а напротивъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ея членовъ сидѣли въ перемѣшку съ людьми солидными, не принадлежавшими къ этой партіи.

13, 1 *εἴ τῳ τις παρακάθηται τῶνδε*. Одни комментаторы (Classen, Stahl, Krueger) соединяютъ *τῶνδε* съ *τὶς*, понимая подъ *τῳ* старшихъ, подъ *τὶς* младшихъ; другіе (H. Stephanus, Poppo, Fr. Mueller) — наоборотъ, полагая, что если не разумѣть подъ *τὶς* старшихъ, то необъяснимо будетъ ед. ч. *δόξῃ* (*δόξει*) и *ψηφίζηται*. Я признаю вѣрнымъ первое объясненіе: если мы переведемъ эту фразу буквально на русскій яз., то увидимъ, что соединять *τῶνδε* съ болѣе отдаленнымъ *τῳ* невозможно; всякій невольно соединитъ его съ ближайшимъ *τὶς*: „если съ кѣмъ-нибудь кто-нибудь сидитъ изъ этихъ“. Что касается ед. ч. глаголовъ *δόξει* и *ψηφίζηται*, то, какъ справедливо замѣчаетъ Классенъ, оно можетъ быть обусловлено единственнымъ *τῳ* нисколько не менѣе, чѣмъ единственнымъ *τὶς*.

13, 1 *μηδ' ὅπερ ἂν αὐτοὶ πάθοιεν, δυσέρωτας εἶναι τῶν ἀπόντων*. Кто здѣсь разумѣется подъ *αὐτοί*? — *οἱ νεώτεροι* или *οἱ πρεσβύτεροι*? Всѣ извѣстные мнѣ комментаторы понимаютъ *αὐτοί* въ первомъ смыслѣ („младшіе“), при чемъ Классенъ, ссылаясь на два мѣста изъ Ѳукидида III, 13, 5 и IV, 92, 7, говоритъ, что *αὐτοί* здѣсь значитъ „они“ и имѣетъ на себѣ сильное (логическое) удареніе. Одинъ только Шталь, судя по его переводу quod non per Alcibiadis amicos, sed ipsi (sua sponte) facile videntur pati, повидимому, подъ *αὐτοί* понимаетъ старшихъ. Что касается перваго объясненія, то оно странно уже потому, что при немъ *αὐτοί* въ именит. пад. должно обозначать „они“, да еще съ сильнымъ логическимъ удареніемъ. Косвенные падежи отъ *αὐτός*, правда,

---

[14]) Судя по слѣдующему сейчасъ *ἀντιπαρακελεύομαι*, которое находится въ очевидномъ соотношеніи съ *παρακελευστούς*, я считаю необходимымъ понимать это слово въ значеніи страдательнаго причастія отъ *παρακελεύομαι* (т.-е. приблизительно такъ же, какъ понимаетъ его схоліастъ): „молодые убѣждены Алкивіадомъ (помогать ему) ...я съ своей стороны убѣждаю старшихъ“.

могутъ еще иногда имѣть логическое удареніе, напр. Aristoph. *Thesm.* 565 *οὐδ' ὡς σὺ τῆς δούλης τεκούσης ἄρρεν εἶτα σαυτῇ τοῦθ' ὑπεβάλου, τὸ σὸν δὲ θυγάτριον παρῆκας αὐτῇ. Ach.* 1061. *Vesp.* 1419[15]), но въ именит. пад. *αὐτός*, судя по Krueg. Spr. 51, 1, 3, можетъ имѣть значеніе „онъ" съ логическимъ удареніемъ лишь въ косвенной рѣчи, когда оно употребляется говорящимъ о самомъ себѣ, т.-е., слѣд., и въ этомъ случаѣ *αὐτός* почти равно „самъ". Такимъ образомъ, обычное объясненіе нашего мѣста кажется неправильнымъ уже и по грамматическимъ соображеніямъ; но оно не даетъ даже, я думаю, и хорошаго смысла: странно было бы, если бы Никій употребилъ здѣсь объ Алкивіадѣ и его единомышленникахъ такую нерѣшительную форму утвержденія — opt. c. *ἄν*: „не стремитесь къ далекому, что съ ними можетъ случиться". Относительно молодыхъ Никій, конечно, былъ увѣренъ, что они *δυσέρωτές εἰσι τῶν ἀπόντων*, что они это *πάσχουσι*, а не *πάθοιεν ἄν*. Поэтому гораздо естественнѣе предполагать, что подлежащее при *πάθοιεν ἄν* есть *οἱ πρεσβύτεροι*; но я думаю, что нѣтъ надобности вмѣстѣ съ Шталемъ прибѣгать къ довольно искусственному въ данномъ случаѣ толкованію слова *αὐτοί* въ смыслѣ sua sponte; гораздо проще понимать *αὐτοί* въ смыслѣ „сами" въ противоположность молодымъ: какъ извѣстно, *αὐτός* можетъ употребляться вмѣсто *ἐγὼ αὐτός, σὺ αὐτός* и т. д., по б. ч. при глаголѣ въ соотвѣтствующемъ лицѣ, когда выражается противоположность подлежащаго другимъ предметамъ (ср. Kuehner Gr. § 454, Anm. 7), напр. Thuc. VI, 18, 3 *διὰ τὸ ἀρχθῆναι ἂν ὑφ' ἑτέρων αὐτοῖς κίνδυνον εἶναι, εἰ μὴ αὐτοὶ ἄλλων ἄρχοιμεν* „намъ самимъ... мы сами". Никій хочетъ сказать, что люди пожилые сами тоже (какъ и молодые) могутъ имѣть пагубное стремленіе къ отдаленнымъ пріобрѣтеніямъ, отъ котораго онъ и старается ихъ предостеречь[16]). Яснѣе будетъ этотъ смыслъ, если мы обратимъ здѣсь косвенную рѣчь въ прямую: *μηδ', ὅπερ ἂν αὐτοὶ πάθοιτε, δυσέρωτες ἔστε.*

14 *τὸ μὲν λύειν τοὺς νόμους μὴ μετὰ τοσῶνδ' ἂν μαρτύρων αἰτίαν σχεῖν.* Относительно *τὸ λύειν* мнѣнія комментаторовъ расходятся: одни видятъ въ немъ винительный подлежащаго къ *αἰτίαν σχεῖν*, другіе — винительный иного рода, считая подлежащимъ инфинитива мѣстоименіе 2-го лица, извлекаемое изъ управляющаго глагола *νομίσας*. Послѣднее мнѣніе, высказанное Крюгеромъ и принятое Классеномъ, я считаю болѣе вѣроятнымъ; противъ перваго толкованія говорятъ два обстоятельства, указанныя Крюгеромъ: если бы *τὸ λύειν* было подлежащимъ, то во второмъ

---

[15]) Приведенныя Классеномъ мѣста изъ Θукидида не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ: въ нихъ *αὐτῷ* и *αὐτῶν* поставлены вмѣсто *τούτῳ* и *τούτων* въ аподосисѣ относительнаго предложенія.

[16]) Проф. Θ. Г. Мищенко въ своемъ переводѣ Θукидида именно такой смыслъ придаетъ этому мѣсту, если я не ошибаюсь: „и они вѣдь могутъ питать это чувство".

членѣ этого слитнаго предложенія надо бы было ожидать *αὐτὸς δὲ τῆς πόλεως κτλ.;* кромѣ того, трудно было бы подлежащимъ при *αἰτίαν σχεῖν* считать *τὸ λύειν* еще и потому, что это выраженіе употребляется (въ прозѣ) только въ значеніи „быть обвиняемымъ" и потому имѣетъ при себѣ всегда подлежащее личное (см. Stephani Thesaurus l. gr., v. I, p. 1099)[17]). Но если *τὸ λύειν* не есть подлежащее, то что оно такое? Крюгеръ объясняетъ его какъ винительный дополненія, къ которому *αἰτίαν* служитъ винительнымъ сказуемаго: *ἕξεις τὸ λύειν αἰτίαν, τὸ λύειν σοι αἰτία ἔσται.* Онъ ссылается при этомъ на IV, 114, 5 *ὅ τι ἂν ἁμαρτάνωσιν αἰτίαν ἕξοντας*, но здѣсь, какъ онъ и самъ объясняетъ, *ὅ τι = τούτου ὅ τι.* Вообще это толкованіе слишкомъ искусственно и не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Классенъ предложилъ другое объясненіе: *τὸ λύειν* онъ считаетъ за „винительный самостоятельный" (вѣрнѣе было бы его назвать „винительный отношенія") въ смыслѣ „что касается до нарушенія законовъ". Это объясненіе кажется очень правдоподобнымъ: дѣйствительно, такой инфинитивъ въ вин. пад., если вѣрить рукописямъ, употребляется очень свободно, иногда очевидно вмѣсто род. пад., напр. Thuc. VII, 67, 1. VIII, 87, 3. Hyperid. *Epitaph.* 2 (мѣста эти приведены у Бирклейна въ его Entwickelungsgeschichte des substantivierten Infinitivs, стр. 53 и 64). Впрочемъ, на эти примѣры нельзя положиться съ полной увѣренностью, и критики исправляютъ въ нихъ *τὸ* на *τοῦ.* Въ нашемъ мѣстѣ Гуде по своей конъектурѣ также издалъ *τοῦ.* Мнѣ кажется, этотъ вопросъ мы рѣшить не можемъ: род. пад. для нашего чувства представляется естественнѣе, но нельзя сказать, что вин. пад. невозможенъ (въ особенности такъ, какъ онъ поставленъ здѣсь, во главѣ предложенія; при такой постановкѣ допускаются разныя вольности въ конструкціяхъ). Ѳукидидъ, вѣроятно, написалъ *ΤΟ*, но что онъ разумѣлъ подъ этимъ — *τό* или *τοῦ*, мы опредѣлить не можемъ.

16, 1 *καὶ προσήκει μοι μᾶλλον ἑτέρων — ἄρχειν, — καὶ ἄξιος ἅμα νομίζω εἶναι.* Классенъ издалъ *'μοί,* полагая, что удареніе необходимо вслѣдствіе противоположенія *μοι* съ *ἑτέρων.* Мнѣ кажется, что надобности въ этомъ нѣтъ: какъ видно изъ антитезы *καὶ προσήκει μοι — καὶ ἄξιος κτλ.*, главное удареніе падаетъ на *προσήκει*, а не на *μοι.* Что касается *ἑτέρων*, то оно едва ли составляетъ сильное противоположеніе къ *μοι*, потому что *μᾶλλον ἑτέρων* почти равняется *μάλιστα.* Вообще надо замѣтить, что правило о постановкѣ полной формы личнаго мѣстоименія при логическомъ удареніи не всегда соблюдается; иногда бываетъ, что личное мѣстоименіе совсѣмъ пропускается, гдѣ по нашему

---

17) Шталь, считающій *τὸ λύειν* подлежащимъ, не могъ однако указать ни одного мѣста, гдѣ бы при *αἰτίαν ἔχειν* подлежащее было не личное; онъ ссылается только на Plat. *Phil.* 23a, гдѣ такъ употреблено выраженіе *ἀτιμίαν ἔχειν.*

чувству оно должно бы было непремѣнно быть, и притомъ съ логическимъ удареніемъ, напр. Soph. *Oed. Col.* 113 *σιγήσομαί τε καὶ σύ με — κρύψον* (вм. *ἐγώ τε σιγ. καὶ σύ...* Ibid. 791 *ἆρ' οὐκ ἄμεινον ἢ σὺ τἀν Θήβαις φρονῶ* (вм. *ἐγὼ ἢ σύ*). Или ставится энклитическая форма вмѣсто ожидаемой полной, напр. *Phil.* 1051 *οὐκ ἂν λάβοις μου μᾶλλον οὐδέν' εὐσεβῆ*. Ср. прим. Наука и Вундера-Векклейна къ *Phil.* 47.

16, 4 *ὥσπερ δυστυχοῦντες οὐ προσαγορευόμεθα, ἐν τῷ ὁμοίῳ τις ἀνεχέσθω καὶ ὑπὸ τῶν εὐπραγούντων ὑπερφρονούμενος*. Изъ комментаторовъ только Классенъ и Фр. Миллеръ сдѣлали замѣчаніе о *τὶς*: оба они кратко объясняютъ, что *τὶς* есть одинъ изъ *δυστυχοῦντες*. Это сказано, можетъ быть, и вѣрно, но не точно. Если понимать ихъ слова буквально, то фраза не будетъ имѣть смысла: „какъ мы, находясь въ несчастіи, не встрѣчаемъ привѣта, такъ пусть кто-нибудь изъ находящихся въ несчастіи терпѣливо сноситъ пренебреженіе счастливыхъ“. Алкивіадъ разумѣетъ подъ *τὶς*, правда, одного изъ *δυστυχοῦντες*, но не тѣхъ, которые были во время его несчастія тоже несчастными, а тѣхъ, которые тогда были счастливыми, но впослѣдствіи, когда онъ сталъ однимъ изъ *εὐπραγοῦντες*, попали въ несчастіе. Смыслъ этой фразы, слѣд., такой: „какъ мы, находясь въ несчастіи, не встрѣчаемъ привѣта, такъ пусть и всякій (теперешній счастливецъ, попавъ въ несчастіе) терпѣливо сноситъ пренебреженіе отъ насъ, когда мы благоденствуемъ“.

17, 2 *(αἱ πόλεις) ῥᾳδίας ἔχουσι τῶν πολιτειῶν τὰς μεταβολὰς καὶ ἐπιδοχάς*. Пониманіе этихъ словъ представляетъ много затрудненій. Наиболѣе распространено теперь объясненіе Гёллера, по которому *μεταβολαί* означаетъ перемѣны въ государственномъ устройствѣ, а *ἐπιδοχαί* — принятіе новыхъ формъ правленія. Это толкованіе вызвало возраженія со стороны Арнольда и Шталя, которые указываютъ, что по отношенію къ Сициліи это извѣстіе невѣрно: въ городахъ Сициліи никогда не бывало такихъ полныхъ измѣненій государственнаго строя. Я не рѣшаюсь особенно защищать толкованіе Гёллера: дѣйствительно, придаваемое имъ значеніе слову *ἐπιδοχαί*, какъ указалъ еще Крюгеръ, представляется ненадежнымъ; я желаю сдѣлать только одно замѣчаніе по поводу возраженія Арнольда и Шталя. Они указываютъ на то, что изъ исторіи намъ ничего не извѣстно о такихъ крупныхъ перемѣнахъ въ государственномъ устройствѣ сицилійскихъ городовъ. Они забываютъ, что это сообщеніе высказывается Ѳукидидомъ не отъ себя и не отъ лица какого-либо уважаемаго имъ человѣка, а оно вложено въ уста Алкивіада, старающагося во что бы то ни стало доказать аѳинянамъ, что съ Сициліей справиться легко; поэтому трудно искать исторической правды въ его рѣчи; вѣроятно, Алкивіадъ здѣсь просто обманываетъ своихъ согражданъ, изображая Сицилію въ такомъ дурномъ положеніи, въ какомъ она не была на самомъ дѣлѣ, какъ это и показали событія.

Не соглашаясь съ объясненіемъ Гёллера и основываясь на словахъ схоліаста, который слово ἐπιδοχαί понимаетъ въ смыслѣ принятія въ государство чужеземцевъ и изгнанниковъ, Шталь мѣняетъ πολιτειῶν на πολιτῶν; то же дѣлаетъ и Гуде, который впрочемъ при этомъ основывается на чтеніи рукописи *E*, гдѣ стоитъ именно πολιτῶν. Что касается послѣдняго основанія, то я думаю, авторитетъ одной рукописи *E* противъ всѣхъ остальныхъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія, тѣмъ болѣе, что скорѣе вмѣсто πολιτειῶν переписчикъ могъ поставить по недосмотру такое обычное слово какъ πολιτῶν, чѣмъ наоборотъ. Затѣмъ, чтеніе τῶν πολιτῶν τὰς μεταβολὰς καὶ ἐπιδοχάς врядъ ли лучше обычнаго и по смыслу: если при обычномъ чтеніи страннымъ является соединеніе τῶν πολιτειῶν αἱ ἐπιδοχαί, то при чтеніи Шталя и Гуде приходится слову μεταβολαί придавать произвольное значеніе, чтобъ отличить его отъ ἐπιδοχαί: Шталь именно разумѣетъ подъ μεταβολαί тѣ случаи, когда граждане изгоняются либо выселяются изъ отечества въ другіе города, или же возвращаются обратно; а подъ ἐπιδοχαί — тѣ случаи, когда принимаютъ новыхъ гражданъ[18]). Такое различіе, я думаю, невѣрно: μεταβολαί „перемѣны“ заключаетъ въ себѣ понятіе не только объ удаленіи гражданъ изъ государства или о возвращеніи ихъ, но и о приходѣ новыхъ; по крайней мѣрѣ, въ I, 2, 3 подъ αἱ μεταβολαὶ τῶν οἰκητόρων въ Греціи, несомнѣнно, разумѣется удаленіе однихъ жителей и прибытіе другихъ на ихъ мѣсто. Такимъ образомъ, понятіе μεταβολαί обширнѣе, чѣмъ ἐπιδοχαί, и заключаетъ въ себѣ его, такъ что ἐπιδοχαί послѣ μεταβολαί оказывается совершенно излишнимъ.

17, 5 ἐψευσμένη ἡ Ἑλλάς. Въ рукописяхъ ABF членъ пропущенъ. Какъ показалъ Калленбергъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи объ употребленіи члена при названіяхъ странъ (Philologus 1890 г., стр. 515), при именахъ на άς членъ всегда ставится. Слѣд., и въ нашемъ мѣстѣ членъ необходимъ при Ἑλλάς: и дѣйствительно, это слово, попадающееся у Ѳукидида въ большомъ числѣ мѣстъ, употребляется всегда съ членомъ.

18, 2 τὸν γὰρ προύχοντα οὐ μόνον ἐπιόντα τις ἀμύνεται, ἀλλὰ καὶ μὴ ὅπως ἔπεισι προκαταλαμβάνει. Таково чтеніе всѣхъ лучшихъ рукописей. Странную постановку μή передъ ὅπως Классенъ старается оправдать указаніемъ на такіе случаи, гдѣ какое-либо слово придаточнаго предложенія ставится впереди союза. Шталя и Фр. Миллера не удовлетворило это объясненіе: они приняли конъектуру Гакке μή πως, — по моему мнѣнію, очень мало вѣроятную. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ чтеніи мы получаемъ въ дополнительномъ предложеніи μή съ fut. ind. (такъ какъ ἔπεισι по смыслу есть будущее). Это конструкція крайне

[18]) Не ручаюсь, вѣрно ли я понимаю то, что хотѣлъ сказать Шталь. Вотъ его подлинныя слова: fiunt autem tales μεταβολαί, ubi cives expelluntur vel emigrant aut in civitatem redeunt, ἐπιδοχαί novis civibus receptis exsistunt.

рѣдкая: по счету Вебера (Entwickelungsgeschichte der Absichtssätze, II, 97), она встрѣчается во всей греческой литературѣ классическаго періода только 4 раза, да и то у одного Ксенофонта, и притомъ лишь въ выраженіи *ὅρα μή* и *ὁρᾶν χρὴ μή* (тамъ же, стр. 74). Даже въ предложеніяхъ послѣ глаголовъ боязни эта конструкція тоже весьма рѣдкая: Веберъ (стр. 94) насчитываетъ 6 случаевъ, къ которымъ Гудвинъ (Syntax of the Moods and Tenses of the Greek Verb, § 367) прибавляетъ еще 2 примѣра: 1 изъ Эсхила, 1 изъ Софокла (*Tr.* 550 сомнительный), 3 изъ Платона, 3 изъ Ксенофонта. Наконецъ, и въ собственныхъ предложеніяхъ цѣли *μή* съ fut. попадается очень рѣдко — только 5 разъ: 2 у Гомера, 1 у Θеогнида, 2 у Аристофана (Веберъ, I, стр. 28, 75, 113).

Такимъ образомъ, у Θукидида ни въ какомъ родѣ предложеній цѣли *μή* съ будущимъ не употребляется, да и у другихъ авторовъ встрѣчается крайне рѣдко; а вводить по конъектурѣ оборотъ очень рѣдкій или даже совсѣмъ противный способу выраженія писателя — мы не имѣемъ никакого права. Кромѣ того, *ὅπως* въ нашемъ мѣстѣ защищается еще другимъ мѣстомъ Θукидида III, 46, 6 (*χρὴ τοὺς ἐλευθέρους πρὶν ἀποστῆναι σφόδρα φυλάττειν καὶ προκαταλαμβάνειν, ὅπως μηδ᾽ ἐς ἐπίνοιαν τούτου ἴωσι.* Итакъ, рукописное *ὅπως* въ нашемъ мѣстѣ мы должны сохранить. Что касается странной постановки *μή* передъ *ὅπως*, то всего лучше, по моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ поступили Крюгеръ и Гуде, принявшіе чтеніе *ὅπως μή*, находящееся въ одномъ изъ codices deteriores; если даже это чтеніе не имѣетъ за собой важнаго рукописнаго авторитета, то все-таки оно можетъ быть принято, какъ хорошая конъектура.

19, 1 *τοιαῦτα μὲν ὁ Ἀλκιβιάδης εἶπεν.* Таково чтеніе всѣхъ рукописей и изданій, кромѣ Гуде, который принялъ въ свой текстъ поправку Беккера *δέ* вмѣсто *μέν*. Поправка эта основана на наблюденіи, что послѣ отвѣтной рѣчи въ фразѣ, служащей переходомъ къ дальнѣйшему изложенію, ставится не *μέν*, а *δέ*. Исключеніе изъ этого правила составляютъ лишь два мѣста—наше и гл. 41, 1. Употребленіе *μέν* въ этихъ мѣстахъ Классенъ оправдываетъ тѣмъ, что въ нихъ за второй рѣчью слѣдуетъ еще третья. Но замѣчательно то, что въ гл. 41 Laur. C имѣетъ *δέ*, тогда какъ всѣ остальныя рукописи даютъ *μέν*, и весьма вѣроятно, что *δέ* здѣсь первоначальное чтеніе, а *μέν* поправка, вызванная слѣдующимъ *δέ*. Какъ соблазнительно было переписчику или читателю поправить въ подобной фразѣ *δέ* на *μέν*, видно изъ слѣд. двухъ мѣстъ: VI, 88, 1 *τοιαῦτα δὲ ὁ Εὔφημος εἶπεν. οἱ δὲ Καμαριναῖοι κτλ.* въ Monac. G рукою самого писца поставлено *μέν* надъ первымъ *δέ*. I, 79, 1 *τοιαῦτα δὲ οἱ Ἀθηναῖοι εἶπον. ἐπειδὴ δὲ κτλ.* въ Laur. C надъ первымъ *δέ* также сверху надписано *μέν*. Ничего нѣтъ мудренаго, что въ VI, 41, 1 во всѣ рукописи кромѣ C попала поправка *μέν* вмѣсто первоначальнаго *δέ*, а въ нашемъ мѣстѣ даже и C не сохранилъ правильнаго чтенія.

20, 4 *Συρακοσίοις δὲ καὶ ἀπὸ βαρβάρων τινῶν ἀπ' ἀρχῆς φέρεται.* Послѣднія слова сильно затрудняютъ комментаторовъ. Въ ABCEFM читается *ἀπαρχῆς φέρεται*, въ G *ἀπ' ἀρχῆς φέρεται;* чтеніе вульгаты (находящееся и въ одномъ изъ codices deteriores — T въ изданіи Dougan'a), принятое большинствомъ издателей, есть *ἀπαρχὴ ἐσφέρεται.* Было сдѣлано нѣсколько попытокъ объяснить рукописное чтеніе. Такъ, одни *ἀπ' ἀρχῆς* понимаютъ въ значеніи „издревле", но это выраженіе можетъ значить лишь „сначала" (см. прим. Шталя), что не даетъ смысла. Другіе понимаютъ *ἀπ' ἀρχῆς* въ значеніи „вслѣдствіе ихъ господства"; однако и предлогъ *ἀπό* сдва ли былъ бы умѣстенъ, какъ думаетъ Шталь, да и при *ἀρχῆς*, мнѣ кажется, необходимъ былъ бы членъ. Англійскій комментаторъ Dougan толкуетъ это выраженіе въ смыслѣ „съ подчиненныхъ имъ областей" (понимая, слѣд., *ἀρχή* въ мѣстномъ значеніи); но опять-таки необходимо было бы поставить членъ при *ἀρχῆς* въ этомъ случаѣ. Классенъ пытается объяснить чтеніе *ἀπαρχῆς φέρεται*, понимая его въ смыслѣ „вносится часть изъ *ἀπαρχή*"; но *ἀπαρχή*, какъ замѣчаетъ Шталь, и есть именно та часть плодовъ, которая выдѣляется изъ цѣлаго для внесенія ея. Вейднеръ, а за нимъ Фр. Миллеръ совсѣмъ вычеркиваютъ *ἀπαρχῆς;* но это слишкомъ насильственный способъ исправленія текста: откуда могло бы попасть въ текстъ это слово? Шталь защищаетъ чтеніе вульгаты; но въ ней подозрителенъ глаголъ *ἐσφέρειν*, который вмѣстѣ съ *εἰσφορά* употребляется, какъ указалъ еще Дукеръ, о взносахъ гражданъ, тогда какъ о взносахъ союзниковъ и данниковъ употребляется *φέρειν* и *φόρος*. Шталь, правда, ссылается на Th. VIII, 45, 5, гдѣ *ἐσφέρειν* употреблено о взносѣ союзниковъ въ общую казну. Но во всякомъ случаѣ *εἰσφέρειν* о дани подчиненнаго населенія въ нашемъ мѣстѣ было бы необычно. Такимъ образомъ, всѣ предложенныя чтенія, повидимому, не истинныя. Я не знаю, почему никѣмъ не предложено (сколько мнѣ извѣстно) читать *ἀπαρχὴ φέρεται.* Чтеніе это, такъ же какъ и чтеніе вульгаты, находится въ одномъ изъ codices deteriores (Lugd. I у Шталя), а глаголъ *φέρεται* дается почти всѣми рукописями — и хорошими и дурными. Поправка чтенія лучшихъ рукописей при этомъ нисколько не труднѣе, чѣмъ при чтеніи вульгаты: принимая вульгату, приходится вставить *ε (ἀπαρχησφερεται — ἀπαρχὴ ἐσφέρεται)*, а принимая мое чтеніе, приходится выбросить *σ (ἀπαρχησφερεται — ἀπαρχὴ φέρεται)*. Происхожденіе этой *σ* совершенно ясно: кто-нибудь принялъ *ἀπ* въ словѣ *ἀπαρχὴ* за самостоятельный предлогъ *ἀπό* и приписалъ *σ*, чтобы получить род. пад. *ἀρχῆς*.

23, 3 *ὅτι ἐλάχιστα τῇ τύχῃ παραδοὺς ἐμαυτὸν βούλομαι ἐκπλεῖν, παρασκευῇ δὲ ἀπὸ τῶν εἰκότων ἀσφαλὴς [ἐκπλεῦσαι].* Многіе издатели (Крюгеръ, Бёме, Шталь, Фр. Миллеръ, Гуде) выбрасываютъ *ἐκπλεῦσαι*, потому что, какъ замѣчаетъ Шталь, turpiter verbum repetitur, et cur hic aoristum positum esse credamus? Я считаю это исправленіе не-

удачнымъ. Для смысла *ἐκπλεῦσαι*, конечно, не нужно; но я думаю, что оно поставлено ради риторическихъ цѣлей, — для большей законченности періода. Чтобы избѣжать повторенія глагола *ἐκπλεῖν* въ той же самой формѣ, Ѳукидидъ для разнообразія поставилъ его въ другой, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ поставить praes. inf. или aor. inf. было безразлично для смысла. Какъ извѣстно, и Ѳукидидъ, и другіе авторы во второй части сложнаго или слитнаго предложенія, не желая повторять или подразумѣвать слово изъ первой части, ставятъ его синонимъ, напр. VI, 14, 1 *ἡγεῖ σοι προσήκειν κήδεσθαι — καὶ βούλει γενέσθαι πολίτης ἀγαθός*. 15, 2 *βουλόμενος ἐναντιοῦσθαι — στρατηγῆσαι ἐπιθυμῶν*. 18, 1 *τί λέγοντες ἢ ἀποκνοῖμεν — ἢ σκηπτόμενοι μὴ βοηθοῖμεν*. 72, 5 *ἃ κρύπτεσθαι δεῖ, μᾶλλον ἂν στέγεσθαι*. Относительно другихъ писателей см. указатель къ Демосѳену Реданца подъ сл. Wechsel и примѣчаніе Наука къ Soph. Ai. 22. Но не только слова съ разными корнями варьируются; иногда мѣняются однозначащія формы одного и того же слова, напр. *ἥλωσαν — ἑάλω, κεκτήμεθα — ἐκτῆσθαι, ἄν — ἤν, ἐάν — ἤν* (см. Реданца указ. м.) и Th. VI, 29, 1 *εἰργασμένος ἦν — εἴργαστο*. А въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что могутъ варьироваться временныя или видовыя формы глагола тамъ, гдѣ отъ этой перемѣны нѣтъ ущерба для смысла. Наше мѣсто представляетъ собою вовсе не единственный примѣръ этого: я могу указать еще слѣд. мѣста: Th. I, 37, 4 *οὐχ ἵνα μὴ ξυναδικήσωσιν — ἀλλ' ὅπως ἀδικῶσι*. III, 96, 3 *πολλῇ χειρὶ ἐπεβοήθουν πάντες (οἱ Αἰτωλοί), ὥστε καὶ οἱ ἔσχατοι Ὀφιονέων — ἐβοήθησαν*. VIII, 46, 3 *οὐκ εἰκὸς εἶναι Λακεδαιμονίους ἀπὸ μὲν σφῶν τῶν Ἑλλήνων ἐλευθεροῦν νῦν τοὺς Ἕλληνας, ἀπὸ δ' ἐκείνων τῶν βαρβάρων μὴ ἐλευθερῶσαι*. Dem. XVIII, 273 *εἰπεῖν βέλτιον — λέγειν βελτίω* (тутъ впрочемъ съ перемѣною видовой формы мѣняется и корень слова). Ср. въ латинскомъ яз. Cic. pro Quinctio § 83 si vellet — voluisset., Horat. Od. I, 7, 20 seu te castra tenent seu densa tenebit Tiburis umbra tui.

25, 2 *τριήρεσι μὲν οὐκ ἔλασσον ἢ ἑκατὸν πλευστέα εἶναι*. Частица *ἢ* пропущена въ E; Гуде также выбрасываетъ ее изъ текста. Не знаю, какими соображеніями руководился онъ при этомъ; но мнѣ кажется это совершенно неправильнымъ. Уже изъ элементарной грамматики извѣстно, что при *πλέον, ἔλαττον, μεῖον* числительное можетъ стоять какъ съ частицей *ἢ*, такъ равно и безъ нея. Подробнѣе этотъ вопросъ изслѣдованъ О. Швабомъ въ его Historische Syntax der griech. Comparation, II, 75 и сл. Я самъ просмотрѣлъ у Ѳукидида употребленіе лишь слова *ἔλασσον* съ числительными и нашелъ слѣд. Изъ 6 касающихся нашего вопроса мѣстъ (разбираемое нами мѣсто не включаю) въ 4 при числительномъ стоитъ *ἢ*: VI, 1, 2 *οὐ πολλῷ τινι ἔλασσον ἢ ὀκτὼ ἡμερῶν*. VI, 67, 2 *τοὺς ἱππέας οὐκ ἔλασσον ὄντας ἢ διακοσίους καὶ*

χιλίους. VI, 97, 3 *στάδιοι ἐγίγνοντο αὐτοῖς οὐκ ἔλασσον ἢ πέντε καὶ εἴκοσι*. VIII, 6, 4 *ὡς ἐκεῖ οὐκ ἔλασσον ἢ ἑξήκοντα ὑπαρχουσῶν (τῶν νεῶν)*. Безъ частицы *ἢ* числительное поставлено въ 2 мѣстахъ[19]): IV, 72, 2 *παρόντος ξύμπαντος τοῦ στρατεύματος, ὁπλιτῶν οὐκ ἔλασσον ἑξακισχιλίων*. VI, 95, 1 *(ἡ λεία) ἐπράθη ταλάντων οὐκ ἔλασσον πέντε καὶ εἴκοσι*. Изъ этого перечня мы видимъ, что Ѳукидидъ совершенно свободно ставитъ при *ἔλασσον* числительное съ частицей *ἢ*, — даже чаще, чѣмъ безъ нея. А такъ какъ авторитетъ одной рукописи E противъ согласнаго свидѣтельства всѣхъ остальныхъ ничтоженъ, то и въ нашемъ мѣстѣ необходимо сохранить *ἢ*[20]).

29, 1 *(Ἀλκιβιάδης) ἑτοῖμος ἦν πρὶν ἐκπλεῖν κρίνεσθαι, εἴ τι τούτων εἰργασμένος ἦν (ἤδη γὰρ καὶ τὰ τῆς παρασκευῆς ἐπεπόριστο, καὶ εἰ μὲν τούτων τι εἴργαστο, δίκην δοῦναι, εἰ δ' ἀπολυθείη, ἄρχειν*. Шталь и Фр. Миллеръ, слѣдуя Гервердену, вычеркиваютъ изъ текста слова *εἴ τι τούτων εἰργασμένος ἦν*, полагая, что они были приписаны для объясненія словъ *εἰ μὲν τούτων τι εἴργαστο* и затѣмъ попали въ текстъ. Въ доказательство своего мнѣнія Шталь приводитъ слѣд. соображенія. Если считать эти слова за условное предложеніе, то они не годятся здѣсь по смыслу, потому что подвергнуться суду онъ готовъ былъ не при томъ условіи, если онъ сдѣлалъ это, но именно его виновность или невинность и должна была быть выяснена на судѣ. Если же видѣть въ этихъ словахъ косвенный вопросъ, тогда слѣдовало бы сказать *εἰ εἰργασμένος ἐστίν*. Таковы основанія Шталя. Что касается послѣдняго соображенія его о томъ, что будто въ косвенномъ вопросѣ аттракція времени не допустима, а должно удерживаться время прямого вопроса, то это, мнѣ кажется, не вполнѣ вѣрно: явленіе это встрѣчается; нѣсколько примѣровъ его приводитъ Кюнеръ въ грамматикѣ § 595, 3 и Мадвигъ въ своихъ Bemerkungen über einige Puncte der griech. Wortfügungslehre, стран. 17. Шталь, правда, возражаетъ Кюнеру, говоря, что въ примѣрахъ, приводимыхъ имъ (въ родѣ Thuc. I, 134 *λέγεται αὐτὸν γνῶναι, ἐφ' ᾧ ἐχώρει)*, мы имѣемъ не косвенный вопросъ, а относительное предложеніе. Хотя я съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ[21]), однако не буду спорить, а приведу мѣсто, кото-

[19]) Я не отношу сюда мѣсто II, 98, 3 *τὸ πᾶν πλῆθος λέγεται οὐκ ἔλασσον πεντεκαίδεκα μυριάδων γενέσθαι*, потому что считаю *μυριάδων* за gen. comparationis.

[20]) Кстати укажу на нѣкоторую непослѣдовательность Гуде. Въ нашемъ мѣстѣ онъ противъ свидѣтельства почти всѣхъ рукописей выбрасываетъ *ἢ*, тогда какъ въ примѣчаніи къ VI, 95, 1 (см. выше) онъ упоминаетъ конъектуру Гервердена, который вопреки всѣмъ рукописямъ въ совершенно подобномъ нашему мѣстѣ вставляетъ *ἢ*. А между тѣмъ Гуде, по его собственному заявленію въ предисловіи стр. VI, упоминаетъ лишь тѣ конъектуры, которыя „vel probabilitatem quandam vel ad sermonem scriptoris insolitum durumve melius intellegendum utilitatis aliquid habere viderentur".

[21]) Свой взглядъ по вопросу объ употребленіи простыхъ относительныхъ мѣстоименій въ косвенномъ вопросѣ я изложилъ въ „Фил. Об.", т. VIII, стр. 80—82.

рое, вѣроятно, и Шталь долженъ бы былъ признать за косвенный вопросъ: Xen. *Cyr.* VII, 2, 17 *ἀμελήσας ἐρωτᾶν τὸν θεόν, εἴ τι ἐδεόμην, ἀπεπειρώμην κτλ.* Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, гдѣ стоитъ сложное мѣстоименіе или нарѣчіе и въ которыхъ поэтому, мнѣ кажется, было бы тоже весьма трудно не признавать косвеннаго вопроса: Thuc. III, 22, 5 *οὐ γὰρ ᾔδει, ὅ τι ἦν τὸ δεινόν.* Xen. *Cyr.* VI, 3, 19 *ἐμοὶ ἐμέλησεν ὥστε εἰδέναι, ὁπόσον κατεῖχον χωρίον.* Xen. *Cyr.* VIII, 5, 6 *οἱ ὁπλοφόροι χώραν εἶχον ἐπιτηδείαν καὶ ᾔδεσαν ταύτην ὁποία ἦν.* Xen. *Anab.* III, 5, 17 *οὐδὲν δῆλον ποιήσαντες, ὅποι πορεύεσθαι ἔμελλον.* Xen. *Anab.* II, 5, 33 *ὅ τι ἐποίουν, ἠμφεγνόουν.* Такимъ образомъ, со стороны грамматики нѣтъ препятствій признать и въ нашемъ мѣстѣ предложеніе *εἴ τι τούτων εἰργασμένος ἦν* за косвенный вопросъ. Но я не думаю этого: по смыслу это скорѣе условное предложеніе. Разсмотримъ мнѣніе Шталя съ этой точки зрѣнія. Онъ хочетъ сказать, что эти слова, если ихъ оставить въ текстѣ, заключали бы въ себѣ признаніе Алкивіада виновнымъ еще до суда („я готовъ подвергнуться суду на томъ условіи, если я виновенъ“). Шталь забываетъ одно обстоятельство, именно, что посредствомъ условнаго предложенія реальной формы говорящій нерѣдко повторяетъ чужое мнѣніе, самъ нисколько не вѣря въ истину его, напр. у Аристофана *Thesm.* 789 женщины говорятъ, обращаясь къ мужчинамъ: *εἰ κακόν ἐσμεν, τί γαμεῖθ' ἡμᾶς, εἴπερ ἀληθῶς κακόν ἐσμεν:* женщины сами, конечно, не считаютъ себя зломъ, а лишь повторяютъ здѣсь обвиненія мужчинъ. Въ подобныхъ случаяхъ *εἰ* могло бы быть замѣнено словами *εἰ νομίζεις, ἡγεῖ, ὑποπτεύεις* и т. п. съ неопред. накл., напр. *εἰ κακόν ἐσμεν=εἰ κακὸν εἶναι ἡμᾶς νομίζετε.* Такъ и въ нашемъ мѣстѣ Алкивіадъ самъ, конечно, не признаетъ себя виновнымъ, но онъ знаетъ, что аѳиняне имѣютъ противъ него подозрѣніе, и повторяетъ ихъ слова: здѣсь, слѣдовательно, слова *εἴ τι τούτων εἰργασμένος εἰμί* (такую форму имѣло бы это условіе въ прямой рѣчи) равняются *εἴ τι τούτων εἰργασμένον εἶναί με ὑποπτεύετε* „если вы подозрѣваете меня въ совершеніи этого, привлеките меня къ судебной отвѣтственности“. При такомъ пониманіи эти слова, мнѣ кажется, вполнѣ умѣстны: Алкивіадъ готовъ подвергнуться суду, конечно, въ томъ случаѣ, если на него есть подозрѣніе, потому что того человѣка, котораго ни въ чемъ не подозрѣваютъ, вовсе не привлекаютъ къ суду. — Что касается разницы въ выраженіи *εἰργασμένος ἦν* и *εἴργαστο,* то она объясняется желаніемъ разнообразія, какъ я объ этомъ говорилъ выше при разборѣ гл. 23, 3.

РУССК. *ТЬМА — ДНЯ*, ПОЛЬСК. *ĆMA — DNIA.*

О. И. Брока.

Исходнымъ пунктомъ настоящей замѣтки я беру нѣсколько словъ Облака въ его изслѣдованіи: „Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen“ (Arch. f. sl. Ph., XVI, стр. 155 сл.).

Упоминая объ извѣстныхъ фактахъ чешскаго яз., Облакъ замѣчаетъ:... „mag es vielleicht auch richtig sein, dass *r* vor ъ nicht zu *ř* wurde, was aber solche Beispiele wie *verný* oder *t* in *tma* ebensowenig beweisen als im Poln. ein *dnia* neben *dzień*, da in offenen Silben der Halblaut vor derartiger palataler Afficierung geschwunden war*). In *tvař* hielt sich weiches *r* so lange, bis der Wandel des *ŕ* zu *ř* aufkam“...

Вопросъ о явленіяхъ чешскаго яз. я оставлю въ сторонѣ, а обращу вниманіе на приведенное замѣчаніе Облака о польскомъ dnia при dzień. По его словамъ полугласная въ род. dnia исчезла „vor derartiger palataler Afficierung“. Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго мы можемъ согласиться, по крайней мѣрѣ, отчасти лишь въ томъ случаѣ, если подчеркнемъ слова „такого рода“, т.-е. если мы поймемъ его слова въ томъ смыслѣ, что полугласная исчезла въ польскомъ яз. до измѣненія смягченнаго d въ dź. Что касается до меня, то я понимаю слова Облака именно такимъ образомъ, но ихъ возможно понять и иначе, и это обстоятельство даетъ мнѣ поводъ попытаться разъяснить въ настоящей замѣткѣ причины различія между р. *тьма*, п. ćma и р. *дня*, п. dnia, точнѣе — указать, съ какой стороны нужно по моему мнѣнію подходить къ разрѣшенію даннаго вопроса.

Прежде всего замѣчу, что тутъ представляются два главныхъ вопроса: 1) образовалось ли различіе между вышесказанными словами вслѣдствіе различія во времени исчезновенія первоначальнаго ъ; 2) можно ли и даже не должно ли объяснять это различіе извѣстными звуковыми (фонетическими) особенностями, которыя не зависятъ сами по себѣ отъ времени?

---

*) Облакъ указываетъ здѣсь замѣтки по этому вопросу чешскихъ ученыхъ, написанныя по-чешски и доступныя мнѣ лишь отчасти.

Для того чтобы убѣдиться въ невозможности объяснить различіе между р. *дня*, п. dnia и р. *тьма*, п. ćma различіемъ во времени исчезновенія первоначальнаго ъ, достаточно, по моему мнѣнію, обратить вниманіе на болѣе древній видъ указанныхъ словъ. Врядъ ли мы имѣемъ право думать, чтобы гласная ъ въ первоначальныхъ **дьни, дьне — тьма** имѣла различную судьбу по отношенію къ ея утратѣ въ томъ и другомъ случаѣ, и намъ придется поэтому остановиться на второмъ способѣ объясненія, чисто звуковомъ.

Русск. *тьма*, польск. ćma ясно свидѣтельствуютъ противъ того, что въ русск. и польск. яз. ъ вообще исчезъ, не оказавъ смягчающаго дѣйствія на предшествующую зубную согласную. Слѣдовательно, мы должны думать, что ъ до своего исчезновенія оказалъ вообще въ обоихъ языкахъ болѣе или менѣе сильное смягчающее дѣйствіе на предшествующую зубную согласную, и поэтому, сопоставивъ dnia *(дня)* и ćma *(тьма)*, мы должны спросить, гдѣ же лежитъ причина того, что смягченіе *d* въ dnia *(дня)* будто бы исчезло; я ищу объясненія этого различія въ окружающихъ звукахъ, а именно въ характерѣ согласной, слѣдовавшей за первоначальнымъ ъ.

Подробное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ завело бы насъ слишкомъ далеко, потребовало бы приведенія большого количества разнообразныхъ примѣровъ, такъ какъ интересующій насъ вопросъ составляетъ часть болѣе общаго вопроса объ историческомъ развитіи т. наз. палатализаціи. Такое изслѣдованіе я предоставляю другимъ и ограничиваюсь здѣсь, какъ это видно изъ заглавія, изслѣдованіемъ лишь одного частнаго вопроса. Для освѣщенія этого вопроса не требуется большого количества примѣровъ. Въ коренныхъ слогахъ ихъ вообще совсѣмъ немного (напр. польское źdźbło и т. д., Mikl. Et. W-b. стр. 320; ср. однородное п. ćma), зато немалое ихъ количество мы находимъ въ производныхъ словахъ, гдѣ суффиксъ первоначально имѣлъ звукъ ъ *(-ъба*, *-ъство*, *-ъка* и т. д.). Между относящимися сюда случаями существуетъ различіе, подобное тому, какое мы находимъ между п. ćma и dnia; ср. напр. р. *вѣдьма* съ *видный, виднѣть; городьба, гостьба, гудьба* (gędźba) съ *родство* (wojewodstwo); *свадьба* съ *сводный; судьба* съ *судный; батька, дядька;* см. вообще Грамм. Миклошича, II.

Какъ я уже сказалъ, я ищу объясненія указаннаго различія въ характерѣ согласной, слѣдовавшей за первоначальнымъ ъ. Чтобы объяснить это, я долженъ сперва коснуться того дѣйствія, которое оказываетъ палатализація на артикуляцію согласныхъ; см. Сиверса*), 451 сл. Мы видимъ, что палатализація, во-первыхъ, вводитъ въ согласныя вообще дорсальную артикуляцію, при которой приподнимается передняя часть

*) Sievers, Grundzüge der Phonetik, 4. Auflage.

спинки языка. По отношенію ко многимъ согласнымъ (n, l, s и т. д.) эта дорсальная артикуляція составляетъ все то, что характеризуетъ вообще палатализованныя согласныя въ славянскихъ яз. въ ихъ отличіи отъ непалатализованныхъ*). Не то бываетъ по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ согласнымъ. Это касается въ особенности зубныхъ взрывныхъ согласныхъ, о которыхъ здѣсь преимущественно идетъ рѣчь. Въ нихъ, какъ вторая особенность при палатализаціи, выступаетъ упоминаемое Сиверсомъ (особенно въ 457) явленіе, а именно послѣ смягченной зубной взрывной согласной можетъ являться извѣстный переходный звукъ, „звукъ chi", который впослѣдствіи можетъ играть роль въ звуковомъ измѣненіи слова. Такимъ именно образомъ Сиверсъ объясняетъ тамъ же (см. еще 430) появленіе напр. въ польск. ć, dź изъ палатализованныхъ t, d.

Я считаю это мнѣніе правильнымъ и полагаю, что для развитія польскихъ ć и dź необходимымъ условіемъ была не только дорсальная артикуляція зубной согласной, но также и присутствіе характернаго „звука chi", который часто является послѣ палатализованныхъ зубныхъ, и различные виды котораго я ясно слышалъ, напр., въ великорусскомъ. Если это предположеніе правильно, то въ род. dnia какимъ-нибудь образомъ должна была произойти утрата**) упомянутаго „звука chi", составляющаго необходимое условіе развитія dź изъ палатализованнаго d. Поэтому слѣдуетъ думать, что въ польск. яз. въ то время, когда палатализованное ť начало измѣняться въ ć, напр. въ ćma, и когда изъ болѣе древняго **дьни** существовала форма, изъ которой современное dnia, а не *dźnia, произношеніе этихъ двухъ формъ было близко къ современному великорусскому произношенію *тьма — дня*. Такимъ образомъ мы имѣемъ право разсматривать явленія, происходившія въ польск. ćma — dnia и русск. *тьма — дня* съ одной и той же точки зрѣнія, несмотря на то, что они принадлежатъ различнымъ языкамъ.

По поводу тѣхъ явленій, происходящихъ при палатализаціи согласныхъ, которыя имѣютъ значеніе для выясненія затронутаго вопроса, я укажу на мое описаніе одного угро-русскаго нарѣчія въ изслѣдованіи „Zum Kleinrussischen in Ungarn", Arch. f. sl. Ph., XVII; см. § 23. II. 1. Я отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ описанномъ мною нарѣчіи въ группѣ согласныхъ при положеніи передъ звукомъ, оказывающемъ палатализующее дѣйствіе, только послѣдняя согласная сопровождается свойственнымъ ей въ такомъ положеніи „переходнымъ звукомъ", между тѣмъ

---

*) Въ большей или меньшей способности удерживать эту артикуляцію лежитъ причина различія между нарѣчіями и языками по отношенію къ сочетаніямъ согласныхъ, ср. п. nośny съ р. *(с)носный*, п. państwo съ р. *старшинство* и т. п.

**) Или же этотъ звукъ вообще не успѣлъ развиться, что не измѣняетъ однако даннаго здѣсь объясненія.

какъ прочія согласныя такой группы „nur mit mehr oder weniger gehobenem vorderen Zungenrücken gesprochen werden". Къ этому я прибавилъ слѣдующее примѣчаніе (примѣч. 1 стр. 345): „So auch gelegentlich bei Zusammenrückung bemerkt, z. B. das *d'* in *hvárid' žyd*" (говоритъ жидъ). Здѣсь мы имѣемъ примѣръ исчезновенія упомянутаго раньше „звука chi" при извѣстномъ стеченіи согласныхъ, въ данномъ случаѣ палатализованнаго *d'* съ слѣдующимъ *ж*.

Отъ этого пункта я и отправляюсь при своемъ объясненіи различія между указанными въ заглавіи настоящей статьи п. dnia — ćma, р. *дня* — *тьма* и между однородными случаями, гдѣ мы находимъ подобное же различіе. Приведенный мною примѣръ изъ угро-русскаго, а я впослѣдствіи имѣлъ случай подтвердить его наблюденіемъ надъ произношеніемъ крестьянъ угро-руссовъ, приводитъ насъ къ ученію о „комбинаціи звуковъ", о которой говорится у Сиверса въ гл. 22, „Berührungen homorganer Laute", 434 сл.; по поводу *дня*, dnia и т. п. случаевъ можно указать особенно на 439, гдѣ говорится о „носовомъ взрывѣ".

Встрѣча *d (дь)* съ слѣдующимъ *n (н)* и, повидимому, вообще съ однородной по мѣсту образованія, въ широкомъ смыслѣ этого термина, согласной препятствуетъ палатализованному *д* „взрываться" обыкновеннымъ образомъ, какъ это мы находимъ, напр. въ концѣ слова (*путь* и т. п.), а потому и исчезаетъ тотъ „звукъ chi", который согласно вышеизложенному является существеннымъ и, пожалуй, необходимымъ моментомъ въ образованіи польск. dź, ć, между тѣмъ какъ въ звуковомъ сочетаніи *тьм-* слѣдующій за палатализованнымъ *т* звукъ *м* не имѣетъ такого вліянія на „взрывъ" согласной *т*, который происходитъ здѣсь такъ же, какъ напр. въ концѣ слова.

Русскому нетрудно убѣдиться въ правильности сказаннаго на основаніи своего же произношенія; для этого слѣдуетъ сопоставить произношеніе слова *дня* съ произношеніемъ слова *тьма*. Звукъ *д* въ словѣ *дня* нужно назвать „палатализованнымъ", насколько онъ произносится съ дорсальной артикуляціей, но при этомъ здѣсь отсутствуетъ тотъ „взрывъ", которымъ вызывается особенное произношеніе *ть* въ *тьма*, гдѣ *ть* тождественно съ *ть* въ концѣ слова, напр. въ словѣ *путь*.

Примѣромъ исчезновенія „звука chi", сопровождающаго палатализованную зубную взрывную согласную, я привелъ случай, отмѣченный мною въ угро-русскомъ, — который и навелъ меня на соображенія, высказанныя въ настоящей замѣткѣ. Впрочемъ, москвичу не нужно ходить такъ далеко, чтобы найти примѣры, подтверждающіе сдѣланное мною наблюденіе. Въ то время, когда я писалъ настоящую замѣтку, я имѣлъ случай наблюдать произношеніе подобныхъ сочетаній у одного москвича, профессора Павла Гавриловича Виноградова, и я могу указать москвичу (вѣроятно, вообще великоруссу) слѣдующій примѣръ, который онъ мо-

жетъ провѣрить на своемъ собственномъ произношеніи; ср. произношеніе *ть* слова *зять* въ слѣдующихъ двухъ предложеніяхъ:

зять меня погубилъ;
зять не погубилъ меня.

Въ первомъ сочетаніи, гдѣ за *-ть* слѣдуетъ губная согласная *м*, *-ть* можетъ „взрываться“ со свойственнымъ ему „звукомъ chi“, вслѣдствіе чего здѣсь получается такое же произношеніе *ть*, какъ и въ словѣ *тьма*. Во второмъ сочетаніи *ть* „взрывается съ носовымъ взрывомъ“, отчего „звукъ chi“ исчезаетъ, и получается произношеніе, соотвѣтствующее произношенію *д* въ словѣ *дня*.

Христіанія въ Норвегіи.

DE NUNTII ETYMO COMMENTATIO ALTERA.

Scripsit Apollo Hruschka.

Distrahor: tum hoc mihi probabilius, tum illud videtur.
Cic. *Acad.* II, 134.

Etsi nuper plurimis verbis de nuntii etymo in Annalibus Philologicis («Фил. Обозр.» IX, I, pp. 65—73) egi idque ita, ut nisi aliis at certe mihi ipse omnia, quae ad rem expediendam pertinerent, prompsisse viderer, nihilo tamen minus mox intellexi huic quaestiunculae non prorsus satisfactum a me esse, cum et ea, quae tunc protulissem, pluribus argumentis vel probari vel ab Aristarchorum scrupulis defendi possent, et alia vocabuli enodandi ratio sese obtulisset, quae nemini adhuc in mentem venisse videretur. Quocirca totum hunc locum iterum retractandum censui, praesertim cum paucis diebus postquam priorem illam commentatiunculam emisissem, pristinus iste de nuntii origine error, quem ego eisdem armis ac Froehde (Kuhn's Zeitschr. XII, p. 258) impugnaveram, Phoenicis fabulosi instar renatus esset. Quod quidem Stolzii opera, si dis placet, factum est.

Hic enim in libro «Historische Grammatik der lateinischen Sprache» inscripto *nuntium* a verbo denominativo, quod est **noveo*, inclinatum esse his verbis efficere conatur (p. 560): «Diese an und für sich sehr wahrscheinliche Ableitung des Wortes kann trotz des von Fröhde... wegen der Bedeutung der denominativen Verba auf *-ēre* erhobenen Einwandes ganz wohl bestehen, es bedeutete eben ursprünglich «der neu seiende (auftretende)», woraus sich sehr gut sowohl die Bedeutung «Bote» als «Botschaft» entwickeln konnte»[1]). Arguta illa quidem ratiuncula, sed sophistarum more conclusa. Namque participium ab isto **novendi* verbo ductum nihil potest aliud significare, nisi *novum* sive *novicium;* sit igitur **noventios*[2]) «der neu seiende», «der neu auftretende» quo iure inde gigni potuerit, non prorsus intellego (etsi video, cur Stolzio hoc necessarium fuerit); eo minus perspicuum est, quanam via ad propriam *nuntii* potestatem pervenerit vir

[1]) Istud *«sowohl die Bedeutung «Bote» als «Botschaft»* admodum obscurum est: num enim duplex illa nuntii potestas a vocabuli origine, qualis quidem a Stolzio fingitur, quodam modo pendere putanda est?

[2]) Hoc enim est, unde *nuntius* contractus est (cf. «Ф. О.» ibid. p. 65).

doctus. An is, qui ipse novus est, continuo debet res novas referre? At dixerit quispiam inconstantem me esse, cum ipse nuper haec asseverarim («Φ. O.» l. l., p. 66, adn. 4): «Minime fugit nos inter nuntium ac res novas societatem quandam esse, unde italicum illud recentius *novelliere* originem traxit, quod nostris quidem temporibus de fabellarum scriptore vel narratore, olim autem de nuntio quoque dicebatur». Sed hercle tantum abest, ut inconstantiae crimen confiteri debeam, ut hoc ipso exemplo Stolzii sententiam condemnari potius quam commendari existimem. Italici enim *novelliere* longe alia ratio est ac latini *nuntii*, siquidem a *novella*, quod est «res nova» sive «nuntium», ita declinatum est, ut *-iere* terminatione, quae latino *-arius* respondet, instructum sit, cuius additamenti vis atque usus his verbis a Meyero Luebkio (Gramm. der romanisch. Sprachen, II, p. 507) definiuntur: «*Arius -a* ist ursprünglich adjectivisch, wird aber schon im Lateinischen substantiviert und bezeichnet an Nominalstämme tretend diejenige Person, die sich mit einem Gegenstande berufsmässig abgiebt, ihn verarbeit u. s. w.» *Novelliere* igitur rectissime de eo dicitur, qui in novis rebus referendis versatur. Quod quidem in *nuntium* nullo pacto cadere potest. Noli enim occurrere hanc vocem *-io* terminationis ope formatam esse, quae terminatio eandem interdum vim habeat atque *-arius* illud, cuius mentio modo facta est. Ac sit quidem *ludius* a *ludo* appellatus (ut hoc exemplo utar), **noventios* tamen ad hanc similitudinem tum demum fingi potuit, si **novens* ipsum de re nuntiata dictum esset, quod quomodo fieri potuerit, non video. **Noventios* igitur quidquid est, idem est ac **novens*, nisi quod ad nominis naturam propius accedit, sicut alia vocabula a participiis declinata, velut *sedentarius, praesentarius, ferentarius, dicentarius* (Corp. Gloss. II, 48, 53), ad quae *amasium* addiderim, si modo vocabulum illud ex eo, quod est **amant-tios,* profectum esse pro certo haberem[3]). Sed, quod maximum est, nullam causam invenio, cur **noveo* illud, si re vera fuisset, oblitterari potuerit, cum et verbum illud ipsum per se minime supervacaneum esset, neque aliud quoddam reperiretur in latino sermone vocabulum eiusdem potestatis, a quo extrusum videretur.

Transeo ad Johanssonem (Beiträge zur griech. Sprachkunde, p. 116), qui Corsseni opinionem[4]) ita reicit, ut *nuntium* etsi ex eadem radice ac *novus* factum consentiatur, tamen non a **novendi* verbo, sed a substantivo, cui «novitatis» sive «novae rei» potestatem tribuit, cuiusque stirpem **neu̯-n̥-t,* nominativum **neu̯-r̥-t,* genetivum **neu̯-n̥-tés* fuisse contendit, declinatum esse suspicetur. Cui coniecturae hanc suggerit rationem: «Wenigstens deuten die parallelen *r-* und *n-* ableitungen in av. *nu-r-em,* ahd. *nūra,*

---

[3]) Cf. Stolz, ibid., p. 563.

[4]) Cf. Corssen, Ausspr. u. Voc. I², p. 51; Beitr. z. altital. Sprachk., p. 98; «Φ. O.» ibid., p. 65.

wozu *νεαρός*, arm. *nor* gegenüber s. *nū-n-am* abg. *ny-n-ě* oder mit dem ableitenden *t* vor dem nasal s. *nū-t-ana, nū-t-na* auf eine solche stammbildung». Quae Johanssonis sententia, etsi Corsseni Stolziique commenta multis partibus videtur superare, nihilo tamen minus ad persuadendum non prorsus valet, cum nimis contorta sit ac meram coniecturam sapiat, siquidem nec **neu̯-n̥-t* illius certa usquam vestigia deprehenduntur, et ea vocabula, quae hanc stirpem videntur significare, aliter expediri possunt[5]). Quae cum ita sint, novi nuntiique vocabula omnino seiungenda existimo eamque potius viam ineundam, quam in priore commentatiuncula mea monstravi.

Ibi enim ita rem explicavi, ut *nuntium* eundem fere esse ac *cursorem* conicerem, cum a verbo, quod est **novĕre*, ortum videretur, quo in verbo „currendi" sive „properandi" vim inesse non sineid onea, opinor, causa conclusi[6]). Quam sententiam, si nuntium ipsum spectaveris, et ratio commendare videtur et exempla a nobis olim proposita[7]) cum alia tum illa duo ex Livio et Suetonio, quorum in altero tabellarius nuntii, in altero cursoris nomine appellatur («Φ. O.», ibid., p. 69, adn. 3). Sed quoniam in rebus etymologicis, sicut in aliis, quae ad linguarum scientiam pertinent, similitudinum copia quo maior est, eo firmius coniecturae fundamentum subicitur, quam plurima exempla expromam, quae nuntium a currendo nomen suum trahere potuisse ostendant.

Ut igitur ab eis verbis ordiar, quae in medio posita sunt, gallicum recentius *courrier* et graecum *ἡμεροδρόμος* eatenus commemoranda sunt, quod utrique voci eadem fere vis ac nuntio ita subiecta est, ut a cursoris notione primaria defluxisse appareat. Adde porro vocabula sanscrita *dūtas* «nuntius» ac *dūtis* «nuntium» e radice **deu* : *du̯* facta, qua progrediendi rationem notari Fickius (Vergl. Wörterb. I[4], p. 240) ita contendit, ut gr. *δύω, δύνω, δεύω*, germ. vet. *zūwen, zōw* «ducere» goth. *taujan* „facere, tractare" inde orta esse arbitretur[8]). Ne tamen in singulis vocibus cumulandis acquiescam,

[5]) Nempe de gr. *νεαρός*, arm. *nor* cf. Brugmann, Grundriss, II, p. 180; Osthoff, Morph. Unters., IV, p. 151; G. Meyer, Griech. Gramm., § 92; de scr. *nūtana, nūtna* cf. Brugmann, ibid., p. 151.

[6]) Ne bis eadem tractando molestus sim, breviter tantummodo de hac re decurrere satis habeo. Haec igitur sunt vocabula peregrina, quibuscum **novendi* verbum comparavi: scr. *snu, snāuti* «liquorem emittit», *snutas* «fluens», gr. *νέω*, goth. *sniwan* «properare, ire», scand. *snua* «torqueo», ags. *snūd* «festinatio, velocitas», slav. *сновѣ снути* «ordiri»; scr. *nu, navate* «it». Si quis hac similitudinum varietate vel, ut ita dicam, dissimilitudine perterritus est, consulat, quaeso, commentationem ipsam; nolo enim acta agere.

[7]) Addi potest Cic. *Quint.* 80: O rem incredibilem! o cupiditatem inconsideratam! o nuntium volucrem! Administri et satellites Sex. Naevii Roma trans Alpes in Secusianos biduo veniunt. O hominem fortunatum, qui eiusmodi nuntios seu potius Pegasos habeat.

[8]) Cf. Osthoff, Griechische und lateinische Wortdeutungen, Indogerm. Forsch. V, p. 281.

apponam exemplum sanscritum ex pluribus verbis continuatis coniunctum, unde nuntiandi atque eundi sive currendi rationes quasi propinquas esse eluceat: hoc enim est R. V. VII, 39, 1: «*ubhi hi vidathe kavir antaš carati dūtyam*», quem locum W. Foy (Vedische Beiträge, p. 227 sq.) hunc in modum germanice interpretatur: «Zwischen beiden Opferanstaltungen eilt als Götterbote der weise (Agni) hin und her», hac addita adnotatiuncula: «eigentlich *dūtyam car* «eine Botschaft gehen», d. h. «eine Botschaft vermitteln, als Bote gehen». Persicum *peik* (*peig*) adiungere placet, quod pro eo, quod est «pedes, viator, nuntius», dicitur (vel dicebatur potius; nunc enim, ut a Persis audio, obsoletum est); quod vocabulum, cum ex indoeuropaea, quam dicúnt, forma **ped-iko-* profectum videatur (cf. Horn, Grundriss der neupersisch. Etymologie, p. 80), non modo stirpe, verum etiam notione ad graecum πεζός proxime accedit. Ex eadem lingua *peyam* sive *peiyam*, quod est «nuntium», commodissime conferri potest, siquidem ex avestico **paiti-gāma-* descendit (Horn, ibid., p. 77), cui indoeuropaeum **poti-g°omo-*, quod est «adveniens», respondere apparet. Quid, quod ἄγγελος ipse eadem ratione appellatus videtur[9])? Nullum enim dubium est, quin vox illa cum scr. *aṅgiras*, quod est «nuntius caelestis», propinqua cognatione coniuncta sit (Brugmann, Grundriss, II, p. 188), quod ipsum haud scio an e verbo sanscrito *aṅg*, quod est «ire», provenerit. Ne germana exempla desiderentur, goth. *airus*, isl. vet. *ōrr*, *ārr*, ags. *ār* adnectas velim, quae omnia nuntii potestatem ita exhibent, ut e radice **ei̯*, qua eundi ratio significatur, *-ru* terminationis ope formata sint (Brugmann, ibid., II, p. 303 sq.).

«Sint ista quidem, ut dicis; at illud expedi, quid tandem sit causae, cur verba a *nuntio* declinata, velut *nuntiare*, *enuntiare*, alia ne tantillum quidem currendi notionem redoleant?» Haec fere sunt, quae ab Aristarchis quibusdam obici audio. Sintne tamen isti digni, qui Aristarchi appellentur, necne, vehementer dubito. Sed illud certe effecerunt, ut nuntiandi verba quaererem, in quibus cursoris vestigia apparerent; quae cum venarer, in duos locos incidi eius modi, ut animi saltem causa afferre eos possem: unum e Mercatore Plautino, ubi Syra ancilla domum revertens (v. 795):

Era, inquit, *quo me misit ad patrem, non est domi:*
Rus abiisse aibant: nunc domum renuntio,

alterum ex Terentii Andria, Chremetis abeuntis verba dico (v. 594):

Domum modo ibo, apparentur dicam atque huc renuntio,

---

9) Nam de graeco ἄγγαρος, quod a Persis sumptum vulgo putatur, tacere malo, quippe vocabulum illud aliunde originem ducere vir Persici sermonis peritissimus, Hornius (ibid., p. 28 sq.), arbitratur. Eo minore iure latinum *ambulare* huc refferi potest, quod sonorum ratione neglecta Sophus Bugge (Bezz. Beitr., XIV, p. 62) cum ἀγγέλῳ audacius comparavit.

ad quem locum Spengelius: «*Renuntio = redeo, ut nuntiem*», rectissime illud quidem, nisi forte quis etymologicis quibusdam artificiis usus *renuntiandi* verbum utroque loco pro eo, quod est *recurrere* sive *revorti*, suo iure dictum esse coniecerit, prout idem Chremes paullo post (v. 740):

> *Revortor*, inquit, *postquam, quae opus fuere ad nuptias,*
> *Gnatae paravi e. q. s.*

Atque haec quidem hactenus. Vereor enim, ne nugis delectari videar. Sed redeo ad Aristarchos. Nam scrupulum istum, quem iniciant, nullius momenti esse facile convinci potest. Omitto enim graecum illud *ἀγγέλλειν*, in quo currendi vim interiisse tum demum contendere liceret, si *ἀγγέλου* ipsius, unde tractus est[10]), extra dubium origo posita esset, sed, ut certiora afferam, num, quaeso, in *lineando lini* vestigium eminet, aut *legandi* verbum cum *lege* notionis vinculo plane perspicuo coniunctum est? Saepissime enim hoc fieri videmus, ut verbum derivativum a primitivo ductum artioribus notionis finibus circumscriptum sit neque ad omnes principalis illius vocabuli potestates accomodetur sed ad unam quamlibet, eamque tralaticiam, velut in hoc ipso *nuntiandi* verbo, quod ad nuntium loquentem, non currentem referendum esse consentaneum est. Sed transeo ad alteram disputationis partem.

Quamvis igitur ea, quae ego hactenus de nuntii etymo disserui, omnes in se numeros veritatis habere videantur, tamen alio quoque modo idem vocabulum enodari posse puto, idque ita, ut alteram illam explicandi rationem probabiliorem etiam interdum mihi videri non sine aliqua aegritudine confitear. Nescio enim an praestet **novĕre* illud, quod aptissimum videtur esse, unde *nuntii* origo expediatur, ita explicare, ut non inter *movendi* verba id reponatur, sed ad eam referatur radicem, unde diversa vocabula, quibus *clamandi* sive *laudandi* vis subiecta est, tamquam propagines exstiterint, ut scr. *nuvati, navati (nąvate)*, quod est «rugit, clamat, sonat, fremit, laudat, carmine extollit», *nūtis* «laudatio» germ. vet. *niumo* «laeta exclamatio», lett. *naju, naut* «clamare», ad quae fortasse gr. *ἄνεω* adiungi potest, nisi forte cum *νεύω* potius cognatum censebitur (cf. Prellwitz, Etymol. Wörterb. d. griech. Spr., p. 24). Quodsi igitur hanc radicem (cuius formas **neu* ac **nŭ* fuisse probabile est), pro fonte habebimus, unde **novendi* verbum manasse videatur, quid est, cur non *nuntium clamatorem* quendam vel *praeconem* fuisse suspicemur? Quod quidem et ipsum per se valde consentaneum est et multis exemplis confirmari potest cum aliis[11]), tum eis, ubi Mercurius (hic enim deus iam in

---

10) *Ἀγγέλλω* enim ab *ἀγγέλῳ* eodem modo declinatum est atque *αἰόλλω* ab *αἰόλῳ*, *καμπύλλω* a *καμπύλῳ*, alia eiusdem generis.

11) Cf. ex. gr. Varr. *r. r.* III, 17, 1: a *praecone* coepti sunt *renuntiari*, quem quaeque tribus fecerint aedilem.

priore illa commentatiuncula optimam nobis praestitit operam) modo *ἄγγελος* modo *κῆρυξ* appellatur, velut Hom. *ε* 29: *Ἑρμεία· σὺ γὰρ αὖτε τά τ᾽ ἄλλα περ ἄγγελός ἐσσι*, Hom. *hymn.* V, 407: *Ἑρμῆς ἐριούνιος ἄγγελος ὠκύς*, Hes. *th.* 938 sq.: *Ἑρμῆν κήρυκ᾽ ἀθανάτων*, Aesch. *Ch.* 117 (123): *κῆρυξ μέγιστε τῶν ἄνω τε καὶ κάτω... Ἑρμῆ χθόνιε*, multa alia eiusdem generis. Adde, quod *κήρυκες* ab Homero *Διὸς ἄγγελοι ἠδὲ καὶ ἀνδρῶν* nominantur (*Α* 334; *Η* 274).

Etsi vero *nuntius* a **novendo* ita oriri potuit, ut recta via ad formam suam ac potestatem pervenisse videatur, longiorem tamen, ut ita dicam, anfractum his vocabulis intercedere multo veri similius est. Quod ut sentiam, cogit me *nuntii* vocabulum, neutro genere dictum, quam formam nemo adhuc, quod sciam, ita, ut par est, videtur respexisse; est tamen illud ipsum, unde toti huic quaestioni vel plurimum lucis afferri puto. Nam, quod postea *nuntium* dicebatur, id ab origine **noventiom* sonuisse necesse est[12]), quae quidem vox *silentii* tam similis est, ut casu id evenisse non crediderim, praesertim cum sciam ea vocabula, quae notionis similitudinem praebeant, aut contra *ἀντίθετα* sint, haud ita raro eadem terminatione instrui, velut ea, quae sunt *esca* et *posca*, *minister* et *magister*, *propinquos* et *longinquos*, *nocturnus* et *diurnus*, alia permulta. *Silentium* igitur ac **noventium* similiter formata esse nemo mirabitur, cum sint inter se contraria, siquidem alterum a *silendo* ductum est, alterum a **novendo*, cui verbo *clamandi* sive *sonandi* vim modo tribuimus[13]). Quae quidem vocabula cum alibi inter se occurrere poterant tum maxime in sermone augurali. In auspicando enim silentium imprimis necessarium fuisse quis est, quin sciat[14])? Huic silentio signa ipsa sive ex avium cantu sive aliunde perspicua ita opponi potuisse arbitramur, ut **noventii* vocabulo appellarentur[15]), quod quidem ex illo tabularum censoriarum fragmento, quod a Varrone in libro de lingua latina sexto servatum est, colligi potest; sic enim incipit (§ 86): «*Ubi noctu in templum censor auspicaverit atque de caelo* ***nuntium*** *erit, praeconi sic imperato, ut viros vocet e. q. s.*» Cum igitur *nuntium* de augurio dictum videatur, quid miremur verba inde declinata, quae sunt *nuntiare*, *obnuntiare*, relicua, disciplinae auguralis propria fuisse[16])? *Nuntiare* enim, (ut simplex

---

[12]) Cf. Solmsen, Studien zur lateinischen Lautgeschichte, p. 86.

[13]) Postquam vero **noventium* in *nuntium* abiit, terminationum similitudo sublata est perinde atque in *rustico* et *domestico*, quorum alterum eis temporibus fictum esse, cum pro *rustico* plenior forma, quae est **rovesticos*, usurparetur, Meyer Luebkius perquam probabiliter coniecit (Archiv f. lat. Lex., VIII, p. 316, adn. 1); *rūs* enim e **rĕvŏs* contractum esse omnes sciunt praeter Stolzium, qui voculam istam inter ea vocabula collocat, quae *ū* ab origine habuisse apparent (Hist. Gr. p. 149).

[14]) Cf. A. Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité, vol. IV, p. 198, adn. 8: «Le *silence* augural est plus que l'absence de bruit (Fest. p. 348, s. v. silentio): *id enim silentium dicimus in auspiciis, quod omni vitio caret. Hoc intellegere*

tantummodo verbum attingam), ab origine quidem idem fere valebat ac «sonitum reddere» sive «significare», idque ita, ut cum *nuntio* eadem ratione coniunctum esset, qua *murmurare* cum *murmure*, *susurrare* cum *susurro*, *iubilare* cum *iubilo*, *monstrare* cum *monstro*, *ominari* cum *omine*, alia, si qua sunt eiusdem generis. *Nuntiandi* igitur ea propria vis erat, ut de hoc ipso, unde *nuntium* prodiret, diceretur, velut apud Ciceronem (*de divin.* II, 72): «*Hae sunt igitur aves internuntiae Iovis*», et paullo infra (73): «*Cum igitur offa cecidit ex ore pulli, tum auspicanti tripudium sollistimum nuntiant*». Postea autem idem verbum relatum est ad augures, qui signa ista evolgabant atque interpretabantur, unde apud eundem Ciceronem (ibid. 74): «*Nunc imperant pullario, ille renuntiat*». Quae notionis translatio quam facile fieri potuerit, *monstrandi* atque *ominandi* verba docent, quae paucis hoc loco attingere alienum non est. Nam illud, quod est *monstrare* a *monstro* declinatum esse ultro patet, «*monstrum*» autem, «*ut Aelius Stilo interpretatur, a monendo dictum est, velut monestrum... Item Sinnius Capito, quod monstret futurum et moneat voluntatem deorum; quod etiam prodigium... et portentum... (et) ostentum (sc. dicitur)*» (Festi verba sunt, Th. de Pon., p. 114). *Monstrare* igitur in ea re, quae pro monstro haberetur, ita positum esse necesse est, ut idem fere declararet ac «significare» sive «ostendere»; quod verbum notione paullum deflexa de hominibus postea dici coeptum est, ut apud Vergilium: *aras* vel *piacula monstrare* (cf. *Georg.* IV, 549; *Aen.* IV, 636). Nec dissimili, opinor, ratione *ominari* illud ab *omine* ductum genuinam potestatem ita mutavit, ut a re ad homines tralatum videatur. Quodsi autem *monstrandi ominandi*que vocabula, quae in usu ac sermone sacro fuisse constant, deinde in relicuum sermonem transierunt, quid est, cur hoc idem *nuntiandi* verbo fieri non potuerit? Frequentissime enim vocabula auguralia e sacerdotum recessu in mediam vitam progrediuntur, velut *propitius*, *contemplari*, *lustrum*, alia multa.

Quaeritur autem, quomodo *nuntius* masculine prolatus explicandus sit. Namque e neutro genere virile nomen continuo mutatum esse non putaverim; quod quidem tum demum fieri potuit, si *nuntium* illud adiectivi

---

perfecti auguris est (Cic., Divin., II, 34). La constatation du silence était en effet devenue le tout de l'art, attendu que le silence tenait lieu à lui seul des signes heureux, qui ne se produisaient guère».

[15]) Principio enim **noventium* illud de oscinum cantu proprie dictum esse, deinde autem ad quodvis augurium sive omen designandum adhiberi potuisse, probabile est sicut illud ipsum *auspicii* vocabulum licentius postea de quolibet divinandi genere dici coeptum est (cf. Bouché-Leclercq, ibid., p. 161 sq.).

[16]) Cf. Buecheler, Umbrica, p. 43. Quod idem est fortasse, cur nec *nuntium* nec verba inde derivata in italicis dialectis reperiantur, nam, ut eiusdem Buecheleri verbis utar «(es ist eine) Regel, dass alle heiligsten sakralen Actionen von jedem Stamm in besonderer Denomination entwickelt sind» (Indogerm. Forsch., VI, p. 46), quod ego propter illa animadverto, quae «Φ. O.» ibid., p. 68, adn. 6 prolata a me sunt.

speciem ita praeberet, ut masculini ac feminini generis formae eadem ratione affictae essent, ut in *ridiculo*, *ludicro*, *pulcro*, quae adiectiva a nominibus neutris, quae sunt *ridiculum*, *ludicrum*, *pulcrum*, novata esse Havetius (Mém. de la soc. de ling., VI, p. 28) rectissime mea quidem sententia coniecit[17]), nisi quod *miraculum* praetermisit, eadem ratione mutatum: exstat certe *miracula*, a Varrone (*L. L.* VII, 64) e Plauti comoedia excerptum:

Diobolares, schoenicolae, miraculae.

Sed enim *ridiculus* ac *miraculus* cur exstiterint, haud difficile est intellectu: namque plurima erant adiectiva in *-culo* desinentia, velut *leviculus*, *dulciculus*, quae pari modo formata videbantur, quapropter, ut fere fit, uno loro alligata sunt. Nec minus consentaneum est *ludicrum* ac *pulcrum* in adiectivorum numerum cessisse[18]). *Nuntium* autem quomodo pro adiectivo haberi potuerit, non satis liquet. Sed fac potuisse, (in talibus enim rebus maxima cautio adhibenda est), nihil tamen lucri inde redire tibi statim videbis. Sit enim *nuntius* a neutro nomine novatus, at illud vide, quid *nuntium* significet, quid *nuntius*. Quodsi *nuntium* re vera augurium est, (hoc enim coniecimus), quo tandem modo *nuntius* enodabitur? Sin autem neutrum illud nomen iam priscis temporibus suas lineas ita transsiluisse putaveris, ut de quavis re nuntiata dici posset, hoc requiro, cur vox illa postea tantum non funditus ex usu remota sit, ita certe, ut nemo elegantiorum ea uteretur, quod quidem Nonius grammaticus diserte testatur (p. 215, 9), cum dicit *nuntium* istud «*apud aliquos non receptae auctoritatis lectum esse, sed doctos*», quibus verbis cantores maxime Euphorionis significari Baehrensius in adnotatiuncula ad Catulli 63, 73 suspicatus est. An illud consentaneum est voculam istam, quae ad rem nuntiatam designandam multo aptior videatur, quam sollemnis illa masculini generis forma, ab hac ipsa iam Plauti temporibus substitutam esse[19])? Nonne illud potius mirandum est, quamnam ob causam *nuntius* ab homine ad rem tam con-

---

17) Sin talia protulerit quispiam ut *Fatus*, *Letus*, *Fascinus* a *fato*, *leto*, *fascino* neutro genere dictis declinata, illud notandum est, deorum nomina haud ita raro maiore quadem licentia fingi per solam *-os* (*-us*) vel *-a* exitus additionem, prout scilicet deus aut dea appellatur, quae terminationes ad quamlibet stirpem sive verbalem sive nominalem adiungi solent, unde *(Bonus) Eventus*, *Aius (Locutius)*, *Fata*, *Potua*, *Pertunda*, alia id genus originem traxerunt.

18) Ne ullum latinum quidem exemplum id generis desideretur, adde *uberis* ac *veteris* vocabula, quae ab origine substantiva erant (cf. enim gr. οὖθαρ et ἔτος quibuscum cognata sunt), deinde autem pro adiectivis usurpari coepta sunt, unde diversae masculini ac feminini generis formae exstiterunt, licentius novatae. Graeca quoque, quae sunt *μέγας* ac *μέγαν*, in idem genus cadere apparent, siquidem e neutro nomine, quod est *μέγα* «magnitudo», prodierunt (cf. Brugmann, Grundriss, II, p. 328).

19) cf. «Φ. Ο.» ibid., p. 73.

stanter tralatum sit[20]), quamvis rationem ipsam transferendi planam ac perspicuam esse non negem. Utcunque tamen res se habet, hoc profecto sole clarius est masculinum nomen de re nuntiata dici non potuisse, nisi ita, ut vacantem locum occupasset. Unde sequitur, ut *nuntium* antiquitus quidem *ἀγγελίαν* significare non potuerit; ergo ne *nuntius* quidem ab illo vocabulo duci potuit.

Quae cum ita sint,—gradatim enim huc pervenisse me quis negaverit? — haud scio, an *nuntius* ille ita potius exstiterit, ut a *nuntiandi* verbo eodem modo atque *administer* ab *administrando, abundus* ab *abundando, oblitterus* ab *oblitterando* repetitus videatur, quam vocum fingendarum rationem Skutschius in elegantissimo libello, quem de nominibus latinis suffixi *-no* ope formatis scripsit, derivationem retrogradam appellat (p. 22)[21]). Quod quidem *adnuntii, internuntii, praenuntii, renuntii* vocabulis vehementer confirmari puto: de his enim dubitari non potest, quin ista ratione formata sint.

Sed antequam ad relicua pergamus, ea, quae hactenus obtinuimus, breviter complecti placet. Ac primo quidem *nuntium* est ortum, auguralis artis vocabulum, deinde *nuntiandi* verbum declinatum est, volgaris illa quidem vox sed tamen originem suam redolens, denique *nuntius* apparuit, cui nihil est cum auguribus; nec mirum, namque postea demum inventus est, cum verbum illud, unde tractus esset, a pristina potestate etsi non prorsus, at certe aliqua ex parte deflexisset. Inter haec duo igitur *nuntii* vocabula *nuntiandi* verbum intercedit, ad quod utrumque quidem nomen refertur, sed ita, ut alterum ab altero seiunctum sit, eadem fere ratione atque in illis, quae sunt *pugnus, pugnare, pugna,* aut *truncus* «stipes», *truncare, truncus* «mutilus», aut *armus, armare, arma,* de quibus cf. Bréal-Bailly, Dict. étym. lat., pp. 288, 405, 18[22]).

---

20) Nam *ἄγγελος* ille Polybianus, pro *ἀγγελίᾳ* dictus, quem ego «Φ. O.» ibid. in comparationem vocavi, in omnibus Graecorum scriptis (quae quidem novimus) unus socus videtur apparere.

21) Cf. etiam Bréal, Mém. de la soc. de ling., IV, p. 82 sq.

22) De *truncandi* verbo quid narrent viri docti (p. 405), non intellego. Haec enim dicunt: «*Truncus* «tronc» a donné *trunco* «couper» ou «ébrancher», comme en français *plume* a donné *plumer* ou comme en allemand *Kopf* «tête» a fait *köpfen* «couper la tête». At, quaeso, num *truncus* idem est ac *ramus?* Nonne potius contraria inter se sunt (cf. Cic. *de or.* III, 179: in arboribus in quibus non truncus non rami, non folia sunt e. q. s.)? *Truncare* igitur nihil aliud est, nisi «truncum facere», vel, si hoc magis placet, «ramos abscidere sive amputare», neque ullo modo in idem genus ac *plumer* aut *köpfen* cadere potest, quibuscum *populandi* potius verbum comparaverim (cf. Bréal-Bailly, ibid. p. 275). Sin exemplum desideras, quod ad arbores pertineat, (siquidem a trunco orsi sumus), en tibi locus Gellianus, qui mihi in mentem succurrit (XI, 17, 2 sq.): «*In quodam edicto antiquiore ita scriptum invenimus: Qui flumina retanda publice redempta habent e. q. s. Retanda igitur quid esset quaerebatur. Dixit ibi quispiam... in libro se Gavi de origine vocabulorum VII legisse retas vocari arbores, quae aut ripis fluminum eminerent,*

At restat nodus quidam, quem nisi expedivero, tota argumentatio iacebit. Nam illud obici potest *nuntium* istud, cui augurii vim ac potestatem tribuerim, etsi raro, at certe nonnullis locis ita usurpatum esse, ut nihil aliud declararet, nisi id, quod graece dicitur *ἀγγελία*. Esto; sed vide, quam facile scrupulus iste evellatur. Nempe *nuntium* illud dupliciter explicari potest: aut enim forma ipsa e masculino nomine de industria rursus novata est[23]) ambiguitatis videlicet evitandae causa, siquidem «*nuntius*», ut ait Paulus (Th. de Pon., p. 183), «*et res ipsa et persona dicitur*», aut ea neutri generis forma, quae praesto erat, a pristina notione augurali ita recessit, ut ad masculini nominis potestatem accomodata sit[24]). Atqui dixeris forsitan utrumque perquam raro accidere: scio equidem, sed Nonii verba memoria teneo. Ac de *nuntio* quidem hactenus.

Iam ut ad fontem ac caput coniecturae nostrae redeamus, illud **novĕre*, cui clamandi sive sonandi vim vindicavimus, vel paucis attingere libet. Num enim verbum istud exolevisse miremur, cum alias quoque voces eiusdem vel similis potestatis eodem videmus fato functas? Etenim *fandi, calandi, axandi* verba pari modo oblitterata sunt, cum in sacerdotum sermone praecipuam sedem habuissent, quod quidem in **novendi* quoque verbum cadere arbitror. Ad quae vocabula *liberari* illud adnectere licet, quod e glossa a Paulo servata (Th. de Pon. p. 8): «Liberata *ponebant pro effata sive locuta*» elici posse censeo. Nam istud Festi (Th. de Pon. p. 510 sq.): «Spondere *antea ponebant pro dicere, unde et* respondere *adhuc manet, sed postea usurpari coeptum est in promissu*» non multum auctoritatis habere ultro apparet, cum nihil aliud sit, nisi grammatici studiosi commentum ad respondendi verbum explicandum ineptissime conflatum. Sed de his duobus verbis alias. Nunc ad propositum redeo. Sunt enim peculiares quaedam causae, cur **novendi* verbum interire potuerit vel debuerit etiam. Ac primum ab aliis verbis eiusdem formae extrudi poterat, de qua re conferenda sunt ea, quae ego olim «Φ. O.» ibid., p. 70 sq. adnotavi; accedit, quod illud ipsum **novo*, quod facillime in **nuo* abire potuisse e Solmseni de *pluendi* ac *fluendi* verbis disputatione (Stud., p. 130) colligi potest,

---

aut in alveis eorum exstarent... idcirco sese arbitrari, retanda *flumina locari solita esse*, id est purganda *e. q. s.*»

[23]) Quod ne quis speciosius excogitatum arbitretur, attendat velim, quantis vicissitudinibus expositus sit sermo, dum homines eo utantur. Iam ut exemplo res illustretur, Solmsenum audiamus de *vestri* pronomine disserentem (Stud., p. 26): «Das wort hat... folgenden merkwürdigen entwicklungsgang durchlaufen: urit. *vestro* (cf. enim umbr. *vestra)* wird durch analogiebildung lat. *voster,* dies lautgesetzlich wider *vester* und dies durch abermalige wirkung derselben analogie widerum *voster*».

[24]) Namque, ut ait Darmesteter (La vie des mots, p. 129), «les mots de même famille se renvoient par ricochet des significations ou des emplois propres seulement à l'un d'entre eux».

exilius ac lenius est, quam quod diu durare quiverit, cuius rei rationem explicaverunt A. Darmesteter, La vie des mots, § 80, 1 et K. Schmidt, Die Gründe des Bedeutungswandels, p. 20, e. At forsitan quaesiverit quispiam, cur vocis illius vestigia ita servata non sint, ut verba aliqua ex **novendo* ac praepositionibus quibuslibet composita exstarent, quod quidem in nonnullis vocabulis eiusdem generis observatur, velut in *ex-uendo, ind-uendo,* similibus? Sed hercle nihil obstat, quin verba illa re vera in usu fuisse coniciamus. Ut enim alia omittam, *ad-nuendi, re-nuendi, ab-nuendi* vocabula, quae vulgo ad illud **novĕre,* quod cum graeco *νεύω* cognatum est[25]), referri solent (Solmsen, ibid., p. 128), eodem iure ab eo **novendi* verbo, de quo modo egimus, ita descendere possunt, ut *acclamandi* fere *reclamandi*que vicibus fungi videantur (nam tertium illud, quod est *abnuere,* simili modo substitui non potest, nisi forte *abdicandi* verbum suggesseris). Facile enim fieri potuit, ut una quaeque illarum vocum e duobus fontibus manarent, qui fontes postea, cum componendi ratio notionum differentiam obscurasset ac paene sustulisset, in unum confluxerunt. Quicunque enim verborum notiones atque origines investigavit, illud profecto concedere debet, reperiri quaedam vocabula id generis, ut ex binis vel pluribus initiis proficisci videantur, quae vocabula, si diversos plane intellectus habent, velut *putus* illud, cui «puri» ac «pusilli» vis subiecta est, quamvis idem sonent, pro duabus vocibus accipiuntur, sin possunt notiones quodam modo conciliari (quod longe rarius accidere per se intellegitur), in unum verbum ita coalescunt, ut, nisi subtilius examinata sint, dissolvi nequeant, cuius generis exempla nonnulla hic promere operae pretium est.

Ac primum *egentis* vocabulum, quod nihil aliud esse nisi participium ab egendi verbo ductum vulgo putatur, re vera alteram quoque originem, quae est **ex-gens*, continere Landgrafius (Archiv f. lat. Lex., VII, p. 275 sq) ingeniosissime coniecit[26]). Nec minus *ruere* illud, quod in omnibus lexicis pro uno vocabulo venditari solet, e duobus dumtaxat verbis conglutinatum est, quorum alterum cum slav. **рыѭ** «fodio», alterum cum slav. **ръвѫ** «rapio, evello, scindo» comparari potest (Solmsen, Stud., p. 132). Quid quod *diluendi* quoque verbum simili ratione e duobus fontibus videtur manasse, cum *-luere* illud partim a *lavando* repetendum sit, partim ab eo *luendi* verbo, quod graeco *λύω* respondet? Nam Plauti illud (*Rud.* 1108): «mi

---

[25]) Cave tamen putes illud *νεύω* latino verbo quod est *-nuo* ad amussim respondere, quae quidem forma nisi ex **νεύjω* oriri non potuit, quippe «*-eujo- -eusjo-* transeunt in *εύω* et retinent *υ* vocalem non in consonam versam; cf. *αὔω* = haurio Osthoff, Perf., 486 sqq. *νεύω* = *νεύjω*. *γεύω* = **γευσjω* (rad. *gus*) e. q. s.» (G. Schulze, Quaestiones epicae, p. 61, adn. 1).

[26]) Cf. etiam Meyeri Luebkii de hac coniectura sententiam (Archiv f. lat. Lex., VIII, p. 329, adn.).

quod rogavi *dilue*», aut Gellianum (XX, 20, 31): «iniurias pauco aere *diluere*» multo subtiliorem sensum praestabunt, si *diluendi* verbum ita acceperis, ut non a *lavando*, sed a *luendo* profectum videatur[27]). Idem cadit in *deluendi* verbum, quod quidem praeter usitatam illam notionem, quae in scriptis, quae quidem exstant, reperitur, aliam quoque potestatem videtur ostendisse, si modo Festi glossae (Th. de Pon. a p. 52): «Deluit *solvit*, a graeco *διαλύειν*» aliquid auctoritatis tribuemus. Adde porro, si placet, *involare* illud, quod in Catulli quidem versu (25, 6):

Remitte pallium mihi meum, quod involasti,

non a sollemni *volandi* vocabulo tractum videtur, sed ab alio quodam verbo eiusdem formae, quod a *vola* declinatum esse atque in gallico recentiore, quod est *voler* «furari», latere admodum credibile est[28]). Quod vero notionem verbi attinet, *manuari* illud pro eo, quod est «furari», a Laberio dictum (Gell. XVI, 7, 3) comparare licet[29]). Sin insignius quoddam exemplum laudari vis, confer ea, quae de *ἱερός* vocabulo a Guilelmo Schulzio Quaestionum epicarum p. 207 sqq. peracute disputata sunt. Ac de hoc quidem genere satis dictum est.

Nunc vero, ne cui loco non videatur esse satisfactum, illud videamus, possintne alia quaedam **novendi* vestigia vel potius indicia reperiri. Ac quidem si ad *mominis* similitudinem, quod ex eo quod est **movĭmen* contractum est, **novĭmen* quoddam finxerimus, vocabulum praesto erit, unde cum **nōmen* tum **nūmen* oriri potuerit, quas inter formas eandem rationem intercedere atque inter *nontium nuntium*que liquet. Quarum vocum altera, quae est **nōmen*, cum forma tum notione (attende enim nostrum illud

---

27) Eo melius est hoc Ciceronis (*de or.* II, 236): «Odiosas res saepe, quas argumentis *dilui* non facile est, ioco risuque *dissolvit* (sc. orator)».

28) Nam illud Koertingii (Lateinisch-roman. Wörterb. № 8809): «frz. *voler* bedeutet seit Ende des 16. Jahrh's. auch «stehlen», eigentl. wohl scherzhaft «fliegen machen» vix a quodam probari potest. Eo deterius Bréalius et Bailly (Dict. étym. lat., p. 446): «C'est probablement une métaphore tirée de la chasse de faucon. En français on a dit de même: *L'épervier vole la perdrix.* De là les deux sens de *voler*»; cuius sententiae pravitatem satis mirari non queo: quis enim unquam audivit Graecos vel Romanos priscis quidem temporibus in re venatica avibus usos esse? Quod genus venandi apud Romanos (de his enim hoc loco quaeritur) IV demum saeculo post Christum natum apparuisse Guilelmus Brandes ex accipitre una cum canibus equisque apud Paulinum (*Eucharist.* v. 145) Sidoniumque (*Epist.* III, 3 et IV, 9) commemorato rectissime concludit (Archiv f. lat. Lex., IV, p. 144).

29) Eiusdem generis est illud *involandi* verbum, quod apud Petronium legitur (58): *anulos buxeos curare, quos amicae tuae involasti.* Addi potest explanatoris Terentiani glossa (ad *Eun.* IV, 3, 19: *Suspicor aliquid domo abeuntem abstulisse)* «*abstulisse* — *involasse*». Cf. denique ea, quae a Baehrensio (Comment. Catull. p. 170) ad locum Catullianum illustrandum allata sunt.

кличка «nomen» vel «cognomen» a verbo quod est *кликать* «appellare, clamare» ductum) ad notissimum illud *nōminis* vocabulum tam prope accedit, ut fieri non potuerit, quin utrumque verbum pro una voce non haberetur. Verum tamen ignarus non sum hoc **nōmen* nihil aliud esse, nisi commentum meum, quod utrum rei veritatique respondeat necne, admodum ambigi potest[30]. Iam ut ad **nūmen* transeam, quod quasi gemellum finxi, libentissime quidem vocabulum istud in *numenclatore* sive *numiclatore* latere conicerem, nisi in titulis Gallicis, ubi hae formae reperiuntur, saepiuscule *ū* pro *ō* apparere scirem (cf. Seelmann, Die Aussprache des Latein, p. 213 sq.). Nam *nuncupandi* verbum eo minus idoneum est, unde **nūmen* certo quodam modo eliciatur, cum ab eo, quod est **nōmen-capo*, oriri potuerit *e* littera extrusa *ō* autem littera ante *nc* correpta atque in *u* mutata, sicut in *quaestiuncula, contiuncula*, similibus[31].

Haec fere sunt, quae de nuntii origine dicenda mihi videbantur. Cum igitur Corsseni, Stolzii, Johanssonis, Froehdii de hoc vocabulo sententiis refutatis duas quidem coniecturas protulerim, sed eas, ut ipse incertus haeream, quamnam ad veritatis similitudinem propensiorem esse existimem, optime de hac quaestione eum meriturum puto, qui re etiam atque etiam examinata ac perpensa alterutri opinioni certam, ut ita dicam, palmam dederit, nisi forte, quod di avertant, Pyrrhoneum illud opponere maluerit plenum desperationis: *οὐ μᾶλλον οὕτως ἔχει τόδε ἢ ἐκείνως ἢ οὐθετέρως.*

---

[30]) Tertiam quoque originem in *nomine* deprehendi posse puto, quae quidem in *cognomine* et *agnomine* quasi emergere videtur: potuit enim *nōmen* e **gnomine* oriri eadem ratione ac *natus* e *gnato* vel *nobilis* e *gnobili*, neque hercle video, cur Stolzius (Hist. Gr. p. 298) haec tam fidenter affirmet: «*Nōmen* nach Paul. Festi 183 Th. d. P. für *novimen* also mit *nosco* in etymologischen Zusammenhang gebracht, der sehr leicht durch *āgnōmen* aus **ad-gno-men*, eigentlich «Kennzeichen» (Brugmann Grundriss, II, 845), später volks-etymologisch unmittelbar mit *nōmen* verknüpft, vermittelt werden konnte, hat sicher niemals *gn-* im Anlaute gehabt».

[31]) Cf. Stolzii verba (Hist. Gr., p. 386, adn.): «Ich habe *nūncupo* angesetzt, wie Marx Hülfsbüchlein² 50, wegen des Simplex *nōmen*(?). Aber gerade der Übergang des Vocals der ersten Silbe in *u* legt die Annahme sehr nahe, dass Verkürzung des langen Vocales vor der folgenden mehrfachen Consonanz stattgefunden hat, da nur *o* in dieser Stellung (?) in *u* überging, nicht aber auch *ō*». Quid sibi velit haesitatio ista, haud prorsus intellegere me fateor.

НОВАЯ ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПОНЯТІЙ.

Кн. С. Н. Трубецкого.

Всякій, кто изучалъ классическую миѳологію или исторію религій, знаетъ, какой пестрый хаосъ мнѣній, гипотезъ, теорій и фантазій доселѣ господствуетъ въ этой области. Чѣмъ дальше подвигаемся мы въ ознакомленіи съ матеріаломъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи или въ сравнительномъ изученіи и обобщеніи фактовъ, тѣмъ болѣе мы запутываемся въ безвыходномъ лабиринтѣ противорѣчивыхъ догадокъ и сомнѣваемся въ результатахъ, казавшихся прежде прочными пріобрѣтеніями.

Едва ли другая область классической древности возбуждаетъ большій интересъ, имѣетъ болѣе глубокое значеніе для пониманія всей античной жизни. Пока мы не понимаемъ, какъ и во что вѣровали греки и римляне, мы не понимаемъ того, что было самымъ главнымъ для нихъ, чѣмъ въ ихъ собственныхъ глазахъ опредѣлялось все остальное. И между тѣмъ, несмотря на энергію и дарованія множества ученыхъ, разрабатывавшихъ эту отрасль знанія въ теченіе ряда поколѣній, — религія продолжаетъ оставаться для насъ наиболѣе темною и непонятною стороною древняго міра. Новыя познанія ведутъ насъ къ отреченію отъ прежнихъ теорій и гипотезъ; новыя предположенія оказываются не болѣе основательными, чѣмъ старыя.

Такой порядокъ вещей находитъ себѣ объясненіе въ самомъ предметѣ изслѣдованія. Колоссальный матеріалъ, которымъ мы обладаемъ, представляется какъ бы грудой фрагментовъ, развалинъ древняго храма, строившагося въ теченіе тысячелѣтій. Какъ опредѣлить генезисъ, развитіе, исторію древней религіи на основаніи уцѣлѣвшихъ слѣдовъ ея, какъ различить отдѣльныя эпохи, отдѣлить первоначальныя образованія отъ внѣшнихъ наслоеній? Самые миѳы древнихъ суть въ извѣстной степени продукты литературы — не народнаго творчества. Древнѣйшіе литературные памятники, ведійскіе гимны въ Индіи, эпосъ европейскихъ народовъ, представляютъ собою уже сложный результатъ вѣковой культуры, иногда, искусственную миѳологическую или богословскую систему. Нерѣдко въ несравненно болѣе позднихъ памятникахъ и въ позднѣйшія эпохи мы находимъ болѣе грубыя и древнія религіозныя формы — остатки первобытныхъ вѣрованій и представленій. Въ своихъ главнѣйшихъ очертаніяхъ религіи древнихъ народовъ складываются въ до-историческую эпоху подъ вліяніемъ множества факторовъ, которые мы никогда не будемъ въ состояніи съ точностью опредѣлить. Сравнительное языко-

вѣдѣніе, на которое еще недавно возлагались такія надежды въ области миѳологіи, оказалось всего менѣе пригоднымъ именно въ этой области. Если нѣтъ возможности начертать родословное древо языковъ, то родословіе религій представляется еще болѣе смутнымъ, благодаря множеству единичныхъ заимствованій и международныхъ вліяній, благодаря миграціи вѣрованій, боговъ и символовъ.

Но не одна древность и сложность матеріала, не одна отрывочность данныхъ и недостаточное знакомство съ древнѣйшими религіями Востока затрудняютъ наше пониманіе классической миѳологіи и религіи. Въ области вѣрованій мы имѣемъ дѣло не съ одними матеріальными фактами, которые достаточно регистрировать и объяснять внѣшнимъ образомъ. Мы имѣемъ дѣло прежде всего съ человѣческимъ духомъ въ его отношеніи къ внѣшнимъ фактамъ: къ вселенной, къ причинамъ вещей, къ духу внѣ его. Центральный фактъ религіи есть религіозный опытъ, т.-е. вѣра и то, что открывается въ ней человѣку. Поэтому-то въ этой области никакое детальное изслѣдованіе невозможно безъ общихъ психологическихъ или религіозно-философскихъ понятій.

Всякое описаніе внѣшнихъ сторонъ религіи безъ отношенія къ религіозному опыту, лежащему въ ея основаніи, обращаетъ религію въ простое собраніе басенъ и обрядовъ; наука о религіи обращается въ миѳологію и археологію культа. Но какъ ни необходимо изученіе миѳовъ и сакральныхъ древностей для пониманія религій, взятое само по себѣ, оно невольно плодитъ тысячи праздныхъ предположеній о существѣ и происхожденіи этихъ религій, ибо какъ миѳы, такъ и культъ предполагаютъ религію, но не исчерпываютъ ея: нужно поэтому перенестись въ самую религію древнихъ, возсоздать ихъ религіозный опытъ — по тѣмъ далеко неполнымъ даннымъ, которыми мы располагаемъ. И чтобы рѣшить эту труднѣйшую задачу, намъ приходится обращаться къ религіозному опыту другихъ народовъ, живущихъ при другихъ условіяхъ и въ другія эпохи. Предлагая законченную систему для объясненія вѣрованій какого-либо народа, изслѣдователь невольно касается общихъ явленій и законовъ, общихъ началъ, опредѣляющихъ собою развитіе человѣческаго духа, въ которомъ только и можно искать конечнаго объясненія религіозной исторіи. Поэтому то изслѣдователь и переходитъ незамѣтно для себя на почву философіи, психологіи, метафизики.

Профессіональные философы часто заслуживали упрекъ въ незнаніи или искаженіи фактовъ, которые они насильственно подводили подъ свои широкія, но нерѣдко отвлеченныя обобщенія. Они грѣшили, аллегоризируя миѳы и обряды въ смыслѣ своихъ теорій. Съ другой стороны, и спеціалисты, которымъ нѣтъ времени или охоты продумать общую идею, часто хватаются за ту или другую модную философскую теорію, за „послѣднее слово науки“, и примѣняютъ ихъ въ своей области

къ изумленію болѣе робкихъ сотоварищей. Такъ было напр. съ ученіемъ Шеллинга, которое увлекло не мало нѣмецкихъ миѳологовъ; то же повторяется въ наши дни и съ гораздо болѣе скудной теоріей Г. Спенсера. Другіе спеціалисты, болѣе самостоятельные и наклонные къ обобщеніямъ, сами изобрѣтаютъ общія теоріи; отправляясь отъ частныхъ обобщеній, отъ опредѣленной группы фактовъ, они склонны иногда придавать такимъ обобщеніямъ характеръ абсолютный, значеніе общаго закона, игнорируя или искажая другіе факты. На такихъ поспѣшныхъ обобщеніяхъ была основана напр. теорія „сравнительной миѳологіи"; исходя изъ открытій лингвистики и нѣсколькихъ правильныхъ наблюденій надъ сродствомъ нѣкоторыхъ божествъ индо-европейскихъ народовъ (преимущественно индійскихъ и зендскихъ), она пыталась путемъ совершенно произвольныхъ этимологическихъ сближеній доказать генеалогическое родство всѣхъ индо-европейскихъ боговъ и предлагала своеобразное ученіе о существѣ религіозной исторіи.

Ученый изслѣдователь въ правѣ обходить конечные философскіе вопросы; онъ можетъ обособлять изучаемыя явленія, чтобы въ нихъ самихъ искать естественный порядокъ, генетическую связь или преемство. Но какъ обособить явленія въ области религіи, которая коренится въ человѣческомъ духѣ и вмѣшивается во всѣ сферы человѣческой жизни? Что слѣдуетъ считать основнымъ признакомъ „религіозныхъ явленій" и какія „явленія" слѣдуетъ считать здѣсь первоначальными? Отвѣты на такіе вопросы фактически всегда опредѣляются какими-либо предположеніями — философскими, богословскими или психологическими, ибо генезисъ религій скрытъ въ глубинѣ человѣческаго духа и теряется въ доисторическомъ хаосѣ, изъ котораго вышли и люди и боги.

Естественно, что, испытавъ всевозможныя гипотезы для объясненія религіи и для „терапіи миѳовъ" путемъ всяческой ихъ раціонализаціи, многіе изслѣдователи приходятъ къ скептическимъ результатамъ. „Религіозныя явленія" не могутъ быть приведены въ систему, религія сама по себѣ не есть цѣльное явленіе, которое могло бы быть объяснено изъ какой-нибудь одной внутренней причины, изъ одного психологическаго корня. Къ такому выводу приходитъ Группе послѣ мастерского анализа различныхъ религіозно-историческихъ построеній. И та теорія, которую предлагаетъ онъ самъ (въ частности для объясненія религіи грековъ),— теорія „чистой адаптаціи", сплошного заимствованія и приспособленія религіи, возникшей въ одномъ или немногихъ центрахъ, — страдаетъ такою же односторонностью, какъ всѣ другія[1]).

[1]) O. Gruppe, Die Griechischen Culte und Mythen (1887 Teubner). См. особенно § 30. Несмотря на невѣрность основного взгляда, сочиненіе этого ученаго представляется намъ одной изъ самыхъ оригинальныхъ и поучительныхъ работъ по миѳологіи за послѣднее время.

Въ виду недостатка общихъ теорій, специалисты естественно обращаются къ монографической разработкѣ матеріала. Но, какъ ни значительны достигнутые такимъ путемъ результаты, чувствуется потребность въ ихъ систематизаціи. „Миѳологія, говоритъ Узенеръ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ она обыкновенно разрабатывается, есть лишь собраніе и очистка матеріала. Ея естественная форма есть алфавитная форма, и въ ней она достигнетъ тѣмъ бóльшихъ результатовъ, чѣмъ болѣе она будетъ стремиться къ полнотѣ и чѣмъ менѣе — къ объясненію фактовъ. Всякая попытка къ систематизаціи ведетъ здѣсь къ глупостямъ въ цѣломъ и въ частяхъ“ (Götternamen с. I). Однако и алфавитный порядокъ въ разработкѣ миѳологіи не спасаетъ отъ промаховъ и „глупостей“ при всей своей безсистемности. Новѣйшій „Лексиконъ греческой и римской миѳологіи“ Рошера, несмотря на все достоинство отдѣльныхъ статей, служитъ тому хорошимъ доказательствомъ, какъ въ цѣломъ, отражая хаосъ мнѣній и методовъ, господствующихъ въ этой области, такъ и въ частностяхъ вслѣдствіе множества противорѣчій и неизбѣжныхъ ошибокъ, не искупающихся единствомъ плана и перспективы въ обозрѣніи фактовъ. Вмѣсто одной системы получается тысяча системъ, вмѣсто связныхъ религіозныхъ представленій — безсвязные и нерѣдко по этому самому фальшивые образы отдѣльныхъ боговъ. А для общихъ явленій религіи, для культа въ его цѣломъ, нерѣдко не находится достаточно мѣста.

Если подобная фрагментарная разработка матеріала и можетъ имѣть вспомогательное значеніе, то потребность въ обобщеніи и научной систематизаціи чувствуется все сильнѣе среди самихъ спеціалистовъ. И какъ намъ думается, только совокупными усиліями философіи и науки можно достигнуть въ этой области широкихъ и правильныхъ обобщеній, необходимыхъ для дальнѣйшаго плодотворнаго изслѣдованія. Дѣло науки состоитъ въ критическомъ изслѣдованіи матеріала и установленіи фактовъ; дѣло философіи состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи такихъ фактовъ понять сущность религіознаго міросозерцанія древнихъ. Въ области исторіи религіи разладъ между философіей и наукой чувствуется сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; и если философы иногда насиловали факты, подгоняя ихъ подъ свои схемы, то спеціалисты нерѣдко насилуютъ мысль, изобрѣтая цѣлыя философскія теоріи для объясненія отдѣльныхъ явленій.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены разобрать новѣйшую крупную и оригинальную попытку научнаго объясненія религіозныхъ понятій — трудъ извѣстнаго бонскаго филолога Германа Узенера. „Die Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung“. Разборъ этого труда, замѣчательнаго какъ по методу, такъ и по богатству своего содержанія, послужитъ намъ иллюстраціей только что высказанныхъ положеній.

I.

Повидимому, Узенеръ сознаетъ необходимость поставить изученіе религіи на широкую психологическую почву. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостатокъ философскаго плана бросается въ глаза съ первыхъ же страницъ его изслѣдованія. По мнѣнію Узенера, для того, чтобы опредѣлить форму и сущность миѳологическихъ и религіозныхъ явленій, нужно изслѣдовать, во-первыхъ, образованіе религіозныхъ понятій и во-вторыхъ—тѣ элементарные процессы представленія, посредствомъ которыхъ человѣкъ одушевляетъ, олицетворяетъ и облекаетъ въ образы воспринимаемыя имъ явленія. Затѣмъ уже отсюда надлежитъ объяснять 1) символику, 2) миѳъ и 3) культъ. Въ настоящемъ трудѣ Узенеръ изслѣдуетъ только образованіе религіозныхъ понятій (см. стр. VI).

Но если источникомъ религіозныхъ представленій является „живой человѣческій духъ", который олицетворяетъ и оживляетъ все то, что онъ воспринимаетъ, то не надлежало ли прежде всего изслѣдовать „элементарные процессы представленія", а также элементарныя формы вѣры, формы психологическаго отношенія человѣка къ окружающимъ существамъ, чтобы затѣмъ уже перейти къ образованію религіозныхъ понятій? Съ другой стороны, какъ изучать религіозныя представленія и понятія въ ихъ генезисѣ и развитіи безъ тщательнаго анализа культа, миѳовъ и символики древнихъ и „первобытныхъ" народовъ? Естественный порядокъ представляется намъ какъ разъ обратнымъ тому, который рекомендуетъ Узенеръ.

Чтобы изучить религіозныя понятія въ ихъ генезисѣ, Узенеръ обращается къ языку: „имена боговъ" суть едва ли не самое древнее, что мы знаемъ о богахъ. Изслѣдуя эти имена, мы изслѣдуемъ и образованіе религіозныхъ понятій. Здѣсь однако возникаетъ вопросъ, имѣющій первостепенное методологическое значеніе: что древнѣе, богъ или его названіе? Или же каждое божество дано вмѣстѣ съ своимъ названіемъ (numina — nomina)? Если боги древнѣе своихъ названій, то изученіе именъ боговъ еще не объясняетъ намъ образованія понятій въ религіи, какъ это предполагаетъ Узенеръ. А между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторыя религіозныя представленія, аналогичныя у самыхъ различныхъ народовъ, могли существовать до ихъ раздѣленія.

Повидимому, здѣсь на помощь миѳологу является сравнительное языковѣдѣніе, въ которомъ еще такъ недавно видѣли ключъ къ разрѣшенію всѣхъ проблемъ миѳологіи. „Сравнительная миѳологія" исходила изъ того предположенія, что понятія о богахъ и герояхъ, будучи такимъ же безсознательнымъ продуктомъ народнаго творчества, какъ и самый языкъ, сложились еще до раздѣленія отдѣльныхъ индо-европейскихъ народовъ и были вынесены этими народами изъ общей родины въ твердо отче-

каненныхъ словесныхъ формахъ. Но самые успѣхи въ изученіи древнѣйшихъ памятниковъ религіозной поэзіи, точно такъ же какъ и успѣхи лингвистики, заставили отказаться отъ этихъ предположеній. Ведійскіе гимны столь же мало могутъ считаться продуктами первобытнаго творчества, какъ эпосъ Гомера, и столь же мало отражаютъ въ себѣ первоначальное религіозное міросозерцаніе народныхъ массъ. Съ другой стороны, новѣйшая лингвистика свидѣтельствуетъ чуть ли не противъ всѣхъ тѣхъ этимологическихъ сближеній миѳологическихъ именъ, которыя казались особенно соблазнительными „сравнительнымъ миѳологамъ“: Гермесъ — *Sâramêyá*, Марсъ — *Marut*, Керберосъ — *çarvara*, *gandharvá* — *κένταυρος* (вм. *κένθαυρος*), или *saranyû* — *ἐρινύς* (вм. *ἐρεινύς*), Аполлонъ — *Saparyênya* и многія другія — оказались болѣе чѣмъ сомнительными натяжками. Остается, правда, нѣсколько фонетически правильныхъ сближеній между именами, обозначающими небо, зарю, огонь, солнце, луну, звѣзды, громъ, вѣтеръ, тучу, ночь. Но это еще не доказываетъ, чтобы эти явленія обоготворялись индо-европейцами до ихъ раздѣленія[2]).

Защитникамъ сравнительной миѳологіи остается лишь очень немного позицій, которыя они могутъ отстаивать. Такъ, Максъ Мюллеръ указываетъ на „урокъ Юпитера“: *Djaus Pitar* — *Zeus pater* — *Iupiter* — *Ziu*. Но, во-первыхъ, кромѣ Зевса и Юпитера указываютъ и на другія производныя корня *div*, послужившаго образованію божественныхъ наименованій[3]). Во-вторыхъ, съ именами *Djaus* и *Ζεύς* соединяются довольно различныя представленія. Въ-третьихъ, что̀ кажется намъ всего важнѣе, мы можемъ указать много *различныхъ* греческихъ и римскихъ боговъ, получившихъ титулъ Зевса и Юпитера. Есть Зевсы небесные, морскіе (*Ζ. ἐνάλιος* или самъ Посейдонъ)[4]), растительные демоны, подземные хтоническіе зевсы, зевсы-покойники, какъ З. Трофоній, З. Амфіарай[5]), З. Агамемнонъ[6]) и другіе. Въ Додонѣ культъ Зевса связывается съ куль-

---

[2]) Наиболѣе сильныя возраженія противъ теоріи Куна и М. Мюллера см. у Мангарта (Wald- und Feldkulte 1875, введеніе) и особенно у Грунпе (Die griech. Culte u. Mythen 1887, стр. 79—151 и др.). Ср. также Шрадера (Sprachforschung und Urgeschichte 1890), который прямо утверждаетъ, что ни одно изъ излюбленныхъ прежними миѳологами этимологическихъ сближеній не соотвѣтствуетъ фонетическимъ законамъ (стр. 596 и сл.). Самъ Шрадеръ идетъ, можетъ быть, слишкомъ далеко: ср. Bradtke, Götting. Gelehrte Anzeiger 1890.

[3]) См. напр. Узенеръ с. 16: если у грековъ *Ζεύς Διός* и *Ζάν (Ζήν) Ζα(η)νός* — суть два производныхъ одного и того же корня, обозначающихъ одно божество, то у римлянъ мы находимъ двухъ боговъ Iupiter Iovis и Ianus (djav-an — *Ζάν*). Этимологія эта считается однако сомнительной.

[4]) Ib.; ср. Ahrens Philol. 23, 12 слѣд.

[5]) Preller, Griech. Myth. II, 362, 1; Welcker, Gr. Götterlehre III, 276.

[6]) Roscher, Mythol. Lex. I, 96, 26.

томъ священнаго дуба, какъ въ литовскомъ культѣ Перуна[7]). Ученые, производящіе религію изъ культа мертвыхъ, изъ олицетворенія свѣта или вообще стихійныхъ силъ природы, изъ культа демоновъ лѣсовъ и полей, — могутъ найти каждый подтвержденіе своей теоріи въ различныхъ культахъ Зевса. Повидимому, „Зевсъ“ нерѣдко является эпитетомъ, титуломъ верховнаго бога вообще: верховные боги отдѣльныхъ племенъ, государствъ и народовъ суть ихъ „Зевсы“. Отсюда множество различныхъ помѣстныхъ Зевсовъ, которые частью различаются въ общемъ культѣ какъ особыя божества[8]), частью же получаютъ этотъ титулъ верховнаго бога лишь въ помѣстныхъ культахъ[9]). Аналогичное явленіе находимъ мы и у римлянъ. До самаго послѣдняго періода развитія ихъ религіи они прилагаютъ титулъ верховнаго бога — „божественнаго отца“, Юпитера, ко множеству великихъ иноземныхъ боговъ (напр. Ю. Аммонъ = Зевсъ Аммонъ, Ю. Бель, Ю. Сараписъ, I. O. M. Dolichenus и т. д.); то же самое повидимому, имѣло мѣсто и отъ начала въ примѣненіи къ помѣстнымъ племеннымъ италійскимъ божествамъ. Въ помѣстныхъ святилищахъ, какъ и въ родовыхъ культахъ или культѣ предковъ, латиняне имѣли не мало „божественныхъ отцовъ“ [10]) и „матерей“ — divos patres и matres, изъ которыхъ издревле образовалось не мало Юпитеровъ и Юнонъ. Оба явленія вполнѣ естественно объясняются основною чертою политеистической религіи — ея паганизмомъ т.-е. помѣстнымъ и гентильнымъ характеромъ ея первоначальнаго развитія. Что касается до Юноны, то хотя самое имя ея и представляетъ femininum отъ Iovis (Iovino), оно издревле нерѣдко встрѣчается во множ. числѣ, имѣя то же значеніе въ женскомъ родѣ, что̀ „геній“ въ мужескомъ[11]). Съ теченіемъ времени изъ множества такихъ Юнонъ дифференцировалось нѣсколько главныхъ (напр. древнѣйшая Iuno Lucina или I. Moneta, I. Averna), а мало-по-малу, подъ вліяніемъ культа, религіозной мысли, отчасти можетъ быть и подъ вліяніемъ искус-

---

7) Ср. дубъ Юпитера Феретрія Preller-Iordan, Röm. Myth. I. стр. 109, 1 и 199.

8) Чтобы не приводить слишкомъ много примѣровъ, укажу на Ксенофонта, который отличаетъ Зевса Мейлихійскаго (*Anab.* VII 8, 4 *ὁ δ' οὐκ ἔφη ἐξ ὅτου ἀπεδήμησε τεθυκέναι τούτῳ τῷ θεῷ*) отъ другихъ Зевсовъ, которымъ онъ приносилъ жертвы (*Anab.* IV, 8, 25; V, 4, 22; VII, 6, 44). Ср. также Suet. *d. August.* 91: cum dedicatam in Capitolio aedem Tonanti Jovi assidue frequentaret, somniavit queri Capitolinum Jovem cultores sibi abduci etc.

9) Напр. вышеупомянутые З. Трофоній, Амфіарай, Агамемнонъ или З. Аристей (ср. Roscher's Lex. 549, 37 Schirmer).

10) Ср. Ma(r)spiter, Diespiter, Dispiter, Opiter, Liber pater, Tiberinus pater, d. p. Falacer, Summanus pater.

11) Ср. Preller-Iordan, Römische Myth. I, 271 сл. II, 196 сл. и ст. Iunones въ Roscher's Lex. (Ihm) II, 1, 615. Отсюда объясняется союзъ Юноны съ Геркулесомъ (Roscher I, 2, 2258 сл. Peter). Ср. греческую Діону, которая является то какъ особая богиня, супруга Зевса (его *σύνναος* въ Додонѣ), то какъ эпитетъ Афродиты.

ства, а главное — греческой религии, произошло и дальнѣйшее объединеніе этого божественнаго типа. Но до конца ея имя могло служить какъ въ качествѣ имени собственнаго, такъ и въ качествѣ нарицательнаго или титула, прилагаясь то къ мѣстнымъ женскимъ геніямъ, то къ иноземнымъ богинямъ (напр. Кареагенская Iuno Coelestis). Какъ мы думаемъ, нѣчто подобное случилось и съ Юпитеромъ: divus pater indiges (впослѣдствіи Эней), или d. p. ruminus обратились въ Iuppiter indiges (богъ рѣки Нумиція) и I. Ruminus (ср. I. Silvanus, I. Liber, I. Iuventus, I. Terminus и др.)[12].

Такимъ образомъ множеству греческихъ Зевсовъ съ Олимпійскимъ Зевсомъ во главѣ соотвѣтствуетъ и множество мѣстныхъ италійскихъ Юпитеровъ, надъ которыми возвысился постепенно одинъ „наилучшій и наивысшій“ Юпитеръ Капитолійскій; при этомъ объединеніе представленій обусловливается прежде всего разработкой культа, его централизаціей[13]) и религіознымъ искусствомъ. На главныхъ божествахъ Греціи и Рима мы наблюдаемъ это явленіе, столь характерное для античныхъ религій и указывающее намъ на тотъ изначальный неопредѣленный полидемонизмъ, который стоитъ за политеизмомъ. Этотъ полидемонизмъ объясняетъ намъ, почему одно и то же божественное имя можетъ относиться ко многимъ различнымъ мѣстнымъ божествамъ и почему, въ столь многихъ случаяхъ, связь божественнаго имени съ обозначаемымъ субъектомъ является нерѣдко измѣнчивой и неопредѣленной. Но при всей этой неопредѣленности, при всей видимой сбивчивости и шаткости религіозной терминологіи, которая лишь въ разработанномъ ритуалѣ и поэзіи получаетъ нѣкоторую устойчивость, — религіозное отношеніе къ богамъ является весьма опредѣленнымъ, и религіозное сознаніе въ своихъ представленіяхъ и понятіяхъ подчиняется извѣстнымъ общимъ законамъ, общимъ формамъ, въ которыхъ оно понимаетъ своихъ боговъ. И для того, чтобы понять эти основныя формы религіознаго сознанія, намъ недостаточно изслѣдовать одни имена боговъ, какъ это дѣлала сравнительная миѳологія, какъ это продолжаетъ дѣ-

---

[12]) Ср. Roscher II, 1, 660. O. J. Liber см. также Iordan-Preller, R. Myth. I, 195 сл. Ср. Liber и Libera II, 47 и сл. Любопытенъ Dius Fidius, геній сродный Юпитеру *(Z. πίστιος)*, одинъ изъ „семоновъ“ (semo Saucus) чтимый сабинянами, умбрами, римлянами. Фестъ (p. 194) видитъ обожествленіе „царя Латина“ въ самомъ I. Latiaris, хотя этотъ герой-эпонимъ самъ есть очевидно лице миѳическое. Ср. Preller R. M. I, 95—6. Калигула при жизни былъ обожествленъ какъ I. Latiaris см. Suet. 22.

[13]) Стоитъ припомнить исторію культа Юпитера капитолійскаго (первый aedes, первый идолъ въ римскомъ храмѣ, ludi romani, греческое вліяніе и пр.) Любопытны слова Августина de c. d. 4, 23: sicut enim apud ipsos legitur, Romani veteres nescio quem Summanum, cui nocturna fulmina tribuebant, coluerunt magis quam Iovem, sed postquam Iovi templum insigne ac sublime constructum est, propter aedis dignitatem sic ad eum multitudo confluxit, ut vix inveniatur, qui Summani nomen, quod audire iam non potest, se saltem legisse meminerit.

лать Узенеръ: мы должны изслѣдовать отношеніе именъ къ обозначаемому субъекту, даже въ томъ случаѣ, если мы захотимъ ограничиться одними именами. Въ самомъ дѣлѣ, если за именемъ Зевса или Юпитера скрывается цѣлое множество демоновъ, то подобное же явленіе наблюдается и относительно другихъ именитыхъ боговъ, за исключеніемъ развѣ боговъ пришлыхъ, заимствованныхъ культовъ (sacra peregrina), да и то не всѣхъ. Вспомнимъ только, сколько различныхъ по характеру и происхожденію боговъ было чтимо подъ именемъ Гермеса, Аполлона или его сестры Артемиды, которая совмѣщала въ себѣ цѣлый рой богинь, нимфъ и дріадъ, греческаго и негреческаго происхожденія — отъ великой Артемиды эфесской до аркадійскихъ божествъ Артемиды-удавленницы или Артемиды-Эвриномы — русалки съ рыбьимъ хвостомъ[11]).

Но если такъ, то какая этимологія можетъ объяснить намъ сама по себѣ первоначальное значеніе и происхожденіе отдѣльныхъ боговъ, смѣну и объединеніе религіозныхъ представленій и понятій? Какъ бы ни была значительна та помощь, которой мы въ правѣ ожидать отъ лингвистики, ясно, что она можетъ имѣть лишь вспомогательное значеніе въ изслѣдованіи религіи и культа и не должна претендовать на самостоятельное объясненіе религіозныхъ идей.

II.

Религіозно-историческій процессъ не опредѣляется жизнью языка, хотя онъ и отражается въ ней до нѣкоторой степени. Узенеръ, повидимому, предполагаетъ между религіей и языкомъ болѣе тѣсное соотношеніе, несмотря на то, что признаетъ неудачу сравнительной миѳологіи (стр. 323); онъ возстаетъ не противъ основной концепціи миѳологовъ-лингвистовъ, а частью противъ невѣрнаго ея приложенія, частью противъ неточныхъ сближеній. Попытка его интересна, какъ новое усиліе основать науку о религіи на изученіи языка.

По мнѣнію Узенера, неудача сравнительной миѳологіи объясняется отчасти тѣмъ, что имена боговъ суть первоначально всѣ — нарицательныя, а не собственныя имена. Имена боговъ были нарицатель-

---

[11]) *Ἀ. ἀπαγχομένη,* ср. Климента Александрійскаго, *Protr.* II, 38. Относительно Эвриномы ср. Paus. VIII, 41, 4: *τὴν δὲ Εὐρυνόμην ὁ μὲν Φιγαλέων δῆμος ἐπίκλησιν εἶναι πεπίστευκεν Ἀρτέμιδος,* хотя, какъ слѣдуетъ далѣе, еще сохранилась память о ней, какъ о древнемъ рѣчномъ божествѣ — *ὅσοι δὲ αὐτῶν παρειλήφασι ὑπομνήματα ἀρχαῖα θυγατέρα Ὠκεανοῦ φασὶν εἶναι τὴν Εὐρυνόμην.* Ср. Hes. *Theog.* 358 и 907. Ср. дріады *Ἀ. καρυᾶτις* (Paus. III, 10, 8) *Ἀ. σαρωνίς, κυπαρισσία, κεδρεᾶτις δαφναία, κορυφαία;* см. также рядъ Артемидъ-медвѣдицъ А. Мунихійская, А. Брауронія въ ея первоначальномъ культѣ. *Ἀ. ἀρκτεία,* ср. Wernicke въ Real-Encycl. Pauly-Wissowa II, 1, 1170. Ср. также легенду о Каллисто.

ными до раздѣленія народовъ и долгое время оставались такими же и послѣ ихъ раздѣленія. Поэтому, благодаря самому консерватизму религіозныхъ понятій, имена боговъ, обозначавшія ихъ свойства и дѣятельности, постоянно мѣнялись вмѣстѣ съ языкомъ, оставаясь долгое время совершенно прозрачными. Они постоянно обновлялись, по мѣрѣ того какъ затемнялось или забывалось значеніе прежнихъ корней, ибо необходимость въ обозначеніи бога путемъ отчетливаго указанія его силы, свойства и дѣйствія продолжала существовать въ сознаніи. Утративъ свое первоначальное варицательное значеніе, тотъ или другой корень могъ, правда, вести къ образованію **имени собственнаго**: но, какъ доказываетъ Узенеръ, имена собственныя возникаютъ крайне поздно, въ концѣ развитія религіозныхъ понятій.

Такова въ общихъ чертахъ основная мысль его „ученія о божественныхъ именахъ". Она развивается съ замѣчательной ясностью и роскошью доказательствъ; аргументація Узенера состоитъ изъ ряда интересныхъ изслѣдованій, которыя несомнѣнно обратятъ на себя общее вниманіе спеціалистовъ[15]).

Прежде всего онъ указываетъ на творческую способность размноженія и обновленія, которая присуща языкамъ въ тѣ періоды юности, когда созидаются сокровищницы ихъ формъ и словъ. Съ тѣмъ же изобиліемъ, съ какимъ изъ одного сѣмени, попавшаго на жирную почву, быстро разрастаются травы,—изъ одного словеснаго корня произрастаетъ множество различно образованныхъ словъ, нерѣдко одного и того же значенія. Суффиксы, обусловливающіе такое размноженіе, правда, имѣютъ отъ начала свое особое значеніе; но есть періоды въ жизни языка, когда они, какъ бы теряя или ослабляя свое логическое значеніе, получаютъ характеръ чисто формальный, и языкъ „какъ будто радуясь новому средству, безъ устали комбинируетъ ихъ для постоянно новыхъ и новыхъ созданій". Поэзія охотно пользуется такими варіаціями и сама создаетъ ихъ, отражая процессъ, совершавшійся въ языкѣ. Лишь впослѣдствіи, когда языкъ одухотворяется и дѣлается болѣе отвлеченнымъ, онъ подчиняется въ такомъ творчествѣ логическимъ требованіямъ и съ большею строгостью ограничиваетъ суффиксы ихъ опредѣленными логическими функціями.

Замѣтивъ, что „особую плодовитость проявляютъ многіе корни въ образованіи именъ собственныхъ, какъ человѣческихъ, такъ и религіозныхъ" (стр. 7), Узенеръ подробно останавливается на этомъ явленіи, разсматривая его на множествѣ поучительныхъ примѣровъ. Такъ напр., онъ указываетъ на частую смѣну суффиксовъ $\bar{o}\varsigma$, $\bar{\alpha}\varsigma$, $\bar{\omega}\nu$, или $\bar{o}\varsigma$, $\bar{\iota o\varsigma}$,

---

[15]) Много лингвистическихъ возраженій противъ отдѣльныхъ этимологій Узенера дѣлаетъ Маасъ (Deutsche Literaturz. 1896), рецензіей котораго я къ сожалѣнію не успѣлъ воспользоваться.

ιων. Послѣдній суф. имѣетъ нерѣдко патронимическое значеніе; тѣмъ не менѣе онъ точно такъ же, какъ и обычный патронимическій суффиксъ *ι-δης* или *α-δης*, можетъ служить чисто формальному измѣненію цѣлаго ряда нарицательныхъ именъ безъ измѣненія ихъ значенія; отсюда получается множество различныхъ формъ для обозначенія одного и того же лица, напр. *Μέλανθος*, *Μελάνθιος*, *Μελανθίδης* (стр. 21); *Ὑπερίων* и *Ὑπεριονίδης*; даже *Κρόνος*, *Κρονίων*, *Κρόνιος* и *Κρονίδης*: какъ указалъ еще Велькеръ, эпическія наименованія *Κρονίων* и *Κρονίδης* не имѣли первоначально генеалогическаго значенія, которое они получили впослѣдствіи въ приложеніи къ Зевсу (Welcker Gr. Götterlehre I, 144 и Preller Gr. Myth. I[3], 44).

Эта способность языка — измѣнять и развивать опредѣленныя миѳологическія имена безъ измѣненія ихъ личнаго понятія — объясняетъ намъ самую природу этихъ именъ: она указываетъ намъ на то, что этимологическое значеніе ихъ было еще живо въ эпоху ихъ созданія: они относились къ опредѣленному существу, но обозначали его словомъ, имѣвшимъ значеніе прилагательнаго. Этотъ выводъ имѣетъ самыя широкія послѣдствія. Поскольку чисто формальное различіе суффиксовъ при одинаковомъ корнѣ не должно мѣшать намъ находить одинакое понятіе, мы должны видѣть въ совпаденіи миѳологическихъ именъ — указаніе на тожественныя представленія, несмотря на существенныя различія другихъ миѳологическихъ подробностей. Это объясняетъ намъ путаницу гомонимовъ въ греческой миѳологіи и возлагаетъ на всякаго изслѣдователя обязанность тщательнаго критическаго ихъ анализа[16]).

Дѣло не ограничивается однако простымъ видоизмѣненіемъ имени божества. Если имя божества обозначаетъ либо его качество, либо его дѣятельность, мы можемъ допустить видоизмѣненіе не только имени, но и понятія; мало того, возможно обновленіе понятія посредствомъ замѣны одного устарѣвшаго имени другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ[17]).

16) Этотъ выводъ подтверждается разсмотрѣніемъ женскихъ божествъ: по мнѣнію Узенера, за исключеніемъ двухъ-трехъ старыхъ богинь (?), самое понятіе которыхъ обусловливаетъ выборъ ихъ пола, индо-германцы создали первоначально лишь боговъ мужескаго пола. Затѣмъ „творческое стремленіе языка“ создаетъ изъ этихъ прилагательныхъ или нарицательныхъ имена женскаго рода, которыя въ свою очередь „пріобрѣтаютъ самостоятельную жизнь и могутъ даже вытѣснять имена мужескаго рода. Женское божество фактически создается изъ мужского, какъ библейская Ева изъ ребра Адама“ (стр. 32). Это показывается на именахъ ведійскихъ богинь (Sarasvat порождаетъ Sarasvati, Indra — Indrani, Jama — Jami, Açvin — Açvini и т. д.) и провѣряется на отдѣльныхъ примѣрахъ изъ римской религіи и греческой саги (стр. 35—48). Ср. Sayce, Hibbert Lectures о религіи древнихъ вавилонянъ (3 ed. 1891), стр. 176 и сл.

17) Напр. *Ἑκάτη* — *Ἑκαέργη*; *Ἕκατος* — *Ἑκάεργος*, *Ἑκηβόλος*, *Ἑκατηβόλος*, *Ἑκατηβελέτης*; Артемида *Ἀρίστη*, *Καλλίστη*, *Ἀριστοβούλη* *Ἀριστάρχη*; особенно любопытны болѣе сложные примѣры на стр. 56—73. Едва ли не главный интересъ труда Узенера заключается въ рядѣ детальныхъ изслѣдованій, положенныхъ въ его основаніе.

Безчисленнымъ гомонимамъ греческой миѳологіи соотвѣтствуетъ не меньшее количество синонимовъ, которые также подлежатъ изслѣдованію миѳолога.

III.

Какъ ни поучителенъ детальный этимологическій анализъ отдѣльныхъ именъ, миѳологъ можетъ спросить себя, не повторяется ли здѣсь прежняя ошибка „сравнительной миѳологіи“? Не замѣняется ли здѣсь disease of language Макса Мюллера „творческою способностью языка“, которая рождаетъ и размножаетъ боговъ и богинь? Не имѣемъ ли мы здѣсь новую варіацію на тему numina-nomina, т.-е. попытку чисто номиналистическаго объясненія религіознаго процесса?

Слѣдуя теоріи Узенера, нужно признать, что большинство именъ боговъ (если не всѣ такія имена) суть обновленныя имена, соотвѣтствующія обновленнымъ понятіямъ. Какимъ же образомъ эти имена могутъ помочь намъ заглянуть въ изначальный процессъ генезиса религіозныхъ понятій и какова первоначальная форма такихъ понятій — вопросъ, повидимому роковой для нашего изслѣдователя. Но мы нашли, что самое обновленіе и смѣна названій обусловливается консерватизмомъ религіознаго сознанія) которое обозначаетъ боговъ путемъ прозрачныхъ по смыслу прилагательныхъ или нарицательныхъ, выражающихъ качество или дѣйствіе ихъ. Отсюда выводъ, — что первоначальныя имена боговъ суть имена, выражающія понятія всѣхъ дѣйствій и состояній, которыя могутъ имѣть какое-нибудь значеніе для человѣка. Для всѣхъ такихъ дѣйствій или состояній были созданы первобытнымъ человѣкомъ особенные боги, которые получили чрезвычайно ясно отчеканенныя наименованія, чрезвычайно прозрачные образы, узко ограниченные по своему понятію. Мало того: не только дѣйствія и состоянія въ своемъ цѣломъ были обожествлены такимъ образомъ, но также и всѣ сколько-нибудь выдающіяся части, акты или моменты этихъ дѣйствій или состояній. Первобытный умъ не способенъ къ отвлеченію или обобщенію: вмѣсто одного родового понятія онъ образуетъ множество понятій видовыхъ; вмѣсто одного понятія объ одномъ сложномъ дѣйствіи онъ создаетъ сначала множество понятій объ отдѣльныхъ его моментахъ (стр. 317—323). А соотвѣтственно тому, онъ образуетъ, съ одной стороны, множество словъ для выраженія такихъ понятій, а съ другой — множество „особыхъ“ боговъ для ихъ олицетворенія, подозрѣвая отдѣльныхъ дѣятелей — Sondergötter — за каждой силой или каждымъ дѣйствіемъ, которое онъ понимаетъ раздѣльно.

Гдѣ же въ дѣйствительности Узенеръ находитъ такихъ „боговъ“? Прежде всего въ индигитаментахъ римскихъ понтифексовъ: pontifices dicunt singulis actibus proprios deos praeesse, quos Varro certos deos appel-

lat[18]), при чемъ имена этихъ боговъ опредѣляются ихъ функціями (nomina numinibus ex officiis constat imposita)[19]). Такъ, при полевой жертвѣ фламинъ призывалъ кромѣ Цереры и Земли двѣнадцать боговъ, соотвѣтствующихъ столькимъ же дѣйствіямъ земледѣльца: богъ метки, — первой распашки пара, Vervactor, затѣмъ Reparator (Redarator — Marquardt, Staatsverw. III стр. 8), Imporcitor, Insitor, Obarator, Occator, Saritor, Subruncinator, Messor, Convector, Conditor, Promitor. Подобныя божества управляютъ всею жизнью человѣка, каждый въ своей части — sua quisque portione, отъ зачатія до самой смерти. Еще во чревѣ матери его питаетъ Alemona, его оживляетъ Vitumnus; Sentinus и Sentina даютъ ему чувства; богини Lucina, Natio, Egeria, Partula, Parca и др. управляютъ его рожденіемъ, при чемъ самое положеніе плода при родахъ опредѣляется такими божествами, какъ Carmentae — Antevorta и Postvorta или Prorsa и Porrima. Nona и Decima суть божества, призываемыя при рожденіи на девятомъ или десятомъ мѣсяцѣ, при чемъ Numeria опредѣляетъ точный срокъ (число) рожденія. Далѣе слѣдуютъ Vagitanus, богъ дѣтскаго плача, Rumina (rumma = mamma), богиня кормленія, Strenua и Ossipago, укрѣпляющая кости ребенка, Edusa и Potina, научающія его ѣсть и пить, Cunina, хранящая его въ колыбели, и такъ далѣе до гробовой доски — usque ad decrepiti hominis mortem... ad Neniam deam, quae in funeribus senum cantatur[20]). Въ такихъ божествахъ Узенеръ вмѣстѣ съ Момсеномъ усматриваетъ проявленіе глубокой религіозности римскаго народа, того религіознаго консерватизма, который крѣпко держится основныхъ понятій о божествѣ, не допуская малѣйшаго ихъ затемнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не видитъ въ такихъ божествахъ спеціальной особенности римской религіи: она только крѣпче другихъ удержала первоначальныя понятія о божествѣ, общія другимъ народамъ — чтобы не сказать всѣмъ народамъ — такъ какъ, по теоріи Узенера, первоначальные боги всѣхъ народовъ суть di certi — Sondergötter — спеціальные или функціонные боги, обособленные по своимъ свойствамъ и дѣятельностямъ.

Всякому непредубѣжденному читателю такое положеніе можетъ показаться не только парадоксальнымъ, но очевидно невѣрнымъ. Отъ первобытнаго сознанія нельзя ожидать способности къ абстракціи, но ему также нельзя приписывать ту сложную казуистику, то юридически точное разграниченіе функцій и понятій, какое мы находимъ въ требникахъ

---

18) Сервій къ Энеидѣ II, 141.

19) Сервій къ Georg. I, 21.

20) August. *de civ. dei* VI, 9. Любопытны брачныя божества, какъ d. Subigus, dea Prema, Pertunda, и Perfica, см. Preller II, 218 сл.

римскихъ понтифексовъ. Боги первобытнаго сознанія не суть отвлеченныя олицетворенія. Одухотворяя видимыя явленія, небо, солнце, вѣтеръ, тучи, оно видитъ въ нихъ прежде всего какихъ то демоновъ оборотней, которые обладаютъ магическими силами и сами подчиняются магіи и заклинаніямъ. Они могутъ по произволу мѣнять свой образъ, превращаться въ другія существа, могутъ вступать въ сношенія съ мертвыми и живыми, наводить и снимать порчу, производить дождь и поднимать бурю, вредить или помогать человѣку какъ могущественные колдуны. Стоитъ вспомнить наиболѣе грубые миѳы всевозможныхъ народовъ, въ которыхъ стихійнымъ божествамъ приписываются дѣйствія и поступки, совершенно не объяснимые изъ ихъ спеціальнаго физическаго значенія[21]). Всѣ попытки „натуралистическаго“ объясненія миѳовъ вели къ невѣроятнымъ натяжкамъ даже тамъ, гдѣ въ богахъ дѣйствительно олицетворялись силы природы; и это потому, что богъ, точно такъ же, какъ и миѳъ, опредѣляется прежде всего конкретнымъ представленіемъ, а не понятіемъ о томъ или другомъ явленіи. Ошибка большинства древнихъ и новыхъ миѳологовъ-философовъ, лингвистовъ, „натуралистовъ“ и другихъ — состояла именно въ извращеніи этого отношенія, что вело къ фальшивой раціонализаціи боговъ и миѳовъ.

Кромѣ римскихъ индигитаментъ, Узенеръ приводитъ въ доказательство своего тезиса, во-первыхъ, перечень литовскихъ и латышскихъ боговъ (стр. 79—116); во-вторыхъ, святыхъ римско-католическихъ календарей (кончая Diario Romano 1894 г.!) и наконецъ, въ третьихъ, онъ обращается къ детальному анализу цѣлаго множества явленій греческой религіи.

Одного взгляда на этотъ матеріалъ было бы достаточно, чтобы убѣдиться въ его крайней неполнотѣ и одностороннемъ выборѣ. Во всякомъ случаѣ онъ едва ли носитъ отпечатокъ первобытной древности. Правда, и въ немъ можно найти чрезвычайно архаическія черты, но едва ли тѣ, которыя ищетъ въ нихъ Узенеръ. Его наблюденія чрезвычайно важны и интересны въ области греческой религіи. Мало того, при всей односторонности его теоріи, онъ проливаетъ новый свѣтъ на цѣлыя группы явленій въ области религіи и культа, остававшіяся до сихъ поръ не разгаданными. Но именно потому и слѣдуетъ разобраться въ его матеріалѣ.

Указаніе на римско-католическій календарь 1894 г. (изданный con privilegio pontificio) во всякомъ случаѣ болѣе пикантно, чѣмъ доказательно. Что въ римской церкви нѣкоторые святые были перекрещенными

[21]) Прекрасную характеристику первобытнаго міросозерцанія даетъ Тайлоръ въ своей „Первобытной Культурѣ“ и А. Лангъ въ своемъ трудѣ Myth, cult and religion (1887). См. также Robertson Smith, Lectures on the religion of semites гл. II и III особенно 81—3.

богами или героями, а другіе заступили мѣсто прежнихъ боговъ, — достаточно извѣстный фактъ [22]). Святые распредѣлили между собою функціи боговъ, которыхъ они вытѣснили собою. Св. Георгій сталъ патрономъ скота, св. Анна—покровительницей рожеництъ, св. Люція и св. Клара исцѣляютъ отъ глазныхъ болѣзней (officia a nominibus!) и т. д., чтобы не приводить примѣровъ, которые читатель самъ можетъ умножить. Въ Нормандіи есть такіе святые, какъ St. Accroupi, исцѣляющій отъ геморроя (стр. 117)[23]). Уже въ IV в. подобнымъ святымъ приносились формальныя жертвоприношенія [24]) — языческій обычай, доселѣ уцѣлѣвшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бретани.

Но не говоря уже объ офиціальной догматикѣ римской церкви, заключающей въ себѣ иныя представленія о святыхъ, въ самомъ простонародномъ культѣ ихъ мы несомнѣнно находимъ не одни языческія суевѣрія. Функціи святыхъ спеціализированы и разграничены въ дѣйствительности далеко не столь опредѣленно, какъ это дѣлается въ календаряхъ, или точнѣе, на ряду съ тѣми спеціальными функціями, которыя приписываютъ имъ мѣстныя вѣрованія, каждый святой понимается прежде всего, какъ молитвенникъ Божій, заступникъ, ангелъ Божій. Онъ есть лицо, а не функція, и къ этому лицу можно обращаться и помимо спеціальныхъ случаевъ.

Не болѣе удачнымъ является другой аргументъ Узенера — его ссылка на до сихъ поръ еще весьма туманную область литовскихъ и латышскихъ боговъ, которыхъ онъ пространно перечисляетъ при помощи проф. Сольмсена (стр. 79—115). По признанію почтеннаго изслѣдователя, „первое знакомство съ литовскими преданіями“ именно и освободило его отъ всякихъ сомнѣній въ области миѳологіи (стр. 276), убѣдивъ его въ томъ, что первоначальные боги всѣхъ народовъ однородны съ богами римскихъ индигитаментъ.

Пространный каталогъ литовскихъ божествъ, имѣвшій столь рѣшающее значеніе для Узенера, составляетъ однако не только наименѣе оригинальную, но и наиболѣе слабую часть его замѣчательнаго труда, — и въ этомъ отношеніи его сотрудникъ, проф. Сольмсенъ, какъ спеціалистъ, несомнѣнно заслуживаетъ бо́льшихъ упрековъ, пользуясь безъ должной критики такими недостовѣрными источниками, какъ сочиненія Лазицкаго (De diis Samogitarum, 1580), и показаніями разныхъ ученыхъ іезуитовъ и протестантскихъ миссіонеровъ XVI и XVII в., изъ которыхъ иные вовсе не знали литовскаго языка и построяли искусственныя системы

---

[22]) Ср. любопытное изслѣдованіе Узенера о житіи св. Пелагіи.

[23]) Ср. St.-Foutin и St.-Guerlichon у Dulaure, Culte des divinités generatrices 1825 (2-е изд. 1885), стр. 235 и 240.

[24]) Ср. Gaston Boissier, La fin du paganisme, II, 95 сл. и 124.

литовской миѳологіи, нерѣдко сближая по-своему литовскихъ боговъ съ римскими[25]).

По свидѣтельству Петра Дуисбургскаго, приводимому самимъ Узенеромъ (стр. 81), „литовцы видѣли боговъ во всѣхъ тваряхъ: въ солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, въ громахъ, птицахъ, четвероногихъ, даже до самого крота; они имѣли священные лѣса, поля и воды, въ которыхъ не позволялось рубить деревьевъ, воздѣлывать землю и ловить рыбы“. Словомъ, въ основаніи литовской религіи лежитъ первобытный пандемонизмъ съ культомъ лѣсовъ и полей[26]). Мы находимъ у нихъ слѣды камнепоклонства, звѣропоклонства, огнепоклонства и сильно развитого культа мертвыхъ. Надъ этимъ стихійнымъ анимизмомъ возвышаются однако нѣкоторыя верховныя божества, — прежде всего Перкунъ, котораго чтили и славяне — врагъ чорта Вельнаса. Повидимому, религія и культъ литовскаго племени слагались постепенно, испытывая на себѣ вліяніе внутреннихъ измѣненій быта (на это указываетъ одно развитіе аграрныхъ культовъ), а также и другихъ религій христіанской въ особенности. Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ цѣломъ при помощи критической разработки источниковъ, едва ли удобенъ пріемъ Узенера, который располагаетъ боговъ въ алфавитномъ порядкѣ безъ всякой попытки опредѣлить ихъ соотношеніе и мѣсто въ религіи и культѣ. Отсюда въ частности получились такіе боги, какъ Apidome — mutati domicilii deus (вм. apideme ограда, огороженный выгонъ) и 'Bezlea — dea vespertina (вм. bežleja — темнѣетъ); а въ общемъ является отсутствіе не только всякой системы, но и всякой перспективы, всякаго понятія о литовскихъ религіозныхъ представленіяхъ, которыя могутъ быть выяснены лишь путемъ общаго изученія культа и его значенія въ бытѣ. При алфавитной каталогизаціи религіозныхъ представленій нерѣдко получаются подобные результаты: культъ и самые предметы культа (какъ камни, животныя, растенія и пр.) отступаютъ на второй планъ и за частностями теряется цѣлое.[27]) Самъ Узенеръ признаетъ, что „спеціальные боги“ не могли быть **равноцѣнными** даже для первобытнаго сознанія (303): напр. богъ солнца, богъ

[25]) Достоинство этихъ источниковъ критически разобраны въ трудахъ Микуцкаго, Акелевича, Карловича, Мѣржинскаго, которые могли бы быть извѣстны проф. Сольмсену. Ср. Mierzinsky, Mythologiae Lithuanicae Monumenta I, 1892, гдѣ собраны всѣ свидѣтельства о культѣ литовцевъ отъ Тацита до хроники Альберта Бордевика (1298—1301). Второй выпускъ этого труда (1896), разсматривающій свидѣтельства XIV и XV в., особенно Петра Дуисбургскаго, вышелъ послѣ книги Узенера. Ср. Э. Вольтеръ ст. „литовская миѳологія“ въ энц. словарѣ Брокгауза-Ефрона т. XVII А 1896.

[26]) Ср. Mannhardt, Wald- und Feld-Kulte I т., 1875 (d. Baumcultus bei d. Germanen und ihren Nachbarstämmen).

[27]) Любопытно, что Перкунъ помѣщается рядомъ съ „богомъ птенцовъ“, а душамъ усопшихъ, *велес'амъ,* посвящается нѣсколько строкъ рядомъ съ богомъ вѣтровъ *Вейопатис'омъ* и волкомъ — *вилкас'омъ.*

свѣта, дождя, грозы были важнѣе какого-нибудь мышинаго бога или бога бороны. Замѣтимъ, что случалось иногда и обратное: племенное святилище какого-нибудь мелкаго божка, фетиша или просто священный камень или дерево могли получить большое значеніе, а богъ неба —Уранъ — явиться въ образѣ оскопленнаго, свергнутаго, обезсиленнаго демона.

Но если даже принять каталогъ литовскихъ божествъ въ томъ видѣ, въ какомъ его намъ предлагаютъ, мы найдемъ въ немъ имена боговъ, къ которымъ совершенно не подходитъ объясненіе Узенера: таковы прежде всего всѣ живые и мертвые боги далеко не спеціализированные въ своихъ функціяхъ, но опредѣленные въ своихъ образахъ, — священные камни, деревья, змѣи, огни, души усопшихъ и т. д.

IV.

Къ сожалѣнію, распространяясь о совершенно чуждой ему области литовской миѳологіи, Узенеръ ограничивается лишь однимъ упоминаніемъ о томъ явленіи, которое послужило основною схемой для всей его теоріи — я разумѣю боговъ индигитаментъ. Какъ мнѣ кажется, тщательное разсмотрѣніе этихъ загадочныхъ „божествъ“ должно всего болѣе служить къ провѣркѣ теоріи Узенера.

Прежде всего, какъ ни характерны индигитаменты для римской религіи[28]), они далеко не исчерпываютъ собою ея сущности: точно такъ же какъ у литовцевъ и у всѣхъ другихъ народовъ, мы находимъ у римлянъ рядъ божествъ, которыя никакъ не укладываются въ рамку „опредѣленныхъ“ боговъ, спеціализированныхъ по своимъ названіямъ, функціямъ и понятіямъ. Самые Di indigites помѣщаются на ряду съ другими, какъ отдѣльный классъ боговъ[29]).

Значеніе этихъ божествъ довольно загадочно, и самые термины indiges, indigito, indigitamentum были, повидимому, неясны уже для самихъ римлянъ. По наиболѣе достовѣрному толкованію indigitamentum есть молитвенная формула, посредствомъ которой заклинается божество—дѣлается или призывается indiges. Самые di indigites, — боги такихъ заклинаній, суть, по древнему о нихъ представленію, отечественные боги, геніи-покровители Рима (di patrii indigites Verg. *georg*. I, 498). Такіе боги

[28]) Какъ замѣчаетъ Преллеръ (Röm. Myth., ed. Iordan, I, 53) имена римскихъ боговъ sind bei den meisten merkwürdig unbestimmt und bloss in allgemeinster Weise prädicativ.

[29]) Ср. Liv. VIII, 9, Iane, Iupiter, Mars pater, Quirinus, Bellona, Lares, Divi novensiles, Divi indigites, Divi quorum est potestas nostrum hostiumque... Если indigites суть мѣстные di patrii, то novensiles или novensides суть боги пришлые (Neunsassen Iordan-Preller I, 102, 2). Поэтому пришлые боги первоначально не входятъ въ древнѣйшіе списки индигитаментъ (напр. Аполлонъ см. Arnob. II, 73 Jordan Preller I, 134).

были не только въ Римѣ, но и въ Пренестѣ: ibi erant pontifices et dii indigites sicut etiam Romae (Serv. *ad Verg. Aen.* VIII, 698). Отсюда многіе изслѣдователи сближаютъ indiges съ indigena — les indigènes ou dieux locaux (Bouché-Leclerc, Manuel des Inst. rom. Paris 1886, с. 460, 3), при чемъ эти „мѣстные" боги *(θεοὶ ἐπιχώριοι)* нерѣдко именуются какъ „отцы" и „матери" Рима.

Какъ бы то ни было, намъ кажется, что Узенеръ дѣлаетъ двойную ошибку, во-первыхъ, отожествляя indigites съ di certi Варрона, а во-вторыхъ, понимая подъ di certi — боговъ „опредѣленныхъ" по своему значенію или функціямъ. Правда, не одинъ Узенеръ держится такого мнѣнія[30]. Но едва ли оно находитъ себѣ достаточное основаніе. Какъ извѣстно, Варронъ дѣлилъ всѣхъ боговъ на три класса: *di selecti, certi* и *incerti*. Di certi суть боги ab initio certi et sempiterni, dii proprii или perpetui, — вѣчные боги, божество которыхъ несомнѣнно: это боги пользующіеся опредѣленнымъ, установленнымъ культомъ; di incerti суть миѳическія существа или полубоги — сомнительные боги, культъ которыхъ пришелъ въ упадокъ; di selecti — главныя божества римскаго государства. Преллеръ думаетъ, что эта искусственная классификація соотвѣтствуетъ троякому дѣленію религіи у Варрона – на философскую или „физическую" (которой соотвѣтствуютъ di selecti), гражданскую (genus civile, quo pupuli utuntur) и миѳическую (genus mythicon, quo maxime utuntur poetae). Сообразно своей философіи, Варронъ объяснилъ аллегорически существо главныхъ боговъ римскаго культа — ex naturali theologia — въ смыслѣ стоическаго натурализма, какъ олицетворенія стихійныхъ началъ природы. Другіе боги, не поддававшіеся такому объясненію, суть боги, имѣющіе отношеніе къ опредѣленнымъ дѣятельностямъ человѣка: pontifices dicunt singulis actibus proprios deos praeesse: hos Varro certos deos nominat. Такимъ образомъ объясняется, почему Neptunus, Vulcanus, Luna и т. п. божества не попадаютъ въ разрядъ di certi, хотя по своему понятію и положенію въ культѣ они не менѣе „опредѣленны", чѣмъ любыя божества, относимыя Варрономъ къ „гражданской части" — genus civile: Нептунъ, Вулканъ, Луна — относятся къ естественному богословію (genus physicon), между тѣмъ какъ другіе di certi, столь же вѣчные, какъ и первые, суть dei ad ipsum hominem... vel ad ea quae sunt hominis pertinentes[31]. Что классификація эта искусственна — врядъ ли нуждается въ доказательствѣ: не даромъ такіе боги, какъ Юпитеръ, Сатурнъ, Янусъ, попадаютъ въ обѣ

[30]) Напримѣръ Ambrosch (über die Religionsbücher d. Römer), на котораго ссылается Узенеръ. Весьма полное и обстоятельное собраніе матеріала и разборъ различныхъ мнѣній относительно индигитаментъ можно найти у Peter'а въ „Лексиконѣ" Рошера (indigitamenta).

[31]) Ср. Serv. *ad. Verg. Aen.* II, 141 и August. *de civ. dei* VI, 9.

категоріи[32]). Во всякомъ случаѣ терминъ certus означаетъ просто подлиннаго, признаннаго бога и врядъ ли имѣетъ у Варрона то значеніе, которое даетъ ему Узенеръ.

Еще большую неправильность допускаетъ Узенеръ, отожествляя deos certos — въ своемъ смыслѣ — съ богами индигитаментъ. Варронъ дѣйствительно пользовался индигитаментами въ тѣхъ книгахъ, гдѣ онъ разсматриваетъ deos certos, относимыхъ имъ къ genus civile: но индигитаменты послужили ему лишь матеріаломъ, и въ тѣхъ спискахъ божественныхъ именъ, которыя приводятъ по Варрону Августинъ, Тертулліанъ и Арнобій, слѣдуетъ видѣть не выдержки изъ самихъ индигитаментъ, а группы божествъ, искусственно составленныхъ самимъ Варрономъ, частью на основаніи индигитаментъ, частью на основаніи другихъ данныхъ[33]).

Это обстоятельство недостаточно принимается въ расчетъ, и отсюда вытекаютъ многія ошибочныя представленія объ индигитаментахъ: ихъ заклинанія обращаются далеко не къ однимъ di certi — какъ въ смыслѣ Варрона, такъ и въ смыслѣ Узенера. Въ нихъ призывались и di selecti, какъ напр. Сатурнъ, Юпитеръ, Янусъ, Tellus, Церера, а можетъ быть даже и di incerti, di minuti, obsurissimi, — всевозможныя мѣстныя римскія божества, сообразно требованіямъ культа, а не какой-либо богословской системы.

Итакъ, di certi и di indigites безусловно не покрываютъ другъ друга. Въ чемъ же состоитъ особенность боговъ индигитаментъ? По мнѣнію Peter'a, характерное свойство индигитаціи состоитъ въ „созданіи“ божества, которое вовсе не существуетъ внѣ даннаго заклинанія (168, 58): неопредѣленное божество на минуту получаетъ опредѣленный образъ[34]). Многіе боги индигитаментъ дѣйствительно носятъ такой характеръ. Но во-первыхъ, „индигитируются“ многіе боги, пользующіеся публичнымъ культомъ, — di selecti и di certi (опредѣляемые какъ ab initio certi). Во-вторыхъ, самые di indigites существовали далеко не въ однихъ требникахъ и пользовались культомъ, какъ боги помѣстные (dei locorum), лѣсные, полевые (di agrestes)[35]) или рѣчные боги. Таковъ напр. богъ рѣки Нумицій — Aeneas indiges (изъ divus pater indiges, обратившійся въ Iupiter indiges); такова нимфа Эгерія[36]); таковъ Aius Locutius —

---

[32]) На это обращаетъ вниманіе уже Августинъ, ib. VII, 2.

[33]) Ср. Peter у Рошера, стр. 169.

[34]) Peter въ Roscher's Lex. 168, 5; ср. Reifferscheid (ib. 132, 39 indigito) = ich mache, schaffe einen Indiges.

[35]) O dii agrestes и dii locorum ср. Peter 145/6 и passim. Изъ лѣсныхъ боговъ назову Nemestrinus'a (ib. 207); ср. 188—190.

[36]) Ср. Preller-Iordan II, 209 и 124; также Wissowa у Рошера I, 1216. Какъ мнѣ кажется и другія рѣчныя божества могли относиться къ indigites, напр. нимфа Iuturna (Pr. II, 188; ср. Wissowa у Rosch. Lex. 762), чтимая вмѣстѣ съ Карментами (Pr.

демонъ, голосъ котораго возвѣстилъ нашествіе галловъ незадолго до ихъ приближенія[37]). Въ-третьихъ, слѣдуетъ замѣтить, что эпитеты большинства римскихъ божествъ, чрезвычайно прозрачные и опредѣленные по своему понятію, вполнѣ однородны съ формулами индигитаментъ (напр. Iupiter Adventus, defensor, pluvialis, frugifer, lucetius и т. д.); мало того, нерѣдко самыя имена индигитаментъ выступаютъ въ качествѣ эпитетовъ боговъ, напр. Iupiter Ruminus, Iuno Fluvonia, Iuno Lucina, Mena, Ossipago, Ro(u)mina, Juga, Cinxia, Domiduca и т. д.

По мнѣнію Узенера, чуть ли не всѣ божественные эпитеты происходятъ отъ первоначальныхъ „спеціальныхъ" боговъ — di certi (въ его смыслѣ), названія и функціи которыхъ узурпируются „личными" богами по мѣрѣ ихъ развитія. Мы думаемъ наоборотъ, что въ началѣ субъектъ, которому приписывались тѣ или другія божественныя функціи, таинственный numen, стоящій за ними, далеко не исчерпывался ими, оставаясь неопредѣленнымъ. Культъ Юноны-Луцины, напримѣръ, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ римскихъ или италійскихъ культовъ, точно такъ же какъ культъ Iup. Ruminus'а, рядомъ съ которымъ помѣщалась Diva (mater) Rumina — два пастушескія божества, повидимому болѣе древнія, чѣмъ самый Римъ. Какъ мы знаемъ уже, Юпитеръ означалъ то же, что̀ divus pater, а Iuno — diva mater, откуда цѣлый рядъ отечественныхъ divi patres и matres могъ легко образовать изъ себя столькихъ помѣстныхъ Юпитеровъ и Юнонъ. Ибо если Юнона прямо служила нарицательнымъ именемъ для женскаго генія, то, повидимому, divus pater или Юпитеръ могъ служить такимъ же нарицательнымъ для мужского генія (другой примѣръ d. p. indiges — или I. indiges). Такимъ образомъ за формулами индигитаментъ стояли различные мѣстные геніи. Индигитаменты заключали въ себѣ не списки какихъ-либо особыхъ спеціальныхъ боговъ, а особыя заклинательныя формулы[38]), какъ для извѣстныхъ, такъ и для невѣдомыхъ боговъ, для именитыхъ боговъ римскаго культа и для безыменныхъ indigites, имена которыхъ либо вовсе были неизвѣстны, либо составляли государственную тайну, хранимую понтификами, — dii quorum nomina vulgari non licet.

I, 405) и цѣлый рядъ божественныхъ именъ, связанныхъ съ Тибромъ; ср. Peter 156, 52. Объ Aeneas indiges см. Peter. 133 и Roscher II, 645.

[37]) Cic. *de div.* 1, 45, 101; Liv. V, 32, 6; 52, 11; Plut. *Camill.* 14, 30 и *de fort. rom.* 5. Послѣ погрома ему поставили жертвенникъ на via nova близъ храма Весты. Въ мѣстности, гдѣ, по предположенію, пролегала via nova, былъ найденъ жертвенникъ, посвященный sei deo sei deivae, какъ думаютъ, въ честь Айя Локуція. Плутархъ удачно переводитъ названіе этого numen'а — *φήμη καὶ κλήδων*. Ср. съ этимъ демономъ Rediculus Tutanus у Peter'а 218. Ср. также sacellum Naeniae deae *Marquardt* III, 15, 6.

[38]) Напр. см. Макробія I, 12, 21 о Маѣ: Auctor est Cornelius Labeo, — hanc eandem Bonam (deam) Faunamque et Opem et Fatuam pontificum libris indigitari; или тамъ же

Первоначально ни di selecti, ни мѣстные демоны не могли имѣть столь опредѣленный характеръ и столь спеціализированныя функціи, какъ тѣ, которыя они получаютъ въ заклинаніяхъ понтифексовъ, или въ сочиненіяхъ древнихъ и новыхъ археологовъ. Это не мѣшало имъ вмѣшиваться ежеминутно въ жизнь человѣка, который чувствовалъ себя всецѣло въ ихъ власти. Вступая въ общеніе съ этимъ таинственнымъ міромъ духовъ, онъ самъ не зналъ въ сущности природу тѣхъ силъ, къ которымъ онъ обращался, не зналъ ихъ имени, ихъ пола, ихъ званія. А между тѣмъ при заклинаніи важно призвать именно тѣхъ боговъ, свойства и дѣятельность которыхъ имѣютъ прямое отношеніе къ каждому данному случаю, къ тѣмъ или другимъ дѣятельностямъ или событіямъ въ жизни человѣка. И римлянинъ въ ритуалѣ своихъ спеціальныхъ молитвословій находилъ для этого весьма удобное средство: не опредѣляя въ точности лица, къ которому онъ обращался, иногда даже не называя боговъ по имени, онъ просто призывалъ боговъ въ качествѣ мѣстныхъ, туземныхъ покровителей, имѣющихъ отношеніе къ его дѣлу. Кто были Ilithya, Lucina — Діана или Юнона, кто были Ossipago, Ruminus и Rumina, Aius Locutius — богъ ли, богиня ли, sive mas sive femina, — совершенно безразлично. Относятся ли такія имена къ одному, къ многимъ или безчисленнымъ божествамъ, къ di selecti, къ мѣстнымъ геніямъ или духамъ, — безразлично опять. Важно только, чтобы въ молитвѣ было призвано именно то божество, которое нужно, и такъ, какъ нужно. Самъ по себѣ міръ духовъ совершенно неизвѣстенъ человѣку, чуждъ ему, какъ тайна, и вѣра его дробится между многими богами, которыхъ онъ боится оскорбить и прогнѣвать. Поэтому безопаснѣе всего, кромѣ извѣстныхъ боговъ, умилостивить и другихъ, могущихъ помочь или повредить человѣку, чтобы не обойти никого. Не мѣшало иногда польстить неизвѣстному божеству, повысивъ его въ рангѣ, давъ ему титулъ божественнаго отца или матери или титулъ другого бога съ нѣкоторой неопредѣленной оговоркой (sive quo alio nomine te appellari volueris[39]). Самыхъ высшихъ, именитыхъ боговъ было безопаснѣе призы-

17, 5: **virgines Vestales ita indigitant: Apollo Medice, Apollo Paean** (см. **Preller**, I, 135). См. другіе примѣры у **Marquardt**, Röm. Staatsverw. III, 18. **Zuerst nämlich ist das indigitiren seinem Begriffe nach eine Art des Gebetes, in welcher man einen oder mehrere Götter nicht in Allgemeinen sondern mit Bezeichnung derjenigen Eigenschaften anrief, von welchen man Hülfe erwartete.**

[39]) Ср. напр. обращеніе Горація къ Діанѣ въ *carmen saec.*, v. 13 **Ilithya... sive tu Lucina probas vocari, seu Genitalis.** По свидѣтельству Сервія (*ad Verg. Aen.* II, 351) **in Capitolio fuit clipeus consecratus cui inscriptum erat: Genio urbis Romae sive mas sive foemina, et pontifices ita precabantur: Iuppiter Optime Maxime sive quo alio nomine te apellari volueris.** У грековъ не мало аналогичныхъ примѣровъ (напр. *Ζεύς ὅς τις ποτ' ἐστίν* у Aesch. *Agam.* 160). Извѣстны другія формулы — **quisquis es — sive alio nomine fas est nominare, quem ego me sentio dicere — seive ea alio nomine**

вать неопредѣленнымъ титуломъ или эпитетомъ чѣмъ по имени, неправильное употребленіе котораго могло оскорбить боговъ и навлечь бѣду. Поэтому римлянинъ со всею юридической точностью развиваетъ въ своихъ заклинаніяхъ рядъ новыхъ божественныхъ эпитетовъ на всѣ случаи жизни, въ твердой увѣренности, что на эти эпитеты откликнутся именно тѣ тайныя силы (numina или potestates), помощь которыхъ требуется[40]).

Такимъ образомъ indigitamenta характеризуютъ собою не столько римскихъ боговъ, сколько римскій ритуалъ и римскую религіозность. Божественный міръ представлялся прежде всего тайной, а не совокупностью „прозрачныхъ, ясно очерченныхъ и формулированныхъ понятій“. При всей опредѣленности ритуала и заклинательныхъ формулъ, римскіе боги являлись не болѣе, а скорѣе менѣе опредѣленными или извѣстными, чѣмъ напр. въ греческой религіи.

Впрочемъ, и въ Греціи мы находимъ множество явленій, аналогичныхъ только что разсмотрѣннымъ и указывающихъ на общую черту древней религіозности — на вѣру въ множество тайныхъ, невѣдомыхъ силъ, съ которыми человѣкъ стремится вступить въ общеніе путемъ особаго рода ритуальныхъ формъ, подобныхъ римской индигитаціи. Едва ли не главная заслуга работы Узенера состоитъ въ открытіи **множества неопредѣленныхъ божествъ подъ опредѣленными наименованіями** — въ греческой религіи. Таковъ напр. богъ-врачъ или герой-врачъ (der göttliche Arzt 147—172): „врачъ“, „цѣлитель“, „отвратитель золъ“, „спаситель“ „очиститель“ *(Παιάν)* и т. д. служатъ, съ одной стороны, эпитетами многихъ извѣстныхъ божествъ (напр. Аполлона или Посейдона); съ другой стороны, эти же нарицанія служатъ обозначеніями самостоятельныхъ „невѣдомыхъ боговъ“, которымъ воздвигались спеціальные жертвенники и святилища. То же слѣдуетъ сказать и объ именованіяхъ различныхъ „боговъ-хранителей“ (Stadterhaltende Götter 172—177), которыя также употребляются, то какъ имена невѣдомыхъ боговъ, то какъ эпитеты боговъ извѣстныхъ. Мы не можемъ останавливаться на детальномъ разборѣ примѣровъ Узенера, которые съ новой стороны освѣщаютъ намъ темный хаосъ невѣдомыхъ боговъ греческаго политеизма. Особенно интереснымъ показалось намъ изслѣдованіе „человѣческихъ именъ собственныхъ“ (349—64), за которыми несомнѣнно стоятъ „особыя“ наимено-

---

est (формула девоціи см. статью inferi Steuding'а у Рошера 255 и Preller-Iordan I, 62). Геллій даетъ правильное объясненіе формулы s. deo s. deae, употреблявшейся ex decreto pontificum *(Noct. Att.* II, 28): veteres romani... dei nomen ita uti solet... statuere et edicere quiescebant, ne alium pro alio nominando falsa religione populum alligarent. Этой же цѣли отвѣчали такія формулы, какъ обращенія къ геніямъ — какихъ-либо боговъ (genio Iovis, Martis и т. д.).

[40]) Послѣ призванія спеціальныхъ божествъ ad eam rem de qua agebatur призывались generaliter или confuse всѣ прочіе боги — dique deaeque omnes ср. Preller I, 63.

ванія боговъ, чтимыхъ въ родовыхъ культахъ. Напрасно только Узенеръ не принимаетъ при этомъ въ расчетъ слѣды первобытнаго тотемизма (напр. въ нѣкоторыхъ аттическихъ генеалогіяхъ).

Узенеръ посвящаетъ также особое изслѣдованіе „мгновеннымъ богамъ“ (Augenblicksgötter 279—301) грековъ, римлянъ и другихъ народовъ. Сюда относятся отдѣльные боги индигитаментъ, отдѣльные предметы, пользующіеся временной святостью (напр. первый и послѣдній снопъ), олицетворенія мгновенныхъ или вообще преходящихъ явленій (молньи, времена года, мѣсяцы, иногда даже солнца и луны во множ. числѣ). Таковы также геніи и демоническія силы, которыя проявляются въ отдѣльныя мгновенія человѣческой жизни внутри его духа, — олицетворенія его страстей и судебъ — эроты, купидоны, Венеры (Catullus 3, 1 lugete o Veneres Cupidinesque), побѣды *(νίκαι)* и т. д.

Оставляя тѣ случаи, гдѣ мы имѣемъ простыя олицетворенія, мы находимъ въ этихъ фактахъ полное подтвержденіе нашего взгляда: случайны не боги, а ихъ названія; мгновенны не демоническія существа, а ихъ проявленія, ихъ встрѣчи съ человѣкомъ. Существо боговъ ему невѣдомо, имена большею частью неизвѣстны; узнать собственное имя бога — значитъ вступить съ нимъ въ интимную связь, быть посвященнымъ въ его тайну. Достаточно поэтому на худой конецъ найти хотя бы такое названіе, на которое надлежащій богъ могъ бы откликнуться. Этого-то Узенеръ и не сознаетъ въ достаточной степени: если въ индигитаціи мы находимъ одинъ изъ характерныхъ и общераспространенныхъ теургическихъ пріемовъ заклинанія посредствомъ спеціальнаго наименованія, то такое именованіе не всегда указываетъ на опредѣленную функцію: оно можетъ заключать въ себѣ эвфемизмъ или почетный титулъ, возводя мѣстнаго генія въ санъ верховнаго божества; оно можетъ обозначать бога, какъ владыку данной мѣстности — словомъ, оно можетъ измѣняться сообразно требованіямъ религіознаго этикета[41]). Религія древнихъ семитовъ могла бы служить отрицательной инстанціей противъ теоріи Узенера, поскольку ихъ Ва'алы обыкновенно не спеціализируютъ

---

[41]) Мы уже указывали на множество мѣстныхъ боговъ у грековъ и римлянъ, получающихъ верховный титулъ „небеснаго отца“. У семитовъ обычнымъ титуломъ боговъ является терминъ *баал*, обозначающій „владыку“ или „обладателя“ данной мѣстности (напр. Ba'al-Pe'or, Ba'al-Me'on, Ba'al-Hermon, Ba'al Тира, Сидона и т. п.) или данной силы, царства природы (Ba'al schamem — владыка небесъ, Ba'alzebûb — владыка мухъ, „князь власти воздушной“ и т. д.). Другимъ титуломъ являются *Адон*, *Мелек* (царь): особаго бога Молоха не существовало вовсе, какъ не было и особаго Ваала, за исключеніемъ Вавилоніи, гдѣ онъ обратился въ „Господа“ — Беля (ср. впрочемъ бел-Мардук). — Въ египетской религіи подъ конецъ чуть ли не всѣ боги получаютъ значеніе верховнаго солнечнаго бога. — Магическія заклинанія, близкія къ индигитаментамъ, можно найти у Lenormant, la Magie chez Les Chaldéens Paris 1874 и Sayce (Hibbert Lectures 1887 о религіи древнихъ вавилонянъ, стран. 304—5, 319 сл. и 441 сл.).

свои функціи и названія, — подобно греческимъ и римскимъ богамъ. На самомъ дѣлѣ однако и здѣсь и тамъ мы находимъ тотъ же первобытный полидемонизмъ, тѣхъ же мѣстныхъ боговъ съ множествомъ функцій — иногда подъ общими титулами, иногда подъ довольно спеціальными названіями[42]).

Въ противоположность изслѣдователямъ, которые видятъ въ большинствѣ греческихъ боговъ лишь обособившіеся эпитеты немногихъ исконныхъ божествъ, или даже единаго Божества, Узенеръ основательно указываетъ на самостоятельное значеніе тѣхъ нарицательныхъ именъ, которыя лишь впослѣдствіи становятся простыми эпитетами. По его мнѣнію, большинство такихъ эпитетовъ, обозначающихъ ту или другую функцію или свойство, относились первоначально къ особымъ богамъ, служили ихъ именами. Мы сказали бы, что они относились къ неопредѣленному множеству демоновъ: deinde nominum non magnus numerus, ne in pontificiis quidem nostris, deorum autem innumerabilis (Cic. *de nat. deor*. I, 30, 84). По мнѣнію Узенера, лишь тогда, когда образовались „личные“ боги съ „именами собственными“, прежніе помѣстные демоны стушевались, уступивъ имъ свои имена и функціи. Они не вымерли совсѣмъ, не вывѣтрились въ простые эпитеты новыхъ боговъ, но обратились въ ихъ свиту, въ ихъ дѣтей или домочадцевъ, ихъ побѣжденныхъ соперниковъ. Они зажили деревенской жизнью въ качествѣ мелкопомѣстныхъ божковъ, или же образовали изъ себя полубоговъ-героевъ, въ которыхъ Узенеръ видитъ не реальныхъ, а вымышленныхъ предковъ, не усопшихъ людей, а старыхъ „спеціальныхъ“ боговъ (ehemalige Sondergötter), продолжающихъ пользоваться божескими почестями въ различныхъ помѣстныхъ культахъ (242 — 273).

Напрасно только Узенеръ игнорируетъ хтоническую сторону культа героевъ. Изъ того, что теорія Спенсера „внесла путаницу въ головы спеціалистовъ“ (стр. 254), объясняя всю религію изъ культа мертвыхъ, еще не вытекаетъ, чтобы слѣдовало игнорировать такой культъ тамъ, гдѣ мы его въ дѣйствительности находимъ. Субъектомъ той или другой функціи, а слѣд. и носителемъ соотвѣтственнаго имени могъ быть неопредѣленный духъ вообще — не только богъ, но и покойникъ. И по мѣрѣ

---

42) О семитахъ ср. Robertson Smith (l. c. II и III 82—3): богъ прежде всего чародѣй, а потому — it is quite a mistake to suppose that a god to whom men prayed for rain was necessarily a god of clouds, while another deity was the god of flocks and the proper recipient of prayers for increase of the sheepfold... I early heathenism the realy vital question is not what a god has power to do, but whether I can get him to do it for me. — Примѣромъ бога съ весьма спеціальнымъ названіемъ и множествомъ функцій можетъ служить римскій Ianus — богъ вратъ — iani и ianuae. Какова бы ни была этимологія имени бога и нарицательнаго ianus — несомнѣнно, и то и другое тѣсно связаны между собою; ср. Roscher II, 1, 29, 20. Янусъ призывается иногда подъ именами Patulcius Clusius (ib. 32).

того, какъ развивался въ Греціи культъ героевъ, они могли узурпировать функціи, а слѣд. и эпитеты не только мелкихъ, но и крупныхъ боговъ, что въ дѣйствительности и случилось и въ религіи, и въ миѳологіи. Среди греческихъ героевъ мы находимъ и несомнѣнныхъ людей, и несомнѣнныхъ боговъ, и миѳологическіе образы сомнительнаго происхожденія: но, по особенностямъ своего культа и по своему представленію, всѣ они — живые, божественные мертвецы. Здѣсь опять-таки мы убѣждаемся въ той повидимому простой истинѣ, что по имени божества, какъ бы точно ни означало оно ту или другую функцію, еще нельзя составить себѣ понятія или представленія о его существѣ.

V.

Чтобы уяснить себѣ окончательно теорію Узенера объ образованіи религіозныхъ понятій, мы должны разсмотрѣть, что̀ собственно разумѣетъ онъ подъ „личными богами", и какъ мыслитъ онъ ихъ происхожденіе и развитіе. Личные боги суть индивидуальныя существа, обладающія собственными именами и множествомъ функцій. И Узенеръ противополагаетъ ихъ „спеціальнымъ богамъ", имѣющимъ лишь нарицательныя имена и опредѣляющихся какою-либо одною функціей.

„Условіе для возникновенія личныхъ боговъ есть процессъ въ исторіи языка — ein sprachgeschichtlicher Vorgang. По мѣрѣ того какъ наименованіе какого-либо значительнаго спеціальнаго бога теряетъ свою связь съ живою сокровищницей языка или дѣлается непонятнымъ — вслѣдствіе звукового измѣненія или вымиранія соотвѣтственнаго корня, это наименованіе превращается въ собственное (изъ нарицательнаго). И лишь тогда, когда оно закрѣплено въ имени собственномъ, понятіе божества получаетъ способность и стремленіе къ полученію личныхъ чертъ въ миѳѣ и культѣ, въ поэзіи и въ искусствѣ. Но поскольку связанное въ собственномъ имени понятіе имѣетъ свою особую жизнь, постоянно навязываясь человѣку, оно невольно обновляется; такъ возникаютъ новые спеціальные боги, которые призваны замѣнить собою наименованія, обратившіяся въ собственныя имена" (316). Такъ, Аполлонъ (котораго Узенеръ производитъ отъ *ἀπέλλων*, *ἄπ(π)ελος*, *ἀπο-πελjος*; ср. лат. pellere) — богъ отгонитель, отвратитель, дѣлается собственнымъ именемъ одного бога; но понятіе божественной функціи обновляется въ нарицательныхъ наименованіяхъ *Ἀλεξίκακος*, *Ἀποτρόπαιος* (въ нѣкоторыхъ случаяхъ — эпитеты Аполлона или иныхъ „личныхъ" боговъ, въ другихъ — наименованія особыхъ „спеціальныхъ" или функціонныхъ божествъ (стр. 312).

Съ этой точки зрѣнія образованіе собственныхъ именъ обусловливается, повидимому, простымъ забвеніемъ ихъ первоначальнаго смысла. Но Узенеръ неожиданно замѣчаетъ, что обособленіе личныхъ божествъ

изъ среды множества неопредѣленныхъ Sondergötter указываетъ положительный духовный прогрессъ отъ частныхъ представленій къ высшимъ и болѣе широкимъ понятіямъ (316—17): „какъ только какой-либо богъ дѣлается личнымъ черезъ посредство имени собственнаго (sic), онъ привлекаетъ сродныя частныя понятія спеціальныхъ боговъ въ сферу своей мощи. Эти боги стираются и вымираютъ, если они не имѣютъ особаго значенія. Если они поважнѣе, то они продолжаютъ жить, въ эпитетахъ личныхъ божествъ, или же они вступаютъ въ свиту послѣднихъ, какъ подчиненныя существа". Такой процессъ образованія личныхъ боговъ ведетъ къ объединенію религіозныхъ представленій, и ему соотвѣтствуетъ процессъ абстракціи, постепеннаго обобщенія понятій.

Это верхъ чисто номиналистическаго объясненія сложнаго процесса религіозной исторіи, — объясненіе, которое представляется намъ ошибочнымъ отъ начала до конца. Прежде всего, если даже видѣть въ образованіи „личныхъ боговъ" (въ отличіе отъ демоновъ) — простое явленіе языка, то нельзя давать ему того истолкованія, которое предлагаетъ Узенеръ. Въ самомъ дѣлѣ, если собственное имя образуется изъ нарицательнаго лишь тогда, когда оно теряетъ свой смыслъ, когда оно перестаетъ быть прозрачнымъ или понятнымъ, то какимъ образомъ можетъ оно служить какому-либо обобщенію „сродныхъ понятій"? Съ другой стороны, если оно служитъ объединенію цѣлой группы религіозныхъ представленій и понятій, которыя заключаются въ немъ, какъ частное въ общемъ, то какимъ образомъ можетъ оно служить въ качествѣ имени собственнаго? На самомъ дѣлѣ, разсматривая эпитеты какого-либо божества, — напр. того же Аполлона, — мы находимъ ихъ, во-первыхъ, весьма разнородными и, во-вторыхъ, мы находимъ, что многіе изъ этихъ эпитетовъ общи ему съ другими, извѣстными и „невѣдомыми" богами (напр. вышеприведенные *ἰατρός, ἀλεξίκακος, ἀποτρόπαιος*). Этого мало: мы несомнѣнно знаемъ, что имя Аполлона (точно такъ же, какъ и имя его сестры Артемиды или его отца — Зевса) прилагалось къ различнымъ богамъ; стало-быть не имя обусловливало собою объединеніе религіозныхъ представленій. И если даже исключительное присвоеніе какого-либо имени одному опредѣленному богу свидѣтельствуетъ о совершившемся объединеніи представленій, то объясненіе такого явленія слѣдуетъ искать не въ исторіи языка, а въ исторіи культа даннаго бога, въ нашемъ случаѣ напр. — въ исторіи культа Аполлона дельфійскаго.

Если мы знаемъ въ древней исторіи „личнаго Бога", имѣвшаго собственное имя, Ему одному принадлежавшее, такъ это былъ Ягве — Богъ Израиля. Самыя нарицательныя, обозначавшія Его, употреблялись изъ сугубаго благоговѣнія передъ этимъ святымъ, неизрекаемымъ именемъ. И тѣмъ не менѣе, одного имени оказалось недостаточно для того, чтобы культъ Ягве не выродился въ культъ помѣстныхъ баалим'овъ. Потре-

бовалась реформа и объединеніе культа, насильственное разрушеніе всѣхъ помѣстныхъ святилищъ и сосредоточіе всего богослуженія въ одномъ національномъ святилищѣ: одинъ храмъ — одинъ Богъ.

Узенеръ не утверждаетъ, правда, чтобы развитіе „личныхъ" боговъ заключалось въ одномъ созданіи собственныхъ именъ; по его мнѣнію, оно лишь начинается съ образованія собственныхъ именъ (стр. 330). Но развѣ не служатъ той же цѣли видимые опредѣленные предметы культа, культъ идоловъ, культъ предковъ, организація культа вообще? Возвратимся однако къ языку и спросимъ себя, гдѣ слѣдуетъ искать границы между именами собственными и нарицательными? На первобытной ступени умственнаго развитія, гдѣ нѣтъ отвлеченныхъ понятій, не можетъ быть и строгаго формальнаго разграниченія между такими именами. Узенеръ свысока упоминаетъ о теоріи тотемизма: позволительно спросить однако, есть ли священное имя тотема собственное или нарицательное? Не представляетъ ли оно собою крайне типическое соединеніе того и другого, характерное для той ступени родового быта, на какой оно встрѣчается? Но и на болѣе поздней ступени развѣ не служатъ нарицательныя или прилагательныя въ качествѣ именъ собственныхъ и наоборотъ — имена, принимаемыя за собственныя — въ качествѣ нарицательныхъ? Не таковы ли Юноны, Юпитеры, Зевсы, Артемиды и т. д.? Поэтому-то собственныя имена такъ часто замѣняются сложными сочетаніями нѣсколькихъ именъ[43]).

Характеръ собственнаго имени первоначально дается какому либо названію или словесному знаку не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ формальныхъ особенностей, отличающихъ его отъ нарицательныхъ именъ, а въ силу его спеціальнаго логическаго отношенія къ обозначаемому субъекту: оно выражаетъ собою не качество, не дѣйствіе, а какъ бы самое его существо (*ὅ τι οὐκ ἐνδέχεται ἔν τινι εἶναι ἢ κατά τινος λέγεσθαι*). Отсюда магическая сила такого „великаго" имени и тайна, которою оно окружено. Индивидуальность божественнаго существа очевидно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, независимо отъ того, знаю ли я его имя или нѣтъ, или просто умалчиваю его. Обращаясь какъ бы ощупью къ невѣдомому богу-хранителю, врачу, очистителю, человѣкъ представляетъ себѣ такую же духовную личность, какъ и тамъ, гдѣ онъ призываетъ Аполлона или Эскулапа: разница въ обоихъ представленіяхъ состоитъ лишь въ степени опредѣленности, которая достигается вполнѣ развѣ только въ поэзіи или пластикѣ. Слѣдовало выяснить прежде всего, какъ представлялась личность боговъ и демоновъ первобытнымъ сознаніемъ.

---

[43]) Аполлонъ, Артемида, Зевсъ и т. д. были собственными именами въ эпосѣ, въ литературѣ; въ дѣйствительномъ культѣ, обыкновенно божества обозначались болѣе опредѣленными и сложными формулами.

А этого то Узенеръ и не попытался сдѣлать. Терминъ „личный богъ“ заключаетъ въ себѣ плеоназмъ и неточность, поскольку онъ заставляетъ насъ предполагать безличныхъ боговъ и безличныя функціи. Въ чемъ же состоитъ главная особенность собственныхъ именъ въ религіи и каково ихъ происхожденіе? Не думаю, чтобы этотъ вопросъ можно было рѣшить при помощи одной лингвистики. Боги существуютъ въ культѣ, а не въ словаряхъ. Поэтому нужно прежде всего разсмотрѣть, какое религіозное значеніе приписывалось собственному имени въ культѣ древнихъ и первобытныхъ народовъ, какими церемоніями сопровождался и доселѣ сопровождается обрядъ, въ которомъ дается имя человѣку: въ нихъ выражается идея посвященія, пріобщенія къ первому божественному носителю этого имени — видимому или невидимому божеству. Имя есть посредствующее, магическое звено между человѣкомъ и міромъ духовъ.

Собственное имя бога выражаетъ опредѣленную, извѣстную намъ личность, съ которой существуютъ опредѣленныя религіозныя отношенія, религіозный союзъ: богъ, имѣющій такое имя, есть богъ такого союза, богъ даннаго организованнаго культа. И какъ организованное общество есть условіе развитія личности, такъ организованный соціальный культъ есть условіе развитія боговъ, ихъ дифференціаціи изъ темнаго хаоса демоновъ. Знать подлинное „святое имя“ бога, съ которымъ магически связана самая субстанція его, есть живая потребность религіознаго сознанія. Боги сообщаютъ свои тайныя имена жрецамъ и пророкамъ, и тѣ посвящаютъ лишь нѣкоторыхъ избранныхъ въ тайну боговъ, ревниво охраняя ее отъ враговъ государства, чтобы сохранить исключительную связь съ своими богами. Такъ, мы знаемъ, что многія греческія божества имѣли тайныя имена, которыя сообщались только посвященнымъ въ ихъ таинства: въ этомъ состоялъ „секретъ“ мистерій[44]). Имя собственное есть тайное имя бога — иногда какъ бы ѵпостась его существа: „не пріемли имени Господа твоего всуе“ было общею религіозною заповѣдью древнихъ. Богъ, имѣющій собственное имя, имѣетъ и собственный культъ: онъ — союзникъ человѣка въ мірѣ духовъ, его отецъ, глава его рода, князь его племени, владыка его земли.

Образованіе именъ собственныхъ есть несомнѣнно процессъ въ исторіи языка. Но это процессъ настолько сложный, что онъ едва ли можетъ быть сведенъ къ одному лингвистическому закону.

По мнѣнію Узенера, божественныя имена собственныя образуются

---

[44]) Такъ, Аѳинагоръ (*libellus pro christ.* ed. Schwartz, 1891) сообщаетъ намъ „тайное“ имя Аѳины — *Ἀθηλᾶ* (19, 9 и 22, 21). То же самое наблюдается повсемѣстно. Ср. Lobeck Aglaophamus I p. 278 и Serv. *ad Aen.* 2, 351: et iure Pontificum cautum est ne suis nominibus dii Romani appelarentur *ne exaugurari possint*. Ср. Oldenberg, die Religion d. Veda, 480, 515, 578 или Sayce, Hibbert Lectures о религіи древнихъ вавилонянъ стр. 3 и 302—5 о магической силѣ тайныхъ именъ боговъ.

изъ обветшалыхъ корней или формъ именъ нарицательныхъ: но вѣдь измѣненіе и обновленіе формъ совершалось непрерывно, а извѣстныя намъ собственныя имена образуются, едва ли не всѣ, лишь послѣ раздѣленія индо-европейцевъ. Стало-быть, языкъ самъ по себѣ еще тутъ ни при чемъ: пока не различаются опредѣленныя божественныя личности, языкъ не чувствуетъ нужды создавать собственныя имена изъ своихъ обветшалыхъ отбросовъ. А когда является такая потребность — языкъ удовлетворяетъ ей самыми различными путями. Наиболѣе простой способъ дѣйствительно состоитъ въ фиксаціи, неподвижномъ закрѣпленіи какого-либо одного нарицательнаго за однимъ опредѣленнымъ существомъ. Такое нарицательное можетъ терять свою прозрачность съ теченіемъ времени, но можетъ и сохранять ее: нарицательное имя можетъ служить въ качествѣ собственнаго. Другой способъ состоитъ въ образованіи сложныхъ именъ, иногда даже въ сочетаніи именъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ на помощь языку является консерватизмъ культа и ритуала, закрѣпляющаго его формулы. Наконецъ, важнѣйшій матеріалъ для образованія именъ собственныхъ представляютъ собою имена, заимствованныя извнѣ, отъ покоренныхъ или сосѣднихъ племенъ, — факторъ, котораго Узенеръ, къ удивленію, вовсе не принимаетъ во вниманіе. Наши русскія собственныя имена лицъ напр. за рѣдкими исключеніями суть греческія, римскія или еврейскія; съ другой стороны, наши названія мѣстностей иногда суть финскаго происхожденія. У грековъ мы находимъ множество аналогичныхъ примѣровъ: помимо заимствованій, совершившихся въ историческій періодъ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что большая часть заимствованій въ религіозной области, какъ и во всякой другой, относится къ „пеласгическимъ“ временамъ. Не говоря о первоначальномъ населеніи Греціи, — сосѣднія племена фригійскія и ѳракійскія, семиты (а можетъ быть и египтяне) въ теченіе многихъ вѣковъ сообщали грекамъ религіозныя впечатлѣнія, образы, символы, формулы, имена своихъ боговъ[45]). То же находимъ мы и у латинянъ, испытавшихъ вліяніе грековъ и этрусковъ. Кто бы ни былъ Аполлонъ для грековъ, (этрусскій Apulu, Aplu, Aplun, ѳессалійскій Ἄπλουν) — онъ былъ несомнѣнно пришлецомъ для римлянъ, и самое имя его было для нихъ чуждо, если даже вѣрна его этимологія, предлагаемая Узенеромъ.

Мы не раздѣляемъ односторонней теоріи Группе, который склоненъ видѣть въ религіи и миѳологіи грековъ (какъ и прочихъ индо-европейцевъ) сплошное заимствованіе и приспособленіе „передне-азіатскихъ и египетскихъ религіозныхъ формъ“, совершившееся въ значительной своей

---

45) Изъ боговъ ѳракійскаго происхожденія стоитъ вспомнить Арея (ср. Sauer въ Realencykl. Pauly-Wissova) или Діониса (ср. главу о немъ въ Psyche Rhode и статью Voigt'a у Рошера). Матерь его Семела можетъ служить прекраснымъ примѣромъ судьбы божественныхъ именъ (фригійская *Ζεμελω* = земля, какъ показываетъ Kretschmer, Aus d. Anomia 1890, 17—29). О семитахъ см. O. Gruppe, Gr. Culte, §§ 20—22.

части въ доисторическія времена. Но мы думаемъ, что, откинувъ крайность, мы должны допустить въ самой значительной степени миграцію боговъ, миѳовъ и культовъ въ связи съ культурнымъ вліяніемъ Востока на Грецію. Въ религіи, какъ и вездѣ, историческій процессъ въ своемъ общемъ теченіи обусловливается взаимодѣйствіемъ и столкновеніемъ различныхъ племенъ и народовъ. Этимъ взаимодѣйствіемъ и столкновеніемъ обусловливается ростъ и развитіе націанальнаго и религіознаго самосознанія. Стоитъ вспомнить исторію еврейской религіи, религіи Ягве и его пророковъ въ ея столкновеніи съ другими религіями; тоже находимъ мы въ религіи Египта, сложившейся изъ мѣстныхъ государственныхъ культовъ съ примѣсью инородныхъ вліяній — азіатскихъ и африканскихъ; тоже самое — въ религіи ассиро-вавилонянъ, или наконецъ, въ религіи римлянъ. Какъ ни различны эти религіи, всѣ особенности ихъ развиваются и въ борьбѣ, и въ мирномъ взаимодѣйствіи со средою. Оставляя въ сторонѣ этрусскіе элементы въ римской религіи, мы не можемъ оцѣнить достаточно высоко значеніе греческаго вліянія на ея образованіе. Я не говорю уже о прямыхъ заимствованіяхъ, частью очень старинныхъ, о греческихъ богахъ, какъ Веста, Деметра-Церера, Аполлонъ или Эскулапъ, перенесенныхъ изъ Греціи въ Римъ: гораздо важнѣе преобразованіе, которое, начиная съ Юпитера капитолійскаго, испытали всѣ римскіе боги подъ вліяніемъ греческихъ боговъ, греческаго искусства и миѳологіи. Діана Авентинская стала Артемидой, сестрой Аполлона; Минерва отожествилась съ Аѳиной; древне-латинскій Геркулесъ — геній, супругъ Юноны, обратился въ Геракла[46]), Юнона — въ Геру, подругу Юпитера-Зевса и т. д. На ряду съ этимъ преобразованіемъ совершилось другое, не менѣе важное: текучія представленія фиксировались, получили большую опредѣленность, сложились въ схему подъ вліяніемъ греческихъ боговъ и той внутренней работы, которую они вызвали въ римскомъ культѣ. Эти два фактора — иноземныхъ культовъ и національнаго культа, усложняющагося, развивающагося подъ ихъ вліяніемъ, отчасти въ борьбѣ съ ними — опредѣляютъ собою судьбу древнихъ религій и развитіе индивидуальныхъ божественныхъ типовъ.

Языкъ отражаетъ собою этотъ сложный процессъ и притомъ не все-

[46]) Происхожденіе Геркулеса продолжаетъ быть спорнымъ (см. различные взгляды, приведенные въ статьѣ Петера у Рошера): одни видятъ въ немъ „національнѣйшаго" изъ италійскихъ боговъ, производя его отъ стариннаго hercĕre = ἕρκειν (ib. 2269), другіе видятъ въ немъ весьма древнее заимствованіе (какъ Iordan). Во всякомъ случаѣ древнѣйшій Геркулесъ въ культѣ и миѳахъ является со всѣми чертами національнаго генія; если допустить заимствованіе вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей, то вѣрнѣе всего признать рядъ послѣдовательныхъ заимствованій (какъ это было напр. съ культомъ Діониса въ Греціи): это не мѣшаетъ, однако, допустить существованіе какого-то стариннаго національнаго генія подъ именемъ и чертами латинизированнаго Геракла.

гда достаточно ясно и отчетливо[17]): въ раннія эпохи онъ слишкомъ текучъ, чтобы инородныя вліянія могли оставить въ немъ достаточно прочные слѣды; въ болѣе позднюю эпоху онъ слишкомъ отвердѣлъ для этого. Поэтому-то столь часто тѣ слѣды, которые мы думаемъ въ немъ видѣть, оказываются мнимыми. Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ уясняются въ связи съ извѣстнымъ намъ историческимъ процессомъ и въ свою очередь поясняютъ его.

Названія иноплеменныхъ боговъ для народа, не понимающаго ихъ нарицательнаго смысла, суть непремѣнно имена собственныя: они означаютъ опредѣленныхъ боговъ данной земли или племени, коего исключительную собственность они составляютъ. Столкновеніе съ богами другихъ народовъ, естественно закрѣпляя связь человѣка съ его собственными богами, даетъ въ то же время толчокъ къ образованію для нихъ новыхъ спеціальныхъ именъ, иногда изъ очень древнихъ формъ (напр. Церера, Меркурій или Венера). Съ другой стороны, неизбѣжны заимствованія: чужой богъ имѣетъ иногда болѣе опредѣленный образъ и, какъ все чужое, нерѣдко сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ собственный богъ. Самое имя такого бога вдвойнѣ таинственно — какъ непонятное, чужое и вмѣстѣ подлинно божественное; для новыхъ поклонниковъ оно уже обозначаетъ не свойство, не функцію, но самое существо божественнаго субъекта. Боги съ такими личными именами легко усвоиваютъ себѣ всевозможные эпитеты, предикаты, аттрибуты, достигая „полiонимiи". Но въ то же время новые поклонники на первыхъ же порахъ могутъ легко исказить ихъ имена подъ вліяніемъ капризныхъ, неуловимыхъ ассоціацій и аналогій рѣчи[18]). Въ этомъ — главное объясненіе варваризмовъ миѳологическихъ именъ; въ этомъ и камень преткновенія лингвистики въ миѳологіи. Ибо самыя остроумныя и корректныя этимологическія объясненія миѳологическихъ именъ могутъ быть совершенно невѣрными. Варварское слово или даже словосочетаніе могло путемъ не поддающихся наблюденію измѣненій обратиться въ имя, вполнѣ аналогичное органическимъ образованіямъ языка. Но если бы даже мы всегда имѣли возможность разгадать генезисъ каждаго имени, этого все-таки было бы еще недостаточно для того, чтобы судить о существѣ и происхожденіи боговъ и религіи.

Вопросъ объ отношеніи божественныхъ именъ къ божественному существу былъ капитальнымъ вопросомъ не только культа, но и религіозной мысли, какъ мы видимъ это въ теософіи гностиковъ и платониковъ, Филона и Каббалы. И какъ ни далека была эта теософія отъ

---

[17]) Церера, напр., есть богиня съ чисто италійскимъ названіемъ; а культъ ея въ Римѣ былъ несомнѣнно sacrum peregrinum греческаго происхожденія; ср. Cic. *pro Balbo* 24, 55, Iordan-Preller II, 38.

[18]) Такъ напр. если бы мы не знали происхожденія Сераписа, никакая этимологія не помогла бы намъ опредѣлить его.

первобытныхъ вѣрованій, она также выросла на религіозной почвѣ. Съ одной стороны, съ именемъ соединялись реалистическія представленія, ему приписывалась таинственная магическая сила, какъ въ древнихъ заклинаніяхъ; нерѣдко имена божества обособлялись въ особыя ипостаси, и умозрѣніе о нихъ дѣлалось предметомъ религіознаго гнозиса. Съ другой стороны, развивалось сознаніе, что божественное существо есть тайна, не выразимая никакимъ именемъ или понятіемъ. Имена суть только титулы или обозначенія функцій. И такое представленіе тоже не было абсолютно новымъ. Какъ ни опредѣленны божественные типы въ пластикѣ и поэзіи, стоитъ вглядѣться въ пестроту мѣстныхъ культовъ и миѳовъ, въ богослужебный ритуалъ грековъ и римлянъ, чтобы подъ свѣтлыми и прозрачными формами ихъ боговъ разглядѣть цѣлый хаосъ „боговъ, демоновъ и душъ", населявшихъ природу. И если философія пыталась съ первыхъ шаговъ своихъ разглядѣть безыменное единство за этимъ множествомъ, то дѣйствительный культъ различалъ по именамъ и прозвищамъ отдѣльныхъ боговъ и демоновъ.

Разборъ книги Узенера имѣлъ для насъ главнымъ образомъ методологическій интересъ. Какъ намъ кажется, такой разборъ можетъ еще разъ убѣдить насъ въ невозможности чисто лингвистическаго объясненія генезиса и существа религіозныхъ понятій. Это не значитъ, разумѣется, чтобы лингвистика не служила необходимымъ средствомъ при изученіи древнихъ религій и для критической провѣрки различныхъ миѳологическихъ теорій. Въ религіи, какъ и вездѣ, языкъ отражаетъ понятія и представленія человѣка: онъ отражаетъ первобытный хаотическій полидемонизмъ, отражаетъ вліяніе культа, религіозной организаціи, международнаго взаимодѣйствія. Но чтобы понять эти отраженія, мы должны знать, къ чему они относятся, и не искать въ нихъ самобытныхъ продуктовъ „творческой способности языка": иначе мы рискуемъ понять религію на изнанку, извративъ дѣйствительный порядокъ вещей. Ошибки замѣчательной работы Узенера искупаются въ значительной степени богатствомъ содержанія и достоинствомъ детальныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ она составлена. Но эти ошибки показываютъ намъ, что не достаточно чуждаться философіи и стоять на почвѣ фактовъ, чтобы избѣжать совершенно превратнаго ихъ объясненія. Недостатокъ философіи еще не есть положительное достоинство. Ибо ни крупный талантъ, ни большая ученость не могутъ освѣтить намъ существа религіозной исторіи безъ философскаго пониманія ея смысла, которое одно можетъ указать изслѣдователю правильный методъ въ разработкѣ, оцѣнкѣ и группировкѣ фактовъ.

РИТМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДОХМІЯ.

Г. Ѳ. Шульца.

Изъ всѣхъ объясненій дохмія наибольшаго довѣрія заслуживаетъ то, по которому онъ есть сложная стопа, состоящая изъ ямба и кретика. Это объясненіе болѣе всего поддерживается тѣми отрывочными свѣдѣніями о дохміи, которыя дошли до насъ изъ древности. Что же касается ритмизаціи его, то до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, еще не установлена такая, которая могла бы считаться удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ законовъ ритмики. Лучше всего обосновано, на мой взглядъ, то распредѣленіе ритмическихъ ударѣній, которое принимаетъ Я. А. Денисовъ (Дохмій. 1892): ⏑ _́ ¦ _‴ ⏑ _″, ⏑ _́ | _‴ ⏑ _″. Эту схему дохмія я дѣлаю исходнымъ пунктомъ для настоящей замѣтки.

На стр. 56 „Дохмія“ Я. А. Денисовъ говоритъ, „что арзисъ дохмія состоитъ изъ трехъ *χρ. πρ.*, заключающихся въ двухъ первыхъ его слогахъ, тезисъ же — изъ пяти, заключающихся въ трехъ остальныхъ слогахъ его: (ἀ. | θ.) ⏑ _́ _‴ ⏑ _″“. Такимъ образомъ получается отношеніе тезиса къ арзису равное 5 : 3. Допуская возможность для древнихъ грековъ такого ритмическаго отношенія въ виду того, что въ произведеніяхъ позднѣйшихъ метриковъ устанавливается формула для отношенія тезиса къ арзису x + 1 + n : x, мы наталкиваемся въ схемѣ дохмія (ἀ. | θ.) ⏑ _́ | _‴ ⏑ _″. на два затрудненія: 1) два ударенія въ тезисѣ и 2) удареніе на второмъ слогѣ въ арзисѣ.

1) Аристоксенъ дѣлитъ всякую стопу на двѣ части: *θέσις* и *ἄρσις*, т.-е. принимаетъ для всякой стопы два ударенія: главное и второстепенное. Это дѣленіе основано на совершенно вѣрномъ наблюденіи, которое можно прослѣдить еще и теперь на нашихъ танцахъ.

Мы привыкли, правда, считать въ каждомъ тактѣ столько частей, на сколько дѣлитъ его обозначеніе въ началѣ музыкальной пьесы. Такъ, мы считаемъ въ тактѣ вальса 3, въ тактѣ мазурки и полонеза тоже 3 и т. д. и объясняемъ себѣ распредѣленіе удареній такъ, что первое изъ нихъ есть главное, а каждое изъ слѣдующихъ постепенно слабѣетъ

(‴ ″ ′). Но это совершенно ошибочно. Достаточно, слушая, напр., мазурку, обратить вниманіе на то, какъ мы, такъ сказать, инстинктивно отбиваемъ тактъ, или какъ отбиваетъ его музыкальный ребенокъ, чтобы замѣтить, что отбиваются не 3 четверти, а только первая и третья, т.-е. ″ — ′, такъ что подъ главнымъ удареніемъ стоятъ двѣ части, а подъ второстепеннымъ одна. Вторую часть такта можно по отношенію къ ударенію объяснять различно: такъ, что на ней вовсе нѣтъ ударенія, или такъ, что на нее распространяется вліяніе главнаго ударенія. Это безразлично. Важно то, что тактъ мазурки дѣлится на *θέσις* и *ἄρσις* въ отношеніи 2 : 1 и что *θέσις* имѣетъ главное удареніе, а *ἄρσις* второстепенное. Не думаю, чтобы по отношенію къ этой ритмизаціи мазурки мнѣ можно было сдѣлать какое-нибудь возраженіе: сами композиторы обозначаютъ третью часть такта знаками sf или >. Таково же распредѣленіе ритмическихъ удареній и въ полонезѣ.

Въ вальсѣ мы имѣемъ дѣленіе такта тоже на 3, но ритмъ его не соотвѣтствуетъ ритму мазурки. Самый простой видъ вальса есть такъ называемый Hopser, въ которомъ ударенія повидимому распредѣляются такъ же, какъ въ мазуркѣ, т.-е. ″ ‿ ′, такъ какъ танцующій стоитъ первыя двѣ части такта на одной ногѣ, а въ третьей части, подпрыгнувъ, опять становится на ту же ногу, т.-е. какъ бы отмѣчаетъ ударами ноги ритмическія ударенія такта. Во второмъ тактѣ то же самое продѣлываетъ другая нога и т. д. поочередно. Но какъ въ маршѣ сильное ритмическое удареніе обозначается одной ногою, а слабое другою, такъ и въ этомъ вальсѣ. Такимъ образомъ получается уже соединеніе двухъ тактовъ въ одну ритмическую единицу: ″ ‿ ‿ ′ ‿ ‿. Способъ исполненія этого танца, указанный выше, опредѣляетъ только родъ (*γένος*) составныхъ частей этой сложной ритмической единицы. Ритмъ этого вальса вполнѣ соотвѣтствуетъ греческой трохаической диподіи: ″ ᴗ ′ ᴗ, или по отношенію къ музыкѣ вѣрнѣе ямбической: ᴗ ¦ ″ ᴗ ′, ᴗ | ″ и т. д., при чемъ *θέσις* каждаго отдѣльнаго трохея поочередно получаетъ значеніе тезиса и арзиса диподіи, а *ἄρσις* трохея въ диподіи значенія ударенія уже не имѣетъ, а опредѣляетъ только *γένος ῥυθμοῦ*.

Другія формы вальса, нѣмецкій и вѣнскій вальсъ, подтверждаютъ это распредѣленіе тезиса и арзиса въ ритмѣ вальса и значеніе ихъ именно какъ носителей главнаго и второстепеннаго удареній. Въ обѣихъ этихъ формахъ постояннымъ моментомъ остается то, что такты начинаются поочередно правой и лѣвой ногою, какъ въ Hopser'ѣ, т.-е. диподическое дѣленіе сохраняется, но въ исполненіи каждаго такта участвуютъ обѣ ноги, при чемъ въ нѣмецкомъ вальсѣ въ одномъ тактѣ на первую часть приходится шагъ правой ноги, на вторую — шагъ лѣвой, а въ третьей правая нога притягивается къ лѣвой, въ слѣдующемъ же тактѣ очередь ногъ мѣняется. Если принять шагъ за ударяемую часть

стопы, то графически можно обозначить каждый тактъ этого вальса такимъ образомъ: ◡́ ◡́ ◡ ◡. Понятно, что эти ударенія представляютъ не что иное, какъ разложеніе главнаго ударенія трохея, при чемъ въ самомъ па заключается указаніе на отсутствіе ударенія на третьей морѣ трохея.

Въ вѣнскомъ вальсѣ по шагамъ ударенія распредѣляются такъ: ◡́ ◡́ ◡ | ◡́ ◡ ◡ ◡. Именно, въ одномъ тактѣ на первую часть приходится шагъ правой ноги, на вторую — шагъ лѣвой, въ третьей — правая притягивается; въ слѣдующемъ тактѣ: на первую часть — шагъ лѣвой ноги, а во время второй и третьей части правая притягивается. Диподическое дѣленіе здѣсь очевидно, и не менѣе очевидно то, что только ударенія въ началѣ каждаго такта имѣютъ значеніе удареній и обозначаютъ поочередно *θέσις* и *ἄρσις* сложной стопы.

Что касается музыки вальса, то въ ней *γένος ἴσον* диподіи и *γένος διπλάσιον* основной стопы выражаются, какъ мнѣ кажется, двумя способами: а) мелодія дѣлится на трохаическія диподіи или b) мелодія дѣлится на іоники, при чемъ трохаическія диподіи отмѣчаются въ аккомпаниментѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ слышится только два ударенія, при чемъ во второмъ случаѣ ударенія мелодіи и аккомпанимента, понятно, не совпадаютъ, напр. Pester Walzer Lanner'а имѣетъ такую ритмическую форму:

мелодія: ⏗̋ — ◡́ ◡ | ⏗̋ — ◡́ ◡ и т. д.
аккомпаниментъ: ◡̋ ◡ ◡ ◡́ ◡ ◡ | ◡̋ ◡ ◡ ◡́ ◡ ◡ и т. д.

Даже въ такихъ вальсахъ, какъ вальсъ Шопена as-dur, гдѣ мелодія представляетъ трохаическія тетраподіи (⏗́ ⏗ ⁞ ⏗̋ ⏗ | ⏗́ ⏗), или вальсъ-фантазія Глинки, гдѣ мелодія имѣетъ триподическое дѣленіе (⏗̋ ⁀ ◡ ◡ ◡ ⏗́ ◡), на каждую тетраподію и триподію приходится только по два ударенія. Было бы невыносимо слушать вальсъ-фантазію, если бы въ немъ начало второго такта триподіи выдѣлялось въ аккомпанементѣ удареніемъ, хотя бы и слабымъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что всякая ритмическая единица, простая или сложная (*πούς*), и въ нашей музыкѣ допускаетъ только два ритмическихъ ударенія, и дѣленіе Аристоксена всякой стопы на двѣ части: *θέσις* и *ἄρσις*, есть выраженіе общаго ритмическаго закона, по которому въ стопѣ можетъ быть только два ударенія.

Такимъ образомъ и въ дохміи, если дѣлить его на *ἄρσις* и *θέσις* по схемѣ ◡ — | — ◡ — (ἄ. | θ.), можно допустить только два ударенія, при чемъ на удареніе тезиса придется пять *χρ. πρ.*, а на удареніе арзиса — три.

2) Если принять даже три ударенія въ дохміи, то распредѣленіе ихъ

въ схемѣ ⏑ –́ | –‴ ⏑ –″ вызываетъ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ ямбѣ, взятомъ отдѣльно, ударенія распредѣляются такъ: ⏑́ –″ (ἄ. ϑ.). Если взять ямбическую диподію, то ударенія въ ней будутъ распредѣлены такъ: ⏑ –″ ⏑ –́, т.-е. слогъ, носящій въ ямбѣ второстепенное удареніе, теряетъ его въ ямбической диподіи. Казалось бы, что въ дохміи, какъ соединеніи двухъ стопъ, ἄρσις ямба долженъ потерять свое удареніе, и слѣдовательно, принятая схема дохмія совершенно правильна. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Въ ямбической диподіи ϑέσις и ἄρσις начинаются съ ударяемаго слога, т.-е. ⏑ ⁝ –″ ⏑ –́ ⏑ | –″ ⏑ –́ (ϑ. ἄ.), такъ какъ на самомъ дѣлѣ какъ въ тезисѣ, такъ и въ арзисѣ третій χρόνος πρῶτος стопы восполняется не предшествующимъ, а послѣдующимъ краткимъ слогомъ. Если дѣлить ямбическую диподію такъ: ⏑ –″ ⏑ –́ (ϑ. ἄ.), то это дѣленіе представляетъ графическое удобство, но въ дѣйствительности ударъ ноги приходился и у грековъ на ударяемый слогъ, и ϑέσις и ἄρσις начинались съ этого же слога. Такимъ образомъ, какъ въ простомъ ямбѣ краткій слогъ не входитъ въ составъ тезиса, такъ и въ диподіи съ краткаго слога ямба не начинается ни ϑέσις, ни ἄρσις. Не то въ дохміи, если принимать его за стопу, состоящую изъ ямба и кретика. Здѣсь мы имѣемъ отношеніе арзиса къ тезису = 3 : 5, т.-е. съ ямбическаго арзиса начинается и арзисъ дохмія (вѣдь третьяго χρ. πρ. неоткуда болѣе дополнить), и такимъ образомъ удареніе арзиса должно стоять на первомъ слогѣ ямба, а не на второмъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ первый слогъ ямба долженъ бы принадлежать еще къ тезису и арзисъ дохмія состоялъ бы изъ долгаго слога, а тезисъ изъ трохаической диподіи, т.-е. получилось бы отношеніе арзиса къ тезису, равное 2 : 6 = 1 : 3, которое представляетъ по Аристоксену λόγον, ὃς οὐκ ἔνρυθμός ἐστιν (ῥυθμ. στοιχ. II, 32, изд. Westphal). Возможно ли такое постоянное удареніе на краткомъ слогѣ, разрѣшить не берусь, но это для меня не имѣетъ значенія въ виду одного обстоятельства, къ которому я обращаюсь.

Дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ даетъ отношеніе 3 : 5, т.-е. по формулѣ x : x + 1 + n такое: 3 : 3 + 1 + 1. Въ приведенномъ мѣстѣ Аристоксенъ говоритъ, что отношеніе 1 : 3 есть λόγος, ὃς οὐκ ἔνρυθμός ἐστιν. Это отношеніе есть именно 1 : 1 + 1 + 1, т.-е. x : x + 1 + n. Затѣмъ, тамъ же въ § 36 онъ говоритъ: ὥστε πέμπτοι (sc. πόδες) ἂν εἴησαν οἱ ἐν ὀκτασήμῳ μεγέθει· ἔσονται δ'οὗτοι δακτυλικοὶ τῷ γένει...., т.-е. для πόδες ὀκτάσημοι онъ допускаетъ только одно отношеніе тезиса къ арзису, именно 1 : 1. Можемъ ли мы въ виду этого придавать зна-

ченіе тѣмъ позднѣйшимъ сообщеніямъ, по которымъ дохмій есть *πούς ὀκτάσημος*? Я думаю,— нѣтъ. Если въ тѣхъ же источникахъ такъ называемый эпитритъ обозначается какъ *ἑπτάσημος τροχαϊκή* (*διποδία*) (ср. Hephaest. XII, 2), то очевидно, что мы имѣемъ дѣло уже не съ ритмическимъ значеніемъ этой стопы по количеству *χρόνοι πρῶτοι*, а со счетомъ долгихъ и краткихъ слоговъ, по которому долгій слогъ равенъ двумъ краткимъ. Въ виду этого мы имѣемъ полное основаніе принимать дохмій за *πούς ὀκτάσημος* только по отношенію къ счету долгихъ и краткихъ слоговъ, а не къ количеству *χρόνοι πρῶτοι*.

Принимая за арзисъ въ дохміи не ямбъ, а только долгій его слогъ

ϑ. ἄ.
(⏑ —⁝— ⏑ — ⏑ —|— ⏑ —), для тезиса получается 6 *χρόνοι πρῶτοι*. Для того, чтобы получить отношеніе, допускаемое Аристоксеномъ, мы должны принять, что *ἄρσις* имѣетъ по крайней мѣрѣ 3 *χρόνοι πρῶτοι*. Но обозначать дохмій такъ: ⏑ ⊔ — ⏑ — нельзя потому, что при распущеніи трехморной долготы (⊔) должна получиться форма ⏑ ⏑ ⏑, которая въ дохміи, какъ извѣстно, не допускается, такъ какъ долгіе слоги въ немъ распускаются только на два краткихъ. Остается принять, что *ἀγωγή* этого долгаго слога отличается отъ *ἀγωγή* другой части дохмія.

Послѣ разъясненія значенія темпа въ греческой ритмикѣ, даннаго Θ. Е. Коршемъ въ „Фил. Обозр." IV, 1, 153 слл., мнѣ нѣтъ надобности говорить о возможности такого измѣненія темпа и въ дохміи, а можно обратиться прямо къ характеру такого измѣненія.

Если въ логаэдехъ принять *χρ. πρ.* трохея за 1, то *χρ. πρ.* дактиля будетъ равенъ $^{3}/_{4}$. Наоборотъ, если принять *χρ. πρ.* дактилей за 1, то для трохеевъ *χρ. πρ.* будетъ равенъ $^{4}/_{3}$. Если примѣнить этотъ расчетъ къ дохмію, то получится слѣдующее: если *χρ. πρ.* тезиса равенъ 1, то *χρ. πρ.* арзиса долженъ быть равенъ $^{3}/_{2}$, а если, наоборотъ, *χρ. πρ.* арзиса равенъ 1, то *χρ. πρ.* тезиса будетъ равенъ $^{2}/_{3}$. Съ точки зрѣнія исполненія это совершенно безразлично, такъ какъ отношеніе между длительностью *χρ. πρ.* въ тезисѣ и въ арзисѣ отъ этого не измѣняется: въ первомъ случаѣ тезисъ = 6 *χρ. πρ.*, а арзисъ $= ^{3}/_{2} + ^{3}/_{2} = 3$, т.-е. *ϑέσις*: *ἄρσις* = 6 : 3 = 2 : 1; во второмъ случаѣ *ϑέσις* $= ^{2}/_{3} \times 6 = 4$, а *ἄρσις* = 2, т.-е. *ϑέσις* : *ἄρσις* = 4 : 2 = 2 : 1. Въ цифрахъ для дохмія, по отношенію къ *χρ. πρ.*, получается такая схема: $1 + ^{6}/_{2} | + 2 + 1 + 2$, или: $^{2}/_{3} + 2 | + ^{4}/_{3} + ^{2}/_{3} + ^{4}/_{3}$, а въ нашихъ нотныхъ знакахъ такая: ♪ ⌒²♫ | ♩ ♩ ♪ ♩, или ♬. ♫ | ⌒³♩♪♩, ⌒³♩♪ ♫ | ⌒³♩♪ ♩*). Послѣдняя схема яв-

*) Въ этой схемѣ ♬. есть только приблизительное обозначеніе длительности; диподія приведена для ясности.

ляется болѣе вѣроятною въ виду того, что, принимая *χρ. πρ.* тезиса за единицу, мы должны допустить, что въ арзисѣ короткій слогъ получаетъ бо́льшую длительность, чѣмъ *χρ. πρ.* основного темпа, тогда какъ въ логаэдахъ и эпитритахъ измѣненіе темпа состоитъ, наоборотъ, въ уменьшеніи длительности краткаго слога сравнительно съ *χρ. πρ.* основного темпа.

Предлагаемое мною объясненіе ритмическаго значенія дохмія, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію Аристоксена и устанавливаетъ такую ритмическую величину, которая не противорѣчитъ нашему ритмическому чувству. Сохраняя *ὀκτάσημος,* какъ обозначеніе дохмія по счету краткихъ слоговъ, мы должны принять, что по счету *χρ. πρ.* онъ есть стопа девятиморная или шестиморная, смотря по тому, принять ли *χρ. πρ.* тезиса или арзиса за основной.

ГРЕКО-РИМСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

Р. И. Шерцля.

Возникновеніе извѣстной категоріи символическихъ изображеній, называемыхъ гербами, восходитъ къ глубокой древности, и въ классической литературѣ о нихъ нерѣдко упоминается подъ названіями *ἐπίσημα, ἐπίσημον, σῆμα, σημεῖον*, signum, insigne. Въ упоминаемыхъ въ эпической поэзіи изображеніяхъ на щитахъ героевъ нельзя, правда, усматривать гербовъ въ строгомъ значеніи этого слова, такъ какъ поэты въ своихъ описаніяхъ останавливаются преимущественно на геніальности композиціи и художественности ея выполненія, не придавая самимъ изображеніямъ особаго практическаго значенія. Таковы, напримѣръ, описанія щитовъ у Гомера[1]), Геракла у Гесіода[2]) и Энея у Вергилія[3]). Но уже въ греческой драмѣ сюжеты подобныхъ изображеній по содержанію несравненно проще и служатъ несомнѣнно отличительною принадлежностью выводимыхъ лицъ. У Эсхила[4]) и Еврипида[5]) изъ семи героевъ, принимавшихъ участіе въ походѣ противъ Ѳивъ, шесть имѣютъ щиты съ особыми гербами *(ἐπίσημ' οἰκεῖον)*[6]), и одинъ только Амфіарай предпочитаетъ *ἄσημ' ὅπλα*[7]). Отсюда можно вывести заключеніе, что во время греческихъ трагиковъ гербоподобныя изображенія на щитахъ были весьма распространены, хотя употребленіе ихъ еще не было возведено въ систему. Для болѣе позднихъ временъ имѣются литературныя свидѣтельства о томъ, что гербы переходили по наслѣдству изъ одного поколѣнія въ другое. Такъ, Августъ пользовался въ качествѣ печати перстнемъ съ изображеніемъ, унаслѣдованнымъ отъ его матери (изображеніемъ сфинкса)[8]); наслѣдственные гербы имѣли также императоръ Гальба[9]) и родъ Макріановъ[10]).

---

1) *Il.* XVIII 478 sqq. 2) *Scut. Her.* 141 sqq. 3) *Aen.* VIII 625 sqq. 4) *Sept. c. Theb.*, ed. Blomfield, 388 sqq. 428 sqq. 461 sqq. 485 sqq. 534 sqq. 587 sqq. 639 sqq. 5) *Phoen.*, ed. Nauck, 1104 sqq. 6) Ibid. 1107. 7) Ibid. 1112. Aesch. *Sept.* 587: *σῆμα δ' οὐκ ἐπῆν κύκλῳ.* 8) Plin. *hist. nat.* XXXVII 10.

9) Dio Cass. LI 3: *οὗτος γὰρ προγονικῷ τινι σφραγίσματι, κύνα ἐκ πρώρας νεὼς προκύπτοντα ἔχοντι, ἐνόμισεν.*

10) Treb. Poll. *trig. tyr. Quiet.* 14: Alexandrum Magnum Macedonem viri in annulis et argento, mulieres in reticulis et dextrocheriis et in annulis et in omni ornamentorum genere exsculptum semper habuerunt, eo usque, ut tunicae et limbi et penulae matronales in familia ejus hodieque sint, quae Alexandri effigiem deliciis variantibus monstrent.

Какъ въ наше время, такъ уже встарину сюжеты изображеній гербовъ въ большинствѣ случаевъ выбирались не произвольно, а въ зависимости отъ различныхъ соображеній, генеалогическихъ, историческихъ, легендарныхъ и пр.; но вслѣдствіе отсутствія документальныхъ свѣдѣній словесная традиція о причинахъ выбора того или другого герба стала часто мало-по-малу ослабѣвать, и значеніе герба становилось съ теченіемъ времени загадочнымъ или даже неизвѣстнымъ, на что, впрочемъ, имѣется не мало примѣровъ и въ болѣе новыя времена.

Какъ бы ни были драгоцѣнны свѣдѣнія о древней геральдикѣ, сообщаемыя классическими авторами, однако они слишкомъ отрывисты и касаются однихъ только личныхъ и родовыхъ гербовъ. Что же касается государственныхъ, то нашимъ знакомствомъ съ ними мы обязаны исключительно уцѣлѣвшимъ памятникамъ древняго искусства, между которыми первое мѣсто занимаютъ монеты, какъ по своему оффиціальному характеру, такъ и по цѣнности и богатству матеріала, доставляемаго ими. Должно, однако, замѣтить, что, по неимѣнію точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о гербахъ отдѣльныхъ государствъ, мы при опредѣленіи ихъ должны довольствоваться однѣми только конъектурами. Примѣняя геральдическіе пріемы, принятые въ современномъ монетномъ дѣлѣ, къ нумизматическимъ памятникамъ древняго міра, мы исходимъ изъ того положенія, что гербомъ государства можетъ быть признано изображеніе предмета или сюжета, послѣдовательно воспроизводившагося на монетныхъ номиналахъ въ теченіе продолжительнаго періода времени, хотя бы и не всегда въ совершенно одинаковомъ видѣ. Руководясь этимъ критеріемъ, можно установить нѣсколько категорій античныхъ гербовъ, а именно:

1. Сюжеты миѳологическіе, легендарные или историческіе. На множествѣ греческихъ монетъ изображены боги-покровители соотвѣтствующихъ государствъ; такъ, напримѣръ, на монетахъ аѳинскихъ изображалась голова Паллады, на монетахъ ѳракійскаго города Эна *(Αἶνος)* голова Гермеса, на монетахъ городовъ, поименованныхъ Heraclea[11]) — голова національнаго героя дорійцевъ, и т. д. Едва ли, однако, можно принимать приведенные монетные типы за государственные гербы[12]) и такимъ образомъ низводить идеальныя изображенія боговъ на степень простыхъ символовъ[13]). Воспроизведеніе божескихъ фигуръ на монетахъ

---

[11]) Бутковскій перечисляетъ въ своемъ трудѣ Recueil spécial de grandes curiosités, Saint-Pétersbourg 1868 двадцать одинъ городъ этого имени, изъ которыхъ, впрочемъ, многіе вовсе не выбивали монеты.

[12]) Этого мнѣнія придерживается Берндъ относительно изображенія аѳинской Паллады. Bernd, Das Wappenwesen der Griechen und Römer und anderer alter Völker, Bonn 1841, p. 114.

[13]) Сказаннаго нами нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто изображенія божествъ

служило признакомъ глубокаго уваженія народа къ тому высшему существу, подъ охраною котораго находилось государство, и выраженіемъ божественной санкціи столь важнаго государственнаго учрежденія, какимъ являлось монетное дѣло. Государственные же гербы принимали болѣе простую и конкретную форму, состоя въ данномъ случаѣ изъ изображеній характерныхъ аттрибутовъ почитаемыхъ боговъ, что̀ имъ придавало священное значеніе. Такимъ образомъ гербомъ аѳинскимъ должно признать сову, гербомъ города Heraclea Acarnaniae — льва, Heraclea Trachinitis булаву и пр. Что касается аѳинскаго герба, то въ пользу предлагаемаго толкованія говорятъ: 1) то обстоятельство, что изображеніе совы появилось на аѳинскихъ монетахъ раньше изображенія Паллады; 2) свѣдѣніе, сообщаемое древними авторами, что аѳиняне клеймили плѣнныхъ самосцевъ изображеніемъ совы[14]), и 3) греческая поговорка: *γλαῦκ' εἰς Ἀθήνας*[15]).

Содержаніе легендъ, состоявшихъ въ связи съ основаніемъ или политическою исторіею извѣстнаго государства, послужившее поводомъ для выбора герба, воплощалось въ характерной, хотя нерѣдко и весьма простой формѣ. Такъ, гербъ Аргоса, изображеніе волка, основывался на слѣдующей легендѣ[16]). Во время состязанія Даная и Геланора изъ-за господства въ Аргосѣ аргивяне, выслушавъ и ту и другую сторону, отложили рѣшеніе до слѣдующаго дня. Когда же на разсвѣтѣ волкъ напалъ на ихъ скотъ и растерзалъ быка, они усмотрѣли въ появленіи хищнаго звѣря, напавшаго на домашнихъ животныхъ, символическое указаніе на преимущество пришельца Даная передъ туземцемъ Геланоромъ и признали его господство надъ Аргосомъ. Данай же, объясняя приведенное происшествіе какъ явный признакъ расположенія къ нему Аполлона, далъ этому божеству эпитетъ *Λύκιος* и построилъ въ честь

встарину вовсе не могли служить государственными гербами. Насколько мы убѣдились на основаніи сличенія множества монетъ, въ такихъ случаяхъ соблюдались слѣдующія правила: 1) изображеніе божества, представляющее гербъ, выбивалось на оборотѣ монеты, тогда какъ лицевую сторону ея занимала голова божества, пользовавшагося въ государствѣ особымъ почетомъ; 2) само божество всегда изображалось во весь ростъ и въ извѣстномъ условномъ положеніи; такъ, гербомъ города Heraclea въ Луканіи было изображеніе Геракла, побѣждающаго немейскаго льва, гербомъ Аркадіи — изображеніе Пана, сидящаго на скалѣ, съ пастушьимъ посохомъ въ рукѣ и со свирѣлью у ногъ, гербомъ Посидоніи — изображеніе шествующаго Посейдона съ поднятымъ трезубцемъ въ правой рукѣ. Тѣмъ не менѣе подобные гербы встрѣчаются весьма рѣдко.

[14]) Ael. *Var. Hist.* II 9: *τούς γε μὴν ἁλισκομένους αἰχμαλώτους Σαμίων στίζειν κατὰ τοῦ προσώπου, καὶ εἶναι τὸ στίγμα γλαῦκα.* Suid. *Σαμίων ὁ δῆμος: Ἀθηναῖοι μὲν τοὺς ληφθέντας ἐν πολέμῳ Σαμίους ἔστιζον γλαυκί, Σάμιοι τῇ σαμαίνῃ.*

[15]) Suid. *γλαῦκ' εἰς Ἀθήνας.* Cp. Aristoph. *Aves* 301: *τίς γλαῦκ' Ἀθήναζ' ἤγαγε.*

[16]) Paus. II 19, 3. 4.

его храмъ. — Гербъ города Locri Epizephyrii, орелъ, разрывающій зайца, намекалъ на сраженіе локровъ съ кротонцами при Сагрѣ, во время котораго локрамъ, уже отчаявшимся въ счастливомъ исходѣ битвы въ виду своей малочисленности, придало мужества появленіе орла, парившаго надъ ихъ рядами до одержанія ими побѣды[17]). — Кротонцы избрали своимъ гербомъ треножникъ въ знакъ благодарности Пиѳійскому Аполлону за указанія, сдѣланныя имъ основателю Кротона *Μύσκελλος* о мѣстѣ для постройки города[18]). — Подобнымъ образомъ и гербъ Карѳагена (и его сицилійской колоніи Панорма), лошадиная голова, состоялъ въ связи съ легендою объ основаніи города[19]). Въ римской республикѣ получила значеніе герба prora, избранная, въ качествѣ монетнаго типа, по мнѣнію Бабелона[20]), въ воспоминаніе побѣды римлянъ надъ анціатами (338) и изображавшаяся на мѣдной монетѣ до времени второго тріумвирата. Должно, однако, замѣтить, что герба римской республики никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ гербомъ города Рима, равно какъ и въ наше время гербъ столицы не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ. Сюжетъ герба самого Рима былъ заимствованъ изъ самой популярной римской легенды, изображая собою волчицу съ близнецами[21]). Возстановленіе же монархіи повлекло за собою замѣну республиканскаго герба національно-римскимъ, возведеннымъ съ тѣхъ поръ въ государственный или имперскій; многіе провинціальные города поспѣшили принять его, и нѣкоторые императоры даже сами приказали поставить изображеніе волчицы на городскихъ воротахъ, какъ, напримѣръ, сдѣлали Тиберій и Траянъ въ Антіохіи[22]).

2. Ко второй категоріи гербовъ принадлежатъ изображенія какого-нибудь изъ важнѣйшихъ продуктовъ страны, служившаго главнымъ предметомъ торговли и источникомъ доходовъ и народнаго благосостоянія. Такъ, гербомъ Эфеса, славившагося встарину своимъ пчеловодствомъ, была пчела, гербомъ города Gades въ Испаніи — два тунца, гербомъ Тира —

---

[17]) Iustin. XX 3.

[18]) Strab. VI 12 (ed. Didot). Millingen, Considérations sur la numismatique de l'ancienne Italie, Florence 1841, p. 14.

[19]) Verg. *Aen.* I 441—445. Iustin. XVIII 5. Даже маловажныя историческія событія иногда доставляли сюжеты для гербовъ. Такъ, по свидѣтельству Поллукса (*Onom.* V 75), Анаксилъ, тираннъ Регія и Мессаны, развелъ первый зайцевъ въ окрестностяхъ Регія, въ память чего въ гербъ Мессаны было принято изображеніе этого животнаго.

[20]) Babelon, Description historique des monnaies de la république Romaine, Paris 1885, I, VII. Въ указанномъ мѣстѣ, впрочемъ, Бабелонъ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ, смѣшивая, напримѣръ, римскую эру съ христіанскою.

[21]) Изображеніе этой группы было воздвигнуто на Капитоліи въ 296 году курульными эдилами Кв. и Кн. Огульніями. Liv. X 23.

[22]) Bernd, p. 118.

пурпуровая улитка, гербомъ Киренаики — silphium, гербомъ Метапонта — колосъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ изображеніе вреднаго животнаго служило символомъ страны, какъ напримѣръ, въ Испаніи кроликъ, водившійся на Пиренейскомъ полуостровѣ въ такомъ множествѣ, что его названіе перешло въ названіе страны (Hispania отъ семитическаго sapan = кроликъ).

3. Нерѣдко выборъ сюжета герба былъ обусловленъ звуковымъ сходствомъ или этимологическою связью между названіемъ изображеннаго предмета и именемъ города (armes parlantes). Фокейцы избрали своимъ гербомъ тюленя *(φώκη)*, Эгоспотамосъ и Эги *(Αἰγαί* въъ Эоліи) — козу *(αἴξ)*, Леонтины—львиную голову *(λέων)*, городъ *Κριθώτη*—зерно ячменя *(κριθαί)*, Мелосъ—яблоко *(μῆλον)*, Родосъ—розу *(ῥόδον)*, Селинъ—листъ петрушки *(σέλινον)*, Кардія—сердце *(καρδία)*, Анкона—локоть *(ἀγκών)*, Гистіея—женщину, держащую парусъ *(ἱστίον)*, Анкира—якорь *(ἄγκυρα)*, Туріи *(Θούριοι)*— нападающаго *(θούριος)* быка и т. д. Сюда же относятся и упомянутые выше гербы Гераклеи въ Луканіи и Посидоніи. Особенно широко распространены были этого рода гербы въ древнемъ Римѣ на монетахъ магистратовъ въ послѣднія два столѣтія республики, и здѣсь они служили еще и другой практической надобности, какъ средство контроля надъ выдѣлкою монетъ.

4. Значеніе перечисленныхъ до сихъ поръ категорій гербовъ вполнѣ доступно нашему пониманію съ помощью древнихъ литературныхъ и лингвистическихъ данныхъ или на основаніи аналогіи въ современной геральдикѣ. Но, кромѣ нихъ, существуетъ еще множество иныхъ, по содержанію весьма разнообразныхъ, типовъ, значеніе которыхъ можетъ быть объяснено только конъектурально, съ бо̀льшимъ или меньшимъ правдоподобіемъ. Относящіеся сюда гербы представляютъ изображенія различныхъ животныхъ или ихъ головъ, растеній, оружія, человѣческихъ фигуръ или группъ и пр. Большая часть ихъ имѣла несомнѣнно значеніе гіератическое, служила выраженіемъ какой-нибудь религіозной идеи, символомъ миѳа или культа извѣстнаго божества.

Такъ, напримѣръ, Eckhel высказалъ предположеніе, что гербъ Гелы, изображеніе быка съ человѣческимъ лицомъ, можно понимать какъ символъ культовъ Деметры, покровительницы земледѣлія, и Вакха, изобрѣтателя плуга и сѣянія[23]). Значеніе же иныхъ гербовъ остается для насъ по теперешнему состоянію науки совершенно неизвѣстнымъ. Въ гербахъ Веліи и Массиліи, изображеніи льва, нѣкоторые ученые усматриваютъ эмблему храбрости и отваги жителей названныхъ городовъ; но это толкованіе произвольное, ни на чемъ не основанное[24]). Ограничиваясь сказаннымъ, замѣтимъ только, что въ этой области наукъ археологамъ открывается широкое поле для благодарныхъ изслѣдованій.

[23]) Eckhel, Doctrina numorum veterum, Vindobonae MDCCXCII, vol. I, pp. 136—140.
[24]) Longpérier, Revue archéologique, Paris I, p. 91.

5. Древніе литературные источники сохранили намъ свѣдѣнія объ употребленіи встарину еще иныхъ гербоподобныхъ знаковъ, за которыми можно признавать значеніе не государственныхъ, а только народныхъ или военныхъ гербовъ. Сюда относятся начальныя буквы именъ народовъ, которыми были помѣчены щиты соотвѣтствующихъ войскъ. По Павзанію, въ Элидѣ соперничали двѣ партіи, изъ которыхъ одна была расположена къ лакедемонянамъ, а другая къ мессенцамъ. Желая овладѣть городомъ, мессенцы прибѣгли къ хитрости, замѣнивъ свои собственные знаки на щитахъ (т.-е. буквы *M = Μεσσήνιοι)* лаконскими *Λ = Λακεδαιμόνιοι)*[23]). Изъ другого источника намъ извѣстно, что и сикіонское войско пользовалось иниціалами своего національнаго имени въ видѣ отличительнаго знака[26]). Аналогію представляетъ множество низшихъ человѣческихъ расъ, имѣющихъ обычай обозначать свою принадлежность къ извѣстному племени извѣстною формою татуировки. Въ Аббеокутѣ (въ западной Африкѣ) „каждое племя, община и даже семья имѣетъ свои гербы, безконечное видоизмѣненіе которыхъ можетъ быть сравниваемо съ линіями и эмблемами европейской геральдики[27]). Такой же характеръ имѣютъ и тотемы американскихъ индѣйцевъ.

Подводя итоги приведеннымъ даннымъ, мы приходимъ къ тому выводу, что древняя геральдика исходила изъ тѣхъ же самыхъ началъ, изъ которыхъ возникла средневѣковая и новѣйшая. Самая же существенная разница между ними заключается лишь въ томъ, что античные гербы отличались замѣчательною простотою и не втѣснялись въ узкія рамки геральдическихъ щитовъ, нерѣдко раздѣленныхъ въ настоящее время на болѣе чѣмъ 20 полей, съ особымъ червленнымъ щитомъ по серединѣ. Выработка же точныхъ и подробныхъ геральдическихъ правилъ и возведеніе геральдики въ государственную науку составляютъ заслугу среднихъ вѣковъ, въ особенности періода процвѣтанія западно-европейскаго рыцарства.

---

[23]) Paus. IV 28, 5: *τῶν δὲ Μεσσηνίων λογάδες χίλιοι φθάνουσιν ἀφικόμενοι πρὸς τὴν Ἦλιν, σημεῖα ἐπὶ ταῖς ἀσπίσι Λακωνικὰ ἔχοντες*. Какого рода были эти *σημεῖα*, мы узнаемъ изъ одного отрывка Эвполиса и изъ Фотія. Fragm. poet. com. antiq., ed. Meineke I. Eupolidis fabulae incertae XXXVII: *ἐξεπλάγη γὰρ ἰδὼν στίλβοντα τὰ λάμβδα*. Photius, p. 200 8. *Λάμβδα: ἐπὶ ταῖς ἀσπίσιν οἱ Λακεδαιμόνιοι ἐπέγραφον, ὥσπερ οἱ Μεσσήνιοι μ̄*. Ср. Bernd, p. 40.

[26]) Xenoph. *hist. gr.* IV 4, 10: *οἱ δὲ Ἀργεῖοι ὁρῶντες τὰ σίγμα τὰ ἐπὶ τῶν ἀσπίδων, ὡς Σικυωνίους, οὐδὲν ἐφοβοῦντο. Ἔνθα δὴ λέγεται εἰπὼν ὁ Πασίμαχος· Ναὶ τὼ σιώ, Ἀργεῖοι, ψεύσει ὔμμε τὰ σίγμα ταῦτα κ. τ. λ.*

[27]) Леббокъ, Начало цивилизаціи, переводъ Коропчевскаго, стр. 47.

КЪ ВОПРОСУ
О СЛОВАХЪ, ОБОЗНАЧАЮЩИХЪ ВРЕМЯ.

М. М. Покровскаго.

Въ статьѣ „О методахъ семасіологіи“ („Фил. Обозр.“ X 1) я, между прочимъ, указалъ на происхожденіе темпоральныхъ словъ. Не менѣе интересенъ вопросъ о томъ, какую судьбу имѣютъ эти слова въ языкѣ? Мы остановимся на исторіи нѣсколькихъ темпоральныхъ словъ, обозначающихъ время вообще и его отдѣлы. Исторія эта всюду болѣе или менѣе одинакова: данныя слова имѣютъ значеніе относительное и потому могутъ обозначать какъ время вообще, такъ и отдѣльные его моменты, какъ бы они ни были коротки. Начнемъ со славянскихъ языковъ. Слово *часъ* обозначаетъ въ русскомъ языкѣ обыкновенно $^1/_{24}$ часть дня, но въ выраженіи *сейчасъ*, *тотчасъ* имѣется въ виду очень короткій моментъ времени; съ другой стороны, въ народныхъ оборотахъ *много часу* (= времени) *у Бога впереди* или *порою — горою, а часомъ — и низомъ* (большая часть русскаго матеріала этой статьи взята изъ словаря Даля) подъ словомъ часъ разумѣется время, какъ нѣчто неопредѣленное. Не трудно убѣдиться, что *часъ* въ народномъ употребленіи нерѣдко совпадаетъ съ болѣе общимъ терминомъ *время: часу нѣтъ* (южн.) = *нѣтъ времени*, свободнаго времени, или *всему свой часъ* = всему свое *время; я тѣмъ часомъ* (= *тѣмъ временемъ*) *схожу въ лавку; не въ часъ* (= *не во-время*) *пришелъ;* ср. производное діал. *часить* (= *временить*). Родственное слово прусскаго языка *kīs-man* значитъ „время“, въ этомъ же значеніи слово *часъ* перешло и въ литовскій языкъ (*czẽsas* „время“). Какъ показываютъ только что приведенные примѣры, и слово *время* можетъ употребляться для обозначенія отдѣльныхъ короткихъ моментовъ. Еще болѣе интересно слово *годъ*. Теперь оно обозначаетъ 365 дней, хотя есть и такіе обороты, гдѣ оно равносильно слову *время* (напр.: *нынче такой годъ* (= пора, время); *чему не годъ, тому и не водъ*); но исторія этого слова въ славянскихъ языкахъ показываетъ, что оно могло употребляться въ весьма разнообразныхъ значеніяхъ; такъ, въ старо-славянскомъ языкѣ и въ древне-русской переводной литературѣ оно употреблялось для перевода *ὥρα, καιρός, χρόνος*, — напр.: видѣ яко *годъ* есть *оутрьнии;* что ми досаждаеши *прежде года* (ante tempus); въ *жатвен-*

ный годъ „въ жатвенное время“ и пр. (примѣры взяты изъ словаря Срезневскаго); ср. еще современное *годить* = *временить*, гдѣ корнемъ обозначено время, какъ нѣчто неопредѣленное. Равнымъ образомъ, и слово *година* въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ можетъ обозначать и время вообще, и годъ и часъ (послѣднее значеніе установилось въ польскомъ и чешскомъ языкахъ). Возьмемъ еще слово *пора:* оно можетъ обозначать время, какъ нѣчто неопредѣленное *(порою* = по временамъ; или *въ кои поры* разъ зайдетъ), далѣе „опредѣленный, благопріятный моментъ“ *(пора придетъ, и вода пойдетъ);* въ сибирскомъ нарѣчіи *пора* обозначаетъ очень краткій моментъ: *онъ пора* (= только что, сію минуту) *пришелъ.* — Изъ греческаго языка отмѣтимъ *χρόνος*. При обычномъ значеніи „время вообще“, оно можетъ обозначать отдѣльные, даже очень короткіе моменты, напр. *ἢ ἀπολέσθαι ἕνα χρόνον* (въ одно мгновеніе) *ἠὲ βιῶναι Il.* XV 511); *χρόνον οὐδένα ἡσυχάζειν* (Thuc. II 84) или *ἐπὶ χρόνον* въ смыслѣ *ἐπ' ὀλίγον χρόνον* (*Il.* II 299, Herod. I 116); въ византійскій періодъ *χρόνος* выработало значеніе „годъ“, напр. *Ἰωάννου ἐννέα χρόνους ἐν τῇ ἐπισκοπῇ διατελέσαντος*, или: *γυνὴ χηρεύουσα πενθείτω μόνον χρόνον* или *ἅπαξ τοῦ χρόνου* (одинъ разъ въ годъ) и пр. (примѣры взяты изъ Thesaurus Стефана VIII 1710). Возьмемъ *ὥρα:* оно можетъ употребляться о разнообразныхъ отдѣлахъ времени: отчасти о годѣ (у позднихъ писателей — *ἐν τῇ πέρυσιν ὥρᾳ)*, хотя въ этомъ значеніи болѣе употребительно *ὧρος*, отчасти о временахъ года, далѣе о частяхъ дня (ср. *μεσονυκτίοις ποθ' ὥραις)*, наконецъ оно обозначаетъ часъ, какъ $^1/_{24}$ часть дня. Это слово было заимствовано латинскимъ языкомъ и отсюда перешло въ романскіе языки, при чемъ и тамъ и здѣсь оно сохранило при главномъ значеніи „часъ“ ($^1/_{24}$ часть дня) большую часть значеній, которыя оно имѣло въ греческомъ языкѣ; сравнительно новымъ является, можетъ быть, выраженіе *tout à l'heure,* гдѣ *heure* обозначаетъ очень краткій моментъ. Латинское *tempus* тоже можетъ употребляться о непродолжительномъ отдѣлѣ времени, — напр. scaena *in tempus* structa („на время“, Tac. *ann.* XIV 20); quae perturbatio plerumque brevis est et *ad tempus* (Cic. *off.* I 8 § 27). То же надо сказать и о нѣмецкомъ *Zeit:* при значеніи „время“ намъ извѣстно употребленіе *Zeit* объ опредѣленномъ моментѣ (zur Zeit „въ настоящее время“); равнымъ образомъ *Stunde* при значеніи „часъ“ имѣетъ болѣе общее значеніе въ такихъ выраженіяхъ, какъ *zu jeder Stunde* и т. д.

Эти наблюденія ободряютъ насъ на новый шагъ впередъ, а именно: если слова, обозначающія время, въ различныхъ языкахъ имѣютъ приблизительно одну и ту же исторію, то и производныя отъ нихъ существительныя и прилагательныя также должны имѣть одну и ту же исторію; мало того, семасіологическая исторія подобныхъ производныхъ поможетъ намъ твердо установить если не этимологію, то по крайней

мѣрѣ значеніе того исчезнувшаго изъ языка имени, отъ котораго они произведены.

Чтобы подтвердить это положеніе, мы возьмемъ за исходный пунктъ латинское *maturus*. Это очень нелегкое слово имѣетъ слѣдующія значенія:

1) „ранній". Колумелла (II 10). различаетъ между *matura* и *serotina faba* (весенній — осенній), *matura* и *serior satio, maturum* и *serius foenum* (VII 3); ср. далѣе выраженія *matura mors* „ранняя смерть", *matura aetas* о юности: hi sapienter faciunt, qui adolescentes maxime castigant, ut quibus virtutibus omnem vitam tueri possunt, eas in aetate maturissima velint comparare (*Rhetor. ad Herenn.* IV 17).

2) „заблаговременный, своевременный, быстрый": ср. maturo judicio condemnari (Cic. *Caec.* 7); ipse seram teneras maturo tempore vites (Tibull. I 1, 7); custodes mature sentiunt: signum bucina datur (Cicer.); priusquam incipias, consulto et ubi consulueris, mature facto opus est (Sall. *Cat.* 1).

3) „зрѣлый" a) о плодахъ: matura poma, maturae fruges, b) о людяхъ: virga matura viro (*Verg. Aen.* VII 52); maturior annis (Ovid. *Met.* XIV 617), matura senectus (Justin. 41, 5, 5 — полная противоположность съ aetas maturissima) и пр. — Эти значенія наблюдаются и у другихъ словъ, произведенныхъ отъ этого прилагательнаго, напримѣръ въ *maturare,* которое значитъ: 1) „заблаговременно дѣйствовать", съ дополненіемъ „ускорять": maturantes venire (Sall. *Jug.* 22), maturare mortem и пр.; 2) „дѣлать зрѣлымъ": annus maturat uvas (Tibull. I 4, 15); также интранзитивно „дѣлаться зрѣлымъ": quae sero maturant (Pallad.), castanea tardius maturat (id.) и пр.

Новѣйшая попытка разъясненія этого слова принадлежитъ М. Бреалю (Bréal-Bailly Dictionnaire étymologique latin[3] 184). Бреаль сопоставляетъ *maturus* съ *matutinus* и исходнымъ значеніемъ для *maturus* считаетъ „утренній". Не говоря уже о томъ, что изъ этого значенія нельзя вывести всѣ остальныя, оно не встрѣчается и въ литературѣ, такъ какъ единственное мѣсто, приведенное у Бреаля (Verg. *Aen.* X 256: interea revoluta ruebat matura jam luce dies noctemque fugarat), истолковано имъ неправильно: matura *jam* luce можетъ значить не „la lumière matinale", но только plena, clara (luce т.-е. *maturus* употреблено здѣсь въ смыслѣ „зрѣлый"); это значеніе требуется и контекстомъ, изъ котораго видно, что день уже успѣлъ прогнать (fugarat) ночь; но если бы мы допустили въ данномъ случаѣ менѣе естественную разстановку словъ, т.-е. отнесли бы jam не къ matura, но къ ruebat, то и тогда мы не имѣли бы права объяснить *maturus* въ смыслѣ „утренній": понятіе „утра" и безъ того очень сильно подчеркнуто въ текстѣ: во-первыхъ, посредствомъ *revoluta* dies, во-вторыхъ, посредствомъ dies *noctem* fugarat. — Предполагая, что *maturus* значило „*утренній*", затѣмъ „ранній-скорый",

Бреаль естественно встрѣчаетъ большое затрудненіе при объясненіи значенія „зрѣлый“. Онъ придумываетъ остроумный выходъ: это значеніе развилось, по его мнѣнію, сначала въ глаголѣ *maturare* („appliqué aux produits de la nature, *maturo* a pris le sens de „mûrir“) и отсюда было сообщено прилагательному *maturus*. Для подтвержденія этой теоріи такъ называемыхъ les noms postverbaux у Бреаля приведено въ различныхъ мѣстахъ его словаря 5 примѣровъ, изъ которыхъ вполнѣ хороши только два: 1) *adulter* (p. 9): „le verbe *alterare* „rendre autre“ a été employé par Ovide *Fastes* I 373: ille suam faciem transformat et alterat arte Le composé *adulterare* a le même sens: adulterare colorem, nummos, gemmas.... Il a passé ensuite au sens de „corrompre“ et spécialement „corrompre une femme mariée“: d'où *adulterium* et le nom verbal *adulter*“; 2) *truncus* „tronc“ (p. 405) a donné *trunco* „couper ou ébrancher“, comme en français *plume* a donné *plumer* ou comme en allemand *Kopf* a fait *Köpfen* „couper la tête“. A son tour, le verbe *truncare* donne naissance à un adjectif *truncus* qui reproduit le sens du verbe „ébranché, mutilé“. По поводу этого я могъ бы только замѣтить, что такіе деноминативные глаголы (повидимому, не очень частые) заслуживаютъ особеннаго изслѣдованія; съ своей стороны я могу привести два примѣра изъ русскаго языка: *потрошить* „очищать отъ потроха“ и его синонимъ *очеревить*, напр. птицу, рыбу, дичь (арханг.) „очистить отъ потроха, выпотрошить“ (Даль подъ словомъ *очеревить*) — ср. народное *черево* или множ. ч. *черева* „кишки, потрохъ“ (Даль подъ словомъ *черево*).

Другіе примѣры не такъ хороши: я считаю совершенно искусственнымъ объясненіе *lucus* (p. 176); далѣе, весьма проблематично и то объясненіе, которое дано для *arma* (p. 18): Бреаль исходитъ изъ *armus* „jointure“: „il s'est pris de bonne heure dans le sens d'épaule et de bras.... Du substantif *armus* vient le verbe *armare*, littéralement „se couvrir les épaules“ (au moyen d'une cuirasse, d'un bouclier etc.), puis en général „armer“. A son tour *armare* a donné le nom verbal *arma* „les armes“, spécialement les armes défensives“. Вотъ это littéralement „se couvrir les épaules“ и представляетъ затрудненіе: что сопоставить съ *armare*? развѣ греч. *ποδίζειν* „опутывать ноги, треножить“? Но такія отдѣльныя параллели все-таки не рѣшаютъ вопроса: слѣдовательно, не отрицая теоріи noms postverbaux[1]), мы должны относиться къ ней съ осторожностью. Въ концѣ концовъ, приходится искать другое объясненіе для *maturus*. Мы сказали, что оно значитъ 1) ранній 2) своевременный, скорый, 3) зрѣлый. Такой рядъ значеній мы находимъ у прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ, обозначающихъ „время“. Таково прежде всего *tempestivus*, которое значитъ: 1) „ранній, рано встаю-

[1]) Латинскій матеріалъ см. у Штольца, Hist Gramm. d. lat. Spr. I 2 § 254.

щій": obiere dum calciantur matutino duo Caesares, Q. Fabius Maximus, C. Volcatius Gurges: omnes adeo sani atque *tempestivi*, ut de progrediendo cogitarent (Plin. VII 53 (54); refrigeratum sub dio dari tempestivis (утромъ) antecedente vomitione (id. XXIX 4 (35), 80); припомнимъ далѣе tempestiva convivia, tempestivae epulae „ранніе пиры", „пиры, начинающіеся ранѣе 9-го часа" (въ виду такого значенія, *tempestivus* нерѣдко смѣшивается въ рукописяхъ съ *intempestivus* — см. подробности у Марквардта, Das Privatleben der Römer I², p. 300); 2) „своевременный": quam tempestivos dedit ventos (Cic. *nat. d.* II 53 § 131); cum venisset tempestivis temporibus (Liv. XLV 19 — cp. Tibull. *l. c.* maturo tempore); tempestivam esse vindemiam (Col. 11, 2, 67); 3) „зрѣлый": a) о плодахъ и растеніяхъ: materies erit tempestiva (Cato *de agricult.* 31); ubi ocinum tempestivum erit (Id. *ib.* 54, 3); t. fructus (Cic. *off.* II 4, 14); вѣроятно, tempestiva pinus у Вергилія (*Georg.* I 252: hinc tempestates dubio praediscere caelo possumus, hinc messisque diem tempusque serendi, et quando infidum remis impellere marmor conveniat, quando armatas deducere classis, aut tempestivam silvis evertere pinum); b) о людяхъ: puella tempestiva viro (Horat. *carm.* I 23, 21), или просто tempestiva (id. *ib.* III 19, 27). Ср. далѣе tempestivo arare (во-время — Cato *de agricult* 61) и mature occurrere и пр.

Исходное значеніе *tempestivus* и *maturus*, конечно, „своевременный", откуда съ одной стороны развивается значеніе „не поздній, ранній", съ другой — „зрѣлый". — Чтобы не выходить за предѣлы латинскаго языка, укажемъ еще *temporaneus* 1) „своевременный, приходящій вовремя"; temp. lux nostra erumpat (Augustin.), 2) „ранній": donec accipiat temporaneum et serotinum („ранніе — весенніе и поздніе — осенніе дожди" — *Vulgata Jacob.* 5, 7). На послѣднемъ примѣрѣ мы убѣждаемся, что значеніе „ранній" вырабатывается въ подобныхъ прилагательныхъ благодаря постоянному или частному противоположенію съ прилагательными, обозначающими „поздній". Совершенно такой же случай представляетъ румынское *temporiu* или *tempuriu* (изъ *temporīvo-s), которое значитъ „своевременный", а главнымъ образомъ „ранній": „*temporiu* tempestivus, maturus; care vine, se intempla, se face precisu la tempulu seu, nu mai tardiu; adv. *de temporiu* in oppositione cu *tardiu: veni de temporiu, a incanuti de tempuriu*". Какъ латинское *tempestivus* является синонимомъ къ *maturus*, такъ и *temporiu* совпадаетъ въ нѣкоторыхъ значеніяхъ съ *maturu*. Въ словарѣ Laurianu-Massimu (Dictionariulu limbei romane. Bucuresci 1876), изъ котораго мы только что привели цитату, для *maturu* указано, между прочимъ, слѣдующее значеніе: „prea tempuriu, cui n'a venitu inco tempulu seu: *cirasie mature, iérna matura*". — Но отъ этихъ двухъ словъ уже нельзя отдѣлить литовскаго прилагательнаго *cziėsùs* (отъ *cziesas* „время") „своевременный, ранній". Въ этой

группѣ прилагательныхъ мы наблюдаемъ значенія „своевременный — ранній"; въ греческихъ же прилагательныхъ, произведенныхъ отъ словъ „время — удобная пора", выдвигается второй рядъ значеній — „своевременный — зрѣлый": *ὡραῖος:* a) „своевременный" — *ἄροτος* (Hesiod. *Op.* 615: *αὐτὰρ ἐπὴν δὴ Πληιάδες θ' Ὑάδες τε τό τε σθένος Ὠαρίωνος δύνωσιν, τότ' ἔπειτ' ἀρότου μεμνημένος εἶναι ὡραίου), ἔργον (ibid.* 644), b) „зрѣлый" — *παρθένος γάμου ὡραία* (Herod. I 196 и др.); *ἀκμαῖος, ἀκμάζων:* a) „своевременный" — *ὡς ἀκμαῖος ἂν μόλοι* (Soph. *Ai.* 921); b) „зрѣлый" — *σίτου ἀκμάζοντος* (Xen. *Hell.* I 2 § 4), *ἀκμαῖος ἥβη* (Aesch. *Spt.* 11) и пр.

Но полную параллель къ *maturus* и *tempestivus* мы найдемъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Изъ древне-верхне-нѣмецкаго словаря Граффа (Graff, Althochdeutscher Sprachschatz) отмѣтимъ *zîtig* „tempestivus, temporaneus", *ubarzîtig* „superadultus" (ср. въ ново-нѣм. яз. *überzeitig* „überreif": wenn die Kirschen überzeitig sind), *zîtigo* adv. „suo tempore", *gazîti* „tempestivus, maturus, matutinus, antelucanus". Въ новонѣмецкомъ яз. *zeitig*[1]) значитъ: 1) „ранній" — zeitig schlafen gehen; man säet hier früh, weil es auf den Höhen zeitig einwintert; nutze deine jungen Tage, lerne zeitig klüger sein; 2) „заблаговременный, своевременный, поспѣшный": mich durch eine zeitige Flucht den Wirkungen der Rache zu entziehen; 3) „зрѣлый" — о плодахъ и о людяхъ: zeitige Kirschen; die Trauben sind doch noch nicht zeitig genug; an Jahren zwar noch jung, doch zeitig an Verstand. Равнымъ образомъ *zeitigen* значитъ „приводить въ зрѣлость": der Baum zeitigt die Früchte; die gezeitigte Frucht (Geibel); „зрѣть": seine zeitigenden Plane (Schiller). — Такія же значенія имѣло и отчасти имѣетъ въ діалектахъ *zeitlich:* 1) „ранній, заблаговременный": dass dein Same zeitlich wachse (Библія); ob er gleich zu zeitlich stirbet (ibid.); darum soll man zeitlich heüraten (Fröhlich); 2) „зрѣлый": Früchte werden zeitlich и т. д.[2]).

Изъ русскаго народнаго языка слѣдуетъ отмѣтить ***порастый*** и ***пористый*** (отъ ***пора*** „время, удобное время"): 1) „ранній": пористо встали вы (раненько); 2) „своевременный": не пористо задумалъ (не во-время, не кстати); не пористы дожди къ сѣнокосу; 3) „кто или что въ самой порѣ, возрастѣ, зрѣлости": пористый человѣкъ (во всей порѣ, среднихъ

[1]) Нижеслѣдующіе примѣры взяты изъ словарей M. Heyne и Sanders'a. Я не скуплюсь на примѣры потому, что нѣкоторые изъ приводимыхъ ниже оборотовъ или исчезли, или начинаютъ исчезать изъ современнаго нѣмецкаго языка.

[2]) Вообще *zeitlich* почти вполнѣ совпадало по своимъ значеніямъ съ *zeitig* и, напр., подобно *zeitig,* могло также значить „zu dieser Zeit vorhanden": der zeitliche Inhaber des Gutes. Впослѣдствіи оба слова дифференцировались, при чемъ у *zeitlich,* благодаря противоположенію съ *ewig,* сохранилось главнымъ образомъ значеніе „временный", „продолжающійся короткое время".

лѣтъ), порастое дерево (годное въ стройку, въ дѣло). Наконецъ, интересны производныя отъ *годъ* въ славянскихъ нарѣчіяхъ: сибир. *годейный* „своевременный, благовременный, во́-время сдѣланный или случившійся" (словарь Даля), кроатское *godno* значитъ „рано", новослов. *godêti* „зрѣть" (Miklosich, Etymol. Wörterb. d. slav. Spr., 61).

Изъ всѣхъ этихъ сопоставленій совершенно ясно, что *matūrus* происходитъ отъ утраченнаго существительнаго *mātu-*, которое значило не „утро", какъ думаетъ М. Бреаль, но „время, удобная пора"[4]). Отъ этого существительнаго произведены также *Mātūta*, между прочимъ, богиня утра (Lucret. V 656) и *mātūtīnus* „утренній", — слова̀, которыя требуютъ какъ морфологическаго, такъ и семасіологическаго разбора. *Mātū-ta* представляетъ въ морфологическомъ отношеніи такой же случай, какъ *astū-ta* (отъ *astu-), cinctū-tus* (отъ *cinctu-s), cornūtus* (отъ *cornu)* и пр. Обычное значеніе „надѣленный, снабженный чѣмъ", столь замѣтное въ этихъ прилагательныхъ, въ *Matuta* отступаетъ на задній планъ, такъ же какъ напр. въ *tempesta* „tempestiva" (Paul.-Fest. p. 553, Thewr. d. Pon.)[5]), *intempestus;* да и вообще словообразовательный суффиксъ играетъ слабую роль въ такихъ прилагательныхъ, которыя произведены отъ словъ „время": мы уже указали точки соприкосновенія между *temporaneus* и *tempestivus,* между *zeit-ig* и *zeit-lich;* равнымъ образомъ *intempestivus* — *intemporalis, intempestivitas* — *intemporalitas* могутъ употребляться совершенно одинаково въ значеніи „несвоевременный, несвоевременность"; греческія *ὡραῖος, ὥριος* и *ὥριμος* также врядъ ли чѣмъ отличаются другъ отъ друга: напр. Гесіодъ употребляетъ параллельно *ὥριον ἔργον (Op.* 422) и *ὡραῖον ἔργον* (ibid. 618, 644); то же самое мы наблюдаемъ и въ русскомъ языкѣ: напр. между *годовой* и *годичный* въ общемъ трудно провести разницу. Вообще, если и замѣчается разница между подобными параллельными образованіями, то она не столько зависитъ отъ различія въ словообразовательныхъ суффиксахъ, сколько отъ историческихъ причинъ въ развитіи языка, отъ дифференціаціи и т. п.

Такъ мы смотримъ на *Mātūtā*. Теперь, что̀ такое *mātūtīnus?* Я не рѣшаюсь разлагать это слово, подобно М. Бреалю, на *mātū* + *tīnus:* какъ первая часть сложенія, такъ и вторая (-tīno-, какъ древній самостоятельный суффиксъ) были бы очень трудны для объясненія. Вѣроятнѣе всего, *mātūtīnus* образовано отъ **mātūtus* посредствомъ суффикса *-īnus*. По значенію оно не отличается отъ **mātūtus,* какъ и вообще между прилагательными первичными (терминъ этотъ имѣетъ, конечно, только

---

[4]) Это думалъ и Fick въ третьемъ изданіи своего словаря — очевидно, на основаніи нѣмецкаго *zeitig*.

[5]) Это прилагательное, такъ мало извѣстное изъ латинскаго языка, сохранилось въ румынскомъ яз.: *tempestu, -a*.

условное, относительное значеніе) и производными отъ нихъ съ помощью суффикса *-īno-* нѣтъ принципіальной разницы: напр. *adulter* и *adulterīnus* могутъ употребляться о фальшивомъ ключѣ (adultera clavis у Овидія *a. a.* III 643; adulterina clavis у Саллюстія *Jug.* 12), о фальшивой монетѣ (adulteri nummi y Cic. *off.* III 23 § 91; adulterinus aureus у Апулея *Met.* 10, 9); ср. далѣе *agrestis* и *agrestīnus* (agrestes palmae въ классической латыни, agrestina lilia y Commodian. *Instr.* 67, 7), *repens* — *repentīnus, repente* — *repentīno* (особенно характерно параллельное употребленіе у Плавта *Pseud.* 37: repente exortus sum, repentino occidi); изъ другихъ языковъ можно привести греч. *ἀγχιστῖνος* (напр. *Il.* V 141: *αἱ μέν τ' ἀγχιστῖναι ἐπ' ἀλλήλῃσι κέχυνται)* при *ἄγχιστος*, санскр. *nava-s: navīna-s* „новый", *sant- : satīna-s* „истинный", древ.-верхн.-нѣм. *jung : jungīn, wār* (wahr) : *wārīn,* гот. *sunjis : sunjeins* „истинный" и пр. (послѣдніе примѣры взяты у Бругмана, Grundriss II, p. 149).

Что касается значенія „утренній" въ *matutinus* и въ **matutus,* то оно вытекаетъ изъ значенія „заблаговременный, ранній" (вообще значеніе „утренній" въ данныхъ словахъ я признаю, въ противоположность М. Бреалю, не основнымъ, но производнымъ). Собственно такое понятіе, какъ „ранній" можетъ прилагаться не только къ частямъ дня, но и къ другимъ отдѣламъ времени. Спеціальное примѣненіе *matutinus* къ утру можетъ объясняться, напр., постояннымъ противоположеніемъ съ *vespertinus* и т. п. и во всякомъ случаѣ находитъ себѣ аналогію какъ въ самомъ латинскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ: такъ, *serum, sera,* которыя въ романскихъ языкахъ употребляются исключительно о вечерѣ, въ латинскомъ употреблялись и о другихъ отдѣлахъ времени; или напр. русскія *ранній* и *поздній* употребляются, вообще говоря, о различныхъ отдѣлахъ времени (напр. когда дѣло идетъ объ уловѣ рыбы, то эти слова употребляются въ смыслѣ „весенній — осенній"; или напр. слова *ранщикъ* и *поздникъ* въ примѣненіи къ рабочимъ обозначаютъ „рабочіе, идущіе на заработки ранней весной, т.-е. въ мартѣ" — „рабочіе, идущіе на заработки послѣ Святой"; то же слово *поздникъ* въ примѣненіи къ огурцамъ обозначаетъ „осенніе огурцы"), но нѣкоторыя образованія отъ этихъ прилагательныхъ употребляются только объ утрѣ и вечерѣ: ср. напр. *ранники* (= утренники, утренніе морозы) *огурцы побили; ранокъ* (южн.), *ранье* (ряз., орл.), *рань, ранина* (пск.) и т. п. значатъ „утро": ср. *не одно я раненько гуляла, косу чесала;* или напр. *поздень* (пск., твер.) обозначаетъ „вечеръ": *позденемъ пришелъ* „поздно вечеромъ, близъ ночи" (Даль).

Итакъ, мы разъяснили семасіологическія отношенія между *maturus,* **matutus* и *matutinus,* а также морфологическія отношенія между *matutinus* и **matutus;* этотъ морфологическій разборъ показалъ, что намъ предстоитъ имѣть дѣло не съ тремя образованіями (т.-е. *maturus: matutus:*

matutinus), а только съ двумя *mātūtus : mātūrus*, такъ какъ *mātūtīnus* есть только варіантъ къ *mātūtus*. Но въ этомъ-то и вся трудность. Исторія суффикса *-ro-* еще не достаточно изслѣдована, и для поясненія *matutus : maturus* приходится указать только общій фактъ, отчасти констатированный въ лингвистической литературѣ, — а именно, что между суффиксами *-ro-* и *-to-* можно замѣтить нѣкоторое родство въ значеніи: такъ, первичныя образованія съ *-ro-* нерѣдко имѣютъ характеръ причастія: ср. *σαπρός, φαιδρός, νεκρός, λαμπρός*, **πληρο-* (въ *πληρο-ω*): *plē-tus, plēnus; integer: intactus, gnarus: gnōtus;* вторичныя *οἰζυρός, φοβερός, δροσερός, κρατερός* напоминаютъ соотвѣтствующія образованія на *-to-s* („полный чего, снабженный чѣмъ") и т. д.

Въ результатѣ статьи оказывается, что въ латинскомъ языкѣ нѣкогда было существительное **mātu-* „время, удобная пора", отъ котораго произведены **mātūtu, mātūtīnus* и *mātūrus*. Спрашивается, въ какомъ отношеніи къ этому существительному стоитъ *māne*, которое совпало по значенію съ *mātūtīnum?* Еще древніе находили связь между всѣми этими словами, — ср. особенно характерную глоссу у Павла Діакона (Thewr. d. Pon. 87): *Matrem Matutam* antiqui ob bonitatem appellabant, et *maturum* idoneum usui, et *māne* principium diei, et inferi di *manes*, ut suppliciter appellati bono essent, et in carmine Saliari *Cerus manus* intellegitur creator bonus[6]). Итакъ, если *mane* есть средній родъ прилагательнаго *mānis* (ср. *immanis, manes* и Macrob. *sat.* I, 3, 13: nam et Lanuvini *mane* pro *bono* dicunt), то мы можемъ представить себѣ исторію его значеній слѣдующимъ образомъ: выраженіе въ родѣ **mane tempus* (откуда далѣе *mane)* могло значить „доброе, подходящее время", откуда легко развивается (ср. *tempestivus* и пр.) значеніе „ранняя пора" и отсюда „утро". Ближайшую аналогію мы найдемъ во французскомъ языкѣ: *venir au bon moment, à la bonne heure* значитъ „прійти въ добрый часъ, въ настоящее время"; *de bonne heure* также само по себѣ значитъ à l'heure qui convient, но благодаря такимъ сочетаніямъ, какъ *se lever de bonne heure*, выраженіе это стало синонимомъ къ *tôt* „рано"; значеніе „ранній" начинаетъ уже твердо устанавливаться въ языкѣ, и по аналогіи съ выраженіемъ *de bonne heure* возникаетъ выраженіе *de bon matin* „рано утромъ".

Теперь, если существительное **mā-tu-* происходитъ отъ того же корня, что и *mā-ni-s, mā-nu-s, mā-ne*, то его основнымъ значеніемъ могло быть

---

[6]) Связь эта до сихъ поръ ясна изъ одного любопытнаго явленія въ романскихъ языкахъ: понятіе „рано вставать" передается въ нихъ двумя глаголами одинаковаго образованія: 1) *mānicāre* (извѣстенъ и въ поздне-латинскомъ яз.), откуда румынск. *manec*, 2) **mātūricāre*, откуда исп. портг. *madrugar*, при древне-испанскомъ *madurgar* (Körting Lateinisch-roman. Wörterb. 5059 и 5174).

„нѣчто подходящее, доброе“, отсюда „доброе время, пора“. Почти полную аналогію мы нашли бы въ славянскомъ **doba*, собственно „utilitas, opportunitas“ (ср. гот. *daban* „passen“ и старое *бездобь* „безполезный“), но въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (напр. въ польскомъ) и въ діалектахъ русскаго языка также „пора, время“: ср. *ночною добою* (Даль); равнымъ образомъ, и въ производныхъ отъ *доба* мы найдемъ извѣстную аналогію къ производнымъ отъ **mātu-*, особенно къ *mātūrus:* ср. *добрый* въ смыслѣ „плотный“ (о матеріяхъ — ср. *добротный)*, „сильный“ (о скотѣ — напр. *добрая лошадь)*, „толстый“ (ср. *раздобрѣть* — а также вышеприведенныя *порастый, пористый);* съ другой стороны, *добро* въ нѣкоторыхъ діалектахъ можетъ значить „время, пора“: *аль ужъ добро* (= пора) *идти* (Даль), — ср. съ послѣднимъ выраженіемъ maturum videbatur repeti patriam (Liv.). Но это сопоставленіе **mātu-* съ *доба* приводитъ насъ къ новому весьма важному вопросу: какъ вообще обозначаются у индо-европейскихъ народовъ понятія „время, удобный моментъ“ и т. п.? Въ виду чрезвычайной сложности и трудности этого вопроса мы позволимъ себѣ отложить отвѣтъ на него до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

ΕΙΣ ΤΟ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΤΟΥ ΦΑΛΗΡΕΩΣ ΚΑΛΟΥΜΕΝΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ ΠΕΡΙ ΕΡΜΗΝΕΙΑΣ ΣΥΜΒΟΛΑΙ.

Σεργίου Ῥωσδεστουενσκίου.

Κάλλιστον μὲν τὸ περὶ ἑρμηνείας βιβλίον καὶ ὠφελιμώτατον τοῖς τῶν ἀρχαίων ῥητορικὴν διεξιοῦσιν, ὑφ' ἑτέρων δ' ἑτέρως κρινόμενον, τὸ τοῦ Φαληρέως ὄνομα δοκεῖ σχεδὸν παντάπασιν ἀφῃρῆσθαι, οὐ δικαίων τετυχηκός. Μετὰ γὰρ Πέτρον Οὐικτόριον (1562) καὶ Δυρασσίερον[1]) μόνος Λίρσιος[2]) πειρώμενος αὐτὸ κατορθῶσαι οὐκ ἔδοξε τοῖς πολλοῖς ἀποτελέσαι τὴν προαίρεσιν· ᾧ εἴ τι καὶ παραλελειμμένον, πολλὰ μέντοι ἐμοὶ δοκεῖ συναγαγεῖν, καὶ πρὸς τὴν ὑπόθεσιν οἰκειότατα, Ἀριστοτέλους τε ἐγγύτατα ὄντα ἀποδείξας τὸν τὴν πραγματείαν συγγράψαντα καὶ τῇ διανοίᾳ καὶ τῇ λέξει καὶ τὰ ἐν αὐτῇ συνιδὼν πολλὰ τῷ Φαληρεῖ ὅτι μάλιστα ἁρμόττοντα. Τὸν μὲν οὖν αὐτῷ μαχεσάμενον Ἀλτσχούλιον[3]) ἄλλα τε οὐ μάλα εὐτυχῶς καὶ πολλὴν μωρίαν τοῦ Δημητρίου ἡμετέρου καταγνόντα Ῥάβε ὁ ἀγχινούστατος ἅτε τῶν περὶ τὸν Οὐσένερον ὢν ἀνὴρ ὅμως ἐνόμισεν ἀπολῦσαι τὴν ζήτησιν[4]), καὶ αὐτὸς ἠλίθιόν τινα τὸν ἄνδρα ἡγούμενος. Ταὐτὸ δὲ πάσχουσι σχεδὸν οἱ ταύτῃ σκοποῦντες τοῖς ὑπ' αὐτῶν σκοπουμένοις· ἃ γὰρ ἂν δοκῶσιν ἀνευρεῖν, τῶν αὐτοῖς φαινομένων ἀπίστων ἀποβαίνει ἔτι απιστότερα. Τοῦτο μέντοι συγχωροῦσι Λιρσίῳ περιπατητικὸν εἶναι ἢ ἐκ τῶν περιπατητικῶν τὰ αὐτοῦ συναγαγεῖν. Τὸ μὲν οὖν τι ἐκείνου[5]) καὶ Ῥάβε καλεῖ ἐπικίνδυνον[6]), ἔστι δὲ καὶ ἕτερα τοιαῦτα, ὥσπερ παραδείγματος ἕνεκα[7]), τὸ περὶ ποιητικοῦ. Φησὶ γὰρ παντὸς μὲν τοῦ βιβλίου περὶ λόγου πεζοῦ ὄντος καὶ φυλάττεσθαι παρακαλοῦντος τοῦ Δημητρίου τὸ ποιητικὸν οὐ συνᾴδειν τοῖς λοιποῖς τὰ περὶ χάριτος αὐτῷ εἰρημένα, ἐν οἷς καὶ περὶ ποιητικῆς ἡδονῆς ἄγοι, εἰλῆφθαι δὲ ταῦτα παρά τινος, ὁμοίως τήν τε ποιητικὴν χάριν καὶ τὴν πεζὴν ἐκτιθέντος· λεληθέναι γοῦν οἰόμενος Δημήτριον τοῖς αὐτοῦ ἐναντία ὄντα. Ἀλλὰ σκεπτέον πρῶτον μὲν ἐν τῷ

---

[1]) De l'élocution. Trad. du grec par Ed. Durassier. Paris 1875.

[2]) H. Liers, De aetate et scriptore libri qui fertur Demetrii Phalerei περὶ ἑρμηνείας. Vratislaviae 1881.

[3]) Art. Altschul, De Demetrii rhetoris aetate. Lipsiae 1889.

[4]) H. Rabe, De Theophrasti libris περὶ λέξεως. Bonnae 1890, σ. 16.

[5]) Altschul, σ. 28.

[6]) Rabe, σ. 8.

[7]) Altschul. σ. 11.

γλαφυρῷ χαρακτῆρι τιθέναι αὐτὸν τὰς χάριτας, ὃν ἔοικεν ἡγεῖσθαι τῶν ἄλλων ποιητικώτερον, — ἕτερα δ' ἑτέρῳ προσήκοντα σαφῶς ἐπιδείκνυσι — ἔπειτα οὐδ' ἐν τούτῳ τὰ ποιητικὰ λαμβάνειν κελεύει, ἀλλὰ μόνον ἐπὶ παραδείγματος αὐτοῖς χρῆται προστιθείς τινα, ὥσπερ· „ἃ μάλιστα δὴ κωμῳδικὰ παίγνιά ἐστι καὶ σατυρικά" (143), ἢ „ἢ ὅσα ἄλλα ἐστὶ ποιητικώτερα" (146), τοῖς δὲ ποιητικοῖς παραδείγμασιν, ἄλλοις τε καὶ τοῦ Ὁμήρου μάλιστα κέχρηται διὰ παντὸς συγγράμματος. Ἀλλ' οὐδ' ἠγάπησαν τούτοις οἱ φιλόλογοι, τοῦ μὴ ἀφιέναι μεμνημένοι τὴν περὶ τοῦ ἀληθοῦς ζήτησιν, πρὶν πανταχῇ σκοπῶν ἀπείποι τις· ἀλλὰ τῶν ὀνομάτων ἐπιλαβόμενοι καὶ τῆς „συντάξεως" καλουμένης τοῦ Δημητρίου ἀνεσκόπουν περὶ τοῦ χρόνου τῆς γραφῆς ὅ τε Βεχείμιος[8]) καὶ ὁ Δαίλιος[9]), Ἀμμέρῳ ἑπόμενοι ταῦτα προειργασμένῳ[10]), ὧν εἰ μὴ ἐπισφαλὴς ἡ ὁδός, ἐκ τῶν μελλόντων ῥηθήσεσθαι αὐτοῖς ἔσται δῆλον, οὐκέτι γὰρ τέλος ἔχει ἡ ζήτησις (ἰδὲ τ. Δαίλιον). Τὸ δὲ ὀνόματα μόνα ἀναζητεῖν καὶ τοῖς ὀνομάστοις ἁμαρτήματος αἴτιον τυγχάνει ὄν, ὥσπερ παρὰ Σμιδίῳ[11]) τὸ ἀγωνιᾶν (συναγωνιᾶν δὲ ὁ Δημήτριος ἔχει) μοὶ ἐπιτυγχάνει πρῶτον μὲν οὐ φήσαντί[12]) τινι τοῦ Πολυβίου προτέρῳ σημαίνειν τὸ φοβεῖσθαι τε καὶ ταράττεσθαι, τοῦ δὲ θυμικοῦ καὶ ὀξυθύμου δύναμιν καὶ Ἀριστοτέλει ἔχειν (οὐκ ὀρθῶς δὲ χρωμένῳ τοῖς αὐτοῦ ὅτι οὐδὲν ἄλλο ἢ φοβεῖσθαι τῷ ἀνδρὶ ἀγωνιᾶν ἐν τ. Ῥητ. β. 5. 1383^{a}6 „ἀλλὰ δεῖ τινα ἐλπίδα ὑπεῖναι σωτηρίας περὶ οὗ ἀγωνιῶσι" καὶ α 9. 1367^{a}15. — καὶ ἀγωνία δὲ αὐτῷ φόβος. Προβλ. β 31. 869^{b}6 κτέ) τότε δὲ ἀνευρόντι καὶ παρὰ Πλάτωνι[13]) τῇ αὐτῇ δυνάμει κείμενον καὶ μεταποιήσαντι μὲν τὴν γνώμην, οὐ μὴν ὥς γ' ἔδει[14]). Τοιούτων τῶν ὀνομάτων καίπερ ἡττώμενον τὸν Δημήτριον ὅμως ἐοικέναι θαυμαστῶς ὡς τῷ Φαληρεῖ ἂν φαίην. Συμβαλέσθαι δέ τι εἰς ταύτην τὴν ζήτησιν καὶ αὐτῷ διανοηθέντι τοῦτο μὲν δὴ εἰς αὖθις, ἐν δὲ τῷ παρόντι ἐξείη μοι περὶ τῶν νῦν γραφομένων ἐν τῷ περὶ ἑρμηνείας εἰκάσαι ἔνια διεφθαρμένων πολλαχῶς.

1. Ὥσπερ ἡ ποίησις διαιρεῖται τοῖς μέτροις, οἷον ἡμιμέτροις ἢ ἑξαμέτροις ἢ τοῖς ἄλλοις, οὕτω [καὶ τὴν ἑρμηνείαν τὴν λογικὴν διαιρεῖ καὶ διακρίνει τὰ καλούμενα κῶλα]. Ἄμμερος[15]), Σπεγγελίῳ ἑπόμενος ἀντὶ τοῦ ἡμιμέτροις — τριμέτροις τίθησι παραβάλλων § 5. 204 καὶ Ἀριστ. Ῥητ. γ, 1, τελ., ὡς ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῦ τριμέτρου ἀντικειμένου τῷ ἑξαμέτρῳ. Ἀλλ' ἀντίκεισθον κατὰ τὴν σεμνότητα καὶ παρὰ

---

[8]) Beheim-Schwarzbach. Libellus περὶ ἑρμηνείας, qui Demetrii nomine inscriptus est, quo tempore compositus sit. Kiliae 1890.

[9]) K. Dahl, Demetrius περὶ ἑρμ. Zweibrücken 1894.

[10]) K. Hammer, Demetrius περὶ ἑρμ. Lit.-hist. Versuch. Landshut 1883.

[11]) W. Schmid, Der Atticismus. I. Stuttg. 1887. II. Stuttg. 1889.

[12]) W. Schmid, Der Atticismus, I, σ. 155.

[13]) Protag. 333 e. Lysid. 210. e.

[14]) Der Atticismus. II, σ. 71.

[15]) K. Hammer. σ. 68.

μὲν Ἀριστοτέλει τὸ τετράμετρον ἰάμβῳ παράκειται μακρότερον βραχυτέρῳ ὄντι, ἔπειτα μόνον τὸ τοῦ ἡρῴου μεγαλοπρεπὲς τῇ τῆς διαλέκτου (τ. ε. ἰάμβου) εὐτελείᾳ συμβάλλεται. Ὅτι δὲ παρὰ τοῦ Ἀριστοτέλους ταῦτα τὴν αὐτοῦ χώραν ποιῆσαί φησι τὸν Δημήτριον, λεκτέον Ἀριστοτέλει μὲν περὶ τῆς ἐκλογῆς τῶν ὀνομάτων λόγον εἶναι, τῷ δὲ ἡμετέρῳ περὶ τοῦ ῥυθμοῦ συνεχοῦς. Τῶν δὲ τοῦ Δημητρίου ἐν ἑτέρῳ μὲν τόπῳ (5) τοῖς βραχυτέροις τοῦ τριμέτρου (οὐκ ὠνομασμένου) ἐναντίον λέγεται, ἐν ἑτέρῳ δὲ διεφθαρμένῳ ὄντι (204) ἔχει, ὡς βούλεται[16]), καὶ ὅμοιος τῷ τῆς Ῥητ. γ, 1, τελ. Καὶ ἔλεγεν μέν τι ἴσως, εἰ μὴ κρείττω τινὰ νοῦν τῷ τόπῳ ἐνόντα ἐδόκει ἀποκρύπτειν τῇ ἐπανορθώσει· ἐπεὶ δὲ καὶ ἑτέρωθι τῶν ἡμιμέτρων ἐμνήσθη ὁ Δ. (§ 180 ἐὰν ἁρμόζωμεν ἐκ μέτρων τὴν σύνθεσιν ἢ ὅλων ἢ ἡμίσεων), μόνον μεταθετέον δοκεῖ εἶναι τὰ ὀνόματα ὧδέ πως· τοῖς μέτροις, οἷον ἑξαμέτροις ἢ τοῖς ἄλλοις, ἢ ἡμιμέτροις.

7. *Αἱ λιταὶ καθ' Ὅμηρον καὶ χωλαὶ καὶ ῥυσσαὶ ὑπὸ βραδυτῆτος.*

Προσδεῖ τοῦ συνδεσμοῦ· πολλάκις ἄρα τῶν ὡς, καὶ μιγνυμένων, τοῦ δὲ αἱ τοῖς περὶ αὐτὸ γράμμασι (ὀδύρεσθΑΙ—ΑΙταὶ) ὁμοίου (παρ' Ὁμήρῳ ἄπεστι) γράφοιμ' ἂν μεταθείς· ὡς λιταὶ κ. Ὅ. χωλαὶ καὶ ῥυσσαί (εἰ μὴ κατὰ Γέλλερον[17]) καὶ ῥυσσαὶ ἐξαλειπτέον, ὥστε εἶναι· ὡς λιταὶ καθ' Ὅ. χωλαὶ ὑ. β.).

12. *τῶν Ἰσοκρατείων ῥητῶν καὶ Γοργίου καὶ Ἀλκιδάμαντος.*

Γρ. τῶν Ἰσοκράτους μελετῶν κτέ.

παράδειγμα αὐτῆς. Ἑκαταῖος Μιλήσιος... οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοί τε καὶ γελοῖοι, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσίν.

Σύνδεσμον πάλιν προσθετέον, ἐκ τῶν Γρηγορίου τοῦ Κορινθίου λαβόντας, πολλά τε τοῦ Δημητρίου ἐν τοῖς αὐτοῦ εἰς Ἑρμογένην σχολίοις[18]) ἔχοντος καὶ ἀντίγραφον κεκτημένου τῷ ἡμετέρῳ τῷ ἐν Παρισίοις Ρ. ἀρίστῳ ὁμοιότατον· κεῖται δὲ παρ' αὐτῷ· *παράδειγμα δὲ αὐτῆς*[19]). Διηρημένης δὲ ἑρμηνείας ἐστὶ παράδειγμα, Ἀριστοτέλει δὲ τῆς μὲν εἰρομένης[20]) ὅμοιον τὸ Ἡροδότου, τῆς δὲ διῃρημένης Ἰσοκράτους τοῦ Πανηγυρικοῦ ἡ ἀρχή· „πολλάκις ἐθαύμασα τῶν τὰς πανηγύρεις συναγαγόντων καὶ τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας καταστησάντων“. Διαίρεσιν μὲν οὖν ποιεῖν δοκεῖ ὁ σύνδεσμος αὐτῷ τε καὶ Δημητρίῳ, μόνῳ ὀνόματι (διῃρημένης) αὐτοῦ καὶ τὴν εἰρομένην λέξιν καὶ τὴν διῃρημένην καλοῦντι[21]), εἰ ὑγιᾶ τὰ παρὰ Γρηγορίῳ· „Λόγοι... γελοῖοι καὶ ἐμοὶ φαίνονται καὶ εἰσίν“, ὃ διὰ τὰ προειρημένα δισχυρισαίμην ἄν. Ἐκ τοῦ αὐτοῦ καὶ τὰ ἐχόμενα ἄμεινον σχήσει:

---

16) πβ. 205. 4.
17) F. Goeller, Demetrii rhet. de eloc. Lips. 1837, σ. 93.
18) Walz, Rhet. Gr. VII.
19) σ. 1215. 26.
20) Ῥητ. γ. 8.
21) πβ. Ernesti, Lex. techn. Gr. rh., σ. 74 κέ.

14. *ἔχουσά τι καὶ μεγαλεῖον καὶ ἀκριβὲς ἅμα.* 15. *οὕτω γὰρ καὶ ἐγκατάσκευος ἔσται καὶ ἁπλοῦς ἅμα.*

Τούτοις δεῖ παραβαλεῖν 92: *„ἕξει μέντοι τὸ σύνθετον ὄνομα ὁμοῦ ‹καὶ› ποικιλίαν τινα ἐκ τῆς συνθέσεως καὶ μέγεθος“, ὅπου τὸ καὶ Σχένκλιος*[22] *μετὰ τοῦτον δὲ Ἅμμερος*[23]*), ἐξαλείφει ὑπὸ τοῦ ἐπανορθουμένου („τῆς δευτέρας χειρὸς“) εἰπὼν κακῶς προσγεγράφθαι ἐν τῷ Ρ., ὀρθῶς λέγων· ὅτι τῷ ὁμοῦ τε καὶ τῷ ἅμα ἑνὸν τυγχάνει συνέχον τι καὶ ὅμοιον, χώραν τοῦ καὶ ἄλλου κατέχον· Τὸ δὴ αὐτὸ καὶ ἐπὶ τῶν προειρημένων φανερὸν, ἃ τὸ Γρηγορίου ἀντίγραφον ἀφαιρεῖται τὸ ἕτερον καί, ὧδε ἔχον· ἔχουσά τι μεγαλεῖον καὶ ἀκριβὲς ἅμα* (1216. 12) *καί· οὕτω γὰρ ἐγκατάσκευος ἔσται ἁπλοῦς ἅμα* (1216. 16), *ὅθεν καὶ ἄριστον εἶναι καὶ τῇ προτέρᾳ καλουμένῃ χειρὶ τοῦ Ρ. ὅμοιον καὶ ὅμως τι ἴσως διαφέρον ἂν λέγοι τις, ὃ ἐν τοῖς ἑπομένοις ῥηθήσεται. Ἐν δ' ἔτι εἴτε τοῦ „περὶ ἑρμηνείας“ ἀντιγράφου, εἴτε τῶν Γρηγορίου σχολίων ἁμάρτημα ἐπιδείξω· ἔλαθε γὰρ τὸν γραφέα τὸ μὲν ἐκ τῆς αὐτοῦ χώρας ἑτέραν μεταβεβληκὸς παρὰ νοῦν, ἀπὸν μὲν ἐν τοῖς· ἔοικε γοῦν τὰ ( ) περιοδικὰ κῶλα* (1216. 5. *π. ἑρμ.* 13), *πλεονάζον δὲ ἐν τοῖς· δοκιμάζω(μεν) γὰρ δὴ ἔγωγε* (1216. 13. *π. ἑρμ.* 15 *ἀρχ.*), *ἃ καὶ ἐπανορθωτέον παρὰ τῷ Κορινθίῳ.*

21. *καὶ μεμιγμένην ὁμοίαν ἀμφοτέροις.*

Ἴσως ὁποίαν, ὡς ἐν 43 (*ἀμφοῖν μέσος καὶ μέτριος καὶ ὁποῖος συγκεκραμένος*) *τ. ἑ. ὥσπερ· τοῖς γὰρ τοιούτοις μειλίγμασι χρῆται μυρίοις.*

25. *Ἔστι δὲ καὶ παρόμοια κῶλα, ἅτινα παρόμοια ἢ τοῖς ἐπ' ἀρχῆς, οἷον*

δωρητοί τε πέλοντο, παράρρητοί τ' ἐπέεσσιν·

ἢ τοῖς ἐπὶ τέλους.

Τὰ ἀντίγραφα ἔχει· κῶλα ἅτινα παρόμοια δὴ τοῖς ἐπ' ἀρχῆς — ἢ ὡς ἐπὶ τέλους. Ἦν δὲ ὧδέ πως· εἴτινα παρόμοια δὴ ἤτοι ἐπ' ἀρχῆς — ἢ καὶ ἐπὶ τέλους (*ἢ „ἄν τινα παρ. ἢ ἤτοι“ κτέ*), *τοῦ Η μὲν ἑτέρου παραλελειμμένου, τοῦ δὲ C ἐμβεβλημένου· παρόμοιΑΔΗΗΤΟΙCΠἀρχῆς*[24]).

35. *οὐ δυσὶ κώλοις τὴν περίοδον ὁρίζειν ἔοικεν.*

Ἐκ τῆς Δημητρίου συνηθείας Σνείδερος[25]) *ὁρίζεσθαι γραπτέον ἐνόμισεν· ἀλλὰ δύναμιν ἔχει ἐνταῦθα τοῦ μέτρον τιθέναι, ὡς ἔκ τε τῶν ἐχομένων δῆλον· „ἡμεῖς δὲ μέτρον μὲν περιόδου ἐκτεθείμεθα“ καὶ ἐκ τῆς ἀρχῆς* (1): *„κῶλα... ὁρίζοντα τὸν λόγον“.*

39. *δεῖ καὶ τὴν ἐμβολὴν τοῦ κώλου καὶ ἀρχὴν μεγαλοπρεπῆ εὐθὺς εἶναι καὶ τέλος.*

Καὶ ἀρχὴν ἐξαλειπτέον, ἀπρεπὲς τῷ κώλῳ. Καὶ γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις καὶ μάλιστα ἐνταῦθα δῆλος ὁ Δημήτριος καὶ μεταβολήν τινα διώκων μετὰ

[22]) Schenkl, Wiener Studien, 1882., σ. 68.

[23]) K. Hammer. σ. 70.

[24]) *περὶ τῶν ἤτοι — ἢ πβ.* Goeller., σ. 98.

[25]) Goeller. σ. 100.

ὁμοιότητος· τάδε γὰρ ἀλλήλοις ἐπιφέρει διάφορα τοῦ τε ἄρχεσθαι καὶ τοῦ λήγειν ὀνόματα· 1. προκαταρκτικὸν — ἄρχειν, καταληκτικὸν — ἕπεσθαι. 2. ἐμβολὴν — (καὶ ἀρχὴν) — τέλος, ἀρχώμεθα — λήγωμεν. 3. προλεγομένη — ἀπολήγουσα. 4. πρώτων — ὑστάτων.

55. *Τοῖς δὲ παραπληρωματικοῖς συνδέσμοις χρηστέον, οὐχ ὡς προσθήκαις κεναῖς καὶ οἷον προσφύμασιν ἢ παραξύσμασιν, ὥσπερ τινὲς τῷ δὴ χρῶνται πρὸς οὐδὲν καὶ τῷ νυ καὶ τῷ πρότερον, ἀλλ' ἐὰν συμβάλλωνταί τι τῷ μεγέθει τοῦ λόγου.*

Ἐν ἀρχῇ μὲν τὸ καὶ ἀπεῖναι δοκεῖ καὶ ἐπανορθωτέον ἐκ τοῦ Γρηγορίου τ. Κορινθίου ἔχοντος τάδε· καὶ τοῖς παρ. δὲ συνδέσμοις χρ.· τὸ δὲ πρότερον, καὶ παρὰ Γρηγορίῳ κείμενον, ἔκ τινος βραχύτερον γεγραμμένου δόξαντος διέφθαρται, οἷον τὸ πέρ[26]*). Τὸ δὲ πρὸς οὐδὲν θαυμαστέον, εἰ τρὶς ἐν τῇ συνεχείᾳ ταύτῃ* (55—59) *ἐντυγχάνει, καί τι αὐτῶν εἰκὸς μὴ εἶναι γνήσιον· ὃ ἐνταῦθα ὑπάρχειν οἶμαι, τῶν Γρηγορίου ἐχόντων· τῷ δὴ χρῶνται καὶ τῷ νῦν*[27]*) ἄνευ τῆς προσθήκης ἐκείνης.*

Γεγράφθαι δὲ ἐν τῷ Ρ. πρότερον ὁ Σχέγκλιός φησι[28]*)· ἀλλὰ συμβάλλονταί τι τῷ μεγέθει κτἑ — ἀρχαιοειδές τι τῇ συνθέσει· τῆς μὲν οὖν δευτέρας χειρὸς αὐτῷ ὀνομαζομένης τῷ τοῦ Γρηγορίου ἀντιγράφῳ συμφωνούσης ἐνταῦθα, τό τε ἀντίγραφον τοῦτο οὐδετέρᾳ χειρὶ τὸ αὐτὸ εἶναι — τῇ προτέρᾳ γὰρ ἥρμοττεν ἐν τοῖς προειρημένοις — καὶ τὸν „δευτέρᾳ χειρὶ" ἐπανορθωσάμενον τὸ Ρ. οὐκ εἰκῇ ταῦτα πεποιηκέναι εἰκάζω, ἀλλ' ἐξ ἑτέρου βιβλίου*[29]*). Οὐδὲ τὸ ἐν* 289 *πρότερον τοῦ Ρ. χλανίδι παρὰ Γρ. πάρεστι, ἴσως καὶ αὐτῷ οὐκ ὀρθῶς ἀνεγνωκότι*[30]*).*

58. *Οἱ δὲ πρὸς οὐδὲν ἀναπληροῦντες, φησί, τὸν σύνδεσμον ἐοίκασι τοῖς ὑποκριταῖς τοῖς τὸ καὶ τὸ πρὸς οὐδὲν ἔπος λέγουσιν, οἷον εἴ τις ὧδε λέγοι,*

Καλυδὼν μὲν ἥδε γαῖα Πελοπείας χθονός, φεῦ
Ἐν ἀντιπόρθμοις πεδί' ἔχουσ' εὐδαίμονα αἴ, αἴ.

Τὸ φησί οὐκ ὀρθῶς· τὸ γὰρ τοῦ ἐοικέναι ῥῆμα τὸ ἀεὶ λεγόμενον τῷ Δημητρίῳ[31]*) ἐπιδείκνυσιν αὐτοῦ ὄντας τοὺς λόγους, οὐ τ. Πραξιφάνους*[32]*). Ἐπεὶ δὲ τὸ Γρ. ἀντίγραφον οὐκ εἶχεν τὸ φησὶ τοῦτο („πρὸς οὐδ. ἀναπληροῦντες τὸν σύνδεσμον κτἑ"* 1213. 24) *ἐκπεσεῖν αὐτὸ δεῖ. — Ἀντὶ δὲ τοῦ· εἴ τις ὧδε λέγοι τὰ τοῦ Ρ. καὶ τοῦ Γρ. εἴ τις ὧδε λέγει ἀναληπτέον·*

---

26) *πβ.* Dionys. Thrac. *ἐκδ.* G. Vhlig 1883, *σ.* 96 *ἑπ. Παραπληρωματικοὶ δέ εἰσιν... οἵδε· δή ῥά νύ ποῦ τοί θήν ἄρ δῆτα πέρ πώ μήν ἄν αὖ νῦν οὖν κέν γέ.*

27) Walz. VII. 1213.

28) Wiener Studien, *σ.* 69.

29) *πβ.* K. Hammer, *σ.* 66 *ἑπ.*

30) *χλαμύδι. σ.* 1180. 15.

31) *πβ.* K. Hammer. *σ.* 48.

32) *πβ. π. ἑρμ.* 57.

οὐ γὰρ πρὸς τὸν ποιητὴν, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ὑποκριτὰς τὸ λέγει τε καὶ τὰ ἄλλα συντείνει.

69. ἡ συνήθεια αὐτὴ συμπλήττει τὰ γράμματα ταῦτα τοῖς ὀνόμασι.

Γέλλερος· ταῦτα ἐν τοῖς ὀνόμ. Γραπτέον τὰ γράμματα τὰ ἐν τοῖς ὀνόμ.· ὅμοια γὰρ ΥΤΑ, ΕΝ..

76. εἰ καὶ ἐν τοῖς λόγοις—μεγαλοπρέπεια γίγνεται.

Τὰ ἀντ. γένηται. Ἅμμερος[33])· ἐὰν—γένηται. Γραπτέον ἴσως εἰ γεννή(σε)ται.

79. τὴν ὑπώρειαν μὲν τῆς Ἴδης πόδα ἔξην εἰπεῖν τὸν ποιητήν, τὸν δὲ ἀνθρώπου πόδα οὐκέτι ὑπώρειαν εἰπεῖν.

Τὸ οὐκέτι οὐ πάνυ καλῶς ἔχον εκ τοῦ οὐκ ἔστι γεγονέναι οἶμαι· τεκμήριον δέ· ἀεὶ γὰρ δίχα κειμένοις κέχρηται Δημήτριος τοῖς οὐ καὶ ἔτι, οἷον· 8. 30 (τῆς Σπεγγ. ἐκδ. στίχοι προστίθενται) οὐ γὰρ ἔτι. 11, 10. οὐ γὰρ ἔτι οὐδαμοῦ. 31, 31 οὐδ' ἕτερος ἔτι. 232. 23. οὐ δι ἐπιστολῆς ἔτι. 249. 15. οὐ ταυτὸν ἔτι. Λείπεται δὲ μόνον. 16. 16. οὐκέτ' ἂν ἐντὸς εἴη. Τὸ δὲ 21. ὧδε ἔχει· διαλογικὴ δέ ἐστι περίοδος ἡ ἔτι ἀνειμένη, ὅπου τὸ ἔτι προσπταίειν ποιεῖ· ἴσως οὖν ἐκ τοῦ προειρημένου τυγχάνει πεφευγὸς (20. 19)· οὐκ ἂν ἀπολήξειεν [ἔτι] εἰς ἁπλοῦν τέλος.

84. ἑτέραν οὖν ἐπινοήσωμεν μεταφορὰν μὴ μικρότητος αἰτίαν γινομένην μᾶλλον ἢ μεγέθους.

Τὸ μὴ Φίγκχιος ἐμβέβληκε[34]) διαφθείρας τὸν νοῦν. Τοῖς γὰρ προειρημένοις (83), ὅτι „ἔνιαι μεταφοραὶ μικροπρέπειαν ποιοῦσι μᾶλλον ἢ μέγεθος“ ἐπακολουθεῖ τε τὸ „ἑτέραν“ λέγειν „αἰτίαν μικρότητος μᾶλλον ἢ μεγέθους“ καὶ σημαίνει τὸ „ἑτέραν“ οὐκ ἀρετὴν ἕπεσθαι· Ἀντὶ δὲ τοῦ μεταφορὰν γράψαντες μεταφορῶν τοῦ δέοντος τύχοιμεν ἄν.

94. ποιεῖ δὲ μάλιστα μεγαλοπρέπειαν διὰ τὸ οἷον ψόφοις ἐοικέναι καὶ μάλιστα τῷ ξένῳ. Οὐ γὰρ ὄντα ὀνόματα λέγει — ἔοικε γοῦν ὀνοματουργῶν τοῖς κτέ.

Τὸ μάλιστα πρότερον οὐ γνήσιον οὐδὲ δῆλον, ὅ τι τῷ ξένῳ[35]) βούλεται· περὶ καινοῦ γὰρ γενέσεως ἐν τοῖς ἐχομένοις λόγος. Καὶ λέγει δὲ ὀνόματα τίς ποτε ὀνοματουργῶν; ὑπολαμβάνω δὴ· τῷ ΞΕΝΟΦ | ῶντι: βεβαιοῦν δὲ ταῦτα ἔοικε τὸ (98) μετὰ τῶν Ξενοφῶντος ὀνομάτων παράδειγμα παρατεθὲν κείμενον αὖ τὸ τοὖργον, τὸ ὀνοματουργῶν πῶς ἐπαναλαμβάνον („ἐπισφαλὲς μέντοι τοὖργον“). Ἃ δὲ λέγει περὶ τοῦ Ξενοφῶντος παρ' οὗ πλεῖστα εἴληφε παραδείγματα, εκ τούτων ἁπάντων δῆλός ἐστι μάλιστα θαυμάζων τοῦ ἀνδρὸς τὴν λέξιν, ὃν καὶ αὐτὸς ἴσως ὀνόματα ποιῶν μεμίμηται.

102. Φυλάττεσθαι μέντοι κἀπὶ ταύτης τὸ συνεχές.

---

33) K. Hammer. σ. 70.

34) Speng. Rh. gr. III, XIII.

35) Cod. Mor. το ξένον.

Τὸ κἀπὶ σημαίνει πρὸς τὸ προειρημένον (93) *βλέπειν Δημήτριον· φυλάττεσθαι μέντοι διπλᾶ* (*δεῖ πολλὰ* Speng.) *τιθέναι τὰ διπλᾶ ὀνόματα: οὔτε δὴ τὸ φυλάττεσθαι ἐνταῦθα — διώκειν, οὔτε τὸ συνεχὲς* — „Das in Begriffen u. Bildern verwandte", *ὡς βούλεται Γέλλερος* (σ. 116).

105. *Συμβέβληται δὲ καὶ ἡ ὁμοιότης τῶν ὀνομάτων καὶ ἡ δυσφωνία — ὥσπερ*

Αἴας δ' ὁ μέγας αἰὲν ἐφ' Ἕκτορι

πολὺ γὰρ μᾶλλον τὸν Αἴαντα μέγαν ἐνέφηνεν ἡ τῶν δύο σύμπληξις τῆς ἑπταβοείου ἀσπίδος·

Τίνων δὲ δύο; οἶμαι· τῶν ΑΙϹ ὑμπληξις (*ἢ τῶν αἶ δὶς σ.*) *πβ.* 69.

110. *ὡσαύτως δὲ καὶ ἡ γνώμη ἐπιφωνουμένῳ τινὶ ἔοικεν ἐπὶ προειρημένοις, ἀλλ' οὐδ' αὕτη ἐπιφώνημά ἐστι.*

οὐδ' αὐτὴ εἰκάζων Ἄμμερος (σ. 71) *παραβάλλει* 109. 111, 31. 327. 18. *ὃ ἔοικε μὲν τῇ ἀληθείᾳ — καὶ γὰρ προείρηται* (108) *τὸ καὶ αὐτὸ καὶ ἐπιφέρεται* (111) *τὸ οὐδ' αὐτό, ἐνθυμητέον δὲ τὸν Δημ. τὰ μὲν ὁμοειδῆ εἶναι, τὰ δὲ καὶ ποικιλίας τινὸς ἔχεσθαι· τοῦ δὲ τόπου τίς διάνοια; τὸ ἐπιφώνημα λέγει καὶ τῷ ἐνθυμήματι ἐοικέναι, οὐκ ὄν, καὶ τῇ γνώμῃ, οὐδὲ τοῦτο* (*αὕτη*) *ὄν· δῆλον δὴ τῇ γνώμῃ ἐξομοιούμενον τὸ τοῦτο αὕτη λελέχθαι, οὐδ' ὅτι ἡ γνώμη οὐκ ἐπιφώνημα, ἀλλ' ὅτι τὸ ἐπιφώνημα οὐδὲ γνώμη ἐστί.*

146. *ὥσπερ ἡ σελήνη τῶν ἄλλων ἄστρων, ἢ ὁ ἥλιος ὁ λαμπρότερος.*

Σπεγγ.: λαμπρότατος· Ἄμμερ. (σ. 70) *τὸ λαμπρότερος φησὶν εὖ ἔχειν, τοῦ τῆς σελήνης τῷ νῷ προστιθεμένου· ἐμοὶ δὲ πρὸς τὸ τῶν ἄλλων ἄστρων δοκεῖ τείνειν· τὸ δὲ „ὁ" ἴσως ἀπῆν*[36]).

156. *ὡς ἐπιπληθύωνται αὐτῷ αἱ χάριτες.*

Θαυμαστὸν ὂν τὸ ἐπιπληθύωνται ἐκ τοῦ ἐπιπληθύωσιν διεφθάρθαι νομίζω (*ΤΑΙ* | *ΙΝ*).

159. *ἐκ φόβου ἀλλασσομένου γίνεται χάρις.*

Οὐκ ἂν εἴη ὀρθὸν καὶ γραπτέον· ἀλλασσομένη.

182. *οἷον ὀλίσθῳ τινὶ ἔοικε τὰ κῶλα:*

Τὸ ὀλίσθῳ ὑποψίαν παρέχει καὶ δοκεῖ ταῦτα ὧδε ἔχειν· οἷον ὀλισθαίνοντι ἔοικε τὰ κῶλα.

216. *τοῦτο γὰρ ἡ λεγομένη ἀπὸ Σκυθῶν ῥῆσίς ἐστιν.*

Ἄπεστι τὰ ὀνόματα ἐν τοῖς Γρ. τοῦ Κορινθίου· ἴσως οὖν οὐδὲ παρὰ Δημητρίῳ ἔκειτο.

Κατὰ μικρὸν καὶ κατὰ βραχὺ προϊὼν μόλις.

Τὸ αὐτὸ κακῶς δὶς εἴρηται· ὁ δὲ Γρηγόριος ἄμεινον· καὶ οὕτω κατὰ μικρὸν προϊὼν μόλις, ὥστε ὧδέ πως ἐξεῖναι ἐπανορθώσασθαι· κατὰ μικρὸν οὖν προϊὼν μόλις.

[36]) Walz: ὁ non est in b., IX, σ. 68

285. *Τὸ δὲ πτισάνην ῥοφῶσαν, ἐπεὶ ἐν κρεανομίαις τότε καὶ πανδαισίαις διάγουσαν ἀπολλύειν τὰ στρατιωτικὰ χρήματα.*

Ἀντὶ τοῦ ἐπεὶ γραπτέον εἶπε.

288. 18. *λοιδορία γὰρ ἦν ὁ λόγος*·—22. *πάντα γὰρ τὰ προειρημένα ἐμφαίνεται τῷ ἐν Αἰγίνῃ ἦσαν.*

. *Ἐν μὲν τῷ Ρ.-ἐμφ· τὸ ἐν Αἰγ. ἦ., ἐν δὲ τῷ προτέρῳ τὸ ἂν ἄπεστιν· ἐνεῖναι οὖν αὐτὸ τῷ ἐμφαίνεται ἡγοῦμαι· λοιδορία γὰρ ἦν ἂν ὁ λ. — πάντα γ. τ. πρ. ἐμφαίνει τὸ ἐν Αἰγ. ἦ.*

289. *ὀνειδίσαι ὁρμῶντες.*

Γρ. Κορ. ὁρμώμενοι, ὅθεν τὰς τελευτὰς ἀδήλους οὔσας τῶν ὀνομάτων ἐν τῷ ἀντιγράφῳ ἀρχαιοτέρῳ[37]) *μαθόντας, δεῖ τινα ἐπανορθώσασθαι, ὥσπερ τοῦ Κορινθίου* (1179. 9)· *ἐπαινέσομεν, παρὰ γὰρ τῷ Δημητρίῳ* (292) *ἀντίστροφον — ἐπαινεσόμεθα, καὶ τοῦ Δ.* (295) *ἐπαινέσομεν.*[38]) *Ἐν γὰρ τῷ.. ἐμφαίνεται ἡ ὑπερηφανία τοῦ Κρατεροῦ πᾶσα ὠνειδισμένη ἐν σχήματι.*

Τὰ αὐτὰ καὶ τῷ Κορινθίῳ· μόνον ἀντὶ τοῦ ἐν σχήματι ἔχει· ἐπίκρυψιν[39]) *(ἐμφαίνεται). Γρ. κατ' ἐπίκρυψιν*[40]).

---

[37]) *ἰδὲ* K. Hammer, *σ.* 67.

[38]) *ἰδὲ* Speng., III, XVII.

[39]) Walz. VII, *σ.* 1180. 20.

[40]) *Το αὐτὸ περὶ τοῦ* 1180. 20. *Γέρβερος* (Th. Gerber. Quae in commentariis a Gregorio Cor. in Hermog. scriptis etc. Kiliae 1891), *σ.* 15 *διάφορα δὲ περὶ τῶν* 1216. 2. 14. (*σ.* 16).

ЗАМѢТКИ КЪ ЭСХИЛУ.

Я. А. Денисова.

γλαφυρῷ χαρακτῆρι τιθέναι αὐτὸν τὰς χάριτας, ὃν ἔοικεν ἡγεῖσθαι τῶν ἄλλων ποιητικώτερον, — ἕτερα δ' ἑτέρῳ προσήκοντα σαφῶς ἐπιδείκνυσι — ἔπειτα οὐδ' ἐν τούτῳ τὰ ποιητικὰ λαμβάνειν κελεύει, ἀλλὰ μόνον ἐπὶ παραδείγματος αὐτοῖς χρῆται προστιθείς τινα, ὥσπερ· „ἃ μάλιστα δὴ κωμῳδικὰ παίγνιά ἐστι καὶ σατυρικά" (143), ἢ „ἢ ὅσα ἄλλα ἐστὶ ποιητικώτερα" (146), τοῖς δὲ ποιητικοῖς παραδείγμασιν, ἄλλοις τε καὶ τοῦ Ὁμήρου μάλιστα κέχρηται διὰ παντὸς συγγράμματος. Ἀλλ' οὐδ' ἠγάπησαν τούτοις οἱ φιλόλογοι, τοῦ μὴ ἀφιέναι μεμνημένοι τὴν περὶ τοῦ ἀληθοῦς ζήτησιν, πρὶν πανταχῇ σκοπῶν ἀπείποι τις· ἀλλὰ τῶν ὀνομάτων ἐπιλαβόμενοι καὶ τῆς „συντάξεως" καλουμένης τοῦ Δημητρίου ἀνεσκόπουν περὶ τοῦ χρόνου τῆς γραφῆς ὅ τε Βεχείμιος[8]) καὶ ὁ Δαίλιος[9]), Ἀμμέρῳ ἑπόμενοι ταῦτα προειργασμένῳ[10]), ὧν εἰ μὴ ἐπισφαλὴς ἡ ὁδός, ἐκ τῶν μελλόντων ῥηθήσεσθαι αὐτοῖς ἔσται δῆλον, οὐκέτι γὰρ τέλος ἔχει ἡ ζήτησις (ἰδὲ τ. Δαίλιον). Τὸ δὲ ὀνόματα μόνα ἀναζητεῖν καὶ τοῖς ὀνομάστοις ἁμαρτήματος αἴτιον τυγχάνει ὄν, ὥσπερ παρὰ Σμιδίῳ[11]) τὸ ἀγωνιᾶν (συναγωνιᾶν δὲ ὁ Δημήτριος ἔχει) μοὶ ἐπιτυγχάνει πρῶτον μὲν οὐ φήσαντί[12]) τινι τοῦ Πολυβίου προτέρῳ σημαίνειν τὸ φοβεῖσθαι τε καὶ ταράττεσθαι, τοῦ δὲ θυμικοῦ καὶ ὀξυθύμου δύναμιν καὶ Ἀριστοτέλει ἔχειν (οὐκ ὀρθῶς δὲ χρωμένῳ τοῖς αὐτοῦ ὅτι οὐδὲν ἄλλο ἢ φοβεῖσθαι τῷ ἀνδρὶ ἀγωνιᾶν ἐν τ. Ῥητ. β. 5. 1383ᵃ6 „ἀλλὰ δεῖ τινα ἐλπίδα ὑπεῖναι σωτηρίας περὶ οὗ ἀγωνιῶσι" καὶ α 9. 1367ᵃ15. — καὶ ἀγωνία δὲ αὐτῷ φόβος. Προβλ. β 31. 869ᵇ6 κτέ) τότε δὲ ἀνευρόντι καὶ παρὰ Πλάτωνι[13]) τῇ αὐτῇ δυνάμει κείμενον καὶ μεταποιήσαντι μὲν τὴν γνώμην, οὐ μὴν ὥς γ' ἔδει[14]). Τοιούτων τῶν ὀνομάτων καίπερ ἡττώμενον τὸν Δημήτριον ὅμως ἐοικέναι θαυμαστῶς ὡς τῷ Φαληρεῖ ἂν φαίην. Συμβαλέσθαι δέ τι εἰς ταύτην τὴν ζήτησιν καὶ αὐτῷ διανοηθέντι τοῦτο μὲν δὴ εἰς αὖθις, ἐν δὲ τῷ παρόντι ἐξείη μοι περὶ τῶν νῦν γραφομένων ἐν τῷ περὶ ἑρμηνείας εἰκάσαι ἔνια διεφθαρμένων πολλαχῶς.

1. Ὥσπερ ἡ ποίησις διαιρεῖται τοῖς μέτροις, οἷον ἡμιμέτροις ἢ ἑξαμέτροις ἢ τοῖς ἄλλοις, οὕτω [καὶ τὴν ἑρμηνείαν τὴν λογικὴν διαιρεῖ καὶ διακρίνει τὰ καλούμενα κῶλα]. Ἅμμερος[15]), Σπεγγελίῳ ἑπόμενος ἀντὶ τοῦ ἡμιμέτροις — τριμέτροις τίθησι παραβάλλων § 5. 204 καὶ Ἀριστ. Ῥητ. γ, 1, τελ., ὡς ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῦ τριμέτρου ἀντικειμένου τῷ ἑξαμέτρῳ. Ἀλλ' ἀντίκεισθον κατὰ τὴν σεμνότητα καὶ παρὰ

---

[8]) Beheim-Schwarzbach. Libellus περὶ ἑρμηνείας, qui Demetrii nomine inscriptus est, quo tempore compositus sit. Kiliae 1890.

[9]) K. Dahl, Demetrius περὶ ἑρμ. Zweibrücken 1894.

[10]) K. Hammer, Demetrius περὶ ἑρμ. Lit.-hist. Versuch. Landshut 1883.

[11]) W. Schmid, Der Atticismus. I. Stuttg. 1887. II. Stuttg. 1889.

[12]) W. Schmid, Der Atticismus, I, σ. 155.

[13]) Protag. 333 e. Lysid. 210. e.

[14]) Der Atticismus. II, σ. 71.

[15]) K. Hammer. σ. 68.

μὲν Ἀριστοτέλει τὸ τετράμετρον ἰάμβῳ παράκειται μακρότερον βραχυτέρῳ ὄντι, ἔπειτα μόνον τὸ τοῦ ἡρῴου μεγαλοπρεπὲς τῇ τῆς διαλέκτου (τ. ε. ἰάμβου) εὐτελείᾳ συμβάλλεται. Ὅτι δὲ παρὰ τοῦ Ἀριστοτέλους ταῦτα τὴν αὐτοῦ χώραν ποιῆσαί φησι τὸν Δημήτριον, λεκτέον Ἀριστοτέλει μὲν περὶ τῆς ἐκλογῆς τῶν ὀνομάτων λόγον εἶναι, τῷ δὲ ἡμετέρῳ περὶ τοῦ ῥυθμοῦ συνεχοῦς. Τῶν δὲ τοῦ Δημητρίου ἐν ἑτέρῳ μὲν τόπῳ (5) *τοῖς βραχυτέροις τοῦ τριμέτρου (οὐκ ὠνομασμένου) ἐναντίον λέγεται, ἐν ἑτέρῳ δὲ διεφθαρμένῳ ὅτι* (204) *ἔχει, ὡς βούλεται*[16]), *καὶ ὅμοιος τῷ τῆς Ῥητ. γ,* 1, *τελ. Καὶ ἔλεγεν μέν τι ἴσως, εἰ μὴ κρείττω τινὰ νοῦν τῷ τόπῳ ἐνόντα ἐδόκει ἀποκρύπτειν τῇ ἐπανορθώσει· ἐπεὶ δὲ καὶ ἑτέρωθι τῶν ἡμιμέτρων ἐμνήσθη ὁ Δ.* (§ 180 *ἐὰν ἁρμόζωμεν ἐκ μέτρων τὴν σύνθεσιν ἢ ὅλων ἢ ἡμίσεων), μόνον μεταθετέον δοκεῖ εἶναι τὰ ὀνόματα ὧδέ πως·*

τοῖς μέτροις, οἷον ἑξαμέτροις ἢ τοῖς ἄλλοις, ἢ ἡμιμέτροις.

7. *Αἱ λιταὶ καθ' Ὅμηρον καὶ χωλαὶ καὶ ῥυσσαὶ ὑπὸ βραδυτῆτος.*

Προσδεῖ τοῦ συνδεσμοῦ· πολλάκις ἄρα τῶν ὡς, καὶ μιγνυμένων, τοῦ δὲ αἱ τοῖς περὶ αὐτὸ γράμμασι (ὀδύρεσθ·ΑΙ—ΛΙταὶ) ὁμοίου (παρ' Ὁμήρῳ ἄπεστι) γράφοιμ' ἂν μεταθείς· ὡς λιταὶ κ. Ὅ. χωλαὶ καὶ ῥυσσαί (εἰ μὴ κατὰ Γέλλερον[17]) *καὶ ῥυσσαὶ ἐξαλειπτέον, ὥστε εἶναι· ὡς λιταὶ καθ' Ὅ. χωλαὶ ὑ. β.).*

12. *τῶν Ἰσοκρατείων ῥητῶν καὶ Γοργίου καὶ Ἀλκιδάμαντος.*

Γρ. τῶν Ἰσοκράτους μελετῶν κτέ.

παράδειγμα αὐτῆς. Ἑκαταῖος Μιλήσιος... οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοί τε καὶ γελοῖοι, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσίν.

Σύνδεσμον πάλιν προσθετέον, ἐκ τῶν Γρηγορίου τοῦ Κορινθίου λαβόντας, πολλά τε τοῦ Δημητρίου ἐν τοῖς αὐτοῦ εἰς Ἑρμογένην σχολίοις[18]) *ἔχοντος καὶ ἀντίγραφον κεκτημένου τῷ ἡμετέρῳ τῷ ἐν Παρισίοις Ρ. ἀρίστῳ ὁμοιότατον· κεῖται δὲ παρ' αὐτῷ· παράδειγμα δὲ αὐτῆς*[19]). *Διῃρημένης δὲ ἑρμηνείας ἐστὶ παράδειγμα, Ἀριστοτέλει δὲ τῆς μὲν εἰρομένης*[20]) *ὅμοιον τὸ Ἡροδότου, τῆς δὲ διῃρημένης Ἰσοκράτους τοῦ Πανηγυρικοῦ ἡ ἀρχή· „πολλάκις ἐθαύμασα τῶν τὰς πανηγύρεις συναγαγόντων καὶ τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας καταστησάντων“. Διαίρεσιν μὲν οὖν ποιεῖν δοκεῖ ὁ σύνδεσμος αὐτῷ τε καὶ Δημητρίῳ, μόνῳ ὀνόματι (διῃρημένης) αὐτοῦ καὶ τὴν εἰρομένην λέξιν καὶ τὴν διῃρημένην καλοῦντι*[21]), *εἰ ὑγιᾶ τὰ παρὰ Γρηγορίῳ· „Λόγοι... γελοῖοι καὶ ἐμοὶ φαίνονται καὶ εἰσίν“, ὃ διὰ τὰ προειρημένα δισχυρισαίμην ἄν. Ἐκ τοῦ αὐτοῦ καὶ τὰ ἐχόμενα ἄμεινον σχήσει:*

---

16) πβ. 205. 4.
17) F. Goeller, Demetrii rhet. de eloc. Lips. 1837, σ. 93.
18) Walz, Rhet. Gr. VII.
19) σ. 1215. 26.
20) Ῥητ. γ. 8.
21) πβ. Ernesti, Lex. techn. Gr. rh., σ. 74 κέ.

14. *ἔχουσά τι καὶ μεγαλεῖον καὶ ἀκριβὲς ἅμα.* 15. *οὕτω γὰρ καὶ ἐγκατάσκευος ἔσται καὶ ἁπλοῦς ἅμα.*

Τούτοις δεῖ παραβαλεῖν 92: „ἕξει μέντοι τὸ σύνθετον ὄνομα ὁμοῦ ⟨καὶ⟩ ποικιλίαν τινα ἐκ τῆς συνθέσεως καὶ μέγεθος", ὅπου τὸ καὶ Σχέγκλιος[22]) μετὰ τοῦτον δὲ Ἅμμερος[23]), ἐξαλείφει ὑπὸ τοῦ ἐπανορθουμένου („τῆς δευτέρας χειρὸς") εἰπὼν κακῶς προσγεγράφθαι ἐν τῷ Ρ., ὀρθῶς λέγων· ὅτι τῷ ὁμοῦ τε καὶ τῷ ἅμα ἐνὸν τυγχάνει συνέχον τι καὶ ὅμοιον, χώραν τοῦ καὶ ἄλλου κατέχον· Τὸ δὴ αὐτὸ καὶ ἐπὶ τῶν προειρημένων φανερὸν, ἐ: τὸ Γρηγορίου ἀντίγραφον ἀφαιρεῖται τὸ ἕτερον καὶ, ὧδε ἔχον· *ἔχουσά τι μεγαλεῖον καὶ ἀκριβὲς ἅμα* (1216. 12) καὶ· *οὕτω γὰρ ἐγκατάσκευος ἔσται ἁπλοῦς ἅμα* (1216. 16), ὅθεν καὶ ἄριστον εἶναι καὶ τῇ προτέρᾳ καλουμένῃ χειρὶ τοῦ Ρ. ὅμοιον καὶ ὅμως τι ἴσως διαφέρον ἂν λέγοι τις, ὃ ἐν τοῖς ἑπομένοις ῥηθήσεται. Ἐν δ' ἔτι εἴτε τοῦ „περὶ ἑρμηνείας" ἀντιγράφου, εἴτε τῶν Γρηγορίου σχολίων ἁμάρτημα ἐπιδείξω· ἔλαθε γὰρ τὸν γραφέα τὸ μὲν ἐκ τῆς αὐτοῦ χώρας ἑτέραν μεταβεβληκὸς παρὰ νοῦν, ἀπὸν μὲν ἐν τοῖς· *ἔοικε γοῦν τὰ ( ) περιοδικὰ κῶλα* (1216. 5. π. ἑρμ. 13), πλεονάζον δὲ ἐν τοῖς· *δοκιμάζω(μεν) γὰρ δὴ ἔγωγε* (1216. 13. π. ἑρμ. 15 ἀρχ.), ἃ καὶ ἐπανορθωτέον παρὰ τῷ Κορινθίῳ.

21. *καὶ μεμιγμένην ὁμοίαν ἀμφοτέροις.*

Ἴσως *ὁποίαν*, ὡς ἐν 43 (ἀμφοῖν μέσος καὶ μέτριος καὶ *ὁποῖος συγκεκραμένος*) τ. ἐ. ὥσπερ· τοῖς γὰρ τοιούτοις μειλίγμασι χρῆται μυρίοις.

25. *Ἔστι δὲ καὶ παρόμοια κῶλα, ἅτινα παρόμοια ἢ τοῖς ἐπ' ἀρχῆς, οἷον*

δωρητοί τε πέλοντο, παράρρητοί τ' ἐπέεσσιν·

ἢ τοῖς ἐπὶ τέλους.

Τὰ ἀντίγραφα ἔχει· κῶλα ἅτινα παρόμοια δὴ τοῖς ἐπ' ἀρχῆς — ἢ ὡς ἐπὶ τέλους. Ἦν δὲ ὧδέ πως· εἴτινα παρόμοια δὴ ἤτοι ἐπ' ἀρχῆς — ἢ καὶ ἐπὶ τέλους (ἢ „ἄν τινα παρ. ἢ ἤτοι" κτἑ), τοῦ Η μὲν ἑτέρου παραλελειμμένου, τοῦ δὲ C ἐμβεβλημένου· παρόμοιΑΔΗΗΤΟΙCΠἀρχῆς[24]).

35. *οὐ δυσὶ κώλοις τὴν περίοδον ὁρίζειν ἔοικεν.*

Ἐκ τῆς Δημητρίου συνηθείας Σνείδερος[25]) *ὁρίζεσθαι* γραπτέον ἐνόμισεν· ἀλλὰ δύναμιν ἔχει ἐνταῦθα τοῦ μέτρον τιθέναι, ὡς ἔκ τε τῶν ἐχομένων δῆλον· „*ἡμεῖς δὲ μέτρον* μὲν περιόδου ἐκτεθείμεθα" καὶ ἐκ τῆς ἀρχῆς (1): „κῶλα... ὁρίζοντα τὸν λόγον".

39. *δεῖ καὶ τὴν ἐμβολὴν τοῦ κώλου καὶ ἀρχὴν μεγαλοπρεπῆ εὐθὺς εἶναι καὶ τέλος.*

Καὶ *ἀρχὴν* ἐξαλειπτέον, ἀπρεπὲς τῷ κώλῳ. Καὶ γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις καὶ μάλιστα ἐνταῦθα δῆλος ὁ Δημήτριος καὶ μεταβολήν τινα διώκων μετὰ

[22]) Schenkl, Wiener Studien, 1882., σ. 68.
[23]) K. Hammer. σ. 70.
[24]) περὶ τῶν ἤτοι — ἢ πβ. Goeller., σ. 93.
[25]) Goeller. σ. 100.

ὁμοιότητος· τάδε γὰρ ἀλλήλοις ἐπιφέρει διάφορα τοῦ τε ἄρχεσθαι καὶ τοῦ λήγειν ὀνόματα· 1. προκαταρκτικὸν — ἄρχειν, καταληκτικὸν — ἕπεσθαι. 2. ἐμβολὴν — (καὶ ἀρχὴν) — τέλος, ἀρχώμεθα — λήγωμεν. 3. προλεγομένη — ἀπολήγουσα. 4. πρώτων — ὑστάτων.

55. *Τοῖς δὲ παραπληρωματικοῖς συνδέσμοις χρηστέον, οὐχ ὡς προσθήκαις κεναῖς καὶ οἷον προσφύμασιν ἢ παραξύσμασιν, ὥσπερ τινὲς τῷ δὴ χρῶνται πρὸς οὐδὲν καὶ τῷ νυ καὶ τῷ πρότερον, ἀλλ' ἐὰν συμβάλλωνταί τι τῷ μεγέθει τοῦ λόγου.*

Ἐν ἀρχῇ μὲν τὸ καὶ ἀπεῖναι δοκεῖ καὶ ἐπανορθωτέον ἐκ τοῦ Γρηγορίου τ. Κορινθίου ἔχοντος τάδε· καὶ τοῖς παρ. δὲ συνδέσμοις χρ.· τὸ δὲ πρότερον, καὶ παρὰ Γρηγορίῳ κείμενον, ἔκ τινος βραχύτερον γεγραμμένου δόξαντος διέφθαρται, οἷον τὸ πέρ[26]). Τὸ δὲ πρὸς οὐδὲν θαυμαστέον, εἰ τρὶς ἐν τῇ συνεχείᾳ ταύτῃ (55—59) ἐντυγχάνει, καί τι αὐτῶν εἰκὸς μὴ εἶναι γνήσιον· ὃ ἐνταῦθα ὑπάρχειν οἶμαι, τῶν Γρηγορίου ἐχόντων· τῷ δὴ χρῶνται καὶ τῷ νῦν[27]) ἄνευ τῆς προσθήκης ἐκείνης.

Γεγράφθαι δὲ ἐν τῷ Ρ. πρότερον ὁ Σχέγκλιός φησι[28])· ἀλλὰ συμβάλλονταί τι τῷ μεγέθει κτἑ — ἀρχαιοειδές τι τῇ συνθέσει· τῆς μὲν οὖν δευτέρας χειρὸς αὐτῷ ὀνομαζομένης τῷ τοῦ Γρηγορίου ἀντιγράφῳ συμφωνούσης ἐνταῦθα, τό τε ἀντίγραφον τοῦτο οὐδετέρᾳ χειρὶ τὸ αὐτὸ εἶναι — τῇ προτέρᾳ γὰρ ἥρμοττεν ἐν τοῖς προειρημένοις — καὶ τὸν „δευτέρᾳ χειρὶ“ ἐπανορθωσάμενον τὸ Ρ. οὐκ εἰκῇ ταῦτα πεποιηκέναι εἰκάζω, ἀλλ' ἐξ ἑτέρου βιβλίου[29]). Οὐδὲ τὸ ἐν 289 πρότερον τοῦ Ρ. χλανίδι παρὰ Γρ. πάρεστι, ἴσως καὶ αὐτῷ οὐκ ὀρθῶς ἀνεγνωκότι[30]).

58. *Οἱ δὲ πρὸς οὐδὲν ἀναπληροῦντες, φησί, τὸν σύνδεσμον ἐοίκασι τοῖς ὑποκριταῖς τοῖς τὸ καὶ τὸ πρὸς οὐδὲν ἔπος λέγουσιν, οἷον εἴ τις ὧδε λέγοι,*

Καλυδὼν μὲν ἥδε γαῖα Πελοπείας χθονός, φεῦ
Ἐν ἀντιπόρθμοις πεδί' ἔχουσ' εὐδαίμονα αἴ, αἴ.

Τὸ φησί οὐκ ὀρθῶς· τὸ γὰρ τοῦ ἐοικέναι ῥῆμα τὸ ἀεὶ λεγόμενον τῷ Δημητρίῳ[31]) ἐπιδείκνυσιν αὐτοῦ ὄντας τοὺς λόγους, οὐ τ. Πραξιφάνους[32]). Ἐπεὶ δὲ τὸ Γρ. ἀντίγραφον οὐκ εἶχεν τὸ φησὶ τοῦτο („πρὸς οὐδ. ἀναπληροῦντες τὸν σύνδεσμον κτἑ“ 1213. 24) ἐκπεσεῖν αὐτὸ δεῖ. — Ἀντὶ δὲ τοῦ· εἴ τις ὧδε λέγοι τὰ τοῦ Ρ. καὶ τοῦ Γρ. εἴ τις ὧδε λέγει ἀναληπτέον·

[26]) πβ. Dionys. Thrac. ἐκδ. G. Uhlig 1883, σ. 96 ἑπ. Παραπληρωματικοὶ δέ εἰσιν... οἵδε· δή ῥά νύ ποῦ τοί θήν ἄρ δῆτα πέρ πώ μήν ἄν αὖ νῦν οὖν κέν γέ.

[27]) Walz. VII. 1213.

[28]) Wiener Studien, σ. 69.

[29]) πβ. K. Hammer, σ. 66 ἑπ.

[30]) χλαμύδι. σ. 1180. 15.

[31]) πβ. K. Hammer. σ. 48.

[32]) πβ. π. ἑρμ. 57.

οὐ γὰρ πρὸς τὸν ποιητὴν, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ὑποκριτὰς τὸ λέγει τε καὶ τὰ ἄλλα συντείνει.

69. *ἡ συνήθεια αὐτὴ συμπλήττει τὰ γράμματα ταῦτα τοῖς ὀνόμασι.*

Γέλλερος· ταῦτα ἐν τοῖς ὀνόμ. Γραπτέον· τὰ γράμματα τὰ ἐν τοῖς ὀνόμ.· ὅμοια γὰρ ΥΤΑ, ΕΝ..

76. *εἰ καὶ ἐν τοῖς λόγοις — μεγαλοπρέπεια γίγνεται.*

Τὰ ἀντ. γένηται. Ἄμμερος[33])· *ἐὰν — γένηται. Γραπτέον ἴσως· εἰ γενή(σε)ται.*

79. *τὴν ὑπώρειαν μὲν τῆς Ἴδης πόδα ἐξῆν εἰπεῖν τὸν ποιητήν, τὸν δὲ ἀνθρώπου πόδα οὐκέτι ὑπώρειαν εἰπεῖν.*

Τὸ οὐκέτι οὐ πάνυ καλῶς ἔχον ἐκ τοῦ οὐκ ἔστι γεγονέναι οἶμαι· τεκμήριον δέ· ἀεὶ γὰρ δίχα κειμένοις κέχρηται Δημήτριος τοῖς οὐ καὶ ἔτι, οἷον· 8. 30 (*τῆς Σπεγγ. ἐκδ. στίχοι προστίθενται*) *οὐ γὰρ ἔτι.* 11, 10. *οὐ γὰρ ἔτι οὐδαμοῦ.* 31, 31 *οὐδ' ἕτερος ἔτι.* 232. 23. *οὐ δι ἐπιστολῆς ἔτι.* 249. 15. *οὐ ταυτὸν ἔτι. Λείπεται δὲ μόνον.* 16. 16. *οὐκέτ' ἂν ἐντὸς εἴη. Τὸ δὲ* 21. *ὧδε ἔχει· διαλογικὴ δέ ἐστι περίοδος ἡ ἔτι ἀνειμένη, ὅπου τὸ ἔτι προσπταίειν ποιεῖ· ἴσως οὖν ἐκ τοῦ προειρημένου τυγχάνει πεφευγὸς* (20. 19)· *οὐκ ἂν ἀπολήξειεν [ἔτι] εἰς ἁπλοῦν τέλος.*

84. *ἑτέραν οὖν ἐπινοήσωμεν μεταφορὰν μὴ μικρότητος αἰτίαν γινομένην μᾶλλον ἢ μεγέθους.*

Τὸ μὴ Φίγκχιος ἐμβέβληκε[34]) *διαφθείρας τὸν νοῦν. Τοῖς γὰρ προειρημένοις* (83), *ὅτι „ἔνιαι μεταφοραὶ μικροπρέπειαν ποιοῦσι μᾶλλον ἢ μέγεθος" ἐπακολουθεῖ τε τὸ „ἑτέραν" λέγειν „αἰτίαν μικρότητος μᾶλλον ἢ μεγέθους" καὶ σημαίνει τὸ „ἑτέραν" οὐκ ἀρετὴν ἕπεσθαι· Ἀντὶ δὲ τοῦ μεταφορὰν γράψαντες μεταφορῶν τοῦ δέοντος τύχοιμεν ἄν.*

94. *ποιεῖ δὲ μάλιστα μεγαλοπρέπειαν διὰ τὸ οἷον ψόφοις ἐοικέναι καὶ μάλιστα τῷ ξένῳ. Οὐ γὰρ ὄντα ὀνόματα λέγει — ἔοικε γοῦν ὀνοματουργῶν τοῖς κτέ.*

Τὸ μάλιστα πρότερον οὐ γνήσιον οὐδὲ δῆλον, ὅ τι τῷ ξένῳ[35]) *βούλεται· περὶ καινοῦ γὰρ γενέσεως ἐν τοῖς ἐχομένοις λόγος. Καὶ λέγει δὲ ὀνόματα τίς ποτε ὀνοματουργῶν; ὑπολαμβάνω δή· τῷ ΞΕΝΟΦ | ὤντι: βεβαιοῦν δὲ ταῦτα ἔοικε τὸ* (98) *μετὰ τῶν Ξενοφῶντος ὀνομάτων παράδειγμα παρατεθὲν κείμενον αὖ τὸ τοὖργον, τὸ ὀνοματουργῶν πῶς ἐπαναλαμβάνον („ἐπισφαλὲς μέντοι τοὖργον"). Ἃ δὲ λέγει περὶ τοῦ Ξενοφῶντος παρ' οὗ πλεῖστα εἴληφε παραδείγματα, ἐκ τούτων ἁπάντων δῆλός ἐστι μάλιστα θαυμάζων τοῦ ἀνδρὸς τὴν λέξιν, ὃν καὶ αὐτὸς ἴσως ὀνόματα ποιῶν μεμίμηται.*

102. *Φυλάττεσθαι μέντοι κἀπὶ ταύτης τὸ συνεχές.*

---

33) K. Hammer. σ. 70.
34) Speng. Rh. gr. III, XIII.
35) Cod. Mor. *το ξένον.*

Τὸ κἀπὶ σημαίνει πρὸς τὸ προειρημένον (93) βλέπειν Δημήτριον· φυλάττεσθαι μέντοι διπλᾶ (δεῖ πολλὰ Speng.) τιθέναι τὰ διπλᾶ ὀνόματα: οὔτε δὴ τὸ φυλάττεσθαι ἐνταῦθα — διώκειν, οὔτε τὸ συνεχὲς — „Das in Begriffen u. Bildern verwandte", ὡς βούλεται Γέλλερος (σ. 116).

105. Συμβέβληται δὲ καὶ ἡ ὁμοιότης τῶν ὀνομάτων καὶ ἡ δυσφωνία — ὥσπερ

Αἴας δ' ὁ μέγας αἰὲν ἐφ' Ἕκτορι

πολὺ γὰρ μᾶλλον τὸν Αἴαντα μέγαν ἐνέφηνεν ἡ τῶν δύο σύμπληξις τῆς ἑπταβοείου ἀσπίδος·

Τίνων δὲ δύο; οἶμαι· τῶν ΑΙϹ ὑμπληξις (ἢ τῶν αἶ δὶς σ.) πβ. 69.

110. ὡσαύτως δὲ καὶ ἡ γνώμη ἐπιφωνουμένῳ τινὶ ἔοικεν ἐπὶ προειρημένοις, ἀλλ' οὐδ' αὕτη ἐπιφώνημά ἐστι.

οὐδ' αὐτὴ εἰκάζων Ἄμμερος (σ. 71) παραβάλλει 109. 111, 31. 327. 18. ὃ ἔοικε μὲν τῇ ἀληθείᾳ — καὶ γὰρ προείρηται (108) τὸ καὶ αὐτὸ καὶ ἐπιφέρεται (111) τὸ οὐδ' αὐτό, ἐνθυμητέον δὲ τὸν Δημ. τὰ μὲν ὁμοειδῆ εἶναι, τὰ δὲ καὶ ποικιλίας τινὸς ἔχεσθαι· τοῦ δὲ τόπου τίς διάνοια; τὸ ἐπιφώνημα λέγει καὶ τῷ ἐνθυμήματι ἐοικέναι, οὐκ ὄν, καὶ τῇ γνώμῃ, οὐδὲ τοῦτο (αὕτη) ὄν· δῆλον δή τῇ γνώμῃ ἐξομοιούμενον τὸ τοῦτο αὕτη λελέχθαι, οὐδ' ὅτι ἡ γνώμη οὐκ ἐπιφώνημα, ἀλλ' ὅτι τὸ ἐπιφώνημα οὐδὲ γνώμη ἐστί.

146. ὥσπερ ἡ σελήνη τῶν ἄλλων ἄστρων, ἢ ὁ ἥλιος ὁ λαμπρότερος.

Σπεγγ.: λαμπρότατος· Ἄμμερ. (σ. 70) τὸ λαμπρότερος φησὶν εὖ ἔχειν, τοῦ τῆς σελήνης τῷ νῷ προστιθεμένου· ἐμοὶ δὲ πρὸς τὸ τῶν ἄλλων ἄστρων δοκεῖ τείνειν· τὸ δὲ „ὁ" ἴσως ἀπῆν[36]).

156. ὡς ἐπιπληθύωνται αὐτῷ αἱ χάριτες.

Θαυμαστὸν ὂν τὸ ἐπιπληθύωνται ἐκ τοῦ ἐπιπληθύωσιν διεφθάρθαι νομίζω (ΤΑΙ | ΙΝ).

159. ἐκ φόβου ἀλλασσομένου γίνεται χάρις.

Οὐκ ἂν εἴη ὀρθὸν καὶ γραπτέον· ἀλλασσομένη.

182. οἷον ὀλίσθῳ τινὶ ἔοικε τὰ κῶλα:

Τὸ ὀλίσθῳ ὑποψίαν παρέχει καὶ δοκεῖ ταῦτα ὧδε ἔχειν· οἷον ὀλισθαίνοντι ἔοικε τὰ κῶλα.

216. τοῦτο γὰρ ἡ λεγομένη ἀπὸ Σκυθῶν ῥῆσίς ἐστιν.

Ἄπεστι τὰ ὀνόματα ἐν τοῖς Γρ. τοῦ Κορινθίου· ἴσως οὖν οὐδὲ παρὰ Δημητρίῳ ἔκειτο.

Κατὰ μικρὸν καὶ κατὰ βραχὺ προϊὼν μόλις.

Τὸ αὐτὸ κακῶς δὶς εἴρηται· ὁ δὲ Γρηγόριος ἄμεινον· καὶ οὕτω κατὰ μικρὸν προϊὼν μόλις, ὥστε ὧδέ πως ἔξεῖναι ἐπανορθώσασθαι· κατὰ μικρὸν οὖν προϊὼν μόλις.

[36]) Walz: ὁ non est in b, IX, σ. 68.

285. *Τὸ δὲ πτισάνην ῥοφῶσαν, ἐπεὶ ἐν κρεανομίαις τότε καὶ πανδαισίαις διάγουσαν ἀπολλύειν τὰ στρατιωτικὰ χρήματα.*

Ἀντὶ τοῦ ἐπεὶ γραπτέον εἶπε.

288. 18. *λοιδορία γὰρ ἦν ὁ λόγος*·—22. *πάντα γὰρ τὰ προειρημένα ἐμφαίνεται τῷ ἐν Αἰγίνῃ ἦσαν.*

. *Ἐν μὲν τῷ Ρ.-ἐμφ· τὸ ἐν Αἰγ. ἦ., ἐν δὲ τῷ προτέρῳ τὸ ἂν ἄπεστιν· ἐνεῖναι οὖν αὐτὸ τῷ ἐμφαίνεται ἡγοῦμαι· λοιδορία γὰρ ἦν ἂν ὁ λ. — πάντα γ. τ. πρ. ἐμφαίνει τὸ ἐν Αἰγ. ἦ.*

289. *ὀνειδίσαι ὁρμῶντες.*

Γρ. Κορ. ὁρμώμενοι, ὅθεν τὰς τελευτὰς ἀδήλους οὔσας τῶν ὀνομάτων ἐν τῷ ἀντιγράφῳ ἀρχαιοτέρῳ[37]) *μαθόντας, δεῖ τινα ἐπανορθώσασθαι, ὥσπερ τοῦ Κορινθίου* (1179. 9)· *ἐπαινέσομεν, παρὰ γὰρ τῷ Δημητρίῳ* (292) *ἀντίστροφον — ἐπαινεσόμεθα, καὶ τοῦ Δ.* (295) *ἐπαινέσομεν.*[38]) *Ἐν γὰρ τῷ.. ἐμφαίνεται ἡ ὑπερηφανία τοῦ Κρατεροῦ πᾶσα ὠνειδισμένη ἐν σχήματι.*

Τὰ αὐτὰ καὶ τῷ Κορινθίῳ· μόνον ἀντὶ τοῦ ἐν σχήματι ἔχει· ἐπίκρυψιν[39]) *(ἐμφαίνεται). Γρ. κατ' ἐπίκρυψιν*[40]).

---

37) *ἰδὲ* K. Hammer, *σ.* 67.

38) *ἰδὲ* Speng., III, XVII.

39) Walz. VII, *σ.* 1180. 20.

40) *Το αὐτὸ περὶ τοῦ* 1180. 20. *Γέρβερος* (Th. Gerber. Quae in commentariis a Gregorio Cor. in Hermog. scriptis etc. Kiliae 1891), *σ.* 15 *διάφορα δὲ περὶ τῶν* 1216. 2. 14. (*σ.* 16).

ЗАМѢТКИ КЪ ЭСХИЛУ.

Я. А. Денисова.

Стихъ *Suppl.* 438 читается въ М. слѣдующимъ образомъ:

ἱππηδὸν[1]) *ἀμπύκων*,

представляя собою неусѣченную ямбическую триподію, тогда какъ соотвѣтствующій стихъ въ антистрофѣ образуетъ дохмій въ его наиболѣе чистой формѣ:

ὁμοίαν θέμιν.

Отсюда мы должны заключить, что либо стихъ строфы, либо стихъ антистрофы переданъ намъ въ искаженномъ видѣ. Стихъ антистрофы не содержитъ въ себѣ никакихъ основаній для подозрѣнія, между тѣмъ какъ въ стихѣ строфы является подозрительной его схема, такъ какъ ямбическая триподія хотя и встрѣчается въ составѣ дохмическихъ строфъ, но находимъ мы ее всего только три раза: *Ag.* 1155a=1166a, 1410a=1430a и *Eum.* 158=165. Далѣе, очень подозрительнымъ является и долгій слогъ въ началѣ триподіи, такъ какъ ни въ одномъ изъ трехъ приведенныхъ примѣровъ ея мы не находимъ ни одного ирраціональнаго долгаго слога. Наконецъ, при опредѣленіи мѣста порчи нѣкоторое значеніе также должно имѣть и то обстоятельство, что путь, какимъ она могла проникнуть въ текстъ, легче объяснимъ по отношенію къ стиху строфы, чѣмъ антистрофы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый изъ нихъ слово *ἱππηδόν* могло попасть изъ глоссы, образовавшейся изъ стиха 315 трагедіи „Семеро противъ Θивъ", въ которомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими предшествующими, описывается насильственное обращеніе побѣдителей съ женщинами побѣжденнаго города:

τὰς δὲ κεχειρωμένας ἄγεσθαι,
ἑή, νέας τε καὶ παλαιὰς
ἱππηδὸν πλοκάμων... (*Sept.* 313—315).

---

[1]) Въ рукописи *ἱππηδὸν* исправлено изъ *ἱππηδῶν*.

Поводомъ же для замѣны первоначальнаго слова посредствомъ глоссы послужило, по всѣмъ вѣроятіямъ, стремленіе устроить изъ разсматриваемаго стиха половину ямбическаго триметра, подобную той, какая была сдѣлана изъ стиха *Ag.* 1143 путемъ ошибочной перестановки въ немъ словъ, ср. также *Suppl.* 642 и *Ag.* 1155 = 1166 въ той формѣ, какъ передаются они въ M.

Предполагать ошибку въ словѣ *ἀμπύκων* и замѣнять его посредствомъ какого-нибудь слова, являющагося въ схемѣ ямба, въ родѣ *πλόκων* (Г. Шмидтъ), мы не имѣемъ права, потому что такимъ образомъ получается дохмій, въ которомъ первый краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога безъ распущенія слѣдующаго за нимъ долгаго слога на два краткихъ, чего мы у Эсхила не встрѣчаемъ. Какимъ словомъ слѣдуетъ замѣнить подозрительное въ данномъ случаѣ *ἱππηδόν*, сказать мудрено; скорѣе всего на мѣстѣ его находилось какое-нибудь опредѣленіе къ слову *ἀμπύκων* въ формѣ ямба съ окончаніемъ на согласную съ предшествующей долгой гласной. Недостатокъ такого опредѣленія ощущается особенно сильно въ виду того, что при словѣ *πέπλων*, которое ниже является въ соотвѣтствіи съ *ἀμπύκων*, мы находимъ опредѣленіе въ формѣ прилагательнаго.

Въ ст. 644 той же трагедіи, который въ M. читается въ такомъ видѣ:

κτίσαι μάχλον Ἄρη,

мы, кажется, должны измѣнить *κτίσαι* во *φθίσαι*. Необходимость этого измѣненія обусловлена тѣмъ, что глаголъ *κτίζω* обыкновенно обозначаетъ созданіе чего-нибудь новаго, а не переходъ изъ одного состоянія въ другое чего-нибудь существовавшаго ранѣе. Правда, Крузе въ видѣ аналогіи для такого употребленія глагола *κτίζω* ссылается на слѣдующіе примѣры, въ которыхъ этотъ глаголъ близко подходитъ по своему значенію къ глаголамъ *ποιῶ* и *τίθημι*: *Eum.* 716—717:

κἄγωγε χρησμοὺς τοὺς ἐμούς τε καὶ Διὸς
ταρβεῖν κελεύω μηδ' ἀκαρπώτους κτίσαι,

Ch. 1058:

ἐλεύθερόν σε τῶνδε πημάτων κτίσει,

Pers. 291—292:

ὡς πολλὰς Περσίδων μάταν
ἔκτισαν εὔπαιδας ἠδ' ἀνάνδρους (Kruse, *Ἱκέτιδες* ad. v. 617);

но ни въ одномъ изъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы увеличить еще ссылкой на ст. *Eum.* 17:

τέχνης δέ νιν Ζεὺς ἔνθεον κτίσας φρένα

и *Suppl.* 146:

πρευμενεῖς κτίσειεν,

глаголъ *κτίζω* не является съ такой натяжкой, какъ въ соединеніи съ словомъ *πόλις* въ виду того, что такимъ путемъ уже слишкомъ рѣзко нарушается обычное словоупотребленіе. Для подтвержденія же предложеннаго измѣненія рукописнаго текста могутъ служить слѣдующіе примѣры: Soph. *O. R.* 25 *(πόλις) φθίνουσα μὲν κάλυξιν ἐγκάρποις χθονός;* ib. 665 *γᾶ φθίνουσα;* id. *O. C.* 610 *φθίνει μὲν ἰσχὺς γῆς*. Относительно дѣйствительнаго значенія aor. отъ глагола *φθίνω* ср. Kühner-Blass, Ausf. Gr. d. Gr. Spr. II, стр. 563. Поводомъ къ порчѣ текста могло послужить измѣненіе *φθ-* въ *φτ-*, которое часто встрѣчается въ византійскихъ рукописяхъ подъ вліяніемъ произношенія. Впрочемъ, въ защиту рукописнаго преданія можно указать на то, что схоліастъ въ своемъ текстѣ имѣлъ такъ же, какъ и мы, *κτίσαι*, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ поясненіе этого глагола посредствомъ *ποιῆσαι*, которое мы находимъ въ схоліяхъ.

Стихъ *Suppl.* 681 въ М. читается такъ:

ὃς πολιῷ νόμῳ αἶσαν ὀρθοῖ,

при чемъ конечная гласная въ концѣ слова *νόμῳ* и начальная въ слѣдующемъ словѣ образуютъ зіяніе. Такъ какъ схема соотвѣтствующаго стиха въ строфѣ требуетъ краткаго слога на мѣстѣ перваго изъ двухъ слоговъ, образующихъ зіяніе, то это явленіе, кажется, не обратило на себя ничьего вниманія въ виду того, что можно предположить, будто здѣсь зіяніе смягчается посредствомъ сокращенія долгой гласной. Но наблюденія надъ тѣми условіями, при которыхъ допускается такое явленіе въ анапестическомъ размѣрѣ, привело С. Н. Жданова къ слѣдующему выводу: „Эсхилъ, Еврипидъ въ первую половину своей дѣятельности и Софоклъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда онъ подпалъ подъ вліяніе Еврипида, допускали, какъ видно, разсматриваемое явленіе лишь въ *-αι* именно въ частицѣ *καί* и въ допускающихъ парокситонесисъ формахъ на *-αι*" (Просод. и критическія замѣтки: „Ф. О." IX 1, 146). Если мы обратимся къ Kühner-Blass, Ausf. Gr. d. Gr. Spr. I, стр. 198, то найдемъ, что изъ трехъ указанныхъ здѣсь случаевъ подобнаго сокращенія долгаго слога одинъ подходитъ подъ только что приведенное правило (*Suppl.* 1031); другой случай недостовѣренъ въ критическомъ отношеніи (*Sept.* 125), такъ какъ зіяніе въ немъ является только подъ условіемъ принятія конъектуры Диндорфа *(Κάδμου ἐπώνυμον);* въ третьемъ случаѣ зіяніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, находитъ себѣ оправданіе помимо сокращенія долгой гласной еще и въ томъ, что здѣсь повторяется одно и то же слово *(Eum.* 255 *ὅρα ὅρα μάλ' αὖ).* Гледичъ указываетъ, кромѣ

этого послѣдняго случая сокращенія конечнаго долгаго слога передъ гласной въ началѣ слѣдующаго слова, также еще на ст. *Ant.* 1332, 1265; *Prom.* 598 (Theorie d. mus. Künste III 1, стр. 128). Но въ первомъ изъ приведенныхъ имъ случаевъ: *ὕπατος ἴτω ἴτω* мы такъ же, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, имѣемъ дѣло съ зіяніемъ, вызваннымъ повтореніемъ одного и того же слова; во второмъ случаѣ: *ὤμοι ἐμῶν ἄνολβα βουλευμάτων* такому сокращенію подвергается конечный слогъ междометія, оканчивающагося на дифтонгъ *-οι;* въ третьемъ случаѣ: *ἰὼ ἰὼ πόποι* сокращенію подвергается также конечный слогъ междометія, да еще сверхъ того при повтореніи. Кромѣ указанныхъ случаевъ, мы находимъ у Софокла еще нѣсколько примѣровъ сокращенія конечнаго долгаго слога слова передъ гласной въ началѣ слѣдующаго: *Ai.* 349, 350 и 412; но во всѣхъ этихъ примѣрахъ сокращается дифтонгъ *-οι̯ (μόνοι ἐμῶν, μόνοι ἔτ(ι), πόροι ἁλίρροθοι)*. У Софокла же мы встрѣчаемъ также нѣсколько случаевъ зіянія, не смягченнаго ничѣмъ; но эти случаи всѣ безъ исключенія являются въ дактилическихъ стихахъ, въ строеніи которыхъ поэтъ, очевидно, придерживался законовъ эпической поэзіи, ср. *El.* 148, 157, *Tr.* 1010. Этотъ фактическій матеріалъ дѣлаетъ сокращеніе конечнаго слога въ словѣ *νόμῳ* сомнительнымъ и заставляетъ насъ предположить, что это слово проникло въ текстъ изъ замѣчанія схоліаста къ разсматриваемому стиху: *ὁ Ζεὺς τῷ ἀρχαίῳ νόμῳ τὸ ἴσον τηρεῖ.* Какое слово было вытѣснено словомъ *νόμῳ*, сказать мудрено; могло быть имъ, напримѣръ, какое-нибудь опредѣленіе къ слову *αἶσαν* или что-нибудь другое.

Въ М. стихъ *Prom.* 593 читается такимъ образомъ:

ἀλλά με τὰν τάλαιναν ἐξ ἐνέρων περῶν,

при чемъ его можно принимать за соединеніе или двухъ логаэдическихъ триподій: одной — неусѣченной, другой — усѣченной на слогъ:

– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ¦ – ∪ ∪ – ∪ –

или неусѣченной логаэдической триподіи и дохмія:

– ∪ ∪ – ∪ – ∪
– ∪ ∪ – ∪ –

или усѣченнаго на стопу логаэдическаго диметра съ безразличнымъ слогомъ въ концѣ и дохмія или усѣченной на слогъ логаэдической триподіи

– ∪ ∪ – ∪ — (⏓)
– ∪ ∪ – ∪ –.

Но ни одно изъ этихъ сочетаній не представляется вѣроятнымъ съ точки зрѣнія метрики, такъ какъ логаэдическихъ триподій въ составѣ дохми-

ческихъ строфъ въ показанной формѣ мы не встрѣчаемъ. Если же мы станемъ объяснять первую половину разсматриваемаго стиха какъ логаэдическій диметръ, то страннымъ является безразличный слогъ въ концѣ его. Далѣе, подозрительнымъ представляется и выраженіе *τὰν τάλαιναν*, которое мы находимъ нѣсколько выше въ ст. 588. Это повтореніе наводитъ на мысль, что *τὰν τάλαιναν* въ разсматриваемомъ нами стихѣ явилось, будучи перенесено въ него по ошибкѣ изъ предыдущаго стиха, при чемъ оно вытѣснило собою что-нибудь въ родѣ *τὰν μελέαν*, которое должно быть прочитано за ямбъ, какъ *μέλεοι* въ ст. *Sept.* 863.

Если мы сравнимъ между собою стихъ *Sept.* 186 въ той формѣ, какъ онъ переданъ въ М., съ соотвѣтствующимъ стихомъ въ антистрофѣ со стороны схемы:

ἀκού-σασα τὸν ἁρματόκτυπον
ἀρ-χαῖα βρέτη, πίσυνος θεοῖς,

то увидимъ, что одинъ изъ нихъ испорченъ, такъ какъ первый изъ нихъ представляетъ собою усѣченный на слогъ логаэдическій диметръ съ дактилемъ на первомъ мѣстѣ, оканчивающійся на безразличный слогъ, тогда какъ второй образуетъ усѣченный на слогъ логаэдическій диметръ *πρὸς δυοῖν δακτύλοιν:*

στρ. – ◡ ◡ – ◡ – ◡ ⏓
ἀντ. – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ –.

Но со стороны смысла ни тотъ, ни другой стихъ не даютъ никакого повода къ подозрѣнію въ искаженіи, особенно первый изъ нихъ. Правда, въ антистрофѣ въ придаточномъ предложеніи времени, образуемомъ третьимъ и четвертымъ стихомъ нѣтъ налицо сказуемаго; но сказуемое это можетъ быть восполнено по смыслу, и хотя пропускъ сказуемаго при такихъ условіяхъ бываетъ не часто, однако возможность его можетъ быть подтверждена нѣкоторыми аналогичными примѣрами, ср. Kühner, Ausf. Gramm. der Gr. Spr.[2] § 354 A. 1 и 2. Да кромѣ того мы не имѣемъ права предполагать, что пропущенное сказуемое находилось въ разсматриваемомъ нами стихѣ, такъ какъ должны были бы допустить въ такомъ случаѣ, что оно было предпослано союзу, вводящему предложеніе, несмотря на то, что такая разстановка словъ является крайне сомнительной. Стихъ строфы, безукоризненный со стороны грамматики и смысла, даетъ поводъ къ подозрѣнію вслѣдствіе своей схемы, такъ какъ онъ представляетъ собою усѣченный на слогъ логаэдическій диметръ съ первой стопой въ формѣ дактиля. Между тѣмъ у Эсхила ритмическая группа, имѣющая показанную схему, встрѣчается всего только

одинъ разъ въ ст. *Suppl.* 669=680[1]), но въ этомъ случаѣ данная ритмическая группа принадлежитъ къ составу такой строфы, въ которой вся основная часть состоитъ изъ логаэдическихъ *κῶλα*. Если мы прослѣдимъ употребленіе даже логаэдическаго диметра съ первой стопой въ формѣ дактиля, но усѣченнаго не на слогъ, а на стопу, то увидимъ, что и эта ритмическая группа, вообще встрѣчающаяся несравненно чаще, чѣмъ разсматриваемая, въ одиночку употребляется у Эсхила въ серединѣ дохмическихъ строфъ только очень рѣдко (*Suppl.* 688=698, *Eum.* 171=176 и *Prom.* 593)[2]); въ подавляющемъ же большинствѣ случаевъ она является въ качествѣ заключенія строфы (*Suppl.* 401=411, 646=659, 670=681, 760—767; *Sept.* 554=617, 675=681, 688=695; *Eum.* 796=[826]); одинъ разъ она образуетъ основную часть строфы (*Suppl.* 666—668=676—679). Если это такъ, то приходится признать испорченнымъ прилагательное *ἁρματόκτυπον*, несмотря на то, что оно носитъ на себѣ по своему образованію печать подлинности. Можно думать, что это прилагательное возникло изъ родительнаго падежа мн. ч. *ἁρμάτων* и *κτύπον*, которое было надписано надъ *ὄτοβον* для поясненія его. А это послѣднее слово послѣ 146 г. до Р. Х. уже ни разу не встрѣчается въ самостоятельныхъ памятникахъ литературы, см. Sophokles, Greek Lex. of rom. and bys. periods, и потому постоянно поясняется тамъ, гдѣ является въ классическую эпоху, синонимами *θόρυβος*, *πάταγος*, *ἦχος*, см. Dindorf, Lex. Aesch. ad v. *ὄτοβος*.

Если мы допустимъ измѣненіе *ἁρματόκτυπον* въ *ἁρματων*, то разсматриваемый стихъ получитъ форму дохмія, для восполненія котораго согласно схемѣ соотвѣтствующаго стиха въ антистрофѣ мы должны будемъ вставить какое-нибудь дактилическое слово, начинающееся съ гласной, между *τὸν* и *ἁρμάτων*. По смыслу такимъ словомъ можетъ быть какое-нибудь понятіе, обозначающее „грозный“, „близкій“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ видѣ попытки можно предположить утрату, напримѣръ, слова *ἐγγύθεν*:

ἀκού-σασα τὸν ἐγγύθεν ἁρμάτων.

Порча произошла, какъ сказано, скорѣе всего путемъ вставки въ текстъ слова *κτύπον*, которое по ошибкѣ составило вмѣстѣ съ предшествующимъ словомъ очень удачное для языка Эсхила compositum quiescens, вытѣснившее подлинное чтеніе.

---

[1]) Концы стиховъ *Suppl.* 355—357=368—369 должны быть отмѣчены иначе, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ.

[2]) Этотъ стихъ сомнителенъ въ критическомъ отношеніи, см. выше.

Стихъ *Ag.* 1175 въ рукописяхъ f и g читается въ такомъ видѣ:

μελίζειν πάθη γοερὰ θανατοφόρα

съ варіантомъ въ h *θανατηφόρα*. Съ точки зрѣнія словоупотребленія правильнымъ является только это послѣднее чтеніе, такъ какъ ни у Эсхила, ни у другихъ писателей прилагательнаго *θανατοφόρος* мы не встрѣчаемъ. Съ точки же зрѣнія метрики, напротивъ того, форма прилагательнаго *θανατηφόρος* въ данномъ мѣстѣ является весьма сомнительной, потому что, хотя при ней мы и получаемъ во второй половинѣ стиха пеоническій диметръ, ритмическую величину, возможную самое по себѣ въ составѣ дохмической строфы:

⏑͡⏑ ⏑ ⏑͡⏑ | – ⏑ (⏓);

но отсутствіе полнаго соотвѣтствія со схемой параллельнаго стиха въ строфѣ, который придется въ такомъ случаѣ оставить въ томъ видѣ, въ какомъ онъ переданъ въ рукописяхъ при всей сомнительности его:

⏑͡⏑ ⏑ ⏑͡⏑ | ⏑͡⏑ ⏑ –

(въ глаголѣ *θρέομαι*, какъ извѣстно, стяженіе въ языкѣ трагиковъ не допускается, ср. Gerth, Quaest. de Gr. tr. dial. стр. 236) указываетъ, повидимому, на то, что мы не имѣемъ права держаться здѣсь приведеннаго варіанта рукописи h, которое скорѣе всего представляетъ собою поправку чтенія *θανατοφόρα*. Но и это послѣднее чтеніе мы не можемъ признать правильнымъ въ виду, во-первыхъ, того, что эта форма прилагательнаго возможная съ теоретической точки зрѣнія, неупотребительна при другой формѣ съ долгой соединительной гласной; во-вторыхъ, въ виду того, что хотя при ней вторая половина стиха и получаетъ схему дохмія, но въ дохміи этомъ всѣ долгіе слоги являются распущенными на два краткихъ слога, чего мы у Эсхила ни разу не встрѣчаемъ; далѣе, во второмъ дохміи параллельнаго стиха въ строфѣ послѣдній долгій слогъ не распускается на два краткихъ слога, какъ въ антистрофѣ, тогда какъ у Эсхила отсутствіе соотвѣтствія между двумя формами дохмія простирается только на басисъ его. Такимъ образомъ ни чтеніе *θανατηφόρα*, но *θανατοφόρα* не оказывается удовлетворительнымъ въ данномъ случаѣ.

Исходя отсюда, мы, кажется, можемъ заключить, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ, какъ показываетъ это схема соотвѣтствующаго стиха въ строфѣ въ исправленномъ видѣ, находилось какое-нибудь опредѣленіе къ слову *πάθη* въ формѣ четвертаго пеона, т.-е. винит. п. мн. ч. ср. род. прилагательнаго съ основою на *-εσ-*. Какое это было прилагательное, опредѣлить съ точностью, конечно, мудрено; можно предполагать, что это было,напримѣръ, *περιπαθής*. Опредѣленіе существитель-

наго посредствомъ сложнаго прилагательнаго, образованнаго отъ одного корня съ существительнымъ, нисколько не противорѣчитъ словоупотребленію Эсхила, такъ какъ у него мы находимъ такія сочетанія, какъ *τηλέπλανοι πλάναι*, *Prom.* 599; *πολύπλανοι πλάναι*, ib. 609. По своему значенію прилагательное *περιπαθής* можетъ служить опредѣленіемъ къ *πάθη*, такъ какъ въ словарѣ Passow'a (5-е изд.) оно объясняется слѣдующимъ образомъ: in heftiger Leidenschaft oder Gemüthsbewegung, umstrickt oder befangen davon, leidenschaftlich, heftig aufgeregt, aufgebracht, zornig, traurig, gerührt u. s. w. Гесихій же поясняетъ при помощи этого прилагательнаго другое прилагательное: *περίδεινος*. Порча текста могла явиться вслѣдствіе того, что предполагаемое прилагательное было вытѣснено посредствомъ находившейся при немъ глоссы, такъ какъ вторая часть прилагательнаго была принята за диттографію предшествующаго существительнаго съ неимѣющимъ смысла предлогомъ. Глосса же при прилагательномъ *περιπαθής* въ данномъ случаѣ могла возникнуть весьма легко, такъ какъ на языкѣ византійцевъ это прилагательное имѣло значеніе violently excited, in great passion (Soph. Greek Lex. of rom. and bys. periods).

НѢКОТОРЫЕ КУРЬЕЗЫ АНГЛІЙСКАГО ПЕРЕВОДА ПУТЕШЕСТВІЯ АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ ВЪ РОССІЮ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Г. А. Муркоса.

Глубоко-симпатичная цѣль, для которой предназначается сборникъ, въ коемъ я помѣщаю нижеслѣдующія строки, да послужитъ извиненіемъ моей скромной работѣ, конечно, далеко не соотвѣтствующей ученымъ заслугамъ высоко-талантливаго юбиляра. Желая хотя чѣмъ-нибудь выразить свое высокое почтеніе и неизмѣнное удивленіе предъ разнообразными талантами Θедора Евгеньевича и въ частности предъ его глубоко учеными и остроумными наблюденіями надъ арабскими корнями, грамматическими формами и тончайшими особенностями стихотворнаго ритма, казалось бы, доступными лишь чутью сына пустыни, я возымѣлъ мысль собрать здѣсь нѣсколько курьезовъ, встрѣченныхъ мною при моихъ теперешнихъ занятіяхъ переводомъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. Членъ Королевскаго Азіатскаго Общества Великобританіи и Ирландіи, магистръ филологическихъ наукъ Оксфордскаго университета и пр., Бельфуръ въ тридцатыхъ годахъ, по порученію комитета переводовъ съ восточныхъ языковъ въ Лондонѣ, перевелъ на англійскій языкъ съ вывезенной лордомъ Гильфордомъ съ Востока арабской рукописи вышеупомянутое путешествіе Макарія, описанное его роднымъ сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, сопровождавшимъ своего отца въ этомъ чрезвычайно любопытномъ трехлѣтнемъ странствованіи по Малой Азіи, Европейской Турціи, Молдавіи, Валахіи, землѣ казаковъ и Московіи. Несмотря на огромный интересъ, какой представляетъ этотъ памятникъ для русской исторіи половины XVII в., и чрезвычайную занимательность разсказа Павла Алеппскаго, онъ остается до сихъ поръ доступнымъ не знающимъ арабскаго языка въ одномъ лишь англійскомъ переводѣ Бельфура, обильномъ сокращеніями и пропусками мѣстъ, не интересныхъ, какъ онъ говоритъ, для англійскаго читателя, и испещренномъ непозволительными даже для иновѣрца-англичанина того времени грубыми ошибками и курьезами, непозволительными и потому, что Бельфуръ, какъ докторъ литературъ греческаго университета на островѣ Корфу, съ которымъ онъ безъ сомнѣнія находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ, имѣлъ полную возможность не впасть въ такіе курьезы, какъ напр., считать

приносимую въ церковь кутью за вареное мясо и т. п., при томъ же, по его словамъ,онъ пользовался указаніями одного англійскаго духовнаго лица, Ливса, жившаго въ Константинополѣ, отличнаго знатока греческаго языка, основательно знакомаго съ обрядами и церемоніями греческой церкви.

Приведенныя мною мѣста взяты изъ введенія и небольшого, сравнительно, отдѣла — пребыванія Макарія въ Молдавіи и Валахіи на пути его въ Россію, и ими, конечно, далеко не исчерпываются всѣ курьезы и неточности этого отдѣла Бельфурова перевода. Мы беремъ ихъ наудачу въ видѣ образчика.

1. ӥδ кунту-бнан ṭабиʿӣјан.

Я... былъ *роднымъ* сыномъ.

I... was natural son... (Я... былъ *побочнымъ* сыномъ...) Стр. 1.

2. λā ȁwḥаша-ллāhу мин латāфати нагматиhим.

Да не лишитъ насъ Богъ пріятныхъ ихъ (колоколовъ) звуковъ!

May God not be startled at the noisy pleasantness of their sounds! (*Да не тревожится* Богъ при шумной пріятности ихъ звуковъ!) Стр. 44.

3. ḫадарна-λ-ғурӯба wa ғурубнијатун λајса.

Мы отстояли вечерню, *за которой не было благословенія хлѣбовъ*.

We assisted at Vespers and Vigils. (Мы присутствовали за вечерней и *всенощной.)* Стр. 50.

4. наẓарна мӥнhум шаја̇н wa-λ-ӥјāδу би-λλāhи ḥатта ӥнна каhанатаhум таḫружу ḳуддāма-λ-мансари.

Мы видѣли среди нихъ нѣчто такое, отъ чего Боже сохрани! именно, что ихъ священники даже *являются главарями разбойничьихъ шаекъ*.

We ourselves saw a circumstance, in the conduct of these people, that strikes one with horror; viz. that their priests are carried out to execution. (Мы сами видѣли въ поведеніи этихъ людей одно обстоятельство, поражающее ужасомъ, именно, что ихъ священниковъ *вели на казнь.)* Стр. 62.

5. wa hja баλадун шāриḥатун wa hawāha wa мāӯha λаδӣδун а̇δибун жиддан.

Въ этомъ городѣ легко дышется: его воздухъ и вода превосходны.

The population is owing to the healthiness of the air and the sweetness of the water. *(Населенность имѣетъ причиной* здоровый воздухъ и пріятную воду.) Стр. 66.

6. а̇ ṭāhу-λ-малику тāжан ка-λ-мӣтра.

Царь далъ ему... вѣнецъ *наподобіе митры*.

The Emperor had given him... the crown of Kalimetri. (Императоръ далъ ему... вѣнецъ *Калиметри.)* Стр. 67.

7. θумма а̇ḫдару ли-т-ṭрāбӣδā мāӥдатан кабӣратан мин сāӥри-т-ṭаʿāмāти θумма салиḳатан.

Они (родственники усопшаго) доставили къ трапезѣ множество всевозможныхъ яствъ и *кутью*.

... by bringing to the table a large tray of all kinds of meats with boiled flesh. (... доставивъ къ столу длинный рядъ блюдъ всякаго кушанья *съ вареньмъ мясомъ.)* Стр. 68.

8. wa hум jатараннамӯна т̣ӯбāhум.

Въ это время они пѣли „*Блаженны*".

The singers all the while (were) chaunting their Tauba. (Пѣвчіе все это время пѣли свои *Тоба.)* Стр. 70.

9. θумма jаḥтауу а̀ла сāи̍ри х̱азāи̍нииhи wa jаḳтулӯhу.

Овладѣли бы его (Василія) сокровищами, а самого убили.

... and dragging him down into a cellar, should put him to death. (... и *затащивъ его въ подвалъ,* предали бы смерти.) Стр. 72.

10. фа ламма самиа̊ δāлика би-л-ḥāли а̀ззала сарāјатаhу.

Узнавъ объ этомъ, господарь тотчасъ *вывезъ изъ дворца свои сокровища.*

As soon as Vasili was informed of this, he instantly closed his court. (Извѣстившись объ этомъ, Василій тотчасъ *заперъ свой дворъ.)* Стр. 72.

11. а̀л-wāhиду кāна сардāру-л-а̀скари.

Одинъ былъ *сердаремъ войска.*

One of them was Sirdar Elesker. (Одинъ изъ нихъ былъ *Сирдаръ Элескеръ.)* Стр. 72.

12. а̀мма-л-бēку-л-жадӣду фа кāна а̀рсала ли-саjjидина х̱абаран а̀ннаhу jукаддису лаhу-л-фаṣаḥа.

Новый господарь присылалъ извѣстить нашего владыку, чтобы онъ *отслужилъ для него обѣдню на Пасхѣ.*

The new Beg, however, send a loaf to the Patriarch, to consecrate the Passover for him. (Новый бей, однако, присылалъ хлѣбъ патріарху, чтобы *освятить для него пасху.)* Стр. 76.

13. wa кāна-л-ӣjāδу би-ллāhи-д-дунjа муртажжатан wa а̀мма-л-х̱аwфу wa-л-фазау̊ фа jускату а̀нhу (а̀нhумā).

Все кругомъ трепетало (Богъ намъ прибѣжище!); *о (своемъ) страхѣ и ужасѣ умолчимъ.*

It was the season of the holy festivals of that God, in whom is all the hope of this lower world; and yet, through dread and consternation, an entire silence was kept both of Him and His sacred solemnities. (Была *пора святыхъ празднествъ* того Бога, на коего все упованіе сего міра; однако, *отъ страха и смятенія, полное молчаніе соблюдалось и объ Немъ и объ Его священныхъ торжествахъ.)* Стр. 77.

14. wa hурматиhи-д-дōминā руксāнаh а̀j бинту фāсӣлӣ wa hāδиhи-л-бинту hjа-л-лати кāнат раhӣнатан фӣ-л-кистанṭӣниjати.

... „и о *супругѣ его (Тимоѳея), доминѣ Роксанѣ*". Замѣть, что она дочь Василія и что именно эта дочь была въ Константинополѣ *заложницей.*

This is the lady who was a nun in Constantinople... She was the daughter of Vasili and his domina Roxana. (Это та самая госпожа, которая была *монахиней* въ Константинополѣ... Она дочь Василія и *его домины Роксаны.)* Стр. 79.

15. таwāдау̊ wа мaдау.

Они (Тимоѳей и патріархъ) *простились и разошлись.*

Now they came and made proclamation for public rejoicings. (Теперь они *пришли и сдѣлали призывъ къ общественнымъ увеселеніямъ.)* Стр. 80.

16. wа jаwма-ѳ-ѳаλāѳа λаhика сиhраhу би-а̓скариhи.

Во вторникъ онъ (Василій) *нагналъ зятя со своимъ войскомъ.*

On Tuesday his son-in-law met the Moldavian troops. (Во вторникъ его *зять встрѣтилъ молдавское войско.)* Стр. 81.

17. wа а̓мма-д-дāмāскӣнā а̓j калбу-т-таjри фа и̓ннаhу jушбиhу баhран зāхиран.

Что касается дамаскины, или птичьяго сердца, то она по своему обилію походитъ на *море, выходящее изъ береговъ.*

The plum, which is the bird's heart, resembles the nut in size. (Слива, она же птичье сердце, походитъ *по величинѣ на орѣхъ.)* Стр. 85.

18. wа а̓ммāл(у)(б)-jактубу рижāλан а̓jдан.

Онъ *набираетъ* еще новыхъ *людей.*

Here he employed himself in writing to the people. (Здѣсь онъ *занимался писаніемъ къ народу.)* Стр. 86.

19. фа wакау̊ фӣ hакли ðарӣ камhин wа мин ʿāдатиhи фӣ hāðиhи-λ-биλāди а̓н jакӯна а̓зjада мин кāматин.

Они попали въ поле, засѣянное пшеницей, которая въ этихъ странахъ обыкновенно *бываетъ выше человѣческаго роста.*

... fell into a field sown with wheat, which in these countries is usually deeper in mud than a tall man's stature. (... попали въ поле, засѣянное пшеницей, которое... *бываетъ покрыто грязью глубже роста высокаго человѣка)* Стр. 88.

20. wа jаʿтӯhум (jаʿтӯнаhум) камā hjа hāλуна (hāλатуна) мин-а̓т-турки.

... платить (грекамъ), *подобно какъ мы по отношенію къ туркамъ.*

... to fee the Greeks, who seemed to have sworn a league against them with the Turks. (... которые, *кажется, заключили союзъ противъ нихъ съ турками.)* Стр. 90.

21. wа jатадаhhӯна фӣ-λ-куддāси.

Поздно начинаютъ обѣдню.

... and dine during the mass. *(... и обѣдаютъ* во время обѣдни.) Стр. 92.

22. hатта и̓ннаhу кāна jарми би-jадаjhи би-ʾāλати-λ- hарби мин таhти батни-λ-фараси.

... такъ что обѣими руками *металъ* (Тимоѳей) *орудія войны* (т.-е. стрѣлялъ) *изъ-подъ брюха своего коня.*

... till he had turned his hands to all the instruments of war, with which he was accoutred even below his horse's belly. (... пока не *перебралъ всѣ орудія войны,* которыя онъ *имѣлъ въ запасъ даже подъ брюхомъ своего коня.)* Стр. 94.

23. wa кāну jад҆у (jад҆ӯна) ʌahy wa ли-шабāбиhи.

Призывали благословеніе Божіе на него (Тимоѳея) *и его молодость* (т.-е. восторгались имъ).

They used to call him Welishbaba. (Они обыкновенно называли его *Велишбаба.)* Стр. 94.

Примѣчаніе Бельфура. Я не могъ понять значенія этого персидскаго или турецкаго слова; угадываю только его произношеніе.

24. wa hwa áдӣʌу фасӣлӣ.

Онъ былъ *свякомъ* Василія.

Was an ally of Vasili. (Былъ *союзникомъ* Василія.) Стр. 97.

25. áт-татару фӣ hāðиhи-с-санати кāну муттафиķӣна ба҆ду ма́ ӣх̣миʌа.

Въ этомъ году татары *были еще въ союзѣ* съ Хмелемъ.

The Tartars this year had formed a league with Akhmil. (Татары въ этомъ году *заключили союзъ* съ Ахмилемъ.) Стр. 97.

26. wa (фӣ)-ʌ-масāӥ ʿāwаду би-ýрāḍатин áзӣматин.

Вечеромъ они возвратились *ликующей толпой.*

In the evening they returned with an immense booty. (Вечеромъ они возвратились *съ огромной добычей.)* Стр. 120.

27. wa áммадӯ-ʌ-каhанату áwʌāдан каѳӣратан фӣhи wa кāну jукассирӯ (jукассирӯна)-ʌ-жалӣда wa ба҆да ķалӣлин ѳумма jужаллиду ájḍан.

Священники *окрестили въ ней* (въ рѣкѣ) многихъ дѣтей. Бывало, когда разбивали ледъ, *спустя короткое время* (это мѣсто) *опять замерзало.*

The priests dipped a great number of children in it, where the ice was broken. Some few of them were frozen to death. (Священники *погрузили въ нее* множество дѣтей тамъ, гдѣ ледъ былъ разбитъ. *Нѣкоторыя изъ нихъ замерзли.)* Стр. 127.

28. wa куʌʌу ман ýрифа би-шаjӥн ķабӣḥин мин-ар-рижāли (б)-jурсиʌӯhум (jурс̣иʌӯнаhум) jаķтáу (jакта́ӯна) фӣ ма҆дани-ʌ-милḥи ḥajѳу ʌā х̣алāс̣а wa-н-нисāý ли-ʌ-г̣арӣķи ķат̣ʿан.

Всякаго, о комъ станетъ извѣстно что-либо гнусное, *если это мужчина, ссылаютъ* разбивать каменную соль въ рудникахъ, откуда нѣтъ спасенія, женщинъ же *непремѣнно подвергаютъ потопленію.*

Whoever is known to have done any foul commission, is sent by her husband and banished to a mine of rock-salt, whence there is no escape, and there the women remain sunk for life. *(Всякая* (женщина), о коей станетъ извѣстно, что она совершила гнусный поступокъ, *отсылается*

своимъ мужемъ и изгоняется въ рудники каменной соли, откуда нѣтъ спасенія; и тамъ женщины *остаются заключенными на всю жизнь.)* Стр. 133.

29. taḳарраба мин jади саjjидина-λ-батр̣аки.

Онъ причастился изъ рукъ нашего владыки патріарха.

He came near to the Patriarch, to receive his blessings. *(Онъ приблизился* къ патріарху, чтобы *получить его благословеніе.)* Стр. 140.

30. батт̣ала матта бе̄ку-λ-фала̄х̣и ђа̄лика ли-ажли 'аннаhу с̣а̄ра ражуλан кабӣран wa ма̄ ка̄на (λаhу) ли-λ-х̣урӯжи ḳуwwатан ḳат̣'ан.

Валашскій господарь Матвѣй *отмѣнилъ этотъ* (крестный ходъ), ибо, будучи очень преклонныхъ лѣтъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ силы выходить.

Matthi Beg of Wallachia had become indolent, being now an old man and having no strength to go forth at all from the city walls. (Матвѣй, бей Валахіи, *сталъ нерадивъ*, будучи уже старикомъ и не имѣя силъ выходить за городскія стѣны.) Стр. 142.

31. ḳат̣аа́ руу́са ḳаза̄ḳин каөӣрин (каөӣратин) ḳудда̄маhу ḳа̄йλан 'иннаhу мубг̣идун λаhум wa мух̣иббун ли-λ-hа̄жирӣна.

Онъ отрубилъ передъ нимъ головы многимъ казакамъ, говоря, что онъ ненавидитъ ихъ и что *онъ другъ гаджирійцевъ* (т.-е. мусульманъ, считающихъ по эрѣ гиджры).

He cut off the heads of many Cossacks before him, telling him that it was of hatred to them and love to their persecutors. (... говоря ему, что это сдѣлано изъ ненависти къ нимъ и *изъ любви къ ихъ преслѣдователямъ.)* Стр. 143.

32. ḳаддаса саjjидуна-λ-батр̣аку фӣ канӣсати-д-даjри ли-λ-базарка̄ни.

Нашъ владыка патріархъ отслужилъ обѣдню *въ церкви нашего монастыря для купцовъ.*

Our Lord the Partriarch said mass in the church of the Convent of the Merchants. (Нашъ владыка патріархъ отслужилъ обѣдню *въ церкви монастыря купцовъ.)* Стр. 144.

33. ба̄рака 'аλаjhи саjjидуна-λ-батр̣аку wa ба̄рака λаhу фӣ-нтис̣а̄биhи.

Нашъ владыка патріархъ благословилъ его и *поздравилъ съ восшествіемъ на престолъ.*

Our Lord the Patriarch blessed him, as he stood erect. (Нашъ владыка патріархъ благословилъ его, *когда онъ стоялъ.)* Стр. 146.

34. wa ка̄на-λ-мут̣ра̄ну jубах̣хиру ка-λ-'а̄дати өумма-λ-'аса̄ḳифату би-λ-маба̄х̣ири.

По обыкновенію *кадилъ митрополитъ, потомъ епископы* своими кадильницами.

Our Lord the Patriarch... threw the incense towards the Metropolitan as usual, then to the Bishops. (Нашъ владыка патріархъ... *кадилъ* по обыкновенію *митрополиту, потомъ епископамъ.)* Стр. 149.

35. wa жамӣу hāỷлāи̇ кāна jaʻтӣhуму-л-ķамарāшу дарāhима би-л--камшāти.

Всѣмъ имъ камарашъ раздавалъ *монеты горстями.*

To all these the Camarash gave silver coin, in strips of fine linen. (... серебряныя *монеты, завернутыя въ тонкое полотно.)* Стр. 152.

36. лā jуẓhирӯhа (jуẓhирӯнаhа) (маʻāдина) ҳаwфан мин-ȧт-турки wa мин зиjāдати-л-мāли.

Ихъ (рудниковъ) не обнаруживаютъ изъ боязни турокъ и *увеличенія податей.*

They do not make them known for fear of the Turks and from the abundance of their wealth. (Они ихъ не обнаруживаютъ... *по причинѣ обилія у нихъ богатства.)* Стр. 152.

37. фа рāḍӯhум ȧн мӣрāѳи матта-л-бēка-л-мутаwаффи.

Постарались удовлетворить ихъ (турокъ) *за наслѣдство* Матвѣя, усопшаго господаря.

They granted them the inheritance of Matthi... *(Уступили имъ наслѣдство* Матвѣя.) Стр. 153.

38. wa hwa ķāӣдун ȧла ḍāббатин.

(Есть изображеніе... Христа), *ведущаго верховое животное* (съ человѣкомъ, который впалъ въ руки разбойниковъ).

It has the painting... of our Lord the Christ, riding on a beast. (Имѣетъ изображеніе... Христа, *ѣдущаго верхомъ на животномъ.)* Стр. 158.

39. wa ṭурукāтин маʻмӯлатин (маʻмӯлāтин) мин ķудбāни-ш-шажари hаṣидан.

(Проѣхали) по дорогамъ, сдѣланнымъ *изъ связокъ хвороста.*

... streets made of branches of trees, planted upright. (... дороги, сдѣланныя *изъ древесныхъ вѣтвей, утвержденныхъ стоймя.)* Стр. 162.

40. wa hja ȧмāкину wa ȧшгāлун туḥajjиру-л-ӯķӯла.

Это *мѣста и работы,* приводящія умъ въ изумленіе.

The situations of the abodes as well as the occupations of the inhabitants are surprising. *(Мѣстоположеніе жилищъ,* также какъ *занятія жителей* удивительны.) Стр. 162.

КЪ ИНТЕРПРЕТАЦІИ ВАНСКИХЪ НАДПИСЕЙ.

Левона З. Мсеріанцъ.

Предметомъ настоящей статьи[1]) служитъ попытка выяснить значеніе слова *pi-li,* читаемаго нѣсколько разъ на надписяхъ ванской системы, и въ толкованіи котораго расходятся кунеологи. Прежде всего мы приведемъ тѣ мѣста (вмѣстѣ съ переводами) изъ надписей, въ которыхъ встрѣчается это слово.

Мѣста эти слѣдующія[2]):

Надпись № XXII[3]) (Артамидская; см. Sayce, pp. 527—528):

2 л. Is-pu-hu-i-ni-khi-ni-s   i-ni   pi-da[4])

---

[1]) Основаніемъ этой статьи послужилъ нашъ рефератъ (подъ такимъ же заглавіемъ), читанный въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Имп. Моск. Археологич. Общества, 18-го декабря 1893 г., краткое извлеченіе изъ котораго было помѣщено въ „Археологич. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1894, № 3—4 и съ незначительными дополненіями издано отдѣльнымъ оттискомъ (Къ интерпретаціи ванскихъ надписей, Москва 1894; армянскій переводъ въ газетѣ „Arjagankh“ 1894, № 53). Новый матеріалъ, появившійся со времени написанія этого реферата, заставилъ автора пересмотрѣть и переработать свою статью, избранную имъ для настоящаго юбилейнаго сборника.

[2]) Цитаты изъ первыхъ двухъ надписей (Артамидской и Ахтамарской) приводятся изъ труда A. H. Sayce'a, The cuneiform inscriptions of Van etc., въ Journal of the Royal Asiatic Society etc. v. XIV, въ его транскрипціи и съ его переводомъ. Замѣтимъ, что kh не есть Tenuis aspirata, но извѣстной спирантъ χ, какъ его и слѣдовало бы обозначать.

[3]) Въ копіи Belck'a, Nr. 12 a, мы читаемъ:

2 л. m-Iš-pu-u-i-ni-[hi-] ni-š(e)   i-ni   pi-i-l[i]
Sohn des Ispuinis   diesen   Canal

3 л. a-[gu]-ni Me-nu-a-i   pi-i- li   ti-i-ni
erbaut.   Menuas-   Canal (ist)   sein Name.

10 л. u-li-š(e)   ti-i-u-li-e   i-e-š-e   i-ni
anderer(?) behauptet(?): ich(habe) diesen

11 л. pi-i-li   a-gu-bi(?) etc.
Canal   gebaut.

См. статью W. Belck'a и C. F. Lehmann'a: Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften in Russisch und Türkisch Armenien въ Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XXIV, Heft II (1892), pp. 135—136 и p. 150 (Canalinschrift des Menuas).

Надпись, приводимая Sayce'омъ, подъ № XXII, какъ замѣчаютъ Belck и Lehmann (ib. pp. 133—134), „mit Belck's Nr. 12a wörtlich übereinstimmt und nur einige Varianten in den Lauten und Formen und geringe Abweichungen in der Abtheilung der Zeilen (ebenfalls 14 an der Zahl) zeigt“.

[4]) Чтеніе *pi-da* теперь оставлено Sayce'омъ, который принялъ исправленіе въ *pi-li* согласно съ указаніемъ, сдѣланнымъ Guyard'омъ.

The son of Ispuinis this memorial
3 л. a-gu-ni Me-nu-a-i pi-da ti-i-ni
has selected of Menuas the memorial he has named (it).
10 л. i-e-s[5]) i-ni pi-da-e a-gu-bi
which (even) this memorial I have selected.

Надпись № XXIX, B (Ахтамарская; см. Sayce, pp. 538—539):
7 л. ...pi-da-e a-gu-bi....
the memorial I have selected
9 л. ...(i)-ni pi-da a-gu-(bi)...
this memorial I have selected.

Надпись № XIII (Блурская [Армавирская] въ изданіи М. В. Никольскаго: „Клинообразныя надписи ванскихъ царей и пр." въ „Древностяхъ Восточныхъ" I, p. 445 = отд. отт. p. 29):
8 л. ... pi)li etc.
„памятникъ"

Надпись № XIV (ib. p. 446 = отд. отт. 30):
6 л. pi-li etc.
„памятникъ"

Надпись Артамидская, Belck № 12 d (Zeitschrift f. Ethn. XXIV, II, pp. 134 и 149 „Canalinschrift des Menuas")[6]):
3 л. i-ni pi-li-e a-gu-ni
diesen Kanal [hat] gebaut
4 л. mMe-nu-a-i-pi-li ti-ni
Menuas-Canal [ist]sein Name.

Надпись Артамидская, Belck № 12 b (ib. pp. 134 и 149) — трехстрочная — совпадаетъ вполнѣ съ вышеприведенною (Belck № 12 d) и „abweichend ist nur die Längenschreibung *pi-i-li* für pîli = Canal in Zeile 2" (p. 134).

Надпись, найденная около селенія Каракала (Эриванской губ.)[7]):
3 л. i-ni pi-i-li-e a-gu-u-ni
этотъ каналъ я соорудилъ (провелъ)

---

[5]) *i-e-s*, которое Sayce передаетъ черезъ „which", въ настоящее время принимается въ значеніи имен. ед. личнаго мѣст. 1-го лица (Cf. Bertin, Abridged Grammars of the cuneiform inscriptions, London 1888, p. 71: „of the first person only the nominative is found: *ieš*, „I").

[6]) Сходнымъ образомъ читается и на другой надписи, обозначенной Belck'омъ № 13, см. ib. pp. 134 и 150.

[7]) Надпись эта, найденная лѣтомъ 1895 г., должна появиться въ изданіи Имп. Моск. Арх. Общества „Матеріалы по археологіи Кавказа" (въ вып. V), въ спеціальномъ трудѣ М. В. Никольскаго, гдѣ будетъ помѣщена подъ № XXIII. Описаніе и раз-

Вотъ всѣ доселѣ извѣстныя мѣста въ надписяхъ, гдѣ встрѣчается интересующее насъ слово pili. Въ какомъ же значеніи принимается это pili? Какъ видно изъ приложеннаго перевода Sayce'а, англійскій кунеологъ принимаетъ pili въ значеніи „the memorial", т.-е. памятникъ (срв. также Index Sayce'а къ изданію надписей, p. 712 s. v.), производя его отъ основы pi-(имя) и суффикса -li, обозначающаго мѣсто, — слѣдовательно, pi-li собственно значитъ: „мѣсто имени"; такимъ же образомъ производитъ и толкуетъ pili и Bertin („*li* forms local names: from *pi* „name", pi-li, „a memorial", lit. „the place of the name". O. c. p. 71). Переводу Sayce'а одно время слѣдовалъ М. В. Никольскій (см. выше приведенныя мѣста въ „Древностяхъ Восточныхъ" I, pp. 445 и 446)[8]). D. H. Müller принимаетъ pili въ значеніи „надпись" (Inschrift, Gedenktafel) — см. его Die Keilinschrift von Aschrut-Darga. Wien 1886, p. 23, а также срв. Belck-Lehmann, O. c. p. 136. Наконецъ, третье значеніе „*каналъ*" (Canal, Wasserleitung) было дано pili Belck'омъ и Lehmann'омъ въ ихъ уже упомянутой статьѣ: Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften etc., p. 136 sq., а также сравни ихъ же Mittheilung über weitere Ergebnisse etc. въ Zeitschrift f. Ethn. XXIV, p. 477 sq. Это же значеніе „каналъ", въ настоящее время, уже принимается какъ наиболѣе вѣроятное и М. В. Никольскимъ; срв. вышеприведенное мѣсто изъ надписи, найденной близъ Каракалы и см. ниже.

Итакъ, мы имѣемъ для pili цѣлыхъ три перевода, а именно:

1) *памятникъ*, 2) *надпись*, 3) *каналъ*.

Которому же изъ нихъ должно быть отдано предпочтеніе? Попытка отвѣтить на этотъ вопросъ и составляетъ — какъ было уже сказано — предметъ настоящей статьи, въ которой мы попытаемся представить со своей стороны нѣсколько соображеній, которыя, быть можетъ, смогутъ послужить къ выясненію значенія слова pili.

Но, прежде чѣмъ приступить къ толкованію слова pili, слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ армянскія Анійскія надписи, гдѣ встрѣчается весьма интересное для насъ слово *mil*. Эти надписи суть: одна—1036 г., на церкви во имя Спасителя (Surb Phrkičh) у о. Л. Алишана, Ширакъ, Венеція 1881, p. 83 (= Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани etc. Переводъ Н. Эмина, М. 1871, p. 16, № 28), другая —1215 г., на церкви св. Григорія Просвѣтителя (Surb Lusavorič) у о. Алишана, ib. p. 76 (=Эминъ,

боръ этой надписи служили предметомъ реферата М. В. Никольскаго въ засѣданіи Восточной Коммиссіи 10 ноября 1895 г. (См. краткую замѣтку въ протоколѣ этого засѣданія, Древности Восточныя II, вып. 1-й, Москва 1896, p. 130).

[8]) Затѣмъ М. В. Никольскій находилъ болѣе вѣроятнымъ значеніе „*надпись*". (Сообщеніе М. В. Никольскаго во время преній, въ засѣданіи Вост. Коммиссіи, по поводу нашего реферата).

b. p. 22, № 34). Что же означаетъ въ обоихъ мѣстахъ слово *mil*[9])? Собственно это слово неизвѣстно изъ древнихъ памятниковъ армянской литературы[10]). Н. О. Эминъ въ надп. № 28 (1036 г.) перевелъ почему-то *mil* черезъ „памятникъ“, а въ другой надписи (№ 34, 1215 г.) оставилъ безъ перевода. Что касается народной рѣчи, то mil, дѣйствительно, встрѣчается въ ново-арм. діалектахъ довольно часто въ качествѣ заимствованнаго слова изъ арабскаго[11]), быть можетъ, при посредствѣ турецкаго языка[12]). Въ качествѣ заимствованнаго слова mil употребляется въ ново-арм. діалектахъ въ значеніи *ось* (въ очень многихъ діалектахъ), *„спица“* для вязанія (въ эриванскомъ и шемахинскомъ діалектахъ), *зондъ* (въ эрзерумскомъ діалектѣ), *„бревно“* (въ частности обтесанное, четырехугольное бревно, употребляемое какъ перекладина въ потолкѣ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Карабага), *„язычокъ“* (у вѣсовъ; въ діалектѣ адербиджанскихъ армянъ), а также въ значеніи извѣстной ***мѣры пространства;*** см. также „Словарь съ ново-арм. на грабаръ“[13]), составленный Е. А. (Вене-

---

[9]) Вотъ самыя мѣста изъ интересующихъ насъ надписей съ переводомъ Н. Эмина:

№ 28 (по изд. Эмина): ev kangnechi milar̄ ...[ph]rkčhis = и воздвигъ ***памятникъ*** при этой церкви (собственно слѣдовало бы перевести: при [церкви] Спасителя).

№ 34 (по изд. Эмина): miln i modani (безъ перевода).

(Въ нашей транскрипціи обозначаютъ: r̄ — особое раскатистое r, ch — *ц* придыхательное, čh — *ч* придыхательное).

[10]) Для полноты слѣдуетъ замѣтить, что два-три раза въ (позднихъ) памятникахъ арм. литературы встрѣчается *mil*, но какъ синонимъ *milon* и *myon* (*y* слѣдуетъ произносить какъ ново-греч. *γ*), въ значеніи извѣстной мѣры длины = *μίλιον*, *μιλιάριον*, miliare, mille passus (Большой Академ. Словарь, изданный въ Венеціи, s. v. mil и milon), при чемъ Акад. Словарь, поясняя слово *myon* (s. v.), приводитъ формы *milon* и *mil* какъ „простонародныя“ (r̄amkakan). C. Brockelmann, посвятившій греческимъ заимствованіямъ въ арм. языкѣ особую статью въ ZDMG, XLVII, pp. 1—42 („Die griechischen Fremdwörter im Armenischen; арм. пер. печатался въ журналѣ вѣнскихъ мхитаристовъ *„Handēs“* за 1894 г. и, затѣмъ, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ), производитъ *myon* (которое встрѣчается уже въ V в.) отъ греч. *μίλιον* и какъ позднѣйшія формы считаетъ *mil* и *milon* (pp. 11—12).

[11]) Въ арабскомъ языкѣ mīl имѣетъ слѣдующія значенія: 1) aiguille avec laquelle on applique le collyre sur le bord des paupières, 2) Poinçon, 3) Burin, 4) Grand monticule de sable, 5) Pierre millaire, 6) Mesure de longueur, autant que la vue peut s'étendre; *sprécialem.* mille (de trois *ou* de quatre mille aunes). Dictionnaire Arabe-Français.... A. de Biberstein Kazimirski (Paris, 1860), T. II, pp. 1174—1175.— Замѣтимъ, кстати, что mīl въ значеніи, приведенномъ подъ № 6, перешло — при посредствѣ турецкаго — въ болгарскій („миля“) и сербскій („миљ“) языки. См. Fr. Miklosich, Die Türkischen Elemente in den südost- und osteurop. Sprachen въ Denkschriften Вѣнской Академіи Наукъ (ист.-фил. классъ), т. XXXV, p. 128.

[12]) *Mil* не приводится въ числѣ арабскихъ заимствованій Гюбшманомъ ни въ его статьѣ Die Semitischen Lehnwörter im Armenischen (ZDMG, XLVI; арм. пер. въ „Handēs“, съ января 1893), ни въ его Armenische Grammatik I, 1.

[13]) Такъ называется по арм. (*grabar̄*) древне-армянскій литературный языкъ, извѣстный въ памятникахъ съ V в. по Р. Х. и на который было переведено Священное Писаніе.

ція, 1869) p. 367 s. v., гдѣ приведено mil съ нѣкоторыми изъ его значеній. (Въ „Новомъ словарѣ арм. языка“ С. Капамаджіанъ, Константинополь, 1892 этого слова не приведено)[14]). Но эти значенія сюда не подходятъ и mil въ данномъ мѣстѣ имѣетъ какое то особое значеніе, на которое обратилъ наше вниманіе проф. Н. Я. Марръ. Въ своемъ письмѣ (отъ 10 октября 1893) къ намъ онъ указалъ на бросающуюся въ глаза тождественность арм. *mil* съ груз. *mili*, что̀ значитъ *„подземная водопроводная труба“*. Имѣя въ виду, съ одной стороны, это значеніе груз. mili, съ другой — контекстъ, въ которомъ приходится стоять слову mil въ надписяхъ, проф. Марръ объясняетъ его въ связи съ двумя армянскими терминами, относящимися къ водоснабженію: *ğrsah* и *apuriš* = ново-перс. ābrīz[15]), и передаетъ условно, какъ *„резервуаръ или иное сооруженіе, куда проходила вода по трубѣ“*. Въ значеніи, довольно близко подходящемъ къ данному Н. Я. Марромъ, *mil* — какъ это стало намъ теперь извѣстно (изъ письма монаха Эчміадзинскаго монастыря Калуста Тэръ-Мкртчянъ, отъ 22 мая 1894 г.) — употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Карабага (Елиз. губ.), а именно въ значеніи *„подземнаго водопровода“*[16]).

Подобно тому какъ проф. Марръ находитъ возможнымъ сопоставлять mil армянскихъ надписей съ грузинскимъ mili, такъ и намъ представляется возможнымъ видѣть въ груз. mili (а, слѣдовательно, и въ арм. mil) эквивалентъ pili ванскихъ надписей, имѣя въ виду, съ одной стороны, значеніе „каналъ“, даваемое pili Belck'омъ и Lehmann'омъ (см. выше), съ другой — въ виду нѣкоторыхъ фонетическихъ соображеній, которыя будутъ сейчасъ изложены.

Извѣстно, что въ очень многихъ языкахъ, какъ индо-европейской, такъ и другихъ семей, существуетъ случай замѣны губнаго мгновеннаго и фрикативнаго (спиранта) носовымъ соотвѣтствующаго класса, т.-е. *m*, и наоборотъ. Явленіе это особенно распространено въ языкахъ тюркской группы. Не останавливаясь на этомъ явленіи въ языкахъ индо-европейскихъ[17]), обратимся къ примѣрамъ фонетической параллели b, v ‖ m въ языкахъ другихъ семей:

---

[14]) Быть можетъ, въ отдѣльныхъ арм. діалектахъ извѣстны и другія значенія mil, которое, какъ извѣстно, имѣетъ ихъ довольно много какъ въ персидскомъ, такъ и въ турецкомъ — языки, въ которые оно проникло изъ арабскаго. См. напр. Lexicon persico-latinum Vullers'a, s. v. mīl (pp. 1256—1257).

[15]) *ābrīz*, между прочимъ, значитъ, „puteus, qui in balneis, culinis, simil. adhibetur“ Vullers, Lex. pers-lat. s. v.

[16]) Въ арм. газетѣ *„Arjagankh“* (1894 г. № 122) мы находимъ весьма интересное сообщеніе изъ Санагина (Тифл. губ.), изъ котораго узнаемъ о существованіи источника, который называется mil.

[17]) Въ арм. языкѣ, также, существуетъ фонетич. параллель губн. мгнов. ‖ губн. носовой; срв. граб. žmtim „subrideo“ при болѣе обычномъ žptim; агулисское (зокское) *astas*

Тюркскіе языки: османское *ben* „я“ = татар. *men*; осм. *bašak* „колосъ“ (производное отъ *baš* „голова“) = тат. *mašak*, алт. *mašak* (или našak): осм. *binmek* „взлѣзать“ (также и *pinmek*) = тат. *minmek*; осм. *bahader* (производное отъ ново-перс. *bahā* „цѣна, стоимость“, звучащаго у турокъ какъ *pahā*, срв. *pahāly*[18]) „дорогой“) = алт. *makatyr* „герой“ и пр.

Семитскіе языки: сабейское (южно-арабское) *bin* „отъ, изъ“ (см. Mitteilungen aus dem Orientalischen Sammlungen, Heft VII, 1893, надпись № 2672, строки 8 и 11)[19]) при др-евр. *min*, араб. *min* и пр. — Др.-евр. и сирское (арамейское) kislev „названіе мѣсяца“ и ассир. kislim(u)[20]).

Фонетическая тождественность ван. *pili* и груз. *mili*[21]) будетъ возможна при предположеніи переходной ступени **bili* (т.-е. формы съ измѣненіемъ начальнаго глухаго въ звонкій) — ибо формы съ *p* при *b* извѣстны изъ разныхъ языковъ. Но, быть можетъ, нѣтъ надобности въ предположеніи побочной или переходной формы *bili, такъ какъ извѣстно, что въ ванской клинописи происходило смѣшеніе mediae съ tenues (см. Bertin, O. c., pp. 70—71); такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли читать **bili* вм. pili.

Итакъ, мы полагаемъ, что груз. *mili* можетъ, до извѣстной степени, свидѣтельствовать въ пользу значенія „каналъ“, которое даютъ ванс. pili Belck и Lehmann. Въ настоящее время М. В. Никольскій также принялъ это значеніе какъ наиболѣе вѣроятное, основываясь на новооткрытой (въ 1895 г.) надписи близъ селенія Каракалы, отрывокъ изъ которой былъ приведенъ вмѣстѣ съ переводомъ выше. Подробности относительно того, что заставило М. В. Никольскаго признать въ *pili* этой

при грабарномъ *aisrēs* (Саргсянцъ, Агулисскій діалектъ [по-арм.], Москва, 1883, § 16). Далѣе можно указать параллель v ‖ m: въ ванскомъ діалектѣ мы имѣемъ при обычномъ artvan „утренній“ (граб. aravautean) также artman. — Относительно осетинскаго языка см. проф. Вс. Миллера, Осетинскіе Этюды II, p. 85 (ср. также III, p. 155), относительно курдскаго языка см Justi, Kurdische Grammatik (Petersb. 1880), §§ 40, 41, 42 и др., и т. д.

18) Знакомъ *y* въ транскрипціи тюркскихъ словъ обозначается звукъ почти = рус. ы.

19) Срв. сообщеніе М. В. Никольскаго, читанное въ засѣданіи Вост. Коммиссіи, 7 апр. 1894 г. (см. „Древности Восточныя“ II, вып. 1-й, протоколъ № 42, pp. 120—121).

20) Устное сообщеніе М. В. Никольскаго.

21) Срв. въ параллель ванс. **bili* ‖ груз. mili (арм. *mil*): др.-перс. Bardiya (Bh. I, 30, 32 и мн. др.), собс. имя ‖ греч. *Μάρδος* (Aeschyli Persae, v. 765, по изд. A. Kirchhoff'a, согласно съ рукописнымъ преданіемъ), или *Σμέρδις* (Herod. III, 61 sq.); др.-перс. *Bagabuxša* (Bh. IV, 85) ‖ *Μεγάβυζος* (напр. Herod. VII, 82); *Hagmatāna* (Bh. II, 76, 77) „Экбатана“ ‖ *Ἀγβάτανα* или *Ἐκβάτανα* (у греч. историковъ); др.-евр. Nimrod ‖ въ переводѣ LXX: *Νεβρώδ*; др.-арм. (граб.) r̄emon, ново-перс. ramūn (и rabūn) ‖ *ἀῤῥαβών* (см. Brockelmann, ZDMG, XLVII, p. 41, а также Hübschmann, Armen. Gramm. p. 275, подъ n⁰ 137).

надписи значеніе „*каналъ*“, будутъ изложены въ его трудѣ, который долженъ появиться въ „Матеріалахъ по археологіи Кавказа“, вып. V; здѣсь же отмѣтимъ лишь топографическую подробность относительно этой надписи: она находится на правомъ берегу Аракса, близъ того мѣста, гдѣ начинается (съ лѣвой стороны) Сардарабадскій каналъ; относительно же ея содержанія ограничимся тѣмъ résumé, которое находимъ въ протоколѣ (№ 48) засѣданія Восточной Коммиссіи (10 ноября 1895 г.): „Надпись. ...содержитъ извѣстіе о сооруженіи царемъ Аргишти I (VIII в. до Р. Х.) канала, проведеннаго изъ Аракса въ столицу этого царя Аргиштиханили (Армавиръ)“ („Древности Восточныя“, II, 1-й вып., р. 130).

Какъ уже было сказано, съ груз. *mili* проф. Н. Я. Марръ сопоставляетъ арм. *mil*. Если это сопоставленіе вѣрно, то интересно объяснить отношеніе арм. mil къ ванс. pili. Быть можетъ, арм. *mil* является заимствованнымъ словомъ изъ языка ванскаго народа, занимавшаго часть территоріи Арменіи до появленія въ ней армянскаго народа[22]). Ванская культура, которую нашли армяне, явившіеся на смѣну первоначальному населенію, конечно, не могла остаться безъ вліянія на нихъ. Представляется весьма вѣроятнымъ, что изъ ванскаго языка должны были перейти въ армянскій термины, относящіеся къ тѣмъ искусствамъ, которыя процвѣтали у ванцевъ, а однимъ изъ нихъ, несомнѣнно, было искусство проводить каналы, которые сохранились до нашихъ дней. Позволительно, поэтому, предполагать, что въ армянскомъ языкѣ можно будетъ разыскать нѣкоторые термины, заимствованные или, лучше сказать, перешедшіе изъ языка представителей предшествующей культуры, изъ языка ванскаго народа, этой этнографической подпочвы Арменіи.

---

[22]) Традиція о какомъ то другомъ народѣ, обитавшемъ нѣкогда въ Арменіи, продолжала долго жить въ армянскомъ народѣ, и мы ее находимъ на страницахъ „Исторіи Арменіи“ Мойсея Хоренскаго. Мѣста изъ послѣдняго, въ которыхъ говорится о первоначальномъ населеніи, собраны Міабаномъ въ его статьѣ: „Языкъ урартійскихъ клинописей“ въ армянскомъ журналѣ „*Ararat*“ 1893, Ноябрь = отд. изд., pp. 6–9.

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ПОЛИТИКОЙ АРИСТОТЕЛЯ.

А. Н. Шварца.

Несмотря на значительные успѣхи, достигнутые въ изученіи текста и содержанія Аристотелевой Политики, есть однако по прежнему нѣкоторые пункты, по которымъ никакъ не удается достигнуть соглашенія. Въ особенности сильны споры по поводу плана, положеннаго въ основаніе означеннаго трактата, и времени выполненія отдѣльныхъ его частей. Если есть и сейчасъ еще ученые, которые находятъ возможнымъ считать Политику возникшей въ извѣстный, болѣе или менѣе точно опредѣляемый ими срокъ и согласно опредѣленной схемѣ — хотя, быть можетъ, и выполненной въ разное время или затемненной позднѣйшими неумѣлыми редакторами Аристотелева наслѣдія, но все же предносившейся съ самаго начала уму философа, — то въ свою очередь есть и такіе, которые отказываются видѣть во всемъ сочиненіи, какъ цѣломъ, какое-либо единство и полагаютъ, что возникъ извѣстный намъ трактатъ изъ ряда самостоятельныхъ чтеній, не связанныхъ между собой первоначально ничѣмъ, кромѣ родственнаго сюжета, плохо проредактированныхъ, неудачно объединенныхъ въ позднѣйшей редакціи и, наконецъ, въ виду главнымъ образомъ различнаго времени ихъ написанія, противорѣчащихъ другъ другу и отличныхъ даже по пріемамъ изслѣдованія. Насколько можно понять, преимущество въ спорѣ остается все-таки, — если оставить безъ вниманія нѣкоторыя неизбѣжныя крайности въ воззрѣніяхъ, — на сторонѣ представителей второго направленія. Правда, въ ряду противниковъ ихъ находится одинъ изъ лучшихъ въ настоящее время знатоковъ Политики, Фр. Зуземиль, но насильственные пріемы его критики, въ особенности многочисленныя перестановки различныхъ отдѣловъ текста, необходимыя для поддержанія защищаемыхъ имъ положеній, встрѣчаются такимъ недовѣріемъ, что даже ему приходится въ послѣднее время значительно видоизмѣнять свои первоначальныя мнѣнія[1]) и У. Виламовицъ, обыкновенно хорошо освѣ-

[1]) По крайней мѣрѣ въ послѣднемъ пересмотрѣ своего 3-го изд. (Lipsiae, Teubner MDCCCXCIV) на стр. XI введенія онъ уже говоритъ: At, id quod iam in Quaest. Arist. II, p. XII scripsi, hodie inter omnes constat Politica non esse unius atque continui laboris fetum, sed composita e diversis dissertationibus, quae diversis temporibus, quamquam, si rem universam spectamus, secundum idem consilium erant exorta. Neque composita ea esse iam ab ipso Aristotele reor.

домленный касательно изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ, выразилъ, какъ кажется, преобладающее теперь воззрѣніе, замѣтивъ[2]), что въ книгахъ *ΑΒΓ*, *ΔΕΖ* и *ΗΘ* мы имѣемъ три отдѣльныхъ изслѣдованія, два изъ коихъ такъ и оставлены были въ незаконченномъ видѣ и, послѣдовательность коихъ по мысли философа, если когда либо и существовала на дѣлѣ, не можетъ уже быть съ точностью опредѣлена нами въ настоящее время. Повидимому однако, попытки дезинтеграціи текста врядъ ли остановятся даже на такомъ конечномъ выводѣ. Уже теперь являются приверженцы мнѣнія о самостоятельномъ возникновеніи книги *Β*, несогласно съ обычнымъ пріемомъ Аристотеля помѣщенной не въ началѣ трактата, но вставленной между основоположными книгами *Α* и *Γ*. Что же касается до книги *Ε*, одними размѣщаемой между книгами *Δ* и *Ζ*[3]), а другими относимой къ концу всего трактата, то первоначально обособленное положеніе ея, думается мнѣ, можетъ быть и прямо доказано. Во всякомъ случаѣ позволяю себѣ представить по этому поводу нѣкоторыя соображенія.

I.

Своеобразныя особенности книги *Ε* не въ послѣднее только время обратили на себя вниманіе изслѣдователей Политики. Уже Ш. Тюрò[4]) отмѣтилъ между прочимъ, что si la preuve par les faits domine dans le livre V où Aristote traite des révolutions des États, on peut dire que partout ailleurs il est enclin à employer le raisonnement déductif, а А. Кронъ[5]) былъ такъ смущенъ обиліемъ именно въ этой книгѣ того, что онъ называетъ „politische Archäologie“, что онъ даже не рѣшается видѣть въ ней твореніе философски-образованнаго политика, но лишь отрывки какого-нибудь историка-компилятора, за коваго онъ съ своей стороны склоненъ считать не Аристотеля, а Θеофраста[6]).

Дѣйствительно, фактъ совершенно иного веденія разсужденія въ нашей книгѣ по сравненію съ предшествующими и послѣдующими книгами Политики не можетъ не броситься въ глаза каждому внимательному читателю ея. И въ книгахъ *ΑΒΓ*, гдѣ излагаются основныя положенія Аристотелевскаго ученія о государствѣ, и въ книгахъ *ΗΘ*, содержащихъ его теорію „нормальнаго“ государства, государства *κατ᾽ εὐχήν*, историческіе примѣры для иллюстраціи его логическимъ путемъ добытыхъ за-

[2]) U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen, I, S. 355.

[3]) Ср. новѣйшій споръ Зуземиля съ Виламовицемъ въ изд. перваго, l. l. p. XXIX sq.

[4]) Ch. Thurot, Etudes sur Aristote, 1860, p. 135.

[5]) A. Krohn, Zur Kritik Aristotelisher Schriften I (Aus dem Programm der Ritter-Akademie zu Brandenburg 1872), S. 47.

[6]) Изъ Крона же (прим. къ стр. 49) я знаю, что еще ранѣе Antonio Montecatino (переводчикъ Аристотеля въ XVI стол.) отмѣчалъ то же явленіе.

ключеній встрѣчаются еще очень рѣдко. Аристотель охотно приводитъ цитаты изъ самыхъ разнообразныхъ писателей, мысли которыхъ сходятся съ его собственными, онъ то и дѣло ведетъ явную или скрытую полемику съ предшествующими ему по времени и современными теоретиками, не разъ, какъ кажется, пользуется и сочиненіями доступныхъ ему историковъ, но слѣды самостоятельныхъ историческихъ изысканій или собственныхъ наблюденій надъ жизнью эллинскихъ или варварскихъ государствъ, если только таковыя дѣйствительно принадлежатъ Аристотелю, указываются лишь въ особыхъ отдѣлахъ этихъ книгъ, которыя опять таки носятъ особый отпечатокъ.

Оставляя въ сторонѣ книгу *B*, которая имѣетъ исключительный характеръ вслѣдствіе того, что почти сплошь посвящена критикѣ, — вотъ сдѣланныя мной въ этомъ отношеніи наблюденія[7]).

Въ книгѣ *A* мы имѣемъ цитаты изъ Гомера, всегда съ любовью вспоминаемаго греками (1252 b, 1253 a, 1259 b, 1253 b, гдѣ онъ разумѣется подъ словомъ *ὁ ποιητής*, и т. д.), Гесіода (1252 b), Эпименида и Харонда (ibid.), Солона (1256 b), изъ трагиковъ Софокла (1260 a *ὁ ποιητής* = Soph. Aj. 293), Эврипида (1252 b *οἱ ποιηταί* = Eurip. Iph. Aulid. 1400) и Θеодекта (1255 b); изъ прозаиковъ особенно часто, конечно, называется Платонъ (напр. 1252 a, 1258 b, 1260 a и т. д.), всегда имѣющійся въ виду Аристотелемъ одинаково во всѣхъ книгахъ Политики, затѣмъ упоминаются Горгій (1260 a), какіе-то юристы, *οἱ ἐν τοῖς νόμοις* 1255 a), одинъ разъ, какъ думаютъ толкователи, имѣется въ виду Алкидамантъ (1253 b), далѣе по имени называются писатели-техники Харетидъ Паросскій и Аполлодоръ изъ Лемноса (1258 b), и, наконецъ, нѣкоторыя мѣста представляютъ, какъ кажется, реминисценціи изъ Геродота (напр. 1259 b = Herod. II, 172) и Θукидида (1256 a 36, съ которымъ ср. Thuc. I, 5). Историческіе примѣры, поясняющіе мысль автора, или выражены крайне неопредѣленнымъ образомъ (см. напр. ссылку на принятое *ἐν βαρβάροις* 1252 b), или же взяты изъ доступной всѣмъ грекамъ области миθологическихъ преданій (*ὁ Μίδας ἐκεῖνος* 1257 b) и собранія анекдотовъ, до которыхъ охотники всѣ народы и найти которые Аристотель могъ и у цитуемыхъ имъ писателей (ср. напр. его разсказъ объ обогащеніи Θалета и какого-то Сицилійца на стр. 1259 a или анекдотъ о школѣ для прислуги, которую держалъ какой-то Сиракузянинъ на 1255 b)[8]).

[7]) Надѣюсь, что сопоставленіе ихъ не покажется излишнимъ хотя бы для оправданія родственнаго вывода Виламовица (Arist. u. Athen I, S. 356), нѣсколько недовѣрчиво встрѣченнаго нашими учеными (ср. замѣчаніе проф. Бузескула въ Фил. Обозр., т. IX, стр. 2).

[8]) Аристотель и впредь рекомендуетъ подбирать такія анекдотическія подробности для того, чтобы по нимъ дѣлать подходящіе выводы: *ἔτι δὲ καὶ τὰ λεγόμενα σποράδην, δι' ὧν ἐπιτετυχήκασιν ἔνιοι χρηματιζόμενοι, δεῖ συλλέγειν* (1259 a 4).

Въ книгѣ *Γ* мы опять-таки встрѣчаемъ цитаты изъ Гомера (1278 a, 1285 a, 1287 b), Солона (1281 b), Алкея (1285 a s. fin.), Эврипида (1277 a), изъ Горгія (1275 b), софистовъ Ликофрона (1280 b) и Антисѳена (1284 a), ссылки на изреченія (напр. Іасона Ферейскаго, взятое Аристотелемъ весьма вѣроятно изъ какого-нибудь трактата по реторикѣ, ибо другое изреченіе того же Іасона мы находимъ у Arist. Rhet. 1373 a 25) и легенды (1284 a), и тоже реминисценціи, повидимому, изъ Геродота (1276 a = Herod. I, 178 и 191; 1284 b = Herod. I, 156 и III, 159; 1286 a = Herod. II, 84, хотя всякій разъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями сравнительно съ показаніемъ историка), но что касается до историческихъ примѣровъ, источникъ которыхъ сразу же не можетъ быть опредѣленъ нами, то вопервыхъ, они по большей части взяты изъ жизни такихъ государствъ, которыми обстоятельно занимались уже предшествующіе Аристотелю писатели по Политикѣ (напр. изъ исторіи Спарты 1275 a, 1285 a и b, Аѳинъ 1275 b, Карѳагена 1275 a, 1280 a, Сиракузъ 1286 b и Ѳивъ 1278 a), а во-вторыхъ, если въ двухъ случаяхъ (см. примѣры Эпидамна и Опунта 1287 a) и почерпнуты изъ исторіи государствъ, менѣе интересовавшихъ предшественниковъ Аристотеля, то находятся въ такихъ главахъ, которыя и по другимъ причинамъ считаются написанными позже главныхъ отдѣловъ книги *Γ* и уже позднѣе приставленными къ концу ея. Во всякомъ случаѣ такіе единичные факты изъ исторіи той или другой греческой общины могли доходить до Аристотеля и путемъ устной передачи и еще не даютъ права помышлять о систематическомъ занятіи ихъ исторіей.

Почти то же мы видимъ и въ книгахъ *HΘ*. Кромѣ постоянно по прежнему принимаемаго въ соображеніе Платона (безъ точнаго обозначенія діалога напр. 1317 a 12, ibid. 14 и т. д.; *Σωκράτης ἐν τῇ πολιτείᾳ* 1342 a и не разъ еще въ другихъ мѣстахъ и Гомера (напр. 1338 a. Кстати, въ нашихъ экземплярахъ Гомера этого стиха нѣтъ. Ср. Susem. Arist. Polit. ed. maj. p. 339) здѣсь цитуются изъ поэтовъ: Музей (1339 b), Архилохъ (1328 a), Солонъ (*τῶν ποιητῶν τινες* = Sol. fgm. 27), Эврипидъ (1339 a); изъ прозаиковъ опредѣленно упоминается только Скилаксъ (1339 b) и Ѳимбронъ (1333 b), но безъ точнаго обозначенія ссылки дѣлаются и на другіе письменные, повидимому, источники словами: *οἱ ἐπαινοῦντες τὴν Λακεδαιμονίων πολιτείαν* (1333 b), *οἱ Λάκωνες* (ibid.), *οἱ περὶ πολιτείαν φιλοσοφοῦντες* (1329 b), *οἱ περὶ σύνεσιν ταύτην* (1342 b), *οἱ λόγιοι* (имѣется, кажется, въ виду Антіохъ изъ Сиракузъ; ср. 1329 b съ прим. Susem.); одинъ разъ ссылается онъ здѣсь даже на монументальный памятникъ (1341 a s. fin.), одинъ разъ на оракулъ, данный Трезенцамъ, — собраніе такихъ оракуловъ было издавна въ ходу въ Греціи, — и наконецъ на изреченіе[9]) актера

---

[9]) Объ этомъ весьма славномъ актерѣ середины IV вѣка упоминаетъ Аристотель въ *Rhet.* 1404 b 22 слѣдд. и Демосѳенъ XIX, 246. Весьма вѣроятно однако, что гла-

Өеодора (1336 b). Правда, нѣкоторыя историческія данныя, чаще ранѣе разсмотрѣнныхъ книгъ попадающіяся въ извѣстныхъ мѣстахъ книги *II* не могутъ быть тоже возведены къ извѣстнымъ намъ достовѣрно источникамъ, но опять-таки если вспомнить, что почти всѣ[10]) они взяты изъ жизни варварскихъ племенъ, какъ-то скиөовъ, персовъ, өракійцевъ, кельтовъ, иберовъ, италійцевъ, индусовъ, полуварварскихъ македонянъ и легендарныхъ критянъ (см. собранія примѣровъ на 1324 b и 1329 b)[11]), если принять въ соображеніе вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже въ V вѣкѣ, въ виду тенденціи идеализировать варварскіе и древніе народы, собрано было у писателей извѣстнаго направленія большое количество данныхъ объ ихъ жизни[12]), то легко предположить, что именно изъ нихъ и взяты эти историческія свѣдѣнія. И это тѣмъ болѣе, что прямое указаніе Аристотелемъ одинъ разъ Скилакса (см. выше), а другой разъ какихъ-то *τῶν λογίων* — какъ я сейчасъ сказалъ, однимъ изъ нихъ могъ быть Антіохъ Сиракузскій — не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что такое предположеніе вполнѣ законно.

Вообще, впечатлѣніе, которое выносится изъ знакомства съ этими отдѣлами Политики сводится къ тому, что Аристотель пишетъ въ эпоху, когда въ исторической и политической литературѣ возбуждено было очень много сомнѣній, много также поставлено было вопросовъ, часть которыхъ уже до него получила и посильное рѣшеніе, что работаетъ онъ, имѣя постоянно въ виду эту литературу и что если онъ то и дѣло полемизируетъ съ отдѣльными представителями ея, то изъ ихъ же сочиненій онъ почерпаетъ и подтвержденіе своимъ положеніямъ. Правда, на основаніи частой встрѣчи выраженій въ родѣ *φασί, λέγουσιν, λέγεται* и т. п., можно также думать, что кое-какія свѣдѣнія доходили до него и по слуху, но во всякомъ случаѣ заключать изъ этихъ книгъ о существованіи у него какихъ-либо систематическихъ собраній касательно нравовъ, обычаевъ и законовъ отдѣльныхъ государствъ довольно трудно. Всѣ сообщаемыя имъ здѣсь историческія данныя или имѣютъ случайный характеръ, или принадлежатъ къ числу такихъ, какія въ одинаковомъ числѣ можно встрѣтить и у любого изъ интересовавшихся подобными вопросами писателей.

голъ *ἔλεγε* въ приводимомъ мѣстѣ является искаженіемъ другого глагола, ибо ниже говорится не о словахъ Өеодора, а о поступкахъ, которые могли быть извѣстны философу изъ личнаго знакомства съ нимъ.

10) Исключеніемъ служитъ одинъ разъ упоминаніе Гераклеи (1327 b), съ которой Аристотель вообще хорошо знакомъ (ср. Wilamowitz l. l. 357 anm.); другой разъ — Өессаліи (1331 a).

11) Сюда же относится, вѣроятно, и упоминаемые на стр. 1338 b Ахеи и Геніохи при Понтѣ.

12) См. F. Dümmler, Prolegomena zu Platons Staat, Basel (Programm zur Rectoratsfeier der Universität Basel 1891). S. 55 fg.

Иное впечатлѣніе производитъ серія чтеній, наполняющихъ собой содержаніе книгъ *ΔΕΖ*. Именно эти чтенія, какъ замѣтилъ и Ньюменъ[13]), являются сочиненіемъ человѣка, тщательно ознакомившагося съ отдѣльными греческими государствами, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ устройства и управленія, равно какъ и со всѣми мелочными подробростями ихъ конституціонной исторіи. Именно здѣсь *μαρτυρεῖ τὰ γιγνόμενα τοῖς λόγοις*. Историческій кругозоръ философа внезапно расширяется[14]). Хотя въ книгахъ *Δ* и *Ζ* Аристотель все-таки еще сравнительно рѣдко прибѣгаетъ къ историческимъ иллюстраціямъ и манера его изслѣдованія остается прежней, однако уже въ *Δ* мы встрѣчаемъ, кромѣ обычныхъ ссылокъ на государственное устройство Спарты и Карѳагена (напр. 1293 b), на стр. 1289 b совмѣстное упоминаніе учрежденій Эретріи, Халкиды и Магнетовъ (*τῶν ἐπὶ Μαιάνδρῳ*), на 1290 b Аполлоніи (*τῇ ἐν τῷ Ἰονίῳ*), Ѳеры и Колофона, на 1291 b Тарента, Византіи, Аѳинъ, Эгины, Хіоса и Тенедоса, на 1297 а указаніе на законодательство у Малійцевъ, на 1300 а таковое же указаніе на исторію Мегары, на 1296 а исправленіе ходячихъ представленій о Солонѣ и Ликургѣ, показывающее болѣе близкое, чѣмъ обыкновенно, знакомство съ исторіей ихъ времени, и т. п.; въ *Ζ* указаніе на институты Мантинеи (1318 b), Кирены, въ исторіи которой онъ усматриваетъ аналогію съ исторіей Аѳинской (см. 1319 b), города на полуостровѣ Палленѣ Афитиса (1319 b), Тарента (1320 b), Ѳивъ и Массаліи (1321 а).

Особенно однако богата историческими фактами, наблюденіями и аналогіями книга *Е*. На протяженіи какихъ-нибудь 39 страницъ Беккеровскаго[15]) текста (*Γ* имѣетъ ихъ 35, *Δ* — 36) она даетъ болѣе 130 примѣровъ изъ исторической жизни около 54 государствъ и притомъ изъ всѣхъ областей эллинскаго и варварскаго міра, начиная отъ Кирены до Амфиполя, отъ Массаліи до Хіоса и отъ Сиракузъ и Сибариса до Аполлоніи и Гераклеи на Понтѣ. Небольшіе городишки въ родѣ Ореоса, Герэи и Амбракіи не разъ упоминаются въ ней на ряду съ многолюднѣйшими греческими поселеніями въ родѣ Аѳинъ, Сиракузъ и Коринѳа, раздоры какихъ-нибудь антиссейцевъ изслѣдуются съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ

---

[13]) W. L. Newman, the Politics of Aristotle with an introduction, two preparatory essays and notes critical and explanatory, Oxford 1887, vol. I, p. 490.

[14]) We feel, говоритъ Newman l. l. p. 492, that political inquiry has passed from the hands of idealists and partisans into those of one whose patience and grasp of detail have been matured in unimpassioned studies, and above all in the study of animate nature. Aristotle studies a constitution as he might study an animal, or perhaps with even more sympathetic care, for in politics he may hope to amend what he finds.

[15]) Имѣется въ виду отдѣльное изданіе (малое) Политики, сдѣланное Им. Беккеромъ для фирмы Реймера (Aristotelis de republica libri octo ab I. Bekkero A. MDCCCLV iterum editi, A. MDCCCLXXVIII iterati).

перевороты у персовъ и египтянъ и островки въ родѣ Коса и незначительной въ эпоху Аристотеля Эгины привлекаютъ къ себѣ его вниманіе въ той-же мѣрѣ, какъ и могущественный Родосъ или Сицилія. Почти каждая страница этого отдѣла испещрена историческими примѣрами, и читателю не приходится ознакомиться ни съ однимъ положеніемъ безъ того, чтобъ тотчасъ же не увидѣть его подтвержденнымъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ быта такихъ областей извѣстнаго тогда міра, которыми, насколько мы можемъ судить, до Аристотеля не занимался еще ни одинъ писатель[16]).

Спрашивается, что же за причина этого на первый взглядъ столь страннаго явленія?

Конечно, прежде всего возникаетъ предположеніе, что оно обусловливается измѣненіемъ предмета изслѣдованія; что тамъ, гдѣ Аристотелю приходилось выработывать основанія своей политической теоріи, которую онъ вмѣстѣ съ Этикой разсматриваетъ какъ одну и ту же практическую дисциплину, или когда онъ строилъ свое государство *κατ᾽ εὐχήν* какъ подходящее для большинства людей, ему не было и повода такъ же часто останавливаться на данныхъ исторіи, какъ при изслѣдованіи недостатковъ существующихъ формъ государственнаго устройства или указанія средствъ для ихъ спасенія; но во-первыхъ надо замѣтить, что и въ предшествующихъ книгахъ есть не мало отдѣловъ, при изложеніи которыхъ было бы не лишнимъ для философа тоже привести фактическія доказательства для дѣлаемыхъ имъ утвержденій. И его экономическія соображенія въ книгѣ *A* напр., и его ученіе о правѣ гражданства въ книгѣ *Γ*, и его замѣтки о воспитаніи въ книгѣ *Θ* — чтобы указать только на главнѣйшіе изъ этихъ отдѣловъ — могли бы лишь выиграть

---

[16]) Не лишнимъ считаю упомянуть, что кромѣ постоянныхъ ссылокъ въ этой книгѣ на исторію Спарты и Аѳинъ во всѣхъ періодахъ ихъ исторической жизни, и кромѣ упоминаемыхъ и въ другихъ книгахъ Сиракузъ, Ѳивъ, Персіи, Египта, Ѳракіи и Карѳагена, мы находимъ здѣсь и неоднократные примѣры изъ исторіи слѣдующихъ общинъ (въ алфавитномъ порядкѣ): Абидоса, Амбракіи, Амфиполя, Антиссы (на Лесбосѣ), Аполлоніи, Аргоса, Византіи, Гераклеи, Герэи, Гестіэи, Дельфъ, Занклы, Истра, Кипра, Клазоменъ, Книда, Колофона, Коринѳа, Коса, Кумъ, Лариссы, Локръ, Македоніи, Массаліи, Мегары, Милета, Митилены, Молоттіи, Наксоса, Ореоса, Регія, Родоса, Самоса, Сибариса, Сигея, Тарента, Фарсала, Фокеи, Халкиды, Хіоса, Ѳурій, Эгины, Элиды, Эпидамна, Эретріи и Эрнѳръ. То, слѣдовательно, что Онкенъ (Die Staatslehre des Aristoteles in historisch-politischen Umrissen, erste Hälfte, vol. I, S. 25) говоритъ о всей Политикѣ: man kann beliebige Abschnitte in der Politik aufschlagen und wird immer von Neuem überrascht sein durch den funkelnden Reichthum von historischen Beispielen aller Art, die ihm jeden Augenblick zu jederlei Verwendung zu Gebote stehen и т. д., примѣнимо, строго говоря, только къ книгѣ *E*. Въ остальныхъ книгахъ Аристотель вовсе не такъ рѣзко разнится отъ Платона, какъ то кажется Онкену, ни по обработываемому матеріалу, ни по методу.

отъ построенія ихъ на прочной основѣ точнаго наблюденія и анализа историческихъ фактовъ, а не болѣе или менѣе удачно составленныхъ силлогизмахъ и эпихейремахъ. А между тѣмъ именно этимъ послѣднимъ путемъ и идетъ въ нихъ Аристотель. Правда, на это могутъ возразить, что кое-гдѣ, когда то считалъ нужнымъ философъ — напр., въ главахъ объ эсимнетіи, остракисмѣ и видахъ царской власти въ кн. *Г* — онъ рѣшался иногда слѣдовать и первому пути; но я опять-таки не могу не замѣтить — и это во-вторыхъ, — что по моему мнѣнію, издатели совершенно несправедливо сопоставляютъ означенныя главы книги *Г* съ книгой *E*, ибо, при сравненіи ихъ между собой, надо принять во вниманіе съ одной стороны полное измѣненіе метода изслѣдованія въ книгѣ *E*, чѣмъ она отличается даже отъ книгъ *Δ* и *Z*, а съ другой стороны — и это не менѣе важно — совершенно иной характеръ примѣровъ во всѣхъ этихъ названныхъ сейчасъ книгахъ. Въ упоминаемыхъ издателями главахъ книги *Г*, какъ мы уже видѣли, Аристотель, за весьма рѣдкими исключеніями (мы могли насчитать таковыхъ только два), еще не заходитъ за предѣлы тѣхъ государствъ, устройствомъ которыхъ интересовались и писавшіе до него историки и политики; въ книгахъ *Δ* и *Z* область его историческихъ познаній несомнѣнно расширяется, но онъ и ими пользуется еще лишь въ единичныхъ случаяхъ, такъ сказать мимоходомъ, не измѣняя усвоенныхъ имъ ранѣе пріемовъ изслѣдованія; въ книгѣ же *E* у него оказывается подъ руками цѣлая масса систематически подобраннаго историческаго матеріала, на которомъ онъ и строитъ отнынѣ свои выводы, идя въ своихъ разсужденіяхъ вполнѣ аналитическимъ путемъ, столь удивляющимъ толкователей Политики.

Не надо забывать при этомъ, что въ значительной степени измѣняется въ книгахъ *ΔEZ* и способъ цитованія приводимыхъ Аристотелемъ примѣровъ. Ибо въ то время, какъ въ первыхъ книгахъ онъ не рѣдко указываетъ на сочиненія, откуда заимствуется имъ то или другое свѣдѣніе, и болѣе или менѣе подробно даетъ понять, что̀ именно является примѣчательнымъ въ сообщаемомъ имъ фактѣ, въ книгѣ *E* то и дѣло примѣры приводятся въ самомъ краткомъ видѣ, въ видѣ полунамека, безъ какого-либо ближайшаго разъясненія ихъ смысла, какъ будто въ рукахъ слушателя или читателя находится такой источникъ, въ которомъ сами они легко могутъ навести нужную справку.

Очевидно, слѣдовательно, что въ довольно длинный рядъ годовъ, въ который, повидимому, по частямъ возникали отдѣльныя чтенія Аристотеля по Политикѣ, мало-по-малу составленъ былъ или имъ самимъ, или однимъ изъ его современниковъ, — если не прямо его учениками, — какой-нибудь новый трудъ, который послужилъ для него и его слушателей такимъ источникомъ историческихъ ихъ познаній. Мѣстныя исторіи отдѣльныхъ греческихъ общинъ, обзоръ которыхъ сдѣланъ былъ

въ недавнее время Виламовицемъ[17]) и для доказательства существованія которыхъ имъ собрано не мало цѣннаго матеріала, врядъ ли годились для такой цѣли, хотя и сослужили, по всей вѣроятности, хорошую службу составителю или составителямъ предполагаемаго труда. Гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить теперь, что такимъ источникомъ была или появившаяся около этого времени историческая энциклопедія Эфора[18]) или — что еще проще — тотъ сводъ Политій греческихъ и варварскихъ общинъ, обработка которыхъ *одновременно* съ отдѣльными частями Политики выясняется теперь все съ бóльшей и бóльшей очевидностью.

Какъ бы то ни было, уже на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, составленіе по крайней мѣрѣ книги *E* кажется для меня немыслимымъ безъ предположенія о предварительномъ изготовленіи одного изъ названныхъ сейчасъ пособій и, слѣдовательно, при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ остальныя книги. Думается однако, что самостоятельное возникновеніе ея и сравнительно позднее включеніе ея въ общую схему намъ извѣстной Политики можетъ быть подтверждено и еще однимъ соображеніемъ.

II.

Если дѣйствительно изслѣдованія о разныхъ *φθοραί* и *σωτηρίαι ἑκάστης πολιτείας* были нѣкогда задуманы въ качествѣ отдѣльнаго цѣлаго и составляли предметъ особыхъ чтеній Аристотеля, то, само собою разумѣется, въ нихъ должны оказаться не только разныя противорѣчія съ другими частями трактата, — такія противорѣчія впрочемъ могутъ объясняться и недоконченнымъ состояніемъ, въ которомъ оставлено было сочиненіе самимъ философомъ, — но и ясные слѣды спайки, предпринятой позднѣйшими редакторами для объединенія этого, прежде самостоятельнаго отдѣла съ другими, родственными ему по содержанію фрагментами. Такіе слѣды напр. были уже не разъ указаны въ первыхъ главахъ книги *H*, составляющей начало ученія о государствѣ *κατ' εὐχήν*, и хотя блестящая гипотеза Бернайза[19]) о томъ, что мы имѣемъ въ нихъ от-

---

17) U. v. **Wilamowitz-Moellendorff**, Aristoteles und Athen, Band II, S. 3—34.

18) Какъ думаетъ Ньюменъ и какъ имъ съ немалой вѣроятностью показано на разборѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, знакомство съ Эфоромъ надо предполагать при составленіи книги *B*. Эта послѣдняя книга, надо замѣтить, занимаетъ въ отношеніи богатства историческихъ примѣровъ среди разобранныхъ нами частей Политики совершенно особое мѣсто и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, даже отдѣльныя главы ея писались въ различное время. При отрывочномъ характерѣ, который имѣютъ предложенные въ ней разборы различныхъ конституцій, такое предположеніе кажется вполнѣ возможнымъ. Имъ вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и оставшаяся намъ въ видѣ конспекта послѣдняя глава.

19) J. **Bernays**, Die Dialoge des Aristoteles, S. 69 fqq., S. 158 fqq.

рывки, вываченные изъ другихъ сочиненій Аристотеля, именно изъ его діалоговъ, и не выдерживаетъ, быть можетъ, серіозной критики[20]), однако даже Зуземиль долженъ признать, dass uns im ersten Capitel ein *unorganisch* vom Herausgeber eingefügtes Stück einer wohlgelungenen (?) Zuhörernachschrift vorliege[21]) и что вторая, третья и начало четвертой главы означенной книги и вовсе не принадлежатъ Аристотелю, а вставлены редакторомъ um die von ihm richtig empfundene Lücke auszufüllen[22]). Повидимому, нѣчто подобное приходится различить и въ началѣ книги *E*. Я не рѣшусь, конечно, утверждать, чтобы мысли ея первой главы о своеобразномъ пониманіи демократіями и олигархіями равенства, какъ причинѣ государственныхъ переворотовъ, были не аристотелевскаго происхожденія и чтобы онѣ не подходили къ указанному мѣсту въ той же мѣрѣ, въ какой неумѣстными въ началѣ книги *H* являются помѣщенныя тамъ разсужденія, но я не могу не обратить вниманія на самый способъ ихъ изложенія и на оригинальную связь, въ которую онѣ приведены между собою.

Перваго параграфа нашей главы я при этомъ касаться не буду, ибо, что̀ бы ни говорили защитники единства Политики, всѣ эти ретроспективные обзоры содержанія предшествующихъ отдѣловъ трактата, равно какъ и указанія на дальнѣйшее изложеніе, всякій разъ стоятъ въ такомъ противорѣчіи съ ближайшими параграфами или требуютъ такихъ видоизмѣненій текста согласно съ воззрѣніями каждаго издателя на планъ всего сочиненія, что стоять въ настоящее время за ихъ аристотелевское происхожденіе врядъ ли возможно. Какой бы изъ нихъ мы ни взяли, всѣ они оказываются одинаковаго достоинства и всѣ въ различное время были уже заподозрѣны издателями.

Такъ напр. въ начальной главѣ книги *B* мы должны, для сохраненія такой прибавки, или допустить подложность[23]) заключительныхъ словъ книги *A* (1260 b 20 со словъ *ὥστ᾽ ἐπεὶ περὶ μὲν τούτων διώρισται κ. τ. λ.*), или предположить, что книга *B* начиналась со словъ *ἀρχὴν δὲ πρῶτον ποιητέον κ. τ. λ.* (1260 b 37), и, слѣдовательно, выбросить первый параграфъ книги; предложеніе, начинающее теперь книгу *Г* у Зуземиля (другіе издатели ставятъ его на концѣ книги *B*), не имѣетъ[24]) въ слѣдующемъ затѣмъ предложеніи коррелятивнаго *δέ*; для удержанія

---

[20]) Vahlen, Aristotelische Aufsätze II (Phil.-hist. Sitzungsberichte der Wiener Akad. Bd. LXXII), S. 5 fgg.

[21]) Fr. Susemihl, Aristoteles' Politik griechisch und deutsch (Leipzig, Engelmann 1879), Bd. II (Anmerkungen), S. 169 (n. 687).

[22]) Ibid. Einleitung Bd. I, S. 46.

[23]) Ср. въ особенности Birt, das antike Buchwesen, S. 459, 3 и прим. Ньюмена (l. l.) II, p. 226.

[24]) Ch. Thurot, Études, p. 34.

начальныхъ словъ книги *H* и для приведенія ихъ въ связь съ заключительными словами книги *Γ* требуется допустить двойную ихъ редакцію, одна изъ коихъ во всякомъ случаѣ не принадлежитъ Аристотелю; въ началѣ книги *Z* оказывается необходимымъ выбросить какъ подложное, если не все начало, то хоть предложеніе *ἔτι δὲ περὶ φθορᾶς τε καὶ σωτηρίας τῶν πολιτειῶν, ἐκ ποίων τε γίγνεται καὶ διὰ τίνας αἰτίας*[25]) или помѣщать эту книгу послѣ книги *E*, согласно будто бы съ замысломъ редактора, за правильность каковаго мнѣнія стоятъ теперь уже немногіе, и наконецъ въ нашей книгѣ, если не смущаться столь же неудачными началами вышеприведенныхъ книгъ[26]), даже консервативнымъ критикамъ приходится сознаться въ излишествѣ словъ *ἔτι δὲ διὰ τίνων ἂν μάλιστα σῴζοιτο τῶν πολιτειῶν ἑκάστη*, словъ, вполнѣ понятныхъ въ устахъ мало, судя по другимъ редакціоннымъ прибавкамъ, думавшихъ издателей первоначальныхъ отрывковъ Политики, но по меньшей мѣрѣ странныхъ для самого Аристотеля.

Всѣ эти прибавки несомнѣнно приставлены позднѣе для установленія какой бы ты ни было связи между отдѣльными частями труда точно такъ же, какъ сдѣланы и разныя другія вставки для возстановленія уже при первомъ изданіи ощущавшихся недочетовъ въ ходѣ разсужденія посрединѣ отдѣльныхъ книгъ. Для насъ въ настоящее время онѣ никакой обязательной силы имѣть не могутъ.

Мы обращаемся поэтому въ нашемъ разборѣ первой главы прямо къ § 2-му и слѣд.

Какъ я сказалъ, мысль, положенная въ основаніе остальной части первой главы вполнѣ достойна Аристотеля. Указывается именно на то, что общей причиной всѣхъ внутреннихъ усобицъ въ государствахъ извѣстнаго типа является несогласіе въ пониманіи соотносительнаго равенства, *τοῦ κατ' ἀναλογίαν ἴσου*. Собственно говоря, обѣ главнѣйшія формы греческихъ государствъ, какъ демократія, такъ и олигархія, отожествляютъ, какъ думаетъ авторъ, именно такого рода равенство съ понятіемъ о справедливости (я читаю здѣсь, конечно, вмѣстѣ съ Беккеромъ: *τὸ δίκαιον εἶναι τὸ κατ' ἀναλογίαν ἴσον*) и его считаютъ нужнымъ класть въ основу государственнаго устройства, но, не имѣя возможности всецѣло осуществить его на практикѣ и не видя поэтому въ дѣйствительности исполненія всѣхъ своихъ пожеланій, онѣ естественно переживаютъ волненія. Высказавъ однако эти соображенія и заключивъ ихъ словами: *ἀρχαὶ μὲν οὖν αὗται καὶ πηγαὶ ὡς εἰπεῖν τῶν στάσεών εἰσιν, ὅθεν στασιάζουσιν*, составитель нашей главы тотчасъ же замѣчаетъ: *διὸ*

---

25) Такъ поступаютъ всѣ издатели, располагающіе послѣднія три книги въ порядкѣ *ΔZE*.

26) Книги *A*, *Θ* и *Δ* такихъ указаній на послѣдующій ходъ разсужденій не имѣютъ.

καὶ αἱ μεταβολαὶ γίγνονται διχῶς. Въ этомъ переходномъ къ послѣдующему предложенiи одинаково непонятна и связующая частица *διό*, такъ какъ въ предыдущемъ нѣтъ никакого прямаго указанiя на то, что революцiи должны совершаться только двоякимъ путемъ, да и слово *διχῶς* совершенно не подходитъ къ послѣдующему (*П*[2] и *Ar*.,. вѣроятно, на этомъ основанiи замѣняютъ *διχῶς* словомъ *δικαίως*), ибо тотчасъ же затѣмъ различается не два, а четыре направленiя, въ которомъ идутъ обыкновенно эти *μεταβολαί*: 1) *ὁτὲ μὲν γὰρ πρὸς τὴν πολιτείαν, ὅπως ἐκ τῆς καθεστηκυίας ἄλλην μεταστήσωσιν κ. τ. λ.* (1301 b 6—10), 2) *ὁτὲ δὲ οὐδὲ πρὸς τὴν καθεστηκυῖαν πολιτείαν, ἀλλὰ τὴν μὲν κατάστασιν προαιροῦνται τὴν αὐτήν, δι' αὐτῶν δ' εἶναι βούλονται ταύτην κ. τ. λ.* (ibid. 10—13), 3) *ἔτι περὶ τοῦ μᾶλλον καὶ ἧττον κ. τ. λ.* (13—17) и 4) *ἔτι πρὸς μέρος τι κινῆσαι τῆς πολιτείας* (17 слѣдд.). Покончивъ затѣмъ съ этими четырьмя видами переворотовъ, о которыхъ, мимоходомъ сказать, намъ очень мало приходится слышать въ дальнѣйшемъ изложенiи, авторъ опять возвращается къ прерванному ими разсужденiю, при чемъ опять слова: *πανταχοῦ γὰρ διὰ τὸ ἄνισον ἡ στάσις* не стоятъ ни въ какой связи[27]) съ непосредственно предшествующими имъ мыслями, а послѣдующiя за ними разсужденiя въ сущности очень мало подвигаютъ впередъ разъясненiе вопроса, только вновь обстоятельно повторяя, что̀ надо разумѣть надъ *ἴσον ἀριθμῷ* и *ἴσον κατ' ἀξίαν*, снова указывая, какъ неправильно понимаютъ это *ἴσον* демократы и олигархи, и лишь совершенно неожиданно добавляютъ въ самомъ концѣ, что, несмотря на этотъ общiй имъ обѣимъ недостатокъ, демократiя все же долговѣчнѣе и прочнѣе олигархiи.

Издатели, само собою разумѣется, сдѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы хоть какъ-нибудь возстановить связь между этими совершенно случайно, повидимому, набросанными мыслями. Зуземиль съ одной стороны предложилъ допустить существованiе передъ *διό* и *πανταχοῦ γάρ* двухъ лакунъ — судя по всему, онѣ должны были бы быть довольно внушительныхъ размѣровъ — и, по своему обыкновенiю, прибѣгъ къ ряду перестановокъ[28]). Какъ я уже сказалъ однако, въ настоящее время къ этому послѣднему средству издатели начинаютъ относиться съ весьма понятнымъ недовѣрiемъ. Англiйскiй ученый Постгетъ совершенно вѣрно какъ-то[29]) замѣтилъ, что, прежде чѣмъ мы будемъ

[27]) Даже осторожный Congreve замѣчаетъ по поводу этого предложенiя: there are few harder passages than this in the Politics. Надо замѣтить притомъ, что и непосредственно вслѣдъ за этими словами стоящее предложенiе (*οὐ μὲν* или, какъ читаютъ теперь, *οὐ μὴ τοῖς ἀνίσοις ὑπάρχει ἀνάλογον*) тоже очень плохо поддается объясненiю.

[28]) Желающiе составить себѣ о нихъ понятiе сдѣлаютъ лучше всего, обратившись къ Энгельмановскому (второму) изданiю Политики названнаго ученаго, гдѣ эти перестановки внесены въ текстъ.

[29]) I. P. Postgate, Notes on text and matter of the Politics of Aristotle, Cambridge 1877, p. 24.

въ состояніи доказать, что перестановка сдѣлана нами правильно, мы не только должны ясно показать, что извѣстная фраза не можетъ быть оставлена на прежнемъ мѣстѣ, но и убѣдить читателя, что она необходимо должна быть перенесена на то новое мѣсто, которое указываетъ ей издатель. Къ этому условію Гиксъ[30]) съ своей стороны присоединилъ не менѣе правильное замѣчаніе, что такое доказательство лишь въ тѣхъ случаяхъ получаетъ убѣдительность въ глазахъ читателей, когда издателю удается показать, что предполагаемое имъ перемѣщеніе объясняется какой-либо понятной для нихъ причиной, напр. небрежностью переписчика или же какой-нибудь очевидной путаницей, происшедшей при счетѣ стиховъ или перемѣшанныхъ случайно обрывковъ первоначальной рукописи и т. п. Перемѣщенія фразъ, въ такомъ обиліи предполагаемыя Зуземилемъ, далеко не всегда удовлетворяютъ этимъ справедливымъ требованіямъ, и наше мѣсто не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Я напр. вполнѣ понимаю возможность для переписчика перепутать порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ на стр. 1301 b перечисленіе различныхъ видовъ указанныхъ тамъ переворотовъ, такъ какъ, перенеся случайно взоръ съ *ὁτὲ μέν* въ строкѣ 6 на коррелятивное *ὁτὲ δέ*, онъ легко могъ, по вполнѣ понятной разсѣянности, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ написать вводимое этимъ *ὁτὲ δέ* предложеніе, забывая при этомъ или не вдумавшись въ то, что, собственно говоря, третій и четвертый виды указанныхъ революцій являются до нѣкоторой степени только видоизмѣненіями перваго, ut quae, говоря словами Зуземиля[31]), omnes pertineant ad formam reipublicae aut plane mutandam aut intendendam saltem vel remittendam *(ἢ ἵνα ἐπιταθῶσιν ἢ ἀνεθῶσιν* v. 17) aut denique ex parte novandam. Но какъ объяснить причину, почему переписчику или редактору вздумалось вдругъ перенести цѣлое предложеніе (см. слова: *στασιάζουσι δ' ἐν μὲν ταῖς ὀλιγαρχίαις οἱ πολλοὶ ὡς ἀδικούμενοι κ. τ. λ.*, которыя Зуземиль вставляетъ въ своихъ изданіяхъ передъ словами *πανταχοῦ γάρ*, а Welldon передъ *διό)* со страницы 1303 b, т.-е. начала первой главы, на страницу 1303 b 3—7? И почему мы должны вѣрить такому перенесенію, когда даже мѣсто, съ котораго будто бы соскочила эта фраза, различно опредѣляется отдѣльными издателями? Объяснить этого ни Уэльдону, ни Зуземилю не удалось, и немудрено поэтому, если есть очень мало ученыхъ, которые слѣдуютъ за ними въ

---

[30]) The Politics of Aristotle, a revised text with introduction etc. by Fr. Susemihl and R. D. Hicks, London 1894. Ср. ту главу введенія, принадлежащую Гиксу, которая трактуетъ о dislocations and double recensions, p. 95.

[31]) См. его de Politicis Aristoteleis quaestiones criticae, p. 438 (особаго оттиска изъ N. Jahrb. für Phil. und Pädagogik, Supplementband 1886), въ которыхъ сопоставлены его новѣйшія критическія соображенія, пришедшія ему въ голову частью уже послѣ появленія его третьяго изданія въ Bibliotheca Teubneriana.

этомъ случаѣ и если теперь предпочитаютъ съ другой стороны — что во всякомъ случаѣ правдопобнѣе — считать все мѣсто отъ 1301 b 4 *ἀρχαί* — 1301 b 26 *πολιτείᾳ* (Congreve) или по крайней мѣрѣ отъ 1301 b 6 *διὸ* — 1301 b 26 *πολιτείᾳ* (Postgate и другіе) за вставку, пожалуй, даже неаристотелевскаго происхожденія.

Не мѣшаетъ притомъ замѣтить, что выигрышъ, который мы получаемъ отъ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе насильственныхъ предположеній остается все таки весьма незначительнымъ. Связь между отдѣльными мыслями, какъ показываютъ сохраняемые Зуземилемъ въ двухъ мѣстахъ знаки лакунъ, по прежнему остается лишь гадательной, а необходимость для Аристотеля высказать помѣщенныя въ первой главѣ мысли именно на этомъ мѣстѣ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, настолько подозрительна, что предпринимать ради сохраненія ихъ всѣ указанныя перемѣны, повидимому, совершенно излишне.

Мы видѣли сейчасъ, что, помимо различенія четырехъ видовъ переворотовъ, которое, судя по дальнѣйшему содержанію нашей книги, можетъ считаться даже неаристотелевскимъ, и начало, и конецъ первой главы въ сущности занимаются только пережевываніемъ одной и той же мысли о неправильномъ пониманіи *τοῦ ἴσου* какъ со стороны демократіи, такъ и со стороны олигархіи. Сопоставляя[32]) оба мѣста, мы видимъ, что повторяется притомъ высказываемая здѣсь мысль почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Вотъ это сопоставленіе:

δεῖ δὲ πρῶτον ὑπολαβεῖν τὴν ἀρχήν, ὅτι πολλαὶ γεγένηνται πολιτεῖαι πάντων μὲν ὁμολογούντων τὸ δίκαιον καὶ (εἶναι Bk.) *τὸ κατ' ἀναλογίαν ἴσον, τούτου δ' ἁμαρτανόντων, ὥσπερ εἴρηται καὶ πρότερον.*	*ὁμολογοῦντες δὲ τὸ ἁπλῶς εἶναι δίκαιον τὸ κατ' ἀξίαν, διαφέρονται, καθάπερ ἐλέχθη πρότερον, οἳ μὲν ὅτι, ἐὰν κατά τι ἴσοι ὦσιν, ἴσοι ὅλως εἶναι νομίζουσιν,*
δῆμος μὲν γὰρ ἐγένετο ἐκ τοῦ ἴσους ὁτιοῦν ὄντας οἴεσθαι ἁπλῶς ἴσους εἶναι (ὅτι γὰρ ἐλεύθεροι πάντες ὁμοίως, ἁπλῶς ἴσοι εἶναι νομίζουσιν), ὀλιγαρχία δ' ἐκ τοῦ ἀνίσους ἕν τι ὄντας ὅλως εἶναι ἀνίσους ὑπολαμβάνειν (κατ' οὐσίαν γὰρ ἄνισοι ὄντες ἁπλῶς ἄνισοι ὑπολαμβάνουσιν εἶναι). §§ 2 и 3.	*οἳ δ' ὅτι, ἐὰν κατά τι ἄνισοι, πάντων ἀνίσων ἀξιοῦσιν ἑαυτούς. διὸ καὶ μάλιστα δύο γίνονται πολιτεῖαι, δῆμος καὶ ὀλιγαρχία.* §§ 13 и 14.

Затѣмъ не надо забывать и того, что сейчасъ же ниже, въ §§ 2 и 3

---

32) Сопоставленіе это уже ранѣе было сдѣлано Wilson'омъ въ Journal of Philology X, p. 84.

несомнѣнно уже Аристотелевской второй главы мы опять читаемъ въ сжатой формѣ изложеніе того же тезиса:

οἳ μὲν γὰρ ἰσότητος ἐφιέμενοι στασιάζουσιν, ἂν νομίζωσιν ἔλαττον ἔχειν ὄντες ἴσοι τοῖς πλεονεκτοῦσιν, οἳ δὲ τῆς ἀνισότητος καὶ τῆς ὑπεροχῆς, ἂν ὑπολαμβάνωσιν ὄντες ἄνισοι μὴ πλέον ἔχειν ἀλλ' ἴσον ἢ ἔλαττον . . . ἐλάττους τε γὰρ ὄντες ὅπως ἴσοι ὄντες στασιάζουσι, καὶ ἴσοι ὄντες ὅπως μείζους. И если наконецъ принять въ соображеніе, что въ книгѣ *Г* (1280 a 6 sqq. и 1282 b 16 sqq.) опять-таки съ нужной подробностью предлагается подобное же ученіе[33]), то, дѣйствительно, можно только подивиться вмѣстѣ съ Зуземилемъ[34]), къ чему могло здѣсь понадобиться самому Аристотелю еще разъ такъ обстоятельно и полно разъяснять уже не разъ высказанную имъ мысль.

Случайное замѣчаніе о долговѣчности демократіи по сравненію съ олигархіей точно также врядъ ли вставлено было въ нашемъ мѣстѣ самимъ Аристотелемъ, ибо разъ онъ въ должной связи разъяснилъ это положеніе и ранѣе (напр. стр. 1295 a 13, съ которой ср. 1296 b 8), коль скоро въ нашей же книгѣ онъ возвращается къ нему и впослѣдствіи (см. 1315 b 11), ему едва ли былъ разумный поводъ мимоходомъ затрогивать столь важный вопросъ въ главѣ вполнѣ общаго характера.

Гораздо вѣроятнѣе будетъ предположить, что неудачно и безъ всякой надобности сдѣланный здѣсь наборъ нѣсколькихъ безсвязныхъ отрывковъ мыслей обязанъ своимъ происхожденіемъ неумѣлой дѣятельности позднѣйшаго редактора и если принять въ соображеніе, что и на дальнѣйшее изложеніе книги *E* ея первая глава не оказываетъ никакого вліянія, а вторая глава имѣетъ чисто аристотелевское начало[35]), вводящее насъ прямо in medias res и вполнѣ подходящее къ дальнѣйшему распорядку книги, то можно будетъ и съ еще большей увѣренностью утверждать, что начиналась книга *E* именно съ этой послѣдней главы. Составленіе главы первой понадобилось тогда, когда изъ ряда сначала ничѣмъ несвязанныхъ чтеній задумали сдѣлать одно цѣлое и когда — подобно тому, какъ мы видимъ и въ начальныхъ главахъ книги *H* — изъ нѣсколькихъ реминисценцій, по всей вѣроятности, изъ сочиненій самого же Аристотеля считали возможнымъ строить подобныя общія введенія къ отдѣльнымъ частямъ вновь какъ бы созданнаго трак-

---

[33]) Къ этимъ мѣстамъ книги *Г* можетъ относиться и данное на 1302 a 24 указаніе: *περὶ ἧς ἤδη τυγχάνομεν εἰρηκότες.*

[34]) Fr. Susemihl, Aristoteles' Politik griech. u. deutsch, Band II, anm. 1504.

[35]) Въ теперешней редакціи оно гласитъ: *ἐπεὶ δὲ σκοποῦμεν ἐκ τίνων αἵ τε στάσεις γίγνονται καὶ αἱ μεταβολαὶ περὶ τὰς πολιτείας, ληπτέον καθόλου πρῶτον τὰς ἀρχὰς καὶ τὰς αἰτίας αὐτῶν* (*ἀρχαὶ καὶ πηγαὶ τῶν στάσεων,* о которыхъ замѣчено выше въ 1-й главѣ, стр. 1301 b 5, здѣсь, слѣдовательно, не принимаются въ разсчетъ).

[36]) Newman, l. l. II, p. 226.

тата. Спайки однако, произведенныя посторонними и неопытными руками, при ближайшемъ съ ними ознакомленіи, тотчасъ же выдаютъ свое происхожденіе и мы такимъ образомъ на нашей книгѣ только еще разъ имѣемъ случай убѣдиться въ справедливости замѣчанія, сдѣланнаго Ньютономъ уже по поводу книги *B*, а именно, что при изученіи Политики one thing should be borne in mind, that the component parts of the Poitics are not so closely wedded together, as they might be, and often ook as though they were more or less separate works. This makes defects of „callida junctura" less surprising.

На этомъ я позволю себѣ и закончить свои замѣтки. Отъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы при усвоеніи подобнаго взгляда на происхожденіе Политики, я пока воздерживаюсь, считая нужнымъ выждать компетентной критики высказанныхъ здѣсь положеній. Я не теряю однако надежды вернуться къ нимъ при удобномъ случаѣ впослѣдствіи.

IĀKHÎN И BŌ'AZ

(1 Цар. 7, 21).

М. В. Никольскаго.

Вышеприведенныя слова были названіями двухъ мѣдныхъ столбовъ, которые были воздвигнуты въ преддверіи храма Соломона, и находились на столбахъ въ качествѣ надписей. Какъ и всѣ остальныя постройки храма, эти мѣдные столбы, безъ всякаго сомнѣнія, были созданіемъ финикійскихъ архитекторовъ и мастеровъ, которые, по просьбѣ Соломона, были отряжены въ Іерусалимъ царемъ города Тира Хирамомъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія ни о художественной обработкѣ этихъ столбовъ, ни о ихъ назначеніи, такъ какъ текстъ 15—22 стиховъ 7 главы 1 Цар., въ которыхъ они описываются, дошелъ до насъ въ крайне несовершенномъ видѣ, притомъ архитектурные термины, находящіеся въ этомъ мѣстѣ, не ясны сами по себѣ и по всей вѣроятности не давали бы достаточнаго представленія о предметѣ, при нынѣшнемъ состояніи науки, даже въ томъ случаѣ, если бы удалось въ точности возстановить текстъ[1]). Одно только несомнѣнно, что въ глазахъ писателя Книги Царствъ оба эти монумента имѣли весьма большое значеніе: описавъ съ особенною подробностію всѣ детали ихъ художественной обработки, онъ въ довершеніе всего сообщаетъ, что каждый столбъ носилъ свое особое имя[2]). Въ настоящей статьѣ мы хотѣли бы сдѣлать попытку возстановить первоначальный текстъ и смыслъ вышеприведенныхъ загадочныхъ словъ, служившихъ, по смыслу разсказа, названіями столбовъ.

Весь стихъ (7, 21), въ которомъ содержатся эти слова, въ переводѣ съ масоретскаго текста читается такъ: „и онъ воздвигъ столбы въ преддверіи *('ulam)* храма, и воздвигъ столбъ направо и назвалъ его *Iākhin*, и воздвигъ столбъ налѣво и назвалъ его *Bō'as*“. На вопросъ о томъ, что означаютъ эти имена, вполнѣ естественнымъ отвѣтомъ былъ бы тотъ, что это — имена лицъ, перенесенныя на столбы для увѣковѣченія

---

[1]) Основательное изслѣдованіе текста всего сказанія находится въ статьѣ B. Stade, Der Text des Berichtes über Solomo's Bauten 1 Kö. 5—7, въ Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1883, S. 129—177.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе у Riem'a въ Handwörterbuch des Biblischen Alterthums S. 651—653.

памяти этихъ лицъ. Дѣйствительно оба названія встрѣчаются въ качествѣ собственныхъ именъ лицъ; такъ имя праваго столба *Iākhîn* принадлежитъ сыну Симеона (родоначальнику колѣна Симеонова, Быт. 46, 10. Исх. 6, 15. Чис. 21, 21), и одному изъ 24 священническихъ разрядовъ (1 Парал. 24, 17), а также одному священнику, принадлежавшему къ этому разряду (1 Парал. 10, 10), имя другого столба *Bō'az* принадлежитъ извѣстному изъ книги Руѳь и генеалогій Давида предку этого царя. Можно ли однако думать, что Соломонъ назвалъ правый столбъ въ честь сына Симеона или одного изъ совершенно неизвѣстныхъ священниковъ изъ симеонитовъ, а лѣвый — въ честь своего предка Вооза? Еще можно бы признать, что Соломонъ избралъ имя Вооза, какъ одного изъ своихъ предковъ, хотя во всякомъ случаѣ трудно подыскать основаніе для такого предпочтенія Вооза, въ виду того, что у Соломона были предки и болѣе значительные, какъ Іессей, Давидъ, его отецъ, но совершенно невозможно подыскать подобныхъ же основаній къ выбору названія перваго столба *Iākhîn*. Еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ, что эти столбы могли быть названы по имени неизвѣстныхъ лицъ, но имѣвшихъ во время постройки храма какое-либо значеніе или сами по себѣ, или по отношенію къ храму, напр. по имени архитекторовъ и завѣдующихъ постройками, равно какъ по имени сыновей Соломона или сановниковъ. Соломонъ никакъ не могъ прійти къ мысли увѣковѣчить память кого-либо изъ своихъ современниковъ на самомъ видномъ мѣстѣ своей постройки; если чье имя могло носить зданіе, назначенное не для времени, а для вѣчности, то его собственное имя, какъ строителя, собственника и царя: ни его сыновья, ни его вельможи, а тѣмъ менѣе мастера и художники, большею частію финикійскаго происхожденія, не могли попасть, предпочтительно передъ нимъ самимъ, въ надпись къ воздвигнутымъ имъ монументамъ.

Болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что имена столбовъ выражали своимъ смысломъ какую-либо идею, соотвѣтствующую цѣли ихъ постройки, и относились только къ постройкамъ, а не къ лицамъ. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ непреодолимыя затрудненія къ объясненію смысла словъ. Названіе перваго столба *Iākhîn* дозволяетъ нѣкоторое объясненіе на этой почвѣ: слово *Iākhîn*, hiph. отъ *kûn*, *твердо стоять*, въ imperf. jussiv. будетъ означать: „да утвердитъ“, „да дастъ прочность“ (т.-е. Богъ этой постройкѣ), но что значитъ *Bō'az*? Обыкновенно его считаютъ за два слова: *bô* + *'az*, т.-е. „*въ Немъ* (въ Богѣ) *сила*“, или, съ перемѣнной вокализаціи: *bā* + *'oz*, *въ силѣ!* или: *въ величіи!* (подразумѣвается: *да живетъ Богъ!)*, но въ первомъ случаѣ непонятно, почему *ô* не выражено посредствомъ scriptio plena, а во второмъ — почему получилась обратная вокализація, т.-е. вм. *ā* получилось *ō*, вм. *ô* — *ā*. Помимо всего этого, возбуждается сомнѣніе и въ томъ, чтобы такія мало значащія

отрывочныя восклицанія удостоились быть текстомъ единственныхъ надписей на впервые построенномъ храмѣ Богу еврейскаго народа; для столь величественнаго, по тогдашнему времени и тогдашнимъ понятіямъ, зданія, какъ храмъ Соломона, должны бы быть избраны и болѣе ясныя, болѣе соотвѣтствующія идеѣ постройки, надписи, если бы было намѣреніе украсить такими надписями храмъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, хотя буквальный смыслъ 1 Цар. 7, 21 заставляетъ признать эти слова за имена столбовъ, въ дѣйствительности крайне затруднительно истолковать ихъ значеніе въ этомъ смыслѣ. Гораздо болѣе навязывается мысль, что эти слова были одною цѣльною надписью, раздѣленною на двѣ половины на двухъ столбахъ, и что она своимъ появленіемъ на столбахъ обязана всецѣло финикійскимъ строителямъ. Путь къ такому пониманію надписи открылъ покойный Э. Ренанъ. Приведемъ подлинныя его слова: Ces deux colonnes, oeuvre supposée de Hiram le fondeur, en tout cas oeuvre tyrienne, frappèrent les Hebreux et, ainsi qu'il a coutume d'arriver chez les peuples peu artistes, firent naître beaucoup d'imaginations singulièrs. On leur donna les noms; on les appela Iakin et Boaz. Il n'est pas impossible que les deux mots eussent été écrits, comme des graffiti talismaniques, par les fondeurs phéniciens, sur les colonnes

jkn *b'z*

„Que (Dieu la) fasse tenir droite par (sa) force“,
et qu'ensuite les deux mots magiques aient été pris pour les noms des deux colonnes par des personnes peu au couraut des choses phéniciens[3]). Такимъ образомъ эта надпись была бы, по мнѣнію Ренана, еврейскою, т.-е. на еврейскомъ языкѣ, но истинный смыслъ ея, какъ талисманиническій, былъ бы понятенъ только финикіянамъ. Но Ренанъ не останавливается на этомъ и готовъ признать, что самая надпись написана на финикійскомъ языкѣ: въ примѣчаніи къ вышеприведеннымъ словамъ онъ говоритъ: „peut-être ces mots sont-ils phéniciens, le verbe *kn* étant pris pour le verbe „être“. La phrase, continué d'une colonne à l'autre, serait alors l'équivalent de *Jehî bā'oz* „qu'elle soit en force“.

Эта остроумная догадка одного изъ самыхъ авторитетныхъ семитологовъ нынѣшняго времени, что именно слова эти составляютъ одну цѣльную фразу и что эта фраза могла быть финикійскою, заслуживаютъ полнаго вниманія. Какъ надпись еврейская, она не можетъ быть объяснена сколько-нибудь удовлетворительно при настоящемъ видѣ масоретскаго текста. Единственно возможное объясненіе ея на почвѣ еврейскаго языка есть то, которое даетъ Ренанъ, но достаточно взглянуть на

---

3) E. Renan. Histoire de peuple d'Israel, t. II, p. 143—144.

вышеприведенный текстъ его перевода, на всѣ его дополненія въ переводѣ къ тому, что непосредственно даетъ текстъ оригинала, на всѣ эти искусственныя подпорки, чтобы видѣть всю неудовлетворительность и шаткость пониманія этихъ словъ. Но и объясненіе на почвѣ финикійскаго, представляемое Ренаномъ, удовлетворяетъ не болѣе; достаточно указать на то, что здѣсь нѣтъ ясно выраженнаго подлежащаго и поэтому надпись можетъ быть относима къ разнымъ предметамъ. Главнымъ затрудненіемъ для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ и недоумѣній служитъ то, что масоретскій текстъ этой надписи внушаетъ большія сомнѣнія, не только съ точки зрѣнія вокализма, — чего мы уже отчасти касались, — но и съ точки зрѣнія консонантнаго состава обоихъ словъ, что̀ на почвѣ семитизма гораздо важнѣе. Мы сдѣлали попытку возстановить первоначальное чтеніе этихъ словъ, и въ результатѣ получилось болѣе удовлетворительное пониманіе ихъ смысла, а также новое подтвержденіе того взгляда, что это, вѣрнѣе всего, финикійская надпись, высѣченная финикійскими мастерами при постройкѣ храма.

До сего времени не обращалось вниманія на чтеніе этихъ словъ въ греческомъ переводѣ LXX. Нужно сказать вообще, что значеніе этого перевода для реконструкціи первоначальнаго текста В. Завѣта понято было только въ самое послѣднее время, когда (благодаря главнымъ образомъ изслѣдованіямъ текста LXX Paul'я de Lagarde) оказалось, что греческій переводъ LXX сдѣланъ съ еврейскаго текста совсѣмъ другой редакціи, отличной отъ масоретской и сравнительно болѣе древней. Теперь не мыслимо, при вопросахъ текстуальныхъ и экзегетическихъ, обходиться только однимъ масоретскимъ текстомъ, не принимая во вниманіе греческаго перевода. Но особенно это должно касаться 1-й (въ канонѣ LXX — 3-й) книги Царствъ, такъ какъ масоретскій текстъ и текстъ LXX этой книги представляютъ болѣе различій, чѣмъ текстъ какой-либо другой книги В. Завѣта, какъ въ распредѣленіи частей, такъ и во всѣхъ другихъ деталяхъ. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что переводъ LXX этой книги въ свою очередь находится въ столь различныхъ редакціяхъ, что заставляетъ предполагать различіе самыхъ оригиналовъ для столь различныхъ переводовъ. Почти діаметральную противоположность въ этомъ отношеніи представляютъ два древнѣйшихъ и важнѣйшихъ кодекса LXX: Александрійскій (Британскаго музея) и Ватиканскій. Однакоже всестороннее изслѣдованіе этихъ различій двухъ кодексовъ открываетъ твердую и надежную почву въ дѣлѣ критики текста не только 1-й (3-й) книги Царствъ, но и всего В. Завѣта[1]), именно, все болѣе

[1]) Мы въ особенности отмѣчаемъ превосходный трудъ: **Silberstein. Über den Ursprung der im Codex Alexandrinus und Vaticanus des dritten Königsbuches der alexandrin. Uebersetzung überlieferten Textgestalt** въ **Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft 1893, Heft 1** и **1894, Heft 1.**

разъясняется тотъ фактъ, что Codex Alexandrinus представляетъ оригеновскій гекзаплярный текстъ, исправленный на основаніи масоретскаго, а Codex Vaticanus, напротивъ, по всѣмъ признакамъ есть тотъ древній неисправленный текстъ, который послужилъ для Оригена матеріаломъ для исправленія. Это значитъ, что въ этомъ текстѣ, такъ радикально отступающемъ отъ масоретскаго, мы должны видѣть въ наиболѣе чистомъ видѣ подлинную редакцію LXX. Въ настоящемъ случаѣ, въ критикѣ текста 1 Цар. 7, 21, мы положимъ въ основу чтеніе Ватиканскаго кодекса[5]), какъ наилучшаго и древнѣйшаго, но мы должны сопоставить съ нимъ чтеніе и другихъ многочисленныхъ кодексовъ, имѣющихъ съ нимъ родство[6]), равно какъ возстановленной сполна (по отношенію къ историческимъ книгамъ В. Завѣта) Лукіановской редакціи[7]).

Стихъ 1 Цар. 7, 21 въ Ватиканскомъ кодексѣ 3 Цар. 7, 7 читается такъ: *και εστησεν τους στυλους του αιλαμ του ναου και εστησεν τον στυλον τον ενα και επεκαλεσεν το ονομα αυτου Ἰαχουμ· και εστησεν τον στυλον τον δευτερον και επεκαλεσεν το ονομα αυτου βαλαζ*. Здѣсь мы видимъ чтеніе, совершенно отличное отъ масоретскаго, именно *Ιαχουμ* и *Βαλαζ;* ни то, ни другое слово нельзя признать транскрипціей масоретскаго текста. Что касается перваго слова, *Ιαχουμ*, то оно въ отношеніи консонантизма еще можетъ быть сведено къ одному и тому же (общему и для масоретскаго и для LXX) консонантному оригиналу, но никакъ нельзя сказать этого о второмъ словѣ *Βαλαζ*. Разсмотримъ то и другое слово въ отдѣльности.

Въ основѣ Ватиканскаго *Ιαχουμ* лежало бы въ еврейскомъ оригиналѣ *jakûm*, если бы оно было правильной его транскрипціей. Но этого нельзя признать уже по тому одному, что ни въ еврейскомъ, ни въ финикійскомъ нѣтъ корня *kûm*, а есть только корень *ḳûm* (съ эмфатическимъ *ḳ*) съ значеніемъ *вставать, подниматься*. Спрашивается, не было ли въ еврейскомъ оригиналѣ, послужившемъ основой перевода LXX, *jaḳûm*, слова, происходящаго отъ корня, совершенно различнаго отъ *kûn*, основы *Iākhîn?* Что здѣсь дѣйствительно корень *ḳûm*, на это можно бы привести то основаніе, что въ большинствѣ кодексовъ LXX по Holmes'у

---

5) По факсимильному изданію папы Пія IX: C. Barzellone. Bibliorum sacrorum graecus Codex Vaticanus. Romae 1868—1872. — Въ старинныхъ и новыхъ изданіяхъ текста LXX по Ватиканскому кодексу обыкновенно принято въ основу Editio sixtina: Vetus Testamentum juxta Septuaginta et auctoritate Sixti V. Romae, 1586. Это же изданіе положено въ основу C. Tischendorf. Vetus Testamentum graece. Editio septima 1887. Но Nestle снабдилъ его варіантами подлиннаго текста Ватик. кодекса, которыми мы также воспользовались.

6) Для этой цѣли единственнымъ руководствомъ служитъ: H. Holmes, Vetus Testamentum cum variis lectionibus. Oxonii, 1818 (II t.).

7) Paul de Lagarde. Librorum Veteris Testamenti canonicorum pars prior. Göttingen 1883.

читается не *Ιαχουμ*, какъ въ Ватиканскомъ, а *Ιακουμ*, именно въ 17 изъ 23 кодексовъ. Если принять во вниманіе, что у LXX обыкновенно *k (kaph)* передается чрезъ *χ*, а *ḳ (koph)* чрезъ *κ*, а также и то, что послѣднее *μ* въ *Ιαχουμ* точно такъ же имѣетъ за себя большинство кодексовъ (16 изъ 23 по Holmes'у), то выводъ былъ бы вполнѣ правильный, что здѣсь у LXX въ основѣ лежало слово отъ корня *kûm*, а не отъ *kûn*, какъ въ масоретскомъ. Не смотря на все это, мы имѣемъ весьма вѣскія основанія признавать, что переводчики LXX читали въ оригиналѣ слово отъ *kûn*, *твердо*, *прямо стоять*, и всего вѣрнѣе въ формѣ *jakûn*, именно во 2 Парал. 3, 17 въ параллельномъ мѣстѣ эти слова являются не въ оригинальной формѣ, а въ греческомъ переводѣ, причемъ *Ιαχουμ* соотвѣтствуетъ *κατορθωσις*, *Βαλαζ* — *ισχυς*. *Κατορθωσις* предполагаетъ не *jaḳûm*, а именно *jakûn* или *jakîn*. Форму *Ιαχουν* имѣютъ только 3 кодекса LXX (въ томъ числѣ и Александрійскій, который въ этомъ случаѣ въ отношеніи вокализаціи не совпадаетъ съ масоретскимъ), но, по всему вѣроятію, она есть первоначальное чтеніе LXX, переходы же *χ* въ *κ*, а также *ν* въ *μ* въ редакціяхъ LXX имѣютъ аналогіи въ транскрипціи другихъ словъ. Такъ, послѣдній переходъ *ν* въ *μ* имѣетъ аналогію въ имени *R'ûbên*, которое въ главныхъ кодексахъ, Ватиканскомъ и Александрійскомъ, читается *Ρουβην*, между тѣмъ какъ въ большинствѣ кодексовъ оканчивается на *μ*: *Ρουβειμ* (4 код.), *Ρουβημ* (1 код.), *Ρουβιμ* (14 код.). Что же касается колебанія между *χ* и *κ* въ кодексахъ LXX, то оно объясняется тѣмъ, что еврейское *k (kaph)* нерѣдко передается у LXX и чрезъ *κ*, хотя по правилу ему соотвѣтствуетъ *χ*, такъ напр. *Karmel* передано *Καρμηλος*, *Koreš* — *Κυρος* и т. п. Остается вопросъ, была ли гласная *ου* (*û* или *u*) въ переводѣ LXX первоначальной? На этотъ вопросъ можно дать прямо утвердительный отвѣтъ, такъ какъ во всѣхъ кодексахъ (рукописныхъ) LXX мы находимъ по Holmes'у *ου* (*Ιαχουμ*, *Ιακουμ*, въ одномъ кодексѣ *Ιακωβ*, но здѣсь очевидно описка *ω* изъ *ου*) и только въ одномъ комплютенскомъ изданіи стоитъ *Ιαχιν* совершенно по масоретскому тексту — чтеніе, которое очевидно не имѣетъ никакого достоинства для критики текста LXX. Такимъ образомъ первоначальное чтеніе LXX должно быть *Ιαχουν*, что соотвѣтствуетъ еврейскому *jakûn* (или jussiv. *jakun*), т.-е. формѣ *ḳal* отъ *kûn*, между тѣмъ какъ масоретское чтеніе *jākhîn* представляетъ форму *hiphil*.

Конфликтъ, образующійся такимъ образомъ между масоретскимъ текстомъ и переводомъ LXX, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ тотъ и другой текстъ основывается на одномъ и томъ же оригиналѣ, состоявшемъ изъ однихъ согласныхъ. Вопросъ же о томъ, на чью сторону должны перетянуть вѣсы по отношенію къ гласной втораго слога, на сторону ли масоретскаго текста, или перевода LXX, это всецѣло зависитъ отъ разрѣшенія другого вопроса, какая редакція въ цѣломъ

носитъ на себѣ слѣды большей первоначальности и гарантируетъ лучшее пониманіе смысла текста. Поэтому мы обратимся къ слѣдующему слову, къ имени второго столба, на которомъ сосредоточивается вся тяжесть вопроса. Въ Ватиканскомъ текстѣ LXX, какъ мы сказали, читается *Βαλαζ*. Существеннымъ отличіемъ этого чтенія отъ масоретскаго служитъ присутствіе *λ* между двумя другими согласными, что̂ должно дать слову совершенно другое значеніе. Спрашивается, это *λ* слѣдуетъ ли считать первоначальнымъ въ текстѣ LXX? Изъ 36 кодексовъ, отмѣченныхъ у Holmes'a, 25 имѣютъ *λ*, при чемъ 3 кодекса совпадаютъ совершенно съ Ватиканскимъ *Βαλαζ* и въ отношеніи гласныхъ[8]), при чемъ всѣ древнѣйшіе унціальные кодексы стоятъ на сторонѣ этого чтенія. Между тѣмъ какъ чтенія съ *λ* имѣютъ большею частію по три гласныхъ, чтенія безъ *λ* всѣ соединяются только съ двумя гласными, именно: *Βααζ*, *Βιαζ*, *Βιας*, *Βοας*, *Βιωζ*, *Βοοζ*, *Βοος*, *Βοως*, *Βιοζ*. Очевидно, всѣ послѣднія разночтенія, несмотря на различныя гласныя и различную передачу послѣдней согласной *(ζ, σ)*, имѣютъ одно и то же основаніе и вполнѣ совпадаютъ съ масоретскимъ текстомъ въ отношеніи консонантизма, въ одной же рукописи (123 у Holmes'a) и въ комплютенскомъ изданіи совпадаютъ съ нимъ и въ отношеніи вокализаціи, именно *Βοας*. Если мы обратимся къ разночтеніямъ съ *λ*, то наоборотъ мы находимъ крайне разнообразную, спутанную и обильную звуками вокализацію, такъ, кромѣ простыхъ формъ: *Βαλαζ* (3 код.), *Βολοζ* (1 код.), читаемъ: *Βαολαοζ* (1 код.), *Βολοαζ* (1 код.), *Βαολοαζ* (11 код.), *Βοολαζ* (1 код.), *Βοολοαζ* (2 код.), *Βαλοαζ* (1 код.), *Βαϑλοαζ* (1 код.), *Βαολοεζ* (1 код.), *Βοαολαος* (1 код.)[9]). Обиліе гласныхъ, какое мы встрѣчаемъ въ вышеприведенныхъ словахъ, заставляетъ предполагать, что въ еврейскомъ оригиналѣ стояло слово, состоявщее не изъ 3-хъ только согласныхъ, какъ всѣ семитскія слова,

---

[8]) Въ editio Sixtina (выше цитировано), на которомъ основывается большая часть изданій LXX, читается *Βολωζ*, чтеніе ошибочное, но оно перешло и въ текстъ Holmes'a.

[9]) Въ нашемъ славянскомъ текстѣ мы видимъ также чтеніе съ *λ*, но въ отношеніи гласныхъ встрѣчаемся съ новыми разночтеніями. Приведемъ чтеніе важнѣйшихъ кодексовъ, съ которыми мнѣ удалось лично ознакомиться, такъ 1) по рукописи Глав. Арх. Мин. Ин. Д. № $\frac{902}{1468}$: „и постави стлъпъ единъ и нарече имя ему *якому*, иже есть подпора, и постави стлъпъ второй и нарече имя ему *ваалаазъ*, иже есть твѣрдость"; 2) по рукописи графа А. С. Уварова, № 3: „и постави стлъпъ единъ и нарече имя ему *якымъ* и постави стлъпъ в̇ и нарече имя ему *ваалам*"; и 3) по рукописи Синод. Библ. № 915: „и постави столпъ единъ и нарече имя ему *якумъ* и постави столпъ в҃ и нарече имя ему *валаазъ*". Это подтверждаетъ мнѣніе, высказанное А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, что 4 книги Царствъ въ древнемъ славяно-русскомъ переводѣ, въ противоположность другимъ книгамъ В. Завѣта, подходятъ болѣе къ Ватикан. кодексу (см. Описаніе славянскихъ рукописей Синод. Библ. Отд. I, 1855, стран. 31 слѣд.).

но изъ 4-хъ или 5-ти, т.-е. корень его долженъ быть четырезвучный или пятизвучный. Сравнивая эти два способа передачи одного и того же слова, одинъ очень простой, основанный на масоретскомъ текстѣ и представляющій 3 согласныхъ *(b'з)*, другой сложный, предполагающій не три только согласныхъ *(blз)*, но скорѣе 4 *(bl'з)* или даже 5 *(b'l'з)*, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что въ этомъ послѣднемъ, столь оригинальномъ, чтеніи, независимомъ совершенно отъ масоретскаго, предполагающемъ совершенно другой, отличный отъ масоретскаго, оригиналъ, мы и должны видѣть подлинное первоначальное чтеніе LXX. Напротивъ, всѣ вышеприведенныя формы, согласныя съ александрійскимъ кодексомъ *(Βοος)* и лукіановскою редакціей *(Βαας)* и совпадающія съ масоретскимъ текстомъ, ведутъ свое начало со времени появленія гекзаплярнаго текста и основаны на поправкѣ подлиннаго LXX по масоретскому.

Попробуемъ теперь по греческой транскрипціи *Βαλαζ* и по другимъ варіантамъ этой транскрипціи возстановить соотвѣтствующее еврейское слово или группу словъ оригинала. Что это слово не трезвучное, а по крайней мѣрѣ четырезвучное, на это, кромѣ вышеприведенныхъ основаній, указываетъ и тотъ фактъ, что ни въ еврейскомъ, ни въ финикійскомъ и ни въ какомъ другомъ семитскомъ языкѣ нѣтъ корня, состоящаго изъ этихъ трехъ согласныхъ въ такой ихъ послѣдовательности *(blз)*. Слѣдуетъ поэтому признать, что это или иностранное слово, заимствованное притомъ не изъ семитскаго, или состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ словъ, которыя соединены въ одно только потому, что имъ придавали значеніе собственнаго имени. Но первое весьма трудно признать въ виду крайне незначительнаго числа иностранныхъ словъ въ древне-еврейскомъ языкѣ, — въ финикійскомъ ихъ гораздо болѣе, но они большею частію заимствованы изъ греческаго или латинскаго, — остается обратиться къ послѣднему предположенію. Будемъ анализировать съ конца слова. Въ Ватиканскомъ оно кончается на *αζ*, но въ большинствѣ другихъ кодексовъ, имѣющихъ *λ*, согласно съ Ватиканскимъ, именно въ 19 изъ 25, мы находимъ послѣ *λ* двѣ гласныхъ, *α* и *ο*, въ различной послѣдовательности, изъ чего слѣдуетъ заключить, что здѣсь, судя по зіянію (hiatus), предполагается гортанный звукъ, пропускаемый обыкновенно въ греческой транскрипціи. На то, какой здѣсь былъ звукъ, даетъ намъ указаніе переводъ всего слова во 2 Парал. 3, 17 *ἰσχύς;* этотъ переводъ основывается, очевидно, только на концѣ слова, именно *'ōз сила* (съ *'aïn);* что же касается до первой половины слова, то переводчикъ, вѣроятно, считалъ неудобнымъ его перевести, почему — увидимъ ниже. Такимъ образомъ двѣ послѣднія согласныя въ надписи второго столба будутъ совпадать какъ въ масоретскомъ, такъ и въ оригиналѣ LXX *('з)*, но переводъ LXX, повидимому, сохранилъ и первоначальную гласную оригинала *ο* (а не *α*, какъ въ масо-

ретскомъ), такъ какъ въ 20 кодексахъ изъ 25 находится *o*, или одно (въ 1 код.) или въ соединеніи съ *a* (19 код.). Что же касается до первой половины слова, состоящей въ греческой транскрипціи изъ двухъ согласныхъ *(bl)* въ соединеніи съ двумя (или тремя) гласными, то въ еврейскомъ оригиналѣ ему должно соотвѣтствовать цѣльное слово съ тремя согласными, при чемъ средняя согласная должна быть гортанной, на что опять указываетъ присутствіе hiatus'а. Только три корня могутъ быть здѣсь взяты въ разсмотрѣніе, именно *bhl* въ значеніи *пораженіе, потрясеніе*, *bḥl* въ значеніи *отвращеніе, мерзость*, и *b'l*, употребляющагося въ формѣ нарицательнаго *ba'al* „Господинъ", „Господь", и собственнаго *Ba'al*, Ваалъ, финикійское божество. Изъ корней съ средней гласною (долгою) можно бы сопоставить *bûl* съ значеніемъ *произведенія* и *bêl* въ имени извѣстнаго вавилонскаго божества *Бела*, но тогда была бы въ срединѣ гласная *ω* или *ου* или *η*. Изъ трехъ вышеуказанныхъ корней съ средней гортанной первые два по своимъ значеніямъ *(потрясенія, мерзости)* никоимъ образомъ не могутъ подходить къ надписи и должны быть изъяты изъ разсмотрѣнія. Остается одинъ выборъ, это *ba'al*. Если такъ, то надпись на второмъ столбѣ, по оригиналу LXX, должна состоять изъ двухъ словъ: *ba'al 'ōz*, т.-е. *„Господь"* (или Ваалъ) + *сила*.

Такимъ образомъ анализъ текста перевода LXX привелъ насъ къ возстановленію совершенно другого чтенія надписи на столбахъ, радикально отличнаго отъ масоретскаго; она будетъ вмѣсто *Iākhîn Bō'az* читаться такъ:

יכן בעל עז

jakun ba'al 'oz.

Если перевести эту надпись съ еврейскаго, то мы не получимъ удовлетворительнаго смысла: *„да будетъ стоять Господь силы"*. Это обстоятельство, равно какъ присутствіе здѣсь слова *ba'al*, имени главнѣйшаго финикійскаго божества, побудили насъ обратиться, по примѣру Э. Ренана, къ финикійскому языку и на его почвѣ искать объясненія смысла цѣлой фразы. Дѣйствительно, мы видимъ здѣсь всѣ признаки финикійской надписи. Если слову *kûn* придать здѣсь то значеніе, какое оно имѣетъ въ финикійскомъ языкѣ, т.-е. *быть*, какъ арабское *kâna*, а слово *ba'al* понимать въ финикійскомъ смыслѣ *Ba'al*, то смыслъ надписи получается вполнѣ ясный, и надпись получаетъ вполнѣ удовлетворительный комментарій съ точки зрѣнія финикійской этимологіи и эпиграфіи, нисколько притомъ не противорѣчащій современнымъ экзегетическимъ требованіямъ по отношенію къ библейскому тексту. „Да будетъ Ваалъ силою", т.-е. да поддержитъ онъ созданное ихъ руками — вотъ что хотѣли сказать финикіяне этою надписью, которая въ ихъ глазахъ была чисто талисманическою. Существенное для разбираемой надписи слово *'oz сила* нерѣдко находится въ финикійскихъ надписяхъ и всегда относится къ

божеству, какъ его аттрибутъ. Такъ въ надписи № 95 французскаго изданія[10]), л. 2, богиня *Anat (='nt)* называется *'оz ḥajjim (='z ḥjm)*, т.-е robur vitae; въ греческомъ текстѣ той же надписи эти слова переданы *σωτειρα*. Кромѣ того въ надписяхъ №№ 371[11]) и 412[12]) это слово находится въ собственномъ имени *'оz-Melek (='z mlk)*, т.-е. *сила Мелека* (Молоха). Въ одномъ финикійскомъ собственномъ имени, переданномъ въ греческой транскрипціи *Ασβολος*[13]), мы видимъ слово *'оz* на ряду съ именемъ *Ba'al: Ασ-βολος*. Ниже мы будемъ говорить о греческой транскрипціи имени *Ba'al βολ*, но теперь констатируемъ тотъ фактъ, что здѣсь мы имѣемъ ту же группу словъ, только въ обратномъ порядкѣ, не *Ba'al 'оz*, а *'оz-Ba'al*, „сила Ваала" (вполнѣ соотвѣтствуетъ еврейскому *'Uzzijjāhû, 'Οζίας*, т.-е. *„сила Іагве")*. Самая фраза: *jakun Ba'al 'оz* имѣетъ параллели въ финикійскихъ надписяхъ съ imperfectum jussivum глагола *kûn* въ смыслѣ: „да будетъ", такъ напр. въ надписи Эшмуназара[14]), л. 8, читаемъ: *'l jkn lm mškb* ne sit eis lectus, и далѣе *w'l jkn lm bn* neve sit eis filius. Въ разбираемой нами надписи: *„да будетъ Ваалъ силою"* (т.-е. да поддержитъ эту постройку) слово *сила* относится къ Ваалу въ смыслѣ аналогичномъ тому, какой въ надписи № 95, гдѣ богиня Анатъ называется *robur vitae*, по-гречески *σωτειρα*.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ, можно ли допустить, чтобы на столбахъ храма Іагве *(Iahwe)*, Бога Израиля, могли быть начертаны слова, относящіяся къ другому божеству, Ваалу, тому божеству, которое въ послѣдующей исторіи народа еврейскаго является столь враждебнымъ Богу Израиля? *Ba'al* и *Iahwe* въ сознаніи пророковъ-писателей взаимно исключали другъ друга, и имя *Ba'al* на столбахъ храма *Iahwe* должно бы быть оскорбленіемъ самаго мѣста, посвященнаго истинному Богу Моисея и пророковъ. Но насколько справедливо то, что въ сознаніи пророковъ-писателей *Iahwe* является въ самомъ рѣзкомъ антагонизмѣ съ *Ba'al*, настолько справедливо и то, что на практикѣ въ допророческій періодъ, въ особенности во времена судей, Давида и Соломона, имя *Ba'al* не строго противопоставлялось имени *Iahwe*, и даже какъ нарицательное („Господь") прилагалось къ самому *Iahwe*. Это мы въ особенности видимъ въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ лицъ. Такъ два сына Саула носили имя *ba'al*, одинъ назывался *M'ri-ba'al, Μεριβααλ* (1 Пар. 9, 40 в.), т.-е. *„герой Господа"*, другой *'Iš-ba'al*, т.-е. „мужъ Господа"[15]). Другая форма перваго имени въ томъ же стихѣ (1 Пар. 9, 40а и 8, 14) *M'ribh*

---

[10]) Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars I, tom. I, fasc. 1, p. 114. (Paris 1881).

[11]) Ibidem, fasc. 4, p. 411. (1887).

[12]) Ibidem, fasc. 4, p. 423.

[13]) P. Schröder. Die phönicische Sprache. Halle 1869, S. 95.

[14]) Corp. Inscr. Sem. Pars I, fasc. 1, p. 14.

[15]) Срав. B. Stade, Geschichte des Volkes Israel. Bd. 1, S. 260, ср. S. 181 Anm. 1.

ba'al есть очевидно искаженіе вышеприведенной формы, происшедшее вслѣдствіе описки (диттографія). Для редактора позднѣйшаго времени это имя *ba'al* въ собственномъ имени сына Саула явилось настолько соблазнительнымъ, что онъ прибѣгнулъ къ эвфемистическому его измѣненію, замѣнивъ во 2 Сам. 21, 8 слово *ba'al* словомъ *bōšeth* „*стыдъ*", „*срамъ*", отсюда получилось *M'ri-bōšeth*, что въ свою очередь искажено въ *Mephî-bōšeth* (*Μεμφιβοσθε*). Совершенно то же самое мы видимъ въ имени другого сына Саула, его преемника на царствѣ, *'Iš-ba'al'а*: его имя является въ формѣ *'Iš-bōšeth* (2 Сам. 2, 8—4, 12), *Ιεβοσθε*; не можетъ быть сомнѣнія, что и здѣсь слово *bōšeth* стоитъ вмѣсто *ba'al*, какъ эвфемистическая поправка. Это можно заключить уже изъ невозможности самаго имени *'Iš-bōšeth* съ значеніемъ „мужъ срама", „срамный человѣкъ", „срамникъ" (ср. *M'ri-bōšeth* = „герой срама"). Кто могъ носить такое имя? Могло ли оно принадлежитъ сыну царя и впослѣдствіи царю? Но всего яснѣе этотъ пріемъ можно видѣть въ имени, которое носилъ Гедеонъ, именно *Ierubba'al*, *Ιεροβααλ* (Суд. 7 и 8); во 2 Сам. 11, 21 оно является въ формѣ *Ierubbōšeth*, между тѣмъ какъ въ LXX *Ιεροβααλ*. Даже въ пророческій періодъ мы встрѣчаемъ прямое указаніе, что *ba'al* было нарицательнымъ именемъ для обозначенія самаго *Iahwe*, — такъ одинъ изъ древнѣйшихъ пророковъ-писателей, Осія, во 2, 18 говоритъ: „и будетъ въ день тотъ, говоритъ Іагве, ты назовешь меня: „мой мужъ", и не назовешь меня: „мой Господинъ" (*ba'alî*)". Этихъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы признать, что во время Соломона имя *ba'al* на столбахъ храма не должно было представить для истинныхъ поклонниковъ Iahwe ничего соблазнительнаго, тѣмъ болѣе, что надпись несомнѣнно изображена была тѣми же письменами, какія были въ общемъ употребленіи и у евреевъ, и слѣдовательно по внѣшности не производила впечатлѣнія чего-либо иноземнаго, всѣ слова ея находились и въ еврейскомъ языкѣ, хотя смыслъ ея былъ немного теменъ для еврея. Только впослѣдствіи, въ особенности послѣ реформы царя Іосіи (621 г. до Р. Х.), когда борьба противъ иноземныхъ культовъ обострилась, самое имя *ba'al*, хотя бы оно относилось и къ *Iahwe*, стало соблазнять истинныхъ поклонниковъ чистой религіи Iahwe. Этимъ объясняются тѣ измѣненія въ текстѣ собственныхъ именъ, содержащихъ имя *ba'al*, о которыхъ мы говорили выше; вѣроятно этимъ же объясняется и то, почему въ масоретскомъ текстѣ изъ *ba'al 'ōz* образовалось *Bō'az*, собственное имя, тожественное съ именемъ одного изъ предковъ Давида; соотвѣтственно съ этимъ и изъ слова jakun было сдѣлано собственное имя, на подобіе уже имѣвшагося, *Iākhîn*. Быть можетъ, подобные же мотивы были у переводчиковъ 2 Пар. 3, 7 LXX, если они въ надписи второго столба перевели только второе слово 'ōz *ισχυς* и оставили безъ перевода первое слово *ba'al*.

Тѣмъ интереснѣе и дороже для насъ, что александрійскій переводъ, не смотря на все это, сохранилъ для насъ первоначальную форму надписи. Замѣчательно то, что, благодаря LXX, мы не только можемъ возстановить консонантный семитскій оригиналъ надписи, но и самую вокализацію текста, которая не выражалась въ финикійскомъ (и еврейскомъ) шрифтѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она существенна, напр. въ *Ιαχουν*, гдѣ *ου* служитъ показателемъ чисто финикійской формы глагола, равно какъ въ преобладаніи звука *о* въ окончаніи надписи на второмъ столбѣ, т.-е въ словѣ *'oz*. Но намъ кажется, что и въ вокализаціи слова *ba'al*, какъ оно выражено въ различныхъ редакціяхъ LXX, можно усматривать оттѣнки чисто финикійскаго произношенія гласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить присутствіе *о* въ большей части кодексовъ LXX въ словѣ *ba'al (Βαολ, Βολ, Βοολ, Βοαολ)?* На чисто еврейской почвѣ это не объяснимо, но мы знаемъ, что въ финикійскомъ языкѣ была наклонность къ произношенію звуковъ *ă* и *ā* какъ *о*, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ еврейскомъ[16]); такъ, что касается слова *ba'al*, то оно встрѣчается въ двухъ транскрипціяхъ у греческихъ и латинскихъ писателей: кромѣ *Βαλ* и *bal* (напр. *Ιθο-βαλ-ος*, Hanni-bal), мы встрѣчаемъ еще транскрипцію *βολ (bol)*. Заимствуемъ изъ труда Шрёдера примѣры послѣдняго способа транскрипціи[17]): *Ἄδωνις δεσπότης ὑπὸ Φοινίκων καὶ Βολου ὄνομα* (Hesych.), *Βωλαθήν = b'l'jtn*, „древній Ваалъ", *Ἄσβολος = 'zb'l*, *'Εχήβολος = ḥikkaba'al* „который надѣется на Ваала", *'Αγλίβολος*, *'Ιαρίβωλος* и т. п. Кромѣ того, Шрёдеръ приводитъ весьма много примѣровъ перехода *ba'al* въ *bul* или *ul* въ сѣверо-африканскихъ собственныхъ именахъ мѣстъ, напр. *Albula = 'hl B'l*, *Muzul = me'oz Ba'al* и т. п. Иногда въ произношеніи имени своего божества *Ba'al* финикіяне склоняли настолько звукъ *ā* къ *о*, что у нихъ слышалось одно долгое *ô*, которое притомъ поглощало *l*, на что указываютъ нѣкоторыя финикійскія и пуническія слова въ латинской и греческой транскрипціи: *Salambo = Ṣelem-ba'al* „изображеніе Ваала", имя одной финикійской богини, *Chanebo = Hanni-ba'al* (Hannibal), имя одного пунійца, *Bosihar = B'lzkr* (въ одной латинской надписи), и друг.[18]). На этомъ основаніи даже въ масоретскомъ текстѣ форму *Bō'az* можно было бы объяснять сокращеніемъ *ba'al* въ *bō*, но это едва ли вѣроятно,—вѣрнѣе всего здѣсь сказалось стремленіе скрыть совершенно имя *ba'al*, какъ мы говорили, — въ переводѣ LXX, напротивъ, мы видимъ стремленіе какъ можно полнѣе выразить какъ консонантизмъ, такъ и нѣкоторые оттѣнки чисто финикійскаго произношенія гласныхъ.

---

16) Schröder. Die phönicische Sprache, S. 124—126.

17) Ibidem, S. 95.

18) Примѣры взяты у Шрёдера, S. 103.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ АРАБСКИХЪ СЛОВЪ, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА *АБ* (RESP. *АБ, ІБ, УБ)*.

(Матеріалы для семитическаго сравнительнаго языковѣдѣнія.)

М. О. Аттая.

Безсуффиксныя, т.-е. обычныя формы арабскихъ словъ давно обратили на себя вниманіе языковѣдовъ-оріенталистовъ, но особенно интересовали ихъ тѣ случаи, когда въ словѣ появлялись корни, состоящіе болѣе чѣмъ изъ трехъ согласныхъ звуковъ и возбуждающіе поэтому сомнѣніе въ своей безсуффиксности. Ренанъ въ своей „Histoire générale des langues sémitiques" (Paris 1863, стр. 95) говоритъ: „Извѣстно, что въ нынѣшнемъ состояніи семитическихъ языковъ всѣ ихъ глагольные корни — трехбуквенные; небольшое число четырехбуквенныхъ корней, встрѣчаемыхъ въ еврейскомъ, сирійскомъ и арабскомъ языкахъ, не представляютъ собою дѣйствительныхъ корней: это формы производныя или сложныя, и ихъ только по привычкѣ считаютъ словами первообразными и простыми. Да и трехбуквенные корни не являются послѣдней степенью, какой можно достигнуть (въ этимологіи)". Итакъ, для Ренана вопросъ о суффиксности четырехбуквенныхъ „корней" не подлежитъ сомнѣнію, а поднять вопросъ о непростотѣ трехбуквенныхъ корней онъ считаетъ вполнѣ умѣстнымъ.

Мы также въ нашихъ бесѣдахъ съ Вами, глубокоуважаемый Ѳедоръ Евгеніевичъ, часто касались вопроса о томъ, что въ семитическихъ языкахъ могутъ, подобно языкамъ индо-европейскимъ, существовать простѣйшіе корни: основные, односложные, отъ которыхъ уже произошли другіе, считающіеся теперь за несложные, за простые. Мы даже предприняли было съ Вами работу: сведеніе нѣсколькихъ группъ сходныхъ трехбуквенныхъ семитическихъ корней къ двухбуквеннымъ [1]) — по крайней мѣрѣ въ области арабскаго языка, чтобы путемъ кропотливыхъ изслѣдованій вполнѣ подтвердить высказанную Ренаномъ гипотезу. Въ виду крайней сложности этой задачи, мы, наконецъ, рѣшили выяснить сперва

[1]) Западные языковѣды не должны удивляться, что я, подобно Ренану и другимъ семитологамъ, предпочитаю говорить о „буквахъ", а не „звукахъ": на это есть очень много причинъ, о которыхъ не приходится распространяться въ короткой статейкѣ. Достаточно предупредить, что терминъ „трехбуквенный" есть синонимъ для термина: „состоящій изъ трехъ согласныхъ звуковъ".

и выдѣлить изъ арабскаго словарнаго запаса матеріалъ наносный, чужого, неарабскаго происхожденія, чтобы уже съ оставшимся матеріаломъ производить изслѣдованія вполнѣ безпрепятственно. Такимъ образомъ первоначальная наша задача (упрощеніе семитскихъ четырехбуквенныхъ и трехбуквенныхъ корней) на нѣкоторое время оттянулась. Но вдругъ одна Ваша мысль, высказанная Вами недавно, опять увлекла меня на минуту въ область чисто арабскихъ этюдовъ. Именно, Вы какъ-то произнесли замѣчаніе: „Названія животныхъ по-арабски часто оканчиваются на аб. Что такое это „аб“? Не значитъ ли это „аб“ — „отецъ“? Быть можетъ, слова, оканчивающіяся на аб, были нѣкогда простыми прозвищами данныхъ животныхъ?“ Ваша гипотеза до такой степени меня заинтересовала, что я немедленно рѣшилъ изслѣдовать вообще всѣ арабскія слова, оканчивающіяся какъ на аб, такъ на іб и на уб. Оказалось, что нѣкоторыя изъ такихъ словъ являются въ арабскомъ языкѣ чужими, заимствованными; другія (и притомъ большинство) оказываются прозвищами извѣстныхъ животныхъ; а сверхъ нихъ остается группа сложныхъ словъ на аб смѣшаннаго характера, въ которой каждое слово требуетъ своего особаго разъясненія.

Результатъ своихъ разысканій посвящаю Вамъ, глубокоуважаемый Ѳедоръ Евгеніевичъ, въ достопамятный день тридцатилѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности.

Въ виду типографскихъ неудобствъ я не могъ воспроизводить слова арабскаго языка арабскимъ же алфавитомъ и прибѣгаю къ помощи дополненной русской транскрипціи, принципы которой здѣсь и излагаю. Порядокъ буквъ тотъ же, какой принятъ и въ арабской грамматикѣ:

’[2]), б, т, ϑ, ж[3]), ḥ[4]), х, д, δ, р, з, с, ш, с̣[5]), д̣[5]), т̣[5]), з̣[5]), ‘[6]), γ, ф, ḳ[7]), к[8]), λ и л, м, н, h, w, j.

Краткіе гласные звуки передаю черезъ *a*, *i* и *y*, а долгіе — черезъ тѣ же буквы съ циркумфлексомъ.

---

[2]) hамза — мягкій чисто гортанный мгновенный звукъ, тонкое придыханіе. При начальной гласной онъ подразумѣвается.

[3]) Прибѣгаю къ такой транскрипціи 4-й арабской буквы (вм. популяризованнаго начертанія „дж“) по той причинѣ, что буква „ж“ вполнѣ точно передаетъ діалектическое арабское произношеніе сирійцевъ и имѣетъ преимущество надъ двухбуквеннымъ воспроизведеніемъ этого несложнаго звука, гдѣ двѣ буквы, тамъ читатель склоненъ предполагать и два звука. Въ другихъ діалектахъ сирійскому „ж“ соотвѣтствуетъ аффрикатъ.

[4]) Глубокій, задненёбный звучный фрикативъ.

[5]) Эмфатическіе звуки.

[6]) Айнъ, твердый чисто гортанный, мгновенный звукъ.

[7]) Глубокій задненёбный звукъ.

[8]) Задненёбный звукъ, близкій къ средненёбному.

I. Неарабскія слова на аб.

1. Дŷлâб. Изъ „дул“ (первонач. „далw“) — сосудъ, ведро, + âб — вода (перс.). Воротъ съ ведрами въ колодцѣ.

2. Зîрбаб и зîрjâб. Первое слово — лжеисправленіе[9]) второго. Отъ „зер“ — золото, или скорѣе отъ „зерî“ — золотой; + âб (вода). Слово персидское. Арабскій синонимъ — „мâ'уд-даhаб“, и значитъ онъ: „золотильная вода“.

3. Сірдâб или сірдâб — погребъ. „Серд“ — холодный (перс.).

4. Жудâб — кушанье, родъ винегрета, состоящее изъ сахара, риса, орѣха и мяса („и приправленное уксусомъ“, добавляетъ толковый персидскій словарь „Борhан-і Ķâтi'“). По-персидски оно называется „гудâб“ (вѣроятно изъ „гудâб“) и „гузâб“; второе чтеніе „Борhâн-і Ķâтi'“ признаетъ болѣе вѣрнымъ. Персидскій звукъ ɀ (задненебный звонкій мгновенный) систематически передается у арабовъ черезъ *ж*.

5. Журдâб = перс. гирдâб, „пучина“. Корень „гирд“ означаетъ у персовъ „кругъ“, „вращеніе“.

6. Жардâбâн — озирающійся по сторонамъ, жадный[10]). По персидско-арабскому словарю „Шемсол-лоγет“ это слово собств. означаетъ: „сторожъ, ходящій кругомъ“, и къ нему дается персидскій же синонимъ „негаhбâн“.

7. Отъ слова „жардâбâн“ произведенъ глаголъ „жардаба“: ѣсть съ жадностью, именно — подносить ко рту пищу правой рукой и охранять ее лѣвой.

---

[9]) Словомъ „лжеисправленіе“ я передаю арабскій техническій терминъ „таçhîф“. Хорошее исправленіе называется таçhîh. Многія арабскія буквы, выражающія совсѣмъ неоднородные звуки (напр., средненебн. j, зубное т, междузубное ϑ, губное б и носовой звукъ — н) пишутся арабами въ своемъ общемъ очертаніи совершенно одинаково, и только точка или точки надъ или подъ знакомъ позволяютъ отличить одну букву отъ другой, напр., н отъ ϑ. Въ скорописи очень часто точки опускаются (въ куфійскомъ письмѣ ихъ и вовсе нѣтъ), въ силу чего читателю дается возможность читать данное начертаніе ad libitum, на нѣсколько ладовъ; не менѣе часто точки попадаютъ не на свое мѣсто, порождая совершенно ложное чтеніе. Встрѣчая такое неопредѣленное или искаженное начертаніе, переписчики естественно заботятся объ исправленіи чтенія. Понятно: если общій смыслъ фразы позволяетъ опредѣлить чтеніе сомнительнаго начертанія правильно, то и діакритическія точки будутъ возстановлены умѣстно, и это назыв. „таçhîh“; очень часто правильное исправленіе зависитъ отъ того обстоятельства, что исправителю знакомо изъ живой рѣчи то слово, которое хотѣлъ изобразить писецъ. Но вѣдь очень часто бываетъ такъ, что переписчикъ принужденъ возстанавливать чтеніе слова, ему неизвѣстнаго (напр., иностраннаго или устарѣлаго), и тогда онъ легко впадаетъ въ ошибку („лжеисправленіе“, „таçhîф“). Мнѣ придется въ моей статьѣ имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ явленій, порожденныхъ „лжеисправленіемъ“.

[10]) Будь это слово арабскимъ, âн можно было бы принять за суффиксъ.

II. Арабскія слова на аб, гдѣ аб означаетъ „отецъ".

а) Названія животныхъ.

Приступая къ разбору именъ животныхъ съ окончаніемъ *аб*, отмѣтимъ, что вообще арабы имѣютъ привычку давать животнымъ „кунјат", т.-е. прозвище, въ составъ котораго входитъ слово „аб(у)" отецъ, или „умм" — мать; „кунјат" можетъ такъ же составляться изъ „ібн" (сынъ), но для нашей филологической задачи кунъяты второго рода не имѣютъ значенія. Такъ, орелъ (ніс̣р) имѣетъ слѣдующія прозвища: 1. Абŷλ абрад (буквально „отецъ холоднаго"), т.-е. любитель жить въ холодныхъ мѣстахъ, напр., на горахъ; 2. абŷλ ŷс̣бу' („отецъ когтей") = хватающій добычу когтями; 3. абŷ-мâλіқ („отецъ царственнаго"); 4. абŷ-мінһâλ (вѣроятно изъ „абу-мінһăλ", т.-е. „отецъ водопоя") = искатель водопоя; 5. абŷ-јаһјâ („отецъ живущаго") = долговѣчный, и т. п. Тигръ (німр) называется еще: 1. абŷλ-'асwад („отецъ чернаго") = черноватый; 2. абŷ жа'дат („отецъ лохматости") = лохматый, взъерошенный; 3. абŷ жаһλ („отецъ невѣжества"[11]); 4. абŷ-хат̣т̣âф („отецъ хищника"); 5. абŷс̣-с̣а'б („отецъ трудности"); 6. абу-руқâш („отецъ узоровъ") — пятнистый, и мн. др. Муравей (намλат) = абу-машγŷλ („отецъ занятаго") = трудолюбивый. Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много, но и этихъ достаточно, чтобы приступить къ нашему дальнѣйшему изслѣдованію:

1. Арнаб — заяцъ. Мн. ч. „арâніб" и „арâні" (безъ „б"). Глаголъ аріна — быть бодрымъ, шустрымъ. Думаю, что у зайца было прозвище „абŷ арн" („отецъ бодрости") = скакунъ, откуда черезъ перестановку словъ возникло „арнабу"[12]).

2. ϑа'λаб — лисица. Мн. ч. ϑа'âλіб и ϑа'âλî. Самецъ называется „ϑу'âλ", а самка — „ϑу'âλат" (безъ „б"). Есть выраженіе: „ϑа'уλат аснâнуһу" — онъ имѣлъ частые зубы. „Абŷ-ϑа'аλ („отецъ частыхъ зубовъ") можетъ означать „зубастый", откуда (какъ вообще въ словахъ этого отдѣла) путемъ перестановки возникаетъ „ϑа'λаб".

3. Діλ'аб — большой верблюдъ, верблюдъ-вожакъ. Даλî' или даwλа' — широкая дорога. Абу-даλî' — „отецъ дороги". Звукъ î сократившись повліялъ на гласную предыдущаго слога, измѣнивши ее изъ ă въ î, — отсюда: абŷ діλ', діλ'аб.

4. Δі'б — волкъ. Иначе называется по словарямъ сірһâн, сірһâλ, һуλабі', һуλбі'. Коснемся сперва слова ді'б. Абŷ-да' или абŷ ді' могло бы озна-

[11]) Впрочемъ этотъ эпитетъ, повидимому, можетъ обозначать и осла. Такъ, Мохаммедъ прозвалъ одного изъ своихъ глуповатыхъ враговъ именно этимъ эпитетомъ.

[12]) Конечное „у" краткое на письмѣ не изображается, да оно и не произносится въ живой рѣчи. Долгое „у" сокращается фонетически въ положеніи на концѣ слова.

чать: „идущій съ воемъ", или „переваливающійся на ходу" (съ такимъ значеніемъ корень „да'" сохранился въ неопред. наклоненіи „да'да'ат". Корень „срḥ" означаетъ „свобода"; абŷ-сірḥ могло означать „свободный" и быть прозвищемъ для волка; отсюда „сіḥраб". По лжеисправленію послѣднее слово легко могло быть обращено въ сірḥан, которое въ діалектахъ фонетически переходитъ въ сірхал. Подтвержденіе своей догадкѣ о прежде существовавшемъ словѣ „сірḥаб" я вижу въ прозвищѣ *шакала* (ужъ не волка): сурḥŷбъ, гдѣ корень срḥ сочетается съ тѣмъ же „абŷ". („Уб" изъ „аб" по ассимиляціи съ гласной предыдущаго слога). Слово ḥулабі' я произвожу изъ „ḥула'б" („отецъ жадности"), по посредствѣ стадіи „ḥулаба'" (что гласная здѣсь иная, объясняется вѣроятно діалектически). Нѣкоторые арабскіе лексикологи склонны производить ḥулабі' изъ „ḥула'була" („жадный поглотитель"), но я думаю, что „була'" — простое риѳмованное приложеніе къ „ḥула'", не имѣющее опредѣленнаго смысла. (Подобныя риѳмованныя приложенія обычны въ восточныхъ языкахъ, какъ нерѣдки и въ славянскихъ, — срв. напр. „татары-мамары", малор. „яйце-райце" и т. п.).

5. Сурŷ'б — ласочка (mustela). Глагольный корень „ср'" означаетъ поспѣшность: абŷ-сур' („отецъ быстроты") = бѣгунъ. Интересно родственное слово сур'ŷф — стрекоза, гдѣ ф изъ б фонетически.

6. Шаwшаб — 1) вошь, 2) скорпіонъ. Корень „шwш" — безпокойство или болѣзнь. Абŷ-шаwш („отецъ безпокойства", „отецъ болѣзни") — одинаково приложимое прозвище и ко вши, и къ скорпіону.

7. Дабб — ящерица. Даба'а — приникнуть, прилѣпиться къ землѣ, скрыться въ землѣ, корень „дб'". Вѣроятно, абу-даб' дало даб'аб, что сократилось въ „дабб" (черезъ промежуточную стадію дабаб).

8. 'Асраб — левъ. Корень „'ср" — сила и „'асраб" = отецъ силы, силачъ.

9. 'Укâб — орелъ. Казалось бы, здѣсь корень „'кб" (слѣдовать), но этотъ корень не имѣетъ въ своемъ значеніи ничего приложимаго къ орлу. Есть два другихъ корня, отъ которыхъ могло бы производиться 'укâб: 1) 'акâ — подыматься, имѣть высокій полетъ и 2) 'акк — терзать, нападать; въ первомъ случаѣ 'укâб могло бы происходить отъ абŷ-ŷкâ, происходящаго въ свою очередь отъ абŷ-акâ („отецъ высокаго полета"), а во второмъ — отъ абу-ŷкк съ потерей удвоенія согласной („отецъ нападенія").

10. 'Ізріб — маленькая змѣя[13]). Здѣсь вторая половина слова не „аб"

[13]) Я позволилъ себѣ допустить маленькую несистематичность, помѣщая „'ізріб" въ этомъ отдѣлѣ: вѣдь въ немъ окончаніе аб (гевр. іб) вовсе не значитъ „отецъ". Но зато „'ізріб" есть названіе животнаго, и я нахожу практическое удобство разсматривать его на ряду съ прочими названіями животныхъ.

(отецъ), а „рабб“ (господинъ, владѣтель имѣющій свойство). 'Азз (и адд) — кусать. Рабб-азз — „господинъ укушенія“, „имѣющій свойство кусаться“, — откуда 'азрабъ и (какъ это бываетъ часто) 'ізраб.

11. 'Акраб — самецъ-скорпіонъ. Корень „'кр“ — ранить. Абу-акр — „отецъ раненія“. Интересно отмѣтить, что прозвище самки скорпіона „умм-'ірит.“ (мать кусанія) представляетъ по образованію полную семасіологическую аналогію съ прозвищемъ самца.

12. 'Унзуб и унзуб — саранча. 'Унзуwâн — злой, вредный; аназâ — злобно говоритъ о другомъ. Вѣроятно, абу-унзу дало сперва унзуаб, откуда унзуб и унзуб.

13. γурâб — воронъ. Корень γр (γір, γур) означаетъ „летать“ и „обманывать“, — откура γурâб можетъ означать „летающій“ (отецъ полета) и „обманщикъ“ (отецъ обмана). Впрочемъ, очень вѣроятно, что это названіе составилось изъ звукоподражанія: вѣдь „γур“ — крикъ, издаваемый ворономъ. Срв. перс. „γорріден“ — издавать крикъ, „γоррâн“ — издающій крикъ, русское „каркать“. Есть и отдѣльный корень „γрб“, но въ немъ нѣтъ ничего, подходящаго къ качествамъ ворона. По словарю „Муhі ту-муhі т“ извѣстно, что нѣкоторые арабскіе лексикологи производятъ слова γаріб (чужой), γурбат (чужбина) и іγтараба (быть на чужбинѣ) отъ γурâб вслѣдствіе того, что арабы считаютъ ворона (γурâб) предвѣстникомъ разлуки (отсюда и выраженіе: γурâбу-λ-байн — букв. „воронъ разлуки“, а значитъ „предзнаменованіе разлуки“).

14 и 15. Фірніб и карнаб — названія для мыши. Очевидно, въ начертаніи „карнаб“ мы имѣемъ лжеисправленіе перваго слова (буква ф и к пишутся сходно, различаясь только точками, а краткія гласныя на письмѣ не изображаѣтся). Очень можетъ быть, что вм. фірніб сперва читалось фірнаб[14]). Слово фрн (фірн, фурн) значитъ общественная печка для печенія хлѣба (можно перевесть по-русски „пекарня“), срв. лат. farnus, furnus. Абу-фірн, вѣроятно, означало „обитатель пекарни“. Впрочемъ, не лишено вѣроятія предположеніе, что „фрнб“ составилось изъ „фрр“ (убѣгать) и „нбб“ (выскочить).

16. Кутруб = 1) воръ, 2) мышь, 3) волкъ, 4) глупый, 5) трусъ, 6) маленькая собака, 7) свѣтлякъ. Ясно, что такое количество значеній можетъ принадлежать только эпитету. По-арабски кутр можетъ означать во-первыхъ, „тѣнь“, — отсюда эпитетъ абу-кутр (отецъ тѣни, т.-е. скрывающійся) примѣнимъ къ вору, мыши и волку; во-вторыхъ „кутр“ можетъ означать „сторона“; — „отецъ стороны“, т.-е. „привязанный къ опредѣленной мѣстности“ — это эпитетъ, удобный и для глупаго, и для труса, и для маленькой собаки; въ-третьихъ существуетъ видоизмѣненіе того же

[14]) Впрочемъ для арабскаго языка, гдѣ постоянно чередуются а, і и у (о), это предположеніе несущественно.

корня „ķaţр“ (дождь, роса) — откуда эпитетъ „отецъ росы“ (т.-е. возникающій послѣ дождя, или росы, или вообще влаги), который вполнѣ подходитъ къ свѣтляку.

17. Ķa'наб (мн. ч. — ķу'аніб) — 1) левъ, 2) лисъ, 3) курносый человѣкъ. Ķa'ан — извѣстный недостатокъ въ устройствѣ носа; абŷ-ка'ан — „отецъ указаннаго недостатка“, „курносый“.

18. Калб — собака. Калâа — сторожить, охранять; глаголъ устарѣлый, употреблялся, напр., въ выраженіи: кала'а ка-л-лâhу — „да сохранитъ тебя Богъ!“ „Отецъ охраны“ (сторожъ) естественный эпитетъ собаки. Вѣроятно калб возникло изъ формы кал'аб. Что касается глагола „каліба“ въ смыслѣ „кусать въ бѣшенствѣ“, „лаять“ и т. п., то онъ явно позднѣйшаго происхожденія.

19. Ja'сŷб — 1) пчела-матка, 2) глава племени. Обыкновенно производятъ это слово отъ глагольнего корня „'сб“ въ смыслѣ (совокупляться), — но вѣдь такое значеніе (вторичное, конечно) можетъ имѣть едва ли не каждый арабскій глаголъ въ томъ или другомъ сочетаніи рѣчи, и основное значеніе корня „'сб“ совсѣмъ другое. Между тѣмъ глаголъ 'асâ (н. вр. ja'сŷ) означаетъ „быть старшимъ“, „постарѣть“, „стать жесткимъ“, „иссохнуть“ (о травѣ) и т. п. Абŷ ja'сŷ могло имѣть значеніе именно „старшій“, „начальникъ“ (срв. выраженіе абŷ jahjâ — „долговѣчный“, прозвище орла, гдѣ опредѣленіемъ къ „абŷ“ служитъ, такъ же наст. время глагола). Существующее слово „'асŷб“ (начальникъ) я объясняю какъ упрощеніе изъ ja'сŷб.

20. Ḍінḥâб — верблюдъ съ развитыми желѣзами. Ḍанḥ(ат) — желѣза. Верблюбъ — „отецъ развитыхъ желѣзъ“.

б) Названія не животныхъ, сложныя съ аб „отецъ“.

1. Жіłжâб и (по нѣкоторымъ спискамъ Камуса) жілḥâб — старикъ. Второе начертаніе нужно считать собственно правильнымъ. Жал(а)ḥ — особый родъ плѣши (при которой волосы остаются только на вискахъ), — абŷ-жалḥ „отецъ плѣши“, а съ перестановкой — жілḥâб. Отсюда лжечтеніе жілжâб.

2. Жур'ŷб — жадно пьющій воду. Жур'а(т) — глотокъ воды (отъ корня „жр'“ — жадно пить воду). „Отецъ глотка“ — эпитетъ для жаждущаго.

3. Жадлаб — крѣпкій, сильный, твердый. Жалад — крѣпость, сила, твердость. Жадлаб изъ жалдаб.

4. Жал'аб — злой-злющій, безстыдный. Жала' — безстыдство.

5. ḥiϑліб — осадокъ масла или жира. ḥiϑл — мутное, дурное.

6. Хатрабат (вар. ḥaţрабат) — опасность, близость къ гибели. Окончаніе ат — суффиксъ производныхъ существительныхъ женскаго рода. Произведено это существительное отъ хаţраб. составленнаго изъ хаţар (опасность) и аб. Чтеніе съ начальнымъ ḥ обусловливается пропускомъ точки.

7. Муḥẓараб — 1) скрученный (о веревкѣ), 2) недоступный (о зáмкѣ) 3) съ сильнымъ характеромъ (о человѣкѣ). По формѣ это слово представляетъ собою страдат. причастіе къ глаголу ḥаẓраба (напрягать, натягивать), произведенному отъ существительнаго ḥаẓраб, которое равно „абŷ-ḥаẓр“ („отецъ силы“, „отецъ охраны“).

8. Заhлаб — безбородый или негустобородый. Заhал — гладкость; бѣлизна.

9. Хундуб — дурного нрава, бранчивый, задорный. Обыкновенная этимологизація этого слова — въ связи съ глаголомъ хадаба (говорить ложь); и принимается за инфиксъ, за паразитную вставку; срав. лат. scindo и санскр. chi-na-dmi при греч. σχίζω. Но самый глаголъ хадаба допускаетъ сопоставленія съ глаголами хадажа, хадаша, хадафа, хадда (изъ хадада), послѣ чего становится яснымъ, что во всѣхъ нихъ присутствуетъ корень „хад“ (хд), означающій „обрѣзывать“, разсѣкать, раздроблять, раздѣлять. Абу-хад — „отецъ раздора“, изъ него черезъ „хадаб“ происходитъ хундуб.

10. Дірḥабат — по формѣ прилагат. рода женскаго превосходной степени: толстенькій, пузатый. На ряду съ дірḥабат существуетъ и начертаніе дірḥаjат, которое нужно признать лжечтеніемъ. Дірḥ — соединеніе, связь. Дірḥабат изъ абŷ дірḥ, съ обычнымъ суффиксомъ ат для выраженія превосходной степени (срв. ʿаллâмат — ученѣйшій мужъ).

11. Да'алîб (мн. ч.) — старыя платья. Понимаю это слово, какъ лжечтеніе слова ра'алîб, отъ ед. числа ра'лаб, или рі'лаб. Есть еще въ арабскихъ словаряхъ слово ра'абîл, которое также значитъ „старыя платья“; у него ед. число — „рі'балат“, т.-е. форма ж. р. къ рі'бал, а рі'бал, по моему мнѣнію, передѣлано изъ вышеозначеннаго рі'лаб. Прилагательное ра'л (корень р'л) значитъ „старый, ватхній, изношенный“. Интересно отмѣтить рядомъ съ ра'абîл начертаніе за'абîл (лжечтеніе), объясняемое словарями въ томъ же смыслѣ, что и ра'абîл.

12. Ṣу'рŷб — малоголовый. Корень „ṣ'р“ и „ṣур“ значитъ „быть малымъ“.

13. Ṣа'ḳаб 1) свистящій зубъ, 2) скрипящая дверь. Корень ṣ'ḳ — свистать.

14. Шаhрâб — достопочтенный. Шаhр — совершенство (ср. шаhір — извѣстный, славный).

15. 'Арзаб — твердый. 'Арз — твердость.

16. Ḳарḳаб и ḳурḳуб — урчащій животъ. Ḳірк — клохтаніе (срв. ḳурḳут — курица-насѣдка).

17. hазраб — быстрый въ рѣчи. Корень „hзр“ — быстро говорить. Родственно слово: hазлабат — скорость, легкость, гдѣ видимъ чередованіе л и р.

III. Слова на аб, но не сложныя съ аб „отецъ".

1. Хараба[15]) — бушевать. Составлено изъ хадда (взбалтывать) и дараба (бить).

2. Хатлаба — смѣшаться въ разговорѣ. Понимаю какъ плодъ сдѣлки двухъ глаголовъ: хатаба — бесѣдовать и халата — смѣшивать.

3. Заγдаба — выйти изъ себя (въ гнѣвѣ). За'иλа — разсердиться и γадіба — гнѣваться.

4. Заλḥаба — быстро скользнуть. Заλλа — скользнуть, λаḥаба — упасть.

5. Заλγаба — отрасти (о сбритыхъ волосахъ). Зâла — исчезнуть, γабба — вырасти.

6. Саḥλаб — микстура, въ частности — миндальное молоко (срв. нѣм. Salbe). Саḥака — толочь, ḥаλаба — доить, вынимать жидкость.

7. Шухδуб и шуḥдуб (второе начертаніе правильно) — маленькіе гады. Шаḥḥа - быть ничтожну, дабба — ползать.

8. рабраб — стадо. Слово звукоподражательное.

Кромѣ того, въ арабскихъ словаряхъ можно найти слѣдуюшія слова на аб, которыя я оставляю безъ объясненія:

1) ḥiλбâб — изв. родъ растенія, 2) ḥawâб — широкая долина, 3) хiндâб — слой жиру между глазнымъ яблокомъ и орбитой, 4) діḥжâб — возвышенность, 5) даḥλаб — тяжелый, 6) саλхаб и шаλхаб - заика, 7) сарḥаб — жадный въ ѣдѣ и питьѣ, обжора, 8) саλḥаб — стройный, 9) шаржаб и шарḥаб — длинный; благородный конь, 10) шукγуб и шукγȳб — молодой, нѣжный стволъ дерева, 11) шінγâб и шін'аб — высокаго роста, 12) каwзаб — скупой, 13) унбȳб — тростинка; стекляной ливеръ.

Я не даю этимологическаго разбора этихъ словъ не потому, что считаю ихъ необъяснимыми, но потому, что не хочу пускаться въ догадки, въ истинѣ которыхъ я не вполнѣ буду убѣжденъ. Вотъ, напр., ḥiλбâб прекрасно можно было бы истолковать какъ „отецъ молока", „молочай" или что-нибудь подобное, но для этого нужно бы знать въ точности, какое именно растеніе обозначается этимъ словомъ; а словарь вѣдь объ этомъ ничего не говоритъ. Слово „сарḥаб" (жадный) можно бы сопоставить съ вышеупомянутымъ словомъ сірḥаб (волкъ), но разъ я не вполнѣ увѣренъ въ правильности такого сопоставленія, то предпочитаю его и не дѣлать. Я нахожу очень вѣроятнымъ, что нѣкоторыя изъ необъясненныхъ мною словъ — происхожденія не арабскаго, а иносемитическаго (сирійскаго, напр.). Но этотъ вопросъ требуетъ болѣе точныхъ изысканій.

[15]) Конечная гласная а не принадлежитъ основѣ глагола.

КѢМЪ, ГДѢ И КОГДА БЫЛА НАПЕЧАТАНА ПЕРВАЯ БОЛГАРСКАЯ СКАЗКА?

П. А. Лаврова.

Въ началѣ нашего вѣка сербы, поставленные сравнительно съ болгарами въ гораздо болѣе благопріятныя условія, съ живымъ интересомъ отдались собиранію и изученію разнообразныхъ произведеній народной словесности. Какъ извѣстно, первенствующее значеніе въ этой области имѣла у нихъ дѣятельность Вука Стефановича Караджича, которому собираніе и изданіе народныхъ пѣсенъ, сказокъ, обычаевъ и преданій служило драгоцѣннымъ подспорьемъ въ его борьбѣ за права народнаго языка въ литературѣ. Среди этихъ занятій Вуку приходилось сталкивать съ болгарами и уже въ его Песмарицѣ сербской (Беч 1815) подъ № 247 была напечатана одна болгарская пѣсня.

Вскорѣ послѣ того въ очень интересной книгѣ Додатак к Санкт-Петербурским сравнительним рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима бугарског језика у Бечу 1822 Вукъ помѣстилъ 27 народныхъ пѣсенъ, записанныхъ по говору въ Разлогѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ опытъ примѣненія фонетическаго принципа въ правописаніи и для яз. болгарскаго подобно тому, какъ это имъ было сдѣлано для сербскаго. Но болгары находились тогда въ такихъ условіяхъ, что подобный опытъ не нашелъ отзыва: онъ просто или остался совсѣмъ неизвѣстнымъ, или не былъ понятъ.

Къ числу тѣхъ сербовъ, которые интересовались народной литературой, принадлежалъ и извѣстный сербскій писатель и поэтъ Сима Милутиновић Сарајлија. Онъ, подобно Караджићу, проводившій всю жизнь въ путешествіяхъ, собиралъ народныя пѣсни, вышедшія въ двухъ частяхъ.

И ему также приходилось встрѣчаться съ болгарами, благодаря чему онъ и записалъ и напечаталъ, насколько мы знаемъ, первую болгарскую сказку въ своей извѣстной поэмѣ Сербіянка, которая вышла въ свѣтъ въ 1826 г. въ Лейпцигѣ. Вѣроятно, такое случайное помѣщеніе сказки въ изданіи, не имѣющемъ отношенія къ этнографіи, и было причиной, что она осталась неотмѣченной какъ въ библіографической замѣткѣ, посвященной изданіямъ болгарскихъ народныхъ сказокъ П. А. Сырку (Архивъ проф. Ягича VII томъ, стр. 130—133), такъ и въ самомъ полномъ

недавнемъ трудѣ по болгарской библіографіи А. Теодорова, Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина т. IX.

А между тѣмъ эта сказка не заслуживаетъ забвенія и потому, какъ она записана, и по судьбѣ ея въ болгарской литературѣ.

Милутиновић сохранилъ намъ драгоцѣнное указаніе на мѣстность, гдѣ онъ слышалъ напечатанную имъ сказку: „эту помѣщенную выше сказку я слышалъ, бывши какъ-то разъ въ Видинѣ, отъ одного простого молодого болгарина, записалъ ее, учился изъ нея языку, да кое-чему и еще!... Его отецъ меня увѣрялъ, что сынъ его слышалъ эту сказку отъ него, а онъ отъ своего отца и дѣда, а потому, я, думаю она старая, быть можетъ отъ временъ богомильства, которое получило начало въ Болгаріи“.

Итакъ намъ извѣстно, что сказка записана въ Видинѣ въ сѣверозападномъ углу Болгаріи. Благодаря этому мы имѣемъ возможность провѣрить, насколько издателю удалось сохранить особенности Видинскаго говора. Обратившись къ болгарскимъ изданіямъ, мы стали искать образцовъ, записанныхъ въ Видинѣ. Изъ самаго Видина или изъ видинскаго округа оказалось очень мало записаннаго матеріала. Нельзя по этому случаю не пожалѣть, что даже въ самомъ лучшемъ изданіи, каковъ министерскій сборникъ, образцы народной словесности по говорамъ представлены далеко неравномѣрно. Нужно впрочемъ замѣтить, что, отыскивая записанные въ Видинѣ матеріалы, мы натолкнулись на одно интересное замѣчаніе. Въ 36 книжкѣ Періодическаго Списанія въ статьѣ Ново-Село (Видински окржгъ) авторъ статьи указываетъ, что говоръ въ Видинскомъ округѣ дѣлится на три нарѣчія. По Планинѣ и въ уѣздѣ Бѣлоградчика преобладаетъ пиротское нарѣчіе, въ Видинскомъ — ломское, а въ Кулскомъ — тетевенское. Только Новое Село представляетъ исключеніе. Изъ Ломскаго уѣзда оказалось въ сборникѣ нѣсколько сказокъ и заговоровъ, которые и оказали намъ не малую помощь въ уясненіи вопроса о томъ, какъ отнесся Милутиновић къ изданію сказки.

Согласно съ образцами въ сборникѣ *ѣ* у Милутиновића передано вездѣ почти черезъ *е*: некоги, светò, човеците, бела, у свет, целио, през, безцен, дедо, нешто и т. д.; сравни: лéп (хлѣбъ) лéбовете, видéл, невéста, бéга, нéкуде, нéшто Сб. VII. 157 Ломско. Уклоненія только въ нѣсколькихъ случаяхъ: чоліак, чоліако, но и човек, човекот; ср. човекъ Сб. XII. 142 голіама, но и голіемо, ніашто, но и нешто. Встрѣтился подобный примѣръ и въ текстахъ Сборника: гулам Ломско Сб. VI. 110 и даже: блаи ib. 205, если это не опечатка: ср. блеи Сб. XII. 143.

Интересны примѣры передачи юса и глухого: пӑтник, кӑшта, кӑсни, бӑде, рӑка, мўжо и сас, ванка; при плавныхъ: по̆лни, мо̆лча, мо̆лчаше, бо̆лгарската, со̆лнце, со̆здал, сто̆паница, вѐрвил, дѐржета, сѐрца, перва. Въ Сборникѣ въ примѣрахъ изъ Ломска *ж* переданъ почти всегда че-

резъ *у*, но напр. обраче Сб. VII. 157 ас че носа; ib. ср. также: санувам Ломско Сб. XII. 144. магливо. Мы не будемъ останавливаться на другихъ случаяхъ, такъ какъ, съ одной стороны, недостаетъ матеріала, а съ другой стороны, въ обозначеніи Милутиновића есть искусственность, напр. различеніе ѣл и ѐр.

Согласно съ западными говорами находимъ передачу *вс* черезъ *св:* свичко, свакакво. Въ словѣ землiа сохранено *л*, какъ напр. въ пѣснѣ, записанной въ Царибродѣ, — земльа Сб. X. 24; сабльа Соф. Сб. V. 93. Въ словѣ млого *л* вмѣсто *н;* ср. Сб. VI. 110, 204 Ломско. Въ словѣ одахни си — отдохни одно только *д*, ср. седнал да си одѫне (сѣлъ отдохнуть). Сб. VII 157 Ломско. Въ изволувам твердость *л* подтверждается примѣрами гулам, блаи (Ломско), выше приведенными. Согласно съ западными говорами находимъ: ночувам, ночта ср. ноч Ломско Сб. VII. 157. Если въ этомъ отношеніи не замѣчаемъ послѣдовательности и встрѣчаемъ: ште угбстиме, то и въ этомъ случаѣ нельзя упрекать Милутиновића: и въ новыхъ записяхъ рядомъ съ „че носа“ находимъ: ште окрадне. Мѣстоименіе перваго лица iазе; ср. iаз. Сб. IV. 74. Для объясненія формы мѣстоименія: рекна '*ми* можно указать примѣръ въ Сборникѣ: че ти дадем девет дѫрва, додека петлите пропеiѫтъ *ни* преброиш вѫровете, коренье те и т. д. Этотъ случай снова подтверждаетъ точность записи Милутиновића.

Слѣдуетъ отмѣтить форму множ. числа съ окончаніемъ *а:* ваша, харната сѐрца, внучета ваша.

Примѣръ „сас носото“ объясняется подобнымъ же въ пѣснѣ, напечатанной въ Періодич. Списаніи: къко iе царо дочуло, скоро гавазе пратило и ниже: къко iе царо видело. Вѣроятно, эти примѣры возникли подъ вліяніемъ членной формы на *о*, которая повела къ смѣшенію рода.

Въ глаголахъ обращаютъ вниманіе формы: видна, испекнеш, да не опазнеш.

Всѣ перечисленныя нами особенности доказываютъ, насколько хорошо удалось Милутиновићу передать характерныя черты западно-болгарскихъ говоровъ.

Въ заслугу издателю слѣдуетъ поставить и то, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставилъ на словахъ ударенія.

Обращаясь къ лексическому матеріалу сказки, отмѣтимъ и здѣсь особенности западно-болгарскія. Если бы словарикъ Маринова*) былъ оконченъ, можно было бы указать бо́льшее количество совпаденій; но онъ доведенъ лишь до половины, а потому мы будемъ ссылаться на матеріалы, записанные въ Софійскомъ округѣ.

*) Помѣщенъ въ Сборникѣ подъ рубрикой материалъ за българския рѣчникъ: Думи и фрази изъ Западна България записалъ Д. Мариновъ. Томы X, XI и XII. Въ немъ не рѣдки указанія на Видинъ и разныя села Видинскаго округа.

безцен камик, ср. безцан кáмик Софийско Сб. I. 134. У Шапкарева: безцéнети кáменьа.

благослов у Шапкарева: бла'ос'оф.

брго вмѣсто бръзо въ Читанкѣ. У Шапкарева: бжргу — бжргу.

ванка въ Читанкѣ: на вънъ, у Шапкарева: нáдвор.

вардим въ Читанкѣ сохранено, у Шапкарева также вáрди се; ср. иди, іа че да ги вáрдим (бúбете) Ломско Сб. VII. 157.

видна, т.-е. увидѣла, въ Читанкѣ: зѣрне, у Шапкарева: видел; форма нашей сказки заслуживаетъ вниманія, ср. опазне.

дако ср. въ пѣснѣ, записанной въ Видинскомъ округѣ: А ти си маіка не слушал, Д ако си, сине, погинал Сб. IV. 75. Смотри также въ словарѣ у Маринова: дако, т.-е. ако! нека! нека бжде!

домаћин встрѣчается въ западныхъ говорахъ: у нашего домакúна, тази наша домакинка Сб. I. 7—8. Горня Баня Софийско. У Шапкарева: домакин; но въ Читанкѣ: стопанити, какъ въ нашей сказкѣ ниже: стопаница, у Шапкарева: домакьúнката.

дорде, вмѣсто котораго въ Читанкѣ: дору, у Шапкарева: дури.

дрт, ср. двé близнéта по джртото да јумре од змúју, а пóмалото — од макáру. Ломско Сб. VI. 110—111.

думам думки, въ Читанкѣ: си мыслѣше и у Шапкарева: мислеешчем си; ср. дýмаше дрýги дýми Софийско Сб. IV. 169.

жалим въ Читанкѣ замѣнено „тжжи", у Шапкарева: кье жáльат; іа си се жалим за таков син Соф. Сб. I. 135.

живувам, въ Читанкѣ: живѣйте и у Шапкарева: живейте си; ср. живувáло Софийско Сб. VI. 141.

воіде си, доіде, заіде си, поіде си формы аориста отъ идем, при чемъ кромѣ остальныхъ общеупотребительныхъ интересна форма: воіде си. Въ Софійскомъ округѣ: поідоа, придоа Сб. V. 73; оідоа ib. 74. Въ Читанкѣ: влѣзнж, у Шапкарева: влегол.

изволувам въ Читанкѣ удержано: изволи, у Шапкарева: пó'ели.

ими нѣсколько разъ вм. ами, не можемъ указать такого примѣра.

да се испекне; въ Читанкѣ: да се опече, у Шапкарева: дури да се úспечит; ср. да ли се іе испекло детéто Софийско Сб. VII, 165.

кажни всякій: кажніата гозба, кажніото іаденіе. По смыслу должно быть каждый, но у Миклошича въ этимологическомъ словарѣ ни въ болгарскомъ, ни въ сербскомъ языкахъ не указано этого мѣстоименія.

ланца — мечъ. Милутиновић объяснилъ это слово сербскимъ *мач*, которое въ Читанкѣ передѣлано въ *мечъ*. Иначе это послѣднее слово нигдѣ не встрѣчается. Въ словарѣ Дювернуа одинъ примѣръ изъ сборника Безсонова. У Шапкарева: сабиіа.

излезна, улезна ср. да излезнеш Ломско Сб. XII. 145; излезнал Софийско Сб. V. 5; излезна ib. 9; улезнáа ib. 75.

мир покой. У Шапкарева пропущено. Сравни: мир си се́ди Софийско Сб. V. 91.

мртвини въ этомъ выраженіи „проз горите мртвини“ употреблено несомнѣнно въ смыслѣ нашего прилаг. дремучій, т.-е. черезъ дремучіе лѣса. Въ сборникѣ въ матеріалахъ для словаря изъ Орханіе это слово объяснено такъ: *мртвина* — мѣстность, которая очень рѣдко или совсѣмъ не освѣщается солнцемъ. Въ Читанкѣ передѣлано въ *мрътвежки*. Было бы интересно найти подтвержденіе этому прилагательному въ такомъ именно значеніи. Шапкаревъ этотъ эпитетъ опустилъ.

Въ статьѣ г. Иліева: „Растително царство въ народната поезия, обичаитѣ, обредитѣ и повѣрията, на Болгаритѣ“ Сб. VII, науч. отд., стр. 313 и слѣд., гдѣ собрано изъ пѣсенъ большое количество примѣровъ съ эпитетами къ слову *гора*, такого эпитета не встрѣтилось. Ближе всего къ нему подходятъ: гѫста гора или честа гора, см. ib. стр. 351. Тѣмъ болѣе мы должны быть признательны Милутиновићу, сохранившему этотъ интересный эпитетъ.

ночувам вм. нощувам, ср. ночуем, преночу́вам Пиротско Сб. IX 233.

обичем, у Шапкарева: љу́бам.

оген, ср. имам огин, че те изгорим. Ломско XII. 144; облѣа́ло гьи о́гьин Соф. Сб. V. 151.

омием у Шапкарева: да го измиіаш.

опазне въ Читанкѣ измѣнено въ: не види, такъ и у Шапкарева: да те не ви́дит.

отвесита въ словарѣ Дювернуа нѣтъ.

отпре въ значеніи открылъ сохранено въ Читанкѣ, у Шапкарева: о́тфорил; ср. запре — заперъ, у Шапкарева: затфорил. Во всякомъ случаѣ, повидимому въ болг. яз. эти глаголы не такъ употребительны въ этомъ значеніи, какъ въ русскомъ. Въ словарѣ Дювернуа большая часть примѣровъ подъ словомъ *запра* приведены въ значеніи: заключу въ темницу, а для *отпра* лишь одинъ примѣръ.

правдинка въ Читанкѣ сохранено, у Шапкарева: право. Можемъ указать въ подтвержденіе примѣръ изъ сборника пословицъ Славейкова: „за божья правдинка“ Български Притчи, събрани от П. Р. Славейкова. Част първа, стр. 177.

проз въ значеніи чрезъ вмѣсто *прѣзъ*.

сака ми са вмѣсто вост.-болг. иска ми са, какъ и находимъ въ Читанкѣ. Сравни са́кам Пирот. Сб. IX. 234; сака да и́дем чак у се́ло Ломско Сб. VII. 157.

сисам ср. въ Софійскомъ округѣ: си́саіа. Сб. IX. 166; кротко іагнье две матере сиса Пирот. Сб. I. 145; ср. десна сиса Ломско Сб. XII. 143. У Шапкарева: да ци́цат.

сіаеше, сіа удержаны въ Читанкѣ, но у Шапкарева: бо́лснало от

сфетли́ната, а **ниже**: сфе́то сфе́тело по́сфетло и от огон. Сравни: пости́льките му били садѐ свила и злато та свете́ли Софийско Сб. VIII. 176.

создал и у Шапкарева: сѫзда́л чове́ците Сб. V. 150 Софийско.

ставим вмѣсто вост.-болг. туря, какъ въ Читанкѣ; у Шапкарева: кла'иш. Ср. ставаси у Дюв. (макед.).

стока вмѣсто добиток; ср. да ти iе жива сто́ка Соф. IX. 165. И у Шапкарева: от стоката.

толко, толко що ср. и таiа вечер, тамѫн туку што се сложил да спи Соф. Сб. VIII. 176.

угостиме, въ Читанкѣ: гостищемь. Съ этимъ предлогомъ рѣдко, у Шапкарева: кье те *на*го́стиме. Въ варiантѣ къ настоящей сказкѣ, записанной въ Соф.: што да *пона*го́ста (чѣмъ угостить); та ме погостете Сб. VII 165; немам сѫс што да го *на*го́стим Соф. Сб. VI. 140.

уготовимъ вмѣсто наготвя или приготвя.

удиви са, у Шапкарева: се почудил.

украдна вмѣсто обычнаго вост.-болг. открадна, ср. откра́дна и́ бьа́лата рокла Варненско Сб. VIII. 23. Такъ и въ Читанкѣ, такъ въ яз. литературномъ. У Шапкарева: у́крал; ште да окра́дне Ломско Сб. VII. 157; она да го украдне Соф. Сб. I. 133; бабата украднѐ детето ib.

харен, харно въ Читанкѣ прибавлено: добръ, у Шапкарева: а̀ре́н; ср. а́рни чове́ци Соф. Сб. VII. 155.

читав, у Ербена въ Читанкѣ: цѣлъ и у Шапкарева: цел. Сравни: таiа работа не е читава Соф. Сб. I. 138.

Яле вѣроятно изъ iа гле: iа глѐ! какво чу́до стану́ло Пирот. Сб. VII. 231.

Изъ этихъ сопоставленiй видно, что въ словарѣ сказки преобладаютъ западно-болгарскiя выраженiя. Что же касается тѣхъ случаевъ, гдѣ замѣтно отклоненiе, то они должны быть объяснены влiянiемъ книжнаго разсказа на ту же тему. Изъ такого рукописнаго источника могли проникнуть слова, отчасти напоминающiя русскiй оригиналъ, напр.: удиви са вм. почуди са. Сравни напр. тексты о премудромъ Iосифѣ, въ которомъ у Сырку по Бухарестскому сборнику: **оудивиса**, у Начова **почюдисе** (Тиквешки рѫкопис), а выше также: **удиви се ѡ томь** Сб. IX. 92; отвеща ср. Сб. IX, 86. Такъ точно вмѣсто книжнаго *вънидe* (ср. ib. 88) могло возникнуть *воiде*, по образцу поiде, доiде и др.; къ числу такихъ словъ слѣдуетъ отнести сiаеше. Весьма вѣроятно, такимъ путемъ проникло и кажни, каждый, всякiй, которое едва ли удачно передѣлано въ Читанкѣ въ кѫщни — домашнiй. А что такiе разсказы существовали въ болгарской рукописной литературѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя. Въ напечатанномъ нами въ Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болг. яз. текстѣ о св. Андреѣ изъ сборника Н. С. Тихонравова есть варiантъ на тему нашей сказки. Въ немъ изображенъ торговецъ, облагодѣтельствовавшiй одного бѣдняка. Весь покрытый ранами,

онъ приходитъ въ домъ къ разбогатѣвшему бѣдняку, и когда этотъ узнаетъ, что больной можетъ исцѣлиться только кровью первороднаго ребенка, онъ не жалѣетъ своего первенца и въ отсутствіе своей жены закалаетъ и помазываетъ кровью раны больного. Вернувшаяся жена, не зная о случившемся, идетъ кормить дитя грудью и находитъ его здоровымъ. Проф. Драгомановъ въ своей статьѣ „Славянскитѣ сказания за пожертвувание собственно дѣте“ ссылался на „Слово о христолюбивомъ купцѣ, емуже сотвори напасть бѣсъ“ въ памятникахъ старинной русской литературы. Новоболгарскій текстъ указываетъ на распространеніе этой повѣсти и въ болгарской рукописной литературѣ, черезъ которую она переходила и въ уста народа.

Значительная близость къ оригиналу пересказа въ Читанкѣ Ербена и въ сборникѣ Шапкарева заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ въ нихъ дѣло не съ самостоятельными варіантами, а лишь съ передачей его, при чемъ измѣненъ языкъ сообразно съ особенностями мѣстныхъ говоровъ. Интересно при этомъ, что въ Читанкѣ несмотря на то, что передъ этой сказкой, озаглавленной: „Блъгарско гостоприіемство“, стоитъ указаніе на мѣстность: severozapadní, какъ можно было видѣть изъ нашего разбора, всѣ почти особенности западно-болгарскія въ фонетикѣ, морфологіи и словарѣ сглажены, правописаніе искусственное. Поэтому болгаринъ, доставившій эту сказку въ сборникъ Ербена, несетъ вину за передѣлку, испортившую оригиналъ и не представляющую почти никакого интереса. Ему послѣдовалъ и Шапкаревъ, передавшій ту же сказку по охридскому говору.

Остается теперь сказать нѣсколько словъ о томъ, что дало поводъ Милутиновићу напечатать сказку въ предисловіи къ своей поэмѣ. Отвѣтъ на это находимъ въ словахъ, стоящихъ вмѣсто заголовка сказки: „Христофор да ми си здравичек“. Носившій это имя болгаринъ Христофоръ Хаджи Іоановић, уроженецъ Свиштова, помогъ поэту окончить печатаніе Сербіянки. Благодарный за такую помощь Милутиновић посвятилъ ему записанную въ Видинѣ сказку, сюжетомъ которой было прославленіе высшей степени человѣческаго самопожертвованія.

Начало нашего столѣтія было счастливымъ временемъ въ жизни сербовъ и болгаръ: ихъ связывали дружескія отношенія, вполнѣ естественныя между близкими народами. Въ борьбѣ за освобожденіе сербамъ помогали и нѣкоторые болгары, напр. Петр Ичкоглія (Сербіянка. част 3, стр. 40), одинъ изъ близкихъ къ Гайдуку Вельку героевъ также былъ болгаринъ (ср. тамъ же стр. 51) и пр., ср. стр. 62, 88. Милутиновић воспѣвалъ ихъ наравнѣ съ сербами. Болгаре живо интересовались сербской литературой. Между подписчиками на Сербіянку значится нѣсколько болгаръ: Афанас Ивановић, болгар. Деп. изъ Одессы, Малечко Н. бугарин трг. (т.-е. купецъ), Кирос Н. Болгар тр., Христофор Х. Іоановић

уч. изъ Букор. (т.-е. изъ Бухареста) — всѣ трое подписались въ Лейпцигѣ. Впрочемъ, списокъ подписчиковъ на эту книгу имѣетъ представителей изъ самыхъ различныхъ національностей. Въ немъ есть и европейцы: Терезія Амалія Якоб, Емил Пинцгер, учен. филологие изъ Бреслава, Франк слуш. прав., нѣсколько русскихъ, греки, румыны, и даже одинъ турокъ — Мурат Сат'лмит из Анадола, но большинство — сербы изъ Одессы, Кишинева, Акермана, Хотина, Измаила, также изъ Карловца, съ Лукіаномъ Мушицкимъ во главѣ. Это характерный признакъ времени. Въ Германіи Гёте, братья Гриммы съ интересомъ относились къ сербской поэзіи. Народы Балканскаго полуострова вызывали безкорыстное сочувствіе. Въ свою очередь полное согласіе господствовало и между христіанскими народностями Балканскаго полуострова, какъ славянскаго, такъ и неславянскаго происхожденія. Всѣ были одушевлены одними мечтами видѣть освобожденіе своихъ земель отъ одного общаго врага. Европейскіе сосѣди еще не могли вести политики захвата, еще не посѣвали раздора между ближайшими братьями. Пока Босна и Герцеговина могли стать сербскими, нужно ли было сербамъ вести агитацію въ болгарскихъ краяхъ Македоніи! При такихъ условіяхъ между сербами и болгарами существовали дружескія отношенія. Въ Сербіи печатались болгарскія книги, труды Неофита Рыльскаго, Неофита Бозвели и другіе. Такія книги, предназначавшіяся для Болгаріи, увозились въ турецкія владѣнія. Неудивительно, что иногда не оставалось въ мѣстѣ печатанія ни одного экз. подобной книги*).

Совершенно иное мы видимъ въ наше время. Давно ли по случаю посѣщенія Софіи проф. И. В. Ягичемъ выражаемо было сожалѣніе, что въ Бѣлградѣ нельзя достать болгарской книги, въ Софіи — сербской.

Нельзя не пожелать, чтобы исчезла взаимная холодность между братскими народами и смѣнилась чувствами прочной солидарности — единственное условіе, при которомъ можно надѣяться на лучшую будущность.

Считаемъ не лишнимъ помѣстить и самую сказку, не допуская никакихъ измѣненій въ текстѣ, изданномъ Милутиновичемъ.

Некоги[1]), кага[2]) іе господ сбздал[3]) светò, штеал іе[4]), да види какво[5]) му живат човеците, слезнà[6]) от небóто си наінапрет на стара планина, створилса[7]) чоліак[8]), старецо[9]) сас голіама бела бради́, и белите[10]) дрехи; зе си тоіашка у[11]) рăкà, и поіде си[12]) у свет[13]), у Бóлгарската земліа, млого[14]) си е вѐрвил, целио ден[15]), проз гори́те, мртвинѝ[16]), на вечертá

*) Имѣемъ въ виду жалобу В. М. Истрина, что онъ не нашелъ въ Бѣлградской народной библіотекѣ книги: „Исторія на великія Александра Македонца“, напечатанной въ Бѣлградѣ Протопоповичемъ, болгарскимъ учителемъ изъ Карлова.

1) нѣкога. 2) когато. 3) създаде. 4) поиска. 5) какъ му живѣѭ людиѭто. 6) слѣзне. 7) сториса. 8) человѣкъ. 9) старецъ. 10) форма безъ члена. 11) въ. 12) проп. 13) по свѣтътъ. 14) много врьвѣ. 15) дору цѣлъ день. 16) прѣзъ мрьтвежкы горы.

доідѐ си в̓ едно селцѐ[17]), тук да ночува[18]) през ночтà. У первата кăшта от краі селò[19]) заідe си[20]), и седнà[21]) на прагот, мŏлчà[22]), и думаше си думки. Стŏпáница беше дома си, работеше ніашто, та го не вѝде. Jале сагà[24]) иде си мŷжо[25]) еі от поліéто, от своіо плуг[26]), виднà[27]) стáреца, зарадува му се, и рече: „Дедò!“ Ти си млого дрт, пăтник, уморен си, јела[28]) у кăштата, одахни си, дако[29]) си е сиромáшката, са свичко, што ни е бог[30]) дал, ште те угóстиме[31]), ими изволу́ваі[32]). Погледнà го стáрецо сас[33]) весели очѝте, воідѐ[34]) си у кăшта, и седнà. Чоліако сас женáта си брго[35]) станаха, уготовиха[36]) гостба, какво имеха[37]), и какво можаха похарно[38]), па ставиха софрата[39]). Домаћините[40]) іадоха от кажніата[41]) гозба, ама[42]) старецо нештеà[43]), толко што си кажніото іаденіе омиросу́ваше[44]), мŏлчаше си и гледеше[45]) какво[46]) са оніе[47]) радоват, та се и он радува[48]). Нудат[49]) го, молат го: „Дедо! зашто си неіадеш! Ими си гладен[50]); земи си, кăсни си[51]), хапни си, какво ти е воліа, што си имаме, свичко ни е тука[52]) пред тебе си!“ Старецо толко товá: „іадите[53]) вие, іадите! іазе[54]) си нешто думам!“ Кога[55]) се наситиха, станà[56]) стŏпаница, излезнà[57]) ванка, детето си еі плачеше, и штеаше да сиса. Тогáва старецо на мŷжо еі думаше[58]). „Знаеш ли каквò, домаћин'[59])! Дако штеш[60]) да ме угостиш[61]), іа немам да іадем[62]) свакакво, а сака ми се[63]) печéно човéче[64]) месò, ими да ми заколеш твоі син малечкиот[65]), да го хубаво омиеш, и читав[66]) да ставиш[67]) на тепсѝа у фурніата[68]), толко[69]) вардисе, да не види жената ти, ште да жали[70])“. Тоі си му отвештà: „Това ли толко[71]) штеш, Дедо! па зашто ми давнò не казà, да ми не седиш гладен у кăшта[72]) гост; нели ти думах свичко-іе твое[73]), што ние од господ имаме[74])! Правдинка іазе како[75]) тебе човек старецо[76]) млого[77]) обичем, срцето си ми казува да си харен[78]), и сага[79]) ште да видиш, толко малчичко[80]) потрпѝ, дорде іа уготовим[81]) това, каквò ти сакаш“. Излезнá си човéкот на двор[82]), женáта си му[83]) пак беше зела да рабŏти, а детéто си остáвила[84]), да си самичек игра[85]) на месечин-

17) село. 18) за да прѣнощува. 19) край селото. 20) влѣзе. 21) сѣдне. 22) мълчеше и си мыслѣше. 23) форма съ членомъ 24) ала ето ти сега. 25) мѫжь . 26) отъ плугътъ си. 27) зѣрне. 28) дойди. 29) ако и да. 30) Господь. 31) гости щемь тѫ. 32) толко изволи. 33) съ. 34) влѣзнѫ. 35) бръзо. 36) та наготвихѫ. 37) каквото имахѫ. 38) прибавлено: и похубаво. 39) пакъ турихѫ на трапезѫтѫ. 40) стопанити. 41) кѫщнѫтѫ. 42) ала. 43) нещеме. 44) толкова щото мирише кѫщното ястиѥ. 45) глѫдаше. 46) какъ. 47) тии двамина. 48) сѫ радоваше. 49) канѫть. 50) останешь гладенъ. 51) си хапни и си кѫсни. 52) тукъ. 53) яжте. 54) азъ. 55) като. 56) станѫлѫ. 57) излѣзе вънъ да си накръми дѣтѧто, чи плачеше. 58) тогава рѣче старецьтъ мѫжу ѝ. 59) стопанине. 60) ако искашь. 61) нагостишь. 62) азъ не могѫ да ямь. 63) иска ми сѧ. 64) человѣческо. 65) малкыйтъ си сынъ. 66) цѣлъ. 67) туришь. 68) въ пещьтѫ. 69) тъкмо. 70) чи ще да тѫжи. 71) толкова. 72) въ кѫщи. 73) чи ѥ всичко твоѥ. 74) що ны е Господь далъ. 75) като. 76) старъ человѣкъ. 77) тврьдѣ. 78) прибавлено: добрь. 79) сега. 80) малко. 81) дору ти наготвѫ онова що искашь. 82) человѣкътъ излѣзне на вънъ. 83) а жена му. 84) прибавлено: бѣше. 85) да си играѥ самичко.

ката док да заспи́е[86]), не знаіала[87]) ни што, ни каквò[88]) ште да бăде. А мўжо еі украднà[89]) детè, скоро гу заклà[90]), целокуп го турнà[91]) на тепсиата, и в' пештта го зáпре, да го маіка му не опáзне[92]), дор се испекне[93]); па си улезнà[94]) при стáрецо, седнà[95]) и хоротуваше сас него весел[96]). Толко што поду́маха некакво си, и стáрецо умолкнà[97]), помирису́ва сас носóто си, и рекнà на рáтарино[98]): Јале вижд[99]) печенката, харно ми замирису́ва[100]), треба да си е печéна[101])". Тоі си станà[102]), отпре си фурніата[103]), да види, и да извади тепси́ата[104]). Ама[105]) какво да види! Удиви са и уплáши са од' чудо! Сіаеше свичката пешт и кăшта[106]) от светлоста детéта[107]) си; и тепси́ата и детè свичко сторило са злáто, та сіа[108]) кото[109]) сŏлнце; детè сéдеши на тепси́ката[110]) кото голіéмо момчè, хубаво, весело, светлò, и здрáвичко[111]); на главáта му корóна от бисер и безцен кáмик, на пŏіасо при бедрáта му ланца (мач)[112]), у деснáта[113]) рăкà дĕржеше одна кніига сас злáтното писмо[114]); у леви́цата и́маше снопец пшени́чен, сас клáсовете пŏлни[115]), и това свичко сіаеше от огень посветло[116]), кото беше свичко станáло злáто. Тоіо[118]) са поврнà[119]), да кáже на стáрецо[120]) какво си е чудо[121]), и што[122]) да прави, а там' стáрецо неімаше го[123]), излегнал пред кăшта, и рекнá 'мги[124]):

Останите са здрáве[125])! И живу́ваіте[126]) какво сте до саги[127]) хубаво кротко; ваша харната сĕрца[128]) ште да имат добро от ніи́вите, от стóката[129]), и благослов и мир на децата[130]) и вну́чета ваша[131]) от господо[132]); теі[113]) ште да прифати и угости вазе у своіа вечната му кăшта[134])".

Тога отиде пак скоро нанекаге у ночта сами́чек си[135]).

---

86) дору заспи. 87) безъ да знае. 88) какво и що. 89) откраднѫ. 90) заклѧ (?) го по скоро. 91) тури го цѣлокупно. 92) не съглѧда. 93) дору сѧ опече. 94) влѣзе. 95) прибавлено: до него 96) весело съ него. 97) сѧ умлъче. 98) а омирисваше съ носътъ и рече ратаю. 99) я иди, вижь 100) хубаво ми мирише. 101) трѣбва да сѧ ѥ опекла! 102) стане, отъиде. 103) пещьтѫ. 104) печенкѫтѫ. 05) ала. 106) прибавлено: и всичката. 107) на дѣтѧто. 108) па сияе. 109) като. 110) на тепсиѭтѫ. 111) здраво. 112) мечь. 113) въ деснѫ. 114) ѥднѫ книгѫ златослова. 115) пълнъ съ класове. 116) повѧче 117) защото. 118) тоя. 119) ѩ поврьне. 120) старцу. 121) какво ѥ чудо станѫло. 122) какво. 123) ала старецьтъ тамъ не бѣше. 124) той бѣше прѣдъ кѫщи излѣзълъ па имъ рѣче. 125) останѣте съ здравие. 126) живѣйте. 127) какъ-то и до сега. 128) вашиты добры срьдца. 129) отъ нивы и добытъкъ. 130) вы. 131) и унучѧтата вы. 132) Господи. 133) той. 134) ще васъ да приѥмне и ще вы вы нагости въ вѣчнѫтѫ си кѫщѫ. 135) тогава отъиде самичекъ прѣзъ нощьтѫ на нѣкѫдѣ.

ИНДО-ЕВРОПЕЙСКІЯ ПЛАВНЫЯ СОГЛАСНЫЯ ВЪ ДРЕВНЕ-ИНДІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Ф. Ѳ. Фортунатова.

Въ плавныхъ согласныхъ индо-европейскаго праязыка я различаю (въ моихъ университетскихъ лекціяхъ) три звука: *r*, *l* и третью плавную, представлявшую собою извѣстный видъ *l* или *r* и обозначаемую мною черезъ *λ* (сравн. тѣ звуки, о которыхъ говоритъ Сиверсъ въ Grundzüge der Phonetik[4] § 300): изъ индо-европ. *r* получилось *r* и въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ; изъ индо-европ. *λ* европейскіе языки вмѣстѣ съ армянскимъ языкомъ имѣютъ *l*[1]), а индо-иранскіе языки — *r;* болѣе рѣдкое индо-европ. *l* въ европейскихъ языкахъ, въ армянскомъ языкѣ и въ санскритскомъ нарѣчіи древне-индійскаго языка сохранилось какъ *l*, въ ведійскомъ нарѣчіи частію сохранилось, частію же, особенно въ діалектѣ древнихъ частей Ригведы, являлось измѣненнымъ въ *r*, наприм. въ *rih-* „лизать" при санскр. *lih-*[2]), а въ древне-иранскихъ языкахъ, повидимому, вообще совпало съ *r*, хотя надо замѣтить, что почти всѣ тѣ слова, для которыхъ засвидѣтельствовано *l* другими индо-европейскими языками, не извѣстны намъ изъ древне-иранскихъ текстовъ[3]). Списокъ древне-индійскихъ словъ, имѣющихъ *r* въ соотвѣтствіи съ *l* европейскихъ языковъ, т.-е., по моему мнѣнію, изъ индо-европ. *λ*, см.въ Altindische Grammatik Вакернагеля, стр. 210 и слѣд.; древне-индійскія слова съ *l* изъ индо-европ. *l* приведены тамъ же, стр. 218 и слѣд. Изъ книги Норэна (Noreen) Abriss der urgermanischen Lautlehre, 1894 г., стр. 1—2 я вижу теперь (со шведскимъ оригиналомъ я не былъ знакомъ), что и этотъ ученый признаетъ существованіе въ индо-европейскомъ праязыкѣ трехъ плавныхъ, хотя для меня не ясно, какимъ именно критеріемъ руковод-

---

[1]) Та армянская согласная, которую обозначаютъ въ транскрипціи черезъ *λ* (это армянское *λ* не надо смѣшивать съ индо-европ. *λ*), происходила при какихъ-то условіяхъ изъ различныхъ плавныхъ индо-европ. праязыка.

[2]) См. Пишеля въ Götting. Gelehrte Anzeigen 1884 г., стр. 512, Арнольда въ Festgruss an Rud. v. Roth, стр. 147, Вакернагеля Altindische Grammatik, стр. 217.

[3]) При рѣшеніи вопроса относительно *l* въ праиранскомъ языкѣ должны быть принимаемы во вниманіе и такіе случаи, какъ ново-перс. *lištan*, курдск. *listin* „лизать", гдѣ *l* изъ индо-европ. *l*. См. Гюбшмана Persische Studien § 160 и Бартоломэ въ Grundriss der iranichen Philologie I, 28.

ствуется при этомъ Норэнъ, такъ какъ, по его мнѣнію, тѣ индо-европ. плавныя, которыя онъ обозначаетъ какъ l_1 и l_2, въ древне-индійскомъ языкѣ одинаково передаются и черезъ *l* и черезъ *r*, „scheinbar ohne feste Regel", вслѣдствіе чего Норэнъ вообще не различаетъ въ конкретныхъ случаяхъ индо-европ. l_1 и l_2; въ дѣйствительности, однако, думаю я, именно древне-индійскій языкъ въ его санскритскомъ нарѣчіи (частію и въ ведійскомъ, поскольку оно имѣетъ *l*) даетъ намъ возможность различать тѣ двѣ индо-европ. плавныя, которыя въ европейскихъ языкахъ и въ армянскомъ совпали въ одной плавной *l*.

Существованіе въ индо-европ. праязыкѣ трехъ плавныхъ необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія закона объ измѣненіи индоевроп. группъ „*l* + зубная согласная" въ древне-индійскія церебральныя согласныя; этотъ законъ примѣняется именно къ индо-европ. *l*, и потому такіе случаи, какъ др.-инд. *pūrṇá-* „полный" при старо-слав. *плънъ, плънъ*, литовск. *pìlnas*, готск. *fulls* и т. д., не представляютъ собою какого-либо исключенія, такъ какъ въ *pūrṇá-, píparti* и т. д. изъ индоевроп. праязыка получена была плавная *λ*, не *l* (сравн. ту же индо-европ. плавную напр. въ др.-инд. *çru-, vŕ̥ka-* и др.). Индо-европ. группы „*r* + зубная согласная" и „*λ* + зубная согласная" сохраняли плавную въ ведійскомъ и санскритскомъ нарѣчіяхъ древне-индійскаго языка, и слѣдовательно относительно такого рода единичныхъ случаевъ, какъ санскритск. *kaṭu-* „острый, рѣзкій" (о вкусѣ, запахѣ и т. д.), ведійск. *káṭuka-*[1]) или *kaṣ-* „скрести", надо думать, какъ я говорилъ уже прежде (см. Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen VI, 219), что и здѣсь нѣкогда существовала плавная *l* передъ зубною согласною, хотя изъ европейскихъ языковъ соотвѣтственныя слова извѣстны намъ только съ плавною *r*; съ *kaṭu-* сравн. литовск. *kartùs* „горькій", а *kaṣ-* родственно съ общеславянск. **korstā*, русск. *короста*, литовск. *kar̃szti* „чесать шерсть, ленъ". Бехтель, Die Hauptprobleme der indogerm. Lautlehre 387, согласенъ со мною въ томъ, что *kaṭu-* имѣетъ *ṭ* изъ *lt*, но онъ думаетъ, что *l* представляетъ собою здѣсь позднѣйшее діалектическое измѣненіе *r*; я не вижу, однако, надобности дѣлать такое предположеніе и отношу *l* и *r* въ этихъ и подобныхъ случаяхъ одинаково къ индо-европейскому праязыку, точно такъ же какъ напр. въ др.-инд. *lumpáti* при латинск. *rumpo*, въ *luñcati* при латинск. *runco* или въ *giráti, girati* и *gilati* (сравн. латинск. *vorare* и *gula*), въ латинск. *garrio* (*rr* изъ *rs*), литовск. *gar̃sas* и старо-слав. *гласъ*, въ старо-слав. *рысь* и литовск. *lúszis*, греч. *λύγξ* и др. я нахожу индо-европейскіе варіанты *r* и *l*, указывающіе по происхожденію на діалектическія различія въ индо-европейскомъ праязыкѣ. Сравн. Уленбека

[1]) Удареніе обозначено мною въ др.-инд. словахъ только тамъ, гдѣ оно засвидѣтельствовано текстами.

въ журналѣ Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur XVII, 437 и слѣд. Отношеніе литовск. *kartùs* къ др.-инд. *kaṭu-* однородно поэтому напр. съ отношеніемъ литовск. *akmũ* къ др.-инд. *áçman-*.

Указанный мною законъ измѣненія индо-европейскихъ группъ „*l* + зубная согласная“ въ древне-индійск. церебральныя согласныя (въ статьѣ „L + dental im Altindischen“ въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen VI, 215 и слѣд.) признанъ многими учеными, напр. Бехтелемъ, Фикомъ, Фрёде, Виндишемъ, Гюбшманомъ, Іогансономъ, Брадке и др. (см. главнымъ образомъ Бехтеля Hauptprobleme, стр. 382 и слѣд.), но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ встрѣтилъ также и возраженія, именно со стороны Бартоломэ, Іог. Шмидта и Вакернагеля[5]). Бартоломэ въ статьѣ, помѣщенной въ Indogermanische Forschungen III, 157—197, внимательно разсматриваетъ тѣ примѣры, какіе указаны были мною и другими для древне-индійскихъ церебральныхъ согласныхъ изъ группъ „*l* + зубная согласная“[6]), и приходитъ къ заключенію, что всѣ эти случаи объясняются или могутъ объясняться какъ заимствованія въ ведійскомъ и санскритскомъ нарѣчіяхъ изъ такого пракритскаго діалекта (т.-е. въ предкѣ извѣстнаго намъ пракрита въ широкомъ смыслѣ этого термина, или такъ называемаго средне-индійскаго языка), который имѣлъ вообще церебральныя согласныя изъ группъ „*r* + зубная согласная“, хотя, въ отличіе отъ другихъ пракритскихъ діалектовъ той же эпохи, не получалъ церебральной согласной изъ зубной въ положеніи не послѣ *r* (а въ извѣстномъ намъ средне-индійскомъ языкѣ церебральныя согласныя въ соотвѣтствіи съ ведійскими и санскритскими зубными существовали, между прочимъ, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ онѣ вызваны были не вліяніемъ *r*). Относительно *laṣ-*, *bhaṣ-*, *bhāṣ-*, *pāṣyà-*, *pāṣāṇa-*, гдѣ я вывожу *ṣ* изъ *ls*, Бартоломэ предполагаетъ поэтому, что тотъ пракритскій діалектъ, изъ котораго заимствованы были эти слова въ санскритскомъ и частію въ ведійскомъ нарѣчіи, отличалъ еще въ данную эпоху звукъ *ṣ* отъ *s*[7])

---

[5]) Бругманъ въ Grundriss I, 211 примѣч., не высказывая какихъ-либо прямыхъ возраженій противъ моего объясненія, не находитъ его, однако, доказаннымъ, хотя и признаетъ измѣненіе индо-европ. *ls* въ др.-инд. *ṣ* и беретъ у меня также нѣкоторые другіе примѣры, напр. сопоставленіе др.-инд. *āṇí-* (между прочимъ въ значеніи „часть ноги, находящаяся непосредственно надъ колѣномъ“) съ греч. *ὠλένη* и т. д. Отвѣтъ Бругману въ защиту моего мнѣнія данъ былъ Бехтелемъ въ Hautptrobleme, стр. 382 и слѣд.

[6]) Послѣ того времени, когда была написана статья Бартоломэ (1892 г.), законъ объ измѣненіи группы „*l* + зубная согласная“ въ др.-инд. церебральную согласную былъ примѣненъ и къ объясненію нѣкоторыхъ другихъ словъ, см. напр. Іогансона въ Indogerm. Forschungen II, 21; 42; 55; 60, Персона въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung XXXIII, 288, Брадке тамъ же, XXXIV, 156 и слѣд., Гофмана въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen XVIII, 286 и слѣд.

[7]) Для подтвержденія этого предположенія Бартоломэ указываетъ на тотъ фактъ,

(въ извѣстномъ намъ средне-индійскомъ языкѣ согласныя *ṣ̌*, *ç* и *s* совпали въ одномъ звукѣ *s)*. Вообще законъ, выставленный мною и поддержанный Бехтелемъ, Бартоломэ признаетъ не доказаннымъ и даже такимъ, который нельзя доказать (стр. 197), а вопросъ о томъ, полученъ ли былъ праиндійскимъ языкомъ звукъ *l* изъ индо-иранскаго языка, онъ оставляетъ здѣсь въ сторонѣ, какъ вопросъ нерѣшенный. Мнѣніе Бартоломэ о происхожденіи въ данныхъ случаяхъ др.-инд. церебральныхъ согласныхъ принято Іог. Шмидтомъ въ Kritik der Sonantentheorie, стр. 1 прим., и Вакернагелемъ въ Altindische Grammatik (обѣ книги вышли въ свѣтъ почти въ одно и то же время, во второй половинѣ прошлаго года), хотя Шмидтъ не очень давно еще, именно въ Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, стр. 179, высказывалъ иной взглядъ по этому вопросу (тамъ онъ указывалъ на *kaṭu-* = литовск. *kartùs* и на нѣкоторые другіе случаи[8]), „welche lehren, dass der den lingualen erzeugende laut keineswegs überall europ. *l* war, wie heute angenommen wird“). Вакернагель въ примѣчаніяхъ къ §§ 146 d и 172 d, резюмируя вкратцѣ тѣ возраженія, какія сдѣлалъ Бартоломэ мнѣ и Бехтелю (я остановлюсь далѣе на этихъ возраженіяхъ), признаетъ возможность (Möglichkeit, Leichtigkeit) объяснять данные случаи съ церебральною согласною въ древне-индійскомъ языкѣ какъ пракритизмы, а въ текстѣ тѣхъ же параграфовъ и въ § 208 онъ говоритъ рѣшительно, что церебральныя согласныя образовались здѣсь изъ группъ „*r* и *r̥* + зубная согласная“ съ пракритскимъ (средне-индійскимъ) звуковымъ измѣненіемъ, и что въ *r* и *r̥* совпали здѣсь индо-европ. *r* и *l*, *r̥* и *l̥* (хотя по крайней мѣрѣ въ одномъ какомъ-либо діалектѣ древне-индійскаго языка, а можетъ быть и въ нѣсколькихъ, сохранялось, по мнѣнію Вакернагеля, индо-европейское различіе между *r* и *l*, см. § 192 b). Шмидтъ, соглашаясь съ Бартоломэ, находитъ даже, что Бартоломэ высказался нѣсколько нерѣшительно, такъ какъ не отважился (hat nicht gewagt) вывести то необходимое заключеніе изъ указанныхъ имъ фактовъ, „dass *alle* Worte mit lingualen an stelle von europ. *r* oder *l* + dentalen aus dem prākrit eingedrungen sind und sammt und sonders auf urindischem *r* + dental, nicht *l* + dental beruhen“. „Бартоломэ“, говоритъ Шмидтъ, „призналъ законъ Фортунатова и Бехтеля не доказаннымъ и такимъ, который не можетъ быть доказанъ. Я иду еще дальше и считаю этотъ законъ положительно ложнымъ (positiv falsch). О главномъ

что въ нѣкоторыхъ надписяхъ встрѣчаются такія написанія, какъ *vaṣa*· при *vasa*- „годъ“, но самъ замѣчаетъ при этомъ: „doch ist freilich auf diese Schreibung nicht zu bauen“ (стр. 192). Скорѣе можно было бы сослаться здѣсь на цыганскій языкъ, который отличаетъ *š* = санскр. *ç* и *ṣ̌* отъ звука *s* и свидѣтельствуетъ поэтому, что и въ средне-индійскомъ языкѣ сохранялось въ діалектѣ или въ діалектахъ различіе между *š* и *s*.

[8]) Я упомяну далѣе объ этихъ случаяхъ.

препятствіи не упоминаютъ ни однимъ словомъ ни Фортунатовъ, ни Бехтель, ни Бартоломэ: индійское *r* было церебральнымъ (lingual), Pāṇ. I, 1, 9, и переходъ *rt* въ *ṭ* поэтому легко понять, тогда какъ *l* по единогласному показанію грамматиковъ было зубнымъ, не церебральнымъ (см. Уитнея къ Пратишакъѣ Атарваведы I, 1, 24, Pāṇ I, 1, 9), и, слѣдовательно, не могло обращать сосѣднюю зубную согласную въ церебральную. Только *r* имѣло эту способность". „Главное препятствіе", о которомъ говоритъ здѣсь Шмидтъ, въ дѣйствительности, однако, вовсе не существуетъ, но зато несомнѣнно было бы трудно признать тотъ процессъ образованія пракритскихъ церебральныхъ согласныхъ изъ „*r* + зубная согласная", какой предполагается Шмидтомъ. Мнѣ кажется, что я не давалъ никакого повода думать, будто др.-инд. *ṭ* и т. д. изъ *lt* и т. д. должны были получиться, по моему мнѣнію, черезъ посредство *lṭ* и т. д., и тѣмъ менѣе могъ я предполагать церебральную природу *l* какъ необходимое условіе для такого измѣненія. Какимъ именно путемъ произошли древн.-инд. церебральныя согласныя изъ группъ „*l* + зубная согласная", я не знаю, но я понялъ бы это явленіе напр. при томъ предположеніи, что *l* зубное (альвеолярное) въ данную эпоху въ сочетаніи съ послѣдующею зубною (альвеолярною) шумною или носовою вызывало, по условіямъ его образованія, измѣненіе этой зубной (альвеолярной) согласной въ сравнительно болѣе заднюю альвеолярную, которая затѣмъ уже перешла въ церебральную, подобно тому какъ то др.-инд. *ṣ*, которое восходитъ къ индоиранскому *š* вмѣсто *s* при извѣстномъ фонетическомъ положеніи, нѣкогда, по крайней мѣрѣ въ индо-иранскую эпоху, было, вѣроятно, еще не церебральнымъ. Съ принимаемымъ мною измѣненіемъ группъ „*l* + зубная согласная" въ др.-инд. церебральныя согласныя до извѣстной степени однороденъ существовавшій въ афганскомъ языкѣ переходъ группъ *rt*, *rd* въ *r* церебральное, между тѣмъ какъ *r* само по себѣ является здѣсь зубнымъ, точно такъ же какъ и *t*, *d* сами по себѣ, поскольку они сохраняются, остаются зубными согласными; сравн. тамъ же *n* церебральное изъ *rn* съ зубными *r* и *n*[9]). Или напр. въ шведскомъ языкѣ изъ *rt* и *rd* получились *ṛṭ*, *ṭ* и *ṛḍ*, *ḍ*[10]), хотя *r*, *t* и *d* сами по себѣ не принадлежатъ здѣсь къ церебральнымъ согласнымъ. Во всякомъ случаѣ я допустилъ бы важную методологическую ошибку, если-бъ при изслѣдованіи вопроса о судьбѣ индо-европейской группы „*l* + зубная согласная" въ праиндійскомъ или даже въ доисторическомъ древне-индійскомъ языкѣ я считалъ безусловно необходимымъ признавать въ *l* ту

---

[9]) См. Гейгера Etymologie und Lautlehre des Afghānischen въ Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften XX, I, стр. 211 и 210.

[10]) См. Сиверса Grundzüge der Phonetik[4], стр. 125.

именно природу, о какой говорятъ древне-индійскія фонетическія и грамматическія сочиненія; такую же ошибку мы сдѣлали бы, если-бъ стали судить о природѣ *l* напр. въ санскритскомъ нарѣчіи древне-индійскаго языка на основаніи современнаго произношенія санскритскаго *l* въ Индіи (старыя альвеолярныя согласныя, въ томъ числѣ и *l*, съ теченіемъ времени обратились здѣсь въ межзубныя или, можетъ быть, въ нижнія „postdentales" [11]). Безъ сомнѣнія, также и Бехтель и Бартоломэ хорошо сознавали, что рѣшеніе вопроса о томъ, измѣнялись ли дѣйствительно индо-европ. группы „*l* + зубная согласная" въ др.-инд. церебральныя согласныя, никакимъ образомъ не можетъ зависѣть отъ того факта, что др.-инд. *l* и въ Пратишакъяхъ и у Панини опредѣляется какъ зубная согласная. Относительно *r* Шмидтъ думаетъ, какъ мы видѣли, что оно издавна было церебральнымъ въ др.-инд. языкѣ и потому получало способность измѣнять слѣдующую зубную согласную въ церебральную. Извѣстно, однако, что Пратишакъяхъ, за исключеніемъ Пратишакъи къ Taittirīya-saṃhitā, др.-инд. *r* опредѣляется не такъ, какъ у Панини (см. напр. у Шмидта же стр. 20); другія Пратишакъи не знаютъ *r* церебральнаго и называютъ *r* неслоговое или „dantamūlīyam", образующимся у корней зубовъ (такъ опредѣляются въ Пратишакъѣ къ Ригведѣ всѣ зубныя согласныя), или „vartsyam", а *r̥* вмѣстѣ съ *l̥* отнесено въ этихъ Пратишакъяхъ къ звукамъ заднеязычнымъ (т.-е. къ одному классу съ *k*, *g* и т. д.). Послѣднее опредѣленіе, по моему мнѣнію, вовсе не касается природы самого *r* въ др.-инд. *r̥* (какъ не можетъ оно касаться и природы *l* въ др.-инд. *l̥*), и я объясню далѣе, какъ именно я понимаю его, а по отношенію къ опредѣленію, данному въ этихъ Пратишакъяхъ для *r* неслогового, ясно, что оно указываетъ вообще на согласную того класса, который у Сиверса называется „альвеолярнымъ". Въ согласныхъ альвеолярныхъ, даже и во взрывныхъ, различаются въ свою очередь, по крайней мѣрѣ, два вида, а для *r* „альвеолярнаго" Сиверсъ опредѣляетъ три вида по мѣсту образованія (Grundzüge der Phonetik[4] § 281); Гоффори (въ Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung XXIII, 532) между *r* собственно альвеолярнымъ и *r* церебральнымъ помѣщаетъ *r* „гингивальное" и вѣрно, я думаю, указываетъ на то, что этотъ его терминъ „gingival" вполнѣ соотвѣтствуетъ др.-индійскому термину *vartsya-* въ Пратишакъяхъ для того *r*, которое отличали отъ *r* собственно альвеолярнаго (*dantamūlīya-*) и отъ *r* церебральнаго (*mūrdhanya-*). См. Пратишакъю къ Ригведѣ въ изданіи Макса Мюллера („Rig-Veda, oder die heiligen Lieder der Brahmanen", Leipzig 1856), гдѣ къ sūtram XLVII приведены слова древне-индійскаго комментарія относительно значенія *vartsya-* [12]). Тотъ фактъ, что почти всѣ Пратишакъи

[11]) См. Вакернагеля Altindische Gramm. § 152 и Уитнея Indische Grammatik § 47.

[12]) Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Вакернагеля, который, переводя *vartsya-*

не знаютъ *r* церебральнаго, вызываетъ вопросъ, дѣйствительно ли *r* въ древне-индійскомъ языкѣ издавна, и въ доисторическую эпоху, было церебральнымъ; едва ли можно признать достаточно вѣроятнымъ предположеніе о происхожденіи альвеолярнаго или гингивальнаго *r* въ Пратишакъяхъ изъ *r* церебральнаго, а въ такомъ случаѣ и по отношенію къ предку извѣстнаго намъ средне-индійскаго языка являлся бы вопросъ, имѣлъ ли онъ *r* церебральное. Въ пользу того мнѣнія, что *r* еще въ доисторическую эпоху жизни древне-индійскаго языка было церебральнымъ, указываютъ обыкновенно (см. напр. Вакернагеля Altind. Gramm. § 189, Шмидта Kritik der Sonantentheorie, стр. 20—21, сравн. также Уитнея Ind. gramm. § 52) на древне-индійское *ṇ* изъ *n* въ положеніи послѣ *r* (и *ṣ*), хотя бы и отдѣленнаго въ словѣ отъ *n* извѣстными звуками. Мнѣ казалось бы, однако, вполнѣ возможнымъ предполагать, что *r*, вызывавшее измѣненіе слѣдовавшаго далѣе въ словѣ *n* зубного, было въ это время еще не церебральнымъ, но гингивальнымъ или вообще заднимъ альвеолярнымъ (какъ и *ṣ*), и что *n* подъ вліяніемъ этого *r* (и *ṣ*) обратилось сперва въ заднее альвеолярное *n*, которое затѣмъ уже перешло въ *ṇ* церебральное. Итакъ, мнѣніе Шмидта относительно того, что средне-индійскія церебральныя согласныя изъ группъ „плавная + зубная согласная" происходили *всюду* именно изъ группъ „*r* + зубная согласная" подъ вліяніемъ церебральной природы *r*, нельзя считать доказаннымъ уже потому, что мы не имѣемъ достаточнаго основанія (въ виду показаній, заключающихся въ Пратишакъяхъ) утверждать, что *r* было церебральнымъ въ предкѣ извѣстнаго намъ средне-индійскаго языка. Но, кромѣ того, самый процессъ образованія пракритскихъ взрывныхъ согласныхъ изъ зубныхъ[13]) въ тѣхъ группахъ, которыя въ санскритскомъ и ведійскомъ нарѣчіяхъ имѣли *r* неслоговое или *r̥* съ послѣдующею зубною взрывною, происходилъ во всякомъ случаѣ не такъ, какъ думаетъ Шмидтъ, и самъ по себѣ не свидѣтельствуетъ о церебральной природѣ *r*. Въ извѣстныхъ намъ діалектахъ средне-индійскаго языка мы находимъ въ этихъ случаяхъ не только церебральныя взрывныя, но также и зубныя (съ ихъ фонетическою утратою въ діалектахъ), т.-е. напр. въ соотвѣтствіи съ санскритскимъ и ведійскимъ *r̥t* послѣ согласной

черезъ „alveolar", думаетъ, что подъ согласными *dantamūlīya-* надо понимать „postdentales" (Altind. Gramm. § 152 a); къ послѣднимъ названіе *dantamūlīya-* не подходило бы, такъ какъ „postdentales" образуются не у корней переднихъ верхнихъ зубовъ, но за передними верхними зубами.

[13]) Зубная носовая согласная въ собственномъ пракритѣ, какъ извѣстно, въ большинствѣ различныхъ положеній замѣнялась церебральною носовою согласною (см. Лассена Institutiones linguae pracriticae, Index II, *ṇ*); для языка пали правила употребленія *ṇ* вмѣсто *n* остаются неизвѣстными (см. Минаева Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали § 34; Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 37.

мы находимъ здѣсь *iṭ, uṭ, aṭ* и *it, ut, at* или *id* и т. д., а въ соотвѣтствіи съ санскритскимъ и ведійскимъ *ṛt* средне-индійскій языкъ имѣлъ и *ṭṭ* и *tt*. Отсюда слѣдуетъ, что какъ утрата звука *r* напр. въ средне-индійск. *iṭ* и *it* въ соотвѣтствіи съ санскритск. *ṛt*, такъ и уподобленіе стараго неслогового *r* слѣдующей взрывной согласной въ *ṭṭ* и *tt* изъ *rt* происходили раньше того времени, когда образовались здѣсь церебральныя взрывныя изъ зубныхъ, а мы знаемъ, что средне-индійскій языкъ имѣлъ церебральныя взрывныя изъ старыхъ зубныхъ (относительно *ṇ* изъ *n* см. примѣчаніе выше) между прочимъ и тамъ, гдѣ зубная взрывная не слѣдовала за *r* и гдѣ предшествующій слогъ также не имѣлъ *r* (см. напр. Брадке въ Zeitschrift d. Deutschen Morgenländ. Gesellschaft XL, 681). Принимая, однако, во вниманіе то обстоятельство, что при *ṭṭ* мы находимъ въ средне-индійскомъ языкѣ *ṭṭ* именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая группа образовалась изъ *rt*, я предполагаю теперь[14]), что еще въ то время, когда въ предкѣ средне-индійскаго языка сохранялось *r* передъ согласною, оно измѣняло слѣдующую зубную (альвеолярную) согласную въ болѣе заднюю, вслѣдствіе чего и *tt* изъ *rt* отличалось по качеству *t* отъ *tt* другого происхожденія, а затѣмъ частію измѣнялось въ *ṭṭ*, частію (въ другихъ діалектахъ, вѣроятно) совпадало съ *tt* другого происхожденія; поэтому *r* въ данную эпоху (въ предкѣ средне-индійскаго языка) должно было быть болѣе заднимъ по мѣсту образованія, чѣмъ *t* и *d*, хотя и нѣтъ надобности утверждать, что и въ это время *r* было уже церебральнымъ.

Я разсмотрю теперь объясненіе, предложенное Бартоломэ и принятое Шмидтомъ и Вакернагелемъ, для ведійскихъ и санскритскихъ словъ съ церебральными согласными изъ группъ „плавная + зубная согласная". Допустимъ, что мое объясненіе этихъ церебральныхъ согласныхъ не удовлетворительно; можемъ ли мы, однако, признать достаточно вѣроятнымъ мнѣніе Бартоломэ, Шмидта и Вакернагеля? Не кажется ли, во-первыхъ, крайне страннымъ то обстоятельство, что пракритскія слова, заключавшія въ себѣ церебральныя согласныя изъ „*r* + зубная согласная", обладали особенно притягательною силою по ихъ вліянію на ведійское и санскритское нарѣчія древне-индійскаго языка; оказывалось бы, что такія слова заимствовались здѣсь въ довольно большомъ количествѣ и притомъ заимствовались такъ, что вполнѣ вытѣсняли собою тождественныя, а частію даже и родственныя (отъ того же корня) по происхожденію ведійскія и санскритскія слова. Во-вторыхъ, принимая объясненіе, какое даетъ Бартоломэ для ведійскихъ и санскритскихъ словъ съ церебральными согласными изъ группъ „плавная + зубная согласная", мы не только должны признавать простую случайность въ томъ фактѣ, что для зна-

[14]) Сравн. мое мнѣніе въ статьѣ „L + dental im Altindischen", стр. 219.

чительнаго большинства такихъ случаевъ европейскіе языки указываютъ именно на *l* передъ зубною согласною, но даже должны были бы придти къ заключенію, что группа „*l* + зубная согласная" вообще не была получена древне-индійскимъ языкомъ, за исключеніемъ развѣ единичнаго и притомъ неяснаго по значенію ведійскаго *galda-*, *galdā* (я указывалъ на *galda-*, *galdā* въ моей статьѣ); что же касается санскритскихъ *phulti-*, *praphulta-*, *praphulti-* (см. статью Бартоломэ, стр. 158), то ясно, что эти слова, извѣстныя намъ только изъ грамматическихъ сочиненій, сами по себѣ не свидѣтельствуютъ о старой группѣ „*l* + зубная согласная", такъ какъ легко могутъ быть поняты какъ позднѣйшія новообразованія (и Бартоломэ признаетъ, что такіе случаи, какъ *phulti-* и др., имѣютъ мало значенія въ этомъ вопросѣ). Однако, Бартоломэ (въ статьѣ) и Шмидтъ оставляютъ нерѣшеннымъ вопросъ объ индо-иранскомъ *l*, т.-е. допускаютъ возможность того, что старый звукъ *l* существовалъ и въ праиндійскомъ языкѣ; поэтому они должны допускать возможность и группы „*l* + зубная согласная" въ праиндійскомъ языкѣ (а такую группу мы ждали бы напр. въ различныхъ глагольныхъ именахъ отъ корней на *l*) и не имѣютъ, слѣдовательно, права выводить индійскія церебральныя согласныя изъ „*r* + зубная согласная" въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ европейскіе языки знаютъ только *l* передъ зубною согласною, такъ какъ самый вопросъ объ отношеніи европейскаго *l* къ индійскимъ плавнымъ оставленъ этими учеными въ сторонѣ. По Вакернагелю, группа „*r* + зубная согласная" съ ея дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ церебральную согласную получалась въ пракритскихъ діалектахъ, между прочимъ, изъ „*l* + зубная согласная" вслѣдствіе того, что индо-европ. *l* само по себѣ въ индійскихъ діалектахъ измѣнилось въ *r*, но помимо того, что такое предположеніе не основывается на извѣстныхъ намъ пракритскихъ діалектахъ, при этомъ все-таки оставалось бы непонятнымъ отсутствіе группы „*l* + зубная согласная" въ санскритскомъ нарѣчіи, гдѣ звукъ *l* былъ, однако, нерѣдкимъ. Въ-третьихъ, Бартоломэ, а за нимъ Шмидтъ и Вакернагель не обращаютъ вниманія на различіе въ самомъ пракритѣ между церебральными взрывными согласными, соотвѣтствующими санскритскимъ и ведійскимъ церебральнымъ взрывнымъ, и другими церебральными взрывными, несомнѣнно пракритскаго происхожденія, какъ въ положеніи послѣ бывшаго нѣкогда *r*, такъ и въ другихъ положеніяхъ; въ чередованіи съ церебральными взрывными позднѣйшаго, пракритскаго происхожденія мы находимъ, какъ извѣстно, и зубныя взрывныя и фонетическую утрату зубныхъ взрывныхъ, между тѣмъ какъ пракритскія церебральныя взрывныя, соотвѣтствующія санскритскимъ и ведійскимъ церебральнымъ взрывнымъ, не чередуются съ зубными и не подвергаются фонетической утратѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно было бы предполагать обратное вліяніе заимствованнаго санскритскаго слова на пракритское (напр. таково, мо-

жетъ быть, пракритское *naḍa-* „актеръ“ при санскритскомъ *naṭa-*, которое, повидимому, само заимствовано изъ пракрита)[15]), но невѣроятно было бы, конечно, такое предположеніе для всего количества тѣхъ словъ, въ которыхъ пракритъ имѣлъ церебральную взрывную въ соотвѣтствіи съ ведійскою и санскритскою церебральною взрывною изъ группы „плавная + зубная взрывная“.

Какія же соображенія не позволяютъ Бартоломэ согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, какое предложено было мною для древне-индійскихъ церебральныхъ согласныхъ? Мысль объ измѣненіи индо-европейскихъ группъ „*l* + зубная согласная“ въ древне-индійскія церебральныя согласныя явилась у меня такимъ путемъ: я обратилъ вниманіе на то, что звукъ *l*, нерѣдкій въ санскритскомъ нарѣчіи (и не чуждый ведійскому нарѣчію), не встрѣчается здѣсь въ сочетаніи съ послѣдующею зубною согласною, и что въ ведійскомъ нарѣчіи группа „*l* + зубная согласная“ также не извѣстна намъ, за исключеніемъ единичнаго *galda-*, *galdā* (*gáldā* и *galdā́*)[16]); съ другой стороны, мнѣ представился рядъ случаевъ, гдѣ въ соотвѣтствіи съ древне индійскою церебральною согласною европейскіе языки имѣютъ группу „*l* + зубная согласная“; такимъ образомъ я пришелъ къ заключенію, что изъ „*l* + зубная согласная“ въ древне-индійскомъ языкѣ получалась церебральная согласная, провѣрилъ это заключеніе на другихъ примѣрахъ и призналъ, что въ ведійскомъ *galda-*, *galdā* группа *ld* новая, не изъ общаго индо-европейскаго языка. У Бартоломэ ведійское *galda-*, *galdā*, съ группою „*l* + зубная согласная“, служитъ однимъ изъ возраженій противъ опредѣляемаго мною закона. Но въ настоящее время это слово даетъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса еще меньше, чѣмъ тогда, когда я писалъ объ немъ: въ то время оно представлялось, по крайней мѣрѣ мнѣ, болѣе яснымъ по значенію, и я ссылался на толкованіе Рота въ Петербургскомъ словарѣ для *gáldā* въ Ригведѣ 8, 1, 20 („das Abgiessen, Abseihen“), но теперь, послѣ новаго объясненія, предложеннаго Пишелемъ въ Vedische Studien I, 83 и слѣд., я долженъ признать, что для меня значеніе этого слова остается не-

---

[15]) Непонятно для меня, почему въ *náṭati* (въ Dhātupāṭha-) и въ *náṭa-* (удареніе по Uṇādisūtrāṇi) Бартоломэ (стр. 190) предполагаетъ старое мѣсто ударенія; вѣдь если эти слова заимствованы изъ пракрита, то и мѣсто ударенія въ нихъ могло быть пракритскимъ.

[16]) Въ дошедшихъ до насъ ведійскихъ текстахъ одинъ разъ встрѣчается *gáldā*, именно въ формѣ *gáldayā* (Ригведа 8, 1, 20), Яска въ Niruktam 6, 24 приводитъ въ цитатѣ изъ ведійскаго текста форму *galdā́* (слѣдовательно, съ другимъ мѣстомъ ударенія), которая въ данномъ мѣстѣ могла бы быть формою именит. пад. множ. числа (*galdā́ dhamánīnām*), въ Naighaṇṭukam 1, 11 указаны ведійскія *galdā́* (въ одной рукописи у Рота *gáldā*) и *galdas*.

извѣстнымъ[17]); также и Бартоломэ (стр. 157) не рѣшаетъ вопроса о значеніи, а слѣдовательно и о происхожденіи *galda-*, *galdā*. Такимъ образомъ мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что въ ведійскомъ *galda-*, *galdā* группа *ld* получена изъ общаго индо-европейскаго языка, а не образовалась въ самомъ древне-индійскомъ (или въ праиндійскомъ) языкѣ, послѣ того времени, когда дѣйствовалъ законъ объ измѣненіи „*l* + зубная согласная" въ церебральную согласную, хотя понятно, что до тѣхъ поръ, пока остается неизвѣстнымъ въ точности значеніе ведійскаго *galda-*, *galdā*, невозможно дѣлать какія-либо предположенія относительно того, какимъ именно путемъ могла возникнуть здѣсь группа *ld*. Изъ санскритскаго нарѣчія я не привелъ въ моей статьѣ ни одного случая для группы „*l* + зубная согласная"; Бартоломэ замѣчаетъ по этому поводу, что я и Бехтель не обратили вниманія на указанныя у Панини и у Вопадевы *phulti-*, *praphulta-*, *praphulti-*[18]), отъ *phal-* „лопаться, трескаться", но самъ прибавляетъ далѣе, что въ этихъ словахъ можно видѣть новообразованія. Итакъ, Бартоломэ не указалъ ни одного такого случая для древне-индійской группы „*l* + зубная взрывная согласная", въ которомъ можно было бы съ достаточною вѣроятностью предполагать индо-европейскую группу „*l* + зубная согласная", а по отношенію къ сочетанію *l* съ послѣдующею зубною фрикативною и зубною носовою согласною и Бартоломэ признаетъ, понятно, что такихъ случаевъ вовсе нѣтъ въ древне-индійскомъ языкѣ. Слѣдовательно, и теперь, послѣ критики Бартоломэ, я имѣю полное право повторить, что индо-европейская группа „*l* + зубная согласная" въ древне-индійскомъ языкѣ не сохранилась безъ измѣненія.

Другое возраженіе противъ опредѣляемаго мною закона Бартоломэ находитъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ древне-индійскій языкъ представляетъ группы „*r* + зубная согласная" или „*r* + *ṣ*" въ соотвѣтствіи съ „*l* + зубная согласная" европейскихъ языковъ. Я объяснилъ выше, что по моему мнѣнію др.-инд. *r* (неслоговое и слоговое) въ соотвѣтствіи съ *l* европейскихъ языковъ восходитъ вообще къ индо-европейской плавной *λ* (хотя, конечно, здѣсь могутъ быть и такіе отдѣльные случаи, въ которыхъ изъ индо-европейскаго праязыка было получено различіе въ плавной согласной); напр. не только въ *ū́rṇā* „вòлна, шерсть", но и въ *pūrṇá-*, какъ и вообще въ древне-индійск. глагольномъ корнѣ *par-* „наполнять", я вижу индо-европейск. *λ* и, слѣдовательно, не считаю нужнымъ

---

[17]) Мнѣніе Пишеля, что *galda-* значитъ „brünstig, inbrünstig", не кажется мнѣ убѣдительнымъ.

[18]) *Phulti-* у Вопадевы, а *praphulta-* и *praphulti-* въ схоліяхъ къ грамматикѣ Панини. Почему Бартоломэ не приводитъ также и *pamphulti*, 3 л. ед. ч., въ схоліяхъ къ Панини 7, 4, 88?

предполагать въ *r* въ *pūrṇá-* какое-либо новообразованіе, подъ вліяніемъ другихъ формъ отъ того же глагольнаго корня, между тѣмъ какъ Бартоломэ допускаетъ для *pūrṇá-* возможность и такого объясненія (стр. 158 и 170, сравн. у Бехтеля стр. 386). Я думаю, впрочемъ, что и тотъ, кто не рѣшился бы признать вмѣстѣ со мною третью плавную въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ[19]), не долженъ былъ бы видѣть въ *pūrṇá-*, *ū́rṇā* и друг. хотя бы кажущіяся исключенія изъ указываемаго мною закона; вѣдь если др.-инд. *r* здѣсь не изъ индо-европейск. *λ*, въ такомъ случаѣ оно или изъ такого индо-европ. *r*, при которомъ извѣстно было и діалектическое *l*, или изъ индо-европ. *l*, а изъ сочетанія этой плавной съ послѣдующею зубною согласною мы не должны были бы ждать непремѣнно древне-индійскую церебральную согласную, такъ какъ и тотъ, кто допускалъ бы возможность образованія здѣсь др.-инд. *r* какимъ-то путемъ изъ индо-европ. *l* (для меня такое предположеніе совершенно невѣроятно), не имѣлъ бы никакихъ хронологическихъ указаній на то, что это *r* изъ *l* явилось послѣ того времени, когда дѣйствовалъ законъ объ измѣненіи группы „*l* + зубная согласная“ въ церебральную согласную. Но, повторяю, подобно тому, какъ по отношенію напр. къ др.-инд. *ric-* „отпускать, предоставлять“ (при греч. *λείπω*, лат. *linquo* и т. д.) и др. у насъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія выводить *r* изъ *l*, точно такъ же и для *pūrṇá-*, *ū́rṇā* и др. неосновательно было бы предположеніе, будто *r* здѣсь должно восходить къ болѣе древнему *l*; слѣдовательно, всѣ эти случаи не имѣютъ никакого отношенія къ измѣненію группы „*l* + зубная согласная“ въ древне-индійскую церебральную согласную.

Затѣмъ Бартоломэ указываетъ еще на одинъ рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ будто бы противъ опредѣляемаго мною закона, а именно на тѣ случаи, въ которыхъ древне-индійскій языкъ представляетъ церебральную согласную въ соотвѣтствіи съ группою „*r* + зубная согласная“ европейскихъ языковъ. На стр. 189 Бартоломэ, резюмируя свои возраженія, приводитъ именно слѣдующія древне-индійскія слова съ церебральною согласною, соотвѣтствующею группѣ „*r* + зубная согласная“ въ европейскихъ языкахъ или въ родственныхъ древне-индійскихъ образованіяхъ: *káṭa-*, *káṭuka-* (*kaṭu-*), *káṣati*, *kāṭá-*, *kāṇá-*, *kā́ṣṭhā*, *taḍit*. Это возраженіе было предусмотрѣно въ моей статьѣ „L + dental im Altindischen“. Относительно *kaṭu-* (вед. *káṭuka-*) и глагола съ корнемъ *kaṣ-* см. сказанное тамъ на стр. 219 и здѣсь на стр. 460. Конечно, я признаю, что объясненіе, данное мною для *kaṭu-* и *kaṣ-*, будетъ оставаться предположеніемъ до тѣхъ поръ, пока не указанъ для этихъ словъ звукъ *l*

[19]) Самъ я не вижу, однако, другой возможности понять рядъ случаевъ, гдѣ европейскому *l* соотвѣтствуетъ древне-индійское *r*, при другомъ рядѣ, гдѣ древне-индійскій языкъ представляетъ *r* въ соотвѣтствіи съ европейскимъ *l*.

изъ другихъ языковъ, но я не вижу, почему это предположеніе (т.-е. мысль, что различіе между *kaṭu-* и литовск. *kartùs* такое же, какъ напр. и между др.-инд. *lunč-* и латинск. *runcare)* должно быть считаемо менѣе вѣроятнымъ сравнительно съ предположеніемъ о заимствованіи *kaṭu-*, *káṭuka-* и *kaṣ-* изъ пракритскаго діалекта. Если санскритское *kaṭu-*, ведійск. *káṭuka-* заимствовано изъ пракритскаго діалекта, гдѣ оно образовалось фонетически изъ слова, которому въ санскритѣ соотвѣтствовало бы **kṛ̥tu-* (литовск. *kartùs* оказывалось бы, понятно, не тождественнымъ съ этимъ словомъ по степени звукового вида корня), то въ пракритѣ при *kaḍu-* мы могли бы ждать **kaḍu-* и **kau-*, **kayu-*, которыя, однако, намъ не извѣстны, а кромѣ того и въ первомъ слогѣ при *ka-* или вмѣсто *ka-* можно было бы ждать здѣсь въ пракритѣ *ki-* или *ku-*. Что же касается *kaṣ-*, то предположеніе о заимствованіи его въ ведійскомъ (въ Ат'арваведѣ) и санскритскомъ нарѣчіяхъ изъ пракритскаго нарѣчія связывалось бы съ другимъ предположеніемъ, относительно сохраненія различія между *ṣ* и *s* въ томъ пракритскомъ діалектѣ, изъ котораго взято было ведійское и санскритское *kaṣ-*. Ведійское и санскритское *káṭa-* „плетенка, рогожа" и т. д. и *kāṇá-* „одноглазый", отнесенныя у Бартоломэ къ случаямъ, въ которыхъ древне-индійской церебральной согласной соотвѣтствуетъ въ европейскихъ языкахъ группа „*r* + зубная согласная", приведены въ моей статьѣ, стр. 218—219, въ числѣ словъ, имѣющихъ церебральную согласную въ соотвѣтствіи съ европейскою группою „*l* + зубная согласная". Я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи[20]). Для *kāṇá-* мое объясненіе подтверждается соотвѣтственнымъ словомъ кельтскихъ языковъ, приведеннымъ Stokes'омъ въ новомъ изданіи Сравнительнаго словаря Фика, II, 82, подъ **kolnos* „одноглазый": кимрск. *coll*, ирск. *goll*. Бартоломэ, слѣдуя Шмидту, сопоставляетъ *kāṇá-* со старо-слав. *крънъ* (гдѣ другая степень звукового вида корня)[21]), но Бехтель, стр. 387, справедливо замѣтилъ (по поводу мнѣнія Шмидта), что *крънъ* ближе къ древне-индійскому *kīrṇa-* „поврежденный" (см. также Этимологическій словарь Миклошича)[22]). Правда, что глаголъ *kṛ̥ṇāti*, *kṛ̥ṇoti* „повреждаетъ" не извѣстенъ намъ изъ текстовъ (онъ упоминается въ древне-индійскомъ спискѣ глагольныхъ корней), но причастіе *kīrṇa-*, а частію и другія формы, въ соединеніи съ приставками мы находимъ, между прочимъ, въ такихъ значеніяхъ, которыя едва ли могутъ при-

---

[20]) Относительно *káṭa-* „плетенка" возможность моего объясненія признаетъ Персонъ въ Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation, стр. 30.

[21]) По поводу соображеній, высказываемыхъ Бартоломэ относительно связи *kāṇá-* съ другими словами, см. замѣчанія Брадке въ Kuhn's Zeitschrift XXXIV, 155—156 прим.

[22]) Впрочемъ, и самъ Шмидтъ въ Vocalismus II, 25 сравниваетъ *kīrṇa-* съ русск. *корнать* и ст.-славян. *крънъ*; сравн. стр. 502, гдѣ *kāṇa-* отождествляется съ *kīrṇa-* и сопоставляется съ *крънъ*.

надлежать глаголу *kiráti* „высыпаетъ, выливаетъ“ и т. д.; см. напр. въ сокращенномъ словарѣ Бётлингка подъ *kar-* „ausgiessen“ и т. д.: *utkīrṇa-* „ausgeschnitten, eingeritzt“, *samutkīrṇa-* „durchbohrt“, *vinikar-* „zersplittern, zerschmettern“, *vikar-* „zerspalten, zersplittern“. Замѣчу еще, что Бартоломэ не точно опредѣляетъ значеніе слова *кръмъ:* онъ переводитъ его „stutzohrig“, т.-е. ограничивается первымъ изъ тѣхъ двухъ значеній, какія указаны для *кръмъ* въ Lexicon Миклошича („cui aures amputatae sunt“), гдѣ, однако, приведено также и значеніе „qui mutilo est naso“. Почему при этомъ Бартоломэ не обратилъ вниманія на *кръноносъ* (наше *курносый,* вмѣсто *корносый,* изъ **корноносый,* сравн. *корноухій, корнохвостый),* въ которомъ ясно собственное значеніе *кръмъ?*

Къ древне-индійскимъ словамъ съ церебральною согласною, соотвѣтствующею группѣ „*r* + зубная согласная“ въ родственныхъ съ ними образованіяхъ, Бартоломэ на стр. 189 относитъ, какъ мы видѣли, также *kā́ṣṭhā* и *taḍít.* Оба эти слова не приведены въ моей статьѣ. Для *taḍít* „молнія“ Бартоломэ на стр. 180 беретъ этимологію, предложенную Бенфеемъ, который сопоставлялъ это слово съ др.-инд. глаголомъ *tṛṇátti* (перф. *tatárda)* „раскалываетъ, пронзаетъ“; но Іогансонъ въ статьѣ, которая не могла еще быть извѣстною Бартоломэ (Indogerm. Forschungen II, 21), примѣнилъ и къ *taḍít, táḍa-* „ударъ“ и др. (см. *taḍ-* „schlagen“ у Уитнея въ Die Wurzeln, Verbalformen und primären Stämme der Sanskrit-Sprache) мое правило относительно древне-индійскихъ церебральныхъ согласныхъ и сравнилъ шведск. *stulta* „stossend (halb stolpernd) gehen“, нѣм. *Stelze* и т. д. Др.-инд. *kā́ṣṭhā* „ристалище, предѣльный пунктъ (meta)“ Бецценбергеръ (въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen XVI, 120) приводилъ въ связь съ лат. *currere,* и Бартоломэ, стр. 171, думаетъ, что такое сопоставленіе вѣрно; вполнѣ возможно, однако, что *kā́ṣṭhā* не имѣетъ ничего общаго съ *currere,* тѣмъ болѣе что группа *ṣṭh* могла происходить и другимъ путемъ.

На стр. 179 и слѣд. Бартоломэ высказываетъ мнѣніе, что и въ словахъ *kévaṭa-* „яма“, *avaṭá-* „яма“, *vaṇíǵ-* „купецъ“ церебральная согласная произошла изъ группы „*r* + зубная согласная“ (слѣдовательно, въ пракритскомъ діалектѣ). Если ведійское и санскритское *avaṭá-* „яма“, дѣйствительно, находится въ связи съ ведійск. *avatá-* „колодецъ“ (ср. латышское *avûts,* „источникъ, ключъ“), какъ думаютъ Бехтель и Бартоломэ, въ такомъ случаѣ въ *avaṭá-* надо видѣть заимствованіе изъ пракрита, хотя и нельзя утверждать, что *ṭ* здѣсь изъ *rt,* а не изъ стараго *t;* см. книгу Бехтеля, стр. 384. Поэтому и для ведійскаго *kévaṭa-* „яма“ (сравниваютъ греч. *καίατα* „пропасти“) возможно такое же предположеніе; см. у Бехтеля, тамъ же. Мнѣніе о родствѣ *vaṇíǵ-* „купецъ“ съ нѣмецк. *Waare* (Персона Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation, стр. 61, Фрёде въ Beiträge zur Kunde der

indogerm. Sprachen XVI, 209) не кажется мнѣ особенно убѣдительнымъ. Что же касается ведійск. *kāṭá-* „глубь, яма", которое Бартоломэ на стр. 169 и 191 отождествляетъ съ *kartá-* „яма" (сравн. Бехтеля, стр. 387), то по моему мнѣнію долгота *a* въ *kāṭá-* не позволяетъ видѣть здѣсь пракритское образованіе изъ *kartá-* (см. далѣе), такъ что *kāṭá-* во всякомъ случаѣ должно быть отдѣляемо отъ *kartá-*. Корень, являющійся въ *kāṭá-*, тотъ же, что и въ *kāṇá-* (сравн. литовск. *kálti* „бить молотомъ, топоромъ", старо-слав. *клати, за-клати,* русск. *колоть* и т. д.[22]).

Шмидтъ въ Pluralbildungen, стр. 179, въ примѣрахъ для древне-индійской церебральной согласной изъ „*r* + зубная согласная" называетъ, кромѣ *kaṭu-*, *káṭa-*, *kāṇá-*, также *anaḍvā́h-* „быкъ", гдѣ *ḍ* будто бы изъ *rt*[24]), *kaṭakaṭā* „onomatopoetisch vom Geräusch des Aneinanderreibens" (словарь Бётлингка и Рота) при греч. *κρότος* „ударъ", *naḍá-* „тростникъ" при греч. *νάρθηξ* „зонтичное растеніе". Бартоломэ, стр. 179, не пользуется, однако, этими словами какъ несомнѣнными примѣрами для церебральной согласной изъ „*r* + зубная согласная", и я также не вижу здѣсь ясныхъ случаевъ образованія древне-индійской церебральной согласной. Относительно *naḍá-* см. другія объясненія у Пишеля въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft XXXV, 717, также въ Vedische Studien I, 183 и у Лагарда въ Götting. Nachrichten 1886 г., стр. 145.

Я разсмотрѣлъ возраженія Бартоломэ вообще противъ ученія о происхожденіи древне-индійскихъ церебральныхъ согласныхъ изъ „*l* + зубная согласная", но по поводу нѣкоторыхъ сочетаній „гласная + церебральная согласная" въ указанныхъ мною примѣрахъ онъ представляетъ особыя возраженія. Я говорилъ, что древне-индійская группа „*u* + церебральная согласная" въ такихъ случаяхъ, какъ *puṭa-* „складка", *kuṭi-* „кривизна, изгибъ" и др., а также группа „*i* + церебральная согласная" въ *kiṇa-* „мозоль" произошли изъ того индо-европейскаго звукового сочетанія, которое я передавалъ въ моей статьѣ черезъ *al*, но которое теперь я давно уже опредѣляю какъ $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\circ}{l}$[23]), гдѣ $\underset{\frown}{\alpha}$ обозначаетъ неслоговую ирраціональную гласную (сравн. у Сиверса въ Phonetik[4] § 762 „unsilbischer Stimmgleitlaut"); такое объясненіе принято было какъ Бехтелемъ, который не вѣритъ въ существованіе въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ согласныхъ (см. въ его книгѣ стр. 128), такъ и нѣкоторыми изъ лингвистовъ, признающихъ индо-европейскія слоговыя плавныя и носовыя согласныя, при чемъ вмѣсто моего $\underset{\frown}{\alpha}\underset{\circ}{l}$ они выводятъ здѣсь индо-европ. $\underset{\circ}{l}$ (напр. Іогансонъ, Персонъ). Подобнымъ же

[22]) По отношенію къ мужескому роду *kāṭá-* отъ **kal-* сравн. *khātas*, при *khātam*, „яма", отъ *khan-* „копать".

[24]) Другое объясненіе *anaḍvā́h-* см. въ Altind. Grammatik Вакернагеля, стр. 339.

[23]) См. напр. Archiv für slavische Philologie XI, 569.

образомъ для *kīṭá-* „червь“ я опредѣлилъ **īl* изъ *a̯l̄* (въ моей статьѣ это сочетаніе не написано, но я указалъ тамъ на однородность **īl* въ *kīṭá-* съ *īr* въ *dīrghá)*, т.-е. изъ *l̥̄* на взглядъ того, кто допускаетъ для общаго индо-европейскаго языка слоговыя плавныя безъ всякой гласной (см. напр. въ книгѣ Персона стр. 30), а Виндишъ въ Kuhn's Zeitschrift XXVII, 168 и Гюбшманъ въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft XXXIX, 94 и 92, соглашаясь вообще съ моимъ взглядомъ на происхожденіе древне-индійскихъ церебральныхъ согласныхъ изъ „*l* + зубная согласная“, указали на *sthū́ṇā* „столбъ“ при греческ. *στῦλος*, *στάλλα*, древне-верхне-нѣм. *stollo* „Fussgestell, Stütze“ и на *tūṇa-* „колчанъ“ при греч. *τελαμών* „перевязь для меча, щита, портупея“, гдѣ др.-инд. *ū* передъ церебральною согласною изъ *ūl*, которое само, по Гюбшману, изъ индо-европ. *l̥̄*, т.-е. по моему опредѣленію звуковъ индо-евр. праязыка, изъ *a̯l̄*[26]). По мнѣнію Бартоломэ, индо-европ. *l̥* въ древне-индійскомъ языкѣ является въ видѣ *r̥*, напр. въ *vŕ̥ka-*, *mr̥dú-*, *pr̥thú-* и др. (стр. 162); точно такъ же и тамъ, гдѣ по указаніямъ родственныхъ языковъ мы могли бы ждать др.-инд. *īl*, *ūl*, въ дѣйствительности мы находимъ, думаетъ Бартоломэ, „всюду *īr*, *ūr*“, напр. въ *dīrghá-*, *mūrkhá-* и др. (стр. 187). Поэтому для такихъ случаевъ, какъ *puṭa-*, *kiṇa-*, необходимо должно быть принимаемо, по мнѣнію Бартоломэ, заимствованіе изъ пракритскаго діалекта; поэтому же невѣроятнымъ кажется ему происхожденіе др.-инд. *ī*, *ū* передъ церебральною согласною изъ *īl*, *ūl* въ *kīṭá-*, *sthū́ṇā*, *tūṇa-*, и онъ пытается иначе объяснить эти слова, стр. 177, 171 и 187 (для *kīṭá-* онъ, вслѣдъ за Гельднеромъ, предполагаетъ пракритское образованіе изъ **kīrta-*, а *sthū́ṇā*, *tūṇa-* онъ дѣлитъ по происхожденію: *sthū-ṇā*, *tū-ṇa-* и допускаетъ возможность, что *ṇ* вмѣсто *n*, если не заимствовано изъ пракрита, явилось здѣсь подъ вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ словъ, имѣвшихъ *ṇ* фонетическаго происхожденія(?)). Почему, однако, Бартоломэ, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о судьбѣ *l* въ индо-иранскомъ языкѣ, высказывается такъ рѣшительно объ измѣненіи индо-европ. *l̥* въ индо-иранск. и др.-инд. *r̥*? Ясно, что такіе случаи, какъ *vŕ̥ka-*, *pr̥thú-*, не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ тѣхъ, гдѣ и въ соотвѣтствіи съ индо-иранск. *r* неслоговымъ мы находимъ въ европейскихъ языкахъ *l*, а утверждать, что всюду здѣсь изъ индо-европейскаго праязыка получено было *l*, мы не имѣемъ, конечно, никакого права, въ виду другихъ случаевъ, гдѣ древне-индійскій языкъ представляетъ *l* неслоговое въ соотвѣтствіи съ *l* европейскихъ языковъ. На мой взглядъ др.-инд. *r̥* въ *vŕ̥ka-* образовалось изъ индо-европ. *a̯λ̥*, *r̥* въ *pr̥thú-* изъ индо-европ. *λ̥a̯*, а др.-инд. *īr* и *ūr*

---

[26]) Старо-слав. *тоулъ*, какъ бы оно ни произошло, во всякомъ случаѣ ничего не даетъ для объясненія др.-инд. *tū́ṇa-*.

въ такихъ случаяхъ, какъ *dīrghá-*, *mūrkhá-*, я возвожу къ индо-европейск. : *l̥̄*. По поводу моего объясненія др.-инд. *u* въ *puṭa-* (изъ **pulta-*) и т. д. Бартоломэ кромѣ того замѣчаетъ, что ему не представляется вѣроятнымъ различіе въ судьбѣ *r̥* и *l̥* въ древне-индійскомъ языкѣ (стр. 164), да и вообще, по его мнѣнію, ничто не доказываетъ предположенія, необходимаго будто бы при моемъ объясненіи, относительно измѣненія стараго праиндійскаго *l̥* въ *ul* въ *puṭa-* и т. д. (стр. 162). Въ моей статьѣ, однако, не было никакого намека на то, что тѣ др.-инд. *ul*, *il*, которыя я выводилъ изъ индо-европ. *al* (т.-е. *al̥*), непосредственно явились изъ *l̥*; точно такъ же и въ настоящее время я никакъ не могу признать существованіе въ праиндійскомъ языкѣ слоговыхъ плавныхъ внѣ соединенія съ неслоговою ирраціональною гласною, какъ я объясню далѣе. Съ тѣмъ *ul*, которое я находилъ въ *puṭa-* и т. д., сравн. др.-инд. *ul* въ положеніи передъ согласною незубною, т.-е. въ такихъ случаяхъ, какъ *kulva-* (при *-kūlva-*) „лысый“, *kulmi-* „стадо“, *gulma-* „опухоль“ (при *guṇikā*), *gúlma-* „кустъ“ и др.; и здѣсь, конечно, *ul* едва ли можно объяснять иначе, какъ изъ индо-европ. *al*, и для *kulva-*, *kulmi*, *gulma-* „опухоль“ такое происхожденіе др.-инд. *ul* подтверждается родственными словами (ср. Вакернагеля Altindische Grammatik §§ 27 и 172 c). Рѣдкое др.-инд. *il* передъ согласною незубною мы находимъ, напр. въ *çilpa-* „произведеніе искусства, искусство, мастерство“; *il* здѣсь, вѣроятно, однородно съ *ul* изъ индо-европ. *al̥* (ср. *i* въ *kiṇa-*), а иначе я не могъ бы понять его. Что же касается различія въ судьбѣ сочетаній *ar̥* и *al̥* въ древне-индійскомъ (и еще въ праиндійскомъ) языкѣ, то это обстоятельство само по себѣ не можетъ, конечно, вызывать недоумѣніе, такъ какъ вѣдь мы не обязаны думать, что исторія сочетанія *ar̥* въ данномъ языкѣ должна быть вполнѣ однородною съ исторіею сочетанія *al̥*; притомъ же, напр., изъ славянскихъ языковъ намъ извѣстна различная судьба *r* и *l* по отношенію къ слоговому употребленію (напр. чешскій языкъ параллельно съ *r* слоговымъ имѣетъ не только *l* слоговое, но также *lu*).

Древне-индійскія *ul*, *il* изъ индо-европ. *al̥* (т.-е. въ положеніи не передъ гласною) я возвожу непосредственно къ *ъl̥*, *ьl̥*, гдѣ буквами ъ и ь я обозначаю ирраціональныя *u* и *i*, точно такъ же какъ др.-инд. *ir*, *ur*, *il*, *ul* изъ индо-евр. *ar̥ʳ*, *al̥ˡ*, *al̥ˡ* въ положеніи передъ гласною)[27]) имѣютъ, по моему мнѣнію, *i* и *u* непосредственно изъ ь и ъ (напр. въ *giráti*, *purú-*, *gilati*, *kúla-*). Древне-индійское *r̥* и его соотвѣтствія

---

[27]) Маленькія буквы обозначаютъ здѣсь плавныя съ редукціею (см. Сиверса Grundzüge der Phonetik[4] § 471), т.-е. плавныя неполнаго образованія, развивавшіяся въ этихъ случаяхъ въ качествѣ переходнаго звука между слоговою плавною и слѣдовавшею далѣе гласною; такія же носовыя согласныя существовали въ индо-европ. *an̥ⁿ*, *am̥ᵐ* передъ гласною.

въ средне-индійскомъ языкѣ: *i*, *u*, *a*, въ началѣ словъ иногда и *ri*, *ru*[28]), я объясняю изъ праиндійскихъ *ь̯r̥* и *ъ̯r̥*, т.-е. въ средне-индійскихъ *i* и *u* я вижу здѣсь измѣненіе праиндійскихъ *ь̯* и *ъ̯* (съ фонетическою утратою *r* въ сочетаніи съ согласными); что же касается средне-индійскаго *a* въ подобныхъ случаяхъ, т.-е. въ соотвѣтствіи съ древне-индійскимъ *r̥*, то оно произошло, повидимому, изъ той ирраціональной гласной, въ которой совпали въ средне-индійскихъ діалектахъ старыя *ь* и *ъ*. Въ древне-индійскомъ языкѣ праиндійскія *ь̯r̥* и *ъ̯r̥* нѣкогда сохраняли ирраціональную гласную передъ плавною, хотя *ь* и *ъ*, быть можетъ, давно уже не различались здѣсь, т.-е. совпадали въ одной гласной; такія образованія, какъ *nirr̥ti-* „разложеніе, разрушеніе, гибель", во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, что нѣкогда древне-индійскій языкъ имѣлъ въ *r̥* гласную передъ плавною (см. Шмидта Kritik der Sonantentheorie, стр. 20, сравн. также Бецценбергера въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen III, 137). На присутствіе ирраціональной гласной передъ плавною въ древне-индійскомъ *r̥* въ эпоху, когда составлены были Пратишак̒ъи, указываетъ, конечно, слѣдующее обстоятельство: та „svarabhakti-", т.-е. та ирраціональная неслоговая гласная (собственно „часть гласной")[29]), какая слышалась послѣ *r* неслогового (за гласною) при положеніи его передъ согласною, опредѣляется въ Пратишак̒ъяхъ по ея качеству, при количествѣ $^1/_8$ или $^1/_4$ или $^1/_2$ моры, не только какъ *a* или какъ гласная, тождественная съ гласною предшествующаго или послѣдующаго слога, но также и какъ *r̥* (и *l̥* послѣ *l*), при чемъ имѣлась въ виду, конечно, ирраціональная гласная передъ плавною, входившая въ составъ древне-индійскаго *r̥* (и *l̥*). Затѣмъ, лишь присутствіемъ ирраціональной гласной въ началѣ древне-индійскаго *r̥* можно объяснить, по моему мнѣнію, тотъ фактъ, что *r̥* (также и *l̥*) по мѣсту образованія опредѣляется въ Пратишак̒ъяхъ, за исключеніемъ Пратишак̒ъи къ Taittirīya-saṃhitā, какъ звукъ заднеязычный („ǧihvāmūlīya-"), одного класса съ *k*, *g* и т. д., въ отличіе отъ *r*, какъ альвеолярнаго („dantamūlīya-") или гингивальнаго („vartsya-"). Трудно думать, конечно, будто *r̥* (и *l̥*!) дѣйствительно было въ эту эпоху задненебнымъ (заднеязычнымъ) и отличалось по мѣсту образованія отъ *r* неслогового, да и тѣ же Пратишак̒ъи сви-

---

28) Палійскія *iri-* въ *iritviga-* = др.-инд. *r̥tviǧ-* и *iru-* въ *iru* = *r̥k*, *irubbeda-* = *r̥gveda-* (Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 15) передаютъ, конечно, начальное др.-инд. *r̥* (т.-е. др.-инд. звуковое сочетаніе, выражаемое буквою *r̥*) въ словахъ, заимствованныхъ изъ др.-инд. языка.

29) Сравн. sūtram 33 (по дѣленію Макса Мюллера) Пратишак̒ъи къ Ригведѣ (въ переводѣ Макса Мюллера: „Die Svarabhakti gehört zum vorhergehenden, und ist mit ihm ein Theil der Sylbe"). Въ лингвистической литературѣ терминъ „svarabhakti", введенный Шмидтомъ въ его Vocalismus, получилъ нѣсколько иное значеніе, такъ какъ примѣняется и къ слоговымъ гласнымъ, имѣющимъ извѣстное происхожденіе.

дѣтельствовали бы противъ такого мнѣнія, такъ какъ онѣ говорятъ, что въ составъ r̥ входитъ „repha-“, т.-е. *r*, слѣдовательно *r* альвеолярное или гингивальное. Я предполагаю поэтому, что относя r̥ (и l̥) къ звукамъ заднеязычнымъ, задненебнымъ, Пратишак'ъи имѣли при этомъ въ виду ирраціональную гласную въ началѣ r̥ (и l̥), а эта гласная, хотя бы она была въ дѣйствительности „средняго“ ряда („palato-guttural“ у Сиверса), могла быть принята въ Пратишак'ъяхъ за звукъ заднеязычный. Въ эпоху, когда составлены были эти Пратишак'ъи, древне-индійское r̥ заключало въ себѣ даже, повидимому, двѣ ирраціональныя гласныя, т.-е. одну передъ плавною, другую послѣ плавной, а потому не только по началу, но и по концу могло казаться однороднымъ съ звуками заднеязычными. Пратишак'ъя къ Ригведѣ (742) находила *r* въ серединѣ r̥, хотя и не опредѣляла другихъ составныхъ элементовъ r̥, а по поводу опредѣленія r̥ въ Пратишак'ъѣ къ Vāg̑asaneyi-saṃhitā (4, 145) Увaṭа въ комментаріи къ этому мѣсту говорилъ, что r̥ $= \frac{a}{4} + \frac{r}{2} + \frac{a}{4}$[30]). Вѣроятно, это r̥ было, дѣйствительно, сочетаніемъ *ar̥a*, т.-е. такимъ, въ которомъ звукъ *r* выдавался и по силѣ, не только по количеству, такъ какъ иначе и въ Пратишак'ъѣ къ Ригведѣ указано было бы, конечно, на различіе между двумя другими элементами въ составѣ r̥; что же касается того обстоятельства, что Пратишак'ъя къ Ригведѣ (1), различавшая въ r̥ составныя части, относила, однако, r̥ къ классу гласныхъ, и притомъ именно къ гласнымъ простымъ, „samānākṣara-“ (собственно къ гласнымъ „однороднаго, простого слога“), каковы *a*, *i*, *u*, краткія и долгія, а не къ гласнымъ „sandhyakṣara-“ (т.-е. къ гласнымъ „слога, образующагося вслѣдствіе sandhi-“), каковы *e*, *o*, *ai*, *au*, то отсюда нельзя извлечь никакихъ указаній на природу r̥: по слоговому употребленію r̥, хотя и было звуковымъ сочетаніемъ, являлось однороднымъ съ гласными, а такъ какъ r̥ не получалось въ древне-индійскомъ языкѣ вслѣдствіе „sandhi-“ различныхъ звуковъ, то потому и не принадлежало къ звукамъ „sandhyakṣara-“

---

[30]) Шмидтъ въ Kritik der Sonantentheorie, стр. 15, ошибочно думаетъ, будто такое опредѣленіе r̥ дано въ самой Пратишак'ъѣ къ Vāg̑as.-saṃhitā; въ дѣйствительности, однако, въ этой Пратишак'ъѣ, какъ и въ другихъ, не только не опредѣляется количество въ составныхъ частяхъ r̥ и l̥, но и вовсе не называется какая-либо гласная въ r̥, l̥. Правда, Веберъ въ переводѣ этого мѣста (Indische Studien IV, 260) понялъ слово *açrutidhara-* въ *açrutidharāv ekavarṇau* въ значеніи „den *a*-Ton tragend“, и Бенфей въ Orient und Occident III, 32 согласился съ Веберомъ, но Увaṭа не такъ опредѣлялъ значеніе *açrutidhara-*; въ словарѣ Бётлингка и Рота (также и въ сокращенномъ словарѣ Бётлингка) это слово, встрѣчающееся лишь въ данномъ мѣстѣ, переведено черезъ „nicht in's Gehör fallend“, и такой переводъ сходится съ объясненіемъ Увaṭы (*avidyamānapr̥thakçrutidharau*, „не слышащіяся отдѣльно“, именно согласныя *r* и *l* въ r̥ и l̥, не слышащіяся отдѣльно).

(между тѣмъ какъ напр. *e* и *o*, хотя по природѣ звуки не составные въ древне-индійскомъ языкѣ, получались, между прочимъ, вслѣдствіе „sandhi-", напр. *e* изъ соединенія *a* въ концѣ одного слова и *i* въ началѣ другого[31]). Указаніе на то, что древне-индійское *r̥* нѣкогда имѣло двѣ ирраціональныя гласныя, одну передъ *r*, другую послѣ *r*, можно извлечь и изъ графики: буква *r̥* въ „devanāgarī" заключаетъ въ себѣ букву *a* съ извѣстнымъ измѣненіемъ въ нижней части ея и свидѣтельствуетъ поэтому о существовавшей нѣкогда гласной въ началѣ *r̥* (хотя эта гласная не была тождественна съ тою, которая обозначалась буквою *a*); *r* неслоговое передъ согласными, въ отличіе отъ *r* неслогового послѣ согласныхъ, передается знакомъ (надъ слѣдующею буквою) почти такимъ же, какой является въ нижнемъ концѣ буквы *r̥*, а такъ какъ за *r* неслоговымъ передъ согласными, въ отличіе отъ *r* неслогового послѣ согласныхъ, слышалась „svarabhakti-", то такое обозначеніе *r* передъ согласными должно объясняться тѣмъ, что и въ концѣ *r̥* существовала ирраціональная гласная[32]). О позднѣйшемъ произношеніи *r̥*, близкомъ къ произношенію *ri* и *re* (конечно, съ *e* не долгимъ), см. напр. Вакернагеля Altindische Grammatik § 28.

Праиндійскія *ь̯r̥*, *ъ̯r̥* получились изъ индо-иранскаго *α̯r̥*, а индо-иранское *α̯r̥* происходило какъ изъ индо-европейскихъ *α̯r̥* и *α̯l̥*, такъ и изъ индо-европ. *r̥α̯* и *l̥α̯*[33]), т.-е. индо-европ. *r̥α̯* и *l̥α̯* еще въ индо-иранскомъ языкѣ получили перестановку гласной и слоговой плавной; объ основаніяхъ для такого заключенія см. у Шмидта, Kritik der Sonantentheorie, стр. 14 и 25, хотя Шмидтъ не находитъ здѣсь въ плавныхъ слогового свойства, и по его опредѣленію индо-европейск. *er* и *re* совпали въ индо-иранскомъ *er*. Подобно тому, какъ индо-европ. *α̯r̥* и *α̯l̥* (вмѣстѣ съ индо-европ. *r̥α̯* и *l̥α̯*) являлись въ индо-иранскомъ языкѣ въ *α̯r̥*, такъ и для индо-европ. *α̯r̥̄* и *α̯l̥̄* въ индо-иранскомъ языкѣ надо предполагать *α̯r̥̄*, какъ показываетъ соотношеніе между древне-индійскими *īr*, *ūr* и напр. авестійскимъ *are* (т.-е. *arα̯*); древне-индійскія *īr*, *ūr* изъ праиндійскихъ *īr*, *ūr*, а послѣднія изъ *ь̯r̥̄*, *ъ̯r̥̄*. Что касается качества индо-иранскаго *α̯* въ *α̯r̥*, *α̯r̥̄*, то я предполагаю, что и въ индо-иранскомъ языкѣ различались въ *α̯* звуки *ь̯* и *ъ̯* (послѣднее главнымъ образомъ послѣ губныхъ и старыхъ лабіализованныхъ задненебныхъ). Правда, древніе иранскіе языки позволяютъ думать, что въ праиранскомъ языкѣ въ послѣднюю эпоху его жизни ирраціональная гласная передъ старою краткою плавною въ этихъ случаяхъ не представляла различія между

[31]) О терминахъ „samānākṣara-" и „sandhyakṣara-" въ принимаемомъ мною значеніи см. напр. Вакернагеля Altindische Grammatik § 32.

[32]) Сравн. Шмидта Vocalismus II, 2.

[33]) На индо-европ. сочетанія „слоговая сонорная согласная + *α̯*" я указывалъ въ Archiv für slavische Philologie XI, 569.

ḁ и *ə̥*, которыя совпали въ одной гласной[34]), а передъ старою долгою плавною перешла въ *a;* однако, соотвѣтствіе древне-персидскаго *u* или *ū* въ *akūnavam* и т. д. (начертаніе *kū* служило и для передачи *ku)* древне-индійскому *u* въ *kur-*, конечно, не случайное, т.-е. это древне-перс. *u* или *ū* восходитъ, я думаю, къ индо-иранскому *ə̥*, которое въ праиранскомъ языкѣ въ связи съ утратою плавной въ данномъ случаѣ измѣнилось въ гласную полнаго образованія, *u* или *ū*. Изъ сопоставленія этого *kūn-* или *kun-*, съ одной стороны, съ авестійскимъ *keren-*, т.-е. *karən-*, въ *kerenaomi* и т. д. (гдѣ *ere*, т.-е. *arə*, изъ индо-европ. *ər̥*, съ краткимъ *r̥*, сравн др.-инд. *kr̥-)*, а съ другой стороны, съ авестійск. *ūn-* въ *stūna*, о которомъ я говорю далѣе, я заключаю, что праиранскій языкъ имѣлъ въ діалектахъ *kūn-*, съ долгимъ *ū*, изъ индо-европ. **kər̥̄-n-*[35]), съ долгою слоговою плавною, на которую указываетъ и литовское *kùrti* „строить" (съ нисходящимъ удареніемъ на *ur)*, и думаю, слѣдовательно, что индо-иран. *ər̥̄n* въ праиранскомъ языкѣ обращалось въ *ūn;* авестійское *perena- (parəna-)* „полный" не противорѣчитъ этому заключенію, такъ какъ *ere*, т.-е. *arə*, можетъ объясняться только изъ индо-европейскаго сочетанія съ краткою слоговою плавною, хотя др.-инд. *pūrṇá-*, литовское *pìlnas* (сербское *пу̑н)* получили долгую слоговую плавную. Въ древне-перс. *akūta* основа *kū-* перенесена изъ такихъ формъ, какъ *akūnavam;* относительно *akūta* я не рѣшаю, имѣетъ ли здѣсь *kū-* фонетическое происхожденіе. Факты другихъ иранскихъ языковъ показываютъ, что вмѣсто **kūn-*, подъ вліяніемъ гласной въ **kar-* и **kar-*, здѣсь явились **kan-* и *kan-* съ ихъ измѣненіями въ отдѣльныхъ языкахъ[36]).

---

[34]) Въ языкахъ ново-персидскомъ, балучи и афганскомъ мы находимъ въ этихъ случаяхъ *i* и *u* (см. Гюбшмана въ Kuhn's Zeitschrift XXVII, 109 и слѣд. и въ Persische Studien § 35, Гейгера въ Kuhn's Zeitschrift XXXIII, 253 и слѣд. и въ Abhandlungen der philos.-philol. Classe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften XX, 1, 205), въ афганскомъ и *a* вмѣсто *i* и *u*, подобно тому какъ афганскій языкъ имѣетъ *a* и изъ *i, u, ū* при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ (сравн. у Гейгера въ Abhandlungen и т. д. стр. 206 и 207), но въ виду показаній древнихъ иранскихъ языковъ (сравн. также осетинскій языкъ) вполнѣ возможно, что эти иранскія *i* и *u* восходятъ къ одной и той же праиранской ирраціональной гласной, которая, становясь въ отдѣльныхъ иранскихъ языкахъ гласною полнаго образованія, получала различное качество подъ вліяніемъ различій въ фонетическомъ положеніи въ словахъ. Для древне-персидскаго языка можно предполагать сочетаніе *ar* (сравн. Гюбшмана въ Persische Studien, стр. 149); авестійское *ere* есть, я думаю, *arə* (сравн. Бартоломэ), какъ и авест. *ehr* имѣло слоговую ирраціональную гласную передъ неслоговою плавною.

[35]) Съ индо-иранск. **kər̥̄-n-* при **kər̥-n-* однородны индо-иранск. **vər̥̄-n-* при **vər̥-n-* въ др.-инд. *ūrṇóti* и *vr̥ṇóti*.

[36]) Въ осетин. *к'äнын* „дѣлать" нельзя, конечно, видѣть утрату *р* передъ *н* (предполагаемую Гюбшманомъ), сравн. осетинское *ӯрнын* „вѣрить", гдѣ *ӯр-* изъ **ӯрр-*, а послѣднее изъ **u̯ar-* или **var-;* ново-перс. *kun-* въ *kunam* „дѣлаю" вслѣдствіе краткости *u* я отдѣляю отъ др.-перс. *akūnavam* (а *akunavam* было бы непонятно) и предполагаю,

Изъ индо-европ. *al* и *al* и въ индо-иранскомъ языкѣ существовали *al* и *al*: также и изъ индо-европ. *la* надо ждать индо-иранск. *al* (сравн. измѣненіе индо-европ. *ṛa* и *ḷa* въ индо-иран. *aṛ)*, но примѣры для индо-иранск. *al* изъ *la* мнѣ не извѣстны. Относительно качества индо-иранск. *a* въ *al* и *al* должно быть замѣчено то же, что и по отношенію къ индо-иранск. *a* въ *ar* и *ar̄*. Авестійск. *stūna*, соотвѣтствующее др.-инд. *sthū́ṇā* „столбъ", имѣетъ обще-иранск. *ūn* (сравн. ново-перс. *sutūn)*[37]) изъ индо-иранск. *ъl̄n*, хотя бы *l* измѣнилось въ иранское *r* ранѣе утраты плавной въ этомъ словѣ; во всякомъ случаѣ *ūn* въ авестійское *stūna* однородно по происхожденію съ *ūn* въ древне-перс. *akūnavam*. Въ праиндійскомъ языкѣ изъ индо-иранск. *al* получились *ūl* и *īl* (въ *kūlva-*, именно въ *áti-kūlva-* при *áti-kulva-*, *sthū́ṇā*, *tūṇa-*, *kīṭá-)*, непосредственно изъ *ъl̄* и *ьl̄*, т.-е. такъ же, какъ и праиндійск. *ūr*, *īr* изъ индо-иранск. *ar̄*. Подобное же явленіе происходило и по отношенію къ измѣненію индо-иранск. *al* въ др.-инд. *ul* и *il* въ положеніи передъ незубною согласною, хотя я не рѣшаю, образовались ли эти *ul, il* изъ *ъl*, *ьl* на почвѣ древне-индійскаго языка, или еще ранѣе, въ праиндійскую эпоху; въ положеніи же передъ зубною согласною *ъl* и *ьl* во всякомъ случаѣ еще въ праиндійскомъ языкѣ перешли въ *u* и *i* (изъ *ъ* и *ь)*, въ связи съ утратою *l* въ такомъ положеніи. Надо замѣтить, впрочемъ, что старыя *ъl* и *ьl* передъ незубною согласною при какомъ-то условіи сохраняли и въ древне-индійскомъ языкѣ слоговое *l*: др.-инд. *ḷ*, т.-е. *al* съ его дальнѣйшимъ измѣненіемъ (сравн. сказанное выше относительно др.-инд. *ṛ)*, намъ извѣстно именно въ словахъ съ глагольнымъ корнемъ *kalp-*, *kḷp-* „имѣть надлежащее устройство, быть подходящимъ", напр. въ *čakḷpré* (въ Ригведѣ), *kḷ́pti-* и *kḷpti-*, *kḷptá-*[38]); съ *kḷptá-* тождественно по происхежденію пракритск. *kilitta-*, указывающее на то, что въ праиндійск. *kalp-* гласная *a* звучала какъ *ь*. Единичность случая, въ которомъ мы находимъ др.-индійское *ḷ*, позволяетъ думать, что въ другихъ, однородныхъ по происхожденію, случаяхъ сочетаніе *al*, существовавшее при тѣхъ же условіяхъ, было впослѣдствіи вытѣснено подъ вліяніемъ аналогіи со стороны родственныхъ словъ другими сочетаніями; понятно, однако, что вслѣдствіе самой единичности случая для др.-инд. *ḷ* представляется труднымъ опредѣлить точно тѣ условія, отъ которыхъ зависѣло различіе

что *kun-* здѣсь изъ **kan-*, т.-е. тождественно, можетъ быть, съ осетин. *к'ӓн-*, хотя осетин. *к'ӓн-* можетъ объясняться также и изъ **kan-*, которое я вижу въ *k'anay* „дѣлать" въ балучи.

[37]) Въ афганск. *stan* „столбъ" *a* передъ *n* изъ *ū*, какъ напр. и въ *nan* „сегодня" при др.-инд. *nūnám;* см. Гейгера въ Abhandlungen и т. д., стр. 207.

[38]) Бартоломэ, стр. 162, выводитъ др.-инд. *ḷ* въ *kḷp-* изъ индо-европ *ṛ*, но для такого предположенія нѣтъ, конечно, достаточнаго основанія; см. Клюге Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache[5], подъ словомъ *halb*.

въ судьбѣ стараго $\underset{\frown}{a}_0 l$ въ древне-индійскомъ языкѣ. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ существовали др.-инд. *ul* и *il* изъ $\underset{\frown}{a}_0 l$ передъ согласною незубною, за *l* всюду слѣдовала только одна согласная, между тѣмъ какъ образованія отъ $k\underset{0}{l}p$- имѣли также и двѣ согласныя послѣ плавной. Я предполагаю поэтому, что изъ $\underset{\frown}{ъ}_0 l$ и $\underset{\frown}{ь}_0 l$ (т.-е. вообще изъ $\underset{\frown}{a}_0 l$) передъ незубными согласными получились др.-инд. *ul* и *il* при положеніи $\underset{0}{l}$ именно передъ одною согласною, между тѣмъ какъ $\underset{\frown}{ъ}_0 l$ и $\underset{\frown}{ь}_0 l$ (вообще $\underset{\frown}{a}_0 l$) передъ группою согласныхъ (изъ которыхъ первая была незубною) сохраняли въ древне-индійскомъ языкѣ слоговую плавную, т.-е. являлись какъ $\underset{\frown}{a}_0 l$ съ его дальнѣйшими измѣненіями (буква $\underset{0}{l}$); такъ объяснялъ бы я др.-инд. $\underset{0}{l}$ напр. въ *čāk*$\underset{0}{l}$*pré*, *k*$\underset{0}{l}$*pti-*, *k*$\underset{0}{l}$*ptá-*, между тѣмъ какъ напр. въ *čīk*$\underset{0}{l}$*pāti* (конъюнктивъ аориста) или въ *čāk*$\underset{0}{l}$*pe*, *čak*$\underset{0}{l}$*pe* я видѣлъ бы новообразованія отъ основы $k\underset{0}{l}p$-, перенесенной изъ тѣхъ формъ, гдѣ $k\underset{0}{l}p$- имѣло фонетическое происхожденіе.

Бартоломэ въ своихъ возраженіяхъ противъ объясненія др.-инд. церебральныхъ согласныхъ изъ группъ „*l* + зубная согласная“ останавливается также на словахъ, имѣющихъ *ā* передъ церебральною согласною изъ группы „плавная + зубная согласная“, и думаетъ, что напр. въ *kāṭá-* „глубь, яма“, *pāṇí-* „рука“, *pāṣyà-* и *pāṣāṇa-* „камень“ и др. самая долгота *a* указываетъ на то, что церебральная согласная образовалась здѣсь въ средне-индійскомъ языкѣ изъ „*r* + зубная согласная“, такъ какъ средне-индійскій языкъ будто бы вообще могъ получать долгую гласную передъ церебральною или зубною согласною изъ группы „краткая гласная + *r* + зубная согласная“ черезъ посредство группы „краткая гласная + двойная церебральная или зубная согласная“ (стр. 191 и слѣд.). Съ такимъ мнѣніемъ Бартоломэ (сравн. также Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 19) я не могу, однако, согласиться. Въ средне-индійскомъ языкѣ вмѣсто двойнаго *s* изъ *rs*, дѣйствительно, могло являться одно *s* (и *h*), съ удлиненіемъ предшествовавшей краткой гласной, напр. въ пракритск. *vāsa-* при палійск. *vassa-* „дождь, годъ“, др.-инд. *varṣá-*, или напр. въ пракритск. *phāsa-* „прикосновеніе“ при др.-инд. *sparça-*, но подобное явленіе не извѣстно ни по отношенію къ гласной съ носовою согласною изъ *rn*, ни по отношенію къ гласной со взрывными согласными изъ *r* + взрывная согласная. Для группы „долгая гласная + *ṇ*“ въ средне-индійскомъ языкѣ изъ группы „краткая гласная + *rn*“ Бартоломэ и самъ не приводитъ ни одного случая и ссылается здѣсь только на ново-индійскій языкъ, но средне-индійское *āt*, *āṭ* изъ *ărt* засвидѣтельствовано, по его мнѣнію (ср. также Лассена Institutiones linguae pracriticae, стр. 141, Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 19), въ палійск. *kātuṃ* при *kattuṃ*, пракритск. *kāuṃ* (др.-инд. *kártum* „дѣлать“), и въ палійск. *kātabba-* при *kattabba-*, пракритск. *kāyavva-* (др.-инд. *kartavyà-*, *kartávya-* „faciendus“). Почему же, однако, только въ образованіяхъ отъ этого глагольнаго корня мы нахо-

ходимъ въ различныхъ средне-индійскихъ нарѣчіяхъ *āt, āṭ* такого происхожденія, почему же не извѣстны и другіе случаи средне-индійскихъ *āt, āṭ, ād, āḍ* изъ тѣхъ *art, ard,* которыя сохранялись въ древне-индійскомъ языкѣ? Я думаю, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ палійск. *kātum, kātabba-,* пракритск. *kādum, kāum, kāyavva-* долгота гласной представляетъ собою нефонетическое новообразованіе (подъ вліяніемъ *ā* въ будущемъ времени[39]) и въ томъ аористѣ, который сохранился въ палійск. *akāsi* „fecit", сравн. др.-инд. *akārṣīt?);* нефонетическое соотношеніе между средне-индійскимъ *ā* и древне-индійскимъ *ă* является напр. и въ палійск. *bhāyati,* пракритск. *bhāyai* и др.-инд. *bhayati* „боится". Такимъ образомъ только для др.-инд. *ā* передъ *ṣ,* напр. въ *pāṣyà-* „камень", представлялась бы возможность предполагать въ долготѣ *a* пракритское явленіе, но то обстоятельство, что подобное же объясненіе не примѣняется къ *kāṭá-, kāṇá-, pāṇí-* и др., не даетъ намъ права видѣть и въ *pāṣyà-* долгое *a* такого же происхожденія, какъ напр. въ пракритск. *vāsa-* изъ **varsa-* (др.-инд. *varṣá-*). Притомъ же, мы знаемъ, что въ соотвѣтствіи съ др.-инд. *arṣ, arç* средне-индійскія нарѣчія имѣли какъ *ass, ās,* такъ и *aris*[40]), напр. въ пракритск. *vāsa* и *varisa* = др.-инд. *varṣá-, phāsa-* и *pharisa-* = др.-инд. *sparça-, harisa-* „радость" = др.-инд. *harṣa-,* палійск. *karisāpaṇa-* (и *kahāpaṇa-*) „извѣстная монета" = др.-инд. *karṣāpaṇa-* (см. Лассена Institutiones, стр. 183, Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 49), между тѣмъ какъ при средне-индійскомъ *ās,* соотвѣтствующемъ др.-индійскому *āṣ,* мы не находимъ параллельнаго *aris* (напр. пракритск. *bhāsā, pāsāṇa-* при др.-инд. *bhāṣā, pāṣāṇa).*

Итакъ, *ā* въ *kāṭá-, kāṇá-, pāṇí-, pāṣyà-* и др. не подтверждаетъ мнѣнія Бартоломэ о заимствованіи этихъ словъ въ древне-индійскомъ языкѣ изъ пракрита. Какъ же именно можетъ объясняться здѣсь долгота *a?* Я думаю, что не во всѣхъ такихъ случаяхъ долгота *a* имѣетъ одно и то же происхожденіе, и различаю *ā* изъ *a* подъ вліяніемъ грамматической аналогіи и *ā* съ долготою фонетическаго происхожденія. Въ *sphāṭita-* „расколотый" (см. книгу Бехтеля, стр. 384) долготу *a* легко понять какъ образованіе по аналогіи другихъ винословныхъ глагольныхъ основъ съ *ā* въ корнѣ; сравн. новую гуну въ *sphoṭati* „трескается, раскалывается" (въ *sphuṭ-* *u* изъ $\underset{0}{u}l$, т.-е. изъ индо-европ. $\underset{0}{a}l$; см. въ моей статьѣ „L + dental" стр. 217). Подобнымъ же образомъ и въ *hāṭaka-* „золото" можетъ за-

[39]) Здѣсь средне-индійск. *kās-, kāh-* изъ *kars-* (напр. въ *kāsati* на надписи, палійск. *kāhati, kāhiti,* см. Э. Куна Beiträge zur Pali-Grammatik, стр. 116).

[40]) По свидѣтельству Пратишак'ьи къ Ат'арваведѣ 1, 101, и въ древне-индійскомъ языкѣ ирраціональная гласная („svarabhakti-", собственно „часть гласной"), слышавшаяся между *r* и спирантами *(ūṣmāṇas),* имѣла количество вдвое бо́льшее сравнительно съ количествомъ ея въ положеніи передъ другими согласными послѣ *r;* сравн. Пратишак'ью къ Ригведѣ 174.

ключаться новая производная основа, отъ **haṭa-* или **haṭaka-*. Грамматическое происхожденіе долготы *a* я вижу и въ *abhilāṣa-* „желаніе“ при *laṣati* „желаетъ“, т.-е. *lāṣa-* въ *abhilāṣa-* образовано, я думаю, по аналогіи напр. съ *nāda-* при *nadati*, *vāda-*, *abhivāda-* при *vadati* и т. д. Къ случаямъ другого рода, гдѣ долгота *a* передъ церебральною согласною изъ группы „*l* + зубная согласная“ произошла фонетическимъ путемъ, я отношу напр. *āṇi-*, *pāṇí-*, *kāṇá-*, *kāṭá-*. Греч. *ὠλένη*, готск. *aleina* (описка вмѣсто *alina*), латинск. *ulna* изъ **ulina* (изъ первоначальной группы *ln* латинскій языкъ имѣлъ *ll*), родственныя съ др.-инд. *āṇi-* въ значеніи „часть ноги, находящаяся непосредственно надъ колѣномъ“[41]), и греч. *παλάμη*, родственное съ древне-индійск. *pāṇí* „рука“ (сравн. латинское *palma*), показываютъ, что въ *āṇi-*, *pāṇí-* получены были корни, принадлежавшіе въ ихъ полномъ звуковомъ видѣ въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ къ числу такъ называемыхъ „двуслоговыхъ“ корней (см. Соссюра); такого же рода корень вошелъ въ составъ др.-инд. *kāṇá-* и *kāṭá* (о родствѣ ихъ между собою см. выше), какъ показываетъ литовское нисходящее удареніе въ *kálti* (сравн. русск. *-олд-* въ *колдть*)[42]). Корни „двуслоговые“ въ тѣхъ образованіяхъ, гдѣ имѣли одинъ слогъ, заключали въ себѣ при сильномъ звуковомъ видѣ дифтонги и дифтонгическія сочетанія на сонорную согласную съ некраткою неслоговою частью, т.-е. съ некраткими *i*, *u* и сонорными согласными[43]); къ такому заключенію я прихожу на основаніи балтійскихъ и славянскихъ языковъ, при чемъ въ виду фактовъ, представляемыхъ балтійскими языками, я думаю, что индо-европейскія некраткія сонорныя согласныя въ такихъ дифтонгическихъ сочетаніяхъ имѣли полную долготу, между тѣмъ какъ некраткія *i* и *u* въ дифтонгахъ были здѣсь лишь полудолгими. Напр. въ литовск. *kálti*, латышск. *kal̄t* я вижу индо-европ. *kaᵒl̄-* передъ согласною, точно такъ же какъ напр. изъ литовск. *várna*, латышск. *var̄na* (русск. *ворóна*, сербск. *врна* и т. д.) я вывожу индо-европ. *vaᵒr̄-* передъ согласною; въ латышск. *kal̄t*, *var̄na*[44]) и т. п. случаяхъ до сихъ поръ сохраняется полная (и притомъ „длительная“, т.-е. „непрерывистая“) долгота сонорной согласной. Въ др.-инд. *āṇī-*, *pāṇí-*, *kāṇá-*, *kāṭá-* дол-

[41]) Въ Ригведѣ *āṇí-* по объясненію Саяны имѣетъ значеніе „чека осевая“, и съ тѣмъ же значеніемъ приводится *āṇi-*, при *aṇi-*, у индійскихъ лексикографовъ; по мнѣнію Рота словомъ *āṇí-* въ Ригведѣ обозначается „der Zapfen der Achse (der Theil, welcher in der Nabe läuft)“.

[42]) Сюда же принадлежитъ и ведійск. *kāṭa-* въ сложномъ *reṇúkakāṭa-* „nach dem Comm. „Staub durchfurchend“ oder „— aufwirbelnd“ (словарь Бётлингка и Рота).

[43]) Сравн. мою статью въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1895 г., № 1 и 2, стр. 293.

[44]) Изъ *var̄na* въ діалектахъ *várna* (съ „длительною“ долготою *a*). Подобнымъ же образомъ въ латинскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ *ōrdinis*, *ōrnamentum*, сочетаніе *ōr* передъ согласною произошло, я думаю, изъ *or̄*, съ индо-европейскимъ *r̄*.

гое *a* получилось, я думаю, изъ *al̄*, при чемъ именно въ связи съ сокращеніемъ согласной *l*, подлежавшей утратѣ въ данномъ фонетическомъ положеніи (передъ зубною согласною), происходило удлиненіе предшествовавшей гласной; въ ту эпоху, когда праиндійскій языкъ или его предокъ имѣлъ такія образованія, какъ **al̄ni-*, *kal̄ta-* и т. п., здѣсь должно было существовать также и *al̄* передъ незубною согласною, а равно и *ar̄* передъ согласною, но эти *r̄*, *l̄* (т.-е. то *l̄*, которое фонетически не исчезало) изъ индо-европ. *r̄*, *λ̄*, *l̄* съ теченіемъ времени совпали съ *r*, *l* изъ индо-европ. краткихъ *r*, *λ*, *l* и не передавали долготу предшествовавшей гласной[45]). Сказанное мною о происхожденіи *ā* изъ *al̄* въ *āṇi-*, *pāṇí-*, *kāṇá-*, *kāṭá-* распространяется также и на *ā* въ ведійск. *sthāṇú-* „пень“ (см. Виндиша въ Kuhn's Zeitschrift XXVII, 168); родственное *sthū́ṇā* „столбъ“, гдѣ *ū* изъ индо-европ. *a̯l̄* (см. выше), показываетъ, что въ сильномъ звуковомъ видѣ того же корня (при образованіи въ одинъ слогъ) общій индо-европейскій языкъ имѣлъ передъ согласною *al̄* (буквою *a* я обозначаю въ общемъ индо-европ. языкѣ гласныя a^e, a^o, a^a). Такое же др -инд. *ā* можно предполагать и въ другихъ случаяхъ, напр. въ *pāṣyà-*, *pāṣāṇa-* „камень“ (греч. *πέλλα· λίθος* и древне-верхненѣм. *felis, felisa*, ново-верхненѣм. *Fels* не рѣшаютъ вопроса о количествѣ здѣсь индо-европ. *l*); вѣроятно, и въ *bhāṣ-* „говорить“ *ā* изъ *al̄*, между тѣмъ какъ *bhaṣ-* „лаять“ образовалось изъ **bhals*, съ индо-европейскимъ краткимъ *l*, на которое указываетъ и литовское восходящее удареніе въ *bal̃sas* „голосъ“.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ относительно принимаемыхъ мною для общаго индо-европейскаго языка сочетаній неслоговой ирраціональной гласной (*a̯*) со слоговыми сонорными согласными (плавными и носовыми). Въ этихъ случаяхъ я не могу признавать однѣ слоговыя сонорныя согласныя, безъ гласной, не только потому, что на гласную ука-

---

[45]) Впрочемъ, для меня не ясно происхожденіе долготы *a* въ нѣкоторыхъ др.-инд. словахъ, имѣющихъ *ār* передъ согласною. Въ *pā́rṣṇi-* „пятка“, авестійское *pāšna-*, предполагаютъ обыкновенно индо-европ. долгую гласную передъ *r*, но странною казалась бы при такомъ положеніи передъ *r* (въ слогѣ неконечномъ) индо-европ. долгая гласная. Можетъ быть, еще въ индо-иранскомъ языкѣ сочетаніе *ar̄* (и *al̄*) передъ фрикативною согласною того же слога измѣнялось въ *ār*, т.-е. долгота плавной при такомъ положеніи переносилась на предшествующую гласную (готск. *fairsna*, греческ. *πτέρνα* не рѣшаютъ вопроса о количествѣ индо-европ. *r* въ этомъ словѣ); такъ же могло бы объясняться др.-индійск. *ā* передъ *r* и въ *mā́rǵmi* „вытираю, чищу“ и т. д., гдѣ *ǵ* изъ индо-иранской фрикативной согласной, получившейся изъ индо-европ. *g* средне-небнаго (греч. *μόργνυμι, ὀμόργνυμι* имѣетъ *ορ* изъ *a̯r̄*, хотя въ др.-инд. языкѣ въ слабомъ звуковомъ видѣ этого корня существовало *r̥*, т.-е. *a̯r* съ краткимъ *r̥*). Сравн. др.-инд *-ān, -īn, -ūn* изъ индо-европ. *-a⁰n̄s, -in̄s, -un̄s* въ окончаніяхъ винит. пад. мн. ч.; индо-европ. *n̄* въ этомъ суффиксѣ засвидѣтельствовано литовскимъ языкомъ.

зываютъ отдѣльные индо-европейскіе языки, но и вслѣдствіе того, что въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ должны быть даже различаемы, по моему мнѣнію, случаи, въ которыхъ гласная предшествовала слоговой сонорной согласной, и другіе, болѣе рѣдкіе, гдѣ гласная слѣдовала за слоговою сонорною согласною; см. мое замѣчаніе въ Archiv für slavische Philologie XI, 569 и сравн. теперь также Шмидта Kritik der Sonantentheorie, стр. 47 и слѣд., 84 и слѣд., хотя Шмидтъ не признаетъ индо-европейскихъ слоговыхъ сонорныхъ согласныхъ. Индо-европейская гласная, о которой я говорю, была, безъ сомнѣнія, гласною неполнаго образованія, какъ показываетъ тотъ фактъ, что она получила совершенно различныя измѣненія въ ея дальнѣйшей исторіи въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ, гдѣ она становилась по бо́льшей части гласною полнаго образованія; сравн. исторію общеславянскихъ ирраціональныхъ гласныхъ ь и ъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Я опредѣляю эту индо-европейскую гласную неполнаго образованія какъ гласную ирраціональную, т.-е. какъ гласную имѣвшую количество меньшее сравнительно съ количествомъ краткихъ гласныхъ[46]), и думаю, что на такое ея свойство указываетъ и самое происхожденіе ея въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ изъ сокращенія краткой гласной ($a^{e|o}$). Во всякомъ случаѣ эта индо-европейская гласная неполнаго образованія по ея исторіи какъ въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ, такъ и въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ не должна быть смѣшиваема нами съ тою индо-европейскою гласною, которую обрачаютъ черезъ *ə* и которая получалась изъ сокращенія долгихъ *a* различнаго качества ($\bar{a}^e$, $\bar{a}^o$, $\bar{a}^a$); индо-европ. *ə* было, вѣроятно, гласною неполнаго образованія по отношенію къ голосу, т.-е. произносилось полуголосомъ, полушепотомъ („Murmelvocal", см. Сиверса Grundzüge der Phonetik[4] § 263 и слѣд.), между тѣмъ какъ по количеству могло быть гласною краткою. Можетъ быть, и индо-европейская ирраціональная гласная произносилась полуголосомъ, но этотъ вопросъ я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ не имѣю никакихъ указаній для рѣшенія его; во всякомъ случаѣ индо-европейская гласная, называемая мною ирраціональною, отличалась, конечно, отъ *ə* и по качеству звука, т.-е. по мѣсту образованія. Въ индо-европейской ирраціональной гласной въ ея сочетаніи съ сонорными согласными я вижу, кромѣ того, гласную неслоговую, т.-е. гласную уступавшую по силѣ сонорнымъ согласнымъ, которыя сами въ соединеніи съ нею становились слоговыми звуками, и такимъ образомъ во взглядѣ на слоговое свойство индо-европейскихъ сонорныхъ согласныхъ въ данныхъ случаяхъ я вполнѣ схожусь съ Бругманомъ. Прежде я ошибочно думалъ, будто тамъ, гдѣ

---

[46]) Понятно, что въ ирраціональныхъ гласныхъ существуютъ въ свою очередь различія въ количествѣ; сравн. Сиверса Grundzüge der Phonetik[4] § 644 b.

Соссюръ (въ Mémoire) и Бругманъ выводятъ для общаго индо-европейскаго языка *r̥r*, *n̥n* и т. д., т.-е. передъ гласною, надо признавать сочетанія „неслоговая гласная (a̯) + неслоговая сонорная согласная", но теперь я вижу, что и здѣсь общій индо-европейскій языкъ имѣлъ за a̯ слоговыя сонорныя согласныя, краткія и долгія[47]), при чемъ изъ нихъ развивались здѣсь плавныя и носовыя согласныя неполнаго образованія, съ редукціею, составлявшія переходъ къ слѣдовавшей далѣе гласной (см. стр. 475); надо замѣтить, что и Бругманъ думаетъ теперь, что напр. вмѣсто *n̥n* въ случаяхъ этого рода точнѣе писать *n̥ⁿ* (Grundriss II, 920 примѣч.). Ошибочность моего прежняго мнѣнія видна изъ того, что во всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвяхъ индо-европейской семьи языковъ мы находимъ здѣсь звукъ слоговой, именно слоговую гласную передъ сонорною согласною, обратившеюся въ неслоговую, и нигдѣ не встрѣчаемъ въ такихъ сочетаніяхъ старой утраты гласной a̯, полученной изъ общаго индо-европейскаго языка; ясно поэтому, что напр. то слово, которое является въ древне-индійскомъ *gurú-*, греческомъ *βαρύς*, имѣло въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ два слога въ основѣ, не одинъ слогъ. Опредѣляя для общаго индо-европейскую языка *неслоговую* ирраціональную гласную (a̯) въ сочетаніи съ сонорными согласными и признавая поэтому слоговое употребленіе этихъ сонорныхъ согласныхъ, я не только имѣю въ виду такіе факты отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, которые могутъ свидѣтельствовать о слоговыхъ сонорныхъ согласныхъ, по крайней мѣрѣ плавныхъ, въ данныхъ случаяхъ (др.-инд. *r̥*, греч. *ρα* при *αρ* и *λα* при *αλ*), но главнымъ образомъ я основываюсь при этомъ на представляющейся мнѣ необходимости отличать въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ отъ *a̯*, т.-е. отъ неслоговой ирраціональной гласной, слоговую ирраціональную гласную (*a*), которая такъ же, какъ и a̯, получалась изъ сокращенія *a*ᵉ|ᵒ, но въ сочетаніи съ согласными несонорными, и которая въ ея дальнѣйшей исторіи, главнымъ образомъ въ греческомъ языкѣ, отличается отъ индо-европ. a̯. Индо-европейская слоговая ирраціональная гласная (*a*), возникавшая въ сочетаніи съ согласными несонорными изъ сокращенія *a*ᵉ|ᵒ (и другихъ *ă?*) безъ ударенія, существовала именно въ первомъ слогѣ словъ (фонетически, можетъ быть, лишь непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ), между тѣмъ какъ при другомъ положеніи *a* вполнѣ исчезло еще въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ; сравн. подобную же утрату въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ ирраціональной гласной передъ сонорною согласною + гласная тамъ, гдѣ

---

47) На существованіе различія въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ между краткими и долгими слоговыми сонорными согласными и въ этихъ случаяхъ, т.-е. передъ гласною, указываетъ различіе въ греческомъ языкѣ напр. между *α* въ *βαρύς*, *ἔβαλον* и *ο* въ *πολύς*, *βορά*; сравн. Соссюра Mémoire, стр. 264.

не препятствовало этой утратѣ извѣстное стеченіе согласныхъ. Индоевропейскія *α* и *α̥*, различавшіяся по отношенію къ слоговому употребленію, въ связи съ этимъ различались, вѣроятно, и въ количествѣ и въ качествѣ звука, т.-е. *α̥* могло быть короче *α* и съ болѣе неопредѣленнымъ качествомъ звука[48]); отсюда и нѣкоторое различіе въ дальнѣйшей исторіи этихъ гласныхъ. Къ мысли о необходимости различать въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ *α* и *α̥* я пришелъ вслѣдствіе тѣхъ указаній, какія сдѣланы были Кречмеромъ и Бехтелемъ относительно происхожденія греческихъ *ι* и *υ* въ такихъ случаяхъ, какъ *πίσυρες*, *κύκλος*, латинскаго *a* въ *quattuor* и др. (см. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung XXIX, 422 и XXXI, 375, Бехтеля Hauptprobleme, 113). Индо-европ. *α* слоговое, существовавшее, какъ я сказалъ, въ сочетаніи именно съ согласными несонорными, въ греческомъ языкѣ обратилось само по себѣ въ *ι*, а подъ вліяніемъ извѣстныхъ согласныхъ (лабіализованныхъ и губныхъ) въ *υ*, т.-е. въ старое *u*, и такимъ образомъ вообще отличается здѣсь отъ индо-европ. *α̥*; въ латинскомъ языкѣ изъ индо-европ. *α* слогового получилось *a*, т.-е. здѣсь индо-европ. *α* совпало съ *α̥* передъ долгими слоговыми сонорными согласными и съ *ə*; въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, слѣдовательно, надо думать, еще въ балтійско-славянскую эпоху, индо-европ. *α* слоговое и *α̥* совпали вообще по качеству звука, т.-е. въ балтійскихъ языкахъ изъ *α* слогового, какъ и изъ *α̥*, мы находимъ *i* и *u*, а въ славянскихъ общеславянскія ь и ъ съ ихъ фонетическими измѣненіями (въ началѣ словъ вмѣсто ь всякаго происхожденія еще общеславянскій языкъ имѣлъ въ результатѣ ї); въ германскихъ языкахъ также индо-европ. *α* слоговое не отличалось отъ *α̥*, т.-е. обратилось въ *u*; въ индо-иранскомъ языкѣ изъ индо-европ. *α* слогового получилось *a*, передъ которымъ *k*, *g* оставались безъ измѣненія[49]), т.-е. здѣсь индо-европ. *α* слоговое совпало съ *α̥* въ сочетаніи съ носовыми согласными; въ армянскомъ языкѣ, какъ позволяетъ думать *tasn* „десять" (см. ниже), индо-европ. *α* слоговое обратилось въ *a*, т.-е. совпало вообще съ индо-европ. *α̥*.

Примѣры для индо-европ. *α* слогового.

Греч. *ἴσθι* „будь", др.-инд. *edhi* изъ **azdhi*, въ которомъ, слѣдовательно, нѣтъ надобности видѣть новообразованіе, сравн. авестійское *zdī*, гдѣ еще въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ вполнѣ утрачена начальная гласная, при употребленіи этого слова въ тѣсномъ соедине-

---

[48]) Моему *α̥* у Сиверса соотвѣтствуетъ, какъ я замѣтилъ уже (стр. 473), „unsilbischer Stimmgleitlaut"; сочетанія этого звука со слоговыми сонорными согласными, предполагаемыя Сиверсомъ въ § 762 и слѣд. для отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, по моему мнѣнію существовали еще въ общемъ индо-европейскомъ языкѣ.

[49]) Слѣдовательно, др.-инд. *cakrá-* „колесо" и греч. *κύκλος* не тождественны по гласной перваго слога.

ніи съ предшествовавшимъ въ рѣчи словомъ; греческ. гомеровск. *πίσυρες*, латинск. *quattuor* (см. Кречмера), общеслав. **čьtyr-* и **čьtvьrt-* (при *četyr-* и **četvьrt-*, гдѣ *e* изъ индо-европ. *a^e*) напр. въ чешск. *čtyři* и *čtvrtý*, польск. *cztéry* и *czwarty* (сравн. Meillet въ Mémoires de la Société de linguistique de Paris IX, 158); др.-инд. *katará-* (*a* въ *ka-* не изъ индо-европ. *a^o*, такъ какъ изъ *a^o* здѣсь надо бы было ждать др.-инд. *ā*, по правилу Бругмана)[50]), общеслав. **kъter-*, **kъtor-* (при **koter-*, **kotor-*, съ *ko-* изъ индо-европ. *ka^o-*) въ чешск. *který*, польск. *który;* др.-инд. *kadā́*, общеслав. **kъdā* въ старо-слав. *никъда*, сербск. *ка̏да*, между тѣмъ какъ литовск. *kadà* (восточно-литовск. діалектич. *kadu)*, гдѣ конечная краткая гласная изъ сокращенія въ пралитовскомъ языкѣ носовой гласной съ длительною долготою (сравн. *kadán-gi* „потому что"), имѣетъ *ka-* изъ индо-европ. *ka^o;* литовск. *isz* „изъ", общеслав. **izъ* изъ **is-zъ* (сравн. *-zъ* въ **be-zъ* и др.) въ старо-слав. *изъ* и т. д., родственны греч. *ἐξ*, *ἐκ*, латинск. *ex*, *ec-*, гдѣ *ε*, *e* изъ индо-европ. *a^e;* старослав. *ньци*, *тьци* (сравн. *рьци*, гдѣ *рь* изъ индо-европ. *r̥a*), при *нек-*, *тек-* въ другихъ образованіяхъ; общеслав. **žьg-*, при **žeg-*, напр. въ старо-слав. *жьзи*, *жьже (жъжеши* въ Супр. р.), русск. *жгу;* общеслав. **šьd-*, при **χod-*, напр. въ старо-слав. *шьдъ*, *шьлъ*, русск. *шелъ*; общеслав. **χъt-*, при **χot-*, напр. въ старо-слав. *хътѣти*, при *хотѣти;* литовск. *kìbti* „виснуть, прицѣпляться", при *kebeklis* „крюкъ", *kabḗti* „висѣть"; литовск. *ugnìs* „огонь", при общеслав. **ognь*, старо-слав. *огнь* (латинск *ignis* изъ **egnis?);* литовск. *ùpė* „рѣка", при прусск. *ape*[51]); др.-исландск. *tuttogo*, *tuttugu* „двадцать", др.-в. нѣм. *zweinzug* (сравн. Сиверса въ журналѣ Beiträge zur Geschichte der deutsch. Sprache und Litteratur XVI, 234 и слѣд.), общеслав. **dьsęt-* въ русск. *двадцать*, *тридцать*, *двѣнадцать* и т. д., чешск. *dvadcet*, *dvanáct*, польск. *dwanaście* и т. д., армянск. *tasn* „десять" (сравн. Meillet въ Mémoires de la Société de linguistique IX, 158), при готск. *taíhun*, общеслав. **desętь* и т. д.

---

[50]) Я съ удовольствіемъ вижу, что правило Бругмана, которое мнѣ всегда казалось вѣрнымъ (см. Archiv für slav. Phil. XI, 564), въ настоящее время признаютъ и нѣкоторые лингвисты, не соглашавшіеся прежде съ Бругманомъ; см. напр. Штрейтберга въ Indogermanische Forschungen III, 364 и слѣд. Замѣчу, что правило Бругмана я примѣняю и къ индо-иранскому *ā* въ мѣстоименіи **sāu* „этотъ", др.-инд. *a-sāu*, авест. *hāu* (въ значеніи именно муж. рода), при греч. *о* въ *οὗτος;* для общаго индо-европ. языка я вывожу здѣсь **sa^o-hu*, образованное изъ соединенія **sa^o* (именит. пад. ед. ч. муж. р.) и частицы **hu*, съ индо-европ. придыханіемъ, такъ что происхожденіе индо-иранскаго **sāu* „этотъ" изъ **sāhu*, **sā-u* является однороднымъ съ происхожденіемъ индо-иранскаго **-āiš* изъ **-āhis*, *-ā-is*, индо-европ. **-a^ohis*, въ окончаніи творит. пад. множ. ч. именъ съ основами на *a^o* (см. Archiv für slav. Philologie XII, 98).

[51]) Поэтому и др.-инд. *ap-* „вода", напр. въ падежныхъ формахъ *apā́s*, *apā́m* и др., можетъ имѣть *a* изъ индо-европ. *a* слогового (сравн. литовское *u* въ *ùpė)*, между тѣмъ какъ др.-инд. *ā* въ *āpas* объяснялось бы изъ индо-европ. *a^o* (сравн. прусск. *ape)*, по правилу Бругмана.

Въ греческомъ языкѣ гласныя *ι* и *υ* изъ индо-европ. *a* слогового въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнили собою индо-европ. *a̯* въ сочетаніи съ сонорными согласными; вѣроятно, еще въ предкѣ греческаго языка въ такихъ случаяхъ старое *a̯* при какихъ-то условіяхъ обратилось въ *a* слоговое съ его дальнѣйшими измѣненіями. При этомъ греческія сочетанія такихъ *ι* и *υ* съ плавною изъ индо-европ. сочетаній „*a̯* + слоговая гласная" безъ послѣдующей гласной представляютъ нерѣдко перестановку гласной и плавной *ρ*, а частію и плавной *λ*. Сюда принадлежитъ напр. *λύκος* при др.-инд. *vṛ́ka-*, старо-слав. *вльќъ* и *влъкъ*, литовск. *vil̃kas*, готск. *vulfs*; греческая гласная *υ*, а не *ι*, въ этомъ словѣ обусловлена вліяніемъ *κ*, которое здѣсь изъ индо-европ. *k* лабіализованнаго, а самая замѣна индо-европ. неслоговой ирраціональной гласной слоговою ирраціональною гласною съ ея дальнѣйшими измѣненіями произошла здѣсь, вѣроятно, вслѣдствіе того, что индо-европ. сочетаніе *a̯l̥* въ этомъ словѣ имѣло на себѣ удареніе. Та же причина, т.-е. присутствіе стараго (хотя бы и не индо-европейскаго) ударенія на слоговой сонорной согласной, дѣйствовала, можетъ быть, вообще при образованіи греч *ι* и *υ* вмѣсто индо-европ. *a* въ сочетаніи со слоговыми сонорными согласными въ первомъ слогѣ словъ, хотя и не вездѣ мы находимъ указаніе на это въ удареніи такихъ греческихъ словъ. Различіе между *ρῑ* и *ρι* вмѣсто индо-европ. „*a̯* + слоговое *r*" (безъ послѣдующей гласной) обусловливалось, а думаю, различіемъ въ количествѣ индо-европ. *r̥*. Правда, что *ρῑ* такого происхожденія, т.-е. вмѣсто индо-европ. „*a̯* + слоговое *r*" намъ извѣстно, кажется, только въ *ῥίον* и *δρίον* (см. Г. Мейера Griechische Grammatik² § 29), гдѣ *ι* въ *ρι* приходилось впослѣдствіи въ положеніи передъ гласною, между тѣмъ какъ *ρῑ* мы находимъ передъ согласными и въ концѣ слова (*κρῖ*), но едва ли долготу *ι* въ этомъ *ρῑ* можно понять иначе, какъ изъ бывшей нѣкогда долготы слоговой плавной, а для нѣкоторыхъ словъ съ такимъ *ρῑ* и родственные языки даютъ указанія на долготу плавной. Такъ, для *ῥῖζα* (эпиграф. *ῥεῖζα*)[52], которое пишутъ неправильно *ῥίζα*, сравн. латинск. *rādix*, гдѣ *rā-* изъ индо-европ. *a̯r̥̄*; съ *χρίω* въ основномъ значеніи „тереть" сравн. отъ того же корня въ сильномъ звуковомъ видѣ русск. *горохъ*, родит. пад. *гороха*, сербск. *гра̏х*, род. пад. *гра̏ха*[53]), свидѣтельствующія по качеству общеславянскаго ударенія (восходящаго) о происхожденіи здѣсь общеслав. *or* изъ индо-европ. *aᵒr̄* (сравн. стр. 483), хотя др.-инд. *r̥* напр. въ *ghṛṣṭa-* „истертый" восхо-

[52]) См. статью Ѳ. Е. Корша „Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана", стр. 6 отдѣльнаго оттиска (изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1895 г.).

[53]) По отношенію къ связи значеній сравн. литовск. *žirnis* „горошина", *žirniai* „горохъ", родственное со старослав. *зрьно*, русск. *зерно*, латинск. *grānum*, др.-инд. *jīrṇá-* „истертый", „старый"; см. Archiv für slav. Phil. IV, 587.

дитъ непосредственно къ индо-европ. *ar̥*, съ краткимъ *r̥*, существовавшему здѣсь при *ar̥̄* (какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ). — Такія слова, какъ *γυνή* (при беот. *βανά), νύξ*, представляютъ греч. *υ* вмѣсто индо-европ. *a̮* въ сочетаніи съ носовою согласною (*υν* въ *γυνή* вмѣсто индо европ. *an̥ⁿ*, *νυ* въ *νύξ* вмѣсто индо-европ. *n̥a̮); υ* здѣсь, а не *ι*, обусловлено вліяніемъ сосѣдней согласной изъ индо-европ. задненебной лабіализованной.

Греческія *ι, υ* вмѣсто индо-европ. *a̮* въ сочетаніи съ сонорными согласными встрѣчаются и во второмъ слогѣ словъ, и притомъ именно послѣ сонорной согласной; въ этихъ случаяхъ греч. *ι, υ*, никогда не имѣвшія на себѣ ударенія, восходятъ къ индо-европ. *a̮* въ тѣхъ сочетаніяхъ „слоговая сонорная согласная + *a̮*“, какія существовали во второмъ слогѣ „двуслоговыхъ“ корней послѣ краткаго *a* различнаго качества въ первомъ слогѣ. Сюда принадлежатъ напр.: *δολιχός* (изъ индо-европ. **da°l̥agh-), сравн. ἐνδελεχής; στέριφος*, сравн. *στέρφος*, отъ того же корня нѣмецк. *sterben* (древне-верхненѣм. *stërban* и т. д.), т.-е. значеніе „умирать“ въ *sterben* изъ значенія „цѣпенѣть“, что свидѣтельствуется и англійск. *to starve* „замерзать“ (также „умирать съ голоду“), сравн. исторію значеній въ нашемъ *колѣть:* „цѣпенѣть, коченѣть, мереть“, бѣлорусск. *колѣць* „зябнуть, коченѣть“; *ὄνυξ*, сравн. латинск. *unguis; ὄνυμα (ἀνώνυμος, εὐώνυμος)*, сравн. *ὄνομα*.

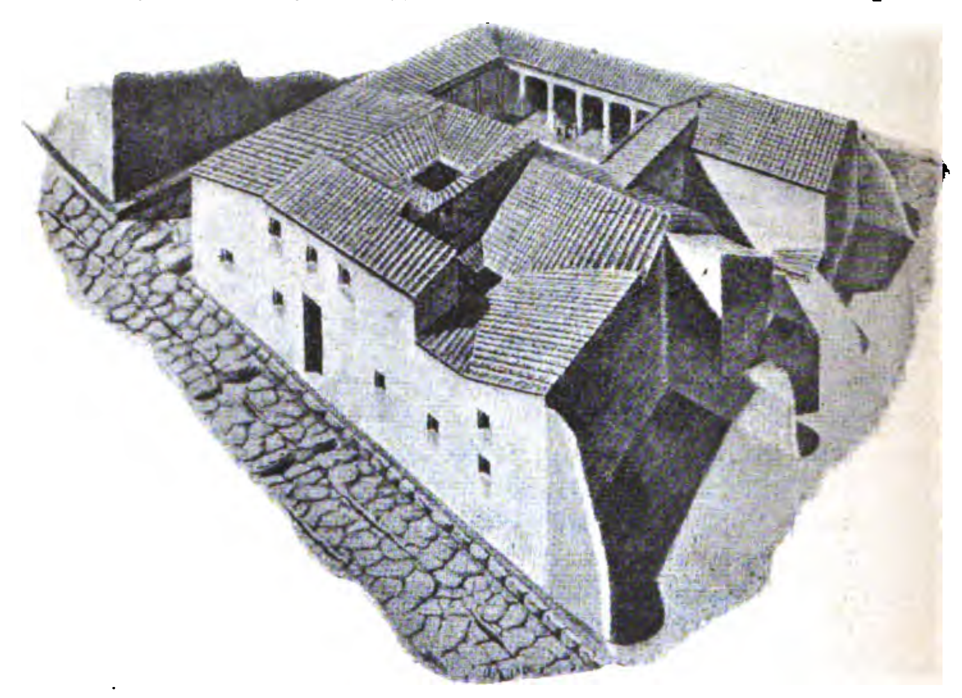
CASA DEI VETTII.

В. А. Шеффера.

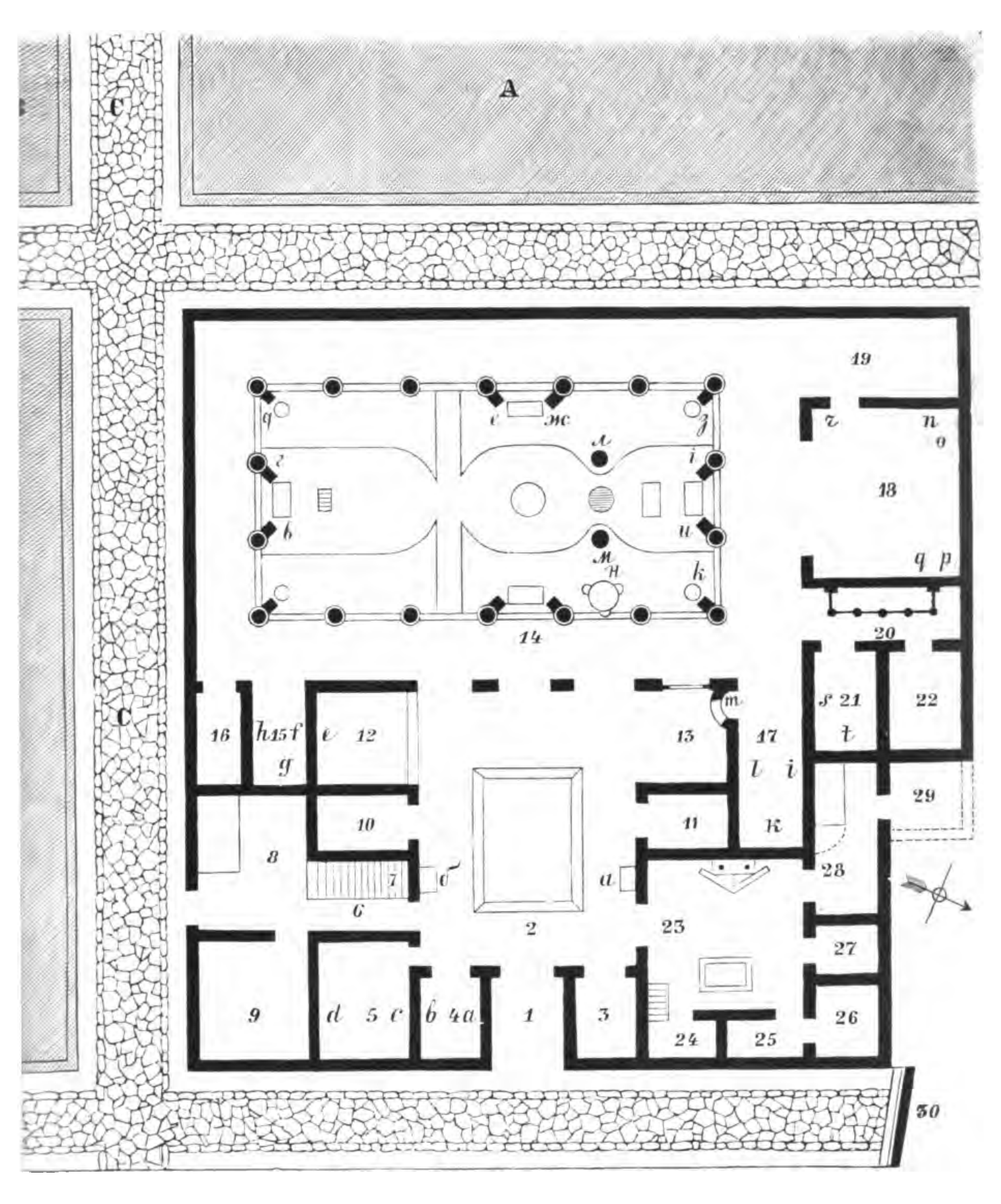
Домъ Веттіевъ (A. Веттія Convivae и A. Веттія Restituti, какъ констатировано по найденнымъ ихъ печатямъ), открытый въ концѣ прошлаго года въ шестой regio Помпей противъ дома Лабиринта и нѣсколько наискось за домомъ Фавна около переулка Меркурія (vico, а не strada!), является однимъ изъ самыхъ важныхъ открытій помпеянскихъ за послѣднее десятилѣтіе. Значеніе его состоитъ вовсе не въ древности его сооруженія, потому что онъ несомнѣнно принадлежитъ къ послѣдней архитектурной эпохѣ въ Помпеяхъ и не содержитъ почти остатковъ хотя бы республиканскаго времени; нельзя также сказать, чтобы его интересъ обусловливался художественностью его декораціи или новизною ея сюжетовъ, такъ какъ и въ томъ и другомъ отношеніи Museo Nazionale въ Неаполѣ и даже нѣкоторые дома въ Помпеяхъ въ отдѣльныхъ картинахъ и другихъ произведеніяхъ искусства представляютъ несравненно болѣе интересные образцы; громадное значеніе указаннаго дома обусловливается общей степенью его сохранности, почти беспримѣрной въ лѣтописяхъ Помпей, и блестящей совокупностью декораціи его стѣнъ и въ особенности перистиля и прилегающихъ комнатъ. Конечно, кто видѣлъ домъ „трагическаго поэта“ или „Фавна“, когда они только что появились изъ земли, долженъ былъ бы съ пренебреженіемъ отнестись къ дому Веттіевъ, но нынѣ эти блестящіе дома находятся въ полномъ запустѣніи, и современное поколѣніе археологовъ должно быть благодарнымъ случаю, который даетъ ему возможность воочію созерцать видъ зажиточнаго помпеянскаго дома, не будучи принужденнымъ собирать его disiecta membra изъ различныхъ комнатъ

Неаполитанскаго музея и при помощи воображенія возстановлять ихъ на голыхъ и изъѣденныхъ временемъ стѣнахъ въ Помпеяхъ. Должно надѣяться, что преемникъ Фіорелли, который постарался возстановить перистиль въ прежнемъ его видѣ, возвративъ ему и тѣнистые портики и красу зелени и цвѣтовъ въ открытомъ его пространствѣ, позаботится и о достойной публикаціи этого столь важнаго открытія для назиданія тѣхъ ученыхъ, которые не имѣли счастія видѣть его собственными глазами. Лично я самъ былъ бы весьма счастливъ, если бы мнѣ возможно было произвести эту работу, и въ такихъ видахъ я выхлопоталъ себѣ

Видъ дома Веттіевъ сверху (изъ Mitth. des Kais. Deutsch. Archaeol. Inst., Röm. Abth. XI (1896), 1).

у директора 9. de Petra дозволеніе „мѣрить и рисовать" въ Помпеяхъ; но мнѣ тамъ объявили, что это разрѣшеніе не распространяется на „новый домъ", и высказанное мною желаніе привело только къ особенно строгому наблюденію со стороны двухъ офиціальныхъ гидовъ, которые неотлучно меня сопровождали и буквально не допускали брать въ руки карандашъ. Въ виду этого въ послѣдующихъ строкахъ я могу дать только краткій очеркъ важнѣйшихъ частей дома и ихъ украшеній, набросанный только по памяти и при помощи нѣкоторыхъ фотографій Sommer'а и приложить очень схематическій планъ дома, основанный не на правильныхъ измѣреніяхъ и потому начерченный безъ масштаба.

Планъ дома Веттіевъ (по наброску В. Шеффера).
A. Casa del Laberinto. B. Casa del Fauno. C. Vico di Mercurio.

Входъ въ домъ чрезвычайно простой: довольно небольшой и узкій проходъ (№ 1) всей шириной своей открывается въ atrium. Никакихъ слѣдовъ сложныхъ запоровъ я не въ состояніи былъ открыть; была, слѣдовательно, только одна наружная дверь, а самый входъ въ атрій закрывался занавѣсью. Полъ украшенъ простѣйшей мозаикой изъ opus signinum: два гиппокампа изъ черныхъ камешковъ на бѣломъ фонѣ. Стѣны налѣво и направо содержатъ лишь по одной небольшой и маловажной картинѣ: представлены пѣтухи и куры. На столбѣ близъ атрія находится обсценное изображеніе Пріапа, которое держится закрытымъ. Затѣмъ слѣдуетъ атрій (№ 2) просторный, но простой по формѣ (безъ колоннъ — tuscanicum) и по убранству своего compluvium'а, который не былъ ничѣмъ украшенъ, а лишь обложенъ полосой мрамора (почему, увидимъ ниже). Зато стѣны атрія представляютъ не мало интереса по своей изящной и тонкой декораціи: особенно надъ цоколемъ идетъ на фризѣ рядъ картинокъ на черномъ фонѣ самой художественной отдѣлки. Въ виду большого числа дверей стѣны разбиваются на рядъ болѣе или менѣе широкихъ столбовъ (съ передней стороны 4, съ правой 2, изъ коихъ одинъ очень широкій, съ лѣвой 3 и со стороны перистиля 2), которые всѣ декорированы приблизительно въ одномъ духѣ при всемъ разнообразіи представленныхъ сценъ; художникъ съумѣлъ съ большимъ тактомъ воспользоваться большей или меньшей шириной предоставленныхъ ему для украшенія полей, чтобы воспроизвести или сложныя группы или отдѣльныя фигуры амуровъ, являющихся намъ въ различныхъ позахъ и занятіяхъ. Такъ, на столбахъ передней стороны атрія мы видимъ рядъ битвъ между амурами, частью пѣшими, частью ѣдущими верхомъ на козлахъ, при чемъ и здѣсь господствуетъ разнообразіе; между тѣмъ какъ на одной картинѣ (правый уголъ) два всадника, выставляя щиты и потрясая копьями, мчатся другъ другу навстрѣчу, а двое пѣшихъ спѣшатъ имъ на помощь, на другой (лѣвый уголъ) представлена грустная развязка: одинъ изъ всадниковъ свалился съ козла, скачущаго налѣво, а справа не только конный его побѣдитель заноситъ надъ нимъ копье, но и легковооруженный пѣшій спѣшитъ пронзить его дротикомъ. На самомъ широкомъ столбѣ направо (гдѣ ходъ въ другой меньшій атрій) изображена группа амуровъ, которые собираются принесть жертву Фортунѣ. Едва ли не самыми интересными и изящными являются, однако, тѣ картинки, гдѣ изображено по одному амуру: на первой стѣнѣ слѣва — ѣдущій на колесницѣ, запряженной дельфинами, и на лѣвомъ столбѣ къ перистилю — амуръ, стоящій на большомъ краббѣ и погоняющій его плетью; оба отличаются элегантностью формы, тонкимъ подборомъ къ сожалѣнію нѣсколько поблекшихъ красокъ и рельефностью, съ которой они и теперь выдѣляются на черномъ фонѣ. Однѣхъ этихъ картинокъ было бы достаточно, чтобы придать прелесть атрію и приковать вни-

маніе каждаго посѣтителя, но онѣ являются далеко не единственнымъ украшеніемъ комнаты: цоколь помимо изящно профилированнаго (рисованнаго) основанія и карниза, состоящаго изъ нѣсколькихъ полосъ, подражающихъ лѣпной работѣ, представляетъ на каждомъ столбѣ въ желтомъ полѣ по одной окаймленной рамками картинѣ съ монохроматическимъ изображеніемъ ребенка на красномъ фонѣ, которое при всей своей кажущейся простотѣ поражаетъ тонкостью работы и даетъ намъ понять, почему эти monochromata такъ высоко цѣнились древними — замѣтимъ, что даже Неаполитанскій музей содержитъ ихъ не болѣе шести, изъ коихъ лучшія найдены въ Геркуланумѣ, такъ что и въ этомъ отношеніи домъ Веттіевъ одарилъ насъ цѣнными образцами. Верхнія части стѣнъ, хотя и не представляютъ такого интереса, не уступаютъ по изящности и тонкости работы всему остальному: надъ картинками съ амурами идетъ снова карнизъ, напоминающій собою „симу“ храма и украшенный масками львовъ и горгонъ золотистой окраски, а надъ нимъ на блестящемъ красномъ фонѣ рѣзко выдѣляются фантастическія архитектурныя сооруженія съ вставленными въ нихъ барельефами (конечно только писанными), содержащими новыя сцены съ амурами, наиболѣе же привлекаютъ глазъ высокіе, стройные, изящные, хотя иногда нѣсколько вычурные и какъ бы обремененные украшеніями канделябры. На вышеупомянутомъ широкомъ столбѣ справа въ данномъ мѣстѣ на пурпурно-красномъ (киноварномъ) фонѣ сохранились остатки изображенія охоты. Вообще должно отдать справедливость вкусу того, кто украсилъ стѣны атрія живописью: если онъ и не былъ великимъ художникомъ, во всякомъ случаѣ имѣлъ право зваться недюжиннымъ декораторомъ. Особенно поразительно, какъ въ безчисленныхъ модификаціяхъ одинъ мотивъ — дѣти, крылатыя и безкрылыя, — господствуетъ, начиная отъ цоколя и до барельефовъ главныхъ фоновъ, такъ что зрителемъ, всматривающимся въ эту многообразную жизнь, овладѣваетъ полная иллюзія: мало-помалу эти дѣти какъ бы отдѣляются отъ стѣнъ, начинаютъ двигаться и заполняютъ весь атрій своими веселыми играми, вертясь, кружась и летая вокругъ насъ. Конечно, эта иллюзія никакъ не была меньше, когда еще яркіе лучи южнаго солнца не проникали въ открытый атрій, а въ немъ царилъ пріятный полусвѣтъ, между тѣмъ какъ краски стѣнъ блестѣли со всею яркостью и живостью своихъ цвѣтовъ. Нельзя не указать еще разъ на богатую фантазію художника, который представилъ столько группъ дѣтей и ни разу, насколько я могъ констатировать, не повторился — фактъ, тѣмъ болѣе удивительный, что эти группы, какъ мы увидимъ, не ограничиваются атріемъ.

Расположеніе комнатъ вокругъ атрія самое простое и регулярное. Въ передней его стѣнѣ двѣ двери ведутъ въ двѣ почти одинаковыя комнаты (№№ 3 и 4), лежащія по обѣ стороны входа. Съ лѣвой стороны

узкая дверь ведетъ въ комнату, лежащую въ одной линіи съ фронтомъ дома (№ 5); за ней слѣдуетъ узкій проходъ (№ 6) и рядомъ съ нимъ каменная лѣстница (№ 7) въ верхній (не существующій) этажъ; проходъ этотъ ведетъ въ небольшую комнату (№ 8), содержащую въ заднемъ правомъ углѣ отхожее мѣсто, а въ другомъ — цистерну, и открывающуюся двумя дверьми: одною — въ комнату (№ 9), которая составляетъ уголъ дома на двѣ улицы и служила помѣщеніемъ привратника, второю — въ переулокъ, такъ что она составляетъ какъ бы posticum дома.

За вышеупомянутой лѣстницей вдоль лѣвой стороны атрія слѣдуетъ небольшая комната (№ 10) и затѣмъ т. наз. ala (№ 12), всей своей шириной по обыкновенію открывающаяся въ него; оригинально однако, что она отдѣляется отъ атрія довольно высокимъ порогомъ со ступенькой во всю ширину комнаты, но безъ соотвѣтственной приступки съ другой стороны, такъ что нынѣ въ нее можно спуститься лишь прыгая. Такъ какъ подобный способъ передвиженія не удобенъ, то цѣль порога и назначеніе комнаты загадочно. Можно было бы предположить, что комната должна была служить для ванны (frigidarium), какъ таковыя встрѣчаются въ нѣсколькихъ домахъ съ подобнымъ устройствомъ (напр. въ casa del Centenario), тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нею помѣщался уже упомянутый бакъ для воды и сохранились остатки свинцоваго водопровода; но многія основанія заставляютъ сомнѣваться въ такомъ ея назначеніи: во-первыхъ, отсутствіе остальныхъ помѣщеній полной бани, даже помѣщенія для раздѣванія, а извѣстно, что для римлянъ холодная ванна сама по себѣ не представляла ничего заманчиваго; во-вторыхъ, нѣкоторая неприспособленность помѣщенія даже для фригидарія — помимо того, что приходилось бы купаться, такъ сказать, при открытыхъ дверяхъ, въ комнату, наполненную водой, было бы еще труднѣе спустить ноги съ вышеуказаннаго порога, нежели на сухой полъ; наконецъ — странность купальни, довольно обширной, но столь мелкой, что вода доходила бы лишь до половины ноги. Всѣ эти доводы заставляютъ меня сомнѣваться въ назначеніи комнаты для бани, но другого, болѣе раціональнаго объясненія я дать не въ состояніи. Быть можетъ, эта особенность стоитъ въ связи съ перестройкой комнаты, слѣды коей въ точности констатированы А. Мау: комната первоначально сообщалась дверью съ сосѣдней (№ 15) и окномъ открывалась въ перистиль; впослѣдствіи дверь и окно были задѣланы.

Правая сторона атрія не вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣвой. Здѣсь за небольшимъ простѣнкомъ слѣдуетъ дверь въ другой, второстепенный атрій (о немъ ниже); затѣмъ слѣдуетъ другой, самый длинный простѣнокъ, коего вторая часть принадлежитъ уже къ слѣдующей комнатѣ, (cubiculum № 11), которая теперь заперта, такъ какъ содержитъ нѣкоторые обломки статуй и архитектурныхъ частей. Передъ этой ком-

натой и вполнѣ соотвѣтственно и съ противоположной стороны сдѣланы небольшія базы, на которыхъ помѣщались ларцы (arcae) изъ дерева, обложеннаго желѣзомъ; послѣднее довольно хорошо сохранилось и ларцы въ реставрированномъ видѣ и нынѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ подъ стеклянными колпаками (a и b). За названной комнатой слѣдуетъ съ той же стороны правая ala (№ 13), которая не только всѣмъ простѣнкомъ открывается въ атрій, а широкимъ окномъ въ перистиль, но и небольшой дверью со сводомъ сообщается съ сосѣдней комнатой, выходящей въ перистиль (№ 17); такая особенность объясняется тѣмъ, что она должна была, по всей вѣроятности, замѣнять недостающій tablinum и давать хозяину возможность удобнаго сообщенія съ другими частями дома и средство незамѣтно скрыться отъ толпившихся въ атріи кліентовъ.

Наконецъ, четвертая сторона атрія не представляетъ, какъ уже сказано, ни tablinum'a, ни соотвѣтствующихъ проходовъ, а широко открывается въ перистиль, отъ коего отдѣляется лишь 2 квадратными столбами, такъ что оба помѣщенія вмѣстѣ составляютъ какъ бы одну большую залу, отъ чего оба въ высшей степени выигрываютъ. Но несмотря на такое тѣсное ихъ соединеніе, прежде чѣмъ перейти къ описанію перистиля и прилегающихъ къ нему комнатъ, цѣлесообразно будетъ сказать нѣсколько словъ о декораціи тѣхъ, которыя расположены вокругъ атрія.

Декорація эта (въ противоположность атрію, о чемъ ниже) не представляетъ ничего оригинальнаго ни по идеѣ, ни по исполненію, такъ какъ является довольно простымъ образчикомъ послѣдняго помпеянскаго стиля: надъ чернымъ, желтымъ или разноцвѣтнымъ цоколемъ стѣны раздѣлены архитектурными украшеніями на нѣсколько полей бѣлаго цвѣта (за исключеніемъ „алъ", гдѣ цвѣтъ этотъ чередуется съ желтымъ); посреди послѣднихъ въ продолговатыхъ рамкахъ являются картины въ видѣ т. наз. Tafelbilder, тоже не представляющія ничего особенно замѣчательнаго и повторяющія сюжеты, часто встрѣчающіеся въ Помпеяхъ. Комната направо отъ входа (№ 3) осталась вся съ бѣлыми стѣнами, украшенными только мелкими гирляндами цвѣтовъ и небольшими медальонами съ изображеніями животныхъ. Соотвѣтствующая комната слѣва (№ 4) содержитъ двѣ картины довольно плохого исполненія: на лѣвой сторонѣ (a) покинутая Аріадна, за которой стоитъ амуръ, смотритъ вслѣдъ отплывающему Тезею — замѣчательна диспропорція въ чрезмѣрной величинѣ послѣдняго сравнительно съ его товарищами и особенно съ тощей фигуркой рыбака, удящаго на лѣвой авансценѣ рыбу (та же диспропорція, впрочемъ, является и въ другихъ экземплярахъ той же сцены, напр. Mus. Naz. № 9051), такъ что тутъ, очевидно, художникъ работалъ по общему шаблону; справа (b) представленъ Леандръ, переплывающій Геллеспонтъ среди играющихъ дельфиновъ, и Геро, которая изъ окна башни освѣщаетъ ему путь, но не факеломъ, а „помпеянской"

лампочкой, между тѣмъ какъ слѣва рыболовъ, держа ведерце, смотритъ на сцену съ высоты скалы[1]) — опять мотивы, свойственные и другимъ повтореніямъ той же сцены. Надъ главными полями вокругъ всей комнаты идетъ фризъ, составляющій едва ли не лучшее ея украшеніе: на синеватомъ фонѣ, долженствующемъ подражать морской водѣ, изображена масса рыбъ, раковъ и другихъ морскихъ животныхъ, представленныхъ очень реалистически и съ большою опытностью.

Нѣсколько оригинальнѣе и изящнѣе картины, украшающія комнату въ лѣвомъ углу атрія (№ 5). На стѣнѣ рядомъ съ дверью (с) изображенъ Кипариссъ (элегантная юношеская фигура, почти нагая, за исключеніемъ легкаго плаща на ногахъ), который съ неутѣшной (хорошо выраженной) тоской глядитъ на нечаянно имъ пораженнаго любимаго оленя, умирающаго у его ногъ (страданья его очень живо представлены), между тѣмъ какъ большой треножникъ и „омфалосъ" направо указываютъ на мѣсто, гдѣ случилось грустное происшествіе — святилище Аполлона; мѣстное божество половиной своего корпуса выглядываетъ изъ-за скалы налѣво, держа въ лѣвой рукѣ вѣтвь дерева или пучокъ колосьевъ, — фигура довольно плохо сохранилась, и трудно рѣшить, женская она или мужская, но скорѣе послѣднее, а слѣдовательно Аполлонъ, который изъ состраданія къ неутѣшной печали юноши превратитъ его въ дерево, носящее его имя: на лбу его уже появляется листва. Насупротивъ живо написанная и хорошо сохранившаяся картина (d) представляетъ битву между амуромъ и Паномъ (изображеннымъ одного роста съ своимъ маленькимъ противникомъ) въ присутствіи Вакха и Аріадны (двѣ прелестныя фигуры), сидящихъ на тронахъ подъ раскинутымъ шатромъ, Силена, который наклоняется къ Пану и какъ бы ободряетъ его движеніемъ руки, и всей свиты бога, внимательно слѣдящей за ходомъ смѣшной битвы — припоминаются невольно сраженія карликовъ, бывшія въ модѣ у римлянъ. Картина, несомнѣнно, по сюжету не оригинальна, такъ какъ точное до мелочей ея повтореніе найдено и въ Геркуланѣ (Mus. Naz. 9262), но по работѣ и степени сохранности значительно оставляетъ за собою своего двойника и невольно приковываетъ вниманіе зрителя своимъ неподдѣльнымъ юморомъ, въ коемъ чувствуется истинный талантъ, такъ что ее должно считать отголоскомъ хорошаго греческаго оригинала александрійской эпохи. Помимо этихъ двухъ большихъ картинъ комната содержитъ еще надъ главными полями среди фантастическихъ архитектуръ рядъ довольно изящно исполненныхъ фигуръ, изъ коихъ заслуживаютъ особаго вниманія тѣ, которыя занимаютъ центръ стѣнъ: какъ разъ про-

[1]) Mau и г. Ростовцевъ видятъ въ этомъ человѣкѣ слугу Леандра, но не могутъ дать объясненія сосуду въ его рукѣ: это, несомнѣнно, ведерце, вполнѣ тождественное съ тѣмъ, которое представлено въ рукахъ извѣстнаго „рыбака" въ Ватиканѣ (Brunn-Bruckmann, D. d. a. K. № 164).

тивъ двери Леда съ лебедемъ и на правой стѣнѣ Юпитеръ, между тѣмъ какъ соотвѣтствующее украшеніе лѣвой погибло отъ времени.

Изъ остальныхъ комнатъ, зависящихъ отъ атрія, лишь лѣвая ala содержитъ одну картину на задней стѣнѣ, достойную примѣчанія (е): битва четырехъ пѣтуховъ передъ гермой, писанная съ рѣдкой живостью и любовью.

Возвращаясь къ прерванному описанію самихъ помѣщеній, мы входимъ въ перистиль (№ 14). Самъ по себѣ онъ не представлялъ бы ничего достопримѣчательнаго: длинный дворъ, коего главная ось перпендикулярна къ атрію, обнесенъ колоннадой изъ 18 колоннъ, покрытыхъ стуккомъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ и каннелированныхъ, на довольно плоскихъ и неопредѣленныхъ базахъ, съ простыми и сухими капителями композитнаго ордера и довольно легкимъ архитравомъ безъ энергичнаго завершенія, но съ довольно изящной цвѣтной декораціей; кругомъ этотъ дворъ по обычаю окаймленъ ровчикомъ, въ которомъ еще сохранились античныя свинцовыя трубы водопровода — въ общемъ перистиль богатаго помпеянскаго дома. Нельзя также сказать, чтобы и живопись стѣнъ придавала ему много блеска: большіе черные фоны, на которыхъ размѣщены попеременно небольшіе ландшафты и отдѣльныя фигуры, довольно потускнѣвшія и никогда не имѣвшія большой артистической цѣны, сатиръ, вакханка, муза Уранія и т. д. Не ради этой живописи, конечно, хранители Помпей рѣшили возобновить обрушившуюся крышу перистиля; интересно это помѣщеніе тѣмъ, что раскопки открыли его со всею тою утварью и во всемъ блескѣ убранства, которое его нѣкогда украшало — предъ нашими глазами предстаетъ единственный живой образецъ жилого перистиля, чему способствуетъ въ значительной мѣрѣ садикъ, раскинутый во дворѣ по слѣдамъ античныхъ клумбъ, такъ что посѣтитель въ полной иллюзіи ежеминутно ожидаетъ встрѣтить и хозяина этого богатаго дома. Невозможно сухими словами передать то глубокое впечатлѣніе, какое именно это помѣщеніе производитъ на зрителя, невозможно его иначе описать, какъ путемъ простого перечисленія найденныхъ предметовъ (срвн. приложенный рисунокъ).

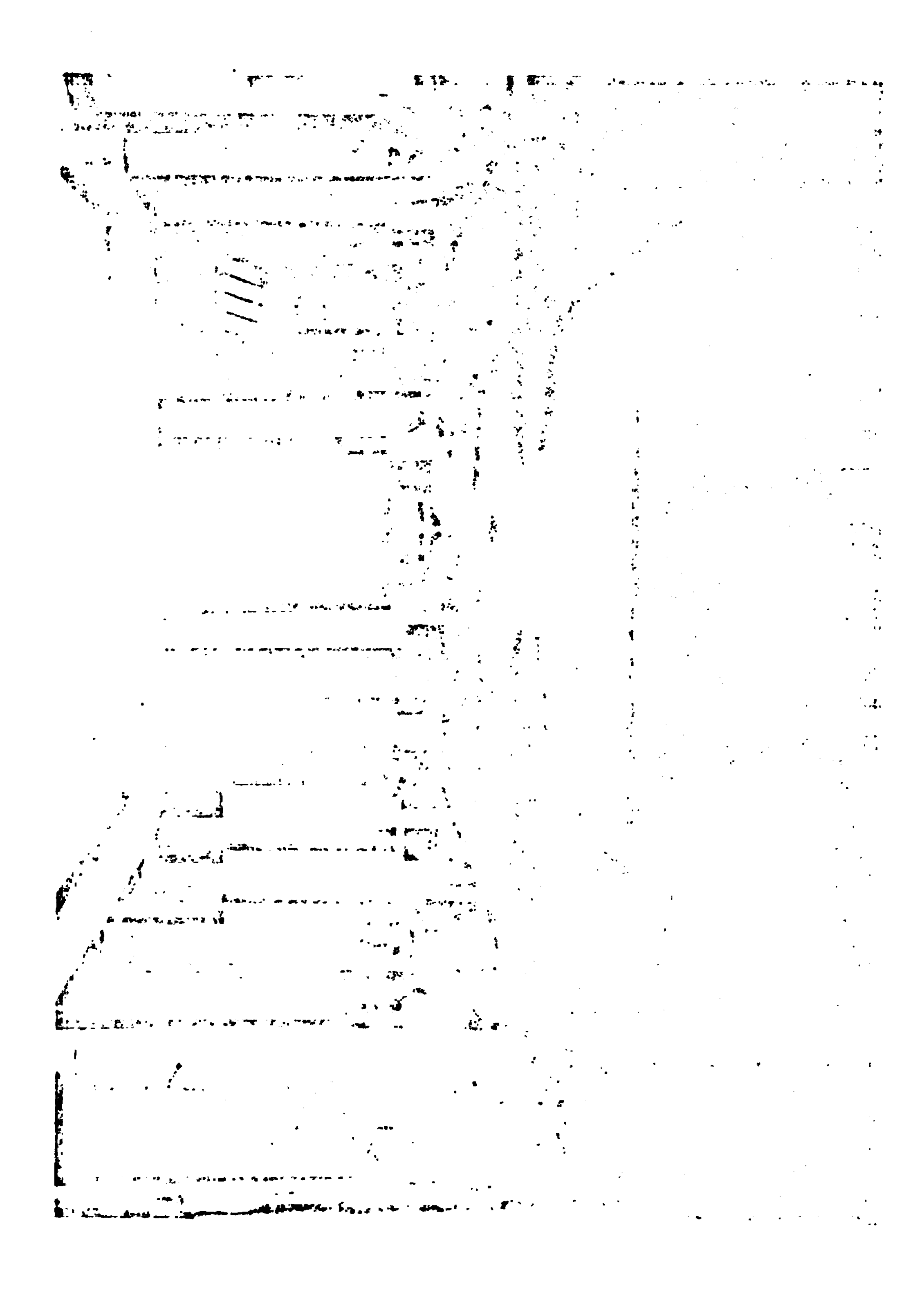
На обѣихъ узкихъ сторонахъ перистиля у подножья средниxъ колоннъ стоятъ по двѣ статуэтки: съ лѣвой стороны — юный Вакхъ *(в)*, увѣнчанный плющомъ и виноградомъ, съ легко на плечи наброшенной небридой, съ кантаромъ въ правой рукѣ и поднятой лѣвой, и Сатиръ *(г)*, держащій на плечѣ мѣхъ съ виномъ и нѣсколько изгибающійся подъ тяжестью его (или невѣрный его шагъ объясняется легкимъ опьяненіемъ?) — обѣ фигуры недурно сдѣланы изъ мрамора; имъ соотвѣтствуютъ съ правой стороны двѣ бронзовыя статуэтки (съ серебряными вставленными глазами): два милыхъ мальчика *(і, и)* съ виноградной лозой въ одной рукѣ и утенкомъ подъ другою (только съ перемѣной рукъ), изъ носовъ

утокъ нѣкогда била струя воды. Имъ уступаютъ въ художественномъ отношеніи двѣ мраморныя статуэтки мальчиковъ *(е, ж)*, стоящихъ у подножья среднихъ колоннъ задней стороны и привязанныхъ со скрученными назадъ руками къ столбикамъ, которые, изгибаясь, проходятъ у нихъ подъ мышкой и нѣкогда изливали воду. Наконецъ и у трехъ угловыхъ колоннъ (обѣихъ заднихъ и правой передней) стоятъ статуи изъ мрамора, которыя нѣсколько стушевываются передъ живостью только что перечисленныхъ, но найденныя въ другомъ мѣстѣ обратили бы на себя вниманіе. Недурны сидящій мальчикъ сь зайцемъ *(д)* и еще болѣе — юноша *(з)* въ фригійской шапкѣ (Парисъ какъ пастухъ?) съ козочкой въ рукѣ (у правой задней колонны); менѣе можетъ нравиться Сатиръ *(к)* съ амфорой, стоящій у правой колонны на передней сторонѣ, и вѣроятно ему соотвѣтствовавшій налѣво (гдѣ теперь пустое мѣсто) Пріапъ, тоже изливавшій воду въ нѣсколько неприличной позѣ, за что теперь запертъ въ комнатѣ близъ кухни[1]). Не лишне замѣтить, что на нѣкоторыхъ изъ статуэтокъ сохранились, хотя очень слабые, слѣды красокъ, такъ что ихъ нужно себѣ представить нѣкогда блестящими въ яркихъ цвѣтахъ. Всѣ эти многочисленныя статуэтки сохранили приспособленія, предназначенныя изливать воду, что указываетъ уже на богатую игру влаги, нѣкогда освѣжавшую роскошный перистиль. Сверхъ того посрединѣ его и нынѣ возвышается фонтанъ въ видѣ изящнаго, стройнаго „алабастронъ", справа и слѣва отъ котораго на высокихъ ножкахъ стоятъ два водовмѣстилища изъ мрамора художественной отдѣлки, одно круглое, другое въ формѣ прямоугольника; четыре подобныхъ же четыреугольныхъ бассейна возвышаются передъ средними колоннами каждой стороны, а круглыя чаши на ножкахъ украшаютъ углы — всего 14 струй воды и 10 бассейновъ для принятія влаги, помимо мраморнаго puteal, или цистерны. Убранство этого чуднаго двора завершается двумя гермами, стоящими по обѣ стороны фонтана; гермы эти, превосходящія по художественной работѣ большинство найденныхъ въ Помпеяхъ и замѣчательно способствующія украшенію перистиля, двойныя, съ головами Вакха и Аріадны на одномъ *(м)*, Сатира и Вакханки на другомъ *(л)*, между тѣмъ какъ круглое ихъ основаніе сплошь обвито плющомъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть и о нѣсколькихъ мраморныхъ столахъ, стоящихъ между колоннами; особенно одинъ (спереди на правой сторонѣ *н)*, поддерживаемый тремя львиными ногами и головами (съ слѣдами красокъ), принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ своего рода.

Какъ самъ перистиль отличается роскошью убранства, такъ и окружающія его комнаты вообще являются наилучше отдѣланными во всемъ

---

1) Не дошли до насъ двѣ статуйки у среднихъ колоннъ спереди; сохранились лишь ихъ базы по обѣ стороны бассейна.

[illegible] я роды. Имъ уступаютъ въ художественномъ [illegible] статуэтки мальчиковъ *(е, ж)*, стоящихъ у пол- [illegible] задней стороны и привязанныхъ со скрученными [illegible] рукам[illegible], которые, изгибаясь, проходятъ у нихъ подъ [illegible] воду. Наконецъ и у трехъ угловыхъ колоннъ [illegible] передней) стоятъ статуи изъ мрамора, которыя [illegible] передъ живостью только что перечисленныхъ, и [illegible] мѣстѣ обратили бы на себя вниманіе. Не- [illegible] съ зайцемъ *(д)* и еще болѣе — юноша *(з)* [illegible] (Парисъ какъ пастухъ?) съ козочкой въ рукѣ [illegible] колонны); менѣе можетъ нравиться Сатиръ *(к)* съ амфо- [illegible] колонны на передней сторонѣ, и вѣроятно ему [illegible] (гдѣ теперь пустое мѣсто) Пріапъ, тоже из- [illegible] нѣсколько неприличной позѣ, за что теперь запертъ [illegible] кухни[1]). Не лишне замѣтить, что на нѣкоторыхъ [illegible] лись, хотя очень слабые, слѣды красокъ, такъ [illegible] представить нѣкогда блестящими въ яркихъ цвѣ- [illegible] численныя статуэтки сохранили приспособленія [illegible] вать воду, что указываетъ уже на богатую игру [illegible] вшую роскошный перистиль. Сверхъ того посре- [illegible] возвышается фонтанъ въ видѣ изящнаго, стройнаго [illegible] справа и слѣва отъ котораго на высокихъ ножкахъ [illegible] вместилища изъ мрамора художественной отдѣлки, одно [illegible], другое въ формѣ прямоугольника; четыре подобныхъ же [illegible] бассейна возвышаются передъ средними колоннами каждой стороны, а круглыя чаши на ножкахъ украшаютъ углы — всего 14 струй воды и 10 бассейновъ для принятія влаги, помимо мраморнаго puteal, или цистерны. Убранство этого чуднаго двора завершается двумя гермами, стоящими по обѣ стороны фонтана; гермы эти, превосходящія по художественной работѣ большинство найденныхъ въ Помпеяхъ и замѣчательно способствующія украшенію перистиля, двойныя, съ головами Вакха и Аріадны на одномъ *(м)*, Сатира и Вакханки на другомъ *(л)*, между тѣмъ какъ круглое ихъ основаніе сплошь обвито плющомъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть и о нѣсколькихъ мраморныхъ столахъ, стоящихъ между колоннами; особенно одинъ (спереди на правой сторонѣ *н)*, поддерживаемый тремя львиными ногами и головами (съ слѣдами красокъ), принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ своего рода.

Какъ самъ перистиль отличается роскошью убранства, такъ и окружающія его комнаты вообще являются наилучше отдѣланными во всемъ

---

[1]) Не дошли до насъ двѣ статуйки у среднихъ колоннъ спереди; сохранились [illegible] ихъ базы по обѣ стороны бассейна.

Видъ перистиля въ домѣ Веттіевъ (по фотографіи Зоммера въ Неаполѣ).

домѣ. Ихъ двѣ (№ 15 и 16) около передней стороны слѣва и одна (№ 17) справа отъ прохода въ атрій; затѣмъ направо идетъ дверь, ведущая въ особенное помѣщеніе, расположенное около другого меньшаго перистиля; далѣе же открывается во всю свою ширину какъ разъ на самый вышеописанный дворъ перистиля (противъ двухъ бронзовыхъ статуэтокъ) роскошный oecus — вельма богато и артистически украшенная комната всего дома (№ 18), и наконецъ рядомъ съ нею въ заднемъ углу справа довольно узкая комната безъ всякой отдѣлки (№ 19), которая помимо двери въ заднюю колоннаду перистиля сообщается другою довольно узкою дверью съ oecus, играя по отношенію къ нему, очевидно, служебную роль (нѣчто въ родѣ буфета, гдѣ находилась и прислуга и утварь, необходимая для сервировки, подогрѣвались кушанья, принесенныя изъ довольно далекой кухни, наконецъ, временно ждали разные артисты, приглашенные для развлеченія гостей). Эта узкая дверь нынѣ составляетъ единственное сообщеніе съ oecus, такъ какъ большая дверь въ перистиль задѣлана ширмой для защиты отъ слишкомъ яркихъ лучей солнца, какъ и узкій входъ запирается деревянной дверью.

Переходя къ описанію отдѣлки названныхъ комнатъ, остановимъ наше вниманіе сначала на двухъ переднихъ: третья въ углу, № 15, совершенно не отдѣлана и служила кладовой, какъ доказываютъ слѣды полокъ на двухъ боковыхъ стѣнахъ. Онѣ обѣ приблизительно одинаковы по величинѣ, устройству и художественному украшенію, такъ какъ обѣ представляютъ по три картины довольно большихъ размѣровъ и хорошаго, хотя и не первостепеннаго, исполненія, притомъ отлично сохранившіяся. Въ комнатѣ налѣво (№ 16) на лѣвой стѣнѣ представленъ маленькій Геркулесъ, который у ногъ своего пораженнаго отца въ виду ужасающейся матери и испуганнаго слуги удавливаетъ двухъ змѣй передъ алтаремъ, на коемъ сидитъ птица Юпитера — орелъ (f). Сюжетъ этотъ встрѣчается и на другихъ картинахъ, но въ нѣсколько иномъ видѣ: присутствуетъ кромѣ Юпитера и Амфитріонъ, который занятъ спасеніемъ своего родного сына (такъ напр. № 9012 изъ Геркуланума), между тѣмъ какъ здѣсь представленъ лишь одинъ величественный мужъ на тронѣ, котораго я сначала былъ склоненъ назвать Амфитріономъ, но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи слѣды дубоваго вѣнка на головѣ его убѣдили меня, что его должно признать Юпитеромъ — художникъ сократилъ часть картины. Среднюю стѣну украшаетъ изображеніе гибели Пенѳея (g); упавъ на лѣвое колѣно, онъ тщетно пытается защититься противъ нападающихъ на него съ двухъ сторонъ тетокъ, Ино и Автонои, между тѣмъ какъ сзади его собственная мать Агава готовится нанесть ему смертельный ударъ обломкомъ скалы, а выше двѣ фуріи съ бичами и факелами, выдвигаясь половиной корпуса

изъ-за скалъ Киѳерона, подстрекаютъ бѣшенство вакханокъ; особенно хороши фигура и выраженіе лица страдальца, тогда какъ вакханки не представляютъ ничего типичнаго, а фигуры фурій являются даже нѣсколько прозаичной прибавкой. Наконецъ, на правой стѣнѣ изображена казнь Дирки (h), которая какъ и въ другихъ повтореніяхъ той же сцены (напр. № 9042 изъ дома del Granduca) является отголоскомъ „Фарнезскаго быка“ (недостаетъ только Антіопы).

Въ соотвѣтствующей комнатѣ на правой сторонѣ перистиля (№ 17) лѣвая стѣна представляетъ намъ (нѣсколько выцвѣтшую) картину съ изображеніемъ Дедала (мощная фигура и выразительное лицо) въ тотъ моментъ, когда онъ показываетъ Пасифаѣ деревянную корову на колесцахъ, долженствующую служить удовлетворенію ея неестественной страсти (i); хороши и лица самой царицы и ея престарѣлой няни; налѣво внизу мальчикъ Икаръ, съ дѣтской невинностью не понимая происходящаго, усердно обучается ремеслу отца. Одной изъ наилучшихъ картинъ должна считаться та, которая занимаетъ главное мѣсто противъ двери, съ изображеніемъ казни Иксіона (k); съ большимъ тактомъ художникъ не показалъ намъ лица страдальца, а представилъ его сзади прикованнымъ къ колесу, коего тоже только край виденъ; рядомъ стоитъ мощная фигура Вулкана и юношески-элегантная Меркурія; направо отъ этихъ исполнителей велѣній Юпитера, какъ спокойная зрительница, возсѣдаетъ на тронѣ виновница наказанія Юнона съ величавой осанкой, между тѣмъ какъ Ирида движеніемъ руки указываетъ ей на готовящееся наказаніе преступника; между двумя группами сидитъ на землѣ укутанная въ плащъ женская фигура, подымающая и очи и лѣвую руку вверхъ съ чувствомъ сострадания, быть можетъ мольбы, вслѣдствіе чего нельзя въ ней видѣть, по-моему, безразличную зрительницу, какъ это дѣлаетъ А. Мау, который толкуетъ ее какъ душу усопшей, служащую только для обозначенія мѣста — преисподней. Наконецъ, на правой сторонѣ представлено, какъ Вакхъ находитъ покинутую Тезеемъ Аріадну (l) — сюжетъ, повторяющійся въ цѣломъ рядѣ помпеянскихъ картинъ и имѣющій интересъ лишь въ виду очень недурнаго исполненія. На той же стѣнѣ, правѣе, на сводѣ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату (№ 13), представленъ сатиръ, нашедшій гермафродита и съ изумленіемъ его разсматривающій. Изъ остальной декораціи комнаты, весьма богатой и изящной, укажемъ лишь на небольшія поля у нижнихъ угловъ средней части главной стѣны; они окрашены въ нѣжнѣйшей голубой цвѣтъ и содержатъ изображенія гиппокамповъ, къ сожалѣнію сохранившіяся лишь въ слабыхъ контурахъ.

Всѣ упомянутыя картины, однако, по интересу далеко не могутъ сравняться съ артистической декораціей oecus'а. Послѣдняя является перломъ и въ этомъ роскошномъ домѣ, несмотря на то, что не дошла до насъ въ законченномъ видѣ: трехъ картинъ главныхъ, долженство-

вавшихъ украшать средніе фоны стѣнъ, не существуетъ, такъ какъ онѣ уже въ древности были вынуты — очевидно, онѣ пострадали отъ землетрясенія 63-го года и должны были быть замѣнены новыми. Но и остающаяся, хотя тамъ и сямъ пострадавшая, декорація до того богата художественными мотивами, что почти не поддается подробному описанію. Прежде всего всякому посѣтителю бросаются въ глаза черныя поля надъ цоколемъ, которыя представляютъ полную параллель къ фризу въ атріи: подобно послѣднему они украшены вокругъ всей комнаты группами амуровъ и психей въ самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ, безъ повторенія, однако, мотивовъ атрія. Фантазія и вкусъ художника были по истинѣ изумительны. Приходится ограничиться простымъ перечисленіемъ сценъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ поврежденныхъ и неясныхъ по сюжету). Справа отъ главнаго входа на узкомъ столбѣ представлены гимнастическія упражненія, метанье камешковъ въ доску, которую одинъ изъ участниковъ вымѣриваетъ рукой. Вдоль правой стѣны слѣдуютъ (см. діаграмму): 1) группа собирающихъ цвѣты, плетущихъ и продающихъ вѣнки (особенно хорошъ козелъ съ корзиной цвѣтовъ, погоняемый двумя амурами); 2) приготовленіе и продажа масла передъ открытымъ шкафомъ (интересенъ, хотя не столько съ артистической стороны, направо стоящій прессъ, въ который два мальчика вгоняютъ молотами клинья); 3) блестящая картина состязанія на колесницахъ (центръ стѣны), при чемъ одинъ изъ соперниковъ упалъ съ раздробленой биги[1]), а другой съ гордостью подымаетъ пальму побѣдителя (эти двѣ фигуры являются чуть не вѣнцомъ всѣхъ картинъ, особенно хорошъ крошка-побѣдитель въ своей нѣсколько комичной гордости) — представлены всѣ 4 цвѣта цирка; 4) мастерская золотыхъ дѣлъ съ различными приспособленіями для ремесла; 5) амуры-fullones (мотивы сильно напоминаютъ извѣстныя картины изъ помпеянской fullonica). На главной, задней стѣнѣ не всѣ изображенія дошли въ сохранномъ видѣ, и можно указать (идя справо налѣво) лишь слѣдующія сцены: 1) амуры, справляющіе празднество весталій; 2) сборъ и выжиманіе винограда (очень живая и интересная картина, къ сожалѣнію сильно поблекшая); 3) вакханаліи, въ которыхъ роли всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, — Вакха, везомаго на plaustrum двумя козлами, Сатира — кучера, Менады верхомъ на пантерѣ и т. д., кромѣ иѳифаллическаго Пана, исполняются амурами и психеями — сцена, кипящая жизнью. На лѣвой стѣнѣ сохранилась лишь одна, довольно мало интересная группа: четыре амура заняты разливкой и продажей вина.

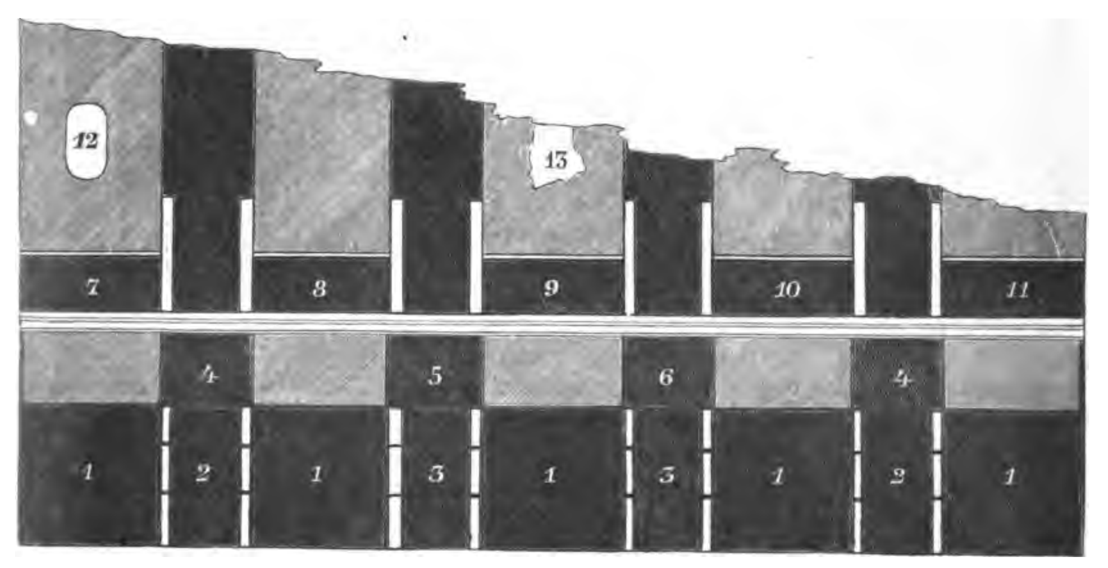
Подъ этой каймой или фризомъ, какъ уже сказано, находится цоколь, раздѣленный на двѣ горизонтальныя полосы: черную внизу и выше красную. Обѣ онѣ украшены въ высшей степени тонкими и изящными

[1]) См. заглавную картинку.

гирляндами: описать ихъ, конечно, невозможно — ихъ нужно видѣть, и глазъ съ трудомъ можетъ оторваться отъ этихъ какъ бы невзрачныхъ, но очаровательно-привлекательныхъ произведеній кисти художника. Цоколь этотъ дѣлится на части стоячими полями чернаго цвѣта, которыя въ нижней части (соотвѣтствующей черной полосѣ цоколя и отъ нея отдѣленной вертикальными узорами) представляютъ отдѣльныя фигуры амазонокъ, женщинъ, вакханки, сатира (10), а во второй (одинаковой вышины съ красной полосой цоколя) содержатъ небольшія картинки частью жанроваго, частью миѳологическаго характера, по четыре на правой и лѣвой и два на задней стѣнѣ. Миѳологическія картинки, коихъ было четыре, но сохранилось лишь три, занимаютъ средину двухъ боковыхъ стѣнъ: на правой изображено 1) жертвоприношеніе Аполлону послѣ убіенія Пиѳона и 2) убіеніе Агамемнономъ священнаго оленя Діаны (вѣрнѣе — моментъ, когда онъ въ пылу преслѣдованія вторгается въ ея святилище), а на лѣвой, въ нѣсколько пострадавшемъ видѣ, — Ифигенія въ Тавридѣ передъ царемъ Ѳоантомъ вмѣстѣ съ Орестомъ и Пиладомъ (послѣдніе сильно пострадали отъ времени). Но несмотря на изящество помянутыхъ картинокъ едва ли не привлекательнѣе дѣйствуютъ на зрителя пять (сохранившихся) сценъ жанроваго характера: психеи (всюду по три), которыя въ разныхъ положеніяхъ и группировкахъ срываютъ цвѣты, собираютъ ихъ въ корзинки и плетутъ вѣнки — верхъ граціи, изящества и вкуса. Надъ помянутыми картинками, начинаясь между сценами амуровъ и отдѣляя ихъ другъ отъ друга, подымаются высоко вверхъ фантастическія, прозрачныя, воздушныя архитектуры; посреди ихъ высится роскошный канделябръ, поставленный на высокій треножникъ, коего подставки замѣнены гермами пановъ, сатировъ и т. д. съ разными сосудами и мелкими животными въ рукахъ; внутри треножника подъ самымъ канделябромъ большею частью стоитъ въ живописной позѣ статуя или маска какого-нибудь существа изъ вакхическаго круга.

Нельзя не пожалѣть глубоко, что расположенныя между этими архитектурами (надъ фризомъ амуровъ) большія поля съ краснымъ фономъ большею частью погибли. Не дошли до насъ, какъ уже сказано, и три большія картины, украшавшія середину трехъ стѣнъ; на мѣстѣ ихъ остались лишь поржавѣвшіе гвозди, которыми онѣ были прикрѣплены къ остальной штукатуркѣ. Очевидно, онѣ были вынуты еще въ древности, или послѣ гибели Помпей при частичныхъ раскопкахъ, или вѣрнѣе послѣ землетрясенія 63-го года, во время котораго онѣ, очевидно, пострадали, такъ что ихъ желательно было замѣнить новыми. Это можетъ служить доказательствомъ, что вся декорація oecus'а, слѣдовательно и столь схожее съ ней убранство атрія восходитъ къ срединѣ перваго вѣка, между тѣмъ какъ уступающее имъ въ художественномъ отношеніи укра-

шеніе остальныхъ комнатъ относится къ реставраціи послѣ 63-го года. Изъ всѣхъ большихъ картинъ, украшавшихъ oecus, сохранились лишь четыре, по двѣ у двухъ заднихъ угловъ комнаты. Каждая изъ нихъ представляетъ любовную пару: въ лѣвомъ углу — Нептунъ и Амимона(?) (n), Аполлонъ и Дафне (o), въ правомъ — Вакхъ и Аріадна (p). Персей и Андромеда (q). Пятая (влѣво отъ центра правой стѣны) попорчена. Всѣ онѣ по положенію плывущихъ по воздуху фигуръ напоминаютъ знаменитыхъ „помпеянскихъ вакханокъ“ и при лучшемъ сохраненіи едва ли бы уступали имъ въ художественномъ отношеніи; по идеѣ онѣ стоятъ несомнѣнно выше ихъ, такъ какъ страстныя движенія двухъ тѣсно между собою связанныхъ фигуръ являются гораздо болѣе мотивирован-

Діаграмма декорацій правой стороны oecus'а (по наброску В. Шеффера).

Темные штрихи обозначаютъ черный фонъ, свѣтлые — красный. 1. гирлянды. 2. вакханки. 3. амазонки. 4. психеи. 5. Агамемнонъ. 6. Аполлонъ. 7. амуры fullones. 8. амуры-кузнецы. 9. состязаніе амуровъ на колесницахъ. 10. амуры, приготовляющіе масло. 11. амуры, собирающіе цвѣты. 12. Персей и Андромеда. 13. вынутая картина.

ными и понятными, а потому болѣе удовлетворяютъ умъ зрителя. Наконецъ, сохранилась небольшая картина на столбѣ между обѣими дверьми oecus'а (r): изображена уже разъ въ этомъ домѣ намъ встрѣтившаяся сцена, какъ силенъ открываетъ гермафродита и въ ужасѣ отскакиваетъ. Верхняя часть стѣнъ заполнена мелкими архитектурами, среди которыхъ движутся и дѣйствуютъ фигуры б. ч. вакхическаго цикла. Высокая цѣнность въ артистическомъ отношеніи этой комнаты побуждаетъ меня для большей ясности присоединить діаграмму декораціи ея правой (наилучше сохранившейся) стѣны.

Относительно другихъ помѣщеній дома мы можемъ ограничиться болѣе краткими указаніями. Мы уже упомянули, что передъ oecus дверь ведетъ во второстепенный перистиль. Пять тонкихъ колоннъ и два пилястра (въ стѣнѣ большого oecus'а) поддерживали крышу, окружавшую съ трехъ сторонъ маленькій цвѣтникъ (№ 20); направо отъ входа, противъ колоннады, двѣ небольшія комнаты, cubiculum и триклиній; первая (№ 22) представляетъ лишь гирлянды и маленькіе медальоны на бѣломъ фонѣ, а вторая (№ 21), съ фонами чернаго цвѣта, содержитъ сверхъ того двѣ довольно посредственныя и плохо сохранившіяся картины. На задней стѣнѣ (s) изображено открытіе Ахилла среди дочерей Ликомеда (не сохранилось ни одной головы главнаго лица); направо (t) представлена сцена, какъ Геркулесъ застаетъ Авгу, когда она моетъ священныя одежды Аѳины (картина и по идеѣ и по исполненію мало удовлетворительная).

Возвращаясь еще далѣе назадъ, мы у самаго начала атрія съ правой стороны (см. выше) находимъ дверь, ведущую въ другой, меньшій атрій (№ 23). Въ немъ близъ правой стѣны расположенъ обыкновенный compluvium, а на лѣвой въ изящной часовнѣ, окаймленной двумя колоннами и завершенной богатымъ карнизомъ лѣпной работы и такимъ же фронтономъ съ изображеніемъ патеры, букранія и жертвеннаго ножа, заключена обыкновенная, но довольно изящно исполненная группа генія и двухъ ларовъ вмѣстѣ съ громадной змѣей (cristatus et barbatus), подползающей къ алтарю съ приношеніями (u). Изображеніе это и по степени сохранности и по тщательности отдѣлки представляетъ большой интересъ въ культурномъ, если не въ художественномъ отношеніи. Въ правой стѣнѣ этого атрія и en face двери ведутъ въ четыре, совершенно не отдѣланныхъ, служебныхъ помѣщенія (№№ 24—27), и тутъ же лѣстница во второй этажъ. Послѣдняя дверь въ лѣвомъ углу сообщаетъ атрій съ кухней (№ 28), которая представляетъ тотъ интересъ, что на очагѣ ея (а также близъ него) сохранилась бронзовая и глиняная утварь — очевидно, когда произошло изверженіе Везувія, въ ней готовилось кушанье. Позади кухни находится небольшое помѣщеніе, которое нынѣ держится подъ запоромъ (№ 29); его стѣны представляютъ картины неприличнаго содержанія; сюда же удаленъ и вышеупомянутый Пріапъ.

На этомъ мы и заканчиваемъ свое описаніе дома Веттіевъ, прибавивъ лишь, что его стѣны выходятъ на три улицы, между тѣмъ какъ четвертая примыкала къ сосѣднимъ зданіямъ, отчасти нынѣ уже раскопаннымъ. Стѣна (№ 30) отдѣляетъ раскопанную часть улицы, служа поддержкой для неразрытой массы земли. Мнѣ остается только пожелать, чтобы удалось мнѣ дать читателю хотя бы приблизительное представленіе объ этомъ столь цѣнномъ открытіи послѣдняго года, насколько мнѣ позволили это сдѣлать неблагопріятныя условія, въ которыя я былъ поставленъ.

Въ то время, когда авторъ писалъ данный эскизъ, ему были неизвѣстны двѣ видныя работы, имѣющія своимъ предметомъ также описаніе дома Веттіевъ: A. Mau, Scavi di Pompei (Mitth. d. d. Inst., Röm. Abth. XI, 3—97) и М. Ростовцева, Помпеи за 1893—95 г. (изъ VIII тома Зап. Русск. Арх. Общ.). Оба автора имѣли преимущество изслѣдовать домъ въ то время, когда еще не было издано запрещеніе „рисовать и мѣрить“ въ немъ, вызванное предполагаемой публикаціей въ Monumenti antichi (порученной извѣстному знатоку помпеянской живописи проф. Sogliano). Авторъ данной краткой статьи не могъ и подумать о томъ, чтобы ее пополнить извлеченіями изъ названныхъ гораздо болѣе подробныхъ описаній, такъ какъ этимъ нанесъ бы только ущербъ ея характеру, не достигнувъ тѣмъ не менѣе полноты выше названныхъ; онѣ должны считаться весьма цѣнными для спеціалистовъ, въ точности знакомыхъ съ исторіей декоративныхъ стилей и живописи въ Помпеяхъ, но для массы филологовъ въ виду большой подробности описаній безъ надлежащихъ рисунковъ представляются мало доступными (особенно это относится къ статьѣ г. Ростовцева, который не обладаетъ еще опытностью Мау и часто теряется въ деталяхъ, не давая яснаго представленія о цѣломъ). Для названныхъ лицъ данное описаніе, выставляя на видъ и характеризуя лишь самыя существенныя черты расположенія и декораціи дома, явится болѣе полезнымъ, дополняя тѣ образцы римскаго дома, которые имъ знакомы изъ руководствъ по частнымъ римскимъ древностямъ.

Долгъ благодарности замѣтить, что авторъ позаимствовалъ изъ статьи Мау реставрированный видъ дома съ высоты птичьяго полета, который уясняетъ (лучше, чѣмъ это могли сдѣлать слова) въ особенности расположеніе верхняго этажа, о существованіи его было упомянуто и въ текстѣ, изъ рисунка же явствуетъ, что онъ простирался не только надъ комнатами вокругъ меньшаго атрія и надъ служебными помѣщеніями влѣво отъ большого атрія, но и надъ передней стороной послѣдняго, такъ что оба первыхъ комплекса были между собою соединены. Точно такъ же авторъ обязанъ статьѣ М. Ростовцева поправкой относительно мелкихъ комнатъ, расположенныхъ вокругъ малаго атрія, котораго однако послѣдній самъ не призналъ за таковой, опустивъ на своемъ планѣ compluvium (сравн. стр. 24 и слѣд.).

Вообще по поводу послѣдней статьи должно замѣтить, что авторъ, затративъ много силъ на собираніе матеріала для описанія (хотя и въ его замѣтки иногда вкрались неточности), не употребилъ столько же старанія и тщательности на разработку его и на ознакомленіе съ необходимыми археологическими основаніями для подобнаго описанія. Поэтому напр. онъ совершенно невозможнымъ образомъ опредѣляетъ положеніе дома и vicolo di Mercurio, который у него проходитъ мимо casa

di Meleagro: или онъ vicolo смѣшалъ co strada di Mercurio или c. di M. съ casa del Laberinto; и то и другое — крупная ошибка со стороны ученаго, видѣвшаго хотя бы и поверхностно Помпеи. Этимъ же объясняются и замѣчанія въ родѣ слѣдующаго относительно атрія: „присутствіе многихъ мотивовъ скорѣе третьяго, чѣмъ четвертаго стиля, показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ работой эпохи, непосредственно слѣдовавшей за третьимъ стилемъ, т.-е. эпохи Августа или Тиберія" (стр. 12), но во-первыхъ, характерныхъ мотивовъ 3-го стиля, напр., синевато-бѣлыхъ колоннъ или канделябровъ, тонкихъ орнаментальныхъ полосъ, натуралистически изображенной зелени и т. д. въ атріи незамѣтно, и развѣ только въ значительномъ примѣненіи киновари замѣтно вліяніе этого стиля; во-вторыхъ, 3-й стиль засвидѣтельствованъ для 15 г. по Р. Х., а слѣдовательно переходъ къ 4-му совершился не ранѣе правленія Тиберія (а не Августа), скорѣе ко времени Клавдія; если же авторъ съ этими общепризнанными фактами не согласенъ, то онъ долженъ былъ свое мнѣніе обосновать доводами. Въ виду этого въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше изложеніе расходится съ названной статьей, мы просимъ читателя за рѣшеніемъ этого разногласія обращаться къ помянутому описанію А. Мау, лучшаго знатока Помпей.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКА СОЧИНЕНІЙ ЛИТОВСКАГО ПИСАТЕЛЯ Н. ДАУКША.

В. К. Поржезинскаго.

Старые литовскіе тексты, какъ извѣстно, свидѣтельствуютъ о томъ, что литовскій языкъ съ XVI в., къ которому восходятъ древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники литовской письменности, измѣнился въ общемъ лишь въ незначительной степени, и что уже въ то время онъ распадался на тѣ же нарѣчія, какія мы находимъ и въ настоящее время. То обстоятельство, что въ дошедшихъ до насъ старыхъ текстахъ являются различные діалекты литовскаго языка, объясняется отсутствіемъ въ Литвѣ въ старое время общепринятаго литературнаго нарѣчія; впрочемъ, въ русской Литвѣ такого нарѣчія не существуетъ и понынѣ, въ прусской же Литвѣ въ послѣднее время создалась въ этомъ отношеніи извѣстная традиція.

Указанныя особенности старыхъ литовскихъ текстовъ, съ одной стороны, облегчаютъ въ значительной степени работу лингвиста, приступающаго къ ихъ изученію, но, съ другой стороны, дѣлаютъ для него обязательнымъ основательное знакомство съ нынѣ существующими литовскими говорами. Кромѣ этого, въ особенности при изученіи памятниковъ XVI в., нельзя упускать изъ виду и того, что зарождающаяся литовская письменность находилась подъ сильнымъ вліяніемъ польской письменности, притомъ въ такое время, когда въ этой послѣдней лишь вырабатывались извѣстные орѳографическіе пріемы, и это послѣднее обстоятельство заставляетъ быть очень осторожнымъ при оцѣнкѣ графическихъ и орѳографическихъ особенностей старыхъ литовскихъ текстовъ.

Къ числу дошедшихъ до насъ литовскихъ текстовъ XVI в. принадлежатъ произведенія Николая Даукша, являющіяся самыми старыми памятниками восточно-литовскаго нарѣчія. Этому литовскому писателю принадлежитъ переводъ Катихизиса испанскаго іезуита Ледесмы съ приложеніемъ „Краткаго способа исповѣданія грѣховъ“, изданный въ 1595 г. въ Вильнѣ, и переводъ Постиллы кс. Вуйка, вышедшій также въ 1599 г. Катихизисъ Даукша, какъ мы можемъ сокращенно называть первое произведеніе, вновь перепечатанъ Э. Вольтеромъ (Записки Императорской Академіи Наукъ, т. LIII и отдѣльно), полнаго же переизданія Постиллы

не существуетъ. Нѣсколько отрывковъ изъ этого крайне цѣннаго памятника неточно перепечатано Л. Гейтлеромъ въ его Litauische Studien; болѣе значительные отрывки приведены Э. Вольтеромъ въ его книгѣ „Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди“ (Зап. Ак. Н., т. LVI и отдѣльно); кромѣ того въ Вильнѣ въ 1823 году перепечатаны въ видѣ отдѣльной брошюры латинское и польское предисловія Даукша къ сдѣланному имъ переводу Постиллы и проповѣдь на день Р. Х., также съ извѣстными неточностями; сверхъ того я пользовался, благодаря любезному разрѣшенію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова, принадлежащимъ ему спискомъ проповѣди, начинающейся на стр. 167; списокъ этотъ сдѣланъ однимъ изъ студентовъ-литовцевъ. Такъ какъ Постиллой Даукша въ ея цѣломъ я не могъ пользоваться, то въ настоящей статьѣ я главнымъ образомъ имѣю въ виду Катихизисъ.

Прежде чѣмъ говорить объ особенностяхъ языка сочиненія Даукша, я долженъ, въ силу высказанныхъ выше соображеній, остановиться на его ороографическихъ пріемахъ.

При первомъ взглядѣ на любую страницу Катихизиса останавливаетъ на себѣ наше вниманіе обиліе различныхъ діакритическихъ знаковъ, преимущественно надъ буквами, обозначающими гласныя. Въ изданіи Вольтера на стр. LXX приведены различныя написанія, встрѣчающіяся въ текстѣ Катихизиса для обозначенія того или другого звука. Всѣ эти написанія воспроизведены и въ самой перепечаткѣ текста, за исключеніемъ лишь написанія *e̲*, которое передано написаніемъ *ę*, имѣющимъ вообще другое значеніе, и по этому поводу Э. Вольтеръ замѣчаетъ: „Однакоже мы не могли соблюсти различія между *e̲* (*e* съ чертою внизу) и *ę* (*e* съ хвостикомъ внизу)“. (Стр. LXVI). На стр. LXXIV указана причина такой неточности: „. . .у насъ такой буквы *e* съ черточкою теперь не имѣется“.... Въ виду того, что указанное написаніе имѣетъ вообще значеніе, отличное отъ значенія *ę*, то замѣна перваго написанія вторымъ крайне неудобна, и для устраненія этого неудобства Э. Вольтеръ обѣщаетъ на стр. LXVI представить „перечень всѣхъ случаевъ, гдѣ въ оригиналѣ встрѣчается *e* съ хвостикомъ“. На стр. LXXIV и сл. мы находимъ списокъ, гдѣ выписаны „всѣ слова съ *ę*, которыя не соотвѣтствуютъ *en*, или носовому гласному“. Изъ того, что на стр. LXXVIII находится перечень тѣхъ случаевъ, гдѣ въ оригиналѣ ошибочно стоитъ *e̲* вм. *ę*, и изъ словъ Э. Вольтера на стр. LXVI слѣдуетъ, что въ списокъ стр. LXXIV и сл. вошли случаи, въ которыхъ *ę* не имѣетъ носового значенія въ самомъ оригиналѣ, а не въ перепечаткѣ. Въ текстѣ Катихизиса въ изданіи Э. Вольтера встрѣчаются однако случаи, гдѣ *ę* не имѣетъ носового значенія, которые не вошли въ упомянутый списокъ, и относительно которыхъ остается неяснымъ, что же именно стоитъ здѣсь въ оригиналѣ — *e̲*, или *ę*, такъ какъ мы не находимъ этихъ

случаевъ и въ перечнѣ стр. LXXVIII, гдѣ приведены слова, въ которыхъ въ оригиналѣ ошибочно стоитъ ẹ вмѣсто ę. Для примѣра укажу на слѣдующіе случаи: Lięžuvio (2)[1], Metûsę (2), nęi (5), Kęlimo (43). Kurię (105). Подобнымъ же образомъ и написаніемъ ę передается Э. Вольтеромъ безразлично é съ черточкой внизу и ę. Итакъ, неудобство, проистекающее изъ употребленія ę въ соотвѣтствіи съ двумя различными написаніями оригинала, имѣющими притомъ различное значеніе, не устраняется списками, помѣщенными во введеніи. Впрочемъ, къ этому вопросу я вернусь впослѣдствіи.

Кромѣ несоотвѣтствія перечня стр. LXX съ самимъ текстомъ Катихизиса по отношенію къ ẹ, указаннаго самимъ Э. Вольтеромъ, въ немъ не упомянуты слѣдующія написанія, встрѣчающіяся въ текстѣ: *á*, ср. brągumás (147); *í*, ср., напр., darít (58); вообще этотъ знакъ встрѣчается 13 разъ въ самомъ текстѣ и 1 разъ въ глоссѣ reikalíngą (70 gl.); *ý*, ýra (16), sussýéit (66); *ú*, встрѣчающееся довольно часто, напр., priwałús (4), múmus (14), Kúnigas (14); ã, ср. idãt (8); tã (73); *ň*, напр., maň (174); *ñ*, ср. tokiosñ (117); знакъ s̈, приведенный на стр. LXVII; написаніе *ř*, ср. noř (6, 188). Далѣе неяснымъ остается для меня вопросъ о написаніи *œ*, упомянутомъ въ перечнѣ; мы находимъ его въ словарѣ на стр. 94 въ словѣ nužœmintą, между тѣмъ какъ въ мѣстѣ, на которое сдѣлана въ словарѣ ссылка, стоитъ nužęmintą, равно какъ и въ индексѣ на стр. LXXVI мы находимъ nužęmintą съ ссылкой на то же мѣсто. Кромѣ того въ перечнѣ указано написаніе m̃, а при немъ въ скобкахъ m̄: въ текстѣ только m̄: tam̄ (7), Kam̄ (101), Kam̄ (102), iam̄ (133), antram̄ (113), manim̄ (144).

Теперь перехожу къ вопросу о томъ, насколько точно воспроизведены при переизданіи текста Катихизиса графическіе и орѳографическіе пріемы Даукша. На стр. XVI Э. Вольтеръ говоритъ: „Въ переизданіи нашемъ употреблены вмѣсто готическихъ типы латинскіе. Изданіе дипломатически точное, т.-е. съ соблюденіемъ всѣхъ ошибокъ и опечатокъ. „Такимъ образомъ переизданіе разсчитано на то, чтобы замѣнить подлинникъ, хранящійся въ Виленской Публичной библіотекѣ. Признавая вполнѣ раціональной замѣну готическихъ типовъ латинскими, я не могу согласиться съ нѣкоторыми частностями. Во-первыхъ, желательно было бы имѣть въ перечнѣ стр. LXX точное описаніе или даже точное воспроизведеніе написаній, обозначающихъ носовыя гласныя, такъ какъ и въ латинской транскрипціи можно было передать особенности въ начертаніи извѣстныхъ буквъ, обозначающихъ эти гласныя, сравнительно съ нынѣ употребительными буквами; въ самомъ текстѣ Катихизиса, понятно, нѣтъ надобности воспроизводить начертанія ори-

[1]) Цифры въ скобкахъ вездѣ указываютъ на стр. виленскаго изданія Катихизиса и Постиллы.

гинала. Дѣло въ томъ, что буквы, обозначающія носовыя гласныя, отличаются отъ буквъ, обозначающихъ соотвѣтственныя неносовыя гласныя, наклонною слѣва направо чертою, пересѣкающею снизу правую часть буквы; буква же, служащая для выраженія *e* открытаго, изображается слѣдующимъ образомъ: *ȩ*. Во-вторыхъ, нельзя согласиться съ замѣной всюду въ текстѣ Катихизиса буквы, служащей для выраженія *e* носового, написаніемъ *ȩ*, имѣющимъ и другое значеніе. На неудобства, проистекающія отсюда, я указалъ выше. Эти неудобства легко было бы устранить введеніемъ какого-нибудь условнаго написанія, хотя бы того же *e̱*, которое, какъ мы видѣли, вопреки заявленію Э. Вольтера на стр. LXXIV, неточно передаетъ соотвѣтственное написаніе оригинала, тѣмъ болѣе, что этотъ знакъ встрѣчается довольно часто во введеніи и примѣненъ при перепечаткѣ отрывковъ изъ Постиллы въ „Отчетѣ объ этн. поѣздкѣ“. Кромѣ того я долженъ еще замѣтить, что въ старыхъ текстахъ, печатанныхъ такъ называемымъ „швабахомъ“, часто бываетъ очень трудно различать точку отъ знака акута въ качествѣ діакритическихъ знаковъ, и въ этихъ случаяхъ все зависитъ отъ впечатлѣнія, получаемаго издателемъ такого текста.

Послѣ этихъ необходимыхъ вступительныхъ разъясненій я перехожу къ разсмотрѣнію орѳографическихъ пріемовъ Н. Даукша.

Зарождающаяся литовская письменность воспользовалась азбукой, употреблявшейся поляками для передачи звуковъ своего языка. Польская азбука, которая къ тому же въ XVI в. еще не установилась окончательно, требовала въ примѣненіи къ литовскому языку извѣстныхъ дополненій, такъ какъ въ литовскомъ яз. существуютъ между прочимъ такіе звуки, какихъ нѣтъ въ польскомъ. Въ литовскомъ Катихизисѣ 1547 г. мы находимъ цѣликомъ польскую азбуку, и это частью объясняется свойствами того мемельскаго діалекта, который является въ этомъ текстѣ: я имѣю въ виду отсутствіе особыхъ знаковъ для сл. гл. *ė* и *ů*; лишь два раза является здѣсь *æ*; особыхъ знаковъ для носовыхъ *i* и *u* нѣтъ. Въ Forma chrihstima 1559 года впервые является знакъ *ů*. Относительно происхожденія этого написанія я раздѣляю мнѣніе, высказанное Бецценбергомъ (Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, p. 27), который видитъ въ немъ заимствованіе изъ нѣмецкой письменности, сохраняющей еще и нынѣ слѣды *o* въ видѣ крючка надъ буквой *u*; написаніе *ů* было въ нѣм. яз. нѣкогда очень употребительно для обозначенія сочетанія *uo*. Написаніе *æ* употребляется въ Forma довольно часто; заимствованное изъ латинской азбуки, оно и печатается латинскимъ шрифтомъ. Въ Библіи Бреткуна мы находимъ написанія *ạ*, *ẹ*, *ị*, *ụ* для обозначенія носовыхъ *a*, *e*, *i*, *u*. Въ трудахъ Вилента, вышедшихъ въ 1579 г., впервые мы находимъ 1 разъ *ị*[1]) для обозначенія *i* носового. Что касается орѳо-

[1]) Въ старыхъ литовскихъ текстахъ употребляются для обозначенія носовыхъ глас-

графическихъ пріемовъ, то въ перечисленныхъ текстахъ мы находимъ вообще подражаніе пріемамъ польской письменности. Если мы обратимся теперь къ сочиненіямъ Даукша, то и здѣсь мы найдемъ то же стремленіе приспособить польскую азбуку къ литовскому языку съ сохраненіемъ польскихъ орѳографическихъ пріемовъ. Э. Вольтеромъ во введеніи къ изданію Катихизиса Даукша сообщены нѣкоторыя данныя по исторіи азбуки, которою пользуется Даукшъ, и вслѣдствіе этого я перехожу прямо къ характеристикѣ орѳографическихъ пріемовъ нашего автора, при чемъ лишь мимоходомъ буду останавливаться на вопросѣ о происхожденіи того или другого написанія.

Носовыя гласныя *a*, *e*, *i*, *u* обозначаются у Даукша буквами *a*, *e*, *i*, *u* съ наклонною справа налѣво чертою въ нижней правой части буквы. Какъ я уже замѣтилъ, эти написанія я передаю условно нынѣ употребительными *ą*, *ę*, *į* и *ų*. Что касается до *ą* и *ę*, то эти буквы прямо заимствованы изъ польской азбуки, буквы же *į* и *ų* составлены по ихъ аналогіи, при чемъ написаніе *į* встрѣчается, какъ мы видѣли одинъ разъ уже у Виллента. Носовое свойство гласныхъ остается нерѣдко необозначеннымъ; съ другой стороны, встрѣчаются случаи, гдѣ стоитъ буква, обозначающая носовую гласную, тамъ, гдѣ въ самомъ языкѣ нѣтъ носовой гласной. Изъ произведеннаго мною подсчета случаевъ употребленія въ текстѣ Катихизиса буквъ *ą*, *į*, *ų* (подсчета случаевъ употребленія въ Катихизисѣ буквы *ę* я не производилъ по изложеннымъ мною выше основаніямъ) видно, что число случаевъ, гдѣ носовое свойство не обозначено, составляетъ съ точностью до 0,1 для гласной *a* — 12,3%, для *u* — 13,4%, для *i* — 46,1% всего числа случаевъ, гдѣ въ самомъ языкѣ была носовая. Конечно, само собой разумѣется, что значеніе этихъ цифръ лишь относительное. Прежде всего мы имѣемъ не подлинную рукопись автора, а печатанный текстъ; кромѣ того я пользовался не оригинальнымъ изданіемъ, а переизданіемъ. Такимъ образомъ надо установить, въ какой степени надо принимать во вниманіе оба эти обстоятельства при оцѣнкѣ данныхъ, непосредственно добытыхъ изъ текста Катихизиса въ томъ видѣ, какъ онъ является въ переизданіи. Съ одной стороны извѣстно, что и при довольно тщательной корректурѣ остаются незамѣченными нѣкоторыя ошибки наборщика. Къ изданію 1595 г. приложенъ списокъ опечатокъ, гдѣ указываются ошибки частью въ знакахъ, частью въ буквахъ и цѣлыхъ слогахъ. Въ переизданіи текстъ воспроизводится въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ подлинномъ изданіи, т.-е. со всѣми опечатками. Ошибки наборщика, сдѣланныя въ переизданіи и оставшіяся

ныхъ буквы, обозначающія соотвѣтственныя гласныя неносовыя, съ наклонною слѣва направо чертою въ нижней правой части буквы; эти написанія я условно замѣняю нынѣ употребительными буквами.

неисправленными въ текстѣ, указываются Э. Вольтеромъ въ концѣ книги. Однако въ самомъ текстѣ есть опечатки (я имѣю пока въ виду несомнѣнныя опечатки), не вошедшія ни въ тотъ ни въ другой списокъ. По точному смыслу словъ введенія къ переизданію (стр. XVI): „Изданіе дипломатически точное, т.-е. съ соблюденіемъ всѣхъ ошибокъ и опечатокъ", мы должны принять, что тѣ опечатки, о которыхъ я говорю находятся въ изданіи 1595 г. (ср., напр., 75 (стр. 24,2); 120 (стр. 38,22); 178 (стр. 56,6); 182 (стр. 57,26), гдѣ вм. paɫauk нужно читать paɫank). Итакъ, текстъ изданія 1595 г., какъ и большинство печатныхъ текстовъ, не представляетъ собою безусловно точнаго воспроизведенія рукописи автора даже по отношенію къ цѣлымъ буквамъ. Гораздо легче могли остаться незамѣченными (да и были онѣ, понятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ опечатки перваго рода) ошибки въ знакахъ, и мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ. Кромѣ того особенно относительно знака для į слѣдуетъ замѣтить, что въ старыхъ текстахъ при недостаточной отчетливости печати, зависящей и отъ шрифта и отъ бумаги, его по самому начертанію трудно бываетъ иногда отличить отъ буквы i; то же въ нѣсколько меньшей степени примѣняется и къ прочимъ буквамъ, обозначающимъ носовыя гласныя. Такимъ образомъ и при передачѣ текста изданія 1595 г. въ отдѣльныхъ случаяхъ могли быть колебанія, разрѣшеніе которыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ, конечно, отъ личнаго впечатлѣнія. Итакъ, несомнѣнно, что иногда носовое свойство гласныхъ оставалось въ Катихизисѣ необозначеннымъ, что̀ встрѣчается нерѣдко и въ другихъ литовскихъ текстахъ. Отсутствіе обозначенія носового свойства гласныхъ встрѣчается во всѣхъ категоріяхъ случаевъ и имѣетъ, очевидно, случайное происхожденіе. Вопросъ, были ли ошибки въ этомъ направленіи въ подлинной рукописи автора, остается, понятно, открытымъ, хотя, я думаю, онѣ были, да этотъ вопросъ и не имѣетъ серьезнаго значенія, разъ мы убѣждаемся изъ печатнаго текста въ томъ, что необозначеніе носового свойства гласныхъ не имѣетъ предвзятой цѣли. Въ текстѣ Постиллы, насколько я могу судить по имѣющимся у меня отрывкамъ, вообще меньше случаевъ необозначенія носового свойства гласныхъ.

Тѣ случаи, въ которыхъ мы находимъ написанія, обозначающія носовыя гласныя, тамъ, гдѣ въ самомъ языкѣ не было носовой, по своей незначительности и по своей разнородности не позволяютъ дѣлать никакихъ заключеній; происхожденіе ихъ случайно.

Дифтонгическія сочетанія на носовую передаются въ Катихизисѣ слѣдующимъ образомъ: 1) пишется гласная неносовая + согласная носовая, 2) гласная носовая + носовая согласная и 3) одна носовая гласная. Возможность послѣдняго написанія объясняется тѣмъ, что въ языка Даукша носовыя гласныя были именно собственно сочетанія „гласная носовая +

болѣе или менѣе явственная носовая согласная". Въ очень рѣдкихъ случаяхъ носовое свойство гласной остается необозначеннымъ и здѣсь, гдѣ это написаніе выражаетъ дифтонгическое сочетаніе на носовую. Число всѣхъ случаевъ, гдѣ въ Катихизисѣ мы находимъ написаніе „гласная неносовая+носовая согласная", составляетъ для сочетаній съ гласной *а* съ точностью до 0,1—57,5% всѣхъ прочихъ случаевъ, для дифт. сочет. съ гласной *u* — 500%, для дифт. сочет. съ гласной *i* — 1858,3%. Эти цифры, если мы примемъ во вниманіе тѣ ограниченія, которыя я сдѣлалъ выше, все-таки позволяютъ думать, что въ самомъ рукописномъ текстѣ автора были данныя для такой передачи дифт. сочет. на носовую, т.-е. я думаю, что и въ рукописи автора особенно часто оставалось не обозначеннымъ въ такихъ сочетаніяхъ носовое свойство гласной *i*, затѣмъ гласной *u* и рѣже всего гласной *a*. Такимъ образомъ гласныя, входившія въ составъ дифт. сочет. на носовую, были сами носовыми, при чемъ наименѣе это сказывалось по отношенію къ гласной *i*, затѣмъ по отношенію къ гласной *u*. Что касается дифт. сочет. съ гласной *e*, то въ виду особенностей, представляемыхъ переизданіемъ Катихизиса по отношенію къ этой гласной, я не привожу данныхъ изъ Катихизиса. Въ текстѣ Пастиллы мы находимъ слѣдующее: 1) написанія *en* (*n* я беру вообще представителемъ носовой согласной), *[ėn]*[1]), *ₒen* (этимъ написаніемъ я условно передаю написаніе *ę*, служащее для передачи *e* открытаго, такъ какъ этимъ написаніемъ я передаю отличающееся отъ него написаніе, выражающее *e* носовое); 2) написаніе *ęn*; 3) *ę*. И здѣсь есть рѣдкіе случаи, гдѣ встрѣчаются написанія, обозначающія *e* неносовое открытое.

Гласная *e* краткое и некраткое незакрытое передается, во-первыхъ, слѣдующими написаніями: *e*, *ₒe*[2]), *ė*. Что касается буквы *e*, то она служитъ и для передачи *e* закрытаго, буквы же *ₒe* и *ė*, за исключеніемъ случаевъ ошибочнаго ихъ употребленія, служатъ лишь для передачи *e* краткаго и некраткаго незакрытаго. Написаніемъ *ₒe* я передаю условно, какъ я уже замѣтилъ, букву *ę*. Знакъ *ė* Даукшъ примѣнилъ, повидимому, самостоятельно для обозначенія *e* открытаго. Въ болѣе раннихъ текстахъ мы находимъ лигатуру *æ*, въ болѣе позднихъ — *ea;* кромѣ сочиненія Даукша я не знаю текстовъ, гдѣ было бы употреблено написаніе *ė*. Что касается буквы *ₒe*, то она заимствована изъ польской азбуки, гдѣ она, будучи сокращеніемъ латин. *ae*, начала входить въ употребленіе въ концѣ XVI в. сначала въ заглавіяхъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребленъ латинскій шрифтъ; въ самомъ концѣ XVI в. эта буква

---

[1]) Этого написанія въ имѣющихся у меня отрывкахъ я не нахожу; въ Катихизисѣ оно встрѣчается.

[2]) Въ примѣрахъ изъ текста Катихизиса это написаніе передается напис. *ę*.

стала употребляться въ значеніи *е* носового (Katużniacki, Sitzungsberichte der Akad. d. Wiss. zu Wien, т. 99, стр. 973, пр. 4). Кромѣ этихъ написаній звукъ *е* открытое передается также частью и буквою *а* вслѣдствіе того, что гласная изъ стараго *а* въ положеніи послѣ смягченной согласной въ самомъ языкѣ совпадала съ гласной изъ стараго *е*. Если бы Даукшъ придерживался въ орѳографіи чисто фонетическаго способа передачи звуковъ, то и *е* открытое, восходящее къ старому *а* въ положеніи послѣ мягкой согласной, онъ всюду передавалъ бы буквой *е* или ея видоизмѣненіями. Этого однако мы не находимъ: на ряду съ буквою *е* различнаго типа мы находимъ у Даукша и букву *а*, частью тамъ, гдѣ старое *е*, частью, притомъ въ большинствѣ случаевъ, тамъ, гдѣ старое *а*. Даукша пришелъ къ такому употребленію буквы *а*, надо думать, слѣдующимъ образомъ: въ извѣстныхъ категоріяхъ случаевъ звукъ *е* открытое изъ стараго *а* въ положеніи послѣ смягченной согласной въ части образованій чередуется со звукомъ *а* въ положеніи послѣ твердой согласной въ другой ихъ части; въ этихъ-то случаяхъ Даукшъ писалъ, хотя непослѣдовательно, букву *а*, и отсюда эта буква была перенесена въ этомъ ея значеніи и въ нѣкоторые другіе случаи, гдѣ не было такого чередованія, и гдѣ было старое *е*, при чемъ мягкость предшествовавшей согласной обозначалась обычнымъ способомъ. Изъ сравнительно крайне рѣдкаго употребленія этого написанія въ этой послѣдней категоріи случаевъ видно, что звукъ *е* открытое въ говорѣ Даукша не приближался замѣтно къ *а*, иначе мы ждали бы болѣе частаго употребленія буквы *а* съ предшествующимъ *i*, какъ знакомъ смягченія, для обозначенія *е* открытаго, на самомъ же дѣлѣ *а* является въ этомъ значеніи въ Катихизисѣ тамъ, гдѣ не было вліянія аналогіи со стороны аналогичныхъ образованій, имѣвшихъ *а* не послѣ согласной смягченной, лишь въ 37 случаяхъ при не одномъ десяткѣ сотенъ случаевъ, гдѣ написано *е*; сверхъ того и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ написаніе буквы *а* послѣ согласной, обозначенной какъ мягкой, вызывалось непосредственно однородными случаями, гдѣ было *а* въ положеніи послѣ твердой согласной, мы находимъ написаніе буквы *е*. Теперь я укажу отдѣльные случаи и цѣлыя категоріи случаевъ, гдѣ мы находимъ написаніе буквы *а* въ значеніи *е* открытаго. Случаи, гдѣ старое *е*: giaro (29), ср. ġͣeréus (4), ġͣerai (5) и т. д., giama (30), ср. gêma (18), gͣemameͣ (96), daugiarôpû (187), ср. kͣelͣarбpi (83), kͣetwͣerôpi (83); окончаніе формы мѣстн. ед. ч. при томъ ея образованіи, когда она оканчивалась на -je (въ пралит. яз. здѣсь было *е*ͥ, получившееся изъ сокращенія носовой гласной съ длительной долготой; говоръ Даукша, какъ мы увидимъ, принадлежитъ къ числу говоровъ, имѣющихъ изъ такой пралит. гласной гласную, совпадающую со старымъ *е* открытымъ): dąguia (напр. 34, 55), toia (50), pirmoia (50, 52)

и т. п., всего 18 случаевъ (34, 50, 50, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 55, 57, 61, 61, 64, 68, 74, 94, 138), ср. tikrôie (8), wissókioie (19), wietoie (19), iścioie (18), dąguie (31 bis) и т. д.; iai внѣ сложенія и въ сложеніи съ частицей gu (42, 43 bis[1]), 54, 57, 90), ср. iei (8, 58 и т. д.); teipaia (44, 58, 66, 79, 81), ср. teipaie (8), teipaieg (9) и т. д., teipaięg (159); Toiág (8), tuiagi (38); въ этой послѣдней категоріи случаевъ я вижу то же -je, что и въ предшествующей; окончаніе мѣстоим. един. именъ муж. рода: draugiá (65), draugia (70), (103) при обычномъ *e;* о bat при bet я говорю ниже. Случаи, гдѣ старое *a:* biaur-(umi) (57, 57, 59, 88, 92, 151, 178), ср. bieur- (43, 57, 85, 138, 155), beurús (138), bięurus (49); iauczio (75), слово встрѣчается одинъ разъ; prieiautos (101), paiautimai (109), priéiautos (113), paiautimais (127), paiautinimus (128), ср. paieutimų (128); iau (69, 139, 170 bis, 189); czia (43, 56), ср. cze (21), cze (52, 55 и т. д.); didżiâwimas (92), ср. didżêwimų (12); iamṗ (166), ср. ięmp (171); окончаніе имен. ед. ч. именъ муж. р. съ основами на лит. *a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: treczias (71), kokiąs (80), kokias (151), ср. Iżganitoies (14), ízgéłbetoies (14), krauies (95) и т. д.; окончаніе вин. ед. ч. именъ и мѣстоим. мужеск. и женск. р. -*ą* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: всего 79 случаевъ, ср. tąię (6), kure (94), szeia (69), tąieg (145), mażeuse (178); окончаніе имен. ед. и зват. ф. именъ женскаго рода -*a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: всего 24 случая, сравн. Bażnicze (23), Tręcze (48), Karalicze (63, 64), Bażnycze (64), bażnîczie (66), wargesne (114); окончаніе творит. ед. ч. именъ и мѣстоим. жен. рода -*a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: всего 22 случая, ср. szwętâie (55), minę (133), graudżę (142), szwętaie (55, 176, 186) и еще 8 случаевъ (162, 164, 169); окончаніе дат. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій муж. р.: Tokiam (43), pacziam (63, 72), iam' (72, 89), iam (72, 119), iam' (187), iâm' (73), ср. kurem (88) szem (120), kuręm (146), wissogâlinezem' (132) и т. д.; окончаніе винит. множ. ч. склоняемыхъ именъ -as съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: kanczias (44), ias (69), ias (74), ср. kanczes (45), kokes (66), kuręs (98) kures (98) и т. д.; окончаніе дат. множ. ч. именъ муж. р. съ основами на *a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: paskuieiais (6), żodziais (171), ср. żodżeis (15), żodżeis (171); окончаніе род. един. ч. именъ съ основами на *u* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: reditoiaus (77), wáistitoiaus (144), ср. skaiczieus (45), Potereus (50) и т. д.; окончаніе

[1]) toiaigu (43), очевидно, to iaigu.

зват. формы тѣхъ же именъ: Daritoiau (134), Karâlau (134), Izganitoiau (141), ср. Giditoieu (142), Sutwêrêieu (158), atgîditoieu (158); прич. rêikią (131) (ср. р.), stoią (189) (им. мн.); palauiąsis (176) — им. ед. м. р., nusideiąsis (154) — здѣсь форма прич. прош. вр., гдѣ старое ę, ср. nusidêięs (135), nussidêies (150) и т. д.; окончаніе им. вин. ед. ч. прилаг. ср. р. на *a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: Treczia (68, 86, 91), Trêcza (69), fabiausę (66), сравн. Abeie (177); образованія превосх. ст. прилаг. и нарѣчій и сравн. нарѣчій: всего 11 случаевъ (напр. 7, 36, 52), ср. mażeus (5), gereus (50) и т. д.; образованія 3-го л. наст. вр. глаголовъ на *a* съ предшествующимъ мягкимъ звукомъ: всего 46 случаевъ — ср. iżguldżes 13 и т. д.; *-ia* — въ окончаніи основы настоящ. вр.: dûsauiame (63), meldżiame (54 bis), ср. atłaidzeme (55), meldzeme (56) и т. д.; окончаніе 1-го л. opt.: всего 7 случ., напр. 140, 145, ср. noreczę (135) и т. д.; -iant — въ основѣ прич.: Abêioiąnczem (107), werkiąti (141). méldziantis (81), apczîstiiączę (162), apżiébiączę (162), сравн. beginêienczių (128); глаголъ karalauju въ различныхъ формахъ: 9 разъ, срав. karaleuś (54); palauiąsís (176). Въ словахъ заимствованныхъ, какъ Maria, Tertulianus, пишется постоянно *a* подъ вліяніемъ польско-латинскаго начертанія этихъ словъ; въ дат. ед. отъ имени Maria пишется *-ei*, такъ какъ здѣсь уже не было непосредственнаго вліянія созвучной формы чужого языка.

Кромѣ случаевъ правильнаго употребленія написаній *e* и *ę* (передающаго у Вольтера *ę* и *e* оригинала) для обозначенія звука *e* открытое есть немногочисленные случаи, гдѣ эти написанія стоятъ ошибочно, и гдѣ мы ждали бы букву *e* въ значеніи *ė*, т.-е. *e* долгаго закрытаго; ср., напр. gałeiau (136), tewo (83), nenussidęies (57), tęwą (11, 41); въ послѣднемъ случаѣ *ę* передаетъ *ę* оригинала, ср. стр. LXXVIII сл. Въ другихъ мѣстахъ тѣ же слова имѣютъ правильно *e*. Мнѣніе Вольтера, что tęwą 4, 27 = taewą (стр. LXXIX), я не могу принять.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть вопросъ, не даетъ ли текстъ Катихизиса какихъ-нибудь указаній относительно того, что имѣлъ въ виду Даукшъ, употребляя различныя написанія для выраженія звука *e* открытое. Написанія *e* и *e* встрѣчаются приблизительно одинаково часто, нѣсколько рѣже написаніе *e*. Всѣ эти написанія встрѣчаются при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, и лишь по отношенію къ открытому концу слова можно замѣтить, что здѣсь преобладаетъ написаніе *e*, затѣмъ *e*. О написаніи буквы *a* послѣ мягкаго звука я уже говорилъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ основанія думать, что Даукшъ при выборѣ того или другого написанія руководствовался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ извѣстными соображеніями фонетическаго характера.

Сложная гласная *ė* передается обыкновенно написаніемъ *ie*, хотя встрѣчается и одно *e*, наприм. szirdes (17). Я думаю, что сл. гл. *ė* въ говорѣ Даукши звучала, какъ сочетаніе *ie* одного слога, такіе же случаи, какъ szirdes представляютъ собою неточныя написанія. Сл. гл. ů обыкновенно передается написаніемъ ů, хотя одинъ разъ встрѣчается (atadût (143) и нѣсколько разъ dôs-numo (напр. 183) при dûsna (166).

Надъ буквами, обозначающими гласные звуки, мы находимъ нерѣдко различные надстрочные знаки. Типографія, въ которой печатался Катихизисъ Даукша, имѣла извѣстный запасъ такихъ буквъ, такъ какъ онѣ примѣнялись при печатаніи польскихъ и латинскихъ текстовъ. Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, какое значеніе имѣлъ тотъ или другой знакъ въ примѣненіи къ польскому и латинскому яз., я укажу лишь на то, какъ воспользовался Даукшъ имѣвшимися въ его распоряженіи типографскими средствами. На основаніи данныхъ, представляемыхъ текстомъ Катихизиса, я пришелъ къ тому заключенію, что надстрочными знаками надъ буквами, обозначающими гласныя, въ текстѣ Катихизиса и Постиллы вообще обозначается мѣсто ударенія, и въ этомъ отношеніи данныя сочиненія Даукша представляютъ значительную цѣнность. Конечно, необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что именно по отношенію къ надстрочнымъ знакамъ возможно наибольшее количество ошибокъ наборщика, остающихся неисправленными и при сравнительно тщательной корректурѣ, но эти случаи легко выдѣлить, и лишь по отношенію къ единичнымъ случаямъ нелегко сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ ошибкой, или нѣтъ.

Въ текстѣ Катихизиса мы находимъ съ надстрочными знаками вообще слѣдующія буквы, обозначающія гласные звуки: *á*, *â*, *ȧ*, *a̕*, *ã*; *é*, *ê*, *ė*; *í*, *î*, *ý*; *ó*, *ô*, *ȯ*; *ú*, *û*, *u̇*; *ą́*, *ę́* (въ изд. Вольтера *ę* передаетъ *ę* и *e̥* оригинала), *ų́*. Всѣ эти надстрочные знаки у Даукша не различаются въ употребленіи и всѣми ими, въ зависимости отъ средствъ типографіи, въ которой печатался Катихизисъ, одинаково обозначается мѣсто ударенія. Нерѣдки случаи, въ которыхъ тотъ или другой надстрочный знакъ стоитъ надъ гласной, которая въ данномъ случаѣ не имѣетъ на себѣ ударенія, причемъ частью отмѣчено удареніе надъ другой гласной того же слова, на самомъ дѣлѣ стоящей подъ удареніемъ; напр., káłbeio (8), Bažnîczžiá (67). Иногда обозначено удареніе надъ *i*, употребленномъ въ значеніи не гласной *i* въ положеніи передъ гласной, имѣющей на себѣ удареніе; напр., biîokiteś (82). Въ дифтонгахъ подъ удареніемъ мы изрѣдка находимъ надстрочный знакъ и надъ неслоговою частью: pałáîmintosṗ (37), węrtáî (96), Saldźęûsęs (159), Karalaûię (155). Въ Kaîp' (170) и Kaíp' (175) обозначено удареніе лишь надъ неслоговою частью. Что касается сложной гласной *ė*, которая передается обыкновенно двумя буквами *ie*, то знакъ ударенія стоитъ здѣсь частью надъ *i*,

частью надъ *e;* наприм. Diéwo (5), tiéktai (8), wiéną (28); tîektai (7), wieżliwai (21), Díewo (38).

Я не имѣлъ возможности пользоваться экземпляромъ оригинальнаго виленскаго изданія Катихизиса, но видѣнныя мною старыя литовскія и польскія книги, а также снимокъ одной страницы Постиллы, приложенный къ „Отчету“ Э. Вольтера, убѣждаютъ меня въ томъ, что виленскіе типографы XVI—XVII вв. пользовались буквами съ отлитыми, а не приставными знаками. Этимъ объясняется, съ одной стороны, то разнообразіе этихъ надстрочныхъ знаковъ въ Катихизисѣ (Даукшъ, очевидно, воспользовался наличными средствами типографіи), съ другой стороны, то обстоятельство, что нерѣдки случаи неправильнаго употребленія этихъ знаковъ. Въ виду этого я выдѣляю въ особую группу лишь тѣ случаи, гдѣ мѣсто ударенія засвидѣтельствовано или другими говорами, или тѣмъ постоянствомъ, съ которымъ оно обозначается у Даукша, и лишь этими случаями пользуюсь въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ говорю объ удареніи въ говорѣ Даукша.

Надъ буквами, обозначающими согласныя, мы также находимъ надстрочные знаки различныхъ типовъ. Различные надстрочные знаки надъ буквою *z*, изображенные на стр. LXX, имѣютъ спеціальное значеніе, а именно буква *z* съ однимъ изъ этихъ знаковъ служитъ для передачи звука *ż*, но, съ другой стороны, мы находимъ *cź*, *cż*, *cž* рядомъ съ *cz* для передачи звука *č*.

Что касается прочихъ буквъ, обозначающихъ согласныя, съ надстрочными знаками, то онѣ за рѣдкими исключеніями встрѣчаются лишь въ концѣ слова, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны лишь въ такомъ положеніи. Ни одинъ изъ этихъ знаковъ, повидимому, не былъ введенъ самимъ Даукшемъ, такъ какъ всѣ они встрѣчаются въ польскихъ текстахъ, выпущенныхъ краковскими и виленскими типографіями. Даукшъ лишь воспользовался готовыми средствами типографіи и, какъ мы увидимъ, съ извѣстною цѣлію. Если мы пока оставимъ въ сторонѣ тѣ немногочисленные случаи, гдѣ буквы, обозначающія согласныя, съ надстрочными знаками встрѣчаются не въ концѣ слова, и остановимся на тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ въ нашемъ текстѣ находятся въ этомъ послѣднемъ положеніи, то найдемъ, что онѣ употреблены почти исключительно тамъ, гдѣ данная согласная стоитъ не въ первоначальномъ концѣ слова; такихъ случаевъ, какъ iaunóś (5), biłódamaś (67), всего 54 при тысячѣ съ лишнимъ случаевъ первой категоріи. Въ части такого рода случаевъ отпала въ концѣ мягкая гласная, и, я думаю, въ этихъ случаяхъ, хотя можетъ быть и не во всѣхъ, сохранилась мягкость согласной, предшествовавшей отпавшей гласной. Въ другой части такихъ случаевъ отпала твердая гласная. Въ первой категоріи случаевъ, слѣдовательно, надстрочный знакъ надъ согласной указываетъ на то, что эта

буква обозначаетъ согласную мягкую, хотя, какъ я уже замѣтилъ, въ нѣкоторыхъ категоріяхъ случаевъ здѣсь уже не существовало мягкой согласной; такіе случаи принадлежали бы къ случаямъ второй категоріи, гдѣ надстрочный знакъ обозначаетъ, такимъ образомъ, отпаденіе извѣстной гласной. Надстрочные знаки · и ′ для обозначенія мягкости согласныхъ употреблялись въ польской орѳографіи. Знакъ ¯ надъ буквою *m*, встрѣчающійся въ текстѣ Катихизиса 7 разъ: (tam̄ 7), Kam̄ (101) (102), antram̄ (103), jam̄ (133), въ орѳографической системѣ Секлуціана служитъ для обозначенія мягкости согласной; у Даукша этого значенія знакъ¯ надъ *m* вообще не имѣетъ: во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы имѣемъ форму дательн. ед.; по поводу tam̄ (7) замѣчу, что глаголъ prisidaboti и въ современномъ языкѣ сочиняется съ дат. пад., iszmanạ — здѣсь им. мн. прич. Лишь manim̄ (144) форма творит. Теперь представляется вопросъ, чѣмъ руководствовался Даукшъ, требуя отъ типографіи извѣстнаго надстрочнаго знака надъ согласной, а что въ данномъ случаѣ эти знаки обязаны своимъ происхожденіемъ не случайному недостатку соотвѣтственныхъ буквъ безъ такихъ знаковъ, видно изъ слѣдующаго: съ одной стороны, эти знаки встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія не въ концѣ слова, а въ такомъ положеніи мягкость согласныхъ, какъ мы увидимъ, обозначалась вообще иначе, а съ другой стороны, сравнительно рѣдки случаи, гдѣ эти знаки стоятъ надъ согласными, за которыми не отпала гласная, и точно такъ же немногочисленны случаи, гдѣ не стоитъ тотъ или другой надстрочный знакъ надъ буквой, обозначающей согласную, за которой исчезла гласная. Все это говоритъ въ пользу того, что такіе надстрочные знаки не случайнаго происхожденія. Извѣстную однообразную систему Даукшъ не могъ провести, вѣроятно, потому, что этого не позволяли средства типографіи: приходилось пользоваться тѣмъ, что было налицо. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ концѣ слова была мягкая согласная, Даукшъ, конечно, обозначаетъ такую согласную какъ мягкую, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ этого не было, онъ, обозначая надстрочнымъ знакомъ, преимущественно знакомъ ʼ, отпаденіе извѣстной гласной, руководствовался болѣе полными формами, частью встрѣчающимися въ текстѣ Катихизиса; ср., напр., Kamuġ (50, 51), болѣе полныя образованія сравнительно съ teip и kaip: teipó (103), teipaieͣ (8), Kaipóġ (15) и т. д.; kódrin (14), drinʼ (136), — Kodrinag (17), Todrînaġ (116). Большинство случаевъ, гдѣ остается не обозначеннымъ отсутствіе гласной въ концѣ слова, приходится именно на случаи этой второй категоріи; вообще же этихъ случаевъ сравнительно немного, притомъ буква *k* совершенно не встрѣчается съ надстрочными знаками.

Теперь мнѣ остается сказать о тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ надстрочный знакъ стоитъ надъ буквой, обозначающей согласную, при по-

ложеніи не въ концѣ слова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой знакъ стоитъ надъ буквой, обозначающей твердую согласную (напр., saugoio (70), dągguie (38)), въ другихъ случаяхъ — надъ буквой, обозначающей мягкую согласную, напр., ape (4), gereus (4), szwęczeusios (60); въ этихъ случаяхъ согласная обозначается, какъ мягкая, и обычнымъ способомъ тамъ, гдѣ онъ вообще примѣняется. Написаніе ïśćių (64) при iścioie стоитъ особнякомъ, такъ какъ здѣсь ć имѣетъ значеніе аффрикаты cž, а ś имѣетъ здѣсь значеніе š, ср. rûpęśćiûise (126). О томъ, какъ передается вообще звукъ š у Даукша см. у Э. Вольтера стр. LXXI, гдѣ ссылка sitai вм. szitai 29, 11 ошибочна; см. указатель опечатокъ на стр. 188.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ обозначается въ Катихизисѣ смягченіе согласныхъ при положеніи не въ концѣ слова. Даукшъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи пріему польской орѳографіи, а именно передъ мягкими гласными согласныя вообще не обозначаются, какъ нетвердыя, въ положеніи же передъ твердой согласной для этого употребляется буква *i*. Въ литовскомъ языкѣ всѣ согласныя, за исключеніемъ лишь звука *ł*, являются нетвердыми въ положеніи передъ *e* различнаго качества и количества, слѣдовательно, не требуется особаго обозначенія того, что согласныя въ такомъ положеніи имѣютъ извѣстную степень мягкости, и въ этомъ отношеніи литовская орѳографія отступаетъ отъ польской. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы находимъ обозначеніе мягкости согласной и въ такомъ положеніи посредствомъ *i*, ср. skaiczieus (45), bažnîczie (66), swęczieusemê (99), gałeczie (166), palitéczie (172), priimczie (172), atmainîczie (174). Съ другой стороны, иногда опускается знакъ мягкости послѣ cź передъ твердой гласной ср. Krikszczoniszkos (15). Звукъ *l* закрытое передается буквой *l*, а звукъ *ł* передается польской буквой *ł*; впрочемъ, встрѣчаются ошибки въ томъ и другомъ направленіи, ср. gałibes (121), łâupsei (76), laupsei (76) и т. п. Въ особомъ положеніи по отношенію къ обозначенію мягкости находятся губныя согласныя. То обстоятельство, что союзъ *bet* съ открытымъ *e* пишется обыкн. *bat* (напр. 4, 8, 9, 36, 47), указываетъ, по моему мнѣнію, на существованіе въ языкѣ Даукша группъ „губная согласная + *į* или *j*“ въ положеніи передъ старой твердой согласной, а именно: если бы не существовало въ живомъ языкѣ различія между написаніемъ, напр., kia и написаніемъ, напр., bia, то Даукшъ, конечно, написалъ бы biat, гдѣ буква *a* въ положеніи послѣ согласной мягкой передаетъ звукъ *e* открытое, подобно тому, какъ онъ писалъ, напр., giama (30), но онъ этого не сдѣлалъ потому, что въ его языкѣ не существовало мягкой губной въ положеніи передъ старой твердой гласной, и написаніе *bia*, гдѣ *a* — старое *a*, передаетъ группу *b* + *į* или *j* + *a*. Слѣдовательно, передавая

слово *bet* частью написаніемъ *bat*, Даукшъ имѣлъ въ виду отличить группу baᵉ отъ группы bį(j)aᵉ. Написаніе „губная + *i* + старая твердая гласная“ мы находимъ, напр. въ слѣдующихъ случаяхъ: prikůpia (32), łabiáusę (66), biaurîbes (88), ср. bieurîbių (85), bieurús (138) и т. д., гдѣ *i* въ положеніи передъ *e* не есть, слѣдовательно, знакъ мягкости, бывшій бы въ данномъ положеніи лишнимъ; лишь одинъ разъ мы находимъ beurús (138), гдѣ *i* очень легко могло быть пропущено наборщикомъ.

Въ заключеніе обзора орѳографическихъ пріемовъ Даукша я остановлюсь на разсмотрѣніи вопроса, насколько онъ придерживался вообще фонетическаго принципа. Уже при обзорѣ написаній, служащихъ для передачи отдѣльныхъ гласныхъ, мы видѣли, что Даукшъ часто колебался между болѣе или менѣе фонетическимъ и этимологическимъ написаніемъ извѣстнаго слова. Сюда относятся тѣ колебанія въ передачѣ звука *e* открытое, на которыя я уже указалъ, а именно тѣ случаи, гдѣ этотъ звукъ изъ стараго *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной передается частью написаніемъ *ia*, гдѣ *i* знакъ мягкости, частью написаніями, служащими для выраженія *e* открытаго. По отношенію къ передачѣ группъ согласныхъ замѣчается подобное же колебаніе; ср., напр., iszmôkitų (25), nè iżmestůtas (190); Kazġ (15), kasġ (54); vsseda (9), Iżspáustas (загл.), pridęktas (125), atadęgta (178); węksiu (177), nè wenġti (178) и т. п.

Окончивъ обзоръ орѳографическихъ пріемовъ Даукша, я перехожу теперь къ обзору фонетическихъ и морфологическихъ особенностей его языка. Обзоръ морфологическихъ особенностей будетъ, понятно, представлять извѣстную неполноту въ зависимости отъ того, что я не могъ пользоваться Постиллой Даукша въ ея цѣломъ. Отъ обзора синтактическихъ особенностей я отказываюсь прежде всего уже потому, что незначительный объемъ Катихизиса и однообразіе его языка не даютъ для этого достаточно матеріала. Въ виду этого нельзя не пожелать, чтобы такой цѣнный памятникъ, какъ Постилла Даукша, былъ наконецъ переизданъ и такимъ образомъ сдѣлался бы доступенъ ученому міру.

Уже при обзорѣ орѳографическихъ пріемовъ Даукша мнѣ приходилось касаться нѣкоторыхъ фонетическихъ вопросовъ, теперь я изложу въ системѣ характерныя звуковыя черты говора Даукша, при чемъ уже не буду вообще останавливаться на томъ, какъ передается тотъ или другой звукъ, то или другое звуковое сочетаніе.

По отношенію къ гласнымъ звукамъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить существованіе носовыхъ гласныхъ при всякомъ положеніи въ словѣ. Носовыя гласныя, какъ я говорилъ выше, звучали, надо думать, какъ сочетанія „гласная болѣе или менѣе носовая + болѣе или менѣе явственная носовая согласная“. Дифтоогическія сочетанія на носовую имѣли

гласную болѣе или менѣе носовую; въ наиболѣе слабой степени это свойство существовало въ гласной *i*, затѣмъ въ гласной *u*.

По отношенію къ качеству отдѣльныхъ гласныхъ надо замѣтить, что въ языкѣ Даукша существовало *e* открытое краткое и некраткое, какъ изъ стараго *e*, такъ и изъ стараго *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной, которое, по всей вѣроятности, уже въ пралитовскомъ языкѣ было не *a* чистое, но a^e.

Хотя Даукшъ вообще не обозначаетъ количества гласныхъ, но тѣмъ не менѣе надо думать, что старыя долгія гласныя при положеніи безъ ударенія въ конечномъ слогѣ слова не подверглись сокращенію. На отсутствіе такого сокращенія указываетъ то обстоятельство, что при такомъ фонетическомъ положеніи мы находимъ у Даукша гласную *o*, и гласная *e* долгое закрытое, передаваемое буквою *e*, служащей также и для передачи *e* открытаго, передается и въ такомъ положеніи буквою *e*, а не между прочимъ тѣми написаніями, которыя передаютъ лишь *e* открытое. Если въ gimę (8) въ подлинникѣ дѣйствительно стоитъ *ę*, а не *ę*, чего мы рѣшить не можемъ, то это несомнѣнная опечатка.

Дифтонгическія сочетанія на носовую имѣютъ гласныя *a*, *e* открытое, *i* и *u*. Такимъ образомъ мы не находимъ въ такихъ сочетаніяхъ гласныхъ *o* или *u* въ соотвѣтствіи съ гласной *a* говоровъ средне-литовскаго нарѣчія и гласныхъ *e* закрытаго или *i* въ соотвѣтствіи съ гласною *e* открытою тѣхъ же говоровъ. Равнымъ образомъ и въ соотвѣтствіи съ *ą* или *a* изъ *ą* средне-лит. нарѣчія мы находимъ въ говорѣ Даукша *ą*, въ соотвѣтствіи съ *ę* или *e* изъ *ę* — гласную *ę*. Параллельно съ этимъ и въ соотвѣтствіи съ гласными средне-лит. нарѣчія *a* и *e* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти гласныя получились изъ пралитовскихъ гласныхъ, явившихся вслѣдствіе сокращенія носовой гласной съ длительной долготой, мы находимъ гласныя *a* и *e* открытыя. Сюда принадлежитъ, напр., форма творит. ед. именъ женскаго рода съ основами на литовск. *o* и *ė*; ср. Su Marià m$\overset{a}{e}$rgà (60), ir stiprintu mus galib$\overset{a}{e}$ sawá (56). Въ виду того, что массою случаевъ для языка Даукша засвидѣтельствовано именно указанное качество гласныхъ во всѣхъ трехъ случаяхъ, я не могу считать принадлежащимъ языку Даукша Szwiskis (47) при Szwęskis (46, 53). Можетъ быть, самъ Даукшъ, бывшій священникомъ въ жемайтскихъ приходахъ, описался и употребилъ въ данномъ мѣстѣ Szwiskis согласно съ произношеніемъ извѣстныхъ жемайтскихъ говоровъ имѣющихъ изъ пралит. $\overset{i}{e}$ — $\overset{i}{e}$, а можетъ быть, это опечатка. Изъ стараго дифт. сочет. на носовую съ гласной *e* въ положеніи послѣ стараго *l* мы находимъ въ говорѣ Даукша группу „*ła* + носовая“ (примѣры мнѣ извѣстны лишь для группы *łan*). Исторію пралит. сочетанія *$\overset{i}{l}$en*, *$\overset{i}{l}$em* въ говорахъ восточно-литовскаго нарѣчія я указалъ въ „Замѣткахъ по діалектологіи литовскаго языка“ („Извѣстія II-го Отдѣленія А. Н.“ 1896 г., кн. III,

стр. 488 сл.). Группу *łan* такого происхожденія мы находимъ въ Катихизисѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: Ląnkiszko (загл.), nułąkdami (84), łąkiszko (110), pałągwinimoṗ (119). На стр. 103 мы дважды находимъ nułękt', и это я считаю опечатками, происшедшими, можетъ быть, потому, что наборщику былъ чуждъ говоръ самого Даукша.

Относительно подвижности гласныхъ конечнаго слога нужно замѣтить, что говоръ Даукша принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ числу говоровъ, вообще сохраняющихъ пралит. подвижныя гласныя. Такія гласныя сохраняются обыкновенно въ большинствѣ случаевъ. Всѣ относящіяся сюда категоріи случаевъ я раздѣляю на три группы: къ первой группѣ я отношу тѣ изъ нихъ, для которыхъ въ текстѣ Катихизиса нѣтъ ни одного примѣра утраты подвижной гласной конечнаго слога; ко второй группѣ — тѣ категоріи случаевъ, гдѣ мы находимъ частію образованія съ гласной въ конечномъ слогѣ, частію образованія съ утратой такой гласной; къ третьей группѣ принадлежатъ тѣ категоріи случаевъ, гдѣ въ Катихизисѣ извѣстны лишь образованія съ утратою подвижной гласной конечнаго слога. Къ первой группѣ относятся слѣдующія категоріи случаевъ: 1) окончаніе им. ед. ч. именъ муж. р. — as; 2) окончаніе дат. множ. ч. склоняемыхъ словъ -mus; 3) окончаніе творит. множ. извѣстныхъ склоняемыхъ словъ -mis; 4) окончаніе зват. формы именъ муж. р. съ осн..вами на лит. *-a;* 5) окончаніе формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ тематическаго спряженія; лишь въ стихотворномъ переводѣ молитвы св. Өомы Аквинскаго „Adoro te devote, latens Deitas", помѣщенномъ на стр. 176 сл., мы находимъ въ 5 ст. trokszt' и 7 ст. a į gaiszt', да два раза встрѣчается noř (6, 118) не со значеніемъ „онъ хочетъ", „они хотятъ"[1]). Къ случаямъ второй категоріи относятся: 1) окончаніе мѣстн. ед. ч. именъ и мѣстоименій при томъ образованіи этой формы, которое оканчивалось на пралит. *-je*, откуда въ говорѣ Даукша *-je;* утрату гласной конечнаго слога мы находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: toi (8), prastibei (8), baimei (8), Diewîstei (35), Diewistei (35), żmogîstei (35), Zmogîstei (35), Báżniczioi (42), małonei (44), dągui (47), źemei (47), dągoi (48), źemei (48), dągui (51), wissokioi (51), wietoi (51), małdoi (52), Antrói' (53), szesztoi (56), wałądoy (59), bażnîczioi (60) (148), toy (65), małdoi (65), ioi (72), kiekwienoi (90), Kurioi (100), dwaśioi (105), małdoi (129), essîbei (149), wissogalibei (149), miełaszirdingoi (162), małonei (162), Kurioi (167), skrîniõi (167), Dągui (178); примѣры образованій мѣстн. ед. съ гласной въ концѣ я приводилъ выше, гдѣ говоритъ о написаніи *a* послѣ мягкой согласной; случаевъ этого рода нѣсколько больше, чѣмъ случаевъ перваго рода; 2) pats при

[1]) На стр. 159 находимъ ner, но это по происхожденію неглагольная форма.

patis самостоятельно и во второй части сложнаго слова Wieszpatis, ср. Wieszpats (5, 8, 86), pats (129, 145, 160, 161, 163) при Wieszpatis (15, 16...), patis (27, 40... 161, 163...); при Kuris не встрѣчается Kurs; 3) окончаніе творит. ед. извѣстныхъ именъ и мѣстоименій -mi, ср. akim (84), akim' (84), akim (135), akim (140), bragum (143), manim (144), akim (147), akim (149), akim' (152), priêża̧stim' (174), Thamóssium' (177), tawim' (178) при Krikszczonimi (11) и т. д., sunumi (12) и т. д., sawimi (145) и т. д. и другихъ образованіяхъ съ сохраненіемъ конечной гласной; 4) окончаніе имен. вин. ед. ч. средняго рода прилагательныхъ, ср. pig(e)sn (7), pirm (15, 17, 21, 35, 76, 140, 148, 155), daugėśń (29), draugesn (31), daugesn (37), daugęsń (98), pirm' (101, 149, 159), daugesń (138), wis (177), при wissa (напр. 30), Kita (напр. 30), Antra (напр. 36) gera (напр., 44), pirma (46, 69, 77); Trêczia (напр. 68), Ketwirta (напр. 68), Pękta (напр. 68), daugesni (81), Łabiánusę (66); въ формѣ такъ называемаго герундія мы находимъ лишь образованія безъ гласной въ концѣ; въ этихъ образованіяхъ, называемыхъ обыкновенно герундіями, слѣдуетъ видѣть по происхожденію форму им. вин. ср. р. причастій, а именно въ то время, когда въ литовско-слав. яз. окончаніе основы причастій *-nt* извѣстнымъ образомъ было распространено, появилось новообразованіе и въ формѣ им. вин. ср. р.: въ литовскомъ яз. это образованіе получило особое значеніе, въ ст.-сл. яз. оно получило значеніе вин. ед. ч. ср. р.; гласная *-i* однородна по происхожденію съ *-i* въ ср. р. прилаг. сравн. степени; въ сложеніи съ постпозиціей ср. nórintiģ (137); 5) окончаніе 1-го л. множ. ч. глаголовъ, ср. igraudenam (8), gaŀêtumbim (56), impuŀtúmbim' (59), numirtúmbim (59), taptúmbim (64), sektubim (68), yngitumbim (46), Turétumbim (84), prawitúmbim (88), prâszom (52), bîŀom (62), teroiem' (94), igyiem' (94) при напр. melstúmbimę (50), напр. atŀaidżeme (48); 6) окончаніе 2-го л. мн. ч. глаголовъ, ср. daŀáiskit (6), dráuskit (6), butúmbit' (45), tarnaútumbit (45) yszkaktumbit (45) при Laúpsinkite (3), laupsinkite (3), esté (16), Weizdekite (16), apgręźete (82); 7) въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительной формы *-ki* гласная обыкновенно отсутствуемъ; сохраненіе этой гласной мы находимъ въ слѣдующихъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ: prigręszki (64), trókszki (75), Papęnêki (160), susimilki (171); о болѣе старыхъ образованіяхъ 2-го л. ед. ч. повелит. формы я буду говорить ниже; 8) *-si* въ окончаніи возвратной формы глагола: ср. stoiesi (57), meldżussi (65), Teikisi (169), tikéiimusi (50) — твор. ед. ч. отглагольнаго существ. при обычномъ *-s;* 9) гласныя въ окончаніи извѣстныхъ композицій; ср. рѣдкія: iżgy (37), tuiagi (38), teipagi (59), tegi (133), съ другой стороны единичное samusna (156) при стоящемъ, напр. рядомъ namusn'; постпозиція *-p* является

только въ этомъ видѣ; въ отдѣльныхъ словахъ teipo (пралит. *tei*, форма им. вин. ср. p + *po*, гдѣ *ei* подъ вліяніемъ szeipo), kaipo мы находимъ при обычныхъ teip, kaip — teipo (103), kaipo (129); 10) отдѣльныя слова: при kada извѣстно и *kad;* при *tad,* кажется, не встрѣчается tada внѣ сложенія съ постпозиціями; prieġe (20) при prieġ; напр. 19 при kaczieba (4) — kaczieb (9, 62)[1]). Въ окончаніи формы мѣстнаго множ. числа *-se* гласная *e* вообще сохраняется, но въ текстѣ Катихизиса есть нѣсколько случаевъ, гдѣ образованіе этой формы безъ гласной въ концѣ является въ сложеніи съ извѣстной постпозиціей; ср. приведенное уже sawůsna (156). Подобнымъ же образомъ и гласная *-e* (изъ пралит. *e*ⁱ) въ окончаніи мѣстнаго ед. ч. мѣстоименій м. р. вообще сохраняется въ текстѣ Катихизиса, но въ сложеніи съ постпозиціей мы находимъ при kameg (89) — iamṗ (166), ięmp (171), sawą́ṗ (62), sawąṗ (63), manimp, tawimṗ, sawimp (напр. 147, 175, 178); tawiṗ, sawiṗ (напр. 170) слѣдуетъ сопоставлять съ wieszpatip (такія образованія извѣстны и изъ другихъ старыхъ текстовъ, напр. 103). Къ третьей категоріи случаевъ я отношу тѣ образованія, для которыхъ въ текстѣ Катихизиса нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы сохранялась гласная конечнаго слога внѣ сложенія съ извѣстными постпозиціями. Сюда принадлежатъ: 1) форма дат. ед. личныхъ словъ и мѣстоименій[2]); въ окончаніи дат. ед. мѣстоименій отпала гласная *-u*, ср. kámuġ (50, 51); въ окончаніи дат. ед. личныхъ словъ отпала гласная *i;* 2) форма 3-го л. глаголовъ нетематическаго спряженія; примѣры я приведу впослѣдствіи, когда буду говорить о морфологическихъ особенностяхъ языка Даукша; 3) форма 3-го л. будущаго времени, гдѣ полное отпаденіе конечной гласной произошло, согласно показанію всѣхъ говоровъ литовскаго яз., еще въ пралит. яз. въ силу особыхъ условій, существовавшихъ по отношенію къ этой формѣ; 4) форма infinitiv'а; въ сложеніи съ *-s(i)* Даукшъ пишетъ гласную *-i*, напр. żęklintiś (19); 5) при drin мы находимъ въ сложеніи съ постпозиціей todrinaġ (напр. 136).

По отношенію къ согласнымъ слѣдуетъ отмѣтить существованіе въ говорѣ Даукша открытаго *ł* въ положеніи передъ старымъ *e* различнаго качества и количества: напр. wáłądêłes (6), gałeio (7), kałbeio (8), iźgêłbetoies (14) и т. д. Въ виду того, что въ говорѣ Даукша мы находимъ изъ пралит. группы *le*ⁱ*n* + согл. группу *łan* + согл., на что я уже указывалъ выше, мы должны думать, что говоръ Даукша принадлежитъ къ числу тѣхъ говоровъ, въ которыхъ старое *e*ⁱ въ положеніи послѣ *ł* перешло въ *e* открытое и далѣе въ *a*, т.-е. къ числу говоровъ *a*, какъ я условно называю такіе говоры. Итакъ, мы ждали бы

---

1) При nêssą. (напр. 6), nes (напр. 18).

2) Впрочемъ, 1 разъ мы находимъ sawi (71).

у Даукша написаній *la*, *lą* гдѣ *a*, *ą*, изъ старыхъ *e*, *ę*. По отношенію къ группѣ *la* нужно замѣтить, что въ Катихизисѣ мы находимъ написаніе *la* обыкновенно, напр. łâpinł (84), mêiła зв. (159), méiła тв. (162) (1 разъ meiłę тв. 168), но всегда méiłe им.; въ глагольномъ корнѣ, являющемся напр. въ dałáiskit (6), łaidzes (6), дифт. *ai* старый, какъ на это указываетъ латышскій яз.; однако, есть случаи, гдѣ въ этомъ глагольномъ корнѣ написана гласная *e*, напр. atłéist' (188), ср. atłaisť (189); по отношенію къ группѣ *lą* нужно замѣтить, что Даукша пишетъ частью *ę*, частью *ą*, ср. mêiłę (50), meiłę (89 143), méiłę (103), pásmełę (43), begałę (50), negałę (144), при meiłą (52), męiła (122), męiła (123); вверху стр. 20 по изд. Э. Вольтера мы находимъ meiłу, а вверху стр. 22 Meiła (оба раза винит. пад.). Что касается meiłу, то я не могу считать его принадлежащимъ языку Даукша, такъ какъ мы у него не находимъ измѣненія пралит. *ę*ⁱ въ *i*, тѣмъ болѣе пралит. *ę*ⁱ въ положеніи послѣ *l*. По отношенію же къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы находимъ написанія *e* и *ę* я долженъ замѣтить, что они нисколько не говорятъ противъ того, что въ говорѣ Даукша въ положеніи послѣ *l* существовалъ звукъ *a*; можетъ быть, что *ę*, равно какъ и тотъ случай, гдѣ стоитъ *e* въ окончаніи тв. ед. meiłe, обязано своимъ происхожденіемъ ошибочному написанію самого Даукша, который могъ руководствоваться аналогіей им. meiłe, или ошибкѣ наборщика; такого же происхожденія могутъ быть и такія написанія, какъ łeist. Meiłу, встрѣчающееся одинъ разъ вверху страницы, во всякомъ случаѣ не принадлежитъ говору Даукша; то, что оно стоитъ не въ текстѣ, дѣлаетъ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе, что это ошибка наборщика, для котораго былъ чуждъ говоръ Даукша. Написанія tobułei (148), tobułei (161), miéłei (147), а по крайней мѣрѣ, tobułei, кажется, встрѣчается и въ Постиллѣ (см. Э. Вольтеръ, „Литовскій катихизисъ Даукша“ стр. 116, s. v. tobułas), быть можетъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что дифтонгъ *ai* въ концѣ слова въ говорѣ Даукша звучалъ какъ дифтонгъ ei, по крайней мѣрѣ въ положеніи послѣ ł.

Перехожу теперь къ ударенію. При обзорѣ орѳографическихъ пріемовъ Даукша я уже указывалъ на то, какъ вообще отмѣчено мѣсто ударенія въ Катихизисѣ, а также въ Постиллѣ. Въ говорѣ Даукша мы не находимъ перенесенія ударенія съ конечнаго слога на предыдущій, и это обстоятельство въ связи съ сохраненіемъ старой долготы гласныхъ при положеніи въ конечномъ слогѣ, не имѣющемъ на себѣ ударенія, указываетъ на то, что говоръ Даукша принадлежитъ вообще къ числу говоровъ не сѣверныхъ. По отношенію къ мѣсту ударенія мы находимъ въ Катихизисѣ извѣстныя особенности. Прежде всего я отмѣчу особенности въ удареніи извѣстныхъ граматическихъ формъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна форма желательнаго наклоненія, а именно глаголы съ непроизводными

основами имѣютъ въ этой формѣ удареніе на гласной *u;* напр., tęstų́s (19), apgrisztų́ (19), sľáptų́ (21), igitų́ (23), mirtų́ (37), atadůtų́ (39), but, (53) и т. д.; ср. Постилла pažintų́ при sakîtu (Э. Вольтеръ, Отчетъ, стр. 67, строка 3); vžklîstų (6), aûktų (4), atľâistų (56), atľáistu (69) (ср. atľaistų́ 62, atľaistų́ (69), vžgrûtų (170), — вотъ, кажется, всѣ немногочисленные случаи, гдѣ мы находимъ случайное обозначеніе ударенія на корнѣ. Такіе случаи, какъ gárbintų́ (103), pérgábentú (18), paľâimintumbei (182) стоятъ при pasweikintų́ (60), marintų (128). Примѣры для прочихъ формъ лица: butúmbit' (45), meľstúmbime (51), szwęstúmbei (75), butúmbei (75) и т. д. Глаголы производные: minétumbime (19), miľêtų (22), regêtų (22), dárîtumbime(55), padûmotumbei(163) и т. д.; два раза ошибочно gaľetú (168), galetų́ (164) при gaľêtų, напр. 169.

Такое мѣсто ударенія въ формѣ оптатива глаголовъ непроизводныхъ мнѣ извѣстно изъ одного восточно-литовскаго говора, говора Вобольникскаго прихода. Поневѣжскаго уѣзда; напр., Kókia tə kaiműñka bůtú (*u* полудолгое), kad kaimýnu cziupinéti nia důtú (*u* полудолгое); tə изъ пралит. taĩ по общему закону этого говора.

Затѣмъ слѣдующіе случаи указываютъ мѣсто ударенія им. ед. м. р. причастій: gàlis (33), wissogâlįs (174), wissogâlįsis (183, 184), tûrįs (120). Въ глаголахъ съ другимъ образованіемъ основы наст. вр. мы находимъ: priderą́s (121), priderą́s (126), sergą́s (144), nederą́s (149).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить мѣсто ударенія въ производныхъ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ -umas. Куршатъ въ Beiträge (II, 55 прим.) приводитъ правило, что удареніе падаетъ на гласную суффикса въ томъ случаѣ, если само слово имѣетъ абстрактное значеніе; если же оно имѣетъ конкретное значеніе, то удареніе подаетъ на гласную корня. Шлейхеръ (Gramm., p. 130) приводитъ правило Куршата и замѣчаетъ: „letztere Betonung (d. h. der Stammsilbe) kenne ich nur in wenigen Fällen; ...z. B. lýg-umas (Vergleichung, Ebene); bált-umus (weisser Fleck). У Куршата въ словарѣ приводитъ только mãžumas — „eine Kleinigkeit" при mažùmas — „Kleinheit, Kleinsein als Eigenschaft". Въ текстѣ Катихизиса мы находимъ слѣдующія образованія съ удареніемъ на гласной корня: gráudumę (148), ámžinume (149), álkanumą (158), Kártumą (161), grâudumą (98), grâudumo (121), smârkumu (127), grâudumą (140), szwą́kumas (159); têwainumą (97), têwainumóp (143), méiľaszirdumą (148); téwainumo (13), Diéwméiľumo (165), méilingumu (164); grînumo (130); patógumo (28), tóbuľumóp (118); patôgumą (27), Trôszkumas (92), tôbuľumą (99), nôbažnumu (100), Rômumas (106), nôbažnumas (124), nôbažnumu (129), tôbuľumą (148), dôsnumo (183); įžûľumų (138) Одинъ разъ встрѣчаются iaunûmo (7), didúmas (147); затѣмъ мы находимъ: mieľaszirdú-mo (61, 63, 133, 139, 171, 181, 184), newiéžliwumų́ (85),

piktúmo drą̃sumú (168), pakľusnūmo (168, 175), krêiwumús (173), patogúmo (186). Въ Катихизисѣ мы находимъ слѣдующіе творит. падежи съ удареніемъ на окончаніи apskritumú (32), stiprumú (38), pilnumú (81), pawẽrżimú (87), czistumú (121). Въ доступныхъ мнѣ отрывкахъ Постиллы я отмѣтилъ: Ļįksmumú (3), mieľaszirdúmą (3), mieľaszirdúmą (161), neteisúmui (361), miéľaszirdúmui (361), dósnúmą (368), mieľaszirdúmą bis (362), rûstawimu (362), smârkumu (362), smârkumas (362), mieľaszirdúmo (362), mieľaszirdúmo (362), mieľaszirdúmá (опечатка вм. -o) (363), mieľaszirdúmo (363), krêiwumus (170). Изъ этого частью противорѣчиваго матеріала я не рѣшаюсь сдѣлать общаго заключенія по отношенію къ мѣсту ударенія въ существительныхъ съ суфф. -umas тѣмъ болѣе, что, къ сожалѣнію, я могъ воспользоваться лишь нѣсколькими страницами Постиллы. Несомнѣннымъ, однако, представляется мнѣ то, что въ языкѣ Даукша извѣстны были образованія съ удареніемъ на корнѣ. Далѣе мнѣ представляется вѣроятнымъ, что такое мѣсто ударенія существовало здѣсь именно подъ вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ образованій отъ того же корня. Такъ какъ приведеннаго мною матеріала вообще недостаточно, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, для сужденія о томъ, гдѣ мы имѣемъ ошибочное обозначеніе мѣста ударенія, то я воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ заключеній.

Перехожу теперь къ отдѣльнымъ словамъ, по отношенію къ которымъ говоръ Даукша представляетъ извѣстныя особенности въ удареніи, при чемъ я привожу лишь тѣ случаи, гдѣ мы не имѣемъ дѣла съ явной ошибкой, и гдѣ мѣсто ударенія засвидѣтельствовано болѣе или менѣе послѣдовательнымъ написаніемъ. Сюда принадлежатъ: źmôgus (напр., 96), źmôgaus (напр. 102), (żmógumi напр., 18), żmôgui (113), źmôgų (напр. 94); послѣднія двѣ формы не характерны; такое же мѣсто ударенія извѣстно и въ другихъ говорахъ, срв. годлевскій говоръ, описанный Бругманомъ; môkit (8), môkitiś (15), môkitoiẽi (83) и т. д., срв. то же мѣсто ударенія въ шадовскомъ говорѣ: въ сказкѣ, сообщенной Концевичемъ въ XII вып. Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft, стр. 417 мы находимъ prasimókįtu; Dêkawoiimas (162), Dékawoiimas (184), dêkawoiu (186) и т. д.; такое мѣсто ударенія извѣстно и въ другихъ говорахъ, см., напр., словарь Куршата: tẽwainimi (12), téwainiu (157); páskui (напр. 34), dábar (напр. 32).

Что касается морфологическихъ особенностей языка Даукша, къ обзору которыхъ я теперь перехожу, то надо замѣтить, что ихъ вообще немного, такъ какъ отдѣльныя нарѣчія литовскаго языка отличаются другъ отъ друга морфологическими чертами въ гораздо меньшей степени, чѣмъ чертами фонетическими. Сначала я остановлюсь на формахъ склоненія.

Въ окончаніи дат. ед. именъ съ основами на *i* мы находимъ глас-

ную *i;* напр., krikszcziôni (4) и т. д., Wieszpati (45) и т. д.; въ заглавіи я нахожу krikszczionii. Въ восточно-литовскомъ нарѣчіи и понынѣ сохраняется окончаніе *-i* въ дат. ед. именъ съ такими основами; окончаніе *-ii* извѣстно изъ старыхъ текстовъ (Bezzenberger, Beiträge zur Gesch. d. lit. Spr., p. 127).

Въ окончаніи дат. ед. именъ съ основами на лит. *a* и *u* мы находимъ *-ui,* напр., Diewui (45), Iesui (45), Christui (45). Въ окончаніи дат. ед. личныхъ словъ мы находимъ обыкновенно образованія безъ гласной *i* въ концѣ, которая здѣсь всюду отсутствуетъ, лишь 1 разъ мы находимъ sawi (71); гласная *-u* въ окончаніи дат. ед. извѣстныхъ мѣстоименныхъ основъ точно такъ же не сохраняется, и образованія съ гласной *-u* мы находимъ лишь въ сложеніи съ постпозиціями, напр. Kámuġ (50).

Что касается образованій звательной формы, то мною уже было отмѣчено сохраненіе гласной *-e* въ окончаніи зват. формы именъ муж. рода съ основами на *-a.* Nomina agentis м. р. имѣютъ въ зват. формѣ окончаніе *-au,* напр. Daritoiau (154), Izganitoiau (141), Sutwêrêieu (158), atgîditoieu (158), Iźganîtoiei (186) во всякомъ случаѣ опечатка. Въ звательной формѣ именъ ж. р. съ основами на *ė* мы находимъ *-e,* какъ въ южныхъ говорахъ средне-лит. нарѣчія; на это указываютъ: gimdîwe (64), meiľa (159).

Въ дат. множ. извѣстныхъ склоняемыхъ словъ мы всегда находимъ окончаніе *-mus,* въ твор. множ. *-mis.*

Въ окончаніи им. множ. именъ съ основами на *u* мы находимъ нерѣдко *u* обозначеннымъ, какъ носовое; напр. grâźųs (43), но рядомъ bieurus. Кс. Явнисъ приводитъ изъ Постиллы trįs, wâgįs, âwins, nâktins. Я думаю, что это не результатъ вліянія на Даукша жемайтскаго нарѣчія, но что и въ его говорѣ существовали здѣсь *ų* и *į*. Происхожденіе ихъ такое же, какъ и въ жемайтскомъ, гдѣ они, по объясненію проф. Фортунатова, явились подъ вліяніемъ извѣстной звуковой аналогіи.

Что касается склоненія личныхъ словъ, то надо обратить вниманіе на окончаніе родит. ед. Вслѣдствіе того, что въ текстѣ Катихизиса, перепечатанномъ Э. Вольтеромъ, какъ я говорилъ выше, не различаются *ę* и *ę*, я ссылаюсь на стр. LXXXIV предисловія. Здѣсь Э. Вольтеръ напрасно высказываетъ слѣдующее сомнѣніе: „Сомнительно, изображаетъ ли *e* здѣсь носовое произношеніе“. Въ текстѣ Катихизиса (примѣры см у Э. Вольтера), какъ и въ Постиллѣ, встрѣчается написаніе, обозначающее *e* носовое въ окончаніи род. ед. *-es* личныхъ словъ; ср., напр., sawęs (Пост., 167), при tawęs (170). Я думаю, что въ говорѣ Даукша существовало и окончаніе *-ęs,* и окончаніе *-es*. Кромѣ того мы находимъ со значеніемъ род. и образованіе на *-e,* ср. iź sawé (5). По поводу одновременности существованія со значеніемъ родит. трехъ образованій ср., что̀ говоритъ Бругманъ о годлевскомъ говорѣ.

Изъ формъ склоненія мѣстоименныхъ основъ слѣдуетъ отмѣтить -*ȗ* въ окончаніи твор. ед. ч. м. р., напр., tů (4), tokiů (5), kuriůg (33), kokiů (29), ků (151). Въ пралит. яз. въ окончаніи этой формы нѣкогда существовало *ų̑* съ длительной долготой, которое, какъ и всѣ носовыя гласныя съ длительной долготой, въ словахъ неодносложныхъ и односложныхъ безъ самостоятельнаго ударенія (именно при положеніи въ конечномъ слогѣ такихъ словъ) подверглось въ извѣстную эпоху существованія пралит. яз. сокращенію, въ результатѣ котораго получилось *u*; ср. *u* въ окончаніи твор. ед. именъ, словъ неодносложныхъ, съ *ȗ* въ окончаніи твор. ед. самого прилагательнаго въ сложномъ склоненіи. Въ Катихизисѣ на стр. 50 мы находимъ форму твор. отъ отглагольнаго существ. съ постпозитивнымъ *-si:* tikéiimůsi. Въ мѣстоименіяхъ односложныхъ подъ самостоятельнымъ удареніемъ мы и ждемъ *ȗ;* такія же образованія какъ tokiů, kokiů, извѣстныя и изъ другихъ старыхъ текстовъ, имѣютъ нефонетическое *ȗ*. Формы tů, ků безъ осложненія по аналогіи другихъ склоняемыхъ словъ суфф. *-mi* и понынѣ сохраняются въ восточно-литовскомъ нарѣчіи. Гласной *u* при *ȗ* въ твор. ед. аналогично *u* при *ȗ* въ винит. множ. тѣхъ же основъ. Въ словахъ неодносложныхъ и односложныхъ мѣстоименіяхъ безъ самостоятельнаго ударенія мы находимъ фонетическое *u*, въ односложныхъ мѣстоименіяхъ *ȗ*, при чемъ и здѣсь мы частью находимъ нефонеческое *ȗ* въ неодносложныхъ мѣстоименіяхъ: ср., напр., anůs (165), kuriůs (165), kuriůs (173). Съ отношеніемъ *u* и *ȗ* въ указанныхъ формахъ вполнѣ однородно отношеніе *a* и *ą* въ формѣ твор. ед. ж. р. и вин. мн. ж. р. Въ Катихизисѣ мы правильно находимъ, напр., tikrąiê. Различіе въ исторіи пралит. *ą* и *ȗ* съ длительной долготой заключается лишь въ томъ, что *ȗ* съ длительной долготой утратило въ пралит. яз. носовое свойство.

Относительно сложнаго склоненія прилагательныхъ и мѣстоименій слѣдуетъ замѣтить, что формы сложнаго склоненія встрѣчаются въ Катихизисѣ сравнительно часто. Въ имен. ед. м. р. мы находимъ, съ одной стороны, напр., tikrasis (13), iżtikimasis (169), susimiłstąsis (188), съ другой, напр., iissái (15), tassái (15), toksai (123), koksaiġ (162); одинъ разъ (100) мы находинъ tikrasisis. Въ современныхъ говорахъ восточно-лит. нарѣчія, по крайней мѣрѣ, Ковенской губерніи обычны лишь образованія на *-ai*. Въ им. и зв. ж. р. мы находимъ — ji, напр., małónyii, méilyii, saldîi (64).

Прежде чѣмъ перейти къ обзору формъ спряженія я остановлюсь еще на одной особенности, представляемой говоромъ Даукша, а именно на очень частомъ употребленіи падежныхъ формъ въ сложеніи съ извѣстными постпозиціями для обозначенія различныхъ локальныхъ отношеній. Такія образованія въ большомъ употребленіи и въ современныхъ говорахъ восточно-литовскаго нарѣчія.

Мы находимъ въ Катихизисѣ слѣдующія образованія въ сложеніи съ извѣстными постпозиціями: 1) для обозначенія мѣста на вопросъ „гдѣ“ употребляются формы мѣстнаго падежа въ сложеніи съ постпозиціями *-p(i)* и *na;* напр., Vieszpatip (86), Diewiep (86), Iésup Christup (85), manimp (147), tawimp (145), sawimp (178), manip' (171), tawip (170), sawip (170), sawąp (63) и т. д. namůsn' (107), namůsn' sawůsna (156); 2) для обозначенія мѣста на вопросъ „куда“ служатъ формы винит. пад. въ сложеніи съ постпозиціей *-na*, а для обозначенія направленія формы родит. въ сложеніи съ постпозиціей *-p(i);* напр., Karalisten (8), szirdin (9), Kancziosn (44), dągun (33), tokiosn nůdemesń (116), pragárůsn (37), dągůsn (37—38): Skaititoiop krikszcżiόniszkop (4), tokiop intáissimop (8), didżiump gamtump ir będristesp (9), Tawesp (63), sawęsp (139) и т. д.; эти послѣднія образованія особенно употребительны. Въ одномъ мѣстѣ мы находимъ форму дат. въ сложеніи съ постпозиціей *-p(i)* для обозначенія направленія: czistâtos pagirtáip mergaip Marijeip... melst (86).

Такъ какъ Даукшъ вообще не отмѣчаетъ количества гласныхъ, то остается неизвѣстнымъ количество гласной *i* въ такихъ образованіяхъ, какъ szirdin. Въ современныхъ говорахъ здѣсь долгая гласная, и долгота здѣсь, повидимому, старая, явившаяся въ пралит. подъ вліяніемъ такихъ образованіяхъ, какъ auksztyn; въ образованіяхъ типа dangun гласная краткая. На вопросъ о мѣстѣ ударенія въ такихъ образованіяхъ я здѣсь не останавливаюсь, такъ какъ текстъ Катихизиса не даетъ достаточно матеріала, а о мѣстѣ ударенія, существующемъ здѣсь въ современныхъ говорахъ восточно-литовскаго нарѣчія я буду говорить въ продолженіи „Замѣтокъ по діалектологіи литовскаго языка“. (Извѣстія II отдѣленія Имп. Ак. Наукъ).

Переходя къ обзору формъ спряженія, я остановлюсь сперва на остаткахъ нетематическаго спряженія. Сюда принадлежатъ[1]: esmi (10), est (6); eimi (156), eit (26); důmi (69), důst (40); liékt' (100). По поводу глагола eimi замѣчу, что у Даукша мы вообще не находимъ перехода стараго *a* въ положеніи въ началѣ слова въ *a*. Личное слово *asz* представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстную особенность, такъ какъ оно является въ этомъ видѣ вообще и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ неизвѣстно *a* изъ *e* въ началѣ слова. Изъ старыхъ текстовъ намъ извѣстно *esz*. Въ простомъ глаголѣ eimi мы не находимъ у Даукша гласной *a* въ началѣ, которая извѣстна лишь въ сложеніи этого глагола съ приставкою *at*, ср., напр., iszęit (18). Въ другихъ старыхъ литовскихъ текстахъ мы также находимъ ataiti при eiti, ср., напр., Bezzenberger, zur Gesch. d. lit. Spr., p. 55, словарь Ширвида. Въ современныхъ восточно-литовскихъ

[1]) Для каждой формы я дѣлаю ссылку на одно мѣсто Катихизиса.

говорахъ мы находимъ то же явленіе. Я думаю, что гласная *a* здѣсь во всякомъ случаѣ не изъ *e* въ отдѣльныхъ говорахъ: сложеніе получено изъ пралитовскаго яз., и, слѣдовательно, здѣсь уже не было того фонетическаго положенія, при которомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ *e* перешло въ *a*. Въ пралит. яз. при ataiti существовало и ateiti. Можно думать, что ataiti получилось здѣсь изъ ata-eiti.

Далѣе обращаютъ на себя вниманія глагольныя образованія со значеніемъ повелительной формы. Съ одной стороны, ты находимъ обычное образованіе этой формы, и не только въ глаголахъ тематическаго, но и частью въ глаголахъ стараго нетематическаго спряженія, Ataik (напр., 46), съ другой стороны мы находимъ образованія, имѣющія различное происхожденіе. Такія образованія, какъ atłaid' (47), wed (48), м. б. gelb (48) представляютъ старое образованіе повелит. формы тематическаго спряженія съ отпавшей гласной *e;* такія образованія, какъ tessi (5), dudi (44), dud' (48), węizdi (78), te dudis (124), Tegul' dudies (129) при tedudiś (131), представляютъ собою старыя образованія желательнаго по нетематическому спряженію; гласная *i* здѣсь такого же происхожденія какъ *i* въ основѣ praes. глаголовъ mylio, т.-е. изъ индо-евр. *i̯a*, которое по правилу проф. Фортунатова еще въ литовско-славянскомъ языкѣ, какъ и сочетаніе *i̯e*, поверглось извѣстному измѣненію, въ результатѣ котораго получилось въ общебалт. яз. *i̯i* (сочетаніе инд. *i̯a* обратилось здѣсь въ *i̯i*, откуда далѣе ī, ср., напр. gaidys). Въ ст.-сл. яз. съ лит. dudi тождественно ст.-сл. **даждь**; различіе между **даждь** и **дадите** и съ другой стороны между **даждь** и **ви** обусловлено различіемъ въ фонетическомъ положеніи. Конечная гласная въ образованіяхъ типа dudi въ пралит. яз. нефонетически подвижной подъ вліяніемъ образованій повел. формы темат. спряж. Образованіе типа sákai представляетъ образованіе желательнаго отъ основы тематическаго спряженія.

Въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. литовскаго желательнаго наклоненія мы находимъ гласную *-a* въ положеніи послѣ смягченной согласной, напр., apwerkczia (145), gałecze (145) и т. д.; въ сложеніи съ постпозиціей *-s(i)* мы находимъ, напр., gerêczios (145); *-o* мы находимъ иногда и внѣ этого сложенія, напр., paźinczio (167), gałeczio (109).

Что касается особенностей въ образованіи основъ глаголовъ, то слѣдуетъ отмѣтить образованія фактитивныхъ основъ съ суфф. пралит. *ja*, частью въ сочетаніи съ *d*. Сюда принадлежатъ, iźguldźes (13), iszmôke (65), môkia (46), slâpia (133), rôdźiu (135). Такія образованія господствуютъ и въ современныхъ восточно-литовскихъ говорахъ.

Въ заключеніе я попытаюсь опредѣлить положеніе говора Даукша въ кругу говоровъ восточно-литовскаго нарѣчія. Что говоръ Даукша

принадлежитъ къ числу говоровъ именно восточно-литовскихъ, въ томъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: самымъ характернымъ признакомъ, отличительной чертой этого нарѣчія является существованіе звука *ł* въ положеніи передъ пралитовскимъ *e* различнаго качества и количества.

Если мы будемъ двигаться на востокъ отъ границы, отдѣляющей область говоровъ средне-литовскихъ отъ области восточно-литовскаго нарѣчія (см. „Изв. II отд. Имп. Ак. Наукъ", 1896 г., стр. 469 сл.), то мы найдемъ, что средне-лит. дифт. сочет. *an, am*[1]) въ извѣстныхъ говорахъ восточно-лит. нарѣчія соотвѣтствуютъ диф. сочет. *ŏn, ŏm*, при дальнѣйшемъ движеніи на востокъ мы находимъ *un, um*. При движеніи съ юга на сѣверъ мы встрѣтимъ сначала восточно-литовскіе говоры, представляющіе тѣ же черты по отношенію къ явленіямъ конца слова, какъ и южные говоры средне-лит. нарѣчія, затѣмъ при дальнѣйшемъ движеніи на сѣверъ найдемъ говоры сѣверные, характеризуемые тѣми же чертами по отношенію къ явленіямъ конца слова, какъ и сѣверные говоры средне-литовскаго нарѣчія; вопросъ о существованіи среднихъ (по положенію) восточно-литовскихъ говоровъ аналогичныхъ среднимъ говорамъ средне-литовскаго нарѣчія остается открытымъ. По отношенію къ указаннымъ мною признакамъ говоръ Даукша является, слѣдовательно, говоромъ западнымъ и не сѣвернымъ. Терминъ „западный" я беру въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ граница между говорами, имѣющими *an, am*, и говорами, имѣющими *ŏn, ŏm* представляетъ собою не прямую линію съ сѣвера на югъ, а идетъ съ сѣвера на юго-востокъ (ср. виленскіе говоры, имѣющіе *an, am)*. Если мы захотимъ ближе опредѣлить географическое положеніе говора Даукша, то найдемъ, что онъ не можетъ принадлежать къ числу наиболѣе южныхъ говоровъ Виленской губерніи, имѣющихъ *an, am*, такъ какъ въ немъ неизвѣстно измѣненіе *t'* въ *ć*, *d'* въ *dź* (и старыхъ *cż* и *dż* въ *ć* и *dź)*, то же примѣняется и къ южнымъ говорамъ Сувалкской губерніи, имѣющимъ ту же звуковую черту. Слѣдовательно, говоръ Даукша долженъ лежать въ одной изъ мѣстностей области, въ составъ которой входятъ юго-восточный край Ковенскаго уѣзда (не западнѣе р. Невяжи), край юго-западной части Виленской губерніи отъ р. Виліи и прилегающая часть Сувалкской губерніи.

---

[1]) Для краткости изъ цѣлаго ряда параллельныхъ звуковыхъ явленій я беру лишь соотвѣтствіе ср. лит. дифт. сочет. *an, am* извѣстнымъ восточно-лит. дифт. сочетаніямъ.

КЪ ТОЛКОВАНІЮ ВИРГИЛІЯ И ОВИДІЯ.

(Virg. *Aen.* I 52—63, Ovid. *Metam.* VI 224—266).

А. В. Адольфа.

Предлагаемый комментарій къ двумъ небольшимъ отрывкамъ изъ Виргилія и Овидія представляетъ попытку иллюстрировать поэтическое творчество этихъ корифеевъ римской поэзіи съ наиболѣе характерной для каждаго изъ нихъ стороны. Сила и мощь образовъ, ярко выступающіе часто въ красивыхъ антитезахъ, глубина поэтическаго замысла и вполнѣ гармонирующая съ содержаніемъ поэтическая форма, въ которой каждая черта имѣетъ свое особое, часто символическое значеніе, у Виргилія, законченность и пластическая выпуклость образовъ у Овидія — вотъ тѣ характерныя черты обоихъ поэтовъ, раскрытіе которыхъ составляетъ благодарную задачу для ихъ комментатора. И авторъ нижеслѣдующаго комментарія сочтетъ свою задачу исполненной, если ему удастся наглядно представить эти черты въ малой частицѣ ихъ поэтическаго творчества и такимъ образомъ дать понять все богатство цѣлаго.

Virg. *Aeneid.* I 52—63.

Непримиримая Юнона, видя, что ненавистные ей троянцы уже на срединѣ пути къ обѣтованной землѣ, рѣшается сразу покончить съ ихъ надеждами основать тамъ великое царство. У нея является мысль потопить весь флотъ Энея въ морѣ и, сама не имѣя въ рукахъ необходимыхъ для этого средствъ, отправляется къ Эолу просить содѣйствія. И вотъ она приходитъ въ Эолію:

Hic vasto rex Aeolus antro
Luctantes ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit ac vinclis et carcere frenat.
Illi indignantes magno cum murmure montis
Circum claustra fremunt; celsa sedet Aeolus arce
Sceptra tenens mollitque animos et temperat iras.

Ni faciat, maria ac terras caelumque profundum
Quippe ferant rapidi secum verrantque per auras,
Sed pater omnipotens speluncis abdidit atris
Hoc metuens molemque et montes insuper altos
Imposuit regemque dedit, qui foedere certo
Et premere et laxas sciret dare iussus habenas.

Уже въ первыхъ словахъ поэтъ даетъ понятіе о необычномъ видѣ Эоловыхъ владѣній: первое впечатлѣніе чего-то, давящаго своей протяженностью, мысль о властвующемъ Эолѣ и чувство священнаго трепета, вызываемое видомъ пещеры, мѣстопребыванія божества — это то настроеніе, которое поэтъ хочетъ вызвать у слушателя (или читателя), чтобы подготовить его къ детальному созерцанію набрасываемой дальше картины могущества божественнаго разума надъ разрушительными силами природы.

Съ самаго же начала Эолъ выступаетъ какъ rex, единоличный правитель своихъ подданныхъ, но для точнаго представленія объ немъ этого мало: нужно знать его подданныхъ и характеръ примѣняемой къ нимъ власти. Поэтъ идетъ навстрѣчу этому требованію и въ двухъ слѣдующихъ антитезахъ обрисовываетъ обѣ стороны: неспокойную, бурную природу вѣтровъ и суровую, спокойную власть ихъ правителя. Ярко представлены вѣтры въ первой антитезѣ: venti tempestatesque — hendiadys, дающій соединенное представленіе о вѣтрахъ, поскольку дѣятельность ихъ воспринимается нашимъ зрѣніемъ и слухомъ — luctantes venti борьбу свою проявляютъ въ видимомъ движеніи затрогиваемыхъ ими деревьевъ и другихъ приводимыхъ ими въ движеніе предметовъ, tempestates sonorae чувствуются по ихъ шуму, свисту и завыванію, проявленіямъ, рисуемымъ здѣсь обиліемъ шипящей согласной s. Такова-то природа вѣтровъ, стремящаяся къ нарушенію порядка и покоя, и, конечно, она не покидаетъ ихъ и въ заключеніи, но выйти изъ границъ, насильственно ей положенныхъ, не позволяетъ сильная власть Эола. Въ стихѣ, рисующемъ эту власть, главное удареніе лежитъ, конечно, па глаголахъ premit и frenat, помѣщенныхъ передъ главными паузами и вызывающихъ въ воображеніи энергическій образъ всадника, укрощающаго коня, — образъ, въ которомъ наглядно выступаетъ торжество воли разумнаго существа надъ неосмысленной физической силой. Пріемы всадника перенесены здѣсь на Эола: какъ всадникъ чувствительнымъ нажиманіемъ шпоръ вводитъ въ должные предѣлы волю непокорнаго животнаго и уздою даетъ желательное для него направленіе этой волѣ, такъ и Эолъ дѣйствуетъ съ вѣтрами, давая имъ чувствовать свою власть и направляя ихъ къ покорности крутыми мѣрами. Подавляющая сила Эоловой власти рисуется

и музыкальными (imperio premit... carcere frenat) и ритмическими средствами: сильная діэреза придаетъ рѣшительность словамъ imperio premit, два дактиля которыхъ, легко и быстро произносимые, составляютъ рѣзкую антитезу съ рядомъ спондеевъ, изображавшихъ упрямый, трудно поддающійся воздѣйствію нравъ вѣтровъ.

Но чѣмъ рѣшительнѣе и деспотичнѣе сила подавляющая, тѣмъ болѣе напрашивается мысль о противодѣйствіи со стороны подавляемыхъ силъ, особенно безпокойныхъ по своей природѣ: не могутъ же вѣтры, немыслимые безъ движенія и шума, отказаться отъ своей природы - они могутъ лишь подавить свои порывы до новаго бурнаго взрыва. Такими именно выступаютъ вѣтры во второй антитезѣ: подавленный ихъ ропотъ, гуломъ раздающійся въ горѣ, и неистовая бѣготня озлобленныхъ демоновъ у рѣшетки своей темницы, въ ожиданіи минуты, когда ее откроютъ, — вотъ отвѣтъ на насиліе надъ ними Эола. Слова, рисующія это: illi indignantes... circum claustra fremunt, находятся въ хіастическомъ соотвѣтствіи со словами, изображавшими ихъ природу (luctantes... sonoras); тамъ отмѣчались движеніе и шумъ, здѣсь шумъ и движеніе — природа осталась та же, только ея проявленіямъ положенъ извѣстный предѣлъ; а медленность спондеевъ и рядъ носовыхъ согласныхъ съ гласными *о* и *u*, смѣняющихся энергичными звуками, пріостанавливаемыми цезурой, даютъ музыкальную картину глухого ропота, переходящаго порой къ бурному взрыву негодованія, безпомощному выраженію неукротимой природы. Рѣзкой противоположностью къ шумному поведенію вѣтровъ изображено поведеніе Эола; онъ покоенъ и невозмутимъ въ сознаніи своей силы. Такой же противоположностью звучитъ и тонъ словъ: celsa... iras, мягкій и спокойный послѣ оборваннаго бурнаго начала стиха: circum claustra fremunt. Еще яснѣе контрастъ выступаетъ въ отдѣльныхъ чертахъ поведенія Эола: сила противоположенія лежитъ въ словахъ celsa (arce) sedet, безъ всякаго союза начинающихъ предложеніе; прилагательное, за которымъ не сейчасъ же слѣдуетъ его существительное, должно вызвать самостоятельное, хотя и неопредѣленное (и неопредѣленность здѣсь очень умѣстна) представленіе о какомъ-то высокомъ пунктѣ, гдѣ-то вдали отъ вѣтровъ — Эолъ не считаетъ нужнымъ быть тутъ же съ буйными вѣтрами: его власть сильна и издали; глаголъ sedet — контрастъ къ circum claustra fremunt — рисуетъ его спокойную фигуру, царственное величіе которой характеризовано аттрибутомъ власти, находящимся въ его рукѣ, а его функціи здѣсь выражены глаголами mollit и temperat, обозначающими спокойное, но твердое воздѣйствіе на управляемыя имъ существа. Эолъ спокоенъ на своемъ престолѣ: celsa sedet Aeolus arce sceptra tenens, но этотъ покой есть сознаніе силы, проявляющейся въ рѣшительныхъ актахъ: mollit animos et temperat iras, конечно, когда вѣтры въ темницѣ, но еще больше, когда они на волѣ.

Благодѣтельность столь сильной власти и ея разумность особенно понятны, если представить себѣ вѣтры на волѣ, какими они рисуются въ третьей антитезѣ. Стихійный и разрушительный характеръ ихъ изображенъ поэтомъ грандіозными чертами, усиливающимъ впечатлѣніе музыкальными элементами стиха, рисующаго картину разрушенія мірозданія: оба предѣла міра — нижній, земля (maria ac terras — одинъ комплексъ; онъ и заключенъ между цезурами), и верхній, далекое небо, казалось бы незыблемо утвержденные на своихъ мѣстахъ, если бы вѣтрамъ дана была воля, были бы унесены ихъ порывами и разметены по воздуху. Но это было бы нарушеніемъ мірового порядка, и дозволить это не можетъ верховный его блюститель, для котораго ничего не стоило — онъ вѣдь pater omnipotens — поставить эти разрушительныя силы внѣ возможности нарушать міровой порядокъ: онъ изгналъ ихъ изъ среды созидающихъ силъ природы и заключилъ въ нѣдра горы, лишивъ свободы и поставивъ подъ суровое начало даннаго имъ царя. Такія мѣры вполнѣ соотвѣтствуютъ его всемогуществу и заботливости о цѣлости вселенной: детальное перечисленіе этихъ мѣръ (speluncis abdidit atris... molemque et montes insuper altos imposuit regemque dedit), сочиненіе глаголовъ вмѣсто требуемаго логикой подчиненія двухъ послѣднихъ первому, выразительная постановка послѣднихъ двухъ передъ цезурами, усиленіе характерными опредѣленіями существительныхъ: speluncis, montes (molem, второстепенный членъ hendiadys'а, можно разсматривать какъ опредѣленіе къ montes) и regem — все это средства поэтическаго изображенія, объединенныя одной цѣлью — выразить настойчивость, силу и предусмотрительность всемогущаго отца.

Слова, оканчивающія разбираемый отрывокъ: qui foedere certo etc., хотя грамматически подчинены предыдущему, но по смыслу даютъ нѣчто самостоятельное; они снова воспроизводятъ въ воображеніи читателя образъ царя Эола и такимъ образомъ ставятъ конецъ отрывка въ связь съ его началомъ; общее представленіе о власти Эола, данное въ самомъ началѣ, здѣсь, какъ бы въ видѣ итога, разъясняется въ своихъ существенныхъ чертахъ: какъ онъ ни властенъ надъ вѣтрами, все же онъ — вассалъ Юпитера, обязанный исполнять волю верховнаго бога.

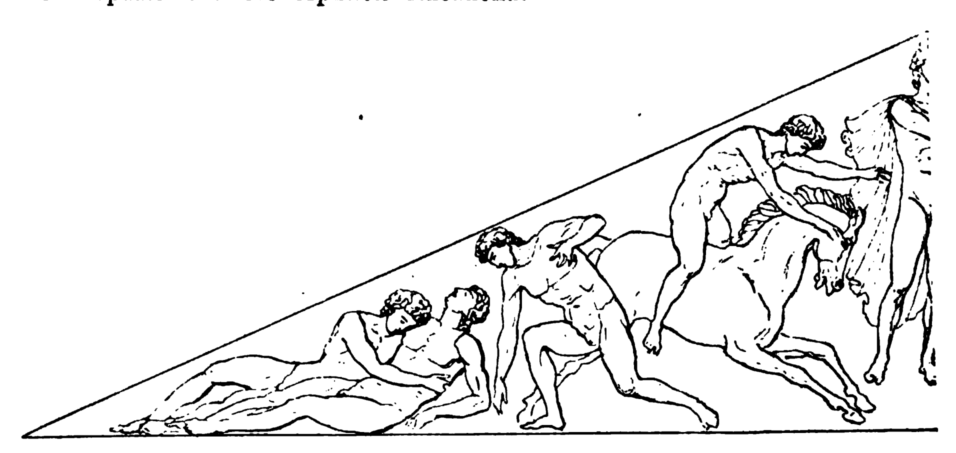
Ovid. *Metam.* VI 224—266.

Кара разгнѣваннаго Аполлона настигаетъ сыновей Ніобы въ то время, когда они на полянѣ близъ Ѳивъ беззаботно занимаются различными упражненіями.

E quibus Ismenos, qui matri sarcina quondam
Prima suae fuerat, dum certum flectit in orbem
Quadrupedis cursus, spumantiaque ora coercet,
„Ei mihi!“ conclamat, medioque in pectore fixa
Tela gerit, frenisque manu moriente remissis
In latus a dextro paulatim defluit armo.
Proximus, audito sonitu per inane pharetrae,
Frena dabat Sipylus: veluti cum praescius imbris
Nube fugit visa, pendentiaque undique rector
Carbasa deducit, ne qua levis effluat aura.
Frena dabat. Dantem non evitabile telum
Consequitur, summaque tremens cervice sagitta
Haesit, et exstabat nudum de gutture ferrum.
Ille, ut erat, pronus per colla admissa iubasque
Volvitur, et calido tellurem sanguine foedat.
Phaedimus infelix et aviti nominis heres
Tantalus, ut solito finem imposuere labori,
Transierant ad opus nitidae iuvenale palaestrae;
Et iam contulerant arto luctantia nexu
Pectora pectoribus, cum tento concita nervo,
Sicut erant iuncti, traiecit utrumque sagitta.
Ingemuere simul, simul incurvata dolore
Membra solo posuere, simul suprema iacentes
Lumina versarunt, animam simul exhalarunt.
Aspicit Alphenor, laniataque pectora plangens
Advolat, ut gelidos complexibus allevet artus,
Inque pio cadit officio; nam Delius illi
Intima fatifero rupit praecordia ferro.
Quod simul eductum, pars est pulmonis in hamis
Eruta, cumque anima cruor est effusus in auras.
At non intonsum simplex Damasichthona vulnus
Afficit. Ictus erat, qua crus esse incipit, et qua
Mollia nervosus facit internodia poples.

Dumque manu temptat trahere exitiabile telum,
Altera per iugulum pennis tenus acta sagitta est.
Expulit hanc sanguis, seque eiaculatus in altum
Emicat, et longe terebrata prosilit aura.
Ultimus Ilioneus non profectura precando
Bracchia sustulerat, „Di“ que „o communiter omnes“,
Dixerat, ignarus non omnes esse rogandos,
„Parcite!“ Motus erat, cum iam revocabile telum
Non fuit, arcitenens. Minimo tamen occidit ille
Vulnere, non alte percusso corde sagitta.

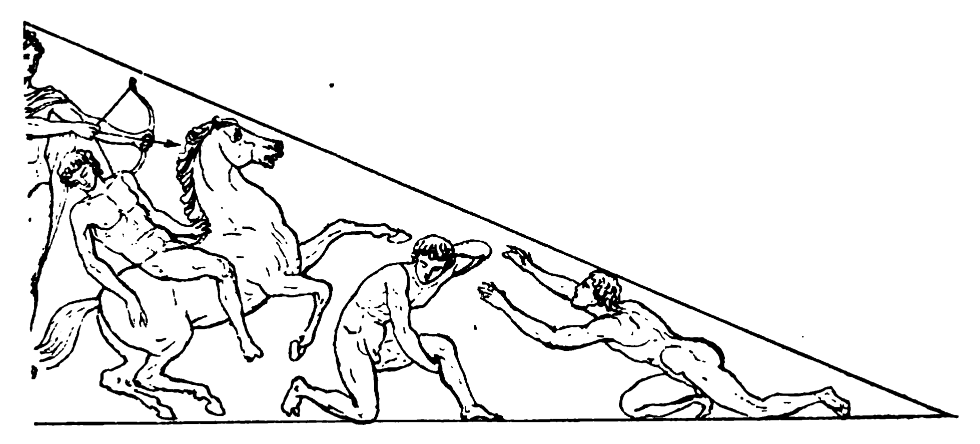
Въ этомъ необыкновенно живомъ описаніи трагической гибели сыновей Ніобы отъ невидимыхъ стрѣлъ Аполлона Овидій, чтобы внести движеніе въ рисуемую имъ картину, очевидно старается соблюсти разнообразіе позъ, въ которыхъ гибнутъ несчастные юноши. Съ перваго взгляда даже кажется, будто въ этой картинѣ смятенія царствуетъ вполнѣ умѣстный въ данномъ случаѣ безпорядокъ. Но если мы вглядимся поближе, то погибающіе братья образуютъ законченную гармоническую группу, отдѣльнымъ фигурамъ которой не случайно придана та или другая поза. Посмотримъ же, въ какой позѣ изображаетъ поэтъ фигуру каждаго изъ братьевъ въ моментъ, непосредственно слѣдующій за пораженіемъ его стрѣлою Аполлона.

Первыя двѣ фигуры, Исмена и Сипила, — конныя; конь перваго, осаживаясь, поднимается на дыбы, и умирающій всадникъ валится на бокъ, выпуская возжи изъ ослабѣвающихъ рукъ; конь второго скачетъ во весь опоръ и злополучный всадникъ валится наземь черезъ его голову какъ разъ въ тотъ моментъ, когда конь его въ скачкѣ касается земли передними ногами и нагибаетъ голову. Это — двѣ высокія фигуры: въ первой голова лошади выше головы всадника, во второй — наоборотъ.

За ними слѣдуютъ Федимъ и Танталъ, соединенные пронзившей ихъ стрѣлой въ одну двойную фигуру: они, обнявшись, лежатъ на землѣ; далѣе — Альфеноръ, гибнущій въ то самое время, когда, нагибаясь надъ умирающими братьями, простираетъ къ нимъ руки, чтобы обнять ихъ. Такую же нагнувшуюся фигуру представляетъ собою и Дамасихѳонъ, вынимающій стрѣлу изъ подколѣнка. Наконецъ, Иліонея можно представить себѣ въ видѣ низкой фигуры, на колѣняхъ простирающей руки къ невидимому божеству съ мольбою о пощадѣ.

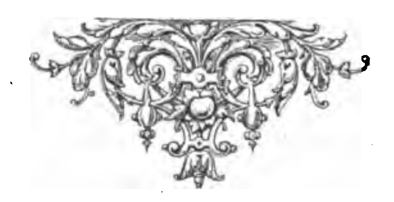
Такимъ образомъ Овидій даетъ намъ шесть фигуръ: двѣ высокія, двѣ среднія, нагнувшіяся, и двѣ низкія, вытянутыя. Сама собою напрашивается мысль, не представляетъ ли себѣ поэтъ ихъ группировки въ родѣ той, въ какой располагаются фигуры на фронтонныхъ группахъ, — на площади растянутаго равнобедреннаго треугольника. И эта мысль представляется весьма вѣроятной, если принять во вниманіе, что, кромѣ шести фигуръ убиваемыхъ сыновей Ніобы, въ картинѣ, набрасываемой Овидіемъ, воображенію должна рисоваться еще одна, центральная фигура — это фигура разящаго стрѣлами Аполлона. Данныя семь фигуръ дѣйствительно могутъ быть расположены такъ, что группа ихъ будетъ удовлетворять законамъ фронтонной композиціи. Прилагаемый, далеко не совершенный, набросокъ представляетъ попытку воспроизведенія подобной группировки. Въ ней мы имѣемъ прежде всего требуемую фронтонной композиціей сильную концентрацію вполнѣ законченнаго и замк-

нутаго въ себѣ дѣйствія и затѣмъ полную, даже весьма строгую, симметрію правой и лѣвой половинъ. При этомъ уменьшеніе высоты фигуръ отъ центра къ угламъ обусловлено идущимъ въ томъ же направленіи уменьшеніемъ жизненной энергіи изображаемыхъ лицъ: въ двухъ конныхъ фигурахъ жизненная энергія хотя покидаетъ всадниковъ, но, доведенная до сильнаго напряженія въ коняхъ, она въ итогѣ еще даетъ зрителю представленіе о силѣ довольно активной, которая въ двухъ

среднихъ фигурахъ замѣтно слабѣетъ и совершенно исчезаетъ въ угловыхъ, въ которыхъ физической смерти Федима и Тантала соотвѣтствуетъ духовная смерть Иліонея, со страхомъ молящаго о пощадѣ. Отмѣчу здѣсь же чрезвычайно удачную въ художественномъ отношеніи (и особенно для предполагаемой фронтонной композиціи) мысль поэта ввести двѣ конныя фигуры: безъ коней картина смерти убиваемыхъ юношей вышла бы однообразной и вялой, представленная же въ фигурахъ коней жизнь въ моментъ особенно энергичнаго ея подъема вторгается лучомъ въ эту картину смерти; въ то же время она, вводя контрастъ, усиливаетъ и оживляетъ картину паническаго смятенія. Отмѣчу также и то обстоятельство, что описаніе Овидія согласно съ принципомъ экономіи мѣста, столь важнымъ въ фронтонныхъ композиціяхъ.

Итакъ, для меня почти нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Овидій въ отмѣчаемомъ мѣстѣ даетъ описаніе фронтонной группы, изображавшей гибель Ніобидовъ. Но разумѣется, я не думаю утверждать, что поэтъ описываетъ дѣйствительно существовавшую группу. Если бы онъ задумалъ, при описаніи несчастія, обрушившагося на Ніобу, слѣдовать какому-нибудь пластическому его изображенію, онъ бы могъ описать извѣстную нынѣ флорентинскую группу, которую онъ, конечно въ полномъ составѣ фигуръ, не разъ видѣлъ въ Римѣ въ храмѣ Аполлона Созіанскаго. Но, кромѣ фигуры Ніобы, прикрывающей свою дочь, описаніе Овидія не имѣетъ ничего общаго съ упомянутой группой Овидій дѣйствительно описалъ группу, но группу, существовавшую только въ его воображеніи. Фантазія поэта, стремясь къ пластическому созерцанію и рисуя себѣ сцену гибели цѣлой группы лицъ, работала не безпорядочно, а ставила фигуры въ связь въ той группировкѣ, какая была привычна глазу поэта, воспитаннаго на произведеніяхъ греческаго пластическаго искусства.

M 14